

С.О. ШМИДТ

**ПЯТЬ
ИСТОРИКА**

**ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ
ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ
И ИСТОРИОГРАФИИ**

Р Г Г У

С.О. Шмидт ПУТЬ ИСТОРИКА

Избранные труды
по источниковедению
и историографии

Российский
государственный гуманитарный
университет

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

С. О. ШМИДТ

ПУТЬ ИСТОРИКА

Избранные
труды
по источниковедению
и историографии

Москва 1997

ББК 63.2
Ш 73

Издание осуществлено
при финансовой поддержке
Российского гуманитарного
научного фонда (РГНФ)

проект 97-01-16176

ISBN 5-7281-0046-5

© Шмидт С.О., 1997
© Российский государственный
гуманитарный университет, 1997.

Это книга сочинений разных лет, обращенных к разной аудитории — от исследований, предназначенных для специального издания или тезисов научного доклада до выступления перед широкой публикой на юбилейном заседании и газетного интервью. Когда накануне семидесятилетия составляли списки моих трудов, ученики стали убеждать в целесообразности обобщить в книге (или в книгах) нашедшее отражение в статьях и устных выступлениях. Однако сейчас не остается уже времени для работы, требующей создания сложной (а подчас и новой) строительной конструкции и достижения стилистического единообразия, — стилистика дискуссионного полемического жанра далека от стилистики статьи-некролога, да еще с элементами личных воспоминаний об ушедшем. К тому же по прошествии лет стал о многом думать иначе и по-другому формулировать свои мысли; изменились и круг знаний, и спектр ассоциаций. «Бегут, меняясь, наши лета, меняя все, меняя нас», — мудро заметил Пушкин еще на четвертом десятке своей жизни. Но имеющиеся силы склонен по-прежнему отдавать новой, а тем самым более привлекательной проблематике.

Не приучил себя и к длительному сосредоточению на занятиях в сфере одной жестко ограниченной (темой, хронологическими рамками, формой изложения) проблематики, предпочитая жанры малых форм (статью, доклад, комментарий). В то же время знакомство с упомянутыми перечнями трудов обнаруживает несомненную взаимосвязь — в широком контексте осмысления исторического процесса и явлений современной общественной жизни — усиленного интереса в тот или иной период к определенным историческим сюжетам и к определенной методике изучения прошлого. И заметно, что исследованию государственно-политической и социокультурной истории России времени Ивана Грозного помога-

* См.: Археографический ежегодник за 1992 год. М., 1994. С. 281—307; Мир источниковедения. М., Пенза, 1994. С. 366—373.

ла подготовка трудов об общественно-политической мысли России нового времени или о развитии российской историографии; общее и особенное в отечественной истории сравнительно со всемирной, отличительные линии ее представляются более объяснимыми при подходе одновременно с ближнего и с дальнего отрезков исторического пути, а общетеоретические построения источниковеда легче проверялись и четче ощущались применительно к источникам разных эпох и разных видов.

Опыт ознакомления с прошлым исторической науки, с данными о воздействии сотворенного историком на читателя и слушателя убеждает в том, что не одни книги следует признавать показателями уровня научных знаний и их общественного звучания. Напротив, случается так, что оформление нескольких статей в «монографию» становится тормозом в движении мысли ее автора, застревающего на ограниченном пространстве однажды избранного поля обозрения прошлого. Место ученого в науке и общественной жизни определяется не количеством печатных листов изданных им работ (тем более схожей тематики), а новизной и основательностью осмысленного впервые — тем, что остается не только в библиографии, но и в историографии.

И потому автор решился готовить к печати сборники избранных трудов прежних лет, объединенных по проблемно-тематическому признаку, отобрав для нынешнего читателя то, что остается в основе своей верным и сегодня, что может оказаться небесполезным и при дальнейшем изучении таких проблем, и для понимания хода исторической мысли России второй половины нашего столетия. Книгам соответственно даны названия, достаточно четко определяющие их содержание: «Россия Ивана Грозного», «Археография. Архивоведение. Памятниковедение». У этой книги более усложненный заголовок — «Путь историка: избранные труды по источниковедению и историографии».

Название книги многое должно пояснить. Книга отражает движение поисковой мысли историка, накопление им опыта исследователя и популяризатора знаний. А это отнюдь не только достижения, но и ошибки. Здесь немало и предположений, формулировок, нуждающихся в дополнительном обосновании, проверке на прочность, и, естественно, повторов.

Автор возростал в атмосфере городской научной культуры и традиционного для российской интеллигенции представления о долге общественного служения. А рядом — сопутствовала более 65 лет — няня, воплощение корневой нравственной мудрости. Не владея арсеналом научной терминологии и инструментарием исследовательской техники, она тем не менее всем своим мироощущением демонстрировала нерасторжимость синтеза и анализа. Необычайно приметливая и памятливая, она по самым разным приметам выявляла и осмысливала общее и особенное. И мог рано убедиться в том, что в основе всех наших наблюдений и выводов, так же, как и всех футурологических построений — опыт сопоставления прошлого и настоящего, своего и несвоего, т. е. «исторический» опыт и ассоциации. Вовлеченность родных и близких в «исторические» события, «исторические лица» в семейных преданиях и возможность с

ранних лет лицедреть их, притягивая к занятиям историей, в то же время позволяли разглядеть в «исторически» значимом черты обыденного.

А когда утвердился в желании стать историком (на рубеже девятого и десятого классов), начал осознавать позднее прочитанное в формулировке Грановского, еще середины прошедшего века: «Можно без преувеличения сказать, что нет науки, которая не входила бы своими результатами в состав истории, имеющей назначение передать все видоизменения и влияния, каким подвергалась земная жизнь человечества». Рано ощутил и то, что источником исторических знаний является не только собираемое в библиотеках, музеях, архивах (архивы поставлены на последнее место потому, что в ту пору в архивах не занимался, не был знаком даже с путеводителями), а все, могущее источать информацию, полезную для историка (хотя такую формулировку оказался способным обосновать, лишь став профессионалом исторической науки и преподавания).

И выявление, истолкование, использование исторических источников определились как излюбленное поприще всех моих дальнейших занятий — разнотемных, разноплановых, рассчитанных на восприятие разной аудитории. Опытная лаборатория источниковедческого наблюдения и исследования показала заманчивой прежде, чем узнал об источниковедческой терминологии, тем более раньше, чем увлекся размышлениями в области теоретического источниковедения. Особенно привлекательным казалась выявить не сам исторический факт (кто? что? когда? где? каким образом совершил? что и как изменялось?), а то, на основании чего можно это установить, достоверны, полны ли эти сведения, к каким приемам следует прибегать для приближения к исторической истине.

Эту увлеченную заинтересованность стремился передать затем моим слушателям и читателям. Студенческий научный кружок, которым руковожу в Московском историко-архивном институте с 1949/1950 учеб. г., при всей многосторонности тематики его занятий, справедливо называется кружком источниковедения; и ветераны его не случайно дали наименование «Мир источниковедения» сборнику их статей, подготовленному к юбилею научного руководителя и изданному в 1994 г. в Пензе под грифом Российского государственного гуманитарного университета.

Такая источниковедческая направленность мысли, вероятно, объяснялась не только индивидуальными склонностями и способностями, но и особенностями развития науки и общественно-политической ситуации в стране. Исторические знания, как известно, воспринимались первоначально как обучающие: использование опыта прошлого в настоящем («история — учительница жизни, *magistra vitae*»). Отсюда — и представление о воспитании историей. А воспитание всегда воздействие и на разум, и на чувство; не случайно олицетворением и познания прошлого, и его восприятия, покровительницей «истории» в античные времена мыслилась одна из муз — Клио. Утверждение общественного статуса собственно научного знания как бы освобождало науку «истории» от обязательств этой ее нагрузки, так привлекавшей общественность, столь обогащавшей художественную литературу и искусство. Как и другие науки, она сделалась

в значительной мере наукой для науки же и дальнейшего возможного прикладного применения. Причем в меньшей степени, чем другие науки, так как закономерности истории недостаточно точны и повторяемы, с трудом проверяются опытным способом. Кроме того, наука истории с большей открытостью обнаруживает свою зависимость от социополитических обстоятельств, опускаясь иногда до роли «служанки политики», приложения к официальной идеологии.

Это тоже вызывало у совестливых историков особое притяжение к источниковедению, к изучению правил выявления исторических сведений и обращения с историческими источниками, к исследовательской технологии, к комплексу общественно относительно нейтральных научных дисциплин, которые называют специальными или вспомогательными. Тем более, что «с изучения источника начинается всякая серьезная историческая работа». Это утверждение моего главного университетского учителя академика М.Н. Тихомирова, слова из предисловия к первой книге основанного им Археографического ежегодника (за 1957 год), ответственным редактором которого я являюсь уже более 25 лет. А великий наш современник академик Д.С. Лихачев в статье со знаменательным заголовком «История — мать истины» сформулировал: «Красота научной работы состоит главным образом в красоте исследовательских приемов и scrupulousности научной методики». Имело значение и то, что овладение «ремеслом историка» (*métier d'historien*), по Марку Блоку) обеспечивало и некоторую независимость положения в научной среде и оберегало от занятий тематикой откровенно конъюнктурной.

Наблюдая с детства вблизи людей науки, рано понял, как они ограничивают себя в написанном для печати — и в то же время, как отражаются в написанном и они сами, и наш век, и их положение в этом «веке», и отношение к окружающему. Потом только узнал, что мудрый наш историограф Н.М. Карамзин верно заметил еще в молодые годы: «Творец всегда изображается в творении, и часто против своей воли». Понял и то, как ищут сродника по мысли, собеседника, как диалогично зачастую написанное, как учитывают разнообразие нюансов эзопова языка и меру овладения им воспринимающего.

«Времена не выбирают, в них живут и умирают», — сказал поэт-современник (А. Кушнер). И это предопределило и тематику и методику моих печатных трудов и устных выступлений. Писать «в стол» не намерен был. Но избирал для занятий прежде всего такие исторические проблемы, которые можно было попытаться изучать в тех условиях, докапываясь до истины, не ограничиваясь остановкой на полпути, и допускать возможность относительного разномыслия. Потому многих сюжетов, ставших позднее близкими, первоначально избегал в печатных трудах — до «оттепели» не выступал с такими статьями.

Но крепил мастерство историка-источниковеда. Овладевал и искусством обращения к сочинениям классиков марксизма для проведения новой, «своей», мысли или даже сталкивания лбами «классиков», чего опасались и старались не замечать. Цитаты из таких сочинений тогда оборо-

няли, позволяли прикрыть самостоятельность непривычных суждений и внедрить их в сознание читателя. Тем самым изучение литературного наследия классиков марксизма становилось в ту пору школой формирования собственной мысли и приемов ее утверждения.

Особенно заманчивыми показались со второй половины 1950-х годов темы историографии — развитие исторической мысли и исследовательской методики, распространение исторических знаний, определение места их в общественной жизни. При этом не ограничивался рассмотрением взаимосвязей с общественно-политическим сознанием и государственной реальностью, привлекали внимание и характерные для той или иной эпохи особенности научного мышления, отличительные черты творческого индивидуума (унаследованное им, самостоятельно развитое, приемы опознавания исторических объектов и фиксирования такого знания, способы передачи их другим — все особо показательное для «творческого почерка»). Под таким углом подходил и к сочинениям классиков марксизма, пытаясь определить самый ход их мысли, уровень имевшейся у них информации, приемы выражения взглядов и намерений, различия в том, что писали в расчете на определенную аудиторию и для самих себя. Постепенно это вылилось в представление об особой отрасли исследований — источниковедении историографии.

На всех статьях этого сборника метка времени. Теперь очевидно, какими по меньшей мере странными кажутся терминологические клише некоторых ранних работ, вроде — «неправильные взгляды, свойственные дореволюционным ученым», или высокопарные эпитеты при упоминании классиков марксизма, даже партийных решений. Но это — документы эпохи. И изображать себя тех лет таким, каким позднее стал, тоже не намерен. «Еже писах, писах» — полагаю более достойным придерживаться этой древней мудрости.

В текст заново публикуемых трудов не внесено никаких изменений (дополнения даны в квадратных скобках). Повторения имеются лишь в научном аппарате, приведенном в соответствие с современными требованиями его оформления; при этом оставлены ссылки на цитируемые тогда издания и в тех случаях, когда позже выходили новые, оставлены и прежние названия хранилищ.

Публикуемые труды написаны в разное время — с начала 1960-х годов. Это, действительно, путь историка на протяжении более чем 30 лет. Статьи расположены в разделах книги в хронологической последовательности, в зависимости от времени их написания. Если поздняя статья включает и развивает существенные положения прежних работ, то публикуется последняя по времени напечатания, хотя более ранние могли быть и в большей степени отмечены в период их появления: так было с большой статьей 1965 г. «О методике выявления и изучения материалов по истории советской исторической науки» и с дискуссионными статьями 1960—1970-х годов по историографии и источниковедению. Но наиболее существенные положения о предмете историографии и приемах выявления и изучения историографических источников нашли отражение в статье

1994—1995 гг. «Архивный документ как историографический источник», где имеются ссылки на те статьи. И потому ограничился включением в книгу недавней статьи.

С 1949 г. автор творчески связан с Московским историко-архивным институтом, на основе которого впоследствии был образован первый в нашей стране Гуманитарный университет, возглавляемый академиком Ю.Н. Афанасьевым. Связь с учениками (а некоторые из них теперь мои коллеги — преподаватели родного им вуза) осталась такой же тесной и после перехода на основную работу в Академию наук. Труды выпускников и студентов Историко-архивного института постоянно печатаются в «Археографическом ежегоднике», они — постоянные участники конференций, организуемых возглавляемыми мною Археографической комиссией Академии наук и Союзом краеведов России. Положения большинства помещенных в книге статей, доходчивость их терминологии поверял в среде учеников и младших коллег. Так же как и опыт жизненных наблюдений, которым — быть может, даже и неосознанно — руководствовался и в своей практической работе педагога и исследователя.

Книга не была бы подготовлена без помощи моих учеников и содействия руководителей Российского государственного гуманитарного университета, без благожелательности сотрудников его издательства. Всем им глубокая признательность.

*Сигурд Шмидт
май 1996 г.*

**ПРОБЛЕМЫ
МЕТОДОЛОГИИ
И МЕТОДИКИ**

Ч А С Т Ь П Е Р В А Я

О РАЗРАБОТКЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ВОПРОСОВ ИСТОРИИ *

Большим достоинством доклада П.Н. Федосеева и Ю.П. Францева является то, что он побуждает к самостоятельным размышлениям. Многоплановость этого интересного и очень своевременного доклада и сама широта постановки вопросов обусловили и многообразие тематики, затронутой в прениях. Постараюсь, однако, остановиться лишь на тех положениях доклада, которые еще недостаточно привлекли внимание участников обсуждения.

В докладе говорится, что читатель требует от книги по истории большой темы и большой мысли и что «едва ли правильно отделить высокой стеной исследовательскую работу по истории от научно-популярной исторической литературы». По существу, здесь вновь поставлена волнующая всех историков тема «Историк и читатель». Общественное значение исторической науки, уровень ее развития определяются не только числом историков и исторических сочинений, но и числом их читателей; не только накоплением объективных исторических знаний, но и интересом общества к восприятию этих знаний. Между тем работы историков-специалистов зачастую не доходят до читателя, прежде всего до так называемого широкого читателя; не доходят потому, что написаны они *неинтересно*. А это значит, что степень общественного воздействия нашей продукции, т. е. то, что в значительной мере определяет коэффициент полезного действия работы историка, оказывается меньше, чем предполагалось, хотя бы согласно издательским планам.

Чем это объясняется? Здесь, думается, несколько причин. Во-первых, иногда обходятся, так сказать, острые темы, нет «живой истории» (об этом уже говорил В.Г. Трухановский), в частности, мало изданий по политической истории, а также книг по бытовой истории, по истории культуры, т. е. по тематике, особенно интересующей читателя.

Имеет значение и то обстоятельство, что популярные работы в области истории редко пишут крупные исследователи. К читателю поступает немало компилятивных сочинений, в которых не только основные положения, но даже и фактические примеры взяты из вторых рук. В научной среде еще бытует иногда заблуждение, будто научно-популярная литература — это литература второго сорта, что писать популярно — значит писать примитивно. Зачастую подобными рассуждениями прикрывают неспособность писать доходчиво. В нашем обществе очень велика тяга к историческим знаниям, и тем более обидно, что наши ведущие ученые слишком редко выступают перед широкой аудиторией. А о том, какой живой интерес вызывают такие выступления, свидетельствует, например, исключительный успех недавних газетных и журнальных статей темам отечественной истории периода феодализма.

Следовало бы возродить традиции 1920-х годов, ленинские традиции, когда виднейшие историки и партийные публицисты много выступали перед широкой массой слушателей и читателей. Здесь историки могли

* Опубликовано в кн.: История и социология. М., 1964. С. 284—296. Переработанный текст выступления по докладу П.Н. Федосеева и Ю.П. Францева «О разработке методологических вопросов истории» в АН СССР (январь 1964 г.).

бы действовать и в контакте с писателями, совместными усилиями подготавливая сборники очерков по отечественной и зарубежной истории (типа очерков-рассказов о соратниках В.И. Ленина «У истоков партии»). Нет сомнения в том, что читатели были бы благодарны и за выпуск сборников очерков о важнейших исторических источниках, например, «Путешествии из Петербурга в Москву», «Русской Правде» Пестеля, герценовском «Колоколе», так называемой «ряженой литературе» 1870-х годов, листовках 1905 г., первых декретах Советской власти и т. д. и т. п., в которых было бы рассказано о том, каким образом создавались эти документы, какое воздействие они оказывали на современников, как и кем изучались. Книгу Р.Т. Пересветова «Поиски бесценного наследия» о судьбе некоторых рукописей В.И. Ленина с захватывающим интересом прочли многие, в том числе и читатели, отягощенные учеными степенями и званиями.

Сейчас все более ощущается потребность в издании совместными усилиями историков и писателей журнала для всех интересующихся историей, т. е. для широкого круга читателей. В таком журнале могли бы печататься художественные произведения исторической тематики, интересные по форме очерки ученых, статьи о поисках и новых открытиях историков, сведения о новых документах (особенно по истории революционного движения и социалистического строительства), мемуары. Журнал мог бы регулярно откликаться на юбилейные даты, помещать информацию о многообразной и все более интересной деятельности армии краеведов.

Было бы очень полезно также, если бы авторы наиболее значительных монографий, вышедших в изданиях, изобилующих специальными терминами и историографическими отступлениями, снабженных пространством научным аппаратом, написали бы и небольшие научно-популярные книги на ту же или схожую тему, обобщающие выводы их исследований и в то же время показывающие самую лабораторию научного творчества. Ведь в истории естественных наук популярные книги знаменитых исследователей — обычное явление! Именно такие книги оказывали и оказывают особо плодотворное воздействие на молодежь, помогают будущему ученому в выборе жизненного пути.

Желательно было бы подготовить и научно-популярные труды (особенно по истории нашей родины), специально рассчитанные на зарубежного читателя. Такие работы — научно-исследовательские по существу и научно-популярные по форме изложения материала — могли бы быть посвящены наиболее значительным историческим проблемам, а также таким вопросам, которые по тем или иным причинам привлекают особое внимание зарубежных историков и публицистов. Книги эти должны служить ответом и на фальсификаторские упражнения реакционных авторов.

Не всегда может удовлетворить и характер подачи материала в исследовательских работах, самый тип так называемых научно-исследовательских работ, среди которых встречается еще немало догматически-нарративных. В этих работах, мягко говоря, отнюдь не всегда большой теме сопутствует большая мысль. В недавней газетной дискуссии «Историк и читатель» ее участники выдвигали правильный тезис: чтобы наши работы захватывали читателя, надо писать ярко и доходчиво. Это, конеч-

но, верное положение, но дело не только в литературном стиле, точнее, не столько в литературном стиле — хотя это необходимое условие успеха исторического сочинения — а в самом характере изложения исторического материала. Читатель должен думать вместе с автором, следить за ходом его мысли, словом, перед читателем должен проходить тот последовательный процесс научной работы историка, о котором так хорошо говорил здесь В.М. Хвостов¹. Автор не должен скрывать от читателя своих сомнений, нерешенных вопросов, напротив, следует приобщить и читателя к раздумьям и поискам в этой области. Ведь читатель отлично понимает, что научным исканиям нет конца, и всегда остаются менее освещенные места, менее изученные вопросы, и он попросту не верит автору, который преподносит сумму готовых выводов, притом выводов «окончательных».

Описательные, пресные или написанные в императивном тоне, а по существу бездумные и бесстрастные исторические сочинения слабо привлекают читателя, особенно молодежь, ищущую в книгах прежде всего движение мысли. Эти замечания вовсе не означают, конечно, что не следует издавать исторические книги, основная ценность которых — введение в научный оборот свежего фактического материала. Такие издания необходимы специалистам; только не надо подобные издания называть монографиями — это лишь материалы к монографиям.

Пожалуй, стоит задуматься и над формой коллективных трудов историков. Книги, в которых авторы пишут лишь отдельные главы или даже параграфы, обычно лишены авторской индивидуальности, столь привлекательной для читателя. В таких книгах, как правило, немного и историографических экскурсов и спорных положений, побуждающих к самостоятельному размышлению. Целесообразно было бы в большей мере использовать такую форму коллективной работы, как издание серии книг общей или близкой тематики под редакцией одного или нескольких видных специалистов (например, о Великой Октябрьской социалистической революции, о революционном движении в России XIX — начала XX в., о национально-освободительном движении, по истории внешней политики, по источниковедению, историографии и т. д. и т. п.). В подобных серийных изданиях желательно было бы унифицировать объем книг, приемы составления научного аппарата, даже полиграфическое оформление. К написанию отдельных книг таких серий можно было бы привлекать, наряду с известными исследователями, и молодых ученых. Это — одна из форм научной работы коллектива под объединяющим руководством видного ученого (или видных ученых).

Первейшая задача историков — воспитывать у своих читателей и слушателей историческое мышление, способствовать формированию научного мировоззрения. Мы призваны не только удовлетворять любопытство к познанию прошлого, но и поддерживать пытливість этого познания. Труды наши должны помогать пониманию не только закономерностей исторического процесса, но и пониманию методов изучения учеными исторического процесса и жизни общества во всей его конкретности.

Этому же должны содействовать и научные рецензии на труды историков. До сих пор еще в журналах преобладают рецензии аннотационно-оценочного типа. Конечно, аннотации, даже более или менее пространные, чрезвычайно полезны, и чем больше их будет в журналах, тем более будет благодарен читатель; но следовало бы возродить и традицию рецен-

зий-исследований, а также рецензий публицистического жанра. Раньше рецензии-исследования были распространены, и писали их крупнейшие ученые. Настоящая научная рецензия — это плод исследовательской работы, в ней, естественно, должно быть уделено особое внимание вопросам методологии и методическим приемам изучения источников. Помещение в журнале такой рецензии служит верным способом привлечь внимание и к обсуждаемой теме и к самому характеру подхода к вопросу. Повышение научного уровня рецензий может только способствовать развитию критической мысли наших историков. При этом под словом «критика», разумеется, следует понимать обсуждение, разбор, оценку в научном смысле, а не замечания ругательного характера. К сожалению, главным образом, со времен культа личности Сталина это основное значение слова «критика» зачастую подменяется разговорным значением в плане отрицательного суждения о чем-то; забывают, в частности, такую общеизвестную истину, что В.Г. Белинский, сам считавший себя именно критиком, был автором отнюдь не только работ, осуждавших отдельные явления литературной и общественной жизни, но и пропагандистом передовых достижений культуры, автором восторженных критических статей о Пушкине, Лермонтове и т. д.

Очень важная задача — забота о воспитании исторического мышления у будущих историков-профессионалов, а наши учебные пособия не всегда содействуют тому в должной мере. Учебники, во всяком случае по отечественной истории, как правило, описательно-назидательны, из них практически изгнан элемент историографии, излагается лишь одно из мнений по конкретным вопросам истории, хотя хорошо известно, какие бурные обсуждения многих проблем имеют место среди историков, как много вопросов нуждается еще в дальнейшем исследовании. И лишь недоумение может возникнуть у студентов, когда в новом издании учебника они без всяких объяснений находят иное толкование того или другого явления сравнительно с прежним изданием. Студенты остаются в неведении: какие проблемы волнуют ученых-историков, о чем они спорят? Какие задачи встают перед научной молодежью? Не знают они и каким именно исследователям обязана современная наука конкретными знаниями о прошлом. Историографический элемент должен стать обязательной составной частью вузовских учебных пособий. Хорошо было бы подумать и об издании оригинальных лекционных курсов по истории, даже по одной и той же тематике, дополняющих, а быть может, и корректирующих стабильные учебники.

Очевидно, что для создания научно-исследовательских исторических работ «большой мысли» и для распространения глубоких знаний по методологии истории следовало бы большее внимание уделять и самой методике исторического исследования, выявляя при этом теснейшую взаимосвязь методологии и методики исторического исследования. Особое значение в этом плане приобретает развитие источниковедения, особенно теории источниковедения. Об остром интересе к вопросам источниковедения, в частности среди вузовских преподавателей, свидетельствуют дискуссии, проведенные в журналах «Вопросы истории КПСС» и «Новая и новейшая история», издания, подготовленные Сектором источниковедения Института истории АН СССР, и публикации источников советского периода Институтом истории, Московским государственным историко-

архивным институтом и другими вузами. В Институте истории АН СССР задуман специальный сборник статей по теории источниковедения. Среди запланированных тем такие, как «Источниковедческие приемы изучения исторических материалов классиками марксизма-ленинизма и применение их в теории и практике советского источниковедения», «Исторический источник и исторический факт», «Исторический источник как логическая категория», «Типологическая систематизация исторических источников», «Информация в исторической науке», статьи по проблемам, находящимся как бы на стыке теоретического и конкретного источниковедения (о границах археологического знания, о специфике изучения материалов по истории классово-борьбы, социальной психологии, экономике, внешней политике и т. д.).

Дальнейшей углубленной разработке методологических вопросов истории помогло бы изучение того, что уже сделано в этой области. Здесь уже отмечалась полезность ознакомления с творческим наследием историков-марксистов 1920-х — начала 1930-х годов. Видимо, следует и более детально ознакомиться с новейшими трудами зарубежных марксистов. Появление обобщающих, по существу, историографических работ по такой тематике существенно облегчит нашу дальнейшую работу.

Одно из самых важных условий подъема теоретической мысли в области методологии истории — это неустанное творческое изучение трудов классиков марксизма-ленинизма. Приходится признать, что в годы культа личности студентов и аспирантов больше приучали к чтению сочинений и речей Сталина, чем трудов Маркса, Энгельса и Ленина. И труды эти нам еще предстоит изучать во всем их многообразии и глубине, и идти мы здесь будем ленинским путем. Помните, у Н.К. Крупской написано о Ленине: он «прекрасно знал Маркса», перечитывал его сочинения, «любил советоваться с Марксом и советовал делать это другим». При вдумчивом изучении трудов классиков марксизма легче будет найти ответ и на теоретико-терминологические вопросы, выдвинутые в обсуждаемом докладе, а ведь до сих пор еще не составлены словари языка Маркса, Энгельса, Ленина.

Не приходится скрывать, что у нас, историков, имеет место иногда, так сказать, прикладное отношение к теоретическому наследию классиков марксизма-ленинизма. Историки хорошо знают, например, все те замечания Ленина, все цитаты, которые непосредственно относятся к их научной тематике, и именно этими замечаниями и довольствуются в своих работах, и одни и те же цитаты кочуют из статьи в статью, из книги в книгу. Но ведь историзм пронизывает все труды классиков марксизма. Выводы работ классиков марксизма и даже конкретные замечания — результат обдумывания и обобщения огромного исторического опыта, опыта многих поколений и многих стран. Можно ли ограничиваться при объяснении тех или иных исторических явлений некоторыми замечаниями классиков марксизма, имеющими конкретный характер, тем более что замечания эти основаны на изучении доступных им источников и литературы, а за истекшее с тех пор время выявлено немало новых фактических данных? Думается, что этого недостаточно для того, чтобы постигнуть марксистско-ленинский исторический метод, для того, чтобы овладеть теми приемами, с помощью которых изучали классики марксизма исторические источники.

Представляется неправомерным название научной работы: «Ленин о таком-то историческом явлении», если работа содержит только подборку высказываний Ленина по данной тематике. Такая подборка, конечно, тоже полезна, но она не может быть признана научным исследованием. Это работа скорее библиографического характера (об этом уже немного говорил М.Я. Гефтер).

Если научная работа посвящается теме «Ленин о таком-то историческом явлении», то автор ее, очевидно, должен заняться исследованием вопросов: почему в такое-то время и в какой связи В.И. Ленин обратил внимание на это явление, какие события в общественной жизни побудили его к этому, каков был круг известных ему литературы и источников по этой теме, с кем Ленин спорил и почему, какие неверные положения опроверг, что Ленин сказал нового сравнительно со своими предшественниками, а также по сравнению со своими прежними работами, какое политическое значение имели в тот период эти высказывания Ленина, какое значение имели и имеют эти мысли Ленина для дальнейшего развития нашей науки и общественной практики и т. д.

Отношение Ленина к историческим явлениям, даже к самым конкретным, можно во всей полноте познать лишь при условии изучения всего ленинского наследия. Каждое отдельное замечание Ленина — звено в сложной цепи глубоких исторических размышлений.

В этой связи, в частности, возникает вопрос, можно ли распространять отдельные ленинские положения, казалось бы, относящиеся к определенному историческому периоду или стране, на другие периоды или страны? И в какой мере допустимо это делать? Пример — известное положение о революционной ситуации и ее характерных чертах: общенациональный кризис, затрагивающий интересы всех общественных классов, и взаимосвязанные три условия — кризис верхов, обострение бедствий угнетенных классов, повышение активности народных масс. В истории России о революционной ситуации начинают говорить конкретно, характеризуя события XIX в. (рубеж 1850—1860 гг., рубеж 1870—1880 гг.). А не относится ли это теоретическое положение и к предшествовавшим эпохам, в частности, к периодам массовых городских восстаний и крестьянских войн, ведь Ленин не раз говорил и о революциях в докапиталистический период? Это ленинское теоретическое положение вполне может стать темой размышления и историков и философов. Или еще более конкретное наблюдение Ленина над историей «крепостнического дворянского общества»: «Там,— говорил Ленин,— перевороты были до смешного легки, пока речь шла о том, чтобы от одной кучки дворян или феодалов отнять власть и отдать другой»². Это наблюдение зачастую относят лишь к истории России XVIII в., ко времени после смерти Петра I, которое дореволюционные историки называли «эпохой дворцовых переворотов», хотя такая конкретизация и локализация замечания Ленина не вытекает из самого текста его выступления.

В то же время мы встречаем в работах историков и тенденцию распространения конкретно-исторических выводов и наблюдений Ленина на более широкий хронологический отрезок времени или на больший круг явлений. Например, характеристика основных черт барщинного хозяйства в России накануне крестьянской реформы 1861 г., хорошо известная

нам по книге Ленина «Развитие капитализма в России», иногда рассматривается как характеристика основных черт феодального хозяйства вообще, даже времени раннефеодальных монархий, где, как известно, барщинное хозяйство не получало еще такого развития. Иногда дело доходит до курьезов, свидетельствующих, впрочем, о недостаточном овладении приемами исторического исследования. Так, Д.П. Маковский в изданной в 1960 г. в Смоленске книге о сельском хозяйстве России XVI в., характеризуя категорию русских бобылей того времени, пользуется, ничтоже сумняшеся, определением, приводимым Лениным при характеристике остзейских бобылей XIX в., напоминая тип русского крестьянина центральных губерний пореформенного периода.

Не менее важно исследовать вопрос об отношении классиков марксизма-ленинизма к историческим источникам, а также к работам предшествовавшего времени в области гуманитарных наук. Здесь можно было бы почерпнуть и много методических приемов изучения исторических источников, критики научной литературы, и то явилось бы лучшей школой совершенствования самих приемов исследования в области методологии истории.

Хочется поддержать тезис доклада об известной близости творческой работы историка и писателя. Конечно, при этом мы должны помнить и о существенных различиях в характере творчества ученого и писателя. Утверждения тех зарубежных теоретиков, которые рассматривают науку истории как искусство, ничем не отличающееся по своей природе от художественной литературы, несостоятельны. Нам необходима ясность в том, что именно сближает труд историка и писателя. В докладе, и в этом еще одна его заслуга, и в этом направлении дана руководящая нить.

С ускорением хода исторического процесса, со все большим обогащением нашей памяти множеством фактов из различных областей знания усиливается потребность в выявлении и закреплении в сознании основных, типичных фактов истории. Выдающиеся памятники художественной литературы оказывают нам большую помощь в этом отношении, так как именно в них наиболее выразительно запечатлены исторические «типы» того или иного отрезка времени (в них же отражены и очень важные для историка конкретные черты бытовой истории, истории общественных представлений). Все это делает, в частности, памятники художественной литературы ценным историческим источником, т. е. источником познания прошлого.

Имеется и близость в процессах творческого восприятия общественных явлений писателями и историками, с одной стороны, и читателями трудов писателей и историков — с другой. Эта близость определяется самим историзмом нашего мышления, тем, что исторические ассоциации входят в круг характерных ассоциативных представлений культурного человека. Собственно исторические примеры-ассоциации, прочно вошедшие в сознание, оказались сродни литературно-художественным, освободившись от узкохронологических и узколокальных рамок, сделались как бы вневременными символами (первооткрывателей, например, называют колумбами). Известно, что некоторые литературные типы стали нарицательными для обозначения собственно исторических явлений: мещанин во дворянстве, скалозубовщина, Колупаевы и Разуваевы и т. д. И эти литературные по своему происхождению термины употребляются наряду

с терминами типа помпадур, бурбоны, аракчеевщина, опричники и т. д., т. е. терминами, имеющими документально-историческую основу. В словаре В.И. Ленина в равной мере встречаются нарицательные наименования и литературно-художественного и исторического происхождения: «Тартюфы меньшевизма», «Тартарены нашего ликвидаторства», «черносотенец Собакевич», «петербургские Угрюм-Бурчеевы» и т. д., и в то же время «луиблановщина», «Кавеньяки» («русские Кавеньяки», «кадетские Кавеньяки», «грядущие Кавеньяки»). У историков и писателей (речь идет, конечно, только о писателях-реалистах) можно уловить и некоторое сходство в подходе к явлениям и в приемах отбора материала. И историк, и писатель-реалист стремятся к отбору и показу наиболее характерных и достоверных с их точки зрения фактов. При этом историк опирается на действительно имевшие место факты или такие, реальность которых можно с достаточной степенью научной основательности предполагать, т. е. на факты, реальность которых проверяется путем научного исследования. Писатель же опирается на факты, в значительной степени им придуманные, но старается при этом показать действительность такой, какой она могла бы быть, и иногда это делает столь убедительно, что читатель верит в реальность героев (известны письма читателей литературным героям). И писатель-реалист, и историк ставят перед собой задачу убедить читателя в достоверности характеризуемых явлений или отдельных сторон явлений. В умении это сделать и заключается «творческая способность сочетать события, делая из них живую картину, где соблюдены все условия перспективы и светотени», о которой писал Белинский. Не случайно, конечно, в этом плане и сочетание в некоторых памятниках мемуарной литературы элементов исторических сочинений и художественного творчества.

Сами историки и писатели хорошо понимали известное сходство воздействия на читателей как собственно исторических, так и художественных произведений, и в то же время близость критериев отбора фактов, особенно ощутимую, конечно, в лучших художественных сочинениях исторической тематики. Влияние исторических романов Вальтера Скотта, например, на профессиональных историков признавали и писатели. Известно немало примеров, когда историки и писатели становились или были одновременно историками (Вольтер, Карамзин, Пушкин, Короленко), и напротив, историки — писателями. Проблема близости творческой работы историка и писателя, проблема «типичности» в исторических трудах и в произведениях художественной литературы — это лишь одна из многих свежих и интересных по постановке проблем, затронутых в обсуждаемом докладе. Можно не сомневаться, что подобные проблемы станут еще предметом подобных обсуждений среди специалистов.

В заключение хочется еще раз сказать о том, что сам доклад и обсуждение его много дали слушателям и стимулируют дальнейшую углубленную разработку методологических вопросов истории.

¹ См.: История и социология. М., 1964. ² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 443. С. 98—103.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ *

I

Источниковедение еще сравнительно недавно считалось только вспомогательной дисциплиной, отодвинутой от волнующих историческую науку больших проблем. Оно мыслилось как удел немногих исследователей, занятых по преимуществу изучением далекого прошлого, и приходилось убеждать в том, что приемы источниковедческой критики должны распространяться и на источники по истории новейшего времени.

Ныне проблемы источниковедения привлекают все большее внимание советских ученых. Существенно обогатилась тематика конкретно источниковедческих работ, а также трудов, посвященных методике источниковедения, — вопросам, в значительной мере определяющим «мастерство» историка (в этом плане особо выделяются работы С.Н. Валка, М.Н. Тихомирова, Л.В. Черепнина, В.К. Яцунского и их учеников).

Усилился интерес к проблематике теоретического источниковедения. Здесь благотворную роль сыграли дискуссии об основных принципах и задачах критики исторических источников в 1957 г. (в связи с докладом А.Ц. Мерзона) и в 1961 г.¹ Темой специального рассмотрения стали такие вопросы, как предмет и задачи источниковедения, содержание понятия «исторический источник», исторический факт и исторический источник, форма и содержание исторических источников, типы и разновидности исторических источников, классификация исторических источников, вопросы историографии теоретического источниковедения, место источниковедения в ряду других научных дисциплин и др.

Возросший интерес к проблемам теоретического источниковедения — это прежде всего показатель общих изменений в области науки, происшедших к середине XX в. Исследователи ныне стали больше размышлять о самих принципах научного знания и методике организации эффективного научного мышления **; все более заметна теснейшая взаимосвязь гносеологических и мировоззренческих проблем. Наблюдается процесс превращения отраслей знания в целостно-познавательный организм и становления в нем структурно-системного начала; повысился интерес к теории и логике научных построений, к выработке такой системы логических процедур, с помощью которых историк-профессионал, желающий повторить исследование и придерживающийся «тех же процедур, должен был бы прийти к тем же выводам»³.

В институтах Академии наук СССР и академий союзных республик (особенно в Армении, в Грузии, в Латвии и на Украине), в высших учебных заведениях Москвы, Ленинграда, Томска, Тарту, Киева, Ростова-на-Дону, Горького, Новосибирска и других городов разрабатываются сложные вопросы методологии истории и литературоведения, проблемы социологии, философии, психологии, историографии, текстологии, непо-

* Опубликовано в кн.: Источниковедение: теоретические и методические проблемы. М., 1969. С. 7—58.

** Важными конечными результатами исследований признаются не только книги, но и методы и средства, способствующие «оптимизации функционирования науки в целом»².

средственно соприкасающиеся с собственно источниковедческими исследованиями. Более углубленное творческое изучение наследия классиков марксизма-ленинизма, все явственнее осязаемая взаимосвязь собственно исторической тематики с философской *, а также с тематикой других общественных наук, стремление обобщить выводы и наблюдения новейших специальных исследований (отечественных и зарубежных) ⁵ — характерные черты последних советских работ по источниковедению.

Специально в источниковедческом аспекте изучают труды Маркса, Энгельса, Ленина ⁶. Все большее значение в развитии советской науки приобретают проблемы источниковедения истории советского общества, истории КПСС ⁷, зарубежной истории новейшего времени. Стал более строгим подход к оценке исследовательского уровня исторических работ **. Все это свидетельствует о том, что отставание в области источниковедения этих отраслей нашей науки преодолевается.

Всестороннее изучение исторических источников рассматривается как обязательное предварительное условие развития самостоятельной мысли студента ***; и в среде научной молодежи все сильнее тяга к проблематике источниковедения ¹⁰. Специально обсуждаются программы и приемы преподавания источниковедения в вузах ¹¹, методы прикладного источниковедения, в частности в краеведческой работе музеев и школ.

Казалось бы, успехи источниковедения очевидны. Однако, как это часто бывает в истории науки, сам прогресс источниковедения поставил перед исследователями новые проблемы, потребовал более глубокого осмысления методологического аспекта науки. Ведь с развитием науки изменяются и первоначальная структура ее, и функции в процессе деятельности; изменяется и познавательная способность ученого. Обнаружилось, что некоторые ставшие уже традиционными категории источниковедения не соответствуют уровню современного научного знания, стало ясным, что не выработано еще общепринятого представления об объеме понятия «источниковедение», о различиях в «уровнях» источниковедения, о задачах и специфике теоретического источниковедения. Обнаружилось и отсутствие взаимопонимания в толковании и применении источниковедческих терминов. Нет и единого мнения о том, в какой мере допустимо использовать в источниковедении понятийный аппарат других отраслей знания и каково вообще соотношение источниковедения и других наук и т. д. и т. п.

Настоящая статья посвящена некоторым спорным или недостаточно разработанным проблемам источниковедения. Точнее, это даже комплексы проблем: об объеме понятия «источниковедение», об уровнях источни-

* Это четко прослеживается, в частности, в сборниках статей «Методологические и историографические вопросы исторической науки» (вып. 1—5), изданных под редакцией А. И. Данилова ⁴.

** Так, решительно стали выступать против распространения «иллюстративного метода», в частности, в трудах по истории советского общества, «когда те или иные общие положения лишь подкреплялись отдельными примерами, без выяснения их типичности, сопоставления и критики источников, без изучения всей совокупности материалов» ⁸.

*** Не случайно об этом счел необходимым напомнить в 1962 г. Н. М. Дружинин: «То, что физик, химик делает в лаборатории путем эксперимента, то, что геолог делает в полевой экспедиции, то же самое делает историк во время практических занятий над источником, учась вдумываться и, я бы сказал, вчувствоваться в источник, стараясь его всесторонне освоить» ⁹.

коведения, о предмете теоретического источниковедения; об объеме понятия «исторический источник» и классификация исторических источников; о методах источниковедческого исследования и путях выявления в историческом источнике данных об историческом факте; о соотношении источниковедения и других отраслей знания; о задачах изучения историографического наследства в области источниковедения. И новые для источниковедения проблемы, порожденные современным развитием науки, и традиционная проблематика источниковедения рассматриваются здесь прежде всего в плане возможностей их дальнейшего исследования. Пока можно лишь говорить о подступах к теме, предлагать формулировки определений и проблем, нуждающихся еще в строгой проверке. Статья эта — только постановка вопросов, историографические заметки и первоначальные размышления, а не решение проблем.

Статья основана преимущественно на материалах по отечественной истории.

Следует также оговорить, что в данной статье речь идет именно об *историческом источниковедении* — условимся впредь для удобства называть его просто «источниковедение», так как в настоящее время входит в научный оборот термин «лингвистическое источниковедение»; специально пишут об источниковедении как и о литературоведческой дисциплине¹². Поскольку термин «источниковедение» иногда применяют по отношению лишь к письменным историческим источникам, отметим, что в статье имеются в виду все типы исторических источников, т. е. *историческое источниковедение в широком смысле слова*.

* * *

Источниковедение возникло из практики. Сначала изучались только письменные исторические источники, и было известно лишь откровенно прикладное источниковедение, причем отнюдь не в сфере собственно научных знаний¹³.

Приемы, выработанные главным образом эмпирическим путем и апробированные долголетней практикой*, превратились постепенно в методику исследования письменных источников. И так как основными задачами подобного прикладного источниковедения было определение подлинности документа и степени достоверности содержащихся в нем сведений, то к этому преимущественно и свелись первоначальные представления о научных приемах источниковедения и его задачах. Интересовались главным образом собственно историко-содержательной (фактологической) стороной понятия «исторический источник» и искали ответа на вопрос, что дает данный источник для познания конкретного исторического факта или фактов, и соответственно источник именно в этой связи

* В нашей общественной практике немало элементов прикладного источниковедения. Особо это ощутимо в делопроизводстве, в деятельности юристов, в частности криминалистов, изучающих особенности документов и почерков. Источниковедческие элементы заметны и при всяком подходе к какой-либо информации (в том числе и научной) и ее переработке, что и обеспечивает возможность взаимного обогащения научных методик. Отмечая все это, следует, однако, избегать бескрайнего расширения представлений и о предмете источниковедения, и о собственно источниковедческих приемах исследования.

становился объектом внешней и внутренней критики. Наблюдения такого рода обобщались, приемы совершенствовались; найдены были логические объяснения этим действиям в их взаимозависимости, введены в обиход соответствующие научные термины. В этой области знания, как и в других областях, подтвердился тот факт, что изучение научного метода идет значительно медленнее, чем развитие самой науки». И только, найдя что-то, «размышляют о способах, которыми это было открыто»¹⁴.

На рубеже XIX и XX вв. движение науки ознаменовалось развитием логико-методологической проблематики; усложнилась архитектура науки, верхние «этажи» научных теорий оказались отдаленными от эмпирической основы¹⁵. В это-то время (трудами Э. Бернгейма, Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобоса, А.Д. Ксенополя, А. Майстера и особенно А.С. Лаппо-Данилевского *) были определены задачи источниковедения как особой научной дисциплины и стали оформляться представления о том, что такое историческое источниковедение.

Выдвинулись проблемы формы и содержания исторических источников и их обусловленности соответствующими историческими обстоятельствами, проблемы: источник как объект познания, источник как отражение развития человеческой психики, структура источника, возможность абстрагирования при подходе к историческим источникам и др.

Большинство источниковедческих категорий, понятий и терминов, общепринятых и наиболее употребительных в современной исторической литературе, мы встречаем уже в обобщающего типа трудах более чем полустолетней давности. И естественно, что многое в этих трудах не отвечает принципу соответствия теорий¹⁶, не может удовлетворить историка-марксиста и не соответствует современным представлениям об историческом процессе, современному пониманию путей исследования исторического прошлого **, современным представлениям о путях познания вообще, о самих категориях познания и их взаимозависимости.

Естественно, что формирующимся новым представлениям становится тесно в рамках прежней терминологии. Пересмотр терминов и соответственно уточнение их — потребность всякой развивающейся науки и едва ли не наиболее заметный внешне показатель этого развития. (Не случайно, что дискуссии о содержании научных терминов и попытки унифицировать терминологию — отличительная черта новейшей научной литературы.) Это характерно не только для источниковедения и близких ему научных дисциплин (в частности, текстологии ***, археографии),

* Для развития отечественного источниковедения особенно большое значение имели труды А.С. Лаппо-Данилевского «Методология истории. Вып. II. Пособие к лекциям, читанным студентам С.-Петербургского университета в 1910/11 году». (СПб., 1913) и «Очерк русской дипломатики частных актов. Лекции, читанные слушателям "Архивных курсов" при Петроградском археологическом институте в 1918 г.» (Пг., 1920).

** Потребность в создании новых трудов о «мастерстве» историка испытывали и передовые буржуазные ученые. Л. Февр вспоминал, что накануне второй мировой войны он и Марк Блок собирались, объединившись, дать молодежи нового «Ланглуа и Сеньобоса», который был бы манифестом другого поколения и толкованием истории совсем в ином смысле¹⁷.

*** Так, после выхода в свет обобщающих трудов по текстологии, особенно книг Д.С. Лихачева, острая дискуссия развернулась по важнейшим проблемам текстологии и об основных категориях текстологической терминологии (литературу см.: ИСССР. 1966. № 4. С. 81—106).

но и для философии, психологии, социологии и других областей научного знания.

Терминологические споры перерастают в дискуссию о понятиях, о сущности научных категорий. Понятие часто определяют как смысл слова, сводя проблемы понятия к проблемам логической семантики *. Не вдаваясь в объяснение этого явления, характерного для развития научного мышления, отметим теснейшее переплетение, даже взаимопроникновение в имеющейся литературе вопросов о понятийных категориях и вопросов об их наименованиях.

В новейшей советской литературе выявлены существенные расхождения в понимании и употреблении понятия «источниковедение»¹⁸. Вряд ли целесообразно возвращаться к историографии вопроса. Важнее подчеркнуть то обстоятельство, что термин «источниковедение» употребляется в различных планах (что не всегда учитывается в дискуссиях), и попытаться сформулировать определение этого понятия или, точнее, этих понятий.

При этом необходимо помнить замечание Ф. Энгельса относительно «дефиниций» и их роли в процессе познания. *Единственно реальной дефиницией, — писал Энгельс, — оказывается развитие самого существа дела, а это уже не есть дефиниция*¹⁹. Однако, подчеркивая то, что дефиниции не дают исчерпывающего представления о явлении, Энгельс вместе с тем указывал, что «для обыденного употребления такие дефиниции очень удобны, а подчас без них трудно обойтись»²⁰.

Для начала можно ограничиться самым общим, первичным определением понятия «источниковедение» (отнюдь не претендующим, конечно, на оригинальность).

Источниковедение — это наука об исторических источниках и приемах их выявления, изучения и использования в работе историка. В определении этом изучение научных приемов включено в само определение науки и подчеркивается взаимосвязь «чистого» и «прикладного» знаний.

Как всякая отрасль науки, источниковедение есть система знаний о возникновении, развитии и основных чертах изучаемых этой наукой явлений **. В то же время источниковедение является наукой о методах изучения этих явлений. Предмет источниковедения включает в себя и теорию, и практику изучения исторических источников ***. Поскольку задачами источниковедения считают и выявление, и отбор источников²³, с источниковедением тесно смыкается архивоведение (в частности, архивная эвристика)²⁴; источниковедческий анализ — обязательная составная часть работы археографа, тем самым обуславливается тесней-

* Проблема значения языковых выражений — одна из серьезных дискуссионных проблем современной науки.

** Источниковедение, писал А.Ц. Мерзон, «призвано установить закономерности возникновения и развития источников различного типа, показать обусловленность их содержания конкретной исторической обстановкой»²¹. В настоящее время в Московском историко-архивном институте подготовлен к печати лекционный курс покойного А.Ц. Мерзона о письменных источниках отечественной истории до XIX в., вводная лекция которого близка по содержанию к этой работе, опубликованной ротационным способом. [К сожалению, лекционный курс остался неопубликованным.]

*** Подобно тому как термином «археография» обозначаются и теория, и практика издания документов²².

шая взаимосвязь источниковедения с археографией. Наконец, считается само собой разумеющимся взаимозависимость и даже переплетение задач исследовательских приемов источниковедения и так называемых вспомогательных исторических дисциплин *. Потому-то и признается целесообразным комплексное рассмотрение всех этих вопросов в обзорно-историографических работах, в лекционных курсах и на практических занятиях по источниковедению.

Широко применяются термины «общее источниковедение» и «конкретное источниковедение» (или «частное источниковедение») ²⁶.

Эти встречающиеся во многих работах уточняющие определения позволяют видеть различия между источниковедением, задачей которого является осмысление общих вопросов теории и методики источниковедения (общее источниковедение), и источниковедением, задачей которого является изучение и использование в научных целях источников определенного вида, определенного периода определенной тематики или рассмотрение определенных методических источниковедческих приемов.

Однако в истолковании этих (и близких к ним) терминов наблюдаются расхождения (иногда довольно существенные). Так, М.А. Варшавчик, употребляя термины «теоретическое источниковедение» и «источниковедческая практика» (этот удачный термин пока еще мало вошел в научный обиход), при раскрытии их содержания оказывается близок к приведенным выше представлениям об «общем» и «конкретном» источниковедении ²⁷. А.А. Введенский относил к проблематике «общего источниковедения» «теоретические основы изучения исторических первоисточников» и «обзор — характеристику основных их разновидностей» (содержащихся прежде всего в учебных пособиях широкой тематики), а к проблематике «частного источниковедения» — вспомогательные исторические науки, характеризуя их в данном случае как специфическую методику «исследования исторических первоисточников с точки зрения каждой из этих вспомогательных дисциплин» ²⁸.

По мнению А.И. Гуковского, конкретное источниковедение занято вопросами методики и техники научного исследования, общее источниковедение — вопросами методологии. На этом основании Гуковский относит общее источниковедение к числу теоретических дисциплин, а термин «источниковедение» предлагает закрепить за конкретным источниковедением отдельных разделов истории ²⁹.

В приведенных определениях (как и вообще в специальной литературе по источниковедению) недостаточно четки, на наш взгляд, смысл и разграничительные линии понятий «техника», «методика», «методология», «теория» ** источниковедения. (Подобная нечеткость и отсутствие общепризнанных дефиниций этих понятий в какой-то мере типичны и для других областей общественных наук ³¹.)

* Так, в новейшем учебном пособии по палеографии справедливо утверждается, что «знание основных палеографических наблюдений и палеографических методов... входит в первейшую задачу всякого источниковедческого анализа» ²⁵.

** Это заметно и в статье С.М. Каштанова и А.А. Курносова (указ, статья. С. 176), и в статье И.А. Булыгина и Л.Н. Пушкарева «Источниковедение», где понятия «методика» и «теория» включены в само определение «источниковедение», однако дефиниции этих понятий, и соответственно различия и сходство их, не определены ³⁰.

Понятия «техника» и «методика» в языке науки оказываются тесно переплетенными *, употребляются иногда даже как практически однозначные. Пишут и о «технической методике», применяемой общественными науками ³⁴. Вероятно, следовало бы говорить о различных уровнях методики исторического (или собственно источниковедческого **) исследования, низшим из которых является техническая методика (или техника) ***. Тем самым техника может рассматриваться как составная часть методики.

Нелегко выявить и границы определений «методика» и «методология» источниковедения. Термин «методология» употребляется и как совокупность приемов исследования, применяемых в какой-либо науке (это определение относят и к методике), и как учение о методах (общих и частных) **** научного исследования. Методология в нашем понимании относится к области теории познания ***** , а всеобщая методология — это марксистская философия. Само собой разумеется, что методология источниковедения неразрывно связана с методологией истории ³⁶.

Можно условно принять такие определения методики и методологии применительно к источниковедению. *Методика источниковедения* — это совокупность определенных приемов и правил их использования в работе источниковеда; следовательно, это нормативная деятельность.

Методология источниковедения — это учение об этих методах, об основных принципах источниковедческого познания. Методика оплодотворяется методологией, а методологические положения опираются на опыт использования в научной работе тех или иных специальных методических приемов. Методика источниковедческих исследований, определяемая в значительной мере наличием источниковой базы ***** и традиций изучения тех или иных классов источников, а также возможностями

* Л.В. Черепнин, например, пишет, что «буржуазные палеографы разработали ряд *технических приемов (методику)* изучения рукописных памятников» ³². По мнению О.Л. Вайнштейна, методика источниковедения «представляет собой совокупность технических приемов и правил выявления, собирания, систематизации и формального изучения источников» ³³.

** Методикой собственно источниковедения можно было бы считать приемы, свойственные исследовательской работе именно историков и специалистов смежных общественных наук. Приемы же, свойственные методике естественных, точных, технических наук (например, приемы издания документов фототипическим или каким-либо иным усовершенствованным техническим способом, приемы восстановления с помощью химических средств выцветших текстов и т. д.), надо рассматривать как вспомогательные приемы собственноисторической (технической) методики.

*** Быть может, допустимо применительно к источниковедению говорить даже о «технологических» приемах исследования (в общеразговорном языке под технологией понимают обычно совокупность знаний о способах и средствах обработки материалов или совокупность процессов обработки и переработки материалов), подразумеваемая под этим наиболее примитивные приемы фиксации или обработки исторического материала, например воспроизведение водяного знака бумаги, перевод буквенного изображения чисел на язык современных цифр, измерение толщины стенок сосуда, фотографирование или зарисовку места раскопок, зданий и т. д.

**** «Методологические проблемы науки включают в себя не только мировоззренческие основы науки, относящиеся собственно к философии, но и частные методы отдельных наук», — отмечено в предисловии к сборнику статей «Методологические вопросы общественных наук» (с. 3).

***** В.Н. Садовский справедливо пишет: «По своему существу методология науки представляет собой совокупностьgnoseлогических проблем, выделившихся из общей теории познания и имеющих своей целью специальный анализ научного знания» ³⁵.

***** В современной специальной литературе общепотребителен термин «историкоисточниковедческая база», однако термин «источниковая база» более соответствует нормам русского языка (ср. «языковое богатство», а не «языковедческое богатство»).

источниковедческого эксперимента, зависит от степени совершенства методологии.

Недостаточно выясненными представляются и понятие «теория источниковедения», а также границы этого понятия и понятия «методология источниковедения». В литературе нередко под «теорией источниковедения» подразумевают теоретические проблемы источниковедения, взятые в противопоставлении источниковедческой практике (или «методике» источниковедческого исследования).

Думается, что можно различать такие понятия, как «теория источника», т. е. теория объекта, который изучает источниковед, и «теория познания источника», являющаяся по существу методологией источниковедения. Теория источника тоже может рассматриваться как часть теории познания, находящаяся на стыке исторических наук, философии и психологии (психологии творчества и психологии восприятия).

Отождествлять «теорию источника» и «теорию познания источника» вряд ли правомерно. «Хотя теория предмета и теория его познания, метод его исследования имеют некоторое родство, — пишет современный исследователь этой философской проблемы, — они по своему содержанию и задачам далеко не тождественны. Метод в основном отвечает на вопрос, как ведется познание, теория предмета — на вопрос, что собой представляет исследуемый предмет. С позиций теории мы наблюдаем за действием предмета в действительности, с позиций же метода — за поведением исследователя в процессе познания предмета»³⁷. В литературоведении теория литературы и методология науки о литературе справедливо рассматриваются как два взаимосвязанных и в то же время относительно самостоятельных аспекта теоретического мышления, как разделы теоретического литературоведения³⁸. Думается, что эти положения применимы и к области исторического источниковедения. Существует и теория науки — в нашем случае ее можно было бы назвать «теорией источниковедения». Наконец, объектом теории, как известно, может быть и сама теория; такую теорию принято называть метатеорией.

Все эти разделы теоретического знания и составляют предмет *теоретического источниковедения*. Важнейшими задачами теоретического источниковедения являются исследование структуры и свойств источниковедческой информации, теории, методики, истории и организации этой информации, способов ее сохранения и изучения этой проблематики*.

Таким образом, можно полагать, что в пределах общего понятия «историческое источниковедение» существует источниковедение разных уровней: теоретическое и прикладное, или конкретное. Названия эти, конечно, условны (как условно в известной мере и само деление). И многие недоразумения в источниковедческой литературе происходят оттого, что не всегда замечают отличия теоретического и конкретного источниковедения и пытаются найти соответствие там, где его быть не может, сравнивать явления несопоставимые.

Конкретное источниковедение имеет существенные функциональные отличия от теоретического. Для конкретного источниковедения мс-

* Подобное определение в какой-то мере сближается с определением новой научной дисциплины «теории научной информации» («информационной науки» или «информатики») ³⁹.

тод — это аппарат исследования, приемы субъективной деятельности; для теоретического же источниковедения метод — это и предмет исследования.

Необходимо учитывать разные «этажи сложности» и в пределах конкретного источниковедения, отличия, в том числе и функциональные, различных типов конкретного источниковедения, так сказать, горизонтальные и вертикальные срезы.

В пределах конкретного источниковедения можно выделить различные подклассы: источниковедение различных отраслей исторической науки (так, начинает входить в употребление термин «археологическое источниковедение»), источниковедение различных типов или видов источников (например, актовое источниковедение — дипломатика), наконец, источниковедение источников определенного времени или определенной тематики *.

Такие подклассы источниковедения также могут быть источниковедением разного уровня, в зависимости от задач исследования. И, вероятно, именно к разным уровням такого источниковедения наиболее подходят наименования «общее» и «частное» источниковедение. Задача общего источниковедения — осмысление общих методических вопросов источниковедческого изучения того или иного класса источников, т. е. вопросов методологии источниковедения. Общее источниковедение отдельных классов источников сближается с теоретическим источниковедением, более того, может рассматриваться даже как частное источниковедение общетеоретического источниковедения. Соответственно можно говорить и об общеисточниковедческой методике, и о методике частной, характерной для отдельных вспомогательных дисциплин.

В пределах конкретного источниковедения выделяется и описательное источниковедение, включающее данные о месте обнаружения, месте нахождения, сохранности, внешнем виде источников, их отличительных особенностях, основном содержании, степени использования в научных целях и т. д.

Можно выделить и специфически-прикладное источниковедение, особенно характерное для учебной (прежде всего школьно-учебной) и музейно-пропагандистской практики. Задача такого типа источниковедческой работы обычно ограничивается ответами на вопросы: о чем свидетельствует источник? Какие данные о том или ином историческом явлении содержатся в источнике? Как содержание источника соответствует тому или иному историческому положению? К источнику обращаются в таких случаях зачастую как к иллюстрации.

Наконец, известно и эмпирическое (или прикладное) источниковедение, которое является, по существу, неотъемлемой частью всякого собственно исторического исследования (а значит, конечно, и такого, которое выполнено по материалам музеев). Здесь исследовательская процедура — важнейшая часть собственно источниковедческой практики, включающая внешнюю и внутреннюю критику и интерпретацию исторических источников.

* К числу исследований этого подкласса источников принадлежит, например, книга Л.Г. Бескровного «Очерки по источниковедению военной истории России» (М., 1957).

Теоретическое и конкретное источниковедение — это источниковедение с разными задачами, зачастую с разной терминологией, с разной структурой *. Вместе с тем нельзя никоим образом упускать из виду, что теоретическое источниковедение неразрывно связано с конкретным. Четкое деление науки на «чистое» и «прикладное» знания на самом деле вообще не имеет места ⁴⁰. Элементы теории, пусть самые примитивные и даже не всегда осознанные, всегда входят составной частью в так называемую практику **. Познание общего — предварительное условие углубленного познания частного ***.

Объем понятия и задачи теоретического источниковедения соответственно современному уровню научного мышления пока еще не уточнены. Не вычленены еще основные элементы теоретического источниковедения, не определены с должной ясностью их взаимосвязи, особенности функционирования и способ организации как элементов системы. Сейчас скорее есть основания говорить еще не о структуре теоретического источниковедения как системы, а о конгломерате элементов, по традиции относимых к теоретическому источниковедению.

Теоретическое источниковедение столь долго оказывалось оторванным от широкой проблематики современных исследований в области теории познания, логики и психологии, что следует первоначально выделить основные возможности «стыковки» проблем, а также применения методики иных наук и их понятийного аппарата к области источниковедения.

Среди многообразной проблематики теоретического источниковедения могут быть выделены по своему научному значению проблемы логических закономерностей **** и особенностей источниковедческого мышления.

Однако если логические вопросы исторической науки в целом в последние годы стали привлекать внимание советских ученых ⁴⁴, то логические вопросы собственно исторического источниковедения — область, еще очень слабо исследованная учеными-марксистами.

Особенно велика, конечно, потребность изучения в аспекте теоретического источниковедения творческого наследия классиков марксизма-

* Впрочем, говорить о «структуре» как об определенной целостности и устойчивости применительно к специфически-прикладному источниковедению вообще вряд ли возможно.

** И задача обучения, в том числе и обучения методике источниковедческого исследования, заключается как раз в том, чтобы эти элементы «теории» становились и более осознанными, и более сложными. В самый процесс преподавания источниковедения желательно было бы внести с самого начала больше «теории», точнее больше сложности, которая на проверку оказывается более простой, доступной и удобной, чем примитивная методика, словом, пойти тем путем, которым идут ныне некоторые школьные преподаватели математики: минуя арифметику, приступить сразу к алгебре ⁴¹.

*** Наблюдается закономерность, отмеченная В.И. Лениным: «...кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя "натягиваться" на эти общие вопросы» ⁴².

**** «Логическая проблема *правильности* научного познания, — как справедливо отмечено А.С. Бушминым, — (его согласия с самим собой) становится столь же актуальной, как и гносеологическая проблема *истинности* научного познания (его согласия с предметом исследования). Логическая правильность научного мышления является важнейшей предпосылкой истинности знания» ⁴³.

ленинизма, и не только материалов, свидетельствующих об отборе, методике обработки и использования ими исторических источников, но и прежде всего данных, показывающих саму лабораторию их творчества *, процесс теоретического мышления в его развитии. Стоит еще и еще раз вдуматься в ленинские слова: «Если Марх не оставил Логики (с большой буквы), то он оставил логику “Капитала”» ⁴⁵. В этом плане особенно важно изучить ленинские «Философские тетради», а также работу «О значении воинствующего материализма», являющуюся по существу философским завещанием Ленина.

В последнее время подчеркивается в оценке теории ее действенный момент, способность превращения теории, притом со времени возникновения ее, в метод достижения нового знания. Системы научного знания реализуются тем самым в методе познания ⁴⁶. В какой степени этому требованию могут удовлетворить основные положения теоретического источниковедения? Серьезных размышлений требуют и такие проблемы, как возможности использования в источниковедении современных методов формальной логики, различных логических средств ⁴⁷. Сейчас наблюдается (особенно это заметно в естественных науках) процесс переосмысления важнейших привычных логических понятий, и понятия эти становятся понятиями-проблемами ⁴⁸. Переосмысление это (развитие, углубление) коснулось не только отдельных понятийных категорий, но и комплексных понятий системного характера. В какой мере это может относиться к источниковедению?

Это подводит к таким проблемам, как эмпирический и теоретический уровень источниковедческих знаний **; роль интуиции в исследовательской работе и соотношение интуитивного творчества и логического мышления ^{50***}; проблема единства логического и психологического анализа познания ****; принципы изменения в источниковедческой методике; соотношение научных методов в источниковедческих исследованиях — «этапные» и «универсальные» методы исследования; возможности моделирования в источниковедении; возможности формализации процедур, совершаемых при использовании различных методов; возможности применения в источниковедении и вообще в исторических исследованиях методических приемов других общественных наук, естественных и точных наук и использования их терминологии и т. д.

Более или менее ясное представление о границах, особенностях и значении предмета «теоретическое источниковедение» на современном

* Много ценного может почерпнуть и историк-источниковед из новейшего издания «Маркс-историк» (М., 1968).

** Проблема различия между эмпирическим и теоретическим уровнями знаний имеет для общественных наук более существенное значение, чем для математических. Между тем системы логики строились обычно без учета этого различия. Отметивший это обстоятельство П.В. Таванец ⁴⁹ ставит перед логиками задачу развить логическую технику, учитывающую специфические особенности знаний разного типа.

*** О соотношении «чутья» (т. е. интуитивного творчества) историка и методически правильного мышления см. интересные замечания А.С. Лаппо-Данилевского ⁵¹.

**** В настоящее время (Ж. Пиаже и другими исследователями) широко разрабатывается круг вопросов, связанных с этой проблемой.

этапе развития науки сможет выкристаллизоваться только после специальных трудов историков, философов и ученых иных специальностей.

* * *

Спор об определении предмета «источниковедение» и о задачах источниковедения, об объеме понятия «источниковедение» тесно смыкается со спором о том, является ли источниковедение вспомогательной или специальной исторической дисциплиной и каково соотношение категорий «источниковедение» и «вспомогательные исторические дисциплины».

Источниковедение по традиции рассматривается в ряду так называемых вспомогательных исторических дисциплин или вспомогательных исторических наук. Однако в последнее время предпринимались попытки выделить источниковедение из этого ряда. Подчеркивалось особое, «центральное» место источниковедения⁵² среди других вспомогательных дисциплин (палеографии, метрологии, хронологии и др.); источниковедение характеризовали как наиболее широкую или главную из вспомогательных исторических дисциплин⁵³, по отношению к которой остальные являются более частными⁵⁴.

Отмечалось, что собственно источниковедческое исследование — обязательная составная часть всякого серьезного исторического исследования и что источниковедение тем самым принадлежит к наукам, на которых основывается историческое исследование, что это прежде всего «самостоятельная наука». Эти выводы опираются и на наблюдения о постепенном стирании границ между науками «вспомогательными» и «основными», когда «разделение наук на добывающие материал и его обрабатывающие отходит в прошлое»⁵⁵. Поэтому предлагалось заменить термин «вспомогательные исторические дисциплины» термином «специальные исторические дисциплины»^{56*}.

М.Н. Тихомиров, обосновавший целесообразность изменения традиционной терминологии, такие дисциплины, как палеография и дипломатика, назвал «специальными или источниковедческими дисциплинами»⁶⁰. По мнению авторов учебного пособия, вышедшего в Киеве в 1963 г., источниковедение распадается на ряд специальных вспомогательных исторических дисциплин^{61**}. С.М. Каштанов и А.А. Курносов отметили, что вспомогательные дисциплины, играя подсобную роль в истолковании источника, являются вспомогательными главным образом по отношению к источниковедению^{63***}. С последним суждением можно согласиться.

* Это мнение, как выяснилось позднее, М.Н. Тихомиров обосновывал еще в 1937 г.⁵⁷. Это мнение было поддержано рядом ученых⁵⁸. В то же время приводились доводы в пользу сохранения подхода к источниковедению как к вспомогательной исторической дисциплине⁵⁹.

** Определение это напоминает об определении в неподписанной статье «Источниковедение» в 1-м изд. БСЭ⁶²: «Источниковедение, совокупность научно-вспомогательных дисциплин, относящихся к изучению и обработке исторических источников».

*** В статье намечены и пути установления линий иерархии и взаимозависимости специальных и вспомогательных дисциплин; к специальным историческим дисциплинам отнесены источниковедение, археология, этнография, историография и дисциплины, вспомогательные по отношению к ним.

Необходимо только различать «вспомогательные исторические дисциплины» и дисциплины, вспомогательные по отношению к исторической науке. Вспомогательными по отношению к исторической науке могут быть, смотря по обстоятельствам, различные отрасли знания. Это все те отрасли знания, которые помогают в данном случае историку в извлечении и оценке важной для него информации, в понимании исторических явлений, в реконструкции прошлого. Поэтому «вспомогательными» по отношению к исторической науке могут оказаться даже не только гуманитарные науки, но и география, антропология, ботаника (например, сведения из исследований Н.И. Вавилова о происхождении и распространении культурных растений), медицина (данные о болезнях), астрономия и математика (без которых нельзя обойтись в работах не только по хронологии и метрологии) и т. д. Но «вспомогательными историческими дисциплинами» являются лишь те дисциплины, которые возникли как отрасли именно исторической науки * (или части ее — «источниковедения») и обслуживают прежде всего историческую науку.

Думается, что для противопоставления терминов «специальные» и «вспомогательные» исторические дисциплины нет серьезных оснований. «Специальными» исторические дисциплины являются в зависимости от их предмета (и соответственно специфической методики); «вспомогательными» — в зависимости от функций в процессе исторического исследования. Поэтому источниковедение, являясь, безусловно, специальной исторической дисциплиной, одновременно может быть и вспомогательной.

Вообще однозначное определение источниковедения в аспектах, отмеченных выше, вряд ли возможно. Различия в дефинициях объясняются прежде всего назначением преследуемой ученым работы. Об источниковедении как о вспомогательной исторической дисциплине допустимо говорить тогда, когда источниковедческое изучение исторического материала является лишь необходимым предварительным условием собственно исторического исследования (хотя в значительной мере может и сливаться с самим процессом исторического исследования). Здесь обычно главной проблемой источниковедческого анализа является соотношение исторического источника и исторического факта, а первой задачей, которую исследователю нужно решить: позволяют ли имеющиеся в его распоряжении источники восстановить объективную картину изучаемого исторического явления, реконструировать исторические факты в их взаимосвязях, и если нет, то в какой мере они приближают нас к осуществлению этих задач. И едва ли не важнейшим в этом плане является специфика отбора, изучения и интерпретации исторических источников применительно к избранной теме. Но все чаще выявляется характер источниковедения как самостоятельной исторической дисциплины, изучающей, в частности, письменные исторические источники и проблематику теоретического источниковедения. Это особенно заметно тогда, когда источники изучаются как бы независимо от возможности и степени использования результатов этих наблюдений в той или иной исторической работе, как бы абстрагируясь от каких-либо конкретных задач гражданской истории.

* Ими некоторые ученые признают такие отрасли исторической науки, как история государственных учреждений, история экономики и т. д.

Так, письменные источники могут исследоваться историками-источниковедами в качестве самостоятельных объектов изучения, так же, как вещественные источники исследуются археологами, произведения художественной литературы — литературоведами, произведения искусства — искусствоведами, памятники языка — языковедами. Источниковедение письменных источников — это специальная самостоятельная историческая дисциплина. Она оформилась сравнительно недавно, но имеет уже свои разделы с более узкой специализацией по видам источников, хотя наименования этих отраслей источниковедения еще не утвердились в исторической науке. Пока принято говорить о дипломатике⁶⁴ — первом по времени возникновения разделе источниковедения. Можно выделить уже, особенно после классических трудов А.А. Шахматова, летописеведение, а также разделы, изучающие статистические источники, делопроизводственную документацию, законодательные памятники, мемуары, эпистолярную литературу и т. д.

Объект исследования подобных собственно источниковедческих трудов — источник или комплекс источников, приемы изучения источников. Комплекс источников может определяться и типологическими признаками (источники одного вида, например летописи, мемуары, лицевые рукописи и др.; одной разновидности, например хронографы, иммунитетные грамоты, протоколы и др.), и — более близкими по характеру к конкретно-историческим исследованиям — тематическими признаками (например, источники по истории крестьянства, или, еще уже, по истории крестьянства определенного времени, определенной территории, по истории закрепощения крестьян, по истории крестьянской реформы 1861 г.). Комплекс источников может определяться и по смешанному тематически-типологическому признаку (например, книга С.Ф. Платонова «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник», советские работы о мемуарах при протоколах определенной тематики⁶⁵ и т.п.). Причем иногда задача исследования понимается в сравнительно узком, собственно источниковедческом плане. При подобном подходе исторический источник может интересовать историка не только и даже не столько как «посредник», сохраняющий данные об историческом факте, а в первую очередь как собственно исторический факт, как специфический носитель определенной информации.

Собственно источниковедческие исследования могут представлять собой и самостоятельные работы (монографии⁶⁶, статьи) и части собственно исторических исследований. В такого рода трудах особое внимание уделяется местонахождению и численности источников, месту происхождения и авторству источников, сравнительным особенностям: установлению и изучению вариантов и редакций источников, характерным чертам общности и отличий источников, методическим приемам исследования источников и т. п.

Но даже при самом формализованном подходе к изучаемому объекту ученый, как правило, не может исследовать исторический источник без собственно исторической работы (предварительной и одновременной по отношению к основному источниковедческому исследованию). Иначе он в лучшем случае вынужден будет ограничиться лишь внешней критикой источника (или источников), т. е. сделать лишь самую начальную, так

сказать, техническую стадию собственно источниковедческого исследования. Нельзя упускать из виду и то обстоятельство, что объект исследования и даже приемы его изучения подсказываются обычно нуждами собственно исторической науки, и ценность специальных источниковедческих работ прежде всего определяется тем, насколько они помогают познанию прошлого, т. е. выявлению исторических фактов и закономерностей исторического развития. Таким образом, теснейшее взаимодействие, точнее, даже взаимовлияние и взаимопроникновение собственно источниковедческого и собственно исторического исследования — вне сомнения *.

II

Важнейшая и одновременно традиционная проблема источниковедения — комплекс вопросов, связанных с представлением об «*историческом источнике*», об объеме понятия «исторический источник». Это — предмет многолетних споров, объясняющихся в значительной мере тем, что одно и то же понятие рассматривается на разных уровнях эмпирических и теоретических представлений, а также не всегда разумным стремлением дать слишком категорическую дефиницию, без учета возможности ее изменения с развитием наших знаний.

К определению понятия «исторический источник» подходят часто однолинейно, не всегда учитывая (в данном плане) различие таких категорий, как явление и сущность (явление, как известно, — это внешние свойства и признаки предмета, доступные первичному восприятию. Сущность же первоначально скрыта от нашего наблюдения, и путь познания — это путь от анализа явления к анализу сущности).

Первоначально, видимо, следовало бы, исходя из утилитарных целей, ограничиться «простой определенностью»**, определением внешних, более доступных пока признаков исторических источников. В качестве исходного пункта можно было бы принять следующее определение: исторический источник — это всякое явление, которое может быть использовано для целей исторического исследования, или даже еще проще — для познания прошлого. В практике обычной работы историка подобное определение можно считать достаточным.

Определение сущности исторического источника должно стать задачей специального исследования, а точнее — комплекса исследований. Очень перспективным представляется подход к историческому источнику

* Постоянное взаимопроникновение истории и собственно источниковедения отмечалось уже не раз⁶⁷. По удачному выражению авторов статьи, «источниковедение может рассматриваться как теория и методика добывания исторических актов, а история — как теория и методика осмысления исторических фактов в их взаимосвязи и взаимообусловленности». При этом «осуществление источниковедческих задач, — отмечается далее, — невозможно без одновременного выполнения задач исторического анализа и синтеза».

** В.И. Ленин в «Философских тетрадях» приводит выписку из Гегеля: «Познание движется от содержания к содержанию. Прежде всего это поступательное движение характеризуется тем, что оно начинается с простых определенностей и что следующие за ними становятся все богаче и конкретнее». Цитата начинается выписку из гегелевского текста, по поводу которого Ленин отмечает: «Этот отрывок очень недурно подводит своего рода итог тому, что такое диалектика»⁶⁸.

и в плане основных понятий семиотики *, учитывая при этом двойную соотнесенность знака — к предмету обозначения и к обобщенному его отражению, а также наличие различных уровней в пределах одной знаковой системы. Исторический источник — это и понятие, отражающее свойства предмета, могущие быть использованными для получения знания о другом объекте **. «Исторический источник» можно рассматривать и в плане проблемы «общественной памяти». Этим термином обозначается накопленная в ходе исторического развития человечества информация, «совокупность результатов практической и познавательной деятельности, передаваемых из поколения в поколение с помощью небиологических, социальных средств» ⁷⁰.

Если вопрос об историческом источнике как об основном элементе, содержащем информацию о прошлом человечества, давно уже привлекает ученых, то специфика исторического источника в целом и отдельных его типов и разновидностей как «носителей общественной памяти» остается еще мало исследованной.

Вообще было бы очень заманчиво рассмотреть понятие «исторический источник» в более широком плане теории научной информации; к этому все более приближаются исследователи (в частности, специалисты по документоведению). Но здесь приходится сталкиваться и с нечеткостью терминологии, и с разнообразием понимания одних и тех же терминов различными специалистами ***.

До сих пор не уточнен круг возможных источников, используемых обычно историками в своей работе. Имеется несколько точек зрения на этот счет, сводящихся по существу к двум: исторический источник является продуктом человеческой деятельности **** и отражает эту деятельность, отражает реальные явления общественной жизни ⁷³; исторический источник — это все то, откуда черпают сведения о прошлом, т. е. не только отражение непосредственного исторического процесса, но и то, что помогает познать ход исторического процесса во всем его многообразии.

Такое более широкое понимание «исторического источника» охватывает не только результаты человеческой деятельности — «памятники прошлого», т. е. памятники материальной и духовной культуры, но и то, что способствует определению и объяснению человеческой деятельности ***** — и естественно-географическую среду ⁷⁵ в самом широком понимании этого термина (включая и залежи полезных ископаемых, и при-

* Существенную помощь историкам-источниковедам в этом плане может оказать ознакомление с «Трудами по знаковым системам» (т. I—III, выходящими под редакцией Ю.М. Лотмана (Учен. зап. Тартуского государственного университета. Вып. 160, 181, 198. Тарту, 1964—1967).

** На этом моменте акцентировал внимание А.С. Лаппо-Данилевский ⁶⁹.

*** Это хорошо выявлено в работе: *Рудельсон К.И.* Классификация документной информации Государственного архивного фонда СССР (Историография. Современные проблемы). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1968. В.И. Шунков верно отметил: «Термины “информация”, “документация”, получив в наше время широчайшее распространение, не приобрели, однако, ни остаточной четкости, ни однозначности» ⁷¹.

**** По существу, такая трактовка исторических источников распространяет на все типы исторических источников характеристику письменных источников, восходящую по крайней мере еще к труду Ланглюа и Сеньбоса. Они понимали под документом «следы, оставленные мыслями и действиями некогда живших людей», и полагали: «Ничто не может заменить документов: нет их, нет и истории» ⁷².

***** Это неоднократно отмечалось в литературе ⁷⁴.

родные бедствия — землетрясения и т. д., и явления на солнце), и физико-психические свойства человека.

Маркс и Энгельс подчеркивал, что история природы и история людей «неразрывно связаны; до тех пор, пока существуют люди, история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга»⁷⁶. Жизнь и деятельность человека в значительной степени определяются его взаимодействием с естественно-географической средой⁷⁷ (при этом не следует упускать из виду и влияние человека на природу) и не могут быть поняты без учета особенностей физической и психической природы самого человека; это диктуется и современным состоянием науки — общественное знание немислимо без человекознания⁷⁸.

Очевидно, среди исторических источников (если принимать широкое определение) выделяются *источники собственно исторического происхождения*, т. е. продукты деятельности человека. Именно их главным образом и изучают историки; именно их исследуют, пользуясь методикой, специфической для исторической науки; именно их, наконец, обычно и называют историческими источниками. Это *основные исторические источники*, изучаемые с помощью приемов, разработанных специалистами в области общественных наук.

Однако понятие об историческом источнике как об источнике познания прошлого шире понятия об историческом источнике как об источнике исторического происхождения*. Имеются и другие исторические источники, которые обычно привлекаются лишь как вспомогательные и изучаются с учетом методики иных наук или даже специалистами в области других наук (например, медик Д.Л. Рохлин изучил кости наших предков, что позволило составить представление о болезнях человека в историческом развитии).

Слабо изучен вопрос и о стадильности исторического источника**. Ведь то, что мы признаем историческим источником, существует независимо от историка и становится собственно историческим источником лишь тогда, когда делается объектом изучения. Следовательно, можно говорить о такой категории, как потенциальный исторический источник или «предысточник».

Соответственно с изменением представлений об объекте исторического исследования и задачах исторической науки расширяются и круг исторических источников, и представление о характере, содержании и ценности отдельных исторических источников и их классов. Источниковая база историков изменяется; в научный оборот ученых входят новые типы, виды и разновидности исторических источников (и в то же время удельный вес отдельных традиционных классов источников меняется).

На заре исторических знаний обращались к устным преданиям или к объектам, связанным с этими преданиями (здания, стеллы, изображения, природные явления). С возникновением письменности стали преобладать письменные источники. С развитием науки заинтересовались ве-

* Быть может, источники исторического происхождения правильнее было бы называть «памятниками», так как они восстанавливают память о деятельности человека, сохраняют следы этой деятельности.

** Интересные наблюдения применительно к письменным источникам см. в статье М.К. Макарова⁷⁹. В настоящее время эту проблему разрабатывает И.Л. Бельский.

щественными памятниками, изобразительными памятниками, памятниками разговорного языка, обратили внимание на географическую среду, снова «вернули» историю фольклор, «открыли» этнографические источники; с появлением новой техники ввели в научный оборот фотокинофономатериалы⁸⁰; научились извлекать сведения, полезные для историка, из психологических наблюдений, из данных палеоботаники, палеонтологии, вообще биологических наук⁸¹ и т. д.

Изменялся и характер представлений об отдельных группах исторических источников, их «материальном составе». Так, Н.И. Конрад отмечает, что «однозначного для всех эпох и народов представления — что такое литература и что к ней относится — нет»⁸².

Научное значение письменных источников, точнее, отдельных их разновидностей также осознавалось не сразу. Так, если приводить примеры из русской историографии, значение акта как исторического источника было (по наблюдениям С.Н. Валка) осознано еще историками XVIII в., однако это относилось преимущественно к публично-правовым актам, частный же акт как источник русского права и истории попадает в сферу исследования только с 30-х годов XIX в., а русская дипломатика частного акта создалась лишь в ходе работы по изданию грамот Коллегии экономии, которой руководил А.С. Лаппо-Данилевский⁸³. Материалы писцовых книг использовались историками уже в XVIII — начале XIX в.⁸⁴, но по-настоящему ученые их оценили только во второй половине XIX в. На значение миниатюр лицевых рукописей как исторических источников обратил внимание еще Ф.И. Буслаев, но сравнительно широко использовать этот материал для исторических построений стали по существу после выхода в свет монографии А.В. Арциховского «Древнерусские миниатюры как исторический источник» (М., 1944). Литературно-художественные произведения только после работ В.О. Ключевского и В.И. Семева стали восприниматься, и то далеко не всеми исследователями, как ценные исторические источники*. В недавнее время стало ясным, какой первоклассный познавательный материал содержат вислые печати не дошедших до нас грамот⁸⁷.

Изменения источниковой базы отражают изменения в самом процессе исторического познания, в оценке исторических явлений, в том числе и изменения пространственных и хронологических представлений об истории. Прежде интересовались главным образом событийной историей (государственными деяниями, войнами, биографиями прославленных людей). И лишь сравнительно недавно обнаружился все возрастающий интерес к социально-экономической истории, к жизни широких масс, к материальной культуре, к социальной психологии. Раньше преимущественное внимание уделялось истории отдельных, избранных народов, и многие народы, политически зависимые тогда и менее «цивилизованные», презрительно именовались «несторическими». Ныне изучаются история и бесписьменных народов и дописьменный период в исто-

* Памятники художественной литературы и искусства независимо от нашей воли воздействуют на формирование исторических представлений, а для неспециалистов являются зачастую основным источником исторической информации⁸⁵. К таким памятникам очень полезно обращаться в преподавательской⁸⁶ и научно-пропагандистской работе. Но следует предостеречь от подхода к ним как к строго документальным свидетельствам о реальных исторических фактах.

рии народов, приобщившихся к традиционной цивилизации. История различных народов, а также и государств рассматривается в тесной взаимосвязи; изменяются сами представления о характере общего и частного в историческом развитии.

«Всемирная история, — писал Маркс, — существовала не всегда; история как всемирная история — результат»⁸⁸. Историки не только проникают все глубже в века, но и яснее понимают, что «то, что происходит все с большей и большей быстротой перед нашими глазами, есть тоже история»⁸⁹. Новейшие научно-технические открытия все более превращают нашу планету в единое информационное пространство в плане технических возможностей коммуникации⁹⁰.

Все это не могло не отразиться на практике источниковедческой работы историков, побудило обращать внимание не только на редкие, уникальные факты, но и на множественные и зачастую безымянные исторические явления и выработать методику сравнительного изучения таких явлений и обобщения множественных и многообразных источниковедческих наблюдений.

Соответственно некоторые классы источников утрачивали свою «уникальность», их стало возможным размножить (например, письменные с изобретением печатного станка, музыкальные произведения с изобретением грамзаписи, изобразительные материалы с изобретением фотографии). Они же стали и основным элементом «массовой» культуры. Соответственно изменяется удельный вес отдельных классов источников среди всего множества источников; изменяются и их социальная принадлежность, и значение для характеристики социальных явлений (например, письменные источники до распространения книгопечатания были в основном принадлежностью высших слоев общества; с классической музыкой до изобретения радио и граммофонных пластинок был знаком только узкий круг людей). Рос и потенциал отдельных классов источников как носителей массовой и быстрой информации (в этом плане можно было бы выделить особо две, так сказать, революционные эпохи: период Возрождения — начало распространения печатных источников и первая половина XX в. — время создания радио, кино, телевидения). Это способствовало и формированию представлений о типических исторических источниках различных периодов истории.

* * *

С проблемой «исторический источник» тесно соприкасается проблема *классификации исторических источников*.

Вопросу классификации исторических источников вообще и отдельных классов источников (особенно письменных)⁹¹ посвящена большая литература⁹², и наблюдается широкий диапазон подхода к данной тематике.

Классификация — важное средство организации познавательной деятельности, необходимая предварительная ступень для синтеза⁹³. В ряде наук, констатируют специалисты в области логики, задача классификации оказывается трудно разрешимой и вырастает в целую классификационную проблему. Особые трудности возникают при классификации сложных развивающихся объектов, где подчас невозможно провести чет-

кие грани между классами, т. е. единицами классификации, и «поэтому совершенно недостаточно знания формально-логических принципов классификации»⁹⁴.

Классификации, как известно, всегда условны и подвержены изменениям, отражая процесс развития наших знаний. Классификация объектов не обязательно предполагает наличие разработанных о них понятий. Более того, классификацию следует рассматривать как предварительное условие формирования таких понятий⁹⁵.

В исторической науке наиболее распространены различные варианты вспомогательных или примитивных классификаций*. Историк распределяет изучаемые им источники по определенным классам, и признаки, по которым производится деление объема понятия, могут быть совершенно разными**. Отмечено при этом, что легче классифицировать данные источников, чем сами источники.

Помимо частных классификаций источников, необходимых для конкретных исторических работ, имеются и варианты общих классификаций (по существу также исходящие из представления об исторических источниках как о «простых определенностях»). Эти классификации охватывают все подклассы того или иного основного типа источников (например, письменных или вещественных, или кинодокументов) или даже все классы источников.

Из таких самых общих классификаций наиболее известна классификация всего комплекса исторических источников на письменные, вещественные, лингвистические, фольклор, этнографические и кинофото-фото документы. Эту классификацию, воспринятую еще в своей основе из литературы рубежа XIX—XX вв., пытаются связать с классификацией наук вообще, — как с предметом науки, так и с методикой, применяемой при анализе изучаемого предмета⁹⁶. Действительно, эта классификация отражает путь развития науки, когда постепенно возникали и оформлялись отдельные гуманитарные науки; но при этом не учитываются трудности определения того, «куда отнести эти новые науки и что здесь является решающим — предмет науки или применяемые ею методы»⁹⁷.

Кроме того, что очень важно, предложенное основание деления не выдерживается в этой схеме. Нередко обнаруживается смешение понятий «типы источников» (например, лингвистические, этнографические и др.) и «материалы», используемые в научной работе лингвистами, этнографами и другими учеными-специалистами. Так, для лингвиста круг основных лингвистических источников отнюдь не ограничивается только памятниками устной речи (т. е. так называемыми лингвистическими источниками), обычно привлекаются и письменные источники и материалы фонотеки; этнографы широко используют в своей работе (в том числе в процессе полевой практики) в качестве основных не только так называе-

* Иногда стараются «философски» обосновать имеющиеся классификации, но по существу не выходят за пределы эклектических попыток объединить общефилософские представления с критериями классификаций, созданных ранее на основе совершенно иных признаков (чаще всего по внешней форме источника, по содержанию или по происхождению источника).

** Например, время создания источника (современные и поздние), подлинность (подлинники и копии), местонахождение (архивные и иные), различия по форме, по происхождению, по содержанию, по социально-политической направленности, по степени полноты, по степени известности и т. д.

мые этнографические источники, но и источники остальных пяти указанных типов⁹⁸. Лишь для фольклористов основным (хотя тоже не единственным) типом источников являются так называемые устные источники — фольклор. Чисто механически (очевидно, в связи с тем, что они позже вошли в научный оборот историков) объединены в один тип кино-, фото- и фонодокументы. Между тем фонодокументы, если использовать именно их текст, по существу, принципиально не отличаются от словесных источников и в то же время принципиально отличаются от фотодокументов; фотодокументы оказались в свою очередь оторванными от других подклассов типа «изобразительные источники», которые вообще обойдены в этой классификации*. В этой классификации не нашлось места и для источников, выраженных с помощью так называемых конвенциональных (условных) языков**, и для естественно-географических источников искусственного происхождения. Очевидно, встает проблема уточнений понятия «тип исторических источников». Принятые многими историками сейчас классификация и дефиниции от частого повторения стали привычными, общепотребительными, но не сделались от этого ни более обоснованными, ни более понятными***.

Обычно в классификациях, обозначая объекты соответствующего класса, отмечают лишь существенный в данном случае характер одних сторон объекта (тех, в которых объекты сходны между собой) и несущественный, опять-таки в данном случае, характер их различий¹⁰⁰. Например, все письменные источники одновременно являются и вещественными и соответственно могли бы быть классифицированы по признакам материала, на котором написан текст, материала для письма и т. д. Любой объект, даже специально, казалось бы, приспособленный для целей коммуникации (например, газета, кинофильм), передает и побочную информацию, не связанную прямым образом с его частной функцией¹⁰¹. Более

* Видимо, их предполагается рассматривать среди вещественных источников. Но к какому классу тогда отнести лицевые рукописи, плакаты?

** Вообще, вероятно, допустим вариант классификации всех источников на две группы: источники на естественном языке и источники конвенциональные, т. е. разъясняемые с помощью слов-знаков нашего обычного языка.

*** Вспомогательной классификации всего комплекса исторических источников, приспособленной прежде всего к нуждам прикладного источниковедения, был посвящен мой доклад о типологической систематизации исторических источников на заседании Археографической комиссии 13 апреля 1966 г.⁹⁹. В основу этой систематизации был положен внешний признак (внешняя «материальная» форма источников), определяющий соответственно и способ отражения источников действительности, и способ информации о ней (способ «чувственного» восприятия). В этой систематизации среди типов источников исторического происхождения особое внимание было обращено на словесные источники (подтипами которых можно считать разговорную речь, памятники устного народного творчества, письменные источники во всем их многообразии, фонодокументы) и изобразительные источники (подтипами которых можно считать произведения изобразительного искусства, фотоматериалы, отдельные кинокадры) и ставился вопрос о комплексных типах источников (например, кинофильмы — мимические по форме и тем самым относящиеся к типу этнографических источников, и в то же время зачастую соединяющие в себе изобразительные, словесные, звуковые типы источников; или монеты — вещественные источники с изображениями и текстами; картографические материалы, представляющие собой одновременно письменные, конвенциональные и изобразительные источники). Кинодокументы предлагалось выделить в особый самостоятельный тип и не только потому, что это — широко распространенный класс источников, но прежде всего потому, что это — единственные источники, показывающие (и соответственно позволяющие рассматривать) явление в движении и при этом с наибольшей оперативностью отражающие явления.

того, вещи, например в строгих условиях правил этикета, могут выступать прежде всего как знак (скажем, знак престижа).

«Сущностная» классификация исторических источников (в отличие от различного типа двукладных систематизаций) может быть построена, только опираясь на диалектическое представление о проявлении единства в многообразии, на представления о единичном, всеобщем и особенном, о теснейшей взаимосвязи и взаимообусловленности этих категорий. Однако общепринятые критерии разделения и сходства этих понятий применительно именно к источниковедению пока еще не выработаны.

Следует полагать, что возможности «сущностной» классификации исторических источников определяются только после специальных исследований знаковой функции источников (т. е. функции передачи значений). При этом можно учитывать наличие разных знаковых уровней и в источниках, обычно признающихся однотипными, например неодинаковость семантической структуры разных так называемых естественных языков (т. е. различия в составе и числе понятий, образов и символов, в содержании их, в условиях и возможностях их соединений)¹⁰², отражающую неодинаковость интеллектуальных уровней, и в конечном счете уровней культуры и просвещения у разных народов в разные эпохи.

Для выявления важных для историка признаков классификации источников необходимо также иметь представление о возможностях извлечения из разнотипных источников разных слоев информации — внешнего слоя, более доступного восприятию (так сказать, прямой информации), и более глубоких слоев (так сказать, непрямой информации).

Проблема классификации исторических источников является, таким образом, и одной из дискуссионных, и одной из актуальнейших проблем источниковедения. При подходе к этой проблематике особенно явно обнаруживается различие уровней и задач прикладного и теоретического источниковедения.

III

Общеизвестно, что основанием для всех исторических построений являются исторические факты, а о фактах этих исследователь узнает непосредственно, а через исторический источник. Таким образом, возникает важнейшая проблематика источниковедения: соотношение категорий «историческое явление», «исторический источник», «историк».

Это сложный комплекс проблем: исторический источник как исторический факт; исторический источник как посредник в познании исторического факта; или, напротив, исторический факт, известный уже прежде, как предпосылка к выявлению исторического источника; различие понятий «исторический источник» и «исторический факт»; пределы источниковедческого познания исторического факта; возможности получения исторической информации из различных типов (видов, разновидностей и т. д.) исторических источников и степень объективности и достоверности этой информации; исторический факт как элемент абстрагирования; двойственность понятия «исторический факт» — реальное явление прошлого и теоретическое представление о нем, т. е. результат научного мышления и соотношение этих категорий; исторический факт как

понятийная категория; изменение представлений об историческом факте и о возможностях его определения и т. д.

Литература по этой и подобной тематике необычайно велика¹⁰³, проблемы не раз вызвали дискуссии, и решение (и даже постановка) таких вопросов возможны, конечно, только при теснейшем взаимодействии исторической науки, философии и других наук.

Историки уже не удовлетворяются однолинейной ссылкой на упоминание о каком-либо факте как на неопровержимое свидетельство о нем; так же как и умолчание о том или ином историческом явлении не воспринимается уже как верное доказательство того, что этого явления не было. Однако «пережитки такого формального подхода» к историческим источникам, такой «фетишизации источников» все-таки еще имеют место¹⁰⁴.

Иногда наблюдается и излишнее недоверие к содержанию источников позднего происхождения. И вместо того, чтобы попытаться обнаружить первоисточники этих сообщений (или даже восстановить протографы поздних списков), содержание источников объявляют вымыслом, а людей, отделенных от нас веками, подозревают в таких знаниях в области истории, лингвистики, приписывают им такие приемы источниковедческого анализа, которые лишь недавно стали достоянием науки*. Не принимаются во внимание и различия представлений об авторском творчестве (и соответственно об авторском праве), характерные для людей разных эпох¹⁰⁷.

Трудная проблема источниковедения — соотношение понятий подлинности, достоверности и исторической правды. Под подлинностью разумеется действительное происхождение источника от подлинного автора (им может быть и коллектив, учреждение), «который обозначен (или подразумевается) в тексте источника»; под достоверностью же — необходимая и достаточная степень соответствия между явлением и его отображением в источнике (описанием в письменном источнике)¹⁰⁸. Но достоверность еще не есть историческая правда, т. е. по возможности приближающаяся к объективности отражение исторического явления (или явлений).

Например, не всякий подлинный и даже достоверный письменный источник дает возможность реконструкции исторического явления — не только объективной его характеристики, но даже внешней последовательности событий, соотношения участников событий и т. д. Могут уцелеть лишь осколки комплекса источников, источники, написанные автором, имевшим очень ограниченную информацию об интересующем учебном явлении, человеком, не способным связно изложить события, и т. д. Могут быть и источники, заведомо субъективные** или вышедшие из враждебной политической среды***, и надо «стараться отделить истори-

* См. в этой связи замечания М.Н. Тихомирова об отношении ученых к сообщению поздней Степенной книги о соборе 1550 г. в статье «Сословно-представительные учреждения (земские соборы) в России XVI века»¹⁰⁵. Интересные в этом плане соображения Пушкина о «Слове о полку Игореве» охарактеризованы недавно в книге Л.В. Черепнина «Исторические взгляды классиков русской литературы»¹⁰⁶.

** Очень полезно замечание С.Н. Валка (об источниках по политической истории) о необходимости предварительно установить особенности восприятия фактов составителем источников¹⁰⁹.

*** В то же время даже поддельный письменный источник, сообщающий недостоверные сведения об охарактеризованных в нем фактах, не может быть вовсе отвергнут историком, так как он, являясь материальным результатом человеческой деятельности и средством достижения определенной практической цели, содержит достоверные черты времени, к которому относится¹¹⁰.

ческую правду от намеренной лжи, замаскированных умолчаний * и неосознанных ошибок»¹¹². Кроме того, вообще во всяком источнике совмещается и переплетается намеренная информация с произвольным свидетельством о времени, которое в нем отразилось^{113**}.

Известно, что в результате «отсеивающего процесса» времени огромная масса исторических источников не дошла до исследователя. От ранних периодов распространения письменности мы имеем сравнительно немногие, подчас случайные письменные источники — множество документов погубило от природных бедствий, было уничтожено, попросту затерялось^{***}. Сказывался и процесс «изнашивания» исторических фактов¹¹⁶ — отбирали для памяти только то (наблюдение это особенно относится к так называемым описательным источникам), что считалось более значительным; да и записывали эти сведения обычно не сразу (Клио, как мы знаем, начинает говорить лишь о том, что уже перестало существовать!) не включали в описание.

Наконец, письменные источники имеют «стабильные пробелы», в частности они не отражают повседневную жизнь и классовую борьбу трудящихся в антагонистических классовых обществах¹¹⁷. Более того, это отражено, как правило, в источниках, вышедших из иной классовой среды: в феодальных хрониках^{****}, памятниках законодательства, документах феодального хозяйства; и прямое воспроизведение данных таких источников чревато искажением исторической правды¹¹⁹.

Если бедность источниковой базы по истории отдаленных эпох принуждает историка собирать все (по возможности) данные об этом времени, то для новейшего времени, напротив, обилие сохранившихся источников выдвигает перед ученым задачу *сразу же* обратить внимание на *важнейшие* из них, содержащие наиболее существенные сведения об изучаемых явлениях¹²⁰. Но и в том, и в другом случае перед исследователем возникают проблемы типичности исторического источника и его ценности^{*****}, которые в каждом конкретном варианте решаются в известной мере в зависимости от наличия сравнительного материала. И тут-то историка особенно подстерегает опасность субъективных и импрессионистских построений.

Конечно, при попытках определить историческую ценность источника необходим прежде всего классовый анализ, надо учитывать особенности классовой, государственной, национальной, социальной, культурной принадлежности создателя источника, характерные черты эпохи. Без этого невозможно понять, как отражена в источнике историческая дейст-

* Известен афоризм В. О. Ключевского: «Торжество исторической критики — из того, что говорят люди известного времени, подслушать то, о чем они умалчивали»¹¹¹.

** Такое «свидетельство» может быть иногда и произвольным, и достаточно откровенным. Так, А. В. Арциховский, характеризую летописные миниатюры, пишет: «Идеологий, собственно говоря, две. Одна из них принадлежит казачикам, другая — мастерам. Переплетение получается довольно причудливое»¹¹⁴, т. е. в данном случае мы имеем фактически как бы совмещение двух вариантов информации.

*** Так, до нас не дошла значительная часть даже важнейших документов по политической истории России XVI в.¹¹⁵

**** Как отмечал еще Н. А. Добролюбов, «истории народа по данным летописным составить было невозможно, если человек не умел, как говорится, читать между строк»¹¹⁸.

***** С этим связан и вопрос о методике изучения «массовых источников», т. е. таких документов, «которые отражают единичный факт или явление, сами по себе имеющие ограниченный интерес, но в совокупности позволяющие выяснить ту или иную закономерность»¹²¹.

вительность, ибо форма * и содержание источника в первую очередь обусловлены социальной средой. Положение это можно признать большим достижением советского источниковедения.

Однако следует иметь в виду и то, что может измениться и смысловая, и эмоциональная ** нагрузка источника. Традиционная форма исторического источника (в частности, текстовые стереотипы, шаблоны, даже формулировки) может уже не соответствовать исторической действительности ***; или источнику давней поры могут оказаться присущи новые черты **** (иногда существенно искажающие его первоначальную основу). Ведь источники — факты не только прошлого, но и настоящего; и некоторые типы источников (например, разговорная речь, памятники фольклора, этнографические — мимические обычаи и т.п.) особенно сильно подвержены изменениям. Недаром народные обрядовые представления (являющиеся сложным комплексом сочетаний разнотипных источников) называют «тающими курганами».

Проблематика, связанная с особенностями отражения в источниках исторической действительности и ее восприятия, находится на стыке не только с социологией, но и с психологией. Здесь надо иметь в виду и объективные, и субъективные факторы, относящиеся и к автору (составителю, создателю источника), и к тем, на кого был рассчитан источник в момент его создания, и к ученому, привлекаемому этот источник, и к тем, кому он адресуется свой труд.

Все это подводит вплотную к проблемам: исторический источник и психология творчества, исторический источник и психология восприятия (массового и индивидуального).

Восприятие у разных людей зависит не только от черт характера и индивидуальных психофизических особенностей человека, но и от объективных условий: прежде всего от социальных условий, а также от уровня образования и воспитания, от информации, накопленной в предшествующее время ***** , от степени «массовости» коммуникаций и ее влияния на индивидуум. При этом следует учитывать такую характерную черту ин-

* Необходимо строго различать «внешнюю», т. е. материальную, форму источников и их «внутреннюю» форму. Под «внутренней» формой письменных источников можно (вслед за С.М. Каштановым) понимать «структуру и стилистические особенности текста источника»¹²².

** Так, языковые знаки служат не только для целей взаимопонимания, для описания явлений (символическая функция), но и для выражения определенных чувств (символическая функция) и для возбуждения определенных чувств и действий (сигнальная функция)¹²³.

*** А.И. Неусыхин писал в этом плане о варварских правдах: «... “отставание” архаических норм варварских правд от той стадии развития, которая была достигнута данным племенем к моменту их записи, и составляет весьма ценную их особенность для изучения предшествующих стадий. Ибо эта особенность позволяет исследователю-историку, применяя методы археолога, вскрывать различные пласты и напластования, более ранние и более поздние»¹²⁴.

**** В частности, в старые тексты вносили и новые шаблоны. Так, западноевропейские хронисты-писцы постожно делали одни и те же ошибки: когда они списывали сочинения классических авторов, то невольно вставляли туда выражения из Священного писания¹²⁵.

***** Количество информации зависит от совокупности сведений, которыми располагают и приемник, и передатчик, относительно сообщений определенной категории, от набора «символов», интересующих получателя. «...Объект говорит с человеком на определенном языке (или языках), а человек в зависимости от ситуации может либо владеть этим языком (или некоторыми, или всеми языками) и понимать его, либо “читать” не все, что ему сообщается, либо вовсе не понимать “языка” предмета или понимать его ложным образом», — пишет Д. Сегал¹²⁶.

формации, как ее нестатичность — информация разная в разное время. Все более заметный разрыв между современной цивилизацией и культурой далекого прошлого приводит к тому, что утрачивается способность восприятия элементов прежних коммуникативных связей.

Все это необычайно усложняет задачу историка.

Как известно, в различные эпохи общественного развития «человек получает от природы различные впечатления, потому что он смотрит на нее с различных точек зрения»^{127*}. Исследованиями (главным образом последних десятилетий), основанными на тонком анализе разнообразных источников, показаны серьезные отличия в мышлении и восприятии людей давнего времени и наших современников. Так, интересны в методическом плане и для источниковедов выводы и наблюдения П.А. Флоренского о понимании и восприятии пространства в изобразительном искусстве древности и периода Возрождения¹²⁸, Р. Мандру — об особенностях психологии европейцев XVI—XVII вв.^{129**}, М.М. Бахтина — о массовой «народной смеховой культуре» и особенностях ренессансного мировоззрения и мировосприятия¹³⁰. Ж.-П. Вернан отметил специфические черты «исторической психологии» древних греков, когда формировался особый тип памяти, в которой отсутствует временное расстояние, т. е. не вспоминают, а как бы видят то, о чем говорят¹³¹. В средние века сомнение в действительности рассказываемого разрушало художественное впечатление. Поэтому в памятниках фольклора^{***} и в памятниках литературы столь редки открыто вымышленные имена и события¹³³, и создается тем самым предпосылка для поисков реальных первоисточников сведений, содержащихся в памятниках, подвергшихся даже неоднократным в течение веков искажениям.

Источниковед призван стараться освоить современному источнику системы коммуникаций и попытаться расшифровать и оценить источник с точки зрения его современников и в то же время «прочитать» его «свежими, и нынешними очами».

И историки постепенно овладевают навыками более проникновенного «прочтения» исторического источника, а соответственно и более адекватного отражения содержания источников в познавательных образах^{****}. Так, как бы реализуется в источниковедческой практике диалектическое положение о соотношении абсолютной и относительной ис-

* Выготский широко использовал в данной работе и труды Плеханова об искусстве, не привлекая до сих пор еще должного внимания источниковедов.

** Р. Мандру, в частности, показал, что в XVI — начале XVII в. зрение играло относительно меньшую роль в ощущении и восприятии, чем слух и обоняние.

*** На этом основаны представления о былинах тех ученых, которые справедливо (вслед за Б.Д. Грековым) полагают, что «былина — это история, рассказанная самим народом», и стараются выявить историческую подоснову былин, первичный толчок, оставшийся в памяти народной воспоминание об определенных событиях и деятелях¹³².

**** А.И. Данилов правильно отметил: «Прогресс исторического познания, как известно, не сводится только к нахождению и включению в научный оборот все новых и новых групп исторических источников, ранее неизвестных исследователям; прогресс исторической науки не в меньшей мере заключается и в том, что новые поколения исследователей приобретают с помощью ранее известных источников такие данные, которые прежде были не доступны историкам. Это определяется тем, что исследователь обнаруживает новые стороны в историческом источнике, устанавливает ранее неизвестные исторические связи, засвидетельствованные в памятнике, и достигает тем самым более адекватного отражения содержания исторического памятника в познавательных образах»¹³⁴.

тины. И именно в этом в первую очередь, а не только во введении в обиход историков ранее неизвестных им первоисточников, обнаруживается прогрессивное развитие исторического мышления.

Неполнота источниковой базы приводит к необходимости разрабатывать принципы реконструкции целого по сохранившимся его частям. Каковы критерии реконструкции? Допустимо ли прогнозирование в источниковедении и вообще в историческом исследовании? Думается, что элементы прогнозирования в той или иной мере присущи и творчеству историка-источниковеда. В конечном счете это отражает свойственную человеку способность представить реальность за пределами непосредственного восприятия, способность представлять «воображаемые» объекты и восстанавливать образ по неполной информации о нем.

Известно, что историку в отличие от естествоиспытателя не дано экспериментальным путем восстановить описываемые факты. Можно и должно восстановить лишь правильное, объективное представление об исторических фактах. Историк, не имея возможности экспериментальным путем воссоздать историческое явление, а следовательно, проверить абсолютную точность его определения и описания и не обладая обычно знанием *всех* фактов, относящихся к этому явлению, а лишь фрагментами таких знаний, вынужден прибегать к приему исторической реконструкции, должен дорисовать в своем сознании затененные стороны и взаимосвязи изучаемых им явлений.

При этом историк опирается не только на знания явлений, современных изучаемому или предшествовавших ему, но и на сложившиеся у него представления об исторических фактах последующего времени *, в том числе и современных самому историку, на наблюдения настоящего дня, т. е. на весь имеющийся у него исторический опыт. И здесь обнаруживается теснейшая — прямая и обратная — взаимосвязь процессов исследования настоящего и прошлого, выявляющаяся в самой структуре процесса прогнозирования: если, прогнозируя будущее, ученый опирается на свои знания о прошлом, на познанные уже закономерности, то, объясняя и описывая прошлое, ученый опирается и на свои знания о времени, последующем по отношению к изучаемому, восстанавливая ретроспективно явления прошлого по его остаткам, угадывая корни растения по его сохранившимся и развившимся ветвям. Кроме того, историк имеет и такой критерий проверки исторических данных, как знание результата, к которому привели исследуемые им явления. По существу, и восстановление картины прошлой жизни, и предсказание картины будущего — это две стороны одного и того же умственного процесса, который можно было бы обозначить термином «прогнозирование».

Применительно к источниковедению необходимо учитывать и то обстоятельство, что историк может пытаться реконструировать источник, используя возможность сравнения его (формы, степени полноты, достоверности и т. д.) с другими источниками.

* Большой интерес и для источниковеда представляет метод познания прошлого, называемый «ретросказанием». «Ретросказание — это процедура (и соответственно совокупность применяемых в этой процедуре методов) опосредствованного, выводного получения знаний о прошлых предметах на основе знаний о настоящих или о других прошлых предметах»¹³⁵.

Сейчас делаются успешные попытки такой реконструкции в различных областях источниковедения: опыты восстановления разрушенных зданий, даже городов, разломанных скульптур, записанных другой краской картин, смытых фотографий и кинокадров, звучания голоса; опыты добывания огня способом древних людей; пользование приемами давних трудовых процессов; путешествия на судах особого типа и по определенному маршруту с целью проверки возможности такого передвижения и т. д.

Элементы подобного экспериментирования наблюдаются и в работе с письменными источниками: археографы восстанавливают утраченные фрагменты текста (и это специально оговаривается при публикации); имеются попытки реконструировать протографы летописей или не дошедшие до нашего времени летописные тексты (работы А.А. Шахматова, М.Д. Приселкова, издавшего таким путем сгоревшую Троицкую летопись), формуляры актов и другую документацию, не дошедшие до нас или незавершенные литературные произведения (работы И.Л. Фейнберга о сочинениях Пушкина на историческую тематику). Необходимо отметить, что попытки реконструкции исторических источников требуют применения максимально точных методик, в том числе используемых специалистами в области истории языка, естественных и технических наук.

* * *

Исторические объекты уже давно изучаются не только исторической наукой, но и другими науками, прежде всего гуманитарными, и с помощью методов этих наук. Это отражает характерный для современного развития научного знания процесс взаимопроникновения наук *. Важный аспект такого взаимопроникновения — это возможность использования в источниковедении некоторых методов мышления, получивших развитие в рамках «точных дисциплин», для которых характерно применение строгих (допускающих в принципе формализацию) правил вывода, что предполагает специфический предмет, с которым проводятся соответствующие операции: теоретические модели, абстрактные структуры, выделенные в процессе изучения эмпирических явлений¹³⁸. Поиски путей осуществления подобных операций в источниковедении представляются многообещающими, особенно применительно к «массовым источникам» **.

Однако количественными числовыми мерами можно (при нынешнем уровне наших знаний) охарактеризовать отнюдь не все стороны жизни людей, и следовательно, не все исторические явления, ибо история — это прежде всего общественное знание, основной объект исследования — человек и человеческие коллективы.

* Эту отличительную черту отмечают и языковеды, и литературоведы¹³⁶. Можно привести множество фактов взаимопроникновения методики и даже тематики в трудах историков, литературоведов, языковедов. Одним из удачных приемов подобной работы является исследование А.С. Орешникова «К вопросу о составе Краткой правды». Автор путем анализа цепи условных синтаксических конструкций попытался определить состав и время происхождения важнейшего памятника Древней Руси¹³⁷.

** Первые и очень успешные результаты такой работы обобщены в настоящем издании в статье И.Д. Ковальченко¹³⁹.

Очевидно, механическое перенесение математических или иных методов в источниковедение и в историческую науку в целом было бы ошибкой¹⁴⁰, но найти точки соприкосновения с этой методикой и пути творческого освоения того, что может быть использовано в собственно исторических исследованиях*, и выявить тем самым новые импульсы развития источниковедческой методики — важная задача источниковедов.

В источниковедении, естественно, должны войти некоторые термины, употребляемые в смежных науках (или даже в естественных, или технических науках). Однако не всегда это делается с должной основательностью; иногда наблюдается замена одного (кажущегося обычно устаревшим) понятия другим, более современным, общеупотребительным в специальной, особенно в философской, литературе, без мотивировки причин отказа от традиционных обозначений и без попыток указать соотношение (шкалу) прежних и нововводимых обозначений. Такая практика «переодевания» понятий без разъяснения существа и прежнего, и вновь вводимого понятий не способствует их уточнению. Попытки объяснить одно неразъясненное понятие другим, более модным, но также нераскрытым, научно бессодержательны. Наблюдения эти снова заставляют задуматься над тем, насколько важна и актуальна для источниковедения «терминологическая проблема».

Думается, что допустимо искать линии, сближающие процесс творчества историка (а следовательно, и источниковеда) с творческим процессом писателя, с художественным мышлением. Ведь и историк, и писатель (во всяком случае писатель-реалист) стремятся, как правило, к показу характерных, достоверных и убедительных с их точки зрения явлений¹⁴¹ и воспроизводят типичные черты общественной жизни (в широком смысле слова) на основании изучения единичного. (При этом в писательских «допущениях» иногда может быть больше внутренней правды, чем в непосредственных свидетельствах, если они односторонние.)

Помимо того, в исторических работах (и в печатных трудах, и в преподавательской и пропагандистской деятельности) обнаруживается особого рода образное мышление**, которое оказывается сродни эстетическому^{143***}. Отмечена — и как раз представителями естественных и точных наук — близость мыслительного процесса ученых и писателей, научного и художественного творчества¹⁴⁵.

* * *

Творческое освоение методики иных отраслей познания облегчается для источниковедов тем обстоятельством, что сам метод источниковедческого (и вообще исторического) исследования отличается синтетической

* Историк пока еще слабо творчески освоил плодотворные попытки использования математических методов лингвистами и социологами и не определил возможности соотношения в этом плане своей методики и методики других гуманитарных наук.

** Это легко обнаружить, например, в «Курсе русской истории» В.О. Ключевского. Об этом в методическом плане рассуждал И.И. Полосин¹⁴².

*** Очень интересны наблюдения М.В. Нечкиной об особенностях образного мышления К. Маркса¹⁴⁴.

спецификой *. Особенно это заметно тогда, когда объектом исследования становятся не отдельные исторические события, факты, а системы, связи объектов.

Соответственно с этим развиваются приемы комплексного и сравнительного изучения различных типов источников и их различных видов и разновидностей. Первоначально стали комплексно изучаться различные типы источников (точнее — данные, извлеченные из источников различных типов), относящиеся к одному и тому же историческому явлению. И начали это первыми историки, исследующие эпохи, бедные историческими памятниками. Сейчас уже стало само собой разумеющимся делать выводы о далеком прошлом и об эпохах первоначального распространения письменности, обращаясь не только к письменным, но и к другим видам и типам источников **. С хронологическим же приближением к нашим дням обращение к инотипному материалу (общепринятое в музейной и школьно-педагогической практике, особенно в краеведческой работе) в собственно исторических исследованиях, даже в учебных пособиях *** остается еще, к сожалению, редким явлением.

Действительно, в настоящее время, как правило, наибольший информационный потенциал у словесных источников (точнее, даже у письменных): здесь больше возможностей для выражения и сложных и простых понятий, и, главное, словесные источники более всего доступны восприятию и историка, и тех, на кого рассчитаны труды историка ****. Ведь именно естественный язык человека, являясь непосредственным мате-

* А.И. Уваров сформулировал это положение: «В живом процессе познания и философские, и логические, и частные методы и исследования как бы синтезированы в один метод, тесно связанный с содержанием мысли, приспособленный к специфике объекта. Они не выступают в данном случае в своей абстрактной теоретической форме, безразличные к содержанию, как бы усредненные, какими рисует их логика. Реально применяемый в науке метод познания синтетичен, сложен, нередко противоречив, но, что особенно следует подчеркнуть, обладает целостностью. Чем сложнее объект исследования, тем сложнее научный метод, используемый в данной области»¹⁴⁶.

** М.Н. Тихомиров, отмечая, что Б.Д. Греков привлек к изучению Древней Руси не только письменные источники, но и данные археологии и лингвистики, писал: «Стало ясным также и то, что историческая наука — это наука комплексная, основанная на всех достижениях истории, археологии, археологии, лингвистики, этнографии, и только недалекие люди могут думать о приоритете какой-либо из этих исторических дисциплин»¹⁴⁷.

*** Отрадно, что во введении к ценному учебному пособию М.Н. Черноморского «Источниковедение истории СССР, (Советский период)» (М., 1966) кратко охарактеризованы вещественные, лингвистические источники, фольклор. Странно, однако, что среди основных классов источников отмечены не так называемые этнографические, т. е. добытые путем непосредственных наблюдений (либо путем информации, полученной от населения), а тематически обычно отражающие быт, характерные черты каждодневной жизни. Именно к этнографическим источникам могут быть отнесены (в XIX в.) «собственные наблюдения» автора, давшие возможность изучить «действительную жизнь», о которых писал Ф. Энгельс в «Положении рабочего класса в Англии»¹⁴⁸. Такого типа источники широко использовались и в советские годы (яркий тому пример — работа Я.А. Яковлева «Деревня, как она есть. (Очерки Никольской волости)». М., 1923). Этнографические источники являются особенно важными для работ по истории предприятий, городов и сел, для социологических исследований. В то же время этнографические источники — важный первоисточник для некоторых видов письменных источников (прежде всего очерков), для изобразительных источников, кинодокументов.

**** Можно далее полагать, что восприятие прямой исторической информации через письменные источники, особенно целенаправленной информации, препятствует возможности восприятия менее поверхностных слов информации из других типов источников.

риальным воплощением мышления, несет основную гносеологическую * и культурно-историческую нагрузку в обществе^{150**}. К тому же мы не располагаем пока еще методикой раскрытия в такой же мере информационного потенциала других типов источников.

Однако даже для нового времени письменные источники не всегда могут быть признаны основными. При изучении истории производительных сил более важными оказываются вещественные памятники, например орудия труда, средства передвижения, или этнографические источники (непосредственно наблюдаемые трудовые процессы) по сравнению с изображениями и описаниями их. При изучении массовых действий более полную информацию по сравнению с письменными источниками можно извлечь иногда из кадров кино (прежде всего хроникальных). Об общественном настроении, о социальной психологии подчас особенно много узнаём из музыкальных произведений.

Сейчас можно уже говорить о *сравнительном источниковедении*. Предмет и методика его четко не определились, но уже накопились интересные наблюдения, имеется уже и некоторый материал для обобщений.

В плане сравнительного источниковедения возникает немало проблем: общие приемы изучения разнотипных источников; общее и особенное в структуре разнотипных источников, в характере взаимодействия их формы и содержания; место различных типов источников в разных системах коммуникационных связей; особенности отражения исторической действительности в источниках разных типов; особенности восприятия исторической информации, заключенной в разнотипных источниках; допустимость применения тех или иных приемов при изучении источников различных типов; возможность сопоставления данных, извлеченных из разнотипных источников; соотношение разных типов источников при изучении различных эпох или тем и т. д.

Элементы сравнительного источниковедения выявляются без труда и при подходе к различным видам (и разновидностям) однотипных источников^{***}, например письменных. И здесь также немало проблем: например, проблема иерархии исторических источников в зависимости от формы, содержания, происхождения, датировки и т. д. (в частности, отношение к теории о так называемых исторических остатках и об исторической традиции); возможный комплекс источников при изучении различных тем, эпох и специфика этого комплекса источников; возможности применения методики изучения источников одного вида к другому виду (например, статистических методов при обработке не только цифровых материалов; приемов так называемой дипломатической критики не только при изучении актов); возможности применения методики изучения источников одной общественно-экономической формации к изучению источников другой формации; возможности применения методики изучения источников одного тематического круга вопросов, одной сферы историче-

* Г. Фреге отметил «особенно большую познавательную роль зрительно воспринимаемых письменных знаков... их определенность позволяет с их помощью четче вычленять обозначаемое». Наконец, «употребление письменных знаков делает более обозримыми предметы нашего рассмотрения»¹⁴⁹.

** Перекодирование именно с помощью естественного языка признается мощным орудием увеличения количества поступающей и сохраняемой информации¹⁵¹.

*** Интересны многолетние наблюдения археологов о вещественных источниках¹⁵².

ского исследования к другой тематической сфере (например, приемов изучения источников по социально-экономической истории при исследовании материалов по политической или культурной истории) и т. д.

При изучении более или менее сложных исторических явлений исследователь имеет дело чаще всего и со сложной источниковой базой. Такая источниковая база представляет собой по существу систему систем, причем каждой системе * источников присущи свои особенности освоения исторического материала.

Прежде всего к исследованию, как правило, привлекаются исторические источники, сопоставимость данных которых кажется естественной. Назовем условно эту систему исторических источников *системой одного класса*. Система источников одного класса — это источники одного вида или разновидности, близкие между собой по содержанию и обычно также по времени создания и по происхождению, источники, при изучении которых используется одинаковая (или схожая) методика.

Среди систем источников одного класса могут быть системы источников, близких друг к другу по основной общественной направленности или, напротив, противоположной направленности (например, при изучении политической истории комплексы газет или мемуаров, отражающих взгляды различных общественных группировок).

Ученые могут при исследовании исторического явления обращаться и к источникам различных видов и разновидностей (например, одновременно и к летописям, и к актам) и даже типов (например, и к письменным, и к вещественным), так же как и к разновременным источникам. Тем самым в процессе исследования создаются *системы исторических источников разного класса* **. Сопоставление содержащих в подобных источниках данных об интересующем ученого историческом явлении представляется более сложным.

Плодотворное изучение источников, принадлежащих к системам одного класса и особенно к системам источников разного класса, обусловлено способностью исследователя к выявлению характерной специфики источников той или иной разновидности (прежде всего коммуникативных особенностей этих источников) и приемов извлечения из них необходимой информации. Для этого в сознании ученого должно быть представление о *видовой системе исторических источников* (например, система представлений о летописях вообще, т. е. о летописях разных веков и территорий, как об особом виде исторических источников и о специфике изучения летописей). Наконец, имеет значение и усвоенное ученым (из опыта других исследователей и своего) представление о типовых системах комбинации определенных источников.

Сочетание данных, выявившаяся в процессе обращения ученого к источникам этих различных систем, а также к опыту типовых комбинаций источников, позволяет составить более или менее ясное представле-

* Вероятно, правильнее было бы сказать «комплекс совокупностей элементов», так как в философской литературе под системой подразумевается совокупность элементов, не только взаимосвязанных между собой, но и образующих некоторое целостное единство.

** Такого типа системы могут встретиться исследователю и на самой начальной стадии его работы: например, архивный фонд, включающий источники и разновременные и различных разновидностей.

ние в целом о системе источников, содержащих сведения об интересующем исследователя историческом явлении и об источниковедческих приемах, к которым придется обратиться ученому при изучении этого явления.

По существу, все три группы систем оказываются вспомогательными при конструировании сложной и кажущейся как бы единой системы исторических источников, необходимой исследователю для познания изучаемого им исторического явления. При этом исследователь старается выявить какие-то закономерности; и, хотя он сознает уникальность и неповторимость привлеченных им к исследованию материалов, он пытается зафиксировать всеобщее во всех этих источниках и применить какие-то общие приемы к их изучению *.

Все это свидетельствует и о том, что элементы синтеза присущи даже начальному этапу источниковедческой работы **. Историк, как правило, обращается к источникам разных видов и разновидностей и синтезирует в своем сознании впечатления, полученные и от знакомства с непосредственными остатками изучаемого явления (т. е. с так называемыми историческими остатками), и от знакомства с первичными представлениями о нем (т. е. с так называемыми историческими преданиями) и вообще с дошедшими до нас представлениями об этом историческом явлении (т. е. с так называемой исторической традицией в широком смысле слова). Наконец, с самого же начала исследования эти впечатления от первоисточников соединяются у ученого с «внеисточниковедческими знаниями» — с впечатлениями, являющимися результатом его общих исторических знаний, а также знаний, почерпнутых из философии и других общественных наук ***, из житейского опыта ****. Все это предопределяет саму системность исторического и собственно источниковедческого мышления.

И одна из первоочередных задач в области теоретического источниковедения — более четкое определение соотношения элементов этой системы и их функций, уточнение специфики структурного начала в источниковедении.

* * *

Принцип «историзма» предполагает учет и истории развития объекта (изучаемого наукой), и истории его познания, т. е. развития самой науки ¹⁵⁶. Одним из признаков формирования самостоятельной науки (или отрасли научного знания) является осмысление ею и своей собственной

* Одновременно выявляется и ценность источников — в источниковедческом исследовании отнюдь не случайны, конечно, и шкала значений различных источников (или их групп) при изучении данного вопроса (источники первостепенной, второстепенной и т. д. важности), и соответственно соотношение источников и последовательность их использования ученым.

** С.Н. Быковский писал даже специально о «синтетической критике» ¹⁵³.

*** О синтетичности исторического знания см. интересные наблюдения А.И. Уварова ¹⁵⁴.

**** Исторические представления возникают не только вследствие знакомства с теми материалами, которые специалисты признают собственно историческими источниками или даже первоисточниками. Их воспитывает все, что задевает сознание и чувство. Ведь жизненный опыт человечества — это прежде всего исторический опыт, и отделить процесс собственно исторического познания от процесса познания от вообще практически невозможно ¹⁵⁵.

истории. При этом «ускорение темпов развития наук, — как отмечает А.М. Румянцев, — в огромной мере зависит от степени преемственности тех идей, которые добыты прошлым. Чем выше уровень преемственности, чем полнее используется опыт предшествующих поколений, тем быстрее происходит развитие науки...»¹⁵⁷.

В последнее время (работами С.Н. Валка, А.И. Гуковского, А.А. Зими́на, С.М. Каштанова, А.И. Копанева, Д.С. Лихачева, Я.С. Лурье, М.К. Макарова, О.М. Медушевской, А.Т. Николаевой, Л.Н. Пушкарева, Л.В. Черепнина, Л.Е. Шепелева, В.Л. Янина, В.К. Яцунского и др.) много сделано для выявления историографического наследства в области источниковедения. Тема эта стала предметом специального изучения. Введены в научный оборот оказавшиеся забытыми ценные теоретические и конкретные наблюдения дореволюционных и особенно советских источниковедов¹⁵⁸. Целесообразно продолжить выявление в архивах собственно источниковедческих трудов ученых, не опубликованных при их жизни (особенно по методике источниковедения). Пример издания материалов лекций В.О. Ключевского по источниковедению — удачное начало такой работы.

Полезно было бы специально изучить и источниковедческую методику тех крупных исследователей, в сочинениях которых не находим общей характеристики или детального обоснования их источниковедческих приемов¹⁵⁹. При это следует, конечно, рассматривать методику ученых в динамике, а не в статике, избегая тем самым соблазна приписывать иным ученым такую цельность методических взглядов *, какой они еще не обладали (необоснованная тенденция к систематизации разнообразных творческих приемов и поисков ученых может на деле привести к их догматизации!).

Важно обращать особое внимание и на слабые стороны этой методики, так как «нельзя научиться решать свои задачи новыми приемами сегодня, если нам вчерашний опыт не открыл глаза на неправильность старых приемов»¹⁶¹. Более того, необходимо различать классовую подоплеку отказа ученых от использования некоторых методических приемов, ибо, как верно отметил Е.А. Косминский, «слишком часто буржуазные историки забывали о точных исследовательских методах, когда им нужно было избежать неприятных проблем или исказить их решение в своих целях»¹⁶².

Советские ученые должны освоить все полезное, что оставила дореволюционная наука, — ленинский наказ об освоении культурных традиций имеет непосредственное отношение и к историографическому наследию **. Между тем усвоению некоторых сторон историографического наследия препятствовало то, что в оценке научного творчества ученых на методику их исследовательской работы иногда механически распространяли представления об их мировоззрении. Проходили мимо марксистского положения о том, что наука и идеология — не тождественные явления¹⁶⁴.

* Очень уместно в той связи напомнить наблюдение В.В. Виноградова о творчестве Шахматова: «Он не рассуждал о методах, а создавал их в процессе работы»¹⁶⁰.

** Об этом специально говорил А.В. Луначарский в 1925 г.¹⁶³.

Не учитывалось и то обстоятельство, что «техника исторического исследования» в отличие от методологии развивается не по законам идеологической преемственности, а по законам познавательной преемственности; потому-то и сохраняется в рамках современного источниковедения и используются историками-марксистами многие методические приемы дореволюционного источниковедения¹⁶⁵. Старые источниковедческие приемы так называемой внутренней и особенно внешней критики исторических источников, подобно механике Ньютона, являются классическими не потому, что они старые, но прежде всего потому, что дали образцы, достойные подражания, и оказались основой, на которой в дальнейшем развивалась и обогащалась источниковедческая методика. Приемами определения подлинности источника, его авторства, датировки и т. п. обычно владеют и историки-немарксисты; более того, они способны совершенствовать эти приемы. Основная линия раздела между историками в зависимости от их классовых установок и степени овладения диалектическим мышлением становится отчетливо заметна тогда, когда источники отбираются и интерпретируются — используются для существенных исторических выводов.

Оказались неосвоенными должным образом и ленинские мысли о том, что «умный идеализм ближе к умному материализму, чем глупый материализм»¹⁶⁶, и что передовые представители общественных наук иногда «невольнo приближаются к марксизму»¹⁶⁷.

Все это, к сожалению, привело к тому, что оценки ущербного мировоззрения переносились (при подходе к творчеству Лаппо-Данилевского, Шахматова, Преснякова, Приселкова)^{168*} непосредственно на методику, а в отдельных случаях на методику пытались перенести даже политические характеристики (при этом факты для политической характеристики подбирались не всегда объективно). Подобные вульгарно-социологические искривления способствовали созданию неправильного впечатления об историческом развитии методики источниковедческого исследования, вели к недопониманию и к недооценке роли выдающихся отечественных ученых в развитии отечественного и мирового источниковедения. Ясно, что необходимо снова вернуться к этим вопросам и дать более объективную характеристику научного творчества наших выдающихся ученых, опираясь в оценке их трудов на ленинский критерий: «Исторические заслуги судятся не по тому, чего *не дали* исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они *дали нового* сравнительно со своими предшественниками»¹⁷⁰.

Вообще настала пора создания обобщающих серьезных трудов по историографии источниковедения. Желательно было бы при этом проследить, в какой мере те или иные ученые выступали предшественниками современного источниковедения, не пользовались ли они (иногда стихийно) теми исследовательскими приемами, которые в наши дни утверждаются в науке, и какое воздействие оказали труды этих ученых (зачастую опосредствованно) на развитие современной источниковедческой методики.

* Поверхностный подход к взглядам А.С. Лаппо-Данилевского обнаружился, к сожалению, и в недавней статье Л.Н. Пушкарева¹⁶⁹.

В.А. Штофф справедливо писал в предисловии к своей книге: «Если проследить внимательнейшим образом историческое развитие научных идей и методов, нетрудно заметить, что модели никогда не исчезали из арсенала науки»¹⁷¹. Так, попыткой моделирования были поиски модели формуляра актового источника Лаппо-Данилевским. Сейчас, при усилении интереса к проблематике «социальная психология и история», небезполезно было бы обобщить источниковедческие наблюдения и в этом плане, имеющиеся, в частности (применительно к истории Руси), в трудах дореволюционных (особенно Ф.И. Буслаева, И.Е. Забелина, А.П. Шапова, В.О. Ключевского, Н.П. Павлова-Сильванского, в статье А.И. Яковлева «Безумное молчание» и др.) и советских ученых (в книге Б.А. Романова «Люди и нравы древней Руси», в трудах о древнерусской культуре В.П. Адриановой-Перетц, М.В. Алпатов, Г.К. Вагнера, Н.Н. Воронина, И.П. Еремина, А.И. Клибанова, В.Н. Лазарева, Д.С. Лихачева, В.Ф. Ржиги, Б.А. Рыбакова, М.Н. Тихомирова и других исследователей).

Полезно было бы составить и словарь источниковедческих терминов и одновременно — историографической комментарий к нему. Вероятно, любопытно было бы собрать примеры употребления таких распространенных слов, как «памятник», «следы», «источник», «традиция» и другие, в исторической литературе. Однако вряд ли целесообразно всякий раз пытаться теоретизировать по поводу подобного словоупотребления. Это уместно делать лишь в отношении тех работ, где авторы ставили перед собой задачу разъяснения такой терминологии или даже введения ее в «научный» оборот*. Ведь все подобные слова слишком распространены в просторечии и одними и теми же учеными употреблялись неоднозначно. Совершенно очевидно, что ученые зачастую не рассматривали эти слова в собственно терминологическом плане. Пример тому — употребление слов «источник», «памятник», «документ» в трудах таких источниковедов, как А.Е. Пресняков¹⁷³ или М.Н. Тихомиров.

Определение («дефиниция») — важное условие для систематизации знаний, уточнения научных понятий. Составление «реального» источниковедческого словаря — насущная и в то же время одна из самых сложных задач источниковедов, так как в новейших источниковедческих работах (а также в устных выступлениях) обнаруживаются нечеткость в употреблении даже наиболее распространенных научных терминов и разноречивой терминологии.

При этом необходимо иметь в виду, что терминологические споры объясняются в известной степени тем, что понятия, которыми мы пользуемся, — весьма приблизительная модель. С углублением представления о той или иной проблеме обнаруживается смещение понятий, размывание границ между ними*. Отмечено также, что в естественных языках выявление всех частей логического вывода противоречит чувству языка¹⁷⁵. «Содержательное мышление, выраженное в естественном языке, всегда

* Терминообразование — сознательный процесс. «Термины,— писал Г.О. Винокур,— не «появляются», а «придумываются», «творяются» по мере осознания их необходимости»¹⁷².

** «Абсолютное выполнение требования строгой логической ясности, вероятно, не имеет места ни в одной науке», — замечает В. Гейзенберг. «...Полезно вспомнить о том, что даже в самой точной науке, в математике, не может быть устранено употребление понятий, содержащих внутренние противоречия»¹⁷⁴.

будет богаче его формальной модели в логическом исчислении»¹⁷⁶. Споры объясняются и многозначностью, и неопределенностью нашего естественного языка, тем, что одни категории обозначаются иногда разными терминами, а различные — сходными терминами, а также метафорической функцией языка, когда для обозначения и описания одной «системы используют элементы другой системы.

В.И. Ленин предупреждал, что не следует забывать «условного и относительного значения всех определений вообще, которые никогда не могут охватить всесторонних связей явления в его полном развитии»¹⁷⁷. Договориться сразу же по спорным вопросам терминологии (а следовательно, и терминологии источниковедения) вряд ли возможно, да и преждевременно, необходимо раньше детально исследовать весь комплекс спорных вопросов, глубже ознакомиться с историографией. Однако целесообразно уже сейчас во избежание излишних недоразумений и взаимонепонимания объяснять в спорных случаях, какой именно смысл вкладывает ученый в данный источниковедческий термин. «Спорить о словах, конечно, не умно, — писал Ленин. — ...Но надо выяснять точно понятия, если хотеть вести дискуссию»¹⁷⁸. Это важно и потому, что источниковедение призвано играть значительную роль в учебном процессе, где небрежность в терминологии особенно недопустима.

Терминологический словарь по источниковедению способствовал бы и «самопознанию» источниковедческой науки, тем более что и перед источниковедением, как и перед другими отраслями знания, встает задача вычленения эмпирического (относительно эмпирических объектов) и теоретического (относительно теоретических объектов) языка науки и определения эмпирических терминов через теоретические¹⁷⁹.

Равным образом одним из предварительных условий последующей успешной работы в области источниковедения является подготовка и аннотированной библиографии по этой тематике, так как и к источниковедению, точнее — к состоянию литературы по источниковедению (и прежде всего по теоретическому источниковедению), вполне относится наблюдение Дж. Бернала: «...По сути дела легче открыть новый факт или создать новую теорию, чем удостовериться в том, что они еще не были открыты или выведены»¹⁸⁰.

* * *

Перечень и характеристику проблем теоретического источниковедения можно было бы продолжить, но и на основании изложенного нетрудно убедиться в том, что проблематика эта сложна и многообразна и что вопросы источниковедения остро нуждаются в дальнейшей разработке.

¹ Н.А. О критике исторических источников (В Московском государственном историко-архивном институте) // ИА. 1957. № 5; Каишанов С.М., Курносов А.А. Некоторые вопросы теории источниковедения // Там же. 1962. № 4 (там же опубликованы материалы обсуждения этой статьи).

² Добров Г.М. Наука и о науке. Введение в общее наукознание. Киев, 1966. С. 251.

³ Барг М.А. О некоторых предпосылках формализации исторического исследования // Проблемы всеобщей истории. Казань, 1967. Вып. 1. С. 15.

⁴ Тр. ТГУ. Томск, 1963—1967. Т. 166, 173, 178, 187, 193.

- 5 Зарубежная литература о методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин приведена в обобщающего типа издания: *L'histoire et ses méthodes*. Paris, 1961; *Einführung in das Studium der Geschichte*. Berlin, 1966.
- 6 См.: *Беленький И.Л., Макаров М.К.* Библиография источниковедческих работ (1956—1963) // *Источниковедение истории советского общества*. М., 1964. С. 352—361.
- 7 *Данилов В.П., Якубовская С.И.* Источниковедение и изучение истории советского общества // *ВИ*. 1961. № 5; *Смирнов И.С.* Достоверные факты — основа исторического исследования // *Коммунист*. 1962. № 3; *Чугаев Д.А.* XX и XXII съезды КПСС и проблемы источниковедения истории советского общества // *Труды научной конференции по вопросам архивного дела в СССР*. М., 1965. Т. 1; *Якубовская С.И.* Проблемы критического анализа источников советской эпохи и преодоление недостатков в области источниковедения // Там же. Серьезные источниковедческие вопросы были затронуты в статьях о публикациях массовых источников по истории советского общества (ИА. 1957—1961 гг.); см. также: *Беленький И.Л., Макаров М.К.* Указ. соч.
- 8 *Нечкина М., Поляков Ю., Черепнин Л.* Некоторые вопросы истории советской исторической науки // *Коммунист*. 1961. № 9. С. 67; см. также: *Пономарев Б.* Историческую науку и образование на уровне задач коммунистического строительства // *Коммунист*. 1963. № 1. С. 16.
- 9 Всесоюзное совещание о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам 18—21 декабря 1962 г. М., 1964. С. 138.
- 10 Особенно это заметно при ознакомлении с «Трудами МГИАИ» (Т. 10, 16, 17, 24 и др.).
- 11 См. дискуссионные материалы о преподавании источниковедения в журналах «Новая и новейшая история» (за 1961—1962 гг.) и «Вопросы истории КПСС» (за 1962—1963 гг.).
- 12 См., например: *Котков С.И.* О предмете лингвистического источниковедения // *Источниковедение и история русского языка*. М., 1964; *Берков П.Н.* Введение в технику литературоведческого исследования. Источниковедение. Библиография. Разыскания. Л., 1955; *Бельчиков Н.Ф.* Источниковедение как научно-вспомогательная дисциплина литературоведения // *Известия АН СССР. Отделение литературы и языка*. 1963. Т. XXII. Вып. 2.
- 13 См.: *Косминский Е.А.* *Историография средних веков. V в.* — середина XIX в. Лекции. М., 1963. С. 32 и сл.; *Черепнин Л.В.* У истоков архивоведения и актового источниковедения («практической дипломатики») в России. (Вотчинные архивы и судебная экспертиза документов в XV — начале XVI вв.) // *ВА*. 1963. № 1.
- 14 *Бернал Дж.* Наука в истории общества / Перев. с англ. М., 1956. С. 21.
- 15 *Таванец П.В.* Логика научного познания и современная формальная логика // *ВФ*. 1964. № 3. С. 69.
- 16 О принципе соответствия теорий см.: *Уваров А.И.* Структура теории в исторической науке // *Тр. ТГУ*. Т. 178. Методологические и историографические вопросы исторической науки. Сб. ст. Томск, 1965. Вып. 3. С. 36.
- 17 *Bloch M.* *Apologie pour l'histoire ou métier d'historien*. Paris, 1961. P. 105.
- 18 *Гуковский А.И.* О некоторых терминах вспомогательных исторических дисциплин // *ВИ*. 1965. № 10. С. 62—65; см. также: *Варшавчик М.А.* Некоторые уточнения // *ВИ КПСС*. 1963. № 2. С. 105—106; *Фарсобиан В.В.* К определению предмета источниковедения (Историографические заметки) // *Источниковедение истории советского общества*. М., 1968. Вып. 2. (Опубликовано после сдачи в печать настоящей работы).
- 19 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 634—635 (курсив наш. — С. Ш.).
- 20 Там же. С. 84.
- 21 *Мерзон А.Ц.* Основные задачи критики исторических источников. М., 1958. С. 3.
- 22 См. об этом: *Валк С.Н.* Судьбы «археографии» // *АЕ* за 1961 год. М., 1962. С. 464 и др.
- 23 О расширительной трактовке предмета источниковедения см.: *Губенко М.П., Литвак Б.Г.* Конкретное источниковедение истории советского общества // *ВИ*. 1965. № 1. С. 3.
- 24 Об архивной эвристике см.: *Шенелев Л.Е.* Проблемы архивной эвристики // Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX — начала XX века: Сб. ст. Л., 1967.
- 25 *Тихомиров М.Н., Муравьев А.В.* Русская палеография. М., 1966. С. 3.
- 26 Из новейших работ см.: *Кондратьев В.А., Новосельский А.А.* О развитии вспомогательных исторических дисциплин // *ВА*. 1962. № 4. С. 22—23.
- 27 *Варшавчик М.А.* О некоторых вопросах источниковедения истории КПСС // *ВИ КПСС*. 1962. № 4. С. 168.
- 28 *Введенский А.А.* Лекции по документальному источниковедению истории СССР (Дипломатика). Киев, 1963. С. 199—200; *Он же.* Вспомогательные исторические

- науки в работе архивистов // Вопросы архивоведения. 1962. № 2. С. 28.
- ²⁹ Гукровский А.И. Указ. статья. С. 64—65.
- ³⁰ СИЭ. М., 1965. Т. 6. Стб. 592.
- ³¹ См.: Стефанов Н. Теория и метод в общественных науках: Перев. с болгар. М., 1967. С. 145—148; Вайнштейн О.Л. Теоретические дисциплины истории // Критика новейшей буржуазной историографии: Сб. ст. Л., 1967. Подкорытов Г.А. Историзм как метод научного познания. Л., 1967. С. 28 и сл.; Ядов В.А. Роль методологии в определении методов и техники конкретного социологического исследования // ВФ. 1966. № 10. С. 31—32, 37 (приведены определения из новой отечественной и зарубежной литературы).
- ³² Черепнин Л.В. Русская палеография. М., 1956. С. 4 (курсив наш.— С. Ш.).
- ³³ Вайнштейн О.Л. Указ. статья. С. 24.
- ³⁴ Келле В.Ж., Ковалзон М.Я. К вопросу о классификации общественных наук // Методологические вопросы общественных наук: Сб. ст. М., 1966. С. 53; см. также замечания С.Н. Быковского о «технической методологии исторического исследования»: Быковский С.Н. Методика исторического исследования. Л., 1931. С. 28, 29.
- ³⁵ Садовский В.Н. Проблемы методологии дедуктивных теорий // ВФ. 1963. № 3. С. 64.
- ³⁶ О методологии истории см.: Гейфтер М.Я., Печуро Е.Э. Методология истории // СИЭ. М., 1966. Т. 9.
- ³⁷ Подкорытов Г.А. Указ. соч. С. 13.
- ³⁸ Вопросы методологии литературоведения. М., 1966. С. 3 (от редактора), 9 (статья А.С. Бушмина «Методологические задачи литературоведения»), 120—121 (статья Б.С. Мейлаха «Предмет и границы литературоведения как науки»).
- ³⁹ Михайлов А.И., Черный А.И., Гиляревский Р.С. Информатика — новое название теории научной информации // Научно-техническая информация. 1966. № 12. С. 39.
- ⁴⁰ См., в частности, замечания А.И. Герцена об опыте и умозрении (Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954. Т. 3. С. 97—98).
- ⁴¹ О соотношении науки и ученого курса см.: Шедровицкий Г.П. Место логических и психологических методов в педагогической науке // ВФ. 1964. № 7.
- ⁴² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 15. С. 368.
- ⁴³ Бушмин А.С. Методологические задачи литературоведения // Вопросы методологии литературоведения. С. 8.
- ⁴⁴ Грушин Б.А. Очерки логики исторического исследования (процесс развития и проблемы его научного воспроизведения). М., 1967; см.: работы М.А. Барга, А.В. Гулыги, А.Я. Гуревича, А.И. Данилова, В.Н. Орлова, А.И. Уварова и других авторов. Этой тематике посвящена статья М.А. Варшавчика «Вопросы логики исторического исследования и исторический источник» (ВИ. 1968. № 10), опубликованная после смерти в производство настоящего сборника.
- ⁴⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 301.
- ⁴⁶ Копнин П.В. Система теорий. Наука как прикладная логика // Логика научного исследования. М., 1965. С. 306.
- ⁴⁷ Важнейшая современная литература по логике приведена в кн.: Кондаков Н.И. Введение в логику. М., 1967.
- ⁴⁸ Библер В.С. Понятие как процесс // ВФ. 1965. № 9.
- ⁴⁹ Таванец П.В. Указ. статья. С. 77.
- ⁵⁰ Бунге М. Интуиция и наука / Перев. с англ. М., 1967.
- ⁵¹ Лапто-Данилевский А.С. Методологии истории. Пг., 1923. Вып. 1. С. 13—15.
- ⁵² Люблинская А.Д. Источниковедение истории средних веков. Л., 1955. С. 5; Яцунский В.К. К вопросу о классификации письменных исторических источников в курсе источниковедения истории СССР // ТР. МГИИИ. М., 1958. Т. 11. С. 123.
- ⁵³ Вспомогательные исторические дисциплины // СИЭ. М., 1963. Т. 3. Стб. 837; Булыгин И.А., Луицарев Л.Н. Источниковедение // Там же. М., 1965. Т. 6. Стб. 592.
- ⁵⁴ Стрельский В.И. Основные принципы научной критики источников по истории СССР. Киев, 1961.
- ⁵⁵ Лихачев Д.С. Текстология. На материале русской литературы X—XVII вв. М.; Л., 1962. С. 3 (там же ссылки на отечественную и зарубежную литературу).
- ⁵⁶ Тихомиров М.Н. Об охране и изучении письменных богатств нашей страны // ВИ. 1961. № 4. С. 66—67.
- ⁵⁷ См. об этом: Чирков С.В. Записка М.Н. Тихомирова 1937 г. о задачах историко-архивного образования // АЕ за 1982 год. М., 1983. С. 221—222.
- ⁵⁸ Зимин А.А. Вспомогательные исторические дисциплины и их роль в работе историков-архивистов // Труды научной конференции по вопросам архивного дела в СССР. Т. 1. С. 125.
- ⁵⁹ Литературу об этом см.: Пронштейн А.П. Использование вспомогательных исторических дисциплин при работе над историческими источниками. Учебно-методическое пособие для студентов-заочников исторических факультетов государственных университетов. М., 1967. С. 5—6.
- ⁶⁰ Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР. С древнейшего времени до

- конца XVIII века. Учебное пособие. М., 1962. Вып. 1. С. 14.
- 61 *Введенский А., Дядиченко В., Стрельский В.* Допоміжні історичні дисципліни. Короткий курс. Київ, 1963. С. 3.
- 62 БСЭ. М., 1937. Т. 30. Стб. 96.
- 63 *Каштанов С.М., Курносов А.А.* Указ. статья. С. 175—176.
- 64 О предмете и задачах дипломатики см. статью С.М. Каштанова в настоящем издании (там же указана основная новейшая литература): *Каштанов С.М.* Предмет, задачи и методы дипломатики // Источниковедение. С. 134—171.
- 65 *Черноморский М.Н.* Работа с мемуарами при изучении истории КПСС. М., 1961; *Курносов А.А.* Методы исследования мемуаров (Мемуары как источник по истории народного сопротивления в период Великой Отечественной войны): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1965; *Рейхберг Г.Е.* Протоколы Петроградского военно-революционного комитета как исторический источник // Источниковедение истории советского общества. М., 1964; *Покровский А.С.* Значение протоколов Президиума ВЦИК для изучения государственного строительства (ноябрь 1917 г.— июль 1918 г.) // Там же; *Тарле Г.Я.* Источниковедческий анализ некоторых видов делопроизводственных материалов ВСНХ // Тр. МГИАИ. М., 1961. Т. 16 и др.
- 66 Например, монографии: *Каштанов С.М.* Жалованные и указные грамоты как источник по истории феодального иммунитета на Руси в первой половине XVI в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1958; *Буганов В.И.* Разрядные книги последней четверти XV — начала XVII в. М., 1962; *Кабузан В.М.* Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. (По материалам ревизий). М., 1963; *Милов Л.В.* Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию. (К истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в.). М., 1966; *Литвак Б.Г.* Опыт статистического изучения крестьянского движения в России XIX в. М., 1967 и др.
- 67 См., напр.: *Каштанов С.М., Курносов А.А.* Указ. статья. С. 176.
- 68 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 212.
- 69 *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. Вып. II. С. 366.
- 70 *Рибане Я.К.* Социальная природа познания и гносеологические корни идеализма // Ленинская теория отражения и современная наука. Материалы совещания по современным проблемам материалистической диалектики 7—9 апреля 1965 г. М., 1966. С. 119 и сл.; *Он же.* О некоторых принципах подхода к анализу общественной информации // Учен. зап. Тартуского гос. университета. Вып. 187. Труды по философии. X. Тарту, 1966. С. 4—5.
- 71 *Шунков В.И.* Информационная работа советских библиотек в области общественных наук. Современное состояние и перспективы развития // Советская библиография. 1967. № 3. С. 62.
- 72 *Ланглуа и Сеньобос.* Введение в изучение истории. М., 1899. С. 13, 48.
- 73 Основную отечественную литературу см. в статье: *Макаров М.К.* К вопросу о терминологии в источниковедении истории СССР // Тр. МГИАИ. М., 1963. Т. 17. С. 5. Прим. 7.
- 74 См., в частности: *Febvre L.* Combats pour l'histoire. Paris, 1953. З. 423.
- 75 Литературу см. в статье: *Пушкарёв Л.Н.* Географичне середовище та історичне джерело // Український історичний журнал. 1962. № 7. Сам Пушкарёв не признает географическую среду историческим источником.
- 76 *Марк К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 16. Прим.
- 77 О значении географического фактора в истории см. выступление Б.А. Рыбникова (История и социология. М., 1964. С. 59—60). См. об этом также работы Л.Н. Гумилева (в частности, статью «Григорий Ефимович Грумм-Гржимайло как историк Центральной Азии» // Географическое общество Союза ССР.: Материалы по отделению этнографии. Л., 1961. Ч. 1. С. 51—52. Ротапр.); новая зарубежная литература приведена в к: *Halkin L.-E.* Initiation à la critique historique. Paris, 1963. P. 77—83.
- 78 См., в частности: *Ананьев Б.Г.* Комплексное изучение человека как очередная задача современной науки // Вестник Ленинградского ун-та: Серия экономики, философии и права. Л., 1962. № 23. Вып. 4; по этой теме имеется обильная литература.
- 79 *Макаров М.К.* К вопросу о терминологии в источниковедении истории СССР. С. 4—6.
- 80 См.: *Фесуненко И.С.* Значение кинофотофонодокументов как исторического источника и основные задачи комплектования ими Государственного архивного фонда Союза ССР // Тр. МГИАИ. М., Т. 16.
- 81 См.: *Поринев Б.Ф.* Состояние пограничных проблем биологических и общественно-исторических наук // ВФ. 1962. № 5.
- 82 Предисловие «От редколлегии» к изд. «Литературные памятники. Итоги и пер-

- спективы серии». М., 1967. С. 7, см. также: С. 13, 15.
- 83 Валк С.Н. Сборник грамот Коллегии экономии (Историографические заметки) // Борьба классов. 1924. № 1—2; Копанев А.И. Советская дипломатика // ВИД. Л., 1968. Т. 1. С. 60—61.
- 84 Петухов В.И. Материалы писцовых книг в исторической литературе XVIII — начала XIX века // АЕ за 1962 год. М., 1963.
- 85 Шмидт С.О. Вопросы преподавания источниковедения // Новая и новейшая история 1962. № 4. С. 117—119; см. также: История и социология: Сб. ст. С. 294—296.
- 86 См. об этом: Дайри Н.Г. Обучение истории в старших классах средней школы. Познавательная активность учащихся и эффективность обучения. М., 1966. С. 349—355.
- 87 Янин В.Л. Изучение древнерусских вислых печатей // ВИД. Т. 1. С. 33.
- 88 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 736.
- 89 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 362.
- 90 Об этом см.: Клаус Г. Сила слова. Гносеологический и прагматический анализ языка / Перев. с нем. М., 1967. С. 30.
- 91 См.: Микаров М.К. О принципах классификации письменных источников (Историография вопроса) // Тр. МГИАИ. М., 1961. Т. 16.
- 92 Пушкарев Л.Н. Вопросы классификации источников в русской исторической науке XIX—XX вв. // ИСССР. 1963. № 5; Он же. Классификация источников в советском источниковедении (1917—1964) // ВА. 1965. № 1; Медушевская О.М. Развитие теории советского источниковедения // Тр. МГИАИ. М., 1966. Т. 24. С. 12—15.
- 93 Розова С.С. Классификация как метод научного познания (Опыт анализа функций классификации в познавательной деятельности) // Новосибирский гос. ун-т: Научные труды: Философская серия. Вып. 1. Философские проблемы сознания и познания. Новосибирск, 1965; Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М., 1967. С. 4—6 и др. работы.
- 94 Розова С.С. Научная классификация и ее виды // ВФ. 1964. № 8. С. 69.
- 95 Чухахин И.Я. Понятие и методы научной классификации объектов исследования // Вопросы диалектики логики: Сб. ст. Л., 1964. С. 72.
- 96 См. статьи в 6-м томе СИЭ «Источники исторические» и «Источниковедение».
- 97 Келле В.Ж., Ковальзон М.Я. Указ. статья. С. 52.
- 98 Громов Г. Методика этнографических экспедиций. М., 1966. С. 4.
- 99 АЕ за 1966 год. М., 1968. С. 438.
- 100 Розов М.А. Научная абстракция и ее виды. Новосибирск, 1965. С. 63.
- 101 См.: Сегал Д. Мир вещей и семиотика (Субъективные заметки) // Декоративное искусство в СССР. 1968. № 4. С. 38.
- 102 Конрад Н.И. Запад и Восток. Статьи. М., 1966. С. 500.
- 103 См. обзор литературы в статье А.Я. Гуревича «Что такое исторический факт?» в настоящем сборнике [Источниковедение... С. 59—88].
- 104 Об этом см. в выступлении Б.А. Рыбакова (История и социология. С. 61).
- 105 ВИ. 1958. № 5. С. 5—6.
- 106 М., 1968. С. 49, 50.
- 107 Об этом см. в предисловии П.Н. Беркова к кн.: Масанов Ю.И. В мире псевдонимов, анонимов и литературных подделок. М., 1963. С. 26 и др.
- 108 См.: Капитанов С.М., Литвин А.Л. К проблеме достоверности исторических источников // Из истории Татарии: Краеведческий сборник. Казань, 1965. С. 297.
- 109 Валк С.Н. Об одной классификации историко-революционных документов // Историко-революционный сборник. М.; Пг., 1924. Т. 1. С. 240.
- 110 Медушевская О.М. Теоретико-методологические проблемы источниковедения и современная буржуазная историография // Тр. МГИАИ. М., 1967. Т. 25. С. 105.
- 111 Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 349.
- 112 Дружинин Н.М. Воспоминания и мысли историка. М., 1967. С. 103.
- 113 См.: Медушевская О.М. Развитие теории советского источниковедения. С. 16.
- 114 Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. С. 4—5.
- 115 Шмидт С.О. Издание и изучение источников по аграрной истории России XVI в. (в послевоенные годы) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962 г. Минск, 1964. С. 181—182.
- 116 Carr E.H. What is history? New York, 1963. P. 10.
- 117 Бобинская Ц. Пробелы в источниках: Методологический анализ // ВИ. 1965. № 6. С. 80—81.
- 118 Добролюбов Н.А. Полн. собр. соч.: В 6 т. М., 1934. Т. 1. С. 232.
- 119 Люблинская А.Д. О методологии исследования истории народных масс и социальных отношений эпохи абсолютизма // Критика новейшей буржуазной историографии. С. 282—283.
- 120 Степанский А.Д. О теоретических основах отбора документальных материалов

- на государственное хранение // Труды научной конференции по вопросам архивного дела в СССР: Материалы научно-методической конференции архивистов РСФСР. М., 1965. С. 31—33.
- 121 Губенко М.П., Литвак Б.Г. Конкретное источниковедение истории советского общества. С. 8.
- 122 Каштанов С.М. Очерки русской дипломатики: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1968. С. 16.
- 123 Клаус Г. Указ. соч. С. 21 и сл.; см. также: Леонтьев А.А. Языкознание и психология. М., 1966.
- 124 Неусыхин А.И. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М., 1956. С. 47.
- 125 Косминский Е.А. Указ. соч. С. 30.
- 126 Сегал Д. Указ. статья. С. 38; см. также: Моль А. Теория информации и эстетическое восприятие / Перев. с франц. М., 1966.
- 127 См.: Выгодский Л.С. Психология искусства. М., 1965. С. 16.
- 128 Флоренский П.А. Обратная перспектива // Учен. зап. Тартуского гос. университета. Вып. 198: Труды по знаковым системам. Тарту, 1967. Т. III.
- 129 Mandrou R. Introduction à la France moderne (1500—1640): Essai de psychologie historique. Paris, 1961.
- 130 Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965; см. также: Вопросы литературы. 1966. № 6; Вопросы философии. 1967. № 12; Народы Азии и Африки. 1968. № 2.
- 131 Vernant J.-P. Mythe et pensée chez les Grecs. Paris, 1965; см. также: ВФ. 1967. № 11. С. 145—148.
- 132 Об этом см.: Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.
- 133 Об этом см.: Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. М.; Л., 1958. Гл. От исторического имени литературного героя к вымышленному.
- 134 Данилов А.И. Марксистско-ленинская теория отражения и историческая наука // Средние века. М., 1963. Вып. 24. С. 11—12.
- 135 Никитин Е.П. Метод познания прошлого // ВФ. 1966. № 8. С. 34.
- 136 Виноградов В.В. Стилистика, теория поэтической речи, поэтика. М., 1963. С. 3; Мейлах Б.С. Предмет и границы литературоведения как науки. С. 127.
- 137 Орешиников А.С. К вопросу о составе Краткой правды // Лингвистическое источниковедение. М., 1963. С. 124—30.
- 138 Левада Ю.А. Точные методы в социальном исследовании // ВФ. М., 1964. № 9.
- 139 Ковальченко И.Д. О применении математико-статистических методов в исторических исследованиях // Источниковедение... С. 115—133.
- 140 См. об этом: Винер Н. Творец и робот / Перев. с англ. М., 1966. С. 100; см. также: Вайнштейн О.Л. Указ. статья. С. 12—13; Барг М.А. Указ. статья. С. 25.
- 141 История и социология. С. 294—296 [Выступление С.О. Шмидта].
- 142 Шмидт С.О. Материалы по методике источниковедения в архиве И.И. Полосина // АЕ за 1967 год. М., 1969.
- 143 Об этом см.: Гулыга А.В. О характере исторического знания // ВФ. 1962. № 9. С. 38; Он же. Понятие и образ в исторической науке // ВИ. 1965. № 9. С. 11 и сл.; Уваров А.И. Структура теории в исторической науке // Тр. ТГУ. Т. 187: Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1966. Вып. 4. С. 334 и сл.; Утченко С.Л. Глазами историка. М., 1966. С. 245—255.
- 144 Нецкина М. Литературное оформление «Капитала» К. Маркса. М., 1932.
- 145 Симпозиум «Творчество и научный прогресс». Тезисы и аннотации. 22—26 февраля 1966 г. Л., 1966.
- 146 Уваров А.И. Указ. статья // Тр. ТГУ. Т. 178: Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 3. С. 55.
- 147 Тихомиров М.Н. К пятилетию со дня смерти академика Бориса Дмитриевича Грекова // ИСССР. 1958. № 5. С. 54.
- 148 См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 231, 235.
- 149 Бирюков Б.В. О взглядах Фреге на роль знаков и исчисление в познании // Логическая структура научного знания. М., 1965. С. 97.
- 150 Клаус Г. Указ. соч.; см. также вступительную статью Г.В. Колшанского к этому изданию (С. 9).
- 151 Роговин М.С. Философские проблемы теории памяти. М., 1966. С. 40.
- 152 См., например: Шер Я.А. Типологический метод в археологии и статистика // VII Международный конгресс доисториков и протоисториков: Доклады и сообщения археологов СССР. М., 1966.
- 153 Быковский С.Н. Указ. соч. С. 66—67.
- 154 Уваров А.И. Структура теории в исторической науке // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 3. С. 37, 46 сл.
- 155 Об этом см.: Шмидт С.О. Историзм мышления // Наука убеждать. М., 1967.
- 156 Об этом см. (применительно к естествознанию): Кедров Б.М. Классификация

- наук. Т. 1: Энгельс и его предшественники. М., 1961. С. 36—37 и др.
- 157 Румянцев А. Вступающему в мир науки // Наука убеждать. С. 212.
- 158 См.: Медушевская О.М. Теоретические проблемы источниковедения в советской историографии 20-х — начала 30-х годов // Источниковедение... С. 171—194.
- 159 Шмидт С.О. Советские историки и архивы // СА. 1968. № 6. С. 4—6.
- 160 Виноградов В.В. Алексей Александрович Шахматов. Пг., 1922. С. 80.
- 161 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 205.
- 162 Косминский Е.А. Указ. соч. С. 9—10.
- 163 Луначарский А.В. Ленин и народное образование: Сб. ст. и выступлений. М., 1960. С. 76—77; см. также: Шмидт С.О. О методике выявления и изучения материалов по истории советской исторической науки // Тр. МГИАИ. М., 1965. Т. 22. С. 15 и сл.
- 164 Об этом см.: Румянцев А. Указ. статья. С. 209.
- 165 Вербин А.И., Серцова А.П. Исторический материализм и некоторые методологические вопросы исторической науки // Методологические вопросы общественных наук. С. 340; Шмидт С.О. К изучению аграрной истории России XVI века // ВИ. 1968. № 5. С. 22—23.
- 166 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 248.
- 167 См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 156; см. также: Плеханов Г.В. Карл Маркс // Плеханов Г.В. Избранные философские произв. Т. II. М., 1956. С. 722.
- 168 Черепнин Л.В. А.С. Лаппо-Данилевский — буржуазный историк и источниковед // ВИ. 1949. № 8; Пашуто В.Т. А.А. Шахматов — буржуазный источниковед // Там же. 1952. № 2; Черепнин Л.В. Об исторических взглядах А.Е. Преснякова // ИЗ. Т. 33; Будовниц И.У. Об исторических построениях М.Д. Приселкова // Там же. Т. 35; Николаева А.Т. О некоторых вопросах содержания и формы письменных исторических источников // Тр. МГИАИ. Т. 7. М., 1954. С. 6—10.
- 169 Пушкарев Л.Н. Определение исторического источника в русской историографии XVIII—XX вв. // АЕ за 1966 год. М., 1968.
- 170 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 178.
- 171 Штофф В.А. Моделирование и философия. М.; Л., 1966. С. 3.
- 172 Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии: Сб. ст. по языкознанию // Тр. Моск. госуд. института истории, философии и литературы: Филологический факультет. М., 1939. Т. V. С. 24.
- 173 См., напр.: Пресняков А.Е. Исторические источники и подлинные документы в научной работе // История архивного дела классической древности, в Западной Европе и на мусульманском Востоке: Лекции, читанные слушателям Архивных курсов при Петроградском археологическом институте в 1918 г. Пг., 1920.
- 174 Гейзенберг В. Физика и философия. М., 1963. С. 61, 171.
- 175 Бирюков Б.В. Указ. статья. С. 101.
- 176 Таванец П.В. Указ. статья. С. 75.
- 177 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 386 (курсив наш. — С. Ш.).
- 178 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 93.
- 179 Смирнов В.А. Уровни знания и этапы процесса познания // Проблемы логики научного познания. М., 1964. С. 30—33.
- 180 Бернал Дж. Указ. соч. С. 681

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕСТВА И ПРИРОДЫ В ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОМ АСПЕКТЕ *

Постановка этого вопроса обусловлена не только развитием самой исторической науки (в частности специальных, или вспомогательных исторических дисциплин), социологии и других общественных наук — расширением представлений о предмете, задачах и возможностях этих наук, но и укреплением междисциплинарных связей общественных и естественных наук, возникновением пограничных проблем науки, все усиливающимся соприкосновением общественных и естественных наук со взаимным использованием оправдавших себя методов, а также усилением внимания к историческому аспекту в естественных науках.

Общеизвестно, что история — это наука, изучающая развитие человеческого общества, прошлое человечества во всем многообразии и конкретности. Основой любого исторического исследования и любой формы популяризации исторических знаний являются исторические источники — позывные истории. В науке до сих пор ведутся споры об определении исторического источника. Но в данном случае достаточно ограничиться «простой определенностью» (это выражение Гегеля употребил В.И. Ленин) и признать историческим источником, т. е. источником познания истории человечества, всякое явление, несущее в себе в любой форме информацию о прошлом и могущее быть использованным для целей исторического исследования, или, еще проще, всякое явление, дающее возможность познания прошлого человеческого общества.

Среди историков, однако, распространены и иные определения понятия «исторический источник». В специальной статье третьего издания «Большой советской энциклопедии» под «историческим источником» подразумевается «все, непосредственно отражающее исторический процесс и дающее возможность изучать прошлое человеческого общества, т. е. все, созданное ранее человеческим обществом и дошедшее до наших дней в виде предметов материальной культуры, памятников письменности, которые позволяют судить о нравах, обычаях, языке народов»¹. В этом определении (как и в тех, которые встречаем во многих учебных и методических пособиях) историческими источниками признаются лишь результаты человеческой деятельности.

Только памятниками материальной и духовной культуры ограничиваются зачастую и при классификации и систематизации исторических источников. В процитированной статье читаем: «Все исторические источники условно делятся на 6 групп — письменные, вещественные, этнографические, лингвистические, устные и кинофотофономатериалы. Историки в качестве исторических источников используют также данные таких наук, как география, антропология и др.» (курсив мой. — С. Ш.). Такая классификация исторических источников стала привычной, хотя вряд ли убедительна в логическом плане. Систематизация памятников материальной и духовной культуры как исторических источников — тема са-

* Общество и природа: исторические этапы и формы взаимодействия. М., 1981. С. 262—275. В основе доклад на I Всесоюзной научной конференции по проблемам взаимодействия общества и природы, (М., МГУ, январь 1978).

мостоятельного исследования ^{2*}. Здесь же важно указать на то, что, хотя «данные» географии, антропологии и других негуманитарных наук и используются историками в той или иной мере, они не включены в число исторических источников. Получается, что это как бы случайные попутчики (незаконнорожденные источники) в ряду законных классов исторических источников.

Между тем, даже если признавать историческими источниками только результаты целенаправленной деятельности людей, то все равно нельзя обойти такие всеми наблюдаемые результаты ее, как внесение изменений в естественно-географическую среду, окружающую человека. Это и искусственно созданные водоемы (от маленьких прудов до современных морей), каналы, лесонасаждения, городские ландшафты; это и улучшенные, искусственно выведенные или перенесенные (переселенные) в другой географический регион сорта растений и виды животных. Маркс в «Капитале» отмечал, что прирученные животные — это «измененные посредством труда, выращенные человеком животные», «семена в земледелии» — тоже «продукт труда» ³. Следовательно, можно говорить о классе естественно-географических источников искусственного происхождения. Широко известно и о многообразных изменениях, внесенных невольно, от незнания, в природу, прежде всего в результате хозяйственной деятельности, на которые обращено особое внимание в последние годы; о превращении людьми в болота и пустыни ранее обжитых плодородных земель; об истреблении человеком некоторых пород животных и растений (названных ныне в «Красной книге»). Все это — тоже явления, «непосредственно отражающие исторический процесс», результат деятельности человека, развития его культуры (или, напротив, бескультурья!). Не обнаруживается ли явная несообразность, когда письменные сведения об урожайности воспринимаются как исторический источник, зерна и кости, найденные при раскопках древних поселений и погребений ^{**}, признаются археологами ценными историческими источниками, а образцы современных семян и зерен не считаются таковыми? Систематизируя *все* классы источников исторического происхождения, нельзя, нелогично обходить и естественно-географические источники, созданные человеком или возникшие в результате его деятельности.

Однако думается, что источниками познания истории человечества является и то, что существовало и существует независимо от деятельности человека, но помогает познанию истории людей. Это естественно-географическая (и даже космографическая) среда в самом широком смысле слова, а также физико-биопсихические свойства человека. Только обращаясь к таким данным, можно определить с должной полнотой воздействие природы, окружающей среды на общество и человеческого общества на окружающую его естественно-географическую среду, изменения (во-

* Доклад автора статьи о систематизации всех исторических источников был сделан на Северокавказской конференции по источниковедению и вспомогательным историческим дисциплинам в Геленджике в сентябре 1975 г.

** Так, подкупает изыществом и убедительностью доказательства прием определения — в трудах Б.Б. Пиотровского — времени года, когда погиб урартский город-крепость Тейшебаини: по косточкам незрелого винограда, остаткам непрожеванной пищи в желудке сгоревшей коровы, костям кошки и мыши в сосуде для вина.

времени и в пространстве) характера и степени интенсивности взаимодействия общества и природы.

Видимо, к подобным естественно-географическим явлениям следует в конечном счете относить и изменения, внесенные человеком в природу, которые оказались фундаментальными и в результате которых обнаруживаются следствия, характерные для подобных же природных образований естественного происхождения (например, искусственное море, в результате появления которого изменяются климат, уровень подземных вод, растительность, фауна и т. д.). Эти природные явления созданы человеком, но уже существуют как бы независимо от человека и оказывают влияние на человеческую деятельность по законам, свойственным характеру взаимоотношений таких природных явлений и человека (что могло и не быть «запрограммировано» теми, кто вызвал эти изменения).

Определение исторического источника только как продукта человеческой деятельности не отвечает современным представлениям о месте человека в системе мироздания, о взаимодействии общества и природы, о роли природы в социальной жизни человека. Эта ставшая традиционной «гемоцентрическая» трактовка исторических источников, по существу, распространяет на все типы исторических источников характеристику источников письменных, восходящую по крайней мере к труду Ланглюа и Сеньбоса, составленному в конце XIX в. Они полагали, что «ничто не может заменить документов: нет их, нет и истории», а под документом подразумевали «следы, оставленные мыслями и действиями некогда живых людей»⁴.

Историческими источниками можно считать не только то, что отражает непосредственный исторический процесс (т. е. результаты деятельности человеческого общества), но и то, что помогает познать ход исторического процесса во всем его многообразии. Исторический источник существует независимо от историка и становится собственно историческим источником лишь тогда, когда делается объектом специального изучения. Рациональным, следовательно, является выделение такой категории, как потенциальный исторический источник (или «предысточник»).

Среди исторических источников (если принимать широкое определение этого понятия) выделяются источники собственно исторического происхождения. Такие источники допустимо называть историческими памятниками или просто «памятниками», так как они запечатлели память о человеке, являются следами его деятельности. В таком именном смысле термин «памятник» широко вошел в словоупотребление, нашел отражение в законодательстве. Памятники — основные исторические источники. Именно они — то в первую очередь и привлекают внимание историков; и для такого рода источников выработаны особые приемы специалистами в области общественных наук (и прежде всего исторической науки), особая источниковедческая методика. В случае же обращения к естественно-географическим источникам историки, как правило, пользуются приемами, выработанными специалистами в области естественных наук, или опираются на уже имеющиеся выводы и наблюдения таких специалистов для выявления и обоснования положений, характерных для собственно исторических знаний.

Следует, по-видимому, особо выделить класс естественно-географических источников, изучение и использование которых в работе историка требует особой методики в зависимости от специфики источника. В плане же системы источников собственно исторического происхождения (особенно при классификации комплекса исторических источников) можно назвать естественно-географические источники искусственного происхождения, условно подразделив их на два основных класса — историко-географические и историко-биологические.

Маркс и Энгельс подчеркивали, что история природы и история людей «неразрывно связаны; до тех пор, пока существуют люди, история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга»⁵. В одной из ранних работ Маркс писал, что «сама история является *действительной* частью *истории природы*, становления природы человеком»⁶. В «Капитале» сформулировано положение: «Труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой»⁷. Маркс специально останавливается на характеристике этой проблематики. Естественно, что в «Капитале» Маркса читатели и даже исследователи учения Маркса наибольшее внимание уделяли аспектам социально-экономическим. Это характерно для общественного сознания людей XIX — первой половины XX в. Но в «Капитале» глубоко поставлен и вопрос о взаимоотношении человека, общества в целом и природы, об истории и о перспективах развития этих взаимоотношений. (И в этом тоже сказалась гениальная прозорливость Маркса-мыслителя!) Только особенно заметно для читателей Маркса это стало тогда, когда экологическая проблема приобрела глобальный характер, приковала к себе умы наших современников.

Ныне изучаются различные аспекты и воздействия природы на человека, и воздействия человека на природу (антропогенные и техногенные факторы), характерные черты и особенности приспособления человека к окружающей его природной среде, а теперь уже и приспособления природы к человеческой деятельности. При изучении истории культуры рассматриваются и история развития человеческих взаимоотношений — общественных отношений, и история развития взаимодействия общества и природы.

Очевидно, что это предопределяет расширение традиционной источниковой базы исторических исследований. Между прочим, на практике она уже давно расширена, хотя в теории источниковедения отнюдь не все специалисты склонны к обоснованию такого расширения.

Особенно заметно расширение такой базы, так сказать, на менее высоких уровнях исторического познания — в области школьного обучения, краеведения, в музейной практике. Но уже в высшей школе эта связь все менее наблюдается — о природных условиях в учебных пособиях пишут преимущественно в главах, посвященных ранним периодам истории человечества, когда зависимость человека от природы была особенно ощутима, и очень скупо характеризуют изменения, вносимые человеком в природную среду, ограничиваясь нередко общего характера указаниями на расширение пахотных земель, ирригационной сети, процесс урбанизации и т. п. Между тем ясно, что без введения таких элементов знания (прежде всего физической географии) в собственно исторические знания заниматься по-настоящему историей невозможно. Эти факторы из вне-

исторических становятся (при занятиях историей) также и историческими. И учитывать их важно при изучении не только социально-экономической истории, народного быта, культурных представлений, но даже политической истории.

Но если характеристике естественно-географической среды, окружающей человека, и, реже, изменениям ее во времени все-таки отводится определенное место в некоторых учебниках истории и в обобщающего типа исторических трудах (это особенно показательно для творчества М.Н. Тихомирова, составлявшего в конце 1920—1930-х годов и учебные пособия по географии), то характеристике физико-биопсихических свойств человека, не говоря уже об изменениях их под воздействием исторических и естественно-географических обстоятельств (и соответственно изменениях оценки таких явлений, как возраст, соотношение полов, физическая сила, физические недостатки и болезни, возможности адаптации человека к новым условиям жизни и т. п.), до недавнего времени почти вовсе не уделялось внимания в литературе по отечественной истории. Вне поля зрения историков-источниковедов и взаимодействие таких важнейших факторов, как человек, природа, машины, а ведь мы живем не только в мире людей, не только в мире природы, но и в мире машин (и психологи и социологи это стараются учитывать).

Перед исследователем возникают вопросы о возможностях извлечения «исторической» информации из сведений естественных наук о естественно-географической среде, физико-биопсихических свойствах человека и о возможностях их изучения на базе традиционных источников исторического происхождения. Важно и сравнительное изучение и использование этих видов информации.

Особенности, степень полноты и многообразия источниковой базы разных периодов истории человечества и разных регионов его расселения еще не определены. Но ясно, что если для нового и особенно новейшего времени имеются достаточно репрезентативные и сопоставимые материалы (статистические данные, очерковые описания, выполненные по определенной программе, данные наблюдений ученых-естествоиспытателей и др.), то для более ранних эпох таких нет. И возникает вопрос о степени надежности, типичности привлекаемых исторических источников. Тем не менее и в отношении отдаленных от нас эпох накопилось уже немало фактов, совокупность которых допускает возможность достаточно обоснованных научных построений (в том числе и обобщающего характера).

Сравнительное исследование летописей и других памятников на разных языках, в которых встречались сведения о совпадении во времени солнечных пятен с земными явлениями в виде геофизических катастроф, эпидемий, массового голода, дало основной первичный материал для наблюдений А.Л. Чижевского о влиянии активности солнца на жизнь нашей планеты. Установление определенных естественно-исторических закономерностей позволяет предполагать воздействие тех или иных факторов природы на общественную жизнь, те или иные исторические явления и тогда, когда не сохранились источники, сообщающие об этом, или сведения в уцелевших источниках недостаточно конкретны. Работы А.Л. Чижевского очень интересны и в методическом плане сравнительного использования традиционных исторических источников (прежде все-

го письменных) и в плане многообразных естественно-научных наблюдений. Традиционные исторические источники (словесные, вещественные, изобразительные, данные об обычаях и др.) широко использовали в своих трудах виднейшие геологи, географы, биологи В.В. Докучаев, В.И. Вернадский, А.Е. Ферсман, Л.С. Берг, Н.К. Кольцов, Н.И. Вавилов и др. И приходится только сожалеть, что историки в меньшей степени учитывают выводы и наблюдения естествоиспытателей. Между тем именно наблюдения ботаников (Н.И. Вавилова и др.) о местах происхождения и первичного распространения растений, геологов (А.Е. Ферсмана и др.) о месторождении камней и металлов делают особенно убедительными сообщения о давности взаимосвязей и культурного обмена народов, отделенных друг от друга большими расстояниями.

Человек не мыслил и не мыслит себя вне окружающей его среды — социальной и природной. Представления об окружающих его природных условиях, о взаимодействии природы и общества — важная составная часть культурных традиций человечества. Они определяют в известной мере типологию форм человеческого общежития, поселений, обихода, материальной и духовной культуры, представлений, говоря современным языком, о производительных силах, производственных отношениях и их взаимодействии. Географическая среда *, климат, знакомые с детства флора и фауна оказывают несомненное влияние на психологию, формирование трудовых (да и воинских) навыков и семейных обычаев, предопределяют, в частности, календарь сельскохозяйственных работ, что нашло отражение в фольклоре (широко известны наблюдения в этом плане В.О. Ключевского), в разговорной речи. Наблюдения о закономерностях и формах воздействия окружающей природной среды на развитие материальной и духовной культуры, уточнение типических черт памятников определенных регионов, отражающих подобное воздействие в ту или иную эпоху, допускают возможность — в случае скудости источниковой базы, наличия лишь немногих фрагментов исторических источников — реконструкции соответствующего типа памятников.

Взаимодействие человека и природы не оставалось неизменным; постепенно увеличивались возможности использования человеком природных ресурсов, воздействия человека на природу. Эти изменения удастся наблюдать достаточно детально, изучая уже историю античного общества ⁸ и средних веков ^{9**}. Для нового времени они еще заметнее. В настоящее время индустриальные центры окружены техногенной атмосферой; близ них особенно явно обнаруживается наступление урбанического, а в последние десятилетия уже и индустриально-урбанического ландшафта на животный и растительный мир (об этом напоминают многообразные источники). Следы человеческой деятельности были менее ощутимы в средние века и в сельском пейзаже, что отражено также во

* Для средневековой России очень интересны основанные на сравнительном изучении разнообразных источников наблюдения А.В. Дулова, частично обобщенные в его статье «Человек и природа на Руси в XIV—XVII вв.» (Природа, 1976, № 2).

** В новейших трудах историков наблюдаются примеры все более интенсивного использования данных географии (что нашло отражение в программах международных конгрессов исторических наук и конгрессов по экономической истории) и усиление интереса к историографии этого вопроса, в частности к истории рассмотрения (уже в XIX — первой половине XX в.) географических данных как исторического источника.

многих изобразительных и словесных источниках (это отмечено и в «Антологии истории» М. Блока).

Подобные изменения запечатлены в памятниках, как современных по происхождению изучаемым явлениям, так и в различных реликтах, в частности в топонимике (вспомним хотя бы названия улиц в центре Москвы — Лесная, Остоженка, Сивцев Вражек и др.). Сравнительное изучение наблюдений разного времени (в том числе и известных нам по памятникам художественной литературы) существенно конкретизирует наши знания об изменениях, происшедших и в недалеком прошлом: так, еще в источниках XVIII—XIX вв. находим свидетельства о «нетронутой» или малоизмененной человеком природе даже в больших городах — об ужении лососей в Темзе членами парламента близ здания Вестминстерского дворца, о снабжении парижан питьевой водой из Сены, о воспетой поэтами прозрачности вод Рейна; а совсем недавние наблюдения Тура Хейердала показали, как загрязнилась поверхность океана только за последнее десятилетие.

При характеристике роли природных факторов в истории человечества необходимо, конечно, учитывать то, что сфера социально охваченной природы постепенно — и в последние десятилетия все более стремительно — расширяется. Это выражается, в частности, в использовании в производстве все новых разновидностей природных богатств и соответственном изменении карты расселения людей. Это предопределяет и большее внимание к этим природным богатствам (их свойствам, местонахождению, истории освоения, использования, перераспределения и пр.) в исторических источниках.

Понимание характера взаимоотношений человека и природы многое объясняет в истории общественного сознания, формирования представлений о культурных ценностях. Для людей средневековья типичен был страх перед силами природы (об этом много интересных наблюдений в работах Р. Мандру), особенно страх перед лесом и лесными существами, запечатленный в эпосе, сказках, памятниках художественной литературы (это прослежено в трудах С.С. Шведова и др.). До изобретения парохода полным опасностей представлялось море; и деятельность охотников, моряков казалась особенно героической, «престижной» (как в более поздние годы летчиков, полярников). В недавнее время страх перед природой сменился у цивилизованных народов горделивым сознанием превосходства человека над силами природы, обернувшимся в последние десятилетия — при не всегда достаточной дальновидности и научной осведомленности об экологических явлениях — опасностью для человека. И если прежде, противостоя природе, приспособляясь к ней, не щадили ее, то ныне все больше задумываются об охране природы, природа осознается как огромная ценность.

Природные условия, их особенности и изменения помогают заглянуть в понимание событий и политической истории, истории культурных взаимоотношений народов. Климатические колебания оказывали, видимо, стимулирующее влияние на деятельность кочевников-завоевателей степной зоны Евразии. Степи, пустыни и горы становились препятствием для экспансии персидских и римских армий в пределы Восточной Европы и Средней Азии. Ландшафт местности учитывался при выборе места сражений. И понимание этих обстоятельств характерно было для полковод-

цев и государственных деятелей далеких времен. Принимали они во внимание физические возможности и людей (всадников, пеших, гребцов), и боевых животных (коней, слонов и др.), предопределявшие, в частности, допустимые расстояния безостановочных переходов. (Наблюдения такого рода в сопоставлении с другими данными позволили Б.А. Рыбакову с достаточной основательностью сформулировать предположение о месте битвы князя Игоря с половцами). И сейчас предпринимаются попытки экспериментальным путем проверить эти возможности, повторив, например, путь слонов Ганнибала через Альпы или морские путешествия через океан в условиях, напоминающих далекое прошлое (экспедиции под руководством Хейердала).

Важны для историка и сведения о биофизико-психических свойствах людей — и о больших сообществах, и об отдельных личностях (государственных и военных деятелях, писателях, художниках, ученых и др.). Для понимания особенностей и темпов истории колонизации важно знать типические биофизико-психические свойства новопоселенцев: так, таежные места Сибири и Дальнего Востока легче было осваивать выходцам из северных областей Восточной Европы или из лесистых районов Белоруссии, чем жителям степей (это прослеживается в трудах М.М. Громыко, Н.Н. Покровского, основанных на изучении источников XVII—XIX вв.). Нельзя не учитывать и индивидуальные особенности «характера», состояние психики государственных деятелей, полководцев (смелость или, напротив, трусость, быстрота реакции, выносливость, тщеславие, подозрительность, жестокость, несдержанность); коренные подчас изменения личности на протяжении жизни человека и др. Употребляют даже выражение «антропологические источники». В добывании и осмыслении подобных сведений особенно сказываются результаты междисциплинарных связей, содружества историков и археологов и ученых иных специальностей.

Изучение останков человека позволило установить изменения внешнего облика людей, средних сроков человеческой жизни, выяснить типичные для той или иной эпохи болезни и способы противостояния им. Они помогают иногда при занятиях даже государственно-политической историей. Так, выяснилось, что Ярослав Мудрый оказался моложе приписанного ему летописью возраста (а следовательно, и имел меньше прав в борьбе за великокняжеский престол), а славящийся непреклонной гордостью Андрей Боголюбский не мог сгибать шею, так как у него срослись шейные позвонки. Сравнительное исследование письменных и других классов исторических источников (труды Р. Мандру и др.) показало, что в средние века аффективная и интеллектуальная сферы были сильнее слиты, чем в настоящее время, обоняние более развито, а зрение менее развито, чем в наши дни, имел место приоритет слуха и осязания над зрением. Меняются и быстрота охвата зрением тех или иных явлений, и ритм, скорость восприятия явлений — размеренный ход пятиактной трагедии уже не подходит нашим современникам, приученным к темпу кинокартин и к разнообразию образов и впечатлений.

При изучении характера и последствий воздействия естественно-географических факторов на историю человеческого общества приходится зачастую пользоваться лишь косвенными указаниями, учитывать своеобразие отражения этого явления в исторических памятниках. Это можно

проследить по сведениям письменных источников об эпидемиях в России (используя при этом методику, разработанную Леруа Ладюри и другими зарубежными исследователями, изучавшими подобные сюжеты в истории других стран). В письменных памятниках средневековья нечастые цифровые данные обычно мало конкретны, иногда это даже как бы символы цифр («тысячи», «тьмы»). Приходится извлекать отдельные факты (тоже, конечно, нуждающиеся в проверке) по указаниям, например, на число гробов или похороненных во время «мора» — эпидемий, на изменения числа налогоплательщиков.

Любопытно, что эпидемии, причем таких болезней, которые практически ушли в наше время из европейских городов (чума, холера, оспа), признавались совершенно естественными явлениями еще в первой половине XIX в., когда они не щадили ни великих людей (смерть Гегеля), ни самых высокопоставленных (смерть великого князя Константина Павловича в 1831 г.). Это запечатлено в художественной литературе, всегда отражающей в определенной степени, так сказать, бытовые представления широкого читателя: Пушкин написал знаменитую маленькую трагедию «Пир во время чумы» (отправным пунктом для нее послужила поэма Вильсона «Чумный город» 1861 г.); Пушкин же допускал возможность своей гибели от эпидемии («иль чума меня подцепит»). Это характерно для мироощущения той эпохи. Вероятно, было бы небесполезно извлечь подобные данные из произведений художественной литературы, переписки, мемуаров. Это дало бы сведения и о болезнях, и об отношении к ним населения, и о мерах борьбы с эпидемиями.

Безусловно, особое значение имеет рассмотрение данных о природных бедствиях, эпидемиях в истории социальных отношений, классовой борьбы. Обнаруживается несомненная взаимосвязь этих явлений — природные бедствия, эпидемии, вызывавшие неурожаи, голод, спекуляцию продуктами питания со стороны богатых, становились поводом массового недовольства. Это понимали уже составители летописей, описывавшие массовые восстания 1068—1071 гг. в Ростово-Суздальской земле, в 1113 г. в Киеве, в середине XVI в. в Москве и в других городах; это отражено в сочинениях о событиях так называемого смутного времени начала XVII в., позднее в известиях о «чумном бунте» 1771. в Москве, «холерных бунтах» в XIX в. и т. д. Эти данные нуждаются в обобщении — они важны и для исследования истории классовой борьбы, и для изучения истории общественного сознания (причем широких слоев народа).

В то же время письменные источники — особенно нового времени — о заболеваниях позволяют подчас получать информацию и о явлениях другого рода (т. е. сами становятся источниками для изучения другой тематики). Так, записи об учащении близорукости у новобранцев в Европе в первой половине XIX в. свидетельствуют о большем распространении грамотности и привычки к чтению, а упоминания о болезнях зубов — о распространении определенных видов пищи.

Если археологи-специалисты по изучению вещественных источников, этнографы, историки разговорного языка много уже сделали для выявления информации о взаимодействии человека и природы в разные периоды истории, то специалисты в области изучения письменных источников только еще приступают к такой работе; приемы сравнительного источниковедения в этом аспекте исследований также в теоретическом

плане еще не рассмотрены. Перед историками-источниковедами стоят задачи выработать достаточно действенную методику изучения разновидностей традиционных исторических источников — исторических памятников с целью извлечения из них информации о взаимодействии общества и природы и приемы использования данных естественных наук для целей исторического исследования.

- 1 БСЭ. 3-е изд. М., 1972. Т. 10. С. 579. См. также статью «Источники исторические» в «Советской исторической энциклопедии» (М., 1965. Т. 6. С. 591).
- 2 См. об этом: Шмидт С.О. Современные проблемы источниковедения // В кн.: Источниковедение: Теоретические и методологические проблемы. М., 1969. С. 34—36.
- 3 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 190, 192.
- 4 Ланглау Ш., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. М., 1899. С. 48, 13.
- 5 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 16 (примеч.).
- 6 Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 596.
- 7 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 188. См. также: Т. 25. Ч. II. С. 387.
- 8 См.: Блаватский В.Д. Природа и античное общество. М., 1976.
- 9 См.: Швеленко А.Я. Природный фактор и европейское общество V—X веков // Вопросы истории. 1969. № 10.

О КЛАССИФИКАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ *

Вопросы классификации исторических источников привлекают все большее внимание. Об этом пишут в трудах по теории источниковедения, в учебных пособиях для высшей школы, в методических рекомендациях музейным работникам, учителям средней школы, краеведам.

При этом все чаще отмечается недостаточная обоснованность классификации исторических источников, еще недавно казавшейся едва ли не общераспространенной и зафиксированной даже в статьях энциклопедических словарей, ее несоответствие современным представлениям об источниковой базе исторической науки и о приемах выявления в источниках исторической информации и ее обработки. Одновременно обнаруживаются различия в суждениях и о понятии «исторический источник», круге исторических источников и об основаниях деления (и подразделения) исторических источников в классификациях их **.

Исторические источники — основа любого исторического исследования и любой формы популяризации исторических знаний. Задача

* Опубликовано в кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. XVI. Л., 1985. С. 3—24.

** В.А. Дьяков констатировал в книге «Методология истории в прошлом и настоящем»¹, что классификации исторических источников «посвящено немало специальных работ, причем разрабатывается не только прикладная (по отношению к исторической науке), но и общетеоретическая сторона проблемы. Тем не менее пока что не выработано ни общепринятой классификационной схемы для всего многообразия исторических источников, ни принципов, на основе которых можно было бы создать такую схему». С тех пор положение существенно не изменилось.

статьи — определение *всего* круга потенциальных исторических источников и оснований для их первичных классификаций *.

Чтобы избежать ситуации разговора на «разных языках», необходимо в первую очередь уточнить: какой смысл вкладывается в термины (теоретические и эмпирические), употребляемые в данной работе, и попытаться дать обоснование подобному пониманию.

Это особенно важно сделать и потому, что многое еще не отстоялось в современной источниковедческой терминологии **. В источниковедческой литературе не все термины воспринимаются однозначно и часто встречаются так называемые «привлеченные» термины, т. е. появившиеся в результате заимствования из других областей знания или приписывания существующим уже там терминам нового (дополнительного) понимания. Некоторые термины многозначны (полисемичны) и имеют более одного значения даже в пределах одной — источниковедческой — терминологии ***. Нельзя не учитывать и характерное обстоятельство в истории развития знаний, отмеченное В.И. Лениным, — «*всегда* возможных изменений номенклатуры» ⁵.

Ф. Энгельс, отмечая, что дефиниции не дают исчерпывающего представления о явлении, указывал вместе с тем на то, что «для обыденного употребления такие дефиниции очень удобны, и подчас без них трудно обойтись» ⁶. В.И. Ленин также заметил, что «слишком короткие определения хотя и удобны, ибо подытоживают главное, — все же недостаточны, раз из них надо особо выводить весьма существенные черты того явления, которое надо определить», и потому напомнил о том, что не следует забывать «условного и относительного значения всех определений вообще, которые никогда не могут охватить всесторонних связей явления в его полном развитии» ⁷. «Спорить о словах, конечно, не умно, — писал В.И. Ленин... — Но надо выяснять точно понятия, если хотеть вести дискуссию» ⁸.

Классификация — упорядоченная система объектов какой-либо области знания и представляет собой совокупность делений объема понятия на классы и подклассы. Обычно под «классом» подразумевается разряд объектов (явлений), обладающих общими признаками. Так называют и подразделение классификационного ряда, принимаемое за основное. Классификация — общепринятая логическая операция. (Сам процесс распределения объектов по классам на основании существенных признаков, присущих этим объектам и отличающих их друг от друга, иногда называют классифицированием ****).

* М.Н. Тихомиров, признавая источниковедение дисциплиной, «формирующей научную подготовку историков» и «в одинаковой мере» необходимой и для научных работников, и для преподавателей высшей и средней школы, и для более широкого круга читателей, писал, что источниковедение «*неизбежно* связано с изучением *всего* комплекса того материала, на котором зиждется наше представление о прошлом» ² (курсив мой. — С. III.).

** Соображения общего характера о терминоведении и указания на новейшую литературу см. в статье Э.И. Ханпиры «Архивоведческое терминоведение: объект и предмет» ³.

*** Такое же явление наблюдается и в пределах современной архивной терминологии ⁴.

**** В частности, в трудах по информатике ⁹. В «Словаре иностранных слов» указаны обе лексические единицы («классификация» и «классифицирование»), но среди различных значений многозначного слова «классификация» отмечено: «*то же, что* классифицирование» (курсив мой. — С. III.) ¹⁰.

Классификация используется для ориентировки в многообразии объектов и выявления связи и различий между ними как классами определенной системы. Отвечая на вопрос: «Что значит дать „определение“», В.И. Ленин писал: «Это значит, прежде всего, подвести данное понятие под другое, более широкое»¹¹.

Классификация — важное средство организации познавательной деятельности. Но классификация объектов не обязательно предполагает наличие разработанных понятий о них и иногда даже способствует формированию таких представлений. Известно и то, что классификации всегда условны и изменяются, отражая процесс развития наших знаний, ибо наше познание, как подчеркивал В.И. Ленин, не следует «предполагать готовым и неизменным»¹².

Классификации предназначены для сравнительно длительного использования в науке или в области практической деятельности, особенно так называемые естественные классификации, в основе которых — существенный признак (или совокупность признаков), определяемый самой природой распределяемых объектов, их «естественно». Это отличает их от искусственных классификаций * и систематизаций **, в основе которых могут быть различные признаки, в том числе имеющие значение с практической точки зрения для целей производимой работы (обучения и т. д.).

Общая классификация исторических источников — даже самая элементарная — должна удовлетворять о крайней мере нескольким условиям.

Следует учитывать характер источниковой базы и источниковедческий опыт исследователей, изучающих не только периоды, когда источниками стали письменные памятники, но и те исторические эпохи, от которых сохранилось мало письменных памятников, и обязательно специалистов по истории первобытного общества — самого долгого периода в истории человечества.

Следует учитывать, и практику краеведения, музееведения, преподавания истории в средней школе. Условие такой классификации — возможная универсальность применения ее в различных сферах выявления и использования исторических источников — в научно-исследовательской, учебной, научно-популярной работе (конечно, в зависимости и от поставленных задач, и от уровня подготовки тех, кто воспринимает исторические знания).

Наконец, поскольку «структура информационного поля исторической науки» (выражение О.М. Медушевой)¹³ не остается неизменной, подобная классификация должна быть одновременно и устойчивой, и достаточно гибкой, т. е. допускать выявление новых классов и подклассов исторических источников¹⁶ и включение их в систему. Это может произойти вследствие и изменения представлений о задачах, тематике, воз-

* Вопросы определения понятий «классификация» и «систематизация» остаются дискуссионными. Основная литература о классификации исторических источников и документов указана в трудах Л.Н. Пушкарева, К.И. Рудельсон, В.В. Фарсобина¹³.

** Под систематизацией в данном аспекте подразумевается процесс упорядоченного распределения каких-либо объектов по определенным, заранее заданным признакам. См. определение термина «систематизация» в Терминологическом словаре, изданном Постоянной комиссией по координации научных и технических исследований при СЭВ¹⁴.

возможностях исторических исследований *, и дальнейшего развития техники, порождающей новые формы фиксации, передачи и сохранения информации, и совершенствования средств коммуникации с прошлым — приемов обнаружения ранее скрытой информации и путей ее восприятия (в частности, в связи с исследованиями в области психологии, парапсихологии и т. д.). Потенциальная источниковая база исторической науки в конечном счете предопределяется уровнем развития всех наших знаний. А «прогресс общества в самой общей форме зависит от его вещественно-энергетической и информационной оснащенности» ¹⁸.

Наблюдаемый сейчас во всех областях научного знания возрастающий интерес к изучению самой процедуры выявления источников информации и методики ее использования — заметная черта времени оформления науки о науке. И соответственно термин «источниковедение» становится все более распространенным и употребляется ныне не только в сфере исторических наук **. В данной статье речь идет об историческом источниковедении, которое для удобства называют просто «источниковедение».

Источниковедение — это наука об исторических источниках (а следовательно, и о закономерностях их происхождения и развития) и о приемах их выявления, изучения и использования в работе историка. Изучение научных приемов включено здесь в само определение научной дисциплины. Тем самым подчеркивается и взаимосвязь теоретического (или «чистого») и «прикладного» знаний ***.

Учитывая наличие разных уровней источниковедения ¹⁹, в статье имеем в виду не столько теоретическое, сколько прикладное источниковедение, особенно характерное для учебной и музейно-пропагандистской работы, базирующейся на массовых первичных научных представлениях, полученных в основе своей еще в средней школе (в частности, на представлениях о развитии и взаимодействии общества и природы). Такое прикладное источниковедение опирается прежде всего на обыденно-эмпирический способ отражения субъектом объективной реальности ²⁰.

Уже утвердилось представление об отдельных областях (разделах и подразделах) исторического источниковедения, приобретающих значение и самостоятельных отраслей научного знания ****. В источниковедении письменных источников выделились разделы с более узкой специализацией по видам источников (дипломатика или актовое источниковедение; все чаще употребляют термин «летописеведение» и т. д.). Особые разделы выявляются уже и в «археологическом источниковедении» ²¹, и в «этнографическом источниковедении».

* Исторический источник «выступает как звено диалектической связи истории как процесса и научного исторического познания» ¹⁷.

** Определение места собственно исторического источниковедения в ряду «источниковедений» других наук (и не только гуманитарных), соотношение источниковедения, методологии и методики исследования могут быть темой специальных размышлений.

*** Следует, однако, иметь в виду, что четкое деление на «чистое» и «прикладное» знания на самом деле не имеет места. Теория опирается на практику, а элементы общих понятий входят составной частью в систему практических представлений, ибо познание общего — предварительное условие познания частного.

**** Установление места источниковедения в ряду отраслей исторического познания и особенностей «источниковедений» разных разделов исторической науки также может и должно стать предметом особого рассмотрения.

Историческое источниковедение (в целом и его разделы) находится в сфере пограничных проблем наук. А это предполагает усиление внимания к более или менее близкой проблематике этих наук, в частности к собственно историческому аспекту не только в других общественных, но и в естественных науках, расширение междисциплинарных научных связей²², взаимное использование в различных науках оправдавшей себя методики других наук.

В среде ученых продолжают споры о дефиниции «исторический источник». Применительно к задачам прикладного источниковедения можно ограничиться простой определенностью (это выражение Гегеля употреблял В.И. Ленин)²³ и признать историческим источником *всякое* явление, могущее быть использованным для познания прошлого человеческого общества, *все*, что может источать историческую информацию (т. е. информацию исторического характера, полезную для работы историка).

Словосочетание «исторический источник» допускает двойное понимание (и истолкование): источник исторической информации и источник исторического происхождения. В этой работе термин «исторический источник» употребляется в первом смысле. (При этом подразумеваются источники содержательной исторической информации, а не механизмы получения подобной информации, которые тоже могут рассматриваться, конечно, и как источники исторических знаний.)

Исторический источник существует независимо от историка и начинает восприниматься (по мере накопления наших источниковых и внеисточниковых знаний) как исторический источник, становится собственно историческим источником лишь тогда, когда рассматривается как объект исторического (или специально источниковедческого) изучения. Потому-то допустимо выделение такой категории, как потенциальный исторический источник²⁴, или «предысточник».

Только немногие источники информации о прошлом созданы были специально и с целью сохранения в будущем памяти о чем-то или о ком-то. Это — свидетельства отбора современниками того, что следует, по их мнению, впоследствии знать и помнить о них и об их предшественниках. Это — всегда и ценностная категория, характеризующая общественное сознание и уровень культуры (и научных знаний) эпохи создания памятника * (и последующего времени). Примеры такого рода «запрограммированных» исторических источников: памятники в честь побед над врагом или других выдающихся событий; курганы, мавзолеи, пирамиды на месте захоронения; устные предания и песни о подвигах и героях (или злодеяниях); сочинения, специально написанные для сохранения в памяти потомков (и в назидание им и современникам) — от летописей и мемуаров до современных ученых трудов историков; разнообразный изобразительный материал — произведения скульпторов (в том числе памятники знаменитым людям, созданные много позднее), живописцев и

* По существу, это и предопределило деление сохранившихся исторических источников на «остатки» и «предания», распространенное в науке с конца XIX в.: в историческом предании обнаруживаем не только исторический факт, но и оценку его создателем источника (и его современниками).

рисовальщиков, фото- и кинохроникеров, вплоть до неприятных минутных снимков «на память».

Большинство же источников информации о прошлом стали восприниматься как таковые только по мере развития исторических знаний и интереса к изучению истории. Обнаруживается прямое соответствие развития (и расширения) представлений о длительности и характере исторического процесса и роли его участников и об источниковой базе исторической науки. С распространением интереса не только к государственно-политической истории, но и к социально-экономической, к истории культуры возникает и понимание ценности источников познания этих явлений. С интересом к истории народных масс ощущается и потребность выявления и изучения источников, свидетельствующих о каждодневной жизни, о быте населения. С углублением понимания взаимосвязи развития общества и природы — особенно когда интерес к проблемам экологии приобретает глобальный характер — делается все яснее необходимость обращения к изучению природных явлений для познания социальных явлений в прошлом и в настоящем и прогнозирования будущего.

Соответственно меняются представления и об источниковой базе исторической науки, и о шкале ценностей многообразных источников: свидетельства о земледелии оказываются не менее важными для ученого, чем изделия ювелиров и скульпторов, а данные о числе жителей, их занятиях и миграциях — не менее значительными, чем изречения государственных деятелей и героические поэмы. Все более существенными для историка и социолога становятся сведения о климате и полезных ископаемых, эпидемиях и среднем сроке человеческой жизни в ту или иную эпоху, о темпах и особенностях расширения сферы социально охваченной природы и об изменении карты расселения людей.

Широкое представление об объеме понятия «исторический источник» затрудняет возможность конструирования генеральной классификации *всех* источников, удовлетворяющей обязательному логическому правилу, что каждое деление на классы должно иметь только одно основание. Слишком разнятся во многом существенном те объекты (и группы), которые в плане источниковедения (и *только* источниковедения) могут рассматриваться как части некоей системы, т. е. всего комплекса источников исторической информации.

Поэтому целесообразнее, видимо, предусмотреть возможность нескольких вариантов моделей общих классификаций всех исторических источников, более детально — и опираясь уже на жесткий принцип деления на классы по одному основанию (признаку) — классифицируя главный традиционный комплекс источников исторического происхождения.

Представления о предлагаемых вниманию читателей моделях классификаций исторических источников складывались постепенно. Впервые некоторые соображения по этому поводу были изложены в выступлениях весной 1966 г.*. Затем это нашло дальнейшее развитие в лекционных курсах автора в Московском государственном историко-архивном инсти-

* В докладе «Типологическая классификация исторических источников» на общем собрании Археографической комиссии АН СССР 13 апреля 25 и в лекции «Понятие об историческом источнике» в Центральном лектории Всесоюзного общества «Знание» в Политехническом музее 13 мая.

туте, в статьях «Современные проблемы источниковедения» (1969 г.), «Проблема взаимодействия общества и природы и некоторые вопросы источниковедения» (1981 г.) (в статьях этих указана основная литература вопроса) и др. Особое внимание этому уделялось в докладах автора «Систематизация исторических источников» на Северокавказской конференции по проблеме «Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины (изучение и преподавание)» в сентябре 1975 г. (в Геленджике) и «Источниковедение в кругу других научных дисциплин и вопросы классификации источников (Постановка вопроса)» на IV Всесоюзной конференции по проблеме массового источниковедения и специальных исторических дисциплин в 1983 г. (в Днепропетровске) *.

Предлагаемые модели классификаций рассматриваются автором как определения возможных основ для всеохватывающих («генеральных») естественных классификаций исторических источников, а не содержащихся в источниках (разных типов, видов и разновидностей) данных и исторической информации **.

В выделении классов исторических источников и в определении их наименований автор прежде всего опирается на опыт (опыт достижений и ошибок!) предшественников в отечественной и зарубежной литературе, охарактеризованной — и иногда очень детально — в трудах Л.Н. Пушкирева, О.М. Медушевской, Л.С. Клейна и других исследователей ***. Эта работа может рассматриваться и как своеобразный медосбор накопленных источникововедами выводов и наблюдений.

В работе не становится задача кодификации (т. е. описания терминологических норм) и тем более нормализации терминологии, предусматривающей активное вмешательство в терминологический процесс и процедуры терминообразования. Автор стремится лишь к лечению профессионального общения, причем не только историков-исследователей, но и специалистов в смежных и других областях науки, а также всех тех, кто все в большей мере становится причастен к познанию прошлого и путей его изучения.

* Автор глубоко признателен всем участвовавшим в обсуждении докладов за критические замечания. Опубликованный текст тезисов доклада на конференции 1983 г. (см: Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин... С.13—23) использован в настоящей работе, где основные положения излагаются в краткой, по существу тезисной, форме.

** Такие данные систематизируются и обобщаются обычно в трудах об исторических источниках определенного времени или определенной тематики. Можно назвать в этой связи книги А.Д. Люблинской — «Источниковедение истории средних веков» (Л., 1955), Л.Г. Бескровного — «Очерки по источниковедению военной истории России» (М., 1957), И.Ф. Петровской — «Источниковедение истории русского до-революционного драматического театра» (Л., 1971), где использованы данные не только письменных источников, но и изобразительных, и фонозаписей, и др. Книга В.Л. Янина «Очерки комплексного источниковедения (Средневековый Новгород)» (М., 1977) составляет, как указывает сам автор, основу специального лекционного курса «Источниковедение Новгорода», который читается в МГУ. Монографически изучаются и источники определенных видов и разновидностей, напр. в книгах С.М. Каштанова «Очерки русской дипломатики» (М., 1970) и Б.Г. Литвака «Очерки источниковедения массовой документации XIX — начала XX в. (М., 1979) и др., а также история их исследования и издания (статьи С.Н. Валка об «изданиях и изучениях» Русской Правды и др.).

*** О.М. Медушевская верно заметила: «Одну из характерных черт современного источниковедения составляет его историографическая направленность» 26.

* * *

Основную гносеологическую и культурную нагрузку в обществе несет естественный язык человека, т. е. слово, являющееся непосредственным материальным воплощением мышления. С распространением грамотности наибольшим информационным потенциалом стали обладать письменные исторические источники *. На их долю падает основная часть фиксированной социальной информации. С недавнего времени, помимо фиксирования словесной («речевой») информации посредством письма, она фиксируется все в большей мере и посредством звукозаписи.

Существенно и то, что словесные источники более доступны восприятию и самого историка, и тех, на кого рассчитаны его печатные труды и устные выступления. Привычное восприятие исторической информации именно через словесные (и прежде всего письменные) источники подчас даже препятствует возможности восприятия такой информации в других типах исторических источников **. Мы эту историческую информацию воспринимаем, обычно перекодировав в слове. Прямое восприятие глубинных ее слоев — удел специалистов (археологов, этнографов, социологов и др.). Скрытая (в той или иной степени) собственно историческая информация становится широко воспринимаемой через слово.

В то же время нельзя не учитывать и то обстоятельство, что письменные источники дошли до нас только от последних тысячелетий истории человеческого общества и что еще менее века назад подавляющее большинство населения нашей страны оставалось неграмотным; и письменные источники, возникшие в среде трудового народа, не так уж часты ***.

Все это делает допустимым вариант классификации всех исторических источников на два класса: источники непосредственно словесные **** и все другие, которые передают информацию иными средствами. Но и они обычно становятся познаваемыми собственно как источники исторической информации только через слово.

* * *

Спорным остается вопрос о круге потенциальных исторических источников. Нередко историческими источниками признают только те, которые «непосредственно» отражают исторический процесс, т. е. лишь результаты (продукты) человеческой деятельности, памятники материаль-

* М.Н. Тихомиров писал: «...письменные источники являются наиболее важными для историков; они — фундамент исторических исследований. Там, где письменные источники отсутствуют, историк бродит в потемках, и на страницах исторических изданий появляются пробелы, слабо восполняемые изучением других видов исторических источников»²⁷.

** Вспоминаются слова И.А. Бунина из стихотворения «Речь»: «Молчат гробницы, мумии и кости, // Звучат лишь Письмена...»²⁸.

*** Близкую мысль и вопрос историку сформулировал недавно и Чингиз Айтматов: «Иные грамотеи историей признают только то, что написано на бумаге. А если в те времена книги еще не писались, тогда как быть?»²⁹.

**** Подразделение источников исторического происхождения на письменные и неписьменные уже обосновывалось в литературе (Е. Топольским и другими учеными)³⁰.

ной и духовной культуры. Соответственно этими памятниками и ограничиваются при классификации исторических источников.

Согласно другому взгляду, историческими источниками признается не только то, что отражает исторический процесс, но и то, что помогает познать ход исторического процесса во всем его многообразии, т. е. то, что существовало и существует независимо от целенаправленной деятельности человека, но в определенной мере обуславливает развитие общественной жизни, а следовательно, и способствует объяснению особенностей ее в прошлом и настоящем. Это — окружающая человека естественно-географическая среда (а также космографическая среда — достаточно напомнить о наблюдениях А.Л. Чижевского³¹ о влиянии активности солнца на жизнь нашей планеты) и физико-биопсихические свойства самого человека³².

Только обращаясь к таким данным, можно выяснить с должной полнотой воздействие природы на общество и общества на природу (антропогенные и техногенные факторы), изменения (во времени и в пространстве) характера и степени интенсивности взаимодействия общества и природы. Это важно учитывать при изучении не только социально-экономической истории, народного быта, культурных традиций, но даже и государственно-политической истории. К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивали, что история природы и история людей «неразрывно связаны; до тех пор пока существуют люди, история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга»³³. Такую закономерность не следует недооценивать и при подходе к вопросу об определении круга исторических источников и их классификации.

В новейшем обобщающего характера труде о первобытном обществе (в разделе «Понятие и классификация источников») А.И. Першиц указывает на спорность вопроса «о том, что входит в круг исторических источников. Только ли результаты человеческой деятельности или же также и непретворенная ею природная среда? Только ли собственно исторические свидетельства или же также и свидетельства естественных наук?». Отмечая, что обе точки зрения представлены в теоретическом источниковедении, он констатирует, что «пожалуй, преобладающая в настоящее время тенденция состоит в том, что вторая из них постепенно вытесняет первую. И для этого есть серьезные основания... наблюдается знаменательный процесс сближения общественных и естественных наук, происходит и постепенный отход от узкого понимания исторического источника»³⁴.

В главе этой книги «Источниковедение первобытной истории» круг исторических источников расширен путем включения в их ряд «антропологических источников» (характеризующих одновременно и природную, и социальную сущности человека) и «естественно-научных» (палеонтологических, палеогеографических и др.) и отмечено, что «в последние годы происходит обогащение исторической науки естественно-научными данными и методами»³⁵.

Явления из области естественных наук при занятиях историей все в большей мере становятся из внеисторических историческими и при изучении и тех периодов истории, которые нашли отражение в вещественных и даже письменных памятниках³⁶. Перед учеными гуманитарного профиля возникают задачи извлечения «исторической» информации из

данных естественных наук * о естественно-географической среде, физико-биопсихических свойствах человека и исследования подобной проблематики на базе традиционных источников исторического происхождения (а также и сравнительного изучения и использования всех этих видов информации).

Природное окружение человека можно расчленить на две части: та, которая влияла или влияет на общество, но сама не подвергается его воздействию (основные физико-географические черты местности, климат и т. д.), и та, которая этого воздействия не избежала ³⁸. Чем ближе к нашему времени, тем менее остается областей природной среды, не затронутых (а следовательно, и не измененных в той или иной степени) человеком.

Признание природных явлений также источниками познания истории человеческого общества имеет существенное и общеметодологическое значение. Представление о том, будто главное свойство исторического источника — отражать реальную действительность, не включает (а по существу даже выключает) мысль об активном воздействии человека на природу.

Общезвестны положения классиков марксизма-ленинизма о том, что «история — не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека» ³⁹, что «сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его» ⁴⁰. Рассматривая эти положения и даже приводя эти же или близкие по мысли цитаты из сочинений классиков марксизма-ленинизма, ограничиваются, однако, подчас рассмотрением только внутриобщественных отношений, т. е. взаимоотношений человека (или группы людей) и общества в целом. Между тем К. Маркс и Ф. Энгельс не раз писали об историческом значении взаимодействия людей и природы. «Труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой», — читаем в «Капитале» Маркса ⁴¹. «Человеку удалось наложить свою печать на природу», — отмечал Ф. Энгельс в «Диалектике природы», а слова «изменение природы человеком» он считал нужным особо выделить ^{42**}.

* Следует учесть, однако, что для ученого в области естественных наук собственно историческая информация в изучаемых им объектах (явлениях), как правило, воспринимается (если она вообще оказывается замеченной) как избыточная, т. е. не относящаяся к содержанию его «запроса». Для историка же она обычно первоначально становится как бы сигнальной информацией, выполняющей функции предварительного оповещения и указывающей источник, откуда могут быть получены важные для него сведения. Изучение природных явлений историком — это научная, т. е. создаваемая в ходе научного процесса, информация. Но еще А. С. Лаппо-Данилевский правильно заметил, что историк, обращаясь к рассмотрению природных явлений, «пользуется выводами естествоведа для построения исторической действительности» ³⁷. Лишь очень немногие историки способны овладеть научной методикой естественных наук; при обращении к естественно-географическим источникам историки обычно опираются на выводы и наблюдения, полученные специалистами в области соответствующих наук.

** Отмечая, что «разум человека развивался соответственно тому, как человек научался изменять природу», Ф. Энгельс противостоял «той точке зрения, что только природа действует на человека и что только природные условия определяют повсюду его историческое развитие». Это «натуралистическое понимание истории», по мнению Энгельса, «страдает односторонностью и забывает, что и человек воздействует обратно на природу, изменяет ее, создает себе новые условия существования. От „природы“ Германии, какой она была в эпоху переселения в нее германцев, осталось чертовски мало. Поверхность земли, климат, растительность, животный мир, даже сами люди бесконечно изменились, и все это благодаря человеческой деятельности...» ⁴³.

В век пристального внимания к экологии, в том числе к исторической экологии, казавшиеся традиционными определения исторического источника и системы их классов не соответствуют современным представлениям о месте человека в системе мироздания, о роли природы в социальной жизни человека, о взаимодействии общества и природы⁴⁴.

Все это предопределяет расширение традиционной источниковой базы исторических исследований. На практике она уже фактически расширена, особенно на, так сказать, менее высоких уровнях изучения прошлого — в области школьного обучения, в краеведении, в музейной деятельности. В краеведческих музеях разделы истории и природы чаще всего находятся под одной крышей и взаимовлияние общества и естественно-географической среды кажется особенно очевидным (и, соответственно, представление об этом закрепляется в сознании школьной молодежи).

Есть основания говорить о естественно-географических источниках исторического происхождения, которые являются результатом деятельности людей. Их условно можно подразделить на два основных класса: историко-географические и историко-биологические. (Допустимы и названия: «геосоциальные» и «биосоциальные».) Это искусственно созданные водоемы, лесонасаждения, культивируемые городские и сельские ландшафты и др. К. Маркс отмечал, что прирученные животные — это «измененные посредством труда, выращенные человеком животные», «семена в земледелии» — тоже «продукт труда»⁴⁵. Известно и о многообразных изменениях, внесенных невольно, от незнания, в природу, прежде всего в результате хозяйственной деятельности, о превращении людьми в болота и пустыни ранее обжитых земель, истреблении человеком некоторых пород животных и растений, истощении запасов полезных ископаемых, загрязнении воды, почвы, воздуха и т. д. Ведь это — тоже явления, «непосредственно отражающие исторический процесс»*.

Следует, однако, иметь в виду, что в результате фундаментальных изменений, внесенных человеком в природу, обнаруживаются следствия, характерные для подобных же природных образований естественного происхождения (например, в результате появления искусственного моря меняются климат, уровень подземных вод, растительность, фауна и т. д.). По своим «естественным» законам живут и развиваются перенесенные в другой географический регион или выведенные искусственно сорта растений и виды животных и т. п. Осуществил эти изменения в природе человек, но затем они уже существуют как бы независимо от человека и оказывают влияние на человеческую деятельность по законам, свойственным характеру взаимоотношений таких природных явлений и людей.

Таким образом, можно классифицировать *все* массивы источников исторической информации на два класса: а) исторические источники,

* С таким мнением теперь соглашаются и те, кто ранее придерживался иных взглядов. Если Л. Н. Пушкарев в статье 1966 г. утверждал, что географическая среда не является историческим источником, то в книге 1975 г. он признает: «Труды русских и зарубежных исследователей, вышедшие за последние годы, убедительно доказали, что для подобной категоричности суждения нет достаточного основания», и далее пишет: «Само собой разумеется, что все изменения, совершенные человеком в географической среде, являются самым настоящим историческим источником, ибо они созданы людьми, обществом»⁴⁶.

являющиеся результатом целенаправленной общественной деятельности людей; б) источники, существующие независимо от этой деятельности (или источники социального и несоциального происхождения).

Источники исторического происхождения — это *основные* источники познания прошлого человека и его современного состояния. Именно их обычно и называют историческими источниками. И именно для выявления, изучения и использования таких источников выработаны особые приемы специалистами в области общественных наук, источниковедческая методика.

* * *

Источники исторического происхождения допустимо называть историческими памятниками или просто «памятниками», так как они запечатлели память о людях, являются следами их деятельности.

В таком именно смысле термин «памятник» прочно вошел в словопотребление, в музейную практику, нашел отражение в законодательстве *. Так понимал это и М.Н. Тихомиров **.

Классификации источников исторического происхождения, т. е. памятников материальной и духовной культуры, посвящена значительная литература. Наиболее известны варианты вспомогательных классификаций, т. е. таких, которые создаются с целью наиболее легкого обнаружения того или иного объекта среди классифицируемых объектов.

В последние годы распространение получили классификации по типам и видам ***. Деление по типам как наиболее крупным классам исторических источников стало общепринятым с 1960-х годов при классификации всей совокупности их ⁵⁰. Рассматривая эту совокупность исторических источников как систему и обосновывая именно типологическую классификацию, я исходил и из представления о типологии как методе научного познания, в основе которого лежит расчленение системы объектов и их группировка с помощью обобщенной модели или типа. Проблемы типологии возникают в науке обычно тогда, когда имеют дело с крайне разнородными по составу множествами объектов и решают задачу их упорядоченного описания, сопоставления и объяснения таких множеств. Опирается типология на выявление сходства и различия изучаемых объектов, на поиск надежных способов их идентификации ⁵¹.

В классификации исторических источников, которой придерживаются Л.Н. Пушкарев, А.П. Пронштейн ⁵² и некоторые другие ученые, тип объединяет источники, отличающиеся друг от друга самим принципом

* Под «памятником» можно подразумевать и ценностную категорию, т. е. то, что важно для сохранения памяти — «памятники истории и культуры». «Документальными памятниками» в этом плане можно признать *все* документы, достойные сохранения, в частности в государственных хранилищах — архивах, музеях, библиотеках, или уже хранящиеся там, а не только «особо ценные документы», как полагают некоторые архивисты ⁴⁷.

** Параграф «Понятие об историческом источнике» его учебного пособия по источниковедению истории СССР начинается словами: «Под историческим источником понимают *всякий памятник прошлого*, свидетельствующий об истории человеческого общества» (курсив мой. — С. Ш.) ⁴⁸.

*** Видом теперь называют обычно такую группу памятников, которая имеет устойчивую общность признаков их структуры, предопределяемую обычно назначением памятника и его функционированием ⁴⁹.

хранения и кодирования информации⁵³. Там выделяются семь типов исторических источников: письменные, вещественные, этнографические, лингвистические, устные, фотокинодокументы, фонодокументы. Еще недавно писали о шести типах (или группах), объединяя в одну группу кинофонофотоматериалы⁵⁴.

Происхождение этой классификации связано с оформлением представления о предмете отдельных наук и их методике. «Типами» исторических источников оказались названы те классы, которые ранее назывались «видами» (например, в учебнике М.Н. Тихомирова). «Эта систематика в большинстве своих звеньев восходит уже к работам конца прошлого века, — отмечает А.И. Першиц, — а в настоящее время осмысливается с точки зрения теории информации. Однако она, как и связанная с ней терминология, не бесспорна»⁵⁵.

В классификации этой нетрудно обнаружить логическую нечеткость — основание деления в предложенной схеме не выдерживается: смешиваются понятия «тип источников» и «материалы», используемые в научной работе лингвистами, этнографами и другими учеными-специалистами. Однако номинации типов источников не отражают уже современную источниковую базу этих наук: лингвисты используют в своей работе отнюдь не только современную разговорную речь, но и письменные источники (так создаются различные словари, труды о языке классиков литературы и классиков марксизма-ленинизма и т. д.), памятники фольклора, теперь все чаще — и фономатериалы; этнографы опираются, особенно при изучении явлений прошлого, главным образом на вещественные источники и т. д. Механически были объединены первоначально в связи с новыми изобретениями кино- и фотоматериалы с фономатериалами*, и в то же время фотодокументы оказались оторванными от других изобразительных источников, которым вовсе не нашлось места в классификации⁵⁸. Потому такая классификация не удовлетворила и работников музеев, связанных с памятниками музейных фондов⁵⁹. И.Д. Ковальченко в статье 1982 г. писал, что это «широко распространенное до последнего времени в советском источниковедении деление всей совокупности исторических источников... представляется непоследовательным в силу неоднозначности принципов и критериев их выделения (одни группы выделены по форме отражения действительности, другие — по способу фиксирования информации, третьи — по объекту отражения)»⁶⁰.

И.Д. Ковальченко, опираясь на достижения учения об информации, предложил выделить иной «первый, наиболее общий уровень классификации исторических источников». «По методам и формам отражения действительности вся совокупность исторических источников четко делится, — пишет он, — на четыре группы, или категории: вещественные, пись-

* А.Т. Николаева, употребляя термин «кинофонофотосточники», неправомерно ссылается на учебник М.Н. Тихомирова⁵⁶. М.Н. Тихомиров, являвшийся не только выдающимся исследователем, но и методистом в области преподавания в средней и высшей школе, не мог объединить в один «вид» трудносоединимое. Он, называя традиционные пять основных видов исторических источников (вещественные, этнографические, лингвистические, устные, письменные), добавлял, что «развитие техники привело к появлению новых видов источников, какими являются фотографии, кинофильмы, звуковые записи и т. д., появившиеся уже в новейшее время»⁵⁷, т. е. в учебном пособии М.Н. Тихомирова написано не об одном новом виде, а о нескольких видах исторических источников.

менные, изобразительные (изобразительно-натуральные) и фонические»⁶¹. Такое же деление «с точки зрения форм фиксирования социальной информации» указано во Введении ко второму изданию учебника «Источниковедение истории СССР» под редакцией И.Д. Ковальченко, вышедшему в 1981 г., где выделены «следующие типы источников: вещественные, художественно-изобразительные, письменные и фонодокументы»⁶².

Эта классификация представляется значительно более обоснованной и логически выдержанной, чем ранее распространенная. Достоинство ее как классификации, используемой в учебном процессе, — концентрация внимания на тех классах источников, которые особенно интенсивно изучаются и в высшей и в средней школе, и она во многом сопряжена с другими предметами учебных программ. Большинство исследователей также обращаются в своей работе именно к этим классам исторических источников. Классификация оказывается удобной для музейной работы.

Однако и эта классификация, во-первых, все-таки не охватывает всю совокупность вошедших в научный обиход классов исторических источников (и даже таких распространенных, как те, которые прежде именовались «этнографическими»). Во-вторых, классификация эта отделяет друг от друга классы источников, фиксирующие одни и те же явления социальной информации, например один и тот же текст, написанный пером (или напечатанный) и запечатленный в звукозаписи, и, напротив, объединяет в один «тип» источника разные явления социальной (и собственно «культурной») информации: фономатериалы с речью людей и музыкальные записи.

Поэтому полагаю возможным возвратиться к рассмотрению вопроса о типологической классификации *всех* источников исторического происхождения и предложить вариант такой классификации. Это существенно измененная схема классификации, первоосновой которой был вариант 1960-х годов.

К определению понятия «исторический источник» подходят, не всегда учитывая общеизвестное различие таких категорий, как явление и сущность. Явление — это внешние свойства и признаки предмета (объекта), доступные первичному восприятию. Сущность же чаще всего первоначально скрыта от нашего наблюдения. Путь познания — это путь от анализа явления к анализу сущности.

В основе этой типологической классификации внешний (более доступный первоначально) признак исторических источников: внешняя «материальная» форма источника *, определяющая соответственно и способ отражения источником действительности (и прошлого, и современного), и способ получения информации о ней, а также характер «чувственного восприятия» ее, причем восприятия внешнего, более доступного слоя информации. При этом классификация соотносится и с некоторыми

* И.И. Полосин, разработавший очень интересный курс методики преподавания истории, в проспекте лекционного курса «Источниковедение и историография» (1941), отмечая возможность классификации исторических источников по многим признакам, полагал, что в «общем теоретическом курсе исторического источниковедения исторические источники следует классифицировать по признакам формальным. Этим достигается: 1) максимально быстрая обзорность источников; 2) возможность постановки и решения сравнительно-исторических задач»⁶³.

представлениями общего характера о знаковых системах, включающих такие элементы, как вещь, изображение, слово, жест, звук.

Основное внимание в этой элементарной классификации уделяется пока определению существенно общих формальных свойств исторических источников и в то же время отличающих их друг от друга и тем самым обеспечивающих им известную автономность в системе.

Классы в классификациях, как известно, могут быть «простыми» и «сложными». В данной классификации названы «простые классы», имеющие один общий признак *. Внутри классов иногда выделены подклассы («подтипы»), прежде всего такие, которые стали привычными по другим классификациям. Понятно, что подобное деление можно было бы продолжить, указав возможности и более дробного деления, но это уже самостоятельная задача.

При выборе наименования классов и подклассов этой классификации учитывалась степень внедренности термина и, главное, его ориентированность, так как неориентирующие термины недостаточно информативны **.

Примерная схема типологической классификации источников исторического происхождения, деления всего их комплекса на большие классы — типы и подтипы — такова.

1. *Вещественные источники* во всем их многообразии (от памятников археологии до современных машин и предметов бытового обихода) ***.

2. *Изобразительные источники* ****.

а. *Художественно-изобразительные* (произведения изобразительного искусства, искусства кино и фотографии).

б. *Изобразительно-графические* *****

в. *Изобразительно-натуральные* (прежде всего фотографии, кинокадры).

3. *Словесные источники*.

а. *Разговорная речь*.

б. *Памятники устного творчества* (фольклор).

* Вычленив из сложного один элемент, есть риск чрезмерно упростить ситуацию. Но, как заметил А. Эйнштейн, «если не грешить против разума, то вообще невозможно прийти к чему-либо»⁶⁴.

** «Наименование информативно, поскольку оно отражает один из признаков обозначаемого предмета и сообщает о нем», — отмечается в труде по типологии лингвистических номинаций⁶⁵.

*** К этому классу источников допустимо отнести не только чучела животных, птиц, гербарии, но в данной (и *только* данной) схеме классификации (по «чувственному восприятию» информации источника, точнее даже — его «материальной формы») — и самих животных, птиц, растения, т. е. многие естественно-географические источники исторического (искусственного) происхождения.

**** Все изобразительные источники являются одновременно вещественными и могли бы рассматриваться как их подкласс. Но выделение особого типа изобразительных источников — не просто дань привычной практике музейной классификации, а объясняется тем, что они — в отличие от большинства вещественных источников — несут, как правило, дополнительную культурно-историческую информацию, «изображая» *иное* явление. И именно эта информация воспринимается как основная, а их «вещественность» — как дополнительная.

***** К ним относятся прежде всего памятники, содержащие графическую информацию, т. е. информацию, выражаемую при помощи наглядных графических образов, не составляющих алфавита.

в. Письменные памятники (включая эпиграфические) во всем многообразии содержания и формы — видов и разновидностей.

К этому типу относятся и все фонодокументы, в той или иной мере фиксирующие «речь» человека.

4. Конвенциональные * источники во всем их многообразии.

Все системы условных обозначений графическими знаками (ноты, знаки математической, химической и другой символики и др.) и изобразительно-схематическими (электрокардиограмма, осциллограмма и др.).

К ним, по-видимому, должны быть отнесены документы информации на разного типа искусственных машинных языках, т. е. информация, запечатленная на машинных носителях, а не на традиционной документной основе **. Точное содержание этих источников для всех, кроме специально подготовленных лиц, может быть раскрыто путем использования другого типа источников, прежде всего словесных.

Многие из этих источников могут рассматриваться и как письменные (т. е. подтип словесных) или изобразительно-графические (т. е. подтип графических).

5. Поведенческие источники.

Визуально наблюдаемые (или воспроизводимые) обычаи и обряды (ритуалы) — коллективные и индивидуальные действия (трудовые, семейно-бытовые, праздничные, спортивные и др.) ***.

Некоторые из них прежде всего мимические по форме; другие сопровождаются словами, музыкой (являясь своеобразными комплексными источниками).

6. Звуковые, или аудиальные, источники.

Это звуки в широком и узкомузыкальном смысле, ибо музыковеды пишут особо о «звуках», «звонах», «шумах» ⁶⁹. К ним относятся и записи голосов птиц, животных.

На первый взгляд, существенным группам исторических источников не находится места в этой классификации, так как они относятся к пограничным, смешанным или комплексным классам исторических источников. Однако и такие многомерные источники тоже оказываются в одном из названных ранее классов, но только при учете лишь одной из их форм. Например, монеты — вещественные источники с изображениями и надписями (они могут рассматриваться и как разновидности нескольких типов источников — вещественных, изобразительных, словесных); картографические материалы и плакаты, являющиеся одновременно письменными и изобразительными источниками; песни — одновременно и словесные, и звуковые источники. Некоторые вещественные источники являются прежде всего знаками престижа и могут восприниматься и как

* Термин «конвенциональный» (лат. *conventionalis* от *conventio* — договор, условие) означает «условный» и в то же время «принятый», «соответствующий установившимся традициям» ⁶⁶.

** И.Д. Ковальченко справедливо заметил, что «источники последнего рода (а объем их уже достаточно велик) пока еще не стали, к сожалению, объектом постоянного внимания источниковедов» ⁶⁷.

*** Обычаи-действия зачастую отражают пережитки прошлого быта и изучаются этнографами. Однако достаточно широко распространенный термин «этнографические источники» трудно признать удачным, так как собственно этнографическими материалами, используемыми этнографами в своей работе, даже в полевой практике, являются и иные типы и подтипы исторических источников, и прежде всего вещественные ⁶⁸.

поведенческие источники. Памятники садово-паркового искусства⁷⁰, заводы и фабрики, поселения — сложнейшие комплексные источники (в источниковедческой литературе ГДР употребляется даже термин «*Siedlungskundliche Quellen*»)⁷¹. Кинофильмы — источники поведенческие и изобразительные одновременно, а часто еще и словесные и звуковые (музыка, различные шумы). Теперь в употреблении термин «аудиовизуальный документ», содержащий сочетание изобразительной и звуковой информации⁷²; говорят об аудиовизуальных формах культуры.

Кинофильмы было бы вообще допустимо выделить в особый тип исторических источников, и не только потому, что это широко распространенный ныне класс источников, содержащих разнообразную социальную (историческую) информацию, но и потому, что это источники, показывающие (и, соответственно, позволяющие изучать) явления в движении.

Условность предлагаемой классификации (как, впрочем, и всякой классификации) очевидна. При обозначении объекта соответствующего класса отмечается лишь существенный в данном случае признак сходства и признается несущественным — опять-таки лишь в данном случае — характер их различий. Все письменные источники, например, могут ведь одновременно рассматриваться как вещественные и классифицироваться по признаку материала, на котором дошли записи, по признаку материала или орудия, которым сделаны записи, и т. д. Условно и разделение даже письменных и иных подтипов словесных источников: публичное выступление общественного деятеля может восприниматься в наши дни и как письменный источник, напечатанный в газете, и как разговорная речь, непосредственно услышанная или воспринятая в передаче радиодиктором, и даже как изобразительный и поведенческий источник, если с ней знакомимся по телепередаче, и т. д.

И эту условность всяких дефиниций и систематизаций необходимо всегда не упускать из виду и четко договариваться о смысле употребляемых (в конкретных ситуациях) определений.

Предлагаемый вариант первичной типологической классификации исторических источников, точнее сказать, источников исторического происхождения имеет гипотетический характер, нуждается в проверке на долговременность и в уточнениях.

Подобная прикладная классификация исторических источников по формальным (внешним) признакам их рассчитана в первую очередь на учебные цели, музееведческую и краеведческую деятельность, на «источниковедческую практику»⁷³. Она предназначена не для углубленного изучения исторических источников как носителей социальной информации, а для выявления, учета и *первичного* разделения памятников на классы и может в лучшем случае рассматриваться как одна из предпосылок для обоснования «сущностной» и многоаспектных * классификаций исторических источников.

* Интересно было бы рассмотреть проблемы классификации исторических источников в плане концепции «социальной памяти»⁷⁴ или современных представлений о теории коммуникаций (в частности, о каналах передачи культурных сообщений), в которой используется и терминология, принятая при изучении словесных источников. А. Моль писал: «Эти понятия, возникшие первоначально применительно к сообщениям письменной речи, на самом деле обладают гораздо большей общностью и приложимы ко всем вообще способам физической передачи сообщений»⁷⁵.

Хотелось бы надеяться, что предлагаемые в данной статье модели классификаций исторических источников помогут дальнейшей работе источниковедческой мысли в этих направлениях.

- 1 Дьяков В.А. Методология истории в прошлом и настоящем. М., 1974. С. 12.
- 2 Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР (С древнейших времен до конца XVIII века). М., 1962. С. 3.
- 3 АЕ за 1982 год. М., 1983. С. 38—51.
- 4 См.: Словарь современной архивной терминологии социалистических стран. М., 1982. С. 4.
- 5 Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. Т. 18. С. 149.
- 6 Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К. Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 84.
- 7 Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма // Полн. собр. соч. Т. 27. С. 386.
- 8 Ленин В.И. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме» // Полн. собр. соч. Т. 30. С. 93.
- 9 Черный В.И. Введение в теорию информационного поиска. М., 1975. С. 36.
- 10 См.: Словарь иностранных слов. 8-е изд. М., 1981. С. 235.
- 11 Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. Т. 18. С. 149.
- 12 Там же. С. 102.
- 13 См.: Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. С. 281; Рудельсон К.И. Современные документные классификации. М., 1973. С. 267; Фарсовин В.В. Источниковедение и его метод. М., 1983. С. 188 и сл. О современных представлениях об основах классификации см. обзоры материалов Первой Всесоюзной школы-семинара по теории классификации 1979 г.: ВФ. 1980. № 8. С. 163—165; см. также: Воронин Ю.А. Введение в теорию классификации. Новосибирск, 1982. С. 195 (Указана литература).
- 14 М., 1966. С. 306.
- 15 Медушевская О.М. О проблемах классификации исторических источников // СА. 1978. № 5. С. 110.
- 16 См. об этом: Ковальченко И.Д. Исторический источник в свете учения об информации (К постановке проблемы) // ИСССР. 1982. № 3. С. 144.
- 17 См.: Медушевская О.М. Современное зарубежное источниковедение. М., 1983. С. 17; см. также: Иванов Г.М. Исторический источник и историческое познание. Томск, 1973. С. 224.
- 18 Афанасьев В.Г. Социальная информация и управление обществом. М., 1975. С. 5.
- 19 О разных уровнях «источниковедения» см.: Шмидт С.О. Современные проблемы источниковедения // Источниковедение. Теоретические и методологические проблемы. М., 1969. С. 18—20 (см. также: Шмидт С.О. Актуальные проблемы источниковедения // Общественные науки. 1970. № 2. На англ., исп., нем., фр. яз. О прикладных аспектах источниковедения см.: Ковальченко И.Д. Исторический источник... С. 129 и сл.).
- 20 См. об этом: Ковальченко И.Д. Исторический источник... С. 134.
- 21 См.: Клейн Л.С. Археологические источники. Л., 1978. С. 119 (Указана литература).
- 22 См. об этом: Люблинская А.Д. Источники в смежных с историей науках (по материалам зарубежной медиэвистики) // Проблемы источниковедения западноевропейского средневековья. Л., 1979. С. 9—46 (Указана литература).
- 23 См.: Ленин В.И. Философские тетради // Полн. собр. соч. Т. 29. С. 212.
- 24 Шмидт С.О. Современные проблемы источниковедения. С. 30—31; Иванов Г.М. Основные принципы марксистско-ленинской теории исторического источника // Источниковедение отечественной истории. 1979. М., 1980. С. 18; Ковальченко И.Д. Исторический источник... С. 137; Ковальский Н.П. Проблемы классификации письменных источников в современной историографии // Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин: Тезисы докладов IV Всес. конф. (Днепропетровск, 31 октября — 2 ноября 1983 г.). М., 1983. С. 17.
- 25 АЕ за 1966 год. М., 1968. С. 438.
- 26 Медушевская О.М. Теоретические проблемы источниковедения. М., 1977. С. 45.
- 27 Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР. С. 8.
- 28 Бунин И. Стихотворения. 2-е изд. Л., 1956. С. 203.
- 29 Айтматов Ч. И больше века длится день // Новый мир. 1980. № 11. С. 26.
- 30 См.: Дьяков В.А. Методология истории... С. 128.
- 31 См. об этом: L'Histoire et ses méthodes. Paris, 1961. P. 64—67.
- 32 Подробнее см.: Шмидт С.О. 1) Проблема взаимодействия общества и природы и некоторые вопросы источниковедения // Общество и природа. М., 1981. С. 262—

- 275; 2) Общество и природа: вопросы изучения исторических источников // Общественные науки. 1983. № 4. На англ., исп., нем., порт., фр. яз.
- 33 *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 16.
- 34 История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М., 1983. С. 33—34.
- 35 Там же. С. 35, 78, 69—82.
- 36 См.: *Шевеленко А.Я.* 1) Природный фактор и европейское общество V—X веков // ВИ. 1969. № 10. С. 87—105; 2) Производственно-трудовой опыт народных масс Европы VI—X веков // ВИ. 1975. № 8. С. 78—101; *Дулов А.В.* Географическая среда и история России. Конец XV — середина XIX в. М., 1983. С. 255; *Борисенко Е.П.* Климат и деятельность человека. М., 1982. С. 133 (Указана литература).
- 37 *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. СПб., 1913. Вып. 2. С. 369.
- 38 История первобытного общества. С. 79.
- 39 *Маркс К., Энгельс Ф.* Святое семейство // Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 102.
- 40 *Ленин В.И.* Философские тетради // Полн. собр. соч. Т. 29. С. 194.
- 41 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 188.
- 42 Там же. Т. 20. С. 357, 545.
- 43 Там же. С. 545—546.
- 44 См.: Общество и природа. Исторические этапы и формы взаимодействия. М., 1981. 344 с.; *Соломина С.Н.* Взаимодействие общества и природы (Философские проблемы). М., 1983. 252 с. (Указана литература).
- 45 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 190, 192.
- 46 *Пушкарев Л.Н.* Классификация русских письменных источников... С. 86.
- 47 См.: Словарь современной архивной терминологии социалистических стран. С. 61.
- 48 *Тихомиров М.Н.* Источниковедение истории СССР. С. 6.
- 49 Об употреблении термина «вид» в источниковедении см.: *Макаров М.К.* К вопросу о терминологии в источниковедении истории СССР // Тр МГИАИ. М., 1964. Т. 17. С. 8 и сл. См. также: *Курносов А.А.* К вопросу о природе видов источников // Источниковедение истории СССР. С. 12; Словарь современной архивной терминологии социалистических стран. С. 32.
- 50 Об этом см.: *Дьяков В.А.* Методология истории... С. 131.
- 51 Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 685.
- 52 *Пронштейн А.П.* Методика исторического источниковедения. Ростов н/Д, 1976. С. 32—33.
- 53 *Пушкарев Л.Н.* Классификация русских письменных источников... С. 191; см. также: Источниковедение истории СССР/Под ред. И.Д. Ковальченко. 2-е изд. М., 1981. С. 12.
- 54 БСЭ. Т. 10. С. 579; СИЭ. М., 1965. Т. 6. С. 592; *Николаева А.Т.* Теория и методика советского источниковедения. М., 1975. С. 9.
- 55 См.: История первобытного общества. С. 34.
- 56 *Николаева А.Т.* Теория и методика... С. 9.
- 57 *Тихомиров М.Н.* Источниковедение истории СССР. С. 8.
- 58 *Шmidt С.О.* Современные проблемы источниковедения. С. 35—36.
- 59 Историческое краеведение / Под ред. Н.П. Милонова. М., 1969. С. 229.
- 60 *Ковальченко И.Д.* Исторический источник... С. 143.
- 61 Там же. С. 143.
- 62 Источниковедение истории СССР. С. 12.
- 63 *Шmidt С.О.* Материалы по методике источниковедения в архиве И.И. Полосина // АЕ за 1967 год. М., 1969. С. 322.
- 64 Цит. по: *Фейнберг Е.Л.* Кибернетика, логика, искусство. М., 1981. С. 37.
- 65 *Гак В.Г.* К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация. М., 1977. С. 238.
- 66 Словарь иностранных слов. С. 249.
- 67 *Ковальченко И.Д.* Исторический источник... С. 144.
- 68 См.: Помнікі этнаграфіі / Под ред. В.К. Бандарчыка. Минск, 1981.
- 69 См.: Курс теории музыки / Под ред. А.Л. Островского. Л., 1978. С. 10—11.
- 70 См.: *Лихачев Д.С.* Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей. Л., 1982.
- 71 Einführung in die Heimatgeschichte/ Hsgeb. von H. Mohr und E. Nühns. Berlin, 1959. S. 210—217.
- 72 Словарь современной архивной терминологии социалистических стран. С. 27.
- 73 См. об этом: *Варшавчик М.А.* О некоторых вопросах источниковедения истории КПСС // ВИ. КПСС. 1962. № 4. С. 168.
- 74 См. об этом: *Уйбо А.С.* Информационный подход к типологии исторических источников // Философские проблемы исторической науки: Труды по философии. Тарту, 1982. С. 31—67 // Учен. зап. Тартуск. гос. ун-та. Вып. 599.
- 75 *Моль А.* Социодинамика культуры. М., 1973. С. 126—127.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ *

Историография — отрасль исторической науки, изучающая ее историю. Сфера интересов историографа — история накопления исторических знаний, развития исторической мысли и методики исторического исследования, создание трудов историками и биографии историков, влияние явлений общественно-политической жизни на творчество историков и воздействие исторической науки на общественное сознание, распространение исторических знаний (включая историю создания научных учреждений и организации исторического образования) ¹. Понятие о круге исторических фактов предопределяет и понятие о круге историографических источников. Если историческим источником допустимо признать все, что может источать историческую информацию (т. е. информацию исторического характера, полезную для работы историка), то историографическим источником можно признать всякий источник познания историографических явлений.

К историографическим источникам обычно подходят как к памятникам научной культуры (а также общественной мысли). Но они — особенно труды историков — определенным образом соотносятся (в рамках социокультурной системы) с другими видами и разновидностями памятников культуры, в частности с литературными памятниками. Рассмотрение этой малоисследуемой пока проблематики подразумевает разные аспекты. В данной постановочной характеристике статьи отмечаются — и то в тезисной форме — лишь некоторые из них (при этом используются наблюдения о культуре, сделанные Д.С. Лихачевым). Основное внимание уделяется вопросу соотношения явлений исторической мысли и — шире — источников исторического знания, литературы (и искусства), а также проблеме «автор (ученый, писатель) и читатель (слушатель, зритель)».

Литература и история — формы самоосмысления и самовыражения общества. Главная их тема в конечном счете — обществознание, человекознание, что предопределяет «смежность», сопряжение этих сфер культуры.

Известно, что основой общественного сознания является исторический опыт, «уроки истории» (выражение, столь характерное для языка В.И. Ленина). В мировосприятии человека, человечества в целом все познается, оценивается в сравнении с известным уже в прошлом. Но представления об историческом опыте (объеме понятия, его основных чертах и временных, локальных особенностях), о значении его в развитии культуры не оставались неизменными. Изменялись понятия о самой истории как сфере знаний (а затем и специальных научных знаний) и о формах получения и восприятия, выражения и передачи собственно исторической информации.

Первоначально, т. е. по существу до эпохи Возрождения или даже «Века просвещения», бытовало очень широкое понимание истории как отрасли знаний, охватывающей и все то, что можно было бы назвать обществознанием (сознательно не употребляю термин «социология», с ко-

* Опубликовано в кн.: Исследования по древней и новой литературе: Сб. ст. к 80-летию Д.С. Лихачева. Л., 1987. С. 357—364.

торым связывают понятие об определенной современной науке). Нерасторжимая взаимосвязь исторической мысли и с философией и с общественной (правильнее даже обществоведческой) мыслью казалась самоочевидной. В то же время характерная черта той поры — отношение к историческим сочинениям (и к произносимым текстам) как к виду литературы — художественной литературы, повествующей о прошлом (иногда о совсем недавнем, с элементами мемуаристики). Этим и обусловлено признание Клио одной из муз.

Историю исторической мысли разделяют обычно по крайней мере на два периода — донаучный и научный, который в России начался с XVIII в. В донаучный период исторические сочинения в значительной мере воспринимались как художественная литература (часто как образцы особой ветви ее — назидательно-учительной литературы) и, следовательно, выполняли функции, свойственные литературе в жизни общества. Историографические (в нашем современном понимании) памятники того периода (летописи жития, «История» Курбского и сказания так называемого смутного времени и др.) — это и литературные памятники. И потому историки и собственно историографы, стараясь черпать там информацию о развитии исторической мысли или об исторических фактах и их толковании, опираются и на «видение» этих фактов литературоведами и разработанные литературоведами приемы изучения таких памятников, и сами зачастую исследуют их в русле собственно литературоведческих традиций, а литературоведы подходят к таким памятникам нередко и как историки. (Это нашло отражение в книге Д.С. Лихачева «Текстология. На материале русской литературы X—XVII веков».) Известная нерасчлененность при изучении этих сочинений и задач исследования и научной методики специалистов разных отраслей общественных наук — естественное следствие нерасчлененности историографических источников и литературных памятников в сознании их современников.

Однако и в дальнейшем обнаруживается широкий спектр переходных вариантов между литературой и историей (т. е. историческими сочинениями). В эпоху становления исторической науки (в современном понимании) собственно исторические труды (т. е. такие, которые обязательно характеризуются в учебных курсах историографии) выходили и из-под пера литераторов, выдающихся мыслителей, известных своими художественными (или публицистическими) сочинениями, — Макиавелли, Вольтера, Ломоносова и др. И даже позднее знаменитые писатели становились историками, оставаясь одновременно, по существу, и писателями (Карамзин; в определенной мере — Пушкин; эпизодически это имело место в конце XIX — начале XX в. — Короленко, А. Блок). Сочинения таких авторов вряд ли могут рассматриваться только как историографические исторические источники, т. е. источники по истории исторической мысли, науки.

Безусловно, «История государства Российского» Н.М. Карамзина сыграла громадную роль в развитии отечественной исторической науки, в формировании комплекса основных исторических представлений, источниковой базы науки и исследовательской методики. Но ведь это и великий памятник русской художественной литературы, высокий образец литературного языка (речевой культуры) и композиции литературного произведения. Рассчитана была «История» Карамзина отнюдь не на читателя-

специалиста, т. е. историка (которому в первую очередь предназначались искусно составленные и умело отделенные от основного текста примечания), но на «широкого читателя». Задачей ее было не только «открыть» этому читателю прошлое Отечества *, укрепить его историческую образованность (а кстати, и ознакомить его с тем, что такое научный аппарат и в чем его значение) и воздействовать на его общественное сознание, но и утвердить его представления о характере новой литературы, воспитать его литературный (и языковой) вкус.

Круг ученых-специалистов или даже лиц, дилетантски пробующих свои силы в исторических изысканиях (общероссийской, краеведческой, узкогенеалогической, церковно-исторической, археологической тематики), был первоначально, вплоть до образования губернских ученых архивных комиссий и различных исторических обществ, сравнительно невелик. Ученые труды, написанные в типично «академическом» стиле (с обилием ссылок на источники и литературу и рассуждений по этому поводу), печатали в специальных научных изданиях (Академии наук, высших учебных заведений, в сборниках в честь или в память других ученых и проч.), адресованных прежде всего «посвященным» в науку и подчеркивающих тем самым своеобразие (и различие) жанров сочинений — ученых и литературных (как бы приближающихся к беллетристике).

Но и тогда некоторые научные исторические труды публиковали (даже самые знаменитые профессора истории) в заведомо рассчитанных на «широкую публику» так называемых толстых журналах наряду с произведениями художественной литературы, критическими статьями, общественно-политической публицистикой. Вероятно, такие научные статьи (и притом отнюдь не только по исторической тематике) можно было бы назвать «очерками», научной публицистикой. Частного характера сообщения и публикации источников, особенно краеведческого характера, печатались и в местной периодической печати (в приложениях к «Губернским ведомостям», в епархиальных ведомостях и др.). Публикации документов уже с XVIII в. и особенно с начала XIX в. занимали определенное место в альманахах и журналах, а появившиеся во второй половине XIX в. «Русский архив», «Русская старина» и, позднее, «Былое» пользовались большой популярностью отнюдь не в одной лишь ученой среде.

Талантливо написанные и не отягощенные научным аппаратом даже солидного объема труды (в частности те, в основе которых были лекции — такие, как «Публичные чтения о Петре Великом» С.М. Соловьева или «Курс русской истории» В.О. Ключевского), а также мемуары продолжали восприниматься и как литература для всеобщего чтения; и, видимо, ученые авторы учитывали такое отношение к этим сочинениям, обращая особое внимание на «доступность» формы изложения. (Вряд ли случайно то, что Ключевский был ординарным академиком по разряду историко-политических наук Историко-филологического отделения и в то же время почетным академиком по разряду изящной словесности Отделения русского языка и словесности.)

* И Карамзин преуспел в этом. Вспомним слова Пушкина: «Древняя Россия, казалась, найдена Карамзиным, как Америка Колумбом» 2.

Это свидетельствовало и о неослабевающем интересе «широкого читателя» к истории. Но это убеждает лишний раз и в том, что образное мышление (воспринятое как фактор культуры в значительной мере из художественной литературы) не менее, чем логическое, характерно и для по-настоящему талантливых ученых трудов *. Еще более существенно отметить то, что ученый, как всякая творческая личность, испытывает воздействие современных ему литературы, искусства и других наук, а также сохраняющихся традиций (в том числе традиций передачи и усвоения информации) и творчество его в немалой степени зависит от «культурного окружения» **.

Следовательно, труды историков могут рассматриваться не только как памятники научной культуры (с соответствующими ценностными категориями), но некоторые из них — в определенной мере — и как литературные памятники.

В то же время обнаруживается, что многие исторические концепции и ставшие затем общераспространенными характеристики исторических явлений и исторических деятелей были впервые сформулированы не учеными-историками, а литературными критиками, философами, журналистами, политическими памфлетистами и ораторами и уже из «широкой» прессы перешли в науку.

Нетрудно заметить, что даже и в наши дни источником собственно исторической информации становятся не только труды историков. А первичные исторические представления, во всяком случае о конкретных исторических событиях и лицах возникают обычно под впечатлением знакомства не с трудами историков, а с произведениями художественной литературы и искусства исторической тематики: с Иваном Грозным сначала знакомятся по «Песне про... купца Калашникова» Лермонтова и «Князю Серебряному» А.К. Толстого, картинам В. Васнецова и Репина, скульптуре Антокольского, опере «Псковитянка», кинофильму Эйзенштейна: с Пугачевым — по «Капитанской дочке» Пушкина, с Кутузовым — по «Войне и миру» Л. Толстого (а совсем раннее впечатление о войне 1812 г. чаще всего навеяно стихотворениями Лермонтова «Бородино»); с событиями гражданской войны — по «Железному потоку» Серафимовича, «Чапаеву» Фурманова и еще в большей мере по кинофильму братьев Васильевых. Число подобных примеров нетрудно умножить. И это первичное впечатление по своему воздействию (и длительности сохранения в памяти) оказывается нередко сильнее того, что черпают потом из учебников истории и научных работ историков.

Более того, бывает даже так, что даровитый и исторически образованный писатель, изображая историческое явление (событие, личность), способен иногда проникновенно домыслить и убедительно показать недоступное (или, точнее выражаясь, недозволенное) ученому исследователю, обязанному ограничивать себя лишь теми соображениями, которые обосновываются данными, имеющимися в исторических источниках. В подобных случаях художественная литература и искусство оказывают воздействие на познание прошлого историками-профессионала-

* М. В. Нечкина это убедительно показала в своей работе «Карл Маркс как художник слова: (Литературное оформление «Капитала»)».

** Выражение Д. С. Лихачева ³.

ми — и отдельных частных и явлений большого масштаба. (Немало писали в этой связи о таком влиянии Вальтера Скотта.)

Тем самым некоторые произведения и ненаучного характера в известном смысле могут быть отнесены к историографическим источникам. Специалист-историограф не может проходить мимо таких произведений, ограничивая себя основным массивом собственно исторических научных работ.

Но не следует упускать из виду и обратной связи: в тот период развития исторической мысли, который мы называем научным, в основе распространенных исторических представлений, нашедших отражение (и выражение) в общественном сознании и в творчестве публицистов, писателей, деятелей искусства, лежат исторические знания научного происхождения (предопределенные уровнем развития науки своего времени и степенью освоения этих знаний «широкой публикой») *.

В этом плане особое значение имеет проблема влияния исторической науки на художников и писателей — творцов произведений исторической тематики и на восприятие этих произведений «широкой публикой». Это можно, к примеру, проследить на отношении к образу Ивана Грозного. Для Ломоносова он прежде всего «смиритель стран казанских» (что отвечало и фольклорной и летописной традициям); тот же взгляд обнаруживаем и в «Россиаде» Хераскова. Но после знакомства с сочинениями Курбского, а затем и иностранцев, после «Истории» Карамзина основное внимание уделяется уже Ивану IV времени опричнины, и именно карамзинское восприятие первого русского царя отразилось в творчестве писателей, художников, композиторов, актеров XIX — начала XX в. Иным предстал царь Иван в сочинениях историков и в произведениях литературы и искусства в конце 1930-х годов и в 1940-х годах. Замечание Д.С. Лихачева о том, что «каждая эпоха имеет свое индивидуальное лицо»⁴, может быть отнесено и к особенностям исторических представлений, выявляющимся как в произведениях писателей и деятелей искусства, так и в трудах ученых.

Комплекс исторических знаний воздействует на формирование общественного сознания (в целом и его особенностей) и понятий о «модели» культурных интересов человека той или иной степени образованности **. В то же время общественное сознание предопределяет тематику, содержание и даже в известной мере стиль исторических трудов (исследований, публикаций, форм распространения и освоения исторических знаний). Еще в середине XIX в. формулировали мысль о том, что жизнь подсказывает вопросы истории, а история отвечает на эти вопросы. (Об этом писали и люди круга Чернышевского, и С.М. Соловьев.) И вряд ли случайно то, что именно в России, где аграрный вопрос в XIX в. был осью политической жизни страны и остро вставали проблемы, связанные с крепостничеством

* С распространением интереса не только к государственно-политической («событийной») истории, но и к истории социально-экономической, к истории народных масс и классовой борьбы, к истории материальной и духовной культуры и быта возникает и понимание ценности источников познания этих явлений, в частности широкий интерес к работам археологов, этнографов.

** В этом отношении любопытно дважды отмеченное как характерное для одной из героинь «Дуэли» Чехова указание на то, что она читала Спенсера. Это — признак, и датирующий и уточняющий социально-культурную принадлежность.

и путями изживания его пережитков, появились особенно значительные для того времени труды по аграрной истории феодального периода в странах Западной Европы (в Англии, Франции), а в начале XX столетия, в канун созыва Государственной думы, все виднейшие историки и правоведы писали о земских соборах XVI—XVII вв. Или пример более близкого к нам времени: в годы Великой Отечественной войны особое внимание уделялось военно-исторической тематике. Отнюдь не случаен и критерий отбора исторического материала в самых популярных изданиях, в газетах. Здесь становится особенно очевидным социальный (или даже политический) «заказ». Вообще небезынтересно было бы проследить моменты параллелизма в тематике и в трактовке исторических явлений в одновременно создававшихся научных трудах (исследовательских и популярных) и в произведениях литературы и искусства.

Важным оказывается воздействие на художественную литературу методики извлечения исторической информации и ее истолкования, приемов исторического исследования. Д.С. Лихачев показал это, высказав предположение о влиянии «переворота в источниковедении» на творчество Ф.М. Достоевского: «...историки в середине XIX века столкнулись с различной интерпретацией событий в разных документах. Вот это-то и опрокинуло всю систему реалистического романа. Каждый роман Достоевского есть своего рода источниковедческое исследование, в котором ни один голос не лишается права на свою точку зрения, и эта точка зрения становится, в свою очередь, важнейшим свидетельством... Все романы Достоевского — это прежде всего поиски истины, ведущиеся методами, открытыми в историческом источниковедении и утвердившимися в практике реформированного суда»⁵.

Распространение научных знаний и возрастающий интерес к приемам доказательств в исследовании предопределили и некоторое изменение формы научных трудов. «Интеллигентный читатель, — пишет Д.С. Лихачев, — интересуется теперь не только тем, что создано, но и как создано»⁶, и для такого читателя знакомство с лабораторией научного поиска оказывается подчас не менее привлекательным, чем познание его результатов. Соответственно и в «неакадемических жанрах» * все чаще создаются труды исследователей, где особое внимание уделено методике их работы. Об этом пишут и в научно-популярной литературе, пропагандирующей уважение к памятникам истории и культуры.

Возрождается на новой основе (с характерной для века науки о науке демонстрацией источниковой базы суждений) и жанр размышлений — эссе. В таких традициях Д.С. Лихачевым написаны «Заметки о русском», ставшие выдающимся памятником и современной исторической мысли и нашей современной литературе.

* Выражение Д.С. Лихачева⁷.

- ¹ См. об этом: Шмидт С.О. Некоторые вопросы источниковедения историографии // Проблемы истории общественной мысли и историографии (К 75-летию академика М.В. Нечкиной). М., 1976. С. 264—274; Он же. О некоторых общих проблемах истории исторической науки // Методологические и теоретические проблемы исторической науки. Калинин, 1980. С. 109—117.
- ² Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. Л., 1978. Т. 7. С. 44.
- ³ Лихачев Д.С. Литература — реальность — литература. Л., 1981. С. 214.
- ⁴ Лихачев Д.С. Литература — реальность — литература. С. 192.
- ⁵ Там же. С. 212—213.
- ⁶ Лихачев Д.С. Н.И. Конрад — как руководитель серии «Литературные памятники» // АЕ за 1971 год. М., 1972. С. 229.
- ⁷ Лихачев Д.С. Земля родная. М., 1983. С. 4.

«УСТНАЯ ИСТОРИЯ» В СИСТЕМЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ *

Организация нашей встречи в Советском Союзе, в Московском государственном историко-архивном институте — показатель существенных изменений и в мире и внутри нашей страны. Становится все очевиднее, что культура и наука, как одна из сфер ее, относятся к общечеловеческим ценностям. И здоровое развитие культуры возможно лишь при совместной работе людей разных стран, разных общественных взглядов, разных научных школ, не при противостоянии разномыслящих, а при их творческом взаимодействии. Монолог, когда каждая из сторон больше слушает себя и заинтересована лишь в поддержке своих сторонников, не способствует движению вперед. Пришло осознание того, что наступила пора диалога и взаимного обогащения знаниями.

Мы собрались в старинном здании Историко-архивного института, как бы символизирующем значение печатного слова и его распространения, получаемой таким путем информации. Это бывший Печатный двор XVII столетия — главное издательство и книгохранилище России времени, предшествовавшего правлению Петра Великого. На этом месте, видимо, была и типография российского первопечатника Ивана Федорова, выпустившего в 1564 г. первую датированную книгу «Апостол». И памятник первопечатнику поэтому совсем рядом. Здесь печаталась позднее и первая российская газета.

Написанное и особенно напечатанное слово сделало возможным распространение — более или менее широкое, вплоть до массового, того, что знают один или немногие. Слово — не просто путь к познанию. Это единственный всеобщевоспринимаемый путь к познанию, к взаимопониманию. Данные и о прошлом и о настоящем мы постигаем на основании изучения исторических источников, т. е. всего того, что может источать информацию, полезную для историка. И хотя нам известны исторические источники разных типов — вещественные, изобразительные, поведенче-

* В основе статьи выступление на Международном семинаре по устной истории в МГИАИ 3 октября 1989 г. На русском языке публикуется впервые.

ские и другие и источником исторической информации могут быть вещь, изображение, жест, звук, явления природы, всякая информация становится доступной многим лишь тогда, когда она выражена словом, перекодирована с помощью слов.

Словесные источники — устная (разговорная) речь, каким-либо образом зафиксированная, фольклор; памятники письменности, звукозапись, а теперь уже и аудиовизуальные памятники, с целью их сохранения, использования и изучения сосредоточиваются в архивах, библиотеках, музеях, причем самых разномасштабных — от огромных национальных государственных до общественных и частных. Архивы называют памятью человечества.

В России основные кадры для работы в архивах и в других хранилищах документальных памятников готовит как раз наш Историко-архивный институт. Впрочем, многие его выпускники работают в научно-исследовательских академических учреждениях, преподают в высшей школе, прежде всего в самом МГИАИ, трудятся в сфере журналистики. В 1990 г. институту исполнится 60 лет. Институт, как сейчас становится все очевиднее, сыграл немалую роль в сохранении традиционных фундаментальных научных знаний и в совершенствовании приемов методологизировать и политизировать. Здесь же были организованы особые кафедры и истории архивного дела и его теории и практики, вспомогательных (или специальных) исторических дисциплин — источниковедения, палеографии, хронологии и др., кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций, археографии, документоведения. И на некоторых кафедрах плодотворно работали видные специалисты, в том числе из Академии наук СССР — среди них мой учитель, основатель Археографической комиссии академик М.Н. Тихомиров, который здесь читал лекции, ставшие основой первого учебного пособия по источниковедению отечественной истории до XIX в., здесь преподавали — некоторые долгое время — академики С.Б. Веселовский, Ю.В. Готье, будущий академик Л.В. Черепнин, такие известные ученые, как профессора П.П. Смирнов, А.И. Андреев, В.К. Яцунский, А.А. Новосельский, Н.В. Устюгов, П.А. Зайончковский, Н.Л. Рубинштейн, С.Л. Утченко, И.Л. Маяковский, А.В. Чернов и другие, из более молодых — А.А. Зимин, А.Ц. Мерзон, М.Н. Черноморский, Ю.Ф. Кононов, Н.П. Ерошкин и другие — называю только ушедших из жизни, но их имена накрепко остались в истории науки.

В последнее время в Историко-архивном институте все большее внимание уделяется изучению устной истории. Поэтому не случайно мы собрались именно здесь. Этот интерес к устной истории, конечно, отражает в определенной мере характерное для современных архивов во всем мире понимание все возрастающего социокультурного значения таких памятников истории. Данные об этом суммированы в умело составленном (но, к сожалению, малотиражном) аналитическом обзоре «Устная история в зарубежных архивах», подготовленном во Всесоюзном научно-исследовательском институте документоведения и научной информации (ВНИИДАД) при Главном архивном управлении СССР В.М. Виноградовым и В.Н. Гармаш¹; там указана наряду с зарубежной литературой и

советская литература последних десятилетий, относящая к этой проблематике.

Но, что важно подчеркнуть, это и свидетельство все большего внедрения того, что специалисты называют «УИ», вообще в сферу современной культуры, в представление массового сознания об источниках информации и организации этой информации и, соответственно, о важности ее сохранения.

Это показатель демократизации и наших представлений о субъектах истории: повседневная история народа кажется теперь не менее важной, чем государственные деяния выдающихся личностей, социоэкономическая и социокультурная история — заслуживающей отнюдь не меньшего внимания, чем государственно-политическая. Да и о событиях государственно-политической истории начинаем судить ныне, опираясь уже не только на декларации и мемуары государственных деятелей и официальную документацию, оказывающиеся зачастую на поверку откровенно тенденциозными. Историки перестали сосредоточивать внимание лишь на избранных народах или на том, как складывались их взаимоотношения с другими народами, которые долго характеризовали как неисторические. Самостоятельный и все возрастающий интерес вызывает и собственно история таких народов.

Особое значение для нашей страны имеет, конечно, и то, что ныне, в наступившую эпоху гласности (а этот термин применительно к Советскому Союзу прочно вошел в труды и зарубежных ученых и публицистов) возрождаются отечественные традиции устной истории, восходящие к творческим опытам 1920-х годов.

В Историко-архивном институте образовался клуб «Устная история», возглавляемый участником нашего семинара доцентом В.О. Седельниковым, работающим в тесном контакте с обществом «Мемориал» и Советской ассоциацией молодых историков (САМИ). Постоянно происходят вызывающие широкий интерес встречи с пожилыми людьми, знакомящими с биографией своей и с биографией страны. Даже с единственным оставшимся в живых членом первого образованного в 1917 г. Всероссийского центрального исполнительного комитета и его президиума И.Я. Врачевым, испытавшим затем то, что испытало в годы сталинщины большинство других членов ВЦИК. В.О. Седельников организовал интервьюирование и ветеранов советского архивного дела.

Студенты все действеннее включают в полевую работу по организации и сборанию источников устной истории. Несколько лет работает студенческие археографические отряды наших студентов, организованные Археографической комиссией Академии наук СССР и Всероссийским обществом охраны памятников истории и культуры. Они не только помогают выявлению и описанию традиционных памятников письменности, сосредоточивающихся в архивах и музеях, но и записывают устные рассказы, фиксируют на магнитофоне беседы с фондообразователями или их наследниками. Такие отряды работали в нескольких областях Европейской России. В 1988 г. во Владимирской области они фиксировали воспоминания уцелевших узников сталинских концлагерей, в 1989 г. на юге страны — воспоминания тех, кто пережил насильственную колонизацию и выселение деревень. Активная участница, и, по существу, руководи-

тельница этой работы, выступающая и на нашем семинаре, Дарья Хубова написала (под моим руководством) дипломную работу «Устная история: историографический и источниковедческий аспекты (к постановке вопроса)», ставшую основой и ее диссертации. И потому на законном основании в состоявшемся в январе 1989 г. Пленарном заседании Археографической комиссии АН СССР, посвященном проблемам именно устной истории, наряду с учеными из учреждений Академии наук Московского университета, архивных учреждений участвовали молодые люди из Историко-архивного института.

Пытаясь в этом кратком докладе напомнить о месте устной истории в системе источниковедения исторических знаний, намерен акцентировать внимание на наследии науки нашей страны. Тем более, что оно не только не оценено, но зачастую практически не учитывается. Так, в опубликованной в 1989 г. статье профессора Д.П. Урсу «Методологические проблемы Устной истории» утверждается, что «в нашей стране проблемами устной истории в широком смысле слова (к ней можно отнести устное народное творчество, устные исторические источники, общественное мнение, обращенное к событиям прошлого) занимаются не историки, а этнографы, фольклористы, социологи, журналисты радио и телевидения» и устная история охарактеризована как «феномен зарубежной исторической науки», хотя далее автор и пишет о том, что «наша наука и культура имеет давние богатые традиции собирания, бережного хранения и удачного применения свидетельств очевидцев великих событий прошлого»². Если наши соотечественники — автор цитируемой статьи и авторы других трудов об устной истории в практике работы исследователей и хранилищ и по историографии отечественной истории — оказываются недостаточно осведомленными об опыте устной истории в нашей стране, то тем более полезно предпринять попытку такого рода на международной конференции.

Действительно, если под устной историей понимать научно организованную информацию и устные свидетельства участников или очевидцев событий, зафиксированные в результате деятельности специалистов, использующих современные технические приемы, то это порождение и достижение лишь последних десятилетий (особенно в плане организации и сохранения исторической информации о тех народах или слоях населения, которые не владели или не владеют письменной грамотой). Такая устная история конституировалась в качестве самостоятельной ветви науки (и истории и социологии), с особыми научными институтами, кафедрами, периодическими изданиями в недавнее время. И потому именно в это время на международных конгрессах исторических наук заслушивались доклады на тему «Историк и интервью» (как в Москве в 1970 г.) или «Устная история, ее проблемы и методы» (как в Бухаресте в 1980 г.).

И это следствие не только научно-технической революции, но и понимания историками того, что аудиальные, и в еще большей мере аудиовизуальные, источники обладают наибольшей степенью адекватного отражения того, что было сказано. Ведь даже самые опытные стенографистки не могли совершенно аутентично воспроизвести текст, а записи первоначально вели исследователи, не имевшие столь значительной стенографической практики. Еще Бернард Шоу писал в предисловии к книге своих драматических сочинений: «Есть пятьсот способов сказать

слово «да» и пятьсот способов сказать слово «нет», а для того, чтобы написать эти слова, есть только один». Возможность слышать голос говорящего позволяет улавливать и, соответственно, истолковывать его интонацию, понять его состояние в момент фиксирования речи, шире привлечь к работе собственно историка, социологов и психологов.

Не следует упускать из виду того, что восприятие устной речи всегда сопутствовало развитию общего общественного сознания (а следовательно, и собственно исторических представлений), что многие из дошедших до нас письменных памятников первоначально были восприняты на слух, а иногда и составлялись в расчете именно на такое восприятие (выступления государственных и общественных деятелей, проповедников, адвокатов и прокуроров, лекции преподавателей высшей и средней школы, многие стихотворения и листовки и т. д.). В век недостаточного распространения грамотности устная речь (в частности, чтение написанного) оставалась главным источником собственно исторической информации. Теснейшая взаимосвязь устного и письменного слова в развитии культуры самоочевидна, даже для тех слоев населения, где свободно владели языком письменности. Тем более, что письменные памятники могут воспроизводиться устно и восприниматься через устную речь.

Устная история — в основе и того комплекса знаний (в том числе и собственно исторических), который мы называем Священной историей, Священным писанием. А слова Ветхого завета и Нового завета — фундамент культуры и мировоззрения значительной части человека на протяжении уже тысячелетий. То же можно сказать и об основополагающих произведениях других религий.

Ныне для определения историка современности в ходу выражение «Геродот с магнитофоном». Но ведь и «отец истории» Геродот и самый блистательный из известных нам историков Эллады Фукидид опирались во многом на «устную историю». Геродот же чтением вслух знакомил широкую публику со своим историческим сочинением. И именно об этом примере напомнил великий российский историограф Н.М. Карамзин в предисловии к своей «Истории государства Российского», приобщившей в начале XIX в. множество людей к познанию прошлого своего Отечества: «На славных играх олимпийских умолкал шум, и толпы безмолвовали вокруг Геродота, читающего предания веков. Еще не зная употребления букв, народы уже любят историю: старец указывает юноше на высокую могилу и повествует о делах лежащего в ней героя...»

Во второй части этой цитаты внушается мысль о том, что письменной истории предшествовало устное повествование. Карамзин как историк придавал особое значение устным свидетельствам. И в том же Предисловии объясняет, что если в изображении Древней Руси «вместо живых, целых образов представлял единственно тени, в отрывках, то не моя вина: я не мог дополнять летописи!». Именно вслед за этими словами приводятся важные соображения Карамзина о характере источниковой базы историков, обуславливающей и приемы отображения прошлого: «Есть три рода истории: первая — современная, например, Фукидидова, где очевидный свидетель говорит о происшествиях; вторая, как Тацитова, основывается на свежих словесных преданиях в близкое к описываемым действиям время; третья извлекается только из памятников, как наша до самого XVIII века». К тому месту важное для познания прошлого России

примечания: «Только с Петра Великого начинаются для нас словесные предания: мы слышали от своих отцов и дедов о нем, о Екатерине I, Петре II, Анне, Елисавете, многое, чего нет в книгах». Третий род, по его мнению, «самый ограниченный для таланта: нельзя прибавить ни одной черты к известному; нельзя вопрошать мертвых; говорим, что предали нам современники; молчим, если ни умолчали — или справедливая Критика заградит уста легкомысленному Историку, обязанному представлять единственно то, что сохранилось от веков в Летописях, в Архивах»³.

Средневековые хроники (особенно ранних времен) включают в свой текст и устные предания. Предания эти позднее вдохновляли поэтов, художников, музыкантов и уже через их творения формировали первичные исторические представления «публики». Так, многие русские дети начинают знакомство с историей со стихотворения Пушкина «Песнь о вещем Олеге», и сюжет и мораль которой подсказаны записью устного предания в древнерусской летописи. Да и понятие о героических событиях Отечественной войны 1812 года обычно впервые возникает в сознании в связи с восприятием стихотворения Лермонтова «Бородино», в котором обращаются к старому воину в ожидании назидательного исторического рассказа. В художественной литературе других народов также нетрудно найти подобные примеры.

Если составители летописей XVI в. уже полагали обязательным обращаться к документальным памятникам (составители официальных летописей использовали прежде всего материалы главного государственного архива — Царского архива, хранившего и всю документацию внешних сношений), то авторы историко-публицистических сочинений зачастую опирались и на устные рассказы (пример — «История о великом князе Московском» Курбского). Устные предания и рассказы «очевидцев» лежат в основе и распространенной в те годы и позже житийной литературы, тоже в определенной мере воспринимавшейся как историческая.

И даже тогда, когда происходило становление исторической науки и создавались научные труды по истории, принадлежность которых стал научный аппарат со ссылками на первоисточники, историки широко использовали — особенно при обращении к событиям сравнительно недавнего времени — устные рассказы и свидетельства. XVIII в. и первая половина XIX в. — период широкого распространения в печати исторических анекдотов, т. е. коротких рассказов об историческом лице, происшествии, чаще всего с элементом поучительности. (Лишь позднее под анекдотом стали понимать прежде всего краткий устный шуточный рассказ с остротной концовкой, своеобразную юмористическую притчу.) Литературоведы выяснили, что исторические анекдоты становились первоосновой многих произведений художественной литературы.

Историческим анекдотам отводилось непременно место в альманахах и журналах первой половины XIX в. Такие анекдоты собирал и записывал наш великий поэт Пушкин; они его нередко побуждали к творчеству (особенно это заметно в прозаических произведениях). Но особо следует отметить, что когда Пушкин приступил к созданию первого в нашей литературе исторического исследования, посвященного специально народному движению, «Истории Пугачева», он не ограничился выявлением архивных материалов, знакомством с официальными печатными источниками и мемуарами, но совершил поездку в Приуралье, встречался с

теми, кто мог помнить о событиях 1770-х годов или хотя бы рассказы их современников, то есть, и это следует подчеркнуть, к устным воспоминаниям безграмотных простолюдинов.

Позднее значительную роль в сохранении свидетельств о прошлом начинают играть массовые журналы, еженедельники и газеты; вырабатывается практика интервью с очевидцами исторических событий, с людьми, более или менее близко знавшими знаменитых современников. Это, впрочем, наряду с накоплением интересной и ценной информации привело и к засорению информационного поля недоброкачественными сведениями — заведомо недобросовестными или искаженными по прошествии лет (что убеждает в необходимости верить такие свидетельства другими — устными или документальными — письменными, изобразительными). Но это и помогает получить представление о том, как отражаются массовые явления в массовом сознании.

С расширением представлений об источниковой базе наших исторических и историко-культурных знаний и увеличением численности вводимых в научный оборот исторических источников и исторических фактов все более ощущается и невосполнимость некоторых потерь, когда в суете повседневности не успели записать важное для нас и для потомства, а в дни социальных или военных катастроф не имели возможности это сделать. Н.К. Рерих, знаменитый живописец и мыслитель-гуманист, писал в 1940 г.: «...О Менделееве тоже не записано, а когда-нибудь об этом пожалеют. Незабываемая повесть о нежелании Академии наук избрать Менделеева в члены тоже должна быть освещена. Уход группы Крамского из академии художеств не запечатлен достаточно. Скучно рассказано о Бородине и о Римском-Корсакове. Неужели ждать каких-то юбилеев, когда многое позабудется?! Видали, как спешно перерываются архивы накануне годовщин? Костомаров, Кавелин, Ключевский, мало ли кто, не были рассказаны. Наверно, крылатые мысли, брошенные в беседах, особенно осветили бы этих замечательных деятелей...»⁴. Рерих называет имена крупнейших русских ученых, живописцев, композиторов второй половины XIX в. И в этом контексте наблюдается явление, важное для понимания путей первоначального развития устной истории: «накануне годовщин» (и знаменитых людей и знаменательных событий) выплескивается поток мемуарной литературы и извлекаются материалы определенной тематики из архивов, которые также нередко комментируются (письменно или устно).

Это — уже ферменты устной истории. Но сам факт юбилея и особая адресованность того, что пишется и говорится, задают определенную тональность таким сведениям. К тому же мемуарист обычно стремится прежде всего выявить свое место в описываемых событиях или характер взаимоотношений с «историческим» лицом и тем самым обходит другие обстоятельства, которые могут быть более важны для историка и социолога. Нередко отдают дань, быть может и невольно, типологического характера клише (и в целом и в частности) — обиходным представлениям о характере и оценке тех или иных исторических явлений или личностей.

Постепенно обращение к устным источникам закреплялось как традиция исторической научной литературы и художественных произведений исторической тематики. Это заметно в творчестве Льва Толстого и первых периодов (подготовка романа о декабристах, «Войны и мира») и

последних лет (когда был написан «Хаджи-Мурат»), и в трудах литературоведов находим немало подтверждений использования писателем устных источников. Еще более характерно это для творчества таких прозаиков, как Мельников-Печерский, Лесков, позднее Андрей Белый.

В XIX в. имеется уже опыт «организации» мемуаров определенной тематики. Особенно много сделал в этом направлении бессменный редактор выходившего в Москве журнала «Русский архив» П.И. Бартенев. По этому пути пошел и редактор журнала «Русская старина» в Петербурге М.И. Семевский. Эту важную археографическую традицию освоил и В.Я. Богучарский — крупнейший историк революционного народничества, побудивший многих в начале XX в. написать воспоминания для журналов «Былое» и «Минувшие годы» и проверявший точность свидетельств письменных и устных источников, обращаясь к памяти и к архивам живших еще современников событий⁵. Его методика составления вопросников анкет была использована позднее (М.С. Ольминским и его сотрудниками) в работе Истпартов (Комиссий по истории Октябрьской революции и РКП(б)), центрального и местных, действовавших в 1920-е годы. Опыт «организации» мемуаров историками-журналистами XIX — начала XX в. широко применялся в изданиях русской эмиграции. И это позволило сохранить память о важных явлениях истории и культуры не только XX, но и XIX столетия.

В 1920-е годы в связи с массовым развитием краеведческого движения разрабатываются рекомендации по «организации» и хранению источников устного происхождения. Некоторые краеведы даже обходили дома (особенно в рабочих поселках) и записывали воспоминания. Много сделали в этом направлении историки, причастные к деятельности группы по изучению труда в России.

Значительная часть деятельных участников революционных событий не обладала умением выражать мысли свои на письме, потому были организованы публичные выступления и записи воспоминаний ветеранов революционного движения и готовили соответствующего содержания вопросники (в частности, о событиях революции 1905 г., революций 1917 г.). В изданной Центральным бюро краеведения программе-инструкции для краеведов по собиранию материалов для изучения революционного прошлого края (1929 г.) особенно указывалось, что поскольку «рядовые» деятели революции часто не владеют пером и не в силах сами написать воспоминания, то «в этом деле могут помочь заранее выработанные для данной области или события анкеты»; рекомендовалось собирать и поговорки, пословицы, песни.

Когда в конце 1920-х годов началась подготовка материалов по истории фабрик и заводов, особое внимание уделяли устным воспоминаниям старожилов и о событиях общественной жизни, и о быте дореволюционной России и первых послереволюционных лет. Сбор подобных воспоминаний становился частью плана работ даже заводских краеведных кружков. А в краеведческом сборнике «Монографическое изучение фабрик и заводов» в источниковой базе особо выделяли личные воспоминания и впечатления отдельных лиц и работников завода (рабочих, служащих, администрации), хорошо знающих прошлое и настоящее завода. Рекомендовались выступления с воспоминаниями на собраниях, посвященных истории предприятия⁶.

Широко обращались к подобной методике и позднее, когда развернулась, по инициативе Максима Горького, работа по составлению историй промышленных предприятий. Сотрудники редакции «Истории фабрик и заводов», записывавшие воспоминания, назывались «беседчики». Среди них были и известные впоследствии писатели (среди них и Александр Бек). Воспоминания иногда корректировались на общих собраниях рабочих. Записывали воспоминания и при подготовке издания «Истории гражданской войны»⁷.

С такой сферой творческой работы соприкасалась и деятельность профессора С.И. Бернштейна — руководителя кабинета изучения художественной речи в Институте живой речи, где записывались чтение поэтами и прозаиками своих произведений, выступления мастеров художественного слова, предпринимались экспедиции для фонографической записи северных сказательниц былин. В коллекции, ныне частично утраченной и рассеянной, было более 650 фонограмм.

С разгромом в конце 1920 — начале 1930-х годов краеведческих обществ и арестом многих из их руководителей⁸, а затем и репрессиями журналистов и историков, связанных с работой Главной редакции истории фабрик и заводов (в середине 1930-х годов), такая деятельность, по существу, прекратилась. И не потому, что иссякла память и ушли из жизни люди, которые могли поведать интересное о прошлом. А из-за того, что в период сталинских репрессий о многом и о многих нельзя было напоминать, спокойнее было молчать. Если же и продолжали прибегать к приему устной истории, то обычно подделывались под схему, навязанную информатору, а соответственно и спрашивающему, официальными историческими документами. Тем самым утрачивалась основная ценность информации именно устной истории, более открытой по сравнению с другими (письменными) источниками.

Правда, к опыту 1920-х годов попытались вернуться в военные годы. Тогда сотрудники Комиссии по истории Великой Отечественной войны выезжали на места сражений и посещали госпитали, где записывали (стенографировали) рассказы участников войны — и рядовых и командиров. Видимо, было несколько десятков тысяч таких записей. Только в фонде Научного архива Института истории СССР Академии наук СССР их около четырех тысяч⁹.

Затем к приему устной истории прибегали обычно, лишь обращаясь к видным общественным деятелям и деятелям культуры или к тем, кто мог рассказать о таких людях. Это практиковалось в Центральном архиве литературы и искусства СССР, в Центральном музее революции СССР. К «рядовым» участникам событий обращались, пожалуй, лишь для изучения истории Великой Отечественной войны. И здесь очень значительна роль писателя Константина Симонова. Некоторые из его встреч зафиксированы телекамерой и тем самым стали методической школой для историков.

Однако опыт организации устной истории в 1920-е годы, подобно научному опыту исторического краеведения тех лет, предан был долгое время забвению, оставался в такой мере необобщенным, что об этих фактах нашей научной и общественной жизни 1920-х годов стали забывать. И опыт тот недостаточно использовали даже при возрождении практики

устной истории, полагая, что она порождение лишь зарубежной научной культуры.

Опыт имевших все-таки место попыток организации интервью-воспоминаний ученых о других видных ученых не обобщался. Призывы (журнала «Исторический архив») побудить к воспоминаниям возвратившихся после реабилитации узников сталинских лагерей, так же как организовать запись на магнитофонную пленку воспоминаний историков¹⁰, остались неосуществленными.

Более того, в период нашей общественной жизни, который мы теперь называем застойным, старались по возможности не афишировать обращение к практике устной истории в историко-культурной работе. Так, о том, что делали в Московском университете начиная с 1967 г., широкая общественность, даже научная, узнала лишь через 20 лет. Это работа по созданию фонда фонодокументов по истории русской науки и культуры первой половины XX в., проведенная В.Д. Дувакиным и его сотрудниками.

Виктор Дмитриевич Дувакин, за отказ осудить своего любимого ученика Андрея Синявского отстраненный от преподавания на филологическом факультете Университета, при поддержке ректора академика И.Г. Петровского, подлинного ученого-гуманиста, начал записывать свои беседы мемуарного характера с преподавателями университета и другими московскими интеллигентами: сначала о литературной жизни (Вл. Маяковском и других), а затем о науке и особенно о самом Московском университете и его профессорах. В записях, содержащих воспоминания более 300 человек, зафиксированы данные примерно о тысяче человек. В 1989 г. коллекция эта передана в Научную библиотеку МГУ, где ведется ее научная обработка. Записка В.Д. Дувакина о его работе на кафедре научной информации МГУ публикуется в Археологическом ежегоднике за 1989 год¹¹.

Возрастающий в последнее время в СССР интерес к практике устной истории и опыту обращения к устной истории в прежние годы побудил Археографическую комиссию АН СССР провести в январе 1989 г. пленарное заседание, посвященное проблемам устной истории, где была принята попытка обобщения данных об опыте 1920-х годов и недавнего времени¹². Там постарались определить и место материалов устной истории в системе источниковедения отечественной истории. На заседании шла речь о работе в этом направлении не только в Москве.

Показателем внимания к устной истории является и программа конференции по проблемам устной истории, созываемой Советской ассоциацией молодых историков в городе Кирове в ноябре 1989 г. В конференции участвуют молодые ученые из многих областей страны, и ее отличает многообразие проблематики. Организации записей воспоминаний и интервью рекомендована в учебном пособии «Документальные памятники» не только студентам, но и интересующимся историей учащимся средней школы; там же предполагаются соответствующие методические советы¹³.

Ныне все чаще формой устной истории становятся аудиовизуальные источники, в частности, кинофильмы. Недавний пример — фильм «Земля Соловецкая», где бывшие заключенные вспоминают о пребывании в этом конц лагере. И среди них виднейший ученый гуманитарий нашего

времени академик Д.С. Лихачев, с участием которого подготовлен и специальный фильм о его жизни «Я вспоминаю».

Все это дает основание полагать, что и в нашей стране все в большей мере приобщаются к практике УИ, стараются действительно включаться в систему международных коммуникаций в сфере науки и культуры.

Хочется думать, что и сегодняшняя наша встреча на международном уровне будет этому способствовать, а изучение опыта России 1920-х годов сделает представление о развитии «Устной истории» более полным. Уверен, что общение с такими видными специалистами в области устной истории и ее истории, как профессор Пол Томпсон и его коллеги, окажется существенно плодотворным для возрождения устной истории в нашей стране.

- ¹ Устная история в зарубежных архивах. Аналитический обзор. М., 1988.
- ² Урсу Д.П. Методологические проблемы Устной истории // Источниковедение отечественной истории. М., 1989. С. 3, 22.
- ³ Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1842. Т. 1. С. IX, XI—XII. (Репринтное переиздание. М., 1988.)
- ⁴ Контекст. 1973. М., 1974. С. 406.
- ⁵ Шумейко М.Ф. О выявлении и собирании документов революционного движения в России второй половины XIX — начала XX в. (По материалам архива В.Я. Богучарского) // АЕ за 1981 год. М., 1982. С. 180 и сл.
- ⁶ Филимонов С.Б. Краеведение и документальные памятники (1917—1929 гг.). М., 1989. С. 73, 77, 85, 87; Коровайников В.Ю. Стенограммы вечеров воспоминаний как источник по истории Великой Октябрьской революции // СА. 1990. 1990. № 5. С. 75—79.
- ⁷ Документальные памятники: выявление, учет, использование. М., 1988. С. 144 и сл.
- ⁸ Шмидт С.О. Предисловие к указанной книге С.Б. Филимонова. См. также: Шмидт С.О. «Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество. Краеведческий альманах. М., 1990. Вып. 1. С. 11—27.
- ⁹ Курносов А.А. Воспоминания-интервью в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР (Организация и методика собирания) // АЕ за 1973 год. М, 1974. С. 118—132.
- ¹⁰ Шмидт С.О. Некоторые вопросы источниковедения историографии // Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976. С. 273.
- ¹¹ Записка В.Д. Дувакина «О моей работе на кафедре научной информации МГУ» // АЕ за 1989 год. М., 1990.
- ¹² АЕ за 1989 год. М., 1990. С. 314—317.
- ¹³ Документальные памятники: выявление, учет, использование. Под ред. С.О. Шмидта: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «История». М., 1988.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ В СФЕРЕ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ *

Статья Б.Б. Пиотровского «Значение культурного наследия для развития культуры и формы его сохранения» начинается словами: «Характерной чертой истории культуры является обязательное использование и переработка культурного наследия прошлых эпох, ибо главнейшим условием развития общества необходимо признать непрерывность передачи опыта и знаний от одного поколения к другому»¹. В наше время в этом процессе сохранения и передачи культурного наследия от одного поколения к другому, из одной социокультурной среды в иную, из одного региона в другой основную роль играют документальные памятники.

Всякая терминология условна. Это объясняется не только полисемичностью слов и изменением во времени смысла тех или иных понятий, но прежде всего тем, что всякие дефиниции — короткие определения — не могут, как правило, дать исчерпывающего представления о явлении, выделяя обычно одну или лишь некоторые его стороны. Дефиниции, однако, необходимы и удобны в обыденном употреблении и ученых специалистов, и самой широкой публики. Но «надо выяснить точно понятия, если хотеть вести дискуссию»².

В данной статье (так же как и в ранее опубликованных работах автора) термин «документальный памятник» рассматривается как подкласс термина «памятник истории и культуры», имеющий признак, отличающий его от других видов памятников (например, памятников археологии, изучающей главным образом вещественные — или, как их называют в музеях, вещевые — исторические источники, памятников архитектуры, памятников естественной истории и т. д.), т. е. обладающий видовым, а не ценностным или временным отличием от других подклассов более широкого понятия. Это — и термин культурологии, подразумевающей под культурой все созданное человеком (и рассматривающей ее в оппозиции к «натуре», т. е. природе).

В принятом в науке — и в данной статье — смысле слова под документом подразумевается материальный объект с информацией, закрепленной созданным человеком способом для ее передачи в пространстве и (или) во времени³. Историки (а также работники архивов, музеев) под документом понимают материальный носитель информации (бумага, фото- и киноплёнка, магнитофонная лента, перфокарта и др.), зафиксированной словом, изображением, звуком и т. д. Соответственно они имеют дело с письменными документами, образительными документами, фотодокументами, аудиовизуальными документами (звуковыми и образительными одновременно). Таким образом, все письменные и графические документы — рукописи, машинопись, печатные издания, кинофото-материалы и звукозаписи, признанные достойными государственной охраны (т. е. хранения в государственных хранилищах или учета государственными органами охраны памятников), могут быть отнесены к документальным памятникам. Терминоэлемент «документальный» подчерки-

* Опубликовано в кн.: *Мировая культура. Традиции и современность* (сб. памяти академика Б.Б. Пиотровского). М., 1991. С. 25—30.

вает отличительные видовые особенности этой части историко-культурного наследия.

Принятое в данной статье толкование понятия «документальный памятник» соответствует терминологии Закона СССР и Законов союзных республик об охране и использовании памятников истории и культуры, терминологии музейной практики и теории (отраженной, в частности, в словаре «Музейные термины»⁴), в изданиях АН СССР, ЦК ВЛКСМ, обществ охраны памятников истории и культуры и книголюбов, Советского фонда культуры, в учебных и методических пособиях для высшей и средней школы (в 1988 г. издано учебное пособие «Документальные памятники: выявление, учет, использование», предназначенное для студентов, обучающихся по специальности «история») и т. д. Такое толкование термина утвердилось в широкой прессе — в газетах, массовых журналах, в радио- и телепередачах.

Нетрудно убедиться в том, что термин «документальный памятник» принадлежит к сфере понятий общеупотребительных, которые перестали быть достоянием лишь языка науки или круга специалистов только единой отрасли знаний. И желательно придерживаться дефиниции, достаточно широко распространенной, ставшей привычной. На это приходится обращать особое внимание, так как в архивоведческой литературе в последние годы обосновывается иное понимание термина «документальный памятник», в основе которого не видовой признак, определяющий существенные свойства объекта и существенные его отличия от других объектов, а только ценностная категория, восходящая к тому же прежде всего к родовому понятию «документ». При том, ограничиваясь размышлениями в сфере архивоведения и источниковедения (а также терминоведения), не предлагают нового термина, способного заменить термин «документальные памятники» в общей системе терминов памятниковедения и шире — всей нашей культуры⁵.

Документальные памятники в наше время массовой грамотности, распространения кино и телевидения несут главную информационную и познавательную нагрузку в спектре наших сведений об обществе (в том числе ретроспективных) и о природе, о культуре (во всех сферах) и ее развитии.

Также понимание пришло уже давно: это сознавали инициаторы создания и хранители библиотек сочинений классической античности — Древней Греции и Древнего Рима (и прежде всего знаменитого Александрийского музея), авторы и переписчики Ветхого завета и Нового завета, творений писателей древних Китая и Индии, другие мыслители и знатоки прошлого культурной эйкумены древности. И мысль, красиво сформулированная средневековым европейским автором Ричардом де Бери: «Вся слава мира покрылась бы забвением, если бы не было создано противоядие для смертных — книги»⁶, вряд ли казалась оригинальной его современникам.

Но в исторической реальности так было не всегда. В нашей стране до Великого Октября при малой грамотности ее жителей и слабой технической оснащенности, затрудненных связях между разными регионами (особенно отдаленными друг от друга огромными расстояниями), при разноязычии народов документальных памятников было еще сравнительно немного, и они оставались недоступными большинству населения (что

обуславливало в определенной мере и общий невысокий культурный уровень народных масс). Приобщению народа к историческому творчеству сопутствовало и обращение его в большей степени к документальным памятникам. Тем самым становится ясной особая роль документальных памятников не только в запечатлении жизни общества и явлений культуры, но и в развитии самой культуры, в распространении ее в широких слоях населения.

В постепенном развитии источниковой базы истории человечества можно выделить две революционные эпохи⁷, обе они связаны с огромным возрастанием роли именно документальных памятников в общественной жизни и культуре. Это Возрождение в Европе XV—XVI вв., время начала распространения печатных источников, а также гравюр. Книгопечатание сыграло ни с чем не сравнимую роль в развитии науки — В.И. Вернадский полагал, что «мы можем и должны начинать историю нашего научного мировоззрения с открытия книгопечатания»⁸. Вторая эпоха началась на рубеже XIX и XX вв. Это — время распространения телеграмм, телефонограмм, радио (прежде всего читаемого текста), кино, телевидения (и невиданного прежде увеличения объема и многообразия печатной продукции). Документальные памятники — важнейший источник познания мироздания не только образованных людей, но и тех, кто не имел доступа к письменной культуре⁹ в прежние времена, а также всех факторов так называемой массовой культуры, воплощенной в иных типах источников.

Особенно полно сохраняются и познаются элементы (или даже рудименты) прошлого в культуре последующих лет при наличии документальных памятников — подлинников прежнего времени (напомним об особом значении в этом плане дощечек с клинописью и папирусов в странах Древнего Востока, берестяных грамот Древней Руси) или памятников, запечатлевших данные о прошлом.

В плане исторической информации (особенно ретроспективной) документальные памятники, помимо своей как бы непосредственной функции (для историков — информации об исторических явлениях — событиях и людях, образе жизни и культуре, природных условиях и т. д.), содержат нередко информацию и о других видах памятников истории и культуры, о других типах исторических источников¹⁰: вещественных, поведенческих, изобразительных, о разговорном языке и пр. (описание, упоминание, даже изображение или воспроизведение иным путем, например устной речи, и т. п.), а также о других документальных памятниках (иногда даже включают фрагменты их, что особенно важно для работы текстологов). Информация эта бывает уникальной. Она может оказаться ключом для археологов при планировании раскопок, для историков техники при исследовании старинных сооружений, машин (или их проектов). Она необходима при восстановлении разрушенных зданий, мемориалов, при составлении «Свода памятников истории и культуры». К ней обращаются художники слова, кисти и резца, мастера театра и кино и т. д.

В документальных памятниках обнаруживаются данные и о происхождении и особенностях других видов памятников, их функционирования и судьбе, их выявлении и изучении (в частности, сведения о музейных предметах)¹¹. Именно в документальных памятниках фиксируются дан-

ные о среде бытования музейного предмета или архивного документа, книги, т. е. о социальной или природной среде, в рамках которой предмет взаимодействует с человеком и другими предметами до включения его в музейное, архивное, библиотечное собрание.

Только документальные памятники способны передать информацию обо всех других видах памятников истории и культуры (даже воспроизвести внешний образ некоторых из них) и позволяют, вследствие этого, с наибольшей мерой основательности выяснить степень близости памятников прошлого (причем всех их видов) и последующего времени. Документальные памятники, таким образом, являются основной источниковой базой памятниковедения.

Следовательно, документальные памятники в определенной мере полифункциональны, причем в отношении познания и прошлого времени и настоящего. Тем самым они становятся важным источником при изучении всех видов памятников.

Поскольку непосредственным материальным воплощением мышления является слово, оно несет в обществе основную культурную и познавательную нагрузку. С распространением грамотности наибольшим информационным потенциалом стали обладать памятники письменности. Они же стали восприниматься и как наиболее достоверный (так сказать, документальный) источник информации. Словесные источники привычнее и доступнее других видов источников восприятию и самого историка и тех, на кого рассчитаны его печатные труды и устные выступления. Ведь всю информацию, получаемую из этих источников, мы все равно стараемся «перекодировать» в слово.

Слово — язык всех и для всех. Причем настолько общепринятый и привычный, что он становится препятствием к восприятию информации иными путями, из первоисточников иного типа. Прямую информацию из этих источников сразу и непосредственно получают лишь немногие специалисты, способные без выражения информации в слове составить представления о тех или иных явлениях: археологи по вещественным памятникам или фрагментам их могут зачастую сразу же уяснить себе особенности, дату, происхождение того или иного явления или памятника, как музыкант-профессионал слышит музыку, читая ноты, а врач-кардиолог видит состояние сердца больного по электрокардиограмме. Но и они все в конечном счете выражают и фиксируют свои суждения опять-таки с помощью слова, даже при обращении к посвященным в тайны их науки, мастерства.

Устное слово, однако, переменчиво и недолговечно. Память изменяет человеку со временем; явления прошлого модифицируются в сознании не только новых поколений, но и одного и того же поколения и даже одного и того же человека. И. Бунин писал: «Из древней тьмы на мировом погосте звучат лишь письмена».

Но с появлением звукозаписи свойство это обрело и устное слово. Но и звукозаписи, и фото- и кинокадры — изобразительные источники, играющие все более значительную роль в сохранении преданий о прошлом (а для будущих поколений о нашем настоящем) — это все подклассы вида «документальный памятник».

И потому-то так велико историко-культурное значение создания документальных памятников о других видах памятников истории и куль-

туры и их использовании. Теперь получили распространение документальные аудиовизуальные памятники, совмещающие звучащее слово и изображение, — кино- и телефильмы. Таким путем пришел в дом к миллионам людей Эрмитаж, пришел и к тем, кто иначе никогда бы не увидел этот знаменитый музей. Узнали о внешнем облике Эрмитажа, его истории, его сокровищах, его многолетнем директоре — исследователе и просветителе, предварявшем своим словом телепередачи. И сериал об Эрмитаже стал не только источником познания культуры прошлого, но и источником восприятия культуры современной — отношения наших современников и прежде всего одного из знаменосцев современной культуры и науки к культурному наследию. А ведь телесериал об Эрмитаже — тоже документальный памятник истории и культуры.

¹ *Пиотровский Б.Б.* Значение культурного наследия для развития культуры и формы его сохранения // Новая и новейшая история. 1976. № 1. С. 93.

² *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С. 93.

³ См.: *Ханпира Э.И.* Что такое документальный памятник (К постановке вопроса) // ИСССР. 1988. № 2. С. 80.

⁴ См.: *Музейные термины* // Терминологические проблемы музееведения: Сб. науч. тр. М., 1986. С. 93. Сост. слов. Ю.С. Пищулин и др.

⁵ Подробнее см.: *Шмидт С.О.* Документальные памятники в системе памятниковедения // ИСССР. 1989. № 5. С. 112—120.

⁶ Цит. по: *Добиаи-Рождественская О.А.* История письма в средние века. М., 1987 (эпиграф).

⁷ См.: *Шмидт С.О.* Современные проблемы источниковедения // Источниковеде-

ние: Теоретические и методические проблемы. М., 1969. С. 33.

⁸ См.: *Вернадский В.И.* Труды по всеобщей истории науки. М., 1988. С. 85.

⁹ См.: *Гуревич А.Я.* «Exempla» — литературный жанр и стиль мышления // Монтаж: литература, искусство, театр, кино. М., 1988.

¹⁰ *Шмидт С.О.* О классификации исторических источников // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1985. Вып. 16. С. 3—24.

¹¹ *Седельников В.О.* Архивные документы в изучении музейных коллекций и других областей работы музеев // Музееведение: Проблемы использования и сохранности музейных ценностей: Сб. науч. тр. НИИ культуры Мин-ва культуры РСФСР. М., 1985. № 136.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ *

О взаимодействии явлений в мире художественной литературы (а также искусства) и сферы исторической науки написано много, но эти наблюдения не обобщены в плане историографии и источниковедения.

* Опубликовано в кн.: Чтения памяти В.Б. Кобрин: Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма. Тезисы докладов и сообщений. Москва, 26—29 января 1992 г. М., РГГУ ИАИ. 1992. С. 200—203. В основе тезисов доклад того же названия на пленарном заседании Всероссийской конференции «Историко-художественная литература и публицистика» (Орел, 14 мая 1991 г.). См. также дискуссионные статьи о преподавании источниковедения в журн.: Новая и новейшая история. 1962. № 4; 1987. № 2.

Исторический опыт, память, исторические знания — в основе наших общественных представлений, мировосприятия. «Исторические ассоциации» предопределяют и отношение к настоящему (и его оценку), и футурологическое видение.

Источники исторических представлений — первичны, а для многих и в дальнейшем — не труды ученых историков, а произведения художественной литературы (а также фольклора) и искусства: Священное писание и «священное предание», Библия, долгое время была фундаментом обучения «священной истории», религиозных проповедей, главным источником создания многих произведений литературы и искусства. И стала тем самым основой не только нравственных понятий, но и общеисторических понятий о последовательности и особенностях исторического «действия», о жизни «исторических» деятелей, оценке их деяний и изречений, о воспитании историей, о значении «исторического» опыта. (Библеизмы насыщали язык и в период воинствующего атеизма.)

Представления о конкретных исторических событиях и лицах у большинства людей, даже в годы обязательного школьного обучения, зарождаются от знакомства не с учебниками (не говоря уже о специальной литературе), а опять-таки с художественной литературой (к примеру, об Отечественной войне 1812 г. узнаем сначала из стихотворения Лермонтова «Бородино», затем из «Войны и мира» Л. Толстого) и искусством (о революционных событиях 1905 г. узнаем из кинофильма «Броненосец Потемкин», о гражданской войне — из кинофильма «Чапаев»). Или благодаря роману Э. Войнич «Овод» (и его экранизациям) более детально представляем жизнь карбонарисов, чем революционеров 1848 г. Не учитывая этих обстоятельств — иногда облегчающих, а подчас и затрудняющих закрепление объективных исторических знаний — нелегко подходить к проблеме «история и общество».

Историк и писатель воспринимаются «массовым» читателем в одном ключе (Клио издавна относили к сонму муз!). Задача обоих: показать, что было на самом деле, и так, чтобы поверили. Историк исходит из известных ему исторических источников (подтверждая это цитатами, научным аппаратом) и методического опыта исследований (или популяризации), писатель — из представления о том, как могло бы быть на самом деле. И потому-то кажется естественным то, что в художественных произведениях исторической тематики прибегают к приему включения цитат в текст (а кинорежиссеры используют кадры кинохроники).

Влияние науки истории на общество определяется в большей мере не непосредственно исследовательскими (или учебными) трудами историков (рассчитанными, как правило, на узкий круг читателей — преимущественно специалистов), а их публицистическими по форме сочинениями или же их концепциями, выводами и наблюдениями, выраженными в сочинениях других публицистов и мастеров художественной литературы.

В начальные периоды развития научных знаний историк и писатель могли совмещаться в одном лице (античные авторы, летописцы, Вольтер в XVIII в., Карамзин в первые десятилетия XIX в.), но уже Карамзин разделил свою «Историю» на 12 книг для всех («беллетристика») и 12 книг примечаний — для специалистов и особо заинтересованных. Ключевскому позднее широкую славу принесли не его многочисленные труды

социальной тематики, а рассчитанный «на публику» «Курс русской истории». Для XIX—XX вв. особая тема: писатели как историки-профессионалы и историки-профессионалы как писатели.

Воздействие художественной литературы (причем не только произведения исторической тематики) на становление у будущих историков интереса к истории подтверждается документально (в недавнее время свидетельство А.А. Зимина).

Историческая литература оказывает особое влияние на художественную литературу и искусство исторической проблематики (как и политическая конъюнктура), предопределяя выбор тем, характер изображения и оценку тех или иных явлений прошлого (событий, лиц). Такое воздействие «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина прослеживается по крайней мере столетие. Это заметно на изображении Ивана Грозного и его эпохи в XIX—XX вв. (о чем писал В.Б. Кобрин), гражданской войны и т. д. Но случается, что и некоторые произведения художественной литературы вносят новое в познание и толкование явлений прошлого.

Все это определяет возможности восприятия «исторического переживания», к которому нередко прибегают мастера литературы и искусства, используя прием аналогия прошлого и современности. Обращение к такого рода аналогиям — всегда показатель степени распространения в обществе исторических знаний, а также освоения «эзопова языка» применительно к познанию прошлого.

Произведения художественной литературы и искусства — важный источник для понимания менталитета времени их создания и дальнейшего бытования и для знания конкретных «исторических» обстоятельств, особенно быта. Это сознавали и современники (В.Г. Белинский охарактеризовал «Евгения Онегина» как «энциклопедию русской жизни»), и потомки (статья В.О. Ключевского «Евгений Онегин и его предки», книга М.О. Гершензона «Грибоедовская Москва» и др.). В то же время исследования историков и документальные публикации используются для характеристики произведений художественной литературы и искусства, их комментирования.

История исторической мысли, тем более история исторических знаний, не сводима к историческим концепциям. Это — история и методики исторического исследования, и преподавания истории, и распространения исторических представлений в публицистике, художественной литературе, искусстве, и даже возможности восприятия их. Тем самым художественная литература и искусство приобретают значение источников, важных для историографических наблюдений.

**ИСТОЧНИКО-
ВЕДЕНИЕ
ИСТОРИОГРАФИИ**

Ч А С Т Ь В Т О Р А Я

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ИСТОРИОГРАФИИ *

«История исторической науки» (историография) уже утвердилась как одна из заметных отраслей советской исторической науки.

Выявились основные типы историографических фактов и задачи их изучения и — соответственно — основные виды и разновидности историографических источников¹. Главными историографическими источниками признаются печатные труды историков, выдающиеся памятники общественно-исторической мысли. Именно к таким материалам в первую очередь обращаются во время занятий историографией в высшей школе; выработаны и проверены практикой приемы изучения таких историографических источников².

Историки исторической науки изучают историю накопления исторических знаний, развития исторической мысли и методики исследования, историю создания исторических трудов и биографии ученых, влияние явлений общественно-политической жизни на творчество историков и воздействие исторической мысли на общественное сознание, историю научных учреждений, организации исторического образования и распространения исторических знаний. С углублением специальных историографических исследований, с расширением проблематики историографических изысканий привлекается все более широкий комплекс историографических фактов **. Наблюдается расширение источниковой базы историографических исследований: историки исторической науки обращаются и к многообразным неопубликованным (архивным) материалам традиционного типа и к таким разновидностям источников, которые ранее оказывались вне поля зрения историографа. Усложняются приемы источниковедения историографии, особенно в связи с разработкой проблем, находящихся на стыке наук или науки и литературы, науки и искусства, с использованием методики, принятой в других отраслях знания.

Постановке некоторых проблем выявления и изучения историографических источников и посвящена настоящая статья.

Уже отмечалась сложность проблемы «взаимоотношений» историографии и источниковедения. Их нельзя отождествлять, но и отрывать друг от друга тоже нельзя. «Многие исторические концепции, например концепции французской буржуазной революции конца XVIII в., — пишет академик А.Л. Нарочницкий, — впервые сформулированы в публицистике, памфлетах, прессе того времени, то есть в источниках, и оттуда впоследствии перешли в историческую науку»³. Это же явление наблюдается в истории отечественной исторической мысли, и передовой, и реакционной. Об исторической мысли России до середины XVII в. можно узнать только из памятников публицистики, ибо даже погодная летопись была в значительной мере публицистическим сочинением (а некоторые взгляды публицистов XI—XVII вв. нашли отражение в трудах историков не только XVIII в., но и последующего времени). В «летописный период» русской

* Опубликовано в кн.: Проблемы истории общественной мысли и историографии (К 75-летию академика М.В. Нечкиной). М., 1976. С. 264—274.

** Это не означает, однако, необходимости расширения проблематики ставшего уже традиционным вузовского лекционного курса историографии.

историографии различие между собственно историческим и собственно историографическим источником иногда вообще нелегко уловить, отмечает академик Б.А. Рыбаков ⁴.

Установлено, что эффективность развития и распространения научных знаний определяется не только особо выдающимися исследовательскими трудами. Тенденции развития науки (в свое время это подчеркивал академик Е.А. Косминский ⁵) обнаруживается зачастую яснее в периодических изданиях, в дискуссиях, в лекциях, в памятниках общественно-политической публицистики, даже в художественной литературе. Однако то, что особенно волновало современников, влияло повседневно на их образ мышления, нередко оказывается затененным для потомков, привычно ограничивающихся в суждениях о прошлом рядом широко известных имен и названий. Для познания «климата» и особенно «микrokлимата» науки ⁶ необходимо последовательно изучать рядовые историографические факты, типичные для той или иной эпохи: «забытые» имена * и издания **, научные общества и учреждения, характер преподавания истории в высших учебных заведениях и в средней школе, систему распространения исторических представлений.

В типологическом плане источники познания таких («рядовых») историографических явлений, как правило, не отличаются существенно от разновидностей источников, изучаемых обычно историографами. Обобщение и сравнительное исследование подобных материалов (а они многообразны, и локальная специфика их ощутима ***) позволило бы всесторонне изучить проблему соотношения, так сказать, макро- и микроисториографии, роль «массовых» историографических источников в развитии исторической науки и общественного сознания и в то же время выявить историографические источники, типичные для определенных периодов развития исторической мысли.

Проблема «биографии человека науки» в последние годы привлекает пристальное внимание историков науки и специалистов в области науковедения ¹³. Обнаруживается тесная взаимосвязь этой проблемы с проблемой «типологии ученых». Вопрос о типе историка был затронут уже в статьях и речах В.О. Ключевского, в некоторых статьях сборников памя-

* Особенно местных краеведов, игравших зачастую едва ли не первенствующую роль не только в распространении исторических знаний и возбуждении интереса к изучению прошлого, но и в организации исследовательской работы ⁷.

** Так, только ознакомление с местными изданиями XVIII в. по истории города и края, а также с памятниками законодательства и общественной мысли показало несостоятельность суждений, будто писцовые книги стали привлекать внимание ученых лишь в XIX в., а историографии русского средневекового города не было еще в XVIII в. ⁸. А детальное ознакомление с краеведческой литературой, архивами краеведов и краеведческих организаций 1920-х годов выявило интересные наблюдения ученых той поры об изучении различных типов, видов и разновидностей исторических источников, предопределившие в известной мере дальнейшее развитие конкретного источниковедения ⁹.

*** Особыми разновидностями историографических источников следует признать многообразные поздние сочинения летописной формы, распространенные как раз на «местах»; их известия отличаются конкретной локализацией. Они заслуживают изучения и как образцы определенного историографического жанра, и как собрания уникальных сведений по истории края. Это и «микросводь», например, Двинская летопись рубежа XVII—XVIII вв. ¹⁰, и летописи края и городов XIX в. (некоторые из них представляют собой уже сочинения исследовательского типа ¹¹), а также многочисленные церковно-приходские летописи второй половины XIX — начала XX в. ¹².

ти В.О. Ключевского¹⁴, А.А. Шахматова¹⁵, А.С. Лаппо-Данилевского¹⁶, в «историографических портретах» А.Е. Преснякова¹⁷. По существу, этот вопрос рассматривался (в конкретно-историческом плане, но на основании изучения многообразных историографических источников) в недавних статьях С.Н. Валка¹⁸, Л.В. Черепнина¹⁹, С.С. Дмитриева²⁰, М.Т. Белявского²¹, К.Н. Тарновского²², А.З. Манфреда и Ю.А. Полякова²³, С.О. Шмидта²⁴ и особенно многосторонне в монографии академика М.В. Нечкиной «Василий Осипович Ключевский». Однако вопрос о типологии источников для составления биографии именно историка²⁵ не стал еще предметом специального рассмотрения историографов.

Желательно выяснить характерные черты личности и деятельности историка, установить особенности его мышления, психического облика, поведения, особенности восприятия и отражения им в своем творчестве явлений прошлого и настоящего²⁶ (как заметил еще Н.М. Карамзин: «Творец всегда изображается в творении, и часто — против своей воли»²⁷), отличительные приемы его исследовательского, педагогического *, «литературного мастерства» (язык ученого), место историка в общественно-политической жизни, отношение к нему современников и людей последующих поколений²⁹. Это проблема очень сложная, многоаспектная, требующая особой осторожности в выводах, чреватая опасностью оказаться в плену субъективистских представлений или «опрометчивости среднестатистической достоверности» **, поддаться соблазну «традиционных» (но не всегда проверенных или основанных лишь на аналогии) суждений³¹. Тем более очевидна необходимость серьезной разработки строгих, «корректных» приемов ее изучения, с обязательным использованием методов и социальной психологии и науковедения.

Вряд ли при этом возможно ограничиваться печатными материалами, тем более одними только опубликованными научными трудами историка. Необходимо ознакомление со всем комплексом материалов ***, характеризующих его жизнь и творчество ****. Это и неопубликованные

* Любопытны в этом плане примеры, так сказать, методического интереса историков к трудам ученых иных — и даже не смежных — областей знаний (см. наблюдения М.В. Нечкиной об особом интересе В.О. Ключевского к книге Д.И. Менделеева «Основы химии»²⁸).

** Выражение Д.С. Данина³⁰.

*** Поэтому при образовании в архиве личного фонда историка представляется недопустимой практикой отбора на хранение лишь части материалов документального комплекса, образовавшегося при жизни фондообразователя. Определить степень ценности (надобности или ненадобности) тех или иных материалов этого комплекса можно только после детального изучения его, что обычно не удается при первичном ознакомлении экспертов-архивистов. Это замечание относится *именно* к архивам творческих деятелей, а не к иным типам архивных материалов, представляющих собой чаще всего комплексы стандартных разновидностей определенных классов документов. Мысль о необходимости сохранения в государственных архивах вообще всех документов представляется научно несостоятельной и практически не осуществимой; и в этом плане выработаны уже определенные рекомендации Государственных экспертных комиссий.

**** В XIX в. это попытался сделать Н.П. Барсуков в обширных сочинениях о жизни и трудах П.М. Строева и М.П. Погодина, но он захлебнулся в обилии материала, односторонне подошел к избранному им «героям» (что отразилось на отборе и цитировании источников) и, главное, сосредоточил внимание на «внешней» биографии («жизнеописании») ученого, не рассмотрев его «внутренней», творческой биографии. И эти труды ныне представляют ценность лишь как склад важных архивных материалов.

труды * (исследовательские работы традиционной формы, лекционные курсы, публицистические сочинения и др.) и подготовительные материалы (в том числе, конечно, маргиналии **), особенно к опубликованным трудам. Изучение их, в частности, помогает определить меру фактологической ценности трудов ученых, чуждых нам по своим методологическим взглядам, общественно-политическим убеждениям. «В любой науке, — писал Ф. Энгельс, — неправильные представления (если не говорить о погрешностях наблюдения) являются, в конце концов, неправильными представлениями о правильных фактах. Факты остаются, даже если имеющиеся о них представления оказываются ложными»³³.

Сравнительное исследование опубликованных и неопубликованных трудов, опубликованных трудов с подготовительными материалами к ним облегчает проникновение в творческую лабораторию историка, знакомит с приемами его исследовательской, педагогической, публицистической работы, с особенностями и «секретами» его индивидуального мастерства, с путями формирования научного стиля его мышления, позволяет проследить становление его мысли, прогрессивное развитие (или, напротив, спад) творческой активности ***.

Это могут быть также записи дневникового типа (сделанные только для себя — своеобразные монологи или написанные и для других — своеобразные диалоги³⁵), мемуары и подготовительные материалы к ним (особенно важны воспоминания, характеризующие творческий путь ученого³⁶), письма ученого (причем следует различать письма, составленные сразу же после описываемых явлений, переживаний, т. е. под свежим впечатлением, или по прошествии времени, когда уже оформились «устоявшиеся» оценки). Это и документы, отражающие в той или иной мере общественную деятельность историка, его общественно-политические взгляды, это и материалы других лиц (или организаций, учреждений), прямо или косвенно относящиеся к изучаемой теме.

Большая часть таких материалов хранится в архивах **** (прежде

* Некоторые такие труды, издаваемые посмертно, сохраняют (точнее сказать, приобретают) значительную ценность уже в иной период развития исторической науки и могут рассматриваться как историографический источник не только времени их создания, но и времени их публикации.

** Пометы и особенно записи в книгах — ценнейшие свидетельства отношения к прочитанному, подчас многое разъясняющие в творческом процессе ученого. И для изучения творчества историков полезно было бы обратить внимание на откровенное высказывание В.Ф. Одоевского: «...Я не могу читать книги без того, чтобы она не породила в голове моей тысячу мыслей, — часто весьма далеких от предмета книги, и потому обыкновенно, читая, я пишу, что мне приходит в голову; и в этих обрывках находится наиболее оригинального, нежели в других моих трудах. Здесь тайна быстроты моей работы, а с тем вместе и способности, которая удивляет многих, переходить от законов к повести, от химии к музыке и т. д.»³².

*** Горький, формулируя в 1933 г. в методическом плане задачи написания (для молодежи) книги о достижениях науки и техники, заметил, что такая книга «должна давать не только конечные результаты человеческой мысли и опыта, но вводить читателя в самый процесс исследовательской работы, показывая постепенно преодоление трудностей и поиск верного метода. Науку и технику надо изображать не как склад готовых открытий, а как арену борьбы, где конкретный живой человек преодолевает сопротивление материала и традиции»³⁴.

**** Архив Академии наук СССР публикует обзоры фондов историков³⁷. Издано отдельной книгой (составленное И.П. Староворовой) научное описание «Рукописное наследие академика М.Н. Тихомирова в Архиве Академии наук СССР» (М., 1974). В Археологической комиссии АН СССР ведется работа по составлению Каталога личных фондов отечественных историков; обзоры таких фондов регулярно публикуются в «Археографическом ежегоднике».

всего в личных фондах историков³⁹) и только еще вводится в научный обиход историографов*, существенно обогащая источниковоую базу историографии**. Без подобных материалов трудно составить правильное представление об общественных взглядах ученого (особенно о развитии их), понять пути его исканий, психологию творчества, характерные личные качества, эмоциональный настрой, а ведь «без «человеческих эмоций», — заметил В.И. Ленин, — никогда не бывало, нет и быть не может человеческого искания истины»⁴¹. Нельзя составить представление и об окружении ученого, о характере его взаимоотношений с современниками.

Без использования дневниковых записей И.Е. Забелина⁴², В.О. Ключевского, М.М. Богословского⁴³, М.К. Лемке⁴⁴ представление об этих ученых осталось бы обедненным. Почти дневниковый характер носит и переписка А.Е. Преснякова с матерью и женой⁴⁵. Переписка с Н.П. Павловым-Сильванским А.Е. Преснякова⁴⁶ и Г.В. Чичерина⁴⁷ показывает в деталях, как оформлялись представления ученых начала XX в. о характере русского феодализма. В письмах А.А. Шахматова обнаружены ценнейшие сведения о развитии его научных взглядов и особенно о его общественно-политической деятельности⁴⁸, много дают они и для понимания нравственного облика ученого, отношения его к своим академическим обязанностям как к общественному долгу.

Интереснейшие историографические материалы — драгоценные человеческие документы выявлены и об историках, недавно ушедших от нас: письма Н.В. Устюгова⁴⁹ и В.И. Шункова⁵⁰, дневниковые записи и воспоминания М.Н. Тихомирова (а также переписка его с В.П. Адриановой-Перетц⁵¹), письма и заметки А.И. Неусыхина, дневники С.Д. Сказкина⁵². Мудрые размышления А.И. Неусыхина о смысле занятий историей, о долге профессора («Вышkolить научную фантазию студентов, но в то же время и разбудить ее и не мешать ее творческим полетам — вот трудная двуединая задача»), о радости «научного и человеческого общения с учениками»⁵³ существенно обогащают наши представления об этом выдающемся исследователе и педагоге.

Очень велика в процессе освоения и распространения исторических знаний, развития исторической мысли роль вузовских профессоров***. Но она и труднее всего отразима в историографических трудах. Правда,

* Существенную помощь оказывают и студенты, подготавливая историографические труды с привлечением архивных материалов. Студенты Московского государственного историко-архивного института обнаружили и изучили ценные первоисточники о К.Ф. Калайдочие, В.Д. Сухорукове, А.И. Тургенева, В.В. Пассеке, Ф.И. Буславе, И.Е. Забелине, П.И. Бартеневе, В.С. Иконникове, В.О. Ключевском, Н.И. Карееве, В.Г. Короленко, П.А. Кропоткине, В.Я. Богучарском, А.А. Шахматове, Н.П. Павлове-Сильванском, А.Е. Преснякове, М.К. Любавском, М.М. Богословском, Ю.В. Готье, П.Е. Щеголеве, Е.В. Тарле, И.И. Полосине, краеведах Н.А. Скворцове, М.И. Александровском, М.И. Смирнове, тульских краеведах⁴⁰.

** В то же время возникает сложная «деликатная» проблема: в какой мере не опубликованные самим ученым материалы (не только дневниковые и мемуарные записи и переписка, но и исследовательские труды) могут становиться предметом гласности. Предназначал ли их ученый для печати? Здесь вряд ли допустимы однозначные решения.

*** Едва ли не воздействием В.О. Ключевского можно объяснить то, что у лучших из его учеников был столь высок интерес к сравнительному источниковедению (к изучению не только разнообразных подтипов словесных источников — письменных, разговорной речи, фольклора, но и источников вещественных, изобразительных, этнографических, естественно-географических) и так сильно развита потребность в популяризации научных знаний, требовательность к самому стилю изложения.

сохранились в отдельных случаях записи лекций (иногда подготовленные к печати самим ученым), материалы семинарских занятий⁵⁴, даже методического типа статьи и разработки, но они не могут — увы! — полностью передать атмосферу лекции и семинарского занятия, стиль поведения профессора, характер его восприятия аудиторией. Вероятно, только по опубликованным лекциям, исследовательским трудам и публицистическим работам мы не смогли бы оценить общественное значение лекций Т.Н. Грановского*, который, по выражению А.И. Герцена, «делал историей пропаганду», П.В. Павлова, А.П. Щапова, силу воздействия на учеников лекций В.О. Ключевского, М.М. Ковалевского, Д.Н. Анучина, семинарских занятий П.Г. Виноградова, Д.М. Петрушевского, А.С. Лаппо-Данилевского, А.А. Шахматова, В.Н. Перетца, А.Е. Преснякова**, особой интеллектуальной атмосферы, складывавшейся вокруг некоторых ученых***. Здесь необходимо привлечение иных источников, в частности эпистолярных материалов, мемуарной литературы**** и притом строгое сопоставление свидетельств мемуаристов⁵⁷.

Так определяется, кстати, и особая типологическая тема в историографии: когда, почему и о ком именно из ученых написаны воспоминания? Естественно, что прежде всего о наиболее видных деятелях культуры, внесших особо весомый вклад в науку*****. Но имели значение и особые личные качества, «единственность», «необычность» тех, о ком писали*****.

Известно, что личное обаяние некоторых людей и их воздействие на тех, кто был с ними знаком, подчас становились факторами истории культуры. Академик С.Д. Сказкин известен широкому кругу читателей и как исследователь, и как автор учебных пособий и популярных статей. Но для тех, кто учился у него в предвоенные годы на истфаке МГУ, он остается в памяти, пожалуй, прежде всего как профессор. Лекции Сказкина пленяли

* К.С. Аксаков писал в 1857 г. о Грановском, как бы предупреждая упрек тех историографов, которые опираются лишь на написанное ученым: «...Говорят: он ничего не написал, ничего не сделал. Он точно мало написал, но он много сделал. Он мог, в ответ на такой упрек, указать (как сделал некогда Мерзляков) на студентов и сказать: "Вот мои лекции!"»⁵⁵.

** Немалый интерес для историографов представляет машинописный сборник 1929 г. в честь А.Е. Преснякова со статьями М.Н. Мартынова, А.Л. Шапиро («А.Е. Пресняков как научный руководитель»), С.М. Лебединского.

*** Полезно и для историографических размышлений наблюдение Д.Д. Шостаковича о значении трудов и личности Б.В. Асафьева (который был и выдающимся историком культуры): «Без преувеличения можно сказать, что мы, музыканты советской формации, так или иначе, — все его ученики и питомцы. Одни слушали его лекции, другие воспитывались по его книгам, третьи испытывали на себе его благотворное влияние через общую атмосферу идей и точек зрения, им созданную и вокруг него сложившуюся»⁵⁶.

**** Именно на основании многообразных источников, и в том числе мемуарных, написаны очерки в интересной книге «Этюды о лекторах» (М., 1974, сост. Н.Н. Митрофанов). Там помещены очерки А.Л. Паниной «Лекции Тимофея Николаевича Грановского» и М.В. Нечкиной «Лекционное мастерство В.О. Ключевского». Приходится сожалеть, что о педагогах-историках нет книги, подобной книге «Русские методисты-словесники в воспоминаниях» (сост. В.С. Баевский, М., 1969).

***** Интересны в этом плане «Воспоминания о Николае Каллиниковиче Гудзии» (изданы МГУ в 1968 г.); сборник статей памяти академика Н.И. Конрада «Проблемы истории и теории мировой культуры» (М., 1974); серия статей об академике М.Н. Тихомирове⁵⁸, статьи о В.П. Адриановой-Перетц⁵⁹.

***** Потому-то, видимо, писали и о менее знаменитых историках, рано ушедших из жизни, которые пленяли личным обаянием, одержимостью в науке и от которых знавшие их близко ожидали многого — о В.В. Пассеке⁶⁰, А.В. Тищенко⁶¹.

самой манерой изложения — он как бы размышлял вместе со студентами, вводил их в лабораторию своей мысли, вел путями и тропами интеллектуального поиска. И получалась это как-то удивительно просто, ненавязчиво; ощущалась непосредственная заинтересованность профессора в том, чтобы студенты думали вместе с ним. Контакт с аудиторией (более 100 человек) был постоянным; отнюдь не все записывали (жаль было оторваться от жестов и мимики лектора, подкупающей манеры разговорной речи!). Сказкин не позволял себе «нагибаться» к аудитории, напротив, он как бы поднимал аудиторию до себя. И такой знак уважения студенты особенно ценили. На лекциях внушалось представление (и, конечно, отнюдь не назидательным путем) о том, что нельзя подходить к поступкам и мыслям людей средневековья и Возрождения с современными нам мерками, что нужно проникнуть в мироощущение людей той эпохи, — тем самым возбуждался интерес к вопросам социальной психологии. Сказкин размышлял вслух и по поводу отдельных высказываний классиков марксизма-ленинизма — именно размышлял, а не просто цитировал; он никогда не прикрывался цитатой и тем самым воспитывал склонность к творческим размышлениям. С именем Сказкина ассоциируется у нескольких поколений студентов представление о настоящей профессорской простоте, лекторском мастерстве, воспитывающем воздействии ученого-исследователя, когда воспитывалась не только «культура мышления», но и «культура чувства».

В трудах академика А.А. Губера лишь в малой степени отражены его редкостное человеческое очарование, живость восприятия и реакции, демократизм подлинного интеллигента, черты, которые становились и историографическим фактом, способствовавшим в определенной мере развитию советской науки и распространению марксистско-ленинского мировоззрения в среде мировой науки. Примеры можно было бы и умножить...

Н.К. Рерих с горечью писал в 1940 г.⁶² «...Неужели ждать каких-то юбилеев, когда многое позабудется?! Видали, как спешно перерываются архивы накануне годовщин? Костомаров, Кавелин, Ключевский, мало ли кто, не были рассказаны. Наверно крылатые мысли, брошенные в беседах, особенно осветили бы этих замечательных деятелей...» *.

Сравнительное изучение воспоминаний и других историографических источников (в том числе делопроизводственных материалов) поможет изучению и «биографий» научных коллективов (в исследовательских учреждениях, в научных обществах, в вузах, где складываются плодотворные традиции общения ученых с молодежью и формируются научные «школы»), и их руководителей, и роли таких коллективов в развитии науки. Особенно важно изучить данные о тех «школах», где «выращивались активные творцы науки» **.

* Представляется полезным «организовать» воспоминания о выдающихся деятелях науки и культуры, записывать такие воспоминания или интервью, в том числе на магнитофонную пленку. Впоследствии, да и теперь уже, они могут оказаться ценным, а то и уникальным историографическим источником. Об опыте организации интервью-воспоминаний физиков см. статью В.Я. Френкеля⁶³.

** Важные в общеметодологическом плане замечания о крупнейших отечественных научных школах А.Ф. Иоффе в физике и Н.К. Кольцова в биологии принадлежат академику В.А. Энгельгардту: «...В таких школах озабочены не тем, чтобы впрягать учеников в колесницу, влекомую по намеченным колеям, а стремятся растить у них крылья для полета, дальше и выше, к заманчивым целям, неизведанными путями»⁶⁴.

Все более вырисовывается как историографическая проблема «исторические взгляды классиков русской литературы». Академик Л.В. Черепнин так и назвал свою монографию, опубликованную в 1968 г. Сочинения классиков отечественной литературы * не только отражали ход развития современной им исторической науки ⁶⁵, а иногда даже сознательно противостояли официальной точке зрения (недаром в предисловии к «Истории одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина говорится, что издателя «не покидал грозный образ Михаила Петровича Погодина»), но и возбуждали интерес к занятиям историей у многих будущих профессиональных историков. В настоящее время в обобщающие работы по истории исторической науки и в учебные пособия включаются только труды Пушкина. Не следует ли включить и труды некоторых других классиков русской литературы, особенно Салтыкова-Щедрина, Л. Толстого, Достоевского, Блока, Горького?

Внимание историков исторической мысли не могут не привлекать проблемы: историческая тема в популярных общественно-политических, научных, литературно-художественных журналах и в газетах; проявление интереса к историческим событиям, к историческим личностям (и соответственно к использованию собственно исторических источников) у писателей, деятелей искусства ⁶⁶. Ждет детального исследования сложная и многоаспектная проблема «историк и читатель» **.

Очевидно, следует выявить комплекс источников, помогающих установить не только исторические темы, привлекавшие широкое внимание (в частности, революционно настроенной общественности), но и труды историков, оказывавшие наибольшее воздействие на настроения определенных общественных кругов, исторические сочинения, наиболее популярные в определенной среде (и прежде всего, конечно, в среде передовой молодежи).

Понятно, что изучение этих и других проблем историографии подразумевает расширение привычной источниковой базы. Успех подобной работы в значительной мере предопределяется изысканиями в архивах, ознакомлением с малоизвестными ныне и забытыми изданиями. Но не менее важно выработать — и проверить на практике историографических исследований — методику выявления и изучения различных разновидностей историографических источников. Этим вопросам желательно было бы посвятить специальные исследовательско-методические работы, основанные на обобщении опыта именно источниковедения историографии.

* Очень полезны в методическом плане при изучении такого вида источников и труды Б.Г. Реизова об исторических взглядах классиков западноевропейской литературы.

** В этом плане очень много ценного можно почерпнуть из работы академика М.В. Нечкиной «Загадка художественного образа (Художественный образ в историческом процессе)». М., 1972.

- 1 См.: *Нечкина М.В.* История истории (Некоторые методологические вопросы истории исторической науки // История и историки. М., 1965; *Шмидт С.О.* О методике выявления и изучения материалов по истории советской исторической науки // Тр. МГИАИ. М., 1965. Т. 22.
- 2 См.: *Нарочницкий А.Л.* О преподавании историографии в высшей школе // ВИ. 1973. № 6.
- 3 Там же. С. 7.
- 4 *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 346.
- 5 *Косминский Е.А.* Историография средних веков. М., 1963. С. 10.
- 6 *Городецкий Е.Н.* Современное состояние историографии как специальной отрасли исторических знаний // Вопросы историографии в высшей школе. Смоленск, 1975.
- 7 См.: *Бочков В.* Подвижники костромского краеведения (Василий Смирнов, Леонид Казаринов, Дмитрий Дементьев) // Второе свидание. Ярославль, 1974; *Филимонов С.Б.* Обзор архива М.И. Смирнова // АЕ за 1971 год. М., 1972; *Он же.* Обзор эпистолярного архива В.И. Смирнова // АЕ за 1974 год. М., 1975; *Шумихин В.Г., Войханская И.Н.* Евгений Дмитриевич Петряев: Указатель литературы. Киров, 1973; *Афиани В.Ю.* О Каталоге личных фондов историков // Уральский археографический ежегодник. Пермь (в печати).
- 8 *Петухов В.И.* Материалы писцовых книг в исторической литературе XVIII — начала XIX века // АЕ за 1962 год. М., 1963; *Илизаров С.С.* Русский средневековый город глазами XVIII века // Русский город. М., 1975. Вып. I.
- 9 См.: *Филимонов С.Б.* Источники по истории исторического краеведения в РСФСР. 1917—1929 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1974.
- 10 См.: *Амосов А.А.* Краткие заметки о Двинской летописи // Материалы научной студенческой конференции МГИАИ. Вып. II. Источниковедение историографии. М., 1970.
- 11 См.: *Чирков С.В.* О некоторых типологических особенностях пермских летописей XIX в. // Уральский археографический ежегодник. Пермь, 1975.
- 12 См.: *Шмидт С.О.* Церковно-приходские летописи как источник по истории русской деревни // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1971 г. Вильнюс, 1974.
- 13 Человек науки. М., 1974.
- 14 *Ключевский В.О.* Характеристики и воспоминания. М., 1912.
- 15 ИОРЯС. Т. XXV. Пг., 1920. См. также: *Виноградов В.В.* Алексей Александрович Шахматов. Пг., 1922.
- 16 РИЖ. Кн. 6. Пг., 1920. См. также: *Пресняков А.Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пг., 1922.
- 17 *Чирков С.В.* «Историографические портреты» русских ученых в творчестве А.Е. Преснякова // Вопросы методологии истории и историографии. Доклады научной конференции. Вып. II. Томск, 1974.
- 18 *Валк С.Н.* Иван Иванович Смирнов // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России: Сб. ст. памяти И.И. Смирнова. Л., 1967; *Он же.* Борис Александрович Романов // Исследования по социально-политической истории России: Сб. ст. памяти Б.А. Романова. Л., 1971.
- 19 *Черепнин Л.В.* И.И. Полосин как историк // *Полосин И.И.* Социально-политическая история России XVI — начала XVII в. М., 1963; *Он же.* И.А. Голубцов — ученый и человек // АЕ за 1969 год. М., 1971; *Он же.* Б.Б. Кафенгауз — историк и источниковед // АЕ за 1970 год. М., 1971; *Он же.* Академик Михаил Михайлович Богословский // ИЗ. Т. 93. М., 1974; *Он же.* Памяти Алексея Андреевича Новосельского // Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв. М., 1975.
- 20 *Дмитриев С.С.* К истории советской исторической науки. Историк Н.Л. Рубинштейн // Учен. зап. Горьковского гос. университета им. Н.И. Лобачевского: Сер. историко-филологическая. Горький, 1964. Вып. 72.
- 21 *Беляевский М.Т.* Памяти большого ученого [о М.Н. Тихомирове] // Вестник Московского университета. 1966. № 1.
- 22 *Гарновский К.Н.* Путь ученого [об А.Л. Сидорове] // ИЗ. Т. 80. М., 1967; *Он же.* Памяти Леонида Михайловича Иванова // ИЗ. Т. 90. М., 1972.
- 23 *Манфред А.З., Поляков Ю.А.* Крупнейший советский историк Владимир Михайлович Хвостов (24 июня 1905 — 9 марта 1972 г.) // ИСССР. 1972. № 4.
- 24 *Шмидт С.О.* Памяти учителя (Материалы к научной биографии М.Н. Тихомирова) // АЕ за 1965 год. М., 1966; *Он же.* Варвара Павловна Адрианова-Перетц // АЕ за 1972 год. М., 1974.
- 25 О типологии источников для составления биографии ученых см. статью академика Б.М. Кедрова в сб. «Человек науки».
- 26 См. статью Б.С. Мейлаха в том же издании. С. 14.
- 27 *Карамзин Н.М.* Избр. соч.: В 2 т. М., 1964. Т. II. С. 120.

- 28 Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. М., 1974. С. 256.
- 29 Кудрявцев И.А. «История государства Российского» Н.М. Карамзина в русской историографии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1955; Беленький И.Л. Историк в глазах современников и последующих поколений. // ИНИОН АН СССР: Тезисы докладов конференции молодых специалистов. Май 1973. М., 1973. С. 42—43.
- 30 Человек науки. С. 78.
- 31 См.: Бешенковский Е.Б. Историографическая судьба «Российской истории» Ф.А. Эмина // История и историки. 1972. М., 1973. С. 280.
- 32 Цит. по: Белоконов А. Гуманист, просветитель, музыковед // Москва. 1974. № 11. С. 179.
- 33 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 476.
- 34 Горький М. Собр. соч. В 30 т. М., 1953. Т. 27. С. 108.
- 35 См. об этом: Кедров Б.М. Указ. статья. С. 62.
- 36 Дружинин Н.М. Воспоминания и мысли историка. М., 1967. См. также в журнале «История СССР» статьи советских ученых о своем творческом пути.
- 37 Блинова Л.И. Работа Архива АН СССР над материалами по истории науки // АЕ за 1974 год. М., 1975.
- 38 См.: Шмидт С.О. Деятельность Археографической комиссии АН СССР и актуальные задачи научной работы в области социальных исторических дисциплин // Южноуральский археографический сборник. Уфа. 1973. Вып. 1. Афиани В.Ю. Указ. работа.
- 39 Колосова Э.В. Личные архивы историков и историография // СА. 1971. № 4. См. также обобщающего характера статью: Дмитриев С.С. Личные архивные фонды. Виды и значение их как исторических источников // ВА. 1965. № 3.
- 40 Подробнее см.: Шмидт С.О. Опыт работы со студентами по проблематике источниковедения историографии // Вопросы историографии в высшей школе: Всесоюзная конференция преподавателей историографии истории СССР и всеобщей истории университетов и педагогических институтов (Смоленск, 31 января — 3 февраля 1973 г.). Смоленск, 1975. С. 170—181.
- 41 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 112.
- 42 См.: Рубинштейн Н.Л. Иван Егорович Забелин. Исторические воззрения и научная деятельность // ИСССР. 1965. № 1: Бутько С.П. Дневниковые записи И.Е. Забелина // Материалы научной студенческой конференции МГИИАИ. М., 1970. Вып. II.
- 43 См. указанные труды М.В. Нечкиной о В.О. Ключевском и Л.В. Черепнина о М.М. Богословском.
- 44 См.: Вандалковская М.Г. М.К. Лемке — историк русского революционного движения. М., 1972.
- 45 См.: Чирков С.В. Обзор архивного фонда А.Е. Преснякова // АЕ за 1970 год. М., 1971. С. 314.
- 46 См.: АЕ за 1972 год. М., 1974.
- 47 Эта переписка Г.В. Чичерина готовится к печати [Опубл. в кн.: Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М., 1988. С. 564—573].
- 48 См.: Робинсон М.А. Эпистолярное наследие академика А.А. Шахматова // АЕ за 1973 год. М., 1974.
- 49 См.: Преображенский А.А. Творческий путь Николая Владимировича Устюгова // Города феодальной России: Сб. ст. памяти Н.В. Устюгова. М., 1966; Каменцева Е.И. Работа Н.В. Устюгова в области вспомогательных исторических дисциплин // АЕ за 1968 год. М., 1970.
- 50 См.: Михайлова Н.Г. Обзор документальных материалов фонда В.И. Шункова // АЕ за 1970 год. М., 1971.
- 51 Тихомиров М.Н. Русская культура X—XVIII веков. М., 1968. С. 410—412; Он же. Древняя Русь. М., 1975. С. 404—407; см. также: АЕ за 1965 год. М., 1966. С. 7—30; АЕ за 1968 год. М., 1970. С. 301—302; АЕ за 1973 год. М., 1974. С. 330.
- 52 См.: Новая и новейшая история. 1974. № 5. С. 219—220 (изложение доклада В.В. Самаркина).
- 53 Неусыхин А.И. Проблемы европейского феодализма. М., 1974. С. 17, 506—520.
- 54 Такие материалы использованы Л.В. Черепниным в его работе о М.М. Богословском. См. также: Карев Д.В. Неопубликованное творческое наследие М.К. Любавского // АЕ за 1974 год. М., 1975.
- 55 См.: Симонов И.С. Грановский — учитель. 2-е изд. СПб., 1913.
- 56 Воспоминания о Б.В. Асафьеве / Сост. А. Крюков. Л., 1974. С. 3.
- 57 См. в этой связи главу шестую книги М.В. Нечкиной «Василий Осипович Ключевский».
- 58 См.: Жизнь и деятельность М.Н. Тихомирова. Библиография // Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М.Н. Тихомирова. М., 1967. С. 19—20; см. также: АЕ за 1965, 1968, 1970, 1973 гг.
- 59 Тр. ДРЛ. Т. XXIX. М., 1974.
- 60 См.: Новохацкий К.Е. В.В. Пассек — историк // Преподавание историографии в высшей школе... С. 281—287.
- 61 А.В. Тищенко. Его работы. Статьи о нем. Пг., 1916.

⁶² Контекст 1973. М., 1974. С. 406.

⁶³ Человек науки. С. 121. См. также: Сошкин В.Л., Остапко Т.Н. Из опыта собирания воспоминаний представителей советской интеллигенции Сибири // АЕ за 1973 год. М., 1974. С. 341—343.

⁶⁴ Цит. по: Кнунянц И.Л. Выдающийся ес-

тествоиспытатель. К 80-летию со дня рождения В.А. Энгельгардта // ВАН. 1974. № 12. С. 73.

⁶⁵ См.: Эйхенбаум Б. Лев Толстой. Семидесятые годы. Л., 1974. С. 90 и сл.

⁶⁶ См. об этом: Андроникова М.И. От прототипа к образу. М., 1974.

К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ 1920—1930-Х ГОДОВ *

Изучение истории советской исторической науки 1920—1930-х годов не может ограничиваться изучением только дискуссий при всем интересе (особо живом в наши дни) к ним. Важно обратить внимание (хотя бы в постановочном плане) на более широкий круг явлений в сфере историографии. И прежде всего таких, которым не находится пока должного места в обобщающего типа трудах — книгах, статьях, докладах.

Работа в области историографии в последние годы убеждает в том, что утверждается более широкое понимание этого предмета ¹. Становится все яснее, что историю исторической науки (и шире — развития исторической мысли, исторических знаний) нельзя сводить ни к концепциям (особенно глобально методологического характера или откровенно политической направленности), ни к деятельности только виднейших ученых — исследователей, создателей научных школ, крупных организаторов науки, знаменитых влиятельных публицистов (философов, литературных критиков или политических деятелей), ни к изучению немногих сочинений, оказывающих воздействие и на последующие поколения.

Тенденция сведения историографии прежде всего к изучению общеметодологических концепций — следствие узкой идеологизации, даже политизации науки, восходящей еще к М.Н. Покровскому и его системе оценок, когда развитие исторической науки пытались изобразить как прямое отражение классовых отношений, политической борьбы (и какой схематически-тенденциозной, примитивной и по сути своей совершенно ненаучной кажется теперь, к примеру, характеристика Покровским Н.М. Карамзина как историка в его лекциях 1923 г. «Борьба классов и русская историческая литература»!). В определенной степени именно таким взглядом хотел противостоять А.В. Луначарский, когда в докладе 1925 г., посвященном памяти В.И. Ленина, разъяснял, что ленинский призыв обязательно усвоить культурное наследие относится и к «историческим работам», «которые могла делать буржуазная наука вне России и в России», что это «необходимейший элемент нашего культурного строительства» ².

* Выступление на заседании «круглого стола» Научного совета АН СССР по историографии и источниковедению: «Историческая наука в 20—30-е годы». Опубликовано в кн.: История и историки. М., 1990. С. 84—91.

Действительно, в первые годы Советской власти, в период утверждения в сознании и широкой общественности и ученых марксистско-ленинского понимания истории классово-политические и идеологические противоречия казались и были на самом деле особенно острыми, что находило отражение и в прессе. Позднее же вопреки реальному ходу истории с господством сталинизма положение об обострении классовой борьбы было провозглашено как историческая закономерность, и это сказалось на судьбах многих историков.

Однако до насильственного насаждения в 1930-е годы единогласия в науке имело место многообразие исторических взглядов, а также представлений о путях поисков исторической истины. Между тем, характеризуя 1920-е годы, нередко все сводят к примитивной, излишне четкой схеме (иногда еще и с «навешиванием ярлыков») противостояния буржуазных (понимай — консервативных) взглядов и марксистских. Не учитываются при этом ни разнообразные формы воздействия марксистской мысли на «традиционную» науку уже в то время, ни зависимость отдельных построений марксистов (историков и социологов) от домарксистской или немарксистской мысли, ни неоднородность взглядов и сложность личных взаимоотношений виднейших тогда историков-коммунистов (М.Н. Покровский иначе относился к историографическому наследию, чем А.В. Луначарский или Д.Б. Рязанов: Покровский противодействовал Рязанову во время реформы Академии наук в 1929 г.; В.И. Невский и его ученики во многом не соглашались с Покровским; оценка И.А. Теодоровичем «Народной воли» не была поддержана большинством ветеранов Коммунистической партии и недавних выпускников Института красной профессуры и т. д. и т. п.). А в историографических работах в рамках написанного или сказанного видными коммунистами тех лет (точнее сказать, того немногочисленного, о чем до недавнего времени можно было открыто писать и говорить) по прежней однолинейной схеме усматривают лишь взгляды или ленинские, или антиленинские; причем последние на поверку зачастую, оказывается, просто не совпадали с суждением Сталина, присвоившего себе право единственного толкователя марксизма-ленинизма. Это следствие не только ввевшихся в сознание клише, закрепленных к тому же усвоением «Краткого курса» и основанной на его положениях литературы, но и явной недостаточности источниковой базы: труды едва ли не большинства авторов-коммунистов тех лет, относимые в нашем понимании к историографическим источникам, т. е. источникам по истории исторической мысли 1920-х годов, еще года три-четыре назад оставались недоступными для историографического рассмотрения.

Понимание истории исторической мысли преимущественно как истории концепций приводит и к вульгарной социологизации истории нашей науки. Не осмысливается должным образом то, что развитие всякой науки — это всегда и открытие новых источников и приемов их изучения, выявление новых фактов, уточнение прежних выводов. Не учитываются при таком подходе и законы саморазвития в любой сфере знания, когда то или иное открытие или новое толкование, естественно, вызывает появление новых исследований именно этой проблематики.

Историю науки нельзя сводить и к изучению творчества лишь немногих виднейших ее деятелей или лиц, оказывавших особое воздей-

ствие на ход ее развития. Наука для современников не только горы, которые остаются видными и потомкам, но и холмы, плоскогорья, долины, не только ураганы или молнии, грозы, но и каждодневный климат (подчас губительно удушающий), создающий атмосферу воспринимаемого современниками состояния науки и ее места в общественной жизни. И это запечатлено в большей мере не в монографиях, которым обеспечена долгая жизнь, а в журналах и газетах, подготовительных материалах к конференциям и директивным установкам, в протоколах заседаний, в дневниковых записях, переписке. (Как много дают, к примеру, для понимания высокого образа мысли коммуниста, вступившего в сознательную жизнь в годы революции, письма П.П. Парадизова, продолжавшего в тюрьме, в 1935—1936 гг., размышлять о судьбе исторической науки ³.)

Важно обратить внимание и на то, что самим современникам представлялось показателем развития и уровня исторической науки, а также распространения исторических знаний. И уж никоим образом не переносить оценки таких явлений, характерных для ситуации нынешней, на период первых десятилетий Советской власти. Между тем во многих обобщающего плана трудах по истории советской исторической науки оказались обойденными и музееведение, и архивоведение, и краеведение, и соответственно их взаимосвязи с «большой наукой» — деятельностью научно-исследовательских учреждений, высших учебных заведений. Обойдена, к сожалению, как правило, и имеющаяся уже немалая литература об этом. А в Советской исторической энциклопедии вовсе отсутствуют слова «краеведение» и «историческое краеведение», «архивоведение», «музееведение».

В 1920-е годы в музеях работали крупнейшие ученые старших поколений и образованнейшие из сподвижников Ленина, а для более молодых музейная деятельность становилась школой научного творчества. Достаточно вспомнить, что будущий академик М.Н. Тихомиров был основателем музея в городе Дмитрове, о многообразной — агитационно-пропагандистской, просветительской, научно-методической и исследовательской работе в музеях вплоть до середины 1930-х годов будущего академика Н.М. Дружинина ⁴, о начале именно в музеях научной биографии будущих академиков А.П. Окладникова в Иркутске, Б.Б. Пиотровского в Ленинграде (а с 1964 г. он возглавлял работу такого крупнейшего всемирно известного музея, как Эрмитаж), Б.А. Рыбакова — в Москве. Усилиями теоретиков и практиков музейного дела была создана новаторская система музееведения — описания и изучения музейных материалов, организации научно-пропагандистской работы.

Содружество науки и архивов ощутим заметно уже в начале XX столетия, когда виднейшие ученые (среди них академики А.С. Лаппо-Данилевский и А.А. Шахматов, А.Е. Пресняков и др.) явились инициаторами архивной реформы, а также выработки правил научной публикации документальных памятников (новые — в основном архивные — данные об этом приведены в статье С.В. Чиркова). Образовался Союз российских архивных деятелей (сплотивший и передовых ученых — историков, литературоведов, правоведов более молодого поколения); а затем началась невиданная по масштабам работа по сохранению и использованию документальных памятников, перешедших после революции в государственные хранилища. В трудах В.Н. Автократова, В.О. Седелникова,

Е.В. Старостина и других показано, сколько нового внесли в мировую архивоведческую мысль советские историки-архивисты 1920-х годов, как тесны были тогда взаимосвязи у архивов и ученых академических учреждений и университетов. На многолетний опыт архивистов и источниковедов опирался Д.Б. Рязанов и при подготовке Декрета 1918 г. о реорганизации и централизации архивного дела и первого в мире издания Собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. Для выработки правил издания сочинений В.И. Ленина и позднее Декретов Советской власти был приглашен ученик Лаппо-Данилевского С.Н. Валк, прославившийся уже тогда изданием документальных памятников по истории революционного движения XIX в.

В IV томе «Очерков истории исторической науки в СССР» читаем, что «первые годы Советской власти отмечены бурным ростом краеведческой работы»⁵, но золотому десятилетию в истории краеведения (1917/18—1928/29) уделено в книге два (!) абзаца. А между тем никогда не были более плодотворны взаимосвязи краеведения с «большой наукой», как в те годы, когда Центральное бюро краеведения возглавлял академик С.Ф. Ольденбург. Никогда не было и столь тесного взаимодействия краеведческих организаций с музеями и архивами. Краеведные центры в «провинции» были не только важнейшими очагами культуры, приобщавшими к ней и городскую и сельскую молодежь, но и соорганизаторами планирования социалистического строительства. В то же время в годы господства вульгарной социологии краеведение, а также музееведение и архивоведение способствовали обогащению исторической базы науки и совершенствованию методики конкретного изучения прошлого, особенно по проблематике, интерес к которой был порожден революционными преобразованиями. Историческое краеведение и близкие к нему труды памятникоохранительной тематики предварили многое в развитии научной мысли последующих десятилетий и нашего времени. (В этом нетрудно убедиться, ознакомившись с книгами С.Б. Филимонова⁶.)

Разгром краеведения на рубеже 1920—1930-х годов явился ударом не только для просветительной и памятнико-охранительной деятельности общества, воспитания экологического сознания, развития культуры на местах, но и для развития исторической науки. Попытки М. Горького в какой-то мере возродить краеведение, сосредоточив усилия уцелевших краеведов на работе по реализации его начинаний (прежде всего по истории фабрик и заводов, позднее городов и сел), имели кратковременный успех. В середине 1930-х годов был положен предел самостоятельному развитию исторического краеведения и «народной археографии». Для краеведов то, что теперь называем 1937-м годом, наступило в 1929—1930 гг. Краеведение было уничтожено первым. Это порождено было обстоятельствами, характерными для года «великого перелома», времени утверждения культа Сталина, бюрократизации и унификации нашей общественной жизни⁷.

Важно отметить, что это совпало по времени с массивованным наступлением на интеллигенцию и ее культурно-исторические (и особенно религиозные) традиции (повсеместно разрушались храмы, в библиотеках рабфаков изымались именно тогда исторические сочинения Карамзина и Соловьева, даже тома энциклопедии Брокгауза—Ефрона). Необходимо подчеркнуть и то, что преследование краеведов (особенно в Ленинграде и

Москве) связывали со сфабрикованным делом академиков-историков (С.Ф. Платонова, Е.В. Тарле и др.), ученых-экономистов (А.В. Чаянова, Н.Д. Кондратьева), позднее с «правым уклоном». Тогда же были отлучены от службы в архивах и музеях крупные ученые и их ученики.

Явления, признаваемые историографическими фактами, даже значительными, рассматриваются часто еще без установления взаимосвязи с другими синхронными явлениями общественно-политической жизни и конкретно в области культуры (особенно истории других общественных наук, литературы, искусства). Между тем такое синхронное рассмотрение помогло бы понять не только многое в ходе движения самой исторической науки, но и место исторической науки — и, шире, исторических знаний — в обществе и то, как это понимали и видели и сами историки, и партийные руководители. Видимо, теперь — с раскрытием спецхранов библиотек и архивов — полезно было бы приступить к составлению детальной хроники истории советской исторической науки с учетом и других синхронных явлений в истории нашей культуры, в жизни интеллигенции. Это многое могло бы объяснить в истории науки и общественной жизни 1920 — начала 1930-х годов, не говоря уже о трагических для всего общества и для будущего нашей (да и мировой) культуры событиях середины 1930-х годов.

Степень доверия к выводам и наблюдениям историографа обусловлена степенью овладения им материалом историографических источников (включающих, конечно, и концептуально-методологические положения трудов классиков марксизма-ленинизма, партийных документов). У нас же обнаруживается пока, как сказали уже здесь, огромное незнание материала — прежде всего периодики тех лет, архивных документов (и учреждений, и общественных организаций, и отдельных ученых). В этой ситуации трудно даже поставить вопрос о степени репрезентативности выявленных историографических источников, возможности уже теперь их сопоставительного изучения. Перед историками возникают проблемы, не только что и как изучать, но и на основании чего изучать.

То была пора докладов, дискуссий, слабо отраженных в печати и даже в архивных документах. Академик Б.А. Рыбаков в яркой статье, показывающей восприятие климата исторической науки тех лет, писал: «Выступления на дискуссиях не публиковались, и единственным источником оказывались воспоминания о слышанном докладе, о бурных прениях и темпераментных репликах». И заключает: «Это была эпоха грандиозного широкого поиска, к сожалению почти неизвестная во всем многообразии новым поколениям историков. Только память, только “фольклор” старшего поколения может частично осветить то отдаленное время первых поисков и находок»⁸. Архивные же материалы об этом лишь начинают привлекать (рискуя, однако, подчас делать далеко идущие выводы на основании лишь немногих «находок»). Записи воспоминаний историков, несмотря на распространение методики «устная память», мало практикуются; к написанию мемуаров — или хотя бы комментариев к сохранившейся документации — ветеранов-историков не побуждают. А как много узнали полезного для себя историки из воспоминаний академика Д.С. Лихачева! Готовятся к публикации воспоминания историка культуры Н.П. Анциферова, воспроизводящие переживания времени его ареста. Сохранились воспоминания известного костромского краеведа

В.И. Смирнова, подготовленные к печати его вдовой Л.С. Кितिцной. О том, как обогащаются наши знания такого рода воспоминаниями, можно судить и по выступлениям девяностолетних ветеранов исторической науки Е.Н. Кушевой, А.Б. Закс (с увлечением пишущей интересные и в плане исторической психологии воспоминания). Хорошо бы вовлечь в мемуаристику и других ветеранов нашей науки!

Надлежит тщательнее знакомиться с периодическими изданиями, особенно с изданиями краеведческого характера, в центре и на местах. (Как выясняется, к ним не обращались при составлении библиографий даже самых известных ученых.) Еще больше нового узнаем, знакомясь с архивами научных учреждений и обществ, личными фондами ученых. Здесь богатая информация имеется в собранных уже материалах для готовящегося по почину Археографической комиссии АН СССР Каталога личных фондов отечественных историков, включающего данные об архивах не только видных ученых, но и краеведов, музейных и архивных работников. Желательно, чтобы публикация обзоров таких фондов и библиографических перечней в «Археографических ежегодниках», в сборниках «История и историки», в трудах высших учебных заведений не прекращалась.

Середина 1930-х годов может по-прежнему оставаться вехой в периодизации истории исторической мысли, даже при переоценке явлений тех лет. Ибо с того времени стал невозможен плюрализм мнений, утверждались цитатнический догматизм, комментирование цитат как форма «исследований» и история открыто политизировалась: и если песню со словами: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек» — популяризовали в годы особенно жестоких репрессий, то опровержение утверждения, будто «история есть политика, опрокинутая в прошлое», имело место в годы особой идеологизации и политизации работы историков.

Но существенные предпосылки этих изменений в исторической науке следует искать ранее: когда «разоблачали» этнографов, краеведов, историков, связанных с Платоновым и Тарле, когда появилась статья Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма», утверждавшая недопустимость разномыслия в вопросах истории и презрительно характеризовавшая «безнадежных бюрократов», полагающихся «на одни лишь бумажные документы». (Нельзя не обратить внимания на то, что эта статья перепечатывалась в «Вопросах ленинизма», включая и одиннадцатое издание 1952 г.) Об этом свидетельствуют и форма критики инакомыслящих, и лексикон ее. Вероятно, одна из задач историографов, выявляя и изучая опубликованные и архивные материалы, сопоставлять их и в синхронном, и в диахронном планах.

Историографические явления должны рассматриваться и оцениваться и с точки зрения уже наших современников. Это поможет определить вклад, внесенный в тот или иной период в поступательное движение науки. 1920-е годы — начало 1930-х годов — время напряженного творческого поиска путей понимания исторических явлений, хода исторического процесса, освоения богатства марксистско-ленинской мысли, что стало школой исторического мышления для прославившихся позднее ученых.

Это время продолжения исследований и в русле тематики, тради-

ционной для дореволюционной науки, — истории древнего мира и средних веков (крупными достижениями науки остались труды и ученых, широко известных в начале столетия, — В.В. Бартольда, Д.М. Петрушевского, и начавший большой путь в науку в канун революции — Б.Д. Грекова, Е.А. Косминского, С.В. Бахрушина, П.П. Смирнова и др.), в сферах археологии и этнографии, источниковедения и археографии, сфрагистики (труды Н.П. Лихачева), исторической географии (книга М.К. Любавского). Однако нельзя не отметить отток даровитых историков более молодого поколения в изучение далекого прошлого. И тому есть объяснение. Изучая такие эпохи в те годы, особенно с середины 1930-х годов, можно было оставаться самим собой.

Хочется поддержать предложение о переиздании книг, вышедших в 1920—1930-е годы. Хорошо бы подготовить и сборники статей ученых той поры, издать новые библиографические указатели, включающие и те печатные труды, точнее, работы тех ученых, имена которых не позволяли упоминать ранее. И уж конечно, необходимо детально и последовательно, не опуская ни имен, ни фактов, продолжить исследование истории советской исторической науки 20—30-х годов. История науки — это история людей, творивших науку и воспринимавших результаты этой деятельности. И судьба науки тесно взаимосвязана с судьбой нашей интеллигенции. На широком фоне истории нашей интеллигенции, нашей общественной жизни, нашей культуры и следует изучать и показывать историографические явления.

¹ Шмидт С.О. Некоторые вопросы источниковедения и историографии // Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976. С. 264; см. также: Шмидт С.О. О методике выявления и изучения материалов по истории советской исторической науки // Тр. МГИАИ. М., 1965. Т. 22.

² Луначарский А.В. Ленин и народное образование. М., 1960. С. 76—77.

³ Никитин Е.Н. Архив историка П.П. Парадизова // АЕ за 1988 год. М., 1989.

⁴ Часть работ этой тематики напечатана в разделе «Музейное дело» в кн.: Дружинин Н.М. Избранные труды. Внешняя политика России. История Москвы. Музейное дело. М., 1988.

⁵ Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1966. Т. IV. С. 255.

⁶ Филимонов С.Б. Краеведение и докумен-

тальные памятники. 1917—1929 гг. М., 1989; Он же. Историко-краеведческие материалы архива обществ по изучению Москвы и Московского края. М., 1989.

⁷ Подробнее см.: Шмидт С.О. «Краеведение — дело, значение которого не может быть преувеличено» // Памятники Отечества. 1989. № 1. Лексин Ю. Первый перелом // Знание — сила. 1988. № 11. С. 67—75.

⁸ Рыбаков Б.А. Учитель многих // Исследования по истории и историографии феодализма. К 100-летию со дня рождения академика Б.Д. Грекова. М., 1982. С. 117.

⁹ Филимонов С.Б. Об использовании краеведческих изданий 1917—1930-х годов при составлении персональных указателей трудов видных ученых СССР // АЕ за 1985 год. М., 1987.

СЕЛЬСКИЕ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИЕ ЛЕТОПИСИ КАК ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ *

Церковно-приходские (или церковные) летописи составлялись во второй половине XIX — начале XX в. Они содержали сведения о церкви и ее причте и о приходе, т. е. церковной общине обслуживаемых данной церковью верующих. Церковные летописи состояли из двух основных разделов — исторического и летописи текущей жизни.

Церковные летописи — достаточно широко распространенная разновидность исторических источников. Однако в послереволюционные годы их с большой настороженностью привлекали в исследовательской и тем более в просветительской работе. А после разгрома краеведения и массового закрытия церквей в конце 1920-х — начале 1930-х годов они почти на сорок лет и вовсе выпали из поля зрения краеведов. Не напоминали о них, по понятным причинам, и в пособиях по школьному краеведению, даже в книге известного методиста А.Ф. Родина «История родного села» (М., 1954). Лишь ничтожная часть уцелевших церковных летописей оказалась в местных архивах и музеях, но в изданных описаниях документальных памятников их обычно не называли. Автор впервые смог ознакомиться с образцами таких источников — летописями церковью Нижегородской епархии Воскресенской и Никольской, прихода села Юрьева 1880—1890 гг. и Казанской церкви села Мишукова (Васильевского тож) 1890—1910 гг., увидев их летом 1961 г. в деревнях близ Арзамаса, благодаря Роману Ивановичу Гуро-Фролову, потомку местных священников, сыну сельской учительницы истории, понимавшей историко-культурное значение подобных рукописей.

С тех пор начал уже целенаправленно выявлять церковные летописи в архивохранилищах (центральных и местных — в Санкт-Петербурге, Вологде, Перми, Твери, позднее — в Ульяновске) и сведения об изданиях летописей или извлечений из них. Обратил внимание и архивной ответственности на этот забытый источник ценной информации о местной истории¹. Причем в то время еще не знал о написанном краеведами 1920-х годов о церковных летописях. Результаты работы тех лет обобщены были — применительно, правда, только к тематике аграрной истории — в статье, подготовленной для сборника к 85-летию академика Н.М. Дружинина. П.В. Волобуев в эту пору директор Института истории СССР АН СССР — однако, не включил эту статью в сборник (изданный в 1971 г. под названием «Проблемы социально-экономической истории России»). Тогда в сокращенном виде статья была предложена как тема докладов на Симпозиуме по аграрной истории Восточной Европы. В 1971 г. тезисы «Церковно-приходские летописи XIX — начала XX в. как источник по истории общины и сельского быта» опубликовали в Тезисах докладов и сообщений XIII сессии Симпозиума. Доклад этот стал основой статьи 1974 г. «Церковно-приходские летописи как источник по истории русской деревни»².

* Опубликовано в кн.: Историческое краеведение: По материалам II Всесоюзной конференции по историческому краеведению. Пенза, 1993. С. 201—224 (конференция состоялась в Пензе в апреле 1989 г.).

Последовательное изучение С.Б. Филимоновым печатных и архивных материалов по истории «золотого десятилетия» нашего краеведения (1917—1929 гг.) позволило выявить данные об интересе к церковным летописям и видных краеведов 1920-х годов. Выяснилось, что председатель Сызранского общества краеведов Н.В. Гурьев напечатал небольшую статью «Церковные летописи как источник изучения сельского хозяйства» в журнале «Краеведение» (№ 3—4 за 1925 г., с. 288—290) и попытался, основываясь прежде всего именно на таком источнике, характеризовать события политической истории одного из сел. Крупнейший краевед тех лет Д.О. Святский указывал назначение содержащихся в церковных летописях данных для изучения изменения природных условий, прежде всего климатических³. Видимо, усилиям того же Н.В. Гурьева обязаны созданием уникальной пока коллекции церковных летописей, находящейся ныне в Госархиве Ульяновской области — их там более семидесяти⁴. И хотя к концу 1960-х годов не отошли еще от установившегося в историографии с начала 1930-х годов официозного (т. е. в основном негативного) подхода к деятельности краеведов «золотого десятилетия» — и, соответственно, к их методике изучения исторических источников, — в пособии по историческому краеведению в главе, написанной Ю.Ф. Кононовым, этот «интересный источник» особо выделен и указано, что он содержит «как исторические экскурсии по данной местности, так и статистические и некоторые бытовые сведения». Отмечено также, что большая часть церковных летописей «разошлась по частным собраниям»⁵.

Пока выявлено сравнительно мало таких источников. Не уточнены ни численность сохранившихся церковных летописей, ни распределение их по регионам. Недостаточно изученной остается история возникновения этих летописей, закрепления формы их ведения. Не определено их историографическое значение — а ведь это и источник сведений об уровне массовых исторических и социологических представлений о том, каковы были тогда понятия о собственно краеведном знании, и уж безусловно о том, какова была роль духовенства в распространении (и накоплении) исторических знаний. Не обобщены данные и об использовании информации, содержащейся в церковных летописях, в современных им изданиях — научных, справочных, просветительских, в периодической печати. Сейчас, когда мы наблюдаем возвращение краеведения, выходит много интересных местных изданий. Однако, как правило, о церковных летописях по-прежнему не напоминают. Тем более следует привлечь к ним внимание современных краеведов.

Потому полагаю полезным возвратиться — конечно, уже с позиций сегодняшних знаний и представлений — к материалам давней статьи. При этом, как и прежде, ограничиваюсь только сельскими летописями и летописями церкви тех слобод и местечек, которые не получили тогда статуса города, и временем, когда в церковное летописание было уже внесено организационное начало и выработалась его рекомендательная методика. Выводы и наблюдения сделаны на основании ознакомления лишь с немногими летописями и должны рассматриваться как предварительные.

Церковно-приходские летописи определенного типа начали составляться, по-видимому, в 1860-е годы. Этому способствовали и открытие при духовных консисториях (через которые под непосредственным начальством епархиального архиерея производились суд и управление в епархии) — по указу Синода от 19 января 1864 г. — архивных комиссий и последующие распоряжения о составлении церковно-исторического и статистического описания епархий (от 12 декабря 1868 г.), о разборе архивных дел в консисториях (от 19 января 1868 г.)⁶ и др. Первоначально составление церковных летописей не считалось обязательным для причта, и Синод ограничивался рекомендациями. Так, в связи с «заведением» — по местной инициативе — церковных летописей в Оренбургской епархии указом Синода от 12 октября 1866 г. (№ 1881) предлагалось другим архиереям: «не признают ли они возможным завести в епархиях подобные летописи, которые, при ведении их надлежащим образом, могли бы послужить, с течением времени, материалом для истории церкви и отечества»⁷. В некоторых епархиях вскоре последовали этой рекомендации — в Вологодской консистории указ о составлении и ведении церковных летописей датируется 6 ноября 1867 г.⁸ Одну из самых ярких по содержанию церковных летописей (церкви села Ивановского-Новосильцева Зубцовского уезда Тверской епархии) священник Доримедонт Соколов начал писать с 1869 г.⁹

В семидесятые годы церковные власти сделали распоряжение о всеместном ведении летописей («в каждой приходской церкви по всем епархиям»¹⁰). Встречается ссылка на указ Синода от 12 апреля 1886 г., обязывающий священников вести летопись в своем приходе. С 1880—1890-х годов составлялись уже более или менее пространные программы церковного летописания. Появились и особые бланковые книги в лист таких летописей. Их присылали из консисторий (видимо, по соответствующему распоряжению Синода). Книги имели напечатанный в типографии заголовок, в котором оставлены были свободные места для названий церкви, села и уезда, точной даты выдачи книг (дня и месяца, так как год был напечатан) и номера ее, а также фамилий члена консистории, секретаря и столоначальника.

Церковно-приходские летописи начали составлять в разных епархиях одновременно, и форма их разрабатывалась в основном в местных консисториях. Некоторые сведения о форме и программе таких летописей публиковались в епархиальных ведомостях, а отсюда заимствовались уже и в других епархиях. Так, на программу Нижегородской епархии, опубликованную в Нижегородских епархиальных ведомостях в № 21, 22, 23 за 1886 г. (о ней упоминается в летописи села Мишукова, начатой в 1894 г., л. 3 об.) — разработанную в свою очередь по образцу Литовской епархии, — имеется ссылка в циркуляре Кишиневской консистории причтам от 12 марта 1907 г. В Нижегородской епархии в 1893—1894 гг. дополнительно разработали программу с указанием отделов, входящих в состав церковных летописей, и разъяснение, «как вести летописи по вновь высланным бланковым книгам». Эту программу предлагалось вписать «в начале каждой летописной книги, находящейся при церкви». (Копией этой программы начинается летопись села Мишукова.) «Программа для составления церковных летописей» была составлена в 1894 г. и в Перми¹¹.

Многое определялось степенью активности местных церковно-археологических учреждений, которая, судя по переписке синодального архива с этими учреждениями в 1912 г., была далеко не равномерной в разных епархиях.

Синод вынужден был в декабре 1915 г. сделать специальное определение (опубликованное в Церковных ведомостях № 51) о необходимости регулярного ведения летописей по всем церквам. Пермский епископ, призывая следовать этому указанию, отмечал 24 декабря 1915 г., что во многих церквах его епархии он «не находил летописей или же летописи были до невозможности кратки и ненаблюдательны», что «во многих приходах замолчана даже война, «как будто она и не существует или данного прихода и мало не коснулась»¹².

Известны не только программы церковного летописания разных епархий, но и данные об истории их составления. Так, в нижегородскую духовную консисторию в сентябре 1893 г. обратился с «рапортом» один из священников с просьбой «сделать подробное указание, как вести церковные летописи по вновь высланным бланковым книгам». Архиерей быстро откликнулся и отметил, что поскольку «ведение» церковных летописей для большинства священников дело новое, необычное, возбуждающее немало недоразумений и сомнений, невольно тормозящих дело и противодействующих правильности оного», то «для устранения сего представляется желательным иметь точное и обстоятельное руководство». Была составлена подробная программа с указанием отделов и рекомендовалось ее вписать «в начале каждой летописной книги, находящейся при церкви, и чтобы на все поставленные вопросы были изложены ответы». Полезными и необходимыми признавались сведения: 1. О храме (История построения. Время построения. Основатель. Храм каменный или деревянный. Вместимость его. «Относительное богатство или скудость». Число престолов и время устройства их. Особенно замечательные иконы, кресты и «другие принадлежности местной святыни»: часовни, гробницы «уважаемых подвижников, живущих в памяти народа», целебные источники воды и пр.). 2. О причте церковном (Состав его. Средства к содержанию. Премственное служение священников, «если возможно, от построения храма или открытия прихода. О деятельности причта, ведении внебогослужебных собеседований. О плодах миссионерской деятельности, где таковая признается необходимой»). 3. О прихожанах (Число их. Все ли православные. Число сектантов и сект. Меры против раскола. Местные религиозные обычаи: праздники, крестные ходы. Не замечаются ли «остатки язычества: суеверия и предрассудки. Вообще каково религиозно-нравственное состояние прихода»). 4. О церковных школах (Имеется ли и с какого времени в приходе школа, кем она основана и на какие средства; кто в ней преподает; много ли учащихся, откуда получают средства на содержание школы). 5. О церковных библиотеках (Время учреждения, средства, каталог книг, хранение книг и выдача оных для чтения). 6. О церковном попечительстве (Время утверждения, круг деятельности). 7. «Вообще было бы желательно, чтобы церковная летопись не походила на сухую статистику или канцелярский перечень фактов, имеющих только формальное или официальное бытописание, но чтобы эта летопись касалась жизненных интересов в области местной церкви и религиозно-нравственной жизни народа. При таком взгляде на летопись каждый год даст материал

для внесения в летопись даже физических явлений, имеющих непосредственное отношение к жизни народной: каковы, например: засуха, пожары, эпидемии и пр. Почему желательно было бы, чтобы после составления описи за прежнее время с ответами на вышеозначенные оглавления, каждый потом наступающий год был отмечен особо, с указанием выдающихся событий в течение этого года. В таком виде церковная летопись, ежегодно пополняемая в хронологическом порядке, была бы верным и нескудным источником многих полезных и важных сведений». 8. Определение это объявить духовенству епархии «циркулярно чрез припечатание» в «Епархиальных ведомостях» (опубликовано в № 2197). Этот циркуляр 22 марта 1894 г. менял программу летописания, напечатанную в 1886 г. Циркуляр «О церковных летописях» потому изложен столь подробно и с цитатами, чтобы помочь составить представление о том, какими по содержанию и форме — указаниями могли руководствоваться составители летописей.

Впоследствии форма таких «циркуляров» совершенствуется, исчезают явные приметы живой речи и назидания (едва ли не самого архиерея?), обретаются черты, свойственные анкетам и другой документации земской статистики. Примером может служить составленное в 1911 г. «Оглавление», напечатанное в летописях Пермской епархии: Часть 1-я. Церковно-приходское историко-статистическое исследование до 1911 года I. Местоположение села или города. II. Состав прихода в прежнее время. III. Наименование города или села и деревень прихода и объяснение сих наименований по историческим описаниям и народным сказаниям. IV. Достопримечательности прихода. V. О приходском храме. VI. История причта. VII. О прихожанах, об общественных бедствиях прихода и замечательных событиях и явлениях. VIII. О попечительствах и братствах. IX. О церковно-приходских школах. X. Годичные итоги из церковно-приходских документов. Часть II. Повременная церковно-приходская Летопись. I. О приходском храме. II. О причте. III. О прихожанах. IV. О церковно-приходских учреждениях. V. Годичные итоги из церковно-приходских документов. Отдел III («О прихожанах с 1911 года») предваряла программа: «Перемены в народонаселении прихода, случаи выселения кудя-либо прихожан или отчисления к другому приходу, прибытие новых прихожан в состав прихода. Новости экономического быта прихожан (новые промыслы, ремесла, ярмарки, заводы, урожай хлеба или неурожай, пожар, появление вредных насекомых на полях и в садах и мы против них). Религиозно-нравственная жизнь прихожан: обращение в православие, появление новых сект и меры против них, крестные ходы и общественные молебны, суеверия, обычаи и обряды, медицина, преступления (воровство, убийство, конокрадство), особые явления в приходской жизни, особенные грандиозные явления природы, имевшие место в пределах прихода. Случаи значительных пожертвований прихожанами в пользу церкви. Как отражаются в приходе события общегосударственные: манифесты о войне и мире, новые законы, особенно изменяющие условия местной жизни. Местные торжества по поводу этих событий».

Распространение церковного летописания именно в 1880—1890-е годы и именно такого типа можно связывать не только с активизацией деятельности церковно-исторических учреждений, общественных объединений и изданий (тем более, что в некоторых епархиях результаты

подобной деятельности оказались незначительными)¹³, но и с повсеместным развитием краеведения. Программы церковного летописания в определенной мере отражают и освоение опыта работы статистических комитетов, Русского географического общества, позднее — губернских ученых архивных комиссий. Целенаправленная организация церковного летописания совпадает во времени с подготовкой (под руководством П.П. Семенова-Тян-Шанского) многотомных изданий сводного типа «Географическо-статистический словарь Российской империи» (1863—1885 гг.), «Россия. Полное географическое описание нашего отечества» (1899—1914 гг.).

Важно учитывать и обстоятельства общественно-политического характера. Программы церковного летописания разрабатывались в период особого влияния К.П. Победоносцева как обер-прокурора Синода. Тогда же пересматривалась система обучения в духовно-учебных заведениях и принимались меры к сохранению за сельским духовенством и в пореформенной России по-прежнему ведущего положения в общественной жизни деревни¹⁴. Надобно было позаботиться о подъеме культурного уровня сельского духовенства и о приближении его к той многообразной культурной работе, которая направлялась в те годы земствами.

Программа церковного летописания — акцентирование особого внимания на религиозно-нравственных и миссионерских обязанностях духовенства делает понятным, почему церковное летописание старались первоначально привить в регионах, где обитали отступники от официальной православной веры и иноверцы. В то же время летопись становилась и источником столь важной для церковных властей информации о религиозно-нравственных фактах из жизни прихожан и могла использоваться с целью контроля мыслей и практической деятельности самого сельского духовенства. Вероятно, потому-то церковные власти полагали целесообразным регулярно (обычно ежегодно) знакомиться с состоянием церковного летописания на местах, направлять эту деятельность.

Обязанность вести церковную летопись предполагала не только принудительную, так сказать, «культурную» работу невежественного сельского духовенства, но и возможность приложения творческих сил — наряду с организацией школьного дела — более образованной части духовенства: не следует забывать, что из духовно-учебных заведений, запечатленных в нашей памяти главным образом по «Очеркам бурсы» Помяловского, выходили и видные литераторы, ученые, общественные деятели. Тем более, что имела уже определенная традиция выявления и описания именно священниками (еще в XVIII — первой половине XIX в.) многих исторических достопамятностей и составления летописей местного края, городов. Направляя духовенство к историко-археологическим, статистическим, этнографическим, экологическим изысканиям и наблюдениям, способствовали вовлечению его в набиравшее силу краеведческое движение. А возможно, и рассчитывали приблизить эту краеведческую устремленность к желанному церковью руслу. Понятно, что официальной установкой, исходившей от церковных властей, было утверждение традиций православия, самодержавия, народности. Но времена провозгласившего эту лозунговую триаду министра Уварова давно прошли, и сознанию немалой части духовенства становились близкими уже народнические взгляды.

В условиях деревенской жизни церковная летопись была источником информации и орудием воздействия на умы причта и прихожан. В одной из таких летописей, опубликованных в начале XX в. в назидание другим «летописцам», читаем: «Каждому пастырю при поступлении в приход необходимо знать, как складывалась раньше жизнь его прихожан. А это возможно знать только при помощи церковной летописи, в которую должны заноситься все стороны приходской жизни в ее прошлом и настоящем». Ведение летописи, пишет тот же священник Серапион Бряжковский, «вменяется в нравственную обязанность пастырю по рукоположении его в священный сан»¹⁵. Думается, что летопись могла использоваться и для «просвещения» прихожан в беседах с ними священника и в школьном обучении.

Вдумчивые, более образованные, склонные к литературному труду, а также демократически настроенные священники-летописцы имели возможность проявить и свою творческую индивидуальность. Устанавливались связи с местной городской интеллигенцией, группирующейся вокруг краеведных объединений. Некоторые церковные летописи, части их или сведения, из них извлеченные, публикуются в епархиальных ведомостях, сборниках церковно-исторических комитетов, в изданиях статистических комитетов и ученых архивных комиссий, используются в трудах историко-экономической тематики — прежде всего при составлении историко-статистических описаний церквей и приходов епархий*. Отдельные летописи издаются как книги или большие публикации журнального типа. Такие издания обычно имеют следы определенной литературной обработки¹⁶.

В летописях находим и примеры несколько высокопарно-церковного красноречия, и простодушные замечания, сделанные в форме разговорной речи. Церковные летописи были краткие и пространные, ограниченные немногими данными жизни сельской округи, или, напротив (что реже встречалось), насыщенные сведения исторического или общественно-политического характера, даже с цитатами из исторических или современных официальных документов, этнографическими наблюдениями, образцами фольклора (особенно выделяется в этом плане подготовленная к печати Андреем Левицким летопись села Глубочка). В одной и той же летописи рядом с тем, что теперь может казаться уже историческим мусором — сведениями о пожертвованиях храму, посещениях его архиересом, наградах причту, ремонте кладбищенской ограды, текстах молитв и приветственных речей и т. д. и т. п. — соседствуют подробности, важные для представления о культурно-бытовых условиях жизни деревни и любопытные историко-культурные или даже историко-политические известия. Некоторые церковные летописи позволяют открыть ранее неизвестные имена народных историков — народных умельцев летописания, как, на-

* Так, использование «местных церковных летописей» отмечено во введении к «Историко-статистическому описанию церквей и приходов Владимирской епархии» (вып. 1—5, Владимир, 1893—1898). В «Описании» приводятся только данные о храмах, причте, территории прихода, числе жителей и учащихся церковных школ; все бытовые подробности опущены. Едва ли не из местных церковных летописей взяты и этнографические данные, приведенные в составленном Н. И. Теодоровичем «Историко-статистическом описании церквей и приходов Вольнской епархии» (тт. 1—V, Почаев, 1888—1903).

пример, священника Тверской епархии Дормидонта Соколова (середина XIX в.), священника Пермской епархии Владимира Аронова (начало XX в.) и др.

Программы и вопросник допускают сравнительное изучение летописных данных, сопоставление сведений летописей (хотя бы по отдельным регионам — епархиям). В то же время недостаточная зачастую разработанность программ, отсутствие летописных образцов, которым рекомендовали бы следовать *, и, главное, неподготовленность священнослужителей к выполнению такой работы ** приводили к значительному разнообразию и в форме летописей, и в порядке их ведения.

Более пространственные церковные летописи имели иногда характерное название «Церковно-историческое и статистическое описание» (в Нижегородской епархии) и состояли из двух основных разделов — исторического (в Пермской епархии он назывался «Церковно-приходское историко-статистическое исследование до ...года») и «Повременной церковно-приходской летописи», куда должны были заноситься текущие события жизни прихода.

Источниками при составлении исторической части служили письменные материалы, устные предания, рассказы старожилов. Церковно-приходская летопись села Глубочка составлена священником А. Левицким «на основании данных церковного архива и народных преданий» (с. 3). В предварении к бланковой книге для церковно-приходской летописи, подготовленной в 1912 г. в Пермской епархии, указано, что «приходской священник-летописец должен собрать доступный ему исторический материал из печатных исследований по местным историческим вопросам и по рукописям и письменным документам, хранящимся в церковных архивах, по устным преданиям и рассказам старожилов и занести на страницы летописи все, добытое путем личного наблюдения над окружающей жизнью церкви и прихода» (схожие рекомендации находим и в других программах).

При составлении современной части иногда тоже обильно использовались различные источники. Так, в летописи Иоанно-Предтеченской церкви Торговижского села Красноуфимского уезда Пермской епархии за 1912—1916 гг., составленной Вл. Ароновым, приведены библиография с названиями изданий, которыми пользовался составитель летописи, ри-

* С. Брояковский в предисловии к книге «Церковно-приходская летопись» (изданной в 1904 г.) отмечает, что «успехи ведения церковных летописей много затрудняются и тормозятся вследствие того, что нет строго выработанной программы, а самое главное, практического руководства». Имеющиеся указания «слишком общего характера, детальная же разработка предметов, могущих войти в состав церковной летописи, предоставляется в полное распоряжение каждого священника». Своё сочинение он и рассматривал как «опыт практического руководства для пастырей при описании прихода», указав, что это первый печатный труд такого рода.

** Небезлюбопытны замечания священника В. Лебедева, знакомого с летописью Тафтеньской Николаевской церкви (Вологодской епархии), обращенные к местному священнику. После записей за 1904 г. читаем: «Пора бы о. Андрею Садокову, хотя от скуки, самому заняться ведением приходской летописи, тогда бы и не было замечок-поправок карандашом»; после записей 1905 г. — «Священник Андрей Садоков очень небрежно относится к ведению приходской летописи; сомнительно, чтобы автор при составлении летописи был в нормальном трезвом состоянии...». После записей 1908 г., где четвертая часть текста отведена сведениям о небывалом числе галок, Лебедев отметил: «О галках-то можно писать не в церковной летописи, а на том месте, где оные сидят, а именно на заборе, если ж это для Вас составляет особенность, достойную памяти»¹⁷.

сунки старинных достопримечательностей, фотографии, письма и телеграммы, плакаты, объявления и листовки, вырезки из газет и журналов, даже денежные знаки и почтовые марки¹⁸. По удачному определению Л.С. Кашихина, известного пермского историка-архивиста и краеведа, которому и обязан выявлением в хранилищах Перми церковных летописей, «это маленькая архивно-историческая выставка-музей».

Летописная часть, посвященная современным событиям, могла быть и подробной. Рекомендовалось летопись излагать по годам, месяцам и числам, и «сколь можно, яснее и проще, без всякой изысканности, таким языком и слогом, каким кто владеет и говорит. При этом вносить в оную одни только факты, а где возможно и прилично, то и причины оных; но пишущий не должен присовокуплять к тому собственных размышлений и чувствований по поводу излагаемого им». Хорошо, что этому строгому наставлению Пермской консистории (и других консисторий) не всегда следовали, и в летописях прорывается непосредственность впечатлений и размышлений.

В летопись (согласно программе Пермской епархии 1894 г.) вносились из метрических книг данные «о числе родившихся, умерших и браком сочетавшихся», общие сведения о численности жителей (мужского и женского пола) *, о «присоединенных из иноверия к православной церкви»; из исповедных росписей — «о числе бывших и не бывших на исповеди» и у причастия, «с подразделением последних по причинам неисполнения» этой христианской обрядности (тем самым летописца обязывали и к исполнению церковно-полицейских функций); из приходо-расходных книг — «о движении церковных сумм», а также «о числе учащих в церковном училище». Предлагалось сообщать сведения, «из каких селений прежде состоял приход ** и из каких состоит теперь», о том — «прихожане чисто русские» или «обращенные из инородцев», какого сословия прихожане (а для крестьян «разные наименования и ведомства»), есть ли сектанты («сколько и каких сект»), иноверцы, какие принимаются «меры против раскола».

Составителю рекомендовалось писать не только о степени религиозного усердия, но и о «степени умственного и нравственного развития прихожан», грамотности их («расположении к ней или предубеждении против оной»), о суевериях и предрассудках, в том числе о старинных праздничных обрядах («не замечаются ли в некоторых местах остатки языческого суеверия и предрассудки»); о степени «наклонности» к пьянству; о том, «какими занятиями и промыслами прихожане преимущественно снискивают себе пропитание и средства к жизни; достаточны ли они или скудны и от чего»; о заводах, фабриках («давно ли существуют оные и кому принадлежат ныне»). Среди явлений и событий, «выходящих из ряда обыкновенного», названы и чрезвычайные явления природы (и среди них, оказывающие несомненное влияние на урожай) и «общественные смуты в народе», «замешательства и тревоги». Предлагалось указать, не подвергался ли храм «разорению от бунтовщиков и набегов кочующих

* В летописи села Юрьева приводятся (по метрическим книгам) сведения о населении по десятилетиям (с 1800 г.), безусловно, бесполезные для демографов.

** В той же летописи села Юрьева помещена таблица о деревнях прихода с указанием душ мужского пола по ревизии и каких господ были прежде крестьяне.

инородцев»¹⁹ — тем самым в летописи невольно вводились сведения по истории классовой борьбы, а также внешней политики.

Летописи содержат данные о местоположении поселения, о происхождении названий местностей и храмов, о составе и достопримечательностях прихода. Сведения эти небезынтересны для специалистов в области исторической географии и топонимики (прежде всего при изучении местной историко-географической номенклатуры, в том числе двойных наименований, микроэтнонимии).

Сведения по истории поселений, о землевладельцах могут оказаться полезными при изучении генеалогии, истории феодального землевладения (в частности, о времени и поводах для оформления отдельных феодальных владений, о переходах владений к другим помещикам, прикупах новых земель и разделах владений, о том, кто из помещиков жил в своем имении и др.).

Любопытны в передаче составителя летописи предания (опирающиеся подчас на прежние записи их *) о «замечательных местностях», основании и основателях монастырей, старинных курганах, валах, зданиях, захоронениях, родоначальниках дворянских фамилий, местных «чудотворцах» и т.п. Желательно привлечь к ним внимание литературоведов, фольклористов, а также ученых, исследующих общественно-политическую и даже военную историю **. Предания эти — характерный образец народных исторических представлений, показатель и интереса народа к прошлому и уровню его исторических знаний.

Подробны обычно сведения о храмах и о времени их построения (основания, перестроек), именах строителей, достопримечательностях (особо отмечались древние иконы *** и их история, «замечательные древностью» церковные предметы), о кладбищах и «замечательных лицах, на оных погребенных», о древних рукописных и печатных книгах (иногда кратко описывались все церковные книги). Данные эти могут оказаться полезными при составлении свода памятников истории и культуры, а также для выяснения происхождения и первоначального нахождения рукописных и печатных книг и памятников материальной культуры.

Из-за недостаточно четкой разработанности самого формуляра церковной летописи и неспособности составителей распределить материал по соответствующим отделам ее сведения о явлениях социально-экономической истории деревни оказываются зачатую не только в отделе, специально посвященном прихожанам, но и в других отделах летописи. Там узнаем об именах землевладельцев и их взаимоотношениях с крестьянами, о количестве крестьянских дворов в целом и в каждой деревне, о расположении строений (в «дин», «два порядка» с характеристикой населе-

* В летописи села Юрьева (л. 11) ссылаются на старинную монастырскую тетрадку с преданиями, переписывавшуюся затем местными жителями. По свидетельству Р.И. Гуро-Фролова, об этой тетрадке до сих пор еще помнят старожилы. Рассказывают, что старик, последний ее владелец, наказал (в 1930—1940-е годы) захоронить тетрадку вместе с ним.

** Так, в летописи села Юрьева запечатлены предания о прохождении по этой территории войска Ивана Грозного на пути к Казани в 1552 г.; об иеромонахе Иове, умершем якобы на 110 году жизни в XVII в. и почитавшемся местным «праведником». Каменную плиту с его могилы с остатками надписи я видел в 1961 г.

*** В частности, в Мишуковской летописи отмечено, что икона Николая Чудотворца трехсотлетней давности (л. 12 об.).

ния каждого порядка — дальний населен «большой частью нищими и бес-
семейными крестьянами и солдатами»), о ярмарках и торговых путях *,
о расходах в крестьянском бюджете, связанных с религией (плата за тре-
бы, в частности), об обработочной ренте в пользу духовенства, об отно-
шении помещиков к причту **, о быте, нравах сельского духовенства ***
и т. д.

Летописи содержат зачастую подробности о времени крепостного
права, основанные главным образом на рассказах старожилов. В Лето-
писи села Ивановского-Новосельцева Зубцовского уезда Тверской губернии
описывается образ жизни развратного богача, самодура помещика
Новосельцева (первая половина XIX в.) и нескольких поколений зави-
симых от него мелких помещиков. Много напоминает, даже в деталях,
классические произведения Мельникова-Печерского и Лескова: барин
«ходил постоянно в халате и за поясом имел ременную плетку, кото-
рой расправлялся со своими крепостными» (л. 90 об.), насилывал моло-
дых девушек; в то же время организовал театр, строил павильоны со
скульптурами в саду, посылал даровитых юношей учиться в Москву, за
границу ²¹.

В Харцызской летописи отмечено, что первоначально приход со-
стоял из крестьян-малороссов. С 1819 г. появляются великороссы — вы-
ходцы из Рязанской и Пензенской губерний («Приобретены они местны-
ми владельцами, по народному сказанию, частью за деньги, частью выме-
няны на лошадей и собак, а частью выиграны в карты»). Там же
отмечается, что священники находились в зависимости от помещиков.
Например, начало обедни нередко откладывалось, так как к обедне звони-
ли по распоряжению помещицы, только тогда, когда она успевала выпить
кофе ²². В селе Юрьеве крестьяне «большую часть времени употребляли
на барскую работу, а на свою работу времени им давалось немного»,
«Впрочем до крайней бедности» помещик их «не допускал», и в случае
несчастий оказывал помощь. Для того чтобы «крестьяне были хорошими
и исправными работниками», помещик не дозволял семейные разделы —
все жили большими семействами в черных курных избах и одевались
черно». Напоминают летописи о жестокости господ и бурмистров. («Еще
до сих пор живы некоторые старики и старухи, которые до сих пор пом-
нят барское угощение лозами и кнутами» — л. 81), об отдаче молодых
людей в солдаты «за грубость и воровство без всякого оправдания и суда»,

* В летописи села Юрьева названы старинные зимние торговые пути (в села Лысково
и Мурашкино, хорошо известные еще по источникам XVII в.). Указан день ярмарки
(26 июня), приуроченный к крестному ходу с Оранской иконой. Интересно отме-
тить, что В.Г. Короленко в рассказе «За иконой» описал крестный ход лета 1887 г.,
т.е. как раз того времени, к которому относится летопись.

** В летописи села Юрьева отмечено, что пособие (хлебом, кормом для скота, дрова-
ми), дававшееся причту кн. Голицыным, «было неопределенно, если кто нравился
помещику из членов причта, то помощь была оказываема; а если кто не нравился,
тому в помощи отказывали и старались удалить из прихода» (л. 63).

*** В той же летописи села Юрьева находим простодушный рассказ о пьянице понома-
ре: «Оный пономарь за разныя грубости и продерзости был переводим из места в
место. Кончил свою жизнь после несчастно: он утонул в одном озере, шедши с
праздника Св. Троицы из приходской церкви» (л. 66). О священнике Троицкой
церкви в Харцызской слободе в 1820—30-е годы написано в церковно-приходской
летописи: «Поведения не совсем трезвого... состоял под следствием с запрещением
за нетрезвую жизнь» ²⁰.

об экономических последствиях крепостничества *. Поэтому, замечает составитель, «понятно, какой радостью крестьяне встретили свободу, дарованную им в 1861 г.». Сравнение с годами крепостничества обнаруживаем и при описании пореформенной деревни.

Характеризуются занятия крестьян — основные («главным и почти единственным занятием и способом к пропитанию прихожан села Юрьева служит земледелие» — л. 83) и побочные. Отмечается, что крестьяне вынуждены арендовать землю у помещика (душевого надела большинству семейств не хватает). Летописец украинского села, выделяя как основное занятие крестьян хлебопашество, тоже пишет о «голоде от малых наделов» («некоторые едят свой хлеб до Покрова, другие до Михаила (8 ноября), до рождества, а там вынуждены покупать муку»), о том, что крестьяне принуждены работать исполу у помещика. О бедности крестьян, о том, что мало хлеба, не хватает скота, и многие большую часть времени проводят на заработках — особенно чернорабочими в Москве — из года в год пишет в 1870-е годы летописец села Ивановского-Новосельцево. Схожие сведения за конец XIX в. в летописи села Юрьева. Там «своим земледелием крестьян далеко не могут удовлетворить все своим даже насущным потребностям», и потому «многие отправляются на заработки» большей частью на Волгу в бурлаки и «исправляют там более черную и тяжелую работу» (указывается возможная максимальная сумма заработанных денег за весну, лето и часть осени — от 30 до 80 рублей). Так как «наплыв рабочих на Волгу большой», хозяева судов и барок предпочитают нанимать тех, кто уже прежде у них работал. «Иные же крестьяне преимущественно бобыли и безлошадные», нанимаются работниками в господские хутора, «но на заработки хуторские жалуются, так как плату за труды считают для себя низкой» (за весну, лето и часть осени 30 р. или несколько выше). Следовательно, и в церковной летописи находим материал, лишний раз подтверждающий — уже, так сказать, в микромасштабе — наблюдения статистиков тех лет (обобщенные и В.И. Лениным), что в районе выхода, районе отработков заработные платы сельским рабочим значительно ниже, чем в районе прихода — районе капитализма ²⁴.

В летописях находим сведения о промыслах (их видах и распространении), об отхожих промыслах и даже о местах, куда уходили отходники (из Мишукова Нижегородской губернии уходили на железные дороги, в Баку), о переселении (в летописях украинских сел о массовом переселении на Дальний Восток), о наиболее заметных новых явлениях в экономическом быту, — в Пермской губернии таким в начале XX в. считалось появление у многих крестьян машины — «жалки». (Грабли парные, плуги и даже есть «самовязки жалки».)

Около 30 человек, как узнаем из летописи села Юрьева (в селе в 1880 г. было 995 человек мужского пола), плотничают в своем приходе, более зажиточные занимаются пчеловодством. Самые зажиточные имеют ветряные мельницы; в селе 16 мельниц и это оказывается недостаточным,

* В краткой летописи Троицко-Новокуножской церкви (Тотемский уезд) под 1867 г. лаконичная запись: «Быт крестьян небогатый от налогов и прежде бывших помещиков и их приказчиков и по случию худого урожая хлеба». Там же отмечена зависимость крестьянского благосостояния от работы по сплаву леса ²³.

и летом в безветренные дни возят молоть хлеб на дальнюю водяную мельницу; если у кого имеются излишки хлеба, то продают в ближайшем торговом селе Гагине, «куда съезжаются покупщики хлеба из разных сторон». «Вообще же, — констатирует летопись, — в приходе зажиточных крестьян мало, большинство же живут бедно» (л. 86). Лучше живут те семьи, где больше рабочих рук, но большие семейства «становятся редкостью»; делятся братья, отделяются дети от родителей.

Своеобразны летописи торгово-промышленных сел, особенно таких, которые стояли во главе крупных кустарных районов. Летопись одного из таких сел — села близ завода Суксуна Пермской губернии сохранилась. Об этом центре самоварного промысла упоминает и В.И. Ленин в «Развитии капитализма в России»²⁵, ссылаясь на «прекрасное описание» самоварного промысла Г. Манохиным. (С этим описанием можно сопоставить летописные сведения.) Из летописи Воскресенской церкви завода Суксуна Красноуфимского уезда узнаем, что завод этот прежде считался одним из «лучших заводов» Демидовых, однако затем совершенно захирел. Жители, бывшие крепостные Демидовых, получили землю, но лишь немногие занялись земледелием. «Большая часть их — кустари, занимающиеся выделкой самоваров и медной посуды». Демидовы привезли из Тулы тульских мастеров самоваров, и самоварное производство началось еще «во время крепостного права». Когда завод прекратил свою деятельность, в Суксуне «существовало уже много самоварных мастерских, в которых работало по несколько сот человек». Самовары шли главным образом в Сибирь и соседние губернии». «Местные фабриканты не старались улучшить это дело, все работали так же, как и сто лет тому назад, т. е. ручным способом», и с улучшением тульского производства самоваров новейшими техническими приспособлениями суксунские самовары оказались вытесненными с рынков, «кустарный промысел с каждым годом стал все сокращаться». В 1915—1916 гг. «стали работать походные кухни» для военных нужд». Названы в летописи и другие промыслы: сапожничество, «много есть хороших печников и мастеров штукатурных работ», у женщин — плетение кружев, приготовление салфеток, скатертей²⁶.

Определяется задача сравнительного изучения данных церковных летописей и описательных и статистических источников (прежде всего так называемой земской статистики) об одних и тех же селениях (о хлебных ценах и урожаях, сельскохозяйственных машинах, «земледельческих промыслах», в том числе об отхожих промыслах, о неземледельческих промыслах и т. д.).

Для этнографов и историков материальной культуры, музееведов могут оказаться небезынтесными указания на бытовое убранство, одежду (и при каких обстоятельствах какая одежда принята). Одежда описана в летописи села Юрьева (кафтаны самодельного толстого сукна, рубахи и порты самотканые — синие или сине-красные, на женщинах — синие самотканые сарафаны и рубахи или красные кумачевые сарафаны с ситцевыми рукавами; «на ногах носят большую часть лапти» — л. 83). Украинскую одежду подробно описывает А. Левицкий, замечая, что к началу XX в. начинает все чаще распространяться более модная «мещанская одежда» и «заработок часто тратит молодежь на то, чтобы одеться «по-людски»²⁷.

Немало можно узнать из летописей об организации общественной

жизни в деревне, о сельском сходе и воздействии на него богатеев, о пьянстве. В летописи села Юрьева читаем, что на сходах «всего более оказывают влияние крикуны и мироеды, которые часто не слушают более благоразумных и скромных стариков, и делают дела по-своему» (л. 87). К этим немаловажным для социальной истории бытовым наблюдениям можно добавить и замечания о злоупотреблении, «при всей бедности», спиртными напитками, «особенно в храмовые дни и большие празднества; без сих напитков не обходятся, где только возможно при различных мирских сходах».

Почти в тех же выражениях пишет о сходе — «громде» А. Левицкий: «...сход в своем целом имеет мало значения. Главное значение здесь имеют крикуны, заправила общества, они же и местные богачи, дающие направление делам схода по своему желанию», потому-то и являются на сход иногда менее 2/3 населения. «Ни один сход,— по словам того же летописца,— не обходится без магарыча. Собственно решение дел происходит в то время, когда сход в некоем подпитии находится. В таком случае легче дать сходу надлежащее движение в интересах заправил»²⁸. С. Брояковский приходит к выводу: «Ни одно таинство, ни один обряд не обходится без огульного пьянства или лучше сказать: пьянством приветствуют появление человека на свет, пьянством же проводится он и в другой мир»²⁹.

В летописи села Ивановского-Новосельцева по 1899 г. рассуждения о том, что пьянство — одна из главных причин бедности, а кабак — это деревенский клуб, где сообщаются деревенские новости, где устраиваются торговые сделки³⁰. Замечания такого рода нередки в церковных летописях и могут стать дополнениями к материалу работ И.Г. Прыжова, М.И. Смирнова, к статистическим исследованиям, многочисленным художественным произведениям и публицистическим очеркам.

Сравнительно много места во всех летописях уделено сведениям о степени религиозности прихожан, выполнении ими церковных обрядов, проведении церковных праздников * (дни крестных ходов, храмовых праздников), посещения церкви (какие категории населения, когда посещают, исповедуются), затратах на благоустройство (летописец села Юрьева пишет о «равнодушии к благоустройству храма», л. 90). Особо фиксируются данные о сектантах **

В летописях не раз отмечается незнание прихожанами «общеупотребительных молитв» или прибавки к молитвам, незаконные с ортодок-

* В летописи села Юрьева отмечен «довольно странный» взгляд на некоторые церковные праздники — двенадцатые большие и средние праздники почитаются менее воскресных дней, и храмы в дни этих праздников мало посещаются. Составитель летописи дает объяснение этому: «Сей неправильный взгляд и дурной обычай остался от времени крепостной зависимости». Оказывается, помещики заставляли своих крестьян работать известные дни недели, не считаясь с тем, приходятся ли на эти дни церковные праздники; равным образом и крестьяне в свои дни, «дозволенные для крестьянских работ, за краткостью времени для своих работ, тоже работали, не взирая на то, праздники ли тут были или нет».

** В летописи села Юрьева любопытные сведения (на лл. 89—90) об известном В.П. Пашкове — основателе секты пашковцев. Владелец большого соседнего имения, он пытался проповедовать и распространять брошюры среди окрестных крестьян. Составитель летописи относится к нему отрицательно. Составитель же летописи соседнего села Мишукова, церковь которого построили в значительной мере на средства Пашковых, отмечает, напротив, заботы Пашкова о грамотности населения (организация школы), помощь его голодающим.

сальной точки зрения; и в то же время равнодушие и даже небрежение к соблюдению православной обрядности *, распространение суеверий; старинных языческих обрядов и ритуалов **. Это — несомненные знаки так называемого «бытового православия», сочетающего воспринятые из церковно-православного учения образы и толкования с пережитками язычества, с представлениями о нечистой силе, населяющей дом, хозяйственные уголья, поля, леса, реки»³³.

Характеризуя степень образованности прихожан, составитель летописи пишет, что «крестьяне Юрьевского прихода большею частью неграмотные и неразвитые, и в некоторых замечается большая грубость и невежество» (л. 92). Здесь же сообщается о значении церковных проповедей для «смягчения нравов», о беседах на религиозные темы — сведения подобного рода нельзя не учитывать, определяя роль духовенства в общественной жизни неграмотной тогда деревни.

Большое значение имеют погодные записи — свидетельства о природных явлениях, о бедствиях — эпидемиях, неурожаях (характерны испуганные слова летописца села Юрьева, под 1889 г. — после замечания о низком уровне воды в реке и плохой озими — «народ опасается, как бы не было голоду»; л. 98).

Там же подробно описываются мор и голод начала 1890-х годов. Указывается число умерших (в 1890 г. — 207 на 146 родившихся; в 1889 г. было 88 умерших на 134 родившихся), цены на хлеб, корм, скотину (лошадь продавали по 3—5 р., а воз ржаной соломы стоил 3—4 руб. — и рядом тяжкое восклицание: «Несчастный год! бедственный год! долго его будут помнить!» — л. 102). Под 1892 г. записи о покупке хлеба по дорогой цене, продаже для этого даже коров, овец и лошадей; «в чистом виде хлеб едва ли кто ел из крестьян, некоторые, особенно с лебедного хлеба, обезумели и едва волочили ноги» л. 106); в конце зимы корм для скота еще вздорожал, воз гнилой соломы стоил 5 руб., «убивали самую нужную скотину, скот вздорожал» (л. 107). Сообщается о ссудах земства голодающим, о несправедливости в распределении этих ссуд. В летописи церкви села Мишукова подробности голоделовок 1898 г., особенно 1911 г. с детальным указанием цен на хлеб, скот, корм для скотины, описанием голодающих семей. («Нередко можно было видеть обедающую семью крестьянина без малейшего куса хлеба»), гибели лошадей на дорогах (лл. 43 об. — 44 об.); там же о голоде времени первой мировой войны.

Церковные летописи — любопытный источник и по истории обще-

* В краткой летописи одной из церквей Тотемского уезда отмечено, что прихожане «к поминовению усопших и к отправлению молебствий не рачительны»³¹. Подобные наблюдения и в других — более пространных — летописях.

** Вся жизнь крестьянина с момента его рождения и до момента смерти и даже после смерти обставлена известными обрядами и обычаями, пишет А. Левицкий. Всякому делу, предприятию предшествует известный обряд, обрядом они сопровождаются и оканчиваются. Но крестьяне ревниво оберегают свои неписанные законы. Постороннего человека крестьянин неохотно допускает в свои домашние тайнодействия. «Нащо воно Вам?» — говорят обыкновенно крестьяне любопытному интеллигенту несколько пренебрежительно и не без лукавства: «Вы чловик вченый, у книжках усе можете прочытати, там всего лучше, а мы що..., мы люди темны, чому Вы от нас можете навчитись?» «Однако же, удалось кое-что узнать, п——траюсь записать»³². Книга в этой части содержит детальные (и образно переданные) сведения о народных обычаях и повериях, народной демонологии, фольклоре; приводятся даже тексты «святых листов», отвращающих, по преданию, чертей от дома.

ственного сознания. Представляют определенный интерес и самый отбор фактов и истолкование (это более проявляется, конечно, в пространных летописях). Священник — составитель летописи, особенно в глухих селах, в пореформенный период немногим отличался по образу своей жизни и характеру мышления от окружающих крестьян. И предстоит еще проследить, как выявлялся в летописях ужас патриархального крестьянства, наблюдавшего с внедрением капиталистических начал разрушение устоев привычного деревенского быта. Более вдумчивые и образованные делают и социологического характера вывод, так, А. Левицкий констатирует, что «социально-юридический быт, патриархальная семья все более отходит в область преданий».

В более поздних записях обнаруживается отношение к первой мировой войне не только составителя, но и сельского населения, а также некоторые бытовые следствия войны *. В летописях немало общих рассуждений, заимствованных из официальных манифестов и другой официозной литературы, но выявляются, пробиваются как бы и искренние непосредственные наблюдения, тем более ценные, что занесены в текст, подлежащий просмотру начальства. Так, в летописи Вознесенской церкви села Устинова Оленского уезда Пермской епархии читаем: «События общегосударственные отражаются в приходе неодинаково. Напр., манифест 18 июля 1914 г. о войне с Германией, объявленной только что пред наступившими полевыми работами, произвел тягостное, удручающее впечатление, отнявши массы рабочих рук от полевых работ» **.

Записи времени войны небезынтересны для изучения социальной психологии. В такой небогатой фактическими наблюдениями социального порядка летописи, как Мишуковская, запись за 1914 г. составлена в официозном стиле (летописец вначале упивается своим красноречием, пытается даже кратко обозреть международное положение); в конце 1915 г. автор уже пишет, что год «радости не принес, все та же ужасная война народов», упоминает, сколько человек взято из села в армию, об убьих рабочих рук, дороговизне (л. 48, 49).

Интересны записи первых лет советской власти. В церковных летописях обнаруживается и смятение антисоветски настроенного духовенства во время гражданской войны и в первые годы советского строительства и вынужденное признание все возрастающего влияния коммунистов. Александр Херасков, ставший в декабре 1915 г. священником Тафтинской Николаевской церкви Тотемского уезда Вологодской губернии, записывает в начале 1919 г.: «Что везде совершается в нашей державе, то и здесь в глуши», а затем в марте: об «отступниках — членах партии коммунистов»: «и у нас в такой глуши появились отступники... говорят противное христову учению и сеют в народе соблазн... Их пагубное влияние на молодежь стало заметным» и заканчивает словами о «тягости сего времени: и голод, и болезни, и стеснения во всем. А болезни усиливаются. Померло столько, сколько раньше в три года бывало. Особенно много

* Отмечая появление в 1914—1915 гг. многих земледельческих машин, составитель видит причину этого в войне, «ибо мало стало рабочих рук» ³⁴.

** Правда, возможно, что запись эта сделана не ранее 1917 г., так как далее читаем: «Государственный переворот 28 февраля 1917 г., повлекший за собой отречение от престола императора Николая II-го, произвел ошеломляющее впечатление, народ не знал, как судить об этом событии» ³⁵.

младенцев». На несколько лет летописание прерывается, а потом, уже в конце 1923 г., короткая запись, сделанная накануне прибытия архиерея, а следовательно, и возможной ревизии летописания: «Летопись не была писана за каждый год в отдельности не по небрежности и нерадению, но по скорбности и тяжести переживаемых событий... Молодое поколение уклоняется от православия...», с эсхатологической концовкой: «Действительность и дальнейшее покажет — испытание ли божие есть то, что мы переживаем, или “исполнение времен” и близость второго пришествия господня»³⁶.

Церковно-приходские летописи — любопытный источник прежде всего бытовой истории деревни, особенно истории экономического быта. Интересны церковные летописи и как памятник общественного сознания и содержащимися в них сведениями о далеком прошлом, о памятных местах, зданиях, исторических достопримечательностях. Несомненно, важно не только шире использовать сведения церковно-приходских летописей в музейно-краеведческой и исследовательской работе, но и заняться их серьезным изучением в плане источниковедения и историографии как первых, и достаточно массовых, попыток написания истории сел.

1 Шмидт С. О. Советские историки и архивы // СА. 1968. № 6. С. 13; Он же. Основные направления работы Археографической комиссии и ее филиалов // Материалы по истории европейского севера СССР: Северный археографический сборник. Вып. I. Вологда, 1970. С. 14.

2 Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1974 г. Вильнюс, 1974. С. 397—404.

3 Об этом см.: Филимонов С. В. Краеведение и документальные памятники (1917—1929 гг.), М., 1989. С. 66—69, 144—146.

4 АЕ за 1980 год. М., 1981. С. 346.

5 Милонов Н. П., Кононов Ю. Ф., Ризгов А. М., Черноморский М. Н., Заватьев А. С. Историческое краеведение. Основные источники изучения родного края. Пособие для студентов педвузов. М., 1969. С. 167.

6 См.: Циркулярные указы святейшего правительствующаго Синода 1867—1895 гг. собрал и издал А. Завьялов. СПб., 1896.

7 Алфавитный указатель действующих и руководящих канонических постановлений, указов, определений и распоряжений святейшего синода (1721—1895 гг. включительно) и гражданских законов, относящихся к духовному ведомству православного вероисповедания. Сост. С. В. Калашников. Харьков, 2-е изд. 1896. С. 138 (№ 524). На это постановление имеется ссылка и в циркуляре Кишиневской консистории причтом от 12 марта 1907 г.: ЦГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 50. Л. 105. (Сведениями этими, а также и

другими данными по ЦГИА обязан Э. С. Паиной.)

8 Ссылка на указ имеется в летописи Троице-Новокуновской церкви Тотемского уезда за 1868—1881 гг. (Госархив Вологодской обл., далее ГАВО. Ф. 1063. Д. 1091). Летопись другой церкви Вологодской епархии — Тафтинской Николаевской Тотемского уезда началась в 1870 г. (ГАВО. Ф. 1063. Л. 1092).

9 Госархив Тверской обл. (далее ГАТО). Ф. 103 (Тверская ученая архивная комиссия). Оп. 103-1. № 315.

10 См. статью «Летописи» в Полном православном богословском энциклопедическом словаре (Вып. 1. 1912. Стб. 1544).

11 Адрес-календарь Пермской епархии за 1894 год и справочная книжка для духовенства. Пермь, 1894. С. 42—45.

12 Пермские епархиальные ведомости. 1916. № 1. С. 8.

13 См. об этом в переписке синодального архива с архивными комиссиями консисторий за 1912 год (ЦГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 186).

14 Об общественном положении духовенства в деревне и его политических задачах см.: Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М.; Л., 1946. Т. I. С. 366.

15 Брояковский С. Церковно-приходская летопись или описание прихода в историческом, статистическом, этнографическом, религиозно-нравственном и других отношениях. Киев, 1904. Вып. 1. С. 1. Это — церковная летопись Богоявленского прихода местечка Павлолчи Сквир-

- ского уезда Киевской губернии. В первом выпуске 123 страницы, во втором, изданном в Киеве в 1905 г., — 157.
- ¹⁶ [Левицкий Андрей]. Церковно-приходская летопись села Глубочка Житомирского уезда Волынской губернии. Почаев. 1898. (В книге 133 с.) (Далее: *Левицкий*); *Брояковский С.* Указ. соч.; *Перекопский Д.* Церковно-приходская летопись Троицкой церкви слободы Харцызской, области войска Донского, Таганрогского округа. Донская церковная старина. Вып. 2 (издание Донского церковно-исторического комитета. Новочеркасск, 1909. С. 97—130.
- ¹⁷ ГАВО. Ф. 1063. Д. 1092, Л. 13 об., 16.
- ¹⁸ Госархив Пермской обл. (далее — ГАПО). Ф. 363. Оп. 1. Д. 5.
- ¹⁹ Адрес-календарь Пермской епархии за 1894 год. С. 42.
- ²⁰ Донская церковная старина. Вып. 2. С. 112.
- ²¹ ГАТО. Ф. 103. Оп. 103-1. Л. 315.
- ²² Донская церковная старина. Вып. 2. С. 122—125.
- ²³ ГАВО. Ф. 1063. Д. 1091.
- ²⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 234.
- ²⁵ Там же. С. 425.
- ²⁶ ГАПО. Ф. 398. Оп. 1. Д. 1. Лл. 23—24.
- ²⁷ *Левицкий С.* 65.
- ²⁸ Там же. С. 70—71.
- ²⁹ *Брояковский С.* Указ. соч. I. С. 111.
- ³⁰ ГАТО. Ф. 103. Оп. 103-1. Д. 315. Л. 41.
- ³¹ ГАВО. Ф. 1063. Д. 1092. Л. 2 об.
- ³² *Левицкий С.* 84.
- ³³ *Чичеров В.И.* Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI—XIX веков. (Очерки по истории народных верований.) М., 1957. С. 5—7, 234, 235.
- ³⁴ ГАПО. Ф. 363. Оп. 1. Д. 5. Л. 16.
- ³⁵ ГАПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 183. Л. 30—30 об.
- ³⁶ ГАВО. Ф. 1063. Д. 1092. Л. 21 об.—22 об.

КРАЕВЕДЕНИЕ В НАУЧНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ РОССИИ 1920-Х ГОДОВ *

В 1920-х годах краеведение воспринималось как «одно из характернейших явлений советской России» (1929 г.). Его признавали «массовым историко-культурным движением» (1927 г.). О важности краеведческой деятельности читаем в резолюциях съездов Советов, Краеведение считали важной сферой культурно-просветительной политики Коммунистической партии. Нарком просвещения А.В. Луначарский полагал, что в «проблему развития национального самосознания... дело краеведения в такой огромной стране, как Россия, входит не только элементом, но и базисом» (1921 г.), и краеведческие общества характеризовал как «органы самопознания страны» (1925 г.). В Академии наук полагали, что взаимосвязь с краеведами и научное руководство краеведением — одна из задач ее деятельности; непрменный секретарь Академии наук академик С.Ф. Ольденбург возглавлял эту работу, заместителями его были знаменитые ученые академики геолог А.Е. Ферсман и востоковед и лингвист Н.Я. Марр; академики и другие видные ученые выступали с докладами на конференциях краеведов, были постоянными авторами в краеведческих изданиях. Краеведение становилось основой преподавания в средней школе. Уважение к краеведным знаниям, возбуждение интереса к трудам краеведов, и

* Статья опубликована в кн.: Краеведение в научной и общественной жизни России 1920-х годов. М., 1996. (Материалы международной конференции РАН. Москва, 1994 год).

известных уже и только начинающих, отличало и прессу тех лет — массовые газеты и журналы в центре и на местах и более специализированные издания (во влиятельных и популярных тогда журналах «Печать и революция» и «Народный учитель» обзору краеведческой литературы был отведен особый раздел). В 1927 г. С.Ф. Ольденбург сформулировал лозунгового звучания мысль: «Надо, чтобы каждый гражданин нашего Союза сознавал, что без краеведения мы бессильны», а М. Горький, утверждая, что краеведная работа «стала работою государственного, исторического значения», писал: «...краеведение, дело, значение которого не может быть преувеличено».

Однако на рубеже 1920-х и 1930-х годов краеведению был нанесен непоправимый ущерб; многих краеведов репрессировали, краеведческие организации перестали существовать или деформировались; прекращено было большинство краеведческих изданий, и краеведческая литература 1920-х годов изымалась из библиотек; собранными краеведами коллекциями не дорожили, рассредоточивая или даже уничтожая их, не соблюдали правил хранения; взаимосвязи краеведения с наукой были резко ослаблены.

В дальнейшем, в годы сталинщины, постарались вытравить и память о «золотом десятилетии» отечественного краеведения. И столь основательно, что в обобщающих трудах по истории науки и по истории общественной жизни 1920-х годов, в биографических справках о видных деятелях науки и перечнях их печатных трудов краеведению вовсе не нашлось мест. В изданном в 1966 г. IV томе академических «Очерков истории исторической науки в СССР», посвященном развитию советской историографии с октября 1917 до середины 1930-х годов, краеведению отведено два (!) абзаца. В подготовленных во многих национальных республиках книгах о развитии национальной культуры в годы советской власти о краеведении обычно умалчивают, хотя многие выдающиеся деятели национальной культуры были и краеведами, а их труды печатались в краеведческих изданиях. В Советской исторической энциклопедии, тома которой выходили в 1960—1970-е годы, отсутствуют статьи «краеведение» и «историческое краеведение». В однотомном Советском энциклопедическом словаре, в первых изданиях, даже в издании 1987 г., указано, что «наиболее массовая форма» краеведения в СССР — «школьное краеведение», а функции научно-методических центров выполняют музеи. В статье 1939 г. о С.Ф. Ольденбурге в первом издании Большой советской энциклопедии ничего не написано о его краеведческой деятельности, и даже в сборнике статей 1986 года «Сергей Федорович Ольденбург» ни в открывающей книгу статье «Выдающийся организатор науки», ни в «Основных датах жизни и деятельности» ученого не отмечена его роль в развитии краеведения. (Небольшие по объему, но очень важные данные приведены лишь в статье о деятельности С.Ф. Ольденбурга в области музееведения и этнографии.)

Таким образом, можно говорить и о феномене большого значения краеведения в общественной и научной жизни России 1920-х годов, и о феномене забвения этого историками последующих поколений.

Возрастание интереса к этой тематике обнаружилось лишь в самое последнее время. Основная литература, и современная событиям и последующих лет, отмечена в работах С.Б. Филимонова¹. Задача сообщения —

показать место краеведения в общественной и научной жизни страны в 1917—1930-е годы, определить причины преследования краеведов именно на рубеже 1920—1930-х годов. Это пока лишь постановка вопроса, так как выявлены и изучены еще отнюдь не все источники — печатные и особенно архивные, — относящиеся к данной проблематике. В основе сообщения — положения статей, докладов, интервью 1987—1990 гг.², а также диссертационных работ, подготовленных или готовящихся под моим руководством.

Начать лучше с уточнений, важных для понимания того, о чем именно пойдет речь. Слово «краеведение» стало общеупотребительным. Однако толкование его и в языке науки и в нашем просторечии неоднозначно. Опыт рассмотрения истории отечественного краеведения объясняет обусловленность этого самим характером понятия.

Краеведение — это и наука, и научно-популяризаторская деятельность определенной проблематики: прошлое и настоящее какого-либо «края» (местности). Это и форма общественной деятельности, причем такой, к которой причастны не только ученые-специалисты, но и более широкий круг лиц, преимущественно местных жителей. По определению академика Д.С. Лихачева, краеведение — «самый массовый вид науки».

Краеведное знание — обычно комплексное знание: и природы и общества, знание не просто историческое, но и историко-культурное, историко-экономическое; не только географическое, но и географо-биологическое, географо-астрономическое. А часто одновременно его можно отнести к сферам и гуманитарного и естественно-научного знания.

Краеведение — это и метод познания от частного к общему, выявления общего и особенного; метод, опирающийся, как правило, на междисциплинарные научные связи (и потому-то особенно важный в плане развития экологической культуры), учитывающий не только выводы научных теорий, но и первичные наблюдения обычной житейской практики.

Следовательно, краеведение — и школа познания и методики мышления, и школа воспитания, воспитания культурой (а основа культуры — память, потому можно говорить о «воспитании историей»), школа становления и закрепления представлений о взаимосвязях в природе, о взаимосвязи природы и общества, о взаимосвязи наук.

Краеведное знание убеждает в каждодневной необходимости обращения к опыту прошлого (и позитивному и негативному) и в то же время облегчает выработку форм творческого общения людей разных поколений, разного уровня образованности и специальной подготовки (научной или художественной, в области ремесла). Тем самым краеведение становится и школой воспитания уважения к опыту старших, к истокам нашим. Истинное краеведение — всегда краелюбие.

Наконец, и это особенно важно, краеведение — не только познание края и история краеведения — не только изучение путей этого познания в прошлом. Это и способ освоения исторического опыта. Более того, это отбор, а зачастую и совершенствование того, что выдержало испытание временем, проверку практикой в сельском хозяйстве и в промыслах, в материальной и духовной культуре, в быту, в сфере нравственности. Потому-то краеведение определяет и характер освоения прошлого и способ переустройства настоящего: помогает определить конкретные (в условиях данной местности) направления движения в будущее, предостерегает от

механического распространения на все территории и все сообщества общих умозрительных понятий о модели будущего и способах его построения.

Зачатки собственно краеведческих знаний обнаруживаются на заре образования и исторических (точнее, историко-культурных) и географических знаний. Местные летописи (княжеские, т. е. придворно-династические, монастырские, городские) соседствовали с общегосударственными, обобщали их содержание, внося элементы и местного языково-литературного колорита. Издавна бытовали местные устные предания, сочинения о значительных событиях местной истории, жития местных святых и рассказы о чудесах у их погребений. Но научные понятия о прошлом края и об источниках такого знания стали формироваться дватри столетия назад. В обретении, закреплении и распространении краеведных знаний заметную роль сыграли виднейшие ученые середины XVIII века — В.Н. Татищев, М.В. Ломоносов, Г.Ф. Миллер. Составляются историко-географические лексиконы, рассылаются академические анкеты с разнообразными «запросами» о настоящем и прошлом отдельных местностей, организуются академические экспедиции по изучению разных регионов страны, в результате чего появляются и естественно-географические описания этих мест и труды, посвященные их истории. Уже тогда формировалась традиция тесной взаимосвязи краеведения и академической науки, традиция, характерная именно для отечественного краеведения. Иначе в такой огромной стране трудно было бы вести наблюдения над ее природой, узнать о прошлом ее многочисленных народов, получить пригодные для научной (прежде всего статистической) обработки и сопоставления данные о социально-экономическом положении различных областей страны. И знаменательно, что первым членом-корреспондентом Академии в России (в 1759 г.) стал именно краевед П.И. Рычков — историк, экономист, географ. Развитию краеведения содействовало и основанное в 1765 г. в Петербурге первое русское научное общество — Вольное экономическое общество.

Существенным толчком к составлению краеведческих исторических трудов стало издание «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. В начале XIX в. получают распространение жанры описания путевых впечатлений — путеводители, очерки о памятниках старины, появляются повсеместно статистические описания, археографические экспедиции выявляют документы в местных хранилищах, и такие акты публикуются. Все это содействовало демократизации представлений о содержании истории и демократизации круга лиц, причастных к изучению отечественной истории. Велико значение в плане активизации разнообразных краеведных изысканий возникших в 1830-х годах в губерниях и областях статистических комитетов (публиковавших позднее регулярно отчеты о своей деятельности и результаты отдельных исследований) и приложений к губернским ведомостям (в Москве этим занимался В.В. Пассек, в Вятке и во Владимире — ссыльный Герцен). От Герцена и декабристов ведет начало традиция участия политических ссыльных в изучении края места своей ссылки. Позднее среди сосланных народников оказались организаторы научных экспедиций, статистических, географических, этнографических исследований, периодических изданий, музеев (особенно в Сибири и

на севере европейской части России). Большое внимание уделяли этому и ссыльные социал-демократы.

Много сделано для развития краеведения Русским географическим обществом, готовившим под руководством П.П. Семенова-Тян-Шанского и многотомные издания «Географо-статистического словаря Российской империи» и «Россия. Полное географическое описание нашего отечества». Особенно велико значение деятельности возникавших по почину академика Н.В. Калачова с 1880-х годов губернских ученых архивных комиссий в выявлении, сохранении, систематизации, описании исторических памятников, в организации музеев, в издании краеведческой литературы, пропаганде знаний о своем крае. По инициативе Московского археологического общества (возглавлявшегося А.С. и П.С. Уваровыми) с 1869 г. собирались в различных городах археологические съезды, в которых деятельно участвовали и профессора, и руководители архивов, и местные краеведы-любители, из среды которых вышли и видные ученые (археологи В.А. Городцов, А.А. Спицын и др.). Утверждению интереса к краеведению способствовало и духовенство — издавались спархиальные ведомости, создавались церковно-исторические организации, сельским причтом составлялись церковно-приходские летописи. Деятельность краеведческой направленности характерна и для земских учреждений (особенно организация поездного статистического обследования сельского хозяйства); труды земских статистиков внимательно изучал В.И. Ленин. Именно на рубеже XIX и XX столетий получило распространение и само понятие «краеведение» (это слово отсутствует еще в словаре великорусского языка В.И. Даля и в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона).

К 1917 году краеведение в той или иной форме занимало немалое место в культурной и общественной жизни и больших и малых городов, содействовало их культурным связям с сельской округой. Но краеведческое движение (если применимо к этому времени такое словопотребление) было, конечно, неоднородно, ибо значение краеведных знаний в формировании научных и общественных взглядов понимали и прогрессивно мыслящие люди и реакционеры по своим убеждениям. Однако должно отметить, что многие видные краеведы проявили большую самоотверженность в спасении, охране и использовании памятников истории и культуры после Февральской революции (особенно имений, частных коллекций) и затем активно включились в краеведческую деятельность послереволюционных лет — в дело организации музеев, архивов, библиотек, высших учебных заведений, просвещения народных масс.

Период первого десятилетия советской власти, примерно до рубежа 1920—1930-х годов, можно назвать «золотым десятилетием» развития краеведения. С 1917 по 1929 г. число краеведческих организаций увеличилось примерно в восемь раз: с 246 до 2000 (впрочем, цифры эти требуют уточнения, так как в других обобщающего характера историко-краеведческих работах приводятся цифры 155 и 1761). У 240 из них были свои периодические и непериодические издания (включая в это число машинописные и даже рукописные). Повсеместно возникавшие краеведческие общества, музеи, кружки, разные по масштабам (от губернских и областных до сельских и школьных), имели общие задачи: изучение родного края, сохранение памятников культуры (а затем и защита природы),

возможно более широкое распространение знаний об Отечестве, а также памятноохранительных представлений.

В деятельности краеведов первых лет советской власти, конечно, во многом заметна преемственность по отношению к краоведам начала века, тем более что краеведческую работу на местах чаще всего направляли те же люди, которые отдавали ей силы и до 1917 г. Но большое значение имели и особые обстоятельства, вызванные событиями именно тех месяцев и лет. Уже после Февральской революции встала неотложная задача спасения и сохранения многих ценных коллекций (фарфора, картин и скульптуры, мебели, оружия и пр.) и библиотек, интерьера и парковых ансамблей имений (а также документации, сосредоточенной в полицейско-охранительных органах царского режима). В годы гражданской войны опасность гибели памятников культуры стала еще более очевидной.

Организация дела спасения их, возникновение новых музеев и объединений общественности — в значительной мере заслуга именно краеведов, как правило, поддерживаемых наиболее авторитетными представителями и столичной и местной интеллигенции. Осознание необходимости сохранения этих памятников спланивало всех, кто понимал их общекультурную и историческую ценность, даже людей несходных общественно-политических взглядов. Более того, не принимающие революции или напуганные всем, что происходило вокруг, отторгнутые от привычного дела и привычных жизненных удобств, некоторые деятельные по натуре образованные интеллигенты находили именно в этой сфере применение своим знаниям и культурным навыкам, не поступаясь при этом, по существу, общественно-политическими принципами, как бы уходили от активной жизни (в прежних ее формах) в краеведение и сферу охраны памятников.

Следует иметь в виду, что голод и бытовое неустройство жизни в больших городах заставили многих лиц интеллигентных профессий переменить место жительства. Оказавшись в сравнительно небольших городках и даже селах, они включились в работу местных краеведов, обогащая ее тем самым своими знаниями и методическим опытом. И это также способствовало тому, что краеведческие организации при отсутствии других культурных и особенно научных учреждений превращались, как тогда принято было говорить, в «академии наук на местах».

Имело значение и то, что в годы гражданской войны было существенно затруднено общение специалистов, близких по профессиональным интересам, а общение с зарубежными коллегами и вовсе было прервано; краеведческие конференции и объединения в таких условиях оказывались особенно важными для обмена научной информацией и хотя бы какой-то координации научной деятельности в том или ином направлении. И, видимо, это учитывали в Академии наук, сразу же принявшей несравнимо более активное, чем прежде, участие в научной организации и руководстве краеведческой работой в стране.

Выявление, учет, охрана и использование культурных ценностей — прежде всего в оставленных хозяевами имениях и квартирах — становится на первых порах особенно заметной сферой деятельности краеведов. Сразу же начинается целенаправленное собирание музейных и архивных материалов; «старой интеллигенции» была предоставлена широкая воз-

возможность участия в создании новых музеев, библиотек. В РСФСР в 1918 г. возникло 49 музеев, в 1919-м — 43, в 1920 г. — 36³. Печатают листовки и плакаты с призывами сберечь памятники культуры (в Рязани виднейший местный краевед С.Д. Яхонтов даже стилизовал их текст под простонародную речь). Некоторые бывшие собиратели и владельцы коллекций сами старались передать их на государственное хранение, служили учеными хранителями в новоорганизованных музеях. В Наркомпросе и нарком А.В. Луначарский и ведавшая музеями и охраной памятников культуры Н.И. Троцкая старались оказать содействие ревнителям охраны памятников. Недавно стали появляться книги и статьи (Ю.Н. Жукова, Г.В. Ильиной, В.Ф. Козлова, Е.В. Кончина и др.), основанные на ранее малоизвестных архивных материалах и существенно конкретизирующие наши представления о мерах по спасению памятников истории и культуры в первые годы советской власти.

Подвижники культурной преемственности, люди разных поколений сумели в условиях голода, разрухи, гражданской войны сделать очень много. Ограничусь двумя примерами, связанными с собственно краеведческой работой. Пятидесятилетний краевед Михаил Иванович Смирнов (старший брат не менее известного организатора краеведческой работы в Костромской губернии Василия Ивановича Смирнова) организует с помощью местной интеллигенции в Переславле-Залесском на Плещеевом озере музей и научно-просветительское общество, сделавшие затем научно-методическими краеведческими центрами для большого региона и издавшие многие труды. Молодой выпускник Московского университета историк М.Н. Тихомиров (впоследствии знаменитый академик) организует музей в подмосковном городе Дмитрове, ставший затем средоточием ведущих краеведов и музееведов 1920—1930-х годов. И сумел он это сделать только при поддержке людей разного круга (и ветеранов рабочего движения начала века, и прославленного революционера и ученого бывшего князя П.А. Кропоткина, и дочерей видного кадета, историка русской культуры, тоже бывшего князя Д.И. Шаховского). За полгода, объезжая окрестные села, М.Н. Тихомиров собрал коллекцию памятников быта и материальной культуры, а позднее, уже в первой половине 1920-х годов, он спасет в Самарской губернии архив и семейные реликвии Аксаковых и рукописи старообрядческих иргизских монастырей. Эту направленность краеведной деятельности сами краеведы ощущали особенно явственно. Виднейший в 1920-е годы краевед естественно-географического профиля В.П. Семенов-Тян-Шанский (сын всемирно известного географа) писал в 1920-е годы: «Краеведческое движение я называю великим потому, что это было действительно беззаветное общее движение провинциальной интеллигенции спасать от бесчисленных в то время случайностей все многочисленные памятники культуры как в городах, так и в сельских местностях»⁴.

Это был период повсеместного музейного, архивного, библиотечного строительства — существенного насыщения старых хранилищ (за счет богатств бывших частных собраний, упраздненных учреждений, монастырей и т. д.) и создания многих новых хранилищ, становившихся обычно и центрами научной и просветительной работы. В эту работу вовлечены были многие интеллигенты, и среди них видные ученые (историки С.Ф. Платонов, М.К. Любавский, А.Е. Пресняков, Е.В. Тарле, П.Е. Ще-

голев, В.И. Пичета, Б.Д. Греков и др.), философ Н.А. Бердяев, художники (в их числе К.С. Малевич), писатели (в годы гражданской войны — и М.М. Пришвин и Андрей Белый). Тем самым они оказывались приобщенными к делу советского культурного строительства.

В.И. Ленин, А.В. Луначарский придавали большое значение их такого рода деятельности, полагая, что это способствует сознательному сотрудничеству этих слоев интеллигенции с советской властью, убеждая в том, что большевики готовы сохранить культуру прежних эпох. Это отражало стремление привлечь интеллигенцию («спецов») на сторону советской власти, используя их на «культурной работе». (О важности такого политического подхода в те годы В.И. Ленин писал и говорил не раз.) Однако отнюдь не все лица из окружения Ленина, даже в системе Наркомпроса РСФСР, мыслили таким же образом. Заместитель наркома и политический руководитель этого наркомата историк М.Н. Покровский, так много позднее приложивший стараний для разгрома гуманитарной интеллигенции (особенно на рубеже 1929—1930 гг., в связи с так называемым академическим делом), в 1919 г. писал не без сарказма: «Охрана памятников искусства и старины стала чем-то вроде официальной мании в РСФСР»⁵.

После окончания гражданской войны стала ощутимой очевидная необходимость научно-методической и организационной координации деятельности краеведов. Особенно заинтересованы в этом были Наркомпрос и Академия наук. В стране проводились различные краеведческие конференции (естественно, разномасштабные по научному и общественному значению и числу участников): к середине 1927 г. их состоялось более 100. Наиболее существенные вопросы, определявшие перспективы развития краеведения, обсуждались на I—III краеведческих конференциях РСФСР и СССР в Москве (декабрь 1921 г.; декабрь 1924 г.— эта конференция была Всесоюзной; декабрь 1927 г.). После I конференции, в которой приняли участие и видные государственные деятели, и крупные ученые (из Академии наук, университетов, архивов, музеев, библиотек), и многие краеведы с мест, стал функционировать руководящий общеметодический и организационный центр — Центральное бюро краеведения (ЦБК) во главе с С.Ф. Ольденбургом, а затем и в других союзных республиках органы, аналогичные ЦБК. ЦБК издавал журналы «Краеведение» (1923—1929 г.), «Известия Центрального бюро краеведения» (1925—1929 гг.).

В конференциях деятельно участвовали видные ученые (уже широко известные тогда или начинавшие через краеведение путь в науку): антрополог, этнограф, географ академик Д.Н. Анучин, историки, археологи, экономисты А.И. Андреев, Н.П. Анциферов, С.И. Архангельский, С.В. Бахрушин, М.М. Богословский (академик выступил уже на I конференции с докладом «Областная история России, ее научное обоснование и современные задачи»), С.К. Богоявленский, Б.Б. Веселовский, И.М. Гревс, Б.А. Куфтин, И.Л. Маяковский, В.И. Пичета, С.Ф. Платонов, М.В. Птуха, В.И. Равдоникас, А.А. Спицын, С.Н. Чернов и др.; востоковеды Н.Я. Марр, С.Ф. Ольденбург, А.Н. Самойлович, А.Е. Снесарев; литературоведы, языковеды, фольклористы М.К. Азадовский, Н.М. Каринский, Н.К. Пиксанов, Б.М. и Ю.М. Соколовы, Д.Н. Ушаков и др.; антрополог В.В. Бунак; географы, геологи, геофизики А.А. Борзов,

А.Ф. Вангенгейм, В.Г. Глушков, Н.Н. Зубов, А.А. Крубер, Л.А. Кулик, А.П. Павлов, В.П. Семенов-Тянь-Шанский, А.Е. Ферсман, Ю.М. Шокальский и др.; зоолог Н.М. Кулагин, путешественник и писатель В.К. Арсеньев, библиограф Н.В. Здобнов, педагоги А.П. Пинкевич, С.Т. Шацкий, А.А. Яхонтов и др.; искусствоведы А.В. Бакушинский, А.М. Эфрос и многие, многие другие. Еще в большей мере выявляется участие этих и других видных ученых в местных обществах, конференциях, изданиях.

В первом же номере журнала «Краеведение» академик С.Ф. Ольденбург писал: «В оборот науки и жизненной практики будет введен такой громадный систематизированный материал, что даже трудно себе представить сейчас те плодотворные обобщения, которые мы вправе ожидать». А академик А.Е. Ферсман, выступая на I конференции, убежденно говорил, что постоянная исследовательская работа по «инвентаризации народнохозяйственных благ» и превращению «элементов природы... в хозяйственные и культурные ценности» «не может вестись постоянно только в центре, она должна опираться на жизнь поставленную работу на местах, на местные живые силы». «Вопросы краеведения» — сборник докладов на конференции 1921 г. (под редакцией разностороннего этнографа и методиста-краеведа Вл. Богданова) во многом определил перспективы дальнейшей краеведческой деятельности. За этим сборником последовали сборники статей постановочного характера, изданные на местах, и целые библиотеки разнообразных по тематике краеведческих изданий.

Краеведение более всего развивается усилиями обитателей того или иного края. Но краеведческими следует признавать и работы общеметодологического и методического характера о предмете краеведения и отдельных сферах краеведческой деятельности и труды о прошлом и настоящем того или иного края, написанные теми, кто не проживает (и не проживал) в данной местности (и даже не связан с ней своим происхождением). Следует также учитывать то, что выводы и наблюдения краеведной тематики — составная часть многих исследований, а также научно-популярных учебных трудов обобщающего характера. Взаимопроникновение местной, локальной, и более широкой проблематики — вообще характерная черта развития отечественной науки, публицистики, даже художественной литературы.

К краеведной деятельности оказываются причастными лица разного общественного положения и разной степени подготовки и все в большей мере лица неинтеллигентных профессий. В ЦБК шли письма с такими обращениями на конверте: «Т. почтарь! Тут штемпелем не бей: в письме — живой червяк сидит!», а местные «летописцы», не имея бумаги, заявляли, что будут писать хотя бы на заячьих шкурках или на бересте, но «свою охоту» к описанию края удовлетворят. Открытые заседания краеведческих обществ собирали самую широкую публику (прежде всего учителей).

В 1920-е годы издается много краеведческих трудов общеметодического или справочно-обобщающего типа. И важно отметить, что хотя авторами их были преимущественно ученые Ленинграда и Москвы, ценные работы такого плана подготовлены учеными и других городов. Так, саратовский профессор историк С.Н. Чернов становится автором статей «Краеведение и архивное дело» и «История и современность в работах краеведа», саратовский же профессор фольклорист Б.М. Соколов высту-

пает с докладами и статьями «Материалы по народной словесности в общем масштабе краеведных работ» и «Краевед за работой по изучению быта» (он же организовал уникальный Музей голода). Заметно научно-методическое значение для всех краеведов страны работы воронежского ученого А.М. Путинцева «Краевая художественная литература (Собирание, изучение, экспозиция)», выходявших в Казани трудов П.М. Дульского, в Рязани — А.А. Мансурова, трудов тверского краеведа А.Н. Вершинского, шадринского краеведа В.П. Бирюкова, рыбинских краеведов братьев Золотаревых, братьев М.И. и В.И. Смирновых. Так, М.И. Смирнов публиковал и историко-культурного, и социально-экономического, и даже физико-географического плана работы по истории Переславля и Переславского края, и «Наставления к изучению местной историко-географической номенклатуры», и сводки материалов археологических, эпиграфических, архивных, библиографических, фольклорных (в частности, о частушках), и составлял «краткую анкету по родиноведению «Познай самого себя»⁶.

Еще на I конференции 1921 г. краеведов призывали уделять особое внимание современным народно-хозяйственным нуждам, выявлению и изучению производительных сил. И они действительно участвовали в работе губернских плановых комиссий, старались совершенствовать (опираясь и на обнаруженные ими свидетельства прежних лет) и пропагандировать местные промыслы. При этом ученые — гуманитарные и естественники работали в тесном контакте, вместе организовывали краеведческие музеи (с отделами и природы и истории) и выставки, научные экспедиции, станции для наблюдений над явлениями природы (показательна в этом аспекте неутомимая деятельность руководителя костромских краеведов В.И. Смирнова).

Проблематика трудов краеведов в области истории и близких к ней отраслей науки разнообразна. Особенно велики их заслуги в изучении истории города, истории деревни (работы М.Я. Феноменова и др.; книга А.М. Большакова о деревне вышла с предисловиями и М.И. Калинина и С.Ф. Ольденбурга), особенностей развития местной культуры (книга Н.К. Пиксанова «Областные культурные гнезда. Историко-краеведческий семинар» (М.; Л., 1928) являлась и высокого класса методической рекомендацией и справочником по литературе). Заметна роль краеведов в изучении революционного движения, в выявлении памятных мест, сборе документов, в организации записей устных воспоминаний. Задуманы были и повсеместные работы по истории фабрик и заводов. Труды И.М. Гревса и Н.П. Анциферова о городе, о «душе города» во многом могут рассматриваться как предтечи современных культурологических представлений⁷ и некоторые из них переиздаются сейчас.

Особое внимание уделялось музееведению и архивоведению, проблемам взаимосвязи краеведения и музейного и архивного дела, обоснованию экскурсионного метода. В Петрограде в 1921 г. был организован Экскурсионный институт, а в Москве в Музейно-экскурсионный институт перерастает Экскурсионное бюро Наркомпроса РСФСР; в Московском университете открывается кафедра по краеведению и экскурсионному делу. Руководитель подготовки издания «Культурно-исторические экскурсии: Москва, московские музеи, Подмосковье» Н.А. Гейнике — создатель школы видных экскурсоводов-историков и музейных работников.

Выдающийся наш историк (впоследствии академик) Н.М. Дружинин возглавил работу по составлению историко-топографического путеводителя «По революционной Москве» (издан в 1926 г.).

Особое значение в те годы для познания истории и быта Москвы и окружающих ее усадеб, для развития музееведения, искусствovedения и собственно истории имела деятельность общества изучения Московской губернии (куда вошла и существовавшая еще с начала века комиссия «Старая Москва» *), общества изучения русской усадьбы⁸. Схожего типа объединения были и в других губерниях и «исторических» городах.

Значительны заслуги краеведов, — особенно тех, кто работал в музеях и архивах, — в развитии специальных исторических и филологических дисциплин, в разработке методов атрибутирования и описания музейных предметов, рукописей, изданий. Вообще более всего именно усилия краеведов, занимавшихся обычно конкретными исследованиями, помогли нашей науке в годы господства социологической вульгаризации сохранить высокий уровень «ремесла истории». В краеведении опробовали свои потенциальные возможности исследователей и ученые поколения Дружинина и Тихомирова (т. е. родившиеся в последние десятилетия XIX века) и более молодые, для которых приобщение к краеведению стало школой вхождения в науку. Документально подтверждается, что такой ранний взлет некоторых крупных ученых (А.П. Окладникова и М.М. Герасимова в Иркутске, П.Н. Третьякова в Костроме, В.И. Стрельского в Курске, Б.Н. Бибикина в Симферополе и др.) обеспечен был именно поддержкой их в совсем юные годы местными краеведами. Краеведческие организации стали поставщиками кадров для архивных и музейных учреждений.

Краеведение 1920-х годов существенно обогатило методику школьного преподавания. Это понимали и руководители Наркомпроса. Н.К. Крупская, обращая особое внимание на разработку программ школьного обучения, опирающегося на конкретный материал, на III краеведческой конференции говорила: «А где же черпать этот материал, как не в краеведении? Вот на каждом шагу ощущаешь необходимость того, чтобы всю нашу работу пропитало всестороннее знакомство с краем».

Исключительное значение имела краеведческая деятельность для изучения прошлого и развития национальной культуры народов Российской Федерации: и для освоения уже имевшегося письменного и иного культурного наследия, и для оформления письменности там, где ее еще не было, и для создания первых учебников, для укрепления дружбы между народами (об этой стороне краеведческой работы уже тогда писали академики Н.Я. Марр, А.Н. Самойлович и др.).

Деятельность краеведов 1920-х годов имела немалое значение для развития науки, способствовала подъему уровня интеллектуальной жиз-

* В работу общества было вовлечено много московских интеллигентов разных поколений: из историков — А.В. Арциховский, С.В. Бахрушин, М.М. Богословский, С.К. Богоявленский, А.М. Васнецов (художник был выдающимся знатоком древней Москвы), С.Б. Веселовский, В.А. Городцов, Ю.В. Готье, Н.М. Дружинин, Б.Б. Кафенгауз, М.К. Любавский, С.А. Никитин, И.И. Полосин, К.В. Сивков, М.Н. Тихомиров, Л.В. Черепнин, филолог А.И. Соболевский, экономист А.В. Чаянов. В протоколах немало данных, интересных для изучения их творчества, в том числе тексты и тезисы докладов и выступлений в прениях.

ни провинции, просвещению широких слоев народа и в то же время приобщала к социалистическому строительству старую интеллигенцию *. Так сохранялись и использовались и культурное наследие и культурные кадры, формировались новые традиции культуры и народного образования. И становится совершенно очевидным, что проблемы места краеведения в научной и общественной жизни России 1920-х годов заслуживают явно большего внимания, чем то, которое им уделялось еще в самое недавнее время. Ознакомление с опытом краеведения тех лет важно и для возрождения краеведения сегодня, в новых, более демократических условиях нашей общественной жизни.

Еще в меньшей степени изучены и осмыслены причины разгрома краеведения в конце 1920-х годов. А произошло это отнюдь не случайно.

С организацией краеведческой работы в общегосударственном масштабе выявились и тенденции направить краеведение в заранее предусмотренное русло и свести его к удовлетворению насущных хозяйственных нужд. Постепенно со второй половины 1920-х годов усилилось и стремление к откровенной политической идеологизации работы краеведов (особенно в сферах просветительной и образовательной). Это прослеживается и в выступлениях на конференциях видных государственных и партийных деятелей, и в том, что к руководству краеведением (которое ранее было доверено С.Ф. Ольденбургу и подобранным им специалистам) пришли лица, имевшие преимущественно опыт партийной или государственно-аппаратной работы. Но особенно губительные для судеб краеведения события произошли в 1929—1930-х годах, когда многие краеведы были арестованы, другие отстранены от любимой ими деятельности; и историко-культурное краеведение, как «гробокопательско-архивное», призывали ликвидировать, объявляя, что «с историей мы Историю не сделаем».

Чего только краеведам тогда не приписывали: идеализацию буржуазно-помещичьего строя и проведение этой «идеологии под флагом сохранения памятников старины». В аннотации к брошюре «Против вредительства в краеведческой литературе» читаем: «...Эти буржуазные контрреволюционные историки-краеведы умышленно ушли от революционных, близких нам тем, ушли из истории классово-борьбы, чтобы на узких темах истории уездов, районов и областей продолжить путь для замаскированных, антипартийных выступлений». В книге С.П. Толстова утверждалось, что «в Ленинграде вокруг Академии наук группируются наиболее реакционные черносотенные элементы в краеведении, продолжает культивироваться заложенное за много десятилетий до революции архивно-археологическое краеведение, проникнутое идеологией русской великодержавности», а в Москве «оформляется кулацкое, меньшевистско-эсеровское краеведение»¹⁰. Краеведов обвинили в попытке организовать заговор вместе с академиками-историками («дело» академиков С.Ф. Платонова, Е.В. Тарле, М.К. Любавского, Н.П. Лихачева и др.), в связях с учеными-экономистами А.В. Чаяновым, Н.Д. Кондратьевым,

* С.Ф. Ольденбург хорошо выразил это в неопубликованной статье «О понимании краеведения»: «Краеведение — это та школа жизни, из которой человек не должен уходить до конца своих дней, это та школа непрерывно сознательного отношения ко всему окружающему, учениками которой мы хотим видеть всю народную массу: и крестьянина, и рабочего, и красноармейца, и советского служащего, не исключая и ученого»⁹.

объявленными врагами советской власти, в организации сети антисоветских заговорщиков по всей стране...

Сейчас мы уже знаем, по опубликованным воспоминаниям Н.П. Андиферова, по архивным материалам (тюремным записям и письмам В.И. Смирнова, воспоминаниям С.Д. Яхонтова, документам следствия над костромскими и воронежскими краеведами и др.), чего и как от них добывались. (Вероятно, это была и своеобразная проверка степени действенности следственной методики, ставшей через несколько лет общепринятой едва ли не повсеместно.) Но ясно и то, что суть не в этих надуманных обвинениях и толкованиях их в «обличительной» литературе.

Так почему же вслед (или одновременно) с видными инженерами (процессы «шахтинский», «Промпартии» и др.), священнослужителями, а затем и огромной массой крестьян и казаков стали преследовать именно краеведов? Почему именно они, сравнительно небольшая группа местной и столичной интеллигенции, объявлены были «вредителями», стали разом и повсеместно жертвами режима?

Дело в том, что краеведческие общества, вообще работа краеведов была выражением демократической самодеятельности, восходящей иногда к традициям дореволюционным, даже земским. Приобщение к знаниям происходило зачастую минуя официальные каналы и в обход унифицированных методик и обязательных «руководящих указаний». Это одно уже не соответствовало новым веяниям, порожденным обстоятельствами, характерными для периода культа Сталина и бюрократизации нашей общественной жизни.

Более того, когда стремились все нивелировать, краеведы почитали своим долгом выявлять своеобразие. Всем опытом своего дела, опытом истории своего края предостерегали от попыток унификации приемов хозяйствования без учета местных особенностей — природных и социальных, выверенных опытом обычаев. Массовая насильственная колхозизация не могла не повлечь гибели знатоков особенностей местной сельской жизни. Наступление на промысловую кооперацию не могло не оказаться губительным для тех, кто эти промыслы изучал и пропагандировал. Массовое разрушение старинных и особенно церковных зданий влекло за собой и наказание тех, кто видел в них памятники культуры и истории и боролся за их сохранение, утверждал идеи исторической преемственности.

В то время, когда насильственно старались разобщить общество, внушая мысль об обострении классовой борьбы в стране, краеведы стремились увлечь общей культурной работой людей разных поколений, разного социального происхождения, разного уровня образованности. В годы повсеместных миграций все нацелено было на отрыв массы населения от своих корней, обесценение в ее представлениях исконных корневых связей. А краеведы, напротив, свои силы прилагали к тому, чтобы эти корневые связи не только не порушились, а становились источником дальнейшего роста культуры на местах, связывали с этим экологическое образование и нравственное воспитание и делали это доходчиво, действительно, самоотверженно.

И потому разгром краеведения тех лет, шельмование краеведных традиций той поры и тесной взаимосвязи с академической наукой (особенно историко-культурной и экономико-географической) отнюдь не ка-

жется случайным. Краеведческое движение 1920-х годов слишком отлично было от утверждавшегося стиля командно-административной системы. Это препятствие все более укреплявшейся сталинщины, особенно при неприязни Сталина и его подручных к интеллигенции, следовало устранить, как полагали тогда, одним из первых. Для краеведения то, что теперь называем «37-м годом», наступило еще в 1929—1930 гг. Но последующие массовые кровавые репрессии заслонили этот сравнительно малого масштаба эпизод от глаз историков.

Ущерб, нанесенный работе краеведов, еще более стал ощутим в середине 1930-х годов, когда ликвидированы были оставшиеся краеведческие организации, закрыты многие музеи, и репрессии коснулись более молодых специалистов, в частности тех, кто занимался изучением истории революционного движения и, по почину М. Горького, подготовкой изданий по истории фабрик и заводов. Краеведение оказалось отодвинутым от основной колеи научных исследований, оторгнуто и от активной общественной жизни.

И лишь теперь становится яснее, что разгром краеведения — трудно поправимый урон нашей нравственной культуре, что история краеведения — существенная сфера науки и общественной жизни и что без ее освещения история и отечественной культуры, особенно «народной культуры», и политического бытия общества будет далека от полноты.

¹ Особенно см.: *Филимонов С.Б.* Краеведение и документальные памятники (1917—1929 гг.). М., 1989; *Он же.* Историко-краеведческие материалы архива обществ по изучению Москвы и Московского края. М., 1989. Обе книги с предисловиями и под редакцией С.О. Шмидта.

² Памятники отечества. 1989. № 1. С. 12—18; Знание — сила. 1988. № 11. С. 66—75; Родина. 1989. № 4. С. 70—71; Известия. 1988. 5 сентября («Помни об отчем доме») и др.

³ *Ионова О.В.* Создание сети краеведческих музеев РСФСР и первые десять лет Советской власти // Тр. научно-исследовательского института музееведения. М., 1957. Вып. 1.

⁴ Звезда. 1989. № 4. С. 117.

⁵ *Шмидт С.О.* К истории архивного строительства в первые годы Советской власти // Проблемы архивоведения и истории архивных учреждений. Л., 1970. С. 27—28; см. также: *Он же.* Привлечение интеллигенции к советскому архивному

строительству // Интеллигенция и революция. XX век. М., 1985.

⁶ *Филимонов С.Б.* Обзор архива М.И. Смирнова // АЕ за 1971 год. М., 1972; см. статьи о краеведах: Памятники Отечества. 1989. М., 1989. Вып. 1.

⁷ *Враская О.Б.* Архивные материалы И.М. Гревса и Н.П. Анциферова по изучению города // АЕ за 1981 год. М., 1982; *Лихачев Д.С.* Добрый язычник (О Н.П. Анциферове) // Памятники Отечества. 1989. № 1; Анциферовские чтения. Л., 1989.

⁸ *Иванова Л.В.* Общество изучения русской усадьбы // Памятники Отечества. 1989. № 1. С. 50—55; *Шмидт С.О.* Роль музееведения в развитии отечественного краеведения // Краеведение Москвы. М., 1990. С. 7—16.

⁹ *Станюкович Т.В.* Деятельность С.Ф. Ольденбурга в области музееведения и этнографии // Сергей Федорович Ольденбург. М., 1986. С. 86—87.

¹⁰ *Толстов С.* Введение в советское краеведение. М.; Л., 1932. С. 35.

А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ НА РУБЕЖЕ ЭПОХ *

Организация заседания памяти академика Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского — несомненное свидетельство того, что творения выдающегося историка-мыслителя начала XX в. возвращаются к нам. И не только как почтенная классика славного историографического наследия, которой должно гордиться, но вовсе не обязательно использовать в повседневном обиходе науки и культуры. Сотворенное Лаппо-Данилевским все в большей мере воспринимается как необходимая составная часть нашего сегодняшнего знания, важная в практической деятельности исследователей и в преподавании.

Это — показатель изменений и климата общественно-политической жизни (очевидного и по многим иным наблюдениям) и представлений о самом предмете «историография» и критериях подхода к историографическим явлениям. Ныне расстаются с насильственно навязанными (еще со времен М.Н. Покровского) политизированными революционно-идеологическими оценками; постепенно высшим приоритетом становятся общечеловеческие ценности. И потому отнюдь не случайно совпадение во времени возвращения к нам столь, казалось бы, разных историков, к тому же разделенных несколькими поколениями, как Карамзин и Лаппо-Данилевский. Воспитание историей начинают рассматривать как нравственное воспитание, обращение к совести. В «Истории государства Российского» привлекает откровенная нерасторжимость объективности (уважение к историческому факту, к свидетельствам исторического источника, к истине в истории) и субъективности — личного отношения к прошлому (Карамзин «ликует и скорбит» вместе с читателем и сам показывает ему взаимосвязь прошлого с настоящим, обращаясь к общечеловеческому, «к душе, уму и сердцу»). Лаппо-Данилевский же ведет нас к овладению почти математически-нейтральными приемами точного исследования. А это в век науки о науке, когда ознакомление с лабораторией исследовательского процесса кажется зачастую не менее интересным и привлекательным, чем познание его конкретного результата, воспринимается тоже как общечеловеческая ценность; и в приобщении к подобным методам научной работы усматривают путь к исторической правде.

Еще недавно историографию, т. е. историю исторической науки (даже исторической мысли) сводили прежде всего к конструкции типа концепций исторического процесса в целом (или какого-то его периода, какой-то его сферы — экономической, государственно-политической и др.) или истории одной страны (народа), чаще всего России. При этом акцентировали внимание на общественно-политических воззрениях (или даже практической деятельности) автора, отражение чего жестко усматривали и в его философских, этических, эстетических взглядах и суждениях. И все это окрашивалось в цвета классово-партийной борьбы (история общественной мысли как «процесс борьбы реакционных и революционных те-

* Вступительное слово на заседании Археографической комиссии РАН памяти А.С. Лаппо-Данилевского. Публикуется в кн. «АЕ за 1994 год» вместе с другими материалами этого заседания.

чений»¹⁾, к тому же обычно без учета оттенков, а также возрастных изменений взглядов. От сфер социальной психологии, этики, эстетики, теории познания историографию, как правило, отгораживали.

И автор лучшей и по сей день книги обобщающего типа по русской историографии Н.Л. Рубинштейн был осужден неинтеллигентной частью своих же коллег историков вовсе не только за то, что подлежало обличению в ту недобрую пору борьбы с космополитами, но и за недоступную этим «коллегам» широту историографического и науковедческого кругозора, за стремление к отображению мысли историка в развитии, многообразии и во взаимосвязи с иными сферами науки и культуры. В книге Рубинштейна 1941 г. «Русская историография» сведениям о Лаппо-Данилевском отведено сравнительно мало текста, но отмечено, что он «выделяется в ряду историков рассматриваемого периода исключительной широтой и разносторонностью своей эрудиции, тематическим охватом своих работ» и занял видное место в развитии русского источниковедения «созданием специальной дисциплины — дипломатики частных актов, непосредственно возникающей в процессе изучения соответствующего документального материала». Указано и на то, что риккертское понятие «абсолютных ценностей» приобрело у русского мыслителя «этико-религиозный характер» и рассматривается в контексте истории всего человечества. Приводится и цитата из апологетического по существу сочинения близкого к Лаппо-Данилевскому А.Е. Преснякова²⁾.

В позднейших учебниках историографии (1961 г. и 1971 г.), в написанных И.К. Додоновым разделах обоих изданий соответствующей тематики кратко пересказывается отмеченное еще Рубинштейном о трудах собственно исторической тематики и главное внимание сосредоточивается на противопоставлении взглядов идеалиста Лаппо-Данилевского теории марксизма-ленинизма. При этом указывается, что они «являются ярким проявлением глубокого идейного упадка буржуазно-дворянской исторической мысли периода империализма»³⁾.

В 1949 г. в № 8 журнала «Вопросы истории» напечатали тенденциозную статью «А.С. Лаппо-Данилевский — буржуазный историк и источниковед» Л.В. Черепнина. Этот большой ученый, безусловно, испытал плодотворное воздействие трудов Лаппо-Данилевского, что явно заметно в его знаменитой монографии о феодальных архивах и, судя по отзывам слушателей, выявлялось и в лекционном курсе по источниковедению в МГИИАИ — да иначе и быть не могло в те годы, когда там кафедрой вспомогательных исторических дисциплин заведовал А.И. Андреев, ибо одним из поводов вынужденного ухода его с кафедры (как и Черепнина) была попытка организовать научное заседание в связи с памятной годовщиной кончины Лаппо-Данилевского. Черепнина вынудили написать статью в обличительном стиле того времени, где характеристика общественных взглядов, оцениваемых, согласно официальной точке зрения, как ущербные, распространялась и на методологию и даже методику исследований петербургского ученого. Не смеем осуждать Льва Владимировича. Знаем — теперь даже на основании судебной документации — как жестоко и несправедливо он пострадал в молодые годы, в период преследования историков по сфабрикованному «делу» академика С.Ф. Платонова и других ученых и какой страх испытывал от мысли, что подобное может повториться. Значительно позднее, утвердив уже званием академика свое по-

ложение в отношении к властным структурам и делая немало доброго для восстановления имен, вычеркнутых из истории советской исторической науки, Л.В. Черепнин рассуждал об этом в статье 1973 г. Стараясь отмежеваться от напечатанного им в конце периода сталинского правления, Черепнин заметил, что «недостатком статьи» 1949 г. был «односторонне негативный характер», а на приемы критики «наложили отпечаток» направленность и формы проводимых тогда научных дискуссий⁴. Однако именно эта статья авторитетного ученого, включенная в программы по историографии и рекомендательные списки учебной литературы, предопределяла почти тридцать лет оценочные характеристики места Лаппо-Данилевского в науке и в общественной жизни.

Соответствующей тематики главы III тома «Очерков истории исторической науки в СССР», изданного в 1963 г., т. е. после XX съезда КПСС, написаны авторами, близко знакомыми с творчеством Лаппо-Данилевского (Л.В. Черепниным, С.М. Каштановым). И в книге обнаруживается стремление показать как бы две стороны облика Лаппо-Данилевского: в плане философии истории это не дошедший до позитивного осмысления марксизма, противостоящий ему мыслитель и уже по одному тому неприемлемый для нашего мировоззрения; и в то же время исследователь-источниковед, обосновывавший существенно важное для всех в методике источниковедения и археографии. То же прослеживается в статье о Лаппо-Данилевском В.И. Буганова в вышедшем в свет в 1965 г. томе «Советской исторической энциклопедии». И помнится, как настороженно и недоброджелательно встречали многие попытки переоценки научного значения трудов Лаппо-Данилевского и А.А. Шахматова и для их времени и для наших дней в статьях (Б.Г. Литвака, С.О. Шмидта) сборника 1969 г. «Источниковедение: теоретические и методические проблемы», хотя это была еще достаточно робкая попытка, оснащенная к тому же для самообороны щитом цитат из сочинений классиков марксизма-ленинизма. В статьях сборника утверждалось, что «на закате буржуазной историографии в России мы наблюдаем настоящий расцвет источниковедения» и «предубеждение к источниковедческим приемам Лаппо-Данилевского» идет от непонимания того, что техника исторического исследования развивается по законам преемственности не идеологической, а познавательной, и конкретное источниковедение сравнительно независимо от методологии. Отмечалось также, что вульгарно-социологические искривления в статьях конца 1940 — начала 1950-х годов «вели к недопониманию и недооценке роли выдающихся отечественных источниковедов в развитии мирового и отечественного источниковедения...»⁵

Однако постепенно интерес к творчеству и биографии Лаппо-Данилевского усиливается, и официально этому уже не противостояли. В изданной в 1976 г. VIII книге ежегодника «Вспомогательные исторические дисциплины», редактируемого С.Н. Валком, неизменно преданным памяти своего Учителя, напечатали статью Г.И. Греховой «Эпистолярное наследие А.С. Лаппо-Данилевского»; появились статьи томского исследователя Б.Н. Хмылева и других авторов; имя Лаппо-Данилевского, ссылок на его сочинения все чаще встречаем и в трудах исследовательского типа и в учебной литературе. К 1980-м годам возобладали более многосторонние и, соответственно, объективные оценки трудов Лаппо-Данилевского и его

роли в развитии источниковедения (это отмечено в обзоре литературы 1960—1984 гг., составленном И.Л. Беленьким) ⁶. Издали наконец (под редакцией А.И. Клибанова) и первую часть исследования «История политических идей в России XVIII в. в связи с развитием ее культуры и ходом ее политики» под заголовком «История русской общественной мысли и культуры XVII—XVIII вв.».

Возвращается историографии и образ исследователя, учителя, общественного деятеля, запечатленный его коллегами, — и сверстниками и учениками. Тем самым обогащается и представление о путях развития нашей историографии в 1910—1920-е годы. Встает задача творческого освоения этого снова пришедшего к нам достояния и включения его в выработанную уже систему понятий и о движениях исторической мысли и о составе материалов, подлежащих использованию в нашей преподавательской деятельности (в областях и отечественной истории, и историографии, и источниковедения и иных — истории философии и социологии, исторической психологии, культурологии и др.), а следовательно, и определения места в иерархии ценностей, в шкале имен выдающихся мыслителей и исследователей.

Можно наметить уже сейчас, хотя бы контурно, проблематику некоторых разделов в предстоящем изучении творчества и биографии Лаппо-Данилевского и написанного об ученом современниками.

Прежде всего надлежит выявить все, относящееся к творчеству самого Лаппо-Данилевского и к тому, что определяем термином «научная школа Лаппо-Данилевского», а также обращение к творческому наследию ученого. А это не только историографические факты, когда откровенно признавалась связь с построениями и практической методикой Лаппо-Данилевского (или даже зависимость от них), но и такие случаи, когда уже нашим современникам приходится обнаруживать воздействие тех или иных творческих новаций именно А.С. Лаппо-Данилевского на труды других ученых. Работа эта облегчается наличием подготовленного под редакцией А.И. Андреева издания «Материалы для биографии А.С. Лаппо-Данилевского», вышедшего в 1929 г. в академической серии «Очерки по истории знаний» (выпуск VI). Первоочередная задача в этом плане — аннотирование кратких сведений издания, сопоставление имеющихся там данных с выявленными эпистолярными источниками и другими материалами и пополнение перечня напечатанных работ о Лаппо-Данилевском, опубликованного в книге 1929 г. (позднейшая из них по времени издания датирована там 1922 годом).

Это — обязательное условие и для разработки плана подготовки собрания сочинений Лаппо-Данилевского (и даже избранных его трудов) и для организации и осуществления применительно к Лаппо-Данилевскому и его научной школе исследований, связанных с представляющими многосторонний интерес проблемами: «Ученый-историк в системе научных коммуникаций», «Ученый-историк в сфере культуры», «Ученый и современное ему общество». Важно при этом изучать и «научные заготовки», выписки из работ других авторов, фрагменты и черновики его сочинений. Так появится дополнительный материал для ответа на вопросы о степени оригинальности построений (философских, социологических, культурологических, собственно исторических и т. д.) Лаппо-Данилевского и в то

же время о степени зависимости его от трудов других мыслителей, в частности модных в ту пору немецких философов.

Полагаю, что перед нами могут раскрыться едва ли не планетарные масштабы личности ученого и осмысливаемого им, допускающие сравнение с жизнью и творчеством его великого сверстника (историк старше его на полтора месяца) и близкого знакомого — естествоиспытателя и философа академика Владимира Ивановича Вернадского (к работе такого направления, насколько известно, приступила омская исследовательница В.П. Корзун). Несомненна близость общественно-политических воззрений обоих академиков и в 1905—1917 гг. и в послереволюционное время. Обоим свойственна и особая чуткость восприятия происходящего в обществе и осознание того, что долг ученого и гражданина — не оставаться в стороне от общественной жизни и четко выражать свои позиции публично¹. Оба глубоко преданные своим научным изысканиям, живущие в постоянном напряжении ищущей исследовательской мысли, они были в то же время умелыми, инициативными организаторами науки, с охотой и явной заинтересованностью отдававшими время и силы подобной работе. Это было для них, очевидно, и проявлением долга ученого перед Отчиной.

Еще в большей степени ощущали они это, оказываясь на открытом всеобщему обозрению форуме всемирной науки. Интернационалисты по убеждению, всесторонне европейски образованные, оба российских академика воспринимались за рубежом как принадлежащие к самой избранной элите ученых и в то же время всегда чувствовали себя российскими патриотами, обязанными достойно своей Родины представлять Россию на мировом Олимпе наук: Лаппо-Данилевский был занят организацией съезда Международной ассоциации академий, деятельно участвовал в работе международных съездов историков, был председателем Исполнительного комитета по организации такого съезда в Петербурге в 1918 г. и мыслился, естественно, как его руководитель.

Творчество обоих ученых характеризуется и, так сказать, методическим интересом к наукам не своего спектра (Вернадского к гуманитарным, а Лаппо-Данилевского к математике и к естественным). Оба прославились созданием новых направлений, отраслей в конкретных сферах научного знания, новых прикладных научных методик и в то же время новизной широкого философского осмысления проблем, ранее не изученных или даже и не открывавшихся еще умственному взору их предшественников.

И в судьбе сотворенного ими, в его восприятии тоже много общего — сделанное обоими учеными в конкретных областях науки было очень скоро признано и высоко оценено, а великие откровения их в сфере философии, миропознания — отнюдь не сразу должным образом поняты. Труды Лаппо-Данилевского в области методики археологии и источниковедения были еще при жизни его восприняты как выдающееся достижение, а затем учениками его внедрено в сознание последующих поколений, хотя и не всегда решались при этом называть его имя, ибо методические приемы и обоснования Лаппо-Данилевского оказались наиболее результативными и удобными в работах, имеющих прикладные цели (прежде всего при описании и научной публикации рукописей, периода феодализма и новейшего времени).

Но если философское наследие Вернадского теперь уже относят к

вершинным достижениям мысли, опираются на него в суждениях и о современности и о будущем, то наследие Лаппо-Данилевского ожидает, по существу, только еще первичного освоения и сравнительно широким кругом ученых, и научной молодежи. И потому следует всячески поддержать замысел профессора О.М. Медушевской, намеренной со своими сотрудниками и учениками подготовить новое, с использованием и архивных материалов, академического типа издание «Методологии истории» и близких к этой книге других сочинений Лаппо-Данилевского. Убеден в том, что и Лаппо-Данилевского станут называть в ряду наших великих российских философов начала века, тем более, что для него существовавшим был религиозно-этический момент и российские история и духовность воспринимались им как часть всемирного бытия.

Сделанное Лаппо-Данилевским в историко-философском плане, в области методологии как бы заслонило значение его конкретно-исторических исследований, всегда новаторских и по тематике, и по источниковой базе, и по выводам. Не усмотрели и новаторства историко-социологического (в 1890 г., ранее трудов немецких ученых) — акцентирования интереса на «функционировании установившейся системы» (в конкретном случае — организации налогового обложения). Монографии Лаппо-Данилевского по истории России XVII—XVIII вв. сразу обратили на себя внимание и историков-профессионалов, обеспечив ему столь раннее избрание академиком, и тех, кто серьезно изучал прошлое в поисках путей преобразования настоящего (известно, к примеру, об интересе к книге «Организация прямого обложения в Московском государстве» виднейшего марксиста 1890-х годов Н.Е. Федосеева). Но сочинения эти казались слишком «основательными» по исполнению и специальными по тематике, чтобы привлечь так называемую широкую публику (подобно книгам и статьям В.О. Ключевского, П.Н. Милюкова, С.Ф. Платонова); лекционный курс по отечественной истории широко не тиражировался, сборники статей ученого не были подготовлены к печати. И едва ли не потому в историографических «обзорах», обязательных для обобщающего и учебного типа трудов о важнейших явлениях отечественной истории, почти никогда рядом с суждениями других видных историков не приводятся мнения Лаппо-Данилевского — в том нетрудно убедиться, обратившись к указателям имен в таких изданиях. После статьи А.Е. Преснякова в сборнике памяти ученого «Труды А.С. Лаппо-Данилевского по русской истории», кажется, по этой тематике так ничего и не опубликовано.

Наконец, стали уже обращаться к наследию Лаппо-Данилевского в тех областях науки, которые можно назвать «источниковедением историографии» и «историографией историографии» (т. е. историей изучения самой науки историографии). Здесь прежде всего необходимо с признательностью упомянуть Р.А. Кирееву, автора книги «Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г.» (М., 1983). Однако преимущественное внимание исследовательница обратила на труды более или менее широкой историографической проблематики. Между тем у Лаппо-Данилевского написано и опубликовано много чрезвычайно важного в плане собственно источниковедения историографии. И.М. Гревс заметил, что и «многочисленные характеристики выдающихся деятелей исторической науки и соседних наук, русских и иностранных» (представления в академию кандидатов в академики

и члены-корреспонденты, «некрологические заметки») — «очень важный источник ознакомления с идеями и мышлением» Лаппо-Данилевского⁸. Эти труды ученого, кажется, еще не рассматривались в своей совокупности и как памятник общественного сознания его эпохи.

Больше всего отмечалось сделанное ученым в области источниковедения, и прежде всего дипломатики (в трудах С.М. Каштанова и других историков Москвы и Ленинграда) и археографии. Особенно явственно обнаруживается обращение к наследию Лаппо-Данилевского на протяжении всей долгой творческой жизни его ученика С.Н. Валка. Ссылки на «Методологию истории» — в трудах его об источниках и периода средневековья и нового времени. Это не только рецензии на труды Лаппо-Данилевского (краткая 1920 г. и исследовательского типа 1922 г. на книгу Лаппо-Данилевского «Очерки русской дипломатики частных актов»; исследовательского же типа «историографические заметки» о «Сборнике грамот Коллегии экономии» 1924 г. и др.), но и постоянное просвещение, воспитание историков (и конкретно историков-архивистов) взглядами Лаппо-Данилевского. Так, характеризуя в 1922 г. мемуары революционеров-народников и указывая на то, что «критика мемуарных показаний тождественна критике свидетельских показаний вообще», Валк замечает: «...Эти принципы получили освещение в литературе, и здесь именно русская литература может гордиться, ибо ни немецкая, ни французская не обладает таким обстоятельным, систематическим и тонким их изложением, какое дано Лаппо-Данилевским»⁹. И в приемах своей работы — и теоретической и практической — по подготовке изданий Декретов Советской власти и сочинений В.И. Ленина, а затем и сочинений М.М. Сперанского, т. е. памятников XIX—XX вв., Валк опирался прежде всего также на авторитетные для него суждения Лаппо-Данилевского. Формулировки и наблюдения своего Учителя Валк имел в виду и в последних теоретико-методических статьях, напечатанных в «Археографических ежегодниках». Он считал своим долгом ученика написать специальный труд о Лаппо-Данилевском — археографе (и я по его просьбе выявлял документы такой тематики в РГАДА), но труд остался незавершенным. Характеристика этой работы — в статье А.И. Копанева «Археографическая деятельность А.С. Лаппо-Данилевского в освещении С.Н. Валка», напечатанной в 1978 г.¹⁰. В последующее время немало сделано в этом плане С.В. Чирковым. Полезно было бы подготовить обобщающего характера труд (быть может, даже коллективный) о Лаппо-Данилевском как археографе и архивисте и о взаимосвязи в его творчестве такой проблематики с источниковедением и историографией. В книге о Лаппо-Данилевском подобной направленности желательным было бы охарактеризовать и его личную исследовательскую работу изыскателя, публикатора, комментатора документов и создателя методики их изучения и издания, и его научно-организаторскую деятельность как инициатора и руководителя подготовки изданий актов, памятников законодательства и сочинений М.М. Сперанского, и его руководящую роль в формировании школы археографов-источниковедов, и его стремление повысить уровень научной работы губернских ученых архивных комиссий и Русского исторического общества, и значение его авторитета и инициативы в организации Союза российских архивных деятелей и в определении направлений и конкретных задач его работы.

Ныне заметно все более углубленное изучение творческого наследия и знаменитых современников Лаппо-Данилевского, исследовавших прошлое России и других стран: переиздаются их труды, публикуются книги и статьи об их жизни и творчестве. И становится все очевиднее несостоятельность утверждений об упадке российской исторической науки в предреволюционные десятилетия, а также тенденциозно-одностороннего истолкования именно в этом духе понятия «кризис исторической науки». Возражения против подобных суждений вызвали прежде протест на заседаниях Научного совета по истории исторической науки при обсуждении III тома «Очерков по истории исторической науки» и на кафедре Московского университета. Теперь же и в Институтах Академии наук и в Московском университете в работах подобной тематики обнаруживаем совсем иной спектр оценок. Так не пора ли пойти еще дальше? В наши дни закрепляются в сознании (даже в учебных пособиях для средней школы) представления о некоторых явлениях российской культуры тех лет как о факторах всемирно-исторического значения (поэзия Серебряного века, нравственно-религиозные сочинения философов и политологов, новаторство в театре, музыке, живописи). Убежден в том, что имеются основания распространить подобные оценки и на труды выдающихся российских ученых гуманитариев, историков и филологов. Так, видимо, оценивали деятельность и творческий потенциал наших соотечественников и зарубежные историки, планируя созыв очередного Всемирного конгресса историков в России в 1918 г.

Наконец, открылась возможность в полный голос говорить и об общественно-политической деятельности ученого. Это существенно для познания не только биографии Лаппо-Данилевского, но и общественных настроений близких ему по взглядам и ожиданиям кругов интеллигенции, прежде всего либеральной профессуры кадетского толка. Политические взгляды Лаппо-Данилевского были далеки от воззрений социалистов, и он выделялся среди академиков особой активностью в конце 1917 г., отстаивая право независимости Академии наук от советской власти. А переживания, вызванные событиями первых послереволюционных лет, ускорили его кончину. Об этом сказал даже осторожный в выражениях неперемный секретарь Академии наук С.Ф. Ольденбург, закончив статью памяти своего друга словами: «...Уверен, что и те, кто теперь сомневаются, поймут, наконец, какой великий искус выдерживали и выдерживают русская наука и русский ученый, поймут и научатся уважать и ценить их, и не будет тех ненужных, бессмысленных жертв темноты и невежества, жертв лучшими жизнями страны, тех жертв, одною из которых явился ты»¹¹. А многолетний ближайший друг обоих — и Лаппо-Данилевского и Ольденбурга — со студенческих лет И.М. Гревс писал еще откровеннее. Отмечая активность Лаппо-Данилевского в 1917 г., когда тот поддерживал опыт Временного правительства и «ему хотелось... спасти родину и честь, сохранить культуру, организуя свободу», он противопоставляет этому происходившее в последующее время «в жизни русской земли», погрузившее Лаппо-Данилевского в «жестокую муку»: «Может быть, смерть его, неожиданная и преждевременная, явилась протестом против совершавшегося, разливавшегося кругом зла, мрака, невежества, хаоса, насилия, кровополития...»¹².

Очевидно, воздействие самой Личности Лаппо-Данилевского на тех, перед кем он раскрывал себя, было столь необычно и велико, что они сочли важным и сказать и написать об этом. В 1920 г. вышел в свет сборник «Памяти академика А.С. Лаппо-Данилевского» — книга шестая «Русского исторического журнала»; появились статьи в периодических изданиях и уже в 1922 г. небольшая книга А.Е. Преснякова в «Биографической библиотеке» петроградского издательства «Колос».

Известны вышедшие в канун революционных событий сборники статей памяти выдающихся старших современников ученого академиком В.О. Ключевского, М.М. Ковалевского. Там преобладают — и в статьях и даже в воспоминаниях — характеристики научного значения содеянного покойным в исследовании тех или иных проблем, лекторского мастерства, внешних моментов биографии, сторон публичной деятельности. В сборнике же памяти Лаппо-Данилевского, помимо этого, явно обнаруживается стремление попытаться отобразить мысль ученого в развитии, во взаимосвязи с окружающим его миром идей и людей, и, главное, воздействие ученого на души знавших его, влияние общения с ним на формирование образа мысли, даже образа жизни самого писавшего. В какой-то мере такой уклон обнаруживается лишь в сборнике, вышедшем одновременно¹³ и посвященном памяти Алексея Александровича Шахматова — тоже академика и тоже профессора Петербургского университета и также скончавшегося в значительной мере от обрушившихся и на него и на Россию испытаний. Эти два великих имени символизировали тогда представление о высочайшем профессионализме, о «высоком» образе ученого и человека, о высоком нравственном начале в ученом, когда он учил других примером своей жизни, своей мысли, своих действий, своего отношения к людям. (Если придавать слову «высокий» тот особый смысл, который вкладывали в него еще в первой половине XIX в. Пушкин и лица круга декабристов, это слова оценок и характеристик ими таких светлых личностей, как Карамзин и Жуковский.) И.М. Гревс нашел слова, выражающие такое восприятие Лаппо-Данилевского современниками: «...Потоки света сосредоточенно и напряженно пылали в нем и струились от него в различные стороны, живили его, живили его дело, живили учреждения, других людей, целые их группы...»¹⁴.

Воистину определяющим становилось духовное воздействие Лаппо-Данилевского на учеников — и старшего поколения (это явственно выражено в написанном А.Е. Пресняковым) и следующего за ним (особенно впечатляюще в этом плане воспоминания С.Н. Валка и Б.А. Романова). Молодежь, видимо, особенно поражало то, что ученый его эрудиции и напряженных постоянных размышлений и человек его общественного положения и подчеркнутой внешней сдержанности с таким неподдельно заинтересованным вниманием, с такой «прямой расположенностью» (выражение Б.А. Романова)¹⁵, с такой открытостью души общался с научной молодежью — он был и руководителем того знаменитого многолетнего семинария по дипломатике, который не покидали и после окончания университета, и студенческого исторического кружка и беседовал в дни журфиксов.

Для Валка Лаппо-Данилевский — как бы идеальное воплощение образа исследователя и учителя научной молодежи, человеческого в уче-

ном — и души и ума. (Портрет Лаппо-Данилевского неизменно висел над письменным столом ученика, рядом с портретами В.И. Семевского и А.Е. Преснякова.) И потому когда возникла печальная необходимость писать о самом Сигизмунде Натановиче, обдумывая вступительное слово на заседании его памяти в начале 1976 г.¹⁶, я обращался для характеристики ученика к его воспоминаниям об Учителе. А потом обнаружилось письмо-признание С.Н. Валка, переданное им в 1915 г. Лаппо-Данилевскому в связи с 25-летним юбилеем его преподавания в университете. Письмо из личного фонда академика опубликовано в книге «Избранные труды» С.Н. Валка. Там и о первом восприятии семинария (студентом третьего курса): «...На меня повеяло чем-то новым, сразу произведшим на меня необычное впечатление. Вместо рвущегося вперед порыва энтузиаста я здесь впервые увидел равнозначщее, по психологии своей глубоко отличное, однако, от него методическое стремление к новым научным приобретениям». Это и последующие впечатления «вели... к вере, что, научно работая, приобретаешь к чему-то самому великому в мире». А далее сказано и об «исключительной роли» Лаппо-Данилевского в его жизни, «нравственном» влиянии и поддержке, о личном обаянии, воспитании учеников «для науки»¹⁷.

Тем самым печатные и архивные свидетельства и о самом Лаппо-Данилевском и о его взаимоотношениях с коллегами и учениками обретают значение важного источника и при изучении проблем «учитель в вузе», становления и характерных черт «научных школ» и биографий других историков.

Этими замечаниями, конечно, не исчерпывается перечень возможных тем изысканий при обращении к материалам жизни и творчества Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского. И если совестливо и заинтересованно подойти к этому, то впереди радость длительной, обогащающей душу и ум работы.

1 Очерки истории исторической науки в СССР М., 1963. Т. III. С. 355.

2 *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. М., 1941. С. 484—485, 493, 502—504.

3 Историография истории СССР / Под ред. В.Е. Иллерицкого и И.А. Кудрявцева. 2-е изд. М., 1971. С. 382—383.

4 *Черепнин Л.В.* К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин // Источниковедение отечественной истории. М., 1973. Вып. 1. С. 51.

5 Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969. С. 54—55, 103—105.

6 *Беленький И. Л.* Разработка проблем теоретического источниковедения в советской исторической науке (1960—1984): аналитический обзор. М., 1985. С. 19—22. См. также: Сидельников Р.А. Проблемы методологии истории в университетских курсах А.С. Лаппо-Данилевского // Российские университеты конца XIX — начала XX в. Сб. научных статей. Воронеж. ун-т. 1993. С. 140—149.

7 Сравн. с данными, приведенными в статье академика А.Л. Яншина «Публицистика В.И. Вернадского» (Вестник РАН. 1995. № 11. С. 1008—1011).

8 РИЖ. Кн. 6. Пг., 1920. С. 79.

9 *Валк С.Н.* Избранные труды по археографии. СПб., 1991. С. 22—23.

10 Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1978. Вып. IX.

11 РИЖ. Т. 6. С. 180.

12 Там же. С. 81.

13 Известия ИОРЯС. Пд., 1920. Т. XXV.

14 РИЖ. Т. 6. С. 44.

15 Там же. С. 187.

16 АЕ за 1976 год. М., 1977. С. 289—296.

Текст этот стал основой статьи «С.Н. Валк и развитие археографической культуры» в книге С.Н. Валка «Избранные труды по археографии» (С. 335—345), перепечатанной затем в кн.: *Шmidt С.О.* Археография. Архивоведение. Памятниковедение: Сб. ст. М., 1996.

17 *Валк С.Н.* Избранные труды по археографии. С. 323—325.

АРХИВНЫЙ ДОКУМЕНТ КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК *

С расширением представления о сфере историографии и, соответственно, об ее источниковой базе все большее внимание исследователей этой проблематики привлекают архивные документы. Архивные документы признают теперь не менее важными для историографа, чем опубликованные тексты, и они стали восприниматься тоже как традиционные историографические источники. В России традиция обращения к архивным материалам в историографических трудах (особенно историко-культурного склада) восходит еще к монографиям М.П. Погодина о Н.М. Карамзине и Н.П. Барсукова о самом Погодине, т. е. к прошлому столетию.

К настоящему времени допустима уже попытка — на основании более чем двухсотдвадцатипятилетнего опыта введения в научный обиход архивных материалов историографического характера (если начинать с подготовленного Г.Ф. Миллером в 1768 г. издания «Истории Российской» В.Н. Татищева) — определить место архивных документов в многообразной источниковой базе российской историографии, охарактеризовать информационные возможности архивной документации в свете современных представлений о предмете «историография», об источниковедении историографии, выявить взаимопроникновение в этой сфере науки методики источниковедов, архивоведов, археографов.

Источниковедение историографии как отрасль исторического источниковедения — это наука об историографических источниках (следовательно, и о закономерностях их происхождения и развития), а также о приемах их выявления, изучения и использования в работе историографа. Как и всякое источниковедение, оно начинается источниковедением. Поскольку определения (дефиниции) «историография», «историографический факт», «историографический источник» и близкие к ним истолковываются неоднозначно, целесообразно предварительно объяснить, какой смысл вкладывается автором в эти понятия. Позволю себе это сделать, опираясь на обоснования в моих статьях прежних лет¹. Тем более что именно в таком направлении велась затем работа и моими учениками по Историко-архивному институту, а с конца 1960-х годов и в Археографической комиссии Академии наук.

В начале XX в. термин «историография» употребляли для обозначения и самой исторической науки, историоописания — как и во времена Н.М. Карамзина, которого пожаловали в Историографы для написания «Истории государства Российского». Так, С.Ф. Платонов в статье 1911 г. памяти В.О. Ключевского отмечал, что скончавшийся историк стоял «во главе русской историографии последних десятилетий»². К середине XX в. утвердились уже иные представления о смысле слова «историография»: это — совокупность трудов либо по определенной исторической тематике (например, историография истории крестьянства, истории эпохи Петра Великого, изучения декретов советской власти и т. д., т. п.) или обладаю-

* В основе статьи доклад на научной конференции: «Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе» (Москва, 21 дек. 1994 г.). Публикуется в сб. трудов ВНИИДАД. (С. 48—74).

Великого, изучения декретов советской власти и т. д., т. п.) или обладающих единством в национальном, общественно-политическом, теоретико-методологическом отношении (английская, дворянская, марксистская и т. д.), либо отрасль исторической науки — научная дисциплина, изучающая историю исторической науки, исторической мысли. Предмет с таким наименованием включен в учебные планы ВУЗов (появились и соответственно названные кафедры), в перечень специальностей, по которым защищаются диссертации.

К историографии, как и к истории других наук, применимы подходы и социально-философский (т. е. исследование динамики научного сознания в связи с развитием общества и общественного сознания), и философско-гносеологических (исследование мыслительных механизмов и структур, относительно постоянных для достаточно длительных этапов развития общества и его духовной культуры). Это предопределяет рассмотрение историографических сюжетов в теснейшей взаимосвязи и с явлениями общественной жизни, и с развитием научного мышления в сравнении с подобными фактами в развитии других наук, а также литературы и искусства. Подразумевается их изучение в связи с явлениями и современными им, и иного времени (более ранними или более поздними) — в синхронном и в диахронном планах, что позволяет заметить изменение отношения (и ученых специалистов, и широкой общественности) к тем или иным историческим фактам, событиям, лицам (а также к исследовательским приемам).

Историки исторической науки («историографы») изучают историю накопления исторических знаний, развития исторической мысли и методики исторического исследования, историю создания и бытования исторических трудов и биографии историков (ибо жизнь историка неотделима от его труда), влияние явлений общественно-политической жизни и культуры на творчество историков, воздействие исторической мысли на общественное сознание, историю научных учреждений и общественных объединений, развития исторического образования и распространения исторических знаний.

Уровень развития исторических знаний определяется не только числом историков и исторических трудов, но и числом их читателей и слушателей, не только накоплением исторических представлений, но и тем, как воспринимает их общество. Следовательно, историография — это и история изучения исторического процесса, и история проникновения знаний об этом в среду тех, для кого создаются исторические труды.

Историография — форма социального сознания; и историограф призван выяснять место «истории» (т. е. знания о прошлом и о взаимосвязи прошлого с настоящим и будущим, о взаимосвязи времен) в общественной жизни, в развитии науки, культуры. Интересно историографу и изучение отражения исторических представлений в памятниках общественно-политической мысли, художественной литературы и искусства, в разговорной речи.

При этом следует учитывать, что с повышением культурного уровня населения (а следовательно, и общеисторического образования) и с распространением исторических знаний (в наше время повсеместно и средствами массовой информации через газеты, журналы, радио, телевидение, кино и др.) растет интерес не только к истории, но и к ознакомле-

нию с приемами получения и закрепления исторических знаний и способами определения степени их достоверности. Тем самым обогащается и понимание возможностей и обязанностей исторической науки — а следовательно, и научного знания в целом — в формировании таких представлений в среде широкой общественности. В частности, знаменем времени (и у нас, и за рубежом) стало усиление внимания широкой публики к историческим памятникам и утверждение в общественном мнении понимания их общественной и культурно-исторической (и материальной) ценности³.

Возможности успешной работы исследователя, степень его приближения к исторической истине во многом предопределяются состоянием источниковой базы, а также знакомством с трудами предшественников. Пока не были открыты берестяные грамоты, трудно было говорить о распространении грамотности в Древней Руси, а открытие это позволило углубленнее понять и многие другие факты в истории культуры и общественной жизни той поры. В то же время хорошо известные еще столетие назад данные писцовых книг новгородских пятин и другой схожей документации только в наше время (в значительной мере благодаря достижениям современной вычислительной техники) удастся использовать с такой полнотой, как в работах коллектива по написанию многотомной «Аграрной истории Северо-запада России», возглавлявшегося А.Л. Шапиро, или в исследованиях по истории северного крестьянства, направляемых П.А. Колесниковым. Отечественную историю нашего века лишь с допуском к ранее недоступным материалам архивов и спецхранов библиотек стало возможным исследовать с научной объективностью. Состояние источниковой базы и уровень исследовательской техники — важные факторы развития исторической науки, ибо к исторической науке, как и всякой науке, нельзя подходить только в плане развития главных ее концепций и тем более усматривать в основе таких концепций лишь общественно-политические воззрения.

В то же время и само творчество историка и предпосылки обращения его к той или иной проблематике предопределяются современными ему особенностями развития исторических знаний (и фактологической базы науки, и исследовательской методики) и потребностями общественной жизни той поры. Взаимовлияние их и воздействие на историка при создании им своего труда несомненно (даже если оно и не самоочевидно для автора). Это отмечали и в середине XIX в., причем и первый историк России тех лет С.М. Соловьев, и публицисты революционно настроенных журналов. И потому датой создания исторического труда справедливее признавать не время его выхода из печати, а период его написания (хотя на последующее развитие науки и общественной мысли сочинение это может начать оказывать воздействие чаще всего лишь после печатной публикации).

Особенно это относится к монографиям, являющимся результатом многолетней работы (если не написания, то во всяком случае накопления и осмысления исторического материала). В монографиях важны не только основные выводы (а подчас, увы, лишь на них останавливают внимание в беглых обзорах, именуемых историографическими), но и наблюдения частного характера, основанные на длительном изучении и сопоставлении

разнообразных данных — и источников, и специальной литературы. Именно по таким наблюдениям можно с должной основательностью характеризовать исследовательские приемы ученого, оценить степень новаторства его научной методики, конкретно-исторических выводов. Между тем М.Е. Найденов в статье начала 1960-х годов «Проблемы периодизации советской исторической науки», пройдя мимо этих очевидных для всякого историка науки обстоятельств, отметил лишь дату выхода монографий, написанных в предвоенные и военные годы, и пришел к выводу, будто только в 1946—1956 гг. монографии «стали основной формой исследования» и, тем самым, десятилетие это должно оценивать как «наиболее плодотворное» в истории советской исторической науки⁴. Такое суждение направлено было к подрыву — в плане историографической проблематики — концепции XX съезда КПСС. И потому пришлось детально разобраться в этом вопросе, установив, что все названные в статье монографии были начаты, а иногда и завершены ранее 1946 г.⁵

Впрочем, иногда случается и так, что некоторые ранние по времени происхождения историографические источники приобретают «статус» первостепенного значения лишь в ходе последующего развития исторической мысли или ее организации. Это наблюдение относится к трудам основоположников марксизма-ленинизма в советские годы, даже к записям их, сделанным для себя, без какого-либо расчета на публикацию (например, хронологические выписки К. Маркса). Такие материалы, помогая изучению творческой лаборатории Маркса, Энгельса, Ленина, побуждали истинно даровитых ученых к исследованиям, имевшим существенное значение вообще для повышения уровня историко-методологических и собственно историографических штудий: некоторые из них, например, работа К.Н. Тарновского⁶ — образец текстологического и источниковедческого изучения архивного документа.

История исторической мысли — всегда движение (и не обязательно вперед, нередко зигзагами или вспять). И творчество каждого историка тоже. Всякий человек, даже с рано сложившимися нравственными, поведенческими, логико-мыслительными устоями, подвержен возрастным изменениям: «Бегут, меняясь, наши лета, меняя все, меняя нас», — заметил Пушкин. Накапливаются знания и житейский опыт и в то же время не остаются прежними возможности и способность восприятия нового, а следовательно, поднимается или, напротив, снижается уровень профессионального мастерства. На протяжении века ученого происходят изменения и в современной ему науке, и в общественно-политической ситуации окружающей его социокультурной среды. Все это, сознательно или даже независимо от стремления автора, находит отражение в его творчестве. Поэтому следует уточнять, к какому именно периоду жизни автора относится приводимое (а тем более негативно оцениваемое) его высказывание. И преимущественно архивные материалы (прежде всего дневниковые записи, письма) помогают выяснить, соответствуют ли иные публичные (печатные) высказывания действительным воззрениям или являются следствием политической конъюнктуры, желания обезопасить себя, особенно у претерпевших уже гонения — тюрьму, лагеря, ссылку (это относится, в частности, к тем возвращенным к работе ученым, которые были ранее арестованы по сфабрикованному «делу академика Платонова». И кстати, только архивные документы и начавшаяся научная публикация

материалов этого «дела» позволили представить саму картину его фабрикации).

Должно избегать и отождествления политических и научных взглядов историков. Этим грешили многие мыслящие вульгарно-социологическими категориями, например, лекция М.Н. Покровского «Борьба классов и русская историческая литература» 1923 г., в которой монархист Н.М. Карамзин был вовсе отлучен от науки; а также книги и статьи рубежа 1920—1930-х годов — времени политических преследований историков «старой школы» (напомним названия книг Г. Зайделя и М. Цвибак (1931 г.) «Классовый враг на историческом фронте: Тарле и Платонов и школы», С.А. Пионтковского (1931 г.) «Буржуазная историческая наука в России») и разгрома историко-культурного краеведения⁷. Сходная ситуация сложилась в исторической науке и к рубежу 1940—1950-х годов, когда ринулись разоблачать «ученых-космополитов», приписывая им приверженность буржуазной идеологии, и был организован цикл журнальных статей, направленных на научную дискредитацию классиков гуманитарной науки начала XX в., причастных к деятельности буржуазных политических партий и их верных учеников и последователей (статьи о А.А. Шахматове, А.С. Лаппо-Данилевском, А.Е. Преснякове, М.Д. Приселкове).

Именно историографу доверено определить оценку творчества историка (или научного коллектива) современниками и последующими поколениями, объяснить изменения в отношении к нему, происходящие с годами. При этом историограф должен быть серьезно знаком с «индивидуальным лицом эпохи» (выражение Д.С. Лихачева⁸), синхронной творчеству историка, и избегать механического перенесения на тот период нынешних шкалы оценок и системы общественных представлений. Нельзя упускать из виду то, что ученый, как и писатель, прежде всего — человек своего века. Потому-то В.Г. Белинский счел необходимым подчеркнуть это, когда писал даже о самом Пушкине: «Пушкин, не утрачивая в настоящем и будущем своего значения, как поэт великий, тем не менее был поэтом своего времени».

Постигнуть образ мысли прошедшего времени — сложнейшая задача на стыке исторической науки и психологии. Необходимо ведь выяснить и то, что отличало творение изучаемого автора от мыслей его предшественников, что нового он внес в науку именно своей эпохи, что, несмотря на дальнейший прогресс научного знания, сохраняет самостоятельное значение (т. е. для собственно науки истории, а не только историографии) и в последующее время. Методика, развитая Ю.М. Лотманом и его научной школой применительно к истории культуры, особенно в ее повседневном выражении, пока еще в недостаточной мере освоена историографами.

Существенно в плане собственно историографии и то, в какой форме находит себе выражение творчество историка, каково соотношение в работе разных историков, в литературе, посвященной той или иной проблематике макро- и микроформ, т. е. монографий и статей, какова доля в научной биографии историка трудов неисследовательского характера (например, учебных пособий, школьных учебников, лекций и статей в широкой прессе общеобразовательной направленности), а также исследований, относимых обычно к микротематике, например, к краеведной

(или, как теперь принято говорить, краеведческой). И не показатель ли это потребности ученого нести знания в среду широкой общественности, потребности, без понимания которой непросто правильно и полно представить личность историка, характер его общественного сознания? И в то же время развитие краеведения, где столь значительна роль лиц, не имеющих зачастую профессиональной научной подготовки, — разве не свидетельство тяги этой широкой среды к восприятию именно научного знания?

Представления об исторических традициях и системе историко-культурных ценностей не остаются неизменными. Причем наряду с позитивным творческим освоением исторического наследия (в том числе достижений самой исторической науки) имеет место подчас и нигилистическое отрицание или, напротив, некритическое усвоение и повторение того, что нуждается в переосмыслении и переоценке. И поскольку историческая мысль — составная часть общественной мысли, то изменения такие происходят во взаимосвязи с другими процессами развития общественного сознания (во всей их широте и многообразии — от политических взглядов и профессиональных устремлений до перемен в сфере общественных вкусов, даже моды).

Обращение к «историческому опыту» — всегда форма объяснения связи времен, использования прошлого для определения путей в будущее. Провозглашение преемственности исторического развития, приверженности к тем или иным традициям, как и отрицание их, ниспровержение былых кумиров и обожествление новых никогда не бывает случайным; и историографам должно установить, к какому конкретно-историческому «уроку», к памяти о каких именно явлениях прошлого обращаются (с похвалой или хулой) в то или иное время общественные группировки, политические партии и какую роль играет в осмыслении этих явлений, в повышении интереса к ним профессиональная историческая наука, печатные труды и устные выступления ученых историков, как они влияют на ход общественно-политической мысли, развитие публицистики, и — в то же время — какое значение для творчества самих историков имеет такого рода деятельность.

От историографа ожидают ответа по крайней мере на несколько вопросов.

Что оказывало воздействие на развитие исторической мысли (факторы общественно-политической жизни; уровень развития других наук — прежде всего общественных — и степень взаимодействия с ними, возможности междисциплинарного научного подхода; так сказать, имманентные закономерности развития исторических исследований, обусловленные необходимостью, с накоплением новых знаний, иными методами изучать или по-новому осветить то, что рассматривали уже ранее в предшествовавших научных трудах)?

Что изучалось (проблематика исторических трудов, включая вопрос о соотношении изучения общих и частных проблем исторического развития; источниковая база исследований)?

С каких позиций изучалось (теоретико-методологические принципы работы историков, включая данные об общественно-политической борьбе в сфере исторической науки и, безусловно, обо всех формах научных дискуссий)? Как изучалось (источниковедчески-методические при-

мы работы историков; логико-методологические средства и инструментарий «технологический»; взаимосвязь методики и методологии, исследовательской работы и преподавания)?

Кем изучалось (сведения об отдельных историках и о научных коллективах, включая весь комплекс данных о научной творческой биографии и общественно-политической деятельности ученого, персональном составе и организационном оформлении коллективов историков, особенностях их работы)?

Как изученное становилось достоянием других (распространение исторических знаний и в среде специалистов, и среди широкой общественности; возможности, пути и формы пропаганды исторических знаний: обучение истории в высшей и средней школе, в сфере самообразования; воспроизводство кадров исторической науки)?

Каково воздействие исторической мысли на общественную жизнь (прежде всего, как историческая мысль способствовала развитию самопознания народа, особенности взаимосвязей исторической мысли и общественного сознания, воспитание историей)?

Каковы причинно-следственные связи историографических явлений?

Все это определяет современные понятия о круге «историографических фактов», хотя критерии такого определения условны.

Видимо, круг историографических фактов нельзя ограничивать только творениями историков-профессионалов. Историками признают и выдающихся мыслителей, которых современники знали как публицистов, литературных критиков и общественно-политических деятелей, ораторов (в том числе церковных). Ныне уже не довольствуются при подходе к историографической проблематике рассмотрением только тех немногих сочинений, которые определяли главные линии развития исторических концепций, так же как и обращением лишь к прижизненно напечатанным творениям историков и публицистов, определявших особенности движения исторической мысли.

Конечно, изучение историографической проблематики легче вести по ведущим фигурам крупных историков. Но подобный подход, однако, не дает возможности представить полную и — главное — в последовательном расширении горизонта картину развития исторической науки. Тенденции развития исторической науки и восприятия обществом исторической мысли объективнее отражены в, так сказать, рядовых историографических фактах, которым обычно не суждено долголетие. Разработка научной методики, накопление сведений, даже серьезные специальные конкретно-исторические исследования в большей мере осуществляются (и тем более популяризируются) многими учеными меньшего масштаба — и данные о творчестве таких авторов (а следовательно, и об их личных архивах) должны быть в поле зрения историографа. То же предопределяет и задачу историографической направленности библиографии, ибо о характере воздействия исторических знаний на общественную жизнь узнаем прежде всего, обобщив обнаруженное в материалах исторической тематики, появившихся в то или иное время на страницах общественно-политических, литературно-художественных журналов, в газетах.

Это же позволяет определить место видных ученых в современной им общественной жизни: материалы (авторские и об их трудах) в такого

рода изданиях, рассчитанных на широкую публику, не могут быть обойдены вниманием историографа. Тут важно все: и склонность редакторов популярных изданий напечатать на своих страницах материал определенной исторической тематики или подписанный «именитым» историком, и желание самого ученого сделать свое сочинение достоянием широкой публики, и приемы популяризаторского мастерства исследователя (в частности, в сравнении с другими его трудами, рассчитанными на читателя, имеющего специальную подготовку, или учащихся высших и средних учебных заведений).

Однако не только из трудов историков черпают ныне собственно историческую информацию. Первичные исторические сведения — во всяком случае представления о конкретных исторических событиях и исторических лицах — возникают под впечатлением обычно не сочинений историков, а произведений литературы и искусства исторической тематики. Более того, проницательный и образованный писатель, изображая историческое явление, иногда способен домыслить и недоступное ученому исследователю. В таких случаях художественная литература и искусство могут оказать воздействие на познание исторических явлений историками-профессионалами. Тем более, что и ученый историк, не имея возможности экспериментальным путем воссоздать явления прошлого, а следовательно, и проверить абсолютную точность его определения и описания и обладая обычно знанием не всех (без исключения) фактов, относящихся к этому явлению, а лишь фрагментами таких знаний, принужден прибегать к «мысленному эксперименту» («Где нельзя наблюдать, — заметил Энгельс, — волей-неволей приходится мыслить»), к приему исторической реконструкции. Историк должен дорисовывать в своем сознании затаянные, неосвещенные стороны и взаимосвязи изучаемых явлений и в своих мысленных чертежах пользоваться — на основе типизации наблюдений — и жирными линиями, и пунктиром⁹. Художественно впечатляющие обобщения более действенны в плане доходчивого изображения прошлого, чем сочетания обрывков его «фотографий». В то же время самостоятельное историографическое значение обретает проблема влияния исторической науки на писателей, художников, композиторов, актеров, кинорежиссеров, работающих в плане исторической тематики, и на восприятие этих произведений публикой — читателями, зрителями, слушателями.

Следует не упускать из виду и то, что историографические факты как явления, отражающие (непосредственно или опосредованно) состояние общественного сознания своего времени, не могут быть с должной глубиной поняты и оценены без знания более широкой сферы общественных настроений и политических устремлений, литературно-художественных направлений.

С изменением, расширением представлений об источниковой базе историографии меняются и понятия о круге историографических источников. Историографический источник прежде всего является историческим источником. Проблеме понимания природы исторического источника и его функций в историческом познании посвящена обильная литература. Если придерживаться обосновываемого мною понимания¹⁰ и уточнить понятие «исторический источник» в плане собственно историогра-

фии, то историографическим источником можно признать всякий источник познания историографических явлений (фактов).

Характерная черта некоторых историографических явлений — как бы смешение объектов исследования и основных источников их познания, когда дошедшее до нас историческое сочинение (т. е. историографический факт) остается основным (или даже единственным) источником сведений о сочинителе. Подобная ситуация характерна для изучения исторической мысли допетровской Руси, особенно творчества летописцев. (То же можно напомнить, впрочем, и о сочинениях Ивана Пересветова, важных для понимания не только общественно-политических взглядов, но и уровня исторических знаний России его времени.) Однако и при изучении новейшего периода, когда мы уже основательно осведомлены о жизни и творчестве историков, методике их исследовательского или научно-популяризаторского труда, нередко обнаруживается, что наши знания о конкретном историографическом факте ограничены лишь информацией, извлекаемой из напечатанного текста сочинения, так как до нас не дошли подготовительные материалы, варианты — все то, что вводит в исследовательскую лабораторию ученого, изучение которой мыслится важной составной частью современного историографического исследования. Так, М.Н. Тихомиров, как правило, не сохранил авторский текст (особенно машинописный) вышедших из печати своих сочинений — в личном фонде его преобладают труды, изданные первоначально не полностью или оставшиеся незавершенными.

Допустимо говорить об источниках, собственно (или преимущественно) историографических по своему предназначению, и об источниках, которые могут в работе историографа восприниматься и использоваться тоже как историографические. Научные исторические труды (не только письменные, но и устные — лекции, публичные выступления) и подготовительные материалы к ним — это собственно историографические источники. (Хотя они привлекают внимание не только историографа, но и собственно историка, интересующегося тематикой, которой посвящены эти труды, или эпохой их создания.) В то же время публицистические выступления историка (особенно не касающиеся непосредственно исторической тематики), его дневники, письма, мемуары, художественно-литературные произведения, материалы о его общественной и государственной деятельности, личной жизни вряд ли могут быть восприняты только как историографические источники, хотя и широко используются в историографической работе. Примеры — обстоятельная монография М.В. Нечкиной о В.О. Ключевском, книги Н.Я. Эйдельмана о Н.М. Карамзине, А.А. Формозова об И.Е. Забелине, А.Д. Зайцева о П.И. Бартеневе, А.С. Кана о Г.В. Форстене, Е.В. Чистяковой о М.Н. Тихомирове, статьи сборников «Краеведы Москвы» и др.

Историографу иногда попросту необходимо помимо собственно историографических источников привлечь и иные, которые по своему происхождению и основной направленности не являлись таковыми. Среди них — акты государственной власти (в советские годы решения высших партийных органов), оказывавшие воздействие на развитие исторической науки и распространение исторических знаний, но созданные не только для того или даже вовсе с другой целью. Обращение к разнообразным не

собственно историографическим источникам помогает воссозданию и той среды, в которой возникает историческое исследование (или историческая концепция) и среды, на восприятие которой рассчитывал историк. Следовательно, круг историографических источников расширяется не только от выявления ранее неизвестных сочинений историков, но и от расширения понимания самого предмета «историография».

По-прежнему часто повторяют, присоединяясь к его мнению, афоризм В.О. Ключевского из речи-статьи 1880 г. памяти С.М. Соловьева: «В жизни ученого и писателя главные биографические факты — книги, важнейшие события — мысли»¹¹. Вероятно, допустимо широкое понимание этого высказывания в том смысле, что главное в жизни историка — написанное им (т. е. дошедшее до нас как непосредственно им самим созданное) и те мысли его, которые были восприняты (читателем, слушателем) и стали составной частью общественных исторических представлений (при подобном подходе не имеет значения — сравнительно широкой публики или узкого круга ученых специалистов). Тот же смысл, по существу, вкладывал и В.В. Маяковский в свой афористический ответ на вопрос анкеты: «Я поэт, тем и интересен».

Безусловно, именно «творчество» интересно, т. е. наиболее (или даже единственно) важно, ценно в биографии «творца» — ученого, писателя, артиста для историка науки, литературы, искусств. Это предостерегает историографа и от бескрайнего расширения понятий о предмете и задачах историографии (от «историографии без берегов»). Тем более, что при изучении научного творчества ученого-историка знание интимных подробностей его жизни, как правило, отнюдь не имеет такого значения, как при исследовании творчества поэта, когда любовные увлечения и разочарования побуждали к созданию тех или иных произведений (и тема эта становится — увы! — иногда настолько завлекательной для околотературоведческой литературы, что теперь, пожалуй, в пору называть «гончарововедением» литературу не о великом писателе, младшем современнике Пушкина, а о родственниках Пушкина со стороны жены). И оказывается, что «интересное» [во всем обогащенном новом понимании этой проблемы, предложенном Я.Э. Голосовкером¹²] собственно историографом обнаруживается отнюдь не только в напечатанных научных (или публицистических) сочинениях, и вообще не только в опубликованных текстах, но и в том, что оставалось сокрытым в архивах.

Состав таких архивных документов многообразен, и комплекс этот имеет тенденцию к расширению с расширением представлений об историке в системе научных и иных коммуникаций, об историке в глазах исторической науки и ее социокультурного контекста¹³, в восприятии и современников, и потомков. Это — документы и личных фондов, и учреждений, и общественных организаций, документы, которые можно систематизировать и по признаку авторского происхождения, и по видовым критериям, и в зависимости от времени создания, первичности или повторности содержащейся в них информации и т. п. Причем многообразие разнообразнейших документов, так же как и многообразие возможных путей извлечения из них полезных историографу данных характерно для фондов и личных, и иных.

Для историографа глубокий смысл заключен в афоризме А.С. Лаппо-Данилевского: «Всякая деятельность измержется не только результа-

том, но и задачами»¹⁴. И более или менее полное представление о научном творчестве историка, о работе научных учреждений и обществ, кафедр (как и о системе и уровне преподавания там), как правило, возникает лишь после обращения и к архивным материалам. Тем более не следует ограничиваться напечатанной книгой — в нее могли быть не включены подготовленные тоже к изданию разделы, а научный аппарат изданий не всегда адекватно выявляет знание автором источников и литературы. Поэтому необходимо ознакомиться с неопубликованными частями монографий, с текстами докладов автора, с тезисами обсуждавшихся его трудов, с отражением его работы в прессе, в делопроизводственной документации, в воспоминаниях самого ученого, в дневниковых записях и переписке и т. д. Существенно для историографа, особенно для познания методики исследовательской работы историков, изучение и таких первичных материалов, как выписки из источников и литературы и первые опыты обобщения этих данных, тезисы и конспекты докладов, статей, глав книги и т. д. Любопытные сведения обнаруживаются в отчетах о работе самого автора и учреждения, с которым он связан и служебными обязанностями (особенно если работа считалась там плановой), в протоколах заседаний, заметках при обсуждении сделанного ученым (в частности, в авторских записях при обсуждении его докладов или на заседании, где рекомендуется к печати его сочинение, к защите его диссертация), в эпистолярных источниках и др.

Вопрос о датировке монографий, определении хронологических границ ее создания, как отмечалось выше, не прост, и его следует в каждом конкретном случае решать особо. Одни исследователи пишут книги сразу, пользуясь черновыми заготовками по всему содержанию работы. Другие предпочитают готовить в чистом виде (и даже публиковать) отдельные части работы, которые лишь впоследствии войдут в монографию как разделы. Иногда исследователи сосредоточенно работают только над темой данной монографии, и книга создается в сравнительно краткий срок. В других случаях работа над монографией перемежается работой по иной тематике или вовсе прерывается на более или менее длительное время. Начальная дата работы над монографией условна. Вероятнее всего, это то время, когда исследователь уяснил себе уже задачу создания именно монографического труда определенной тематики, составил план (предварительный, но достаточно детализированный) этой будущей работы и начал последовательно выявлять и обрабатывать материал данной тематики. Однако начальная дата монографии не является обычно начальной датой работы по этой тематике. Ведь ко времени оформления собственно монографии автором должны быть уже достаточно продуманы основные положения его труда и достаточно проработаны некоторые частности. К тому моменту у него складывается представление и о типе сочинения, называемого именно монографией, и тем более — диссертацией, а это уже результат ознакомления и с собственно историографическим наследием (и иногда далекой от темы его монографии проблематики).

Лаборатория всей этой работы и этапы ее могут быть и не обнаружены историографом в самом тексте изучаемого им исследования. В случае длительной работы ученого над темой появляется заманчивая для историографа возможность проследить изменения в первоначальном авторском плане задуманного труда, в трактовке отдельных вопросов или даже

проблемы в целом и попытаться выяснить причины и поводы таких изменений. В архивах (в личных фондах ученых прежде всего) сохраняются нередко названия и даже планы неосуществленных трудов, фрагменты их, различного рода записи, изучение которых облегчает понимание творческого пути историка, изменений в его общественно-политических и научных воззрениях и того, чем они вызваны.

Поэтому желательно, чтобы составители обзоров и списков научных трудов историков не ограничивались изданными сочинениями, но учитывали бы и сведения о сохранившихся неопубликованных трудах (даже заголовках к ним), об устных выступлениях. Достойный подражания пример: книги об академиках А.С. Лаппо-Данилевском и А.А. Шахматове, величайших российских источниковедах начала нашего столетия, вышедшие в серии «Очерки по истории знаний» (выпуски VI и VIII) накануне разгрома гуманитарного отделения Академии наук на рубеже 1920—1930-х годов. В книге 1929 г. «Материалы для биографии А.С. Лаппо-Данилевского» под редакцией А.И. Андреева вслед за «Биографическими сведениями» об ученом и список его печатных трудов помещена «Краткая опись рукописей» А.С. Лаппо-Данилевского, хранящихся в Библиотеке Академии наук. В книге «Алексей Александрович Шахматов», составленной его дочерью и зятем (С. Шахматовой-Коплан и Б. Копланом), указателям печатных трудов ученого предшествует достаточно подробная «Биографическая канва и посмертные даты». Это — «извлечение наиболее важных биографических фактов из обширных материалов, собранных семьей» академика. Основными источниками (как объясняется в предисловии) служили материалы личного архива Шахматова: отчеты, протоколы, бюллетени и архивные данные тех научных учреждений, обществ и организаций, в которых ученый «состоял или был членом»; письма его, сохранившиеся в архивах адресатов, неопубликованные части воспоминаний его сестры Е.А. Масальской. Все это рассматривалось в сопоставлении с многообразными напечатанными материалами самого Шахматова и о нем.

Еще в большей мере, пожалуй, привлечение неопубликованных материалов необходимо при обзоре деятельности научных обществ, научно-исследовательских учреждений, высших учебных заведений, архивов, музеев, библиотек. В изданиях их печатали лишь немногие статьи (в основе которых научные доклады, лекции, «речи»); еще реже информацию (к тому же, как правило, краткую) об обсуждении их, о научных прениях.

Первостепенной важности показатель научно-общественной жизни — научные конференции, особенно если устроителями их выступает несколько организаций. Это — свидетельство каждодневности научной жизни, научной проблематики, казавшейся особенно важной или привлекательной для тех именно лет, степени активности «именитых» тогда ученых, и — вступления в науку молодежи (среди которой и те, кто станет широко известен в последующие годы). Между тем материалы конференций обычно печатают по простовости немало времени и далеко не полностью, а чаще и вовсе не публикуют ни текстов докладов (не говоря уже о выступлениях в прениях), ни даже информации об этом научном собрании.

Ныне уже прочно утвердилась практика подготовки собраний сочи-

нений или книг избранных трудов видных отечественных историков, включающих не только ранее напечатанные работы, но и публикуемые впервые (иногда сохранившиеся лишь во фрагментах). Причем нередко привлекаются материалы не из одного архивного фонда (личного фонда историка, фондов издательств, учреждений), а из нескольких фондов. Это прослеживается по изданиям трудов историков и дореволюционного времени и тех, чей творческий путь относится к советским годам, — В.Н. Татищева, Т.Н. Грановского, С.М. Соловьева, И.Е. Забелина, В.О. Ключевского, Н.П. Павлова-Сильванского, А.Е. Преснякова, С.В. Бахрушина, М.М. Богословского, С.К. Богоявленского, Е.В. Тарле, Б.Д. Грекова, С.Н. Валка, С.Б. Веселовского, О.А. Добиаш-Рождественской, Н.М. Дружинина, А.А. Новосельского, А.М. Панкратовой, И.И. Полосина, С.Д. Сказкина, М.Н. Тихомирова, Н.В. Устюгова, Л.В. Черепнина, В.И. Шункова и др.

Среди ставших достоянием читателей посмертно изданных сочинений историков — монографии, статьи (а также тексты устных выступлений), лекционные курсы. Так, в собраниях сочинений В.О. Ключевского впервые напечатаны типографически его специальные курсы по методологии русской истории, терминологии русской истории, источниковедению, историографии. Усилиями главным образом А.А. Зимина¹⁵ и Р.А. Киреевой подготовлены к печати многие публичные выступления, отклики на труды других ученых, фрагменты незавершенных работ, афоризмы, «мысли об истории», дневниковые записи знаменитого московского профессора. «Афоризмы и мысли об истории» напечатаны в Пензе в 1992 г. в виде изящной небольшой книжки со вступительной статьей Р.А. Киреевой. В вышедшей под редакцией Е.В. Гутновой книге академика С.Д. Сказкина «Из истории социально-политической и духовной жизни Западной Европы в Средние века» с подзаголовком «Материалы научного наследия» (М., 1981) объединены главы незаконченной монографии, тексты лекций, статьи и эссе, отрывки из дневниковых записей.

В практику археографов вошла и подготовка обзоров личных фондов историков (или частей их) с достаточно детальной характеристикой архивных материалов, особенно исследовательских трудов: так, А.И. Копанев в статье «Археографическая деятельность А.С. Лаппо-Данилевского в освещении С.Н. Валка» ознакомил с сохранившимися фрагментами труда, которому С.Н. Валк отдавал много сил в самые последние месяцы своей жизни¹⁶. В Археографических ежегодниках напечатаны обзоры незавершенных монографий Н.Л. Рубинштейна об экономике России XVIII в. [статья И.В. Ковалева¹⁷], фондов ленинградских историков, погибших во время блокады города в период Великой Отечественной войны [статья В.Д. Алпатовой¹⁸], и многие другие материалы схожего типа — это отражено в алфавитных указателях статей и публикаций, помещенных в Археографических ежегодниках за предшествовавшие десятилетия, в книгах за 1966, 1976, 1986 гг. Много подобных материалов и в таких продолжающихся изданиях, как «История и историки», «Вспомогательные исторические дисциплины», в журналах «Отечественные архивы», «Исторический архив», в изданиях МГИАИ (в частности, в сборниках статей, подготовленных участниками научного кружка источниковедения отечественной истории). Опубликованы обзорные статьи и о дневниках и мемуарах историков, их эпистолярном наследии, письмах, им адресован-

ных. В Историко-архивном институте поддерживается обычай такого рода тематики дипломных работ. Некоторые из них стали основой и диссертационных исследований¹⁹, причем посвященных не только историкам, но и организованным ими изданиям (работа А.Д. Зайцева о Барте-невском «Русском архиве», М.Ф. Шумейко о журналах В.Я. Богучарского в начале XX в.).

Публикация обзоров материалов фондов историков, научных обществ, журналов существенно облегчает труд и историографа, и археографа, готовящего к печати сочинения историков. Имеются примеры издания в послевоенные годы и книг — описаний материалов фонда историка. Новаторское значение сохраняет работа И.П. Старовойтовой, подготовившей вышедшую в 1974 г. как 25-й выпуск трудов Архива Академии наук книгу «Рукописное наследие академика М.Н. Тихомирова в Архиве Академии наук СССР. Научное описание». В 1994 г. издан 1-й выпуск многотомного каталога материалов фонда академика С.Ф. Платонова в Публичной библиотеке в Петербурге (подготовленный В.А. Колобковым). Важно не только в научно-информационном плане, но и в ракурсе археографической и архивоведческой методики издание книги С.Б. Филимонова «Историко-краеведческие материалы архива обществ по изучению Москвы и Московского края» (третье расширенное издание было в 1989 г.). Это материалы 1910—1920-х годов, включающие и архивный фонд общества «Старая Москва». Автор охарактеризовал их и по тематике, и по хронологическому принципу, дал информацию обо всех докладах и обсуждениях их. В книге указатели к протоколам: списки докладчиков и сделанных ими сообщений, именной и предметно-географической.

Думается, что своевременно поставить вопрос о подготовке достаточно информационных изданий с описаниями фондов и прежней Археографической комиссии (он хранится в Санкт-Петербургском отделении Института российской истории), и архива самого Института российской истории, и МГИАИ.

В фонде МГИАИ (в Мосгорархиве) обнаружены ценные материалы не только о преподавании там видных историков, но и об их научной работе, об их исследовательских и преподавательских замыслах — именно там и записка довоенных лет М.Н. Тихомирова о специальных исторических дисциплинах [с обоснованием такой терминологии²⁰], и даже записка о том, как он спасал рукописи в Самарском крае в начале 1920-х годов²¹, и материалы о широких планах изучения истории источниковедения и археографии, предложенных А.И. Андреевым [что позволило Л.Н. Простоловской и А.Л. Станиславскому написать интереснейшую статью по истории кафедры вспомогательных исторических дисциплин в 1940-е годы²²], и о том, какой ущерб был нанесен науке, когда от преподавания там отлучили лучших профессоров. Не стоит ли в Историко-архивном институте РГГУ предусмотреть, запланировать на достаточно длительный срок и работу студентов в этом направлении, сосредоточив на такой тематике и направленность некоторых программ студенческой практики по архивному делу и по археографии?

Можно попытаться определить основные причины, по которым сочинения историков оставались и остаются неизданными.

Это — кончина автора, не успевшего завершить свой труд или полагавшего, что написанное им еще не следует публиковать. Так, незавер-

шенными остались монументальные исследования И.Н. Забелина по истории Москвы, В.С. Иконникова «Опыт русской историографии» (изучением ненапечатанной части успешно занимался в студенческие годы в семинаре 1960-х годов И.Л. Беленький, затем специально Р.А. Киреева), труд М.Н. Тихомирова по истории русского летописания. Спецкурс его 1956 г. «Приказное делопроизводство в XVII веке» был застенографирован, и автор предполагал подготовить его к печати как учебное пособие, но не успел это сделать (и потому части обеих незавершенных работ опубликованы в книгах сочинений академика Тихомирова в приложениях)²³. Из-за внезапной смерти в расцвете творчества Н.П. Павлова-Сильванского подготовку к печати его исследования о феодализме в Древней Руси завершил близкий друг и единомышленник А.Е. Пресняков (об этапах работы над рукописным наследием историка узнаем подробности в статье С.В. Чиркова²⁴). Когда после тяжелой болезни скончался в 1949 г. главный хранитель музеев Московского Кремля Е.С. Сизов, осталась незаконченной его работа об Архангельском соборе²⁵ — коллеги помогли подготовить издание; надеемся опубликовать этот труд к 850-летию юбилею Москвы.

Уже во второй половине 1820-х годов была посмертно подготовлена к печати оборванная на полуслове 12-я книга «История государства Российского» Н.М. Карамзина, явно предназначавшаяся им к публикации. А вот записка «О древней и новой России» Карамзиным для печати (да еще при жизни автора и упоминаемого там императора Александра I) отнюдь не была предназначена; и первые посмертные ее публикации далеки от полноты. Не склонен был печатать и В.О. Ключевский даже просмотренные им студенческие записи некоторых лекционных курсов. И.Н. Жданов, словесник и историк широкого диапазона научных интересов (автор трудов о былинах, писателях Древней Руси, классиках русской литературы XVIII—XIX вв.), не торопился с печатанием своих работ, особенно тех, к тематике которых уже не возвращался в своих дальнейших специальных исследованиях (а труды его отличались скрупулезным вниманием ко всему, что обнаруживалось в новейшей литературе, в новейших справочных пособиях о хранилищах памятников письменности). И потому его новаторские исследования 1870-х годов — о «Слове о законе и благодати» Илариона, о притчах и пословицах в Слове Даниила Заточника, о сочинениях Ивана Грозного оказались впервые опубликованными в посмертно изданном в 1904 г. первом томе его сочинений, т. е. когда уже имелся определенный «задел» в историографии изучения эти литературных памятников. Однако авторы статей в Словаре книжников и книжности Древней Руси справедливо поступили, начав именем Жданова историографию этой тематики, хотя труды и не были напечатаны своевременно. В написанном А.С. Архангельским некрологе ученого с сожалением отмечено, что остались неизданными и лекции по русской литературе, читанные в Петербурге (в Университете, Историко-филологическом институте, на Высших женских курсах, в Александровском лицее)²⁶. Жданов был и выдающимся преподавателем-методистом (его пригласили учителем русского языка и литературы для наследника престола будущего Николая II, его брата Михаила и сестры), и к записям его лекций постоянно обращались педагоги. И было решено в посмертном издании сочинений академика И.Н. Жданова, не включая в издание литографированных кур-

сов, «так как они, строго говоря, не представляют произведений самого ученого»²⁷, поместить достаточно подробно аннотированный перечень их — там и курс 1895/96 гг. «Обозрение историографии русской литературы». А.С. Лаппо-Данилевский не один год готовил исследование «История политических идей в России XVIII в., в связи с развитием ее культуры и ходом ее политики». По словам А.Е. Преснякова, оно в значительной части представляло собой «законченное целое», и автор «неоднократно высказывал тогда же намерение приступить к его печатанию». Однако все откладывал, занятый другими задачами, а также переработкой и непрерывным усложнением выполненного; и добавляет Пресняков: «Такая судьба основного труда А.С. Лаппо-Данилевского не случайна. Крайние запросы научности, предельные требования полноты и цельности достижения, питаемые метафизическими и моральными требованиями его духовной природы, связывали его решение признать работу законченной»²⁸. Труд этот начали издавать через 70 лет после кончины автора — книга А.С. Лаппо-Данилевского вышла в 1990 г. под редакцией А.И. Клибанова с заголовком «История русской общественной мысли и культуры XVII—XVIII вв.». Видимо, полагал еще не готовыми для печати его лекции по историографии средних веков и академик Е.А. Косминский, читавший этот курс на историческом факультете Московского университета с 1938 по 1947 г. (с перерывом): обработанные редакторами стенограммы стали достоянием широкого читателя в 1963 г., через 4 года после ухода из жизни лектора. Вероятно, признавал незавершенной свою новую работу о Т.Н. Грановском академик Р.Ю. Виппер. Престарелый ученый (он родился в 1859 г.) в середине 1940-х годов, по воспоминаниям его референта, с увлечением работал над рукописью — она под названием «Русский, московский ум» напечатана недавно в журнале «Исторический архив» (1993, № 5 и 6).

Безусловно, не склонна была не только к напечатанию текста своего доклада в феврале 1941 г. «Почему Россия позже других стран вступила на путь капиталистического развития», но даже и напоминания о нем М.В. Нечкина, хотя позже, уже став академиком, и опубликует в 1958 г. статью «О “восходящей” и “нисходящей” стадиях феодальной формации (к постановке вопроса)», в которой немало сближений с этим докладом. Доклад и дискуссия по нему вызвали обсуждение в ЦК партии. Из приложений к публикации направленной стенограммы доклада и других документов (в № 2 и 3 журнала «Исторический архив» за 1993 г.) узнаем, что в апреле 1941 г. секретарям ЦК ВКП(б) была направлена достаточно пространная записка «О положении в Институте истории Академии наук СССР», подписанная Е.М. Ярославским и Д. Поликарповым. Там много обвинений — и в том, что институт «почти не ведет научно-исследовательской работы», а «занимался бесплодными подчас вредными дискуссиями» (помимо имени Нечкиной упомянуты с соответствующими характеристиками имена других видных ученых), отмечено, что директор «не обеспечивает руководство Институтом», а заместители его «попустительствуют имеющимся в Институте небошевистским порядкам» и «необходимо укрепить руководство Институтом».

Документ этот позволяет думать, что дело было не во взглядах Нечкиной, полагавшей, что она правильно поступила, начав работу «над сложной и неисследованной темой, поставленной перед историками пар-

тисей и правительством, сформулированной в «Кратком курсе истории партии», тем более что «историки часто избегают таких тем и предпочитают топтаться вокруг нескольких цитат» (это — слова самой Нечкиной из письма секретарю ЦК А.А. Жданову, датированного 6 июня 1941 г.)²⁹, а в желании члена ЦК партии Е.М. Ярославского, избранного в 1939 г. академиком, заменить академика Б.Д. Грекова на посту директора института. Исполнению такого намерения помешала начавшаяся война. Подготовленная А.Н. Артизовым и О.В. Наумовым в разделе «История и историки» журнальная публикация интересна и в методическом плане: сопровождение текста научного сочинения делопроизводственной документацией помогает понять судьбу не только не напечатанного при жизни автора произведения, но и определить место этого сочинения в развитии науки и того, и последующего времени.

Помехой к публикации становились и внешнеполитические обстоятельства, усложнявшие экономические возможности издательства и авторов. Безусловна зависимость от событий революционного 1917 г. и гражданской войны — так, в датированном сентябрем 1917 г. предисловии к первому выпуску труда харьковского профессора В.И. Саввы «О посольском приказе в XVI в.» читаем, что «в рукописи остались приготовленные к печати» 4 главы о дыках и подъячих «у посольского дела». Текст глав, переписанный для публикации, обнаружен был в личном фонде ученого (в Киеве). Листы, однако, оказались перепутанными, и пришлось восстанавливать последовательность их, сопоставляя с черновыми вариантами и выписками из посольских книг, сосредоточенными в том же фонде. По этой россыпи второй выпуск издали только в 1983 г. (вместе с указателями уже к обеим книгам)³⁰. Не тиражированными оставались и корректорские экземпляры томов «Русского биографического словаря» (тома «Вавилон—Веселовский» и «Тобизен—Тотлебен», подготовил к печати Э. Казинец и опубликовал их в Нью-Йорке в 1991 г.), издания Археографической комиссии, в их числе второй том сочинений А.М. Курбского в «Русской исторической библиотеке» с описанием рукописей, включавших списки оригинальных его произведений³¹ (публикаторы сочинений Курбского и Ивана Грозного в серии «Литературные памятники», к сожалению, не догадались обратиться к материалам архива прежней Археографической комиссии, хранящегося у них же, в Петербурге, в Отделении Института истории).

Подготовители же академического издания «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина начали с ознакомления с историей предшествовавших изданий (или попыток изданий) великого творения Историографа³² и подготовки академического издания сочинений Н.М. Карамзина в годы первой мировой войны — из-за событий последующих лет работа была прекращена³³. По тем же причинам не завершенным остался и замысел подготовить академическое издание знаменитого современника Карамзина — Сперанского. С деятельностью возглавлявшейся А.С. Лаппо-Данилевским «Комиссии по изданию сочинений, бумаг и писем графа М.М. Сперанского: 1916—1919 гг.» можно познакомиться по статье А.А. Александрова в Археографическом ежегоднике за 1993 год.

Многие исследования не удалось своевременно издать из-за начала Великой Отечественной войны. Некоторые диссертации тех и ближайших к ним лет были напечатаны позднее уже с изменениями, вызванными не

только необходимостью учета новейшей литературы, но и конъюнктурными влияниями³⁴. П.П. Смирнова удостоили в 1943 г. Государственной (Сталинской) премии за машинопись исследования «Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в.», изданного затем в двух томах позднее, в 1947—1948 гг. Посмертно, в 1950 г., напечатаны «Очерки по истории опричнины» П.А. Садикова, ставшего жертвой Ленинградской блокады.

Из-за начавшейся войны не успели опубликовать подготовленные В.И. Шунковым к изданию (причем с использованием приемов сокращенной передачи текста) новгородские кабальные книги рубежа XVI—XVII вв.³⁵. Не удалось в срок издать подготовленные к печати лекции И.И. Полосина о библиографическом источниковедении. По замыслу автора, он должен был помочь выработке методов анализа и классификации указателей, дать представления об основных библиографических источниках — и дореволюционных и советских³⁶. Занятые затем работой иной проблематики, авторы уже не готовили их снова к печати с учетом нового в науке.

Вероятно, когда появятся издательские возможности, эти книги следует напечатать в том виде, какой они имели тогда — как памятники науки именно тех лет, сопроводив предисловиями (об авторе и особенностях научной продукции того времени) и добавлениями о том, о чем могли узнать уже позднее. По такому принципу подготовили к печати книгу 1982 г. «Библиотека Ивана Грозного: реконструкция и библиографическое описание». Издание включает и законченный до войны труд «Библиотека Ивана Грозного и его книги» выдающегося книговеда и исследователя древнерусской письменности Н.Н. Зарубина³⁷, умершего в Ленинграде в первую военную зиму, и дополнения и примечания А.А. Амосова.

Изданию готовившихся к печати трудов препятствовали и особенности общественно-политической ситуации в стране. Так, только через двенадцать лет после кончины академика С.Б. Веселовского стало возможным издание наконец всех его исследований по истории опричнины — в книге 1964 г. Не решались печатать труд К.Н. Тарновского историографической проблематики, явившийся в определенной мере продолжением его монографии «Советская историография российского империализма», изданной в 1964 г. Рукопись исследования «Проблемы социально-экономической истории империалистической России на современном этапе советской исторической науки» была защищена как докторская диссертация на заседании специализированного совета Института истории СССР в октябре 1970 г. при единогласном голосовании и 17 положительных отзывах на автореферат из разных городов СССР. Однако решение совета не было утверждено ВАК. Рецензенты ВАК по наущению Отдела науки ЦК КПСС обвинили автора в пересмотре «общепринятых исторических концепций» и, соответственно, в «отходе от марксизма-ленинизма». К.Н. Тарновский упорно отстаивал свои взгляды: разбор отзыва рецензента ВАК Ф.М. Ваганова занял 5 печатных листов. «Обнародование этого документа, — полагают авторы статьи «Творческий путь К.Н. Тарновского» В.А. Емец и В.В. Шелухаев, — явилось бы яркой иллюстрацией методов “критики” времен догматизма и застоя»³⁸. Монография «Социально-экономическая история России начала XX в.: Советская историография середины 50—60-х годов» опубликована лишь в 1990 г., через три года после смерти

К.Н. Тарновского. Не дождался издания своих новаторских монографий об аграрном законодательстве Октябрьской революции, об историографии, археографии, источниковедении этой проблематики и скончавшийся в 1991 г. Е.А. Луцкий.

Вынужден был отозвать из редакции журнала «Советские архивы» рецензию на книгу «Проблемы архивоведения и истории архивных учреждений: материалы юбилейной научной конференции архивистов Ленинграда, 13—14 июня 1968 г.» (Л., 1970 г.) С.Н. Валк — он не согласился с требованием устранить слова о своей солидарности с оценкой положительного значения деятельности Союза российских архивных деятелей в моей статье (докладе). Труд С.Н. Валка (по экземпляру из личного фонда ученого) напечатаны уже посмертно в № 5 журнала «Отечественные архивы» за 1992 г. В.В. Дорошенко возвратили заказанную ему журналом «Вопросы истории» рецензию на сборник статей 1969 г. «Источниковедение: Теоретические и методические проблемы», когда в трапезниковском Отделе науки ЦК КПСС решили прикрыть работы сектора методологии истории в Институте истории Академии наук и после появившихся уже в печати четырех положительных рецензий потребовали акцентировать внимание на недостатках издания — такой направленности рецензию напечатали в первом номере журнала за 1972 г. В результате статьи, собранные для второго выпуска «Источниковедение», не удалось объединить в опубликованной книге: часть статей — в основе напечатанного в других изданиях, а другие сейчас — в архиве Археографической комиссии.

В архивах обнаруживаем и корректуры изданий, отвергнутых по конъюнктурным соображениям — в Археографическом ежегоднике за 1992 год А.А. Курносов опубликовал с приложениями документов из архива ЦК КПСС не допущенную к напечатанию в журнале «Новый мир» статью В.П. Данилова и С.И. Якубовской 1965 г. «О фигуре умолчания в исторической науке». Уцелела верстка книги Н.Н. Воронина «Андрей Боголюбский» — набор был рассыпан в 1953 г. после получения отрицательного отзыва В.Т. Пашуто.

Трагична судьба творческого наследия тех, кто был арестован. Материалы, взятые при обыске, либо уничтожены, либо остаются пока не доступными исследователям. Тем более ценны такие, которые оказывается возможным ввести в научный оборот: так, В.В. Крылов подготовил для Археографического ежегодника за 1994 г. публикацию предисловия Л.Б. Каменева к предпринятой им в середине 1930-х годов факсимильной публикации герценовского «Колокола». А это существенно меняет представление об истории изучения и публикации наследия Герцена, а также об уровне развития нашей археографии в 1930-е годы. Напомним и о том, что тот же Л.Б. Каменев, ставший директором Пушкинского дома, а до того времени возглавивший издательство «Academia», стал руководителем подготовки нового, исследовательского типа издания Полного собрания сочинений Пушкина (единственный — седьмой — том его, включавший драматические произведения, вышел в 1935 г.). В архиве издательства «Academia», а также в некоторых личных фондах содержатся ценные свидетельства об этой работе. Оказывается, Каменев в 1934 г. предложил издать под грифом Пушкинского дома и переписку князя Курбского и Ивана Грозного и начать выпуск новой серии «Академическая библиотека

классиков», в рамках которой издать сочинения Баратынского, Лермонтова, Огарева, Некрасова, Островского, Памяловского³⁹.

Иногда поمهлой первоначальному замыслу издания становятся требования изменить объем книги. Так, в 1973 г., когда уже прочитана была корректура выходящей в издательстве «Мысль» моей книги «Становление российского самодержавства», поступило сверху нелепое указание об оптимальном объеме монографий по истории в 20 листов, и чтобы не корезить готовую книжку, пришлось убрать главу о дьячестве — сейчас она включена в сохраненном прежнем виде (по экземпляру гранок в моем архиве) в готовящемся издательством «Прогресс» новое издание этого труда.

Выявление и напечатание не переданных при жизни автора издателям их работ иногда заметно изменяет наши представления о ситуации на «фронте» исторической науки. Так, после опубликования А.Н. Артизовым и Б.В. Левшиным доклада академика С.Ф. Платонова на заседании, посвященном столетию со дня кончины Н.М. Карамзина в 1926 г.⁴⁰, выявилась картина противоборства историков, противостояния тому, что насаждал М.Н. Покровский, сопротивления российской интеллигенции навязываемой ей официальной идеологии и системе поведения. То же подтверждается обращением к другим опубликованным (тогда или позднее; в СССР и за рубежом) архивным материалам; и это существенно меняет укоренившиеся было представления о микроклимате исторической науки 1920-х годов⁴¹.

Видимо, следует различать авторские материалы, не рассчитанные на печатание, но предназначенные для ознакомления других (коллективных адресатов или индивидуальных), и записи для себя, иногда лишь наброски мыслей, а также адресованные другим, но интимные по стилю или даже с указанием не знакомить других лиц с этим текстом, с его содержанием.

К документам первой группы относятся отзывы на труды других авторов, в том числе на диссертации, авторефераты и тезисы собственных работ, тексты научных докладов, лекций, устных выступлений в прениях, деловые докладные записки, проекты, программы занятий и т. д. Такие документы зачастую сохраняются не в личном фонде историка, а в фондах учреждений и общественных организаций или имеются их экземпляры в нескольких фондах (в том числе и личных). Документы такой группы иногда печатают (сам автор или с его разрешения) по прошествии немалых лет — и среди материалов по истории учреждений, научных обществ (в частности, юбилейного типа, как в сборнике документов и материалов 1980 г. «Московский ордена “Знак почета” государственный историко-архивный институт»), в сборнике своих сочинений (обычно с пометой «печатается впервые») и в других изданиях. Так, академик М.Н. Дружинин во втором, дополненном издании своей книги «Воспоминания и мысли историка», вышедшем в 1979 г., поместил на с. 119—131 написанный в марте 1929 г. «Ответ М.Н. Покровскому» — «Письмо в редакцию газеты “Правда”, напечатавшей хлесткую статью его «О научно-исследовательской работе историков». Мемуарист отмечает: «К сожалению, я не мог при создавшейся обстановке напечатать этот ответ и должен был ограничиться тем, что дал ознакомиться с ним директору и некоторым сотрудни-

кам Музея революции СССР»⁴². После кончины В.М. Шукшина мне предложили напечатать отзыв 1967 г. на его сценарий о Степане Разине, сопроводив предисловием об обстоятельствах его написания⁴³.

Сложнее решать вопрос о публикации архивных материалов второй группы с целью сделать их достоянием гласности. Сам факт нахождения в архиве фондообразователя свидетельствует о том, что он не считал нужным эти документы уничтожить (а вернее всего и о желании сохранить их для использования в своей научной работе или как документ историко-культурной ценности, особенно памятный ему, и т. д.). Однако должно всякий раз серьезно задумываться о степени допустимости печатания подобной архивных материалов, помнить в праве «авторской воли».

Теперь уже показано, как обогащает читателя приобщение к таким материалам, как полезно бывает знакомство с ними при издании трудов историка.

Насколько беднее было бы наше представление о процессе оформления — зарождения и углубления — концепции развития феодализма в России у Н.П. Павлова-Сильванского, если бы не обратились к его переписке с друзьями А.Е. Пресняковым и Г.В. Чичериным (в будущем знаменитым советским дипломатом). Письма эти с полным основанием приложили к академическому изданию классических трудов историка в серии «Памятники исторической мысли». Узнали и о процессе «заготовок» к стилистике «Курса русской истории» и других сочинений Ключевского — оказывается, некоторые блистательные фразы-характеристики были еще прежде записаны автором в виде отдельных афоризмов; и их справедливо включили в IX том сочинений историка (1990 г.).

Накоплен уже значительный опыт подготовки к печати и использования в историографических трудах архивных документов обеих групп и нередко одновременно (в одном и том же издании — например, сборнике сочинений какого-либо автора или при публикации тематической группы документов и др.): тем более, что в личных фондах они сосредоточены вместе. Вошло в обычай печатать посмертно отзывы ученых об отдельных работах их коллег (в частности, о диссертациях) или в целом обо всей их деятельности (в том числе юбилейных приветствий-характеристик, некрологов). Публикуются тексты устных выступлений: в Археографическом ежегоднике в каждом выпуске, особенно если это относится к основателю издания академику М.Н. Тихомирову.

Материалы архивов помогли узнать о важных ранее малоизвестных произведениях историков (в том числе и завершенных), обращение к которым отнюдь не только интересно в плане историографических штудий, но и полезно при изучении разнообразных исторических проблем, составлении справочных пособий.

Так, выяснено было — трудами С.Н. Валка, В.А. Муравьева⁴⁴ — как много успел сделать рано скончавшийся Н.П. Павлов-Сильванский, как оригинальны были его лекционные курсы и сколь деятельным было его участие в газетной периодике. Именно из архивных документов узнали о впечатлениях П.П. Смирнова о Москве первого военного года, о его роли в сохранении Московского историко-архивного института как самостоятельного учебного заведения, о подготовке по его инициативе во время войны сборника документов об охране памятников истории и культуры⁴⁵. В книгу избранных сочинений И.И. Полосина «Социально-поли-

тическая история России XV — начала XVII в.» (М., 1963) в значительной части вошли не публиковавшиеся прежде работы. Проспект лекционного курса «Источниковедение и историография» не только содержит много опередивших свое время оригинальных соображений (и научно-исследовательского, и методического характера), но знаменателен своей датой как памятник общественного сознания: на обложке тетради написано «17 октября 1941 г., Москва». В тот день фашистские войска находились близ Москвы, а ученый-патриот, глубоко веривший в победу своего народа, размышлял над проблемами обучения молодого поколения советских людей, думал о его будущем⁴⁶. Оригинальны и, безусловно, важны и благодаря насыщенности фактологическим материалом, и по постановке вопросов библиографические работы историка.

По существу, лишь после кончины библиографа И.Н. Кобленца стали знакомиться с многообразным научным наследием его и поняли масштаб творчества этого знатока книжности и библиографа-мыслителя, имя которого не попало даже в однотомный энциклопедический словарь «Книговедение», изданный в 1982 г. Вообще справочно-библиографским трудам, подготовка которых требует длительного времени, непрерывной проверки и пополнения включенных туда данных, особенно не повезло — результаты многолетних усилий оказались не дошедшими до потребителя. Недавно Л.Н. Простоволосова с горечью напомнила меткое выражение библиографа И.В. Владиславлева: «Россия — классическая страна непубликованных библиографий»⁴⁷.

Необходимо совместными усилиями архиво- и книгохранилищ попытаться создать сводный справочник о подобных вышедших из печати трудах (и индивидуальных, и коллективных), включая и картотеки. Так, напечатана же информация о картотеках по древнерусской письменности академика Н.К. Никольского и его сотрудников, хранящихся в БАН, о картотеке И.М. Кауфмана — подготовительных материалах для библиографического словаря «Деятели книжного дела СССР», хранящихся ныне в РГБ⁴⁸.

Только недавно приступили к более или менее детальному изучению архивов самих архивохранилищ — и обнаружилось сведения не только о большой научной работе, к которой непосредственно причастны были сотрудники этих архивов (в дореволюционное время их называли архивариусами), а также о причастности к такой научной работе видных исследователей из Академии наук, профессоров высших учебных заведений, но и о сохраняющих большую информационную ценность рукописных трудах, которые и ныне остаются важными научно-справочными пособиями. Об этом узнаем, в частности, из работ Л.И. Шохина по материалам бывшего Московского архива Министерства юстиции (ММЮ), В.Г. Бухерта о бывшем Межевом архиве. Документы хранилищ, а также дореволюционной Археографической комиссии в сопоставлении с материалами личных фондов выдающихся ученых позволили С.В. Чиркову прийти к убедительному выводу об очень значительном вкладе этих ученых в развитие археографии в русле науки источниковедения, о всемирно-историческом значении сделанного российскими учеными в этих областях научной культуры в начале XX в., т. е. в тот период, который еще недавно тенденциозно характеризовали как период кризиса нашей исторической науки.

Безусловно, важна не только для уточнения биографических данных об историках и сведений о публичной стороне их деятельности, но и для познания самого процесса движения научной мысли, путей разработки и совершенствования приемов научного исследования (в том числе и археографической практики) переписка⁴⁹. Прежде, при отсутствии телефонной связи и сравнительной медлительности транспортных средств, многое выражали «на письме». Ученые подробно делились впечатлениями о прочитанном, о научных заседаниях и лекциях, о своих научных замыслах, планах исследований. Существовала и высокая эпистолярная культура, традиции которой все более утрачиваются. Письма историков и к историкам давно уже привлекли внимание исследователей: их стали публиковать еще с середины прошлого века.

Конечно, письма, как и дневниковые записи, в большей мере, чем иная документация, помогают постигнуть душевный облик человека, его образ мысли, круг предпочтений и не принимаемое им. Особенно если это написано в экстремальной обстановке — как объединенное в сборнике «Выпускники исторического факультета МГУ 1941 г. в письмах и воспоминаниях», составленном М.Я. Гефтером, и получившем название «Голоса из мира, которого уже нет»; письма тех, в ком в предвоенные годы видели будущее нашей исторической науки: мы, младшекурсники истфака, воспитывались нашими преподавателями в особом — и горделивом, и любовном — уважении к студентам этого курса, на редкость даровитого, рано проявившего себя на научном поприще.

Но в письмах обнаруживаются подчас и уникальные для историографа сведения о творчестве ученых, иногда даже и в глубоко трагических обстоятельствах, как письма 1935—1936 гг. жене из Челябинского политизолятора арестованного московского историка П.П. Парадизова — ученого не только яркого таланта, успевшего уже обрести уважительное имя в науке, но и человека подлинной душевной чистоты (обзор писем в Археографическом ежегоднике за 1988 г.). Из писем узнаем о научно-исследовательской работе и авторов, и адресатов (например, переписка П.Н. Миллера и М.Н. Тихомирова удостоверяет в том, что Тихомиров и в Ашхабаде, куда эвакуировали МГУ, не прекращал занятия по теме «Древняя Москва», о взаимоотношениях профессоров и их учеников и методике руководства работой аспирантов и студентов (в этом плане показательна переписка А.И. Неусыхина или Ю.Л. Бессмертного и его учеников в провинции, напечатанная в альманахе «Одиссей» 1993).

Первостепенного значения информация в переписке редакторов, готовящих совместно научные издания: так, в фонде Г.О. Винокура отложились письма пушкинистов, работавших над собранием сочинения Пушкина в 1930-е годы со множеством уникальных наблюдений исследовательского характера (о произведениях Пушкина, его биографии, его эпохе), отнюдь не все из которых нашли затем отражение в подготовленных к печати трудах. Деятельность С.Н. Валка и Н.М. Дружинина как археографов-практиков, руководителей научных коллективов, воспитателей более молодых специалистов с особой полнотой, со всеми ее каждодневными заботами и научными преодолениями и достижениями отражена в письмах Валка его московским коллегам, а Дружинина — в письмах, направленных в Ленинград: об этом можно узнать из статей Э.С. Паиной

«Н.М. Дружинин — археограф» [о подготовке изданий документальных сборников «Крестьянское движение в России в XIX веке»⁵⁰] и Ю.А. Ахапкина и А.С. Покровского об опыте работы над многотомным изданием «Декреты Советской власти»⁵¹. В адресованных М.Н. Тихомирову как председателю Археографической комиссии письмах Д.С. Лихачева обоснована программа многоплановых исследований по палеографии, о памятниках древней письменности, об издании и изучении лицевых рукописей⁵².

Пожалуй, только в письмах можно найти современное событиям подтверждение воспоминаний В.Д. Бонч-Бруевича о том, что А.А. Шахматов, по существу, организовал хранение в подведомственном ему отделении Академии наук нелегальной литературы⁵³. Переписка академиков С.Ф. Платонова и М.М. Богословского 1920-х годов содержит интереснейшие сведения о личной научной работе обоих ученых, деятельности их коллег, взаимоотношениях их с М.Н. Покровским и его окружением. Документы личного фонда Н.Н. Воронина показывают, как неутомимо боролся этот подвижник науки за сохранение памятников истории и культуры, с какой убежденностью обращался он по этому поводу к самым влиятельным лицам в государстве⁵⁴. И перечень такого рода можно продолжать и продолжать.

Своеобразный характер имеет переписка во время заседаний — следы ее тоже обнаруживаются в личных фондах. И иногда она не только делового характера — со сведениями информативного порядка, просьбами ответить на какие-либо вопросы. Так, в фондах С.В. Бахрушина и М.Н. Тихомирова в Архиве РАН небольшие бумажки с записями карандашом — это шуточные грамоты в стиле XVII в., которыми обменивались они во время «конференции о науке» в МГУ во второй половине 1940-х годов. Это показатель взаимопонимания и взаимоуважения обоих замечательных знатоков истории и языка допетровской Руси — тогда уже Тихомиров, как и его «определяющий учитель» по университету (определение самого Михаила Николаевича), был членом-корреспондентом Академии наук. У этой игры, требовавшей не только быстрой и острой реакции и смекалки, но и досконального знания документов и обычаев российской старины, были свои правила. Ученые не без удовольствия оказывались вовлеченными в такую игру и полагали нужным и интересным хранить такие шуточные сочинения. Но это — и свидетельства отношения их обоих к конференции, где профессуру вразумляли по поводу очередных указаний работникам так называемого идеологического фронта — Тихомиров, посмеиваясь над тем, что Бахрушин на заседании «книгу читал» и «дидаскалов» не слушал, в начале грамотки разъяснял ситуацию: «Был я, сиротишка твой, на казенном училищном дворе, и в ту пору были на том дворе многие разные люди; а пришли они на тот двор ради учения книжного, потому что вышел указ всяких чинов жилецким людям книжным словесам учиться...»⁵⁵.

Не приходится говорить о значении в плане историографии дневников и воспоминаний историков — в них зачастую совмещаются данные, самостоятельно важные и для историков науки, и для изучения общественной жизни (как в недавно изданных за рубежом и в России дневниках первых послереволюционных лет Ю.В. Готье). Существенно обогатило книгу А.М. Дубровского о С.В. Бахрушине использование дневниковых

записей его героя, так же, как книгу Е.В. Чистяковой о М.Н. Тихомирове — обращение к неопубликованным воспоминаниям ученого. А какую многоцветную картину краеведного движения и разрома его находим в воспоминаниях старейшего рязанского краеведа С.Д. Яхонтова. Там же и слова о деятельности краеведов-энтузиастов в первые послереволюционные годы: «Музейное влияние заставляло забывать общий погром. Носился призрак чего-то нового, красивого и рождалось увлечение музеями... Я хорошо знаком был с первыми организаторами и работниками музеев и во всех видел этот энтузиазм... Это было самозабвение и самоотречение. Музейные работники встречались друг с другом, как родные»⁵⁶.

Архивный материал и написанное историком, даже отнюдь не с научными целями, может оказаться небезынтесным именно в научном плане и даже при обращении к дискуссионным вопросам нашей науки. Так, академик С.Ф. Платонов, председатель Археографической комиссии, основанной еще в 1834 г., находясь в тюрьме, написал в записке, датированной 12—14 апреля 1930 г., о себе: «...будучи не только историком-исследователем, но и историком-техником (издателем текстов и археографом)»⁵⁷. Следовательно, Платонов явно не подразумевал под «археографией» лишь публикаторскую (издательскую) работу; более того, усматривал различие в деятельности «издателя текстов» и «археографа», собиравшего и описывавшего памятники письменности («тексты»).

Осознавая большое, пожалуй, даже все возрастающее историко-культурное значение личных фондов историков, Археографическая комиссия Академии уже на первый год ведет работу — и координационного характера и исполнительскую — по подготовке Каталога личных фондов отечественных историков. Это — одна из главных плановых работ Комиссии (основная для ее сотрудников В.Ю. Афиани и М.П. Мироненко) и осуществляется она совместно со многими хранилищами системы Росархива, Министерства культуры, Академии наук и др.⁵⁸. Это — справочник комплексного типа, включающий помимо сведений об архивных фондах (их объеме, аннотации состава и содержания) биографические и библиографические данные. Справочник призван способствовать обогащению источниковой базы науки (и отнюдь не только собственно историографии), использованию этих многообразных архивных материалов в исследованиях различных направлений, усилению интереса к личным фондам вообще и совершенствованию методики их выявления и описания.

Каталог отразит комплексы материалов каждого историка, находящиеся в государственных хранилищах на правах самостоятельных архивных фондов или входящие в состав фондов других лиц или учреждений, учитываемых справочниками, а также фонды историков, находящиеся в настоящее время в личном владении граждан, если о них публиковались сведения в печати. При этом составители не ставят перед собой нереальную задачу выявить все автографы и документы историков в прочих фондах и коллекциях. В Каталог войдут личные фонды историков XVIII—XX вв., находящиеся на территории нашей страны (работа начата была тогда, когда существовал Советский Союз, и учитывались данные о фондах в хранилищах всех союзных республик). Хотя сейчас предпринимаются попытки организовать работу по сведению воедино данных и о личных фондах историков российской диаспоры.

В Каталог включаются сведения о личных фондах ученых-специа-

листов во всех областях исторической и смежной с ней наук: отечественной и всемирной истории, источниковедения и специальных исторических дисциплин, истории исторической науки, археологии, этнографии, истории архивного и музейного дела, а также таких отраслей знания, как история культуры, славяноведение, востоковедение, исторически сложившихся как комплекс гуманитарных дисциплин. Каталог должен представить сведения и о фондах исследователей смежных с исторической наукой разделов других общественных наук (так, например, в состав экономических наук входят, в частности, экономическая история и история экономической мысли).

Включаются и данные о личных фондах исследователей таких отраслей знания, как история философии, политической мысли, история государства и права, история литературы, искусства, языка, история естествознания и техники. И конечно, используется опыт научно-справочной работы в этих сферах исследования — и описания архивной документации, и составления указателей, облегчающих поиски местонахождения подобных архивных материалов. Так, очень полезно обращение к книге С.С. Илизарова «Материалы к историографии истории науки и техники: хроника. 1917—1988 гг.» (М., 1989). Это — первый опыт создания источниковой базы историографии науки и техники.

Каталог не ограничивается сведениями о личных фондах историков-профессионалов, в частности связанных в своей деятельности с научно-исследовательскими учреждениями и изданиями, высшими учебными заведениями, хранилищами — архивами, библиотеками, музеями. В Каталог включаются сведения и о фондах краеведов и коллекционеров, а также лиц, известных своей деятельностью по популяризации исторического знания, тех писателей, общественных деятелей, путешественников, работы которых оказали заметное влияние на развитие таких знаний. И тут существенное значение имеет степень осведомленности о неизданных или незавершенных трудах справочного типа прежних лет, о местных историках или таких, как готовившийся к печати в МГИАИ справочник «Архивисты России» (об истории его составления можно узнать из статьи Н.Н. Митрофанова в Археографическом ежегоднике за 1980 г.). Кстати, думается, что ИАИ РГГУ вместе с Археографической комиссией и Росархивом следовало бы возобновить эту работу, включив в нее и данные об архивистах советского периода нашей истории.

Предварительный список для Каталога издан был в 1984 г. Там учтено около 2500 имен, материалы фондов которых находились тогда примерно в 300 хранилищах СССР. К 1989 г. число увеличилось более чем на 800 имен. Сейчас готовится уже к печати каталог фондов XVIII в. (при издании Каталога руководствуются не алфавитным, а хронологическим принципом). Надеемся, что нам сообщат дополнительно сведения о не учтенных в Каталоге фондах, особенно местных историков, архивистов, музееведов. Все данные о новых поступлениях в хранилища просим направлять по адресу Археографической комиссии: Москва, 117036, улица Дмитрия Ульянова, дом 19. Тем самым источниковая база нашей историографии обогатится еще более.

Сейчас — особенно после открытия ранее утаенных архивных материалов — наступила пора не выборочно, или, употребляя терминологию археологов, не методом шурфов, а пласт за пластом исследовать в храни-

лицах историографические источники, сопоставляя при этом данные напечатанных и архивных материалов. Без привлечения архивной документации невозможно с должной полнотой и объективностью изучать историю исторической науки и выяснить взаимосвязь исторической мысли и общественного мировосприятия. Издания послевоенного пятидесятилетия — литература по историографии и научно подготовленные публикации сочинений историков, подтверждают этот вывод.

- 1 Шмидт С.О. О предмете и содержании университетского курса историографии СССР // ВИ. 1963. № 8. С. 59—70; *Он же*. О методике выявления и изучения материалов по истории советской исторической науки // Историография истории СССР // Тр. МГИАИ. М., 1965. Т. 22. С. 3—49; *Он же*. Некоторые вопросы источниковедения историографии // Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976. С. 264—274; *Он же*. О некоторых общих проблемах истории исторической науки. Калинин, 1980. С. 109—117; *Он же*. Историографические источники и литературные памятники // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 357—364.
- 2 Платонов С.Ф. Соч. Статьи по русской истории. СПб., 1912. Т. 1. С. 495.
- 3 Шмидт С.О. Памятники в системе развития науки и общественного сознания // Музеи мира. М., 1991. С. 98—110.
- 4 ИСССР. 1961. № 1. С. 95.
- 5 Шмидт С.О. О предмете советской историографии и некоторых принципах ее периодизации // ИСССР. 1962. № 1. С. 103—104; подробнее см.: Тр. МГИАИ. Т. 22. С. 33—36.
- 6 Тарновский К.Н. «Тетради по империализму» как часть личного научного архива В.И. Ленина: время создания, структура, принципы организации // АЕ за 1987 год. М., 1988. С. 3—15.
- 7 Шмидт С.О. Доклад С.Ф. Платонова о Н.М. Карамзине 1926 г. и противоборство историка // АЕ за 1992 год. М., 1994. С. 51 и сл.; «Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество: Краеведческий альманах. М., 1990. Вып. 1. С. 11—27.
- 8 Лихачев Д.С. Литература — реальность — литература. Л., 1981. С. 192.
- 9 Шмидт С.О. Историзм мышления // Наука убеждать. М., 1969. С. 376.
- 10 Шмидт С.О. О классификации исторических источников // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1985. Т. XVI. С. 2—10; *Он же*. Источниковая база исторической науки и классификация исторических источников // Историческая наука: вопросы методологии. М., 1986. С. 153—157.
- 11 Ключевский В.О. Соч.: В 8 т. М., 1959. Т. VII. С. 143.
- 12 Голосовкер Я.Э. Интересное // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 115—142.
- 13 Беленький И.Л. «Историк в глазах современников и последующих поколений» как тип коммуникаций в исторической науке // Ученый-историк в системе научных коммуникаций: научно-аналитический обзор. М., ИНИОН. 1983.
- 14 Пресняков А.Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пг., 1922. С. 90.
- 15 Киреева Р.А. Из истории советской исторической науки конца 1940-х годов: Первое вето в научной жизни А.А. Зимина // АЕ за 1993 год. М., 1995.
- 16 Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1978. Вып. IX. С. 81—89.
- 17 Ковалев И.В. Материалы по социально-экономической истории России XVIII в. в рукописном наследии Н.Л. Рубинштейна // АЕ за 1985 год. М., 1986. С. 283—289.
- 18 Алтамова В.Д. Обзор фондов ученых-историков, погибших во время блокады Ленинграда (По материалам Архива ЛОИИ СССР АН СССР) // АЕ за 1973 год. М., 1974. С. 242—254.
- 19 Шмидт С.О. Опыт работы со студентами по проблеме источниковедения историографии // Вопросы историографии в высшей школе. Смоленск, 1975. С. 170—181; Мир источниковедения. М.; Пенза, 1994. С. 375—387; см. также С. 403—409.
- 20 Чирков С.В. Записка М.Н. Тихомирова 1937 г. о задачах историко-архивного образования // АЕ за 1982 год. М., 1983. С. 219—223.
- 21 В Языково е надеждой: Отчет М.Н. Тихомирова Обществу археологии, истории и этнографии при Самарском университете о вызове архива Аксаковых 1921 г. / Подг. к печати В.В. Крылов // Исторический архив. 1994. № 2. С. 205—214.
- 22 Простоловцова Л.Н., Станиславский А.Л. «Мы учим советских людей, а не древних греков» (Из истории вузовской исторической науки конца 30—40-х годов) // ИСССР. 1989. № 6. С. 92—104; См. также: Простоловцова Л.Н., Ста-

- нславский А.Л. История кафедры вспомогательных исторических дисциплин. М., 1990.
- 23 Тихомиров М.Н. Российское государство XV—XVII веков. М., 1973. С. 348—398; Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 335—342, 364—365.
- 24 Чирков С.В. Н.П. Павлов-Сильванский и его книги о феодализме // Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М., 1988. С. 626—630.
- 25 Капитанов С.М. Историк-источниковед Евгений Степанович Сизов // Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины. М., 1980. С. 188—189.
- 26 Архангельский А. Жданов И.Н. // ЖНПР. 1901. № 9. С. 42.
- 27 Жданов И.Н. Сочинения. СПб., 1907. Т. 2. С. 572—573.
- 28 Пресняков А.Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. С. 87—88.
- 29 Нечкина М.В. О причинах отсталости России: Доклад и итоги дискуссии 1941 г. // ИА. 1993. № 3. С. 205.
- 30 Дьяки и подьячие Посольского приказа в XVI веке: Справочник / Составитель В.И. Савва. М., 1983. С. 5.
- 31 Уваров К.А. Неизданный труд Г.З. Кунцевича (обзор гранок второго тома «Сочинений князя Курбского») // АЕ за 1971 год. М., 1972. С. 315—317.
- 32 Афиани В.Ю. Археографические особенности изданий «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина // АЕ за 1991 год. М., 1994. С. 23—32.
- 33 Документы о подготовке издания сочинений Н.М. Карамзина Академией наук (1914—1917 гг.) / Подг. В.Ю. Афиани // АЕ за 1991 год. С. 281—289.
- 34 Шмидт С.О. Вступительное слово Л.В. Черепнина перед защитой им докторской диссертации (1946 г.) // АЕ за 1985 год. М., 1986. С. 319—320.
- 35 Шмидт С.О. В.И. Шунков — историк-источниковед и археограф (Первые десятилетия творческой деятельности) // АЕ за 1967 год. М., 1969. С. 360—361; Кушева Е.Н. О работе В.И. Шункова по подготовке издания кабальных книг конца XVI — начала XVII вв. и записных книг старых крепостей 1597—1598 гг. // АЕ за 1975 год. М., 1976. С. 189—198.
- 36 Простоловская Л.Н. Архивные материалы о библиографии в творчестве И.И. Полосина // АЕ за 1991 год. М., 1994. С. 221—227.
- 37 Шмидт С.О. Исследование Н.Н. Зарубина «Библиотека Ивана Грозного и его книги» // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1978. С. 37—53.
- 38 Емец В.А., Шелохаев В.В. Творческий путь К.Н. Тарновского // ИЗ. М., 1990. Т. 18. С. 215.
- 39 Крылов В.В. Финальный аккорд литературного творчества Л.Б. Каменева // Мир источниковедения. М.; Платона, 1994. С. 183.
- 40 Неизданная статья С.Ф. Платонова // Отечественные архивы. 1993. № 2.
- 41 Шмидт С.О. Доклад С.Ф. Платонова о Н.М. Карамзине 1926 г. и противоборство историков // АЕ за 1992 год. М., 1994. С. 39—76.
- 42 Дружинин Н.М. Воспоминания и мысли историка. М., 1979. С. 43—44.
- 43 История одного отзыва: О литературном сценарии В. Шукшина «Я пришел дать вам волю (Степан Разин)» (М., 1967) // Из прошлого в будущее: Проверка на дорогах: Об историзме кино. М., 1990 (последствие на с. 194—195).
- 44 Муравьев В.А. Лекционные курсы Н.П. Павлова-Сильванского в высших волевых учебных заведениях Петербурга // АЕ за 1969 год. М., 1971. С. 247—258; Муравьев В.А. Материалы Н.П. Павлова-Сильванского в ленинградских архивах // Тр. МГИАИ. М., 1965. Т. 22. С. 279—292.
- 45 Козлов В.Ф. Материалы заседания Ученого совета МГИАИ, посвященного памяти профессора П.П. Смирнова // АЕ за 1980 год. М., 1981. С. 243—247; Козлов В.Ф. Работа П.П. Смирнова в 1942 г. по подготовке сборника документов «Охрана памятников старины и искусства в СССР» // АЕ за 1985 год. М., 1986. С. 257—263.
- 46 Шмидт С.О. Материалы по методике источниковедения в архиве И.И. Полосина // АЕ за 1967 год. М., 1969. С. 318.
- 47 Простоловская Л.Н. Архивные материалы о библиографии в творчестве И.И. Полосина. С. 224.
- 48 Мильников А.С. О картотеке И.М. Кауфмана // АЕ за 1973 год. М., 1974. С. 346—349.
- 49 Критский Ю.М. Эпистолярное наследие историков как историографический источник (середина XIX в.— 1917 г.) // История и историки. 1973. М., 1975. С. 85—112.
- 50 АЕ за 1971 год. М., 1972. С. 240—247.
- 51 Ахалкин Ю.А., Покровский А.С. Научное издание законодательных актов Советской власти (Из опыта работы) // АЕ за 1972 год. М., 1974. С. 25—35.
- 52 Шмидт С.О. К изучению истории советской археографической культуры // Литература и искусство в системе культуры. М., 1988. С. 487—494.
- 53 «Справка» В.Д. Бонч-Бруевича о деятельности академика А.А. Шахматова. Подг. С.О. Шмидт // АЕ за 1970 год. М., 1971. С. 375—376.

- ⁵⁴ Ковалев И.В. Вопросы охраны памятников истории и культуры в эпистолярном наследии Н.Н. Воронина // АЕ за 1988 год. М., 1989. С. 261—267.
- ⁵⁵ Шмидт С.О. С.В. Бахрушин и М.Н. Тихомиров (По архивным материалам) // Проблемы социально-экономической истории феодальной России. М., 1984. С. 72—73.
- ⁵⁶ Мельник А.Н. Творческие материалы личного фонда С.Д. Яковлева // АЕ за 1991 год. М., 1994. С. 220—221.
- ⁵⁷ Академическое дело 1929—1931 гг. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1933. Вып. 1. С. 60—61.
- ⁵⁸ Предварительный список для «Каталога личных архивных фондов отечественных историков» // ВИ. М., 1984. № 9. С. 147—148; Афиани В.Ю. Каталог фондов для историков и краеведов // Памятники отечества. 1989. № 1(19). С. 32—33; В.Ю. Афиани. Судьбы личных архивов // Наше наследие. 1989. № 1(7). С. 158.

**В КУЛЬТУРЕ
РОССИИ**

Ч А С Т Ь Т Р Е Т Ь Я

О ЛИТЕРАТУРНОМ СЦЕНАРИИ В. ШУКШИНА «Я ПРИШЕЛ ДАТЬ ВАМ ВОЛЮ (СТЕПАН РАЗИН)» *

Василий Шукшин — писатель, режиссер, актер давно уже любим и читателями и кинозрителями. Произведения его подкупают цельностью, любовью и уважением к человеческому в человеке, непосредственностью восприятия жизни и особой душевной простотой. Это — высокие и очень чистые — достижения нашей современной культуры. Поэтому мне, как историку, было особенно отраднo, что В. Шукшин обратился к исторической тематике и заранее интересно было узнать, что увидел такой по-настоящему современный и такой народный художник в далеком прошлом.

Новое произведение В. Шукшина посвящено Степану Разину, точнее Степану Разину и России — теме, неминуемо заставляющей и автора и читателя (и, конечно, будущего кинозрителя) задуматься над такими важными, волнующими всех нас проблемами, как «человек и история», «личность и народ», «народ и государство», «личность и государство», а также «пути и закономерности истории», «общее и особенное в историческом развитии», «возможности и ошибки исторического предвидения».

Передовые мыслители, выдающиеся художники слова, мастера музыки и изобразительных искусств постоянно обращались к истории, чутко улавливая связь прошлого с современностью. «Однако только история народа может объяснить истинные требования онoго», — заметил еще Пушкин. Интерес В. Шукшина именно к Степану Разину и к великой народной войне, им возглавленной, понятен и естествен. Это, действительно, самый любимый народный герой феодального периода нашей отечественной истории, воплотивший в себе многие исконные черты русского характера. И не случайно, конечно, что Ленин произнес речь при открытии памятника Разину, что образ этот привлекал самых выдающихся деятелей русского искусства XIX—XX вв., что народные сказители сделали Разина героем и тех особенно памятных событий, которые на самом деле произошли задолго до его рождения (в русских исторических песнях Разин вместе с двумя другими любимыми народом богатырями Ильей Муромцем и Ермаком участвует в штурме Казани 1552 г. — победа над «Казанским царством» особенно поразила воображение народа, долгие годы терпевшего «от кровопролитий и пленений варварских»). Образ свободолюбивого богатыря, оказавшегося способным повести за собой народные массы, давно уже стал символическим образом, воспринимаемым обычно вне узких конкретных хронологических и локальных рамок. Тем труднее задача художника, желавшего, чтобы образ этот не утратил прочно вошедших в наше сознание, как бы вневременных характерных черт, и в то же время решившегося его изобразить на фоне определенной исторической эпохи, представить в системе строго проверенных наукой исторических реалий.

Сейчас становится все более очевидным, что на формирование представлений о событиях прошлого особенно велико воздействие талантливых произведений художественной литературы, и в последнее время — киноискусства (и нам, историкам-специалистам, нельзя с этим не счи-

* Опубликовано в кн.: Из прошлого в будущее: проверка на дорогах. Об историзме кино. М., 1990. С. 190—194.

таться). Для наших современников война 1812 г. связывается прежде всего с эпопеей Толстого «Война и мир», а не с восприятием исторических документов и специальных трудов историков (хотя среди исследователей был и такой мастер исторической прозы, как академик Тарле), время Петра I — с романом Алексея Толстого и с воплощением образа Петра в кинофильме Н. Симоновым (хотя внешне Симонов и далек от многочисленных достоверных изображений Петра), пугачевщина — с «Капитанской дочкой» и романом Шишкова, 1905 год — с «Броненосцем Потемкиным» Эйзенштейна, гражданская война — с «Чапаевым», для молодого поколения Великая Отечественная война — с «Балладой о солдате». И, вероятно, благодаря «Оводу» Войнич (или его инсценировкам и экранизациям) мы особенно много знаем именно об итальянских карбонариях (а не о деятельности Риго в Испании или о французских революционерах 1848 г.), а деятельность леди Гамильтон мы представляем — именно благодаря кинофильму и чудесной актрисе Вивьен Ли — значительно яснее, чем деятельность ее более достойного внимания младшего современника Роберта Оуэна. Число подобных примеров нетрудно умножить. И это налагает особую ответственность на писателя, взявшегося воспроизвести далекое прошлое!

В. Шукшин знакомился и с первоисточниками и историческими исследованиями, и в произведении его учтены достижения ученых, изучавших события народной войны под предводительством Разина. Вряд ли только стоило так «снижать» образ Василия Уса, который, судя по новейшим историческим работам¹, был более самостоятельным и исторически значительным деятелем, чем его представил В. Шукшин. Василию Усу в меньшей степени, чем Разину, были присущи слабости казацкой психологии и идеологии; он склонен был искать длительного союза с горожанами; да и о непробудном пьянстве его как будто нет прямых данных в исторических источниках.

В. Шукшин знает многие бытовые подробности XVII в., данные эти ненавязчиво включены в сценарий и не кажутся (как это, к сожалению, зачастую бывает в так называемых исторических кинофильмах) взятыми напрокат музейными экспонатами.

В. Шукшин внимательно и любовно изучал язык памятников XVII столетия. Действующие лица его сценария говорят своеобразным языком, во многом близким старинному и в то же время вполне понятным нашим современникам, не имеющим специальной исторической подготовки. Отдельные характерные для той поры выражения умело включены в текст, так же как и отрывки современных Разину документов. Сделано это тактично, ибо нельзя, чтобы герои современного фильма говорили языком людей XVII в. (в этом одна из причин неприятия широким читателем романа А. Чапыгина о Ст. Разине), и в то же время излишняя современность языка могла бы привести к утрате ощущения аромата старины и казалась бы неуместной на фоне изобразительных реалий XVII в.

Вероятно, было бы нетрудно отметить в сценарии некоторые отступления от известных нам исторических фактов (или, точнее, введение неизвестных по источникам фактов), бытовых наблюдений и вольности языкотворчества (в отдельных случаях я сделал это карандашом на полях машинописи). Но ведь задачей автора было создать не учебный исторический фильм, не справочник по истории старинного быта и не учебное

пособие по истории русского языка, а художественное произведение, передающее дух исторической эпохи, правду главного, а не частностей. И это В. Шукшину удалось.

Конечно, В. Шукшин под определенным углом зрения, руководствуясь своим художественным и в то же время научно-историческим видением, реконструировал исторические события: включил в сценарий лиц, о которых нам неизвестно по сохранившимся памятникам, заставил их говорить слова, также не запечатленные в источниках. Но это — право художника, а в художественном творчестве воображение играет особенно большую роль. Напрасно только думать, что в творчестве ученого историка воображению отведено малозаметное место. Ведь историк обладает знанием отнюдь не всех фактов, относящихся к изучаемому им явлению, а лишь немногих фактов, фрагментов знаний об этом явлении. Особенно заметны эти пробелы при изучении жизни народных масс и народных движений в антагонистических обществах: мы вынуждены пользоваться, как правило, документами, вышедшими из среды, враждебной народу, искаженно отражающими народные чаяния и действия. Ведь народ в то время был безграмотным, а устные предания обычно существенно подновлялись на протяжении веков. Не имеем мы, историки, и возможности экспериментальным путем воспроизвести явление прошлого, а следовательно, проверить абсолютную точность его описания. И поэтому всегда должны прибегать к мысленному эксперименту, т. е. тоже к приему исторической реконструкции, должны как бы дорисовывать в своем сознании слабо освещенные стороны и взаимосвязи изучаемых явлений и в своих мысленных чертежах пользоваться — на основе типизации наблюдений — и жирными линиями и пунктиром. И задачи историка-ученого и писателя-художника близки: стремление к показу и выявлению наиболее характерных и достоверных с их точки зрения фактов. Этим определяется и несомненное сходство в восприятии читателями трудов историков и писателей. (Не случайно ведь некоторые неискушенные читатели пишут письма литературным героям.)

В. Шукшин сумел избежать опасности модернизации мышления и действий своих героев. Автор видит, конечно, их поступки «свежими и нынешними очами» нашего современника, но действуют и говорят его герои так, как могли действовать Разин и его современники — так неподтверждаемые историческими источниками факты (такие, как, например, разъяснение Разиным, почему он вынужден использовать самозванца в своем войске, сближающее эту сцену с есенинским «Пугачевым», или убийство Матвея Иванова) кажутся художественно достоверными и соответственно и исторически допустимыми.

В сценарии как бы ощущается «бунташный» XVII век, век закрепощения крестьян, великих народных восстаний Болотникова и Разина, массовых городских волнений и вольной крестьянско-казацкой колонизации окраин государства. Показаны и свободолюбие и дикая ненависть к угнетателям казацкой вольницы (и городских низов) и в то же время ее неорганизованность, историческая ограниченность даже самых умных и смелых мыслью казаков (они боролись не столько за что-то, сколько против конкретно ощущаемого зла); и «разбойный» характер разинщины и страстная тоска по обычному крестьянскому труду; и вековое озлобление на господ, страх перед «бумагой»; и умственная темнота и мужественное

простодушие, непосредственность и душевное богатство и благородство этой вольницы (как привлекательны образы Макси и старого деда!). Показаны и потребность казаков в вожде, способном повести их за собой, и то, почему именно Разин смог на длительное время стать таким вождем.

Глубоко впечатляющ образ самого Разина — убежденного, мужественного, страстного вождя. Разин плоть от плоти этой казацкой вольницы — и удаль, и практическая смекалка, и ум, и даже наивность и заблуждения у него казацкие, и в то же время он куда значительно всех других казаков; и это делает понятным, почему именно он сумел приобрести у казаков авторитет, а затем и стать знаменем восстания в Поволжье. По-суриковски крепко, ярко, живописно (и одновременно всегда индивидуализированно) даны образы других казаков. Менее выразителен (как бы в графической манере) царь. Впрочем, это, видимо, художественно оправдано, так как не рассредоточивает внимание читателя (и зрителя), притянутое к разинцам, и позволяет автору ввести — не нарушая художественного единства — публицистические ремарки и оценки. Живописно и также широко, просторно изображены массовые сцены. Народ — не хор трагедии, позволяющий эффектно выделить или уяснить поступки героя, не живописный фон, оттеняющий его значительность и своеобразие. Народ — полноправный участник драматического действия, разыгрывающегося перед зрителем, действия очень динамичного, насыщенного событиями. В сценарии В. Шукшина и герой — народ и народный герой — Степан Разин.

Это — эпически-трагедийное произведение, без примеси снижающей трагедийность мелодраматичности. В. Шукшин верно выразил дух эпохи Разина (гораздо справедливее эти годы называть временем Разина, чем временем царя Алексея Михайловича!), и тем самым произведение его будет способствовать не только развитию и усилению интереса к особо значительным явлениям истории, но и формированию правильных исторических представлений об этих явлениях. С исторической точки зрения вполне допустимы и публицистические отступления в сценарии, и откровенно авторская интонация Матвеева Иванова. Это восходит к давним традициям русской классической литературы, к Пушкину и Льву Толстому.

О сценарии В. Шукшина не хочется писать языком историка-профессионала, с позиции ученого специалиста. Это — прежде всего мастерское художественное произведение, произведение большой мысли и большой силы эмоционального воздействия. Пусть же поскорее замысел В. Шукшина воплотится в кинофильм!

Послесловие

Публикуемый отзыв написан в декабре 1967 г. Незадолго до того Лев Моисеевич Рошаль обратился ко мне в Московском государственном историко-архивном институте (где мы оба преподаем) с вопросом: как бы отнестся к тому, если бы ознакомили с киносценарием Шукшина о Степане Разине. А через несколько дней из редакции журнала «Искусство кино» прислали сценарий с сопроводительной запиской на бланке издания, подписанной С.Г. Розеном, в которой просили «дать научное заключение на эту работу». Записка датирована 14 ноября 1967 г.

Признаться, к чтению приступил с некоторой настороженностью. Проза и фильмы Шукшина воспринимались с особым чувством. Но ведь это о современной жизни, об ощущениях современников в изображении и оценке поступков, мыслей, образа жизни их тоже нашим современником; здесь же — тема историческая... Но я, как и многие другие уже тогда, а еще в большей мере позднее, оказался плененным самобытным талантом Шукшина, проявившимся и в видении, осмыслении и воспроизведении далекого исторического прошлого. Осмыслении в духе, как определил бы сегодня, народной истории, т. е. и понимания событий народом и понимания роли народа в истории.

Конечно, сейчас бы написал по-другому. Многое не только в недавнем прошлом, но и в далеком воспринимается и оценивается иначе. «Бегут, — говоря словами Пушкина, — меняясь, наши лета, меняя все, меняя нас». Особенно теперь, под впечатлением происходящего на наших глазах, обнаруживаешь и провидчество Шукшина, способность его увидеть элементы настоящего в глубинах истории народа, проникнуть в корневую взаимосвязь времен. Больше мы знаем о Василии Макаровиче и его творчестве. Обогатились наши конкретные знания о времени Степана Разина, вообще об истории и ее месте в жизни человека, в формировании основ общественного сознания. Текст 1967 г. в русле моих размышлений именно тех лет о проблемах источниковедения и историографии, нашедших отражение и в научно-популярной форме — в статье «Историзм мышления», напечатанной дважды (второй раз в расширенном виде) в сборнике статей общественных деятелей и деятелей культуры «Наука убеждать», подготовленном в издательстве «Молодая гвардия» (1967, 1969). Но текст печатается таким, каким он был в декабре 1967 г.; и интересен он прежде всего тем, что это документ того времени.

Сценарий был напечатан в журнале «Искусство кино» за 1968 г., в № 5 (с. 143—187) и № 6 (с. 131—185). А затем мне позвонил от имени Шукшина (находившегося в то время вне Москвы, на съемках) директор картины с просьбой консультировать при постановке фильма и помочь Василию Макаровичу увидеть в архиве (речь шла о Центральном государственном архиве древних актов) подлинники документов XVII в., и особенно «прелестных писем» Разина, т. е. грамот, которыми он «прельщал», привлекал на свою сторону народ. Я согласился, но желание В.М. Шукшина уже тогда приступить к работе над фильмом не осуществилось.

Об этом отзыве зашел позднее разговор в доме наших общих знакомых Румянцевых — Ольги Михайловны (редактора журнала «Октябрь», члена партии с дореволюционным стажем, скончавшейся 14 декабря 1988 г.) и ее дочери Ирины Георгиевны (скончавшейся 14 апреля 1979 г.). Дом Румянцевых стал в 1960-е годы для Василия Макаровича родным. В воспоминаниях о Шукшине «Говорить правду, только правду» (в книге «О Шукшине. Экран и жизнь». М., 1979) Ольга Михайловна пишет о том, как образ Степана Разина и мотив воплощения его в искусстве сопутствовали Шукшину все время, пересказывает содержание и моего отзыва на сценарий (с. 272—273). Несколько раз Румянцевы звонили мне, когда «Вася» (как они называли его) заходил к ним. Но меня не оказывалось дома.

Познакомились мы на премьере фильма «Печки-лавочки» в Доме кино. Говорили с ним (и Ириной Георгиевной Румянцевой) об этом филь-

ме, об образе мыслей и жизни «дипломированной» интеллигенции, о характере моды в ее среде на «народное». Поразила не столько мужиковатая угловатость Шукшина, которая сразу внешне бросалась в глаза, сколько интеллигентская застенчивость, несветская серьезность, впитывание мыслей собеседника. Условились встретиться в доме у Румянцевых, поговорить и о Разине. Потом получил по почте книгу «Беседы при ясной луне» с надписью: «Сигурду Оттовичу Шмидту — на память, с уважением. Май 74 г. В. Шукшин».

А утром 3 октября 1974 г. Ирина Георгиевна прокричала мне горестно в телефонную трубку: «Вася умер!» Мы его хоронили. Букет и моих светлых роз лег в его гроб.

Теперь понимаю все яснее, что уход из жизни Василия Макаровича Шукшина в момент такого взлета его дарования, такого обостренного осознания не только настоящего, но и его связи с прошлым, с истоками отечественной истории — невосполнимая потеря и для развития исторического мышления. Ведь историю народ познает в значительной мере через творчество действующих на его разум, сердце и воображение художников слова, театра и кино, мастеров изобразительного и музыкального искусства.

¹ Чистякова Е.В. Василий Ус — сподвижник Степана Разина: Пособие для учителей. М., 1963.

О РОМАНЕ ВАЛЕРИЯ ПОЛУЙКО «ЛЕТА 7071» *

Россия второй половины XVI века! Как часто мы невольно пытаемся подменить эти слова другими: «Россия Ивана Грозного!» Фигура грозного царя, полвека занимавшего русский трон (1533—1584), как бы заслоняет собой русское общество. Даже книги историков об этом времени часто называют просто «Иван Грозный», хотя посвящены они не биографии первого русского царя, а истории или только политической истории — России в целом.

Насыщенная драматическими событиями жизнь царя Ивана интересовала многих. Карамзин писал в 1814 году о своей работе над «Историей государства Российского»: «Оканчиваю Василья Ивановича (описание времени правления Василия III (1505—1533) — отца Ивана Грозного. — С.Ш.) и мысленно смотрю на Грозного. Какой славный характер для исторической живописи! Жаль, если выдам историю без сего любопытного царствования! Тогда она будет как павлин без хвоста».

Созданный Карамзиным противоречивый и зловещий образ Ивана Грозного прочно вошел в сознание. Этот карамзинский образ повторялся

* Опубликовано в кн.: *Полуйко В. Лета 7071*. М., 1979. С. 3—7.

в лучших произведениях исторической художественной литературы дореволюционной поры: в лермонтовской «Песне про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», в «Повести времен Ивана Грозного» — «Князе Серебряном» А.К. Толстого и в первой части его драматической трилогии-трагедии «Смерть Иоанна Грозного», в операх Римского-Корсакова и в воплощении роли царя Шалапиным, в наиболее впечатляющих памятниках изобразительного искусства — творениях скульптора Антокольского, живописцев Шварца, Репина, Виктора Васнецова.

Государь, столь много сделавший для укрепления централизованного государства в России, упрочения его внешнеполитического положения, возвеличения на международной арене, человек смелых помыслов, покровитель книгопечатания, и сам писатель, сформулировавший основные принципы идеологии «самодержавства», и мастер «подсмеятельных слов», Иван IV — убежденный деспот-самодержец, нетерпеливый и подозрительный, своими же руками разрушал содеянное, преследовал тех, талант и уму которых обязан был государственным преобразованиями и победами над внешним врагом, он мучил себя и мучил других, «множество народу от мала и до велика при царстве своей погуби» (слова писателя начала XVII столетия).

Многообразная и столь противоречивая по результатам деятельность Ивана IV наложила заметный отпечаток на всю эпоху его правления: мы говорим «эпоха Ивана Грозного». И даже в последние десятилетия, когда детально изучались факты социально-политической истории времени Ивана Грозного и соответственно происходил процесс переосмысления и переоценки многих исторических явлений, образ Ивана Грозного в определенной мере оставался как бы воплощением России той поры.

Это происходит и потому, что мы больше знаем о самом царе, а точнее сказать, о том, что рассказывали современники о царе, чем о других людях и о не связанных с ним событиях политической истории того времени. О России XVI в. дошло до нас многим меньше письменных источников, чем о России последующего XVII столетия. В наиболее ранних из сохранившихся до наших дней описях дел государственных архивов (последних десятилетий XVI — первых десятилетий XVII в.) упоминаются документы, значительная часть которых известна только по названиям; уцелели лишь ничтожные остатки массива приказной документации и делопроизводства местных учреждений, семейных архивов светских феодалов; важнейшие повествовательные источники, особенно памятники публицистики (в том числе сочинения Ивана Грозного и Курбского, Ивана Пересветова) известны лишь в поздних списках, а в таких списках, как правило, обнаруживаются поновления, изменения и пропуски. Архивы правительственных учреждений сильно пострадали во время «великих» московских пожаров 1547 г., 1571 г. в годы иностранной интервенции начала XVII в. Особенно пагубным для историков был московский пожар 1626 г., когда «во многих приказах многие государевы дела и многая государева казна погорела». В то же время сохранилось немало сочинений современников-иностранцев, но сведения таких сочинений зачастую неполны и недостаточно достоверны, а оценки далеки от беспристрастия. Естественно, что иностранцы (к тому же чаще всего не владевшие рус-

ским языком) могли знать только об особо заметных явлениях. К таким явлениям, конечно же относились события жизни и деятельности царя Ивана. Пристрастны были в отборе фактов и в оценке их сам Иван Грозный и бежавший от царского гнева в Литву боярин князь Курбский, который присылал из-за рубежа царю обличительные послания, а затем написал памфлет «История о великом князе московском». Отзвуки страстного публицистического поединка Курбского и Ивана Грозного, донесшего до нас самые значительные образцы проявления политического и исторического мышления России XVI в., заметны и в трудах историков, и в творчестве писателей.

XVI столетие — как бы порубежное. Это и средневековье, но и преддверие нового периода русской истории. Реформы Избранной рады (кружок приближенных царя Ивана в конце 1540—1550-х годов, фактически бывший одно время правительством) определили на многие десятилетия вперед внутреннюю политику, законодательными мерами и на практике закрепляли устои государственного правления вплоть до реформ Петра I, а победы над ханствами Поволжья и успешное начало войны за Прибалтику в середине XVI в. предопределили на долгие годы внешнюю политику Российского государства и освоение русскими людьми земель к востоку от Волги. XVI столетие — время необычайного расширения территории Российского государства.

Слова «Россия», «российский», которые появились в конце предшествовавшего столетия, завоевывают место в официальных документах, употребляются в царском титуле. Постепенно понятие «русский», как уточнил академик М.Н. Тихомиров, становится определением народности, а «российский» означает принадлежность государству. Говорили и писали — «Российское царство», «Российское государство» (словосочетание «Русское государство» в XVI в. встречается в документах реже). Иностранцы, да и сами русские, часто называли его по столице и «Московским государством». Это выражение принято и в научной литературе, его употреблял В.И. Ленин.

XVI век — век становления централизованного государства — единого государства с единой территорией, с единым руководством, с едиными законами. Централизация, по определению Ф. Энгельса, — «могущественнейшее политическое средство быстрого развития всякой страны». Образование централизованных государств, пришедших на смену государственному строю периода феодальной раздробленности, — исторически прогрессивный и длительный процесс. Но в обществе, разделенном на враждебные классы, государство — прежде всего аппарат подчинения большинства меньшинству. Укрепление власти феодалов влекло за собой и усиление крепостничества и дальнейшее угнетение низов населения в городах. Для XVI в. характерны восстания в городах (число которых заметно возросло), развитие освободительной «еретической» мысли, бегство на окраины, где образовывались большие поселения беглых от крепостной неволи и городского тягла. Здесь и возникли — уже на рубеже XVII в. — очаги массовых антифеодальных движений.

Время действия романа Валерия Полуйко — тревожные годы кануна опричнины. Это период больших побед русского войска в Ливонской войне, период подготовки к осаде и взятие города-крепости Полоцка и вместе с тем время особой напряженности внутриклассовой и межклассовой

вой борьбы, активной деятельности аристократической оппозиции российскому самодержавству. Действие романа ограничено формально 1562—1563 г., т. е. 7071 годом по старорусскому летосчислению, когда год начинали не с января (как с 1700 г.), а с сентября и отсчет годов вели не от «рождества Христова», а от не менее легендарной даты «сотворения мира» (за 5508 лет до «рождества Христова»). Но, по существу, перед нами широкая картина России XVI столетия, выводящая нас за узкие хронологические рамки 7071 г. Широкий круг действующих лиц — не только Иван Грозный и его окружение, но и воины, посадские люди, боярская челядь, крестьяне, их действия и мысли (подчас мучительные раздумья), царский дворец и военный лагерь, боярская усадьба и монастырская келья, московский посад и далекая деревенька. Здесь и повседневный быт разных прослоек русского общества, и торжественность ритуала дворцового обихода, жестокость жизни и ее праздничная сторона.

Валерий Полуйко, безусловно, детально ознакомился с историческими источниками — сочинениями русских и иноземных авторов XVI в., актовым материалом, памятниками фольклора, изобразительного искусства, материальной культуры, с трудами специалистов по истории феодальной России и по русской культуре допетровского времени. Книга свидетельствует о том, что автор осведомлен и в новейшей специальной исторической литературе. Естественно, что в романе Валерия Полуйко, как и во всяком художественном произведении, много вымысла, но произведение его, если можно так выразиться, и научно убедительно. Догадки его об образе мыслей и поведении исторических лиц имеют под собой определенную источниковую базу, отличаются исторической чуткостью.

Автору удалось создать впечатляющие образы не только царя Ивана, но и некоторых известных его современников: первопечатника Ивана Федорова, бояр Мстиславского, Челяднина-Федорова, Басманова, княгини Старицкой, архимандрита Левкия, дьяка Василия Щелкалова, Малюты Скуратова. А это должно привлечь внимание и историков, помочь им в познании деятельности личностей, о которых уцелели лишь фрагментарные или противоречивые сведения. Художник порой может угадать, домыслить то, что остается недостижимым для историка-исследователя, всегда обязанного опираться в своих выводах и наблюдениях на точные указания сохранившихся источников. Но ведь и историк, не имея характеристики и не располагая знанием абсолютно всех фактов, относящихся к этому явлению, а лишь фрагментами таких знаний, вынужден прибегать к приему исторической реконструкции, чтобы «дорисовать» затененные стороны и вскрыть взаимосвязи изучаемых явлений.

В талантливом романе Валерия Полуйко правдиво воссозданы сцены русской жизни XVI в., самый строй мышления людей той поры. Хочется думать, что этому роману суждена долгая жизнь.

КНИГИ Г.К. ВАГНЕРА О ДРЕВНЕРУССКОЙ СКУЛЬПТУРЕ *

Книги Г.К. Вагнера из истории древнерусского искусства хорошо известны и ученым специалистам-искусствоведам, историкам, литературоведам и так называемой широкой общественности, проявляющей все больший интерес к познанию культуры Древней Руси. Научно-популярная работа «Декоративное искусство в архитектуре Руси X—XIII веков», изданная в 1964 г. на русском и французском языках, сыграла значительную роль в пропаганде и за рубежом объективных знаний о великой древнерусской культуре. Основные выводы книги Г.К. Вагнера «Скульптура Владимиро-Суздальской Руси», сразу же высоко оцененной в печати такими выдающимися исследователями истории древнерусской культуры, как Н.Н. Воронин и Д.С. Лихачев, прочно вошли в науку, — отныне можно считать общепризнанным, что древнерусская скульптура достигла очень высокого уровня развития, что она развивалась во Владимиро-Суздальской Руси в тесном взаимодействии с зодчеством, живописью и литературой, что она была «мощным рупором общегражданских мирских идей» (II, с. 7) и может поэтому рассматриваться и как ценнейший памятник общественной мысли. Имя Г.К. Вагнера — исследователя и пропагандиста древнерусского искусства с уважением произносят все, кому дорого славное культурное наследие русского народа.

Книги Г.К. Вагнера, представленные на соискание ученой степени, посвящены скульптуре и архитектуре Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском — памятника совершенно уникального, все стены которого были покрыты скульптурными изображениями, последнего из известных нам великих памятников искусства Владимиро-Суздальской Руси и в то же время во многом предвосхитившего развитие искусства Московской Руси.

Собор был построен накануне татаро-монгольского нашествия, в третьей четверти XV в. он обрушился. Собрали его в 1471 г. Однако часть камней погибла при падении стен собора, и при сборке скульптуры перепутали (вероятно, Ермолин, выполнявший эту работу по заданию Ивана III, имел слишком мало времени — необходимо было возводить Успенский собор в Москве!), и на вновь сложенных камнях стен образовался своего рода «ребус» из белокаменных рельефов. Изучение скульптуры было затруднено и из-за неясности семантики, раскрыть которую было возможно, только привлекая другие источники. Расшифровать этот «ребус» до последнего времени не удавалось, хотя попытки — и иногда удачные — расшифровать отдельные рельефы или даже группы рельефов и предпринимались.

Г.К. Вагнер, изучив современное состояние скульптуры, определил, что уцелело от XIII в., а что было восстановлено в XV в. Для этого предвзвешенно пришлось определить, каковы были характер разрушения со-

* О книгах Г.К. Вагнера «Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. Г. Юрьев-Польский» (М.: «Наука». 1964, далее — I и «Мастера древнерусской скульптуры. Рельефы Юрьева-Польского» (М.: «Искусство». 1966, далее — II). Отзыв официального оппонента диссертации для Ученого совета Института археологии АН СССР (14 марта 1968 г.). Публикуется впервые.

бора и способы разборки его руин и в каком порядке восстанавливались разрушенные части собора. Здесь понадобились не только исторические, но и технические знания. Только после этого Г.К. Вагнер решился приступить к попытке реконструкции скульптуры собора — без такой реконструкции невозможно было бы ни оценить, ни понять эту скульптуру. В процессе работы выяснилось, что реконструкция скульптуры есть одновременно и реконструкция архитектуры (I, с. 31), и, соответственно, стало ясно, что архитектура собора была изменена Ермолиным. Собор был выше, имел иную форму.

Автор справедливо исходил из положения — хотя и не формулировал его с должной точностью — что скульптура собора представляла собой определенную систему взаимосвязанных элементов, соотношение которых подчинялось и характерным для того времени представлениям мировоззренческого порядка и понятиям о перспективе и форме.

Последовательность работы Г.К. Вагнера отражена в первой книге. Начал автор с реконструкции скульптурных групп, прежде всего серийных и сюжетных композиций. При этом он шел от сохранившихся частей к утраченным, т. е. снизу вверх, как бы повторяя процесс создания собора. Тем самым было меньше риска «впасть в чисто умозрительные рассуждения». Автор руководствовался не только формальными, но и смысловыми данными, так как в средние века не принято было произвольное размещение композиций и отдельных фигур (I, с. 83, 98). Это позволило определить смысловые ряды или циклы, которые представляли в сжатом виде весь так называемый христологический цикл. Тем самым решался вопрос о соотношении скульптурных композиций и архитектуры. Детальному изучению были подвергнуты и рельефы звериного стиля, и растительный орнамент. Так определились идейный замысел и космогония скульптуры (II, с. 32).

Особое внимание уделил Г.К. Вагнер исследованию организации резьбы, определению порядка работ и выявлению отдельных мастеров, откававшись от пресловутой переоценки корпоративности творчества средневековых мастеров. По существу, эти сюжеты и стали основной темой второй книги «Мастера древнерусской скульптуры». Г.К. Вагнер не ограничился задачей сличения отдельных скульптур с целью выявления технических приемов, свойственных тому или иному мастеру, но постарался определить и круг художественных и общественных представлений каждого из мастеров, выявить, чем он руководствовался в своей работе, каким традициям следовал и каково было происхождение этих представлений.

Перед автором стояли сложнейшие методологические и методические задачи. Г.К. Вагнер исходил из совершенно правильной посылки: многие изображения, кажущиеся нам через семь-восемь столетий зачастую бессодержательными, для людей того времени были полны определенного жизненного смысла (I, с. 50), и только «онемением» для нас громадных пластов средневековых представлений можно объяснить мнение некоторых ученых, будто бы средневековая скульптура бессодержательна (I, с. 106—107). Сейчас и в отечественной, и в зарубежной науке все более распространяется мысль, что мировоззрение, круг понятных и любимых образов, представлений о дозволенном, обязательном и запретном, о добре и зле, о красивом и уродливом были в далекие времена

инными, чем ныне. Иными были и информационный багаж, и система коммуникативных связей, и уровень абстрактного мышления; более органической была связь с первичными представлениями и мироощущениями, характерными для детства человечества. И исследователи средневековой культуры стараются предостеречь от модернизации мышления людей той эпохи, уловить нормы и законы, специфику общественной структуры. Работа Г.К. Вагнера находится как раз в русле этих очень перспективных исследований.

Однако реализация подобных намерений крайне усложнялась тем обстоятельством, что семантика многих образов растворилась в толще многовековых напластований (I, с. 28) и что до нас дошли лишь немногие образцы воплощения и отражения этих представлений именно в скульптуре, современной Юрьевскому собору. Это сразу же выдвинуло перед автором задачу использования методики так называемого сравнительного источниковедения во всем ее многообразии. Во-первых, автор широко пользуется сравнениями с памятниками скульптуры других храмов (и современных изучаемому им собору, и предшествовавших, и последующих веков). Он не ограничивается только древнерусскими памятниками, но привлекает данные из истории скульптуры и западноевропейского, и южнославянского средневековья, Закавказья, Ирана, Средней Азии. Это позволило ему прийти к убедительному выводу о наличии существенных общих черт, характерных и для Георгиевского собора, и для современных ему прославленных соборов Западной Европы. В качестве материалов для сравнения используется и более мелкая пластика. Пришлось прибегать к аналогиям не только с памятниками скульптуры, но и с памятниками (например, княжескими шлемами), новгородской дощечкой для писания по воску и т. д. (I, с. 139 и др.), с рукописными миниатюрами и заставками, с памятниками фольклора и письменности, с этнографическим материалом. С этой целью автором привлечена обильная литература на нескольких языках и в том числе новейшие зарубежные издания.

Очень подкупает и то, что автор наряду с современной литературой широко — и главное, уважительно — использует труды классиков истории культуры второй половины XIX в. Буслаева, Веселовского, Стасова, Миллера (так же как и Виолле-ле-Дюка). Этим замечательным русским ученым мы обязаны не только многими ценнейшими конкретными наблюдениями и первичными обобщениями, но и первоначальной — и очень успешной — разработкой методики сравнительного источниковедения, о чем иногда забывают, обращаясь не к первоисточкам этой методики, а к работам эпигонов.

Подобная сравнительно-источниковедческая работа дала Г.К. Вагнеру основания утверждать, что художественный горизонт мастеров и заказчиков был достаточно широк, что мастера были знакомы с культурой других русских центров и с зарубежной культурой, однако в основе их творчества лежали местные традиции.

Устанавливается и взаимосвязь с фольклором, приводятся интересные фольклорные параллели. Жаль, что автор при этом не использовал наблюдения В.П. Адриановой-Перетц в ее книге «Очерки поэтического стиля древней Руси» (особенно о дереве, цветах, льве, пардусе). Конечно, трактовка Г.К. Вагнером символики тех или иных фольклорных

образов может оспариваться, так как бытовали иногда различные их истолкования и не всегда ясно, какое именно из них приложимо к данному изображению. Но, на мой взгляд, толкование и льва, и китовраса, и сирина достаточно убедительно. Главное же то, что автору чужд подход к фольклору как к некоему неподвижному явлению. Он старается уловить «исторический момент», рассматривая фольклорные явления как комплекс прошлого и настоящего, как свидетельства борьбы старого и нового.

Важное методическое значение имеет замечание автора о недопустимости сведения проблемы народности к простонародности (I, с. 152—153). И общественно-художественный кругозор и даже идеология мастеров в какой-то степени отражались во всех скульптурах, а не только в звериных рельефах и в растительном орнаменте, откровенно напоминающих о фольклорной первооснове. И автор уместно приводит известное положение марксизма о том, что в средние века «чувства масс вскормлены были исключительно религиозной пищей».

Некоторые положения Г.К. Вагнера кажутся, однако, сомнительными. Так, автор не раз указывает на характерный для средневекового мышления иерархизм (I, с. 145, 147). Поэтому странной кажется фраза на с. 44 (I) о том, будто «такой иерархизм мышления не был свойствен мастерам Георгиевского собора».

Вряд ли был прав и Т. Райнов, мнение которого приводится в книге, считавший, что «символическое мышление» выветривалось «из сознания всех классов» (I, с. 150). Так называемое натуралистическое представление о природе, действительно, все более проникало в сознание, и мышление людей средневековья (как показал Ле Гофф) было далеким от примитивизма, значительно более многообразным и развитым, чем полагали еще недавно, но символизму там отводилось тем не менее очень существенное место. Что и отразилось в сюжетике и даже орнаментике скульптуры Георгиевского собора.

Автор настойчиво пользуется сравнениями с памятниками литературы, и русскими, и зарубежными. И это очень перспективная методика. Связь с литературой обнаруживалась не только в обращении к определенным сюжетам и в их трактовке, но и в самом строе мышления, в системе образности. Ведь в конечном итоге светские литературные произведения были рассчитаны на того же читателя, которому предстояло «прочтение» скульптурной стенописи. И вероятно, авторы скульптур имели в виду подобный уровень восприятия.

Плодотворным кажется привлечение для сравнения таких сочинений, как «Моление Даниила Заточника» и «Слова о погибели Русской земли». Непонятно только, почему автор ограничился сравнением семантики изучаемой им пластики лишь с общественно-политической семантикой этих памятников литературы. Интереснее было бы — особенно в плане системного подхода — рассмотреть весь комплекс представлений, в частности зооморфный. Интересно и то, что в «Молении Даниила Заточника», подобно скульптурным росписям Георгиевского собора, переплетаются мотивы библейские, евангельские, древнегреческого язычества. Правда, автор это сделал в специальной статье «Моление Даниила Заточника — скульптура Георгиевского собора — Слово о погибели Русской земли» (Тр. ОДРЛ. Т. 22), но исключение такого материала из книги

существенно обеднило эту ее часть, придало некоторым выводам в какой-то мере даже налет социологичности.

Не раз вспоминает автор и «Слово о полку Игореве». Однако попытки Г.К. Вагнера показать, что мироощущение мастеров Георгиевского собора и автора «Слова о полку Игореве» — это как бы разные этапы в развитии представлений о соотношении человека и природы (I, с. 179—180), кажутся слабо обоснованными. По мнению автора, в «Слове» человек как бы растворяется в природе, раскрывается в ней, а в скульптуре противопоставляется ей, свидетельством чему, мол, является ярусность зон скульптуры. Между этими великими памятниками, думается, все-таки больше общего — и не только в сходстве основной идеи (призыв к единчеству), но и в характерном разнообразии естественно-географических представлений, смешении христианских и языческих еще начал, в необычайном богатстве символики. Не сказалось ли как раз в ярусности скульптуры то давление официальной церковной идеологии, которого в целом успешно удавалось избегать мастерам-скульпторам применительно к другим элементам их творчества?!

Г.К. Вагнер справедливо полагает, что Георгиевский собор отражает не только отвлеченную идею о стройности мироздания, но и вполне определенные представления о красоте «украсно украшенной» Русской земли, как воплощении этого мироздания (I, с. 161).

Г.К. Вагнер постарался комментировать эту «каменную книгу» и в плане общественно-политическом, считая, что программа скульптурной стенописи рассчитана была на постепенный переход отвлеченных теологических идей в конкретно-исторический план (I, с. 144). И выводы его кажутся в основном убедительными. Георгиевский собор должен был — по его мнению — восприниматься как символ единчества князей, способствовать выработке убеждения в том, что именно Владимиро-Суздальская земля, особенно хранимая святыми, главная наследница могущества и традиций Киевской державы, претендующая на равенство и с Византией.

Автор умело сопоставляет эти наблюдения с фактами политической истории, непосредственно предшествовавшими времени строительства собора. Он справедливо напоминает о высказывании А.Е. Преснякова, одного из самых проникновенных исследователей источников, что в это время во Владимире лелеяли планы создания великого княжества Владимира и Великого Новгорода (I, с. 157). Этим в значительной степени объясняется строительство храма именно в Юрьеве, которой (подобно будущему Петербургу) был ориентирован не во внутрь, а во вне государства (и Юрьев мыслился как будущий «великий город», недаром храм посвятили патрональному святому города). Находит отражение в этом строительстве и победа Святослава над волжскими болгарами. Быть может, черты, типичные для представителей неславянских народов, запечатленные в скульптурных головах, как раз и напоминают об этом, о задаче приобщения к христианской вере иноверцев? Ведь это был век крестовых походов, и походы на Восток зачастую совершались под лозунгом христианизации, и города закладывались на месте языческих святилищ!

К сожалению, автор обошел, по существу, вопрос о том, как же могло отразиться на храмостроительной деятельности Святослава воспо-

минание о кровавой битве на р. Липице. Битва произошла как раз близ г. Юрьева, жители города не могли не помнить об этой страшной сечи. Возможно, что и собор в какой-то мере был сооружен в оправдание и в память о битве (ведшейся формально во имя единчества) и потому-то здесь особенно уместно было подчеркнуть идею единчества и напомнить о погибших воинах!

Автор приводит серьезные аргументы в пользу того, что в «каменной книге» Георгиевского собора нашли отражение мировоззрения не только князей и их окружения, но и всех общественных прослоек, заинтересованных в прекращении княжеских междоусобиц и в могуществе Владимиро-Суздальской земли, т. е. прежде всего горожан и предшественников дворянства (их называли «милостниками», о них специально писал М.Н. Тихомиров, труды которого, к сожалению, даже не упомянуты в книгах Г.К. Вагнера). Г.К. Вагнер пишет, и справедливо, о «традиционных идеях укрепления Северо-Восточной Руси на основе союза княжеской власти и горожан» (I, с. 154). Следовало бы добавить, применительно к конкретной истории Владимиро-Суздальской Руси, и о роли в этом союзе средних и мелких феодалов, а также церкви.

В программе скульптуры Георгиевского собора автор усматривает переключку с идеологическими памятниками XV—XVI вв., со «Сказанием о князьях Владимирских», называя ее даже «каменной Степенной книгой» (I, с. 151). Это сопоставление можно отодвинуть с одной стороны в глубь веков и видеть в скульптурной стенописи продолжение и даже в какой-то мере завершение развития идей, провозглашенных еще Андреем Боголюбским (они были ярко охарактеризованы в не опубликованной до сих пор книге Н.Н. Воронина об Андрее Боголюбском), и в то же время предтечу и идеологии «Москва — Третий Рим». Особенно важно в этой связи отметить подчеркивание независимости от Византии, изображение апостола Андрея — первого христианского просветителя Руси, стремление уравнивать русскую церковь с византийской. Ведь идеи «Третьего Рима», иногда истолковываемые как след византийских влияний, были показателем прежде всего возрастающей национальной независимости, представлений о величии и, соответственно средневековому мировоззрению, о богоизбранности народа и государства. «Третьим Римом» называли и столицу Карла Великого, и столицы болгарского и сербского царств, и даже затем Флоренцию.

Не вполне четким кажется, однако, представление автора о роли князя Святослава Всеволодовича в строительстве Георгиевского собора. Согласно поздней Тверской летописи, «сам князь бе мастер», и эта цитата приводится автором в обеих книгах. Однако он полагает, что Святослава признать главным мастером, конечно, нельзя. Для этого нужны были особые профессиональные данные и громадный опыт (II, с. 50). Святослав мог быть лишь вдохновителем артели, быть может, принимал и непосредственное участие в работе (I, с. 55). Однако на той же странице Г.К. Вагнер пишет, что «во всяком случае у нас нет никаких материалов для опровержения сведений Тверской летописи». Действительно, мысль о князе-мастере не вяжется с нашими привычными представлениями. Но ведь, судя по летописи, людей, проникнутых представлениями эпохи феодализма, т. е. и иерархизмом мышления, такая мысль не смущала. Более того, мы знаем предания о принце-мастере Фархаде, широко распро-

страненные на Востоке, вспомним о посаднике Милонеге, наконец, о Петре I.

О князе Святославе мы знаем еще слишком мало. Пока ясно лишь то, как отмечает и Г.К. Вагнер, что князя Святослава чаще всего характеризуют как фигуру довольно бледную, человека тихого, мирного нрава (I, с. 157).

Видимо, этот князь, при котором был построен такой замечательный и полный глубоко содержательной мысли памятник, как Георгиевский собор, с окружением которого можно связывать и возникновение «Слова о погибели Русской земли», чем-то отличается от других князей. В летописях не запечатлены данные о его политическом честолюбии, активном участии в политических интригах. Князь этот оказывался лишь соучастником политических начинаний братьев, а племянники его вовсе лишили великокняжеского престола. В то же время его не заточили и не убили, а предоставили возможность жить в своем Юрьеве, где он и был похоронен. Можно думать, что вокруг него сосредоточивался кружок деятелей культуры, своеобразная «Академия». Не напоминает ли он другого выдающегося деятеля культуры внука Тимура Улугбека, также чувствовавшего призвание к занятиям не царственным, а научным и также оказавшегося не способным отстоять свои права главы государства? Видимо, после работ Н.Н. Воронина и Г.К. Вагнера, а также Ю.А. Лимонова о Владимирском летописании встает задача более детального изучения деятельности князя Святослава Всеволодовича.

Трудно не согласиться и с мнением автора, что Георгиевский собор побуждает нас думать о заметных элементах «предвозрождения» на Руси XIII в., что процесс этот был мучительно и резко заторможен вражеским нашествием и если бы не нашествие, то появление искусства, равнозначного искусству Рублева, приблизилось бы, видимо, на столетие (II, с. 67). Это еще и еще раз показывает, какой страшный ущерб развитию нашей культуры был нанесен татаро-монгольским нашествием.

Автор ставит вопрос и о том, почему именно Георгиевский собор в представлении людей XIV и даже конца XV в. был образцом для подражания, воспринимался как «русский антик», и показывает, в чем конкретно выразалось воздействие его на дальнейшее развитие искусства (вплоть до Рублева), напоминает о рукописных книгах, где эта традиция, как выяснил М.Н. Тихомиров, восстановилась прежде других, о монетной эмблематике. Вероятно, полезно было бы в этом плане проследить и развитие орнамента на книжных переплетах.

Разносторонняя характеристика скульптуры Георгиевского собора убеждает в правильности положения автора, что скульптура эта «является историческим источником, с которым следует считаться не менее, чем с летописью, тем более что для данного периода истории Северо-Восточной Руси летописные известия крайне редки» (I, с. 157).

В книгах Г.К. Вагнера привлекает то, что они рассчитаны на думающего читателя. Они читаются с неослабевающим интересом, написаны доходчивым, образным языком, и, главное, вводят в самую лабораторию исследования. Г.К. Вагнер сознательно следует лучшим демократическим традициям наших отечественных ученых, задача которых, говоря словами акад. М.Н. Тихомирова, «заключается в популяризации науки, а вовсе

не в том, чтобы эту науку сделать достоянием для немногих!». Интересно следить за ходом мыслей автора, за тем, как развивается его система доказательств. Такие книги воспитывают уважение к самому процессу творчества историка. И очень хорошо, что автор при этом сам не раз отмечает предварительный характер отдельных его выводов, ограниченность возможностей для сопоставления с материалом других источников, или, напротив, опасность безмерного расширения таких сопоставлений. Правда, автор все-таки недостаточно показал, результатом какой огромной, так сказать «полевой» предварительной работы явились его наблюдения. Ведь пришлось измерять и фотографировать буквально каждый камень, пользоваться различными приемами сопоставления отдельных камней, испробовать великое множество комбинаций, прежде чем удалось «прочитать» этот каменный ребус. А сколько сил пришлось отдать такой трудоемкой работе, как составление графических схем реконструкций!

Работы Г.К. Вагнера интересно рассмотреть и в собственно историографическом плане. Бесспорно, что основные выводы и наблюдения Г.К. Вагнера являются прежде всего свидетельством большой одаренности ученого, его всесторонней эрудиции, смелости его исследовательской мысли, систематичности и точности его методики, поразительного его трудолюбия. Но вместе с тем они представляют собой и своеобразный итог характерного для последних десятилетий плодотворного развития наук, изучающих культуру Древней Руси.

Г.К. Вагнер не смог бы прийти к столь убедительным выводам и осмелиться делать столь широкие обобщения, если бы его работе не предшествовали выдающиеся достижения советских ученых, опровергнувших бытовавшие ранее теории об отсталости, и прежде всего об экономической отсталости, Древней Руси. Только после исследований Б.Д. Грекова, показавшего, что Древняя Русь была страной развитого земледелия и достаточно уже развитых феодальных отношений, после исследований Б.А. Рыбакова, показавшего, что ремесленники составляли большинство населения древнерусских городов и что ремесло до середины XIII в. развивалось на уровне передовых стран Западной Европы, после исследований М.Н. Тихомирова, показавшего, что Россия была страной высокоразвитых городов, становившихся ареной массовых городских волнений, напоминавших восстания западноевропейских коммун, стало ясным, что имелись все материальные и социальные предпосылки для расцвета древне-русской культуры. Исследования ученых, выяснивших, что последние десятилетия XII в. и первые десятилетия XIII в. были временем не упадка, а, напротив, расцвета крупных государств, образовавшихся на месте Киевской Руси, и, соответственно, расцвета местных культурных центров, показали закономерности создания таких памятников культуры, как «Слово о полку Игореве», «Моление Даниила Заточника», местные летописи, храмы Новгорода и Владимиро-Суздальской Руси. Труды эти открыли широкие перспективы разностороннего изучения древнерусской культуры и ее места и роли в современной ей мировой культуре. И в этом плане было сделано сразу же очень много. Достаточно назвать хотя бы особенно близкую по тематике и по методике к работам диссертанта фундаментальную монографию Н.Н. Воронина о зодчестве Владимиро-Суздальской Руси. Очень плодотворными оказались и собственно методические наблюдения о приемах выявления черт индиви-

дульного стиля отдельных мастеров (на примере изучения киевских мозаик это блестяще показал В.Н. Лазарев), об отражении в памятниках изобразительного искусства двух идеологий — заказчика и мастера — и о приемах их распознавания (это великолепно разработано применительно к древнерусским миниатюрам А.В. Арциховским и продолжено другими исследователями), о приемах сравнительного изучения памятников литературы, фольклора и изобразительного искусства (в работах М.В. Алпатова, Н.Н. Воронина, В.Н. Лазарева, Д.С. Лихачева, В.П. Адриановой-Перетц, Б.А. Рыбакова и др.).

Все это как бы психологически подготовило и самого исследователя, Г.К. Вагнера, и его читателей к новому, как бы обогащенному подходу к явлениям древнерусской культуры, как бы предопределило рассмотрение их и в тесном взаимодействии (не на фоне, а именно во взаимодействии) с известными нам ныне значительными конкретно-историческими фактами истории Древней Руси и в сравнении с самыми высокими образцами отечественного и зарубежного искусства.

И когда Г.К. Вагнер приступил в 1959 г. к изучению пластики Юрьев-Польского собора, «багаж» его был более богатым, чем у его предшественников, еще в прошлом столетии обративших особое внимание на этот уникальный памятник, и, быть может, именно это позволило ему внести столь существенный вклад не только в исследование древнерусской скульптуры — до недавнего времени остававшейся сравнительно слабо изученной — но прийти к выводам, имеющим первостепенное значение для понимания древнерусской культуры в целом, для познания мировоззрения человека Древней Руси, даже для политической истории кануна монгольского нашествия.

Труды Г.К. Вагнера находятся как бы на стыке собственно истории и искусствознания. И появление подобных трудов характерно для нашего времени — времени, когда методические приемы и фактологические достижения различных близких по тематике отраслей науки (несмотря на кажущуюся их узкую специализацию) все более и более успешно используются при создании трудов синтетического типа. Интеграция знаний неизменно сопутствует их дифференциации.

Книги Г.К. Вагнера по истории древнерусской культуры — большое событие в истории нашей науки. Конечно, в них немало спорного. Да и как может быть иначе, когда мы имеем лишь фрагменты основных источников, и сопоставлять их должны подчас со случайными, точнее, случайно уцелевшими источниками. Но бесспорно одно. То, что труды эти вполне удовлетворяют самым строгим требованиям, которые предъявляются к диссертациям, представляемым на соискание ученой степени доктора наук.

¹ ПСРЛ. Т. XV. С. 355.

ПУШКИН И «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» *

Самым главным, всемирно знаменитым произведением древнерусской литературы является «Слово о полку Игореве»¹. «Слово о полку Игореве» — не просто памятное произведение о знаменательном событии; оно само сделалось событием и в современном понимании этого слова и в том, какое бытовало в XII в. Ибо первичный смысл слова «событие», как показал Б.А. Рыбаков, восходит к слову, обозначавшему сборище народа на языческое празднество и ставшему затем обозначать нечто необычайное, из ряда вон выходящее, особенно значимое². Значение «Слова о полку Игореве» было не в том, что им сохранена память о факте истории, памятник сам стал восприниматься тогда как знаменательный факт истории. «Слово о полку Игореве» способствовало становлению взгляда на создание великих культурных ценностей как на великое историческое деяние, достойное увековечения.

В биографии «Слова о полку Игореве» два этапа, как бы две жизни: до XVI—XVII вв. и возрождение его уже к вечной жизни на рубеже XVIII и XIX вв. Знакомство со «Словом о полку Игореве» произвело сразу же огромное впечатление на литераторов. В оценке его сошлись и «карамзинисты» и «шишковисты». Началось и неослабевающее воздействие «Слова» на язык и образность художественной литературы, особенно поэзии³. Издание «Слова о полку Игореве» стало и живительным толчком к изучению древнерусского языка и других памятников культуры Древней Руси — словесных, вещественных, изобразительных, повлияло на развитие исторической образovanности.

«Слово о полку Игореве», как известно, вызывало восхищение Пушкина, знавшего его наизусть. Он не только использовал образы «Слова» в своих сочинениях, но позднее специально изучал текст «Слова», первые его переводы, труды, посвященные «Слову», и сам готовил, очевидно, и новый перевод «Слова» и труд, употребляя современную терминологию, историко-литературоведческий и текстологический. Можно полагать, что именно «Слово о полку Игореве» в значительной мере побудило Пушкина, занятого в последние годы жизни историческими изысканиями, к исследованиям и в области истории литературы.

Тема «Пушкин и “Слово о полку Игореве”» серьезно разрабатывалась литературоведами еще в 1930-е годы. Постарались выявить все упоминания о «Слове» в сочинениях Пушкина (даже в черновых заметках), книги библиотеки Пушкина, которые могли его заинтересовать в связи с изучением «Слова», переписку тех лет, воспоминания о споре с М.Т. Каченовским во время посещения Пушкиным университета в 1832 г. и об увлеченности Пушкина работой по подготовке нового издания «Слова» в последние месяцы и дни его жизни. Попытались определить значение наблюдений Пушкина над текстом «Слова» и в плане соответствия уровню науки его эпохи и для дальнейшего исследования «Слова»⁴. Работы,

* Первоначальный, более полный, текст статьи, представленный для сб. К 80-летию академика Б.А. Рыбакова. Этот текст стал основой статьи, опубликованной в кн.: Древности славян и Руси. М., 1988. С. 169—174.

опубликованные в последующие годы, по существу, не расширили источниковую базу исследований этой проблематики.

В этой статье речь пойдет об одном из аспектов проблемы — о понимании Пушкиным места «Слова о полку Игореве» в древнерусской литературе. Место «Слова» охарактеризовано в неопубликованных при жизни фрагментах сочинений 1830 г. и рубежа 1833—1834 гг. Мнение о древнерусской литературе, ее памятниках (особенно летописях, а также о «Сказании о Мамаевом побоище»), соотношении ее с литературой XVIII в. можно узнать и по некоторым другим сочинениям Пушкина. Особенно важны заготовки работы исследовательского характера, специально посвященной «Слову», датируемой пушкинистами 1836 годом. Немало можно извлечь из писем других лиц и воспоминаний о Пушкине.

Испытав на себе как поэт завораживающее действие «Слова о полку Игореве» и сразу же постигнув, что оно — высочайшая вершина древнерусской литературы, Пушкин первоначально полагал, что «Слово» «возвышается единственным памятником» в «темной степи» «старинной словесности» (XI, 184) *. Но есть основания думать, что постепенно взгляды Пушкина, по мере все большего включения в сферу его интересов русской истории и древнерусской литературы, расширения его специальных научных знаний, претерпевали изменения ⁵. Если в 1830 г. Пушкин писал, что «к сожалению старинной словесности у нас не существует» и «словесность наша явилась вдруг в 18 столетии» (XI, 184), то в 1834 г., продолжая придерживаться мысли «о ничтожестве литературы» допетровской Руси, и, возможно, используя наброски 1830 г., он снова пишет о «Слове» в близких, однако уже не вполне схожих выражениях: «Слово о полку Игореве» возвышается уединенным памятником в пустыне нашей древней словесности» (XI, 268). Здесь речь идет не о «единственном», а об «уединенном» памятнике, не о «степи», т. е. ровной местности, а о «пустыне». Под «пустыней» можно понимать не только пустую, лишенную обитателей, но и опустошенную местность. Особенно же знаменательно то, что в сочинении 1836 г., когда изучение «Слова», рассматривавшееся сначала Пушкиным как часть задуманной им работы (или работ), стало окончательно осознаваться как тема самостоятельного большого исследования, мысли о «Слове о полку Игореве» как о единственном или даже уединенном памятнике древнерусской литературы и вообще об отсутствии письменной литературы в России до XVIII в. не нашлось уже места.

Размышлять о развитии представлений Пушкина о месте «Слова» в древнерусской литературе и о ее культурно-историческом значении приходится, ограничиваясь рассуждениями предположительного характера. Пытаться разобраться в этом можно, только рассматривая такие изменения в динамике и во взаимосвязи с особенностями развития всего творчества Пушкина в те годы, и с изменениями уровня его познаний в области истории и истории литературы и степени овладения исследовательскими

* Ссылки на сочинения Пушкина даны по большому академическому «Полному собранию сочинений» (тома — I—XVI, 1937—1949). Латинская цифра означает том, арабская — страницу.

приемами в этих областях науки. В данной статье излагаются соображения постановочно-предварительного типа, иногда в тезисной форме.

Первоначально суждения Пушкина о характере культуры Древней Руси (точнее сказать, допетровской Руси) вряд ли отличались от распространенных в ту пору и сложившихся как раз в первой четверти XIX в. Культурный уровень России XVII в. казался подобным уровню так называемого простонародья XIX в. Предполагали, что европейское просвещение пришло в Россию лишь с реформами Петра I⁶. Немногие деятели культуры (среди них М.В. Ломоносов⁷, Н.И. Новиков), сумевшие приблизиться к пониманию подлинного значения памятников истории и культуры Древней Руси для культурного развития XVIII в., оставались тогда еще в меньшинстве. Преобладало мнение, отраженное с наибольшей четкостью в набросках Пушкина «О ничтожестве литературы русской» (1834 г.), будто поколение Петра I застало «безграмотную изустную народную словесность» (XI, 495) и до этого Россия «оставалась чуждою Европе» (XI, 268). В период увлечения «оссианизмом»⁸ «Слово о полку Игореве» воспринималось в русле и этих представлений, кстати, высоко поднимавших значение устной словесности средневековья для развития литературы и общественного сознания (тем более, что это оказалось близким к эстетическим и историческим воззрениям романтиков). В ключе комплекса таких общепринятых историко-литературных представлений и формировалось первичное восприятие Пушкиным «Слова» как памятника истории и культуры.

Попытку дать объяснение определению Пушкиным в 1834 г. места «Слова о полку Игореве» в древнерусской литературе предпринял И.П. Лапицкий в статье 1950 г. Исходя из пушкинского высказывания о том, что дошедшие до нас сказки и песни беспрепятственно поновлялись «изустным преданием» и вследствие этого «сохранили полуизглаженные черты народности» (XI, 268), «Слово», полагает Лапицкий, исключительное, по мнению Пушкина, явление в истории древней русской литературы, поскольку в этом памятнике «как нигде более сохранились неизгладимые «черты народности»⁹. Однако при этом не указывается, с какими другими памятниками древней нашей словесности Пушкин имел возможность сопоставлять «Слово» и как истолковывает автор широко распространенное в ту пору понятие «народность» (определение которому искал и Пушкин еще в заметках 1826 г. «О народности в литературе»). Более основательным кажется предположение известного историка древнерусской литературы А. С. Демина (высказанное в устной беседе со мною), что под пустыней можно понимать и «пустынь» как обитель церковной литературы. Пушкин относил к ней тогда и летописи, ибо в тех же набросках 1834 г. заметил: «В безмолвии монастырей иноки весли свою непрерывную летопись» (XI, 268). Впрочем, летописью называл Пушкин (еще в 1827—1828 гг.) и «Историю великого князя Московского» Курбского (XI, 68). Но все-таки думается, что Пушкин не только в 1830 г., но даже и в 1834 г. не был еще достаточно глубоко знаком с памятниками древнерусской литературы, да и с историей России до середины XVI в. и высказывал, так сказать, расхожее мнение лиц его круга.

Не исключено, что Пушкин, отличавшийся особой памятью на прочитанные им тексты, употребил в 1830 г. определение «единствен-

ный» применительно к «Слову» не без влияния знакомства с III томом «Истории» Карамзина. Там Карамзин, развивая положения, кратко сформулированные им еще в 1797 г., писал: «...К несчастью, песни Бояновы, и, конечно, многих иных стихотворцев, исчезли в пространстве семи или осьми веков, большей частью памятных бедствиями России: меч истреблял людей, огонь здания и хартии. Тем достойнее внимания Слово о полку Игореве, будучи в своем роде единственным для нас творением» (курсив мой.— С. III.), и потому предложил пересказ содержания «Слова» и привел переводы некоторых мест «Слова», т. к. они «дают понятие о вкусе и пиитическом языке наших предков»¹⁰. Но тогда Пушкин еще не обратил должного внимания на основной акцент мысли Карамзина, хотя к тому времени она и была повторена в изданиях, близких поэту, в том числе в статье А.А. Бестужева-Марлинского «Взгляд на старую и новую словесность в России» в «Полярной звезде».

Лишь позднее Пушкин овладевает умением — употребляя его же выражение — «вслушиваться» в «Историю» Карамзина (VIII, 42), вчитываясь в его ученые примечания. Этому помог опыт работы с документами в архивах, ознакомления с исторической и филологической литературой, общения с учеными историками и филологами. Помогли и споры о «Слове о полку Игореве», поиски аргументов, подтверждающих древность этого памятника. Не перестаешь удивляться тому, с какой гениальной быстротой, с поистине моцартианской легкостью Пушкин, великий писатель, становится и историком, даже историком-источниковедом. Пушкин чувствовал в себе призвание «историографа». И в оценках современников, знакомых с его работой, представлялся наиболее выдающимся историком послекарамзинского периода развития нашей исторической науки — именно от Пушкина ожидали на этом поприще очень многого¹¹. Углубленное изучение времени Петра I не могло не показать Пушкину того, сколько взаимосвязей в истории начала XVIII столетия и допетровской Руси. Вряд ли мимо взора Пушкина-историка прошли факты, свидетельствующие о том, что между Восточной и Западной Европой было немало общего и в период средневековья, и Русь не была отсталой страной, лишенной всех черт, характерных для европейской культуры.

Одним из дополнительных толчков для размышлений по этому поводу послужила публикация «Философического письма» П.Я. Чаадаева. Сочувствуя автору в его критике язв крепостнического самодержавия, Пушкин не мог согласиться с Чаадаевым в оценке прошлого России. И характерно, что в ответ на высказанную Чаадаевым мысль, будто в России не найти «ни одного привлекательного воспоминания, ни одного почтенного памятника, который властно говорил бы вам о прошлом, который воссоздавал бы его перед вами живо и картинно»¹², Пушкин писал 19 октября 1836 г.: «Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с Вами согласиться...» (XVI, 395). Небезынтересно, что Пушкин употребил слово «ничтожность», напоминая о заголовке набросков его статьи 1834 г., в которой читаем, будто в отличие от Западной Европы «старинные наши архивы и вивлиофики, кроме летописей, не представляют почти никакой пищи любопытству изыскателей» (XI, 268).

В это время Пушкин уже не только замыслил создать о «Слове о полку Игореве» труд, приближающийся по типу к почитаемому тогда в ученых кругах России и Запада труду А.-Л. Шлецера о древнерусских

летописях, но и, основательно подготовившись, приступил к этой работе. Наброском части ее можно признать текст конца 1836 г., озаглавленный «Песнь о полку Игореве». А. И. Тургенев сообщал 13 декабря 1836 г. брату Николаю в Париж о том, что Пушкин «хочет сделать критическое издание сей песни вроде Шлецера Нестора»¹³. Сохранились заметки и выписки близкого к этому времени, сделанные Пушкиным при чтении перевода книги Шлецера (XII, 209).

Если в 1834 г. Пушкин допускал еще возможность говорить о «Слове» как об «уединенном и спорном памятнике» (в одном из вариантов наброска статьи) (XI, 514), то в 1836 г. он решительно и однозначно высказывает свою точку зрения. Пушкин считал, что подлинность «Слова» «доказывается духом древности, под которого невозможно подделаться» (XII, 147), и сформулировал важнейшие положения — и как знаток языка и истории Древней Руси и как человек, великолепно осведомленный в языке и литературе России XVIII в., — убедительно опровергающие «скептиков».

К 1836 г. у Пушкина сложились высокие требования к «ученым произведениям», рассчитанным на «знающих людей». Это — «плоды долгих изучений и терпеливых изысканий» (XII, 101). Естественно, что Пушкин должен был со столь же высокими требованиями подойти к исполнению задуманного им труда о «Слове о полку Игореве». Сначала он в этой связи обратился к памятникам русского фольклора, который и прежде его интересовал, и к памятникам древнерусского языка и других славянских языков. Возрастает, естественно, и его интерес к познанию памятников древнерусской литературы; а они в большей своей части оставались неизданными, и знакомы с ними были лишь те, кто изучал рукописи в древлехранилищах.

Можно полагать, что к этому времени Пушкин преодолевает не только чары оссианизма, но и предвзятое мнение о путях развития истории и культуры Древней Руси, о ее литературе и с жадностью стремится освоить то, что помогает ему познать постепенно все более открывающийся его умственному взору «дух древности» русской истории. Пушкин буквально восторженно приветствует в рецензии 1836 г. издание «Ключа к «Истории» Карамзина, подготовленное П.М. Строевым (XII, 136). Публикует он и рецензию на «Словарь о святых, прославленных в российской церкви, и о некоторых сподвижниках благочестия местно чтимых» (XII, 101—103). К концу 1836 г. относят и составление справки о В.Н. Татищеве (XII, 341—345). В ней написано об издании исторических трудов его и указывается на значение разбора Татищевым законов Древней Руси — Русской правды и Судебника 1550 г.

Пушкин тянется к людям, занятым изучением истории и литературы средневековой Руси, черпает не только из книг, но и из бесед такого рода. С достаточным основанием можно думать, что он получает сведения о древних рукописях и от А.Х. Востокова, описывавшего тогда рукописи Румянцевского собрания, и от П.М. Строева, М.П. Погодина, С.П. Шевырева, Н.Г. Устрялова и других, от ученых, с которыми встречался на заседаниях Российской академии. Не мог не знать Пушкин и об археографических экспедициях и предшествовавших им изысканиях и собирательской деятельности, а первый том Актов Археографический экспедиции вышел из печати в том же 1836 г.

Следует особо отметить, что возрастание внимания Пушкина к ис-

тории и литературе русского средневековья происходило именно в те годы, когда наблюдается поворот в отношении к памятникам отечественной истории и культуры той эпохи и у следующего за Пушкиным поколения. Если В.Г. Белинский в 1834 г. полагал, что до Петра I в России не было таких произведений искусства, то в 1838 г. он же восклицал: «Не говорите, что у нас нет памятников, ...они рассеяны всюду... но не всякий хочет заметить их»¹⁴. Опять-таки в 1836 г. В.В. Пассек составляет программу издания «Очерки России», а с конца 1830-х годов данные о замечательных в историческом и художественном отношении местных достопримечательностях начинают регулярно публиковаться в губернских ведомостях (во Владимире — А.И. Герценом). Таким образом, Пушкин с его работой о «Слове о полку Игореве» стоял в преддверии перемен в оценке культурного наследия Древней Руси.

Разговоры о «Слове о полку Игореве» беседовавшие с Пушкиным в канун его кончины характеризовали как «разговор по русской истории». Это было время подступа Пушкина к широкому замысленному исследованию исторического и филологического характера. Дошедшие до нас материалы 1836 г. и самого Пушкина и о Пушкине, видимо, не в полной мере отражают то, что успел осмыслить Пушкин в этом плане. Но и то, что мы знаем, убеждает в более углубленном проникновении его в историю средневековой Руси (а не только России времени Петра I) по сравнению и со своими современниками и с Пушкиным более ранних лет.

¹ Рыбаков Б.А. Из истории культуры Древней Руси. М., 1984. С. 12.

² Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981. С. 293—294.

³ Новиков И.А. Пушкин и «Слово о полку Игореве». М., 1951; Прийма Ф.Я. «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX в. Л., 1980; Осетров Е.И. Мир Игоревой песни. М., 1981.

⁴ Лернер Н.О. Из истории занятий Пушкина «Словом о полку Игореве» // Пушкин. 1834 год. Л., 1934. С. 93 — 109; Цявловский М.А. Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 207—239 (Статья «Пушкин и “Слово о полку Игореве”»); Гудзий Н.К. Пушкин в работе над «Словом о полку Игореве» // Пушкин: Сб. ст. / Под ред. А.М. Еголина. М., 1941. С. 260—291; Ясинский Я.И. Работа Пушкина над лексикой «Слова о полку Игореве» // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941. Вып. VI. С. 338—374.

⁵ В кратком изложении об этом: Шмидт С.О. «Слово о полку Игореве» и становление и развитие понятия о памятнике культуры // Памятники Отечества. 1986. № 1. С. 157—158.

⁶ Лихачев Д.С. Русская культура нового

времени и Древняя Русь // Тр. ОДРЛ. Л., 1971. Т. XXVI. С. 3—7.

⁷ Моисеева Г.Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л., 1980.

⁸ Левин Ю.Д. Оссиан в России // Макферсон Дж. Поэмы Оссиана. Л., 1983.

⁹ Лапицкий И.П. «Слово о полку Игореве» в оценке А.С. Пушкина // Слово о полку Игореве: Сб. исследований и статей. М.; Л., 1950. С. 2, 276—277.

¹⁰ Карамзин Н.М. История государства Российского. Изд. 5-е. СПб., 1842. Т. III. Стб. 132.

¹¹ Фейнберг И.Л. Читая тетради Пушкина. М., 1985.

¹² Чаадаев П.Я. Сочинения и письма. М., 1914. Т. II. С. III. См.: Формозов А.А. Пушкин и древности. Наблюдения археолога. М., 1979. С. 95—96.

¹³ Щеголев П.Е. Дуэль и смерть Пушкина. Изд. 3-е. Л., 1928. С. 278.

¹⁴ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. 1953. Т. III. С. 134—135; Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. М., 1986. С. 5. с. 152.

«ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО» В КУЛЬТУРЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ *

«Карамзин воздвигнул своему имени прочный памятник "Историей государства Российского"», — так начинается рецензия В.Г. Белинского 1843 г. на третий том воспроизводимого ныне пятого издания этого сочинения. И почти сразу же великий критик отмечает: «Как всякий важный подвиг ума и деятельности, исторический труд Карамзина приобрел себе и безусловных, восторженных хвалителей и безусловных порицателей».

Неоднозначность оценок «Истории государства Российского», творчества и личности Карамзина характерны и для последующего времени, вплоть до наших дней. Но все единодушно в том, что это редчайший пример в истории мировой культуры, когда выдающийся памятник исторической мысли воспринимался бы современниками и потомками как вершинное произведение и художественной литературы. При этом писатель подтверждал свои выводы и наблюдения обилием ученых примечаний: 12 книг текста для всех — *belles-lettres*, 12 книг — для склонных к занятиям историей (6548 примечаний, не считая приложений к ним).

У Карамзина еще в начале 1790-х годов составилось представление об образцовой «Российской истории»: ее должно было, полагал он, написать «с философским умом, с критикою, с благородным красноречием»¹. Карамзин сам признавал себя «философом-историком»² и стал участником общеевропейской борьбы (мыслителей Франции, Англии, Германии) за новую философию истории, характерную для Века Просвещения³. Написанию «Истории» предшествовало освоение и многовекового опыта восточнославянской культуры и представлений западноевропейских мыслителей и историков XVIII в. (а также их отношения к античному культурному наследию).

Карамзин поставил перед собой несколько задач: не только «открыть» читателю прошлое России, укрепить его историческую образованность и воздействовать на его нравственность и общественно-политическое сознание, но и утвердить его представление о характере новой литературы, воспитать его языковой вкус. То было высокое «искусство истории»⁴, когда долг ученого, не позволяющего «себе никакого изобретения» и стремящегося подтвердить источниковедчески «достоверность» «поисков» духа и жизни в «тлеющих хартиях» (I, с. XII), органически совмещался со следованием дорогам этическим и эстетическим нормативам и даже с творением грамматических форм. И потому особое значение он придавал приемам «историописания», композиционному и стилистическому оформлению своего гигантского труда.

«История», очевидно, сразу же была замыслена Карамзиным как монументальный труд образцовой строгой формы, с ясно ощутимыми основными элементами построения. Это предопределялось неукоснитель-

* В кн.: *Карамзин И.М.* История государства Российского. Кн. IV. М., «Книга». 1988. С. 28—43 (сопроводительная статья к репринтному воспроизведению пятого издания «Истории» Карамзина 1842—1844 гг.).

ным соблюдением хронологической последовательности изложения при «совокуплении», однако, отдельных «деяний» для «удобнейшего впечатления в памяти» (I, с. XIII), жесткими принципами отбора исторического материала с повторяющимися приемами его литературно-художественной обработки, следованием одним и тем же стилистическим нормам, даже при распределении моральных сентенций — «нравственных апофеизмов» (I, с. XII) по книгам и внутри книг. Это помогало ощущению читателем законченности и особой ясности построения и каждого из томов и даже отдельных глав всей многотомной «Истории» в целом и делало это «произведение гармонического пера» (выражение Пушкина) особенно удобным для обучения, а также восприятия при чтении вслух.

Для Карамзина в «Истории» — в отличие от его ранних художественных произведений — характерна строгая торжественность, четкий и как бы замедленный ритм изложения, более книжный язык. Заметно нарочитое стилистическое сходство в описаниях деяний и характеров исторических лиц, изящная, четкая прорисовка частных деталей. Все это напоминает своеобразную повторяющуюся эмблематику в архитектурных деталях и организованность самой пышности внутреннего убранства зданий эпохи «ампир».

Полемика ученых и публицистов конца 1810 — начала 1830-х годов в связи с появлением томов «Истории» Карамзина, размышления и отклики первых читателей (особенно будущих декабристов и Пушкина), отношение к наследию Карамзина последующих поколений, значение «Истории государства Российского» в развитии исторической науки, литературы, русского языка — темы, давно уже привлекавшие внимание. Однако «История» Карамзина как явление культурной жизни изучена пока недостаточно. Между тем «История государства Российского» наложила явный отпечаток на представления русских людей о прошлом своего Отечества, да и вообще об Истории. В течение почти столетия не было в России другого исторического сочинения, которое с юных лет оказывало бы такое влияние на души и умы. И не было другого исторического труда, который бы, потеряв былое значение в глазах ученых, оставался бы столь долго в обиходе культуры так называемой широкой публики.

«История государства Российского» продолжала восприниматься как данность отечественной культуры даже тогда, когда существенно обогатились сведения о Древней Руси и стали господствовать новые концепции исторического развития России и исторического процесса в целом. Без знания имени Карамзина, его «Истории» (или хотя бы ее фрагментов) немислимо было называться в России образованным человеком. И вероятно, В.О. Ключевский нашел правильное объяснение этому, отметив, что «взгляд Карамзина на Историю строился... на нравственно-психологической эстетике»^{5*}. Восприятие образное предшествует логическому; и эти первые образы долгие удерживаются в сознании, чем логические построения, вытесняемые позднее более основательными концепциями.

В данной статье преимущественное внимание уделяется месту «Истории» Карамзина в традиции таких областей культуры, как воспитание

* Афористические заметки о Карамзине написаны не ранее марта 1898 г., и, вероятнее всего, поводом для этого была изданная в 1897 г. книга П.Н. Милюкова «Главные течения русской исторической мысли», где занижается значение труда Карамзина.

и образование юношества, распространение исторических и вообще научных знаний, художественная литература и искусство.

* * *

Первые читатели «Истории» Карамзина знакомились с ней по частям: с выходом сразу восьми томов открыли, что у Отечества есть история, восходящая не только к эпохе до Петра I, но и более давняя, и что сочинения об этой истории читать можно и должно. Когда издали IX том, узнали, что тиранами бывают и цари и обличать их деспотизм допустимо. Следующие тома показали, что история не сводится лишь к действиям властителей. Общественный резонанс издания усиливался ассоциациями с современностью, поисками направленности некоторых нравоучительных «апофегм» (адресатом нередко видели самого императора).

Постепенно ощутили и важность для Карамзина «нравственного Закона» (который Кант во время беседы с Карамзиным назвал совестью, чувством добра и зла)⁶. Карамзина из областей знания, ближних с историей, более всего привлекала та, которую теперь называем политологией, а также нравственная философия. Для запоздалого сторонника просвещенного абсолютизма одной из основных была мысль о возрастании роли просвещения в развитии государства.

Читатели более позднего времени могли сразу прочитать все 12 томов, они знали уже о восстании декабристов, рядом с делом которых самые смелые высказывания Карамзина выглядели консервативными. Осведомлены они были и о «Записке о древней и новой России» (причем в искаженном виде, в каком она и напечатана была в пятом издании «Истории» с выключением всех мест, где содержалась резкая критика деяний самодержавных правителей, особенно бабки и отца Александра I и Николая I). «Записку», сугубо конфиденциальную, написанную для царя, стали неосновательно воспринимать как часть «Истории государства Российского» — сочинения, адресованного широкому читателю, а цитаты из нее приводить для характеристики взглядов Историографа, будто бы отраженных в его «Истории». При подобном смещении исчезли различия в понимании Карамзиным «самодержавия» и «самовластия» (отступления от норм нравственного Закона), не раз подчеркиваемые им в «Истории».

У читателей после декабристского периода и переживших события и умонастроения середины века с особой четкостью врезывалась в сознание пропагандируемая Карамзиным мысль о роли самодержавия в истории России. Тем более, что власти и официозные публицисты старались изобразить Историографа прежде всего верноподданным и прикрыть его авторитетом (вспомним пушкинское: «подвиг честного человека»), то, что делалось в Николаевской России. Карамзин был объявлен официальным историком — так о нем писал и К. Маркс⁷. И потому имя Карамзина, критика его положений «слева» использовалась для критики современного абсолютизма. Подчеркивалось, что Карамзин поборник самодержавия, и опускалось важнейшее для Карамзина — противоборство самовластию (и одного и многих). В первые десятилетия после кончины Историографа на восприятие прошлого по Карамзину, на формирование

самого отношения к далекому прошлому влияло и распространенное тогда еще предвзвешенное — о личности Карамзина, его нравственном подвиге. И образ Карамзина потускнел не только по прошествии лет, но и потому, что с утверждением иных философских и социологических (а иногда и откровенно политических) схем понимания и оценки исторических явлений критерий этического начала отходил на задний план, а выражение его в художественной образности, да еще риторического типа, стало рассматриваться как не свойственное научному труду.

При жизни Историографа вышло два издания «Истории государства Российского». По второму известный уже тогда археограф и историк Павел Михайлович Строев (впоследствии академик) подготовил «Ключ», напечатанный лишь в 1836 г. Пушкин полагал, что «Строев облегчил до невероятной степени изучение Русской истории», и охарактеризовал «Ключ» как «необходимое дополнение к бессмертной книге Карамзина»⁸. Для облегчения занятий «российскими древностями» подобный «Ключ» был совершенно необходим. Он был замыслен как основа будущих справочников по истории и исторической географии, истории права и древнерусской литературы, терминологии древнерусского языка и специальным (вспомогательным) научным дисциплинам — палеографии, генеалогии, хронологии и др. «Примечания» рассматривались тогда как хрестоматия источников по истории древней России.

В 3-м и 4-м изданиях знаменитого книгопродавца и издателя А.Ф. Смирдина научный аппарат был несколько облегчен. Во второй половине XIX в. «История» Н.М. Карамзина издавалась и в серии «Дешевая библиотека» вовсе без примечаний. Читатели, особенно юные, чаще всего знакомились с «Историей государства Российского» по изданиям неполным.

В связи с выходом именно издания И. Эйнерлинга для нас особенно важны суждения Белинского, который, несмотря на несогласие с очень многим в «Истории государства Российского», безусловно, приветствовал это новое издание, и именно он способствовал тому, чтобы издание было такого состава, какой оно и получило. Белинскому принадлежит идея включения в издание «Ключа» П.М. Строева, необходимого и «для юношества», т. е. для формирования его научных интересов. Белинский четырежды писал об этом издании в «Отечественных записках» (1842. Т. 20. № 2; Т. 23. № 7; Т. 25. № 12; 1843. Т. 27. № 7)^{*}. Рецензии Белинского появились по мере выхода книг. Когда вышла первая, он отметил, что «читатели получат теперь "Историю государства Российского" в том самом виде, в каком желал бы напечатать ее сам историограф в позднейшие годы своей жизни. Здесь будет исправлено все, что впоследствии он считал обмолвкой, недосмотром, неправильностью: следственно, теперь можно будет судить о знаменитом творении, как о книге пересмотренной, улучшенной самим автором, и все, оставшееся непоправленным, непереработанным, признать за результат убеждений автора, не покинувших его до самой смерти»¹⁰.

В отклике на вторую книгу он пишет: «Удобство компактного печатания нигде так ясно не обнаруживалось, как в этом издании. Книга,

* Соображения Ю.И. Масанова о принадлежности перу Белинского всех четырех откликов представляются достаточно обоснованными⁹.

закрывающая в себе полные четыре тома "Истории" со всеми "Примечаниями" в переплете, будет не толще каждого из прежних 12 томов той же "Истории", а между тем шрифт, которым напечатана книга, весьма удобен для чтения».

В последней — самой пространной — рецензии Белинский отмечает, что «главная заслуга Карамзина, как историка России, состоит не в том, что он написал истинную историю России, а в том, что он создал ВОЗМОЖНОСТЬ В БУДУЩЕМ истинной истории России... Карамзин открыл целому обществу русскому... что история его отечества должна быть для него интересна, и знание ее не только полезно, но и необходимо. Подвиг великий!...»¹¹.

Эти и другие высказывания Белинского (прежде всего об «историческом значении» деятельности Ивана IV в статье 1841 г. «Стихотворения М. Лермонтова») во многом предопределили характер последующих оценок «Истории государства Российского» и новый виток «жестокой полемики» вокруг наследия Историографа. При этом самые передовые мыслители и общественные деятели, взгляды которых противостояли общественно-политической концепции Карамзина, сочли нужным подчеркнуть непреходящее историко-культурное значение «Истории государства Российского».

А.И. Герцен вслед за Белинским, в 1850 г. в работе «О развитии революционных идей в России», обращаясь к зарубежному читателю, писал: «Великий труд Карамзина — памятник, воздвигнутый им для потомства, — это двенадцать томов русской истории... Его история... весьма содействовала обращению умов к изучению отечества»^{12*}.

Н.Г. Чернышевский в том же 1850 г. в ранней работе о Фонвизине писал: «История Карамзина была едва ли не первой, писанною по-русски книгою, которая имела серьезное влияние на наше общество — из нее русские узнали свое прошедшее, и следствия этого знакомства глубоко отразились в их взгляде на себя, в их жизни и стремлениях. До сих пор влияние русских книг простиралось только на книги же...»¹³. Позднее он отмечал, что Карамзин «сообщил своему труду, с одной стороны, высокое литературное достоинство, с другой стороны, не заменимое ничем достоинство архива»¹⁴.

Труд Карамзина был адресован более широкому слою читателей, чем «так называемое ХОРОШЕЕ ОБЩЕСТВО»¹⁵ (т. е. прежде всего дворянство обеих столиц, крупные помещики и видные чиновники) или круг ученых знатоков. «История» предназначалась и для тех, кого за рубежом относили к третьей сословию, а основной текст и для юношества. Книги эти должны были «приучить, приохотить русскую публику к чтению»¹⁶, по мысли автора способствовать просвещению в России (а также ознакомлению с историей нашей страны зарубежного читателя — и еще при жизни Карамзина «История» или ее части были изданы на французском, немецком, английском, итальянском, польском языках). «С Карамзиным, — писал А.В. Луначарский, — ... начал вырабатываться тип дворянина-интеллигента, пытающегося всеми мерами расширить круг своих

* Там же Герцен формулирует знаменитый программный афоризм, направленный против основной историко-политической доктрины Карамзина: «Идея великого самодержавия — это идея великого порабощения» (с. 192).

читателей и так или иначе разбудить еще спящие слои народа за пределами узкодворянских столичных кругов»¹⁷.

Пушкин в записке 1826 г. о народном воспитании, предназначенной для Николая I, писал: «Историю русскую должно будет преподавать по Карамзину»*. Этому суждению близка и мысль Белинского по поводу готовящегося И. Эйнерлингом издания «Истории государства Российского»: «Большинство же публики, которое имеет в виду Смирдин, издав "Историю" Карамзина с сокращенными примечаниями, и которое раскупило уже теперь до 10 000 экземпляров этой книги, едва ли нуждается в полных "Примечаниях", довольствуясь текстом, так увлекательно написанным, и указаниями, которые находились в примечаниях сокращенных» и знаменательно заключал: «Всякий лишний экземпляр такого творения, как "История государства Российского", проданный в публику, есть успех в народном образовании»¹⁹.

С именем Карамзина, сочинениями его и, конечно, отрывками «Истории» знакомились учащиеся всех учебных заведений (светских и духовных) и те, кто получал домашнее воспитание: тома «Истории» были во многих домашних библиотеках. О воспитании историей и литературой на книгах Карамзина особенно много прямых указаний в источниках, отражающих явления жизни 1820—1850-х годов. Но и тогда, когда уже остыл интерес не только к художественным произведениям Карамзина, но и к его историческим сочинениям и распространились иные исторические воззрения и приобрели особую популярность другие имена историков (С.М. Соловьева, Н.И. Костомарова, И.Е. Забелина, В.О. Ключевского), «История государства Российского» долго оставалась обязательным чтением для юношества. (Это пример нередкий в истории книги — когда сочинение, производившее огромное впечатление на взрослых современников, с годами становилось уделом преимущественно юношеского чтения.)

Сын богатого московского барина четырнадцатилетний А.И. Герцен готовил по заданию своего учителя медика в 1826 г. «исторические статьи», написанные по Карамзину (и, видимо, не только по «Истории», но и по более ранним сочинениям, где Борис Годунов сравнивается с Кромвелем)²⁰. Л.Н. Толстой в варианте «детства» (при описании классной комнаты мальчиков в имении Тульской губернии) называет рядом с «учебными книгами» «Историю Карамзина»²¹. Воспитывавшийся в имении Рязанской губернии мемуарист-географ П.П. Семенов-Тянь-Шанский (1827—1914) вспоминал, что в детские годы «все более читал и с неизменным увлечением и многократно 12-томную Историю Карамзина, добросовестно изучая не только весь ее текст, увлекавший меня живостью своего изложения, но и примечания, напечатанные в издании мелким шрифтом». В 13—14 лет в деревне он «не расставался с Шекспиром, как и с Историей Карамзина». И он столько усвоил из «внимательного и многократного чтения Карамзина», что в 15 лет позволил себе выразить протест по поводу объяснения учителем майором событий истории Древней Руси в школе гвардейских подпрапорщиков и юнкеров (привилегированном закрытом военно-учебном заведении в Петербурге²²). Получивший домашнее образование дворянин Нижегородской губернии К.Н. Бес-

* В черновой рукописи у Пушкина еще читаем об «Истории» Карамзина: «Его творение есть вечный памятник и алтарь спасения, воздвигнутый русскому народу»¹⁸.

тужев-Рюмин (родившийся в 1829 г.), будущий историк и академик, также уже в детстве читал «Историю государства Российского», считал ее своей школой возбуждения интереса к истории и нравственного воспитания. В 1860-е годы он восклицал: «А кто из людей сколько-нибудь образованных не знает ее»²³. Сыновья помещика писателя С.Т. Аксакова (впоследствии известные публицисты) играли в героев «Истории» Карамзина.

В разрозненной небольшой библиотеке домашнего пансиона в Симбирске, где учился в 1820-е годы сын зажиточного купца, будущий писатель И.А. Гончаров, были «исторические книги» Карамзина²⁴. А спустя десятилетия, в 1866 и 1874 гг., Гончаров писал о Карамзине — писателе и историке, как о «проводнике знания, возвышенных идей, благородных, нравственных, гуманных начал в массу общества, ближайшем, непосредственно действовавшем еще на живущие поколения двигателе просвещения»²⁵. Один из самых своеобразных русских писателей середины XIX в. Аполлон Григорьев (родившийся в 1822 г.) вспоминал, что дома, в семье московского чиновника, в Замоскворечье, «воспитался в суеверном уважении» к Карамзину²⁶.

Великий русский историк уже середины XIX в., сын образованного московского священника С.М. Соловьев (впоследствии недолюбливавший Карамзина), по его воспоминаниям, до 13 лет прочитал «Историю» «не менее двенадцати раз, разумеется, без примечаний»²⁷. Известный в 1840—1850-е годы педагог и переводчик И.И. Введенский, сын сельского священника, в годы учения в пензенском духовном училище просил, чтобы отец вместо прыжков присылал ему тома «Истории государства Российского». Н.Н. Страхов, мыслитель, близкий и к Достоевскому и к Л. Толстому, учившийся в начале 1840-х годов в Костромской семинарии, где даже не ведали о новейших писателях, в семинарской библиотеке обнаружил сочинения Карамзина и испытал то, что чувствовали его первые читатели. В статье 1870 г. он писал: «Я воспитан на Карамзине... Мой ум и вкус развивались на его сочинениях. Ему обязан пробуждением своей души, первым и высоким умственным наслаждением». 1-й том «Истории государства Российского» Страхов «знал почти наизусть»²⁸. Эту статью Страхова Ф.М. Достоевский — по его словам — «прочел с наслаждением», особенно «превосходные страницы» воспоминаний о «годах учения»²⁹.

В домашней библиотеке нижегородского священника А. Добролюбова было «много книг», и его сын, Н.А. Добролюбов, к 10 годам, т. е. к 1846 г., уже «прочитал Карамзина» (по сообщению Н.Г. Чернышевского), и в духовном училище мальчику завидовали, потому что, согласно порядку распределения книг для чтения, Карамзина им удастся прочитать года через четыре³⁰.

О раннем знакомстве с «Историей государства Российского» (во всяком случае с ее отрывками) как типологическом явлении эпохи писали такие великолепные знатоки литературы и быта своего времени, как публицисты-демократы Н.А. Добролюбов и Н.Г. Чернышевский, а также великий сатирик М.Е. Салтыков-Щедрин. Добролюбов, вспоминая в 1857 г., на каких образцах обучалось в гимназические годы его поколение, замечал: «...у вас был тогда благоразумный учитель, который предлагал вам описать осаду Казани по Карамзину или Бородинскую битву по Михайловскому-Данилевскому»³¹. В очерке «Дети Москвы» (1877 г.) Салты-

ков-Щедрин иронически пишет, что усвоение «Истории государства Российского» позволяло читателям еще в юношеские годы именовать себя «питомцами славы», и так как труд Карамзина был историей не народа, а князей и княжений, «восторженный, любящий и благодарный» юноша благодарил «всех» правителей в «признательности сердца» за их славные деяния, позволившие возвыситься Москве³². (Это, кстати, и еще одно свидетельство того, как «История государства Российского» использовалась в школьном обучении для пропаганды монархического мировоззрения.)

Чернышевский же в статье 1858 г. «О способах выкупа крепостных крестьян» выступает как бы от имени молодого крестьянина, выдвинувшегося благодаря тяге к самообразованию. Он лучше помещичьего сына мог рассказать о Куликовской битве, падении Новгорода, взятии Казани, смерти царевича Димитрия, так как между прочими книгами у сельского священника была «История» Карамзина, которую он «прочел четыре раза от доски до доски». Когда барчук сказал об этом своим родным, они захотели увидеть такого феноменального крестьянского мальчика, а познакомившись, дали ему вольную и устроили в гимназию³³.

К «Истории» Карамзина, несомненно, обращались и при обычном в XIX в. семейном чтении вслух. Тем самым к восприятию Карамзина в большей мере приобщались и женщины и девочки. «Историю» часто читали в семье московского штабс-лекаря Достоевского, обычно последние четыре тома. Особое впечатление на будущего писателя производил IX том*. В 1870 г. Достоевский, откликаясь на статью Н.Н. Страхова, отмечает, что как и тот, он «возрос на Карамзине»³⁵. Это свое увлечение Достоевский хотел передать младшим брату и сестре. В 1837 г. он пишет отцу: «Варинька, наверно, что-нибудь рукодельничает и верно уж не позабывает заниматься науками и прочитывать Русскую историю Карамзина.— Она нам это обещала. Что касается до Андрюши, то наверно он и среди удовольствий деревни не позабывает Истории, которую он бывало и частенько мне плохо знал». В конце жизни Достоевский, отвечая на вопрос о детском чтении, советовал наряду с книгами Соловьева и всемирной историей Шлоссера (того самого, чей труд конспектировал в последние годы жизни Маркс и известия которого о России основаны на знакомстве с «Историей» Карамзина) «не обойти Карамзина», полагая, что «исторические сочинения имеют огромное воспитательное значение». «Берите и давайте лишь то, что производит ПРЕКРАСНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ И РОДИТ ВЫСОКИЕ МЫСЛИ»³⁶.

«История государства Российского» — ее отрывки или пересказ из нее включали в издания, рассчитанные на детское восприятие. Уже в «Истории России в рассказах для детей» известной детской писательницы А.О. Ишимовой история России излагалась по книгам Карамзина. Первое издание первой части этой книги Пушкин читал накануне роковой дуэли. Последние слова, написанные Пушкиным, — письмо Ишимовой, где дана оценка ее труда: «...открыл Вашу Историю в рассказах и поневоле зачи-

* Будущий историк Соловьев в детстве любил читать особенно часто VI (о правлении Ивана III) и VIII тома (о первой половине царствования Ивана Грозного) «Истории». «...Здесь, — вспоминал он, — действовал во мне отроческий патриотизм: любил я особенно времена счастливые, славные для России; взявши, бывало, девятый том, я нехотя читаю первые главы и стремлюсь к любимой странице, где на полях стоит "Славная осада Пскова"»³⁴.

тался. Вот как надобно писать»³⁷. На последующие издания книг Ишимовой откликнулись Белинский и Чернышевский.

Отрывки из «Истории государства Российского» и вообще сочинения Карамзина в середине XIX в. печатались в самых популярных хрестоматиях. В книге К.Д. Ушинского «Детский мир и Хрестоматия» для классного чтения на уроках родного языка в младших классах различных учебных заведений, впервые вышедшей в 1861 г., в отделе «Из Русской истории» помещены отрывки из «Истории государства Российского» с указанием: «Из соч. Н.М. Карамзина». Детей знакомили не только с прошлым отечества, но и с именем его историка. К 1916 г. эта книга вышла 41 раз. В 1948 г. она была переиздана в собрании сочинений великого русского педагога.

В хрестоматиях сочинения Карамзина определялись как веха в истории российской словесности — даже в заголовках частей: «От Петра I до Карамзина», «От Карамзина до Пушкина». Под «словесностью» тогда подразумевали: устную словесность, художественную литературу, ораторскую речь («красноречие», «духовное ораторство», «светское ораторство»), рассуждения, статьи повествовательного характера (в том числе отрывки из сочинений историков, воспоминания, переписку и пр.). В разнообразных хрестоматиях А.Д. Галахова — известного педагога и литературоведа, друга Белинского, сочинения Карамзина помещались в нескольких разделах и обычно с комментариями и непременно фрагменты из «Истории государства Российского». Эти хрестоматии переиздавались много раз — последнее, 40-е издание вышло в 1918 г. Знакомству с «Историей» Карамзина придавали значение и для исторического образования, и для познания литературы и языка, и для нравственного воспитания. В статьях Галахова середины XIX в. рассматривались проблемы «Карамзин и нравственность», «Карамзин как оптимист». «Истории» Карамзина уделялось особое внимание в научно-методических трудах знаменитых тогда педагогов В.В. Водовозова (в книге 1868 г. «Словесность в образцах и разборах»), В.Я. Стоюнина.

Передовой московский педагог второй половины XIX в. Л.И. Поливанов широко включал сочинения Карамзина и обязательно отрывки из «Истории» в подготовленные им издания. «Русская хрестоматия» для учащихся 3-х и 4-х классов рекомендовалась во Введении как «руководство при учении отечественному языку» и как «избранный материал для чтения». Введению предпослан эпиграф из Карамзина: «Авторы помогают согражданам лучше мыслить и говорить». В разделе «Проза повествовательная» большая часть отведена отрывкам из «Истории государства Российского». В книге для классного чтения «Вторая пчелка» тоже находим отрывки из «Истории». В знаменитой Поливановской гимназии в Москве на Пречистенке, где учились В.Я. Брюсов и Б.Н. Бугаев (Андрей Белый), в 1880-е годы писали исторические сочинения «из Карамзина»*.

И даже на рубеже XIX и XX столетий в издательстве товарищества Вольф, известного однопомниками сочинений классиков русской литературы, неоднократно выходила хрестоматия «Русский литературный Пан-

* Сын Л.Н. Толстого Илья, ученик Поливановской гимназии, просил Софью Андреевну «прочсть и поправить его сокращение по изложению историческому из Карамзина»³⁸.

теон», где творчество Карамзина стало вехой в периодизации истории русской литературы (от XVI столетия до Карамзина — ч. II; от Карамзина до Гоголя — ч. III). В хрестоматию вошли фрагменты сочинений Карамзина начала XIX в. (с примечаниями, отмечавшими консерватизм его политических воззрений и нравственный критерий в оценках исторических деяний) и отрывки из «Истории государства Российского»: часть Предисловия (под заголовком «Определение истории и важность ее»), отрывки из разных томов³⁹.

Известны и примеры раннего знакомства с «Историей» Карамзина на рубеже этих столетий. Старый большевик и ученый-литературовед П.И. Лебедев-Полянский в автобиографии, написанной им уже академиком в 1947 г., вспоминая годы учения во Владимирской семинарии, первым из исторических сочинений, прочитанных им тогда, назвал «Историю» Карамзина⁴⁰. Историк Москвы П.В. Сытин (1885—1968), выросший в рабочей среде на юге России, в пятнадцать лет прочитывает все 12 томов «Истории государства Российского» и делает из них обширные выписки⁴¹. Родившийся в 1892 г. в Петербурге биограф М. Горького И.А. Груздев писал ему в 1927 г.: «Любовь к фактам у меня, вероятно, органическая. В возрасте, когда читают детские книжки с большими буквами, я читал "Историю государства Российского" Карамзина, а в возрасте, когда бывают без ума от Майн-Рида и Купера, я читал дневники, мемуары и переписку»⁴². Вероятно, ранняя встреча с «Историей» Карамзина, особенно если мальчик заглянул в «Примечания», явилась подготовкой и к восприятию первоисточников.

Жизнь «Истории» и ее автора продолжалась и в начале XX в., когда с его именем связывалось восприятие первых впечатлений о знаменательных событиях отечественной истории и о значении истории (в частности в этическом ее аспекте). В то же время с развитием передовой революционной мысли общественно-политические воззрения Карамзина (как, впрочем, и Соловьева, Ключевского) представлялись все более консервативными.

«История государства Российского» побудила многих к занятиям местной историей и оказала серьезнейшее влияние на становление исторического краеведения в России. Основой отбора фактов для сочинений по истории своего края первоначально были сведения о своем городе, своей «земле» в книгах Карамзина. Издание «Ключа» Строева еще более облегчило такую работу. Видный этнограф И.П. Сахаров (1807—1863) начал с того, что в годы учения в Тульской духовной семинарии «долго и много читал» Карамзина, и «среди чтения истории Карамзина» — вспоминал он — «являлась всегда одна мысль: что такое Тула и как жили наши отцы. Я безотчетно решился написать тульскую историю»*. В то же время Сахаров понимал, что местная история не может быть только государственно-политической и должна быть частной», описывающей быт граждан, «который надобно изучать по наличным памятникам в архивах»⁴⁴.

* Любопытны в этом плане воспоминания С.М. Соловьева о посещении в детстве вместе с отцом священником архимандрита одного из монастырей Ростова Великого. Тот спросил отца: «Чем у вас, батюшка, малютка-то занимается?» Отец отвечал: «Да вот, пристрастился к истории, все читает Карамзина». Тогда архимандрит обратился ко мне и спросил: «А что, миленький, вычитал ты о нашем Ростове, что о ростовцах-то говорится?»⁴³.

Будучи совсем юным, особенно заинтересовался 1-м томом «Истории» Карамзина и И.Е. Забелин, впоследствии знаменитый историк русского быта и археолог⁴⁵. У Карамзина он не только нашел указания на значение письменных источников, но и выяснил для себя, что такие источники могут дать много для познания и каждодневной жизни.

Карамзин, начав работу над «Российской историей», не склонен был ограничиваться изображением только событий государственно-политической истории и «деяний» царей. Он предусмотрел главы о «состоянии» Древней России (точнее, «о состоянии жителей»), что было отмечено как достоинство его труда самым ученым из прижизненных критиков Карамзина польским историком И. Лелевелем, а до того поместил главу о «физическом и нравственном характере славян древних». Таких глав в томах «Истории» немного: по одной главе в томах I, III, V, VII, X, частично VII глава VI тома и VII глава IX тома; к ним можно присоединить еще главу I тома о Русской Правде. И дело тут отнюдь не в умысле Карамзина, видевшего историю прошлого в истории государства или даже государей, как наивно полагают иногда те, кто воспитан уже на трудах ученых, появившихся со второй половины XIX в., а скорее в его научной добросовестности. Карамзин считал допустимым домысливать лишь тогда, когда находил хотя бы какую-то опору в источниках или научной литературе, «не позволяя себе никакого изобретения» (I, с. XIII). И приходится, напротив, удивляться умению Карамзина извлекать информацию о быте из многообразных и тогда еще вовсе не изученных письменных источников и опередившим его время широко представленным Карамзиным об исторической базе исторической науки, «об источниках Российской истории до XVII века»: в Предисловии он называет «древние монеты, медали, надписи, сказки, песни, пословицы; в самих томах пишет о старинных словах и обычаях, жилищах и одежде, зданиях и захоронениях, природных условиях и физическом облике человека. Ему «малейшая черта древности дает повод к соображениям» (I, с. XIII).

И потому естественно, что на «Историю» Карамзина в первую очередь опирались, начиная изучать быт Древней Руси, прошлое отдельных ее областей, появление и распространение памятников письменности, археологических и изобразительного искусства. Постоянны ссылки на «Историю» в прибавлениях к Губернским ведомостям о местных достопримечательностях и особенностях местной истории, составлявшихся по почину редактора их в Московских ведомостях В.В. Пассека⁴⁶. Находясь в ссылке в Вятке и Владимире, это делал и Герцен⁴⁷.

В середине XIX в. считали, что излагать события, касающиеся местной истории, нельзя не «справляясь с Карамзиным»⁴⁸. Н.Г. Чернышевский в рецензии на книгу М.С. Без-Корниловича «Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии с присовокуплением и других сведений, к ней относящихся» (1855 г.) отмечал, что автор собрал данные из «Истории» Карамзина, «Истории Отечественной войны 1812 г.» Михайловского-Данилевского и некоторых других сочинений, расположив их по порядку и описав историю каждого из городов, и что книга такая небесполезна «для тех, у кого под руками нет хорошего собрания книг по русской истории»⁴⁹.

«История государства Российского», таким образом, способствовала возрастанию интереса и к изучению народного быта, к тому, что называли

тогда «народностью». Это содействовало и демократизации представлений о содержании истории и демократизации круга лиц, причастных в той или иной мере к изучению отечественной истории.

Издание «Истории государства Российского» сыграло исключительную роль в приобщении широкого читателя не только к историческим знаниям и документальным публикациям, но и вообще к научным знаниям, в ознакомлении с тем, как оформляют научные сочинения, что собой представляет то, что теперь называем научным аппаратом⁵⁰. Этот факт немало значил для воспитания в обществе уважения к науке, к труду ученого (во всяком случае ученого-гуманитария).

Карамзин закрепил обычай публичного чтения историками им написанного. Не было бы выступлений Карамзина с чтением глав своей «Истории» еще до их издания (и информации об этом, в том числе, в его же письмах), русская публика оказалась бы менее подготовленной к возможности такого общественного звучания и культурного значения публичных лекций Т.Н. Грановского, а позднее и «Публичных чтений о Петре Великом» С.М. Соловьева.

Интерес к «Истории» Карамзина предопределил интерес и к «критике» ее⁵¹. Именно с тех пор критические статьи о научных трудах, причем написанные не только публицистами (т. е. теми, кого и называли в XIX в. «критиками»), но и учеными специалистами и даже об ученых «частностях», прочно утвердились в «журнальной литературе», рассчитанной на широкую аудиторию. В свою очередь, это побудило и ученых уделять — при ориентации на такого читателя или слушателя — больше внимания форме изложения научного материала. Так состоялась встреча науки и широкой публики.

* * *

По представлениям и современников, и ученых последующего времени Карамзин «открыл русскую историю для русской культуры»⁵². И в этом одна из заслуг его «Истории государства Российского». Влияние «Истории» Карамзина, да и личности Историографа на восприятие прошлого в творчестве мастеров литературы и искусства было значительным не только для его современников, но и для последующих поколений.

В.А. Жуковский, друг Карамзина и близкий к нему по духу человек, сразу же уловил, чем может стать «История государства Российского»: «Я гляжу на Историю нашего Ливия как на мое будущее: в ней источник для меня вдохновения и славы»⁵³. Вдохновлен чтением первых восьми томов «Истории» был и К.Н. Батюшков, задумавший большое сочинение в «карамзинском духе». «История государства Российского» давала историческую канву многим поэтам, драматургам, прозаикам 1820—1840-х годов. С изданием последних трех томов «Истории» особый интерес обнаружился к событиям так называемого Смутного времени⁵⁴.

Пушкин в 1825 г. напишет Н.И. Гнедичу, завершающему перевод «Илиады», призывая обратиться к теме отечественной истории: «Я жду от Вас эпической поэмы. Тень Святослава скитается не воспетая, писали Вы мне когда-то. А Владимир? А Мстислав? А Донской? А Ермак? А Пожар-

ский? История народа принадлежит поэту»^{55*}. Любопытно отметить, что Святослав, Мстислав, Димитрий Донской и особенно Ермак — это те доблестные герои, которых Карамзин особо выделял в своей «Истории». Очевидно его намерение написать в том же стиле и о Пожарском в томе, которым предполагалось завершить «Историю государства Российского». Еще в 1802 г. в статье «О любви к отечеству и народной гордости» Карамзин писал о подвиге Минина и Пожарского, призывая поставить в их память монумент, и вскоре повторил это в статье «О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств», где, прямо ссылаясь на темы исторических картин, написанных в нашей Академии художеств, называет еще и другие темы (и опять-таки деяния Святослава и Владимира, упоминаемых в письме Пушкина) и «с живым удовольствием» воображает «целую картинную галерею отечественной истории и действие ее на сердце любителей искусства»⁵⁶.

О характере влияния «Истории» Карамзина и самого Историографа на Пушкина, а также об отношении Пушкина к «Истории государства Российского» и ее автору написано на целую библиотеку. Уже в послании «К Жуковскому» (осень 1816 г.) Карамзин для Пушкина — «сокрытого в веках священный судья». С тех пор как юноша Пушкин прочитал первые восемь томов труда Карамзина «с жадностью и вниманием» сразу же по выходе их в свет, «История государства Российского» стала одним из спутников его творческой жизни.

Страницы Карамзина и, видимо, общение с ним побуждали Пушкина к творчеству, сделались источником информации при выборе тем поэтических произведений («Песни о вещем Олеге» 1822 г.), образной характеристики исторических деятелей, при использовании фольклорных представлений (о дубе и др.) и старинных терминов (прежде всего в поэме «Руслан и Людмила»).

Явственнее всего изучение Пушкиным «Истории» Карамзина прослеживается в трагедии «Борис Годунов»^{**}. «Сей труд, гением его вдохновенный», автор посвятил «драгоценной для россиян» памяти Карамзина. Рассказывая П.А. Вяземскому о работе над трагедией, Пушкин замечает: «Ты хочешь плана? возьми конец десятого и весь одиннадцатый том («Истории государства Российского». — С. Ш.), вот тебе и план»⁵⁸.

Знакомство Пушкина с томами «Истории» Карамзина обнаруживается и при характеристике времени «казней свирепых» Ивана IV (при этом драматизируется послание царя в Кирилло-Белозерский монастырь), и юродивого, и особенно детальное — с основным текстом и примечаниями — при изображении событий рубежа XVI и XVII столетий⁵⁹.

Н.А. Полевой и В.Г. Белинский подчеркивали зависимость Пушкина в «Борисе Годунове» от Карамзина. Белинский полагал, что «Пушкин рабски во всем последовал Карамзину», «смотрел на Годунова глазами Карамзина и не столько заботился об истине и поэзии, сколько о том, чтоб

* Не выражение ли это мнения Пушкина в полемике с суждениями и Карамзина, закончившего свое посвящение «Истории» словами «История народа принадлежит царю», и будущих декабристов, сформулировавших в ответ: «История принадлежит народу».

** П.В. Анненков писал: «Это любимое произведение поэта составляло, так сказать, часть его самого, зерно, из которого выросли почти все его исторические и большая часть литературных убеждений»⁵⁷.

не погрешить против "Истории государства Российского"»⁶⁰. В этом Белинского поддержал позднее Чернышевский⁶¹. Сейчас выяснено, что Белинский был неправ, недооценив драматизма характеров и действий народа в Пушкинской трагедии и говоря о «рабском» следовании автора Карамзину (о различии в политическом осмыслении событий у Карамзина и Пушкина написано уже немало). Но в данном случае важно отметить, что тогда даже глубокомысленные знатоки русской литературы рассматривали трагедию Пушкина «Борис Годунов» в русле воздействия «Истории государства Российского».

Вероятно, можно добавить еще наблюдение, о котором они не могли высказываться в печати. Едва ли не к «Истории государства Российского» восходят и приемы аллюзий и иносказаний, характерные для «Бориса Годунова», которые отметил сам его автор в письме, написанном еще при жизни Карамзина П.А. Вяземскому сразу по окончании трагедии: «Жуковский говорит, что царь меня простит за трагедию — навряд, мой миль. Хоть она и в хорошем духе писана, да никак не мог упрятать всех моих ушей под козлпак юродивого. Торчат!»⁶². И тот, кому Бенкендорф поручил дать отзыв о новом произведении Пушкина (вероятнее всего, Ф.В. Булгарин), уловил это в своих «Замечаниях». Там, хотя и отмечено, что «дух целого сочинения монархический», подчеркивалась двусмысленность слов юродивого, изображения духовенства и особенно монолога царя («Царская власть представлена в ужасном виде»). Автор «Замечаний» решительно утверждает, характерзуя «писсу» в целом: «Это отдельные сцены или, лучше сказать, отрывки из X и XI тома Истории государства Российского, сочинения Карамзина, переделанные в разговоры и сцены. Характеры, происшествия, мнения, все основано на сочинении Карамзина, все оттуда позаимствовано»⁶³. Николай I на основании такого отзыва не допустил печатания трагедии в 1826 г. Он, как тогда говорили, не мог простить и Карамзину систему его взглядов и, особенно, системы их выражения и, конечно же, не склонен был то же позволить Пушкину, становящемуся по смерти Карамзина первым писателем России.

Обнаруживается все больше данных и о размышлениях Пушкина над «Историей» Карамзина, о воздействии ее в последние годы его жизни, когда поэт думал посвятить себя «историографии». Самый подход Историографа к явлениям государственно-политической истории, нравственная направленность труда Карамзина становились Пушкину все более понятными и близкими. По-новому взглянул Пушкин и на соображения Карамзина о культуре Древней Руси, ее литературе, особенно когда вплотную занялся изучением «Слова о полку Игореве» и определением его места в отечественной и мировой культуре⁶⁴.

Исследователи (В.Э. Вацуру, С.С. Ланда и др.) отмечали несомненное воздействие «Истории государства Российского» на литературное творчество декабристов (а также на их общественное сознание: декабристы во многом противостояли Карамзину). В полуконспиративном литературно-политическом обществе «Зеленая лампа», в Петербурге, в 1819—1820 гг., основываясь прежде всего на «Истории», составляли компилятивные биографии исторических деятелей Древней Руси⁶⁵. Там же истоки тематики «дум» К.Ф. Рылеева. Известно, что первую опубликованную «думу» «Курбский» Рылеев написал под впечатлением чтения IX тома «Истории»⁶⁶. «История» Карамзина побудила к стихотворному во-

площению сюжетов русской истории и А.И. Одоевского (поэма «Василько»; стихи о Новгороде; «Кутья», начинающаяся словами: «Грозный громко потешается // В белокаменной Москве»⁶⁷). А В.К. Кюхельбекер уже в заключении * пишет историческую трагедию «Прокофий Ляпунов» фактически по «Истории» Карамзина, хотя у него были серьезные несогласия с ним в понимании путей развития стиля нашей изящной словесности (Кюхельбекер принадлежал к «архаистам», противостоящим «карамзинистам»).

Будущий знаменитый славянофил А.С. Хомяков юношей сочинил трагедию «Ермак» (поставлена на петербургской сцене в 1827 г., напечатана в 1832 г.), а затем и драму «Димитрий Самозванец».

Исследователи уже писали об обращении к «Истории государства Российского» М.Ю. Лермонтова, прежде всего при создании «Песни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова»⁶⁹. По предположению Ф.М. Достоевского, вдохновил Лермонтова на «бессмертную» Песнь о Калашникове⁷⁰ образ верного слуги князя Курбского Василия Шибанова, о котором Карамзин написал: «Сие имя принадлежит Истории» (IX, 35).

Воздействие «Истории государства Российского» на литературу и искусство проявлялось прежде всего, конечно, в произведениях исторической тематики, в интересе к биографии и психологии известных исторических деятелей.

Некоторые писатели старшего поколения классиков русской литературы XIX в. воспринимали «Историю государства Российского» в русле прочих сочинений Карамзина⁷⁰. Для других же именно «История» Карамзина оставалась на долгие годы основным источником представлений и о литературе допушкинского периода.

Долго сохранялось и моральное влияние Карамзина или, точнее сказать, созданного в общественном сознании образа Карамзина. Таково отношение к Карамзину писателей, близких к тем, кто был лично связан с Карамзиным: Гоголя, включившего слово о Карамзине в «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847 г.), позднее Тютчева, откликнувшегося стихотворением о Карамзине в канун столетнего юбилея со дня его рождения **, Аполлона Майкова, также написавшего стихотворение «Карамзин» и несомненно испытавшего его воздействие при создании стихотворений на исторические темы и популярных исторических сочинений в прозе ***.

* Декабрист Михаил Бестужев «выпросил» передать ему в тюремную камеру IX том «Истории» (на одной из страниц примечаний которого обожженным прутиком затем написал иероглифы тюремной азбуки для брата Николая). Хотя ему было «очень хорошо известно» описание «зверского царствования Иоанна», Бестужев «предался чтению» с особым «чувством любопытства» и размышлял: не хотела ли его «судьба заранее познакомиться с тонкими причудами деспотизма и приготовить к тому, что ожидает?»⁶⁸.

** Концовка стихотворения Тютчева «На юбилей Карамзина» близка к мысли Гоголя: «...Умевший, не сгибая выи // Пред обаянием венца, // Царю — быть другом до конца // И верноподанным России». В напечатанном в 1866 г. тексте другая последняя строчка: «И до конца служить России»⁷¹.

*** Цензурой устранено противопоставление царя и России. Интересно — и в определенной мере отражает и общественно-политические воззрения обоих писателей — то, что письмо Гоголя Н.М. Языкову о Карамзине было возбуждено похвальным словом об Историографе М.П. Погодина (1845 г.), оцененным им как лучшее из сочинений Погодина, и стихотворение Майкова посвящено тому же Погодину, подготовившему к печати два тома материалов для биографии Карамзина.

Гоголь писал: «Карамзин представляет, точно, явление необыкновенное... Карамзин первым показал, что писатель может быть у нас независим и почтен всеми равно, как именитейший гражданин в государстве... Никто, кроме Карамзина, не говорил так смело и благородно, не скрывая никаких своих мнений и мыслей, хотя они и не соответствовали во всем тогдашнему правительству, и слышишь невольно, что он один имел на то право. Какой урок нашему брату писателю!...»⁷²

Тема совести — характерная черта русской литературы, так же как и проблема независимости мнения писателя. Не помогает ли это понять отношение к «Истории» Карамзина Ф.М. Достоевского?

Имеются прямые авторские указания на влияние «Истории государства Российского», особенно IX тома, на Достоевского, знакомого с этими сочинениями с раннего детства. По воспоминаниям родных, он всегда читал «Историю» Карамзина, «когда не было чего-либо новенького». А знаменитый географ П.П. Семенов-Тянь-Шанский писал, что Достоевский знал «Историю» Карамзина «почти наизусть». Особенно врезались в его сознание образы и оценки Карамзиным «деяний» Ивана Грозного, митрополита Филиппа. Достоевский не был поклонником произведений молодого Карамзина, а в «Истории» его ценил прежде всего образительную образность и нравственное начало. Он горячо рекомендовал отрывки из «Истории» — особенно о тирании Ивана IV — для «народного чтения», как способные «действовать на воображение простолюдина». Ученые усматривают немалое влияние «Истории» Карамзина на формирование общественно-политических (особенно в 1840-е годы в канун участия в кружке петрашевцев), нравственных, национально-религиозных представлений писателя. Он решительно не соглашался с теми, кто во второй половине 1840-х годов и позднее пытался оправдать жестокости царя Ивана государственной целесообразностью. Особо волнующим было для него изображение смятения духа царя Ивана после убийства сына (IX, 208—210) и Бориса Годунова, показанного убийцей царевича Димитрия. Достоевский размышляет о рассказах Карамзина о юродивых. Близок ему был Василий Шибанов. При этом Достоевский не принимает представлений Карамзина о покорности русского народа даже дурным властителям. Русский человек — по его убеждению — никогда не был рабом: «было рабство, но не было рабов». Обращение к Карамзину при рассуждении о тиранах и тиранстве выявляется и в «Записках из Мертвого дома», и в размышлениях последних лет жизни — в «Дневнике писателя». В 1881 г. незадолго до кончины Достоевского Владимир Соловьев и Достоевский (в роли схимника) репетировали для любительского спектакля в помощь нуждающимся литераторам едва ли не самую карамзинскую сцену трагедии «Смерть Иоанна Грозного» А.К. Толстого — разговор царя и схимника, где называются имена загубленных царем⁷³. IX том «История государства Российского» сопутствовал мысли Достоевского до конца его дней⁷⁴.

Л.Н. Толстой, с детства знакомый с «Историей государства Российского», в 25 лет прочитал ее снова, что нашло отражение в дневниковых записях 18 ноября — 16 декабря 1853 г. В первой Толстой отмечает: «...слог очень хорош. Предисловие вызвало во мне пропасть хороших мыслей». Читал он «отрывками», без обдумывания и остановки, и, завершив чтение, написал: «Окончив Историю России, я намерен пересмотреть ее

снова и выписать замечательнейшие события». (Некоторые выписки он делал во время чтения и через несколько дней после того.)⁷⁵ В старости Толстой, видимо, изменил отношение к «Истории» Карамзина, говорил, что не любит ее «за придворный тон». Но записавший эти суждения 1905 г. Д.П. Маковицкий передает и другую мысль Толстого в связи с чтением книги об Александре I Н.К. Шильдера, которая «дурно написана». В ответ на реплику, что это — набор материала, и трудно быть историком без таланта, Толстой воскликнул: «Да, как это Карамзин перебрался через документы всей русской истории!»⁷⁶.

Толстой понимал, какое место занимал Карамзин в общественной жизни его времени, как велико было впечатление современников от знакомства с томами «Истории». Обдумывая план романа о декабристах, среди знаменательных событий весны 1824 г., выделяет выход в свет X и XI томов «Истории государства Российского». В черновых вариантах «Войны и мира» Карамзин изображен спорящим с М.М. Сперанским (противопоставляются мысли «Записки» Карамзина и проекта Сперанского); он — знакомый князя Василия, Жюли. Вероятно, и к Карамзину относятся рассуждения в «Войне и мире» о «прежних историках», которые «описывали деятельность единичных людей, правящих народом; и эта деятельность выражала для них деятельность всего народа»⁷⁷.

Более всего обнаруживается прямая зависимость от Карамзина в художественных произведениях о событиях российской истории XVI—XVII вв., т. е. того периода, который был ярче всего отображен в IX—XII томах «Истории государства Российского».

В драмах Л.А. Мея «Царская невеста» (1849 г.) и даже «Псковитянка» (1860 г.) (где в трактовке образа грозного царя обнаруживается воздействие Соловьева), служивших позднее основой для опер Н.А. Римского-Корсакова, заметны иногда не только сюжетные, но и текстуальные совпадения с IX томом «Истории»⁷⁸. Еще яснее это выявляется в драмах забытых сейчас авторов об эпохе Ивана Грозного, даже тех, которые были написаны в 1860-е годы, т. е. уже после появления и обсуждения трудов, оспаривающих трактовку деятельности царя Ивана Карамзиным.

Восприятие «Истории» Карамзина во многом объясняет и влечение к определенным сюжетам из истории Древнего Рима — к событиям времен императоров Калигулы и Нерона, в жизни которых был отмеченный Карамзиным при сравнительной характеристике Ивана Грозного переход от благого начала и следования добрым советам к безумству самовластия и кровопролития⁷⁹. Образы этих исторических деятелей и осуждения их деспотизма (и деспотизма вообще) театральной публикой, воспитанной на чтении «Истории» Карамзина, воспринимались сквозь призму усвоенных еще в юные годы оценок Карамзина — в XI томе он подчеркивал (причем в буквальном смысле слова, выделяя особым шрифтом), характеризуя Калигулу («образец Государей и чудовище») и Нерона («предмет любви, предмет омерзения»), свое отношение к ним (IX, 259).

А.Н. Островский обратился к историческому жанру в 1860-е годы. В библиотеке его были отдельные тома «Истории государства Российского», в том числе последние четыре, где много отчеркнутых мест⁸⁰. В черновой рукописи драматической хроники «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» драматург прямо ссылается на использование материалов «Истории государства Российского»⁸¹.

Высоко ценил «Историю» Карамзина И.С. Тургенев, который советовал начинающим писателям, решившимся сочинять драмы на сюжеты из русской истории, читать именно эти книги. Одна из таких писательниц замечала: «Я бросила писать, но не мысль о писании. И тогда же начала читать "Историю" Карамзина»⁸². В библиотеке писателя во Франции «История государства Российского» сохранялась и в оригинале, и в переводе на французский язык, возможно, для обращения к этому изданию тех, кто не мог читать по-русски⁸³.

Ближе других крупных писателей середины XIX в. к восприятию Карамзиным событий XVI столетия, пожалуй, А.К. Толстой. Только хорошо зная основной текст и примечания IX тома «Истории», а также тогда уже изданные дважды Н.Г. Устряловым сочинения Курбского (включавшие и послания к нему царя Ивана), А.К. Толстой мог написать в 1863 г. в Предисловии к первому изданию «Князя Серебряного» (книге, имевшей характерный подзаголовок «Повесть времен Ивана Грозного»): «В отношении к ужасам того времени автор оставался постоянно ниже истории. Из уважения к искусству и к нравственному чувству читателя, он набросил на них тень и показал их по возможности в отдалении. Тем не менее он сознается, что при чтении источников книга не раз выпадала у него из рук, и он бросал перо в негодовании, не столько от мысли, что мог существовать Иоанн IV, сколько от той, что могло существовать такое общество, которое смотрело на него без негодования»⁸⁴. Здесь нетрудно усмотреть и несогласие с утверждением Карамзина в IX томе и еще более ясно и лаконично высказанными ранее в «записке о Древней и Новой России» (XII, прилож. с. XII). Но зато эта фраза Толстого вызывает прямое сопоставление со стихотворением того же Карамзина о Древнем Риме, напечатанном впервые при Павле I: «Тацит велик, но Рим, описанный Тацитом, // Достоин ли пера его? // В сем Риме, некогда геройством знаменитом, // Кроме убийц и жертв, не вижу ничего. // Жалеть об нем не должно: // Он стоил лютых бед несчастья своего, // Терпя, чего терпеть без подлости не можно!»⁸⁵ Тацитом после IX тома «Истории» декабрист Рылеев назовет самого Карамзина.

Близость сочинений А.К. Толстого к «Истории» Карамзина отмечена и Достоевским, и историком В.О. Ключевским, который в «Курсе русской истории», вслед за цитатой Карамзина, приводит строки из трагедии «Царь Федор Иоаннович»⁸⁶. У Карамзина воспринята мысль о «малолетстве духа» царя Федора (X, 10). В балладах и драмах А.К. Толстого обнаруживаются текстуальные совпадения с «Историей», а исторические факты рассматриваются с точки зрения моральных норм⁸⁷. Благодаря широкому распространению этих замечательных творений А.К. Толстого политические и нравственные идеи Карамзина тоже начинали как бы новую жизнь.

Если прямо подводящая мысль к труду Карамзина «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева» А.К. Толстого имеет скорее пародийный характер и сатирическая ее направленность сознательно смягчена, то «История одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина является уже подлинной, не имеющей себе подобных сатирой на события отечественной истории и их изображение. Автора, как он отмечает и в уведомлении «От издателя», «не покидал грозный образ Михаила Петро-

вича Погодина», в то время среди историков едва ли не самого рьяного адепта Карамзина. С «Историей» Карамзина самые непосредственные ассоциации и в «Обращении к читателю от последнего архивариуса-летописца», вызывающем мысль о «Предисловии» к «Истории государства Российского», и тексте IX тома, где Иван IV сравнивается с римскими императорами: «Ужели во всякой стране найдутся и Нероны и Калигулы, доблестью сияющие, и только у себя мы таковых не обрящем. Смешно и нелепо даже помыслить таковую нескладницу, а не то чтобы оную вслух проповедывать...» Прямые намеки на «Историю» и в объяснении «начала исторических времен», о призвании градоначальника, напоминовения о словах киевского Святослава «Иду на Вы», при описании «подвигов» «Бородавкина; обыгрываются обычаи и непритязательность к быту того же Святослава в характеристике Угрюм-Бурчеева, который и переименовал «в память великого князя Святослава Игоревича Глупов в город Непреклонск». Салтыков-Щедрин имел в виду, что его читатели знали «Историю государства Российского», более того, что само имя Карамзина уже стало именем-символом, и потому Эраст Андреевич Грустилов, умерший, как и Александр I, в 1825 г., охарактеризован как «Друг Карамзина».

«История» Карамзина в век частого обращения к «эзопову языку» давала основания властям предержавшим искать примеры использования такого языка в современной литературе. Это также обыграно М.Е. Салтыковым-Щедриним. В очерке 1879 г. «Больное место» он приводит рассказ о некоем генерал-майоре Отчаянном, который по выходе из кадетского корпуса не читал ни одной книги. А затем набрел на «Историю государства Российского» и «так был ошеломлен вольномыслием в ней заключающемся», что, «исцарапав» карандашом все ее тома, прислал в Департамент с резолюцией: «Сообразить и доложить с справкою какому оный Карамзин наказанию подлежит, а также и о цензоре». «И только тогда успокоился», когда ему объяснили, что Карамзин был тайным советником и пользовался милостью монарха»⁸⁸. Не нужно забывать, что в труде официального Историографа можно было искать и при желании находить исторические факты, допускающие использование их и в антимонархических целях. (Об этом за рубежом напомнил еще в 1843 г. француз де Кюстин, заклеивший Николаевскую Россию.)⁸⁹ А читатели Карамзина в годы, когда печатались исторические сочинения Н. Щедрина, в высокой степени обладали искусством читать между строк.

Во второй четверти XIX в. «История» входила еще в основной круг чтения и художественной интеллигенции тех лет, даже независимо от возможности обращения к ее содержанию в живописных произведениях. По воспоминаниям спутника К. Брюллова во время его путешествия на Ближний Восток в 1835 г., уже после славы «Последнего дня Помпеи», художник «по вечерам иногда читал Карамзина, и последствиями этого чтения были сначала многочисленные рассуждения о возможности существования русской национальной живописи, а потом основная идея будущей картины «Осада Пскова». По мнению Брюллова, только в двух событиях у Карамзина показано, что «все сделал народ» — при изображении взятия Казани в 1552 г. и осады Пскова. Это подтверждается и воспоминаниями живописца и археолога Ф.Г. Солнцева — написанное Карамзиным Брюллову не нравилось, и он говорил: «Здесь все цари, а народа нет»⁹⁰. А другой великий русский художник Александр Иванов просил

прислать ему в Рим «Историю» Карамзина и «Повествование о России» Н. Арцыбашева (с критикой труда Historiografa). Арцыбашев ему пришелся более по душе, о чем и написал в 1846 г. в письме к профессору и поэту С.П. Шевыреву — поклоннику Карамзина: «...У Карамзина прекрасным русским слогом, очень вежливо и учтиво, выглажены все остроты, оригинальности и резкости, так что все, что сзади текста в конце книги (выписки из летописей), то лучше самой книги. Извините, пожалуйста, что пустился говорить с Вами дерзко. Но, право, это только порывы русского к истине»⁹¹.

Художники слова, кисти и резца, композиторы и актеры продолжали еще долго черпать вдохновение в изображении исторических лиц и их деяний из основного текста «Истории» и из помещенных в Примечаниях текстов литературных памятников, хотя большинство обращалось к примечаниям лишь в поисках правдивых и точных деталей, необходимых для воплощения замысла.

Ныне наиболее известны произведения, созданные не без первичного воздействия Карамзина (особенно последних четырех томов «Истории») во второй половине XIX в.: прежде всего картина И.Е. Репина «Иван Грозный и сын его Иван», а также знаменитые скульптуры М. Антокольского «Иван Грозный», «Нестор», «Ермак». И.С. Тургенев, восхищенный скульптурой «Иван Грозный» в 1871 г., характеризовал ее в тоне, явно восходящем к IX тому «Истории» Карамзина⁹². Прямое следствие чтения Карамзина более всего заметно в произведениях менее ярких и масштабных — например, в небольшой картине Г.Г. Мясоедова (в доме-музее Н.А. Ярошенко в Кисловодске), изображающей встречу царя Ивана и юродивого Николы Саллоса в Пскове, подробно и ярко описанную и в IX томе (с. 90—91) и в примечаниях к нему. В 1892 г. известный прогрессивными взглядами и отличавшийся достоверностью в деталях своих картин, С.В. Иванов, занявшись исторической живописью (к тому же частично в учебных целях), прежде всего счел необходимым приобрести «Историю» Карамзина⁹³. К томам «Истории», особенно к примечаниям, обращался позднее не раз Аполлинарий Васнецов, работая над изображениями древней Москвы. О взглядах Карамзина, в частности, на события России XVI в. напоминали читателям рубежа XIX—XX вв. и пользовавшаяся большой популярностью статья Н.И. Костомарова «Личность Ивана Грозного» (впервые напечатанная в № 10 «Вестника Европы» за 1871 г.), где историк соглашается «со сложившейся под пером Карамзина» точкой зрения на Ивана Грозного как на самовластного тирана, и очерк Н.К. Михайловского начала 1890-х годов «Иван Грозный в русской литературе».

Вдохновляющий художников и композиторов к созданию произведений на темы отечественной истории В.В. Стасов в трактовке образа Ивана Грозного также находился в сфере воздействия IX тома «Истории» Карамзина. Это прослеживается и по его откликам на трагедию А.К. Толстого, на выставленные для обозрения скульптуры Антокольского и картину Репина, и при обсуждении с Римским-Корсаковым либретто «Псковитянки» (Стасов настаивал на введении в оперу юродивого Николы Саллоса).

В разгар работы М.П. Мусоргского над оперой «Борис Годунов» В.В. Стасов вместе с ним читал «Историю» Карамзина, находя там подробности, использованные затем в сцене под Кромами и в других. Узнав,

что имперский посол подарил царевичу Федору попугаев (X, 108), композитор сочинил на собственный текст рассказ царевича «про попиньку». В объявлении о новой опере «Борис Годунов» было написано, что «сюжет заимствован из Пушкина и Карамзина»⁹⁴. А в 1874 г., когда композитор А.П. Бородин объявил, что «снова принимается (и уже окончательно) за оперу "Князь Игорь"», Стасов отправился к нему вечером «с Летописями, Карамзиным и "Словом о полку"»⁹⁵. Между тем к тому времени было уже немало трудов о Руси удельного периода — в их числе монография и тома «История России» Соловьева.

Исполнение Ф.И. Шаляпиным главной роли в опере «Псковитянка» в Русской частной опере С.И. Мамонтова в 1896 г. особенно прославило его. Шаляпин не раз вспоминал, как готовился «с великим волнением» («предстояло изобразить трагическую фигуру Грозного Царя — одну из самых сложных и страшных фигур русской истории»), «читал книги», «ходил в Третьяковскую галерею смотреть картины Шварца, Репина, скульптуру Антокольского»⁹⁶. А это все произведения, созданные под влиянием IX тома «Истории» Карамзина.

То, что именно к Карамзину обращались еще на рубеже XIX и XX вв. при постановке оперы «Борис Годунов», подтверждает и сам Шаляпин в воспоминаниях: «Изучая "Годунова" с музыкальной стороны, я захотел познакомиться с ним исторически, прочитал Пушкина, Карамзина». Рассказывая об «ученых изысканиях» режиссеров-постановщиков оперы «Борис Годунов», вспоминает, как они «вычитывали» «у Карамзина»⁹⁷.

Известно, как старательно готовились к постановке трагедий А.К. Толстого в Московском Художественном театре, изучая литературу, подлинные памятники старины и изображения их. К.С. Станиславский писал о поездке в Ростов Великий и постановке трагедии «Смерть Иоанна Грозного», в которой он исполнял роль царя. (Исполнителем этой роли был и В.Э. Мейерхольд.) Образ царя в обоих описаниях явно навеян IX томом «Истории» Карамзина⁹⁸. Участникам массовых сцен спектаклей читали лекции о «главных типических чертах эпохи» по историческим источникам и сохранившимся памятникам. И первым из историков режиссер МХТ А.А. Санин в «конспективном изложении лекции» называет Карамзина⁹⁹.

Долголетие «Истории государства Российского» и созданных Карамзиным образов исторических лиц и ситуаций как источникового фундамента произведений литературы и искусства соответствующей тематики поистине удивительно и не имеет аналогий в русской исторической литературе XIX в.

Немало десятилетий большинство потребителей литературы и произведений искусства были знакомы с прошлым отечества преимущественно по «Истории государства Российского» (или, что чаще, по ее фрагментам). Отраженные в научных и публицистических изданиях и в университетских спорах вопросы прошлого России — о ходе самого процесса исторического развития, общем и особенном в отечественной и во всеобщей истории, о роли народа и экономического фактора в истории и др. — оставались еще вне внимания такой «публики». И потому к «Истории» Карамзина, а еще пуще к компиляциям, на ней основанным, обращались не только более или менее крупные писатели и художники, но и те, кто

имели лишь временный успех в обществе, а то и вовсе третьеразрядные ремесленники от литературы и искусства («чернильные витязи, по выражению Белинского¹⁰⁰), имена которых ныне мало что говорят даже специалистам-ученым. Сочинения и картины их наводняли книжный рынок, театральную сцену и художественные салоны, удовлетворяя сиюминутные ожидания публики (например, в занимательном чтиве, душещипательном зрелище на сцене или в изображении живописца).

Через школьное чтение, через художественную литературу и театр, оперу и изобразительное искусство впитывались представления о прошлом России, восходящие к «Истории» Карамзина и становящиеся уже устойчивыми мифами и западноевропейского обывателя*.

Использование, так сказать, в меркантильных целях «Истории государства Российского» литераторами объяснено еще в статье В.Ф. Одоевского в пушкинском «Современнике». Одоевский отмечает, что в России, как и в других странах Европы, «люди с талантом обратились к отечественным предметам; ...явились народные драмы и повести». Но «посредственность потянулась вслед за талантом и довела исторический или до нелепости...» И показывает, как это делается: «...раскрыли Историю Карамзина, вырезали из нея несколько страниц, склеили вместе...»¹⁰² Н.Г. Чернышевский явно под впечатлением этой статьи иронизировал в 1855 г.: «Не так писали в старину: тогда, без всяких хитростей, половину страниц романа выписывали из какой-нибудь хорошей исторической книги — особенно богатый материал давала "История" Карамзина, а другая половина наполнялась незамысловатыми, но очень трогательными или до уморительности смешными приключениями каких-нибудь Владимиров, Анастасий и Киршей. "История" Карамзина написана прекрасно, стало быть, нет и спора о том, что одна половина романа была хороша; а другая половина была еще лучше!»¹⁰³ Но и эти данные — дополнительное свидетельство того, как долго именно «История государства Российского» оставалась первоначальным и основным резервуаром исторических знаний для разных слоев населения России и идеологически воздействовала (причем отнюдь не всегда в прогрессивном плане) на общественное сознание. Так «история» Карамзина прямо (хотя бы в хрестоматийных отрывках) или опосредованно входила в культуру повседневности.

Исторические знания — существеннейшая часть социальной экологии. Воспитание историей неотделимо и от нравственного воспитания, от формирования общественно-политических воззрений, даже эстетических представлений. Издание «Истории государства Российского», причем в полном виде и со столь необходимым и по мнению самого Карамзина «Ключом», помогает увидеть не только первоисточки важных явлений в истории русской науки, русской литературы, русского языка, но и облегчает изучение исторической психологии, истории общественного сознания.

Карамзин стремился писать — как он сам говорил — для души, ума и сердца. История воплощена в образах. В его книгах, как и в других классических произведениях отошедших эпох, находим общечеловеческое, волнующее и наших современников в поисках нравственных оценок прошлого и взаимосвязи времен.

* Это хорошо обыграно Ф.И. Шляпиным в письме 1929 г. дочери из Франции¹⁰¹.

- 1 Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1987. С. 252.
- 2 Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма. М., 1982. С. 138.
- 3 См. статьи Г.П. Макогоненко, Л.Н. Лузяниной и др. XVIII век. Сб. 13. Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII — начало XIX в. Л., 1981.
- 4 Эйхенбаум Б.М. О прозе. Л., 1969; Гулыга А. Искусство истории. М., 1980. Гл. «Подвиг Карамзина».
- 5 Ключевский В.О. Непубликованные произведения. М., 1983. С. 134.
- 6 Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. М., 1984. С. 21.
- 7 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 206.
- 8 Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1978. Т. 7. С. 334.
- 9 Лит. наследство. 1948. Т. 55. Ч. 1. С. 337—338, 340—341, 359—360, 360—361.
- 10 Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 6. 231—233.
- 11 Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 7. С. 597—601.
- 12 Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 7. С. 191.
- 13 Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. М., 1949. Т. 2. С. 793.
- 14 Там же. Т. 3. С. 663.
- 15 Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 338.
- 16 Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 1. С. 57.
- 17 Луначарский А.В. Очерки по истории русской критики / Под ред. А.В. Луначарского и Вал. Полянского. М.; Л., 1929. Т. 1. С. 67—68.
- 18 Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1978. Т. 7. С. 431.
- 19 Лит. наследство. М., 1948. Т. 55. С. 337—338.
- 20 Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954. Т. 1. С. 274.
- 21 Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1928. Т. 1. С. 108.
- 22 Семенов Тян-Шанский П.П. Мемуары. Пг., 1917. С. 138, 140, 152.
- 23 Бестужев-Рюмин К.Н. Биографии и характеристики. СПб., 1882. С. 206.
- 24 Гончаров И.А. Собр. соч. М., 1955. Т. 8. С. 228.
- 25 Там же. С. 138—139.
- 26 Григорьев А.А. Воспоминания. Л., 1980. С. 14.
- 27 Соловьев С.М. Избранные труды. Записки. М., 1983. С. 231.
- 28 Косица Н. Вздох на гробе Карамзина // Заря. 1870. № 10. С. 207, 206.
- 29 Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Л., 1986. Т. 19. С. 186.
- 30 Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. М., 1951. Т. 10. С. 12.
- 31 Добролюбов Н.А. Собр. соч. М.; Л., 1962. Т. 2. С. 153.
- 32 Салтыков-Щедрин М.Е. Полн. собр. соч. М., 1936. Т. 13. С. 361—363.
- 33 Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. М., 1950. Т. 5. С. 183—184.
- 34 Соловьев С.М. Избранные труды. С. 231—232.
- 35 Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Л., 1986. Т. 29. С. 7186.
- 36 Черепнин Л.В. Исторические взгляды классиков русской литературы. М., 1968. С. 148—150; Туниманов В.А. Отголоски девятого тома «Истории государства Российского» в творчестве Ф.М. Достоевского // Slavica. 1980. R. 49. S. 4. С. 350—351.
- 37 Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Л., 1979. Т. 10. С. 486.
- 38 Толстая С.А. Письма к Л.Н. Толстому. 1862—1910. М., 1936. С. 230—231.
- 39 Русский литературный Пантеон: История родной словесности в классических образах и примерах. Сост. Н.Х. Вессель. СПб., 1904.
- 40 Лит. наследство. М., 1948. Т. 55. Ч. 1. С. 580.
- 41 Романюк С. Историк Москвы // Куранты. М., 1987. Вып. 2. С. 188.
- 42 Архив А.М. Горького. М., 1966. Т. 11. С. 114.
- 43 Соловьев С.М. Избранные труды. Записки. С. 271.
- 44 Присенко Г.П. Проникновение в былое. Тула, 1984. С. 37—48.
- 45 Формозов А.А. Историк Москвы И.Е. Забелин. М., 1984. С. 22—23.
- 46 Новохатский К.Е. Историк В.В. Пасек // Вопросы историографии в высшей школе. Смоленск, 1975.
- 47 Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М. 1954. Т. 1. С. 369, 373, 374—376.
- 48 Добролюбов Н.А. Русские классики. М., 1969. С. 406.
- 49 Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. М., 1947. Т. 3. С. 446—447.
- 50 Афиани В.Ю. Журнальная археография и историческая наука в первой трети XIX в. // Вопросы источниковедения и историографии истории досоветского периода. М., 1976. С. 131—141; Он же. История альманаха «Русская старина» // Русская старина. Карманная книжка для любителей отечественного на 1825 год. М., Прил. к факс. изданию.
- 51 Козлов В.П. Poleмика вокруг «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина в отечественной периодике // ИСССР. 1984. № 5. С. 88—102.
- 52 Слова Г.А. Гуковского (История русской литературы. М.; Л., 1941. Т. 5. Ч. 2. С. 98).
- 53 Эйдельман Н.Я. Последний летописец. М., 1983. С. 98.; Кочеткова Н.Д. Жуковский и Карамзин // Жуковский и русская культура. Л., 1987.

- 54 История русской драматургии XVII — первая половина XIX века. Л., 1982. С. 252, 327.
- 55 Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1979. Т. 10. С. 99—100.
- 56 Карамзин Н.М. Избранные письма и статьи. М., 1982. С. 95, 112.
- 57 Анненков П.В. Материалы для биографии А.С. Пушкина. Факс. изд., М., 1985. Т. 1. С. 131.
- 58 Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 141.
- 59 Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 7. Драм. произв. М., 1935. С. 497 (статья Г.О. Винокура).
- 60 Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 7. С. 508, 526.
- 61 Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. М., 1947. Т. 3. С. 333.
- 62 Пушкин А.С. Т. 10. С. 146.
- 63 Пушкин А.С. М., 1935. Т. 7. С. 412—415.
- 64 Шмидт С.О. «Слово о полку Игореве» и становление и развитие понятия о памятнике культуры // Памятники Отечества. 1986. № 1. С. 157—158.
- 65 Томашевский Б.В. Пушкин. М., Л., 1956. Кн. 1. С. 217—220.
- 66 Рылеев К.Ф. Полн. собр. соч. М., 1934. С. 585—586.
- 67 Одоевский А.И. Полн. собр. стих. и писем. М., 1934.
- 68 Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951. С. 404, 114.
- 69 Лермонтов М.Ю. Полн. собр. соч. М., 1935. Т. 3. С. 596.
- 70 Гончаров И.А. Собр. соч. М., 1955. Т. 8. С. 471.
- 71 Тютчев Ф.И. Соч.: В 2 т. М., 1984. Т. 1. С. 350—351.
- 72 Гоголь Н.В. Собр. соч. М., Т. 7. С. 232—233.
- 73 Толстой А.К. Собр. соч. М., 1969. Т. 3. С. 543.
- 74 Туниманов В.А. Отголоски девятого тома «Истории государства Российского» в творчестве Ф.М. Достоевского // Slavica. 1980. Р. 49. С. 4. С. 350—351.
- 75 Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М., 1937. Т. 46. С. 200—209.
- 76 Маковицкий Д.П. Яснополяские записки // Лит. наследство. 1979. Т. 90. Ч. 1. С. 335, 449.
- 77 Карлова Т.С. Толстой и Н.М. Карамзин // Учен. зап. Горьк. ун-та. Вып. 77. Л.Н. Толстой. Статьи и материалы. Вып. 6.
- 78 Мей Л.А. Избр. произв. Л., 1972. С. 432, 539.
- 79 История русской драматургии. Вторая половина XIX — начала XX века. До 1917 г. Л., 1987. С. 313 (М.Н. Виролайн. Гл. Историческая драматургия 1850—1870-х годов).
- 80 Библиотека А.Н. Островского. Л., 1963. С. 68—69.
- 81 История русского драматического театра. М., 1980. Т. 5. С. 138.
- 82 Клеман М.К. Переписка начинающего автора // И.С. Тургенев. Орел, 1940. С. 319.
- 83 Тургеневский сборник. Л., 1968. Т. 4. С. 113.
- 84 Толстой А.К. Князь Серебряный. СПб., 1907. С. 1—2.
- 85 Карамзин Н.М. Полн. собр. стихотворений. М.; Л. 1966. С. 239.
- 86 Ключевский В.О. Соч. М., 1957. Т. 3. С. 20.
- 87 Толстой А.К. Собр. соч. Л., 1969. Т. 1. С. 628; Т. 3. С. 539, 540, 546, 553 (коммент. И.Г. Ямпольского).
- 88 Салтыков-Щедрин М.Е. Полн. собр. соч. М., 1971. Т. 12. С. 509—510.
- 89 Кюстин А. Николаевская Россия. М., 1930. С. 56—57.
- 90 К.П. Брюллов в письмах, документах и воспоминаниях современников. М., 1952. С. 104, 112.
- 91 Цит. по: Стасов В.В. Избр. соч.: В 3 т. М., 1952. Т. 2. С. 60—61 (Статья «О значении Иванова в русском искусстве», 1880 г.).
- 92 Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем. М.; Л., 1967. Т. 14. С. 246—249.
- 93 Грановский И. Сергей Васильевич Иванов. Жизнь и творчество. М., 1962. С. 131.
- 94 Орлова А. Труды и дни М.П. Мусоргского. Летопись жизни и творчества. М., 1963. С. 235, 249, 276, 290.
- 95 Стасов В.В. Письма к родным. М., 1952. Т. 2. С. 223.
- 96 Шаляпин Ф.И. М., 1957. Т. 1. С. 146; см. также с. 280—281.
- 97 Там же. С. 148, 314.
- 98 Станиславский К.С. Моя жизнь в искусстве. М., 1983. С. 199, 214—215.
- 99 Соловьевы И.Н. Работа Художественного театра над пьесами А.К. Толстого // Театральное наследие. Режиссерские экземпляры К.С. Станиславского. В 6 т. М., 1980. Т. 1. С. 23.
- 100 Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 6. С. 76.
- 101 Шаляпин Ф.И. Т. 1. С. 555.
- 102 Современник. СПб., 1836. Т. 2. С. 207—208.
- 103 Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. М., 1947. Т. 3. С. 437.

«ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО» Н.М. КАРАМЗИНА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ *

Обращаясь к «Истории» Карамзина, многократно цитируют слова Пушкина из его автобиографических записок (составленных, возможно, еще в канун кончины Карамзина ¹) о впечатлении, произведенном изданием первых восьми томов этого сочинения: «...Появление сей книги (как и быть надлежало) наделало много шуму и произвело сильное впечатление, три тысячи экземпляров разошлись в один месяц (чего никак не ожидал и сам Карамзин) — пример единственный в нашей земле. Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка — Колумбом. Несколькое времени ни о чем ином не говорили... Повторяю, что История Государства Российского есть не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека». Те же мысли, даже те же словесные выражения встречаем и в предназначенной для императора Николая I записке 1826 г. о народном воспитании («Историю русскую должно будет преподавать по Карамзину. История Государства Российского есть не только произведение великого писателя, но и подвиг честного человека. Россия слишком мало известна русским...») и в отрывке, опубликованном в 1828 г. ². Это — уже итоговые оценки значения и возможности использования труда историографа. Они отражают, можно полагать, мнения круга лиц, близких и к Пушкину, и к Карамзину.

Об «Истории государства Российского» и вообще о жизни и творчестве Карамзина написано немало. Однако в собственно карамзиноведческой литературе, так же как и в обобщающих трудах по отечественной историографии, лишь в недавнее время — прежде всего в статьях 13-го сборника «XVIII век» ³ — стали основательно рассматривать «Историю» Карамзина в системе развития мировой исторической мысли. Проблематика эта многоаспектна; и в данной статье постановочного характера основное внимание уделено самому замыслу Карамзина и форме его осуществления.

Интерес Карамзина к отечественной истории обнаружился рано ⁴. Свидетельства об этом восходят, по крайней мере, к периоду близости с окружением Н.И. Новикова, много сделавшего для ознакомления читающей публики с памятниками российской истории. Видимо, рано сформировались у молодого мыслителя и убеждение в важности нравственного воспитания историей и историко-сравнительный подход к явлениям отечественной и зарубежной истории, истории нового времени и далекого прошлого.

Карамзину нетрудно было увидеть, что представление о взаимосвязях российской и мировой истории восходит еще к глубинным традициям

* Опубликовано в кн.: Всемирная история и Восток: Сб. ст. к 70-летию С.Л. Тихвинского. М., 1989. С. 187—202.

русской исторической мысли. В «Повести временных лет» прошлое восточного славянства рассматривается как часть всемирной истории (с корнями, тянущими к библейским преданиям). С конца XV в. получают распространение хронографы — сочинения летописного типа со сведениями из всемирной и отечественной истории. В многолистном Лицевом летописном своде времени Ивана Грозного половина книг посвящена событиям всемирной истории, и сочинение это использовали для исторического образования царевичей. Все в большей мере обращается мысль русских публицистов к вопросу о месте Руси во всемирной истории (наиболее известна теория о Москве — третьем Риме). С XVIII в. заметно внимание к вопросу о сходстве (и несходстве) настоящего и прошлого России с Западом, а также Востоком и соответственно о формах взаимодействия исторических факторов в разных странах и темпах и особенностях исторического развития по пути к прогрессу.

Начиная с В.Н. Татищева, не говоря уже о старших современниках Карамзина М.М. Щербатове, И.П. Елагине и других, вырабатывается опыт подготовки обобщающего типа сочинений по истории России с древних времен, сопровождающихся к тому же примечаниями (преимущественно источниковедческого характера). При этом Татищев и другие ученые, трудившиеся в России в 1730 — 1740-х годах, обращались, исследуя прошлое Восточной Европы, к первоисточникам и ученым сочинениям и зарубежного происхождения.

И для литераторов и ученых и для круга образованных вельмож в последней четверти XVIII в. характерно понимание историко-культурной ценности отечественных древностей (показательно в этом плане интенсивное собирание коллекций древних рукописей) и важности составления трудов о прошлом отечества. Стала очевидной и необходимость написания подобных сочинений в стиле, доступном сравнительно широкому слою читателей, а также детям. Здесь пример подавали не только в окружении Новикова, но и сама императрица Екатерина II, готовившая, опираясь на собранные для нее первоисточники или выписки из них⁵, «Записки касательно российской истории» для своих старших внуков. Закрепление того направления, которое позднее назовут краеведением, и все учащавшееся обращение к событиям и деятелям прошлого России в произведениях художественной литературы и изобразительного искусства также свидетельствовали о распространении знаний российской истории⁶. И эти факторы, можно думать, имели не меньшее значение при формировании замысла Карамзина заняться сочинением российской истории, чем достигнутый к тому времени уровень развития отечественной исторической науки, облегчавший ему такие занятия (и даже предопределивший зависимость от трудов предшественников, особенно Щербатова).

Интерес к прошлому и настоящему России возрастал и за рубежом. В век Просвещения в Западной Европе в деятельности Петра I видели пример преобразования монархом государственной жизни своей страны. В середине века о преобразованиях Петра I размышляют Монтескье и Руссо (не говоря о многих других писателях и государственных деятелях), а сочинение о России при Петре I пишет самый прославленный автор тех лет — Вольтер (его Карамзин охарактеризует позднее в «Истории» как

«остроумнейшего писателя XVIII века» (I, 33; см. также I, XII *). В последней четверти XVIII в., когда престиж России в Европе стал особенно велик после побед в Семилетней и русско-турецких войнах, а также после «Наказа» Екатерины II и ее всячески рекламируемых переписки и общения с виднейшими из просветителей, усилилось любопытство к познанию веков, предшествовавших петровским преобразованиям. Запросы читателей пытались удовлетворить уже авторы намного меньшей, чем Вольтер, известности и, главное, меньшего масштаба мысли, хотя тоже принадлежавшие по своим общественным взглядам к кругу просветителей, — французы Леклерк и Левек. А так как они жили некоторое время в России, то сочинения их воспринимались и как впечатления очевидцев. Таким изданиям уделяли особое внимание вельможи **, серьезно занятые изучением отечественной истории. Когда Леклерк выпустил в 1783 г. во Франции историю «Древней России» (в очень малой степени опирающуюся на первоисточники) в трех томах и первый том истории России новейшего времени ⁷, издания стали поводом не только для резкой критики его И.Н. Болтиным, но и для изложения им основных взглядов на российскую историю. Главный труд его, опубликованный в двух томах в 1788 г., так и назван «Примечания на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка» (не повлияли ли названия книг Леклерка и ответного сочинения Болтина и на заголовок записки Карамзина 1811 г.?).

А еще прежде приглашенный по рекомендации Дидро преподавать в кадетский корпус Левек (С.Р. Ch. Levesque), только там освоивший русский язык, напечатал в пяти томах в 1782—1783 гг. «Историю России», первый том которой был в русском переводе издан типографией Новикова в 1787 г. ⁸. Это образец достаточно изящной прозы, особенно там, где изображаются исторические деятели и оценивается их деятельность. Не при участии ли Карамзина осуществлено было Новиковым это начинание?

Сочинение о России доставило Левеку место в парижской Академии надписей и словесности и возможность занять кафедру истории в Коллеж де Франс, а затем готовить труды по истории Франции и всемирной истории. Появление почти одновременно этих изданий — верный показатель потребности в такой тематике книжного рынка Франции, а следовательно, и всей Европы в период, когда французский язык был основным международным языком культуры и общения ***. Даже для русских читателей доступным чтением по истории древней России стала книга Левека. И Карамзину пришлось, указывая, что Левек «посредственный французский писатель», с грустью признать, что его «Российская история» ¹⁰, «которая хотя и имеет много недостатков, однакожь лучше всех других».

* Далее в скобках приводятся ссылки на пятое издание «Истории государства Российского», подготовленное в трех книгах И. Эйнерлингом в 1842—1845 гг. (воспроизведено ныне издательством «Книга»). В скобках указываются римскими цифрами том (или Предисловие), арабскими — страница.

** Выхода этих книг заинтересованно ожидала и императрица, рассчитывая на то, что они будут способствовать укреплению в общественном мнении ее репутации просвещенной монархини. И Екатерина II была крайне разгневана критикой в этих сочинениях деспотизма и крепостнических порядков России.

*** И даже в 1802 г. в статье «О случаях и характерах в Российской истории, которые могут быть предметом художеств» Карамзин напишет: «Русский, показывая чужеземцу достойные образы наших древних героев, говорил бы ему о делах их, и чужеземец захотел бы читать наши летописи — хотя в Левеке» ⁹.

Именно знакомство в Париже с Левеком в 1790 г. стало поводом для рассуждений Карамзина о задачах написания российской истории. На эти высказывания как первоначальные в историографических замыслах Карамзина уже давно обращено внимание ¹¹.

Следует привести полностью этот отрывок из письма «Маия... 1790»: «Больно, но должно по справедливости сказать, что у нас до сего времени нет хорошей Российской Истории, то есть, писанной с философским умом, с критикою, с благородным красноречием. Тацит, Юм, Робертсон, Гиббон — вот образцы! Говорят, что наша История сама по себе менее других занимательна: не думаю; нужен только ум, вкус, талант. Можно выбрать, одушевить, раскрасить; и читатель удивится, как из Нестора, Никона и проч. могло вытти нечто привлекательное, сильное, достойное внимания не только Руских, но и чужестранцов. Родословная Князей, их ссоры, междоусобие, набеги Половцев не очень любопытны: соглашаюсь; но зачем наполнять ими целые томы? Что не важно, то сократить, как сделал Юм в Английской Истории; но все черты, которые означают свойство народа Руского, характер древних наших Героев, отменных людей, происшествия, действительно любопытныя, описать живо, разительно. У нас был свой Карл Великий — Владимир; свой Лудовик XI — Царь Иоанн; свой Кромвель — Годунов и еще такой Государь, которому нигде не было подобных: Петр Великий. Время их правления составляет важнейшия эпохи в нашей Истории, и даже в Истории человечества; его-то надобно представить в живописи, а прочее можно обрисовать, но так, как делал свои рисунки Рафаэль или Микель-Анджело. Левек как Писатель не без дарования, не без достоинств; соображает довольно хорошо, рассказывает довольно складно, судит довольно справедливо *, но кисть его слаба, краски не живы; слог правильный, логический, но не быстрый. К тому же Россия не мать ему; не наша кровь течет в его жилах; может ли он говорить о Руских с таким чувством, Руской?..» ¹².

«Письма русского путешественника» сыграли огромную роль в творчестве Карамзина и имели первостепенное значение в развитии отечественной культуры ¹³ и, в частности, исторического сознания русских писателей и читателей рубежа XVIII и XIX вв.

В приведенном выше тексте, напечатанном в начале 1790-х годов, многое кажется знаменательным для тех, кто знаком с «Историей государства Российского», написанию которой Карамзин стал полностью отдавать силы лишь с 1803 г. Очевидно, что еще задолго до того как он официально сделался историографом, у Карамзина сложилось представление о принципиальных установках обобщающего труда о российской истории, причем по взаимосвязи и с явлениями всемирной истории и с сочинениями зарубежных историков. Более того, он сразу же полагал необходимым написать такое сочинение, которое окажется привлекательным и для иностранцев («чужостранцов»).

Карамзин считал вслед за такими своими предшественниками, как

* Карамзин не мог не знать об отрицательном отзыве о сочинении Левека Екатерины II. Она писала об этом не только в письме к барону Гримму, но и в предисловии к «Запискам касательно Российской истории», начавшимся издаваться в 1783 г. Уже в этом отзыве Карамзина чувствуется его самоуважение и подчеркивается внутренняя независимость от мнения монарха.

Татищев, Ломоносов, Новиков, что древняя история России достойна описания отнюдь не менее, чем история других стран. Здесь он прямо вторит М.В. Ломоносову, утверждавшему во вступлении к своей книге «Древняя Российская история»: «...всяк, кто увидит в Российских преданиях равные дела и Героев, Греческим и Римским подобных, унижать нас пред оными причины иметь не будет, но только вину полагать должен на бывший наш недостаток в искусстве, каковым Греческие и Латинские писатели своих Героев в полной славе предали вечности»¹⁴. И приводит сопоставления из истории средних веков и нового времени, выделяя эпохи отечественной истории, важнейшие в «истории человечества» (позднее в своей «Истории» Карамзин не раз станет сопоставлять события и деятелей российской истории — Владимира I, Ивана III, Афанасия Никитина, Ивана IV и других — и всемирной истории, отмечать аналогии и различия).

Большинство западноевропейских, да и русских читателей полагали в ту пору, что понятная им история России началась с эпохи Петра I. Карамзин же утверждает, что уже древнерусские летописи содержат интересный материал, достойный пера историка и внимания читателя. Правда, тут же он пишет, что «одна только ревностная, деятельная воля и беспредельная власть Царя Русского могла произвести такую внезапную быструю перемену», исходя из сформулированной им мысли: «Избирать во всем лучшее есть действие ума просвещенного, а Петр Великий хотел просветить ум во всех отношениях», объявив «войну нашим старинным обыкновениям». Известно, что позднее, в «Записке о Древней и Новой России», Карамзин несколько иначе оценит значение содеянного Петром I. И это явилось следствием не только страха перед революционными преобразованиями, напоминавшими насилия Французской революции и империи (о чем выразительно сказал В.О. Ключевский¹⁵ и как отмечали прежде него и особенно часто повторяли позднее), но и постепенно все более глубокого овладения материалом по российской истории, понимания того, что корни петровских начинаний должно искать в прошлом, в допетровской Руси (то же произойдет и с Пушкиным в последние годы его жизни по отношению к истории Древней Руси и особенно ее литературы)¹⁶.

Не ограничивается Карамзин и событиями государственно-политической истории и действиями ее героев, но полагает нужным — возможно, не без воздействия идей Гердера, Рейналя и др. — охарактеризовать черты, означающие свойство «народа» (и впоследствии в «Истории» окажутся выделенными главы о древних народах, о «физическом и нравственном характере славян», о законах и обычаях Средневековой Руси * и соответственно отмечены исторические источники, содержащие такие сведения). Это в значительной степени предопределило его суждения о том, что о русских должен писать житель России, человек, воспитанный на обычаях русского народа. Причем это отнюдь не показатель узконационалистической позиции Карамзина, так как именно на той же и сле-

* Могло иметь значение и знакомство с книгой Бартеlemi «Путешествие молодого Анахарсиса по Греции», напечатанной в Париже в 1788 г., вызвавшей восхищение читателей и переведенной на многие языки. В сочинении известного французского археолога живо описывается семейная и общественная жизнь древних греков. Карамзин беседовал с ним в Париже, и эта встреча в академии описана в том же письме, где и цитируемые рассуждения о задачах написания российской истории, в 1791 г. Карамзин помещает рецензию на книгу Бартеlemi в «Московском журнале» (ч. 1, кн. 1).

дующих страницах письма от «Маия... 1790» Карамзин в связи с оценкой реформ Петра Великого замечает с авторскими подчеркиваниями, что «путь образования или просвещения *один* для народов; все они идут им в след друг за другом... Все *народное* ничто перед *человеческим*...»¹⁷.

Быть может, именно за рубежом, когда мысль, как это нередко бывает, с любовью обращается к отдаленному в тот момент отечеству, когда сопоставляется свое и иноземное и особенно хочется, как он выразился, «сравняться» и «превзойти», у Карамзина и выкристаллизовалась идея посвятить себя подготовке к написанию образцовой «Российской истории».

Уже тогда Карамзин осознал, что таким сочинением сможет стать только то, в котором естественно совмещаются философский подход к явлениям прошлого, владение научно-исследовательской методикой и литературные достоинства изложения. И искал для себя образцы, которым можно следовать в отборе исторического материала и искусстве исторического описания.

Подбор имен отнюдь не случаен. Это — историки-мыслители века Просвещения, с сочинениями которых связывают утверждение «философской истории». Любопытно, однако, что из ряда таких авторов названы только британские историки, труды которых действительно наиболее высокие достижения науки XVIII в. в плане осмысления событий конкретной истории¹⁸. (Возможно, впрочем, что тем самым выражалось и отношение Карамзина к стране с традиционно-конституционным строем государственного управления.) Карамзин уже тогда стал участвовать, как верно отмечает Г.П. Макагоненко, в общеевропейской борьбе мыслителей Франции, Англии, Германии за новую философию истории¹⁹. Карамзин сам признавал себя «философом-историком»²⁰. Положениям «философской истории» века Просвещения он будет следовать, готовя к печати все 12 томов своей «Истории», оставаясь до конца дней своих и запоздалым сторонником политики просвещенного абсолютизма.

При этом для Карамзина особенно важен «нравственный Закон». Во время беседы с Карамзиным Кант (первый из знаменитых иностранцев, которого посетил «русский путешественник») назвал этот закон «совестью, чувством добра и зла»²¹. «Закон нравственный», по Карамзину, обязателен и для государя при самодержавном правлении, являясь основанием истинной политики; «самовластие» же есть отступление от норм такого закона (и при самодержавном и при республиканском правлении) и потому обличается Карамзиным (например, характеристика Ивана Грозного в «Истории»). Карамзина из областей знания, близких с историей, более всего привлекала нравственная философия и та, которую ныне называем политологией. А из замечательных предшественников он выделял Томаса Мора — знаменитого мыслителя и канцлера, распространяя и на самого себя высокие требования нравственности. «Я уверен, что дурной человек не может быть хорошим автором», — писал Карамзин в 1794 г.²² Потому-то и из историков древности Карамзину особенно близок Тацит*. О нем он пишет не раз в «Письмах русского путешествен-

* Тацит — тот мыслитель, которого тогда признавали и сторонником монархии, и противником тирании²³. Не здесь ли один из путей к пониманию «парадоксов» Карамзина и того, что он сам называл себя и монархистом и республиканцем?

ника» и позднее (в 1797 г. в стихотворении «Тацит»), наконец, формулирует в «Предисловии» к «Истории»: «Не подражай Тациту, но пиши, как писал бы он на твоём месте!» есть правило «Гения» (I, с. XII). Для Карамзина, видимо, закон нравственный казался выше политического²⁴.

Но Карамзин был русский человек и готовился к созданию труда, предназначенного, конечно, прежде всего современному ему русскому читателю, «ибо каждый век, каждый народ даёт особенные краски искусному бытописателю» (I, с. XII). Карамзин впитал в себя основные элементы отечественных традиционных представлений, восходящих и к исконным протонародным основам и к нравственно-религиозным, унаследованным из творений мыслителей древности и раннего средневековья. Потому-то «История» Карамзина оставалась в дореволюционной России всегда доступной людям разных сословий и сделалась одной из основ юношеского чтения. «Я возрос на Карамзине», — писал в 1870 г. Ф.М. Достоевский²⁵. От «Истории государства Российского» устанавливаются и линии связи с сочинениями, характерными для русской нравственной (или религиозно-нравственной) общественно-исторической мысли XIX — начала XX в.

«История» Карамзина явилась в этом смысле сплавом характерных черт достижений и многовековой восточнославянской культуры, и представлений западноевропейских мыслителей, и специалистов-историков XVIII в. (а также их отношения к античному культурному наследию). А.И. Тургенев верно охарактеризовал в своем дневнике Карамзина как «единственного полного представителя не нашего, но европейского просвещения в России, соединенного в нем с познанием всего отечественного, познанием, коему можно уподобить только одну любовь его к отечеству»²⁶.

«История государства Российского» отражала основы убеждений Карамзина, сложившихся еще в молодые годы и нашедших воплощение тогда и в «Письмах русского путешественника». Тем более что Карамзин, думается, принадлежал к таким натурам, о которых точно написал Н.Г. Чернышевский: «Человек с самостоятельным умом, достигнув умственной зрелости и выработав себе известные основные убеждения, обыкновенно остается навсегда проникнут их содержанием, и эта основа всех мнений остается у него навсегда одинаковою, как бы не менялись окружающие его факты... Он может сделаться человеком отсталым, не переставая быть верен себе»²⁷.

Употребленное Карамзиным понятие «критика» было в то время уже достаточно распространено в научной терминологии. Этот термин означал в понимании ученых рубежа XVIII—XIX вв., в частности А.-Л. Шлецера — «мужа ученого и славного» (I, с. XIII), совокупность приемов, обеспечивающих возможность различать достоверное и недостоверное в исторических свидетельствах и тем самым показывать научную — прежде всего источниковедческую — состоятельность выводов и наблюдений автора. Труд по написанию «Российской истории» Карамзин мыслил с самого начала как научный труд и этой цели достиг.

У Карамзина свой стиль и научной работы, и ее внешнего оформления. Некоторым суждениям даже источниковедческого порядка он отводит место в основном тексте. Однако все основное сосредоточено в примечаниях, а их 6548! Примечания стали энциклопедией и хрестоматией для ученых — историков и тех, кто занимается специальными (вспомога-

тельными) историческими и филологическими дисциплинами. Знаменитый палеограф и составитель «Словаря древнерусского языка» И.И. Срезневский утверждал в своих лекциях по палеографии в Петербургском университете еще в 1870-х годах, что «Карамзин как исследователь былых судеб России был тем же, что Петр Великий как строитель судеб ее будущего: ибо должны были не забыть ничего». И далее: «Карамзин — историк, это значит, Карамзин — палеограф, нумизмат, хронолог, генеалог и т. д. и т. п., во всем исследователь, во всем критик, во всем требовательный... Забывать эту сторону в Карамзине — значит не понимать Карамзина...»²⁸. Н.Г. Чернышевский, которому чужда основная историко-государственная концепция историографа, и он не раз писал об этом, отмечает, что Карамзин «сообщил своему труду, с одной стороны, высокое литературное достоинство, с другой стороны, не заменимое ничем достоинство архива»²⁹.

Особое значение при написании «хорошей» «российской истории» Карамзин придавал самой манере историописания, литературно-художественному мастерству. Задуманный им труд предназначался так называемому широкому читателю. Он ставил перед собой великие просветительские цели приобщения этого читателя к истории нашего Отечества. Труды же его предшественников — даже столь фундаментальные, как у Татищева и Щербатова, — были написаны в таком стиле, что и на родном языке и в переводе могли стать доступными лишь тем, кто уже имел определенный уровень исторических знаний. Это отмечали не только Пушкин и его современники, но и позднее Белинский, Герцен и другие, характеризуя новаторскую роль «Истории» Карамзина. Карамзин-ученый неизменно чувствовал себя и писателем, художником слова. И цель его была также неизменной, начиная с издания первых переводов, журнала «Детское чтение для сердца и разума» — родоначальника отечественной детской литературы, первых художественных и очеркового характера публицистических произведений. А.В. Луначарский отмечал: «С Карамзиным... начал выработываться тип дворянина-интеллигента, пытающегося всеми мерами расширить круг своих читателей и так или иначе разбудить еще спящие слои народа за пределами узкодворянских столичных кругов»³⁰.

Размышления Карамзина о том, как следует писать исторические и философские труды, отражены на многих страницах «Писем русского путешественника», его сочинений начала XIX в. и, наконец, в знаменитом Предисловии к «Истории государства Российского», датированном 1815 годом.

Издание журналов помогло ему познать вкусы, по словам И.И. Дмитриева, «читателей обоих полов, молодых и старых»³¹. Карамзин, напомним через полвека А.И. Герцен, «был первым русским литератором, которого читали дамы»³². Вероятно, уже и Карамзин понял, подобно Пушкину, что образованные женщины читают больше, чем мужчины. И воспитанным на романах XVIII в. (как и мать пушкинской Татьяны Лариной) первым читательницам «Истории государства Российского» эти книги, собенно последние четыре, оказались вполне по силам.

И такому чтению не должны были стать помехой примечания. Они Карамзиным, в отличие от книг предшественников, вынесены не под

строку *, а в конец каждого тома. Это не отвлекает глаз от основного текста, не мешает скорому чтению, не отпугивает привыкших к быстрому перелистыванию страниц романов читателей и читательниц. Причем примечания сосредоточены компактно, что позволяет и их воспринимать как единое целое — двенадцать томов основного текста для чтения всеми, двенадцать томов примечаний — для ученых или людей, склонных к научным занятиям.

Важно наблюдение Карамзина: «...одна земля произвела и лучших Романистов и лучших Историков. Ричардсон и Фильдинг выучили Французов и Немцов писать романы как *историю жизни*, а Робертсон, Юм, Гиббон влияли в Историю привлекательность любопытнейшего романа, умным расположением действий, живописью приключения и характеров, мыслями и слогом. После Фукидида и Тацита ничто не может сравняться с Историческим Триумвиратом Британии»³³. Карамзин старался объять опыт и исторического (ученого), и романического повествования и приложить это затем в своей «Истории». И наблюдения эти все накапливались. В последние годы жизни, уже работая над книгами «Истории», Карамзин с особым вниманием и чувством воспринимал романы Вальтера Скотта, оказавшего, как известно, большое влияние на историков 1820—1830-х годов.

В «Истории» развивающееся «действие», свойственное романам, к которым были уже приучены в «хорошем обществе» (где читали их преимущественно на французском языке), органически соединится под пером Карамзина с характерным для древнерусской культуры биографизмом³⁴, отраженным и в житийной литературе, в Четьих-Минеях (с которых начиналось зачастую семейное чтение). К традициям древнерусской словесности и следовавших ей русских историков XVIII в. можно отнести и приемы изложения, близкие к летописным, точнее, составителей хронографов (приходят на память в этой связи слова Пушкина о Карамзине: «последний летописец»). В начале XIX в. в России образованные люди были хорошо знакомы и с биографиями, написанными древними классиками, Плутархом и другими. Не следует думать, однако, что стиль «Истории государства Российского» Карамзина — это какое-то эклектическое смешение разных воздействий. Вовсе нет. Это — естественное сочетание многого освоенного из разных источников. У каждого великого есть предтеча, и зачастую не один. Но только великий оказывается способен воплотить в органическом целом (аккумулировать — накопить) многое ранее разрозненное и ставшее теперь этапом для дальнейшего развития. Лишь такие сочинения становятся вехами в движении культуры.

В статье к столетию первого издания томов «Истории» Карамзина (1916 г.) Б.М. Эйхенбаум правильно подчеркнул, что «к истории Карамзина привели долгие эстетические опыты и философские размышления»³⁵. Можно добавить еще — и штудии исторические, точнее, историографические, источниковедческие, археографические, в частности освоение опыта крупнейших русских архивистов Г.Ф. Миллера и Н.Н. Бан-

* А там они находятся даже в блистательно написанной «Естественной истории» (*Histoire naturelle générale et particulière*) Бюффона, получившего за свой повсеместно прославленный многотомный труд титул графа от французского короля. Не напоминает ли это «мо» тех лет, когда Карамзина называли «графом Истории»?

тыш-Каменского. В предисловии к «Истории» названы имена знаменитейших тогда историков, и античных (Геродот, Фукидид, Ливий, Плиний, Тацит), и Макиавелли, и писавших в XVIII в. (Вольтер, Робертсон, Юм, Шлецер, Мюллер), а также и менее известных авторов трудов по истории Испании, Германии, Франции, Швеции (I, с. XII, примечание).

Карамзин сопоставил эти труды, примеривался к возможностям использования приемов их авторов. И, замыслив написать «целую Историю народов» (I, с. XII. Курсив мой.— С. III.), историю «единственной державы», «господствующей тогда над седьмой частью мира, где и “смесь” жителей, разноплеменных, разнородных, и столь удаленных друг от друга в степенях образования» (I, с. X), он понимал особую, несравнимую с трудами предшественников грандиозность своего замысла.

Приближение к занятиям историей как основным для него прослеживается у Карамзина в статьях в «Вестнике Европы» начала XIX столетия — в выборе тем и трактовке событий, в рассуждениях политического и нравственного характера, в пропаганде веры в силу просвещения, в самом слого, отличавшемся уже от манеры, которой написана «Бедная Лиза».

И потому готовность Карамзина отдаться сочинению «Российской истории» не вызывала удивления. Первый русский писатель в момент возрастания интереса к истории и должен стать первым русским историком — Историографом. Историческое повествование для всех не казалось тогда еще отъединенным от остальной литературы для всех — от belles-lettres³⁶. Никто другой и не мог бы решиться тогда на такой подвиг. Ни у кого из известных в России людей не доставало для этого ни сил, ни знаний.

Карамзин с самого начала поставил перед собой несколько задач: не только «открыть» читателю прошлое России, укрепить его историческую образованность и воздействовать на его нравственность и общественно-политическое сознание, но и утвердить его представление о характере новой литературы, воспитать его языковый вкус. То было высокое «искусство истории»³⁷, когда долг ученого, не дозволяющего «себе никакого изобретения» и стремящегося подтвердить историко-ведчески «достоверность» поисков «духа и жизни в тлеющих хартиях» (I, с. XIII), органически совмещался со следованием дорогим ему и этическим и эстетическим нормативам и даже творением грамматических форм. Именно это позволило Карамзину создать «героический эпос» (определение Б.М. Эйхенбаума).

В истории мировой культуры «История государства Российского» — редчайший пример, когда великий памятник исторической мысли воспринимается и как великий памятник художественной литературы, или великий памятник беллетристики является и великим историческим трудом. Разве что в античности это напомнит Фукидиду и Тацита, любимых авторов Карамзина. Но они размышляли о недавнем прошлом, Карамзин же сумел так написать о событиях, отделенных от него столетиями.

Для Карамзина-писателя вопросы композиционного и стилистического оформления «Истории государства Российского» имели первостепенное значение. Только это могло обеспечить достижение им поставленной перед собой цели — написания «Российской истории» для всех. «История государства Российского», сохраняя огромную ценность научного

труда, оставалась и для самого автора, и для читателя всегда и произведением художественной литературы. И так продолжала восприниматься в 1830-х годах даже Пушкиным — когда он погрузился в «историографию» и много размышлял над творением Карамзина-историка — и находившимся в Сибири декабристом В.К. Кюхельбекером *, и молодым В.Г. Белинским. Позднее великий успех «Истории» Белинский объяснит «превосходным беллетристическим талантом» Карамзина³⁹. Отношение к «Истории» Карамзина как к классическому образцу русской словесности было закреплено позднее в лучших школьных хрестоматиях и учебно-методических пособиях (К.Д. Ушинского, А.Д. Галахова, В.И. Водовозова, В.Я. Стоюнина, Л.И. Поливанова и др.).

Появление «Истории государства Российского» приобрело особое общественное звучание после победоносной борьбы с Наполеоном. Это хорошо объяснил в статье 1846 г. критик В.Н. Майков, писавший о пробуждении тогда в России «духа самоисследования». «Потребность отечественной истории — необходимое следствие пробуждения народного самосознания — получила силу и живость необыкновенную. Вопросы о значении России, о ее настоящем, прошедшем и будущем, о том, чем она была, есть и должна быть, зашевелились в образованной части общества... В это время явилась "История" Карамзина; ее ожидали с таким нетерпением, что первое издание было расхвачено менее чем в двое суток. Кто беспристрастно изучал это творение, тому, конечно, известно, что оно написано с мыслью — показать, что история России ничем не хуже, а во многих отношениях и лучше историй других европейских народов... Можно себе представить, какой эффект должно было произвести такое сочинение в эпоху только что возникшего вопроса о прогрессивном движении России!»⁴⁰. И действительно, пушкинские слова о реакции общества Петербурга на издание первых восьми томов «Истории» Карамзина подтверждаются многими другими свидетельствами. Но среди этих первых читателей быстро выявились основные группы — те, кто читал действительно заинтересованно и достаточно остро реагировал на появление этого труда (как будущие декабристы), литераторы, немногие лица, специально занимавшиеся историей⁴¹, и те, кто читал потому, что это стало модным и изданию покровительствовал император (это живо отражено в воспоминаниях Ф.Ф. Вигеля о Петербурге и А.И. Герцена о Москве того времени)⁴².

«История» была и учеными знатоками и наиболее образованными лицами в правящей элите оценена как сочинение, могущее соперничать с лучшими историческими трудами западноевропейских авторов. Это сразу заметил, в частности, человек очень осведомленный в зарубежной исторической, правоведческой и философской литературе, — М.М. Сперанский. Он писал из Пензы, благодаря друга своего за присылку первых восьми томов «Истории государства Российского»: «Я ничего не знаю ни на английском, ни на французском языке превосходнее или вообще прекрасней» — и поставил Карамзина «в ряду первейших писателей Евро-

* Кюхельбекер, подчеркнув в дневнике 1833 г. несогласие с «мнениями Карамзина — историческими, литературными, философическими», отмечает при этом: «А должно сознаться, что прозою у нас никто лучше его не пишет и не писал». И сделал это под впечатлением прочитанного отрывка из 8-го тома «Истории»³⁸.

пы»⁴³. Тома «Истории государства Российского» были еще при жизни автора переведены на французский, немецкий, английский, итальянский, польский языки (позднее и на другие), и переводы эти получили десятки отзывов в зарубежной прессе.

Из перевода этого сочинения немецкий историк Ф.К. Шлоссер в 1840—1850-х годах черпал сведения о России для своей «Всемирной истории», на основании чтения которой К. Маркс составлял «Хронологические выписки». Еще прежде знаменитый тогда немецкий публицист Л. Берне назвал Карамзина «великим историком», «мастерское произведение» которого «достойно своего предмета»⁴⁴, а французский литератор-путешественник маркиз А. де Кюстин в нашумевшей книге 1843 г. «La Russie en 1839» усмотрел в «Истории» Карамзина противосамодержавные высказывания⁴⁵. Поскольку сочинение Карамзина стало известно читателям на Западе, А.И. Герцен в 1850 г. в написанном по-французски адресованном зарубежному читателю сочинении «О развитии революционных идей в России» счел необходимым отметить «великий труд Карамзина» и подчеркнуть, что его «История» «весьма содействовала обращению умов к изучению отечества»⁴⁶.

К «Истории» Карамзина хотели приобщить и великие культуры Востока. «История» была частично переведена в 1820-х годах на китайский язык. Работа осуществлялась Захаром Федоровичем Леонтьевским (1799—1874) — членом Российской духовной миссии в Пекине. Помимо экземпляров рукописи перевода, поднесенных в Петербурге (университету, Публичной библиотеке, Азиатскому департаменту Министерства иностранных дел и Азиатскому музею), видимо, был еще белой экземпляр, поднесенный китайскому императору⁴⁷.

Карамзин закрепил обычай публичного чтения историками ими написанного. Напомнил о значении этого на первой же странице «Предисловия» к «Истории»: «На славных играх Олимпийских умолкал шум, и толпы безмолвовали вокруг Геродота, читающего предания веков» (I, с. VIII). И не будь выступлений Карамзина с чтением глав своей «Истории» еще до их издания (и информации об этом, в том числе в его же письмах), русская публика оказалась бы менее подготовленной к возможности такого общественного звучания и культурного значения публичных лекций Т.Н. Грановского.

Издание «Истории государства Российского» сыграло исключительную роль в приобщении широкого читателя в России не только к историческим знаниям и документальным публикациям⁴⁸, но и вообще к научным знаниям и в ознакомлении его с тем, что такое научный аппарат и в чем его значение. Этот факт немало значил для воспитания в обществе уважения к науке, к труду ученого (во всяком случае, ученого-гуманитария). Это приохотило и к ознакомлению с научными спорами, с дискуссиями в науке. Интерес к «Истории» Карамзина предопределил интерес и к «критике» ее*. Обсуждение ученых трудов заняло с тех пор прочное место в рассчитанной на широкого читателя «журнальной литературе». Так состоялась в России встреча науки и широкой публики.

* Так, росту известности в среде русских читателей выдающегося польского историка И. Лелевеля в значительной степени способствовали его статьи об «Истории государства Российского» в петербургском журнале «Северный архив» в 1822—1824 гг.⁴⁹

«История государства Российского» Карамзина способствовала формированию и распространению знаний на огромном пространстве нашей страны, стала на многие годы доминантой в представлениях наших соотечественников о своей истории и вообще о том, что такое история⁵⁰. Книжки «Истории» Карамзина — и основной текст и примечания — во многом предопределили ход дальнейшего изучения прошлого России (даже возражения Карамзину стимулировали такое исследование) и стали источником размышления и вдохновения для многих писателей (Лев Толстой выборочно перечитал «Историю» в двадцатипятилетнем возрасте, рассуждал о ней в старости; для Достоевского последние четыре тома «Истории» до конца жизни оставались любимым чтением), художников кисти и резца, композиторов и актеров. Белинский верно заметил, что Карамзин своей «Историей» призван был «проложить дорогу, чтобы гениальные писатели в разных родах не были остановлены на ходу своем необходимостью предварительных работ»⁵¹.

А за рубежом сочинение это воспринималось не только как источник сведений о прошлом России, но и как показатель развития русской исторической мысли и художественной литературы. Пушкин не без основания писал: «...наша словесность с гордостью может выставить перед Европою Историю Карамзина»⁵². Карамзин сумел «сравняться» с высокими образцами мировой историографии, а, быть может, в чем-то ее и «превзойти».

1 Фейнберг И.Л. Незавершенные работы Пушкина. М., 1969. С. 295; Эйдельман Н.Я. Пушкин: Из биографии и творчества, 1826—1837. М., 1987. С. 229—240.
 2 Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 1949. С. 1429, 1430, 1295, 1162, 1163.
 3 XVIII век. Сб. 13. Проблемы историзма в русской литературе, конец XVIII — начало XIX в. Л., 1981.
 4 Кислягина Л.Г. Формирование общественно-политических взглядов Н.М. Карамзина. М., 1976; Эйдельман Н.Я. Последний летописец. М., 1983; Осетров Е.И. Три жизни Карамзина. М., 1985; Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М., 1987.
 5 Муравьева Л.Л. Рукописи сочинений по истории России профессоров Московского университета А.А. Барсова и Х.А. Чеботарева // АЕ за 1982 год. М., 1983.
 6 Моисеева Г.Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л., 1980; Шанский Д.Н. Из истории русской исторической мысли: И.Н. Болтин. М., 1982. С. 25—26.
 7 Le Clerc N. G. Histoire physique morale civile et politique de la Russie ancienne. P., 1783. Vol. 1—3; Idem. Histoire physique morale civile et politique de Russie moderne. P., 1783. Vol. 1. О реэко отрицательном отношении к этому изданию Шлецера см.: Аллатов М.А. Русская историческая

мысль и Западная Европа (XVIII — первая половина XIX в.). М., 1985. С. 57.
 8 Российская история, сочиненная из подлинных летописей, из достоверных сочинений и из лучших российских историков господином Левеком: Пер. с фр. М., 1787.
 9 Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма. М., 1982. С. 112.
 10 Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 253, 252.
 11 Погодин М.П. Из биографии Н.М. Карамзина // Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. М., 1866. Ч. 2. С. 1—2.
 12 Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. С. 252—253.
 13 Лотман Ю.М., Успенский Б.А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника.
 14 Ломоносов М.В. Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года. СПб., 1766. С. 3; Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. С. 253, 254.
 15 Ключевский В.О. Сочинения. М., 1958. Т. С. 204.
 16 Шмидт С.О. К вопросу о понимании Пушкиным места «Слова о полку Игореве» в древнерусской литературе // Дре-

- ности славян и Руси: Сб. статей к 80-летию Б.А. Рыбакова. М., 1988.
- 17 Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. С. 253, 254.
- 18 Косминский Е.А. Историография средних веков. V в.— середина XIX в. М., 1963 (Лекция XVIII); см. также: Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987.
- 19 Макагоненко Г.П. Из истории формирования историзма в русской литературе // XVIII век. Сб. 13; Лузянина Л.Н. Проблемы историзма в творчестве Карамзина — автора «Истории государства Российского» // Там же.
- 20 Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма. С. 138 («Известие о Марфе посаднице, взятое из жития св. Зосимы»).
- 21 Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. С. 21.
- 22 Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма. С. 39 («Что нужно автору?»).
- 23 Кнабе Г.С. Корнелий Тацит. М., 1981. С. 4.
- 24 Галахов А. Образ мыслей Карамзина как историка // Вестник Европы. 1866. № 4.
- 25 Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Л., 1986. Т. 19. С. 186.
- 26 Тургенев А.И. Хроника русского: Дневники, 1825—1826. М.; Л., 1964. С. 122.
- 27 Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. М., 1946. Т. 3. С. 41.
- 28 Срезневский И.И. Славяно-русская палеография XI—XVI веков. СПб., 1885. С. 10, 11.
- 29 Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. М., 1947. Т. 3. С. 663.
- 30 Очерки по истории русской критики / Под ред. А.В. Луначарского и Валериана Полянского. М., 1929. Т. 1. С. 67—68.
- 31 Эйдельман Н.Я. Последний летописец. М., 1983. С. 42, 43.
- 32 Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 7. С. 191.
- 33 Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. С. 369.
- 34 Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970.
- 35 Эйхенбаум Б.М. О прозе. Л., 1969. С. 204.
- 36 Шмидт С.О. Историографические источники и литературные памятники // Исследования по древней и новой литературе: Сб. к 80-летию Д.С. Лихачева. Л., 1987. С. 360.
- 37 Гулыга А. Искусство истории. М., 1980 («Подвиг Карамзина»).
- 38 Кюхельбекер В.К. Путешествия. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 268.
- 39 Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 6. С. 23.
- 40 Майков В.Н. Литературная критика. Л., 1985. С. 36, 38.
- 41 Вацуро В.Э., Гиллельсон М.И. Сквозь «умственные плотины». 2-е изд. М., 1986. С. 37 и сл.; Ланда С.С. Дух революционных преобразований, 1816—1825. М., 1975; Козлов В.П. Полемика вокруг «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина в отечественной периодике // ИСССР. 1984. № 5. С. 88—102.
- 42 Вигель Ф.Ф. Записки. М., 1928. Т. 2. С. 95; Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 7. С. 191.
- 43 Русский архив. 1867. Кн. 1. С. 919.
- 44 Вестник Европы. 1866. № 2. С. 180—181.
- 45 Кюстин А. Николаевская Россия. М., 1930. С. 56—57.
- 46 Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 7. С. 191.
- 47 Пейшнич С.Л., Циперович И.Э. «История Государства Российского» Н.М. Карамзина на китайском языке // Народы Азии и Африки. 1968. № 6. С. 125—126.
- 48 Афиани В.Ю. Журнальная археология и историческая наука в первой трети XIX в. // Вопросы источниковедения и историографии истории досоветского периода. М., 1976. С. 131—141.
- 49 Попков Б.С. Польский ученый и революционер Иоахим Лелевель. Русская проблематика и контакты. М., 1974. С. 22.
- 50 Шмидт С.О. «История Государства Российского» в культуре дореволюционной России // Карамзин Н.М. История Государства Российского. Репринтное воспроизведение издания 1842—1844 гг. М., 1988. Кн. 4.
- 51 Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 679.
- 52 Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1978. Т. 1. С. 1335.

ОТЗЫВ С.Б. ВЕСЕЛОВСКОГО О ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ А.Н. ТОЛСТОГО «ИВАН ГРОЗНЫЙ» *

Публикуемый отзыв, написанный Степаном Борисовичем Веселовским (тогда еще членом-корреспондентом АН СССР) в 1945 г., не первый отклик ученого на драмы Алексея Николаевича Толстого об Иване Грозном. По окончании работы над пьесой «Орел и орлица» Толстой ранней весной 1942 г. прочитал ее в Институте истории АН СССР. (Об этом упоминается во многих работах об А.Н. Толстом.)

Институт истории, как и другие гуманитарные институты Академии наук СССР, был эвакуирован в Ташкент и располагался в здании балетной школы Тамары Ханум на Пушкинской улице — одной из центральных в городе. В том доме жили и многие сотрудники Академии наук. Большинство же членов АН СССР жили недалеко, в другом доме на той же Пушкинской улице (называвшемся в просторечии Домом академика, как и незадолго до того построенный дом в Москве — ныне дом 13 по Ленинскому проспекту). Открытое заседание происходило в зале первого этажа, где днем была столовая, а вечерами иногда научные заседания, вызывавшие особый интерес, а также бесплатные концерты (музыкантов и драматических актеров) и литературные вечера.

Мне, тогда студенту Среднеазиатского университета и к тому же проживавшему в доме Тамары Ханум, довелось быть свидетелем и этого чтения, и авторского чтения в университете. Сейчас уже не припомню, какое публичное чтение из этих двух было ранее (вероятно, в доме Тамары Ханум), но они различались.

В университете, где в актовом зале было сравнительно много молодежи, Толстой сидел на возвышающейся сцене. Вид его — холеного, элегантного, с кольцом-печаткой на пальце, — столь отличный от вида других в ту трудную пору, и свободная артистичность исполнения как бы переносили нас в довоенное время, в атмосферу литературных вечеров, праздничной театральности, приподнятого настроения. Авторское чтение производило сильнейшее художественное впечатление, прямо-таки зачаровывало. («Чтение меня поразило, как поражает музыка», — писала и слушавшая Толстого, читавшего в 1943 г. «Трудные годы» артистам МХАТ, известный театральный деятель М.О. Кнебель¹.) Сочный, образный язык и четкость дикции, великолепное владение красивым, сильным, барстvenного тембра голосом, способность к актерскому перевоплощению в передаче интонационных особенностей речи действующих лиц и состояния их души казались поразительными и в какой-то мере даже мешали восприятию собственно исторического содержания пьесы, ее текста и подтекста.

В доме Тамары Ханум Толстой был сдержаннее в манере исполнения и голос казался глуше (быть может, и потому, что помещение не было

* Предисловие к пространному отзыву С.Б. Веселовского о драме А.Н. Толстого опубликовано в кн.: АЕ за 1988 год. М., 1989. С. 296—304. Отзыв С.Б. Веселовского напечатан на с. 305—313.

приспособлено для публичных выступлений). Видимо, сказывались и волнение автора, ожидание им отзывов историков-специалистов. О волнении Толстого по дороге в дом Тамары Ханум писала позднее художница Валентина Ходасевич, сопровождавшая его на это заседание. Толстой, передавший заранее пьесу для ознакомления ученым, по ее словам, мрачно изрекал по дороге: «...Я знаю — многие уже прицелились, будут придиться...»²

Сейчас уже трудно вспомнить, кто выступал именно в доме Тамары Ханум при обсуждении пьесы. Но суждение Веселовского выделялось среди хвалебных или учтиво-неопределенных речей. Не похожим на других был и его внешний «старомодный» облик: черная визитка, серые брюки в полоску, ботинки на более высоких каблуках, чем носили в предвоенные годы. Стоя на кафедре (расположенной на уровне пола), Веселовский обращался к написанному тексту. Замечаний было много — и общего характера, и особенно об исторических неточностях и несуразностях; причем, кажется, в последовательности, соответствующей сценам пьесы. Дух и направленность того выступления были такими же, как и в отзыве 1945 г. (Вероятно, Веселовский в 1945 г. использовал текст 1942 г.) Толстой с несколько наигранной самоуверенностью и плохо скрывая раздражение, говорил в ответ, что это произведение художника, а не историка и писательская образность допускает неточности в деталях и хронологии. Задержался в сознании и подтверждается воспоминаниями А.С. Веселовской о домашних рассказах ответ Толстого на упрек в небрежном отношении к памяти современников Грозного (кажется, боярина Федорова, для поминовения которого царь сделал большой вклад в монастырь, что свидетельствовало, по мнению Веселовского, о невинности боярина): «А Вам не все ли равно!», и на ехидное замечание, на каком же языке говорили (в картине третьей) при встрече Иван IV и воспитанная в восточных традициях, не знавшая нашего языка черкесская княжна, Толстой парировал: «На языке любви, а он везде одинаков».

Любопытны подробности об этом заседании и реакции на него в дневниковых записях и письмах жены историка Ольги Александровны, с которыми любезно познакомила дочь их Анна Степановна. Материалы эти (цитаты из которых приводятся с сокращениями слов, как в автографе) много дают и для понимания биографии С.Б. Веселовского, его своеобразного положения в среде других историков. В письме Борису Степановичу Веселовскому (сыну от первого брака) читаем: «Ст. Бор. рассердился на Ал. Толстого за его драму “Иван Грозный”. И в Инст. истории после чтения автором драмы сказал все, что нашел нужным сказать». Письмо датировано 23 апреля 1942 г. Происшедшее волновало семью Веселовских и позднее. В письме к невестке Наталье Константиновне (жене Бориса Степановича) от 15 июня 1942 г. Ольга Александровна подробнее пишет обо всем этом: «Особенно остро почувствовалось одиночество Ст. Бор. на чтении Алексея Толстого — он читал новую свою пьесу об Иване Грозном. У Ст. Бор-ча есть уже ряд еще не напечатанных, но замечательных статей, работ об Ив. Грозном и его времени».

Пьеса Толстого очень эффектна, сценична, хватает за жабры, но “с точки зрения историка... в высшей степени бесцеремонна”. Но не на пьесу рассердился Степан Борисович. А на общий дифирамбный, гимновосторженный хор реверансов, какими была встречена эта пьеса

историками! Как ни странно сказать это о Ст. Бор-че, но он до простодушия искренно сердился и негодовал (“Им до истории никакого дела нет!”).

Я только рада была, что в своем беспощадно прямом, ясном, но вполне и безупречно корректном отзыве Ст. Бор не повысил голоса и не делал жестов. М. б. корректность формы, спокойствие и ровность голоса и были еще более убийственны и действенны для автора. Автор не справился со своим оппонентом. Он поступил умно: просто отмахнулся и спрятался за общие фразы. (О том, что пьеса уже одобрена и копыа ломать уже ни к чему — не так грубо, но смысл совершенно этот.) Интересно — как она будет поставлена в Малом театре? Успех она, вероятно, иметь будет. Пьеса сценична и эффектна.

И как замечательно, великолепно прочел Толстой свою пьесу! Даже я, которая слушала ее невольно сквозь призму оскомины от нее Ст. Бор-ча, была зачарована авторской блистательной читкой. И дернула его нелегкая писать именно об Иване Грозном!» Заканчивается эта часть письма рассуждением: «Я понимаю: нужно и важно теперь вспоминать и художественно восстанавливать величавые и высокие моменты истории и строительства нашей страны, родины», но, «не теряя чувства меры и правды».

Публикуемый отзыв представляет интерес и для историков литературы, и для историографов, и для понимания общественного сознания тех лет. Хотя в комментариях к изданию дилогии в Полном собрании сочинений А.Н. Толстого написано, что он «неоднократно выступал с чтением первоначальных вариантов своей „драматической повести“ о Грозном, чутко прислушиваясь к отзывам аудитории»³, замечания Веселовского (во всяком случае, большинство их) писатель счел возможным не учитывать при доработке пьесы.

Отзыв интересен и в плане исследования России XVI в. (а Веселовский именно тогда особенно целеустремленно занимался историей этой эпохи): в частности, соображениями о том, каким путем Первое послание Курбского дошло до адресата — царя Ивана. Но особенно важен этот документ из архива ученого как показатель оценки им событий российской истории, противостоящей принятой тогда в советской литературе (и научной и художественной) апологетике Ивана Грозного и его политических деяний, и как свидетельство того, какое значение Веселовский придавал освещению исторических событий в художественной литературе (особенно в военные годы, когда так возросла тяга к познанию своего прошлого).

В этом отношении много дает сравнительное рассмотрение отзыва на пьесу А.Н. Толстого об Иване Грозном и отзыва в августе 1943 г. на роман В.И. Костылева «Иван Грозный», опубликованного с предисловием А.А. Зиминой в 1973 г.⁴ Веселовский был стоек в своих представлениях о деятельности Ивана Грозного и ее последствиях и правдив в выражении своих мыслей — и в написанном и в публичных выступлениях. Он не мог не знать, как оценивается деятельность Ивана Грозного видными тогда историками (тем более что и С.В. Бахрушин и Р.Ю. Виппер жили с ним в Ташкенте в одном доме), и, конечно же, помнил соответствующего характера выступления при обсуждении пьесы А.Н. Толстого в Ташкенте. Вероятно, ему было ясно и то, какое высокое лицо заинтересовано в пуб-

личном выражении таких взглядов. Ведь отзыв о драматической повести «Иван Грозный» написан после того, как заставили переделать постановку пьесы «Орел и орлица» в Малом театре (осень 1944 г.) и в самых авторитетных органах массовой печати появились хвалебные отзывы о сочинении Толстого и новой постановке этой пьесы в том же Малом театре весной 1945 г.⁵

На обложке архивного дела с отзывом рукою жены ученого О.А. Веселовской помета чернилами «Весна 1945 г.». И там же памятка: «22.IX.45 г. читала вслух Ст[епану] Бор[исови]чу, Ане, брату Борису». Но последней странице машинописи, там где подпись С.Б. Веселовского, дата «VIII. 1945». Видимо, первоначальный вариант отзыва был написан весной 1945 г. (Не послужили ли поводом выход драматической повести отдельной книгой⁶ или известие о смерти писателя, скончавшегося 23 февраля 1945 г.?) Текст был, видимо, напечатан самим автором, так как, по свидетельству его дочери, Веселовский из-за катаракты в те годы печатал свои сочинения. В машинописи — многочисленные редакционные изменения первоначального текста, внесенные рукою жены ученого (быть может, под диктовку автора). Включен новый абзац: воспоминание о заседании в Ташкенте («После авторской читки... с такой же бесцеремонностью как с первой») — и изменено заключение. Первоначальный текст его был таким: «В заключение в связи с постановкой драматической повести А.Н. Толстого на сцене, что дает возможность познакомиться с повестью большому количеству лиц, мне представляется вполне уместным высказать недоуменный вопрос. Литература об Иване Грозном, научная и художественная, огромна. Об Иване Грозном и его времени напечатано множество книг и статей по старой и по современной орфографии. Эпохой Грозного интересовались и интересуются очень многие. Наконец, средняя школа и вузы дают учащимся некоторые сведения об основных фактах этой эпохи. Естественно, возникает вопрос, что скажут советские читатели, интересовавшиеся прошлым своей родины, и учащиеся, когда будут знакомиться с Повестью, в чтении или театре? Ведь они найдут в ней не только новую трактовку личности Ивана Грозного и оценку его как исторического деятеля, но также множество непримиримых противоречий решительно со всем, что они вычитали самостоятельно и чему учились в школе. А.Н. Толстой по справедливости пользуется репутацией великого мастера русского слова; но следует признать, что, написавши Повесть об Иване Грозном, он взялся не за свое дело, не имея на то надлежащей подготовки, и потому его произведение оказалось совсем неисторичным».

Веселовский, внешне, казалось бы, отрешенный от житейской суеты, преданный лишь своей науке и заботам о профессионализме готовящих себя к занятиям историей⁷, как теперь все в большей мере выясняется, был глубоко отзывчив к современности и более за чистоту исторических знаний. В обращении к теме «Иван Грозный» он видел и свой нравственный долг⁸ (недаром для него в этом отношении всегда оставался примером Н.М. Карамзин со «своей неизменной добросовестностью» и подчеркиванием нравственного начала в истории⁹). Ученый писал в те годы преимущественно в ящик письменного стола, воспринимался некоторыми даже как реликт старой науки. Но, упорно работая в избранном им направлении, Веселовский охотно знакомил со своими не напечатан-

ными еще сочинениями и верил в то, что в будущем обратятся к его трудам. И с 1960-х годов имя академика С.Б. Веселовского прочно утвердилось среди классиков нашей науки о России XIV—XVII вв.

Ясно, что утверждение авторов комментариев к изданию дилогии в Полном собрании сочинений А.Н. Толстого, будто писатель лишь «в некоторых моментах второстепенного значения позволял себе известные отступления от исторической канвы»¹⁰, далеко от истины¹¹. Но несомненно и то, что Толстой был знаком и с первоисточниками — памятниками письменности и фольклора XVI — начала XVII в. (даже контаминировал цитаты из различных источников)¹², и с историческими трудами о времени Ивана Грозного*, и с предшествовавшими художественными произведениями об этой эпохе: М.Ю. Лермонтова (в пьесе «Трудные годы» среди действующих лиц купец Степан Парамонович Калашников), А.К. Толстого и др.

О языке и стиле сочинений Ивана Грозного Толстой говорил, выступая на I съезде писателей в 1934 г., а в январе 1935 г. В.Д. Бонч-Бруевич писал А.М. Горькому, что Толстой «очень много посвящает времени истории Иоанна Грозного, собирает материалы — книги, портреты, и говорит, что в его сознании Петр имеет свои истоки в Иоанне Грозном и что Иоанн Грозный для него даже интереснее, чем Петр, колоритнее и разнообразнее. Хочет о нем писать»¹³.

В мае 1940 г. Толстой получил заказ на пьесу об Иване Грозном и весной 1941 г., рассказывая о своих творческих планах, сообщил, что приступает «к пьесе о начале созидания русского государства из эпохи Ивана Грозного». Писать он ее начал 17 октября 1941 г. в Зименках под г. Горьким и завершил в феврале 1942 г. в Ташкенте¹⁴.

Еще в 1920-е годы на него заметное впечатление произвела книга Р.Ю. Виппера «Иван Грозный», и, работая над пьесой, Толстой сознательно придерживался в характеристике государственно-политической истории России времени Ивана Грозного и в оценке деятельности первого российского царя все более утверждавшейся в те годы точки зрения (нашедшей отражение и в вузовском учебнике, где автором соответствующего раздела был С.В. Бахрушин). Толстой был убежден в прогрессивности государственной централизации и необходимости для России единовластия: это прослеживается и по его романам «Хождение по мукам» и «Петр I».

Об Иване Грозном Толстой напоминал и в своих публицистических выступлениях тех месяцев. В статье «Родина», напечатанной 7 ноября 1941 г., он писал, что Иван Грозный «со страстной настойчивостью и жестокостью» «разломал обветшавший застой удельной Руси, разгромил вотчинников-князей и самовластное боярство и основал единое русское государство и единую государственность с новыми порядками и новыми задачами огромного размаха. Таково было постоянное стремление всей Руси — взлет в непомерность»¹⁵. Выявлены и другие высказывания Толстого именно того времени (в том числе и неопубликованные тогда) о царе Иване — государственном деятеле, писателе, человеке.

* Это отмечено в комментариях к т. 10 сочинений А.Н. Толстого, в трудах литературоведов, где указаны и исторические источники и труды историков, к которым обращался писатель в период работы над дилогией и ранее.

Образ Ивана Грозного, воссоздаваемый А.Н. Толстым, явно противопоставлен был широко известному читателю и зрителю «каноническому» образу царя из драмы А.К. Толстого «Смерть Иоанна Грозного»¹⁶. Писатель ожидал сравнительного рассмотрения пьес двух знаменитых однофамильцев (и отзыв Веселовского является подтверждением такого хода мыслей у знакомящихся с новой пьесой о грозном царе) и стремился показать их несхожесть и по содержанию и стилистическую. Быть может, даже для подчеркивания этого несходства с трагедией в стихах А.К. Толстого введено было необычное для русской литературы определение: «драматическая повесть».

С пьесой Толстого, изданной первоначально тиражом в 200 экземпляров, ознакомился И.В. Сталин, проявлявший особый интерес к событиям времени Ивана Грозного и их оценке. И его суждение нашло отражение в статье М.Б. Храпченко (занимавшего тогда пост председателя Комитета по делам искусств) «Современная советская драматургия», напечатанной в газете «Литература и искусство» 30 мая 1942 г. При характеристике нового произведения Толстого отмечалось «большое значение правильного изображения» деятельности Ивана Грозного и то, что царь Иван показан в пьесе «преимущественно в личном быту. Кипучая деятельность Ивана Грозного по «собираанию» земли русской, созданию централизованного государства не нашла отражения в пьесе. Широкий размах государственных преобразований, осуществляемых Иваном Грозным, также остался вне поля зрения автора. Борьба Ивана Грозного с боярством сведена в пьесе к внутриворцовым распрям. Роль опричнины, на которую опирался Иван Грозный, по существу не показана. В пьесе затронут вопрос о войне с Ливонией, однако разгром Ливонии русскими войсками в пьесе вовсе не показан. Несомненно, что пьеса А.Н. Толстого «Иван Грозный» не решает задач исторической реабилитации Ивана Грозного»¹⁷. А В.Р. Щербина в книге 1956 г. о А.Н. Толстом пишет: «В первом издании драматической повести «Иван Грозный» в качестве главного мотива борьбы государя с боярством воздвигалась идея самовластия. И.В. Сталин, прочитав первую часть диалогии «Орел и орлица», посоветовал автору дать более широкое освещение государственной деятельности Грозного и смысла введения им опричнины. Художник приступил к работе над второй частью произведения «Трудные годы» и вносит серьезные дополнения в первую часть»¹⁸.

На самом деле изменения в пьесе «Орел и орлица» не имели принципиального характера. И Толстой решил написать еще одну новую пьесу об Иване Грозном, т. е. дилогию, а первоначально даже трилогию (о чем сообщил в статье «Над чем работаю», помещенной в журнале «Огонек» в январе 1943 г. и приуроченной к 60-летию писателя). Вторую часть Толстой сам считал «центральной»¹⁹. Видимо, уже во второй половине 1942 г. начата была работа над второй пьесой, так как в заключенном в январе договоре о представлении пьесы МХАТ был указан срок сдачи — 1 марта 1943 г. Пьеса была закончена 16 апреля 1943 г.²⁰. И именно в тот день, как вспоминал драматург Б.С. Ромашов, Толстой говорил ему: «Третью часть писать не буду. Это страшно. Это такой мрак, крушение всех его (Ивана IV.— С. III.) надежд, нельзя писать в такое время. Не подниму. После войны как-нибудь»²¹.

Особенно важно указание самого писателя о различии его намерений при работе над разными частями дилогии, учитывая, что вторая часть была написана после указаний Сталина: «Работа над первой пьесой "Орел и орлица" была для меня опытным изучением Грозного, его характера, людей его времени. Вторая пьеса — "Трудные годы" — раскрывает характер царствования Ивана, смысл и причинную связь его деяний»²². Изучившая материалы, отложившиеся за период работы Толстого над дилогией, П.А. Бороздина пишет о многочисленных правках и изменениях, о трех основных редакциях первой пьесы и четырех основных редакциях второй части дилогии, о том, что отчетливо видно «стремление усилить политико-государственный стержень произведения»²³.

Тенденция автора ясна. Но что побудило писателя к такому смещению событий и дат и смешению стилей? К чему было так демонстративно нарушать хронологию известных исторических событий и деятельности исторических лиц, прибегать к почти балаганным формам в изображении значительных явлений государственной жизни, прежде всего Земского собора? Только ли поспешность и желание поскорее представить свое новое сочинение на суд тому, кто ожидал его окончания? Или потребность денежного обеспечения себя (а Толстой любил и умел жить «открытым домом», был, по словам С.В. Михалкова, «человеком застолья») и трудность в условиях эвакуации проверки исторических сведений (но ведь в Ташкенте, помимо сотрудников Института истории, находился тогда и такой знаток времени Ивана Грозного, как профессор И.И. Полосин)? Или сознательное небрежение к исторической точности, ненужной, мол, для произведения искусства? Все это, видимо, следует учитывать. Но вряд ли здесь не было и умысла.

Толстой — человек циничного ума, с развитым чувством юмора, склонный к игре в жизни и к наблюдениям ее проявления в окружающих*. Не хотел ли Толстой, естественно, как и все интеллигентные люди той поры, тяготящийся сталинско-бериевскими приемами управления и сдерживания общественного мнения, показать, с одной стороны, что писателя-фаворита за произведение на заказную тему не посмеют (зная это) укорить в печати за отступление от исторической истины, а с другой — выявить и уровень требований к истории, и знания этой истории Сталиным и его окружением и вызвать ассоциации у читателя? Мудрый да поймет! Трудно поверить в то, что автор «Сестер», «Гадюки», столь детально следовавший за наблюдениями академика М.М. Богословского в романе «Петр I», объясняющий (или, правильнее сказать, оправдывавший) в опубликованной в начале 1943 г. автобиографии литературные недостатки романа «Хлеб» тем, что это была попытка «обработки точного исторического материала художественными средствами»²⁴, не ведал, что творит, и не думал о том, как оценят потомки (да и современники) его «лебединую песню»? Тем более что Толстой считал дилогию «Иван Грозный» «любимым детищем», которое долго вынашивалось**.

* Это ясно заметно в известных изображениях Толстого И.Л. Андрониковым и в записанных им устных рассказах.

** «В моей литературной жизни эта повесть о Грозном — самая важная работа», — писал Толстой 18 октября 1943 г. секретарю Горьковского обкома партии М.И. Родионову (в 1950 г. осужденному вместе с Н.А. Вознесенским, А.А. Кузнецовым и др.)²⁵.

Обстоятельства общественно-политической жизни, стремление самоутвердиться (или точнее — утвердить себя в глазах Сталина и его окружения) отодвигали сроки завершения работы Толстого над широким полотном романа о Петре Великом, начатой в момент раздумий о корнях, путях и катаклизмах революционных преобразований в нашей стране. Толстой нарочито писал в упоминавшейся автобиографии: «Что привело меня к эпохе "Петр I"? Неверно, что я избрал эту эпоху для проекции современности. Меня увлекло ощущение полноты "непричесанности" и творческой силы той жизни, когда с особенной яркостью раскрывался русский характер.

Четыре эпохи влекут меня к изображению по тем же причинам: эпоха Ивана Грозного, Петра, гражданской войны 1918—1919 годов и наша сегодняшняя небывалого размаха и значительности». Писатель был заинтересован в том, чтобы дезавуировать распространенное тогда представление о поводах его особого интереса к определенным историческим эпохам и историческим личностям. И официально он преуспел в этом, получив публичную поддержку такого ведущего тогда критика, «отличавшегося к тому же умением быстро ориентироваться в конъюнктуре и ее изменениях, как А.Л. Дымшиц. О характере историзма диалогии «Иван Грозный» Дымшиц писал: в произведениях А.Н. Толстого нет ни «искусственного притягивания истории к современности», ни «пресловутого "опрокидывания" современного в прошлое», а «есть тот здоровый историзм, который выражается в органическом чувстве традиции, в осознании связи современности с прошлым»²⁶.

Но в выделении эпох отечественной истории, притягивающих его художественный интерес, Толстой был правдив. Образ царя Ивана привлек его не позднее начала 1930-х годов. И вероятно, не только как человека «великой страстной русской души»²⁷ и в какой-то мере предтечи Петра I на троне. Не побудили ли Толстого к этому и события рубежа 1920—1930-х годов, названные тогда «великим переломом», определившие дальнейшее развитие и деревни и города и непосредственно отразившиеся и на судьбах окружавшей писателя литературно-художественной интеллигенции, а вскоре и лиц, принадлежавших прежде (или по происхождению своему) к высшим слоям дворянства? А осенью 1941 г. трагические события первых месяцев Великой Отечественной войны, во многом обусловленные и государственно-политическими акциями предшествующих лет?

Обращение к образу Ивана Грозного и именно к эпохе опричнины, к годам поражения в борьбе с ордами крымского хана и ухудшения положения на ливонском фронте позволяло показать, что такое жестокость самовластия и ее последствия, одиночество подозрительного и вознесенного надо всеми самовластца («Доколе еще вырывать плевелы и сучья гнилые рубить? Остаюсь голо как древо...»), самооценку самовластца и оценку его народом, как выглядит народное представительство, какой ценой «Россия должна стать великим государством». Небезынтересно, что вторую пьесу Толстой начал (после одобрения первой пьесы Сталиным) сразу со второй картины — сцены Земского собора²⁸. Вспомним многие слова и действия обеих пьес (особенно второй и ее название «Трудные годы») и завершающую общее впечатление финальную картину второй пьесы: стан Грозного

и «вдали зарево пылающей Москвы», сожженной крымскими татарами, слова из письма царя в этот трагический момент: «А мы, слава богу, здоровы и духом крепки. Случилась у нас беда невеликая...» — и заключительную фразу царя в диалогии: «Горит, горит Третий Рим... Сказано — четвертому не быть... Горит и не сгорает, костер нетленный и огонь неугасимый... Се — правда русская, родина человекам...» В последней цитате отточия А.Н. Толстого.²⁹ Нет ли двусмысленности в словах и в образе действия царя в заключительной сцене диалогии? Не этим ли объясняется и неоднозначность оценки диалогии (и ее общественно-политической направленности) в литературоведческих работах?³⁰

Образ царя Ивана, особенно во второй пьесе, многое мог подсказать истинно даровитому актеру, на многое подтолкнуть его общественное сознание, ассоциативность психологических наблюдений. Роль царя в пьесе «Трудные годы» готовил в МХАТ Н.П. Хмелев — великий актер, особо ценимый Сталиным. Сохранились записи близких к нему людей о вживании Хмелева в эту роль, поисках прообразов ее в жизни. Те, кто видел актера в сценах из пьесы, признавали единодушно это исполнение вершиной его творчества, когда «Хмелев впервые зазвучал как трагический актер». Отметившие это М.О. Кнебель и А.Д. Попов писали вскоре после кончины Хмелева (но еще при жизни Сталина!): «Одиночество Ивана в борьбе с боярством, возведение абсолютизма царской власти в степень божественной миссии делали для Ивана трагически непостижимой боярскую измену»³¹. Живым прообразом стал для Хмелева его дед — человек очень злого и властного характера, ослепший и потому особенно подозрительный. Для Хмелева Иван Грозный, по словам работавшей с ним над ролью М.О. Кнебель, человек «умный, властный, хитрый, жестокий». Хмелев говорил, что «Грозный для него сейчас — самое главное в жизни». «Поймите, я в Грозного вложил всю душу и боюсь, дойдет ли все то, что я задумал»³².

И вероятно, крупнейший наш театровед П.А. Марков, человек, близкий издавна Хмелеву, был прав, когда добавил к ранее написанной — еще при жизни актера — статье о Хмелеве в 1964 г. текст об отношении актера к исполнению им роли Ивана Грозного: «Он брал роль очень глубоко. И Грозный возникал во всех сжигающих противоречиях. О какой бы то ни было сентиментальности здесь, конечно, не могло быть и речи. Хмелев судил своего Грозного с очень высоких человеческих позиций. Думаю, что "историзм" образа его интересовал гораздо менее, чем борьба между пожаром страсти, охватившей этого измученного, страшного в своей подозрительности человека, и мучительными думами о родине и своем призвании»³³. Хмелев понимал, на что он шел, был напряжен до предела и не вынес такого напряжения духа: он упал во время генеральной репетиции в костюме грозного царя и через несколько часов скончался в родном ему театре. Это случилось 1 ноября 1945 г.

И диалогия Толстого, и работа Хмелева над ролью Ивана Грозного — это поиски ответа на вопросы, как оценивать (или оправдывать, убеждая самого себя) жестокого властителя, полагающего, что он воплощает в себе государство и стремление народа, как объяснить отношение современников (и близко общающихся с ним и широких слоев) к такому государю. Проблема, к которой обращена мысль и сейчас, когда очевидны пагубные последствия культа личности Сталина. Но об этом думали — хотя и редко

решались говорить вслух даже среди близких людей и тем более писать прямо — и участники и современники тех событий. Все это дает основания для дальнейших размышлений о творческих намерениях А.Н. Толстого, о «загадке», как удачно нашел слово С.Б. Веселовский, драматической повести «прославленного писателя».

В публикуемом тексте машинописи с рукописной правкой отдельные неточности в цитатах из пьес А.Н. Толстого исправлены публикатором.

- 1 *Кнебель М.* Вся жизнь. М., 1967. С. 433.
- 2 *Петелин В.* Судьба художника: Жизнь, личность, творчество Алексея Николаевича Толстого. М., 1982. С. 524—525.
- 3 *Толстой А.Н.* Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1949. Т. 10: (Пьесы). С. 699. Авторы коммент. А.В. Алпатов и С.Н. Дурюлин.
- 4 *Зимин А.А.* Академик С.Б. Веселовский и образ Ивана Грозного в художественной литературе // История и историки: Историогр. ежегодник, 1971. М., 1973.
- 5 Некоторые из них — статья Д. Заславского о драматической повести Толстого (О правде русской // Большевик. 1944. № 10—11) и статьи о спектакле Малого театра С. Голубова (Правда. 1945. 30 мая) и Н. Погодина (Известия. 1945. 30 мая) — помещены в книге «Иван Грозный (драматическая повесть Алексея Толстого на сцене)» (М., 1946).
- 6 *Толстой Алексей.* Иван Грозный: Драматическая повесть в двух частях. М., 1945. С иллюстрациями П.П. Соколова-Скаля, художника постановки пьесы «Орел и орлица» в Малом театре, и П.В. Вильямса, художника готовящейся постановки пьесы «Трудные годы» в Московском Художественном театре.
- 7 См. записи его лекций в МГИИИ (*Веселовский С.Б.* Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978).
- 8 *Смирнов И.В.* Приобретение навеки // Знание — сила. 1987. № 9. Очерк о С.Б. Веселовском в разделе «Люди науки».
- 9 *Шмидт С.О.* «История государства Российского» Н.М. Карамзина в культуре дореволюционной России // Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1988. Кн. 4; *Он же.* «История государства Российского» Н.М. Карамзина в контексте истории мировой культуры // Всемирная история и Восток: Сб. к 70-летию академика С.Л. Тихвинского. М., 1989.
- 10 *Толстой А.Н.* Полн. собр. соч. Т. 10. С. 697.
- 11 *Веселовский Т.Т.* Диалогия А.Н. Толстого «Иван Грозный» // Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та. 1958. Т. 184. Вып. 6. С. 161—181; *Титкина Т.С.* Об исторической правде в дилогии А.Н. Толстого «Иван Грозный» // Учен. зап. ЛГУ. Сер. филол. 1959. Вып. 53.
- 12 *Векслер И.И.* Алексей Николаевич Толстой. М., 1948. С. 468—469. Об этом же — в трудах литературоведов, изданных позднее.
- 13 *Крестинский Ю.А.* А.Н. Толстой: Жизнь и творчество: Краткий очерк. М., 1960. С. 221.
- 14 Там же. С. 284, 287—288.
- 15 *Толстой А.Н.* Полн. собр. соч. М., 1950. Т. 14. С. 162.
- 16 *Крестинский Ю.А.* Указ соч. С. 290—291.
- 17 Цит. по: *Крестинский Ю.А.* Указ. соч. С. 288—289.
- 18 *Щербина В.Р.* А.Н. Толстой: Творческий путь. М., 1956. С. 481. См. также: *Западов В.Л.* Алексей Николаевич Толстой. Л., 1969. С. 124.
- 19 *Толстой А.Н.* Полн. собр. соч. Т. 14. С. 373.
- 20 *Крестинский Ю.А.* Указ. соч. С. 289.
- 21 *Ромашов Б.* Драматург и театр. М., 1953. С. 464.
- 22 *Толстой А.Н.* Полн. собр. соч. Т. 14. С. 379. Первоначально напечатано в журнале «Смена» в феврале 1944 г.
- 23 *Бороздина П.А.* А.Н. Толстой и театр. 2-е изд. Воронеж, 1975. С. 18.
- 24 *Толстой А.Н.* Полн. собр. соч. М., 1951. Т. 1. С. 88. «Краткая автобиография» впервые была напечатана в журнале «Новый мир» (1943. № 1).
- 25 См.: *Крестинский Ю.А.* Указ. соч. С. 293.
- 26 *Дымищ А.* «Иван Грозный» Алексея Толстого // Звезда. 1944. № 4. С. 117.
- 27 *Толстой А.Н.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 89.
- 28 *Кнебель М.* Указ. соч. С. 444.
- 29 См.: *Толстой Алексей.* Иван Грозный: Драматическая повесть в двух частях. С. 144, 145, 150; То же // Толстой А.Н. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 575.
- 30 Эти работы названы в книгах П.А. Бороздиной «А.Н. Толстой и театр» и Л.И. Зве-

ревой «А.Н. Толстой — мастер исторической драматургии» (Львов, 1982).

³¹ Попов А., Кнебель М. Н.П. Хмелев — Иван Грозный // Ежегодник МХАТ, 1945. М., 1948. Т. 2. С. 156.

³² Кнебель М. Указ. соч. С. 441, 443, 464, 465.

³³ Марков П.А. О театре. М., 1974. Т. 2. С. 344.

СОЧИНЕНИЯ Н.П. ПАВЛОВА-СИЛЬВАНСКОГО КАК ПАМЯТНИК ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ *

Николай Павлович Павлов-Сильванский (1869—1908) скончался в момент взлета его творчества, тогда, когда с его именем стали связывать представления о будущем науки отечественной истории. Умер почти внезапно, не довершив задуманного, не увидев в рост посеянное им. Смерть эта поразила знавших его, ощущалась как невосполнимая потеря и сравнительно широким кругом тех, кто задумывался, подобно ему, об исторической судьбе России, о воздействии прошлого ее на настоящее и будущее.

И так как в самый последний период своей жизни Павлов-Сильванский сосредоточил все свои силы на подготовке обобщающего труда о феодализме в русском средневековье, на работы именно этой тематики обращено наибольшее внимание в откликах на его кончину. Эти труды — большой популярный очерк «Феодализм в древней Руси» и незавершенное исследование «Феодализм в удельной Руси», впервые в нашем издании объединенные в одной книге, и воспринимались как главное в жизни ученого, столь убедительно и детально показавшего неосновательность распространенного в ту пору представления о глубоком различии между историческим развитием России и Западной Европы до XVIII в. или даже позднее.

Действительно, мало можно назвать имен историков, главные положения трудов которых, будучи направленными против общепринятых мнений, так скоро получили бы настолько повсеместное признание, стали бы казаться само собой разумеющимися, обязательными и для школьных учебников. Но это же создает и своеобразную аберрацию в суждениях о Павлове-Сильванском, работы которого иной тематики, хотя и напечатанные вскоре в посмертном трехтомном издании его сочинений, подчас рассматриваются как специальные исследования, важные — и даже смелые, новаторские — в изучении определенных проблем истории России XVI—XVII вв. и особенно XVIII и XIX вв., но вне связи с его трудами по истории средневековья, обеспечившими Павлову-Сильванскому имя одного из классиков нашей исторической науки. Говорилось обычно лишь о многообразии научных интересов и знаний ученого, о способности его писать о разных и, казалось бы, далеких хронологически исторических сюжетах, об умении создавать — и притом одновременно — и исследовательские труды, источниковедческие в своей основе, и научно-популяр-

* Опубликовано в кн.: Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России (Серия «Памятники исторической мысли»). М., 1988. С. 587—599.

ные статьи, и лекции. Все это верно. Дарованию и многообразию возможностей Павлова-Сильванского как исследователя прошлого и пропагандиста исторических знаний можно дивиться. Но, вероятно, главная линия творчества этого удивительного ученого, обусловившая все его проявления — склонность к осмыслению всего хода истории России, построению синтетической схемы всей истории, воспринимаемой и показанной при этом в конкретности и многообразии. Написав обобщающие по характеру мысли работы (различные по степени основательности использования источников, по задачам, объему, форме изложения) о различных периодах истории, при том по проблемам, как правило, мало изученным, Павлов-Сильванский только приступил к созданию большого обобщающего труда. В части его, детальнее всего обдуманной и подготовленной, посвященной наиболее раннему хронологически периоду, он наметил уже и схему и сформулировал выводы относящиеся к дальнейшим периодам истории России, попытался сделать то же и в лекционных курсах, в газетной публицистике.

И все это совершалось в осознании необходимости поисков взаимосвязи суждений о прошлом с пониманием современных государственно-политических событий. У Павлова-Сильванского была очень сильна эта потребность. Он писал о том, что «Русская Великая Революция» заставила его «усиленно заняться» книгой о феодализме в удельной Руси, и в то же время именно в последние годы «действительность, история, исправляя ошибки историографии», сильнее всего поколебала воззрения о принципиальном различии исторического процесса в России и на Западе. Это же побуждало ученого, более всего интересующегося в исследовательском плане государственно-политической историей, выяснять вопрос об обусловленности ее социальными, экономическими причинами. Все это делало понятным и всевозрастающий интерес его к трудам Маркса в поисках оснований для социологических построений.

Вообще это отнюдь не столь редкий феномен обращения к изучению прошлого, даже очень далекого, тогда, когда мысли устремлены в будущее. Пример тому статьи и рассуждения о земских соборах виднейших историков (в их числе и того же Павлова-Сильванского) в годы первой русской революции¹. Это характерно и для крупномасштабных социологических обобщений. Ведь и Ф. Энгельс, сформировавший вместе с К. Марксом научные представления о пути движения исторического процесса, обращался к исследованию проблем происхождения семьи, частной собственности и государства, к истории крестьянской войны в Германии XVI в., а К. Маркс в последние годы жизни с увлечением составлял хронологические выписки по мировой истории в эпоху Средневековья².

Для ученого такого склада мысли и такой широкой образованности, как Павлов-Сильванский, особое значение имели, конечно, и, так сказать, имманентные закономерности развития исторического знания и приемов его добывания. Рубеж XIX и XX вв. — это время необычайного подъема источниковедческих исследований, осознания значения междисциплинарных связей отдельных отраслей гуманитарных наук. Это предопределяло интерес ученого к возможностям использования новых методов исследования, прежде всего историко-сравнительного характера. Это заставляло его задуматься и о перспективах развития археографии в плане описания и публикации исторических источников. Обнаруживается и

понимание важности обращения к сравнительному изучению разных типов источников (словесных — фольклора, разговорного языка, памятников письменности и иных), к тому материалу, который только начинала определять как сферу своего внимания формировавшаяся в то время наука социальной психологии.

Творчество Павлова-Сильванского — чуткий, высочайшего класса барометр, позволяющий определить движение мысли историков в прошлом и в настоящем, степень проникновения в область собственно источниковедческого исследования и историко-социологического построения и элементов историографической традиции (и отечественной и зарубежной), и новаций не только исторической науки, но и всего спектра прикасающихся с ней в той или иной степени наук. И в этом отношении не только своими выводами и наблюдениями исторического (или источниковедческого) порядка, но и самим подходом к изучению явлений прошлого Павлов-Сильванский во многом предвосхитил то, что стало обычным для науки лишь в последующее время. Достаточно назвать хотя бы его статью о символизме в средневековом правовом мышлении.

Работы Павлова-Сильванского о служивых людях XVI—XVII вв., о реформаторских идеях современников Петра I, о Радищеве и Пестеле, вышедшие при жизни автора, были высоко оценены учеными, а труды, впервые знакомившие со знаменательными явлениями передовой революционной мысли, привлекли внимание так называемого широкого читателя. И все-таки наибольший интерес обнаружился к исследованиям его о феодализме в средневековой Руси и особенно к изложению его взглядов в сравнительно небольшой книге «Феодализм в древней Руси», вышедшей в 1907 г.

Уже первые статьи этой тематики вызвали отклики людей разных поколений и разных общественных воззрений. Они обратили на себя внимание В.И. Ленина и его соратников. Это становится тем более понятным, что молодой Ленин еще до сочинений Павлова-Сильванского увидел характерные черты русского феодализма, и, исходя из марксистского учения о формациях, глубже его понял коренные причины этого явления и его естественные последствия для хода нашей истории. Но труды Ленина тех лет не были известны в ученой среде. И идея о европейского типа феодализме в средневековой Руси, точнее сказать, о его внешнеправовых формах распространилась столь широко с работами Павлова-Сильванского.

Книга его вызвала невиданное число откликов и в печати, в лекциях и докладах, в письмах, адресованных автору ее. Можно полагать, что об этом немало было разговоров и в профессорских кабинетах, и в студенческих аудиториях и везде, где собирались люди, склонные к освоению гуманитарных знаний. Известны отклики и историков, причем специалистов и по отечественной и по всеобщей истории, и правоведов, и сверстников автора, и представителей поколения его учителей, даже непосредственных учителей. Это заставляет вспомнить о впечатлении, произведенном в обществе выходом из печати «Боярской думы» В.О. Ключевского, «Истории...» С.М. Соловьева и даже Н.М. Карамзина. Выяснялось, что Россия оказалась по самой сути социально-государственных отношений страной европейского типа еще до того, как Петр I «открыл окно в Европу». Период, охарактеризованный менее ярко по сравнению с дру-

гими, в известном тогда всем «Курсе русской истории» В.О. Ключевского, обретал четко запоминающиеся черты, к тому же хорошо понятные тем, кто имел представление о ходе всемирной истории. Это помогало многое понять и в далеком прошлом, и в событиях современности, что и обуславливало столь живое отношение к труду историка отнюдь не только в кругу профессионалов-ученых. Естественно, что выводы Павлова-Сильванского в основе своей поддержали виднейшие авторитеты в области западноевропейской истории. Это облегчало им в дальнейшем возможность обращения к русскому материалу в плане и общесоциологических построений, и детального сравнительного сопоставления материала источников и запечатленных в них правовых норм и признаков развития культуры.

Мимо того, что отмечено было Павловым-Сильванским, не могли пройти те, кто задумывался над важнейшей проблемой — общее и особенное в истории России. Люди передовой общественной мысли сразу же заявили себя сторонниками его основной идеи и опирались на нее в своих исследованиях и в публицистических выступлениях. Это не только революционеры, еще до 1917 г. немало делавшие для формирования и утверждения марксистских взглядов на исторический процесс, но и ученые передовых убеждений, ставшие затем участниками культурного строительства первых лет Советской власти. (Именно они — А.Е. Пресняков, П.Е. Щеголев, М.К. Лемке — более всего сделали и для организации посмертного издания сочинений Павлова-Сильванского в 1908—1910 гг.) Существенно и то, что сама система научных доказательств Павлова-Сильванского, совершенная по тем временам методом источниковедческого анализа, обеспечивавшего прочную базу для исторического синтеза, привлекла на сторону ученого и наиболее объективных и проникновенных исследователей источников, особенно так называемой петербургской школы, славившейся достижениями в этой области науки. Подкупали убедительность и красота приемов самого исследования.

И потому, когда издана была — уже посмертно — исследовательская монография близкой тематики (также включенная в наше издание), вобравшая в себя очень многое из ранее вышедшей популярной книги, она сразу же утвердилась среди самых значительных исследовательских достижений нашей науки.

Главные положения обобщающих книг Павлова-Сильванского и история их написания и издания охарактеризованы в статье С.В. Чиркова. Включенные в статью сведения, почерпнутые из материалов личного архива Павлова-Сильванского (лишь сравнительно недавно благодаря усилиям С.Н. Валка и особенно В.А. Муравьева³ введенные в научный обиход), позволяют представить картину формирования этих научных положений. При этом мы узнаем много нового не только о самом Павлове-Сильванском, но и о его современниках-ученых. Мы как бы входим в мир научных исканий и споров начала XX столетия, знакомимся с кругом чтения этих людей, с манерой выражения научной мысли.

Рядом с Павловым-Сильванским четко вырисовывается фигура Александра Евгеньевича Преснякова, ученого столь же широких научных интересов и большого темперамента мысли. (Правда, в отличие от Павлова-Сильванского, интересы которого сосредоточивались преимущественно на сфере общественно-политической, в жизни Преснякова немало места занимала и сфера искусства, особенно театра — он даже писал в

петербургской прессе о гастролях Московского Художественного театра, принимал у себя дома Станиславского и его знаменитых сподвижников.) Пресняков так же, как Павлов-Сильванский, приучивший себя к озвучению с новейшей отечественной и зарубежной литературой — и не только по истории, но и по философии, социологии и т. д., — склонный к постоянным размышлениям историографического характера (и при этом большой мастер историографического портрета) в те же годы искал ответа на важнейшие вопросы истории Древней Руси.

Помимо взаимной симпатии и доверия друг другу их сближало многое: свойственные обоим живость ума, умение увидеть и понять новое, быстрота интеллектуальной реакции, высоко развитая способность к ассоциативному мышлению и великолепная школа исследовательской работы (первая монография Преснякова о лицевой летописи «Царственной книге», напечатанная в 1893 г., когда ее автору было всего лишь 23 года, до сих пор остается образцом тончайшего, скрупулезного и честного источниковедческого исследования). Пресняков, как и Павлов-Сильванский, был склонен и обладал умением серьезно и с увлечением заниматься исследованием исторической проблематики разных столетий, причем, так же как и он, выступил первопроходцем в архивных изысканиях; если Павлов-Сильванский, особенно прославившийся трудами по истории русского средневековья, создал значительные работы по истории общественной мысли XVIII—XIX вв. и по истории Министерства иностранных дел XIX в., то Пресняков — правда, уже после кончины своего друга — более всех других сделал для изучения истории Сената середины XVIII в. и, соответственно, внутренней политики этих лет, долгое время обойденной вниманием историков, находившихся в плену панегиристов Екатерины II⁴, а затем написал выдающиеся для той поры работы по политической истории России XIX в.

Общей у них была и потребность определить для себя основные моменты связи времени, и место и значение изучаемых явлений в цепи других (притом на длительном хронологическом протяжении), типологизировать исторические формы и группы фактов (или имеющие внешнее подобие даже отдельные факты), причем и в общесоциологическом срезе, и в плане наблюдений более частного порядка. Наконец, для обоих очевидна потребность обращения для проверки своих построений к сравнительно широкой аудитории, к жанру доклада и особенно лекции, тяга к учительству. У Преснякова это было развито уже опытом сравнительно давнего преподавания, Павлов-Сильванский явно тянулся к этому (тем более, что еще в молодые годы готовил себя к преподавательской деятельности, которой обильно и занимались сдавшие магистерский экзамен). Он сумел необычайно скоро подготовить лекционные курсы, нашел в этом форму и повод для уяснения (возможно, не только слушателям, но и самому себе), обобщения того, о чем размышлял. Вероятно, лекторская деятельность явилась существенным стимулом для столь быстрого написания Павловым-Сильванским книги обобщающе-постановочного характера, притом книги, проникнутой историографической полемичностью. Сама манера изложения в книгах, естественное сочетание безукоризненно логически строгой системы соотношения изучаемых явлений, покоряющей своей убедительной простотой (как при доказательстве теоремы в математике), с образностью языка, рассчитанными на долгое запомина-

ние яркими, четкими и краткими формулировками, оставляет ощущение обращения не только к читающей, но и к слушающей аудитории.

И понятно, что именно Пресняков (личный архив которого и печатные труды с наибольшей основательностью и серьезными научными результатами изучил автор статьи в этой книге С.В. Чирков ⁵) стал и постоянным собеседником и корреспондентом Павлова-Сильванского. Взаимное влияние их на творчество друг друга очень заметно и велико и может даже стать темой особого исследования. И посмертным даром судьбы было то, что Пресняков стал как бы душеприказчиком скончавшегося ученого. Ему более других были знакомы не только научная проблематика незавершенной книги, но и склад научного мышления, даже манера обращения с первоисточниками и литературой своего друга. И это обогатило науку монографией, наиболее приближенной, как думается, к авторскому замыслу.

Проверкой научной строгости, основательности своих построений для Павлова-Сильванского были беседы с Пресняковым и другими близкими ему учеными и особенно переписка. Беседы и споры на научные темы, обычно впережку с суждениями об общественно-политических явлениях — давняя традиция русской общественной мысли. И в этом плане Павлов-Сильванский и его друзья выступают в какой-то мере наследниками если не современников декабристов, то во всяком случае тех, кто участвовал в столкновениях славянофилов и западников (тем более что расхождения во взглядах отнюдь не становились серьезным препятствием к сохранению дружеских отношений). Видимо, устный спор, когда всегда легко от кажущегося наиболее существенным перейти к истолкованию частных или вовсе отойти от намеченной поставленным вопросом темы, не всегда мог привести к довершению необходимого в тот момент обсуждения. И Павлов-Сильванский прибегал к методическому приему переписки по научным вопросам, даже с очень близкими ему людьми, проживавшими в том же городе. Для этого надо было и очень доверять друг другу, и быть взаимно заинтересованными в достижении определенных результатов, и иметь соответствующую научную подготовку, и, конечно же, равно высокую культуру мышления. Необходимым условием было, естественно, и обладание высокой эпистолярной культурой. А эпистолярным искусством русские интеллигенты владели в полной мере.

Это была традиция воспитания, закрепленная опытом русской художественной литературы и публицистики. Семейная переписка — важный и до сих пор малоизученный фактор развития нашей культуры. Замечательна переписка А.Е. Преснякова с женой Юлией Петровной, из которой мы можем почерпнуть немало ценного и для познания жизни, творчества и посмертной судьбы в науке Павлова-Сильванского. Семейная переписка Чичериных (а следовательно, и очень знаменитого в те годы ученого и общественного деятеля Б.Н. Чичерина, и его даровитейшего племянника, ставшего затем революционером и замечательным советским дипломатом Г.В. Чичерина) стала уже предметом специального изучения. Выводы и наблюдения исследовавшего огромный массив переписки семьи Чичериных в XIX — начале XX в. Е.Ю. Наумова ⁶ должны быть использованы и при рассмотрении научной переписки. Корни этой формы культурного общения можно искать в эпохе Возрождения, деятели кото-

рого опирались и на давнюю античную традицию. Нельзя не отметить, что многие, и притом важнейшие, положения исторического материализма сформулированы К. Марксом и Ф. Энгельсом в их письмах и к друг другу, и к другим адресатам. Более того, можно полагать, что Энгельс в последние годы почитал своим долгом изложить существеннейшие свои мысли об истории в письмах к более молодым социалистам.

Значение опубликованных в книге писем отнюдь не ограничивается их важностью для понимания самого процесса становления научных замыслов Павлова-Сильванского или формирования научных взглядов его друзей и обогащения наших представлений об этих выдающихся людях, их научных, культурных интересах, стиле их мышления, манере литературного изложения своих мыслей.

Переписка Павлова-Сильванского, так же как и материалы его «рабочего» архива, пожалуй, даже в большей мере, чем предназначенные для печати труды, знакомят нас с лабораторией его исследований, с набором книг, сопутствующим его размышлениям на особенно волновавшие в тот или иной момент темы, вообще с кругом его чтения и культурой обращения к книге, к мнению своих ученых предшественников или оппонентов. Н.Л. Рубинштейн (глава книги которого по историографии и по сей день остается едва ли не лучшей из того, что напечатано о Павлове-Сильванском), С.Н. Валк, В.А. Муравьев, А.Л. Шапиро, С.В. Чирков и другие выявили уже факты несомненного знакомства Павлова-Сильванского со многими работами его предшественников — отечественных и зарубежных историков, правоведов, философов, социологов. Думается, однако, что можно допустить знание ученым и тех трудов (или, во всяком случае, основных их выводов и приемов обращения их авторов с материалами источников), которые не названы ни в опубликованных работах Павлова-Сильванского, ни в подготовительных материалах к ним (тем более что архив ученого дошел до нас далеко не полностью; не обнаружено пока даже целое исследование о декабристах).

Для Павлова-Сильванского, безусловно, очень много значили ученые встречи, обсуждения докладов, новейших научных трудов. Это служило ему толчком для новых раздумий и сомнений, обогащало палитру его подходов к первоисточникам и к литературе. Павлов-Сильванский был крайне восприимчив ко всему новому в науке, обладал даром использовать в своей работе приемы, доселе известные, в областях, казалось бы, далеких от его непосредственных научных интересов. Трудно вообразить, чтобы такой мыслитель оказался в стороне от движения научной мысли, центрами которого были в то время Петербургский университет, Академия наук, Археографическая комиссия. «Переносчиком» нового мог быть для Павлова-Сильванского и его друг Пресняков, непосредственно вращавшийся в среде этих ученых. Очевидно и определенное воздействие на Павлова-Сильванского и его университетского учителя — С.Ф. Платонова с его манерой ясного и доходчивого изложения, с обязательными историографическими экскурсами, а также М.А. Дьяконова, обладавшего даром четкой систематизации многообразного историко-правового материала.

Безусловно и близкое знакомство Павлова-Сильванского с П.Е. Щеголевым, которому родственники покойного ученого доверили распорядиться изданием его научного наследия. Вероятно, Павлов-Сильванский

был в той или иной мере знаком с трудами и деятельностью не только самого Щеголева по истории передовой общественной мысли и революционного движения (тем более что и сам был в числе зачинателей изучения в исследовательском плане этих тем), но и близких к нему старших его сотрудников — В.И. Семевского и В.Я. Богучарского. В источниковедческих приемах этих передовых историков и археографов Павлов-Сильванский мог также воспринять нужное для своей многообразной работы, особенно в области популяризации исторических знаний, тем более что в годы революции 1905—1907 гг. Павлов-Сильванский был одним из самых деятельных историков-публицистов.

Сравнительное изучение трудов Павлова-Сильванского и А.А. Шахматова и А.С. Лаппо-Данилевского, можно думать, обнаружит творческое освоение Павловым-Сильванским и того, что сделано было и этими крупнейшими источниковедами и археографами начала нашего века. Текстологические подходы Шахматова, сформулированные им задачи археографии нарративных памятников средневековья близки к тому, о чем писал Павлов-Сильванский. В русле его интересов и размышления Лаппо-Данилевского об актовых источниках и о природе отражения источником вообще исторической действительности, образа мысли людей далекого прошлого. Выход этой книги облегчит теперь сопоставительное изучение наиболее выдающихся трудов отечественных историков предреволюционной поры и тем самым поможет избавиться от несколько однозначных представлений о кризисе буржуазной науки как о явлении только упадка этой науки. Выходящие все в большем числе серьезные, опирающиеся и на неопубликованное наследие труды о русских и зарубежных историках рубежа веков позволяют более ясно определить место и трудов Павлова-Сильванского в развитии нашей науки, место его в процессе развития мировой исторической мысли, и особенно источниковедения. Тема «Павлов-Сильванский — источниковед» пока остается совершенно неразработанной, хотя представляет особый интерес и в методическом и в собственном историографическом планах.

Труды Павлова-Сильванского о русском феодализме — новаторские и по постановке основных вопросов и по исследовательской методике — встречены были современниками как новое слово в науке. Но утвердиться в сознании и ученых и более широкой общественности его взгляды смогли потому, что находились в русле магистрального развития русской истории. В той или иной степени, сознательно или даже бессознательно, о существовании в России того, с чем связывалось представление о феодализме как об общественно-государственном строе с соответствующей ему системой менталитета (если употреблять принятые в наши дни термины), писали историки и до Павлова-Сильванского. Он первым сумел увидеть в этом именно главную линию развития общества в средневековой Руси и сделать на этом основании вывод об отсутствии коренного отличия нашего средневекового порядка от феодального, а следовательно, характерного для истории Западной Европы в те же или близкие к ним столетия. И он, разобрав достаточно подробно мнения своих предшественников по изучению отечественной истории, имел основания закончить первую главу своей книги «Феодализм в древней Руси» словами: «Моя работа отнюдь не оторвана от почвы нашей науки, как то может показаться на первый взгляд» и писать о том же в письме к историку права В.И. Сергеевичу.

Само построение Павлова-Сильванского — это результат большой работы, проделанной до него русскими историками. Их детальные исследования, составленные ими толковые словари древнерусской терминологии, существеннейшим образом обогащали к началу XX в. представления о Древней Руси по сравнению со временем написания своих трудов не только Карамзиным, но и Эверсом.

Утверждению в науке положений Павлова-Сильванского способствовало и то, что именно в эти же годы русские медиевисты, исследующие прошлое стран Западной Европы, достигли самых передовых рубежей мировой науки. Павлов-Сильванский — младший современник П.Г. Виноградова, Н.И. Кареева, Р.Ю. Виппера, Д.М. Петрушевского, ученых, обращавших особое внимание на региональные особенности в развитии всемирной истории. Их труды привлекали в те годы читающую публику и как бы предопределили поиск ответа на вопрос об общем и особенном в истории России, помогали увидеть гораздо большее сходство в истории нашей страны до XVIII в. с историй других стран, чем это предполагалось теми, кто однолинейно делил историю России на допетровскую и послепетровскую. Едва ли не знаменательно то, что самая популярная из работ Павлова-Сильванского книга «Феодализм в древней Руси» вышла в издававшейся под редакцией Н.И. Кареева и И.В. Лучицкого серии «История Европы по эпохам и странам в средние века и новое время».

Эти выводы существенно облегчали и обоснование общесоциологических построений и потому были сразу же использованы историками-марксистами. Один из самых образованных из них М.С. Ольминский счел необходимым написать некролог Павлова-Сильванского, воспроизведенный в нашей книге. Эти выводы были творчески восприняты и, так сказать, взяты на вооружение молодыми учеными, в исследовательском плане изучавшими историю средневековой России, что облегчило им впоследствии, в 20—30-х годах, переход на марксистские позиции. Это нашло ясное отражение в публикуемой статье Б.Д. Грекова, в приводимых в книге высказываниях сверстника его С.В. Бахрушина. На рубеже 20—30-х годов М.Н. Тихомиров в небольшой книге о феодальном порядке на Руси и совсем еще молодой Л.В. Черепнин в одной из первых своих статей о феодальных отношениях на Руси XIV—XVI вв. мыслили еще в значительной мере категориями книги Павлова-Сильванского⁷.

Труды Павлова-Сильванского подготовили почву для дальнейшего прогрессивного движения исторической мысли. Для своего времени выводы Павлова-Сильванского казались очень смелыми, идущими вразрез с авторитетнейшими мнениями. Сейчас нас удивляет наивность и неосведомленность тех, кто оспаривал его суждения. Так как в этой книге собраны работы ученого только по истории Древней Руси, ограничим себя рассуждениями в этой области. Главные положения обеих книг Павлова-Сильванского кажутся, повторяю, само собой разумеющимися, более того, явно недостаточными на сегодняшний день, относящимися лишь к кругу общественно-государственной жизни.

Книги в определенной мере устарели, как и другие труды Павлова-Сильванского и труды его современников, явно не соответствуют современному уровню фактических знаний о Древней Руси и вообще о средневековье, удивляет нас подчас своими умозаключениями, если подходить

к ним с точки зрения наших сегодняшних научных методик и историографических представлений.

Но именно эти труды Павлова-Сильванского в большей степени, чем другие работы, сделали допустимым новую постановку тем исследований по широкому кругу уже не только общественно-государственных, но и социально-экономических и культурно-исторических проблем, искать в истории аналогии с многообразными явлениями зарубежной истории. И признаваемым ныне классическими трудам Б.Д. Грекова о Киевской Руси и крестьянстве, М.Н. Тихомирова о городах, Б.А. Рыбакова о ремесле — было бы труднее пробить дорогу к сознанию ученых специалистов, а затем и самого широкого читателя, если бы не утвердились в нашей науке уже к тому времени представления, связываемые обычно с творческим подвигом Павлова-Сильванского.

Для понимания путей развития исторической научной мысли важно уяснить, почему Павлов-Сильванский впервые суммировал свои основные положения о русском феодализме в книге не специально монографического типа, а в научно-популярной. Здесь сказались и демократические традиции нашей науки, когда самые выдающиеся умы обращаются к широкому читателю и слушателю и имеют способность высказывать наиболее важные для них и даже требующие солидной ученой аргументации мысли в форме, доступной восприятию многих и привлекающей изяществом логических построений и образностью языка. Высокие тому образцы книги Тимирязева и Менделеева, Вернадского и Ферсмана, Николая и Сергея Вавиловых. Это — традиция и отечественной исторической науки. Пример тому знаменитые публичные «Чтения о Петре Великом» С.М. Соловьева, также переизданные недавно в серии «Памятники исторической мысли». И именно таким был век, когда еще не знали воздействия кино, телевидения — наиболее действенный путь воспитания историй.

Тогда, когда писал свои работы Павлов-Сильванский, Карамзин по-прежнему вдохновлял только писателей, художников, композиторов. Ученые же обращались лишь к его примечаниям. Уже изданы были второй раз 29 томов «Истории...» С.М. Соловьева. Но широкая публика читала повсеместно «Курс русской истории» В.О. Ключевского, определенную популярность имели «Очерки по истории русской культуры» П.Н. Милюкова, вышедшие тогда уже пятым изданием. И Павлов-Сильванский, сознавая, сколь велико принципиальное значение понимания им хода русской истории в средние века для познания всего хода отечественной истории и места России во всемирной истории, склонен был к написанию книги не только для специалистов, но для всех интересующихся историей, дополнив ее уже затем традиционной по форме монографией на схожую тему, адресованной преимущественно подготовленному специально читателю. Рассчитывал он, видимо, и на перевод своей работы за рубежом, где все возрастал интерес и к прошлому России, и уже тогда стало практикой написание крупными учеными популярных книг. Книга его мыслится как ответ и противопоставление Ключевскому и Милюкову, более того, как новое слово о том, о чем они писали прежде него.

Первая книга Павлова-Сильванского любопытна и в том отношении, что показывает, что именно привлекало в те годы внимание интере-

сующихся прошлым и желающих понять это прошлое для лучшего представления о настоящем и будущем и какими способами старались закрепить это внимание. Предназначая свое сочинение для «широкой публики», Павлов-Сильванский исходил, видимо, из сложившихся уже у него понятий о «модели» культурных интересов и возможностей восприятия читателя определенного уровня исторической и социологической образованности⁸.

Заметно отличие книги Павлова-Сильванского от книг Ключевского и Милюкова не только в неодинаковости суждений о многих исторических явлениях, но и подходом автора к самой подаче своего материала. В книгах «Курса русской истории» Ключевского почти отсутствует историографический элемент (Ключевский подчас даже не упоминает о существовании разных мнений, чаще всего не спорит, а просто формулирует свои взгляды и крайне редко называет имена своих предшественников). Мало и источниковедческих моментов — мы не узнаем, какова источниковая база его рассуждений, в какой мере он использует известные тогда источники. У Милюкова уже больше и того и другого, особенно историографических экскурсов — в полемическом задоре он, пожалуй, не уступает Павлову-Сильванскому. Но только Павлов-Сильванский и выделяет особую большую главу для полемического (хотя формально и примирительного в концовке) изложения взглядов других историков и — главное — строит свое построение на анализе источников. (Быть может, в этом сказался опыт работы историка-архивиста, вкус к архивным изысканиям?) И тем самым показывает, что знать, на основании чего мы это ведаем, насколько надежны наши данные, каким образом мы их проверяем, не менее важно и, что самое существенное в данном аспекте, интересно, чем знать: как? почему? где? когда? что? происходит. Это призыв не столько к памяти или художественному чувству (как при чтении Ключевского), а к мысли читателя. И в этом отношении книга Павлова-Сильванского тоже была новаторской, как бы знаменуя собой начало века, называемого «веком науки».

Читая труды Павлова-Сильванского и о нем, объединенные в этой книге, мы лучше понимаем, что знали о прошлом в начале нашего века, как формировались эти знания, какое воздействие оказывали эти труды на дальнейшее развитие исторической мысли.

¹ Шмидт С.О. Становление российского самодержавства. М., 1971. С. 121—125.

² Поршнев Б.Ф. Исторические интересы Маркса в последние годы жизни и работа над «Хронологическими выписками» // Маркс-историк. М., 1968.

³ Валк С.Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Труды юбилейной научной сессии Ленинградского гос. ун-та: Секция исторических наук. Л., 1948; *Он же*. Вступительная лекция Н.П. Павлова-Сильванского // Тр. ЛОИИ. М.; Л., 1963. Вып. 5; *Муравьев В.А.* Материалы Н.П. Павлова-Сильванского в ленинградских архивах // Тр. МГИАИ. М., 1965. Т. 22.

⁴ Шмидт С.О. Внутренняя политика России середины XVIII века // ВИ. 1987. № 3. С. 43.

⁵ Чирков С.В. Обзор архивного фонда А.Е. Преснякова // АЕ за 1970 год. М., 1971; Список трудов А.Е. Преснякова // Там же; *Он же*. А.Е. Пресняков и его лекции по русской истории // Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. М., 1988. Т. 3.

⁶ Наумов Е.Ю. Переписка Г.В. Чичерина с Б.Н. и А.А. Чичеринскими в фондах московских архивов // АЕ за 1980 год. М., 1981; *Он же*. Переписка семьи Чичеринских как культурно-исторический источник // Вопросы истории и историогра-

фии русской культуры: Сб. статей. М., 1986.

- 7 Тихомиров М.Н. Российское государство XV—XVII веков. М., 1973. С. 314 и сл.; Исторические записки. М., 1940. Т. 9. С. 31—80.

- 8 Шмидт С.О. Историографические источники и литературные памятники // Исследования по древней и новой литературе: Сб. статей к 80-летию академика Д.С. Лихачева. Л., 1987. С. 360—361.

И.Е. ЗАБЕЛИН И РУССКАЯ КУЛЬТУРА *

Тема многопланова. Заголовок статьи предусматривает возможность подхода к ней с разных сторон. Это — русская культура, ее роль в жизни (в биографии) Ивана Егоровича Забелина. Это — и русская культура как проблематика творчества исследователя, рост ее как задача общественной и организационной деятельности. Это — роль русской культуры в формировании литературного стиля Забелина (его называли в начале нашего столетия «Нестором русской историографии»), а Повесть временных лет — памятник не только исторической мысли, но и художественной образности; с него начинают историю древнерусской литературы). Это — и место Забелина в развитии русской культуры: Забелин — и творение русской культуры и ее творец, ее слава.

В конце XIX и начале XX в. праздновали юбилеи «учено-литературной и служебной деятельности» Забелина, на его кончину откликнулись виднейшие ученые и научные общества в Москве, Петербурге и других городах¹. И хотя в написанном по таким поводам всегда заметен особый «церемониальный» стиль, в совокупности эти сочинения все-таки дают представление о том, как воспринимали личность Забелина и оценивали содеянное им его младшие современники (в большинстве своем состоявшие уже на иных и общественных и научных позициях).

Так как в Историческом музее, больше чем где бы то ни было, дорожили памятью о Забелине и традиции научной работы которого восходят именно к Забелину, приведу высказывания Вячеслава Николаевича Щепкина — молодым ученым приглашенного Забелиным в Исторический музей (с которым затем была связана дальнейшая жизнь и его и Марфы Вячеславовны), внука одного из самых почитаемых Забелиным людей, великого актера М.С. Щепкина. Статья Щепкина 1909 г. начинается со слов о «духовном подвиге» Забелина. И почти сразу вслед за тем читаем: «Такие звезды светят народу раз в столетие. Его положение в русской культуре, в русской науке было оригинально, как повесть его жизни, как его внешний облик, оригинально и вместе с тем в высокой степени просто-просто, значительно, понятно всякому взору — как при-

* Опубликовано в кн.: И.Е. Забелин. 170 лет со дня рождения: Материалы научных чтений ГИМ 29—31 октября 1990 года. М., 1992. Ч. 1. С. 15—29.

родные явления. Он увековечил для нас быт нашего народа как своими печатными трудами, так не менее и своими трудами по собиранию памятников: обширные и разнородные коллекции Исторического музея столь же непосредственный, ежедневный труд его жизни, как и его исследования: то и другое — обильные сокровища спасенной им старины». Щепкин замечает, что в книгах Забелина «обширная эпическая картина, равноценная с другой картиной старого быта, которую оставил нам Лев Толстой в "Войне и мире"². Это сравнение характерно для общественного сознания именно начала нашего столетия, когда еще одновременно продолжали творческий путь и находились в поле зрения общечеловечности и великий писатель XIX в. и корифей русской исторической науки XIX в.

Забелин — порождение русской народной культуры. Он — не только самородок, но и бедняк-самоучка, не прошедший с формальной точки зрения никакой научной школы, не получивший научного образования, да и вообще систематического образования, считавшегося тогда общепринятым (гимназия, военный корпус, семинария, пансион, домашняя подготовка с нанятыми учителями). Забелин провел пять лет в сиротском доме-училище низкого уровня. Уже это отличало Забелина от всех остальных выдающихся историков XIX столетия. Он всего достиг сам — своим трудолюбием, своей целеустремленностью, своим талантом, своим, по определению почитавшего его Д.Н. Анучина, «стремлением к самостоятельности»³ (что привлекало к нему более или менее влиятельных просвященных лиц начиная с Д.М. Львова — попечителя училища, устроившего Забелина работать в Оружейную палату). Биография Забелина стала образцом, употребляя его же выражение, «высокой силы и жизненности народного духа», вышедших непобежденными из «враждебных условий жизни»⁴.

В основе первичного образования и мировосприятия Забелина — та корневая культура, истоки и формы которой еще в допетровской эпохе. Это имело основополагающее значение для становления, позднее, творческих интересов Забелина-ученого и воплощения их в научных сочинениях и в научно-организаторской деятельности.

Для образа мышления европейского «Века Просвещения» характерно строго логическое начало, оно восходит еще к системе мышления эпохи позднего Возрождения; для средневековой культуры — а именно к ней может быть отнесена система мышления допетровской Руси — характерны образное, алогичное восприятие и метод созерцания, облегчающий иногда возможность более глубокого проникновения в целостную суть явлений. Искони присущие человечеству представления о добре и зле, милосердии, собственном достоинстве, чести, красоте основаны ведь не на рациональном осмыслении, а в большей мере на чувстве. И Забелин, и окружавшие его с детства находились в русле именно этой системы восприятия и оценок. Он не испытал воздействия даже примитивной семинарской схоластики (в основе которой многое от логических построений).

Забелин, по существу, в юные годы прошел тот путь, который прошла Россия при Петре Великом, — привнесенные извне образованность, знания, позднее научные навыки накладывались на крепкую первооснову, близкую к мировосприятию россиян еще XVII в. Это предопределило естественное — а отнюдь не по книгам ученых и не наслух — понимание

наблюдательным Забелиным знакомого ему сызмальства образа жизни и образа мысли людей изучаемого им далекого времени. И позволило уверенно писать: «Очень часто наши мысли, поступки и действия, и внизу и вверху, обличают в нас людей XVI и XVII ст.»⁵. У него была и высокая прирожденная экологическая культура — понимание взаимосвязи природы и общества, чувство природы, опять-таки восходящее к общепринятым народным воззрениям.

Однако Забелин с детских лет в какой-то мере приобщался к тому, что почиталось образованностью в понимании, пришедшем в Россию с реформами Петра Великого. И «в тяжких объятиях сиротского дома» (слово первой дневниковой записи Забелина о начале службы в Оружейной палате, в ноябре 1837 г.), как сам Забелин пишет в кратком жизнеописании (напечатанном в 1887 г.), «чтение в начале плутарховых биографий, а потом Истории Карамзина, и именно первого тома, заманчиво направили его любознательный ум к исторической древности вообще». Вероятно, способствовало этому и знакомство с художественной литературой русской (особенно с романами А.Ф. Вельтмана — позднее назначенного директором Оружейной палаты) и зарубежной (прежде всего с сочинениями Вальтера Скотта и Купера).

Пользуясь заголовком автобиографической книги другого великого самоучки А.М. Пешкова — «Мои университеты», можно говорить об «университетах» и Забелина. Прежде всего приходит на ум сравнение с пчелой. Так называли в Древней Руси сборники изречений — «речи мудрости». Такое сравнение и в Слове Даниила Заточника — памятнике очень популярном в кругу чтения допетровской Руси: «Азь бо, княже, ни за море ходиль, ни от философь научихся, но бых аки пчела, падая по розным цветом, совокупля медвенны соть; тако и азь, по многим книгамь исьбирая сладость словесную и разум, и съвокупих аки в мех воды морския». Это — путь накопления знания, обогащения мысли, характерный для Руси вплоть до XVIII столетия. Но это — и путь книжника последующих веков. Забелин всю жизнь оставался страстным неутомимым книголюбом. Рано стал собирать книги. И в завещании сам написал, что по каталогу книг его библиотеки можно «составить проспект, по которому или при котором шло развитие» его «познаний» и его «научных интересов»⁶.

К Древней Руси ведут истоки и другого обычая расширения круга знаний и впечатлений — пеших походов для изучения по пути монастырей, сел и городов, курганов, старинных построек, памятников искусства, природных особенностей (это напоминает о другом знаменитом тверитине по рождению — об Афанасии Никитине). Забелин совершал обычно такие походы с кем-либо из друзей, в молодые годы прежде всего с Д.А. Ровинским — ставшим знаменитым юристом и искусствоведом, великим знатоком лубка, т. е. опять-таки вида изобразительного искусства и литературы, типичного для народного обихода. А.Ф. Кони так определил значение «походов» для становления Ровинского-ученого: «Народная жизнь во всех ее проявлениях его интересовала чрезвычайно. В течение многих лет он предпринимал большие пешеходные странствования по проселочным дорогам центральной и восточной России, прислушиваясь и приглядываясь»⁷. Небезлюбопытно, что первый печатный труд Забелина — «Несколько слов о богомольных царских походах».

Школой познания и воспитания мысли становилось для Забелина и общение с выдающимися и более образованными людьми — и со старшими, и со сверстниками. И опять как у Даниила Заточника: «Лепше слышати прение умных, нижели наказания безумных. Даи бо премудрому вину, премудрие будеть». В начале его пути в науку, когда он был зачислен канцелярским служителем в Оружейную палату, Забелин был уже замечен и профессором И. М. Снегиревым (тогда виднейшим знатоком московских древностей, этнографом, фольклористом) и крупнейшим археографом П. М. Строевым. Особую роль сыграл Вадим Васильевич Пассек — человек светлой души, друг Герцена (на руках которого он и скончался в 1842 г.), ученый и популяризатор знаний, инициатор широкого ознакомления с описаниями памятников отечественной истории и культуры⁸. Пассек опубликовал в 1842 г. первую научную статью Забелина в редактируемых им «Прибавлениях к “Московским губернским ведомостям”».

Забелина — знатока отечественной истории, более близкого по общественно-историческим взглядам к славянофилам, чем к западникам, признавали и «учеником Грановского» — профессора всеобщей истории. Об этом писал и он сам, и его младшие современники. Ученичество в данном случае не следует понимать в буквальном смысле: обучение у такого-то профессора в высшем учебном заведении и написание исследования под его руководством, работа в той же отрасли знаний, в том же научно-методическом и идейном ключе (т. е. «школа» такого-то). Учатся ведь и у тех, кого лично не знают, и даже после смерти Учителя, знакомясь с его трудами. Формированию ученого много способствует знакомство с трудами и особенно личное общение с учеными и другого круга специальных интересов. Особое значение это имеет в молодые годы, когда не утрачена яркость восприятия личности и обнаруживается тяга к общению с «учителями жизни». Тимофей Николаевич Грановский, как известно и о чем писал сам Иван Егорович, не раз заинтересованно беседовал с ним в домашней обстановке, за обеденным столом, откровенно говорил с ним не только на темы науки, но и о декабристах, о людях своего поколения. Видимо, для знаменитого профессора, кумира московской интеллигенции, и его супруги были внутренне важны общения с Забелиным, человеком иного круга, восприятие им заветных для них мыслей, что нельзя не подчеркнуть. Для Забелина же это было своеобразным университетом, тем более что он слушал лекции Грановского, которые тот читал небольшому кругу лиц на дому у молодого купца К. Т. Солдатенкова (столь много сделавшего для роста просвещения и здравоохранения).

Общение с Грановским облегчило Забелину вхождение в среду московской интеллигентской элиты (в частности, в кружок лиц, близких еще с Н. В. Станкевичем), что тоже стало своеобразной «школой» — помогало развитию склонности к размышлениям о связи времен и особенностях пути исторического развития народов, ознакомлению хотя бы в общих чертах с написанным в России и на Западе. Это помогало совершенствованию ассоциативного мышления, обогащению литературного языка, стилистики его (а тогда — напомним о «Былом и думах» Герцена — беседа формировала язык художественной и публицистической литературы не в меньшей мере, чем письменность), его нравственному образованию.

Это же определяло в собственных глазах место в ряду современных ученых и общественных деятелей, или, точнее сказать, то место, которое ему хотелось занимать.

И образованных бар-литераторов, и профессоров тоже привлекала незаурядность даровитого простолюдина. И.С. Тургенев уже в 1852 г. писал Аксаковым (суждения которых во многом формировали общественное мнение Москвы): «Много говорил с Забелиным, который мне очень понравился: светлый русский ум и живая ясность взгляда. Он водил меня по московским древностям»⁹.

Однако Забелин, можно думать, чувствовал себя не совсем в своей тарелке в таком окружении. И любопытно, что особой душевной симпатией его пользовался Михаил Семенович Щепкин — тоже выходец из низов, добившийся благодаря великому таланту и трудолюбию естественного вхождения в среду образованных аристократов. И когда Забелин выбирал первую свою квартиру, он поселился рядом с домом Щепкина. Щепкин не стал баринлом, и в его гостеприимном доме (где зародился обычай «капустников») Забелин чувствовал себя проще и уютнее, чем в наследственных особняках.

Вообще своеобразная фигура Забелина, по воспитанию и по жизненному укладу, бытовым привычкам всегда остававшегося близким к московскому мещанству и купечеству, не вполне соответствовала образу жизни московской профессорской среды. И даже став московской знаменитостью и вполне обеспеченным материально человеком, будучи историкографом Москвы, встречаясь с самыми высокопоставленными лицами (что он с гордостью помечал в дневнике) и с теми, кто пользовался широчайшей известностью (пример тому — Лев Толстой, обращавшийся к консультациям историка), Забелин стоял как бы особняком. И Исторический музей, где он и работал, и имел квартиру, оставался своеобразным домом-крепостью: там щедро одаривали научными консультациями, не допуская, однако, к уюту домашнего очага.

В данном плане следует подчеркнуть, что культура верхов московской интеллигенции, в лоне которой развивался ум и укрепился талант Забелина, хотя и была сильно европеизированной по форме, но являлась прежде всего сферой именно русской культуры. Многим представителям этой культуры было в высшей степени свойственно ощущение, ясно выраженное еще в 1830 г. Пушкиным: «Два чувства дивно близки нам — // В них обретает сердце пищу — // Любовь к родному пепелищу, // Любовь к отеческим гробам». 1830—1840-е годы — время особого общественного интереса к истории, и прежде всего к отечественной истории. Историкографом в последние годы жизни готовился стать Пушкин. В.Г. Белинский писал в 1841 г: «Век наш — по преимуществу исторический век... Историческое созерцание могущественно и неотразимо проникло собою все сферы современного сознания. История сделалась теперь как бы общим основанием и единственным условием всякого живого знания: без нее стало невозможно постижение ни искусства, ни философии»¹⁰. А.И. Герцен вспоминал об этих годах: «Часть молодежи бросилась на глубокое и серьезное изучение русской истории»¹¹. Начинается деятельность ученых обществ, издаются научные труды о народных обычаях, существенно расширяется представление об источниках познания прошлого: ими признают не только письменные и высокохудожественные

памятники материальной культуры и мемориалы, но и более широкий круг словесных и вещественных источников и тех, которые станут затем называть этнографическими.

Для лучших русских интеллигентов любовь к Отчизне была и болью за Отчизну. И западники, и славянофилы осознавали мерзость крепостного права и полагали своей задачей помочь России избавиться от него. Убежденным противником крепостничества, дворянских привилегий, сословного угнетения был и молодой Забелин. Но ему — простолюдину, познавшему с детских лет унижение и бедность, естественно, не могло быть присуще чувство вины перед народом и ответственности за насилия, чинимые поколениями предков, обусловившие жертвенность части дворянской интеллигенции — от декабристов до революционных деятелей начала XX в.

Образованные интеллигенты, знакомившиеся с литературой, малодоступной для недостаточно владевшего иностранными языками Забелина, могли сравнивать в деталях прошлое и настоящее своей страны и других стран, размышлять в сопоставительном плане об особенностях нашего и их общественного сознания, философской мысли, о путях преобразований и цене преобразований — революционных и эволюционных. То были годы исканий истины, мучительных раздумий, страстных споров, и атмосфера эта оказала заметное влияние на развитие исторических (или, точнее сказать, социологических) взглядов Забелина, причем в своеобразном эклектическом сочетании элементов воззрений и славянофилов, и западников. И надо отметить, что умный и очень самолюбивый Забелин сразу понял, что при отсутствии соответствующего образования и общетеоретической подготовки ему не следует публично выступать по вопросам теории общественного развития или методологии исторического знания. Мысли такого рода он первоначально доверял лишь дневнику. И только позднее, обретя высокое научное имя, позволил себе в 1863 г. напечатать рассуждения о ходе исторического процесса в России и его понимании учеными и публицистами.

Забелин вступил на путь исследователя тогда, когда наблюдался поворот общественного сознания в отношении памятников истории и культуры допетровской Руси, что особенно явственно прослеживается со второй половины 1830-х годов¹². Осознавалась уже и необходимость монографического изучения отдельных сфер прошлого. Это четко выразил М.П. Погодин, противопоставляя в 1838 г. современным ему историков Н.М. Карамзину. Он писал: «Нам надо отказаться от огромных предприятий, теперь пора разделения труда, по правилу политической экономии, пора монографий,— пусть один обрабатывает право, другой — войско, третий — промышленность, города и пр.»¹³. По существу, это развитие мысли того же Карамзина из знаменитого Предисловия к его «Истории государства Российского». Карамзин полагал необходимым изобразить «все, что входит в состав гражданского бытия людей: успехи разума, искусства, обычаи, законы, промышленность... что уважалось предками», «представить характер времени»¹⁴.

И зря высказывают недоумение по поводу того, что Забелин писал об особом влиянии на него именно первого тома «Истории» Карамзина. В этом томе не только Предисловие, где утверждается, что «малейшая черта древности дает повод к соображениям», но и данные «об источниках Рос-

сийской истории до XVII века», среди которых отмечены помимо основных для Карамзина, письменных, древние монеты, медали, сказки, песни, пословицы. Там особые главы «О физическом и нравственном характере славян» и «О состоянии древней России» (главы III и X). Карамзин отнюдь не сводил российскую историю к истории государственности, как нередко утверждают. Но он, уважая свой труд, писал прежде всего о том, что мог подтвердить материалом источников. Для изображения быта, «состава гражданского бытия» XV—XVII столетий источники в начале XIX в. лишь начинали выявлять — Россия не знала тогда ни этнографии, ни археологии, ни дипломатики, ни истории фольклора, лексикологии; только зарождалась идея археографических экспедиций; неведомы были многие сочинения иностранцев, изображавших жизнь современных им россиян...

Именно «Историей» Карамзина был указан путь к изучению местной истории, истории быта, народной жизни. Это хорошо почувствовал один из предтеч Забелина этнограф, фольклорист, краевед И.П. Сахаров — автор изданных еще в 1830-е годы «Сказаний русского народа о семейной жизни своих предков», когда писал, что «долго и много читая» Карамзина, еще в годы семинарского учения в Туле, понял, что местная история не может быть только государственно-политической, а должна быть «частной», описывающей быт граждан¹⁵.

Забелин, в гораздо большей степени, чем Н.А. Полевой, — продолжатель традиции Карамзина в изучении этой сферы российской истории. Тогда, когда он, начав с «частностей», проверив свои силы исследователя и убедившись в интересе к его сочинениям и ученых, и широкой публики, стал регулярно печатать в «Отечественных записках» статьи о «домашнем быте русских царей прежнего времени» (т. е. с начала 1850-х годов), наука ожидала такой труд, а публика оказалась подготовленной к его восприятию. Уже ощущались результаты деятельности статистических комитетов, Археографической комиссии, Русского географического и Русского археологического обществ, знакомства с добавлениями к Губернским ведомостям, с трудами по истории русского языка и фольклора, народных обычаев, с публикациями актов о быте народа в XVI—XVII вв.

Но именно Забелин первым столь многосторонне охватил комплекс материалов, которые связываются с тем, что называют ныне повседневностью прошлых эпох. И он же особенно убежденно отстаивал мысль, что жизнь народа — важнейший объект исторического изучения, а сам народ, народный «организм», и есть главный субъект истории. Историей народа он считал и события революционные, и сражения. А основной ячейкой жизни народа ему мыслилась семья, что на самом деле всегда было, есть и будет. И именно потому, что это само собой разумелось, изучение «обычной» жизни «обычного» человека (теперь его нередко называют «рядовым человеком») долго казалось — при особом внимании к государственным деяниям и «избранным» историческим личностям — темой, недостойной историка (и забывали, что ведь «отец истории» Геродот, по существу, был родоначальником и этнографии, т. е. науки, изучающей бытовые и культурные особенности народов).

Соображения, кажущиеся особенно существенными Забелину и действительно очень важные для понимания его исторических взглядов, сформулированы в предисловии к третьему изданию главного труда

его жизни «Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетии»: «...домашний быт человека есть среда, в которой лежат зародыши и зачатки всех так называемых великих событий его истории, зародыши и зачатки его развития и всевозможных явлений его жизни, общественной и политической или государственной. Это в собственном смысле *историческая природа* человека, столько же сильная и столько же разнообразная в своих действиях и явлениях, как и природа его физического существования. Ее естественная, непосредственная сила не раз обнаруживалась и постоянно обнаруживается во всех случаях, когда думают действовать на нее путем внешнего, механического принуждения. Государственные и административные реформы, политические опыты в перестройке народного быта никогда не удавались, если в них не было ничего сродного и соответственного требованиям и потребностям этой природы. ...Наша история представляет собой самое убедительное доказательство необыкновенной силы и живучести непосредственных народных элементов жизни и даже самых форм, в которых эти элементы выразились»¹⁶.

Народ для Забелина — все общество, сверху (от царя, «господаря», господина) донизу. Внутри общества Забелин выделял народные «типы», стараясь показать общее (в образе жизни и мысли), что свойственно всем и позволяет говорить о «народном» духе, и особенное.

Забелин изучал жизнь народа периода до петровских преобразований, когда произошло быстрое отчуждение верхов общества (ставших по-иностранному цивилизованными) и остального общества — по существу, именно с тех пор и допустимо рассуждать о двух культурах в одноязычной культуре одного народа. До того и обычаи каждодневности, и язык устной и письменной речи — и богатых, и знатных, и бедных простолюдинов — были общими для всех и понятными всем (а уже через сто с небольшим лет пушкинская Татьяна, «русская душою», писала любовное признание по-французски, а Грибоедов опасался, чтобы московских бар «умный бодрый наш народ» по языку «не считал за немцев»). И Забелин, описывая жизнь царей и цариц, начал последовательное изучение отнюдь не царского обихода только, а жизни всего народа — обычаев, распространенных в той или иной мере во всех слоях общества. Начал с изучения быта той сферы общества, быт которой особенно полно и всесторонне отражен в источниках и тем самым позволяет типизировать общее и особенное в бытовой истории. Затем он постарается изучить быт вотчинника-боярина XVII в., быт горожан московского посада.

Для Забелина государство неотторжимо от народа («Каково государство, таков и народ, и каков народ, таково и государство»), но в истории народа он отнюдь не считает возможным уделять преимущественное внимание истории государственных институтов власти и государственно-политических деяний. И в этом его существенное отличие от другого великого историка, тоже родившегося в 1820 г., убежденного «государственника» С.М. Соловьева. Забелин мальчиком, по его воспоминаниям, выделил для себя первый том «Истории» Карамзина — почти безличностный, небогатый яркими государственными деяниями. Соловьев же вспоминал: «...действовал во мне отроческий патриотизм: любил я особенно времена счастливые, славные для России; взявши, бывало, девятый том, я нехотя читаю первые главы и стремлюсь к любимой странице, где на полях стоит "Славная осада Пскова"»¹⁷. «Отроческий же патриотизм»

Забелина рано выразился, видимо, в том, что он посчитал достойным внимания потомков и дела негромкие, чувствуя, что именно они — основа жизни народа и существования государства.

Очень рано (вероятно, еще юношей, приступившим к работе в Оружейной палате) он осознал и значение архивных (а затем и археологических) изысканий, первоначальных научных описаний и документальных публикаций как фундамента общих суждений и условия проверки степени основательности таких построений. И в 1871 г. он, не без мысли об уничтожении паче гордости, писал: «Сознание того, что я делаю прочное дело, что я кладу те неуклюжие, но твердые камни, которые, хотя и будут скрыты глубоко в земле, но составят основание будущему зданию, такое только сознание и может двигать человека на упорный, медленный и неблагодарный, черный, первичный труд, настоящая истинная оценка которого большею частью лежит в будущем, когда выстроится все здание»¹⁸. Забелин, как все подлинные мастера науки, очень ценил свое владение «ремеслом» историка.

Признание его высокого авторитета «археолога» предопределило привлечение именно Забелина и к работе в области археологии древностей, и к исследованию истории Москвы с древнейших времен до близкого к нему времени, и к публикациям архивных материалов (словом «археолог» тогда обозначали и тех, кого и поныне называют так, и собственно археографов¹⁹). Вклад Забелина в эти сферы исторической науки очень весом, и существенно то, что он не только ввел в научный оборот множество новых исторических источников, но и выступил новатором в методике и археологических исследований, и трудов по истории города. Об этом написано немало; тема же «Забелин-археограф» заслуживает гораздо большего внимания историков археографии.

Не определено пока должным образом и значение того, что им сделано в области источниковедения. А ведь он был едва ли не первым крупным историком, который использовал на равных в своих трудах разные типы источников — словесные (причем и разговорный язык, и фольклор, и памятники письменности), вещественные в большом их многообразии, изобразительные, поведенческие (т. е. те, которые обычно являются объектом изучения этнографов). Более того, Забелин показал своими трудами, какое большое значение для исторических построений имеют наблюдения над явлениями природы, учет их при выяснении исторических фактов. Приемы работы Забелина (хотя он сам не был склонен к чрезмерному его теоретизированию и во многом оставался эмпириком) можно отнести к той области научного знания, которую теперь называем комплексным источниковедением. Он во многом предтеча ученых второй половины XX в., в частности источниковедческой методики работ о древних городах М.Н. Тихомирова, начиная жизнь которого тоже близко связана с Историческим музеем.

В определенной мере Забелин был предшественником и тех, кто обращал внимание на то, что ныне называем исторической психологией. И можно полагать, что внимание, с которым отнеслись читатели к трудам Забелина, было одной из побудительных причин для В.О. Ключевского выделить особо такие аспекты общественной жизни в знаменитом «Курсе русской истории» — после сочинений Забелина (а также Н.И. Косто-

марова, А.П. Шапова) невозможно было ограничиваться руслом проблематики, характерной для «Истории» С.М. Соловьева.

Забелин во многом выступил как новатор. Быть может, смелость ему придавало то, что он не был придавлен грузом уже общепринятого, выученного, долженствующего быть повторенным. И разве не об этом писал великий методолог истории начала нашего века А.С. Лаппо-Данилевский в некрологе Забелина, когда отмечал, что Забелин «не прошел строгой научной школы; но вместе с тем не связанный ни учеными традициями, ни какой-либо новой доктриной, но с тем большей свободой мог отдаться исследованию» избранной им области русской истории²⁰. И другой академик поколения Лаппо-Данилевского, близкого знавшего Забелина, постоянно общаясь с ним более 15 лет в Историческом музее, М.Н. Сперанский писал, характеризуя его как «глубоко бытового историка», о «талантливой, громадной и в то же время самобытной эрудиции» Забелина и его «точных, ясных, жизненно правдивых, неизбежных выводах из большой работы мысли и столь же большого материала». Сперанский подчеркивает, что Забелин — «большой художник-изобразитель», «не владевший, как известно, достаточным знанием иноземных языков, подобно русскому человеку XVI—XVII вв., сумел с лихвой возместить этот недочет своего образования, вдумываясь, вчитываясь в памятники старинной речи, сумел настолько с нею освоиться, что прекрасным своеобразным чистым русским языком изображал сложные явления, не боясь кажущейся скудости слов и выражений, и в то же время достигал... художественной красочности и изобразительности»²¹.

Некоторые формулировки Забелина ученого характера могут показаться несколько наивными рядом с философствованием современных ему историков-социологов, но суждения его всегда основательны, понятны читателю, художественно выразительны, а для специалиста становятся школой учения познать целое по частностям.

Забелин оставался далек и от социологического схематизма, и от тонкостей общеполитических концепций. Но он обладал замечательной природной способностью видеть выявленные им факты в определенной системе. Его соображения опирались на здравый смысл, вековой опыт практики общественных отношений (и, в частности, взаимоотношений отдельной личности и власти) и множественность конкретных наблюдений.

В наши дни стало очевидным значение исследования каждодневной жизни, ее обихода («структуры повседневности», по определению Ф. Броделя) в познании хода исторического процесса. Особенности и изменения повседневности зачастую в большей мере характеризуют лицо цивилизации, чем классовые антагонизмы. И труды Забелина во многом отвечают интересам сегодняшнего дня науки.

Это не означает, конечно, что научный уровень его трудов соответствует современным требованиям: наука со времени их появления прошла немалый путь, источниковая база существенно обогатилась, и методика исследования усовершенствовалась. В работах его встречаются и ошибочные утверждения (особенно о менее ему знакомом периоде истории Древней Руси, где обнаруживается нечто, граничащее с дилетантизмом). Но в целом место Забелина среди корифеев отечественной и мировой науки XIX столетия представляется гораздо более высоким, чем казалось

еще несколько десятилетий назад, — и не только как знатока памятников материальной культуры, археолога и археографа, но прежде всего как историка народа, его быта.

Забелин в молодые годы склонен был участвовать в беседах и спорах и отнюдь не все время проводил за письменным столом (что, кстати, учитывая большую научную продуктивность его, свидетельствует о высокой организованности, культуре научного и литературного труда). А стариком, став «хозяином» Исторического музея (как его шутливо именовали там), чувствовал потребность в беседе в конце рабочего дня с молодыми сотрудниками музея (их называли «забелинскими молодцами») о «музейских делах или научных вопросах, связанных с ними»²². Забелин ощущал потребность и в обращении к широкому кругу читателей, тем более что, несмотря на свои огромные познания и покорявшую многих образную речь, был лишен возможности (видимо, из-за отсутствия университетского диплома) стать профессором. Он постоянно писал для журналов, рассчитанных на широкую публику (в том числе таких, как «Журнал садоводства», «Журнал охоты», «Детский отдых»), даже для газет, был одним из виднейших историков-просветителей.

Не только научные, но и просветительские задачи стояли, по мнению Забелина, перед Историческим музеем. Забелин видел в нем прежде всего музей истории народной жизни. В издании «Памяти Ивана Егоровича Забелина» помещено факсимиле его автографа: «Исторический музей не есть музей редкостей, невиданных вещей. Он есть собрание памятников, т. е. разных вещей, систематически вводящих зрителя в бытовую порядок минувшей жизни, почему для него дороги не редкости, а всякие рядовые предметы быта, лишь бы они пополняли общий круг бытовых нужд и потребностей». Замечательный знаток материалов Оружейной палаты, он понимал, что музей редкостей уже есть в Москве. И нужно создавать музей о народе и для народа. Хотя по политическим воззрениям Забелин был (или, точнее сказать, стал к концу жизни) монархистом, он прежде всего — народолюбец. Исторический музей для него «вещественный выразитель и изобразитель тысячелетней истории русского народа во всех ее видоизменениях и бытовых положениях»²³.

Справедливо и символично, что научная конференция, посвященная Ивану Егоровичу Забелину, организована Историческим музеем и проходит в его залах. Около четверти века имена Забелина и Исторического музея казались современникам неотделимыми друг от друга. Забелин был научным руководителем музея; он формировал его научный коллектив, с самого начала привлекая к работе молодых по возрасту, но уже выдающихся ученых. Здесь он жил и работал. Музею завещаны его архив, библиотека, коллекции. В написанном в 1905 г. завещании «Заветы Ивана Егоровича Забелина» указывается: «Наследниками своими я почитаю только свою родную дочь Марью Ивановну Забелину и Императорский Российский Исторический музей... Никаким другим наследникам, могущим когда-либо появиться, я не оставляю ни порошинки»²⁴.

Усилиями дочери историка и сотрудников Исторического музея были изданы (или переизданы) его научные труды, описаны его собрание рукописей, его личный архив, включающий много писем — как он сам выразился, «от разных более или менее известных лиц», его библиотека. Не все пожелания, однако, высказанные в «Заветах», осуществлены. Не

подготовлен даже к печати отдельной книгой (или книгами) сборник документов «Иван Егорович Забелин в письмах к нему от разных лиц», а такое издание смогло бы стать ценным источником познания истории общественной жизни и культуры России XIX — начала XX в. Не собраны воедино и мелкие статьи (а ученый надеялся и на такое издание), как продолжение «Опытов изучения русских древностей и истории», напечатанных в 1872—1873 гг. Не стал достоянием общественности и каталог библиотеки Забелина. Вероятно, волю ученого могли бы осуществить в государственной публичной исторической библиотеке России, куда в конце концов поступил этот книжный фонд.

В Историческом музее происходили в 1920-е годы заседания общества «Старая Москва», где не раз напоминали о научных заслугах Забелина и делились воспоминаниями об этом своеобразном человеке²⁵. И именно в Историческом музее, когда обстоятельства позволили, старались возродить память о Забелине, преданную было нигилистической критике, если не поруганию, в окружении М.Н. Покровского: напомним статью о Забелине в 25-м томе первого издания «Большой советской энциклопедии» (опущенную, кстати, в библиографическом указателе 1988 г.). Том был сдан в производство в 1931 г., когда отдел народов СССР возглавляла в БСЭ М.В. Нечкина. В том же 1931 г. утратил свое имя и Забелинский проезд — проезд между зданием Исторического музея и кремлевской стеной; его стали именовать «Кремлевским».

Память о Забелине вернули народу в годы Великой Отечественной войны, когда начали вспоминать о жизненном подвиге «великих предков». Думается, что, так сказать, официальное изменение отношения к творчеству Забелина стало обнаруживаться еще в предвоенные годы. Пример тому — книга Н.Л. Рубинштейна «Русская историография» (изданная в 1941 г.), где о Забелине написано совсем не в том тоне, что в статье БСЭ 1931 г. Вероятно, имела значение не только критика взглядов Покровского и его школы, но и то, что с благословения властей начали работу по подготовке академической «Истории Москвы», в которой привлеки и ученых, связанных еще с обществом «Старая Москва». А в историографии прошлого Москвы заслуги Забелина трудно было умалить. И первая статья о возвращенном как бы широкому читателю Забелине называлась «Историограф великого города — И.Е. Забелин (1820—1908)». Напечатали ее в книге 3—4 «Исторического журнала» за 1943 год. Небезлюбопытно, что автором ее был видный педагог-методист, ветеран школьного краеведения Е.А. Звягинцев, которому — по всей его многолетней предыдущей деятельности — особенно близким казался интерес Забелина к изучению повседневности, народного быта.

В августе 1943 г. на юбилейной сессии Ученого совета ГИМ в связи с 60-летием музея в докладе Н.Л. Рубинштейна «Русская историческая наука во второй половине XIX в. и организация Исторического музея» главное внимание было уделено Забелину, его роли в создании музея²⁶.

28 ноября 1945 г. Ученый совет ГИМ отметил 125-летие со дня рождения Забелина. Заседание открыла директор музея А.С. Карпова, а основными докладчиками были профессора Н.Л. Рубинштейн («Исторические труды И.Е. Забелина») и А.В. Арциховский («И.Е. Забелин и русская археология»). Доклад Арциховского стал основой статьи, напечатанной в 1948 г. Рубинштейн первым стал изучать творческое наследие

ученого по архивным материалам (хранящимся в ГИМ), привлёк внимание к его дневниковым записям. Статьи Рубинштейна о Забелине были опубликованы уже посмертно — в 1965 г. с предисловием профессора С.С. Дмитриева и в 1970 г. в «Ежегоднике Государственного Исторического музея». Рубинштейн же подготовил к печати неопубликованную часть исследования Забелина о Москве.

В 1961 г. имя Забелина снова появилось в названии московской улицы — так назвали большой переулок близ Государственной публичной исторической библиотеки России. К темам «Забелин-историк», «Забелин и общественные деятели и ученые его времени» стали обращаться все чаще, в том числе и мои ученики по Московскому историко-архивному институту. В 1984 г. вышла из печати и первая исследовательского характера книга о Забелине, написанная известным археологом и историком культуры А.А. Формозовым, — «Историк Москвы И.Е. Забелин», предисловие к которой было доверено написать мне. Хотя книга по манере изложения доступна самому широкому читателю, она основана на изучении многообразного архивного и печатного материала (что отражено и в примечаниях). В 1988 г. отдельной книжкой издан подготовленный О.Ф. Бойковой библиографический указатель «Иван Егорович Забелин», включающий перечень трудов более полный (и — что тоже существенно — с указанием страниц сравнительно со «Списком печатных трудов», составленных К.С. Кузьминским и изданным Историческим музеем в 1911 г. В издании 1988 г. приведена литература последних десятилетий о Забелине, свидетельствующая о все возрастающем интересе к его творчеству и к его своеобразной личности. Сейчас переиздаются главные труды ученого и — под редакцией профессора А.Н. Сахарова — давно готовившийся к публикации труд о московском Посаде; появляются в печати новые статьи. И только радуется, что изданный совсем недавно библиографический указатель трудов Забелина и о Забелине начинает уже устаревать.

Пусть же скорее наступит час, когда можно будет открыть залы Исторического музея посетителям и их будет встречать любимый самим Иваном Егоровичем портрет работы В.А. Серова. Полагаю, что именно портретам А.С. Уварова и И.Е. Забелина место в вестибюле музея. Далее, по стенам лестницы, ведущей на второй этаж, хорошо было бы видеть портреты тех, кто составил гордость музея и нашей культуры за годы более чем столетнего плодотворного служения музея делу науки и просвещения народа. А периодические Забелинские чтения пусть станут визитной карточкой научной работы музея и его связи с общественной наукой!

1 Литература указана в изд.: Иван Егорович Забелин. Библиографический указатель. М., 1988. С. 53—57.

2 Щепкин В.Н. Иван Егорович Забелин, как историк русского искусства. М., 1912. С. 3; Он же. // Памяти Ивана Егоровича Забелина. М., 1911. С. 19.

3 Анучин Д.Н. О людях русской науки и культуры. М., 1952. С. 190.

4 Забелин И.Е. Домашний быт русских

царей в XVI и XVII столетиях. М., 1990. Кн. 1. С. 37—38.

5 Там же. С. 36.

6 Памяти Ивана Егоровича Забелина. С. 3.

7 Статья «Ровинский Дмитрий Александрович» в «Энциклопедическом словаре, издаваемом Брокгаузом и Ефроном». СПб., 1899. Т. 52. С. 871.

8 См.: Новохатский К.Е. «Мне хочется быть лектором русской истории» // Па-

- мятники Отечества. 1989. № 1(19). С. 61—66; *Он же.* «Прошедшее в настоящем...» Пассек Вадим Васильевич. 1808—1842 // Краеведы Москвы. М., 1991. Вып. 1. С. 61—76.
- 9 Цит. по: *Формозов А.А.* Историк Москвы И.Е. Забелин. М., 1984. С. 59.
- 10 *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 6. С. 90.
- 11 *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 8. С. 161.
- 12 *Шмидт С.О.* А.С. Пушкин о «Слове о полку Игореве» // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 172—174; *Формозов А.А.* Русское общество и охрана памятников культуры. 2-е изд. М., 1990. С. 45 и сл.
- 13 *Погодин М.П.* О местничестве // Русский исторический сборник. М., 1838, Т. 3. С. 269.
- 14 *Карамзин Н.М.* История государства Российского. М., 1988. Т. 1. С. XIII (репринтное воспроизведение пятого издания 1842 г.).
- 15 *Шмидт С.О.* «История государства Российского» в культуре дореволюционной России // Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1988. Кн. IV. С. 34—35.
- 16 *Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Кн. 1. С. 36.
- 17 *Соловьев С.М.* Избр. труды. Записки. М., 1983. С. 231—232.
- 18 *Забелин И.Е.* Опыт изучения русских древностей в истории. М., 1872. Ч. 1. С. 356 (статья «Математический метод в истории»).
- 19 Об этом см.: *Валк С.Н.* Судьбы «археографии» // АЕ за 1961 год. М., 1962. С. 457 и сл.
- 20 *Лаппо-Данилевский А.С.* И.Е. Забелин // Изв. Академии наук. Сер. 6. 1909. № 2. С. 123.
- 21 *Филимонов С.Б.* Воспоминания М.Н. Сперанского о И.Е. Забелине // АЕ за 1976 год. М., 1977. С. 274, 277—278.
- 22 Там же. С. 274.
- 23 Цит. по: *Формозов А.А.* Историк Москвы И.Е. Забелин. С. 179.
- 24 Памяти Ивана Егоровича Забелина. С. 5.
- 25 *Филимонов С.Б.* Историко-краеведческие материалы архива обществ по изучению Москвы и Московского края. М., 1989 (указания на с. 154).
- 26 *Закс А.Б.* Н.Л. Рубинштейн во главе научной работы Государственного исторического музея (1943—1949 гг.) (по материалам НВА ГИМ и личным воспоминаниям) // АЕ за 1989 год. М., 1990. С. 126.

КЛЮЧЕВСКИЙ И КУЛЬТУРА РОССИИ *

Василий Осипович Ключевский — порождение культуры России, ее исследователь и творец, ее гордость.

Великий историк, ученый и педагог, классик русской прозы, мастер ораторского искусства и устной беседы, слава Московского университета и Московской духовной академии, всей Москвы и всей России, Ключевский единственный, кто был избран в Академию наук и ординарным академиком Историко-филологического отделения (в 1900 г.), и почетным академиком по Разряду изящной словесности Отделения русского языка и словесности (в 1908 г.).

Из трех богатырей российской науки истории в XIX в. (Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский) младший оставался неизменно популярным на протяжении и почти всего следующего XX столетия. Широкий интерес к прошлому нашего Отечества, возбужденный в начале XIX в. книгами «Истории государства Российского» Карамзина, стал с тех пор данностью бытия российской интеллигенции; и на рубеже XIX и

* Опубликовано в кн.: Ключевский. Сборник материалов. Пенза, 1995. Вып. 1. С. 323—335.

XX столетий, стараясь объяснить настоящее прошлым, обращались прежде всего к «Курсу русской истории» Ключевского.

Тема «Ключевский и культура России» подразумевает разные аспекты: восприятие Ключевским культуры России, изучение им культуры России, вклад Ключевского в развитие этой культуры, включение Ключевского (и сочинений его, и личности) в представления других (и современников его, и потомков) о культуре России и т. д. В кратком выступлении допустимо ограничиться лишь постановкой некоторых вопросов в плане этой многообразной проблематики.

Ключевский был истинно русским человеком не только по воспитанию и манере поведения, но и по вкусам своим и образу мыслей. Это не означает, однако, что он довольствовался элементами культуры только российского происхождения. Как и другие российские интеллигенты той поры, он был европейски образован, знаком и с культурой зарубежной и воспринимал культуру России как часть мировой культуры, а православие как религию, объединяющую человечество, говорящее на многих языках. Ключевский еще в молодые годы заинтересованно старался узнать сам и поведать другим о том, что знали иностранцы о России в допетровский период (тема его первой книги) и включить данные о России в издание перевода популярной книги для «чтения в школе и дома» по истории общественного и частного быта Европы. А затем все в большей мере становится свидетелем возрастающего вклада россиян в мировую культуру — в развитие литературы и искусств, в совершенствование научных знаний и признания всемирно-исторических заслуг его соотечественников. (Хотя даже в канун кончины Ключевского в популярнейшем на всех пяти континентах французском однотомном словаре Ларусса «*Dictionnaire complet illustré*», так называемом «Малом Ларуссе» поместили из наших соотечественников портреты только императоров Петра I, Екатерины II и всех царствовавших в XIX — начале XX в., полководца Суворова, писателя Тургенева и музыканта Антона Рубинштейна.)

Для формирования мировидения Ключевского, основ его общественных воззрений и эстетических представлений особое значение имела пензенская юность, приобщившая его с детских лет к корневой народной культуре. Ключевский рано освоил запечатленные еще в фольклоре понятия о взаимосвязи природы и общества, обычаи общегития и просторечие сельских жителей и мещанства, духовенства и чиновничества. Эти впечатления сызмальства остро-наблюдательного и приметливого Ключевского обусловили «глубокое знакомство с великорусским бытом, живую стихию народности», которые в Ключевском-историке особенно высоко ценил историк С.Ф. Платонов, ибо, по мнению младшего современника Ключевского, «понять старую русскую жизнь» в ее конкретности, избегая надуманного юридического схематизма, может только тот, кто «знаком с современным народным бытом»¹.

Литературовед Н.К. Пиксанов для книги 1928 г. «Областные культурные гнезда» — одного из самых значительных изданий «золотого десятилетия» нашего краеведения — эпиграфом избрал слова Гете: «*Wer den Dichter will verstehen, // Muss in Dichters Lande gehen*» (Кто хочет понять писателя / автора /, должен идти в землю его обитания / рождения/). С разгромом краеведения на рубеже 1920—1930-х годов и сознательным

устранением с магистрального пути развития гуманитарных наук ученых-краеведов постарались отступить и от «областного принципа в русском культуроведении» (именно этими словами начинается предисловие к книге Пиксанова) — тем самым отказались от последовательного изучения повседневности культурно-политической истории своего края и выявления примет типологии в историческом развитии той или иной местности, преимущественное внимание обращая на особо заметных деятелей всероссийского масштаба и на связи с провинцией выдающихся людей, постоянным местом пребывания которых были Москва или Петербург.

Пензенский край в средней части европейской черноземной России—это и достижения трудолюбия земледельцев, и крепостническое землевладение, устные предания о восстаниях под предводительством Степана Разина и Емельяна Пугачева и расправах с помещиками, и средоточие усадебной культуры, воспоминания об опальном реформаторе Сперанском и атмосфера ожидания отмены ненавистного всему передовому крепостного права. Здесь Ключевский ознакомился и с искони бытовавшей на Руси церковно-учительской литературой, и с основными элементами схоластической образованности, смог на практике ощутить и достоинства, и недостатки распространенных приемов обучения и воспитания. Как установлено теперь В.П. Козловым, основная масса рукописных и старопечатных книг находилась в первой половине XIX в. в среде низшего и среднего слоев провинциального общества. В Пензе было немало напоминаний и о родившихся или обитавших здесь классиках новой русской литературы.

Американский историк Р. Бернс в статье 1989 г. подчеркивал, что именно «под сенью колоколов» Пензы «Ключевский получил то первоначальное образование и набор жизненных впечатлений, которые определили его характер, направленность умственных интересов, демократизм взглядов»². В выводах своих Бернс лишь в малой мере опирается на труды пензенских авторов последних лет. А труды эти — книги, статьи, документальные публикации, в том числе о жизни старших современников Ключевского И.Н. Ульянова и В.Х. Хохрякова — существенно расширяют круг наших конкретных знаний о социокультурной атмосфере в Пензе середины прошлого века. Узнаем и о том, что для улицы Поповки, где обитали священнослужители — родственники Ключевского по матери и поселилась, овдовев, она сама с маленькими детьми, характерным было не только цветение садов, но и книги в домах, и среди них классические сочинения русской и зарубежной художественной и исторической литературы. Молодые поповичи обсуждали и новинки журнальной публицистики.

Это в совокупности с данными о других регионах России первого пореформенного десятилетия позволяет сделать и более обобщающего плана наблюдение о культуре российской провинции, побуждающее отказать от категоричности некоторых расхожих мнений, основанных на восприятии образности художественной литературы без учета степени метафоричности обличительного стиля ее. Хотя выявлено в архивах множество фактов, убеждающих в дикой жестокости и диком же бескультурье помещиков-крепостников (вспомним и пушкинское определение — «барство дикое»), не следует забывать о том, что «недоросль» Митрофанушка был ровесником и Карамзина, и тех, в чьих семьях выросли будущие герои

«Евгения Онегина» и «Войны и мира». В серьезных научных трудах не должно ограничиваться тенденциозно одноцветным изображением провинциальных помещиков последней четверти XVIII в. лишь как Скотининых и Простаковых; как и во второй четверти XIX в., не все походило на героев гоголевских «Мертвых душ». Также следует отказаться и от однолинейности в характеристиках городского духовенства и семинарского образования середины XIX в. Конечно, очень многое соответствовало изображению бурсы Помяловским и другими художниками слова и мемуаристами, но нельзя упускать из виду то, что в духовных учебных заведениях преподавали также даровитые просвещенные педагоги и ученые; и из среды семинаристов и вообще духовенства вышло немало властителей дум пореформенной России — публицистов, авторов популярных и поныне художественных произведений, ученых и педагогов, известных общественных деятелей.

Склонность Ключевского к писательству, афористическому выражению мыслей, беллетризованному философствованию, так явно обнаруживаемым в его первых московских дневниковых записях и письмах в Пензу, формировалась, конечно, еще прежде. Из Пензы в Москву он приехал достаточно начитанным в литературе прежних лет, с высоко развитой уже ассоциативностью мышления, с определенным навыком тренировки памяти и приемов художественно-литературного письма, с опытом споров и обсуждений в восприимчивой к его размышлениям дружеской среде молодежи.

Пензенская юность не в меньшей мере, чем рано проявившиеся способности к литературно-художественному творчеству и к риторике (которую тогда уже воспринимали не только как науку о красноречии, но и как теорию прозы), предопределили уже в студенческие годы в Москве особую заинтересованность в изучении российской истории и литературы, древнерусского языка, Ключевский избрал для себя школу не одного великого университетского Учителя, а двух — С.М. Соловьева и Ф.И. Буслаева. И вероятно, для ученика и его взаимодействия с учителем имело значение и то, что Соловьев был сыном священнослужителя, а Буслаев провел юные годы в родной Ключевскому Пензе.

Оба великих предшественника Ключевского — и Карамзин, и Соловьев — непосредственно, визуально воспринимали зарубежную культуру. Побывали прежде, чем приступить к созданию своих главных исторических трудов, в Западной Европе, воспитывались на сочинениях зарубежных мыслителей, которые читали обычно на языке оригинала, следили за зарубежной периодикой. Большинство профессоров Московского университета прошли и школу стажировки в зарубежных университетах. Ключевский не выезжал за границу, был человеком иной внешней среды и иного культурно-бытового обихода. Он не имел и навыков свободной речи на иностранных языках. А следовательно, и утрачивал в такой ситуации пленявшую всех быстроту языкотворческой реакции на услышанное и увиденное, не мог оставаться блистательно остроумным и язвительным собеседником. Не потому ли, став уже всемирно знаменитым, Ключевский чурался московских профессорских гостиных, где русский и иностранные языки перемежались, и легче себя чувствовал среди профессоров Духовной академии?

Москва ко времени переезда туда Ключевского уже полтора столе-

тия была — по определению Пушкина — «порфиросной вдовой». Она в буквальном смысле слова была окружена провинцией, москвичи были тесно взаимосвязаны с провинциальной жизнью. Но в профессионально-интеллигентской среде уровень культуры в сфере наук, литературы, искусств был не ниже петербургского. И когда говорили о столичной литературе, столичной науке, то подразумевали литературу и науку Петербурга и Москвы. Внешними средоточиями сравнительно широкого пространства и восприятия явлений культуры и общественной жизни, тогда — когда не знали еще ни радио, ни телевидения, ни даже телефона — были периодическая печать и места постоянных встреч: читальни, клубы, театры, рестораны, и особенно гостиные и кабинеты в частных домах, где практиковались обязательные журфиксы, т. е. встречи в определенный — фиксированный день (не говоря уже о салонах просвещенных хозяек). Основной темой разговоров, если исключить политику, были явления гуманитарной сферы — тематика традиционная уже в течение почти столетия.

Попович, провинциал, не имевший в Москве родственных связей в культурной среде и возможности приобщиться к разговорной традиции дворянских гостиных — близкой и к традиции провинциальных усадебных дворянских гнезд, — так сказать, столичное обличье культуры мог воспринять сначала лишь в студенческой, шире — в университетской среде. А это был период, когда демонстративно старались отряхнуть прах унаследованного от умствования и вкусов второй четверти XIX в. Идеи и расудочные приемы мыслительной деятельности позитивистов сменяли романтические по духу споры современников Герцена и героев ранних романов Гончарова и Тургенева, воспитанных немецкой классической философией и утопическими воззрениями, восходящими еще к Веку Просвещения.

В молодежной среде пореформенных лет «модными» почитались идеи Базарова, героев «Что делать?» Чернышевского, статьи Писарева, зарубежных социалистов. И чуткий и впечатлительный ум даровитого юноши именно это должен был впитывать как новое, с акцентом столичности и импортных воздействий. Сердечность демонстративно вытесняется рассудочностью, сентиментализм, естественно совмещавший рационализм Века Просвещения с обязательными идеалами высокой нравственности, снисходительно и насмешливо воспринимается как манерное сентиментальничанье, а романтизм с его возвышенностью представляется театрализованной позой. Отрицание «идеализма» «отцов» — лозунг нигилистически настроенных «детей». Закономерности развития природы пытаются распространить на общественную жизнь, а приемы и терминологию естественных наук ввести в сферу и общественных наук — отсюда характерное для историка Ключевского желание познать «анатомию» и «физиологию» общественного, исторического развития.

Этому после крушения государственно-политических замыслов Николая I сопутствовал отказ от имперских амбиций (характерных для образа мыслей людей Пушкинской эпохи), ослабление внимания и уважения к истории государственности и особенно к истории внешней политики и возрастание интереса к «народному», к настоящему и прошлому основного населения России. Синхронность этнографических работ, организуемых Географическим обществом и Статистическими комитетами, не-

обычайного успеха драм из жизни третьего сословия А.Н. Островского, прихода в литературу поколения писателей-«народников», а в изобразительное искусство передвижников — не случайна. У людей жертвенного начала и не освободившихся от утопических надежд на скорое общественное переустройство и верящих в силу насильственного воздействия на общественное сознание это вылилось в идеи революционного «хождения в народ» и даже якобы очистительного для общества террора. Ключевский, человек замкнутого характера, не склонен был к участию в общественно возбуждающих действиях, да и сверстники его, чуя огромность и необычность его дарования, оберегали своего, научно столь перспективного, товарища и не втягивали его в свои не безопасные для будущности дела.

Ключевский рано распознал и утомительность ученого схематизма в объяснении исторических явлений и навязываемых политико-идеологических схем. Крепкая корневая, культурная (и, что существенно, вкусовая) основа, восходящая к пензенской юности, и понимание своей неподготовленности к плаванию в русле новомодных течений удержали самолюбивого и дальновидного студента от увлечения новаторскими тенденциями, сохранили его в сфере основательного гуманитарного знания и даже верности традициям своих профессоров. Но на менталитет Ключевского как мыслителя, на приемы его подхода к явлениям и выработку шкалы оценок эти новомодные веяния не могли не оказать влияния. По литературно-художественному стилю своему и, видимо, и вкусовым симпатиям он в русле культуры русской классической литературы предшествующего времени, как бы неоклассик, близкий тем, кто сформировался еще в первую половину века, но по самому строю своей мысли и оценочному подходу к явлениям до конца дней оставался человеком 1860-х годов. Существенно и то, что к 1860-м годам уже отошли в обществе от увлечения общефилософскими концепциями и, соответственно, попытками приложения их к отечественной истории и праву (что характерно для С.М. Соловьева, К.Д. Кавелина, Б.Н. Чичерина). Быть может, потому-то Ключевского позднее совсем не волновали возможности привнесения новообретенных философских и социологических знаний в проблематику источниковедения и обществоведения, что особенно привлекало в начале XX столетия А.С. Лаппо-Данилевского, правоведов, историков экономики (в том числе «легальных марксистов»).

В период, когда — по его же словам — «студентам старших семестров уже виднеется жизненный путь»³, Ключевский осознал, что именно «профессорство» — наиболее доступная ему из высоких общественных ступеней. Ясно для него стало и то, что пользующийся уважением коллег и студентов профессор становится с возрастающим пониманием общественно-государственного значения науки весомой общественной силой. Он избирает при этом путь и ученого-исследователя, и профессора-лектора. Как бы вознамериваясь совместить в одном лице и С.М. Соловьева (все-таки прежде всего исследователя) и Т.Н. Грановского — прежде всего лектора. Быть может, и в этом ему помогли также наблюдения пензенской юности, представления о воздействии проповедей — и их содержания, и их формы — на аудиторию. Вероятно, нужно иметь в виду и особое влияние именно в ту пору на московское общество театра, и прежде всего Малого театра, который называли Вторым Московским университетом.

Среда, в которой воспитывался тогда ум Ключевского и определя-

лись его интересы исследователя и педагога-просветителя, чуткое понимание характера восприятия в этой среде научного знания обусловили задачи дальнейшей творческой деятельности Ключевского и самый стиль его сочинительства и лекторскую манеру.

Первичные наблюдения, опиравшиеся и на жизненный опыт и знания, почерпнутые из разнообразной литературы, от знакомства с памятниками культуры, затем постоянно пополнялись и поновлялись, особенно когда сам Ключевский вступил уже на профессорскую кафедру и привык к постоянному общению уже с лицами его нового круга и судьба «дарила его счастьем встречаться с образованными и мыслящими людьми»⁴.

Для системы восприятия Ключевским явлений культуры, общественного сознания характерно то, что он был писателем не в меньшей мере, чем ученым, хотя и обделен был, можно полагать, даром непосредственного радостного эстетического восприятия. Ум довлел надо всем. По существу, сфера открывающихся его умственному взору наблюдений — это сфера исторической психологии, даже если он и не ведал о подобных дефинициях, тем более о возможностях применения их к своему творчеству. И, как выясняется, именно в этой области знаний он оказался способным предвосхитить некоторые идеи социологов рубежа XIX и XX вв. Образ восприятия писателя-художника помог ему и в видении и изображении конкретных «бытового» плана черт истории и экономики прошлого, его повседневности. И не как особой темы, что понимали еще до него, а как обязательной составной в познании процесса российской истории, не менее существенной, чем события государственной истории.

Можно думать, что дар конкретно-художественного восприятия мира и несклонность к философскому схематизму тоже следует принимать во внимание, ища объяснение тому, что Ключевский-историк придерживался представлений о многофакторности исторического процесса. И это же не позволяет уложить творчество Ключевского в прокрустово ложе четкой идеологии. Как это немудрено сделать часто в отношении других великих людей — Пушкина, Лермонтова, современников Ключевского — Чехова в литературе, Чайковского в музыке. Что отнюдь не препятствовало и самому Ключевскому, и его современникам, и нам, знакомящимся с его многочисленными высказываниями, усматривать определенную политическую, даже «партийную» позицию в тот или иной момент политической жизни России.

Сочинения Ключевского — книги, статьи, с недавнего времени афоризмы и дневниковые записи — постоянно в поле зрения ученых и широкой публики. Но вершиной славы его остается «Курс русской истории» и публичные выступления (лекции) на определенную тему. Хотя теперь установлено уже, что основные идеи «Курса» восходят еще к монографии о Боярской думе. М.В. Нечкина проследила это даже по первоначальным заголовкам докторской диссертации — «Опыт истории правительственного учреждения в связи с историей общества», характерно и заглавие Введения к ней — «В предлагаемой работе Боярская дума рассматривается в связи с классами и интересами, господствовавшими в древнерусском обществе»⁵. Причем, если в изложении материала по истории России допетровского времени историк опирается во многом и на результаты собственных исследовательских наблюдений (особенно по периоду «Московского царства» — XV—XVIII вв.), то XVIII в. не стал предметом его

самостоятельного изучения, и он позволил себе, как справедливо определил Г.П. Федотов, «карикатурность в изображении XVIII в., вытекающую из нечувствия Империи», и вовсе обошел явления «духовной культуры»⁶.

Если в первой четверти XIX в., после победоносного утверждения России на международной арене глубоко сочувствовали государственно-му пафосу «Истории» Карамзина и ее апофегматическому морализованию, то в конце столетия особенно понятны были и крен Ключевского в «социальную» историю, и скептицизм его характеристик политических деятелей и явлений государственной истории. «Курс русской истории» Ключевский обдумывал всю жизнь, продолжая шлифовать его стилистику, внося дополнения и изменения, подсказанные новейшей литературой. В этом великом памятнике исторической мысли и литературы особенно ощутимо проявилась и просветительская тенденция, характерная для науки, литературы, и великий проникновенный талант историка, и высочайший литературный дар — Ключевский стоит вровень с классиками русской художественной литературы.

Ключевский понимал, что после многотомных пространных трудов Карамзина и Соловьева должно создать обобщающий труд, охватывающий всю русскую историю, но уже меньшего объема и доведенный до более близкого времени. Осознавал он и возрастающий (особенно после сочинений И.Е. Забелина, Н.И. Костомарова, А.П. Щапова) интерес в обществе к истории народа, каждодневному быту.

В период, когда в России окончательно утвердилось понятие об университете как главной базе и профессиональной подготовки, и общей образованности, Ключевский избрал форму (опираясь, конечно, и на опыт предшественников) письменного изложения основного в отечественной истории именно в виде лекций. И с тех пор такой прием передачи научных знаний — и не только в научных целях, но и в общественно-просветительских — закреплен в наших общественных науках.

Это имело принципиальное — далеко выходящее за рамки собственно исторической науки — значение в плане развития научной культуры России и расширения массовых представлений о роли университетской профессуры вообще в развитии культуры России.

Лекции эти были написаны с учетом важнейшего, хотя и умышленно отобранного в науке отечественной истории и смежных с ней (Ключевский имел особую склонность откликаться рецензией-исследованием на новейшие научные монографии): и потому специалистами воспринимались как результат развития исторической мысли и указание на ее дальнейший путь. Этому способствовало и все усиливавшееся с годами воздействие трудов ученых, вышедших из «школы Ключевского».

Но сочинения Ключевского отражали и путь развития русской классической литературы — ее тематики, образности, стилистики языка. Если в «Истории» Карамзина заметно, что он — современник популярнейшего тогда в среде и взрослых читателей великого баснописца (а следовательно, и моралиста) Крылова, то, обращаясь к сочинениям Ключевского, чувствуешь, что и автор, и его читатели прошли путь знакомства и с реалистической литературой социально-бытовой тематики, и с терминологией и эзоповым языком публицистики середины XIX в. и сатиры Салтыкова-Щедрина. (И понятно, что Ключевский столь широко и научно доказательно обратился к творениям художественной литературы и как к

источникам исторического познания.) Ключевский откликался на новинки и науки, и художественной литературы, и газетно-журнальной публицистики. Это сказывалось и на его «Курсе лекций», который он до конца дней совершенствовал.

Особенное значение имело и то, что Ключевский, как никто другой из современных ему ученых, обладал при этом и свойственным лишь самым замечательным Артистам удивительным чувством общения с аудиторией (слушателей и читателей) — ощущением ее ожиданий и потребностей, ее способностей к восприятию.

Лекции его — и в Московском университете, и в других учебных заведениях, выступления перед «широкой публикой» — оказывали поразительное воздействие на слушателей, на их разум и чувства. Для будущих преподавателей они становились школой высшего (хотя и недостижимого!) мастерства. (При этом близко знавшие историка — например, С.К. Богоявленский — подчеркивали подготовленность, отрепетированность «эффектов», преобладающих над импровизацией.)

После томов «Истории государства Российского» Карамзина в 1810—1820-е годы никакое другое обобщающего характера сочинение российского историка не вызывало столь заметного общественного впечатления и не воспринималось сразу же как реалья не только науки, но и культуры в целом.

«Курс русской истории» читали повсеместно: в великокняжеских дворцах (где историк вел занятия), в училищах, готовивших и священников, и офицеров, и художников; книги эти постоянно отмечают среди выявленных при аресте у революционеров (В.И. Ленин читал том Ключевского с карандашом в руке в 1891 г. ⁷). С начала 1890-х годов и началось триумфальное шествие «Курса» в среде российской интеллигенции. Молодые ученые уже в начале 1880-х годов воспринимали определяющее значение исторических построений Ключевского — выпускник Петербургского университета 1882 г. С.Ф. Платонов считал московского профессора одним из своих главных учителей, но эмигрировавшие тогда за границу В.И. Засулич и Г.В. Плеханов еще в начале 1890-х годов не знали работ Ключевского, что вызвало удивление познакомившегося тогда с ними молодого Д.Б. Рязанова ⁸. К концу XIX столетия «Курс русской истории» Ключевского воспринимался уже как веха в развитии и исторической мысли (и социологии), и, шире, общественного сознания.

Образ Ключевского постепенно обретает значение символа — и историка, и московского профессора, и обязательной украшающей части культуры и общественной жизни Москвы. В то же время не только в мемуарах (когда на автора могло — пусть даже невольно — оказать влияние устоявшееся уже в обществе мнение), но и в дневниковых записях лиц, воспринимавших лишь внешнюю сторону деятельности Ключевского (его лекции, беседы), бросается в глаза характерное клише суждений, некий канон — очевидно, что уже в 1890-е годы принято было говорить об ученом в определенной тональности, прибегая к набору слов, эпитетов, привычных при описании впечатления, производимого «звездами» искусства.

В то же время как человек воспринимался он как бы дистанцированно — не допускал близко к себе. А лучше знавшие его и чаще с ним встречавшиеся едва ли не единодушны в признании неадекватности бли-

стательной яркости таланта и личных человеческих качеств. Ключевским восхищались, но он не был любим. Не хватало доброты, заинтересованного внимания к людям, простоты в обращении и столь привлекательных очевидно осязаемых моральных основ⁹. Для актеров, профессиональных преподавателей-лекторов очевидными были и черты того поведения, которое в старину называли лицедейством.

Но талант мыслителя и художника у Ключевского был так велик, что его сочинения обрели самостоятельную жизнь, как бы оторвавшись от его биографии. Личная жизнь этого великого человека может сейчас интересовать лишь немногих специалистов, как и образ его поведения в общении с другими людьми, и напоминать им мудрость наблюдения Флобера: «Не прикасайтесь к идолам — их позолота остается на пальцах». И дорог нам Ключевский именно своим научным наследием, проникновенной наблюдательностью и прозорливостью своих афоризмов.

К творениям Ключевского все время возвращается историческая мысль. Не определив для себя место Ключевского в истории науки, невозможно понять ход ее развития. И становится все очевиднее то, что значение сотворенного Ключевским воспринималось современниками, а теперь ощущается и потомками как одно из вершинных достижений не только науки истории, но и вообще нашей отечественной культуры.

¹ Платонов С.Ф. Автобиографическая записка // Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. I. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1933. С. 258, 262.

² Роберт Ф. Бернс. «Молодой Ключевский». Под сенью колоколов «Пензы» (перевод В. Дворянова) // Земство. Пенза, 1994. С. 34—59.

³ Ключевский В.О. Соч. Т. VIII. С. 258.

⁴ Ключевский В.О. Там же.

⁵ Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. М., 1974. С. 176.

⁶ Федотов Г.П. Россия Ключевского // Наше наследие. 1991. № 111. С. 101.

⁷ Шмидт С.О. В.И. Ленин — читатель В.О. Ключевского // Проблемы истории общественного движения и историографии: Сб. к 70-летию М.В. Нечкиной. М., 1971. С. 354—364.

⁸ К столетию со дня рождения Н.Г. Чернышевского (Прения по докладу Ю.М. Стеклова) // Историк-марксист. № 8. 1928. С. 145—146.

⁹ Дневниковые записи А.А. Савина о В.О. Ключевском / Подг. к печати М.Д. Филин // АЕ за 1978 год. М., 1979. С. 327—332.

ПУШКИН: ДИАЛОГ С КАРАМЗИНЫМ *

При объединении двух великих имен приходит на ум не только хрестоматийная формула: «Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка Колумбом», но и запомнившаяся со школьных лет хлесткая эпиграмма: «В его "Истории" изящность, простота // Доказывают нам, без всякого пристрастья, // Необходимость самовластья // И прелести Кнута», приписываемая юному Пушкину. Эпиграмма в течение десятилетий формировала у нас, отлученных от «Истории» Карамзина, представление и о главном труде жизни историографа, и об отношении Пушкина к Карамзину.

Теперь, когда сопоставлены между собою и прокомментированы буквально все обращения к имени Карамзина в сочинениях Пушкина, становится однозначно ясно, что обвинительные слова эпиграммы резко контрастируют с тем, что писал Пушкин о Карамзине-историографе. Проще всего было бы на этом основании отвергнуть авторство Пушкина. И подобное мнение не раз обосновывалось. Но ведь Пушкин сам признал себя автором одной из эпиграмм на «историю государства Российского»: текст этот приводит в своем труде о Карамзине (прочитанном, кстати, шурином историографа и другом Пушкина П.А. Вяземским) поклонник и Карамзина и Пушкина М.П. Погодин. И вероятнее всего, эпиграмма — озорство юного гения (Пушкину было 19!) с целью «сорвать улыбку» (выражение Вяземского) сверстников (потом сам Пушкин назовет их «молодыми якобинцами»). Допустимо также предположить, что Пушкин исправил текст не им сочиненной эпиграммы, где обыгрывалось отношение к «самовластью»: «На плаху истину влача, // Он доказал нам без пристрастья // Необходимость палача // И прелесть самовластья». Устранен был оскорбительный для историографа упрек в отступлении от исторической истины, стиль стал более элегантным. Ведь эпиграмматичность в ту пору была принадлежностью светского разговора в такой же мере, как и способность сочинять апофегмы — афоризмы назидательной направленности, мастером которых был Карамзин, так восхищавший этим Пушкина. Вспомним, что Евгений Онегин мог «возбуждать улыбку дам // Огнем нежданных эпиграмм». Эпиграмматический стиль разговора в высшей степени свойствен самому Пушкину. Сошлемся хотя бы на его реплику в доме Карамзина, где Н.И. Тургенев (будущий декабрист), говоря о свободе, заметил: «Мы на первой станции к ней». «Да, — подхватил молодой Пушкин, — в Черной Грязи» **.

Убедительными и изящными кажутся соображения петербургского литературоведа В.Э. Вацуро, соотнесшего в своем недавнем докладе содержание эпиграммы с конкретным эпизодом из истории «государствования» особо почитаемого Карамзиным Ивана III, когда он трем высокопоставленным лицам заменил смертную казнь торговою, то есть наказанием кнутом. Тогда эпиграмма и вовсе теряет столь широко обличительный

* Опубликовано в газ.: Литературная газета. 1992. 5 февраля (рубрика «Документы и судьбы»).

** Название почтовой станции на дороге из Москвы в Петербург, где делали первую перемену лошадей.

смысл. В этом случае она, как определял сам Пушкин в письме к Вяземскому, «остра и ничуть не обидна».

Эпиграмму же прочли с нарочито классовых позиций. Идя к тотальной политизации понятий о настоящем, соответственно препарировали и подход к прошлому и историкам этого прошлого. Особую лепту в тенденциозную трактовку эпиграммы внес М.Н. Покровский еще в 1923 г. в лекциях «Борьба классов и русская историческая наука», показав, как следует, по его же словам, общественные науки «коммунизировать, свердловизировать и зиновьевизировать». С тех пор искаженно преподносимая эпиграмма намертво прилипла к характеристике «Истории государства Российского». Между тем эпиграмма — даже если толковать ее в расширительном, мировоззренческом плане — не отражает взглядов на «Историю» Карамзина в целом ни Пушкина, ни большинства декабристов.

Самое существенное, что сочинены злосчастные стихи в то время, когда Карамзин не определил еще с должной четкостью различия в употреблении слов «самовластие» и «самодержавие». Да и вообще в XVIII в. они воспринимались как синонимы. Впоследствии «самодержавие» для Карамзина — это единодержавие внутри страны, оберегающее от распрей и насилия властей имущих и от опасности и жестокостей народного бунта и обеспечивающее внешнюю независимость государства. И оно противопоставляется «самовластию» — и единовластца, и олигархии, и народа. Тогда не был еще прочитан IX том «Истории», изданный в 1821 г., где на примере поступков Ивана Грозного и их последствий для россиян и для самого государя обличалось страстно и искренне именно самовластие. Этот том произвел сильнейшее впечатление на будущих декабристов. Известно, какое возбуждение в обществе вызвало появление разом X и XI томов «Истории» — о событиях Смутного времени. Тома эти стяжали весьма положительный отклик в печати будущего декабриста А. Бестужева (Марлинского), побудили Пушкина на создание «Бориса Годунова», посвятившего «драгоценной для россиян памяти Николая Михайловича Карамзина сей труд, гением его вдохновенный, с благоговением и благодарностию». (Любопытно, что Лев Толстой, задумав роман о декабристах, собирался обсуждение именно этих томов сделать темой разговора в высшем обществе в канун декабристского восстания.) И потому некорректно приводить для характеристики отношения и декабристов, и Пушкина к «Истории» Карамзина в общественно-политическом плане раннюю эпиграмматическую оценку, особенно при обнаружении других, более поздних. Это, пожалуй, задевает сочинителя эпиграммы не меньше, чем Карамзина: неужели поэт ничего иного не усмотрел в первых восьми томах «Истории государства Российского»?

О взаимоотношениях Карамзина и Пушкина, о воздействии Карамзина — человека и литератора, историка на молодого поэта, об отражении этого воздействия в воспоминаниях Пушкина о Карамзине середины 1820-х годов написано немало. Менее изучено, что значил Карамзин для Пушкина после 1820 г. и особенно после кончины историографа (он умер летом 1826 г.). Безусловно, Пушкин снова возвратился к «Истории» Карамзина — и к основному тексту и к примечаниям, когда создавал «Бориса Годунова». Он воспринял и манеру обращения Карамзина к апофегмам, подчеркивающим понимание им Добра и Зла, и государственно-

политические соображения историографа, высоко оценил учительско-воспитательное значение «Истории». В записке «О народном воспитании» (1826 г.) Пушкин четко формулирует: «Историю русскую должно будет преподавать по Карамзину». Тогда же, вероятно, он убедился в том, что «Историю государства Российского», как и другие подлинно великие сочинения, надобно с годами перечитывать, поверяя свой жизненный опыт, сопоставляя с новыми накопившимися знаниями и наблюдениями. В этом смысл замечания в неоконченной повести 1830 г. «Гости съезжались на дачу...»: «Карамзин недавно рассказал нам нашу историю. Но едва ли мы вслушались». Именно вслед за этим идут часто цитируемые слова: «Заметьте, что неуважение к предкам есть первый признак дикости и безнравственности» (на них и обрывается повесть).

В критической же статье 1830 г. об «Истории русского народа» Н.А. Полевого, видимо, и к самому себе относит он замечание о «Предисловии» к «Истории» Карамзина, «столь много критикованном и столь еще мало понятом». Разговоры Пушкина о Карамзине зафиксированы (в 1827—1828 гг.) современниками. К «Истории» Карамзина восходит немало суждений Пушкина, особенно о русском дворянстве, о взаимоотношениях государства и народа. Пушкин, творя в себе историка, рассуждает об отношении историографа к историческим источникам, замечает у него систему примечаний в конце книги, готовя к печати «Историю Пугачева», а прием апофега — в «Истории села Горюхина».

У Пушкина все более укрепляется представление о Карамзине не только как о Колумбе российской истории, но и как о зачинателе очень многого в нашей классической литературе и журналистике. Это выражено даже в письме к Бенкендорфу 1830 г.: «...Карамзин первый показал опыт торговых оборотов в литературе. Он и тут (*как и во всем*) был исключением из всего, что мы привыкли видеть у себя» (курсив мой. — С. III.).

Пушкин не раз повторял еще в 1820-е годы, что «История государства Российского» есть не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека». Уже выяснено общественное значение и направленность этого утверждения, противостоящего суждениям тех, кто изображает Карамзина прежде всего официальным историком и верно-поданным. Пушкин и в 1830-е годы почитал важным противостоять таким истолкователям биографии Карамзина из ближайшего окружения царя (тогда, например, предложено было изобразить на барельефах воздвигаемого в Симбирске памятника Карамзину сцены чтения им «Истории» Александру I и оказания милостей Николаем I умирающему историографу и его семье). Для Пушкина это был путь и утверждения своей независимости писателя и гражданина. Пушкин, как и Жуковский, Александр Тургенев, Вяземский, способствовал закреплению в общественном сознании «высокого» представления о Карамзине. Он писал: «Чистая высокая слава Карамзина принадлежит России», «высокий пример Карамзина», «человек высокий»...

Диалог с Карамзиным продолжался до конца пушкинских дней. И быть может, особенно неотвязно в последний, трагический период жизни Пушкина — в 1836—1837 гг. К этому времени многое изменилось в самом Пушкине, в сфере его интересов. (Еще в 1830 г. он отметил: «Бегут, меняясь, наши лета, // Меняя все, меняя нас...») Пушкин не только стал,

как и Карамзин, официальным историографом, но во все большей мере ощущал себя и историком (Карамзин тоже окончательно «постригся в историки» в возрасте 36—37 лет). Пушкин старался овладеть и профессиональными навыками ученого-историка, приемами обращения к первоисточникам, к исторической литературе. В 1836 г. у Пушкина сложились уже высокие требования к «ученым произведениям»: это «плоды долгих изучений и терпеливых изысканий». С такими же требованиями он подходит и к самому себе, готовя «Историю Петра», исследования о «Слове о полку Игореве» в стиле труда Шлецера о несторовской летописи. Он составляет справку о В.Н. Татищеве — зачинателе исторической науки в России в XVIII в. В эти годы Пушкин обращается мыслью не только к Карамзину — историку и литератору, но и к образу поведения историографа.

Именно в 1836 г. Пушкин пишет, что «наша словесность с гордостью может выставить перед Европою “Историю” Карамзина». Он публикует в основанном им журнале «Современник» заметку о значении издания «Ключа» (т. е. указателя) к «Истории государства Российского» — «необходимого дополнения к бессмертной книге Карамзина». Хлопочет об издании — хотя бы частично — записки-трактата Карамзина «О древней и новой России». Это сочинение «благородного патриота» написано, по его мнению, «со всею искренностью прекрасной души, со смелостью убеждения сильного и глубокого». Берет слова Карамзина эпитафией к подготовленной для печати статье «Александр Радищев» и, по существу, противопоставляет Карамзина Радищеву — противопоставляет и их сочинения и образ поведения. Пушкин, несомненно, много говорит о Карамзине. И не потому лишь, что часто бывает в салоне Карамзиных, а и оттого, что близ него находились тогда те же лица, которые были младшими друзьями историографа, — Жуковский, Александр Тургенев. И именно они старались отвлечь его от мыслей, приближавших надвигающуюся беду.

В самых последних стихотворениях поэта — вспомним «Из Пиндемонти», где он рассуждает, какая ему потребна «свобода», — немало сближений с мыслями Карамзина. Пушкин размышлял тогда не только о творчестве Карамзина и его исторических и общественных взглядах, но и о Карамзине-человеке, о его взаимоотношениях с обществом и царской фамилией, с друзьями и семьей. Пушкин как бы примерял себя к этому создаваемому им идеальному образу. И вероятно, имел и его в виду даже в стихотворении «Я памятник себе воздвиг...».

Книга, которую Пушкин раскрыл в самый канун роковой дуэли, о чем оставил он свидетельство в последней своей записке («...поневоле зачитался. Вот как надобно писать!»), — это «История России в рассказах для детей» А.О. Ишимовой, где прошлое наше излагается именно по «Истории» Карамзина. И когда умирающий Пушкин попросил прийти вдову историографа Екатерину Андреевну, это было расставанием не только с ней, но и со всем, что связано было у него с Карамзиным.

ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ (XVIII — НАЧАЛО XX в.) И ЗАДАЧИ КРАЕВЕДЕНИЯ *

Подготовка конференции по проблемам изучения культуры российской провинции, издание сборника статей по материалам конференции — результат усилий специалистов нескольких учреждений, определенная степень их совместной деятельности.

Организация конференции о культуре прошлого — показатель развития современной культуры. С демократизацией общественной жизни оживляются культурные силы на местах, возрастает тяга к познанию местных корней современной культуры. Обогащаются и взаимосвязи в сфере культуры между отдельными местностями нашей страны. Разрабатывая нашу программу, определяя возможности и сроки ее осуществления, мы опирались, конечно, прежде всего на опыт работы недавних лет в периферийных вузах, хранилищах-музеях, библиотеках, архивах, в отделениях Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, Российского международного фонда культуры, Добровольного общества книголюбов, в различных объединениях на местах. Мы учитывали результаты деятельности научных конференций (например, краеведов в Рязани) и межвузовских семинаров (семинар по литературному и историческому краеведению, организованный Липецким отделением Педагогического общества РСФСР и Елецким пединститутом). Многие дали усилия подвижников родной культуры, которые объединяются вокруг новых — или возрождаемых — изданий типа «Костромской старины», «Тверской старины», «Пензенского временника любителей старины», газеты «Вече» в Орле и др., энтузиасты на местах участвуют в «Краеведческих чтениях», в чтениях памяти знаменитых краеведов — Петряевских в Вятке, Воронинских во Владимире, Рычковских в Оренбурге, Бирюковских в Челябинске, Золотаревских в Рыбинске, не говоря уже об «Анциферовских чтениях» в Санкт-Петербурге.

Число краеведческих изданий — и отдельных авторов, и коллективных — в которых можно многое почерпнуть о развитии местной культуры, неизменно возрастает в европейской и азиатской частях России, и круг их читателей — а сейчас все в большей мере и почитателей — отнюдь не ограничивается жителями той или иной местности. Проблематика истории культуры занимала едва ли не главное место и на всесоюзных конференциях по историческому краеведению в Полтаве (1987) и в Пензе (1989) и на многих конференциях регионального масштаба. В этих изданиях и на конференциях внимание уделяется уже не только местным достопамятностям — памятникам, событиям, историческим деятелям и путям исторического поиска, краеведческому наследию, но и постановке более широких культурологических тем. В некоторых трудах явно ощущается сознание того, что местная культура тесно взаимосвязана с общероссийской культурой и общественной жизнью, а тем самым и с мировой культурой. Эта неуклонно развивающаяся творческая деятельность на местах вселяет надежду на осуществление в обозримые сроки задуманной

* Статья, подготовленная на основе вступительного слова С.О. Шмидта на первой конференции по изучению провинциальной культуры России, опубликована в кн.: Русская провинция. Культура XVIII—XX веков: Сб. ст. М., 1993.

программы, более или менее ясно вырисовываются контуры и даже детали программы, определяются возможности тех, чьими стараниями программа может быть осуществлена.

Полного единодушия в подходе к проблеме и в представлениях о путях реализации задуманного нами начинания, пожалуй, еще не достигнуто. Но это не смущает — во всяком новом деле обязательны и пробы, и, увы, ошибки. Главное, чтобы оно продолжало волновать и вдохновлять его участников. И тогда естественный плюрализм мнений будет только подталкивать к поискам наилучшего решения. А если будут казаться равно перспективными и альтернативные представления, то это только расширит круг заинтересованных лиц. Ведь для того и созываются конференции, чтобы на заседаниях и, как практика показывает, особенно страстно в кулуарах обсудить наболевшие вопросы. Первоочередная задача — определить последовательность работы и возможности единообразной методики. Это тем более существенно, что накопленные нами наблюдения, описания, справочные пособия, первичные карточки могут оказаться сегодня полезными для трудов иной тематики — по истории России, истории культуры и науки в целом.

Позволю себе поделиться некоторыми общими соображениями, наметить главные, на мой взгляд, задачи или, точнее выразиться, формы работы. Прежде всего о хронологических границах программы, ее названии и основном содержании.

Данная программа подразумевает изучение культуры нового времени, для которого характерно не только все большее развитие капиталистических отношений, определяющих тип социально-экономической формации этого периода, но и существенное расширение связей экономических и культурных регионов России с другими странами, а также развитие и распространение научных знаний. Пожалуй, именно с XVIII в. во всем цивилизованном мире понятия «культура» и «наука» становятся тесно переплетенными. Уровень культуры определяется теперь зависимостью ее от науки (и от техники, опирающейся на научные знания). В России началом XVIII в., эпохой Петра Великого датируются введение гражданского шрифта, изменение письменной формы делопроизводства (замена столбцовой формы тетрадью), закрепление в сознании понятия о важности освоения научных знаний и — что особенно существенно для нас — отмеченные современниками и общепризнанные затем потомками изменения в бытовом укладе. Все это способствовало повсеместному утверждению в духовной культуре светского начала, отрыву культуры общественных верхов — духовной, культуры бытовой повседневности — от культуры других социальных слоев, оформлению нового ее стиля.

Объяснение такому положению находим еще в дореволюционных учебниках для средних учебных заведений. В одной из лучших книг С.Е. Рождественского, где отечественная история рассматривается в связи с всеобщей, читаем: «Но заботы Петра об образовании ограничивались только дворянством и отчасти духовенством; для образования же простого народа он не успел сделать ничего. Это повело к разъединению сословий. Люди, получившие некоторое образование, побывавшие за границей и выслужившие первый офицерский чин, стали свысока смотреть и презирать остальных».

Это и позволяло познавать две культуры в границах одной — культуру образованного меньшинства «бар» и культуру основной массы населения. Культура элитарной части общества была внешне европеизирована, что прежде всего отличало ее (в одежде, прическе, жилище, комфорте и др.) от остального населения. Особенно это характерно для конца XVIII — первой половины XIX в., т. е. в последние десятилетия существования крепостного права. В этой элитарной среде и говорили в основном по-французски. Вспомним начало «Войны и мира» или письмо Татьяны Онегину и ремарку Пушкина:

Доныне дамская любовь
 Не изъяснялася по-русски,
 Доныне гордый наш язык
 К почтовой прозе не привык.

Здесь важно и наблюдение Грибоедова о том, что народ по языку принимает господ «за немцев».

Но неправильно было бы сооружать стену между культурой верхов общества и остальным обществом. В каждодневной жизни объединяли всех и общая религия, и организация богослужения; в условиях военных действий естественна была близость быта офицеров и солдат. Много общего, единого для всех оставалось и в других сферах повседневности. Сохранившиеся источники свидетельствуют о глубинном проникновении исконной народной культуры в душу и ум многих «господ». Здесь уместно опять вспомнить о классических произведениях великой русской литературы, сочиненных теми, кто воспитан был и всю жизнь прожил именно в элитарной среде: и рассуждения Чацкого, и характерное для Пушкина определение «Татьяна — русская душою», и душевную взаимную привязанность Гринева и Савельича, Татьяны Лариной и ее няни, нянюшку из «Детства» Л. Толстого и русский танец графинюшки Наташи Ростовоной. Именно из этой среды вышли те, кто готов был пожертвовать собой во благо народа, боролся за его освобождение от крепостного ига, эксплуатации, за его просвещение. Но напомним и о том, что хотя многие представители дворянства и играли выдающуюся роль в становлении и развитии нашей культуры, русского литературного языка, ставшего затем нашим разговорным языком, но в XX столетии в народе была так сильна память о вековом унижении и так болезненно воспринималась разница в благосостоянии и просвещенности, что многие усадьбы оказались сожженными и разграбленными местными крестьянами.

Со второй половины XIX в., особенно после отмены крепостного права ведущую роль в развитии культуры наряду с дворянством начинают играть дети священников, учителей, мелких чиновников. Особенно заметно вхождение в сферу элитарной культуры богатого купечества. Оскудение дворянства выразилось не только в имущественном обеднении его, но и, как считается, в снижении роли дворян в развитии культуры и просвещения. Вспомним биографии писателей на рубеже столетий. Из наиболее известных, пожалуй, лишь И. Бунин и А. Блок выросли в недрах дворянской культуры. Если начальная дата, с которой мы начинаем исследование провинциальной культуры, 1700 год, что вряд ли вызывает

сомнение, хотя и требует обоснования, то конечную дату следует обосновать особо.

Мы привыкли, вернее сказать, приучены к тому, чтобы главным рубежом новой и новейшей истории не только в нашей стране, но и в мире считать революционные события октября 1917 г. в Петрограде. В государственно-политической истории нашей страны это главнейшая веха, как бы ни оценивать последующие годы. В социально-экономическом отношении, учитывая ликвидацию крупной, а в существенной мере затем и иной частной собственности, это тоже значительная веха. А вот что касается истории культуры, здесь я бы предложил конечную дату 1929—1930 гг., т. е. то время, которое называют «великим переломом», какой бы смысл ни вкладывали в этот термин. С этого времени датируются коренные изменения в деревне и очень существенные в городах, массовое передвижение населения и отрыв значительной части его от местных культурных корней. Примерно с этого времени начала оказывать решающее влияние на развитие культуры новая формация интеллигенции (в данном случае я имею в виду слой людей, профессионально занимающийся умственным трудом, а не «интеллигентность» как образ мысли и действий). Не следует упускать из виду и то, что в 1917—1929 гг. силами «старой» интеллигенции (и, соответственно, привычными ей приемами) был заметно изменен уровень местной культуры, внедрен в сознание более широких, чем прежде, слоев населения интерес к культуре своего края. Это «золотое десятилетие» отечественного краеведения, когда особенно интенсивно выявлялись, собирались и изучались источники по истории культуры провинции. И заниматься в рамках нашей программы проблемами историографическими немисливо, обрывая изучение развития культурных процессов 1917-м годом. То, что было сделано краеведами в последующие 10—12 лет, теснейшим образом связано с краеведением прошлых лет и осуществлялось одними и теми же лицами, сформировавшимися еще на дореволюционных культурных традициях.

В понятие «культура», как известно, вкладываются разные определения, что отмечено и в энциклопедических словарях. Очевидно, что это слово, заимствованное из языков Западной Европы во второй четверти XIX в., отвечало прежде всего двум смыслам, отраженным в Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля и объясненным (с примерами) в монографии Ю.С. Сорокина «Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е гг. XIX века» (М., 1965). В наши дни понятие «культура» имеет разные толкования: в четырехтомном словаре русского языка, переизданном в 1986 г., дано семь определений (и тоже с примерами); в словаре С.И. Ожегова — пять. Очевидно, что задачам нашей программы более всего соответствует такое толкование: «Совокупность достижений человечества в производственном, общественном и умственном отношении».

Но и здесь необходимо ограничение. Вряд ли стоит в данной программе механически следовать разделению на сферы культуры, принятые в многотомной «Истории русской культуры» (по XVIII в. включительно), подготовленной в Московском университете. И не потому, что есть какие-либо претензии к этому ценному и крайне полезному изданию. В данном случае отдельные главы о культуре сельского производства, о путях и средствах сообщения, школе и образовании, книжном деле, медицине и

здравоохранении, музыке и т. д. совершенно оправданы задачами издания, и прежде всего потребностями педагогов высшей и средней школы, нуждающихся в четко разграничительном распределении и соответствующем обобщении многообразных материалов, относящихся к истории культуры.

Нам же важнее всего уяснить основные черты и тенденции развития культуры (этому посвящены первые постановочные обобщающего характера главы отдельных томов университетского издания): механизм формирования и функционирования культуры провинции и ее местные особенности; место и значение культуры в общественной жизни провинции; характер взаимосвязи культуры отдельных регионов страны и культуры провинции в целом с культурой обеих столиц; влияние культуры провинции на общий социокультурный фон России; культура провинции тех лет в наших представлениях о культурном наследии и в культуре современной повседневности.

Полагаю целесообразным оговорить и еще одно ограничение, предопределенное формой культуры именно нового времени. Общим для всех регионов страны стал тогда уже не только разговорный язык, но и письменность (а также другие средства информации). Могут возразить, что письменность на территории, где обитают восточные славяне, уже была общей в период составления «Повести временных лет». Да, конечно. Однако она была мало распространенной. И как обязательное направление культуры самых широких слоев населения письменность с XVIII столетия даже для неграмотных, которых оставалось очень много, становится первичным источником всей получаемой ими основной информации.

В «век просвещения» сформировалось и убеждение в великом значении для развития цивилизации именно письменности, и прежде всего печатного слова. В России это сформулировал Карамзин, утверждавший, что «история ума представляет две главные эпохи — изображение букв и типографии. Все другие были их следствием. Чтение и письмо открывает человеку новый мир, особенно в наше время, при нынешних успехах разума». Ту же мысль позднее повторил в своих трудах по истории науки академик В.И. Вернадский.

Задуманная программа изучения истории культуры в провинциях нашей страны — это и есть, употребляя выражение, свойственное языку еще XVIII в., прежде всего «история ума», т. е. история духовной культуры, просвещения. Такой подход подразумевает, что основным источником информации по истории культуры являются для нас документальные памятники, и прежде всего памятники письменности, т. е. созданные как письменные, а не записанные учеными как фольклор. Речь пойдет преимущественно о культуре более образованной части общества.

Понятно, что созданию трудов обобщающего типа, несомненно, должны предшествовать исследования в виде докладов, статей по всем сферам культуры, включая культуру быта, культуру неграмотного населения. И наша программа, хочется думать, будет еще более способствовать изучению и такой культуры, которая обычно является областью занятий этнографов, фольклористов, наша же область занятий — это прежде всего собственно историческая наука, ряд смежных исторических дисциплин на стыке наук.

Вероятно, первоначально в рамках именно данной программы допу-

стимо и еще одно ограничение. Россия — издавна многонациональное государство, и культура ее — в тесном переплетении интернациональных связей. Без учета этого вообще нельзя объективно изучать культуру России. Но в исследуемый нами период одной из главных основ духовной культуры было религиозное мировоззрение. И это многое определило и в развитии культуры, и в составлении понятий о ее критериях.

На первом этапе нашей работы преимущественное внимание будет уделено культуре, в основе духовных ценностей которой лежит христианское вероучение. Но важно всегда иметь в виду взаимоотношения в собственно культурной и общественной сферах последователей этого учения с последователями других вероучений и воздействий на развитие собственно русской культуры культур других народов нашей страны, особенно придерживающихся мусульманской веры, а также воздействие зарубежной культуры, в том числе тех, кто был воспитан в ее лоне, но поселился в России. В рамках нашей программы могут оформиться и программы о культуре отдельных неправославных народов, причем необязательно здесь ограничиваться регионами их наиболее компактного поселения, целесообразно изучать их культуру и там, где преобладает иноязычное население.

Нужно подумать о возможном уточнении названия нашей программы: «Культура русской провинции» или «Провинциальная культура России». Слово «провинция», пришедшее в русский язык для обозначения определенной территориальной (или государственно-территориальной) принадлежности, со временем не только в просторечии, но и в языке науки обрело оценочный оттенок. Если в словаре Даля «провинциальный» — это «не относящийся к столице, вне столицы», то уже в литературе и в разговорном языке XIX в., по крайней мере начиная с эпохи Пушкина, это имеет смысл переносный: отсталый, простоватый, наивный, даже грубоватый. В «Евгении Онегине» читаем: «Ее находят что-то странной. / Провинциальной и жеманной». Куприн пишет, что у «провинциальной барышни шаблонный обиход фраз» и «заученная манерность во всех поступках»; Станиславский — о «провинциальном приеме гнать деньги»; у Лескова часто встречаем слово «провинциальность». Пишут о провинциализме, провинциальности манер, взглядов, поведения, о «провинциальных нравах» и т. д. И хотя продолжает бытовать и прежнее понимание (например, пишут и говорят о «столичных» и «провинциальных» изданиях, театрах), оценочность, некая пренебрежительность въелись в обыденное сознание. А ведь труды-то наши предназначены отнюдь не для одних специалистов, и не будет ли такое словосочетание, как «провинциальная культура», препятствовать усвоению существеннейшего положения нашей программы о том, что культура провинции является важной, полнокровной сферой культуры российской, что она не только воспринимала культуру столиц, но обогащала и подпитывала ее, что без познания культуры провинции, особенно во взаимосвязи ее с культурой столиц, нельзя познать культуру России.

Более того, даже некоторые высшие достижения нашей культуры обязаны именно провинции — открытия математика Лобачевского и школа химиков в Казанском университете, великие прозрения калужанина Циолковского, творчество писателя Короленко. С Одесским университетом связан значительный период научной жизни Мечникова, в Феодо-

сии творил художник Айвазовский. И это не только индивидуальные озарения, но и свидетельства определенной культурной атмосферы. Нельзя представить вне сферы провинциальной культуры и творческую биографию многих знаменитых соотечественников, тесно связанных со столицами, — Пушкина, Салтыкова-Щедрина, Островского, Чехова, великого уроженца и жителя Ясной Поляны Льва Толстого. И надобно серьезно поразмыслить, как освещать именно в плане нашей программы их жизнь и деятельность.

Провинция вообще в значительной мере сохраняла живые истоки нашей культуры, определяя ее специфику и достоинства в литературе и изобразительном искусстве, в сфере нравственных размышлений. Здесь сохранилась и в большей мере, чем в крупных городах, естественная близость культурных верхов общества и исконной народной культуры. Потому, полагаю, предпочтительнее название программы «Культура российской провинции». Это будет, пожалуй, точнее, чем «Культура русской провинции», так как включает и культуру других народов. Следует иметь в виду характерное с самого начала для развития русской провинции взаимовлияние и взаимообогащение культур различных народов и вообще действенное творческое участие лиц нерусского происхождения в развитии русскоязычной российской культуры. Если ограничиться только грамматикой русского языка и словарями, напомним, что автором знаменитой грамматики был Востоков, немец по происхождению, настоящая фамилия которого Остенек; составителем прославленного словаря разговорного языка был датчанин по происхождению, Владимир Даль, а редактором дополненного его издания Бодуэн-де-Куртене; непревзойденным мастером русского пейзажа был Исаак Левитан, похороненный на еврейском кладбище. И уж, безусловно, великим русским писателем, во многом и новатором русского литературного языка был украинец Н. Гоголь, начавший свой путь в литературу произведениями, навеянными украинским детством. И подобных примеров не счесть. Мир российской культуры не обуславливался вероисповеданием, даже разговорным языком, при частом в то время дву (или много) язычии от рождения.

Таким образом, видимо, основной аспект нашей программы допустимо охарактеризовать как социокультурный — «Культура и общество российской провинции». Такое видение проблематики предусматривает рассмотрение достаточно широкого спектра явлений жизни и культуры российской провинции XVIII — начала XX в., отмеченного в разработанных «Основных направлениях исследований». Кроме того, это будет способствовать изучению большой и многообразной темы «История российской интеллигенции» и проблем типологии культуры на стыке разных отраслей науки: книговедения (книга в российской провинции, сосуществование рукописной и печатной книги); истории журналистики; истории градостроительства и изобразительных искусств; истории общественных организаций (научные, просветительские, благотворительные и иные общества); организации среднего и низшего образования; истории краеведения (краеведческие объединения-общества, губернские ученые архивные комиссии и др., краеведческие издания, связь краеведения с «большой» академической и университетской наукой и др.); истории общественного, в частности революционного, движения и т. д.

Одна из конечных целей программы — выявить общее и особенное в

развитии культуры российской провинции, региональные отличия и их, причины. Некоторые особенности объяснялись историческими обстоятельствами, иногда восходящими еще к средним векам (речь идет о территориях, испытавших разрушительное ордынское нашествие, и тех, для которых иноземное иго воплощено было лишь в политическом подчинении и разных формах поборов). Существенно различались в социологическом развитии территории, где утвердилось крепостное право, и те, где распространены были иные формы крестьянской зависимости. Многое определялось природными условиями, издавна обусловившими разделение населения по преимущественным занятиям на земледельцев, скотоводов, рыболовов, охотников, наличием путей сообщения, залежей полезных ископаемых и т. д.

Культура выражает характер народа, а его жизнедеятельность, как и эстетические вкусы и потребности, во многом определяются природными условиями. Это особо подчеркивал академик Д.С. Лихачев в «Заметках о русском». Можно говорить не только о региональных чертах в развитии культуры, но и о различиях темпов развития в тех или иных областях культуры.

В то же время особое значение в условиях единой для всей территории России системы государственного управления и усиливающегося воздействия «всероссийского рынка» (и товаров, и рабочей силы) приобретали межрегиональные культурные связи и взаимодействия провинциальной культурной среды. Причем для взаимодействия, а следовательно, для взаимовлияния этих культур в верхнем эшелоне характерно было совмещение их в так называемой усадебной культуре. Образованные помещики являлись зачастую одновременно носителями и столичной культуры (хотя нередко лишь во внешнем ее поверхностном выражении) и культуры провинции. Некоторые из них проживали и в столицах и в своих имениях. Присланными (а иногда и высланными) из столиц были подчас и высшие губернские и городские чиновники, по самой должности своей оказывавшие влияние на уровень тех или иных областей культуры, особенно просвещения и печати (так, ссыльный Герцен сразу же предопределил высокий и научно-познавательный характер и художественный уровень материалов по истории края в приложениях к «Губернским ведомостям» во Владимире и Вятке). Конечно, немалое значение имели и степень просвещенности, и образ мыслей, и вкусы, и даже коммуникабельность тех или иных губернаторов: для некоторых губернских городов деятельность этих высокопоставленных чиновников становилась (а затем и оставалась в памяти) эпохой в истории провинции, ее градостроительства и т. д. Великолепный знаток и тонкий наблюдатель провинциальной жизни Салтыков-Щедрин это же нам показал в своих сочинениях и умело обыграл в «Истории одного города».

Можно ли все, что связано с жизнью и деятельностью представителей городской и губернской власти, отнести к культуре провинции, тем более к типическим ее чертам для данного региона? Вряд ли. Но воздействие этих лиц на развитие местной культуры — и не только во внешних ее проявлениях, но и в системе взглядов, вкусов — несомненно. Так же, как и на формирование представлений о том, что такое культура вообще, культурный человек, культура поведения. Вероятно, такие наблюдения можно отнести и к тем слоям общества, которые в Западной Европе назы-

вают «третьим сословием», особенно к местной «профессиональной» интеллигенции, получившей образование в высших учебных заведениях страны и за рубежом. И когда мы говорим о «культурных гнездах», то подразумеваем не только своеобразный набор характеристик, присущих местной, так сказать, корневой (по происхождению) культуре, но и сочетание особенностей столичной культуры и культуры провинции.

Для полного представления образа культуры провинции важно собрать и обобщить данные об упомянутых «культурных гнездах», причем не только в крупных губернских городах и их окрестностях, но и в небольших поселениях. По сравнению с материалами, известными Н.К. Пиксанову в середине 1920-х годов, наши знания благодаря усилиям исследователей культуры современной российской провинции существенно обогатились. Однако в научно-методическом плане труды эти не сопоставлялись и для успешного осуществления нашей программы полезно было бы предпринять критически-аналитическое сравнительное рассмотрение их.

Вообще инвентаризация знаний о культуре российской провинции и о первоисточниках ее изучения, об имеющейся литературе по этой проблематике, о научно-методическом опыте — обязательное предварительное условие организации нашей работы. Необходимо составить банк данных и сделать его доступным для использования, т. е. предусмотреть организацию какого-то центра сосредоточения таких данных, обеспечивающего ученых нужной информацией.

Прежде всего важно выявить печатные источники по нашей тематике и попытаться составить сводную библиографию, если не по всей России, то хотя бы для начала по регионам. Полагаю, при этом не следует обязательно придерживаться границ современного административного деления. Оно отнюдь не всегда совпадает с дореволюционным губернским и с административным делением первых лет советской власти, обусловившим географические границы деятельности местных учреждений и общественных организаций, занятых изучением своего края. Потому, вероятно, полезно было бы объединить усилия заинтересованных лиц в нескольких современных областях Российской Федерации или даже национальных республиках. Быть может, особо выделяя то, что сделано со времени оформления именно данной административной единицы (это может рассматриваться и как показатель современного уровня культуры, в частности краеведения, в данном регионе). Причем начать можно уже с XVIII в., с лексикона Татищева, академических анкет, топографических описаний, составленных тогда сочинений по истории своего края (а их, особенно в последние годы, трудами А.А. Севастьяновой выявлено немало) и других изданий и рукописей, которые ныне воспринимаются нами как источники по истории края (так, С.С. Илизаров именно в этом плане рассмотрел материалы, связанные с историческим и экономико-культурологическим обоснованием содержания гербов городов).

Необходима библиография местных изданий сводного типа. Основатель Археографического ежегодника М.Н. Тихомиров уже в первом его выпуске за 1957 г. поместил составленный О.И. Шведовой указатель «Трудов» губернских ученых архивных комиссий и отдельных их изданий. В последнем выпуске за 1989 г. напечатана рецензия на составленный И.И. Комаровой библиографический обзор изданий губернских и областных статистических комитетов Российской империи, рекоменду-

щий обратиться к этому очень ценному малотиражному изданию. Общедоступным должно стать содержание и иных местных изданий о прошлом и настоящем своего края. Ведь краеведение — это и форма развития местной культуры и работа по мобилизации данных о культуре края.

Сейчас восстанавливаются добрые традиции краеведческой библиографии. Вторым изданием вышло пособие по краеведческой библиографии, составленный Н.Н. Щербой указатель литературы за 1958—1985 гг. Подготовлены библиографические труды о краеведении 1920-х годов Е.Н. Буринской (Бориной). Достояна всяческой поддержки инициатива издания работ В.П. Алексеева «Ярославские краеведы». Данные об изучении и использовании краеведами документальных памятников в 1917—1929 гг. обобщены в книгах С.Б. Филимонова. Богаты библиографическими сведениями и труды по истории краеведения (скажем, книги Г.П. Присенко о тульском краеведении), культуре края. Очень важно обеспечить подготовку хотя бы ротапринтным способом сводных региональных библиографий по тематике нашей программы, учитывая и газетные материалы, буклеты, афиши заседаний и т. п. Во многих местных библиотеках и музеях подобная работа проводится. Хочется надеяться, что местные власти и Министерство культуры Российской Федерации обеспечат возможность издания этих справочных пособий. Это — обязательное условие для составления историографических трудов, как обзорного характера, так и аналитических. В историографическом плане еще не осмыслено то, что сделано до нас и делается в наше время в области изучения культуры российской провинции.

Целесообразно последовательно, привлекая к этому аспирантов, студенческую молодежь, изучать архивы местных краеведческих учреждений и обществ, личные фонды краеведов. Там осталось много неизвестного, неизданного, забытого после разгрома краеведения в 1929—1930 гг. и сознательно преданного поруганию и забвению. Мне уже не раз приходилось писать о феномене забвения даже историками науки и общественной жизни краеведения 1920-х годов и объяснять причины этого явления. Мы можем извлечь многое, иным путем не восстанавливаемое, по истории края, памятниковедению: из личных архивов, из архивов краеведческих обществ, даже хотя бы из названий докладов, упомянутых в отчетах. Обнаруживаются и протоколы научных заседаний с записями, отражающими обсуждение докладов, а то и тексты докладов или тезисы; много выписок из источников, фотографии, зарисовки, записи бесед, материалы анкетирования и пр. Познание всего этого может существенно облегчить нашу работу, уберечь от ошибок и невольного приписывания себе чести первооткрывателей. Это и долг памяти перед нашими предшественниками, особенно перед подвижниками краеведения 1920-х годов. Настойчиво рекомендую сделать описание и изучение таких архивов темами диссертаций, дипломных работ. Это привлечет к нашему начинанию молодежь, обеспечит ему будущее.

Думается, что нам существенно поможет опыт работы последних десятилетий по изучению краев нашей страны. Я имею в виду составление «Свода памятников истории и культуры», подготовку энциклопедий по истории края, сборники статей «Русский город», издаваемые в МГУ; значительную работу, проводимую по инициативе и под руководством П.А. Колесникова по описанию всех документальных памятников в

музеех Вологодской области, так называемую «Вологодскую программу». Ведь репертуар чтения, так же, как и коллекционирование рукописей и произведений печати — верный показатель развития местной культуры. Заметнейшим показателем развития культуры всегда было краеведение, тем более что краеведы — это, как правило, микроэнциклопедисты в науке о прошлом, а зачастую и настоящем своего края. В издательстве «Московский рабочий» вышел первый сборник серийного издания «Краеведы Москвы». Хорошо было бы, если бы в местных издательствах подготовили подобные материалы о краеведах.

Много издается сборников статей разных авторов и авторских книг о местных уроженцах и достопамятностях, памятных событиях в истории края, о путях поиска данных об истории культуры, ее взаимосвязи с общественным движением. Это — и «Все начиналось с путеводителя», книга о поисках литературных и исторических памятников В.В. Аристова и Н.В. Ермолаевой, опубликованная в Казани, и «Литературная прогулка по Воронежу» и другие труды О.Г. Ласунского; следует назвать «Орловские литературные места» Н.М. Чернова; «России сердце не забудет» болховского краеведа А.Е. Венедиктова о родных и друзьях Пушкина; книги костромского краеведа В.Н. Бочкова «Скажи, которая Татьяна»; владимирского краеведа Р.Ф. Савиновой «Автографы с книжной полки»; краеведа из Ростова-на-Дону И. Гегузина «Страницы ростовских летописей»; сборники статей уфимских краеведов «Сохраним выцветшие строки»; пензенских краеведов «Поиски и находки: из записных книжек краеведов» и многое, многое другое. Если бы не появились, несмотря на издательские трудности, такие книги, не было бы убеждения в том, что на земле, которую зовем по отношению к столице периферией, есть подлинные знатоки прошлого своего края, нельзя было бы и помышлять об осуществлении нашей программы. Но для того чтобы ее успешнее реализовать и обеспечить повсеместно должный ее научный уровень, необходимо срочно подготовить, опираясь на опыт уже сделанного и нашими современниками и нашими предшественниками, методические рекомендации. Следует привлечь к этому виднейших специалистов, скажем, Л.В. Иванову для составления методических рекомендаций по исследованию культуры помещичьих усадеб и обществ по их охране и изучению, В.Ю. Афиани — для выявления данных о коллекционерах прошлого и составе их коллекций, О.Г. Ласунского — по источникам издательской деятельности в провинциальных культурных центрах, В.Ф. Козлова — по архивным материалам о памятниках культуры и их судьбах в 1920—1930-х годах и т. д. Необходимо организовать семинары и конференции, прежде всего регионально-тематические, и информировать об их содержании хотя бы изданием тезисов.

Полагаю, что наша программа имеет и просветительские задачи. Она должна пропагандировать краеведение и основы памятниковедения не только среди тех, кто уже заражен счастливой для нас страстью краеведения, но и среди более широкой аудитории. Вероятно, могут быть составлены и документальные хрестоматии по истории культуры края, включающие наряду с традиционного вида документами (отрывки описаний, акты о создании культурно-просветительских учреждений и организации обществ, хроникальные сообщения и пр.) и отрывки художественных произведений (и в прозе, и в стихах). Желательны публичные лекции по

данной тематике (обязательно для аудитории разной степени подготовки, в том числе школьников, учащихся профессиональных училищ, солдат) и курсы лекций на всех факультетах вузов, в том числе и негуманитарного профиля. Требуется внимания развитию в крае инженерной, медицинской мысли, история строительства заводов, больниц и т. п. Необходимы и такие всем доступные формы пропаганды, как плакаты, памятные доски, щиты на улицах, в витринах магазинов. Всяческого поощрения в данном случае заслуживает деятельность молодежи, опыт пенсионеров, особенно учителей, бывших сотрудников библиотек, музеев, журналистов. Привлечение их к поиску материалов и к их описанию, к лекционной и экскурсионной деятельности может во многом помочь в исследовательской работе. Если это станет важным делом для общественности, то мы вправе рассчитывать на поддержку, в том числе и материальную, местной власти.

Хочется надеяться, что наша программа побудит к созданию новых сборников статей, авторских книг и брошюр многих знатоков истории культуры и краеведов. Хотелось бы, чтобы это дало возможность подготовить труды не только обобщающего типа о культуре российской провинции в XVIII — начале XX в. и отдельных ее сферах, но и материалы по истории культуры регионов России. В 1997 г. будет отмечаться 850-летие основания Москвы. Нет сомнений, что к тому времени выйдут новые работы по истории культуры нашего великого города. Хотелось бы пожелать, чтобы эти работы оказались на одной полке с книгами об истории культуры и других городов и областей России. Пусть 1992 год станет годом воплощения наших замыслов!

АРБАТ В КУЛЬТУРЕ РОССИЙСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ *

Первое упоминание об Арбате встречается в летописи 500 лет назад. В 1993 г. Москва праздновала юбилейную дату. Около двух столетий Арбат воспринимается как местность сосредоточения не только московской, но и российской интеллигенции, как своеобразный символ российской интеллигентности. Это — среда обитания многих известных в истории нашей культуры людей, место действия во многих произведениях художественной литературы и мемуаристики — начиная с А.С. Пушкина и А.И. Герцена, И.С. Тургенева, «Пошехонской старины» М.Е. Салтыкова-Щедрина, ранних сочинений и «Войны и мира» Л.Н. Толстого до издания после революции 1917 г. произведений в России (Андрея Белого, А.Н. Толстого, М. Соболя, С.Д. Кржижановского, И.А. Ильфа и Е.П. Петрова, Н.Н. Зарудина, М.А. Булгакова, Б.Л. Пастернака, В.А. Луговского и др.) и за ее рубежами (И.А. Бунина, Б.К. Зайцева, М.И. Цветаевой, М.А. Осоргина и др.); в стихах, прозе, драматургии советских послевоенных лет (Б.Ш. Окуджавы, Н.И. Глазкова, А.Н. Арбузова, Б.С. Ямпольского, Б.А. Слуцкого, А.Н. Рыбакова, Ю.П. Казакова, Л.А. Обуховой и др.).

Понятие Арбат издавна включало в себя не только одну улицу (до конца XVII в. нынешнюю Воздвиженку), но и близлежащие к ней улицы с переулками. Да само это слово, видимо, пришло к нам с Востока и означает, вероятнее всего, «предместье» (предместье крепости — Кремля). С конца XVIII в. Арбат — это и улица длиной около километра между площадями Арбатской и Смоленской, и территория двух московских полицейских частей — Арбатской (от улицы Арбат до улицы Тверской) и Пречистенской (от реки Москвы до улицы Арбат) в межбульварье (в кольце Садовых улиц было три бульвара — Зубовский, Смоленский и Новинский).

Представление об Арбате как о своеобразном социокультурном пространстве с отличным от других регионов Москвы стилем жизни сложилось уже ко второй четверти XIX в. и имело периодически меняющиеся микрогеографические границы. Не все кварталы, формально входившие в Арбатскую часть, воспринимались как относящиеся к Арбату. Так, не вписывался в укоренившийся в сознании образ Арбата район Бронных улиц с разночинным населением, студенческими землячествами предреволюционных лет, а в советские годы облюбованный как место обитания правительственной элиты. И напротив, арбатской периферией, а по существу и принадлежностью Арбата, признавали некоторые кварталы Тверской части (переулки близ Воздвиженки, Знаменки, Волхонки сначала с обширными дворянскими усадьбами, а затем с многоквартирными домами профессуры), а также близлежащие к западу от Садового кольца улицы — у Зубовского и Смоленского бульваров, включая переулки Плющихи. Это все — ареал некоей социокультурной общности, противопоставлявшийся и купеческому Замоскворечью, и деловому московскому

* Опубликовано в кн.: Культурное наследие российской эмиграции. 1917—1940. Кн. 2. М., 1994. С. 470—478.

«Сити» у китайгородской стены, и рабочим окраинам. Даже режимом дня выделялся Арбат. Этот район начинал жить особенно активной общественно-культурной жизнью именно в вечерние часы, когда в остальных частях города уже гасили свет (эта особенность подчеркивается в описаниях московской жизни уже со второй четверти XIX в.).

Подобное восприятие территориального понятия Арбат свойственно и А.П. Чехову (в рассказе 1884 г. «Срашная ночь» он пишет о переулках возле церкви Успения на Могильцах как об «одной из самых глухих местностей Арбата», хотя это удаленная и от улицы Арбат и от Арбатской части окраина Пречистенской части). Прожившему 26 лет в доме на углу улицы Арбат и Денежного переулка сыну университетского профессора Андрею Белому в сладостных воспоминаниях («О незабвенные прогулки, / О незабвенные мечты, / Москвы кривые переулки...») места детского знакомства с миром Арбата не ограничиваются территорией части, носящей название Арбатской; это и Пречистенская: «океан» «нашей площади» простирается для него от Пречистенки до Поварской. Б.Л. Пастернак, воспринявший, конечно, и стихи и мемуарную прозу почитаемого им Андрея Белого, писал уже о «мире Пречистенки и Арбата». Там, как сформулировал И.А. Бунин в стихотворении 1906 г. «О Москве»: «...в старых переулках за Арбатом / Совсем особый город...». Топоним «Арбат», обретая социокультурное осмысление, становится понятием не только географии, но и истории и социологии, знаком культуры.

Распространение наименования Арбат на большую местность, чем одноименная улица и даже территория полицейской части, происходило еще и потому, что этот короткий и звучный топоним отличается от других и в самой Москве, и в иных городах и поэтому проще запоминается. Помогало даже то, что его происхождение трудно объяснить привычным путем, исходя из наименований храмов и фамилий землевладельцев, направлений дорог в другие земли, природных примет или основных занятий жителей. Помогала уникальная топонимическая устойчивость и в советское время, когда многие улицы межбульварья изменили наименования.

Все это способствовало утверждению понятия об Арбате как отличительной особенности и московской топонимической лексики и московской жизни, восприятию этих кварталов Москвы как социокультурного (а позднее и историко-культурного) феномена — и уникального и в то же время типологического. В литературе и музыке, в живописи и киноискусстве Арбат становится как бы типологическим образом Москвы (от знаменитого жанрового пейзажа В.Д. Поленова «Московский дворик», где изображен храм Спаса на Печах, до послевоенного кинофильма «Я шагаю по Москве», основное действие которого происходит в Кривоарбатском переулке по другую сторону улицы Арбат) и в то же время типологическим отражением событий в России.

С перенесением столицы в Санкт-Петербург Москва стала — по определению Пушкина — «порфиросной вдовой». Служители и обслуживавшие царский двор ремесленники (о занятиях которых напоминают имена переулков Приарбатья — Плотников, Серебряный, Денежный, Хлебный, Столовый, Скатертный, Староконошенный, Кречетниковский и др.) покидают эту местность, и постепенно здесь (особенно после пожара 1736 г., испепелившего деревянные домики) сосредоточились дворянские усадьбы (прежде их было особенно много лишь в пределах Белого города,

к западу от Кремля). После пожара в войну 1812 г. район был застроен достаточно одноэтажными особняками (так называемый московский ампир). В путеводителях XX в. именно этот район города называли «дворянской Москвой». Арбат казался ее «Сен-Жерменским предместьем» (это сравнение приведено в мемуарах родившегося здесь в 1842 г. князя П.А. Кропоткина — знаменитого ученого и писателя, теоретика анархизма). Именно Арбат — самый знакомый Пушкину район Москвы. Отсюда его увозили в Царскосельский лицей. Впечатления об этой близкой к Кремлю местности Москвы — в первом принесшем поэту славу стихотворении 1814 г. «Воспоминания о Царском селе». По возвращении из ссылки он поселился у С.А. Соболевского на Собачьей площадке; венчался в храме у Никитских ворот; на Арбате молодые люди выбрали себе квартиру (Арбат, д. № 53, ныне здесь музей-квартира А.С. Пушкина).

Близко, в Серебряном переулке, прошло детство П.Я. Чаадаева, на Молчановке — М.Ю. Лермонтова. Арбат — это адреса и родителей москвичей-декабристов, и их самих по возвращении из Сибири. Арбат — это ареал сосуществования и высокой культуры салонов и кружков (Н.И. Станкевича, А.И. Герцена и Н.П. Огарева, А.С. Хомякова, Аксаковых) и затрапезного крепостнического быта, отраженного в «Пошехонской старине».

Средоточием родовитого дворянства эта местность оставалась вплоть до революции 1917 г. Когда в январе 1919 г. образовалось архивохранилище личных фамильных фондов (Хранчасар), то ему выделили помещение в бывшем особняке графа П.С. Шереметева (сотрудничавшего там) в доме на углу Воздвиженки и Шереметевского переулках, мотивируя тем, что именно «арбатско-пречистенский район богатый частными архивами», а это «при отсутствии транспорта представляло немалое значение».

Арбат — сугубо жилой район обитания относительно обеспеченных людей. Это самая отличительная черта региона, предопределявшая его социокультурный облик. Именно в Арбатской и Пречистенской частях — наименьший в городе процент жителей рабочих профессий. Здесь в основном жили лишь обслуживающие господ ремесленники. На Арбате больше, чем в других частях города, переулков, располагающих к усадебному быту, и небольших церквей, выстроенных и украшенных на пожертвования богатых прихожан. Здесь не было больших магазинов, только лавки, так как господа жили сезонно, уезжая летом в подмосковные и иные имения. Не было ни фабрик, ни заезжих дворов, ни гостиниц, ни значительных государственных учреждений и деловых контор, первоначально даже казенных учебных заведений. Но именно в этих кварталах проживало особенно много частнопрактикующих врачей и рано появились частные лечебницы, благотворительные приюты, частные пансионы и гимназии.

В то же время средоточие московской государственной и политической и культурной жизни, а также торговли было совсем близко от этого района, ограниченного для прогулок бульварами. Неподалеку располагались Кремль с его знаменитыми соборами и храм Христа Спасителя, а также главные правительственные учреждения, а позднее и центры управления в сфере частного предпринимательства. Здесь же находились Дворянское собрание и Английский клуб, главные рестораны и центральные гостиницы, Манеж, театры и консерватория, Университет и зда-

ния учебного округа, Первая мужская гимназия, библиотеки, архивы, музеи Политехнический, Исторический и Музей изящных искусств. Близо расположены и больницы; в конце XIX в. у Девичьего Поля был построен клинический городок. Сюда же перевели из района Приарбатя Высшие женские курсы. В то же время близко местоположение Охотного ряда, Красной площади и Никольской улицы, модных магазинов Кузнецкого моста (там же появился огромный магазин Мюра и Мерилиза — нынешний ЦУМ), а для каждодневных бытовых нужд — Смоленского сенного рынка.

Начиная со второй четверти и особенно к концу XIX в. в Приарбатъе начала селиться российская интеллигенция — профессора университета и консерватории, преподаватели гимназий, врачи (именно поэтому на Арбате находятся дом, приемные и амбулатории Общества русских врачей), юристы, литераторы (здесь много редакций, частных библиотек), актеры, художники, скульпторы.

Известный юрист и общественный деятель пореформенного времени, близкий знакомый Л.Н. Толстого Н.В. Давыдов в мемуарах (начало XX в.) охарактеризовал район переулков — ту самую «Старокопюшенную» (тихую жизнь которой описали Кропоткин, а еще ранее Тургенев и Салтыков-Щедрин), как «средоточие московской интеллигентской обывательщины». (Понятно, что слово «обыватель» употреблено в его буквальном и тогда общепринятом — хотя ныне и устаревшем — понимании: «постоянный житель какой-то местности»). Именно здесь проходила «жизнь в достатке средне-высшего круга интеллигенции русской»¹.

Мемуарист Н.В. Давыдов подробно пишет об интеллектуальной атмосфере, царившей в доме юриста Н.А. Лопатина (Гагаринский переулок, 14), где сначала собирались люди его поколения (писатели Л.Н. Толстой, А.Ф. Писемский, историк С.М. Соловьев), а затем поколения его сына, профессора философии (философ В.С. Соловьев, историк В.О. Ключевский и др.). Для профессоров, писателей, музыкантов того времени были обязательны как так называемые журфиксы — домашние собрания, собеседования-чаепития, так и солидные приемы гостей, как, например, в огромной казенной квартире историка С.М. Соловьева (в Денежном переулке) для бесед о реформах общественной жизни и системы образования (впрочем, как и у более молодых профессоров М.М. Ковалевского, С.А. Муромцева, И.И. Янжула, К.А. Тимирязева, А.И. Чупрова и др.). Это были дни научных докладов историков — в квартире проф. П.Г. Виноградова, встреч ученых с деятелями искусств (как у профессора физики Н.А. Умова), музыкальных вечеров (как у С.И. Танеева, А.Н. Скрябина, М.А. Олсиной-д'Альгейм, С.А. Кусевицкого), домашних спектаклей. Особенно часто, едва ли не ежевечерне, имели место встречи в салонах писательниц и близких к литературе и искусству дам (в богатых особняках М.К. Морозовой или Цетлиных) и в более скромных квартирах, как, например, у Р.М. Хин-Голдовской. Все это отражено в дневниковых записях, письмах, мемуарах (значительная часть которых написана в эмиграции).

На Арбате возникают первые впоследствии самые знаменитые частные гимназии. Первая мужская-Поливановская — на Пречистенке — учились сыновья графа Л.Н. Толстого и С.Д. Шереметева, актрисы Г.Н. Федотовой, будущие писатели Валерий Брюсов и Андрей Белый

(Б.Н. Бугаев), позднее шахматист А.А. Алехин. Именно там был центр подготовки к празднованию открытия памятника Пушкину в 1880 г. В Первой мужской гимназии преподавали профессора университета, так же как и в первой в этой местности казенной мужской классической гимназии на Поварской улице (Пятая гимназия), где преподавал по своим школьным учебникам знаменитый университетский профессор истории П.Г. Виноградов. У Арбатской площади (позднее в переулке у Остоженки) размещалось здание первой в России Женской классической гимназии Фишер. В предреволюционные годы широкую известность обрели частные гимназии: мужские (Флеровская у Никитских ворот, Медведниковская в Старокопненном) и женские (Алферовская на Арбате, затем переведенная в переулок близ Плющихи, Хвостовская в Кривоарбатском). Там также преподавали профессора университета, в молодые годы будущие знаменитые философы Г.Г. Шпет и А.Ф. Лосев.

В районе Приарбатья формировались общественное сознание и круг представлений о русской культуре и служении ей, характерные для интеллигенции начала XX в. Здесь (чаще всего в квартире М.О. Гершензона в Никольском (Плотниковом) переулке) собирались авторы сборника «Вехи» и идеологи партий либералов. Арбат — это адреса жительства и постоянные места встреч тех мыслителей, с именами которых связано развитие русской религиозно-нравственной философии. Их учения входят ныне в сферу культурологии. В квартире брата часто останавливался В.С. Соловьев, квартира Н.А. Бердяева (во Власьевском переулке) оставалась местом постоянных собраний цвета российской интеллигенции и после 1917 г. Здесь жили меценат А.Л. Шанявский и те, кто осуществлял его идею основания Народного университета. В число арбатских жителей входили певица А.А. Дейша-Сионицкая и композитор и дирижер С.Н. Василенко, организовавшие в начале XX в. музыкальные выставки-концерты русской и зарубежной музыки. Здесь жили литераторы-символисты, даже внешний облик которых воспринимался как особая примета Арбата: Б.К. Зайцев впоследствии вспоминал, как стремительно летящей походкой по нечетной стороне улицы Арбат проносился Андрей Белый, а по другой, прихрамывая, прогуливался Константин Бальмонт. В арбатских кафе собирались футуристы, там познакомились Борис Пастернак и Владимир Маяковский.

Выросшая в квартале близ Тверской улицы Марина Цветаева по рождению принадлежала к «профессорским детям» (определение Андрея Белого в разговоре с ней) и уже тем самым принадлежала к кругу «арбатской» профессуры и художественно-литературной интеллигенции. Не случайно она избирает местом жительства после замужества арбатские переулки. Здесь — круг ее духовной жизни, знакомств с философами, литераторами — как старших поколений, так и ровесниками, — самых близких дружеских связей. Здесь происходило становление Поэта. Отсюда начинала она путь знакомства с Москвой приезжих друзей (как Осипа Мандельштама). На памяти Марины произошло стремительное изменение внешнего облика Арбата (здесь построили высокие многоквартирные доходные дома рядом с новопостроенными особняками промышленников-меценатов и сразу же появились большие магазины. Все это нашло отражение в стихах: «Слава прабабушек томных, / Домики старой Москвы, / Из переулочков скромных / Все исчезаете вы».

Понятие «мир Арбата» (конечно, прежде всего его переулков) как семейного уюта и высокой культуры, устойчивых бытовых и интеллектуальных традиций (восходящих едва ли не к началу XIX в.) закреплялось в сознании литераторов, поселившихся там уже в XX в. В воспоминаниях Б. Зайцева, вынужденного эмигрировать в 1922 г., встает образ прежде всего «дворянско-интеллигентско-литературного» Арбата.

Естественно, что большинство «арбатцев», радостно приветствуя Февральскую революцию, не могло принять лозунги Октябрьской революции. А после событий ноября 1917 г. они особенно остро ощутили изменения и в бытовом обиходе. Эта тема многократно с большим разнообразием нюансировки отражена и в современной событиям документации (дневники, письма, художественные произведения), и особенно в произведениях, созданных по прошествии времени.

В Москве, в Приарбатье встретил Февральскую революцию И.А. Бунин (он воспринял ее как пугающее предзнаменование крушения России) и отсюда же в конце октября 1917 г. начался его путь, закончившийся эмиграцией. Московские впечатления дневниковых записей «Окаянные дни» — это прежде всего арбатские впечатления. В эмиграции он часто обращался мыслью к Арбату, вспоминал символ красоты и связи с арбатской стариной — храм Николая Явленного на фоне предзакатного неба. Об арбатской жизни не раз писал в эмиграции Б.К. Зайцев, с запоминающимися подробностями описывая жизнь интеллигенции в трудные годы гражданской войны и разрухи (комната его семьи была в доме № 4 по Кривоарбатскому переулку), особенно литераторов и ученых. Он же в замечательном по глубине мысли и художественной талантливости эссе «Улица Св. Николая» охарактеризовал на примере Арбата изменения, происходившие в Москве и по всей России на протяжении первых десятилетий XX в.

Для Марины Цветаевой изменение лика Арбата и арбатцев — изменение лика России. Здесь после событий 1917 г. фомировалось ее отношение к резким социальным переменам в личной жизни и в укладе каждодневного бытия. Гражданская смута, противостояние наших и других, идеология «равенства» на «нищем Арбате» нашли отражение в стихотворении памяти А.А. Стаховича. В бывшем особняке Сологубов познала Марина Ивановна, что такое работа «советской служащей», и там же, во Дворце искусств, выступала с чтением стихов, бросив «монолог дворянина в лицо комиссару». Арбат в те дни для нее — это сохраняющийся, а подчас и обогащающийся круг творческого и дружеского общения с театральной (вахтанговцы) и литературной молодежью и побудитель к творчеству и размышлениям о судьбах России. К арбатским впечатлениям и думам она постоянно возвращается затем в стихах и в мемуарной прозе.

В очерке «Возвращение от всенощной», вошедшем в сборник «Далекое» (1965), Б.К. Зайцев вспоминал, как К.Д. Бальмонт говорил о *rue de Passy*: «“Это парижский Арбат”. Правда похоже...». И действительно, неподалеку находились и русская православная церковь, и места нового обитания литераторов из Москвы и Петербурга: здесь жили Бальмонты, З.Н. Гиппиус с Д.С. Мережковским, И.И. Бунаков-Фондаминский «премудрый Соломон» «Современных записок». Здесь же «процветало замечательное книжное сокровище» П.Н. Апостола — антикварные издания о России. «На *rue de Bologne*» прожили «первые две недели эмигрантской

жизни в Париже» Зайцевы — «у Михаила Андреевича Осоргина, приятеля молодых лет»².

Арбат предреволюционных и революционных лет остался в памяти находившегося в эмиграции А.Н. Толстого. Катю, героиню своей знаменитой трилогии «Хождение по мукам», он поселил в переулке близ Молчановки, где когда-то жил сам. Живший в другом районе Москвы (правда, по существу «арбатском», на Никитской улице), М.А. Осоргин дал название своему роману «Сивцев Вражек» и поместил туда типичный профессорский особняк. И.А. Желвакова в книге «Тогда ... в Сивцевом» приводит слова из письма живущей во Франции вдовы писателя Т.А. Осоргиной-Бакуниной — известного историка и библиографа: «Почему Осоргиным избран Сивцев Вражек? Да просто потому, что это наименование очень удобно для названия книги и находится в самом центре старой интеллигентской Москвы»³.

За рубежом напечатано немало воспоминаний об «арбатской» жизни «старой интеллигентской Москвы». Наблюдения эти пока еще должным образом не обобщены. Они относятся и к дореволюционным годам, в частности к тому, что связано с университетом и Высшими женскими курсами, изданиями и собраниями ученых, литераторов (особенно круга символистов), философов, музыкантов, и к годам революции (что воплощено и в художественной форме — и в издававшемся, и в написанном для себя, как, например, в стихах жены философа Н.А. Бердяева).

Особое место следует отвести мемуарной литературе. Для многих эмигрантов образ Арбата оставался воплощением покинутой ими Москвы и России, а воспоминания о дореволюционном бытии, общественной и культурной работе (в Помголе, объединениях писателей, ученых), о тяготах первых послереволюционных лет сопутствовали до конца дней. В мемуарах же (С.Е. Трубецкого и других) мы находим сведения и о попытках сопротивления советской власти.

Арбатская интеллигенция казалась идеологам советской власти особенно небезопасной. Не случайно, что в числе высланных москвичей в 1922 г. на «философском пароходе» было много «арбатцев». Это особенно заметно и по воспоминаниям возвратившейся в СССР дочери профессора А.И. Угрюмова, дом которого в Сивцевом Вражке (д. 38) признают прообразом особняка Громеко («Доктор Живаго»). (Б.Л. Пастернак и его родители действительно бывали там на концертах «брамсферайн».)

Любопытно отметить, что традиция собственно «арбатской» темы в воспоминаниях, написанных за рубежом, восходит к самым известным мемуарам: и в «Былом и думах» А.И. Герцена и в воспоминаниях П.А. Кропоткина описывается «арбатская» жизнь в их юные годы.

Интересно, что впечатления арбатского уклада жизни в основе и конструкции сравнительного рассмотрения Москвы и Петербурга, сравнении москвича и петербуржца (традиции, восходящей к Пушкину, Белинскому и Герцену). Показательна в этом плане характеристика в статье-воспоминаниях П.Н. Милюкова, в московский период жизни обитателя Приарбатья, скончавшихся один за другим в начале 1933 г. историков С.Ф. Платонова и А.А. Кизеветтера: «Давно вошло в обычай противопоставлять Петербург и Москву. Петербург — город чиновной бюрократии. В Москве на первом плане общественность — люди вольных профессий. Петербург официален и затянут в мундир. У москвичей —

душа нараспашку. Петербург дисциплинирован. Москва вольнолюбива. Петербуржец — формалист. Москвич всегда склонен доискиваться причины причин и "смотреть в корень". В Москве хоть отбавляй оригинальности: она выдумывает не боясь грешить отсебятиной. Петербург осторожен насчет выдумки, зато раз придуманное он мастер приводить в порядок. Все эти характеристики, конечно, относятся к дореволюционному прошлому, но в этом прошлом и складывались особенности наших двух корифеев исторической науки. Достаточно взглянуть на их портреты, чтобы сразу заметить петербургский и московский отпечаток»⁴.

В послевоенные годы в советской литературе утверждается образ «арбатства». При подчеркивании многообразия лика Арбата использовался прием совмещения, как это и бывает в жизни, светлого и темного (особенно в произведениях Б.С. Ямпольского и А.Н. Рыбакова, в прозе Б.Ш. Окуджавы). Прежде всего в душе закреплялось то, что символизировало доброе начало — образ Арбата в стихах Булата Окуджавы, которого называют «бардом Арбата». Арбат, сохранивший свое историческое имя, стал символом сохранения и преемственности культурных традиций, «нравственной оседлости» (если применить к данной ситуации выражение Д.С. Лихачева) московской интеллигенции, памяти о достойном уважения и милом сердцу прошлом.

Когда литература российской эмиграции дошла наконец до читателя в России, впечатления, в ней отраженные, наложились на восприятие Арбата в произведениях советских авторов последних лет. В формировании сегодняшних представлений о феномене Арбата — феномене истории и культуры, о его прошлом, об уцелевших здесь традициях российской интеллигентности — особенно заметно воздействие литературы российского зарубежья⁵.

¹ Зайцев Б.К. Молодость — Россия. Париж, 1951.

² Цит. по: Желвакова И.А. Тогда ... в Сивцевом. М., 1992. С. 112.

³ Зайцев Б.К. Голубая звезда. М., 1989. С. 501—502.

⁴ Милюков П.Н. Два русских историка // Современные записки. 1933. № 51. С. 314—315.

⁵ См.: Дом Марины Цветаевой Москве и Арбату: Улица Арбат: Поэты, писатели, артисты, художники, философы, музыканты. М., 1993. Вып. I. (Буклет). Перепечатан текст тезисов С.О. Шмидта к конференции 7—10 сентября 1993 г.;

Шмидт С.О. Два Арбата Марины Цветаевой // Творческий путь Марины Цветаевой: Первая Международная научно-тематическая конференция. 7—10 сентября 1993 г. Тезисы доклада: Дом Марины Цветаевой. М., 1993. С. 7—8; *Он же*. Это совершенно особый мир: Интервью // Досье Литературной газеты «Куда ведет Арбат?». 1993. № 6. С. 2, 9, 25. Подробнее в статье: Шмидт С.О. Арбат в истории и культуре России // Арбатский архив. Вып. 1 (в печати).

РОССИЙСКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ И КУЛЬТУРЫ РОССИИ *

Изменения в общественной жизни нашей страны позволяют по-новому подойти к изучению многообразия судеб и взглядов россиян, оказавшихся за рубежом. Становится очевидным и то, что в России нового времени проблемы самоидентификации, развития самосознания, формирования традиций исторической мысли должно рассматривать с переменным учетом и созданного в Российском зарубежье и восприятия там созданного в России.

В период оформления идеологии централизованного Российского государства и ее «исторических» обоснований политическая оппозиция ей, наиболее четко выраженная в памятниках письменности, оформляется за рубежом (сочинения князя А.М. Курбского). Сочинения Курбского и у истоков становления источниковой базы отечественной историографии.

С этого времени можно говорить о «российском зарубежье», где эмигранты писали на родном языке о России и преимущественно для россиян.

После поездки молодого Петра I за рубеж вошли в обычай и «командировки» (с государственно-политическими, коммерческими, культурно-познавательными целями) и «путешествия». Стало обычным и сопоставление прошлого и настоящего России (включая наблюдения на уровне бытовой повседневности) и Западной Европы. Тем же руководствовались в соображениях футурологического порядка.

С XVIII в. в России историко-сравнительный контекст во многом предопределял и направленность, и форму выражения общественной мысли, художественной литературы, искусства. Проблема (даже антитеза) «Россия и зарубежье» (первоначально «Россия и Запад», позднее и «Россия и Восток» — характерная черта в развитии российского самосознания; это нашло соответственно отражение в противопоставлении Санкт-Петербурга и Москвы, столицы и провинции, образа жизни и мысли высших сословий и простолюдинов (две культуры в рамках одной национальной культуры), в спорах славянофилов и западников и т. д.

При этом Российское зарубежье (точнее, россияне, оказавшиеся за рубежом) воспринималось как поле российской культуры. Немало россиян жили сезонно и в России, и за рубежом, учились там в высших учебных заведениях; некоторые большую часть времени оставались за рубежом — и среди них были видные творцы национальных ценностей (О.А. Кипренский, С.Ф. Щедрин, К.П. Брюллов, А.А. Иванов, М.К. Башкирцева, Ф.И. Тютчев, В.А. Жуковский, Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, И.И. Мечников, С.В. Ковалевская, П.Г. Виноградов, Н.А. Рубакин и др.).

В среде простолюдинов (особенно нерусских национальностей) с конца XIX в. начинается массовая эмиграция в поисках заработка и лучшей социальной защищенности. У таких лиц обнаруживается больший отрыв от аборигенной культуры России; ближайшие их потомки зачастую уже не знают русский язык.

* Тезисы опубликованы в кн.: Россия в новое время: историческая традиция и проблемы самоидентификации (Материалы межвузовской научной конференции 25—27 апреля 1996 г.) М., 1996. С. 52—55.

Российское зарубежье стало и средой формирования оппозиции имперской государственности. Там печатались ее издания (причем нередко с участием оставшихся в России). Со второй половины XIX в. здесь — сосредоточение наиболее действенных идеологических сил революционно настроенной политической оппозиции (А.И. Герцен и его окружение, народники, социал-демократы и др.) и арена противостояний внутри этих партий и групп (большевики и меньшевики).

Ознакомление с зарубежной действительностью (социальными отношениями, культурой — материальной и духовной) и традициями зарубежной мысли во многом предопределяло теоретические основания и исторических, и футурологических представлений идеологов российской общественной — особенно революционной — мысли. Российское зарубежье в корневой системе общественно-политического сознания российской интеллигенции, прежде всего революционно настроенной.

За рубежом публиковались журналы и книги современной общественно-политической тематики, материалы по истории России XVII—XX вв., издание которых было запрещено в России, организовывались хранилища литературы. За рубежом и создаются, и издаются, и публично обсуждаются обобщающего и новаторского характера исторические и социологические труды, во многом определявшие затем историческое сознание россиян и движение научной мысли (А.И. Герцена, П.Л. Лаврова, П.Н. Ткачева, С.М. Степняка-Кравчинского, П.А. Кропоткина, Г.В. Плеханова, В.И. Засулич, Ю.О. Мартова, В.И. Ленина, М.Н. Покровского и др.).

После 1917 г. за рубежом оказались многие из тех, против кого выступали прежде находившиеся в зарубежье революционно настроенные оппозиционеры. Эти эмигранты стали в оппозицию уже к новому — установившемуся советскому — государственному строю. Однако, круг знакомящихся с написанным ими ограничен был преимущественно эмигрантами же — влияние их на общественное сознание в Советском Союзе было во много раз меньшим, чем у эмигрантов дореволюционного периода. А с конца 1920-х годов они «железным занавесом» государственных границ и предписаний оказались вовсе отлученными от Советской России и ее граждан. Создаваемое ими тогда в сфере культуры (а зачастую и созданным ими же ранее) исключалось из представлений советских граждан о развитии российской культуры. Эмигранты в плане знакомства с творениями советской культуры находились в более благоприятных условиях и в их творчестве обнаруживаются элементы воздействия этой культуры.

В целом же для культуры Российского зарубежья первых послереволюционных десятилетий характерна ностальгическая направленность (в отличие от футурологической направленности прежнего времени). Характерно, что объединяющим для разных по политическим воззрениям группировок эмиграции становились великие всероссийские символы (юбилей Пушкина в 1937 г.), а в годы Второй мировой войны поддержка СССР многими воспринималась как продолжение традиций противостояния германской агрессии (как в Первую мировую войну), а не как борьба с фашизмом.

В Российском зарубежье продолжалась исследовательская и научно-просветительская работа, а также преподавательская деятельность в духе

российской дореволюционной науки (труды П.Н. Милюкова, П.Б. Струве, А.А. Кизеветтера, Е.Ф. Шмурло, Н.А. Бердяева, Г.П. Федотова, Н.П. Кондакова, П.М. Бицилли и др.). Это же заметно в организации коллекций документальных памятников («пражский архив» и др.), составлении сводных библиографий. Этим же руководствовались более молодые эмигранты, формируя школы «русистов» в зарубежных университетах (в США Г.В. Вернадский, М.М. Карпович). Издавались и сочинения (Б.И. Николаевского, Л.Д. Троцкого и др.), главной целью которых было обоснование опровержений официозных концепций истории России XX в., принятых в СССР в годы сталинского режима.

«Российское начало» было очевидно в разных сферах мировой культуры и прежде — восприятие достижений российских творцов культуры (периодической таблицы Менделеева, физиологического учения Павлова, произведений художественной литературы — Тургенева, Л. Толстого, Достоевского, Чехова, музыки Чайковского, системы театра Станиславского, стиля русского балета и пр.). Но после 1917 г. эмигранты из России стали определять в известной мере уровень достижений тех или иных стран в отдельных сферах культуры.

Но для этих же десятилетий характерно постепенное освоение в нашей стране достижений культуры Российского зарубежья послереволюционных лет и вхождение сотворенного ими в современные представления (культивируемые и в учебной — даже школьной — литературе) о многообразии наследия российской культуры и общественной мысли. А современное Российское зарубежье воспринимается в тесной творческой взаимосвязи с общественным сознанием и культурой России.

**ИСТОРИО-
ГРАФИЧЕСКИЕ
ПОРТРЕТЫ**

Ч А С Т Ь Ч Е Т В Е Р Т А Я

ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ *
материалы к научной биографии
М.Н. Тихомирова

Имя Михаила Николаевича Тихомирова, разностороннего деятеля советской культуры, замечательного знатока и исследователя отечественной истории, широко известно и в нашей стране и за рубежом. Научные заслуги М.Н. Тихомирова получили всеобщее признание еще при жизни: он был академиком Академии наук СССР, членом зарубежных академий и научных обществ. Его многообразная научная, педагогическая и общественная деятельность была отмечена высшими правительственными наградами. К 70-летию ученого в 1963 г. вышли из печати посвященные М.Н. Тихомирову сборники статей (четыре сборника — единственный пример в истории нашей науки!), статьи о его творчестве в отечественных и зарубежных изданиях. В этих статьях, а также в материалах, опубликованных в связи с кончиной М.Н. Тихомирова, уже охарактеризованы жизненный путь ученого и отличительные черты его выдающихся исследований. И нет нужды повторять или суммировать выводы и наблюдения предшествовавших работ.

В связи с подготовкой издания сочинений М.Н. Тихомирова исследователи приступают к углубленному изучению обширного рукописного наследия Михаила Николаевича. Пока удалось ознакомиться с небольшой его частью. Для спокойного и всестороннего рассмотрения жизни и творчества М.Н. Тихомирова необходима и психологическая подготовка. Привыкнуть к мысли, что Михаила Николаевича больше нет, пока невозможно... Прошло слишком мало времени после 2 сентября 1965 г.

В настоящей статье — в отличие от всех ранее напечатанных работ о М.Н. Тихомирове — использованы отдельные малоизвестные документы личного архива М.Н. Тихомирова (переданного, согласно его воле, в Архив Академии наук СССР), а также личных архивов других ученых. Работа представляет собой лишь материалы к научной биографии Михаила Николаевича Тихомирова и касается только некоторых, относительно мало освещенных в предшествовавших статьях черт облика Михаила Николаевича — ученого и человека.

* * *

Список опубликованных трудов академика М.Н. Тихомирова включает более трехсот названий. Ознакомление с материалами архива М.Н. Тихомирова убеждает в том, что очень велика, оказывается, и неопубликованная часть его научного наследия, включающая большое исследование о философской мысли древней Руси, обширные материалы по начальной истории русского летописания, специальную работу о приказном делопроизводстве Российского государства, труды по источниковедению, историографии и археографии, описания рукописей и подготовленные к печати документальные материалы (в частности, по истории Псковского восстания 1650 г.), много фрагментов исследований и научно-по-

* Опубликовано в кн.: АЕ за 1965 год. М., 1966. С. 7—30.

пулярных работ и папок с тематическими подборками подготовительных материалов к исследованиям, рецензии (иногда пространные) на работы других ученых.

Михаил Николаевич обычно в исследовательском плане работал сразу над несколькими темами, зачастую к тому же не связанными между собой. Помимо того, он выявлял и отмечал для себя и иной материал (так сказать, «про запас»), и папки с подобными материалами (выписками из источников, описаниями документов, первичными формулировками мыслей, набросками тезисов, библиографическими сведениями и т. п.) неизменно пополнялись. Михаил Николаевич имел склонность возвращаться к ранее начатым большим работам, а при подготовке переиздания своих трудов обычно существенно их видоизменял и дополнял. Монографии (и даже статьи) М.Н. Тихомирова — как правило, результат многолетнего накопления и осмысления фактического материала. Так, теме классовой борьбы в Пскове в XVII в. были посвящены и его дипломное сочинение (положенное в основу первого печатного труда — 1919 г.), и первая большая монография (1935 г.), и работы, опубликованные в 1955 г. В течение тридцати лет выходили из печати труды М.Н. Тихомирова, посвященные Ивану Федорову и началу московского книгопечатания.

«Работать над историей городов я начал давно, и первые отдельные этюды на эту тему, так и оставленные мною неопубликованными, имеют 10—15-летнюю давность, хотя и не представляют собой чего-либо целого», — писал М.Н. Тихомиров в 1946 г. во введении к книге «Древнерусские города»¹.

Первооснова книги «Россия в XVI столетии», вышедшей из печати в 1962 г., — курс лекций, прочитанный в МГУ в 1950 г. Легко установить теснейшую связь между работами М.Н. Тихомирова 40-х годов о начальном русском летописании с последним большим незавершенным трудом о возникновении русской историографии.

Некоторые из книг М.Н. Тихомирова представляют собой собрания отдельных маленьких монографий, объединенных общностью замысла, монографий, создававшихся не одновременно, а постепенно. Таковы «Древнерусские города», «Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв.», пожалуй, даже «Россия в XVI столетии». В больших книгах М.Н. Тихомирова важны не только основные выводы, но всегда и наблюдения более частного характера, основанные на длительном изучении и сопоставлении разнообразного материала, источников и литературы. Без учета этого обстоятельства нельзя с должной глубиной охарактеризовать и оценить его исследования. Поэтому вряд ли правильно было бы датировать его монографии временем выхода книги из печати — это итог многолетнего (и зачастую надолго прерывавшегося) исследования².

Конечно, Михаил Николаевич умел сосредоточить свои усилия на оформлении какой-то определенной работы и в распорядке своего научного творчества был очень организованным человеком. Но, даже отдавая большую часть времени данной работе, не мог и не считал нужным отключаться от размышлений, а часто и источниковедческих поисков по иной тематике.

Михаил Николаевич был историком очень широкого диапазона,

и хронологического, и географического, и тематического *. В этом плане он был сознательным продолжателем лучших традиций отечественной исторической науки, традиций Соловьева, Ключевского, Павлова-Сильванского, Преснякова, Покровского.

Газетную статью 1962 г. «Летопись нашей эпохи» М.Н. Тихомиров начинал знаменательными словами: «Некоторые историки — сторонники узкой специализации — всю жизнь занимаются историей одного столетия, а то и одной узкой темой. Есть среди них такие исследователи, которые всю свою энергию обратили на изучение, например, только XVIII или только XVIII века, не заглядывая за пределы избранного ими периода»³. Своих учеников Михаил Николаевич старался уберечь от соблазна «узкой специализации».

Широта исследовательской тематики самого М.Н. Тихомирова удивительна. Но во всех трудах М.Н. Тихомирова, как справедливо отметил В.И. Шунков, «движущей силой исторического процесса выступают народные массы. Народ — главный герой исследований М.Н. Тихомирова»⁴. Михаил Николаевич был глубоко демократичным по своим убеждениям историком. Он считал, что значение исторических событий «безнадежно опшляется вследствие привычки рассматривать» их «с точки зрения личных мотивов царей и королей»⁵.

М.Н. Тихомиров исследовал историю народных восстаний и сражений народа с иноземными завоевателями, писал о славных деяниях народа и о его каждодневной жизни, о вкладе народа в развитие материальной и духовной культуры. Один из главных и всесторонне обоснованных выводов его книг о русских городах — в строительстве русской культуры принимали участие не только князья, бояре и духовенство, но и широкие массы горожан, ремесленников и купцов⁶. К изучению «народной культуры» Михаил Николаевич призывал и в одном из последних своих выступлений в печати. «Сведения о народной культуре, — писал Михаил Николаевич, — в наших пособиях и учебниках обычно заменяются повествованием только о памятниках письменности, архитектуры и живописи. После В.О. Ключевского, так живописно изобразившего календарный год старинного русского крестьянина, никто до сих пор даже не попытался рассказать о жизни народа, о его воззрениях, о его праздниках, о его бедствиях и чаяниях, обо всем, чем жил человек прежнего времени. Об этом пишут только писатели, как это сделал Ромен Роллан в своей повести о Кола Брюньоне. А историки только брюзжат на писателей, укоряя их в неточностях»⁷.

«Дорогому Михаилу Николаевичу Тихомирову — русскому историку-патриоту» — такую дарственную надпись сделал на своей книге Н.М. Дружинин. В.М. Хвостов очень точно (в письме от 17 июля 1965 г.) охарактеризовал Михаила Николаевича «как патриота своей Родины, который не только изучает отечественную историю, но и любит ее». В.И. Пичета, относившийся к Михаилу Николаевичу с особой теплотой, сожалел в письме, отправленном из Ташкента 25 декабря 1941 г., что не

* Е.А. Косминский писал Михаилу Николаевичу 9 июня 1959 г.: «...Очень ценю широту Вашего исторического диапазона и, в частности, те перспективы, которые вы открыли своими работами по истории русского города и земских соборов».

может «беседовать о Москве и нашей Родине, которой посвящены все наши думы и стремления».

Михаила Николаевича отличала сердечная и одновременно действенная любовь к отечественной истории. Его душевный склад как бы определяли пушкинские строки:

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу,
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам⁸.

Михаил Николаевич как бы сопереживал радости и печали далеких предков, сочувствовал их страданиям от гнета своих поработителей-феодалов и чужеземных захватчиков.

В воспитании активного отношения к прошлому он видел важную задачу исторической научной и художественной литературы. В письме-отзыве на роман В. Яна «К последнему морю (Путь Батяя)» (1951 г.) М.Н. Тихомиров отмечал, что «основным чувством» читателя по отношению к завоевателям и их повелителю «должно было бы остаться чувство ненависти и возмущения беспощадными разрушениями, сделанными ордами диких кочевников».

Михаил Николаевич был искренен в своем отношении к прошлому, в своих увлечениях, в оценках исторических явлений, даже в изменении этих оценок. Он предпочитал не писать о том, о чем не мог написать то, что думал. Исключительный знаток материалов по политической истории России XVI в., Михаил Николаевич лишь в последние годы жизни вплотную обратился к этой теме. Он органически не мог принять опричнину^{*} и скептически относился к попыткам увидеть государственную целесообразность в злодеяниях Ивана Грозного. В газетной статье 1963 г., появившейся в связи с работой комиссии по вскрытию четырех гробниц Архангельского собора, Михаил Николаевич, характеризуя Ивана Грозного как «наглого беззаконника», выразительно и убежденно писал о «жестокостях и мерзостях», «которыми была наполнена жизнь умершего властителя»^{**}. Сохранились фрагменты первой части исторического повествования о жизни Ивана Грозного, написанные М.Н. Тихомировым, видимо, в конце 50 — начале 60-х годов. Известно, что именно Михаил Николаевич всячески споспешествовал посмертному изданию трудов С.Б. Веселовского об опричнине.

М.Н. Тихомиров полагал своим долгом определить всемирно-историческое значение явлений отечественной истории. Об этом писал он во

* Посвященное Ивану Грозному стихотворение Михаила Николаевича «Страх» живо напоминает кошмарную сцену сновидений короля в последнем действии шекспировского «Ричарда III».

** М.Н. Тихомиров был членом этой комиссии. Первое заседание, на котором сообщалось о результатах восстановления внешнего облика Ивана Грозного, состоялось в Археографической комиссии под председательством Михаила Николаевича⁹. М.Н. Тихомиров отмечал научное значение сделанной работы, указанная статья завершается фразой: «"Безмолвны" гробы последних венценосцев из дома Калиты, но они не молчат, а живо напоминают о загадочных и раньше скрытых исторических подробностях»¹⁰.

введении к книге «Древнерусские города», в трудах по истории культуры и во многих других своих работах.

Исследователь, доказавший, что древнерусские города не отставали от западных и восточных в развитии городской жизни, и выявивший тем самым основные предпосылки всемирно-исторических достижений культуры Древней Руси, Михаил Николаевич, однако, с тревогой воспринимал попытки механического перенесения характеристик явлений, свойственных Западной Европе эпохи Возрождения, на средневековую Русь. М.Н. Тихомиров старался противостоять и нездоровой тенденции преувеличить культурную роль самодержавия в развитии России.

Ученый-патриот, столь много сделавший для воспитания уважения к историческим традициям своего народа и так энергично противостоявший всякой тенденции унижить прошлое России, Михаил Николаевич не считал допустимым скрывать темные явления в отечественной истории («Нужно ли для национального сознания такого великого народа, как русский, подкрашивание в розовый цвет его прошлого...?»¹¹). Человек, с особой влюбленностью относившийся к «русской культуре, великой, неповторимой, замечательной, родной и близкой каждому советскому человеку и в годы ее подъема и в годы несчастий русского народа»¹². Михаил Николаевич стремился привить уважение и к зарубежной культуре. Ему было чуждо «ограниченное национальное самодовольство». «Неужели любовь к родному обязательно должна связываться с охаиванием чужого?» — писал М.Н. Тихомиров¹³.

В последней своей книге «Средневековая Россия на международных путях (XIV—XV вв.)» Михаил Николаевич заметил: «Никакая культура не может существовать без связей с другими культурными странами. Широта этих связей — прямой залог развития культуры»¹⁴. Сама работа первоначально и была осуществлена в плане развития международных культурных связей: в основу книги положены лекции, прочитанные автором на французском языке в Париже в 1957 г. Таким образом, эта книга — и памятник взаимных культурных интересов и симпатий русского и французского народов.

* * *

В статье «К пятилетию со дня смерти академика Бориса Дмитриевича Грекова» М.Н. Тихомиров отмечает, что крупнейшие наши историки всегда были не только авторами монографий, но и историографами, источниковедами»¹⁵. Таким ученым был и сам Михаил Николаевич. В трудах его собственно историческое исследование неизменно сочетается с источниковедческим и большое место занимают историографические экскурсы, поэтому изучение этих трудов является школой исследовательского мастерства.

Работы М.Н. Тихомирова позволяют проследить, как освоение нового материала источников и совершенствование методики их исследования обогащают первоначальные представления автора. Михаил Николаевич всегда шел от источника к историческим выводам, а не подбирал материал источников для иллюстрации имеющегося уже положения; у него вызвали внутренний протест попытки согласовывать «непокорные матери-

лы источников с однажды намеченной схемой»¹⁶. В рецензиях на собственную исторические труды М.Н. Тихомиров обычно характеризовал и источниковедческую методику автора.

Вспоминая о годах обучения в семинаре у М.М. Богословского, Михаил Николаевич писал: «Вероятно, тогда-то и зародился у меня тот *повышенный интерес к источниковедению*, который я проявлял всю жизнь»¹⁷. Приемам источниковедческого анализа он уделял много внимания и при обучении своих учеников, признавая большую научно-воспитательную роль источниковедения для исследователя.

Автор первого советского учебника о письменных источниках отечественной истории периода феодализма, составитель образцовых учебных пособий, представлявших собой по существу научные издания источников, организатор кафедры источниковедения истории СССР Московского университета, Михаил Николаевич полагал, что «источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины все еще не заняли должного места в нашей исторической науке», в частности в учреждениях Академии наук и особенно в вузах¹⁸.

Не случайно, что темой лекции при открытии возобновленного университета во Владивостоке 1 сентября 1956 г. Михаил Николаевич избрал «Изучение источников и его методы (на примере источников Киевской Руси)». Источниковедческой тематике (методике изучения русских летописей XIV—XV вв.) посвятил М.Н. Тихомиров и практические занятия с парижскими студентами (в 1957 г.).

Михаил Николаевич — автор многих собственно источниковедческих трудов¹⁹. Докторской диссертацией его стало как раз источниковедческое «Исследование о Русской Правде». С.Ю. Юшков в письме М.Н. Тихомирову (от 6 ноября 1942 г.) писал об этой книге: «Несомненно она составит эпоху в историографии Русской Правды. Вы знаете, что у меня сложились несколько иные взгляды на историю ее текста. Но прямо скажу: без Вашей работы невозможны ни мои исследования, ни исследования других — в дальнейшем. Это такая печка („печище“), от которой мы все будем танцевать...» Работой над источниковедческим исследованием древнерусского летописания Михаил Николаевич завершил свою творческую биографию.

М.Н. Тихомиров занимался в исследовательском плане и историографией источниковедения и особенно высоко ценил работы А.А. Шахматова по летописанию (среди рукописей Михаила Николаевича имеется специальная статья об А.А. Шахматове как исследователе летописания).

Зачастую не соглашаясь с А.А. Шахматовым в объяснении конкретных вопросов истории русского летописания, М.Н. Тихомиров считал его метод исследования летописей замечательным достижением мировой науки и приветствовал использование этого метода при изучении других видов исторических источников. В отзыве (от 1 июня 1946 г.) на докторскую диссертацию Л.В. Черепнина «Русские феодальные архивы XIV—XV веков» М.Н. Тихомиров особо подчеркивает, что метод Шахматова, «блестяще оправдавший себя в разработке летописного материала, впервые применен автором для исследования русских актов»²⁰.

Михаил Николаевич считал необходимым для исследователя комплексное использование различных типов источников. Выдающиеся заслуги Б.Д. Грекова он видел в том, что Б.Д. Греков «решительно отказался от

попыток доказать тезис о земледельческом хозяйстве Киевской Руси на основе только старых источников — летописей и сказаний. Он смело перешел к свидетельству других видов источников, таких, как археология и лингвистика». И далее М.Н. Тихомиров пишет: «Летописи и сказания вдруг заговорили другим языком, стали понятными их случайные намеки и высказывания. Стало ясным также и то, что историческая наука — наука комплексная, основанная на всех достижениях истории, археографии, археологии, лингвистики, этнографии, и только недалекие люди могут думать о приоритете какой-либо из этих исторических дисциплин. Стало ясным, что, только следуя по пути, проложенному Б.Д. Грековым, можно дать полноценное исследование древнерусской жизни»²¹. И М.Н. Тихомиров в своих трудах по древнерусской истории как раз и шел таким путем, широко обращаясь к разным типам источников.

М.Н. Тихомиров умел видеть стыки наук и ценить большое научное значение источниковедческих работ, много дающих специалистам нескольких областей знания. В рецензии на книгу А.В. Арциховского «Древнерусские миниатюры как исторический источник» М.Н. Тихомиров отмечал, что эта книга — «своего рода комментарий к нашим лицевым сводам, комментарий научный и, прямо скажем, одинаково полезный для историка, археолога, этнографа и даже историка литературы»²². Труды самого М.Н. Тихомирова, основанные на изучении и осмыслении материала разнообразных источников, обогащают также не только историков*.

Михаил Николаевич сам специально занимался исследованием источников по истории искусства и литературы и призывал других историков уделять больше внимания анализу, критике и археографической обработке таких источников. «Это дело историков, источниковедов, но как раз они, — сетовал М.Н. Тихомиров, — нередко с поразительным равнодушием относятся к самым значительным явлениям культурной жизни прошлого, проявляя зато необыкновенную ретивость при установлении даты той или иной купчей или межевой»²³.

М.Н. Тихомиров был знатоком истории русского быта. Это хорошо выразил в отзыве при представлении Михаила Николаевича в академики (7 октября 1953 г.) И.Э. Грабарь: «Едва ли можно назвать другого ученого, который так знал бы не только фактическую сторону истории Древней Руси, но и ее внутренний дух, ее нравы, быт, обычаи». В.Д. Бонч-Бруевич совершенно правильно охарактеризовал Михаила Николаевича (в письме от 21 июля 1954 г.) как «несравненного знатока первоисточников по истории русского народа».

Михаил Николаевич, всегда живо интересовавшийся всякими житейскими обстоятельствами и очень приметливый на бытовые мелочи, обладал способностью замечать и в современном быте черты, унаследованные иногда от далекой старины. В этом ему, вероятно, помогло близкое знакомство в предреволюционные и в первые послереволюционные годы с жизнью провинции, где медленно менялся жизненный уклад и долго сохранились многие остатки прошлого. Вспоминая Ильинский по-

* Так, В.Н. Лазарев, благодаря Михаила Николаевича за присланную ему книгу «Древнерусские города» (2-е изд.), писал 15 июня 1956 г., что в книге «много нового интереснейшего материала, весьма поучительного для историков искусства».

гост, Михаил Николаевич писал: «Я часто думаю, что для меня большим счастьем было знакомство с провинцией, хотя бы и близкой к Москве. Потому, что только провинция может дать представление о настоящей жизни... Впоследствии я часто думал и о том, какие интересные люди встречаются в провинции. Полнота человеческой жизни отнюдь не зависит от знаний или положения человека в обществе. Мне приходилось встречаться с людьми, к которым относились с глубочайшим уважением в провинции за какие-то их выдающиеся качества; один был хорошим пасечником, другой умел лечить домашними средствами, третий просто был хорошим человеком. Хороших же и умных людей никакая наука не делает, а по моему разумению не делает и воспитание. Они так же рождаются и появляются в свет, как и плохие люди везде — и в городе и в деревне».

Это безыскусственное рассуждение характерно для Михаила Николаевича и многое объясняет не только в его психологии, но и в его научном творчестве.

* * *

Михаил Николаевич воспринимал прошлое не только умозрительно, но и обладал даром ощущать его как бы зримо. Он испытывал внутреннюю потребность видеть то, о чем пишет. Исторические явления всегда существовали для него в определенной географической среде и бытовом окружении.

Михаил Николаевич объездил или исходил пешком многие места нашей страны. Он сам старался проверить *de visu* данные литературы или даже впервые выявить места нахождения и границы древних городов, охарактеризованных в его монографии. Попав во Львов, Михаил Николаевич, несмотря на предупреждения об опасности со стороны бендеровцев, не мог удержаться, чтобы не посетить города Галицкой Руси. Он много километров (будучи уже пожилым человеком) прошел с одним из своих учеников, чтобы повидать Кириллов и Ферапонтов монастыри. А как он сетовал в 1951 г. в Архангельске, что не представилась тогда возможность поехать в Соловецкий монастырь! В 1958 г. он участвовал в поисках места Ледового побоища и не раз летал на вертолете. Побывал М.Н. Тихомиров в последнее десятилетие своей жизни и в Сибири, и на Дальнем Востоке.

Любил М.Н. Тихомиров и прогулки по Москве и ее окрестностям * и был буквально природным экскурсоводом. Ученикам своим, значительно менее любознательным и подвижным, чем их учитель, Михаил Николаевич неоднократно напоминал о словах Пушкина: «Мы ленивы и нелюбопытны».

Михаилу Николаевичу не нравились скорые «туристские» наскоки. Он предпочитал раздумчиво и внимательно ознакомиться с местностью, с памятниками старины, приглядеться к новым для него людям, к их образу жизни.

Редкостная широта познаний в области отечественной истории, высоко развитая ассоциативность мышления, удивительная памятьливость на частности — детали, имена, даты, географические особенности, фра-

* Иногда вместе с С.В. Бахрушиным, Н.Л. Рубинштейном и другими близкими ему историками ²⁴.

зоологические обороты — облегчали Михаилу Николаевичу возможность быстро ориентироваться в любом историческом материале, видеть взаимосвязи рассматриваемого явления с другими явлениями.

Много дают для воссоздания более полного представления о М.Н. Тихомирове, о его творческой лаборатории, о процессе накопления им и оценке первичных впечатлений, о его общественных интересах, гражданском пафосе и литературном мастерстве сохранившиеся путевые дневниковые записи Михаила Николаевича. Такие записи М.Н. Тихомиров вел еще в молодые годы, сопровождая их зарисовками и чертежами исторических памятников.

Как выразительны записи (1951 г.) о разрушенном фашистами Новгороде: «...Торчат похожие на выбитые зубы остатки Нередицы, изуродовано и множество других памятников. Стоит полуразрушенный скелет Ивана на Опоках. Страшно даже подумать, сколько погибло замечательных памятников на моем веку!»

В июле 1951 г. М.Н. Тихомиров впервые побывал в Устюге Великом и в Сольвычегодске. Во время недельного пребывания в Великом Устюге Михаил Николаевич ознакомился и с рукописной коллекцией музея и с музейными экспонатами, особенно, конечно, с иконами и пеленами, в познании которых он имел буквально профессиональные навыки, со знаменитыми местными изделиями из серебра. Михаил Николаевич сразу же стал отыскивать следы древних поселений и, обнаружив остатки городища, вымерял его шагами. Обойдя город, как бы наметив для себя наиболее интересные объекты, Михаил Николаевич затем составил расписание своего дальнейшего знакомства с местностью. Михаил Николаевич заходил в бывшие церковные дворы, сравнивал между собой различные строения XVII в., обнаружив на этот раз специальные познания в области архитектуры и даже строительной техники.

Изучил он внимательно и окрестности города, сейчас же заметил особенности береговой линии. Конечно же, побывал и на рынке, и в магазинах, узнавая и о ценах, и о специфических местных товарах, попутно рассказывая мне о городе и его торговле в предшествующие века. Быстро он усвоил на Севере местные выражения, особенности местного говора, даже интонаций и уморительно имитировал их.

Михаила Николаевича восхитил ансамбль Михаило-Архангельского монастыря: «Соединение гражданского и церковного элемента в один образец. Все это предельно четко и монументально». В архитектуре Устюга XVII в. М.Н. Тихомиров обнаружил и загадочные для себя явления: церковные главы оказались не круглыми, а восьмиугольными. «Значит 8-угольные главы порождены Севером, а не Украиной, как обычно думают?» — спрашивает себя М.Н. Тихомиров и замечает: «Вообще архитектура Устюга требует особого внимания». Поразили Михаила Николаевича и иконы, особенно «иконы XVII в. с их „фряжским характером“, возникшим на русской почве». Еще большее впечатление произвел на Михаила Николаевича собор XVI в. в Сольвычегодске и его собрание икон XVI—XVII вв.: «Где же это пресловутая застенелость XVI—XVII веков? Это что-то такое прекрасное и неожиданное, что требует еще изучения».

Великоустюжское городище, отмечает М.Н. Тихомиров, «по типу постройки напоминает валы Переславля-Залесского и Дмитрова. Не значит ли, что зачалось и одновременно в XII—XIII вв.? Церкви и здания

идут вверх по Сухоне от городища. Тут,— заключает ученый,— надо искать устюжский посад и позднейший острог». Привлекла внимание М.Н. Тихомирова музейная карта почвы и селений в Устюжском районе. Это еще раз убедило его в том, что «Устюг — оазис среди лесов, подобно Новгороду: аллювиальные почвы дают возможность возделывать овощи и отчасти хлеб, множество лугов, богатая рыбами река. Недаром селения ютятся вокруг реки и так малочисленны в ее отдалении. И пейзаж здесь близок к новгородскому...» Записывает М.Н. Тихомиров и свои предположения о причинах развития Сольвычегодска как городского центра, полагая, что «толчок к развитию города» дали соляные источники: «Нельзя забывать и того, что Соль была промежуточным пунктом, где торговали с Печорским краем и Сибирью. Ее расположение очень ярко иллюстрирует ту мысль, что для роста городов имели громадное значение ремесло и промыслы; иначе по стыку путей удобнее было бы выбрать Котлас, при слиянии Вычегды с Двиной». Эти первичные замечания нашли затем в какой-то мере отражение в книге М.Н. Тихомирова²⁵ (во втором издании «Древнерусских городов» о Великом Устюге написано уже подробнее, чем в первом; имеется там и указание на то, что великоустюжское городище по типу примыкает к городищам Владимиро-Суздальской земли²⁶).

В дневник внесены и наблюдения о современности (о гостиницах, столовых, местных обычаях и т.п.). «Современный Устюг,— читаем в дневнике,— красив своей особой чистотой, большим количеством молодежи, особенно из Речного училища, какой-то хорошей советской интеллигентностью, сочетанием современности с уважением к старине».

Любопытен дневник поездки на Чудское озеро — записи конца июня — первой половины июля 1958 г., — когда М.Н. Тихомиров участвовал в экспедиции по розыскам места Ледового побоища. Здесь и различные предположения о месте побоища, и планы обследования окрестностей и бесед со старожилами о местных легендах и о происхождении географических названий, и запись самих этих бесед (иногда с мудрыми, юмористическими сентенциями) *, и впечатления от публичных выступлений и встреч с краеведами **.

Гневно и скорбно пишет Михаил Николаевич о разрушении собора во Гдове: «Собор был взорван фашистами. Непонятная подлость, бесцельная злоба мелких людей, мечтавших угнетать мир!» Но зато сколько душевности в образном и непритязательном одновременно описании первого впечатления от Кобыльского городища: «Городище — место поэтичное. Стоит на крутом берегу озера. И широкий его простор, и тихая деревня с ладными, хотя и бедными домами, и белая древняя церковь, и блеклое вечернее небо с ослепительным солнцем, уже тонущем в озерных водах. Все это так много говорит воображению!»

* Так, Михаил Николаевич пошел к 78-летнему рыбаку выяснять происхождение местных названий и места давних речных бродов. Рыбак был настроен воинственно, пока не узнал, что М.Н. Тихомирову 65 лет. Михаил Николаевич замечает по этому поводу: «В моей фигуре и лице все так посредственно, что это вредит мне всю жизнь...»

** По поводу коллекции, собранной пожилым школьным учителем Н.В. Ивановым, М.Н. Тихомиров пишет: «... Немного, но как все это почтенно. Живая душа!»

Михаил Николаевич много встречался с местной молодежью *, а также с работавшими в экспедиции аквалангистами и радостно записывает: «Чем больше я сейчас встречаюсь с молодежью, тем больше ее начинаю любить. Это новое и хорошее племя. "Пусть же растут и возвышаются" (плагиат из Хронографа)».

* * *

Продолжая и развивая лучшие демократические традиции русской науки, М.Н. Тихомиров не мыслил своей творческой деятельности вне пропаганды научных знаний. Памятуя о том, что история не только наука об обществе, но и для общества, Михаил Николаевич старался, чтобы его труды были доступны широкому читателю. «Наша задача заключается в популяризации науки, а вовсе не в том, чтобы эту науку сделать достоянием немногих!» — писал Михаил Николаевич в 1953 г.²⁷ Эти слова были, по существу, девизом творчества ученого. К этой мысли возвращался Михаил Николаевич не раз и особенно энергично выразил свое мнение «об изобразительности исторического повествования» в газетной статье «Летопись нашей эпохи». Михаил Николаевич был убежден в том, что учебники, общеисторические труды, монографии, статьи «требуют особого внимания к изложению в смысле языка и образности. Неряшливое, скучное изложение недопустимо вообще, а в исторических сочинениях в особенности. Между тем многие исторические труды нашего времени пишутся и небрежно, и невероятно скучно». «Единство содержания и формы, — формулирует свою мысль Михаил Николаевич, — так же обязательно для историка, как и для художника. Историк не просто исследователь, выпускающий из лаборатории нужный продукт. Историк — это писатель. Иначе ему нечего братья за свой труд»²⁸.

Оценивая работы своих коллег и учеников, Михаил Николаевич с особой радостью отмечал, если они увлекательно написаны. В отзыве (от 2 июля 1942 г.) на докторскую диссертацию Б.А. Рыбакова «Ремесло древней Руси» Михаил Николаевич почти сразу же после фразы о том, что работа «основана на изучении громадного количества вещественных источников и столь же громадной литературы» пишет, что отдельные части ее «читаются с захватывающим интересом»²⁹.

Михаил Николаевич ратует против перегрузки исторических трудов библиографическими примечаниями, обильными ссылками на источники. Не один раз в его письменных отзывах встречается укоризненное напоминание об изречении чеховского героя: «Комментарий к Шекспиру ценнее самого Шекспира». «Хорошая маленькая статья гораздо важнее большой книги», — постоянно говорил он³⁰.

Сам М.Н. Тихомиров писал очень просто, немногословно и в то же время образно. И работы его встречали благодарный отклик и в среде уче-

* Для характеристики личности Михаила Николаевича немало дает запись о том, как он вынужден был из-за дождя просидеть два часа у некоего десятиклассника Валерки, видимо очень симпатичного автору: «Мать Валерки вначале говорила ему, что не надо кончать школы, а после моего разговора с ним столь же горячо увещала его кончить ее. Оказалось, что десятилетка в Санокве закрылась и надо ехать учиться в Ям (еще год "поголодать")».

ных, и у широкого читателя. Михаила Николаевича очень радовало, когда он узнавал, что студенты-первокурсники при выборе обязательной монографии для подготовки к экзаменам по отечественной истории останавливались на его книгах, и он был по-настоящему растроган, когда выяснилось, что диспетчер на речной пристани в Великом Устюге знает его труды (1951 г.).

М.Н. Тихомиров обладал редким даром просто характеризовать сложные исторические явления. Выводы работ М.Н. Тихомирова о городах и классовой борьбе русского средневековья, о социальных отношениях, экономике, международных связях, культуре нашей страны настолько обоснованны, так быстро и прочно вошли в нашу специальную и учебную литературу, что кажутся как бы само собой разумеющимися, и неспециалисты даже не всегда отдают себе отчет в том, кому именно они обязаны этими историческими представлениями.

Последние свои большие исследования М.Н. Тихомиров стремился сделать по возможности более доступными *. Соображения по этому поводу он обосновывает во введении к книге «Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв.» «Эта работа, — пишет Михаил Николаевич, — основана на длительном и внимательном изучении источников. Но автор ее ставил перед собой не только исследовательские, но и популяризаторские задачи. На его взгляд, история крестьянских и городских восстаний на Руси, даже в такое отдаленное время, как XI—XIII вв., может быть интересна любому читателю, хотя бы элементарно знакомому с историей нашей Родины». Поэтому летописные выписки даны, как правило, в переводе на современный русский язык, а собственно летописный текст, так же как и «всякого рода пояснительные и полемические заметки по отдельным вопросам», даны в примечаниях ³¹.

Обращение к широкой аудитории было внутренней потребностью ученого. Михаил Николаевич неоднократно выступал с научно-популярными статьями и рецензиями, с откликами на произведения художественной литературы и искусства в общественно-политических и литературно-художественных журналах, в газетах, писал популярные брошюры, статьи в «Детскую энциклопедию». Не случайно, конечно, что работа М.Н. Тихомирова, вернувшая интерес ученых к библиотеке Ивана Грозного, была напечатана им не в специальном историческом издании, а в журнале «Новый мир» ³². Михаил Николаевич пробовал силы в области художественной литературы. Еще в 1934 г. напечатал повесть «Первый печатник» об Иване Федорове, а в последние годы жизни задумал написать серию исторических повестей. Сохранилось его письмо писательнице Н.П. Кончаловской от 17 июня 1963 г.: «...Основное мое желание заключалось в том, чтобы попытаться создать краткие повести по истории, а вовсе не сделаться писателем. Быть ученым — это не меньше, чем быть писателем, все зависит от масштабов. Но вот использовать некое умение писать по истории со знанием дела, но доходчиво — это не совсем просто. И здесь напрасны презрительные ссылки на научно-популярную литературу по сравнению с писательством. Несчастье наших исторических романистов и заключается в том, что у них нет романов и недостоверная исто-

* ЛЮбопытно отметить, что Михаил Николаевич считал, что его «Исследование о Русской Правде» написано слишком ученым языком.

рия. А во Франции давно господствует сочинение среднего типа: это не роман и не история, а среднее — история, написанная для читателей, ...эти сочинения читают с интересом, а многие наши исторические романы только переплетаются для книжных полок».

И знаменательно, что последний труд, заверченный Михаилом Николаевичем незадолго до кончины, книга «Средневековая Россия на международных путях (XIV—XV вв.)», издан (посмертно) именно в научно-популярной серии издательства «Наука». Автор позаботился и о подборе иллюстраций (М.Н. Тихомиров видел в изобразительном материале важный компонент исторической литературы). «Произведения искусства, — читаем в книге, — трудно описать словами. Это все равно, что рассказывать о красоте морских волн людям, которые никогда не видели моря»³³.

М.Н. Тихомиров верил в плодотворность усилий краеведов, сам отдавал немало времени краеведческой работе и всегда поддерживал деятельность бескорыстных энтузиастов-краеведов *. М.Н. Тихомиров явился основателем музея родного края в г. Дмитрове в 1917—1918 гг., в Самаре в 1921—1923 гг. был первым хранителем так называемой Аксаковской комнаты и позже постоянно принимал участие в музейной работе. И даже в самые последние годы жизни он оказывал помощь краеведам, в том числе школьникам. Школьный музей 4-й школы г. Новгорода носит имя М.Н. Тихомирова, и школьники в письмах своему «почетному краеведу» подписывались: «Ваши ребята-краеведы».

* * *

Особенно заботила М.Н. Тихомирова судьба нашего рукописного наследия. «Русское письменное богатство принадлежит нашей Родине и должно быть сохранено для будущих поколений», — писал М.Н. Тихомиров. И Михаил Николаевич очень много сделал для сохранения и пропаганды этого богатства. Гибель ценных письменных памятников он рассматривал как «подлинную научную трагедию»³⁴. В годы гражданской войны Михаил Николаевич, сразу же после демобилизации из Чапаевской дивизии, со всей энергией отдается выявлению и спасению рукописей, книг, музейных ценностей в имениях и монастырях Самарской губернии. Незадолго до Великой Отечественной войны М.Н. Тихомиров описывает рукописи Новгородского музея, изучает на месте документальные материалы Иосифо-Волоколамского монастыря. Долгие годы М.Н. Тихомиров работает в Отделе рукописей и старопечатных книг Государственного исторического музея и вводит в научный оборот ценнейшие исторические источники.

После войны ученый обращается с призывом собирать рукописи у населения. Михаил Николаевич всячески старался уберечь наши рукописные богатства. Михаил Николаевич рассказывал о том, как проходило в Президиуме Академии наук СССР заседание, на котором решался вопрос о помещении для Архива АН СССР. Документы находились в недо-

* В 20-е годы много внимания уделял разработке вопросов краеведения младший брат Михаила Николаевича Тихомирова — Борис Николаевич, историк-исследователь очень широкого профиля и организатор науки, погибший впоследствии в результате необоснованных репрессий в конце 30-х годов.

статочно приспособленном для их хранения месте, а новое помещение предоставлять архиву не хотели. Тогда Михаил Николаевич сказал: «В свое время Гораций написал о своих стихах так: "Весь я не умру и часть моей лучшей доли от тлена убежит..." А вот, если бы стихи Горация попали в Архив Академии наук — они не убежали бы от тлена!» — и добился поддержки своего предложения.

Все возрастающий в последнее время интерес общественности к рукописным богатствам народа, к специальным (вспомогательным) историческим дисциплинам не могли не радовать Михаила Николаевича, который еще 30 апреля 1942 г. с горечью писал своему другу Н.Л. Рубинштейну: «...Я хорошо знаю, что мои вкусы к рукописям, источникам, архивам стоят как-то одиноко»³⁵, а в 1948 г. в открытом «Письме в редакцию» журнала «Вопросы истории» вынужден был заявить: «Положение с охраной рукописей нетерпимо»³⁶.

Главной задачей программной статьи М.Н. Тихомирова «Об охране и изучении письменных богатств нашей страны» было «показать не столько достижения, сколько наметить пути дальнейшей работы по сохранению и изучению письменных богатств страны и указать на недостатки в этой области». Михаил Николаевич не считал возможным ограничиться общими пожеланиями и полагал нужным срочно «предпринять меры к дальнейшему улучшению охраны, описания и изучения наших письменных богатств путем пропаганды в журналах и газетах, путем обмена опытом крупнейших научно-исследовательских и архивных учреждений, а также приступить к выработке необходимых мероприятий на ближайшее будущее»³⁷.

Не удивительно, что именно заботам академика М.Н. Тихомирова обязана возрождением Археографическая комиссия, которая мыслилась ему как центр разработки принципов изучения и разыскания, описания и издания * письменных источников по истории народов нашей страны с древнейших времен до наших дней.

Археографическая комиссия, так же как и летописная группа, вызывает большой интерес ученых **, притягивает к себе не только историков, но и литературоведов ***, филологов, искусствоведов, специалистов не только по русской культуре, но и по культуре других народов нашей страны и по зарубежной культуре. М.Н. Тихомиров с самого начала привлекает к участию в работе Археографической комиссии ученых Ленинграда (в последние месяцы жизни Михаил Николаевич приложил немало

* Важно отметить, что М.Н. Тихомиров решительно возражал против «попытки вульгаризировать идею публикации путем стрижки под один уровень» (Конспект лекции «Основные задачи источниковедения и историографии [истории] СССР», рукопись).

** С.Н. Валк, к которому М.Н. Тихомиров неизменно питал большую личную симпатию и глубокое уважение, не раз в своих письмах отмечал значение деятельности Археографической комиссии. В письме С.Н. Валка от 15 апреля 1961 г. читаем: «Очень рад, что Археографическая комиссия стала за эти годы крупным явлением в нашей исторической науке и особенно своим Ежегодником создает прочное основание для развития вспомогательных исторических дисциплин, что до сих пор сделать никак не удавалось». «Очень приятно, — писал он 2 декабря 1962 г., — что работа Археографической комиссии развивается и что в Академии оказался новый жизнеспособный центр».

*** К М.Н. Тихомирову обращаются с предложениями об изучении, разыскании, описании, публикации ценных памятников письменности. Очень интересны, в частности, соображения Д.С. Лихачева о возможностях публикации Лицевого свода XVI в.

стараний, чтобы в Ленинграде действовал филиал Археографической комиссии) и национальных республик. В летописной группе готовятся к печати, наряду с русскими летописями, и литовские летописи; задумывается издание сибирских летописей (объединенными усилиями ученых Сибири, Москвы и Ленинграда). В эти годы при его действенной поддержке готовятся тома «Истории Российской» В.Н. Татищева. С.Н. Валк, сообщая о выходе в свет первого тома «Истории Российской» В.Н. Татищева, писал М.Н. Тихомирову 14 марта 1962 г.: «Можно Вас поздравить с тем, что Ваши усилия возродить Татищева увенчались полным успехом».

Сам Михаил Николаевич с помощью своих учеников оформляет в отдельную книгу «Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы». Задача этого ценнейшего издания — «помочь другим исследователям ориентироваться в слабо изученной области различных летописных памятников». «В конечном итоге, — пишет в предисловии М.Н. Тихомиров, — предлагаемая книга это только путеводная нить для других исследователей, хотя эта нить и вырабатывалась почти в течение 40 лет»³⁸. Михаил Николаевич заботится о том, чтобы у исследователей было побольше подобных «путеводных нитей», всячески способствует облегчению дальнейших исторических изысканий и целенаправленности их.

Глубоко сознавая особую важность исследования истории современности, Михаил Николаевич считал необходимым использовать при этом оправдавшие себя приемы и методы изучения источников предшествовавших периодов. По его инициативе стала изучаться палеография советского времени. Он сетовал в печати по поводу того, что у нас до сих пор нет атласов и словарей, отражающих географические и административные изменения в СССР, нет полной советской хронологии, нет записей на магнитофонной пленке воспоминаний деятелей, создавших наше государство³⁹. Во всем этом сказывались присущие М.Н. Тихомирову широта мысли, научная смелость, общественный темперамент, гражданское сознание высокой просветительской обязанности ученого.

* * *

Михаил Николаевич был великим тружеником. Работать он умел при всех обстоятельствах и работал с перспективой, воспринимая и свои последующие дни тоже прежде всего как труд. В письме к С.В. Бахрушину из Ашхабада (куда был эвакуирован Московский университет) от 23 апреля 1942 г. Михаил Николаевич писал: «Работаю больше всего в области изучения древнерусского города. В отличие от многих других работаю не только для насущного дня, но и для будущего впрок, хоть будет ли из этого прок не знаю». Через несколько лет во введении к книге «Древнерусские города» М.Н. Тихомиров писал: «Горькие вести о разрушении многих городов, в особенности Киева и Новгорода, не только не остановили, но ускорили мои работы, начатые в далеком Ашхабаде (в декабре 1941 года)»⁴⁰.

Очень верно написал о значении труда в жизни Михаила Николаевича А.В. Арциховский в письме-поздравлении с избранием в академики: «...Никогда Вы этого не добивались и ничего специально для этого не

делали. Вы только отдавали все силы научной работе, любили научную работу, любили древнюю Русь...»

Михаил Николаевич старался работать даже больным, даже в последние тяжкие для него месяцы болезни *. Когда он не мог писать, он диктовал; когда трудно было читать самому, просил читать вслух. И Михаилу Николаевичу глубоко понятны были слова В.П. Адриановой-Перетц (в письме, отправленном ему 18 мая 1958 г.): «Все-таки работа — замечательное лекарство, которое хоть и не вылечивает, но позволяет не опустаться на дно болезни».

Работал Михаил Николаевич споро, легко и никогда не жаловался на то, что приходится много трудиться. Он радовался работе, считая ее естественной формой своего существования. Михаил Николаевич писал быстро, четким почерком, обычно без сокращений слов и без помарок (или печатал на машинке), имел, как правило, ясное представление о предполагаемом объеме начатой работы и умел укладываться в намеченный объем. Он работал мастерски и даже как будто гордился этим своим «цеховым» мастерством. И он действительно был первоклассным мастером цеха историков!

Михаил Николаевич отлично умел делать всю так называемую черновую работу, относился к ней очень уважительно, считал это умение обязательным для историка ** и сердился на учеников за небрежность в научном аппарате, за необоснованные сокращения слов, отсутствие унификации в оформлении работ. Михаил Николаевич высоко ценил умение быстро читать древние тексты и находить нужные места в книгах, готовить библиографические материалы.

М.Н. Тихомиров с высокой научной добросовестностью и серьезностью, с большим уважением к труду историка-ученого как таковому относился к своим рецензентским обязанностям, к написанию отзывов, которые он никогда не предназначал для печати. В отзывах (иногда пространных) на рукописи и издания, даже в небольших заметках и рецензиях Михаил Николаевич оставался исследователем-новатором. Отзывы на работы его коллег и учеников (как правило, остроумные, иногда и язвительные) представляют серьезный научный интерес. В этих отзывах встречаем ценные и оригинальные суждения обобщающего характера, любопытные конкретные наблюдения, указания на направление дальнейших исследований. Чувствуется, что Михаил Николаевич и сам размышлял, знакомясь с рецензируемой работой, и желал, чтобы этим ощущением творческого раздумья прониклись его слушатели или читатели.

Хочется привести несколько отрывков из таких исследовательского характера отзывов-рецензий академика М.Н. Тихомирова. Высоко оценивая «обширное и ценное исследование» А.И. Клибанова «Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в.», М.Н. Тихоми-

* Так, в письме от 22 февраля 1965 г. Михаил Николаевич предложил для Пражского конгресса славистов тему «доклада по одной из острых проблем историко-литературного характера»: «Историко-географический кругозор "Слова о полку Игореве" как произведение XII века».

** В последние 10—15 лет жизни Михаилу Николаевичу было уже трудно по состоянию здоровья самому оформлять и проверять весь научный аппарат; это делал обычно кто-либо из его помощников, и он тяжело переживал, если обнаруживались неточности в его печатных трудах.

ров в то же время в своем отзыве (от 15 июня 1961 г.) высказывает сомнение в правомочности «расширенного понимания» реформационных движений. «Под понятие реформы входят не только представления об изменениях, но и о прогрессивном характере этих изменений...» М.Н. Тихомиров формулирует мысль и о том, что «не всякая русская ересь в XIV—XVI вв. выражала в религиозных формулах прогрессивную по своему содержанию критику феодализма» и не всякий церковный спор можно возводить к антицерковным движениям. Обнаруживаемые в некоторых сочинениях «нападения на богатых, на несправедные суды, на обыды, совершаемые судьями,— по мнению М.Н. Тихомирова,— вовсе не обозначают, что эти произведения несут антицерковный характер. Они присущи и таким церковным произведениям, какими являются евангелия, где также осуждаются богатые, которым труднее пройти в царство небесное, чем верблюду пролезть в игольное ушко. В евангелии и апостольских посланиях найдется немало таких выпадов против богатых, но разве их можно отнести к антицерковной литературе?» Отмечая вольномыслие и некоторых церковных сочинений XIV—XVI вв., отходящих от сложившихся уже тогда догм православия, Михаил Николаевич не склонен, однако, видеть в них выражение атеизма. «Ведь атеизм,— рассуждает М.Н. Тихомиров,— требует определенного и широкого мировоззрения, мало доступного для средневековых людей, тем более для церковников того времени».

Интересны рассуждения М.Н. Тихомирова об особо значительной отрицательной роли крепостничества в судьбах нашей страны, высказанные в отзыве (от 16 ноября 1963 г.) на докторскую диссертацию М.Т. Белявского «Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е.И. Пугачева». М.Н. Тихомиров отмечает большую ценность и большую актуальность этого труда, «поскольку крестьянский вопрос в России связан вообще с борьбой прогрессивного человечества против крепостников. Эта задерживающая сила крепостничества и самодержавия и явилась той силой, которая на протяжении веков обезображивала нашу родную страну и явилась фактором ее отсталости. Эта сила, на мой взгляд, имела гораздо большее значение для установления отсталости России в общественном и культурном отношении, чем пресловутые татарские разорения XIII века, которые, конечно, имели свое тормозящее значение, но не могли действовать на протяжении стольких веков».

Много ценного почерпнет историк и из отзыва (от 11 ноября 1957 г.) на докторскую диссертацию В.С. Кеменова «Об исторической живописи В.И. Сурикова». В связи с характеристикой картины «Боярыня Морозова» М.Н. Тихомиров пишет о расколе: «Раскол был движением пестрым и своеобразным. Начавшись в среде духовенства, в узкой среде, где рассматривались вопросы чисто церковного порядка, раскол впоследствии охватил широкие массы не потому, конечно, что "старая вера" была ближе, чем новая вера, но потому, что за старой верой стояли попавшие в опалу люди, протестовавшие против царского произвола, а церковные нововведения проводились насильственно. Было бы неправильно противопологать старую веру новому православию, которое было утверждено на церковном соборе 1662 г. в присутствии двух иноземных патриархов, так как и старообрядцы, и новообрядцы одинаково нетерпимо относились к чужим взглядам. Если никониане сожгли Аввакума и сжигали его после-

дователей на костре, то это только потому, что в их руках была власть; если бы эта власть была в руках Аввакума, то он совершенно таким же способом сжег Никона. Раскол был большой народной трагедией, и это прекрасно показано в картине "Боярыня Морозова", может быть, исключительной по своей выразительности во всей мировой исторической живописи».

В этом же отзыве находим (в связи с историческим комментарием автора книги к картине «Меншиков в Березове») любопытные суждения о политической истории России первых десятилетий XVIII в., о взаимодействиях различных группировок господствовавшего класса. «Думаю, что не следует так подчеркивать отрицательную роль "немецкой партии" при дворе Петра I, — пишет М.Н. Тихомиров. — Дело, конечно, идет не о самих немцах и не просто об иностранцах, завладевших теми или иными постами, а о том, что в царствование Петра I наметился новый слой знати, которая не имела никакой связи с прежними московскими боярами». Михаил Николаевич полагал, что сочувствие Меншикову «не находит себе оправданий. При всех своих талантах Меншикову был типичным авантюристом, который мечтал добраться до трона, если не для себя, то для своей дочери. В этом отношении Меншиков следовал по стопам различного рода таких же высокопоставленных авантюристов, какие существовали при дворе французских, шведских или других королей».

В отзыве (от октября 1961 г.) на работу М.Т. Белявского «Ломоносов и русская история» М.Н. Тихомиров высказывает соображения, важные в плане изучения отечественной историографии. Ценность этих замечаний тем более велика, что в них выявляется дальнейшее развитие (в некотором роде даже видоизменение) первоначальных взглядов ученого, отраженных в его более ранних трудах по тематике русской историографии XVIII в. В отзыве читаем: «Несколько преувеличено значение борьбы Ломоносова с Миллером. Ведь по существу Ломоносов возмущался миллеровскими работами не потому, что Миллер говорил о значении варягов, а потому, что тот, повторяя Байера, практически отрицал какое-либо развитие культуры у древних славян. Вообще следовало бы подчеркнуть, что Ломоносова нельзя просто назвать антинорманистом в позднейшем значении этого слова. Правильнее было бы сказать, что Ломоносов был создателем того направления в исторической науке, которое исходит из мысли о примате внутреннего развития народов в создании государств, не отрицая, но и не давая первое место внешним влияниям. Это-то и является основной замечательной особенностью исторических трудов Ломоносова».

Интересные, оригинальные суждения, подкрепленные зачастую цитатами из исторических источников (его цепкая память удерживала множество таких цитат), высказывал Михаил Николаевич постоянно в устных выступлениях и беседах в домашней обстановке. Суждения, услышанные из уст ученого во время научного диспута, заседания или даже в споре и во время беседы, затем обретали самостоятельную жизнь, становились как бы общей принадлежностью, и не всегда теперь можно определить их первоисточник. Да и сам Михаил Николаевич, отличавшийся особой живостью реакции на всякое суждение, обычно активно воспринимал услышанные или вычитанные выводы и наблюдения, особенно в близких ему областях конкретного исследования и тогда, когда заметно было

сходство этих мыслей с его собственными. Михаил Николаевич как бы впитывал в себя эти мысли и затем уже развивал их далее, обогащая многими новыми фактами, существенно расширяя поле наблюдения, находя разнообразные линии взаимосвязи и стыки со своими прежними представлениями. Иногда он и вовсе забывал о первичном толчке, и это понятно, ибо мысли эти, продолжая обрастать дополнительными ассоциативными впечатлениями, становились действительно своими, «выстраданными». Михаил Николаевич широко делился своими соображениями (и глубоко продуманными, выношенными как бы, и только что возникшими) и сам обладал способностью быстро осваивать стороннюю мысль. Михаил Николаевич был творческим собеседником, мастером «учительной» беседы. Общение с ним обогащало ученого.

* * *

Михаил Николаевич был прирожденным педагогом. Исследовательская работа у него теснейшим образом взаимосвязывалась с преподавательской. Преподавательская деятельность была ему внутренне необходима, в то же время Михаил Николаевич считал обучение молодежи и своей обязанностью как ученого.

Михаил Николаевич не раз вспоминал годы своего учения. По существу, он прошел две школы — собственно историческую в Московском университете, где особое влияние на него оказали Р.Ю. Виппер*, М.М. Богословский и С.В. Вахрушин, и филологически-литературоведческую, когда в 1920 г. работал в Самаре под руководством В.Н. Перетца** и в Москве под руководством М.Н. Сперанского. Своим учителем в области палеографии Михаил Николаевич признавал В.П. Адрианову-Перетц, нередко рассказывал о самарских временах, всегда с душевной симпатией относился к Варваре Павловне и выделял ее научные труды.

Еще прежде, в годы учения в петербургском коммерческом училище, на него большое впечатление произвел его школьный учитель Б.Д. Греков, зародивший, по словам Михаила Николаевича, интерес к русской письменности⁴¹ (портрет молодого Бориса Дмитриевича с дарственной надписью своему ученику всегда висел в комнате Михаила Николаевича).

* С Р.Ю. Виппером впоследствии, уже в 40—50-х годах, у Михаила Николаевича были близкие отношения. В письме от 25 октября 1947 г. Р.Ю. Виппер благодарит Михаила Николаевича за заботу «о выведении в свет» своей книги «История средних веков» (редактором которой был Михаил Николаевич). Особенно любопытно собственноручное письмо от 21 июля 1954 г. В нем старейший академик сообщает о том, что в исследованиях Михаила Николаевича ищет «ответа на вопрос о социальном строе в старинной Руси», а затем пишет: «Не успел рассказать вам один касающийся Вас генеалогический анекдот. В 1871 или 1872 г. (очевидно, Р.Ю. Виппер ошибся в дате: это могло произойти не ранее 1874 г.— С. Ш.) посетил Московский университет кн. Ширинский-Шихматов в торжественных белых штанах. Ему представляли профессоров, между прочим медика Владимира Андреевича Тихомирова и филолога Николая Саввича Тихонравова. Сановник, не очень внимательно вслушивавшийся, ласково спросил: "А вы родственники?" На что Николай Саввич отвечал: "Да, Ваше сиятельство: Тихомировы, Тихонравовы и Тихо де Браге все родственники"».

** В.П. Адрианова-Перетц писала впоследствии (в письме к М.Н. Тихомирову от 25 декабря 1958 г.) о В.Н. Перетце как «о нашем общем учителе» и, посылая сборник последних статей В.Н. Перетца, отмечала: «Владимир Николаевич всегда с большой теплотой и сердечностью относился к Вам и ценил Вас не только как "настоящего" ученого, но и как одного из своих друзей».

«Определяющим своим учителем» Михаил Николаевич считал С.В. Бахрушина, называл своих учеников внуками Сергея Владимировича. «Я, конечно, горжусь и, как всегда раньше, гордился тем, что работал когда-то под Вашим руководством», — писал М.Н. Тихомиров С.В. Бахрушину 23 апреля 1942 г.

Михаил Николаевич как-то по-особому уважительно относился к своим учителям, к тем, кому был обязан своим формированием как ученого, помнил добро и внушал эту мысль своим ученикам. Он был одним из немногих, кто сохранял прежние отношения с М.Н. Сперанским вплоть до его кончины. Неизменным оставалось и его отношение к В.Н. Перетцу *. И Михаил Николаевич с грустью, гневом и даже какой-то брезгливостью отзывался об ученых, отступившихся от своих учителей и доброжелателей.

Михаил Николаевич видел тесную и непрерывную взаимосвязь учителей и учеников. В цитированном уже его письме к С.В. Бахрушину, написанном в связи с награждением Сергея Владимировича Государственной премией, находим интересное высказывание: «Ваш успех в конечном счете является успехом и Ваших учеников. Тут уже какая-то неразрывная связь. Потому, что если профессора выбирают студентов для продолжения их работ, то ведь и студенты тоже выбирают для руководства профессоров». Позже, уже став академиком, Михаил Николаевич писал: «Студенту не безразлично, у кого он учится. Иной окончивший вуз всю жизнь потом с гордостью вспоминает, у каких профессоров он учился» ⁴².

Михаил Николаевич высоко ценил свидетельства близости ученых с молодежью. Поддерживая выдвижение на академическую премию книги Н.В. Устюгова «Солеваренная промышленность Соли-Камской в XVII веке», М.Н. Тихомиров писал: «Н.В. Устюгову принадлежит заслуга поддержания среди нашей молодежи постоянного интереса к истории того столетия, с которого, по словам Ленина, начинается новый период русской истории. Никакими премиями нельзя вознаградить ту громадную работу, которую Н.В. Устюгов бескорыстно проводил и проводит, консультируя нашу молодежь по вопросам истории России XVII века». Когда вышел сборник студенческих научных работ в Московском государственном историко-архивном институте (том 16), Михаил Николаевич просил Е.В. Чистякову передать директору института, что он придает большое значение этому изданию и радуется за студентов.

Михаил Николаевич и сам обогащался от общения со студентами, с научной молодежью. В автобиографической заметке 1955 г. Михаил Николаевич вспоминал о том, что немало в его исследовании о Русской Правде навеяно работой в студенческих семинарах **. «Ничто так не

* В.П. Адрианова-Перетц писала Михаилу Николаевичу (25 декабря 1958 г.): «Ведь совсем немного есть людей, которые в отношении нас обоих не менялись за минувшее с 34-го года время... Конечно, с 57-го года я услышала немало хороших слов о Владимире Николаевиче от людей, которые до этого молчали, но зачем мне они? Ваше доброе отношение я всегда чувствовала и в самые глухие годы...»

** Михаил Николаевич долго помнил первые семинары по Русской Правде в ИФЛИ, когда студенты продолжали спорить по этим вопросам допоздна. Однажды Михаил Николаевич задержался с другим профессором после занятий и, «выйдя из здания института, заметил во дворе спорящих студентов. «О чем вы спорите?» — спросил их Михаил Николаевич. «Да все о том же, о происхождении Русской Правды». И много лет спустя Михаил Николаевич рассказывал об этом эпизоде.

мобилизует ученого, как вопросы студентов, их неудовлетворение поверхностным или непродуманным ответом, когда, как в сказке Андерсена, если профессор не подготовлен, с него снимается покров наигранной учености и "король оказывается голым"⁴³.

Лекции Михаила Николаевич читал невыразительно, и по-настоящему оценить их научную глубину и богатство содержания легче было студентам старших курсов, но уже первокурсникам становилось понятным, каким выдающимся педагогом и ученым является научный руководитель их семинарских занятий.

Под руководством Михаила Николаевича студенты проходили школу подлинного исторического и собственно источниковедческого исследования. Михаил Николаевич никогда не глушил самостоятельную мысль, был снисходителен к скороспелым смелым построениям, понимая, что возникают они не от злого умысла, а попросту от слабого знания истории и источниковедческой неподготовленности студентов. Он старался, чтобы студент сам убедился в недостаточной обоснованности своей точки зрения, советовал ознакомиться с дополнительными источниками и литературой, здесь же наизусть сообщая не только названия изданий, но зачастую и их выходные данные. Однако Михаил Николаевич решительно пресекал легковесное кокетничание гипотезами ради гипотез, бравадование критикой трудов предшественников, не терпел никакой претенциозности и, уж конечно, никоим образом не допускал списывания из чужих трудов без указания первоисточников (при великолепном знании Михаилом Николаевичем исторической литературы выявить что-либо малоизвестное было практически почти невозможно). Уже первокурсников он обучал правилам оформления научных трудов, стремился внушить студентам уважение к работам своих предшественников и воспитать у них уважение к собственному научному творчеству. Предостерегал Михаил Николаевич и от стилистических излишеств, языковой небрежности, приучая нас писать ясным, доступным языком. Никогда не забыть, как после первого моего семинарского доклада Михаил Николаевич вслед за характеристикой доклада по существу, с присущей ему ехидной интонацией сказал: «Вот Вы пишете: "Бояре яростно сопротивлялись, руками и ногами отстаивая свои привилегии и свои сундуки". Как это они действовали ногами? Объясните, пожалуйста».

По завершении на первом курсе семинарских занятий по отечественной истории периода феодализма руководитель семинара пригласил для беседы нескольких студентов и предложил темы самостоятельных исследований. Нас поразили вначале и самый факт подобного предложения со стороны большого ученого и тщательно продуманные, удачно подобранные темы, отвечавшие индивидуальным склонностям каждого из нас. Стало очевидно, что руководитель семинара, строго и даже придирчиво относившийся к нам во время занятий, внимательно изучил нас, безошибочно определив и наши склонности и наши возможности.

Михаил Николаевич знал секреты неожиданного поощрения студентов. На пятом курсе Михаил Николаевич руководил занятиями по палеографии для студентов, специализировавшихся по истории феодального периода. Михаил Николаевич прочел четыре лекции, а затем занятия уже велись в Историческом музее при постоянной консультации М.В. Щепкиной. Зачет Михаил Николаевич принимал своеобразно. Сту-

дент обязан был транскрибировать определенное количество листов текста и читать этот текст по подлиннику в то время, когда Михаил Николаевич знакомился с его транскрипцией. Тем студентам, ответами которых Михаил Николаевич остался особенно доволен, он поставил вместо «зачета» оценку «отлично». Это небольшое нарушение формальностей показалось тогда очень приятным.

Студенты Михаила Николаевича еще в годы учебы бывали у него дома, сопровождали его в прогулках (точнее сказать, прогулках-экскурсиях) по старой Москве и русским городам, приобщались к высокой школе творческого мышления. Уважительное отношение ученого к совсем еще молодым людям, почти совершенно не осведомленным в исторической науке, доверие к нам, конечно, особенно привлекали молодежь. Такое отношение к молодежи, щедрая отдача своих знаний были традицией лучших профессоров исторического факультета Московского университета тех лет!

Михаил Николаевич владел особым искусством «улавливать» учеников — заинтересовывал их трудными и свежими темами, подбадривал и поддерживал робких, вовремя останавливал зарвавшихся. Творческая неутомимость Михаила Николаевича, редкостные трудолюбие и работоспособность, неудержимая любознательность, научная страстность, внутренне присущее ему чувство гражданского долга — все это было действенным примером для молодежи. «Счастливы те люди, которые могут вызвать в молодых душах интерес к науке, к знанию», — восклицал Михаил Николаевич в статье, посвященной Б.Д. Грекову⁴⁴. Эти слова Михаил Николаевич мог с полнейшим правом отнести прежде всего к самому себе.

В дни 200-летнего юбилея родного Михаилу Николаевичу Московского университета М.Н. Тихомиров писал: «Кажется, нет такого значительного города в СССР, где бы я не встретил бывших студентов, слушавших мои лекции или занимавшихся у меня в семинарах. Не стоит и говорить о том, какой теплотой веет от таких встреч, хотя я никогда не был особенно "добрым" на занятиях, экзаменах и зачетах.

Для учителей, — а я в своей жизни был не только преподавателем высшего учебного заведения, но и учителем средней школы, преподавателем рабфака, техникума и т. д. — для учителей нет большей радости, чем видеть, как их ученики входят в жизнь и трудятся на благо нашей Родины»⁴⁵.

Михаил Николаевич был крайне озабочен будущим нашей исторической науки, системой образования в вузах* и подготовки научных кадров через аспирантуру. Михаил Николаевич был убежден в том, что «не должно быть академических работников, оторванных от воспитания

* Очень волновала Михаила Николаевича и система школьного исторического образования. «Первое, что бросается в глаза при знакомстве с программами и учебниками литературы и особенно истории, — писал М.Н. Тихомиров, — это несоответствие их возрасту детей. Нередко в очень раннем детстве у ребят проявляются выдающиеся музыкальные способности. Но мир пока еще не знал ни одного пятнадцатилетнего экономиста, историка или философа. А таких философов и историков, судя по программам и учебникам, стремятся сделать некоторые наши методисты. Программы и учебники крайне перегружены деталями. Порой авторы, составляющие пособия для школ, имеют в виду не столько учителей и учеников, сколько рецензентов»⁴⁶.

молодых ученых; не должно быть и профессоров, оторванных от науки». «Разрыв высшей школы и научных учреждений — очень печальное явление», — справедливо заключал он в статье 1956 г.⁴⁷

* * *

Михаил Николаевич имел много учеников. Однако, пожалуй, правильнее было бы ограничить круг его непосредственных учеников теми, кто писал под его руководством дипломные работы и кандидатские диссертации и далее оставался тесно связанным в своей работе с Михаилом Николаевичем. В большинстве своем это были бывшие студенты Михаила Николаевича, занимавшиеся в его семинарах и спецсеминарах; некоторые стали работать под руководством Михаила Николаевича в годы аспирантуры. В последние годы под руководством Михаила Николаевича писали докторские диссертации и ученики других исследователей (А.А. Зимин — ученик С.В. Бахрушина, В.Д. Королук — ученик В.И. Пичеты и др.), уже прежде зарекомендовавшие себя как самостоятельные ученые. Тематика научных трудов учеников Михаила Николаевича крайне разнообразна — это отражает широту научных интересов учителя, уникальность его специальных познаний.

Основная задача работы Михаила Николаевича с аспирантами была сформулирована им самим в статье в «Вестнике высшей школы». Она «тесно связана с необходимостью развивать и углублять интерес к самостоятельной деятельности, не заглушать его пассивными методами работы»⁴⁸. В то же время Михаил Николаевич щедро делился своим опытом самой техники изыскания и изучения исторических источников, написания и оформления научных трудов.

В отношении к аспирантам у Михаила Николаевича заметно проявлялся индивидуальный подход. Он, например, по-разному читал диссертации своих учеников. Работы одних он читал, редактируя их, буквально построчно. На полях других работ делал лишь небольшие (но обычно очень выразительные) замечания и всегда искал доходчивые (иногда неожиданные) и опять-таки крайне индивидуальные методические приемы. Вспоминаются два эпизода. Однажды Михаил Николаевич торопился и, отдавая главу диссертации, буркнул на ходу: «Вы чей ученик? Михаила Николаевича Тихомирова или Михаила Николаевича Покровского?»*. «Тихомирова», — ответил я, опешив. «Тогда почему же у Вас столько социологических рассуждений?» На последнем листе отданной работы было написано: «А сие от ветра главы своея». В другой раз Михаил Николаевич предложил встретиться не дома и не в Историческом музее (где в Отделе рукописей он обычно беседовал с аспирантами), а на улице, возле Института истории (тогда он помещался еще на Волхонке). Почти ничего не говоря, Михаил Николаевич идет к Дому ученых и предлагает победать с ним. И вот там уже начинается серьезный и малоприятный для меня разговор о недостатках прочитанной им части работы. Через не-

* Занявшись в последние годы жизни редактированием сочинений М.Н. Покровского, М.Н. Тихомиров обнаружил для себя в них немало ценного. Он не раз делился во время бесед своими соображениями о концепционистской силе Покровского как историка и был энергичным поборником издания его сочинений.

сколько лет Михаил Николаевич сказал: «Помните наш разговор в Доме ученых? Я ведь не случайно Вас туда пригласил. Я опасался, что если мы встретимся один на один, произойдет неприятный разговор, могут быть излишне острые споры и добром это не кончится. А так, за столиком, рядом с двумя незнакомыми людьми, поговорили спокойно, и к лучшему».

Для своих непосредственных учеников «Михаил Николаич» был близким, дорогим человеком и очень много значил в жизни каждого из нас. И он обычно привязывался к своим ученикам, и со многими учениками отношения перерастали в настоящую дружбу. Внезапная кончина особенно близкого ему из учеников Саши (Александра Николаевича) Мальцева едва ли не явилась толчком для резкого ухудшения состояния здоровья Михаила Николаевича, приведшего к инфаркту. По существу, Михаил Николаевич был более связан с поколением своих учеников, чем со своими сверстниками (но зато отношения с близкими ему сверстниками были длительными и крепкими) *. В его холостяцкой квартире обычно вечером находился кто-либо из учеников или учениц. Из сверстников, так сказать, по-домашнему бывали немногие (чаще других Владимир Иванович Лебедев).

Хотя в отношениях с людьми Михаил Николаевич был неровен, часто раздражителен, обидчив, даже мелочно придирчив, он никогда не был и не мог быть равнодушным и сам не терпел в людях равнодушия, безразличия, Потому-то Михаил Николаевич зачастую и сердился на нас — по поводу, а иногда и без повода, — что мы были для него небезразличны. Он болезненно переживал проступки своих учеников и размолвки с ними и детски радовался, когда после временных размолвок восстанавливались прерванные было дружеские отношения. Все наши дела — и научно-педагогическую работу, и общественную деятельность, и житейские обстоятельства — и все наносимые нам обиды (или, что он принимал за обиды) он близко принимал к сердцу.

Михаил Николаевич с особой радостью выступал оппонентом при защите докторских диссертаций бывшими своими аспирантами и в последние месяцы жизни говорил о своем желании быть оппонентом любимой своей ученицы Лёли (Елены Викторовны) Чистяковой. В дни наших защит (и иногда даже и докладов) Михаилу Николаевичу трудно было работать, и волновался он едва ли не более нас. И если он не мог присутствовать на диспуте, ему немедленно сообщали по телефону результаты голосования или итоги обсуждения, а затем уже — в один или несколько приемов — и все подробности заседания. Михаил Николаевич никогда не оставлял нас ни советом, ни помощью. Он был нашим другом.

* * *

Конечно, приходилось говорить с Михаилом Николаевичем отнюдь не только о тематике научной работы. За чайным столом у него в квартире (Михаил Николаевич был гостеприимным и хлопотливым хозяином) или

* Михаил Николаевич очень верно написал в письме от 30 апреля 1942 г. к Н.Л. Рубинштейну, к которому еще с довоенных лет испытывал большую симпатию: «Дорогой Николай Леонидович, никогда не сомневайтесь в моих дружеских чувствах к Вам. Я не просто схожусь с людьми и еще менее просто забываю о них».

во время прогулок, а в последние месяцы в больнице Михаил Николаевич много и охотно говорил и об общественной жизни, и о литературе, и, конечно, об общих знакомых.

Михаил Николаевич был остроязычным собеседником, но не любил малосодержательной, так называемой светской болтовни — быстро утомлялся и приходил в дурное настроение. Остроумие его легко обнаружить и по сохранившимся печатным рецензиям и отзывам на работы, по письмам, запискам и особенно, конечно, по шуточным стихам и пародированию старинных документов.

Михаил Николаевич успешно продолжал обычай составления пародийных грамот в стиле XVII в., писал он юмористические, точнее даже сатирические вирши и размером современного стиха. Сочинял стихи быстро и как бы невзначай. Писал иногда даже во время ученых заседаний. Однажды, например, во время доклада в Секторе отечественной истории периода феодализма (зимой 1949/50 г.) Михаил Николаевич что-то сосредоточенно писал и, уходя из комнаты заседаний, когда начались прения, сунул мне в руку бумажку с надписью: «Сие не показывать иноверцам». Оказалось, что это свежесочиненные четыре четверостишия по поводу доклада.

Среди таких шуточных документов из архива Михаила Николаевича любопытна грамота, датированная августом 7453 г. (т. е. 1945 г.) о пребывании Михаила Николаевича на раскопках в селе Беседах у окольного Артемия Владимировича Арциховского: «...И я невольню у него на дворе жил и с ним ходил на земские дела, клады рыти и всякое узорочье искати. Да с ним же, с Артемием, были разные деловые люди, мужики и девки, а всех было человек шесть или семь. И как, государь, они встанут на рассвете и, богу не молясь, сядут за стол, а креста и поклонов не положат и в Успеньев пост мясо и молоко ели. А как поедят и пойдут, возьмут лопаты и пойдут на кладбище мертвых копати. А коих людей кости от века лежали вечно и неподвижно, от земли обнажают, и с них кузнь всякую емлют и кости в горшки кладут...» и далее в том же роде. Живо составлена и грамота, адресованная «земскому старосте» Георгию Андреевичу Новицкому, в которой описывается, как Михаил Николаевич, будучи 8 сентября 1950 г. «по своему земскому делу» в Смоленске, встретил там известного местного историка Д.П. Маковского: «И в ту пору как я к Пречистой на гору ходил, повстречался мне Данилко Маковский, и тот Данилко пишет всякие книги да и о том как Смоленск стал и в какое место и когда ставили. И стал мне тот Данилко Маковский угроживати, что-де ты по Смоленску ходишь да высматриваешь — видать-де, что ты в Смоленске проведываешь. И я ему отказал, что приехал-де, я к Данилу Авдусину и ему-де, Маковскому, до меня дела нет, и он мне всякими казнями угроживал и я-де, боясь от него смертного убойства, бежал к Даниле Авдусину в Гнездово, а тот Авдусин в Гнездове клады копает...» В той же грамоте описываются внешний вид и приметы московских археологов («...а у того Кислова брада черная и лепотою всякою украшена ничем против рабиновичевской московской бороды не хуже»). На книге «Пособие по изучению „Русской Правды“» вскоре после опубликования составленного мною «Списка печатных работ» М.Н. Тихомирова, Михаил Николаевич сделал надпись: «...яко главному моему книгочию...»

Не случайно, что и Михаилу Николаевичу отвечали тем же: среди надписей на подаренных ему книгах и оттисках имеются имитирующие древнерусские надписи А.В. Арциховского и Б.А. Рыбакова («Болярину Михаилу Тихомирову бьет челом стригольник еретик Бориско» и др.), В.И. Малышева, А.В. Медведева, А.В. Муравьева. «Юмористической челобитной» «государю милостивцу и наставнику нашему боярину Академии всеа Великия и Малыя и Белья Руси и иных земель» приветствовали Михаила Николаевича в день его 70-летия «служилые средних и малых чинов людшики, испомещенные в Московской университетской феодальной вотчинке» — преподаватели кафедр Московского университета, участвовавшие в сборнике статей в честь М.Н. Тихомирова. Михаил Николаевич ценил юмор, хорошо знал и ощущал силу и богатство русского языка — и старинного, и современного.

* * *

Михаил Николаевич многим напоминал демократов-разночинцев: и внешним обликом своим, и своими житейскими, бытовыми вкусами, и редким трудолюбием, и главное — необычайно развитым чувством гражданственности, общественного долга, потребностью служения делу просвещения народа. Разночинца, русского посадского человека напоминал он и характером своим — острым быстрым умом, деловой смекалкой и практической смысленностью, вольнолюбием и неукротимостью нрава, даже склонностью к дерзкому озорничеству.

Михаил Николаевич как бы воплощал в себе традиции передовой русской демократической интеллигенции. Он постоянно жил интересами своего народа. И в последний свой час Михаил Николаевич тоже думал об этом.

Неутомимый первооткрыватель, знаток и защитник рукописных ценностей М.Н. Тихомиров собрал уникальную личную коллекцию рукописей и старопечатных книг. Богатство и разносторонность коллекции делают ее едва ли не наиболее значительной из подобных частных собраний наших дней. Коллекцию эту (вместе с собранием икон и картин) Михаил Николаевич еще при жизни передал в дар Сибирскому отделению Академии наук СССР в Новосибирске *. «Это событие исключительного культурного значения для Сибири — страны будущего», — писал Михаилу Николаевичу А.П. Окладников. Библиотеку свою М.Н. Тихомиров завещал Дальневосточному университету во Владивостоке, занятия в котором открывал своими лекциями. Михаилу Николаевичу хотелось, чтобы в этих молодых центрах культуры поскорее оформилась, так сказать, материальная база для плодотворных занятий гуманитарными науками **. Эти благородные поступки достойно венчают жизненный путь ученого-патриота.

* В.И. Шунков в письме от 27 декабря 1964 г. передает от имени присутствовавших на заседании Археографической комиссии, где были заслушаны доклады о «Тихомировской коллекции рукописей», «благодарность и восхищение собравшихся блистательным даром Сибирскому отделению АН СССР».

** А.П. Окладников благодарил М.Н. Тихомирова (в письме от 6 июня 1964 г.) за то, что он «постоянно вдохновлял» ученых Сибири, «вселял уверенность в успехе нашего научного предприятия, в том, что гуманитарные науки будут признаны в Сибири... Вы были в свое время добрым предсказателем и пророком, а по сути дела больше: добрым гением моим и всех нас — сибиряков...»

* * *

Михаил Николаевич был не только крупнейшим ученым, но и многогранным незаурядным человеком. Общественное воздействие деятельности и личности М.Н. Тихомирова было очень велико — само сознание того, что существует Михаил Николаевич, как бы предостерегало от конъюнктурщины, легковесности научных выводов, забвения приемов источниковедческой критики, неуважения к культурным традициям.

Михаил Николаевич не любил высоких слов, не умел ни писать их, ни произносить. Ни к чему подыскивать такие слова для характеристики этого ученого, да и трудно найти слова для выражения благодарности Михаилу Николаевичу Тихомирову за все то, что он сделал для нашей науки, для отечественной культуры. Михаил Николаевич всегда думал о будущем нашей науки, глубоко верил в него. Нет сомнения в том, что трудам его суждена долгая жизнь. Хочется думать, что прочтут и книгу о жизненном подвиге Михаила Николаевича Тихомирова.

¹ Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1946. С. 4.

² См. об этом: Шмидт С.О. О методике выявления и изучения материалов по истории советской исторической школы // Тр. МГИАИ. М., 1965. Т. 22. С. 36—37.

³ Известия. 1962. 30 окт. [Перепечатано в кн.: Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М.Н. Тихомирова. М., 1967. С. 15].

⁴ Шунков В.И. Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности [М.Н. Тихомирова] // Михаил Николаевич Тихомиров. Материалы к биобиографии ученых СССР. М., 1963. С. 9.

⁵ Тихомиров М.Н. Откровения Чадвик о начале русской истории // ВИ. 1948. № 4. С. 11.

⁶ Тихомиров М.Н. Древнерусские города. С. 254.

⁷ Известия. 1962. 30 окт.

⁸ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 9 т. М., 1935. Т. III. С. 9.

⁹ Белецкая В., Андреев А. Загадки гробницы Ивана Грозного // Огонек. 1965. № 12. С. 30.

¹⁰ Тихомиров М.Н. Последние из рода Калиты // Известия. 1963. 22 июля [Тихомиров М.Н. Российское государство XV—XVII веков. М., 1973. С. 81].

¹¹ ВИ. 1947. № 4. С. 120.

¹² ВИ. 1947. № 11. С. 159.

¹³ ВИ. 1947. № 4. С. 120.

¹⁴ Тихомиров М.Н. Средневековая Россия на международных путях (XIV—XV вв.). М., 1966. С. 150.

¹⁵ ИСССР. 1958. № 5. С. 56.

¹⁶ ВИ. 1947. № 4. С. 122.

¹⁷ Тихомиров М.Н. Дорога в историческую науку // Московский университет. 1955. 7 мая (курсив мой. — С. Ш.). [Перепеча-

тано в кн.: Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М.Н. Тихомирова. С. 7.]

¹⁸ Тихомиров М.Н. Об охране и изучении письменных богатств нашей страны // ВИ. 1961. № 4. С. 67.

¹⁹ Шунков В.И. Указ. соч. С. 13—16; Буганов В.И. Источниковедение в трудах академика М.Н. Тихомирова (к 70-летию со дня рождения) // ПИ. М., 1963. Вып. 11. С. 514—523; Валк С.Н. Археографическая деятельность академика М.Н. Тихомирова // АЕ за 1962 год. М., 1963.

²⁰ ЦГАОР СССР. Ф. 9506. Оп. 9. Д. 410 [Тихомиров М.Н. Российское государство XV—XVII веков. С. 299].

²¹ Тихомиров М.Н. К пятилетию со дня смерти академика Бориса Дмитриевича Грекова // ИСССР. 1958. № 5. С. 54.

²² ВИ. 1945. № 2. С. 146.

²³ Тихомиров М.Н. Андрей Рублев и его эпоха // ВИ. 1961. № 1. С. 4.

²⁴ Дмитриев С.С. К истории советской исторической науки. Историк Н.Л. Рубинштейн // Учен. зап. Горьковского гос. университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. историко-филологическая. Горький, 1964. Вып. 72. С. 70.

²⁵ Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 247—249, 263—264.

²⁶ Ср.: Тихомиров М.Н. Древнерусские города. 1-е изд. М., 1946. С. 72—73; 2-е изд. М., 1956. С. 421—423.

²⁷ Тихомиров М.Н. Рец. на: Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков / Подготовка текста и статьи В.И. Малышева. М.; Л., 1952 // ИЮЛЯ. 1953. Т. XII. Вып. 2. С. 171.

²⁸ Тихомиров М.Н. Летопись нашей эпохи // Известия. 1962. 30 октября.

²⁹ ЦГАОР. Ф. 9056. Оп. 9. Д. 317.

- 30 *Белявский М.Т.* Памяти большого ученого // Вестник Московского университета. Сер. IX. История. 1966. № 1. С. 9.
- 31 *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955. С. 5—6. (курсив мой. — С. Ш.).
- 32 *Тихомиров М.Н.* О библиотеке московских государей (Легенды и действительность) // Новый мир. 1960. № 1.
- 33 *Тихомиров М.Н.* Средневековая Россия на международных путях (XIV—XV вв.). С. 159.
- 34 *Тихомиров М.Н.* Письмо в редакцию // ВИ. 1948. № 3. С. 159.
- 35 Отдел рукописей ГБЛ. Ф. Н.Л. Рубинштейна.
- 36 ВИ. 1948. № 3. С. 159.
- 37 ВИ. 1961. № 4. С. 62, 68.
- 38 *Тихомиров М.Н.* Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. С. 3.
- 39 *Тихомиров М.Н.* Летопись нашей эпохи // Известия. 1962. 30 октября.
- 40 *Тихомиров М.Н.* Древнерусские города. Изд. 1-е. С. 5.
- 41 *Тихомиров М.Н.* К пятилетию со дня смерти академика Бориса Дмитриевича Грекова. С. 57.
- 42 *Тихомиров М.Н.* О молодых ученых и исследовательской работе // Вестник высшей школы. 1956. № 7. С. 17.
- 43 *Тихомиров М.Н.* Дорога в историческую науку // Московский университет. 1955, 7 мая.
- 44 ИСССР. 1958. № 5. С. 57.
- 45 Московский университет. 1955, 7 мая.
- 46 Вечерняя Москва. 1958, 19 декабря [перепечатано в кн.: Новое о прошлом нашей страны. С. 18].
- 47 Вестник высшей школы. 1956. № 7. С. 16, 17.
- 48 Там же. С. 14.

В.И. ШУНКОВ — ИСТОЧНИКОВЕД И АРХЕОГРАФ *

Первые десятилетия творческой деятельности

Весомость вклада, внесенного Виктором Ивановичем Шунковым в науку, в познание прошлого нашей страны, в значительной степени объясняется тем, что в Викторе Ивановиче необычайно целостно сочетались историк и источниковед. Виктору Ивановичу присуще было в полной мере редкое чувство исторического материала, он в совершенстве владел методикой источниковедческого исследования.

Ученый, склонный и способный к широким и смелым обобщениям, к социологическому подходу к историческим явлениям, В.И. Шунков в то же время обладал склонностью и способностью к скрупулезнейшему источниковедческому анализу исторического материала, даром конкретно-исторического видения. В В.И. Шункове творчески сочетались мастерство марксистско-ленинской методологии и мастерство исследовательской профессиональной методики изучения исторического материала, унаследованное еще от лучших представителей до марксистского периода развития нашей науки. Его труды не только существенно обогащают наши исторические представления, совершенно по-новому объясняя важные и сложные исторические явления, но и являются школой исследования, школой исторического и собственно источниковедческого мастерства. И это тем более бросается в глаза, что В.И. Шунков обладал еще и счастливым умением писать не пространно, а объемно, и маленькие его работы имеют подчас не только меньшее научное значение (и по поставке

* Опубликовано в кн.: АЕ за 1967 год. М., 1969. С. 356—362. В основе статьи — доклад на заседании памяти В.И. Шункова 28 февр. 1968 г.

вопросов, и по мастерству анализа источников, и по четкости выражений), чем его большие исследования. В.И. Шунков был одним из самых умных и образованных и, говоря старым языком, просвещенных деятелей нашей науки.

В.И. Шунков влиял на развитие нашей науки не только своими трудами — книгами, статьями, докладами, но и непосредственным направляющим воздействием на движение исторической мысли и своих учеников, и отдельных ученых, и больших коллективов историков, влиял своими устными замечаниями — краткими, но всегда выразительными и серьезными, — даже вопросами во время заседаний и, конечно же, своей многосторонней организаторской деятельностью. Эта направляющая научно-организаторская деятельность В.И. Шункова подчас даже заслоняла для неспециалистов его научно-исследовательскую деятельность, до сих пор все таки еще недостаточно глубоко оцененную.

Хотелось бы остановиться на некоторых малоизвестных фактах преимущественно того начального периода деятельности В.И. Шункова, когда происходил процесс становления ученого. У Виктора Ивановича очень рано проявился глубокий интерес к истории, к изучению ее на материалах первоисточников.

В.С. Познанский обнаружил в архиве замечательный документ — письмо студента Томского университета В.И. Шункова от 2 июня 1921 г., присланное из г. Мариинска, известному сибирскому ученому-краеведу Н.Н. Бакаю, который в то время руководил Томским губернским архивом¹. Это письмо свидетельствует об участии Виктора Ивановича в археографических экспедициях, целью которых было выявить новые документальные материалы, главным образом по истории революционного движения, и предотвратить их расхищение и гибель.

Уже в этом письме ясно обнаружились свойственные Виктору Ивановичу серьезное отношение к науке, способность оценить значение исторических источников («Ведь, стряхивая пыль, почти в каждой бумажке, от которой веет временем прошлого, находишь значение и важность. Самый скучный статейный список ссыльного, скучный сам по себе, оживает и приобретает интерес лишь только представить, что он в массе других может лечь в основу подсчетов ссыльных, их количества, их общественно-го положения и т. д.»), — писал своему руководителю), смелость в постановке научных проблем и широта тематики (он ставил перед собой задачу «изучить вопрос в общесибирском масштабе»), практическая деловитость (как именно может справиться губархив «существующими средствами» с поступающими материалами? что оставить на местах?).

Будучи студентом МГУ, где Виктор Иванович прошел школу С.В. Бахрушина, В.И. Шунков начал преподавать историю в учебных заведениях и сразу же показал себя как даровитый методист. Уже в первой печатной работе, опубликованной в 1926 г., заметен обостренный творческий интерес к краеведению, к истории крестьян, к источниковедению. Впоследствии результаты этой работы с учениками были изложены в другой статье, написанной совместно с преподавателем естествознания Татьяной Михайловной Поповой, впоследствии Шунковой, и опубликованной в 1928 г. Для этих учебно-методических работ характерен как бы взрослый, научный подход, т. е. тот единственный подход, который мог

заинтересовать ребят, внушить им уважение к тому делу, которым они занимались, и соответственно воспитать самоуважение.

Это были годы расцвета краеведения. Тогда же не гнушались заниматься краеведением такие крупные деятели нашей партии и культуры, как Крупская, Кржижановский, Куйбышев, Луначарский. Н.К. Крупская обращала особое внимание на разработку программ школьного обучения, опирающихся на конкретный материал. «А где же черпать этот материал, как не в краеведении? Вот на каждом шагу ощущаешь необходимость того, чтобы всю нашу работу пропитало всестороннее знакомство с краем», — говорила Н.К. Крупская на III краеведческой конференции в декабре 1927 г. И в этом же выступлении она привела как раз пример особенностей развития деревни в разных губерниях Европейской России накануне Октябрьской революции, подчеркнув, что это помогает понять и особенности революционного движения и путей социалистического преобразования в этих районах.

Видные ученые — историки, географы, естествоиспытатели, литературоведы — тоже много сил уделяли краеведческой работе. Под краеведением понимали изучение края в совокупности явлений экономических, общественных и природных. Тогда полагали, что нет особых «школьных» методов, а есть научные методы, что нет «школьного краеведения», а есть «краеведение в школе», как нет школьной математики или школьного естествознания в школе. Только эти научные методы и эти научные представления должны быть доведены до сознания школьника доступными его восприятию способами. И молодой В.И. Шунков был одним из тех, кто нес научные методы познания в школу, в практику школьного преподавания.

В эти годы по инициативе и под непосредственным руководством Н.Е. Крупской передовые педагоги-новаторы вырабатывали и проверяли на практике новые школьные программы и новую методику обучения. Одной из таких опытных школ была очень популярная тогда среди научно-педагогической общественности 2-я опытная школа им. К.А. Тимирязева, руководимая Надеждой Ивановной Поповой (впоследствии видным историком отечественной педагогики) ².

Статья первая «Как мы изучаем деревню» — это сводка докладов, сделанных самими ребятами. Здесь четко определен круг вопросов, на которые школьники могли искать ответ, причем каждый год (работа велась в течение трех лет в летнее время) вопросы все более усложнялись и все время обращалось внимание на источниковедческую сторону. Первая тема «Быт деревни (пережитки старины)». Подчеркивается особый характер темы, ибо материал не поддается быстрой и легкой фиксации, нелегко выявляется путем обычного летучего опроса, необходим метод медленно-вживания в деревню. Затем, когда поняли, что «надо не расспрашивать а видеть и наблюдать», появляется новый сложный комплекс вопросов: общие сведения о деревне — описание, план, сколько домов, сколько человек, сколько бедных и богатых жилищ; жилище — внешний и внутренний вид изб, обстановка, санитарные условия; утварь; семейные отношения; обряды и обычаи, наряды; поэзия — песни, частушки, заговоры, сказки; религия, суеверия; искусство — узоры, резьба, вышивка; язык — старинные слова, слова советского времени, деревенские формы слов, на-

циональные слова, местный словарь; школа и отношение крестьян к школе; партия и деревня — пионеры, комсомольцы, коммунисты, отношение к ним; есть ли клубы, кружки; отношение крестьян к Советской власти, выявление роли Советской власти в изменении деревенской жизни. Деревня, которую изучали и в которой жили и работали, находилась в Рузском районе. Это была небогатая, так сказать, типичная деревня. Предложенные вопросы сразу же приобщали ребят к тому, с чем они должны встречаться в каждодневной жизни. Ведь именно в эти годы печатались книги выдающихся партийных публицистов о быте деревни, и среди них интересная книга Я.А. Яковлева «Деревня, как она есть» — произведение новаторское и в плане собственно краеведческом и в плане этнографического изучения современности (произведение, которое очень полезно было бы переиздать, как исключительно по своей источниковедческой ценности!).

Ребята 2-й опытной школы сталкивались с вопросами хозяйственной жизни, принимали участие в ней, помогая местным жителям в работе на поле и дома (и, конечно, подружился с сельскими ребятами и ездил друг к другу), они оказывали помощь при определении сумм налогов, при переделах земель (проверяли эти данные по материалам исполкома, составляли таблицы, диаграммы, схемы), познавали общественную жизнь — различия крестьян по роду занятий, по имущественному положению, и в то же время знакомились с биологией, географией, учитывали различие севооборота, узнавали народные приметы (поспела малина, значит, поспела и рожь; когда цветет черемуха, надо сеять овес и т. д.).

И когда знакомишься с большими трудами В.И. Шункова и особенно с выписками из источников (с его тетрадами, «амбарными книгами», которые составлены лаконично, по строгой системе), начинаешь понимать, что это как бы прикладное источниковедение очень помогло ему в дальнейшей исследовательской работе. Здесь уже В.И. Шунков столкнулся с важнейшими вопросами методики источниковедения, причем сравнительного источниковедения, когда широко и в сопоставлении использовались различные типы источников (фольклор, лингвистика, письменные, этнографические — непосредственные наблюдения и участие в работе, изобразительные, вещественные). Это делает понятным, почему в последующие годы, несмотря на огромную занятость другими делами, В.И. Шунков умел так быстро обнаруживать, так конкретно и глубоко описывать изучаемые им явления и аграрной истории и истории Сибири в целом.

Не случайно, что, оценивая исследовательские работы других ученых, Виктор Иванович всегда обращал внимание на источниковую базу, на умение видеть специфику естественно-географических условий. Так, в отзыве на докторскую диссертацию В.А. Александрова «Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край)» он пишет: «Работу отличает хорошее понимание и учет географических условий, различных на исследуемой им огромной территории... Это внимание к историко-географической стороне исследования делает описание изучаемых процессов предельно конкретным и выводы убедительными. Привлечение историко-этнографических материалов дало исследователю дополни-

тельные возможности для аргументации его выводов и очень оживило изложение*.

В отзыве на докторскую диссертацию М.М. Громыко «Западная Сибирь в XVIII веке. Очерки русского поселения и земледельческого освоения» читаем: «Очень привлекает стремление автора, широко осуществленное, положить в основу исследования разработку трех типов источников. Их совокупность не только дала обширную источниковедческую базу, но и возможность перепроверки и восполнения показаний отдельных типов источников... Умная и тщательная проработка большого круга источников позволила автору ввести в научный оборот новый фактический материал дать детальное описание основных явлений с модификацией их по отдельным районам изучаемого региона, сформулировать общие выводы»³.

Это особо пристальное и всестороннее отношение к первоисточникам характерно для всей исследовательской работы Виктора Ивановича, начиная еще с аспирантских докладов. Один из них «Греческие колонии на юге России» сохранился. Доклад начинается с источниковедческого обзора, где немало сравнительно-источниковедческих наблюдений, ставится вопрос о достоверности, степени полноты, возможности сопоставлений различных источников. Характерны осторожность и основательность выводов и предложений: «Открытый материал оказывается иногда зыбкой почвой для суждений или ввиду разногласий чтений, или из-за сомнительной датировки».

Мало известна и другая сторона деятельности Виктора Ивановича Шункова, отраженная в архивных материалах далеко не полностью, — его деятельность по преподаванию в области вспомогательных исторических дисциплин. Он вел эти занятия в Московском государственном университете, в Московском государственном историко-архивном институте и в Московском государственном институте международных отношений.

Сохранились материалы занятий по палеографии на истфаке МГУ в 1940/41 учебном году, свидетельствующие о том, что В.И. Шунков был одним из первых, кто создал самостоятельный учебный курс по этой дисциплине. В.И. Шунков, судя по библиографическим заметкам, использовал разнообразную литературу обобщающего и частного характера, в том числе и стенограммы лекционного курса М.Н. Тихомирова (с его авторской правкой). В лекциях обращалось внимание и на сведения по истории палеографии и дипломатики (отечественной и зарубежной), но основной целью было помочь выработать практических навыков в области этих вспомогательных исторических дисциплин. Специальные лекции посвящены были материалам для письма, орудиям письма, орнаменту, правила передачи текста, выработке заголовков, т. е. и элемент археографии. Умело подобраны были образцы почерков и разновидностей документов. Во второй половине 1940-х годов В.И. Шунков вернулся к этим занятиям. Сохранились написанные на другой бумаге и другими чернилами новые дополнительные листы со ссылками на послевоенную литературу.

* Архив АН СССР. Ф. 1555. Фонд В.И. Шункова еще находится в обработке и только благодаря любезности Н.Г. Михайловой, описывающей его, можно было ознакомиться с некоторыми документальными материалами.

Вел тогда В.И. Шунков и практические занятия по палеографии для слушателей краткосрочных архивных курсов. Имеется программа этих занятий, в объяснительной записке к которой определяется основная цель занятий — помочь «приобрести необходимые навыки в чтении памятных книг, писанных скорописью XV—XVIII вв., определения времени их написания, ознакомиться с методами установления подлинности или подложности рукописей и документов». Слушателям сообщались сведения и собственно источниковедческие. Например, в двухчасовой лекции характеризовались внутренние данные источника, важные для определения времени, места его возникновения (имена, топографические данные, события, дни недели, переходящие праздники, особенности языка), в четырехчасовой — юридические особенности документов. При распределении материалов сказала вдумчивый опытный педагог, учитывающий психологию учащихся, возможности и пути восприятия нового материала.

С 1930-х годов В.И. Шунков отдает много сил изучению истории трудового населения России XVIII в. — ремесленников, кабальных людей; готовит публикации документальных материалов, пишет исследовательские работы. Основной герой его исследований, как всегда, народ.

В.И. Шунковым впервые привлечены материалы сыска для изучения истории ремесла. Он приходит к убедительному выводу о раздроблении ремесел между различными группами городского населения Новгорода и Пскова.

Особенно много сделал В.И. Шунков для изучения кабальных книг. Хорошо известна небольшая статья по поводу издания «Новгородские записные кабальные книги», опубликованная в 1939 г. Виктор Иванович восстановил традицию рецензий-исследований — замечательную традицию, столь характерную для современников В.О. Ключевского. В.И. Шунков ставит вопросы: какие источники признавать кабальными книгами, когда они возникли, как модифицировались в течение XVII в., растворившись к 1700 г. в общих крепостных книгах; выясняет, как практика служилой кабалы и крестьянской порядной объединила различные книги прежде, чем это было сделано в административном порядке. Таким образом, было конкретизировано положение, что для делопроизводства Российского государства характерно не конституционное развитие, а зависимость от обычной практики.

В.И. Шунков показал, что кабальные книги, дошедшие до нас почти исключительно по Новгородской и Псковской землям, должны были составлять и в других городах. Исследователь смог прийти к такому суждению на основе изучения множества архивных материалов и печатных изданий. Он выявил новые кабальные книги и составил их полуперечень-полуописание (рукопись эта находится в архиве). Здесь и имена писцов, указание географических мест (отмечены листы соответствующих описаний), пометы о разновидностях документов (порядные, поступные, данные, служилые кабалы и др.), приведены полные заголовки рукописных книг. Рукопись эту, несомненно, необходимо подготовить к изданию и, очевидно, Археографическая комиссия должна этим заняться.

Ознакомление с большим числом кабальных книг и здравый подход к возможностям публикации массовых источников позволили поставить

важнейший вопрос о приемах издания таких массовых источников, содержащих типические данные о трудовом населении. В.И. Шунков полагал, что «нельзя отказываться от всякой обработки документа при издании в силу ложно понятого пизтета перед старой бумагой, не подвергнув этот документ предварительному исследованию»⁴, т. е. провозглашался принцип, что археография — это прежде всего часть источниковедения!

В.И. Шунков показал, что при переплетении рукописных «деловых» книг оказывались перепутанными листы и в тоже время соединенными вместе разные части книг, даже части не схожих между собой разновидностей книг, что необходимо предварительно выяснить при подготовке издания (это подтвердилось ныне и при исследовании писцовых книг).

В рецензии ставится вопрос о строгости археографической подготовки издания, о том, что надо следовать единым правилам даже в оформлении издания (пагинация, орфография); указывалось на необходимость примечаний. Наконец, и это особенно важно, формулируется мысль о необходимости издания таких рукописных книг с сокращениями. Оставлять их «неприкосновенными» было целесообразно тогда, когда известны были две-три книги, но теперь, когда знаем сотни подобных книг, к сокращениям подводит самый характер материала. «Чрезвычайная устойчивость» формуляра самой кабалы и записи и наличие дословных повторений позволяют производить значительные сокращения при публикации без всякого ущерба для исследователя. Это сэкономит не только «бумагу, набор и т. д., но и внимание читателя». «Нет сомнения, — пишет далее В.И. Шунков, — что сокращенное издание требует большого напряжения от составителей. Зато благодаря этой работе можно будет дать в руки исследователя весь сохранившийся материал, и это может служить достаточной наградой за произведенный труд. Именно в разработке приемов сокращенной передачи текста кабалных книг и должен был бы заключаться смысл нового издания».

Здесь сформулирована первостепенная задача современной археографии. Мысль В.И. Шункова в этом отношении близка к мысли и других ученых, размышлявших над проблемами археографии — С.Н. Валка, В.К. Яцунского, А.А. Новосельского и др., сторонников сокращенных изданий. В последние годы такой метод успешно применяется за рубежом, в частности во Франции.

В.И. Шунковым были подготовлены к печати новгородские писцовые книги рубежа XVI—XVII вв. (7101—7117 г.). Машинописный экземпляр этой работы (текст и предисловие) находится в Архиве Института истории. Имеется и отзыв (датированный 31 марта 1938 г.) одного из самых скупых на похвалу ученых С.Б. Веселовского. Он написал в Архивный совет Института истории: «Рассмотрев приготовленные к печати тексты кабал за 106 год, я нахожу, что, во-первых, сокращения проведены последовательно, а во-вторых, ни в коей степени не касаются существенных элементов текстов кабал. Поэтому я считаю приемы сокращений и проведение на деле принятых приемов вполне целесообразным, тем более что они дают не менее 35—40% экономии места».

Уже эти ранние труды Виктора Ивановича подготовили многие его дальнейшие начинания. И совершенно естественно, что именно В.И. Шунков мог ставить сложные вопросы методологии и методики изучения, выявления и издания исторических источников, что именно

В.И. Шунков стал первым редактором журнала «Исторический архив», где выступал с обобщающими обзорными статьями, в том числе об изданиях документальных сборников к 50-летию Октябрьской революции, был постоянным научным консультантом Главного архивного управления. Естественно, что именно он был одним из авторов доклада об издании исторических источников в СССР на X Международном конгрессе историков в Риме (1955 г.), где подводился итог большой проделанной работы и формулировались задачи на будущее. Естественно, что именно Виктор Иванович считал своим наследником организатор Археографической комиссии академик М.Н. Тихомиров. Он был заместителем председателя Комиссии и после кончины М.Н. Тихомирова продолжил его дело. Как председатель Комиссии В.И. Шунков придавал особое значение проблематике источниковедения, научно-методической разработке вопросов археографии, стремился привлечь внимание к изучению и публикации материалов по истории революционного движения и истории советского общества. Естественно и то, что именно В.И. Шунков, возглавив комиссию по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР, в числе многих плодотворных планов предложил серию издания сборников исторических источников. Известно, что он был деятельным сторонником наметившегося еще при Б.Д. Грекове и Н.И. Вавилове научного сотрудничества историков и естествоиспытателей, считая, что при изучении сельского хозяйства (даже нового времени) неписьменные источники не менее важны, чем письменные. Естественно и то, что именно В.И. Шунков возглавил дело систематического изучения источников по истории Сибири XVI—XIX вв.

И тем более грустно, что такой ученый ушел от нас. Наш долг сделать труды его, даже заготовки трудов достоянием научной общественности.

¹ СА. 1968. 2. С. 33.

² *Попова Н.И.* 1 Школа жизни. 2-е изд., переработ. и дополн. М., 1924; Школа в древне. «Школа жизни» с сельскохозяйственным уклоном: Сб. ст. Под ред. Н.И. Поповой. М., 1926; Как мы живем и работаем в нашей «Школе жизни»: Сб. рассказов учащихся 2-й опытной школы

им. К.А. Тимирязева / Под ред. Н. Поповой. М., 1925.

³ Историк-марксист. 1939. № 2. С. 160.

⁴ *Люблинская А.Д.* О новых зарубежных приемах публикации средневековых документов // ВИД. Т. 1. Л., 1968. С. 227—289.

В.И. ЛЕНИН — ЧИТАТЕЛЬ В.О. КЛЮЧЕВСКОГО *

Имеются несомненные доказательства знакомства Ленина уже в молодые годы с трудами Ключевского. Статьи историка публиковались в периодических изданиях, которые интересовали молодого Владимира

* Опубликовано в кн.: Проблемы истории общественного движения и историографии: Сб. к 70-летию М.В. Нечкиной. М., 1971. С. 354—364.

Ильича, в частности в «Русской мысли» *, где были напечатаны в 1880—1890-х годах «Боярская дума Древней Руси», «Русский рубль XVI—XVIII вв. в его отношении к нынешнему», «Происхождение крепостного права в России», «Подушная подать и отмена холопства в России», «Евгений Онегин и его предки», «Состав представительства на земских соборах в Древней Руси» и др. В опубликованных трудах Ленина дважды упоминается имя Ключевского¹: при характеристике явлений социальной истории и Древней Руси² и Московской Руси³. Выявлены и пометы Ленина на последней книге лекционного курса Ключевского по русской истории, где излагаются события с конца XVI до середины XIX в. Это литографированный «Курс новой русской истории В.О. Ключевского 1883/4 ак. года — 322 стр. (изд. Я.Л. Барсков)»⁴. Книга хранилась в личной библиотеке Ленина в Кремле. В издании каталога библиотеки указаны страницы с пометами и подчеркиваниями и приведена надпись на обрывке газетной бумаги: «с. 295—7: общая характеристика периода с к [он] [ца] 18 до 1/2 19 с [толетия]»⁵. В настоящее время книга находится в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС (Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 71) (эти данные также приведены в издании каталога Библиотеки В.И. Ленина).

О ленинских пометах на книге Ключевского упоминалось в статье академика М.В. Нечкиной «История изучения В.О. Ключевского»⁶, в выступлениях на Всесоюзной научной сессии «В.И. Ленин — основоположник советской исторической науки» в декабре 1969 г. (С.О. Шмидта — 23 декабря и А.М. Сахарова — 24 декабря). Специальное внимание ленинским пометам уделено в статье Сахарова «Работа В.И. Ленина над источниками по русской истории»⁷. Сахаров указал подчеркнутые Лениным места в книге Ключевского, приведя некоторые из выделенных Лениным фраз; отмечены в статье и характерные знаки вопроса, дважды поставленные Лениным при чтении книги. Сахаров постарался определить основную направленность ленинских помет, высказал соображения о времени появления помет. Ознакомление с ленинским экземпляром «Курса» Ключевского позволяет еще более конкретизировать эти наблюдения, исправить некоторые неточности статьи, еще раз попытаться определить время появления помет.

В ленинском экземпляре «Курса» недостает последнего листа (с. 321—322). Пометы и синим, и красным карандашом, как отмечено в издании каталога Библиотеки В.И. Ленина, сделаны в первой части книги, где характеризуются явления русской истории конца XVI — первой половины XVIII в. (на с. 1—3, 5, 7, 8, 10, 12, 13, 20—22) и в последней ее части (на с. 295—297 «Обзора явлений русской истории с конца XVIII до половины XIX в.»). Это подчеркивания отдельных фраз и слов, выделение некоторых мест двумя или одной чертой на полях, знаки вопроса, нумерация (римскими цифрами).

В.И. Лениным заинтересовала характеристика Ключевским государственным строем России XVI в. и выделенной оказалась мысль о том, что московский государь не правил своим государством неограниченно, а в

* Ссылки на «Русскую мысль» неоднократно встречаются в сочинениях В.И. Ленина 1890-х годов.

силу обычая делил власть с боярством (с. 1) *. Там, где (на с. 2—3) характеризуются государственный строй и социально-экономические явления России XVII—XVIII вв., подчеркиваются положения о том, что в XVII в. на место боярства во главе общества становится дворянство, и правительство начинает править посредством дворянства, а в XVIII в. дворянство само правит обществом посредством правительства **. Отмечены также мысли о том, что к концу царствования Петра I к прежней сельскохозяйственной эксплуатации страны присоединяется ее промышленная разработка; о соотношении и внутренней связи политического положения народного труда и его экономической производительности.

Остановила внимание Ленина (на с. 7) и характеристика государственного строя русского средневековья (в противопоставлении его современному лектору европейскому типу государства), по мнению Ключевского, сословно-корпоративного, основанного на обязательной связи между сословными правами и государственными обязанностями. Здесь, как уже отмечал Сахаров, Ленин поставил знак вопроса, и исследователь справедливо полагает, что Ленин отсекал тем самым свойственную концепции «государственников» буржуазно-либеральную теорию «закрепления сословий» ¹⁰. На той же странице Ленин подчеркнул слова об управлении обществом высшим правительственным классом в силу древнего обычая, а не своих прав.

Не обошел Ленин и рассуждения Ключевского (на с. 8) о несоответствии между политическими правами и обязанностями лиц и классов как социально-политической особенности государственного строя Московского государства XVI в. при Иване Грозном, о предпосылках событий так называемого Смутного времени. Отмечая тяжесть государственного порядка и пробудившуюся к концу XVI в. в обществе смутную потребность в законном обеспечении лица и имущества от произвола и капризов власти, Ключевский главным событием, приведшим к потрясению государства, признавал пресечение династии. Ленин не только подчеркнул эти слова, но и поставил над словом «династия» два знака вопроса. Естественно, замечает по этому поводу Сахаров, что В.И. Ленин не мог принять столь наивное объяснение причин так называемой смуты ¹¹. Не случайно в другом месте (на с. 2) Ленин особо выделил слова о значении борьбы общественных классов как важнейшего и самого глубокого события «смутного времени».

Прослеживается особое внимание Ленина к тем местам «Курса» Ключевского, где говорится об избрании государей и о роли боярства в государственном управлении. Выделены рассказ об избрании Бориса Годунова на царство путем полицейских хитростей (с. 5); наблюдения историка, что бояре, много потерпевшие при Иване Грозном, желали ограничения власти царя «из своего круга» формальным актом, а первый самозванец не усидел на престоле также потому, что не оправдал ожиданий бояр (с. 10); характеристика условий договора тушинцев 4 февраля 1610 г., согласившихся признать царем Владислава (с. 12—13) (здесь подчеркнуты слова об ограничении власти царя Земским собором и боярской

* Закавыченная в статье Сахарова фраза «царь не правил неограниченно» не точно соответствует тексту на этой странице «Курса» Ключевского ⁸.

** Соответствующая цитата (правда, неточно) приведена в статье Сахарова ⁹.

думой), и условий избрания царем Михаила Романова (с. 20—21). Подчеркиваются и приведенные Ключевским свидетельства современника о том, что при Михаиле Федоровиче бояре обладали всей русской землей и не считались с царем *, и шведа Страленберга (основанные на воспоминаниях русских людей о XVII в.) об ограничительной грамоте, данной этим царем при вступлении на престол. На основании этих и других свидетельств Ключевский пришел к выводу об ограничении власти нового царя боярским советом. Отмечены, наконец, и утверждения Ключевского, что комиссия по составлению Соборного уложения 1649 г. была комиссией боярской думы и что во время проведения этой комиссией кодификационной работы в Москву созвали выборных из всех чинов государства (с. 22).

Остальные пометы относятся к с. 295—297. Об этих страницах написано рукой Ленина (тем же красным карандашом) и на газетном обрывке.

На с. 295—297 «Курса» («Обзор явлений русской истории с конца XVIII до половины XIX в.») изложены «Главные факты государственно-общественной жизни» со смерти Екатерины II до вступления на престол Александра II. Там же написано и о переменах, внесенных XVIII в. в «государственный строй, созданный Московской Русью». Ленин подчеркнул высказывания историка о характерных для XVII—XVIII вв. новых стремлениях и попытках положить основание новому государственному и общественному порядку (с. 295) и о том, что в XVIII в., в отличие от XVII в., когда наблюдалась известная совокупность государственной деятельности сословий, одно, а именно дворянское, сословие становится во главе общества и не только служит правительственным органом, но и само делает правительства, и новые стремления, обнаруживаемые в начале XIX в., тесно связаны с ходом государственной и общественной жизни предыдущего столетия (с. 296).

Обзор завершается сформулированным Ключевским положением о возрастающем значении бюрократии по мере падения правительственного значения дворянства, об усилении в управлении господства бюрократии как прямого, непосредственного органа верховной власти. «Время с 1796 по 1855 г., — пишет Ключевский, — можно назвать самой бюрократической эпохой нашей истории» (с. 296—297). Это место в книге также отметил Ленин.

Пометы сделаны синим и красным карандашами; пометы в конце книги — красным карандашом, так же как и пометы на с. 5, 7, 10, 12—13. Только специалист по изучению ленинских маргиналий сможет определить, является ли это признаком различного отношения Ленина к разным пометам одной и той же книги, особого выделения определенных помет или свидетельствует о разновременности помет.

Литографированные издания 1880-х годов ** отличались от позднейшей, переработанного самим Ключевским «Курса русской истории», вышедшего из печати уже в начале нашего столетия; и можно поддержать мнение Сахарова, что Ленин сделал пометы до выхода этого издания.

* Свидетельство Г. Котошихина (о нем упоминает в своей статье Сахаров¹²), Лениным не отмечено.

** Издание которым пользовался В.И. Ленин, датируется 1883—1884 гг.¹³, точнее, видимо, даже 1884 г. Датировка А.М. Сахарова — 1887 г. — неточна¹⁴.

Сахаров приводит выдержку из ленинского письма М.И. Ульяновой, датированного октябрём 1893 г.: «Мите (т. е. Д.И. Ульянову.— С. Ш.) скажи, чтобы он послал к черту букиниста, который просит 25 р. за Ключевского: больше 4-х рублей нельзя дать»¹⁵. Подобно Б.В. Яковлеву, также цитировавшему это письмо*, Сахаров предполагает, что в письме «речь шла, видимо, о литографированном издании курса лекций В.О. Ключевского, который был приобретен Лениным и хранится ныне в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС»¹⁷. Предположение кажется небезосновательным. Но все-таки это не более чем предположение. Ведь Ленин писал не о том, что «Курс» Ключевского купили, а об условиях покупки книг. Данный же экземпляр «Курса», судя по помете на с. 1 «Ульянову к субботе» — помете, сделанной черным карандашом и почерком, не похожим на почерк брата Ленина, можно думать, не принадлежал Ульяновым, а был передан для ознакомления.

Впрочем, независимо от того, приобрели или не приобрели Ульяновы «Курс» Ключевского, есть серьезные основания полагать, что Ленин был знаком и с остальными частями «Курса», и в этой связи следовало бы специально просмотреть все сохранившиеся в библиотеках экземпляры предшествовавших книг этого издания. Тем самым перед историками возникает заманчивая перспектива обнаружения неизвестных ранее книжных помет Ленина.

Основываясь на предположении о приобретении Ульяновыми экземпляра «Курса» Ключевского, Сахаров датирует пометы 1893—1894 гг.¹⁸. Вероятнее, однако, что пометы относятся к более раннему времени — к 1891 г.

Надпись рукой Ленина «с. 295—7: общая характеристика периода к к [он] ца 18 до 1/2 19 с [толетия] » сделана, как уже отмечалось, на обрывке газетной бумаги, вложенном в книгу Ключевского. Надпись на газете и часть помет (в том числе все пометы на с. 295—297) сделаны красным карандашом.

Газетный обрывок помогает уточнить возможную дату помет. Это край газетного листа, на чистом поле его ленинская надпись. На одной стороне обрывка листа какие-то данные биржевой хроники, по-видимому, курсы банковских акций; на другой — именно на той, где ленинская надпись, — часть рецензий: концовка рецензии, подписанной инициалом «П», на издание по метеорологии и первые строки рецензии на книгу С. Бажиной. Начальные слова всех строчек газетного обрывка не сохранились. Однако название книги С. Бажиной нетрудно восстановить по словам обрывка: ««...ющие огоньки»» сборник дет... зсказов С. Бажиной. С...ками. СПб., 1891, Ц. 1 р. Изд. Павленкова». Библиографические и энциклопедические справочники помогли определить название рецензируемого издания — «Блуждающие огоньки». На этот сборник расска-

* Б.Я. Яковлев в статье «Ленин и русское книжное дело. Историко-библиографический обзор высказываний и документов 1893—1900» писал: «Быть может, именно этот экземпляр курса лекций, прочитанных (В.О. Ключевским.— С.Ш.) в 1883—1884 академическом году, и сохранился в личной библиотеке Владимира Ильича с рядом его пометок...»¹⁶.

зов для детей откликнулись рецензией уже в четвертом номере за 1891 г. ежемесячного приложения «Воспитание и обучение» к журналу «Родник»¹⁹.

Известно, что коротенькие газетные рецензии появлялись, как правило, вскоре после выхода издания в разделах «Библиографические новости», «Библиографические заметки». Можно было предположить, что это обрывок «солидной» газеты, в которой помещались и биржевые новости, и сведения о новейшей литературе достаточно широкого диапазона (и об изданиях по метеорологии, и о детских книжках). Так как в рецензии на сборник Бажиной указывалась цена книги, рецензия эта, очевидно, имела и рекламный характер. Рекламные объявления издательства Павленкова печатались в газете «Новое время»; там был и специальный раздел «Библиографические новости», и всегда публиковались данные о биржевых акциях. Именно в «Новом времени» в июле 1894 г. был помещен (в № 6599) некролог С.Н. Бажиной²⁰, что свидетельствовало об интересе редакции к творчеству писательницы. Поэтому был предпринят сплошной просмотр «Нового времени» за 1891 г. Это, однако, ничего не дало. Да и вряд ли следовало ожидать, чтобы в семье Ульяновых, живших столь экономно, покупали суворинскую реакционную газету.

В то же время известно, что в семье Ульяновых читали «Русские ведомости» — газету умеренно-либеральной интеллигенции, выходившую в Москве. Об этом напоминает цитированное уже письмо Ленина из Петербурга от октября 1893 г.: «Русские Ведомости» читаю * в Публичной библиотеке (за 2 недели назад). Может быть, выпишу их, когда получу работу здесь. Для меня беречь их не стоит, но и рвать рано, думаю, тоже не следует: может понадобится что-нибудь интересное»²¹. И действительно, сплошной просмотр «Русских ведомостей» за 1891 г. позволил обнаружить номер газеты, обрывок из которого находится в книге Ключевского. Это № 188 от 11 июля 1891 г. На третьем листе газеты в разделе «Библиографические заметки» как раз на крайней полосе напечатана краткая рецензия на книгу Бажиной, подписанная «В. Ер-в». Перед этой рецензией помещена заметка о книге И.О. Яркового «Новый взгляд на причины метеорологических явлений» (1891) за подписью «П»; на обороте листа, тоже на крайней полосе, в «Биржевой хронике» — официальные курсы Петербургской биржи.

Полный заголовок заметки в сборнике Бажиной выглядит так «Блуждающие огоньки». Сборник детских рассказов С. Бажиной. С 44 картинками. СПб., 1891, Ц. 1 р. Изд. Павленкова. Уцелевшие части первых строк рецензии в обрывке с ленинским надписью полностью совпадают с первыми строками заметки «Русских ведомостей». Это позволяет думать, что и пометы Ленина на книге Ключевского (во всяком случае, пометы красным карандашом) тоже, вероятнее всего, относятся к лету 1891 г.

Можно полагать, что Ленин сделал пометы, продолжая готовиться к экзаменам в Петербургском университете (хотя экзамен по истории русского права он сдал в апреле 1891 г.)²². Видимо, именно этим и объясняется отмеченная Сахаровым «целестремленность работы В.И. Лени-

* Ленин в своих работах 1890-х годов не раз ссылается на материалы, опубликованные в «Русских ведомостях».

на над текстом Ключевского, он фиксирует внимание на характеристике государственного строя и его изменениях между XVII и XVIII веками»²³ (точнее было бы сказать: между XVI и XVII, XVII и XVIII, XVIII и XIX вв.).

Особенно любопытно то, что Ленин выделил в тексте моменты, отмечающие ограничение власти царя в XVII в. боярской думой, и сравнительно незначительную роль земских соборов в правительственной деятельности. Впоследствии Ленин еще более укрепляется в этом мнении, когда четко определил государственный строй России XVII в. как монархию с боярской думой²⁴, «самодержавие» «с боярской Думой и боярской аристократией»²⁵ — для земских соборов, для сословно-представительной монархии в этом ленинском определении не нашлось места.

Некоторые положения «Курса» сразу же вызвали недоумение или даже протест. Об этом свидетельствуют поставленные Лениным знаки вопроса около фразы о якобы существовавшем известном соответствии между политическими правами и обязанностями в описываемый Ключевским период русской истории (вспомним ленинские высказывания о восточных чертах российского самодержавия) и около слова «династия» (на с. 8).

Предстоит еще выяснить, в какой мере были использованы наблюдения Ключевского в ленинских трудах, какие из положений историка Ленин полагал возможным поддержать (очень интересны в этом плане ленинские высказывания о росте бюрократии в XVIII—XIX вв.), а какие, напротив, считал необходимым опровергнуть.

В предреволюционную пору Ключевский был едва ли не самым популярным русским историком. Труды его, особенно «Курс русской истории», читали и в кружках революционно настроенной молодежи, близкой молодому В.И. Ульянову.

Н.Е. Федосеев в письме из петербургской тюрьмы (24 марта 1891 г.) вспоминал, что в Казани у него была «возможность следить за журналистикой, что я и делал аккуратно. Но так и не удалось дожидаться окончания превосходной и страшно интересной для меня статьи Ключевского о земских соборах»²⁶. В письме речь идет о статье «Состав представительства на земских соборах в Древней Руси», начатой печатанием в «Русской мысли» тогда, когда Федосеев находился в казанской тюрьме. В том же письме Федосеев называет среди «своих» «превосходных» книг, взятых им с собой в тюрьму, и «Ключевского». В другом письме, отправленном уже из владимирской тюрьмы (7 мая 1894 г.), Федосеев пишет о «Боярской думе» Ключевского, отмечая, что в этой книге, так же как и в книге А.С. Лапко-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований», представлены «весьма богатые материалы для решения вопросов, «почему возникла напряженность платежных сил земледельческого населения Московии»²⁷.

М.А. Сильвин вспоминает, что в Нижнем Новгороде в начале 1890-х годов в кружке молодых людей в основном из «местной поднадзорной интеллигенции» читали литографированный курс Ключевского. Он же пишет о том, что «Курс» Ключевского читали в 1893 г. в Петербурге и студенты-технологи — участники социал-демократических кружков²⁸. С «Курсом» Ключевского знакомы были и в революционных кружках

Самары в 1893 г. и, споря об общине, ссылались на сочинения Ключевского²⁹. Потому-то и вызвала такой резонанс в среде передовой общественности печально знаменитая реакционная речь Ключевского «Памяти в бозе почившего государя императора Александра III», произнесенная 28 октября 1894 г. в Московском обществе истории и древностей российских и затем напечатанная отдельной брошюрой³⁰. Ленин (конечно, с учетом возможной почтовой цензуры) писал в этой связи * в декабре 1894 г. М.И. Ульяновой: «Напиши еще, если удобно, об истории в Университете с Ключевским. Говорят, он какую-то лекцию читал, потом какую-то книгу издал. Я не видал даже заглавия этой книги; интересно бы узнать»³¹.

В семье Ульяновых интерес к творчеству Ключевского был постоянным, потому-то, очевидно, и хотели приобрести его «Курс» в 1893 г. Показателем такого интереса является и то, что все основные издания трудов историка, опубликованные в 1918—1923 гг., находились в Библиотеке В.И. Ленина в Кремле, в том числе тома трех изданий «Курса русской истории» (1918, 1920—1921, 1923 гг.)³².

Громадный писательский дар ученого-историка **, подлинная художественность восприятия и изложения прошлого способствовали тому, что образные характеристики его прочно входили в сознание и продолжали жить, как бы освободившись в известной мере от авторской принадлежности. Думается, что Ленин, всегда очень чутко относившийся к возможностям восприятия аудитории, к которой он обращался, не мог не учитывать и этого обстоятельства.

Вероятно, интересно было бы и в этом плане исследовать редакционную работу Ленина над статьями исторической тематики, принадлежавшими перу других авторов *** и особенно, конечно, труды самого Ленина; в частности, сравнить словарь Ленина в сочинениях исторической тематики со словарем Ключевского.

Выражения Ключевского, терминология его, хорошо известные уже прежде русской интеллигенции, приобретали под пером Ленина зачастую новое, более глубокое социальное содержание. Так, совершенно иное, чем Ключевский, содержание вкладывает Ленин в формулировку «новый пе-

* Речь и статья были восприняты с негодованием не только московскими студентами и, несомненно, бросали тень на имя Ключевского. Вряд ли случайно, что в юбилейном «Сборнике статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню тридцатилетия его профессорской деятельности в Московском университете (5 декабря 1879—5 декабря 1909 года)», чистая выручка с которого, как отмечено на переплете издания, должна была поступить на стипендию имени Ключевского при Московском университете, в приложенном списке трудов ученого не нашлось места для упоминания этого сочинения.

** Характерно, что сочинения Ключевского были монополизированы в 1918 г. на пять лет наряду с сочинениями классиков русской литературы. О роли Ленина в разработке проекта о монополизации изданий классиков в руках государства см. *Смирнов И.С.* Ленин и советская культура. М., 1960. С. 145—148.

*** Например, в периодических изданиях (и здесь немало могут дать ценные наблюдения А.Г. Цейтлина). Любопытна в этой связи редакционная правка Лениным статьи В. Филатова «Земский собор и наша политика», написанной в 1905 г. для газеты «Вперед». В статье широко используются терминология и отдельные положения, типичные для «Курса русской истории» Ключевского (об этой редакционной правке Ленина см.: *Шmidt С.О.* В.И. Ленин о государственном строе России XVI—XVIII вв. (о методике изучения материалов по теме)³³.

риод русской истории» *, приведенную в работе «Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов?», написанной как раз в первой половине 1890-х годов ³⁴. Солидаризируясь в какой-то степени с Ключевским в том, что XVII в. характерен новыми явлениями в истории Российского государства (при этом необходимо обратить особое внимание на ленинское слово «примерно» — «примерно с 17 века»), Ленин постарался прежде всего определить главное — социально-экономический аспект новых явлений, т. е. выделил то, что у Ключевского стояло на последнем месте («новый склад экономической жизни страны») ** и было охарактеризовано недостаточно четко.

Традиционные исторические термины, исторические «образы» в ленинской интерпретации обогащались, подобно образам художественной литературы. Знакомый читателю исторический «образ» наполнялся иным и более четким классовым звучанием. М.В. Нечкина убедительно и ярко показала это явление на примере использования Лениным образов художественной литературы ³⁶. Любопытно было бы проделать подобную работу и применительно к историческим образам.

К теме «В.И. Ленин — читатель В.О. Ключевского» исследователи только еще подступают.

¹ Нечкина М.В. История изучения В.О. Ключевского // ИЗ. Т. 84. С. 228—229.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 628.

³ Там же. Т. 13. С. 14.

⁴ Об этом издании см. в комментариях к кн.: Ключевский В.О. Соч. Т. III. М., 1957. С. 371—372.

⁵ Библиотека В.И. Ленина в Кремле: Каталог. М., 1961. С. 215. (№ 2100).

⁶ ИЗ. Т. 84. С. 227.

⁷ ВИ. 1970. № 4. С. 163—164.

⁸ Там же. С. 163.

⁹ Там же.

¹⁰ Сахаров А.М. Указ. статья. С. 164.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 163.

¹³ Ленин В.И. Соч. Изд. 4-е. Т. 37. С. 611;

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 527.

¹⁴ Сахаров А.М. Указ. статья. С. 157.

¹⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 3; см. также: Сахаров А.М. Указ. статья. С. 157.

¹⁶ Книга. Исследования и материалы. Сб. IX. М., 1964. С. 261.

¹⁷ Сахаров А.М. Указ. статья. С. 157.

¹⁸ Там же. С. 163.

¹⁹ Что читать детям?: Сб. рецензий на лучшие детские книги и журналы: Пособие при изучении детской литературы. М., 1906. № 252.

²⁰ Венгеров С.А. Источники словаря русских писателей. 1900. Т. 1. С. 142.

²¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 2—3.

²² Цвибак М. Владимир Ильич Ульянов на государственном экзамене // Красная летопись. 1925. № 1 (12). С. 140; см. также: Трайнин А.Н., Шифман М.Л. Страницы из биографии В.И. Ленина // Советское государство и право. 1956. № 3. С. 63; Калинин А., Мандель С. Ленин и

* Как раз на с. 2 и 3, где Ленин подчеркивал отдельные слова и фразы, сформулированы Ключевским и положения о новых факторах, характерных для XVII в.: «Новая династия, новая государственная территория, новый правительственный класс, новый склад экономической жизни страны». «Новая династия, — пишет далее историк, — появляется в начале XVII столетия; другие новые факты перемен становятся заметными позднее; иные с половины века, другие с конца его. Но их завязку можно наблюдать с самого начала деятельности новой династии. Итак, этот новый период нашей истории мы можем начать с 1613 г., когда собравшиеся в Москве земские чины выбрали на московский престол царя Михаила».

** В.И. Ленин отмечал в этом месте своей работы явления, характерные для России XVII в. И очевидно, невнимательным прочтением моей статьи в сборнике «В.И. Ленин и историческая наука» (М., 1968) можно объяснить полемическое замечание Ю.А. Тихонова о том, что некоторые историки «полагают», будто «Ленин имел в виду не складывание всероссийского рынка примерно с XVII в., а образование внутреннего рынка для крупной промышленности во второй половине XIX в.» ³⁵.

- Петербургский университет. Л., 1969. С. 57.
- ²³ Сахаров А.М. Указ статья. С. 163.
- ²⁴ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 121.
- ²⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 346.
- ²⁶ Федосеев Н. Статьи и письма. М., 1958. С. 38, 39.
- ²⁷ Там же. С. 207.
- ²⁸ Сильвин М.А. Ленин в период зарождения партии. Л., 1958. С. 19, 37.
- ²⁹ Семенов М.И. (М. Блан). Памяти друга // Памяти друга. Старый товарищ А.П. Скляренко (1870—1916). М., 1922. С. 8.
- ³⁰ См. об этом: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 470. Прим. 8; см. также: Яковлев Б.В. Указ. соч. С. 261—262.
- ³¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 4; см. об этом также в статье А.М. Сахарова (с. 157).
- ³² Библиотека В.И. Ленина в Кремле. Каталог. С. 204 (№ 1894—1900); см. также: Пешищ С.Л. О круге историографических интересов В.И. Ленина // В.И. Ленин и историческая наука. Л., 1970. С. 104.
- ³³ В.И. Ленин и историческая наука. М., 1968. С. 342—345.
- ³⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 154.
- ³⁵ Тихонов Ю.А. Проблемы формирования всероссийского рынка в современной советской историографии // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970. С. 219.
- ³⁶ Нечкина М.В. Художественные образы русской литературы в произведениях В.И. Ленина. М., 1969.

ВАРВАРА ПАВЛОВНА АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ *

Скончавшаяся 6 июня 1972 г. член-корреспондент Академии наук СССР Варвара Павловна Адрианова-Перетц была выдающимся знатоком, исследователем, первооткрывателем и публикатором памятников отечественной культуры. В.П. Адрианова-Перетц во многом определила своими трудами современный уровень литературоведения, археографии, источниковедения, внесла своей многообразной творческой деятельностью — исследовательской, педагогической, научно-организаторской — большой вклад в историю советской культуры.

Работы В.П. Адриановой-Перетц получили широкое признание и в нашей стране и за рубежом. Изданы списки ее печатных трудов. Жизненный путь и значение научной деятельности В.П. Адриановой-Перетц подробно охарактеризованы в статьях и докладах о ее жизни и творчестве (особенно в работах академика Д.С. Лихачева)¹. О В.П. Адриановой-Перетц как археографе, библиографе и источниковеде написано в статье покойной В.Д. Кузьминой, опубликованной в «Археографическом ежегоднике за 1968 год». К 70-летию и 80-летию В.П. Адриановой-Перетц были подготовлены тома «Трудов Отдела древнерусской литературы» (т. XIV и XXIV). К 80-летию В.П. Адриановой-Перетц в мае 1968 г. было приурочено и совещание в Пушкинском Доме, материалы которого опубликованы под знаменательным названием «Пути изучения древнерусской литературы и письменности» (Л., 1970).

Первые печатные труды Варвары Павловны появились в 1907 г. Докладом Варвары Павловны 10 октября того же года «Филология и ее методы» начал свою работу знаменитый «Семинарий русской филологии», возглавляемый В.Н. Перетцем². Семинарий этот, в котором Варва-

* Опубликовано в кн.: АЕ за 1972 год. М., 1974. С. 375—379.

ра Павловна принимала неизменное деятельнейшее участие, стал одним из основных центров изучения культуры славян Восточной Европы и подготовки научных кадров. Уже в 1917 г. В.П. Адрианова-Перетц стала известна как выдающийся специалист по изучению древней культуры — ее монография «Житие Алексея Человека божия в древней русской литературе и народной словесности», изданная в 1917 г., была удостоена Академией наук большой Ломоносовской премии; в 1917 г. она стала профессором. Варвара Павловна принадлежала к тем представителям дореволюционной науки, которые отдали свои силы становлению советской культуры, приняли практическое участие в организации научной работы и преподавания в вузах на новых началах. В.П. Адрианова-Перетц работала в Самаре, с 1921 г. в Петрограде (Ленинграде).

В Самаре она была связана и с Обществом истории, археологии и этнографии. Участие в деятельности краеведческих обществ, архивов, музеев являлось тогда, по выражению М.Н. Тихомирова, «своего рода выходом для интеллигенции, стремившейся занять себя интересной для нее исторической работой». В Самаре на Археологических курсах занимался у Варвары Павловны палеографией и историей древнерусского языка и молодой выпускник Московского университета М.Н. Тихомиров (к тому времени уже успевший зарекомендовать себя как автор книги «Псковский мятеж XVII в.» и организатор музея в г. Дмитрове), сам читавший там курс отечественной истории *. Михаил Николаевич позднее называл себя учеником Варвары Павловны **, а усвоенные тогда приемы практического овладения палеографией в какой-то мере применял во время занятий с нами, его учениками по Московскому университету ***.

Будущий историограф, характеризуя развитие гуманитарных наук в советские годы, сможет в качестве высоких образцов исследований рекомендовать не только знаменитые монографии В.П. Адриановой-Перетц о поэтическом стиле Древней Руси, «Слове о полку Игореве», памятниках русской демократической литературы XVII в. (эти памятники только после ее исследований и были оценены как замечательные всемирно-исторического значения литературно-художественные произведения), но и многие ее статьи (прежде всего обобщающе-постановочного характера), подготовленные ею публикации литературных памятников.

* «Пребывание в составе служащих Общества истории, археологии и этнографии, — писал впоследствии в своих воспоминаниях акад. М.Н. Тихомиров, — было для меня не только интересным, но по-своему необходимым...» «Раз в неделю, — вспоминал М.Н. Тихомиров о занятиях с Варварой Павловной, — она меня спрашивала по прочитанному мною материалу. Она сама на каждую неделю давала 3—4 книги. Зато уже изводы и другие различного рода сведения, относящиеся к палеографии, я усвоил в достаточной мере блестяще. Так, в сущности, началась моя деятельность по палеографии, если не считать прежнюю работу в архиве студенческого времени»³.

** В телеграмме, которую послал М.Н. Тихомиров В.П. Адриановой-Перетц ко дню ее 70-летия 12 мая 1958 г., читаем: «Всегда помнил и помню то время, когда Вы и незабвенный Владимир Николаевич (Перетц. — С. Ш.) помогли мне в моих работах по истории. Ведь и я имею право причислить себя к Вашим ученикам, так как Вы целый год учили меня истории русского языка»⁴.

*** И Варвара Павловна в свою очередь всегда «с пристрастием» интересовалась методикой научного руководства Михаила Николаевича работами своих учеников (спрашивала меня не раз об этом в ту пору, когда я был дипломником и аспирантом М.Н. Тихомирова); эта тема отразилась, как показали уже архивные материалы, в переписке обоих ученых в 1940-е годы⁵.

Для развития нашей науки немалое значение имела и та сторона творческой деятельности В.П. Адриановой-Перетц, в которой менее заметно обнаруживается ее личная «авторская» роль. В.П. Адрианова-Перетц хорошо понимала значение коллективных трудов в развитии науки на современном ее этапе. (Роль В.П. Адриановой-Перетц в формировании и деятельности научных и авторских коллективов, в организации научных конференций может стать темой особого исследования, безусловно полезного в плане осмысления основ науковедения в области гуманитарных наук.) В.П. Адрианова-Перетц была большим организатором науки, вдохновителем научного творчества, воспитателем исследователей. Особенно велика эта ее роль примерно с середины 1930-х годов, когда именно Варвара Павловна, так сказать, на виду нескольких поколений ученых созидала печатную источниковую базу и основы современных конкретных представлений о культуре Древней Руси.

В.П. Адрианова-Перетц была убеждена в непреходящей ценности выдающихся памятников древней культуры, в необходимости познания их для развития современной культуры. Она понимала, что исследовательская и научно-популяризаторская работа в этом направлении может быть плодотворной только при совершенном овладении навыками исследования (традиционными и новыми, в том числе такими, которые распространены были пока еще только в смежных отраслях науки). В.П. Адрианова-Перетц неизменно выступала как сторонник более тесного сближения литературоведов и историков, организатор и редактор их совместных работ. В.П. Адрианова-Перетц всегда много внимания уделяла вопросам и методологии исследования и методики научной работы. Старалась она и облегчить работу будущим специалистам, составляя справочные пособия (археографические, библиографические).

В.П. Адрианова-Перетц была инициатором и организатором работы (совместно с Д.С. Лихачевым) по подготовке публикаций-исследований выдающихся памятников древнерусской письменности. Издания эти не только существенно обогащают возможности изучения культуры Древней Руси, создавая для него великолепную источниковую базу, но и представляют собой существеннейший вклад в методiku археографической работы.

Член Археографической комиссии, В.П. Адрианова-Перетц выступала и на страницах «Археографического ежегодника», рецензировала труды, изданные при участии Комиссии. Много помогла советами при подготовке каталога древних рукописей и издании летописей, в организации археографических экспедиций, проявляла живую заинтересованность и благожелательность к начинаниям Комиссии.

В трудах В.П. Адриановой-Перетц с редкой естественностью сочетаются смелая первичная постановка вопросов и широкие обобщения итогового характера, свежие многоохватные историко-сравнительные наблюдения и скрупулезнейшее изучение данного текста и тщательнейшее его историографическое комментирование, — и все это в рамках строгого логически выдержанного и лаконичного по форме, ясного изложения. Стилю научной прозы В.П. Адриановой-Перетц чужды «красивость» и импрессионистская изощренность.

В.П. Адрианова-Перетц — не только прославленный литературовед

и филолог, археограф и источниковед. Пожалуй, вернее всего было бы назвать ее исследователем истории культуры. Многообразные памятники прошлого — и письменные, и устные, и изобразительные, и бытовые приметы, сохранившиеся в обычаях и разговорной речи, — рассматривались ею в общекультурном контексте. Блестяще владея техническими приемами исследования, характерными для различных специальных гуманитарных наук, В.П. Адрианова-Перетц обладала и способностью синтетического применения этих навыков. В.П. Адриановой-Перетц был органически присущ и историзм мышления: она воспринимала каждое явление истории литературы в неразрывной связи с явлениями социальной и общественно-политической истории. Свойственно ей было и не так часто встречающееся в среде ученых-гуманитариев конкретное, как бы визуальное, ощущение памятников культуры и их места в системе художественной образности, в психологической среде той или иной эпохи.

Быть может, потому-то именно Варваре Павловне так естественно удавалось исследовать и показывать особенности массовой, народной культуры. То, что особенно волновало наших далеких предшественников, влияло на их повседневный образ мышления и формирование эстетических представлений, нередко оказывается затененным для потомков, привычно ограничивающихся в своих суждениях о прошлом лишь рядом широко известных названий и имен. В.П. Адрианова-Перетц же, наряду с глубоким исследованием шедевров культуры Древней Руси, всегда тяготела и к познанию рядовых памятников каждодневной культуры (светской и демократической в своей основе), микроклимата культурной жизни обитателей не только больших городских центров *, к изучению культурных запросов и возможностей и создателей литературных памятников и их читателей и слушателей. И вероятно, потому-то так естественно переплетение в ее научном творчестве интереса и к письменным памятникам и к фольклорным, и столь доказательными оказались ее выводы о взаимопроникновении элементов письменной и устной литератур, основанные на богатейшем материале наблюдений над многообразнейшими источниками.

Новаторство В.П. Адриановой-Перетц по прошествии определенно-го времени становится, пожалуй, даже еще более очевидным, когда убеждаемся, каким значительным творческим стимулом для деятельности отдельных ученых и научных коллективов, для науки в целом оказались ее исследования, как обогащают они наши современные представления по такой проблематике науки сегодняшнего дня, как: взаимосвязи методологии и методики исследования; сравнительное источниковедение; историческая социальная психология; писатель и читатель; психология творчества и психология восприятия этого творчества; особенности культуры Древней Руси и народные начала этой культуры; связь письменности с фольклором, с театром, с изобразительным искусством; связь художественной литературы с деловой письменностью; вопросы стилистики (преж-

* Не случайно Варвару Павловну так заинтересовал план неосуществленной монографии о посадской литературе XVII в., обнаруженный в бумагах М.Н. Тихомирова. Этот план увлек ее «широтой охвата материала, стремлением заглянуть в литературную работу не только крупных городских центров, но и посадов далеких окраин государства». Публикацию этого плана (И.П. Старовойрой) В.П. Адрианова-Перетц предварила своим предисловием ⁶.

де всего особенности художественно-изобразительных средств и приемов художественной типизации и семантики); литературно-историческая типология; соотношение «древнего» и «нового» периодов русской истории и русской литературы, и, конечно же, историзм мышления людей прошлого и значение древней культуры для современной культуры (вечное и преходящее в древней культуре) и др.

В.П. Адрианова-Перетц едва ли не первой в научной литературе о культуре Древней Руси столь многопланово подошла к теме «Писатель и читатель». Она детально охарактеризовала возможную источниковую базу работ такой тематики и пути выявления и изучения подобных материалов, обратила внимание на различные аспекты этой большой проблемы: активное отношение к письменным памятникам создателей их (авторские варианты, фрагменты) и распространителей (переписка, поновления, обусловленные местными обстоятельствами, традициями, индивидуальными особенностями писцов и заказчиков, и т. д.); возможности распространения письменных памятников (включая данные о цене рукописных книг и изменениях ее, о географии распространения тех или иных разновидностей рукописей); взаимодействие письменной и устной традиции, письменной и зрелищной культуры; взаимодействие письменной и устной традиции, письменной и зрелищной культуры; взаимодействие письменных и иных типов источников, более доступных обычно широкому кругу современников (фольклорные, разговорная — в частности, деловая — речь; памятники изобразительного — в частности, прикладного — искусства; бытовые детали); роль общепринятых и вкусовых стандартов и их изменение (возникновение определенных шаблонов и их вариаций); общественная среда бытования тех или иных памятников и литературных норм. Все это неизменно рассматривалось не только на фоне общественно-политических условий определенного времени, но в теснейшей взаимосвязи с явлениями историческими. Тем самым расширялись источниковедческие возможности и собственно литературно-художественной и собственно исторической информации этих памятников.

Сама Варвара Павловна не любила очень уже «модную» терминологию, чуралась и как бы даже стеснялась ее, предпочитая пользоваться традиционными терминами. Но как она обогащала нередко эти привычные понятия! И лучшие достижения старой науки (и методические приемы, и фундаментальные выводы, и отдельные научные прозрения), творчески обогащенные новейшей методологией, органически входили в систему современных исследований, оказывались на службе современнейшим интересам науки.

В.П. Адрианова-Перетц обладала особым умением видеть в трудах других ученых (и предшественников, и современников) зародыши новых направлений и приемов исследований (в этом плане особенно характерны ее очерки об ушедших ученых). Варвара Павловна верила в живую связь времен в науке и сама как бы олицетворяла эту творческую связь. Старейшина нашего литературоведения, она и в последних своих трудах сохранила не только свежесть восприятия памятников культуры, но и неистощимую способность к постановке новых проблем, использованию новых приемов исследования, и золотая осень ее жизни продолжала оставаться весенним половодьем творчества, только в каждом сформулированном ею положении ощущалась мудрая сдержанность.

Первостепенное значение придавала В.П. Адрианова-Перетц овладению «ремеслом» ученого, и сама в совершенстве знала его «секреты». Варвара Павловна виртуозно владела исследовательской техникой — труды ее обладают высокой степенью научной надежности. Она не считала «черновой» текстологическую, археографическую, библиографическую работу (хотя и не склонна была чересчур злоупотреблять перед читателем показом второстепенных деталей) — для В.П. Адриановой-Перетц это была не столько «кухня» исследовательской работы, сколько лаборатория творчества. И делала она такую работу безукоризненно, с завидной легкостью, даже с изяществом. Это вообще было свойством ее человеческой природы — Варвара Павловна была всегда изящна и элегантна, и в жизни, и в печатных трудах своих.

Варвара Павловна внутренне не допускала возможности сделать достоянием читателя незавершенное исследование, публикацию, не проверенную визуально по архивным материалам. И если кто-либо этого не делал, она старалась сделать сама. Наука для В.П. Адриановой-Перетц отнюдь не была связана именно с ее именем. Всякое научное издание (и исследование, и публикация) должны были, по ее глубоко убеждению, быть подготовлены с возможным совершенством*. Поэтому она с такой неутомимой щедростью вкладывала силы в редактирование коллективных трудов, соучастницей которых она являлась, трудов других авторов. Для нее главным была не ее видимая роль в науке, а по-настоящему научный уровень издания (книги, в редактировании которых она принимала участие, даже те, где Варвара Павловна значится только титульным редактором, с полным основанием могут быть включены в число ее авторских трудов). Честь науки в целом осознавалась ею и как личная ее честь. Это — особая благородная совесть ученого, имевшего очень высокие представления о достоинстве и ученого труда и ученого специалиста.

Жизнь и деятельность Варвары Павловны Адриановой-Перетц — важный моральный фактор в развитии нашей науки. Даже в последние годы, когда Варвара Павловна не могла уже по состоянию здоровья принимать деятельное участие в научно-общественной жизни, меньше писала и, конечно, меньше общалась с людьми, самое сознание того, что Варвара Павловна рядом, что она может заинтересоваться, прочитать, осудить, как бы поддерживало атмосферу чистоты научного поиска, серьезности исследовательского подхода, останавливало тех, кто торопился поскорее выделиться, побольше «напечататься» (наивно полагая при этом, что в науке количество названий или страниц неизменно переходит в качество). Варвара Павловна как бы олицетворяла этическое начало в науке.

В.П. Адрианова-Перетц была прирожденным педагогом — учила и собственным примером и не жалела сил на передачу навыков исследовательского мастерства. Варвара Павловна откровенно обнаруживала по-

* Строгая, придирчивая даже к оформлению научных публикаций, научного аппарата изданий, Варвара Павловна в то же время отнюдь не навязывала свои привычки (и уж, конечно, не считала допустимым диктат). Характерны строки из ее письма от 28 сентября [1958 г.] М.Н. Тихомирову в связи с подготовкой «Описания рукописей И.А. Шляпкина» (сделанного еще В.Н. Перетцем) для «Археографического ежегодника». Варвара Павловна просила «сообщить технические правила: по какой орфографии передаются заглавие и начальные слова, какие допускаются сокращения... какие делаются указатели» и т. п.⁷

длинный благожелательный интерес к трудам более молодых ученых (что уже само по себе становилось для них стимулом к дальнейшей деятельности) и была по-настоящему щедрым наставником, не только вдохновляющим к творчеству, но и облегчающим этот путь. Часто и с какой-то естественной простотой подсказывала темы работ, делилась своими — уже выношенными — наблюдениями, даже передавала архивные выписки. А сколько ее мыслей воспроизводилось потом другими учеными (и не только ее непосредственными учениками) как свои, настолько они уже начинали казаться такими после толчка, данного Варварой Павловной, после бесед с ней, после ее писем! И Варвара Павловна об этом даже и не переживала (она была слишком богата новыми уже мыслями и наблюдениями!), а как бы утверждалась в правильности своих выводов и догадок, если они столь прочно — и авторизованно даже — усваивались другими.

Естественно, что научная щедрость соседствует с добротой. Однако Варваре Павловне было отнюдь не свойственно «добрячество» (свидетельствующее обычно о душевном равнодушии). Она была принципиальной, строгой и настойчивой в отстаивании своих взглядов, не прощала равнодушия, легкомыслия, безответственности в науке, не терпела карьеризма, самолюбования (образные ее замечания об отдельных лицах и явлениях научной жизни — безукоризненно интеллигентные, конечно, по форме выражения — были отнюдь не всегда безобидны), старалась оградить науку от интриг и делячества. И потому к Варваре Павловне относились с особым уважением не только как к ученому, но и как к человеку высоких моральных качеств.

Варвара Павловна находила подлинную радость в труде. Творческий труд, любовь к своему делу, сознание большой общественной пользы его помогали Варваре Павловне преодолевать и болезни. В 1958 г. в ответном письме на поздравительную телеграмму М.Н. Тихомирова с ее 70-летием В.П. Адрианова-Перетц писала: «Работа — замечательное лекарство, которое хоть и не вылечивает, но позволяет не опускаться на дно болезни»⁸. Варвара Павловна еще многое сделала с тех пор. Труды ее, имя ее прочно вошли в историю нашей науки. Для тех, кто лично знал Варвару Павловну Адрианову-Перетц, она останется образцом человека не только великой учености, но и великой душевной щедрости, человека с высоко развитым чувством ответственности и за свою работу и за развитие нашей культуры.

¹ См. «Литература о жизни и трудах В.П. Адриановой-Перетц» в изданиях: Варвара Павловна Адрианова-Перетц // Материалы к биобиблиографии ученых СССР: Сер. литературы и языка. М., 1963. Вып. 4 С. 18—22; Тр. ОДРЛ. Л., 1969. Т. XXIV С. 15—20; см. также материалы, опубликованные в различных изданиях в связи с 80-летием В.П. Адриановой-Перетц и ее кончиной.

² *Еремич И.П.* Очерки научной деятельности члена-корреспондента АН СССР В.П. Адриановой-Перетц // Тр. ОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. XIV. С. 21; см. также: *Адрианова-Перетц В.П.* Начало пути. В Киевском семинаре В.Н. Перетца // Вос-

поминания о Николае Каллиниковиче Гудзии М., 1968. С. 15; *Розов Н.Н.* О возрождении традиций академика В.Н. Перетца в археографических экспедициях // Археографический ежегодник за 1971 год. М., 1972.

³ Архив АН СССР. Ф. 693 (М.Н. Тихомирова). Оп. 2. Д. 40. Л. 258—260.

⁴ Архив АН СССР. Ф. 693. Оп. 4. Д. 2.

⁵ См.: *Шмидт С.О.* Письма В.П. Адриановой-Перетц М.Н. Тихомирову // Тр. ОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 472—485.

⁶ Тр. ОДРЛ. Л., 1970. Т. XXV. С. 319—320.

⁷ Архив АН СССР. Ф. 693. Оп. 4. Д. 74. Л. 29—30.

⁸ Там же. Л. 28.

ПАМЯТИ С.Н. ВАЛКА *

Заседание, посвященное памяти Сигизмунда Натановича Валка, первоначально было намечено на декабрь 1975 г. По традиции в Археологической комиссии в конце года всегда бывает пленарное заседание, посвященное большой теме нашей отрасли науки, а научное творчество Валка — это именно такая тема, которая достойна пленарного заседания, ибо труды его — не только высокие достижения отечественной и мировой археологии и вспомогательных (или специальных) исторических дисциплин, но они во многом определяют перспективы нашей дальнейшей деятельности. Однако ввиду болезни некоторых из тех, кто намерен был выступить в декабре, заседание решено было перенести на февраль 1976 г. — 5 февраля исполнился год со дня кончины Сигизмунда Натановича.

Это очень большая потеря для науки. Это тяжелая личная утрата для тех, кто был близок с Сигизмундом Натановичем. Конечно, мы понимаем, что следует говорить об ушедших не «с тоскою — нет, а с благодарностью — были». И мы благодарны за очень многое Валку и судьбе, которая свела нас с ним. (А у меня в последние годы не было, кажется, случая, чтобы, приехав в Ленинград, хотя бы на день-два, один вечер не провести в беседе с Сигизмундом Натановичем.) Но это не снимает ощущения того, что оборвалось что-то существенное в нашей личной жизни. И через год чувство это стало, пожалуй, даже более осозанным.

Валк — гордость нашей исторической науки. Творческая биография его — явление феноменальное. Не было, думается, среди наших современников другого историка, который бы в равной мере интенсивно и плодотворно исследовал исторический материал столь большого хронологического диапазона — от X в. до наших дней. Силовое поле Валка — это *все* письменные источники отечественной истории, *все* процедуры их изучения, от выявления и первичного описания до публикации и сложнейших приемов исследования. Не было в наше время и исследователя, который был бы столь эрудированным специалистом в области стольких специальных научных дисциплин. Наконец, это — едва ли не единственный пример в истории нашей науки, когда ученый, достигший столь почтенного возраста, работал бы с такой неослабевающей творческой эффективностью. Еще за два месяца до кончины, восьмидесяти семи лет, он трудился как обычно, в полную силу — готовил к печати несколько статей (работал в архивах и библиотеках), редактировал и «организовывал» статьи для сборника «Вспомогательные исторические дисциплины», читал диссертации, писал отзывы, присутствовал на многих заседаниях (осмысление «феномена Валка» может стать вообще интересной задачей для психологов и науковедов).

Тематика трудов Валка в буквальном смысле слова трудно обозрима¹. О Валке можно говорить и писать отдельно как об историке, источниковеде, археографе, архивисте, историографе, книговеде и библиографе.

* Вступительное слово на заседании памяти С.Н. Валка 17 февраля 1976 г. // АЕ за 1976 год. М., 1977. С. 289—296. Об этом заседании: Там же. С. 280—310.

О некоторых сферах многовалентного творчества Валка уже писали в специальных статьях². Об этом пойдет речь и на сегодняшнем заседании. Но феномен Валка в том, что творчество его — органический синтез всех этих отраслей исторического знания. Валк как бы воплощал в себе и в своей научно-исследовательской, преподавательской, редакторской и научно-организационной деятельности взаимосвязанные интеграцию и дифференциацию разнообразных исторических знаний и различных исторических дисциплин.

Валк при жизни стал классиком нашей археографии. Правильно было бы его назвать и патриархом отечественной археографии, если бы только слово «патриарх» не диссонировало в такой степени с известной всем исключительной скромностью Валка, его внутренним неприятием внешних признаков «величия». Именно Валку обязана наука разработкой основ советской археографии, которую ученый всегда рассматривал в теснейшей взаимосвязи с источниковедением и архивоведением. Уже в 1936 г. академик Б.Д. Греков признавал Валка «нашим наиболее компетентным специалистом» в области археографии³. Опыт источниковедческой работы советских археографов Валк обобщил в книге, изданной в 1948 г. Подготовленные им научные публикации источников признаются высшими достижениями отечественной археографии. Валку принадлежит неоценимая заслуга выработки правил издания трудов В.И. Ленина. Им же разработаны приемы описания и издания историко-революционных документов, памятников советского законодательства. Велик вклад Валка в создание методики публикации актового материала XII—XV вв., проектов и записок государственных деятелей XIX в., историографических материалов, Валк — зачинатель новых научных направлений, жанров исторических исследований, например истории (или историографии) археографии, источниковедения истории исторической науки.

Теперь распространена среди науковедов методика определения значения научного творчества ученого по числу ссылок на его труды. К оценке научного творчества Валка такая методика, пожалуй, не применима. На работы его — исследования, подготовленные им научные публикации, рецензии — ссылки встречаются действительно часто; некоторые из этих работ в списках обязательной учебной литературы; и Валк мог быть счастлив тем, что его труды оказались должителями. Но многое, сделанное Валком, выходит за рамки той литературы, на которую обычно ссылаются. Это — выработанные им нормативы, методические рекомендации и приемы работы, которые постоянно используются в архивоведческой и археографической практике. Они так удобны, основательны, настолько общеприняты, что зачастую забывают или даже уже не знают имя автора. Валк искал единые принципы организации и систематизации исторического материала, стремился к выработке таких стереотипов информации (в частности описаний) и их наименований, которые стали бы общеобязательными на всех стадиях работы с источниками.

Для трудов Валка характерно сочетание историографического подхода и, так сказать, футурологического. Он считал нужным и умел охарактеризовать и историю изучения явления и перспективы дальнейшего его изучения. Поэтому-то труды его, несмотря на оптимальное, казалось бы, обилие заключений общего порядка и частных наблюдений, не замыкали исследование проблемы, — сама историографическая как бы манера

изложения предусматривала и продолжение исследований с использованием тех материалов и тех новых методических приемов, которые стали известны после выхода трудов Валка.

Вряд ли случайно, что Валк оставил только одну большую книгу. Постоянно занятый работой одновременно над несколькими исследовательскими сюжетами, равно близкими тогда его научным интересам (не говоря уже о разнообразии тематики каждодневной преподавательской и редакторской деятельности), Валк, вероятно, не имел не только возможности, но и склонности на долгое время ограничивать себя занятиями чем-то одним. Среди его трудов преобладают статьи, очерки, рецензии-исследования. И единственная книга «Советская археография» написана ведь тоже в виде отдельных глав или очерков, представляющих собой законченные статьи. В таком же плане мыслилась и подготовка нового — расширенного и более насыщенного теоретико-историографическими рассуждениями издания книги по археографии. Главами его сам ученый признавал статьи об археографической легенде и о регестах, подготовленные для «Археографического ежегодника». Валк вообще имел склонность к писанию статей, как бы продолжающих одна другую. Объединенные вместе, они составляли по существу монографию. Это наблюдение относится к серийным статьям об изучении и изданиях «Русской Правды» и, пожалуй, даже к серии очерков, посвященных отдельным историкам.

Статьи Валка зачастую сто́ят больших монографий. Он обладал особой способностью изящно и очень лаконично писать — воистину: *Non multa sed multum*. Он писал «густо», без повторов или излишних разъяснений, даже, как казалось, без подступов к теме, но настолько ясно и основательно, что эти привычные в трудах многих авторов разъяснения и облегчительные подступы оказывались ненужными. Сложное под его пером приобретало доступную форму, совершенную законченность выражения. Потому-то его работы легко рекомендовать и в учебных целях. В трудах Валка органическое сочетание глубины теоретической и методической мысли и фактологической оснащенности (научный аппарат его работ свидетельствует о необычайной осведомленности в отечественной и зарубежной литературе, в том числе самой новейшей) с совершенством формы: и труды его стали одновременно и высоким образцом научно-теоретического мышления и необходимым справочным пособиям.

Валк, обладая уникальными и обширнейшими знаниями и постоянно делясь своими знаниями с другими (нередко при этом эксплуатировавшими деликатность, даже безотказность ученого), по-молодому интересовался всем новым (невероятно много и быстро читал, посещал многие доклады), радостно поддерживал действительно новое в работах других (лучше других распознавая, когда «новое» оказывалось основательно забытым старым!) и сам старался его творчески использовать в работе (здесь-то и сказывались огромная культура труда, тренировка мышления и памяти!).

Жизнь и творчество Валка как бы олицетворяли живую связь времен. Научную подготовку он получил еще на историко-филологическом факультете Петербургского университета. Юношей стал сотрудничать в энциклопедических словарях — писал статьи и заметки очень широкой исторической тематики.

Многообразные дарования и знания Валка смогли проявиться по-настоящему только после Великого Октября. Однако еще в студенческие годы Валк получил возможность творчески работать вместе с корифеями отечественной науки. Ему как бы передались особое внимание к демократической общественной мысли и освободительному общественному движению XIX в., чувство гражданственности Василия Ивановича Семевского, эрудиция, точность и основательность научной методики Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского, в семинаре которого пытались «дать живую историю акта» (слова Валка)⁴ и формировались навыки научного руководства тянущейся к исследованиям молодежью; широта научных и общекультурных интересов и взаимопроникновение исторической, источниковедческой и историографической тематики, характерные для творчества Александра Евгеньевича Преснякова, традициям которого едва ли не следовал Валк, создавая свои «историографические портреты». Фотографии этих ученых всегда висели у него в кабинете. А недавно по архивным материалам узнали о том, что когда студента Валка за участие в революционном студенческом движении исключили из университета, то хлопотал за него, как за человека особых способностей, по-видимому, и знаменитый академик А.А. Шахматов⁵.

С 1918 г. Валк стал работать в Историко-революционном архиве. С именем Валка связано начало советского архивного строительства, становление советской археографии, формирование кадров советских архивистов. На практике осуществлялись ленинские положения о необходимости овладения культурным наследием, проверенными опытом навыками и приемами исследования⁶. Эрудиция, методическое мастерство Валка способствовали выработке основ собирания, описания и публикации материалов по истории революционного движения. Еще в большей мере это проявилось, когда Валк — как общепризнанный первостепенный специалист в области архивоведения и археографии — был привлечен к делу описания и издания сочинений В.И. Ленина, а затем и Декретов Советской власти.

Деятельность С.Н. Валка — замечательный пример плодотворного использования лучших традиций дореволюционной науки в интересах развития новой советской науки. Валк был всегда современен в своих работах и в то же время никогда не стремился гнаться за модой (в трудах своих он избегал «модных» словечек и цитат). Он даже особо подкупал своей «старомодностью» внешнего облика (чеховские борода и пенсне), одежды, вежливости, образованности самой (знание языков, преобладающий интерес к музыке, изобразительным искусствам, Валк — постоянный посетитель концертов в филармонии и выставок). В Валке была устойчивость привычек, манеры поведения, нравственного облика — не ощущалась «морального износа».

Валк работал беспрестанно, в буквальном смысле слова без передышки (и отпускное время для него — во всяком случае в последние десятилетия — означало только перемену занятий и освобождение от заседаний), работал быстро, говоря современным языком, оперативно, но отнюдь не торопливо и всегда очень основательно (это легче всего прослеживается по материалам подготовки к печати «Декретов Советской власти» и «Истории» Татищева). Он внутренне не мог себе позволить, упо-

требляя его же слова, сказанные об А.С. Лаппо-Данилевском, «строить свои заключения, не привлекая всего возможного материала, удовлетворяя тем, пусть даже многим, что без труда доступно», он как бы «творил в себе психологию научной уверенности, твердой научной устойчивости»⁷.

И в то же время Валк был человеком моцартианского начала (хотя как-то не принято употреблять такое выражение применительно к человеку пожилому, но ведь в понимании Пушкина моцартианство — это черта или сочетание черт характера, а не признак сравнительно молодого возраста). Валк творил ненатурно, как-то внешне незаметно. О Валке нельзя сказать, что он был трудолюбив — работа, можно думать, доставляла ему наслаждение. Он радовался и творчеству других, достижениям их, как бы разливая вокруг себя атмосферу внимания к «не своему» творчеству. Валк был щедр на темы, указания архивных материалов и литературы. Он столь же щедро — и одновременно придирчиво, хотя очень тактично и благожелательно — редактировал рукописи, советуя внести изменения или дополнения (подчас существенно обогащая первоначальный текст). Но Валку чуждо было представление о «соавторстве», он считал как бы само собой разумеющимся именно такую заботу об улучшении научных трудов, о повышении эффективности научного творчества. Валк обладал и способностью (особо ценимой им, видимо, и у других) «с осторожностью подойти к настроению чужой мысли и души, подойти чутко, по возможности чутко», в нем было развито «глубокое уважение к молодой нашей мысли»⁸.

Судя по статье «вспоминание ученика» (откуда и воспроизведены цитаты), Валк рано стал серьезно задумываться над этическими проблемами в науке, как бы утверждая в себе строгие правила требовательности и к своей работе, и во взаимоотношениях ученых, учащихся и учащихся. Эти мысли нашли затем, пожалуй, наиболее заметное для читателей его сочинений развитие в историографических трудах Валка, особенно в «историографических портретах». Этическое кредо Валка обнаружилось, конечно, еще в большей мере в личном общении с ним; этическое воздействие его не только на учеников и постоянных сотрудников очень благотворно — «неформальные связи» Валка были очень широкими.

Валк был человеком сердечным, хотя и сдержанным внешне и опасаящимся быть навязчивым. Но становился неотступно требовательным, оценивая приемы научной работы, отношение к своему делу. Валк был убежден в том, что ученый-историк не должен чураться «черновой работы» в науке, обязан стремиться сам овладеть секретами нашего ремесла, не спешить с выводами и публикациями. Валк глубоко огорчался, когда узнавал, что кто-либо пытается «пробиться» в науку, расталкивая локтями «соперников», или плетет интригу (и настораживался, когда замечал, что тот или иной молодой ученый торопится увеличивать список своих печатных трудов — «слишком много и слишком скоро печатает»).

Валк был по-настоящему доброжелателен к людям, неблагосклонен, а заинтересованно благожелателен. У него был неостывающий интерес к людям разных поколений, к их научной работе, к только что вступающим в науку молодым исследователям (во время нашего последнего телефонного разговора в январе 1975 г. — я звонил из Кисловодска — Сигизмунд Натанович говорил больше всего о диссертации С.В. Чиркова, посвящен-

ной Преснякову). Он был как-то открыто заинтересован тем, что нового скажут молодые исследователи, какие новые способы применяют в своей работе, и готов был при этом поделиться своими знаниями и наблюдениями (и, конечно же, способствовать напечатанию трудов «молодых»). Он учил не рецептурно, а самим фактом заинтересованности. Он вообще обладал способностью видеть неожиданные таланты в людях и интересное — и главное, хорошее — в неожиданных явлениях. Не утратил он с годами и дар радостного удивления людям и прочитанному. Быть может, в этом сочетании доброжелательной мудрости (хотя и не без доли скепсиса) старого человека и способности наивного и радостного первовосприятия и секрет духовного и физического нестарения Валка? (Ведь он еще в конце 1974 г. был не по годам подвижен, быстро и много ходил.)

Валк был очень скромн. Эту его черту все отмечают. Ему глубоко чужд и непонятен был высокомерный обычай смотреть на других с высоты своего положения, знаний, возраста. Полностью отсутствовали какие-либо даже элементы чванства, представлений о том, что профессорскому званию и докторскому диплому (а он доктором наук стал еще в середине 1930-х годов, когда, с установлением этой ученой степени, ему в числе немногих наиболее известных ученых присвоили ее без защиты диссертации) соответствуют мол, определенные нормы поведения, так сказать, самоподачи себя обществу (а этот предрассудок — увы! — достаточно распространен). Валку были присущи подкупающие простота, естественность поведения, демократизм подлинного интеллигента.

Но понятие «скромность» применительно к Валку отнюдь не однозначно. Он был непринхотлив в быту, не любил хоть как-либо внешне выделяться (и при его небольшом росте и неброской внешности ему это обычно удавалось), сидеть в президиуме собраний, блистать в так называемой светской беседе, «на людях» всегда забивался в дальний угол. Но Валк знал цену не только трудам других ученых, но и своим трудам и ценил в них профессиональную оснащенность (обоснованность аргументации, научный аппарат, точность цитат и сносок). Валку было органически присуще не только чувство собственного достоинства, но и чувство уверенности в том, что он является мастером и знатоком своего дела. Потому-то Валка так задевали несправедливые попытки обличить его в незнании или в произволе при отборе и оценке исторических материалов (критика его книги «Советская археография» в МГИАИ в конце 1940-х годов; статья А.Л. Никитина в «Вопросах истории», № 11 за 1973 г.). И подобные действия Валк отнюдь не оставлял без ответа (обычно не только изощренно эрудированного, но и вежливо-язвительного), примером чего может служить и последняя его статья⁹.

Комплекс личных черт С.Н. Валка, казалось бы, далек от того, который мы традиционно связываем с обликом организатора науки. Более того, у Валка была неэффективная и даже не всегда разборчивая речь. И вот этот тихий, внешне малозаметный человек, чуждый суетных забот об удовлетворении своего тщеславия, никогда, вероятно, и не задумывавшийся над тем, чтобы «сделать карьеру», оказался замечательным организатором науки и педагогом. И дело не только в его даровании, многообразных знаниях, добросовестности и энергии, но прежде всего в удивительной внутренней убежденности, в вере в то, что он делает, вере, которая передавалась и тем, к кому он обращался. Дело в нравственном

авторитете Валка, его мужестве, высокоразвитом чувстве общественного и личного долга. Он не поступался своей совестью, своими научными учреждениями. И это знали и особенно уважали в Сигизмунде Натановиче. Валку нельзя было отказать. Если он просил написать статью, значит, статья на такую тему действительно нужна и вы способны стать ее автором. Если Валк в 80—85 лет умел написать в срок статью (основной текст которой сопровождался к тому же большим тщательно выверенным самим автором научным аппаратом), то сорока- и пятидесятилетние не могли не написать в срок, тем более что Валк в это же время выполнял еще и другие работы.

Организаторский и редакторский талант Валка сказался в последние годы в издании сборников «Вспомогательные исторические дисциплины», инициатором и редактором которых он был и которые заслужили высокое признание и в нашей стране и за рубежом. Думается, что именно этому изданию, целенаправленной научно-организаторской деятельности Валка мы особенно обязаны возрастанием интереса к традиционным специальным историческим дисциплинам и все более заметными достижениями в этих областях знания. Издание, предпринятое Валком, связано с деятельностью Археографической комиссии, тесные контакты с которой у него были последнее время постоянными (с 1968 г. Валк стал членом редколлегии «Археографического ежегодника»).

В заключение хотелось бы кратко охарактеризовать взаимоотношения С.Н. Валка и организатора и председателя Археографической комиссии академика М.Н. Тихомирова. Тихомиров питал большую симпатию и глубокое уважение к Сигизмунду Натановичу (это уже отмечалось в печати¹⁰). Оба ученых жили интересами науки. Они высоко ценили друг в друге преданность своему делу, исследовательское мастерство, требовательность в воспитании научной смены, заботу о будущем нашей науки. И вряд ли случайно, что и М.Н. Тихомиров и С.Н. Валк (вслед за Лаппо-Данилевским¹¹) любили — независимо один от другого — повторять слова духовной московского князя Симеона: «Свеча бы не угасла». Оба они понимали, что история исторической мысли — это борение, столкновение мнений, а не борение личностей. Ученые, по-настоящему ищущие историческую истину, любящие не себя в науке, а науку в себе, всегда продолжают с интересом и уважением относиться к научным исканиям и тех исследователей, которые придерживаются иных точек зрения. Так было и в данном случае, несмотря на научные споры, возникавшие между ними, различия в приемах источниковедческой и археографической методики.

В 1945 г. была опубликована статья Тихомирова «О частных актах в Древней Руси», в которой оспаривались положения статьи Валка 1937 г. «Начальная история древнерусского частного акта». Статья эта перепечатана в сборнике трудов Тихомирова «Древняя Русь» (М., 1975) (Валк был осведомлен об этом переиздании). Хотя статья написана не без запальчивости, характерной для некоторых трудов Тихомирова, переиздание статьи признали целесообразным, так как она является историографическим фактом, важным для изучения и отечественной исторической науки в 1940-е годы, и творческой биографии Тихомирова, а некоторые предположения нашли дальнейшее развитие в трудах и самого Тихомирова («Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв.») и других специалистов, прежде всего В.Л. Янина, исследующих памятники исто-

рии Великого Новгорода. Книга Тихомирова была сдана в набор еще при жизни Валка, что не давало возможности внести в комментарии цитаты из их переписки или из письменных отзывов Тихомирова о научных работах Валка. А эти материалы подтверждают, что для Тихомирова Валк всегда оставался высокоавторитетным ученым.

С организацией Археографической комиссии Тихомиров постарался сразу же привлечь Валка к деятельному участию в ее работе. Он был избран в 1956 г. членом Бюро Комиссии. В 1956 г. Тихомиров обратился с письмами к виднейшим специалистам, приглашая их выступить с докладами на заседаниях и высказать соображения о направлении работы Комиссии и о возможном своем участии в этой работе. Валк откликнулся пространным письмом. Он полагал, что основными формами работы должны стать научные заседания и научно-издательская деятельность «в области истории, а может быть, и издания документов». «Самым настоящим делом» Валк считал составление справочников — терминологических, хронологических, о должностных лицах (особенно для XVIII—XIX вв.). «Очень приветствовал бы издание Археографического ежегодника, — писал Валк, — если оно осуществится, то предложил бы в нем помещать ежегодные обзоры работ в области археографии (как теории, так и издательской деятельности), составление которых охотно взял бы на себя»¹². (Как видно, не все пожелания Сигизмунда Натановича оказались выполненными; осуществление их — одна из наших задач.) 28 ноября 1957 г. М.Н. Тихомиров пишет С.Н. Валку в связи с деятельностью Археографической комиссии: «О многом и многом надо бы посоветоваться»^{*}.

В первом же выпуске Археографического ежегодника — за 1957 г. — помещен «Список печатных трудов С.Н. Валка (К семидесятилетию со дня рождения)», а начиная с Ежегодника за 1958 г. публикуются статьи Валка. Причем характерно, что статья «Судьбы археографии», опубликованная в Ежегоднике за 1961 г., сопровождается редакционным примечанием: «Статья С.Н. Валка поступила в редакцию после того, как настоящий том был набран. По техническим причинам ее не удалось поместить в разделе “Статьи и сообщения”»¹³. Тихомиров полагал, что статья Валка должна быть среди тех материалов, которые открывают книгу, но при этом не считал возможным задержку ее публикации на год и предпочел напечатать как бы в виде приложения к Ежегоднику.

В Археографических ежегодниках опубликованы статьи Валка о Б.Д. Грекове как деятеле археографии и монографического плана исследование об «изданиях и изучении Русской Правды» в XVIII — первой половине XIX в. Редактором статьи об изучении Русской Правды в XVIII в. был Тихомиров (а те статьи, которые он лично редактировал, — в архиве сохранились эти материалы с его пометами — он не считал нужным посылать на отзыв другому рецензенту). Рецензентом всей книги «археографического ежегодника за 1958 год» был М.Т. Белявский, также высоко оценивший эту работу Валка (письменный отзыв сохранился). Работа эта включает и раздел о деятельности Болтина, содержание которого близко к содержанию статьи «И.Н. Болтин и его работа над Русской Правдой», опубликованной в XIV выпуске «Трудов Отдела древнерусской

* Письма М.Н. Тихомирова С.Н. Валку сохранились в фонде С.Н. Валка.

литературы» и подвергшейся в 1973 г. несостоятельной критике в статье А.Л. Никитина. Такой знаток источников, как Тихомиров, проявлявший к тому же немало забот о признании научных заслуг русских ученых XVIII в., отнюдь не усмотрел в статье Валка то, что попытался ему приписать Никитин.

В 1958 г. Валка выдвинули в члены-корреспонденты АН СССР. Сохранилась неправленная стенограмма выступления Тихомирова на общем собрании Отделения исторических наук 16 июня 1958 г. Запись эта приводится полностью: «Постараюсь быть кратким. Экспертная комиссия выдвигала кандидатуру Валка как крупнейшего знатока археографии, который в течение многих лет работает над археографическими работами. Это — специалист крупнейшего диапазона. Известно, что он подготовил, например, “Грамоты Великого Новгорода”; с другой стороны, в свое время он работал по подготовке сочинений Ленина. Наряду с этим ему принадлежит первая “Советская археография” — книга по советской археографии. У него есть громадное количество статей. Этот человек отпраздновал недавно 70-летний юбилей. Он имеет большое количество учеников в Ленинградском университете и представляет собой кандидатуру, в высокой степени достойную. Экспертная комиссия, выдвигая его кандидатуру, хочет сказать, что это — ближайшая кандидатура. Мы выдвигаем крупнейшую фигуру по археографии, которая практически представлена у нас чрезвычайно слабо»¹⁴.

Валк придавал большое значение деятельности Археографической комиссии и ее изданиям. В письме от 15 апреля 1961 г. (т. е. как раз тогда, когда исполнилось пять лет существования Комиссии) он писал Тихомирову: «Очень рад, что Археографическая комиссия стала за эти годы крупным явлением в нашей исторической науке и особенно своим Ежегодником создает прочное основание для развития вспомогательных исторических дисциплин, что до сих пор делать никак не удавалось»¹⁵. То же читаем в статье, где подробно охарактеризована деятельность Тихомирова как организатора Археографической комиссии: «Археографическая комиссия сделала пока только свои первые шаги, но уже ясно, какое значение она имеет для развития нашей исторической науки»¹⁶. Это выдержка из большой, насыщенной фактическим материалом статьи об археографической деятельности Тихомиров, которой открывался «Археографический ежегодник за 1962 год», вышедший из печати к 70-летию ученого в 1963 г. Тихомиров поместил статью в сборнике, посвященном 75-летию Сигизмунда Натановича. Общеизвестно, что оба ученых плодотворно сотрудничали при подготовке издания «Истории Российской» В.Н. Татищева, и это также нашло отражение в их переписке 1960—1963 гг., показывающей перипетию подготовки этого издания. Одно из писем (30 августа 1961 г.) Тихомиров подписал: «Всегда готовый для борьбы за Татищева и искренне Вам преданный». В письме 2 августа 1960 г. он настаивал на изменении текста титульного листа: «В конце надо внести поправку: “Том выходит под редакцией С.Н. Валка и М.Н. Тихомирова”. Нельзя мне ставить себя на первый план, не нужно и несправедливо... Издание Татищева это долг, завещанный нам...»

Когда было создано — еще при жизни Тихомирова, в 1965 г. — первое Отделение Археографической комиссии в Ленинграде, председателем его был утвержден Валк; он же был утвержден ответственным редактором

периодического издания «Вспомогательные исторические дисциплины». Это все неопровержимые документальные свидетельства большого взаимного уважения обоих ученых, их регулярных контактов. Об отношении Тихомирова к Валку можно судить и по тем разговорам, которые он вел с близкими людьми, со своими учениками (а он старался «культивировать» в нашей среде уважение к тем, к кому сам относился с особым уважением, например к В.П. Адриановой-Перетц). Случилось так, что и в час последнего нашего разговора — в больнице, летом 1965 г. — речь зашла о Сигизмунде Натановиче, и Михаил Николаевич, очевидно размышляя уже над конечными оценками людей, сказал о том, что бывают истинно добрые люди, и назвал С.Н. Валка...

Немного в истории нашей науки деятелей, которые бы столько десятилетий пронесли за собой уважение и любовь людей разных поколений, так долго и столь сильно обогащали бы других своим умом и талантом, так согревали бы сердцем и душой. Сигизмунд Натанович Валк останется спутником тех, кто имел радость общения с ним. А трудам его, бесспорно, суждена долгая жизнь.

- 1 Список научных трудов С.Н. Валка — авторских работ и подготовленных к печати первоисточников — опубликован в кн.: Исследования по отечественному источниковедению: Сб. статей, посвященных 75-летию профессора С.Н. Валка. М.; Л., 1964. С. 504—513; АЕ за 1972 год. М., 1974. С. 291—292 (труды за 1963—1972 гг.).
- 2 Волк С.С., Ирошников М.И. Сигизмунд Натанович Валк (к 75-летию со дня рождения) // Проблемы источниковедения. М., 1963. Вып. XI; *Соболев Г.Л., Токарев Ю.С.* Петроградский историко-революционный архив в первые годы Советской власти (1918—1923) // Исследования по отечественному источниковедению: Сб. статей, посвященных 75-летию профессора С.Н. Валка; *Шмидт С.О.* К 80-летию профессора С.Н. Валка // ИСССР. 1968. № 2; *Сладкевич Н.Г.* С.Н. Валк (к 80-летию со дня рождения) // Вестник Ленинградского университета. Сер. X. История, язык, литература. 1968. № 8. Вып. 2; *Шепелев Л.Е.* К 80-летию С.Н. Валка // АЕ за 1967 год. М., 1969; *Аханкин Ю.А., Покровский А.С.* Научное издание законодательных актов советской власти (из опыта работы) // АЕ за 1972 год. М., 1974.
- 3 Булаков М.Б. Обзор фонда А.Н. Сперанского // АЕ за 1969 год. М., 1971. С. 288.
- 4 Валк С.Н. Воспоминание ученика // Русский исторический журнал. Пг., 1920. Кн. 6. С. 192.
- 5 Робинсон М.А. А.А. Шахматов и студенческие волнения в Петербургском университете в 1911 году // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. Вып. 2. М., 1971. Т. XXX. С. 156.
- 6 См. об этом: *Шмидт С.О.* К истории архивного строительства в первые годы Советской власти // Проблемы архивоведения и истории архивных учреждений. Л., 1970.
- 7 Валк С.Н. Воспоминание ученика. С. 194.
- 8 Там же. С. 196, 197.
- 9 Валк С.Н. Еще о Болтинском издании Правды Русской // Тр. ОДРЛ. Л., 1976. Т. XXX.
- 10 АЕ за 1965 год. М., 1966. С. 19—20.
- 11 Валк С.Н. Воспоминание ученика. С. 192.
- 12 Архив АН СССР. Ф. 693 (М.Н. Тихомирова). Оп. 4. Д. 137. Лл. 2—4.
- 13 АЕ за 1961 год. М., 1962. С. 453.
- 14 Архив АН СССР. Ф. 457. Оп. 1—1953/1959. Д. 103. См. также: Рукописное наследие академика М.Н. Тихомирова в Архиве Академии наук СССР. Научное описание / Сост. И.П. Старовойтова. М., 1974. № 394.
- 15 Архив АН СССР. Д. 636. Оп. 4. Д. 137. Лл. 19.
- 16 АЕ за 1962 год. М., 1963. С. 20.

АРТЕМИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ АРЦИХОВСКИЙ *

17 февраля 1978 г. скончался Артемий Владимирович Арциховский — один из самых знаменитых историков нашего времени.

Выдающийся исследователь, педагог, организатор науки член-корреспондент Академии наук СССР А.В. Арциховский был ученым огромного таланта и редкой широты эрудиции. Ему равно были доступны и новаторские обобщающего характера социологические построения, и детальные фактологические исследования. Его заслугам в значительной мере обязано утверждение археологии прежде всего как исторической науки. Им разработаны основные представления об источниковой базе археологии и методике обучения археологов. Труды А.В. Арциховского — замечательный пример комплексного использования разнотипных исторических источников (вещественных, изобразительных, словесных — причем и письменных, и разговорной речи, и фольклора, — естественно-географических и др.), особенно при изучении средневекового города и истории быта. С именем А.В. Арциховского связаны высокие достижения в области всестороннего изучения древнерусских миниатюр как исторических источников, предопределившие во многом дальнейшие работы других специалистов. Им заложены и основы изучения и публикации берестяных грамот, впервые открытых руководимой им археологической экспедицией в Новгороде. Это открытие века особенно сблизило археологию и археографию.

А.В. Арциховский был одним из членов-учредителей Археографической комиссии, а труды его существенно способствовали обогащению и совершенствованию методики археографической работы. Непревзойденный знаток и исследователь памятников материальной культуры, А.В. Арциховский был инициатором и редактором обобщающих трудов по истории русской культуры периода феодализма, неутомимо содействовал расширению представлений об отечественной культуре, о вкладе русского народа в мировую культуру.

Для А.В. Арциховского научно-исследовательская работа неотделима от преподавательской. Прирожденный педагог, он много сил отдавал воспитанию у студентов научного мышления, распространению научных знаний. А.В. Арциховский — организатор и бессменный руководитель кафедры археологии Московского государственного университета; научная школа Арциховского занимает заметное место в развитии нашей науки. Он много способствовал тому, чтобы основы археологии стали обязательной составной частью подготовки будущих историков во всех вузах страны. Своеобычный человек, с особой манерой речи — афористически-образной и лаконичной — и поведения, А.В. Арциховский не только оказывал большое воздействие на своих многочисленных непосредственных учеников, но и надолго запоминался всем, кто его знал.

Имя А.В. Арциховского известно в нашей стране и за рубежом. В честь А.В. Арциховского при жизни его были подготовлены сборники ста-

* Опубликовано в кн.: АЕ за 1978 год. М., 1979. С. 359—360.

тей — в 1962 и в 1972 гг.; опубликована в серии «Биобиблиография ученых СССР» брошюра «Артемий Владимирович Арциховский» (М., 1973), где указана обильная литература на многих языках о жизни и деятельности ученого. В «Археографическом ежегоднике за 1972 год» (М., 1972) напечатана статья об А.В. Арциховском как источниковеде (А.Д. Горского), а еще ранее — в «Археографическом ежегоднике за 1967 год» — отзыв академика М.Н. Тихомирова о научном творчестве А.В. Арциховского. Вклад Артемия Владимировича Арциховского в развитие науки и высшего образования очень велик. К творчеству его будут обращаться многие поколения и ученых-специалистов, и все те, кто испытывает потребность углубленного познания прошлого и связей его с современностью.

* * *

Содержание и объем статьи памяти А.В. Арциховского в «Археографическом ежегоднике» были обусловлены и «жанром» некролога и тем обстоятельством, что об ученом уже опубликовали материалы в других томах Ежегодника. Поэтому приводим ниже статью автора об А.В. Арциховском, написанную в 1994 г. для издающейся в России Энциклопедии Британика.

Арциховский Артемий Владимирович (26/13./12/. 1902—17.02.1978) — русский археолог и историк культуры. Сын профессора ботаники, учился в гимназии в Новочеркасске, где ему привили любовь к гуманитарным знаниям. В 1925 г. окончил Московский университет, специализируясь под руководством археолога В.А. Городцова. Научные интересы его первоначально были связаны с археологией Подмосковья и методикой сравнительного изучения археологических данных по истории быта и сельского и ремесленного производства, что нашло отражение в книге «Курганы вятичей» (1930). Продолжая раскапывать курганы, производил раскопки и в Москве в середине 1930-х годов в центре города, в районе строительства метрополитена. С 1929 г. начались раскопки близ Новгорода, с 1932 г. — в самом Новгороде. Арциховскому и его сотрудникам принадлежит заслуга разработки методики раскопок средневекового города на территории городской жизни, продолжающейся в течение веков, и установления приемов определения там хронологии ярусов культурного слоя. Отличительная черта трудов ученого — сравнительное использование вещественных и иных типов исторических источников для изучения явлений не только истории материальной культуры, но и социополитической истории.

С начала 1930-х годов детально изучал древнерусские книжные миниатюры, охарактеризовав их как «окна в исчезнувший мир», и в докторской диссертации «Древнерусская миниатюра как исторический источник» 1940 г. обобщил содержащуюся в них информацию в широком плане социокультурной и государственно-политической истории. С 1927 г. преподает в Московском университете, с основанием там кафедры археологии (1939) — ее заведующий. Разработал не имевший тогда аналогов в мировой педагогической практике лекционный курс с изложением достижений и российской и зарубежной археологии в изучении длительного периода истории от первобытной эпохи до позднего средневековья, ставший основой учебников «Введение в археологию» и «Основы археологии».

Разрабатывал и проблемы историографии археологии (преимущественно о трудах российских археологов). После второй мировой войны возглавил уникальную по масштабам и научной результативности Новгородскую археологическую экспедицию, восстановившую облик и боярских усадеб и ремесленных мастерских средневекового города. Особо знаменитым, приобретшим всемирный резонанс стало открытие в 1951 г. берестяных грамот, пережившее наши представления об уровне развития грамотности Древней Руси и о технологии писания в ту пору. Он же руководил подготовкой многотомного научного издания «Новгородские грамоты на бересте».

Арциховский создал научную школу археологов широкого профиля и способствовал введению археологии в ряд обязательных для будущих историков университетских дисциплин. Он инициатор и главный редактор многотомного коллективного труда «Очерки русской культуры» (отредактированные им тома охватывают период XIII—XVII вв.). Видный организатор науки, Арциховский был в 1952—1957 гг. деканом исторического факультета МГУ, с 1957 г. ответственным редактором журнала «Вестник Московского университета. История». В 1960 г. избран членом-корреспондентом Академии наук СССР. Удостоен государственных премий за работы Новгородской экспедиции (1970) и, посмертно, за книги по истории русской культуры (1982).

Арциховский был своеобразным человеком с особой манерой поведения и речи — афористически-образной и лаконичной (его формулировка «археолог — история, вооруженная лопатой» вошла в повсеместный научный обиход) и в то же время с характерным искажением в произношении букв алфавита. Запоминающаяся внешность (крутолобый, высокий и широкоплечий с тяжелой походкой, беспрецедентная память на имена, даты, тексты (бытовало даже выражение «арциховская память») придавали особый облик самой личности исследователя и педагога.

НАШ КРУЖОК *

Научному студенческому кружку источниковедения истории СССР в Московском государственном историко-архивном институте исполнилось тридцать лет. Кружок стал заметной составной частью института. Кружок обогатил его ветеранов радостью научного и человеческого общения, оказался значительным фактом их биографии. Он стимулирует творчество не только вступающих на путь науки. Кружок и кружковцы очень много дали и его научному руководителю.

Начало деятельности кружка через столько лет представляется уже полуполюгендарным, что еще раз показывает, сколь избирательна наша память и как важно для источниковедов поверять мемуары современными

* Опубликовано в кн.: Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины: Сб. ст. (к юбилею научного студенческого кружка). М., МГИАИ. 1980. С. 137—157.

событиям свидетельствами. Обычно для определения начальной даты чего-то давно возникшего ищут документальные подтверждения (вроде первого упоминания в летописи). Это-то и позволяет обосновать право на юбилей со всеми сопутствующими ему приятными обстоятельствами. Для нас таким датирующим источником является изобразительный — прежде всего первая «историческая» фотография заседания кружка 13 апреля 1950 г. Но «культурный слой» истории кружка старше: мы начали собираться зимой 1949—1950 учебного года, и в работе кружка участвовали Владимир Николаевич Автократов и Всеволод Васильевич Цаплин, ставшие в наши дни видными архивистами.

В МГИАИ уже были хорошие традиции студенческих научных кружков. Душой знаменитого в 1940-е годы кружка отечественной истории периода феодализма был Павел Петрович Смирнов, скончавшийся в 1947 г. Успешно действовал и другой замечательный кружок такой же тематики, которым вдохновенно и энергично руководил Николай Владимирович Устюгов. Из среды этого кружка вышло немало видных специалистов — сотрудников Академии наук СССР, архивов, преподавателей вузов. Руководили во второй половине 1940-х годов кружковой работой и на других кафедрах: на кафедре вспомогательных исторических дисциплин Александр Игнатьевич Андреев и Лев Владимирович Черепнин, к началу 1950 г. уже покинувшие МГИАИ, а также Виктор Корнелиевич Яцунский и Александр Александрович Зимин¹. Инициативные студенты из этого кружка стояли у истоков нашего. Именем активной его участницы Светланы Левиной начинается список старост нашего кружка. Организация нового кружка отвечала и потребностям молодежи в таких формах научного творчества и творческого общения и представлениям об этом тогда еще молодого научного руководителя. Намерению этому сочувствовали и другие преподаватели кафедры. Кружок возник в обстановке творческих поисков, характерных для института в то время. 1950 год — переломный год в истории МГИАИ. Тогда введен был пятилетний срок обучения и ясно определены задачи института как высшего учебного заведения широкого профиля с обширным и разносторонним кругом знаний как в области истории и специальных (или вспомогательных) исторических дисциплин, так и в области архивоведения².

Весной 1950 г. готовились отметить 20-летию МГИАИ и решено было фотографировать для предстоящей юбилейной выставки лекции, семинары, заседания кафедр, научных студенческих кружков и т. д. *. И оказалось, что на фотографии заседания нашего кружка в аудитории второго этажа (где сейчас щиты с экспозицией по истории института) запечатлен момент, когда немногие слушатели и два преподавателя — Ирина Александровна Миронова и я — слушают доклад о сочинениях Курбского первокурсницы Ванды Белецкой (теперь она известная журналистка, член редколлегии журнала «Огонек», заведует там отделом науки и техники). А на другой фотографии тех же дней — мой семинар по отечественной истории в 4-й группе I курса. Занятия его проходили в лекционной ауди-

* Материалы выставки (подготовка экспозиции которой была поручена мне) — схемы, копии документов, фотографии и др., долгое время бережно хранил Глеб Вадимович Тронин, заведующий библиотекой МГИАИ, сделавший много полезного для нашего института.

тории, и на кафедре — вероятно, впервые в жизни — читает первый свой студенческий доклад о «Хождении за три моря» Афанасия Никитина Сергей Каштанов, вскоре ставший верным членом и историографом кружка, его гордостью (сейчас он видный ученый, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СССР АН СССР). Там же видим и Льва Дьяконицына — деятельного кружковца первого поколения и первого из художников кружка (ныне он известный искусствовед, член Союза художников СССР). Таковы изобразительно зафиксированные моменты начальной истории кружка и студенческой жизни людей, связанных с его становлением. Так апрель стали признавать месяцем рождения кружка. Это приятно и, пожалуй, знаменательно: апрель — месяц весны, месяц, когда отмечают День науки. А для большинства кружковцев представление о начале дней наук в их жизни — это кружок.

Кружок довольно скоро превратился в достаточно сплоченный коллектив людей, вовлеченных в научное творчество, — в вышедшем в 1957 г. томе студенческих научных работ института (10-й том «Трудов МГИАИ») значительное место занимали уже работы кружковцев. Рано стали утверждаться и кружковые традиции товарищества.

Ректор МГИАИ Анна Сергеевна Рослова, опытный партийный работник и очень душевный, благожелательный человек, много способствовала поддержанию жизнедеятельности кружка. И если пятилетие его отмечалось в камерной обстановке и следы этого только в кружковом юморе незабвенного любимица кружка Евгения Сизова (традиции юмора, запечатленные в письменных, изобразительных источниках, даже в песенном творчестве — тоже характерная черта кружка), то десятилетие кружок уже праздновал в актовом зале МГИАИ. Это был первый «торжественный» юбилей кружка, награжденного тогда поездкой в Новгород. Десятилетие кружка отмечено было выходом первого сборника научных трудов кружковцев — изданием типографским способом 16-го тома «Трудов МГИАИ» (более 30 печатных листов). Издание было высоко оценено в печати; первые «взрослые» шаги кружка приветствовали такие выдающиеся ученые, как В.П. Андрианова-Перетц, С.Н. Валк, М.Н. Тихомиров, Н.М. Дружинин, Д.С. Лихачев, Б.А. Рыбаков. Ссылки на опубликованные в сборнике статьи, особенно Михаила Макарова, о классификации письменных источников и Игоря Фесуненко о кинофотофонодокументах как историческом источнике — встречаются во многих научных трудах, в диссертациях. В этой книге была напечатана и первая из статей по истории кружка.

Теперь мы дожили до 30-летия кружка, до широкого признания его. Немало людей чувствуют себя частицей кружка. Тридцать лет — это около пятисот заседаний с докладами кружковцев; обсуждение многих опубликованных научных трудов, учебных пособий, нередко в присутствии авторов; десятки встреч с «интересными людьми» нашей науки; регулярные многочасовые кружковые «среды», посещения музеев, архивов, исторических мест; студенческие работы, отмеченные на Всесоюзных и городских конкурсах, перерастающие в диссертации, опубликованные не только в изданиях МГИАИ и в молодежных сборниках Института истории СССР АН СССР, но и в таких изданиях, как «Вопросы истории», «Вопросы истории КПСС», «История СССР», «Советские архивы», «Исторический архив», «Археографический ежегодник», «Исторические записки»,

«Труды Отдела древнерусской литературы» (Пушкинского дома), в тематических сборниках статей, в местных периодических изданиях и др.; участие во многих научных конференциях — и молодых специалистов и «взрослых» — всесоюзных и региональных по определенной тематике — особенно в области историографии, архивоведческих наук, источниковедения и других специальных исторических дисциплин. К деятельности кружка и кружковцев обнаруживают интерес академические научно-исследовательские учреждения, архивы, вузы, видные ученые. О кружке немало писали в научных периодических изданиях и в широкой прессе — в газетах и журналах³, в учебном пособии⁴, с кружком познакомили телезрителей и радиослушателей.

Образовался уже архивный фонд кружка — протоколы заседаний (обычай кружкового делопроизводства формировались еще тогда, когда секретарем кружка, а кстати и «хозяйкой» во время кружковых поездок, была Ирина Покровская); стенгазеты с информацией о заседаниях (с недавнего времени они стали регулярными); тексты многих докладов и дипломных сочинений; ответы на юбилейные анкеты к 20-, 25-, 30-летию кружка с приложениями списков печатных трудов кружковцев и другие юбилейные материалы; зафиксированные письменно впечатления о кружке и работах его питомцев; юмористические газеты, рисунки, альбомы (подготовленные Сергеем Каштановым, Евгенией Маматовой, Светланой Киницкой, Львом Дьяконицыным, Вандой Белецкой, Игорем Фесуненко, Алексеем Орешниковым, Верой Кулешовой, Владимиром Петуховым, Виталием Афиани, Александром Амосовым, Сергеем Чирковым, Константином Новохатским, Валентином Морозовым, Андреем Зайцевым, Михаилом Филиным, Владимиром (Фотиевичем) Козловым и др.), фольклор кружка, фотографии (даже серии фотографий начиная с «Владимирских проселков» Маргариты Бычковой) и т. д. Похоже на то, что история кружка имеет источниковую базу, достаточную для серьезного научного осмысления ее. Наблюдения такого рода могут добавить любопытные подробности при изучении более широких проблем историографии, науковедения (с обращением, применительно к деятельности кружка, к соответствующей современной научной терминологии), истории общественно-культурного сознания, социальной психологии, истории высшей школы и т. д. (ведь обращение к микротемам всегда предваряет макроисследования обобщающего характера). История кружка интересна и по-своему даже поучительна в плане изучения культурной преемственности и взаимодействия поколений, роли молодежи в развитии науки и науки в жизни молодежи, ценностных ориентаций молодых людей, значения междисциплинарных научных связей в вузовском образовании.

Научных кружков в вузах множество. Чем же объясняется интерес общественности к нашему кружку? Дело не в солидном возрасте кружка (хотя он и уникален) и не в очевидных научных результатах деятельности кружка и творчества его ветеранов по окончании Института (участие в многообразнейшей работе, ведущейся в хранилищах документальных памятников, десятки книг, сотни научных статей, документальных публикаций, публицистических очерков, газетных корреспонденций; 3 докторских и более 50 кандидатских диссертаций, подготовленных ветеранами кружка; многие сотни специалистов, обученных ими в родном МГИАИ и в других вузах). Есть, видимо, нечто особенное, побуждающее опублико-

вать статьи о кружке и «его плодотворном долгожительстве» в популярнейших изданиях. И тут обращают на себя внимание не только названия статей («Разведчики старины», «Из первых рук»; «Голоса минувшего», «Архивны юноши толпою...»), но и названия газетных рубрик, где помещены эти статьи: «Человек среди людей», «Человек и его работа», «Самообразование — ускорение века», «Студент и наука». Свообразие кружка — в тематике и методах работы, в его составе, в атмосфере его заседаний.

Для кружка характерны широта тематики и творческой ориентации, многообразие научной методики. Источниковедение — это наука об исторических источниках и приемах их выявления, изучения и использования в работе историка, а историческим источником может быть признано все, что источает историческую информацию, всякое явление, дающее возможность познания прошлого человеческого общества. Естественно, что будущие историки-архивисты преимущественное внимание уделяют документальным памятникам и прежде всего письменным источникам. Однако кружковцами не раз обсуждались вопросы, связанные с изучением и других типов источников (изобразительных, вещественных и т. д.) и с систематизацией всей совокупности многообразных источников.

Интерес вызывали письменные источники разных эпох — от Древней Руси до наших дней, темы, связанные с источниковедением исторической проблемы и с источниковедением вида, разновидности или даже отдельного исторического источника, общетеоретические вопросы источниковедения и методологии истории. При этом с самого начала кружок не ограничивался исключительно источниковедческой тематикой. В повседневной деятельности кружка сочетаются темы конкретно-историковедческие — или конкретно-историографические, конкретно-архивоведческие, даже конкретно-исторические (или историко-психологические) — и собственно методико-теоретические.

В работе кружка определенное отражение получили пути развития нашей науки в целом, искания видных ученых. Это обнаруживается и в тематике выступлений кружковцев и «гостей» кружка и в выборе исследовательских приемов, в постепенно все более заметном переходе исследований с эмпирического уровня на системный.

Такая зависимость наблюдается в плане не только конкретного, но и теоретического источниковедения. Так, вряд ли случайно преобладание в конце 1950-х годов и в 1960-е годы интереса к общим теоретическим проблемам широкого профиля, таким как понятие «исторический источник», принципы систематизации исторических источников, исторический источник и исторический факт и т. п. (в частности, в основе сыгравшей заметную роль в развитии источниковедческой мысли статьи Сергея Каштанова и Алексея Курносова «Некоторые вопросы теории источниковедения», опубликованной в № 4 за 1962 год журнала «Исторический архив», — доклады, обсуждавшиеся на кружке). После же выхода в свет в 1969 г. сборника «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы» и таллинского симпозиума 1972 г. по актуальным вопросам источниковедения, ознакомления с трудами академика Д. С. Лихачева о культуре исследовательской работы и по истории культуры, с другими новейшими работами — больше внимания привлекают вопросы соотношения теории и методики в конкретном источниковедении, междисциплинар-

ных научных связей — источниковедения и историографии, источниковедения и археографии, источниковедения и архивоведения, археографии и архивоведения, текстологии и других специальных исторических и филологических дисциплин и др., проблема специфики подхода к изучению различных тематических комплексов и разновидностей письменных источников, соотношения отображения и восприятия явлений в исторических источниках (работы Иосифа Беленького, Сергея Чиркова, Александра Амосова, Сергея Мякушева, Сергея Морозова, Сергея Князькова, Евгения Наумова и др.). Обнаруживается стремление выяснить взаимодействие источника и общественной среды — и влияние не только среды на порожденный ею источник, но и самого источника на воспринимающую его среду; источник рассматривается в системе общественно-культурных представлений эпохи (и современной ему и последующего времени).

Работа в кружке — не дополнительное занятие, облегчающее освоение учебного материала (хотя и такое воздействие кружка несомненно), а прежде всего самостоятельное участие в научной деятельности. Кружок — не расширенный научный или научно-методический семинар с достаточно очерченной темой, имеющей, соответственно, временные рамки исполнения и предопределенную последовательность процедур: «обосновать», «начать», «проверить», «завершить» и др., т. е. «ответить на поставленный вопрос». Главная тема — сама методика научного поиска, совершенствование этой методики. А оно реализуется на практике чаще всего на стыках наук, когда сочетаются традиции и новаторский эксперимент. В процессе самого познания дифференциации явлений (и методических приемов их детального осмысления) сопутствуют при этом и попытки интеграции.

Все это, думается, способствует расширению общеисторического и общекультурного кругозора научной молодежи (и кружок можно рассматривать в этом плане как культурно-формирующий фактор) и расширению представлений о возможности использования междисциплинарных научных связей. В наши дни, в век развития науки о науке характерен интерес не только к результатам исследования, но и к самой процедуре его — история научного поиска оказывается не менее привлекательной, чем итоговые данные исследования. И кружок в определенной мере отвечает этому запросу времени (что нашло любопытное отражение и в ответах на вопросы юбилейных анкет кружка, где чем ближе к нашим дням, тем больше рассуждений науковедческого порядка).

Обеспечить многообразие проблематики кружка можно только благодаря участию не одного, а нескольких преподавателей в непосредственном руководстве кружковыми работами (особенно в рамках учебной программы), во многих заседаниях кружка, т. е. специалистов по изучению материалов разной тематики и разными приемами. И мы все обязаны преподавателям кафедры вспомогательных исторических дисциплин, а также другим кафедрам за их деятельное участие в работе кружка.

Научным руководителем виднейших кружковцев «первого поколения», изучавших статистические и демографические материалы, источники по социально-экономической истории России XVI—XIX вв., был образованнейший ученый, выдающийся исследователь-новатор и педагог Виктор Корнелиевич Яцунский. Научным руководителем и другом мно-

гих кружковцев был и такой высокоталантливый, яркий и многосторонний ученый, как Александр Александрович Зимин, связанный с кружком со времени его основания. В кружок направляли своих учеников и дорожили мнением кружка о своих печатных трудах Александр Цезаревич Мерзон, разработавший оригинальный лекционный курс источниковедения отечественной истории периода феодализма, и Моисей Наумович Черноморский — автор первого в нашей стране обобщающего учебного пособия по источниковедению истории советского общества. Заинтересованность в работе кружка всегда обнаруживал Владимир Евгеньевич Иллерицкий, воспитавший в МГИАИ целую школу историографов. Сотрудничали с кружком, помогали кружковцам и Фаина Абрамовна Коган-Бернштейн и Иван Архипович Кудрявцев, хотя и сами руководили работой других научных студенческих кружков. Этим покойным ученым и педагогам кружок очень многим обязан.

Кружку и кружковцам отдавали свои силы Софья Иосифовна Якубовская, заинтересовавшая молодежь вопросами методики изучения источников по истории советского общества, Евгений Алексеевич Луцкий, не только руководивший работами кружковцев по источниковедению истории нашего столетия, но и самоотверженно и убежденно отстаивавший интересы кружка, Ирина Александровна Миронова — давний друг кружка, неизменно поддерживающая любовь к познанию источников по истории России XIX в., Елена Ивановна Каменцева, способствовавшая привлечению внимания к традиционно смежным с источниковедением научным дисциплинам. В последние годы особенно много делает для кружка Ольга Михайловна Медушевская, направляющая работу кружковцев по широкому комплексу проблем конкретного и теоретического источниковедения и археографии. Без заинтересованного участия этих и других преподавателей трудно было бы вовлечь в кружковую работу молодое пополнение, особенно в последнее десятилетие, когда руководитель кружка не имел возможности читать лекции по отечественной истории, вести семинары и принимать экзамены на младших курсах, т. е. регулярно непосредственно общаться с младшекурсниками.

Участвовали в работе кружка и преподаватели кафедр отечественной истории Людмила Марковна Зак, Елена Викторовна Чистякова, преподаватели кафедры истории государственных учреждений Николай Петрович Ерошкин, Александр Давыдович Степанский и другие, преподаватели других кафедр. Отрадно, что среди руководителей кружковцев и те, кто в свои студенческие годы были деятельными участниками кружка: преподаватели факультета архивного дела МГИАИ Евгения Платоновна Маматова (бывшая старостой кружка), Борис Семенович Илизаров, Виктор Александрович Муравьев (также бывший староста кружка), Лев Моисеевич Рошаль, Евгений Васильевич Старостин. Все более входят в практику совместные заседания с другими студенческими научными кружками — отечественной истории периода феодализма (руководитель Аркадий Иванович Комиссаренко), археографии (руководитель Дора Михайловна Эпштейн), теории и практики архивного дела (руководитель его — ветеран нашего кружка Б.С. Илизаров, по-прежнему «рядовой» участник и некоторых кружковых заседаний). Особенно устойчивое и плодотворное сотрудничество ныне с кружком истории древнего мира и средних веков, которым руководит Наталья Ивановна Басовская.

Тематика работы кружка приспособлена именно к историко-архивному образованию. Архивист вообще всегда историк; в дипломе выпускников МГИАИ написано — «историк-архивист» (для того, чтобы стать архивариусом-делопроизводителем, достаточно было бы окончить соответствующий техникум). Но настоящий архивист не просто историк, он еще и источниковед. Ибо выявить, систематизировать, описать, а тем более опубликовать документальные памятники можно только при соответствующей источниковедческой подготовке. Работы кружковцев (особенно на IV и V курсах) основаны, как правило, на выявлении и изучении прежде всего архивных материалов, связаны с научным описанием таких материалов, подготовкой их публикаций. Темы их тесно увязаны с тематикой архивоведческой и археографической практики студентов. Эти работы — и тематика их и форма исполнения (дипломные работы обычно включают специальные разделы: обзор архивных материалов и даже целых фондов, публикация части таких материалов в приложении) — не противостоят тому, чем призваны заниматься на архивоведческих кафедрах (как полагают иногда те, кто недостаточно осведомлен о работе кружка и не читал дипломные сочинения кружковцев), а, напротив, помогают научной подготовке именно историков-архивистов, овладению навыками архивоведческой и археографической культуры. Эти навыки как бы синтезируются, обогащаются теснейшей взаимосвязью с собственно источниковедческими. И быть может, потому-то, особенно в последние годы, некоторые молодые люди начинают более интенсивно участвовать в кружковых начинаниях, имея уже диплом об окончании института и непосредственно приобщившись к каждодневному труду в архивах, рукописных отделах библиотек, музеях (Валерий Седельников, Антонина Кононова, Сергей Шумихин, Сергей Малышкин, Григорий Кашляк, Александр Донской и др.). Среди тех, кто прошел «школу кружка», и некоторые видные работники Главархива СССР, ВНИИДАД, Главархива УССР, Централных государственных и партийных архивов в Москве, Ленинграде, столицах союзных республик, преподаватели архивных кафедр факультета архивного дела МГИАИ и факультета государственного делопроизводства (помимо названных прежде — Татьяна Вячеславовна Кузнецова, Валерий Сергеевич Мингалев — бывший староста кружка, Станислав Павлович Бутько, Геннадий Иванович Королев, перешедший недавно на работу в МГИАИ Сергей Васильевич Чирков — также бывший староста кружка), руководители архивной практики во многих университетах и пединститутах (Александр Амосов, Сергей Филимонов, Дмитрий Карев, Илья Альтман и др.).

Вот эта специфика работы кружковцев, постоянная опора в научных поисках на архивные материалы и архивоведческие приемы их изучения позволили поставить вопрос о новых направлениях исследований на стыках нескольких специальных исторических наук и предложить соответствующие комплексы тем и методик. Ведется достаточно многообразная и базирующаяся преимущественно на архивных фондах исследовательская работа в области историографии источниковедения и других специальных исторических дисциплин, источниковедения историографии⁵, исторического краеведения (Валерий Туманов, отвечая на кружковую анкету, особо отметил то, что кружок не просто «прививал интерес к научной

работе», а «развил ее краеведческую направленность»). Занялись разработкой вопросов источниковедения истории архивного дела, источниковедения археографии, в частности «практической археографии» XVI—XVII вв. (работы Александра Амосова, Валерия Гальцова, Бориса Морозова и др., основанные на изучении древних архивных описей), журнальной археографии начала XIX в. (работа Виталия Афиани). Предприняты попытки реконструкции по личным фондам архивов периодических исторических изданий (работы Андрея Зайцева, Михаила Шумейко), изучения истории преподавания специальных исторических дисциплин (работы Виктора Муравьева, Сергея Чиркова, Владимира Галахова, Валерия Середы и др.). Это же позволило в организованной по почину Археологической комиссии АН СССР работе по подготовке Каталога личных фондов историков широко использовать результаты научных изысканий кружковцев. Для некоторых из них студенческие годы стали не прологом профессии, а уже вступлением в ее сферу.

Характерно для кружковой работы не только то, что ее результаты должны помочь разработке проблем, интересующих «большую науку», но и то, что сама эта деятельность соответствует форме, привычной для «большой науки»: создается, если употребить современную научную терминологию, как бы своеобразная «игровая ситуация». Это способствует серьезному овладению секретами «ремесла историка», профессиональными навыками археографа и архивиста, даже библиографа (не случайно ветераны кружка известны как научные редакторы и библиографы). Высоко ценятся умение правильно излагать и научно анализировать чужие взгляды и обоснованно критиковать их, умение «вопрошать» и корректно вести дискуссию. Научная добросовестность и воспитанность считаются качествами, как бы обязательно присущими тем, кого признают кружковцами, и особенно тем, кого почитают как хранителей традиций кружка. Особое внимание обращают на систему выписок из источников и правила цитирования, на оформление научного аппарата и библиографических данных. Если театр, как говорят, начинается с вешалки, то ведь первое впечатление от научной работы, от диссертации во многом определяется культурой оформления научного аппарата. Манера докладов и ответов на вопросы (а их бывает обычно очень много), характер обсуждения и его протоколирования, тоже такие, как на научных заседаниях, даже конференциях, с особой ролью разговоров в «кулуарах» (но, придерживаясь вузовских обычаев, только во время перерыва, а не в момент заседаний, когда допустим лишь обмен записками). Вследствие этого кружок стал для многих школой формирования и исследовательского мастерства и работы в научном коллективе.

К студенческим докладам (даже младшекурсников) подходят обычно как к попыткам самостоятельного исследования (ветераны кружка учитывают при этом, естественно, возможности, predeterminedные уровнем подготовки и возрастом докладчика), и наиболее интересными для присутствующих оказывались не раз ответы на вопросы, позволяющие докладчику «раскрыться». Предметом обсуждения становятся и доклады, основанные не на учебно-плановой работе (доклад в семинаре, курсовая), а подготовленные дополнительно по теме, самостоятельно избранной студентом или подсказанной ему преподавателем, а также сообщения

(и, соответственно, рефераты на эти труды), вопросы, поднимаемые на научных конференциях, в которых участвовали кружковцы или их научные руководители. Свежая, из первых рук информация о таких конференциях, в том числе зарубежных (после рассказа Артемия Владимировича Арциховского о X Международном конгрессе историков в Риме в 1955 г.), стала тоже кружковой традицией.

Традиционная форма деятельности кружка — встречи с его гостями: лекции и беседы видных ученых (начиная с академиков Николая Михайловича Дружинина и Бориса Александровича Рыбакова), опытных архивистов, обсуждение научных трудов в присутствии авторов, сопровождающееся ответами их на вопросы кружковцев. При этом всегда заметен особый интерес к методике исследования: стараются не просто впитать новые факты и выяснить, «что», «как», «почему», «когда» происходило, но и понять, каким образом узнано, почему именно так истолковано и оценено, каковы перспективы дальнейшего исследования. Это воспитывает восприимчивость к новому, умение наблюдать движение мысли, даже эстетическое восприятие процесса мышления и форм его внешнего выражения.

Много полезного извлекли для себя кружковцы, когда их знакомили с методами использования электронно-вычислительной техники в исторических исследованиях (Иван Дмитриевич Ковальченко, Владимир Зиновьевич Дробижев), с результатами исследований и собирательской деятельностью сотрудников архивов (Наталья Борисовна Волкова, Юрий Николаевич Амиантов и др.), с приемами работы исследователей с архивными документами и редкими изданиями (Марк Самойлович Волин, Константин Николаевич Тарновский, Юрий Павлович Шарапов с материалами Ленинианы, Николай Николаевич Розов, Виктор Иванович Буганов, Вадим Иванович Корецкий, Борис Григорьевич Литвак и др. с памятниками XI—XIX вв.), с методикой выявления и собирания документальных памятников в среде их бытования (еще в 1959 г. участники возглавляемой Александром Ильичем Клибановым экспедиции по изучению современного сектантства, среди которых была и Галина Лялина — ранее староста кружка, а теперь известный специалист по истории религиозного сознания; в недавние годы Ирина Васильевна Поздеева, Николай Николаевич Покровский, Натан Яковлевич Эйдельман, писавший об одной из своих встреч с кружковцами⁶. Взволнованный разговор возник при обсуждении в присутствии авторов новых их книг, имеющих непосредственное отношение к повседневной деятельности историков-архивистов, — книг Мариэтты Омаровны Чудаковой «Беседы об архивах» и Михаила Тимофеевича Белявского «Работа в музеях по историческим памятникам при изучении истории СССР». Мы глубоко признательны гостям за то, что они сочли возможным встретиться с кружком.

Хочется думать, что такие встречи интересны и самим гостям*. Некоторые из них неоднократно встречались с нами: в первое десятилетие кружка Михаил Михайлович Герасимов и Иракий Луарсабович Андро-

* Знаменитый медиевист Александра Дмитриевна Люблинская писала 12 января 1980 г. (незадолго до внезапной кончины) из Ленинграда: «...сообщение об обсуждении моей статьи в кружке очень меня заинтересовало. Мне страсть как хочется присутствовать! Как бы это устроить?».

ников. Не раз выступал в кружковой аудитории Валентин Лаврентьевич Янин. Он зачастую первым и знакомил нас со своими соображениями о результатах летних археологических раскопок в Новгороде; слушали мы и его замечательную лекцию о граммофонной пластинке как историческом источнике.

Кружок в присутствии редакторов и авторов (Владимира Евгеньевича Иллерицкого и Ивана Архиповича Кудрявцева, Ивана Дмитриевича Ковальченко и Анатолия Васильевича Муравьева, Моисея Наумовича Черноморского и др.) серьезно обсуждал учебные пособия по историографии и источниковедению (что нашло отклик на страницах печати). Ознакомление с восприятием этих книг непосредственными «потребителями», теми, кому они прямо адресованы, думается, было небесполезным для авторов их. В присутствии представителей редакции и авторов обсуждались материалы дискуссии по проблемам источниковедения истории КПСС в журнале «Вопросы истории КПСС» в 1962—1963 гг.

Приятно сознавать, что в роли своеобразных «гостей» выступают уже и ветераны кружка, печатные труды которых особенно заинтересовали кружковцев. Мы обсуждали книги (или доклады, тесно взаимосвязанные с их содержанием) Сергея Каштанова и Льва Дьяконицына, Галины Тарле и Владимира Кабузана, Юрия Рыбакова (бывшего старостой кружка) и Льва Рошаля, Галины Лялиной и Николая Митрофанова, Наталии Лебедевой (бывшей также ранее старостой кружка) и Веры Кулешовой, Владимира Кабанова и Мансура Мухамеджанова, Евгения Рашковского (тоже бывшего старостой кружка), Сергей Филимонова и других, многие статьи кружковцев. Выступлениями ветеранов кружка открываются подчас и годовые «сезоны» его — так, Сергей Каштанов поделился впечатлениями о Международном конгрессе по дипломатике в Париже, где он представлял советскую науку (в сентябре 1978 г.), а бывший староста кружка Игорь Сергеевич Фесуненко, ныне политический обозреватель Центрального телевидения и Всесоюзного радио, рассказал об источниковедческой базе работы журналиста-международника (сентябрь 1979 г.).

Не следует думать, что история кружка — это непрерывный путь восхождения. Были не только подъемы, но и спады — год или даже годы слабого притока свежих студенческих сил, когда выступавшие с докладом студенты-«варяги», т. е. мало связанные с кружком не склонны были включаться в кружковую каждодневность, налагающую на кружковцев и определенные обязательства, или когда не находилось среди студентов «лидеров» — обычно они разделяют между собой обязанности старост и секретарей или, напротив, выступают в роли «баламутов», тоже полезной (если человек умен, непосредствен и добр) для проверки и обновления традиций. В такие времена кружок держался энтузиазмом и преданностью старожилых как кружку, так и друг другу.

Кружок как тип научной общности — это все-таки прежде всего студенческий коллектив. И можно сформулировать наблюдение: подъемы, как правило, имели место тогда, когда находилась группа однокурсников, достаточно энергичных, близких между собой (иногда даже соседей по общежитию) и со схожими научными запросами. Такие студенты становились затем основой спецсеминаров на IV курсе. Они приобретали авторитет и у младших кружковцев — «новоприходцев» и у ветеранов кружка. Обычно они не порывали связи с кружком и по окончании инсти-

туда (хотя, посещали его заседания уже избирательно). Работая в других городах, во время приездов в Москву кружковцы такого типа оказывались и в «теремке», где не только участвовали в прениях, но нередко выступали с докладами.

Характерная черта работы в кружке — необходимость преодолевать трудности, познавать и развивать свои силы. А в молодости часто больше привлекают препятствия, чем накатанный, давно испытанный путь. Нелегко выдержать многочасовые заседания, начинающиеся после занятий и кончающиеся тогда, когда уже нет надежды хорошо выспаться перед следующим рабочим днем; нелегко находиться все это время в атмосфере известного интеллектуального напряжения; нелегко сразу найти общий язык, не говоря уж о том, чтоб сравняться младшим, начинающим кружковцам с его ветеранами — прежде всего не хватает знаний, навыков и опыта интеллектуального труда, умения спорить и терпения выслушать возражения. И многие кружковцы нередко первоначально больше слушают или ограничиваются вопросами и не сразу активно приобщаются к обсуждению. Нелегко и писать диплом у руководителя кружка — а среди кружковцев обычны и мои дипломники, — ибо такой диплом требует сочетания собственно источниковедческой (или собственно исторической) работы с архивоведческой и археографической. Нелегко и руководить такими дипломниками (и потому у меня обычно немного дипломников); но дипломные сочинения их не раз становились основой для выступлений на научных конференциях (как Константина Новохатского на Первой Всесоюзной конференции по историографии в Смоленске) и даже для диссертации. Нелегко и подготовить доклад, заслуживающий интереса для автора и для присутствующих кружкового разговора.

Однако кружок — это не люди исключительных способностей или тяги исключительно к науке. Это люди разных способностей (хотя среди них некоторые и выделяются ярким дарованием) и разного темперамента. Но все они любознательны и склонны к творчеству, любят и ценят труд (но — труд с увлечением), обладают даром ученичества и у старших и у сверстников, чувством товарищества и еще, пожалуй... чувством юмора, а следовательно, и некоторой способностью взглянуть на себя со стороны. Быть может, общее у многих кружковцев и то, что к источниковедению в числе прочего их манит возможность реализации не утраченной с детства потребности самому разобраться, познать, из чего что сделано, как действует. И потому очень удачно, на мой взгляд, статью о кружке в газете «Московский комсомолец» за 1975 г. озаглавили «Из первых рук».

Как правило, кружковец — это общественно-активная личность. И активность выражается не только или даже не столько в традиционно-учебной сфере (а учатся кружковцы хорошо; да иначе и трудно было бы выдержать такую регулярную дополнительную нагрузку). Они деятельные общественники — члены Комитета и бюро ВЛКСМ (и нынешние старосты кружка Ленинский стипендиат Владимир Козлов — секретарь, Владимир Коровайников — член Комитета ВЛКСМ института, оба — члены партии), комиссары, командиры и бригадиры студенческих стройотрядов (ну, и рядовые, конечно, тоже), участники художественной самодеятельности (начиная с Сизова — хорошо памятного первым кружковцам престелного Бальзаминова), художники и фотографы, поэты и музы-

канты, люди, увлеченные техникой — «мастера золотые руки», спортсмены и умелые повара. Словом, это люди, интересы которых отнюдь не ограничиваются только наукой и способности и добросовестность которых проявляются при самых типических жизненных обстоятельствах. И успешная, как правило, особо отмеченная служба в армии по окончании МГИАИ — тому одно из доказательств.

Необычно в кружке едва ли не уникальное совмещение людей разного возраста, а теперь уже и разных поколений — нынешних студентов (причем не только дневного, но и вечернего — таких как Владимир (Петрович) Козлов, Симон Илизаров, потом окончившие дневное отделение, Николай Ходаковский, Михаил Белогуров, Валентин Морозов и др.; заочного отделения ФАД и даже ФГД) и выпускников института, тех, кого принято называть «стариками»; к иным из них студенты обращаются уже только по имени и отчеству.

«Старики» — хранители кружковых традиций, и в то же время кружковые среды для них не только прошлое, но и настоящее. И потому заседает кружок только в вечерние часы (чтоб могли прийти сюда после работы и ветераны). В обсуждении студенческих докладов всегда принимают участие и «старики». По сей день приходят они на кружковый огонек в «теремке» с его ставшей такой привычной надписью «Добро, братие, есть почитание книжное», у изображения памятника Ивану Федорову-первопечатнику. Приходят и самые постоянные кружковцы — выпускник 1954 г. Сергей Каштанов и выпускник 1963 г. Иосиф Беленький (круг волнующих их научных интересов сохранил свойственную студенческой юности широту, которая не стала помехой дальнейшей исследовательской специализации), и не прерывавшие связь с кружком выпускники других годов. Особенно много, естественно, выпускников 1970-х годов, для которых кружок — как бы своеобразный клуб. Их объединяет ощущение содержательности своего труда, убеждение в достоинстве избранной ими профессиональной деятельности. (Как пишет в своей анкете Дмитрий Карев, бывший староста кружка, один из последних дипломников профессора А.А. Зимины, кружок — «средоточие духовного общения людей, хотя и различных по строю мысли и чувств, но единых в своих интересах и в своей любви к ... истории»). Выработавшаяся привычка кружковых встреч отвечает их внутренним потребностям и склонностям. Им интересно и творить вместе и быть друг с другом.

Это предопределяет микроклимат «кружкового бытия» (выражение из анкеты Николая Митрофанова), особую нравственную атмосферу в кружке. Там не терпят ни претенциозных болтунов-верхоглядов, желяющих словесной бравадой или наукообразными трюизмами обратить на себя внимание, ни догматически узкомыслящих людей. Не попадают в сферу кружка и те, кто пытается стать кружковцем из-за деляческих или престижных соображений — им не ужиться с кружком.

У кружковцев высоко развиты уважение к коллективу, к его интересам, требовательность друг к другу; естественная раскованность соседствует со строгим самоконтролем. Культивируются высокие представления о благородстве кружковых традиций, преданности кружку. (И недаром в кружковом юморе — и в стихах и в прозе — постоянны эпитеты рыцарских романов и ассоциации с духом мушкетерства д'Артаньяна и его друзей.)

Это отразилось в ответах на вопрос юбилейных анкет о впечатлениях о кружке, где нередко в полумемуарной, а то и в афористической форме изложены представления не только о путях и значении профессиональной научной подготовки, но и о «нравственной доминанте» человека (выражение Сергея Чиркова). (Игорь Курукин пишет в анкете об «уроках человеческой и научной этики»; слово «этика» во многих анкетах кружковцев.) Талант человеческого общения, умение понять и поддержать ценятся обычно не меньше, чем яркие способности к оригинальному ассоциативному или стройно логическому мышлению. К человеку, сосредоточенному только на своей мысли (пусть даже незаурядной), на своей работе, а значит, на самом себе, относятся настороженно, с недоверием даже. Одаренная натура — это человек, наделенный душевной щедростью (а следовательно, и щедростью мысли). И это отраднo, ибо я убежден в том, что только люди, добросовестные в жизни, могут быть добросовестными в науке — таким обычно чуждо видение явлений в угоду заранее облюбованной или подсказанной схеме.

В кружке, говоря словами из анкеты Владимира Петухова, «атмосфера дружеского равноправия». Конечно, степень подготовленности участников кружка неодинакова, разнятся даже их научный лексикон, пределы ассоциативного поля. Но атмосфера доброжелательности, взаимного уважения, признания естественности иных мнений (не согласных с твоим), которую неизменно поддерживают здесь старшекурсники и особенно ветераны кружка, способствует тому, что младшие довольно скоро входят в русло обычной кружковой жизни, хотя молодежь первоначально и побаивается «бородачей» — ветеранов. (Да и те, увлекшись, иногда все-таки забывают о том, что первые шаги в науке обычно еще неловкие шаги и опыт приходит с годами, а столь необходимая в науке интуиция — качество не только врожденное, но и в определенной мере выстраданное, вырабатывающееся в процессе труда и познания.) При обсуждении же трудов ветеранов характерна «беспощадность», воспринимаемая, — что тонко отметил Алексей Курносков, «как одно из важнейших проявлений уважения к сделанному мною или другими». И кружковцы стремятся к тому, чтобы удалось обсудить на заседании дипломные сочинения, доклады, подготовленные для конференций, главы диссертаций. Придирчиво оценивая доклад, кружковцы щедро делятся со своими товарищами соображениями методического порядка и свежими мыслями, мелочно не дорожа «авторским правом» и не обижаясь тогда, когда находят развитие этих мыслей в дальнейших трудах своих коллег, безвозмездно делятся указаниями на сведения источников (в том числе архивных) и литературы (и не зря так часты ссылки в трудах кружковцев на устно сформулированные суждения их сверстников). Такая своеобразная предзащита оказывается очень полезной и для диссертанта, и для его коллег, тоже пишущих диссертации, и для научных руководителей. Более того, старшие товарищи, пожалуй, только здесь обретают возможность проверить в аудитории, непосредственно воспринимающей (и пока еще и непосредственно выражающей свое отношение), те или иные научные положения, исследовательские приемы.

Одно из действенных средств привлечения в кружок молодежи — добровольность занятий в нем. В кружке не существует регламентирован-

ных обязанностей, непринужденная обстановка, нет правил обязательно-го посещения. Студенты приходят на те заседания, которые ближе по тематике или методике к тому, чем занимаешься, о чем сам думаешь (ну и, конечно, на доклады особенно близких друзей). Приходят и долго заседают, потому что интересно, потому что хочется видеть товарищей по увлечению, послушать, подумать, «испытать» — цитирую ответ на анкету Галины Присенко — радость «соучастия», «радость творчества» (слова Генриха Головкина). Взаимообщение становится взаимообогащением — и руководителя кружка, и ветеранов его, и начинающих «кружковое бытие». В кружке закрепляются личные дружеские связи на годы и десятилетия (это подчеркивается в ответах на многие анкеты) — связи по интересам, миропониманию, отношению к людям. «Кружковая» дружба — крепкая дружба. С. Каштанов, связанный с кружком все годы, так сформулировал свои впечатления (в 1975 г.): «Кружок — школа доброжелательности, требовательности в науке, средство постоянного расширения кругозора, источник надежды “стариков” на вечную молодость, верность дружбе, традициям, новизне, путь к взаимопониманию поколений...».

Наш кружок — не «кружок Шмидта», как иногда говорят и пишут. Это прежде всего коллектив и коллективный наставник. Кружок — результат коллективного творчества. Проявление этого коллективного творчества — творчества научного руководителя и других преподавателей, ветеранов кружка разных поколений, нынешних студентов-кружковцев постоянно; и кружковцы это понимают и чувствуют, дорожат этим. Человек большой доброй души и тонкой приметливо-умной мысли покойный Евгений Степанович Сизов, наш любимый Женечка (бывший вторым старостой кружка), еще в 1975 г. ответил на вопрос анкеты: «Впечатления бывают от чего-то привнесенного извне, а то, что совместно вынашивалось, рождалось, создавалось коллективно и было тем, без чего нельзя — навсегда остается любимым детищем». «Совместно», «коллективно», «детище!» Вот так ощущают свой кружок, свое участие в нем.

Это чувствуется и вне стен «теремка» — нашего обычного места заседаний — на представительных конференциях (и во время заседаний, и в кулуарах), в местах «гнездовой» кружковцев — в Археографической комиссии, Институте истории СССР, в архивах (особенно в ЦГАЛИ и в ЦГАДА), не говоря уже об атмосфере поездок (на экскурсиях, в поездках). «Кружковец» для них как бы пожизненное звание, его носят выпускники института с гордостью, оно служит связующей нитью между бывшими историками-архивистами — написано в недавней статье в «Комсомольской правде» (25 апреля 1980 г.). И эти слова Киры Николаевны Лавровой, не раз писавшей о кружке, побывавшей на многих его заседаниях и беседовавшей со многими кружковцами (как и Савва Тимофеевич Морозов, писавший о кружке в «Известиях»), знакомившейся с ответами кружковцев на юбилейные анкеты, мы прочитали с особым чувством.

Жизнедеятельность кружка в значительной степени определяется и внутренней потребностью научного руководителя. Руководство кружком требует не только навыков и усилий, но и особого психологического настроения. Мне уже приходилось писать об этом⁷. Могу лишь снова сказать, что общение с кружком и кружковцами дает мне очень много и как человеку, и как педагогу, и как исследователю. В общении с заинтересованной аудиторией я учусь уча, познаю здесь радость первооткрытия и людей и

мыслей, тепло дружбы, и уже много лет в своем сознании не отделяю себя от кружка.

Но написать книгу о кружке типа учебного пособия я бы не смог. Воспоминания о деятельности кружка, о людях кружка, о наших взаимоотношениях, пожалуй, еще могли бы получиться. Обобщающего (и в то же время глубоко личного) характера наблюдения и выводы о формах работы кружка и сфере его воздействия, о том, что дает кружок его участникам и научному руководителю, о путях определения значимости деятельности кружка в более широком плане можно было бы еще попытаться сделать. Но учебное пособие, т. е. нечто, содержащее определенный набор рекомендаций, вряд ли удалось бы создать. Ибо в нашем кружке необычное для вуза совмещение людей разновозрастных, а своеобразие человеческих отношений не ограничивается рамками учебного процесса или внепрограммного дополнения к нему. Нет и не было в кружке и укладываемого в определенный заранее предначертанный формуляр подхода к явлениям, хотя и выработались уже своя знаковая система и шкала оценок. Так много импровизационного, непреднамеренного, хотя подчас и предполагаемого. В кружке муза истории Клио — не только муза науки (как сейчас принято), но и муза искусства. И это сочетание элементов науки и искусства — тоже привлекательная черта, как для входящих впервые в «теремок», так и для ветеранов кружка.

Ритуал заседаний выработан и ему следуют теперь уже не без педантизма (игра в такой ставший уже привычным педантизм даже нравится!). Но существо самого «детства» начиная с доклада и многочисленных вопросов и кончая выступлением С.М. Каштанова и заключительным словом научного руководителя, всякий раз внове. Это нашло отражение в названиях газетных напоминаний о кружке 25 апреля 1980 г. в канун его юбилейного заседания. Если слова «Преданья старины глубокой» (в «Вечерней Москве») могут относиться уже не столько к тематике кружка, где значительное место занимает и изучение источников по новой и новейшей истории нашей страны, а к возрасту нашего кружка, который на пять-десять лет старше нынешних его старост, то другое название, «Вступление» (в «Комсомольской правде»), характеризует молодость кружка, обычное для его деятельности приобщение к новому. Это ощущение способствует обретению «второго дыхания» и к концу традиционно длительных заседаний кружка и сейчас, на пороге четвертого десятилетия кружковой жизни.

¹ Из истории студенческого научного общества МГИАИ // Тр. МГИАИ. М., 1957. Т. 10. С. 412; *Рослова А.С.* 25 лет работы Московского государственного историко-архивного института // Тр. МГИАИ. М., 1958. Т. 11. С. 44—245; *Козлов В.Ф.* Материалы заседания Ученого совета МГИАИ памяти профессора П.П. Смирнова // АЕ за 1980 год. М., 1981. С. 243—247; *Преображенский А.А.* Творческий путь Николая Владимировича Устюгова // Города феодальной России. М., 1966. С. 20—21; *Он же.* Творческий путь

Александра Игнатьевича Андреева // АЕ за 1978 год. М., 1979. С. 119.

² См.: *Каштанов С., Шингарева Е.* Кружок источниковедения истории СССР. // Тр. МГИАИ. М., 1981. Т. 16; *Каштанов С.М.* Кружку источниковедения 30 лет // ВИ. 1980. № 4. С. 119.

³ Библиографию литературы о кружке см.: Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины. М., 1980. С. 199—200.

⁴ *Мараш Я.Н.* Студенческий научно-исследовательский кружок. Минск.: Вышшая школа. 1976. С. 7—8; 32—33.

- 5 Подробнее см.: Шмидт С.О. Опыт работы со студентами по проблематике источниковедения историографии // Вопросы историографии в высшей школе. Смоленск, 1975.
- 6 Эйдельман Н. Вьеварум. М., 1975. С. 153.
- 7 Шмидт С.О. Вовлекая в творчество // Вестник высшей школы. 1975. № 4. С. 43. [См.: Литература о кружке источниковедения // Мир источниковедения: Сб. в честь 75-летия С.О. Шмидта. М., Пенза, 1994. С. 387—390.]

АЛЕКСЕЙ ПАВЛОВИЧ ОКЛАДНИКОВ *

18 ноября 1981 г. скончался Герой Социалистического Труда академик Алексей Павлович Окладников. Всемирно известный археолог и историк первобытного искусства, глава историков Сибири А.П. Окладников со времени образования Сибирского отделения Археографической комиссии в 1969 г. был его председателем.

Научная продуктивность и широта научных интересов А.П. Окладникова поразительны. Имя академика Окладникова — одно из самых известных имен советских ученых в мировой науке последних десятилетий. В вышедшем незадолго до кончины Алексея Павловича в серии «Материалы к библиографии ученых СССР» издании, ему посвященном, названы не только многочисленные статьи и рецензии, но и книги, специально о нем написанные, указана литература на многих языках. А.П. Окладников опубликовал колоссальное число трудов, но ведь он был известен и как организатор научных исследований, формулировавший в устных выступлениях задачи их, во многом определявшие уровень и перспективы развития нашей науки, как выдающийся оратор, мастер выступлений в прениях, естественно, не включенных в список трудов ученого. Не указаны в перечне и некоторые работы, изданные в 1981 г., и среди них важная для познания культуры научного творчества А.П. Окладникова статья «Коллективная память истории» в № 4 журнала «Советская библиография», помещенная там в разделе «Библиография в моей жизни». Само название статьи характерно для А.П. Окладникова, обладавшего драгоценным даром образно и емко формулировать сложнейшие научные положения.

Огромно значение археологических открытий, сделанных А.П. Окладниковым, его научных построений об этапах и отличительных чертах развития первобытного общества и культуры (прежде всего в Азии), об основных явлениях в истории Сибири докапиталистического периода, о вкладе населения нашей страны в развитие мировой культуры. Новизна и масштабность свершенного А.П. Окладниковым дает право назвать его одним из виднейших строителей советской науки — науки нового типа. Но А.П. Окладников находился и в русле лучших давних традиций отечественной демократической науки, развивая и совершенствуя их, — он органически сочетал исследовательскую работу с преподавательской; он старался приобщить к познанию и истории и самого процесса исторических изысканий отнюдь не только специалистов, но и широкую обще-

* Опубликовано в кн.: АЕ за 1981 год. М., 1982. С. 362—363.

ственность, деятельно способствовал распространению исторических знаний и обладал при этом редкой способностью писать художественно и увлекательно; он не замыкался в рамках одного — пусть даже чрезвычайно большого — круга тем и изучения одного типа источников. А.П. Окладников, по существу, был историком культуры широкого профиля и социологом. Он был и разносторонним источниковедом, отнюдь не ограничивающимся рассмотрением преимущественно вещественных источников и вообще только памятников материальной и духовной культуры — источниками знаний о прошлом человека для него всегда была и естественно-географическая среда и останки самого человека. Он исторически воспринимал и реликты прошлого и явления современности, умел видеть (и предвидеть!) во фрагменте целое, почувствовать в частном характерные черты общего, позволяющие установить региональные и временные особенности и взаимосвязи.

Не зародились ли эти черты глобального мышления и комплексного подхода ко всем типам исторических источников еще в годы раннего приобщения сельского школьника (в селе Анга у истоков реки Лены, где родился замечательный историк прошлого столетия А.П. Щапов) к краеведению во всем его многообразии? Не помогло ли этому дарованию счастливо развиваться то, что ученому еще на заре его самостоятельной деятельности доверили в двадцать лет заведование этнографическим отделом Иркутского краеведческого музея, где он много сил отдавал поискам и изучению документальных памятников, и в двадцать же лет он начал археологические исследования и особое внимание его привлекли тогда же наскальные рисунки? И не способствовали ли эти черты биографии Окладникова тому, что и сам он, став профессором и руководителем научных учреждений, рано, смело и целенаправленно привлекал студенческую молодежь к самостоятельному участию в экспедициях, научных исследованиях и сумел воспитать научную школу, теперь уже тоже получившую всемирное признание. Сумел воспитать не только своими трудами и методическими советами, но — и это, пожалуй, самое главное — самим образом своей жизни. Одержимость, увлеченность, смелость в изысканиях, внутренне присущий А.П. Окладникову дух романтики поисков заражали творчески ищущую молодежь. А.П. Окладников был первопроходцем по самому характеру своему; потому-то он стал и видным историко-географом, путешественником. На лодках, лошадях, пешком, реже на машинах, самолетах А.П. Окладников ознакомился с множеством археологических памятников Зауралья и немало из них впервые открыл для науки, samozабвенно, как бы не замечая трудностей, изучал их. Об этом он и сам образно вспоминал в книге «Петроглифы Средней Лены»: «Слов нет, белые ночи Арктики и Субарктики так же прекрасны, как и на Неве. Но нужно было еще и копать землю, брести по буреломам, карабкаться на крутые берега в поисках наскальных изображений, висеть на веревке над скальными карнизами, чтобы скопировать эти еле различимые потускневшие фигуры. А ко всему прочему нужно добавить июльские ночи с неустанным пением комариного войска, бесплощадной мошкаррой... И тем не менее все это забывалось, когда вдруг на одном из скальных выступов, задрав голову, обнаруживали рисунки древнего художника, охотника и шамана...».

И не мудрено, что А.П. Окладников горячо поддержал идею

М.Н. Тихомирова об организации археографического обследования Сибири. Вдохновенный и в то же время практически умелый и даже дипломатичный организатор науки, академик Окладников более, чем кто-либо, способствовал тому, чтобы Новосибирск стал одним из центров развития и гуманитарных наук. Он не жалел сил для концентрации там ученых специалистов, подготовки молодых кадров ученых, на сосредоточение там памятников культуры — материальной и духовной. И едва ли не энтузиазм и убежденность А.П. Окладникова, глубоко верившего в Сибирь как «страну будущего», вызвали столь сильный интерес к Сибири и Дальнему Востоку Михаила Николаевича Тихомирова, всегда относившегося к А.П. Окладникову с особыми уважением и дружеской симпатией. Вместе с ним М.Н. Тихомиров был и в Новосибирске и на Дальнем Востоке, с ним обсуждал вопрос о передаче в Новосибирск своей замечательной коллекции памятников древнерусской культуры — «Тихомировского собрания». Это ясно прослеживается по документальным материалам, отложившимся в личном фонде академика М.Н. Тихомирова в Архиве АН СССР (см. об этом статью «Издание и изучение наследия М.Н. Тихомирова. Тихомировские традиции» в книге «Сибирское собрание М.Н. Тихомирова и проблемы археографии». Новосибирск, 1982). Огромный научный авторитет и личное обаяние А.П. Окладникова тоже становились важными факторами развития науки и распространения культуры.

Археографическая комиссия очень многим обязана академику А.П. Окладникову. Именно он организовал сектор археографии Института истории, филологии и философии СО АН СССР (руководимый Н.Н. Покровским), деятельно способствовал «археографическому открытию» Сибири и развитию в Сибири работы в области археографии, источниковедения, палеографии и смежных с ними отраслей науки. В 1980 г. А.П. Окладников много сделал для организации в Новосибирске Тихомировских чтений и сам выступил там с докладом. Тихомировские чтения показали, как значительны достижения сибирских ученых во всех сферах источниковедения не только археологических, но и письменных источников — в области их разыскания, описания, изучения, публикации.

А.П. Окладников — не только замечательный исследователь и знаток культуры прошлого, но и яркий деятель современной культуры. Кончина Алексея Павловича — невосполнимая утрата и для тех, кто был знаком с ним, и для нашей науки, для советской культуры.

С.В. БАХРУШИН И М.Н. ТИХОМИРОВ

По архивным материалам *

«Сергей Владимирович Бахрушин и Михаил Николаевич Тихомиров» — тема многоаспектная. К ней можно подойти и в плане истории

* Опубликовано в кн.: Проблемы социально-экономической истории феодальной России: [к 100-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР С.В. Бахрушина]. М., 1984. С. 62—74.

развития представлений о феодальном периоде отечественной истории, и в плане изучения становления и развития советской исторической науки. Эту тему можно рассматривать и на грани науковедческого или даже психологического исследования, в плане взаимоотношений, а затем и взаимовлияния учителя и ученика, причем в особом ракурсе, когда в последние годы жизни учителя ученик наравне с ним оказался в первой шеренге советских историков. Но при любом подходе к теме вряд ли допустимо использование только опубликованных работ ученых, отражающих главным образом отношение их к научным трудам друг друга (характеристики этих трудов, цитаты из них, отсылки к ним в научно-справочном аппарате). Сейчас признается значительная ценность и неопубликованных документальных материалов (из архивов ученых, учреждений, научных обществ и др.) как историографических источников.

Именно архивные материалы о взаимоотношениях С.В. Бахрушина и М.Н. Тихомирова — основная тема этих заметок. В подготовленном И.П. Старовойтовой научном описании архивных материалов М.Н. Тихомирова приведены сведения не только о документальных памятниках личного его фонда, но и о содержащих информацию о его жизни и деятельности документальных памятниках из других фондов Архива Академии наук СССР и его Ленинградского отделения¹. Заметки основываются на данных этого описания, а также на архивных материалах Общества изучения Московской губернии, выявленных и изученных С.Б. Филимоновым².

М.Н. Тихомиров учился в 1913—1917 гг. на историческом отделении историко-филологического факультета Московского университета, где его научным руководителем был С.В. Бахрушин. Об этом М.Н. Тихомиров говорит в своих «Воспоминаниях», которые он «надиктовал» на магнитофонную ленту, что и предопределило их стиль устного рассказа-припоминания: «...С.В. Бахрушин вел семинар по истории Великого Новгорода. Он и был моим *определяющим учителем* в Московском университете (курсив мой. — С. Ш.). Впоследствии он даже хотел меня оставить в Университете, во всяком случае поднимал этот вопрос. Но это было уже в самом начале революции, когда я и сам хотел выбрать научную карьеру»³. В автобиографической заметке «Дорога в историческую науку», напечатанной в многотиражной газете «Московский университет» 7 мая 1955 г., М.Н. Тихомиров подчеркнул: «...Особенно большое влияние оказал на меня С.В. Бахрушин, тогда еще молодой доцент. Я работал в его семинаре и написал под его руководством дипломное сочинение о псковском восстании 1650 г., впоследствии напечатанное в виде монографии»⁴. В 40-е годы, представляя С.В. Бахрушину своих учеников, М.Н. Тихомиров неизменно отмечал, что сам себя считает его учеником, а мы, следовательно, «внуки Бахрушина».

В Архиве АН СССР, в фонде С.В. Бахрушина сохранилось письмо М.Н. Тихомирова, отправленное им из Ашхабада, где находился тогда эвакуированный Московский университет, 23 апреля 1942 г. в Ташкент, куда были эвакуированы гуманитарные институты Академии наук СССР. Поводом письма стало известие о награждении С.В. Бахрушина Государственной премией вместе с другими авторами I тома «Истории дипломатии». М.Н. Тихомиров писал: «Вы, вероятно, получили большое количество вполне заслуженных поздравлений с получением премии, но я не был бы Вашим учеником, если бы не поздравил Вас с тем же. Ваш успех в

конечном счете является успехом и Ваших учеников; тут уже какая-то неразрывная связь, потому что если профессора выбирают студентов для продолжения их работ, то ведь и студенты выбирают для руководства профессоров. И я, конечно, горжусь, как и всегда раньше гордился тем, что работал когда-то под Вашим руководством». Далее он пишет о научной школе, пройденной им в «семинаре о Великом Новгороде у приват-доцента Бахрушина»⁵.

В понимании С.В. Бахрушина, как затем и М.Н. Тихомирова, «научная школа» в высшем учебном заведении — это не только участие в семинаре под руководством высококвалифицированного преподавателя, но и подготовка самостоятельного научного труда по малоизученной тематике с привлечением архивных материалов. Оба были убеждены в том, что склонный и способный к научным занятиям студент уже в вузе может и должен работать именно как исследователь.

Первая опубликованная работа М.Н. Тихомирова — небольшая книга «Псковский мятеж XVII в. (Из истории борьбы общественных классов в России)», написанная в 1917 г., издана была в Москве в 1919 г.⁶, видимо, по рекомендации С.В. Бахрушина. М.Н. Тихомиров в то время находился в Самаре и как будто даже не знал об этом издании. Такое уважительное отношение к труду начинающего исследователя и забота о его будущем * произвели сильное впечатление на М.Н. Тихомирова.

Опубликованная в 1917 г. одна из самых значительных работ С.В. Бахрушина — «Московский мятеж 1648 года» — близка к работе М.Н. Тихомирова и по тематике, и даже по терминологии заголовка — «мятеж»⁷. Написание обоих исследований обусловлено возрастающим интересом к истории классовой борьбы в канун великих революционных событий 1917 г.

Влияние С.В. Бахрушина на начинающего, ищущего свой путь в науке ученого несомненно. И оно не ограничивалось только сферой воз-

* Благодарность С.В. Бахрушина, его заинтересованное отношение к научной молодежи мне довелось испытать и на себе, когда он был оппонентом моей дипломной работы и кандидатской диссертации. Защита дипломной работы вызвала некоторое волнение и у моего научного руководителя М.Н. Тихомирова, и, естественно, у меня. Дело в том, что в годы войны не было практики публичной защиты дипломных работ на историческом факультете МГУ. Такую практику попытались ввести в 1944 г., ограничившись защитой дипломных работ тех выпускников, которых предполагалось рекомендовать в аспирантуру. Защита происходила на заседании кафедры истории СССР, и первой назначали защиту нашей группе из четырех человек, специализировавшихся по отечественной истории периода феодализма у М.Н. Тихомирова (Е.В. Чистякова, В.А. Александров, А.Н. Мальцев и я). Первой должна была обсуждаться моя работа об А.Ф. Адашеве. С.В. Бахрушин, которого М.Н. Тихомиров просил ознакомиться с работой, не только написал краткий — одновременно деловой и благожелательный — отзыв, но и выступил устно, отметив при этом как положительный факт подготовку под руководством М.Н. Тихомирова сразу нескольких работ по малоизученной тематике. Что же касается кандидатской диссертации, то здесь я сам настоял перед М.Н. Тихомировым, чтобы именно С.В. Бахрушина просил выступить ее официальным оппонентом весной 1949 г. В этой работе я осмелился оспорить некоторые положения исследований С.В. Бахрушина, и мне хотелось, чтобы именно он, будучи наиболее видным тогда специалистом по истории России времени Ивана Грозного и членом Ученого совета истфака МГУ, сказал, даже не соглашаясь со мною, достоин ли я ученой степени. С.В. Бахрушин познакомился с диссертацией, признал ее отвечающей соответствующим требованиям и согласился быть оппонентом. Однако почти накануне защиты он внезапно заболел, и врачи уложили его в постель. И тогда С.В. Бахрушин сам обратился с просьбой к профессору К.В. Базилевичу выступить вместо него оппонентом, чтобы не сорвать защиту.

действия при написании М.Н. Тихомировым первого из известных нам его трудов, который оказался основой и изданной в 1935 г. книги «Псковское восстание 1650 г.»

В 20-е годы С.В. Бахрушин и М.Н. Тихомиров деятельно сотрудничали в Обществе изучения Московской губернии (области). С.В. Бахрушин тогда много сил отдавал работе в области исторического краеведения. По протоколам заседаний Общества известно, что С.В. Бахрушин участвовал в обсуждении докладов М.Н. Тихомирова на заседаниях его культурно-исторической секции (отделения). Доклад «Села и деревни Дмитровского края в XV—XVI вв.»⁸ (2 марта 1928 г.) С.В. Бахрушин признал «образцом работ по историческому изучению деревни». При обсуждении 9 ноября 1928 г. доклада «Место битвы на р. Веле 1181 г.» он поддержал обращение М.Н. Тихомирова к методу проверки «летописного известия осмотром на месте»: «опыт топографического изучения,— по мнению С.В. Бахрушина,— заслуживает особого внимания».

Принимал участие и М.Н. Тихомиров в обсуждении докладов С.В. Бахрушина. Особенно важна протокольная запись о заседании 25 мая 1927 г., когда С.В. Бахрушин выступил с докладом об Александровской слободе. (Ни текст, ни тезисы доклада не приложены к протоколу заседания.) Обращение С.В. Бахрушина, впоследствии уделявшего столько внимания истории России времени Ивана Грозного, уже в 20-е годы к такой теме очень любопытно. Известно и намерение культурно-исторической секции в 1929 г. организовать работу по систематизации и изучению архива Иосифо-Волоколамского монастыря. Эта работа мыслилась как совместная С.В. Бахрушина, М.Н. Тихомирова, Л.В. Черепнина и других ученых. М.Н. Тихомиров вместе с С.В. Бахрушиным наметил план разработки материалов архива и подготовки сборника актов по хозяйственной истории монастыря⁹.

С середины 30-х годов С.В. Бахрушин и М.Н. Тихомиров работают в одних и тех же учреждениях — Институте истории АН СССР и на историческом факультете МГУ. В Архиве АН СССР имеются отзывы С.В. Бахрушина середины 30-х годов о трудах М.Н. Тихомирова. Это отзыв о его научной деятельности в целом и характеристика опубликованной книги «Псковское восстание 1650 г.» в выступлении 23 марта 1937 г. на заседании Отделения общественных наук АН СССР, посвященном результатам обследования работы Института истории.

Отзыв о научной деятельности М.Н. Тихомирова — машинописная копия из фонда М.Н. Тихомирова. Отзыв не датирован. Но так как он составлен в связи с постановкой вопроса о присвоении М.Н. Тихомирову ученой степени кандидата исторических наук без защиты диссертации, то мог быть написан только в 1935 г. В отзыве С.В. Бахрушин указывает, что основная тема работ М.Н. Тихомирова — городские восстания в России середины XVII в., отмечает актуальность этой проблематики и подчеркивает, что история восстаний в Пскове и в Новгороде была «в предшествовавшей литературе совершенно не разработана». С.В. Бахрушин счел нужным напомнить, что М.Н. Тихомиров над этой темой «работает со студенческой скамьи», назвав опубликованные книги о Псковском восстании, печатавшуюся статью о Новгородском восстании и подготовленный к печати сборник материалов о восстании 1650 г. «С появлением книги М.Н. Тихомирова вопрос о Псковском восстании как об очень крупном

эпизоде классовой борьбы в Московском государстве XVII в. можно, — по мнению С.В. Бахрушина, — считать волне освещенным. Архивные материалы исчерпаны вполне автором, являющимся вообще очень хорошим знатоком архивных фондов». Далее С.В. Бахрушин характеризует содержание и основные выводы книги. «В общем итоге, — заключает он, — Псковское восстание выступает как явление очень крупное и гораздо более сложное и многогранное, чем до сих пор предполагалось. Работа М.Н. Тихомирова, таким образом, является значительным вкладом в историю СССР XVII в.» Второй темой научной работы М.Н. Тихомирова С.В. Бахрушин считает «историю феодального хозяйства XVI в.», отмечает обследование М.Н. Тихомировым архива Иосифо-Волоколамского монастыря и написанную на основании найденного материала большую статью о хозяйстве этого монастыря. Указывается в отзыве и на то, что М.Н. Тихомиров является «специалистом по археографии и критике источников, им открыт ряд новых источников», преимущественно конца XV—XVI в. Особо выделяется работа «Вологодско-Пермская летопись», которая оценивается как «капитальное исследование до сих пор малоизвестного источника, происхождение и состав которого М.Н. Тихомиров вскрыл с большим знанием и критическим умением». «Наконец М.Н. Тихомиров, — пишет С.В. Бахрушин, — имеет несколько работ по Дмитровскому уезду и Самаре, которые могут служить образцом разработки такого рода историко-краеведческих тем»¹⁰.

При обсуждении работы Института истории С.В. Бахрушин особо выделил две монографии: Б.Д. Грекова «Киевская Русь» и М.Н. Тихомирова «Псковское восстание 1650 г.». Упомянув о рецензии А.Н. Сперанского на эту книгу, С.В. Бахрушин замечает: «...мое впечатление специалиста по истории XVII в., что она больше говорит о недостатках, чем доказывает. В сущности, это придирчивая критика». Однако С.В. Бахрушин обращает внимание и на «несколько слишком популярный стиль», и на сам план книги: «Излагается это очень живо, как хроника восстания. Я думаю, в научной работе нужно тематическое изложение. Тогда отдельные вопросы выступили бы более ярко и выпукло»¹¹. (М.Н. Тихомиров, как известно, и в дальнейшем сознательно стремился к тому, чтобы его труды были доступны не только специалистам, и старался писать живо и образно. Соображения по этому поводу он обосновывает во введении к книге 1955 г., тоже посвященной народным восстаниям, но не XVII в., а Древней Руси¹².)

В июне 1939 г. С.В. Бахрушин оказал честь своему ученику, выступив официальным оппонентом на защите им докторской диссертации «Исследование о Русской Правде» вместе с акад. Б.Д. Грековым (который ранее тоже был учителем М.Н. Тихомирова — в Коммерческом училище, в Петербурге) и Н.Л. Рубинштейном. Е.В. Чистякова, охарактеризовавшая выступление Б.Д. Грекова и саму атмосферу заседания в Институте истории, справедливо полагает, что этот диспут можно считать «важным историографическим фактом, который способствовал движению науки вперед»¹³.

Известный, пока машинописный, экземпляр стенограммы заседания остался направленным и имеет лакуны. Можно думать, что С.В. Бахрушин не читал заранее подготовленный текст. В записи его выступления явственные элементы устной речи (повторы, возвращения к ранее сказан-

ному, ссылки на слова выступавшего перед ним Б.Д. Грекова). Ученый обратил внимание и на вопросы источниковедческие (и даже текстологические), и на вопросы собственно исторические. С.В. Бахрушин отметил в начале выступления: «Те времена, когда источник брался как нечто данное, как нечто готовое, как нечто цельное, отошли в значительной степени в область преданий. Сейчас каждый источник приходится рассматривать как нечто сложное, комплексное, как результат очень длительной и большой работы. Я напомним в этом отношении то, что было сделано в свое время академиком Шахматовым для того, чтобы показать, что представляет собой в действительности начальная летопись. Нужно сказать, что в отношении Русской Правды у нас до сих пор такой работы не делалось». Были, по мнению С.В. Бахрушина, только отдельные текстологические исследования, попытки классификации текстов. «Но основной вопрос, — продолжал он, — попытаться выяснить наслоения, которые постепенно складывались, выяснить, к какому времени они относятся и в каких условиях создавались отдельные части Русской Правды, не в смысле просто изучения, как произошли отдельные тексты, а как произошел весь этот памятник в целом в его различных редакциях. Это, в сущности говоря, новая задача, которую поставил себе М.Н. и по мере сил и возможностей эту задачу разрешил. М.Н., эту работу произвел, по-моему, чрезвычайно тщательно; чрезвычайно скрупулезно разобрал текст. Тут ему, конечно, очень помогло то, что он прекрасно усвоил метод Шахматова и использовал его. Помогли... и большие и широкие познания в области древнерусской письменности в целом».

Далее С.В. Бахрушин говорил о своих расхождениях с диссертантом. Он не согласился с датировкой древней Правды Ярослава 1036 г., полагая более основательной датировку, связанную с событиями в Новгороде 1015 г. Не согласился историк и с мнением М.Н. Тихомирова об изгоях и «словенах». «Изгой, — полагает он, — это человек, находящийся под патронатом церкви. Под это понятие подойдет и осиротевший князь». С.В. Бахрушин ссылается даже на факт из истории середины XV в., когда митрополит Иона принял под свой патронат детей великого князя Василия Темного, как детей князя-изгоя, ибо княжичи «рисковали сделаться жертвой своих врагов или родственников». Оценивая высоко то, что М.Н. Тихомиров удачно сравнивает различные термины в разных частях Русской Правды, показывая, что «в таких-то частях памятника такой-то термин употребляется, а в других не употребляется», С.В. Бахрушин говорит, что термин «изгой» не встречается в поздних частях Русской Правды. Объясняет он это тем обстоятельством, что в XII—XIII вв. изгой ушел из-под протектората князя и находились под протекторатом церкви. И потому там, где говорится о княжеском имуществе, о них не шла уже речь, а об изгоях говорилось в специальных церковных уставах. Отсюда делается вывод, что первая статья Русской Правды возникла сравнительно рано и существовала тогда, когда церковь не взяла в свои рукиปกครองительства над изгоями.

Останавливается С.В. Бахрушин и на истории создания Правды Ярославичей. Поддерживает мысль о том, что данные о втором съезде Ярославичей — легенда. И признает особенно интересным положение о связи возникновения этой части памятника с социальными движениями конца 1060-х — начала 1070-х годов, отмечая при этом, что подобная

мысль имеется и в неизданной работе Л.В. Черепнина. «Очевидно, — констатирует С.В. Бахрушин, — материал дает основания так подходить к этому вопросу... Это ставит в связь законодательную деятельность князей с той классовой борьбой, которая тогда шла. Таким образом, методологически это очень правильная и интересная установка». С.В. Бахрушин поддерживает мысль М.Н. Тихомирова о том, что Покон вирный — это своеобразная уставная грамота, которая сначала существовала отдельно и была составлена позднее; и допускает, что составление ее возможно связать со временем Всеволода Мстиславича, но и это, «как всякая догадка, остается догадкой».

«Самой главной частью работы» и в смысле количества страниц, и в смысле смелости выводов является, по словам С.В. Бахрушина, часть, посвященная Пространной Правде. С.В. Бахрушин характеризует интересную методику разбора в исследовании Кормчих и особо отмечает то, что доказано отсутствие и в Краткой и в Пространной Правде терминов, характерных для церковного законодательства. Обращаясь к М.Н. Тихомирову, С.В. Бахрушин сказал: «Я думаю, что если теория Ключевского, может быть, еще имеет некоторых адептов, то после Вашего исследования этот вопрос будет окончательно решен». Расхождения во взглядах ученых обнаружились в датировке самой Пространной Правды. С.В. Бахрушин не считает возможным связывать ее с событиями 1209 г., полагая, что многое в истории создания Пространной Правды напоминает порядок оформления некоторых статусов в западноевропейских городах. По его мнению, это не просто судебная реформа, а реформа, вызванная восстанием. Русская Правда, возникшая, как думает С.В. Бахрушин, в Киевской Руси, в первоначальном виде не дошла и подверглась затем переработке.

Естественно, что оппонент обратил внимание на оригинальную трактовку диссертантом вопроса о Сокращенной Правде: «Я бы сказал, что в этом заключается основной босовой вопрос Вашей диссертации. Сравнение между Сокращенной Правдой и Пространной Правдой Вы произвели с исключительным мастерством», рассматривая Сокращенную Правду как самостоятельную редакцию. Исследование это «опровергло представление о том, что Сокращенная Правда была просто механическим сокращением» и что Русская Правда подверглась такому сокращению в более позднее время — в XIV—XV вв. или даже позднее¹⁴.

Выступление С.В. Бахрушина явилось не просто отзывом на труд коллеги, а попыткой самостоятельного исследовательского порядка размышления по этой же проблематике. Не следует забывать, что в конце 30-х годов С.В. Бахрушин серьезно занимался изучением важнейших вопросов истории Древней Руси. В выступлении ощущается заинтересованность и глубоко уважительное отношение к выводам и наблюдениям своего младшего коллеги. Характерно для С.В. Бахрушина и то, что он ссылается на труды совсем тогда молодых ученых — статью Б.А. Рыбакова «Деление Новгородской земли на сотни в XIII веке», напечатанную незадолго перед тем во второй книге «Исторических записок», и — дважды — на неопубликованную работу Л.В. Черепнина о Русской Правде.

20 мая 1940 г. на заседании сектора истории СССР до XIX в. обсуждали доклад С.В. Бахрушина «Предпосылки Всероссийского рынка в XVI веке». Стенограмма заседания хранилась у С.В. Бахрушина. Текст его выступления имеет серьезную авторскую правку. Там же — и не-

правленная стенограмма выступлений в прениях по докладу А.А. Савича, К.В. Базилевича и М.Н. Тихомирова (без окончания). М.Н. Тихомиров подчеркнул, что «собран действительно громадный материал», и отметил, что «в большинстве случаев» взгляды его на развитие вотчинной торговли в XVI в. совпадают со взглядами докладчика. «Значение доклада, — по мнению М.Н. Тихомирова, — не только в том, что обращено внимание на вторую половину XVI в., как на время, когда создаются предпосылки к образованию всероссийского рынка, но и в том, что указан путь, на котором можно достигнуть разрешения этой проблемы». В то же время М.Н. Тихомиров полагал, что некоторые данные о торговле (в частности, о торговле солью) могут быть обнаружены еще и в XV в. М.Н. Тихомиров акцентировал внимание на источниковой базе доклада, отметив, что приходо-расходные книги монастырей в этом плане «почему-то никогда не использовались». Здесь, очевидно, будет лежать путь к изучению вопроса; «в изучении приходо-расходных книг можно проследить возникновение этих рыночных отношений в глубине, в массе». Интересно, по его мнению, и то, что явления экономической истории связываются в докладе с социальными сдвигами в XVI—XVII вв., с усилением политического влияния посадских людей, их роли на земских собраниях¹⁵.

Война разъединила С.В. Бахрушина и М.Н. Тихомирова территориально. Но они знали о жизни и работе друг друга, иногда переписывались. Уже упоминалось о письме М.Н. Тихомирова от 23 апреля 1942 г. В этом письме М.Н. Тихомиров не только поздравляет С.В. Бахрушина с высоким признанием его научных заслуг, но и сообщает новости университетской жизни: о том, что «часто стали делать доклады», о защитах диссертаций; просит: «Повлияйте всей Вашей силой, чтобы» В.И. Лебедев, К.В. Базилевич и Б.Б. Кафенгауз «наесли на свои диссертации; обидно, что они так тянут, а говорить мне неудобно». Характерна концовка письма: «...напишите мне, как Вы себя чувствуете и над чем работаете, потому что я не могу представить Вас без работы».

С.В. Бахрушин ответил подробным письмом, написание которого было прервано болезнью. Он благодарил за «доброе, дружеское письмо» и сетовал: «Очень мне грустно, что волею судьбы я оторван от моих друзей и родного мне ИСТФАКа. Сейчас более чем когда либо чувствую, что мой родной дом в Московском университете, а не где-либо в другом месте». Пишет, что «очень сошелся с Влад. Ив. Пичетой и более чем когда-либо оценил его необыкновенную сердечность и душевность», много видит с С.К. Богоявленским и Ю.В. Готье. (Они все жили в Ташкенте в одном доме, 84, по Пушкинской улице и питались в одной столовой.) Пишет о своих учениках: «Расстраивают меня очень известия о нашей университетской молодежи: [Р.В.] Жданов серьезно болен, [И.В.] Савков¹⁶ пропал без вести, а это мои любимые ученики последних лет. Здесь [А.А.] Зимин, он меня навещает, консультирует». Сообщив, что ему из-за болезни академ. Ю.В. Готье «пришлось взять сектор истории СССР, в которой включен и советский период», замечает: «...работа интересная и организационная, какую я люблю — и как будто справляюсь с нею».

Больше писем за военные годы не сохранилось. Вероятно, их и не было. Это объясняется и особыми условиями жизни обоих корреспондентов, и характером их взаимоотношений. С.В. Бахрушин жил в окружении общих знакомых — историков-академиков и членов-корреспондентов;

М.Н. Тихомиров — в окружении общих знакомых — преподавателей исторического факультета МГУ. Тогда содержание получаемых писем обычно сообщали друг другу. Переписка между соседом и другом С.В. Бахрушина В.И. Пичетой и М.Н. Тихомировым велась достаточно регулярно¹⁷. Можно предполагать, что сведения из этих писем узнавал и С.В. Бахрушин. Судя по откровенной характеристике им в письме к М.Н. Тихомирову обстановки в Институте и деловых качеств некоторых сотрудников, между ними существовало взаимопонимание, и отношения были достаточно доверительными.

Однако большой близости не было, как и привычки постоянного общения в неофициальной обстановке. (Быть может, М.Н. Тихомиров, остро чувствовавший свое мещанское происхождение и напоминавший об этом даже в отзыве на докторскую диссертацию М.Т. Белявского в 1963 г.¹⁸, не сумел превозмочь в себе первоначального, возникшего еще в дореволюционном университете ощущения различия своего и С.В. Бахрушина — представителя богатой династии купцов-меценатов.) В письме из Ашхабада М.Н. Тихомиров пишет в конце: «Если Вы меня еще помните, то напишите мне...» В пронизанном грустью письме, написанном 12 марта 1950 г. А.П. Пронштейну «под впечатлением двух смертей» — К.В. Базилевича и С.В. Бахрушина, М.Н. Тихомиров замечает: «Я не был особенно близок с покойным...»¹⁹.

По возвращении в Москву оба ученых принимали участие в написании одних и тех же трудов, в обсуждении научных работ друг друга. Имеется стенограмма обсуждения доклада М.Н. Тихомирова «Византия и Московская Русь» на заседании Отделения истории и философии АН СССР 5 мая 1944 г., посвященном вопросам византиноведения. В обсуждении доклада приняли участие С.В. Бахрушин, Е.Ч. Скржинская и Н.К. Гудзий. С.В. Бахрушин охарактеризовал доклад как «прекрасный» и отметил, что он не только показал связи между Москвой и Византией, но и «вскрыл яркую страницу из истории русской культуры, я бы сказал страницу, которая до сих пор перед нами была закрыта». С.В. Бахрушин отметил: «XIV век в истории русской культуры в какой-то мере оставался пробелом в наших познаниях». Доклад же, восполняя этот пробел, показывает, что «русская культура развивалась одновременно с тем, как освобождалась она из-под власти „татар“» и «по мере того как усиливается политическая мощь русского народа, идет рост русской культуры». Справедливой ему показалась мысль М.Н. Тихомирова о том, что таким путем в то время происходило знакомство не только с греческой культурой, но и с западноевропейской, под сильным влиянием которой уже находилась Византия, и особенно итальянской, а Италия переживала уже эпоху Возрождения. Существенна в этом плане роль балканских стран. «Черное море, — по словам С.В. Бахрушина, — было „окном в Европу“ для XIV и XV веков». Он обращает внимание на роль Крыма в отношениях с Византией, которую следует детально изучить. В Крыму не только образовались генуэзские колонии, но и продолжали существовать значительные греческие поселения и даже самостоятельное Мангупское княжество. Считал желательным С.В. Бахрушин остановиться и на связях Константинополя с Тверью, на стремлении тверских князей и иерархов выступать в роли представителей русской земли и использовать связи с Византией для усиления своей власти. М.Н. Тихомиров в заключительном слове, согла-

шаясь с основными положениями выступления С.В. Бахрушина, характеризуя роль греческого влияния в России XVII в., которую докладчик не считал положительной, сказал: «Мы как раз только вчера на эту тему беседовали с Сергеем Владимировичем»²⁰. Это тоже становится свидетельством бесед ученых по интересующим их вопросам истории и их взаимопонимания.

Взаимопонимание и взаимоуважение обоих замечательных знатоков истории и языка допетровской Руси нашли отражение и в сохраненной ими шуточной переписке на заседании в Московском университете, когда они оба уже были членами-корреспондентами Академии наук. В среде историков Московского университета бытовала манера составления пародийных грамот в стиле документов XVII в. М.Н. Тихомиров был мастером этого дела²¹, некоторые такие «грамоты» сохранились в его личном фонде и фондах других лиц. Акад. Б.А. Рыбаков образно говорил на заседании памяти акад. М.Н. Тихомирова 25 января 1966 г. о его «шутливых челобитных», о его «переписке во время заседаний, когда он стилем древнерусского дьяка излагал события современности, давал остроумные характеристики современников»²².

В личных фондах обоих ученых имеются небольшие бумажки с записями карандашом: в фонде С.В. Бахрушина — «грамота» М.Н. Тихомирова, в фонде М.Н. Тихомирова — «грамота» С.В. Бахрушина с припиской карандашом рукою М.Н. Тихомирова на обороте: «Ответ С.В. Бахрушина на мою явку, написанную на конференции о науке».

У этой игры, требовавшей не только быстрой и острой реакции и смекалки, но и досконального знания документов XVII в. и обычаев того времени, были свои правила. Ученые не без удовольствия оказывались вовлеченными в такую игру и полагали нужным и интересным хранить эти шуточные сочинения. Позволю себе привести полностью «грамоты», где речь идет о «дидаскалах» (т. е. учителях, наставниках; слово это характерно для языка XVII в.), о литературе, типичной для среды «черно-книжников», и названы имена известного литературоведа проф. Николая Калининича Гудзия, проректора МГУ Азарова, а также упоминается об историке М.Н. Покровском и его «школе». Записки М.Н. Тихомирова и С.В. Бахрушина нечетко читаются на сгибах бумаги; с трудом разбираемые слова отмечены.

М.Н. Тихомиров написал: «...Был я, сиротишка твоя, на казенном училищном дворе, и в ту пору были на том дворе многие разные люди; а пришли они на тот двор ради учения книжного, потому что вышел указ всяких чинов вилецким людем книжным словесам учиться». Далее идет речь о выступлении «книжного справщика» Гудзия. «А как, де, Миколка то говорил и о тою пору околничей Сергей Владимирович Бахрушин книгу читал и Миколкины речи не слушал, а чается, что та книга воровская, и написаны в ней волшебства да чары, и знатно, что тот околничей русским дидаскалом не верит, а к чародейству и всякому колдовству (слово неразборчиво, — С. Ш.) прилежит. А как он, околничей, книгу воровскую читал и на лавке с ним сидел стряпчий Михайло Тихомиров, и того околничего уговаривал да и с ним смеялся — токмо один благоверный муж по рекламу Азаров того Михалку уговорил, чтобы он святую веру не носил и над дидаскалы не ругался. А многие, которые люди тут были, тот околничего и Михаила смех видели и горьким плачем плакали, потому что тот

Михалко ведомый бражник и вор, а за то надлежит его по градскому закону свести к торговой казни (слово неразборчиво.— С. Ш.)²³.

С.В. Бахрушин, видимо, достаточно скоро ответил М.Н. Тихомирову. Причем в его «грамоте» некоторые употребительные в языке XVII в. слова написаны под титлами: «Государю царю и великому князю бьет челом и плачетца твой государев холоп Сергушко Владимиров сын Бахрушин. Ведомо мне учинилось, будто объявилась в Приказе воровская составная грамотка, а в ней пишут бутто я, холоп твой, будучи на училищном дворе, дидаскалов не слушал и книгу бесовскую читал и неведомо чему смеялся. И я, холоп твой, книг бесовских, Рафлей и Шестодневов (слово неразборчиво.— С. Ш.) от роду не читывал и ныне не читал, а на том училищном дворе будучи, правил книгу печатную, а в ней писано от божественных писаний мудрственное обличение еретиков новоявленных, чернокнижника Мишки Покровского учеников, а тот Мишка Покровский ежегодь в неделю поклонную соборне проклинается, и я, правя, не смеялся, а горько плакал. А что подьячий Мишка Тихомиров чему смеялся и ему кто что говорил, и того я не ведаю. Царь государь, смилуйся, пожалуй, вели мою явку записать»²⁴.

8 мая 1948 г. датируется отзыв С.В. Бахрушина на подготовленную к изданию «Книгу ключей Волоколамского монастыря»²⁵. Издание было подготовлено М.Н. Тихомировым, старшим из его учеников, и А.А. Зиминым, младшим из его учеников. Из этого памятника С.В. Бахрушин черпал материал для своих последних оставшихся незавершенными трудов по социально-хозяйственной истории России XVI в. «Книга ключей...», по мнению Бахрушина, — «уникальный источник для характеристики организации крупного вотчинного хозяйства XVI в.». Она дает вместе с тем «неоценимый материал для понимания той системы политических и хозяйственных отношений, которая существовала не только в монастырских, но и в светских вотчинах и против которой боролся Иван Грозный». С.В. Бахрушин отмечает и ценность долговой книги этого монастыря, «иллюстрирующей взаимные отношения крупного вотчинника и зависимого населения вотчины», и пишет о том, что уставная грамота селу Бужарову «дополняет существенно известные нам монастырские уставные грамоты XVI — начала XVII в. и служит дополнением и пояснением к "Книге ключей"». Заканчивается отзыв характерной фразой: «Опытность и знания М.Н. Тихомирова служат гарантией высокого качества издания».

Таким образом, архивные материалы содержат разнообразные сведения о жизни и деятельности и С.В. Бахрушина, и М.Н. Тихомирова, об их взаимоотношениях и, вероятно, могут оказаться небесполезными при дальнейшем изучении многообразной исследовательской, педагогической, научно-организационной деятельности выдающегося русского историка Сергея Владимировича Бахрушина.

¹ Рукописное наследие академика М.Н. Тихомирова в Архиве Академии наук СССР: Научное описание / Сост. И.П. Староверова. Под ред. Б.В. Левшина и С.О. Шмидта // Труды Архива. М., 1974. Вып. 25.

² Историко-краеведческие материалы фон-да Общества изучения Московской губернии (области) / Сост. и автор статьи С.Б. Флимонов. М., 1980.

³ ААН СССР. Ф. 693 (М.Н. Тихомирова). Оп. 1. Ед. хр. 41. С. 137.

- 4 Перепечатано в кн.: Новое о прошлом нашей страны: Памяти академика М.Н. Тихомирова. М., 1967. С. 7.
- 5 ААН СССР. Ф. 624 (С.В. Бахрушина). Оп. 4. Л. 223.
- 6 Работа переиздана в прил. к кн.: *Тихомиров М.Н.* Классовая борьба в России XVII в. М., 1969.
- 7 Переиздана в кн.: *Бахрушин С.В.* Научные труды. М., 1954. Т. 2. При посмертном переиздании труда С.В. Бахрушина редакторы изменили его название, озаглавив «Московское восстание 1648 г.».
- 8 Доклад стал основой статьи, перепечатанной затем в кн.: *Тихомиров М.Н.* Российское государство XV—XVII веков. М., 1973. С. 217—258.
- 9 Об этом см.: *Шмидт С.О.* Работа М.Н. Тихомирова в 1920-е годы по изучению истории Московского края (Новые материалы) // АЕ за 1973 год. М., 1974. С. 169—170; см. также: С. 303—304 (Материалы о деятельности М.Н. Тихомирова в Обществе изучения Московской губернии / Подг. С.Б. Филимонов).
- 10 ААН СССР. Ф. 693. Оп. 2. Д. 303 а.
- 11 ААН СССР. Ф. 394 (Отделение общественных наук АН СССР). Оп. 2. № 7. Л. 24.
- 12 *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955. С. 5—6.
- 13 См. об этом: *Чистякова Е.В.* Материалы Б.Д. Грекова в рукописном наследии М.Н. Тихомирова // Исследования по истории и историографии феодализма: К 100-летию со дня рождения Б.Д. Грекова. М., 1982. С. 58—61.
- 14 ААН СССР. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 22. Л. 28—41 об.
- 15 ААН СССР. Ф. 624. Оп. 3. Д. 17. Л. 37—38 об.
- 16 В издании «Третья научная студенческая конференция Московского ордена Ленина государственного университета им. М.В. Ломоносова 18—23 апреля 1941 года» (изд. МГУ, 1941) на с. 31—32 напечатаны интересные тезисы рекомендованной С.В. Бахрушиным работы студента V курса И. Савкова «Москва и Крымское ханство в 50—70-х годах XVI века».
- 17 См. об этом: *Руколь Б.М.* Переписка В.И. Пичеты и М.Н. Тихомирова (1941—1943 гг.) // АЕ за 1982 год. М., 1983.
- 18 Рукописное наследие акад. М.Н. Тихомирова в архиве Академии наук СССР. С. 173.
- 19 ААН СССР. Ф. 693. Оп. 4. Д. 41. Л. 5.
- 20 ААН СССР. Ф. 457. Оп. 1 а (1944 г.). Д. 40. Л. 52—56, 62.
- 21 См. об этом: *Шмидт С.О.* Памяти учителя: Материалы к научной биографии М.Н. Тихомирова // АЕ за 1965 год. М., 1966. С. 29—30.
- 22 *Рыбаков Б.А.* Михаил Николаевич Тихомиров // АЕ за 1965 год. С. 3.
- 23 ААН СССР. Ф. 624. Оп. 4. Д. 223. Л. 2.
- 24 ААН СССР. Ф. Оп. 4. Д. 103.
- 25 ААН СССР. Ф. 454. Оп. 2. Д. 533. Л. 46.

ВЕК ЖИЗНИ ИСТОРИКА (О Н.М. Дружинине)*

13 января 1986 г. исполнилось 100 лет авторитетнейшему историку нашей страны, старейшему по возрасту действительному члену Академии наук СССР Николаю Михайловичу Дружинину. Редкостный юбилей! И поражает даже не длительность жизненного пути, а долголетие научного творчества — когда ученому было 92 года, вышла из печати последняя из его монографий «Русская деревня на переломе, 1861—1880 гг.», увенчанная вскоре Ленинской премией. Эта книга — результат целенаправленных изысканий, начатых академиком на восьмом десятке жизни. Выходя-

* Полный первоначальный текст, послуживший основой статьи «Шедрый век историка: «Старейшине советских историков академику Николаю Михайловичу Дружинину исполнилось сто лет», Комс. правда. 1986. 14 янв., а также частично текст некролога, написанного совместно с Б.Г. Литваком (АЕ за 1986 год. М., 1987. С. 325—327).

щее сейчас собрание избранных трудов Дружинина готовится при его живом участии.

Всемирно известный историк — автор сотен научных трудов; литература о его жизни и творчестве насчитывает много названий, а статьи к 100-летию ученого появились не только во всех специальных исторических журналах, но и в журнале «Коммунист», газетах «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Литературная газета» и других. Основная сфера исследовательских интересов Дружинина — история России периода капитализма. Им с наибольшей источниковедческой основательностью, опираясь на общеметодологические положения трудов классиков марксизма и огромный и многообразный фактический материал, обоснованы принципы периодизации истории нашей страны в XVIII— начале XX в., показаны конкретные особенности взаимосвязей социально-политических и культурных изменений с экономическими. Дружинин написал исследования и по истории революционного движения (особенно о декабристах), и по важнейшим вопросам социально-экономической истории (о государственных крестьянах, т. е. лично незакрепощенных — а они составляли в середине XIX в. около 45% крестьянства; об основных тенденциях развития деревни после отмены крепостного права), и о деятельности государственных учреждений и проектах преобразований, о Москве XIX в., о войне 1812 г. и Крымской войне, по истории культуры о людях науки. Некоторые положения, развивавшиеся в трудах Дружинина, утверждались в столкновении мнений, вызывали дискуссии, но сейчас основные его выводы и наблюдения настолько прочно закрепились в науке, столько раз повторены в учебниках и вузовских и школьных, что представляются как бы само собой разумеющимися; и неспециалисты могут даже и не знать имя первопроходца. Не выше ли это признание широкого восприятия результатов труда ученого!

Книги и обобщающие постановочного характера статьи позволяют назвать академика Дружинина одним из классиков советской исторической науки. Они стали заметными вехами ее становления и развития, именно о них будут впредь писать историки нашей науки — историографы. Но микроклимат науки, тенденции ее движения и распространения научных знаний обнаруживаются зачастую яснее в самой практике организации научной работы и распространения научных знаний, в периодических изданиях и в дискуссиях, в лекциях и в учебных пособиях, в научно-популярных брошюрах и в памятниках общественно-политической публицистики. Однако то, что влияло повседневно на образ мышления современников, нередко оказывается впоследствии затененным рядом широко известных наименований. И значение многообразной и неутомимой деятельности Дружинина не ограничивается его знаменитыми монографиями и статьями, подготовленными им документальными публикациями. Не только это определило его облик ученого и общественного деятеля, обеспечило именно ему исключительный авторитет в среде историков. Сама жизнь Николая Михайловича, требовательное отношение к своему делу как к части общего, культура взаимодействия с людьми тоже сделали значительным фактором истории нашей исторической науки. И здесь немало поучительного.

Вскоре после 80-летия ученого издали его небольшую книгу «Воспо-

минания и мысли историка», затем переизданную в дополненном виде у нас и за рубежом. Это — и воспоминания, причем на широком фоне общественной и научной жизни, и размышления ученого о путях творчества, о культуре труда, о лаборатории исследования и преподавания, о формах распространения знаний, это — и советы молодежи. Книга написана не занимательно, скорее деловито, но это мысли, глубоко продуманные, проверенные многолетним личным опытом и наблюдениями, советы человека, не только испытывающего радость от самого процесса труда, но и считающего важным добиваться совершенной организации этого процесса и наиболее эффективных его результатов.

В год Великого Октября Дружинину было уже более 30 лет, однако печатные работы его все относятся к советскому времени. А до этого были трудные «университеты» — годы интенсивного и на редкость целенаправленного студенческого бытия и революционной деятельности. Призвание к занятиям, именно историей, Дружинин почувствовал очень рано, когда родились первые опыты гимназических сочинений. И уже тогда он приобретает способность включать в сферу собственно исторических знаний впечатления и от произведений художественной литературы и искусства, и от поездок по стране, и от бесед со встречными (так от Ярославля до Москвы он прошел с рабочими, выброшенными с Путиловского завода). В гимназии он познакомился с «Коммунистическим манифестом» и некоторыми нелегальными сочинениями Ленина. Уже тогда, пишет Дружинин, закладывались основы его взгляда на историческое прошлое и на его связь с настоящим и будущим. Поступив на историко-филологический факультет Московского университета, он слушал лекции прославленного Ключевского и сразу же стал деятельно участвовать в семинарских занятиях. Но юноша-студент втягивается и в революционное движение, становится по предложению известной революционерки-большевички Инессы Арманд библиотекарем Московского комитета партии, а после ареста и тюремного заключения его высылают в Саратов, где он также включается в революционную работу. Дружинин сейчас едва ли не последний из оставшихся в живых участников революции 1905—1907 гг. Занятия в университете возобновляются лишь после этого. Причем Дружинин счел необходимым пройти полный курс и экономического отделения юридического факультета и историко-филологического факультета. Поражает целенаправленность, настойчивость, широта и последовательность в выборе тематики — проблемы и отечественной и всеобщей истории с древних времен до новейших, проблемы экономики (со статистикой) и правоведения. Тогда же был выработан — и уже на всю жизнь — прием ежедневных записей сделанного за день, а потом на основании них — ежемесячных отчетных сводок. Занятия были настолько основательны и с таким «заделом», что семинарские доклады стали зародышем обеих будущих диссертаций ученого — о декабристе Никите Муравьеве и о государственных крестьянах и реформе Киселева. Призванный в армию в годы Первой мировой войны и избранный после февральской революции председателем полкового комитета, Дружинин сумел закончить университет только после демобилизации, в 1918 г., и был оставлен там для подготовки к профессорскому званию (так тогда называли аспирантуру). Однако сдача магистерских экзаменов, а затем написание диссертации оказались делом нескорым. «Передовые историки — напишет он позднее — всегда сохра-

няли внутреннюю связь с обновляющейся жизнью и служили ей силой своей мысли и слова». И, естественно, что Дружинин оказался в ряду тех интеллигентов, которые действительно включились в социалистическое культурное строительство; он стремится связать исторические знания с практикой их массового распространения, отдаётся памятникоохранительной деятельностью, все глубже овладевает марксистско-ленинской методологией. Дружинин у истоков становления советского архивного дела, советского музейного дела, советского краеведения. Причем он всегда был убежден, что популяризация должна опираться на предварительное научное исследование. Дружинин рано осознал воспитательное значение истории и не раз тогда и позднее писал об этом. Он читает лекции в массовых аудиториях, разрабатывает методику экскурсионной работы и научной экспозиции в музеях. Сохранился трогательный документ — «адрес» с неприятными виньетками (написанный от руки, с грамматическими ошибками), которым был награжден Николай Михайлович в 1922 г. рабочими завода имени Владимира Ильича (бывшего завода Михельсона, на территории которого произошло покушение на Ленина). В «адресе» написано: «Простым изложением речи, нередко в течение двух с половиной часов, Вы сумели подействовать на слушателей так, что аудитория в конце концов не имела места, чтобы принять нового и нового слушателя, жаждущего получить некоторое знание из области истории России...». А в канун 10-летия октября издали первый специализированный путеводитель на историко-революционную тему «По революционной Москве», стимулировавший дальнейшую работу по выявлению, изучению и сохранению памятников истории. Подготовлена была книга и проведена проверка достоверности сообщаемых фактов под руководством ученого секретаря Музея революции СССР Н.М. Дружинина. И позднее, когда Дружинин с середины 1930-х годов стал профессором университета и работал в Институте истории Академии наук СССР и действительно участвовал в подготовке и учебника для вузов, и серийной документальной публикации о крестьянском движении в XIX в. (а это ценнейшее многотомное издание готовили не только под его руководством, но и согласно детально разработанным им указаниям) и многотомных изданий по истории СССР, всемирной истории, истории Москвы и других, он полагал необходимым отдавать силы и распространению исторических знаний в самых широких массах, помогать привлечению к занятиям историей молодежи: читал лекции школьникам, участвовал в организации для них конкурсов. В военные годы Дружинин выступал и как лектор, и как составитель пособия для учителей «Преподавание истории в условиях Великой Отечественной войны», а полученную им вскоре после войны Государственную премию отдал на улучшение детского дома, где жили сироты, потерявшие в войну родителей.

Изучение методов работы Дружинина — это школа овладения исследовательским мастерством, это и школа нравственности. Дружинин — убежденный сторонник основательности в работе, важности глубокого объективного ознакомления со всем тем, что было сделано предшественниками, для определения возможных новых задач или приемов исследования, и обязательной непосредственной работы с документами в архиве, «вчувствования» в содержание документа, в его форму. Академик Дружинин — убежденный пропагандист принципа самостоятельности при подго-

товке начинающего историка («каждый историк нащупывает собственные методы самостоятельной обработки источников»), «без этого немислми руководимого мною научного студенческого кружка в Московском государственном историко-архивном институте в 1970 г. Ученый пишет в своей книге: «Я желаю нашим молодым историкам включить этот принцип в свой «символ веры», не отступать от него во имя личных практических соображений, не поддаваться дурному обычаю — избирать легкие, «общепринятые» темы, подгонять факты под известные, давно утвердившиеся положения и, страуа себя от возможных осложнений, оперировать безобидными, «обтекаемыми» формулировками. Духовные искания всегда связаны с возможностью ошибок даже в том случае, если автор обладает хорошей методологической подготовкой и превосходным знанием предмета».

Академик Дружинин убежденный противник поспешных работ, и особенно построения (или принятия) сначала какой-то концепции, а потом уже — вольно или невольно — подгона фактов в соответствии с этим построением; лишь постепенно углубляется первоначальная характеристика явлений, и отдельные выводы по частным вопросам начинают связываться в единую и цельную концепцию. И его всегда настораживало, когда молодой ученый торопился поскорее, фактически не завершив исследование, опубликовать свою работу. «Слишком много печатается, как он успеваает?» — говорил он в таких случаях с тревогой. Н.М. Дружинин настойчив и тверд в проведении своей линии, в обосновании положений, которые представляются ему правильными. Но он не считает возможным навязывать свое мнение, и тем более хоть в какой-то мере подавлять авторитетом своего имени и положения. Он, сторонник и мастер научных дискуссий, более того полагал своим долгом выступать в связи с особо волнующими или кажущимися ему особенно важными для развития науки вопросами, но дискуссионные выступления (и среди них и такая форма, как открытые письма зарубежным ученым) его, даже самые острые по форме, неизменно корректны, и научные разногласия никогда не переходят в личную неприязнь.

Николая Михайловича отличает не только скромность, но и особая деликатность, уважительное отношение даже к самым младшим коллегам. Помнится, лет около 25 назад он был ответственным редактором сборника, где печаталась и моя статья. Он сделал ряд замечаний — и по существу, и стилистических (кстати, вполне обоснованных), но не позволил себе прямо их внести в текст, оставив решение на усмотрение автора; это было именно мнение редактора, а не предписание. Поучиться бы такой культуре редактирования и отношения к авторам!

Николая Михайловича Дружинина глубоко уважают те, кто лично с ним знаком, не только как выдающегося исследователя и эрудита, организатора науки и педагога, ученого, много сил отдавшего пропаганде научных знаний. Необычайно велик его нравственный авторитет. К его словам, к его оценкам особенно прислушиваются. Это — совесть исторической науки.

Книгу 1967 г. «Воспоминания и мысли историка» академик Дружинин, обращаясь к молодежи, закончил словами: «Профессия историка связана с напряженным трудом и требует от человека суровой и длитель-

ной школы. Но, если историк любит свою науку, если он находит радость в творческих исканиях, если его труд двигает вперед познание прошлого и служит лучшим идеям человечества, он будет вполне вознагражден сознанием своих плодотворных усилий и достигнутых результатов». Слова эти могут стать оценкой и жизненного пути самого Николая Михайловича Дружинина.

«ХОЧЕТСЯ ДУМАТЬ, ЧТО Я НЕ ОБРЫВАЛ СВЯЗЬ ВРЕМЕН» *

Девять вопросов историку

Дело подходило к тому, что я должен был явиться к нему. Я позвонил.

— А что вы, собственно, от меня хотите?— спросил доктор исторических наук Сигурд Оттович Шмидт.

— *Как вам сказать... Помните, как начинает свою «Апологию истории» Марк Блок?*

— Конечно. Это вопрос. Его задал Блоку маленький сын: «Папа, объясни мне, зачем нужна история?»

— *Сигурд Оттович, представьте, что я этот мальчик и есть. И у меня с десяток таких вопросов. Я бы назвал их наивными.*

— Но ведь вам не нужны наивные ответы. Вы ожидаете, что я вот так возьму и с ходу гениально отвечу. Простота ответов дается избранным, Блок был таким, а я...

— *Да, но существует постоянство размышления.*

Это ваше состояние как историка. В нем должны быть ответы.

— Хорошо. Я живу... Знаете новый Арбат? Пойдете по...

Так мы договорились о встрече, я составил вопросы и даже записал их. В летний день шел с ними по Арбату.

Опереточные фонари стояли мертвыми, без света; я свернул в Кривоарбатский переулок...

Вопросы

1. *Сигурд Оттович, вы можете не отвечать на какие-то. И сами выбрать последовательность. Меня устраивает любая.*

Случалось ли вам сожалеть, что вы посвятили себя истории?

2. *Периоды русской истории, вызывающие у вас особый интерес. Какие? Почему? Зачем?*

3. *Легко ли погружаться в историю прошлого из нынешней? Это особый склад натуры или что-то иное?*

4. *Можно ли оставлять какие-то периоды в истории «темными»,*

* Опубликовано в журн.: Знание—сила. 1988. № 2. С. 72—78.

не изученными до конца? Как влияет эта неизученность на все осмысленные прошлого?

5. Что такое «историчность мышления»? И можно ли ей обучить, скажем, образованного человека, но далекого от гуманитарных занятий? И нужно ли подобное обучение вообще?

6. Можно ли не без пользы размышлять о прошлом, не обременяя себя архивными разысканиями?

7. Раскрывается ли в конце концов так называемая «правда истории»? Есть ли смысл у обладающих такой возможностью скрывать эту правду? Или это занятие недалеких людей? И существует ли у исторических событий «срок давности», после которого они уже никогда не станут злободневными?

8. Нужны ли какие-то специальные условия развития общества, чтобы прошлая история оставалась для него и любопытной, и поучительной? Короче, обрывается ли «связь времен»?

9. Состояние наших архивов. Доступ к ним. Интерес к ним историков. Ваши пожелания.

— Начал бы я с пятого. Мне кажется, историчность мышления — врожденное свойство человека. Ведь опыт — это уже элементы прошлого, даже если мы и не знаем слова «история».

— Значит, беспмятных иванов не существует? Надо только вникнуть в их память, понять ее?

— Да. Вы предлагаете слово «историчность». Оно в чем-то даже лучше привычного мне понятия «историзм». Историзм — как бы более высокая ступень. А историчность мышления, пожалуй, действительно, свойство любого человека, даже неграмотного, даже только начинающего жить. Первые его шаги — уже сравнение. Историзм же подразумевает осознанную связь времен. Это представление об историческом опыте, о том, чего нужно избегать, к чему стремиться, чего опасаться. Часто это сформулировано еще до нас. Но чем мы культурней и образованней, тем богаче и точнее наши ассоциации из прошлого.

Обучить такому мышлению, безусловно, можно. А вот нужно ли — не берусь судить. Нужно сделать возможным удовлетворение потребности образованного человека в этом его стремлении. Естественное чувство человека — знать свои корни. Если такого чувства нет, это ненормально. Не интересующийся прошлым не готовит своих потомков к тому, чтобы они заинтересовались им.

История входит в нас с литературой и искусством. С малолетства воспринимаем мы 1812 год с лермонтовским «Бородино». Кто-то дорастет потом до «Войны и мира». Пусть не до романа, так хоть до бондарчуковского варианта.

Отсюда избирательность наших знаний истории. Что мы знаем больше всего из начала XIX века? Конечно, карбонариев. И сделал это «Овод». А революция во Франции — уже в тумане. Там один несчастный Гаврош.

Но это частное событие. Ничего подобного «Оводу» об этом времени не создано.

Если смотреть открыто, то основа наших знаний по истории, особенно сейчас, когда есть телевидение, кино, — это не тот источник, который изучает историк, а тот поток разнообразной информации, который в нас втекает. Так или иначе, это эйзенштейновская лестница, художественный источник. Леди Гамильтон — не самая достойная дама, но мое поколение знает ее. Во время войны ее сыграла Вивьен Ли. А то, что современником леди Гамильтон был Роберт Оуэн, многие забыли, хотя он был великий утопист.

Надо же смолоду учитывать эту особенность нашего восприятия. Запомнятся не цифры, именуемые у историков датами, не имена, а то, что запеклось в крови, затвердело в камне настоящего художественного произведения. Вот основание нашего суда об эпохе. Тарле был очень крупный историк, но все-таки война 1812 г. известна нам больше всего по Льву Толстому. Многие писали о Пугачеве, но есть «Капитанская дочка». Она заслонила наши исторические писания, и, возможно, навсегда.

— А можно ли причислить сюда «Петра Первого» Алексея Толстого?

— Что значит «можно»?.. Образ Петра у Алексея Толстого более или менее достоверен. Опирался-то он на труд академика Богословского. Но если говорить о высочайшей художественности... Правда, и тут не все так просто. Надо отдать должное «Петру» Алексея Толстого. Сочинений историков, равных ему по впечатляющей силе, у нас нет. По этой же причине я рад, что у нас есть «Князь Серебряный» Алексея Константиновича Толстого. Книга очень устарела, а все равно дает то представление о времени Ивана Грозного, которое — вместе с «Песней о купце Калашникове» — ярче, чем все, написанное нами, историками.

Теперь смотрите. Если уж мы воспринимаем историю не из первоисточников, то следом идет другое. Недостоверность рождает сомнения. Мы выходим наконец из малолетства и начинаем что-то доказывать друг другу, кого-то убеждать. Нам уже мало знать, что, где, когда и кто сделал. Нас не удовлетворяет даже, почему он это сделал. Насколько достоверно наше знание — вот что становится главным.

Живя в современности, когда так много и по-разному трактуется на одном лишь нашем веку, мы уже хотим знать, насколько же надежны наши сведения. Говоря ученым языком, имеем ли мы полную информацию или хотя бы достаточную? А если нет, то кто и почему нас этой информации лишил? И зачем? Нам необходимо самим во всем разобраться. Вот почему сейчас мы прямо вливаемся в телевизор, когда там идут неотретитированные, прямые передачи. Для нас это, если хотите, явление эпохальное. Кстати, точно датируемое. Три-четыре года назад было немыслимо заставить ответственного лицо публично отвечать, как немыслимо было рисковать задавать ему вопросы, называя себя по имени.

Такая искренность заставляет нас с особой чистоплотностью относиться сейчас и к нашим научным трудам. История на новом витке времени вновь начинает возникать как наука. И наука эта необычна. Некоторые пытаются представить ее наукой точной. Думаю, это неверно. Истории покровительствовала муза Клио. Все-таки это искусство человеко-

ведения на научной основе. Сейчас оно становится тоньше, документальной, но не перестает быть искусством. Если уж Эйнштейн читал Достоевского и играл на скрипке, чтобы думать, то нам сам Бог велел ходить за ассоциациями в искусство и литературу. Седьмая симфония Шостаковича в этом смысле дает куда больше, чем многие тексты того времени. В необыкновенно торжественную, упоенную радостью музыку вторгается страшный фашистский шаг, и уже видно — сошла тьма... Дневник Тани Савичевой уже впереди. Ассоциациям нет числа, они зловещи...

Можно ли такому восприятию обучить? Надо ли? Не оставить ни одного вопроса без ответа — надо! Пока вопросы не перестали задавать.

Попытаюсь ответить сразу на два — первый и второй.

Есть обстоятельства личные и идущие не от нас. Мама — гуманитарий, создатель первых исторических выставок, посвященных Французской революции, потом — Ленину, классикам русской литературы. Разговоры дома, конечно же, вокруг этого. Знаменитая 110-я школа. Прекрасный учитель — Иван Иванович Зеленцов. Глядя на него, я постепенно понимаю, каким может быть одаренный гуманитарий. И, разумеется, слава отца... Сейчас даже трудно представить, какой необычайной она была в конце тридцатых годов. Эта слава заведомо закрывала для меня дорогу, по которой шел он. Я очень не хотел быть «сыном Шмидта». Сейчас мне приятно, что я его сын. Я в возрасте, когда воспоминания о близком человеке греют. Так удивительно ли, что я стал историком?

И ни разу в жизни я об этом не пожалел. Я горжусь, что сумел создать свою школу историков. Не скрою, мне кажется нужным, что я смог передать ученикам некоторую склонность к теоретизированию вместе с сознанием необходимости конкретных знаний. Это источниковедение, наши XVI—XVIII века, культурное наследие прошлого и нынешнего века. И как особый раздел — судьба интеллигенции в первые годы советской власти. Видите, я даже назвал периоды.

Почему именно они? Зачем? Давайте посмотрим на того начинающего человека, на то время. Человек этот — я.

Первый курс истфака МГУ, семинар будущего академика Михаила Николаевича Тихомирова, он только что защитил докторскую. Юноша попадает в семинар случайно и из предложенных выбирает тему «Идеология самодержавия в сочинениях Ивана Грозного». Доклад он пишет серьезный, теперь я это понимаю. Древнерусскому, кстати, тогда не учили, юноша овладевает им сам. Сейчас мне кажется, что в том, 1939 году он ищет в прошлом ответы на происходящее вокруг него.

Следующую тему он уже выбирает сам. Древняя Греция, стратег Алкивиад. Необычайно даровитый, достаточно беспринципный, вероломный, политически способный на все. Идет предвоенный год... И третий доклад — «Государь» Макиавелли. Какое-то кружение вокруг одной темы. Кружение только этого человека? Любопытно, что когда я уже был на первом курсе аспирантуры, знакомая девушка с истфака дает мне прочесть доклад своей однокурсницы. Тема та же — «Государь». Повторился тот же семинар — сразу после войны. Автор — Светлана Сталина. Какая-то тяга к подобным темам, воздух насыщен аналогиями... Сейчас я ощущаю в этой тяге хорошо спрятанный протест. Неизбежающий!

А еще была работа об Адашеве — руководителе Избранной Рады. Это он изображен на памятнике тысячелетию России, поставленном в

1862 г. в Новгороде. Там нет Грозного! Адашев — нейтральная фигура? Далекий XVI век? Но когда в сорок пятом меня принимали в партию, в кандидаты, секретарь горкома спросил: как же так, вы пишете об Адашеве, он же был против Грозного? И брата его казнили, там же измена. Как можно? Хорошо, я уже понимал: можно отвечать только цитатами и привел слова Маркса, что всеми достижениями Грозный обязан Адашеву, после которого и наступили кровавые времена. Тогда еще не умели противопоставлять классиков — одних другим, и мне это сошло.

Так было же это желание посмотреть, из чего все рождается. К Грозному я возвращался кругами, все время. И вообще всегда занимался политической и духовной историей и никогда — экономикой. К тому же в истории меня всегда интересовали моменты неизученные или изученные неправильно, те самые «темные места».

А главное — меня все больше волновали сюжеты источниковедения: откуда мы знаем, как толкуем и почему? И чем больше я убеждал себя в том, что я историк, чем больше имел учеников, которых тоже в этом убеждал, тем сильнее я понимал, что мой долг — в сохранении памяти о тех, кто своим долгом считал сохранение памяти о прошлом. Люди умерли, погибли, просто по разным причинам не дописали, не доработали... Вот уже двадцать лет, кроме всего прочего, я возглавляю Археографическую комиссию, мы готовим каталог личных фондов отечественных историков — от великих до краеведов, музееведов, архивистов.

И еще одна тема, вокруг которой я тоже все время хожу кругами, — интеллигенция в первые годы советской власти. Знакомая мне традиционная интеллигенция. Я вырос в той среде, еще застал их думающими, искренне преданными идеалу преобразования — внесения культуры. Это были люди образованные, иные могли бы эмигрировать, найти себе дело за рубежом, но явно пожертвовали материальным благополучием. И не только им.

А началось это у меня с внутреннего протеста против дешевого — сначала рапповского, а потом унаследованного в тридцатых годах — лозунга «кто не с нами, тот против нас». Нет, те интеллигенты не сразу нашли себя, уважающие себя люди не меняют по звонку своих взглядов. Ленин и Луначарский, ну и, пожалуй, еще Семашко, он больше всех был связан с негуманитарной интеллигенцией, нашли путь их использовать. Не на кафедрах большею частью, где они, конечно, проповедовали бы совсем не то, что можно было, а в защите и сохранении культуры — музеев, архивов, библиотек. Ведь даже Ольминский, председатель Истпарта, центра по изучению истории партии и рабочего движения, по должности — первоначальной, служебной — был хранителем музея Кремля. И, заметьте, мало что еще в то время было разрушено. До двадцать восьмого года мы этого не знали. Деньги были нужны так же, и мы могли продавать эрмитажные картины, но никто этого не делал. Что-то спасало их. И старая интеллигенция, ее дух — не в последнюю очередь.

Тот же Михаил Николаевич Тихомиров организовал Дмитровский музей, буквально на своем горбу спас архив Аксаковых в Самарской губернии. Я нашел письма многих людей о том, как они все это делали, как собирали в разрушенных имениях брошенные документы, картины... Они были воспитаны на истории, они знали, что такое Французская революция, разрушившая не только Бастилию, — тогда тоже горели рукописи,

исчезли многие культурные центры. И старая интеллигенция осталась, пошла спасать все это здесь. То было грандиозное подвижничество. Вот когда они поняли, что нужны. И это при их буквально жуткой материальной жизни, при невыразимой неприспособленности к новым условиям. Мы этого просто не понимаем. Алексей Александрович Шахматов, великий филолог, академик, по прежним временам полный генерал, в годы гражданской войны писал: оказывается, самое трудное даже не колоть дрова, а тащить их наверх. Великий Шахматов! Когда Ленин узнал от Бонч-Бруевича, что Шахматов фактически умер от голода, он просто схватился за голову. И дали пайки. Не те, что прежде, на одного только человека. Ведь у Шахматова на руках было шесть женщин-иждивенок и бывший сторож — седьмой, паек делился на восьмерых; что мог сделать Шахматов?!

Так можно ли погружаться в историю прошлого, напрочь уходя из нынешней? Все переплетено. Есть, вероятно, люди, которые могут уйти туда и прикрыть за собой дверь. Но надолго ли? С точки зрения изыска научного исследования и я, как и многие, это делаю — ухожу. Но это всего лишь шлифование мастерства — не склад натуры. Дмитрий Сергеевич Лихачев писал замечательные работы, казалось бы, именно такого свойства — с уходом, а как удивительно раскрылся сейчас — для всех! Неужели он это дыхание приобрел на семьдесят пятом году жизни? Да нет же, оно было всегда — очень глубокое дыхание. Но обществу его надо было услышать. Наконец оно прислушалось — и появился Лихачев. Он не стал громче. Интеллигент вообще говорит тихим голосом.

— Ничто в истории нельзя оставлять «темным». Но иногда приходится оставлять. Исторические знания все-таки фрагментарны. Чем больше погружаешься в историю, тем больше осознаешь, как мало мы ее знаем. Надо понять явление по тому, что до нас дошло. Но дошло ли именно то, что было типичным? Чем глубже, тем меньше источников. К нашим же дням, напротив, их так много, что одному месяцу прошлого можно посвящать всю жизнь. Значит, и тут я заведомо должен искать типичный источник. С каким чувством его искать?

Быть может, это прозвучит странно, но историк должен быть добрым. Не оправдывать все, нет, но относиться к людям прошлого, понимая, что они были всего лишь людьми. Мы ведь все-таки судьи. Мы же говорим «суд истории», он есть. «Кровавые мальчики в глазах» — не фантазия Пушкина. Другой вопрос, были ли они именно у Бориса...

В большинстве своем люди стараются, чтобы хорошо было не только им, но и многим другим. Сравнительно мало таких, которые заведомо цинично и беспощадно идут по головам. Я не говорю о садистах, о психически неполноценных, это все-таки ненормальность. Большинство же предпочитает, хотя бы из одной осторожности, чтобы большинству было спокойней, лучше. Вопрос: почему им это не удается? Их грех без умысла — от неопытности, отсутствия информации, от неправильного расчета. И разобраться в этом куда сложнее и полезней, чем быть безжалостным. Недоброта — это грубость историка. Или трусость. В истории мы зачастую, когда нам не хватает смелости осудить тех и то, что небезопасно осуждать, становимся очень смелыми, осуждая то, на что возразить нам уже не могут.

Не все могли высказаться. Нам не дано их услышать. Что делать?

Практический совет начинающему: не ограничиваться тем набором источников, который мы для него уже подготовили. Как не ограничиваться и тем взглядом, который мы считаем найденным и завершенным. В этом взгляде всегда много ассоциаций современных, в нем слишком много уже собственной нашей истории, много нас. Историю надо искать в самой истории. Это и поиск частностей, мелочей, в них тоже свет эпохи. Находки не входят в список рекомендованной литературы, я это знаю точно.

Архивный материал — воздух ученого. Но надо давать дышать им всем другим. Самонадеянно внушать читателю, что вот оно, последнее слово. Сомнение все-таки украшает размышление. И не делать таинственности из архивных материалов, не подгонять их под заранее подобную схему. Такая подгонка — огромный и частый грех историков. Хорошо бы не душить историю собственными руками, даже любя ее.

Правда истории может не раскрыться, когда заведомо нет материала. Но если этот материал скрыт преднамеренно, то это — тоже уже правда истории. После ордынского нашествия сгорели почти все письменные памятники Владимиро-Суздальской, Киевской Руси. Тут уж ничего не поделаешь. Но если в близком нам времени без пожаров и иных подобных бедствий вдруг исчезают все документы, об этом надо хорошенько думать. Зачем они исчезли? Кому это было выгодно? Ключевский говорил, что интересней всего бывает узнать не то, о чем люди говорят, а то, о чем они умалчивают.

Правда истории неоднозначна. С одной стороны, это понимание основных закономерностей исторического процесса, правда развития человечества. И ее мы постепенно все больше усваиваем. С другой — это правда конкретики. Она зависит от количества сохранившихся памятников и от нашего умения их читать. Мы становимся умнее. Это не значит, что мы умнее Соловьева или Карамзина. Они куда талантливее моих современников. Но мы просто больше знаем. Знаем то, что знали ученики Соловьева и ученики учеников. Когда Борис Дмитриевич Греков и другие показали экономическое и аграрное развитие истории Древней Руси, когда Борис Александрович Рыбаков написал обобщающую монографию о ремеслах, а Михаил Николаевич Тихомиров — о древнерусских городах и появились замечательные труды Николая Николаевича Воронина, Варвары Павловны Адриановой-Перетц, Дмитрия Сергеевича Лихачева и других о культуре того времени, берестяные грамоты просто не могли не открыться. Недаром, говорят, Артемий Владимирович Арциховский, увидев первые грамоты, воскликнул: «Я ждал этого двадцать лет!» Он уже знал: те люди были грамотными.

Правда возникает от нарастающего умения видеть. И конечно, приходится снимать те наслоения, которые громоздят люди, заинтересованные в скрытии истины. Тут и примитивные извращения, такие, как ложь Екатерины в письмах к Вольтеру о русском мужике, который, мол, обычно ел курицу, а сейчас предпочитает индейку. Но это примитив. Есть куда более изощренная ложь — с очернением людей. Сколько их было ошеломлено в годы культа Сталина!.. Рассказать о них правду — тоже задача историка. Он просто профессионально должен бороться за истину. Без повышенного и обнаженного чувства правды — нет историка. Пусть уж тогда лучше называет себя политиком с дипломом историка. Истина все-таки — конечный итог работы историка.

А скрывать ее смысл есть. Еще бы! И чем ближе к нам, тем, я думаю, больше скрывают и утонченней, потому что больше понимают силу науки истории. Но удаются ли эти ухищрения? Все-таки историю — при нынешнем ее умении отыскивать и сопоставлять документы и свидетельства, порой самые неожиданные, — обмануть нельзя. Можно сколь угодно долго запрещать ей поиск правды, ставить преграды, даже понуждать ко лжи, но обмануть — нет.

Сколько мы знаем о жестокостях царя Ивана. Однако некоторые утверждают, что писали-то обо всем этом самые злобные его противники: беглый боярин Курбский, иностранцы, ушедшие за рубеж. Но вот найден всего-то клочок бумаги, к сожалению, небольшой, и в нем — запись допроса под пытками вернувшихся из Крыма людей. Допрашивает сам Грозный. Мучает и задает вопросы о людях из своего ближайшего окружения. Выбивает пытками слова, которые тут же станут обвинением. Никто и никогда не рассчитывал, что эти «пыточные речи» когда-либо увидят свет. Но в них — весь образ царя. Болезненная подозрительность и жестокость, коварство и политические замыслы — все в них! Вот она, сила документа.

«Срок давности» для исторических событий, вероятно, существует. Но для каких? Если в минувших событиях мы угадываем критерии нашей сегодняшней нравственности, то никакого срока нет. Нет же его для карамзинской «Истории». Она безнадежно устарела и фактологически, и методологически, но для Карамзина был особенно важен закон нравственный, чувство добра и зла.

Интересно проследить другое: когда, какие явления прошлого становятся особенно злободневными? Здесь тоже нет случайностей. Маркс писал, что люди времен Крестьянской войны и Реформации обращались к речам пророков, к Библии. То же — во время Английской революции. Французская же революция сначала рядилась в древнеримские республиканские одежды, а потом — в императорские. А вот сейчас, к примеру, у нас явный интерес к истокам изучения бюрократизма...

Случайно ли фильм «Иван Грозный» возник при Сталине? Конечно, нет. Сталин вообще считал себя, по-видимому, покровителем истории, интересовался ею и хотел, чтобы историю писали иначе, чем ее писал академик Михаил Николаевич Покровский. Иосиф Виссарионович вернулся в объяснении истории к дореволюционным и отнюдь не прогрессивно мыслящим историкам. Фигура Грозного его, несомненно, привлекала. Тут не только поражающий масштаб всевластия, которого тот достиг, — вседозволенность, никем не контролируемые методы борьбы с теми, кого он называл врагами олицетворение себя в государстве; отсюда — специально подобранные люди, названные прогрессивным войском, то бишь опричники. Казалось бы, это главное. Но, по-видимому, в интересе Сталина был еще и другой момент. Эпоха Грозного — апофеоз первоначальной централизации государственной власти, апофеоз утверждений военной и гражданской бюрократии, уничтожения инициативы, создания чрезвычайно четкой административной системы, где государство воплощается в государстве, но главная-то сила — все-таки государство. Впрочем, Иван не отделял государево от государственного. Это подавление не личных противников, а вообще всякой мысли и возможности противостояния. Тут — организация самой машины подавления, диктатура не как

персонифицированная система, а как явление, которое просто обязано быть государственным.

Кстати, эти же черты эпохи Грозного привлекали, возможно, и Петра. Мы зачастую возвеличиваем его, а он имел немало грозненских черт. Просто Грозный был еще и консервативен. Даже создавая опричнину, он фактически вернулся к удельному периоду, а утверждая свой царский церемониал, пришел к образцу византийских базилевсов и восточных ханов. Петр же позволил себе нарушить нормативы.

— Но ведь Сталин вряд ли раскрывал свой интерес к фигуре Грозного? И уж тем более не объяснял свой взгляд. Его надо было угадать.

Если буквально, то мы не знаем, объяснял он свой взгляд или нет. Люди, близкие к нему, писавшие замечания на историю, Жданов например, наверное, знали его взгляды. Могли знать. Учебник же в том виде, в котором он был принят, и вузовский, и школьный, вполне определенным образом трактовал Грозного. То есть пример был. Да и сами явления, происходившие вокруг, столь очевидно допускали прославление не самых лучших деяний Грозного, что позволяли делать главным его периодом последний, когда он, собственно, разрушил сам им же содеянное. Все это, разумеется, наталкивало на совершенно определенные мысли. Трудней было не заметить их, нежели вынять им.

Не было нужды в семи пядях во лбу, чтобы вобрать их. Наоборот, такой улавливающий все на лету писатель, как Алексей Толстой, явно в расчета на Сталина написал свои две пьесы. И Эйзенштейн, великий режиссер и мастер, я полагаю, прекрасно понимал, что уже можно взяться за эту тему. Позволительно. Но мне-то кажется, это был вызов Эйзенштейна. И Сталин понял вызов, хотя и не сразу.

Эйзенштейн был, по-видимому, нелюбим. «Броненосец Потемкин» считался величайшим произведением, но когда в 1934 или 1935 году награждали работников кино, около десяти режиссеров получили ордена Ленина, всемирно же известный Эйзенштейн стал заслуженным деятелем искусств. Это была явная демонстрация высочайшей неприязни. Мало того, фильм «Бежин луг» был уже уничтожен, подняться Эйзенштейну удалось лишь созданием «Александра Невского».

— В чем же был вызов?

— Уже в первой части Грозный одинок. Опора на одного Малюту Скуратова. И хотя Малюта превращен в позитивного деятеля, содружество с ним — одиночество. Кто поддерживает Грозного? К чему, собственно, приводит его навязчивое собирание власти и противостояние всем, кто хоть в какой-то мере может с ним не согласиться? Одна пустота. Вторая же часть фильма — опричники. А они показаны близко к истине.

После пятьдесят третьего года с группой историков я был приглашен на Мосфильм — посмотреть, что же делать со второй частью. И был поражен ею, особенно цветным куском. Это великое открытие Эйзенштейна — цветной кусок в черно-белом фильме — танец опричников с Федькой Басмановым... Тогда-то мне и стало ясно: умный политик Сталин понял, что это фильм, не прославляющий царя-объединителя, а фильм о тиране и актере, о Нероне — жестоком, одиноком, по-своему блистательном и хищном. Сталин же хотел видеть иного Грозного. По его словам, не уничтожь Грозный всего каких-то несколько семейств — и не было бы Смут-

ного времени. Тоже, кстати, характеристика сталинских, извините, исторических воззрений...

Так что, по-моему, Эйзенштейн, хоть и иносказательно, но осмелился сказать тирану часть правды, намекнуть.

Не обрывается «связь времен». В глубоком сознании людей она все равно остается. Сама попытка оборвать эту связь всегда ясна и очевидна.

— *Не слишком ли оптимистично, Сигурд Оттович? Можно же оборубать куски, нити в конце концов какие-то.*

— Видимо, я нечетко выразился. Развитие человечества — это и есть «связь времен» Она необрываема. Другое дело, что вы можете очень многого не видеть, возможно, даже самого главного. Можно сознательно — обучением в школе, с помощью печати, искусства, всех форм пропаганды — оборвать какие-то нити. Можно даже создать видимость связей, которых на самом деле не было. Но сознание, что «связь времен» есть, все равно остается. Навязываемое толкование лишний раз убеждает, что вам еще сильнее нужно не верить на слово, искать самим и тем самым сохранять истинную связь.

Человек очень рано обучился создавать искусственную «связь времен» и убеждать других, что именно она и есть истинная. Это очень большое искусство. Им владеют не одни историки. Универсальнейший прием — дозирование исторической правды. Вы в сравнении со мной еще молодой человек, а я-то привык к тому, что у нас разом густо, разом пусто. Но власти имущие всегда не понимали одного: степень дозированной правды об истории — это всегда показатель степени распространения правды о настоящем, показатель опасения будущего или уверенности в нем.

Опубликованные документы — лишь малая часть сохранившейся документации о нашем времени. Дело не только в государственных и политических соображениях, по которым часть документации не могла быть опубликована. Нас интересует не только государственно-политическая линия, но и жизнь нормального человека. А она сейчас находит порой большее отражение в художественной литературе, нежели в опубликованных документах. И это вопреки нынешнему общему стремлению узнать именно документальную правду.

В мировой практике считается правильным, когда на архивную документацию устанавливается определенный срок давности, после которого архив открывается для всех. У нас такого срока нет. Это большая помеха. Часть архивов остается малодоступной. В частности, это привело к тому, что у нас очень неконкретные представления о развитии нашей страны, об истории партии. В итоге в нашем прошлом мало видим полнокровных личностей и много теней. Так, оказалось, что самая великая революция, положившая начало новой эре в истории, происходила почти без участия людей, без борьбы мнений. Куда как подробней мы знаем, как боролись между собой выступавшие вначале вместе Дантон и Робеспьер, чем о столкновении тех деятелей, которые были членами ленинского ЦК в 1917 г.

По литературе, по рассказам старшего поколения можно лишь смутно представлять, какие страсти кипели в тот период. Сейчас пишут, что каждый год семидесятилетия был годом значительных явлений. Но ведь

эти явления непременно связаны с конкретными людьми, с определенным, как сейчас стали повторять, преодолением ошибок. Это не были сплошные достижения, которые затем почему-то оборачивались тем, что с кем-то надо было все время бороться.

Творческие люди хотят коснуться настоящей правды, и если у них нет на это надежды, нет чувства, что они станут первооткрывателями, они просто будут уходить в какой-то другой период, где все-таки есть надежда на первооткрывание. Недаром практически все ученые говорят сейчас о расширении доступа к архивным материалам. Пока же положение, мягко говоря, странное. По-настоящему историю тех или иных событий знают все-таки историки-профессионалы, но не они решают вопрос, что засекретить, а что — открыть. Некоторые документы, например, давно скопированы и опубликованы за рубежом, и историки это знают, но даже сослаться на такие материалы они не могут.

А ведь всякий памятник истории — это и памятник культуры. Можно ли ограничивать доступ к культуре? Станный вопрос, не правда ли?

...Жизнь историка сложна. Признаюсь, меня, как и многих людей живой мысли, интересовали в свое время более близкие по времени сюжеты и жившие сравнительно недавно люди. Но как ученый, прошедший хорошую научную школу, я понимал, что должен буду подлаживаться под неразделяемую мной схему. Не подстраиваться под нее в изображении недавнего времени было невозможно. Я должен был лишить себя и своих читателей возможности полностью знать тот материал, который нельзя не знать, прежде чем становиться судьей времени. И я, как это мне понятно сейчас, выбрал время, где можно было откровенно описывать политические страсти, очень сильные, кроваво кончавшиеся для обеих сторон, где можно было хоть и не в полный голос, но говорить о явлениях, которые умный человек мог типологизировать, подразумевая какую-то своеобразную социологическую модель. В этом, хочется думать, я не обрывал «связь времен».

ЗОДЧИЙ НАУК (О В.Н. Татищеве) *

300 лет назад, 29 апреля (19 апреля по ст. ст.) 1686 г., родился государственный деятель и ученый Василий Никитич Татищев, которого еще в прошлом столетии называли зодчими отечественной науки. Человек неутомимо деятельный и необычайно разносторонних дарований: математик, горный инженер, географ, экономист, лексикограф — составитель словарей, языковед и фольклорист, палеонтолог — автор первого в мировой литературе опыта сообщения научных сведений о мамонте, медик, философ-моралист и педагог. Ныне Татищев более всего известен как родоначальник русской исторической науки.

Татищева справедливо признают одним из самых выдающихся

* Первоначальный, полный вариант научно-популярной статьи, опубликованной под заголовком «Зодчий наук» в журн.: «Родина». 1989. № 3. С. 53—54.

«птенцов Петровых». С ранних лет он участвовал в осуществлении начинаний Петра I и как воин-кавалерист и артиллерист в сражениях Северной войны (был ранен в знаменитой Полтавской «виктории»), в Прутском походе, и как дипломат, и как помощник Брюса по составлению «практической планиметрии» для землемеров и карт территории России, как организатор строительства металлургических заводов на Урале и управления горным делом. Но главное не в том, что Петр I рано заметил способности Татищева, беседовал с ним, лично формулировал поставленные перед ним деловые задачи. Татищев воспринял самый дух петровских преобразований, освоил даже в какой-то степени манеру его действий и образ мышления. В период, когда большинство высших чиновников думали прежде всего о собственном благополучии и преуспевании, оставаясь равнодушными к государственным интересам, Татищев был убежденным ревнителем «к пользе российской» и в помыслах своих и в делах. Выходец из семьи, несколько поколений которой было связано с придворной службой, Татищев ценил организаторскую деятельность администратора нового типа, сочетавшего широкие преобразовательские замыслы с четкостью предложений и видением путей их практической реализации, способность формулировать задачи серьезных государственных преобразований (политических и экономических), относящихся едва ли не ко всему образу правления, и своевременно вносить конкретные практические предложения по улучшению системы межевания земель, упорядочению мер веса и денежного обращения (он ведал Московским монетным двором). С именем Татищева связывают дела создания фабрик мелких металлургических изделий, организаций металлургической промышленности и подготовки кадров для нее, строительства новых городских центров вокруг заводов (возникновение города Екатеринбурга, а позднее выбор места нынешнего города Оренбурга), организации торговли с народами Востока и выработки самой системы взаимоотношений правительственных деятелей с народами многонационального государства (в ведении Татищева в разное время находились земли Приуралья, Калмыкии, Нижней Волги).

Татищев был деятельным участником политических событий 1730 г., когда обсуждались возможности государственных преобразований накануне вступления на престол племянницы Петра I Анны Иоанновны (во время ее коронации Татищев был обер-церемониймейстером). Татищев показал себя сторонником монархической системы правления, но с достаточно широким представительством дворянства в высших органах власти, оставил сочинения об этом, отмечая и важность повышения роли купечества и улучшения благосостояния крестьян и ремесленников. Он был идеологом тех форм политики просвященного абсолютизма, которые характерны для России уже второй половины XVIII в.

Человек независимого характера («сами ведаете о Татищеве, что ему под команду быть не захочется» — писал современник), решительный, стремящийся глубже постигнуть суть дела и способный быстро определять наиболее рациональные и перспективные пути в своей практической деятельности, чуждый рутины и угодничества, Татищев имел немало влиятельных врагов и много претерпел от их наветов. Последние пять лет жизни Татищев (скончавшийся 15 июля 1750 г.) вынужден был провести в своем подмосковном имении Болдино, где особенно усиленно

работал как «историоописатель» (его выражение; позднее внедрилось в язык слово «историограф»), т. е. занимался историческими исследованиями. Впрочем, когда Татищев оказывался отстраненным от государственной деятельности, он получал возможность полностью отдаваться научным занятиям. И результаты именно этой работы оказались долговечными и особо ценными потомками.

Неутомимое участие Татищева в реформаторской деятельности, убеждение его в важности научной основы государственно-практических начинаний, потребность в постоянной научной работе и осознание особого значения внедрения в практику ее результатов — свидетельств не только призвания подлинного ученого, но и того, что в обществе — даже в его аристократических верхах — произошли тогда серьезные изменения в сознании: такая сфера деятельности в «век Просвещения» не казалась уже не достойной вельможи и дальнего родственника императрицы.

Специально занимаясь географией, первоначально картографией, он попытался установить взаимосвязи истории с географией, причем не только политической, но и физической и экономической, разрабатывал вопросники-анкеты о прошлом и современном состоянии отдельных областей страны, ее народов, собирал и истолковывал пословицы, явившись одним из основоположников науки этнографии (само это слово и переводится как народописание). Татищев задумал составить «Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской», т. е. дать в алфавитном порядке объяснения слов, важных для понимания отечественной истории (и прошлого и настоящего) и географии, и наповину выполнил эту работу (до буквы «К» включительно).

Страстный собиратель книг и рукописей, тративший на их приобретение все свои средства во время пребывания за рубежом, Татищев заботился об организации библиотек, пожертвовал Екатеринбургу часть своих книг и помогал пополнению Библиотеки Академии наук.

Татищев видел в Академии наук центр по разработке научных проблем и по собиранию и изучению памятников истории и культуры. Татищев был как бы рожден для того, чтобы стать президентом нашей Академии наук. И Академии тогда особенно был нужен такой руководитель — ученый разнообразных талантов и эрудит, деятельный и пытливый организатор науки, коренной русский, обладавший опытом государственной деятельности, убежденный в необходимости подготовки ученых из среды соотечественников и в то же время с большим уважением относившийся к зарубежным ученым и достижениям науки и техники. Но Татищев не стал членом Академии наук, и сочинения его при жизни не были напечатаны.

Лишь посмертно, правда еще в XVIII столетии и при содействии именно членов Академии наук, к нему стала приходиться слава, все возрастающая с годами и столетиями. Полагают, что биографическую статью к 150-летию со дня рождения Татищева в последний год своей жизни подготовил Пушкин. Академия наук отмечала 200 лет со дня рождения Татищева, о его жизни и деятельности еще в прошлом веке написана была по архивным материалам подробная монография. Ныне о нем существует обширная литература и в нашей стране и за рубежом — Татищев признан одним из самых выдающихся и разносторонних деятелей XVIII века — «века Просвещения».

В послевоенные годы усилиями академика М.Н. Тихомирова, профессора А.И. Андреева и особенно профессора С.Н. Валка и его сотрудников, Академией наук СССР переиздана в семи томах «История Российская с древнейших времен» и том избранных работ Татищева. Вышла и книга его географических сочинений. Труды эти изданы не только из-за интереса к развитию отечественной науки в первой половине XVIII в. В «Истории Российской» много сведений, не дошедших до нас в других источниках. Это вызывает споры: почерпнуты ли такие сведения из древних рукописей или же своеобразно истолкованы или даже придуманы Татищевым. В последнее время приводится все больше доказательств того, что в основе их — не дошедшие до нас первоисточники, возможно, рукописи из собрания Татищева, погибшего вскоре после его кончины (об этом много написано в работах крупнейшего советского историка академика Б.А. Рыбакова).

Татищевым положено начало научной разработке отечественной истории с древнейших времен до начала XVII столетия. Он первым поставил перед собой задачу выявления ее источников — письменных (рукописных и печатных) и иных — и сопоставления содержащихся там сведений и обосновал свою научную методику в начинавшем его обширную «Историю Российскую» «Предъизвещении о истории отечественной и собственно о русской». Там же Татищев рассуждает о «пользе истории, и не только общественно-политической (т. е. истории государства, нравов, быта), но и истории научных знаний, (в том числе и естественно-научных, медицины например), полагая, что «и вся философия на истории основана и оною подпирается, ибо все, что мы у древних, правые и погрешные и порочные мнения находим, суть история к нашему званию и причина ко исправлению». И в этом плане написанная тяжеловесным языком «История» Татищева как бы предвосхищает создание уже в начале XIX в. «Историю государства Российского» Н.М. Карамзина (также, кстати, доведенную до начала XVII в.), сразу же признанную высочайшим образцом русской художественной прозы. Карамзин тоже начал «Историю» «Предисловием» и главой «Об источниках Российской истории до XVII в.», порядок его изложения также в зависимости от последовательности событий государственной истории, точнее даже, времени правления отдельных государей, и на полях страниц отмечается важнейшее в изложении (то, что уже наши современники называют «фонариками»).

Татищев не ограничился сведением воедино фактов истории, выявленных им в сочинениях отечественных (прежде всего в летописях) и зарубежных, но постарался определить характер источников исторической информации. Он — отец источниковедческой критики в России. Исторiku важно знать, не только кто, что, когда, почему, где сделал, но и откуда мы это знаем, насколько достоверны наши знания.

Татищева можно назвать и отцом отечественной археографии, т. е. науки о выявлении, собирании, описании и издании письменных исторических источников. Много места уделено этому в «Истории Российской», но особая заслуга Татищева — подготовка к печати, причем с научными объяснениями, и знаменитого свода законов Древней Руси «Русской Правды» и Судебника царя Ивана Грозного. Татищев заложил и основы научного изучения русских летописей.

Татищев был убежден в том, что через учение происходит «главная польза государству», верил в особую силу просвещения («Человеку нужно век жить, век и учиться»), размышлял об организации обучения с младенчества, о важности поощрения особо радивых и даровитых учащихся («чтобы высший в науке высшее место и имел»), много сделал как зачинатель профессионально-технических школ и самой системы такого обучения. Татищев не терпел праздности и празднословия, был не просто безмерно трудоспособен, но любил трудиться. Беседовавший с ним с 1743 г. писал, что Татищев был «замечателен своей сократической наружностью, изможденный телом, которое он старался поддерживать долготелним воздержанием, и, наконец, неутомимостью и разнообразием своих занятий. Если он не писал, не читал или не говорил о делах, то перебрасывал жетоны из руки в руку».

Ученый-энциклопедист и государственный деятель, всесторонне образованный и даровитейший из младших сподвижников Петра I, Татищев первым из русских стал в ряд крупных европейских ученых и явился прямым предшественником великого Ломоносова. У истоков многих современных наук имя Василия Никитича Татищева.

О П.И. БАРТЕНЕВЕ И КНИГЕ О НЕМ *

Книга посвящена одному из самых знаменитых москвичей второй половины XIX — начала XX в. и его изданию — и поныне знаменитому журналу «Русский архив».

Без изучения материалов «Русского архива» — моножурнала Бартенева, издававшегося им около 50 лет, с 1863 г. до конца жизни, трудно представить себе ход развития и распространения исторических и литературоведческих знаний и в среде специалистов, и в широком кругу интересующихся прошлым своего Отечества. Без ознакомления с этими материалами немислимо исследовать историю России XVIII—XIX вв., историю русской классической литературы. Нет трудов по государственно-политической истории России XVIII—XIX вв., о войне 1812 года, о революционно-освободительном движении той поры (особенно о декабристах), о Пушкине и писателях XVIII — первой половины XIX в. по истории общественного сознания и культуры этих столетий, где не встречалось бы ссылок на документальные публикации или статьи «Русского архива». И нет ни одного писателя, деятеля киноискусства, изобразительного искусства, создающего произведение по тематике отечественной истории XVIII—XIX вв., или о Пушкине и его современниках, кто бы не обращался в первую очередь к изданиям Бартенева, к его статьям и комментариям.

Методы собирания и издания документальных памятников Бартеневым в определенной степени восходили еще к традициям «Древней Российской вивлиофики» — многотомного издания замечательного просве-

* Опубликовано в кн.: *Зайцев А.Д.* Петр Иванович Бартенев. М., 1989. С. 3—8.

тителя второй половины XVIII в. Н.И. Новикова и к альманахам и журналам первой четверти XIX в.,¹ а также к опыту зарубежных изданий А.И. Герцена 1850—1860-х годов. Но во многом Бартенева выступил новатором — он обращался в поисках документов и в государственные хранилища, и в государственные учреждения, к владельцам семейных архивов, к друзьям и знакомым особо интересовавшим его лиц (прежде всего Пушкина и декабристов), их наследникам и родственникам, записывал их устные рассказы и воспоминания, побуждал к написанию мемуаров и откликнулся на документальные публикации. Научно-исследовательский характер приобретали зачастую его комментарии к документальным публикациям.

Эти приемы археографической работы Бартенева во многом предопределили деятельность также очень знаменитого в те годы издателя «Русской старины» (в Петербурге) М.И. Семевского, на рубеже XIX и XX вв. — В.Я. Богучарского² и П.Е. Щеголева — организаторов журналов «Былое» и «Минувшие годы», публиковавших материалы и по истории общественно-революционного движения, и по истории литературы. А позднее даже переписывавшегося в молодости с Бартеневым В.Д. Бонч-Бруевича, в первые годы Советской власти управляющего делами Совнаркома, а позднее организатора Литературного музея, где создано было бесценное собрание рукописей, включившее и фонд Бартенева (ставшее основой современного Центрального государственного архива литературы и искусства — ЦГАЛИ СССР), книг, памятников изобразительного искусства, предметов, связанных с жизнью выдающихся деятелей нашей культуры, и издавались сборники документальных публикаций и описаний рукописей. Потому уже изучение первого в России крупного исторического (а по современной научной терминологии — и литературоведческого, архивоведческого и археографического) журнала и деятельности его организатора и руководителя очень важно.

Но автор отнюдь не ограничивается этим. Он посвятил свою книгу «жизни и трудам» Петра Ивановича Бартенева, всему тому, что сделал, собрал, написал этот неутомимый труженик. Причем рассматриваются все явления биографии Бартенева, прошедшего нелегкий путь от антикрепостника-либерала, передававшего Герцену для публикации материалы, разоблачавшие тайны царизма, до консерватора, дорожащего близостью с Победоносцевым и напуганного событиями 1905 года. Однако и такой путь развития общественного сознания, свойственный многим деятелям культуры, прожившим долгую жизнь (как, к примеру, и другому не менее знаменитому москвичу — историку И.Е. Забелину), отнюдь не был однолинейным. Сотрудником Бартенева. Для которого всегда идеалом казался дух реформ Екатерины II, а любимыми поэтами были поэты пушкинской поры, стал на рубеже столетия символист Валерий Брюсов (и для него работа с Бартеневым была школой текстологии и археографии).

Бартенева более, чем кто-либо другой в ту пору, сделал для выявления и публикации материалов о Радищеве и декабристах, и даже для «организации» этих материалов, так же как и воспоминаний о Пушкине. И недаром немало подготовленных к печати материалов «Русского архива» подвергались вмешательству цензуры — этой «официальной критике» по словам К. Маркса³ не удалось опубликовать полностью даже «Записку о древней и новой России» Н.М. Карамзина (в 1870 г.), и книги

«Русского архива» иногда выходили — как выражались современники — «с одним хвостом без головы»⁴.

Книгам «Русского архива» предшествовало или сопутствовало издание Бартевым документальных сборников, которые так же по сей день в постоянном обиходе науки — «Собрание писем царя Алексея Михайловича», «Осмнадцатый век», «Деятнадцатый век», многотомная серия «Архив князя Воронцова». Бартев принимает участие в подготовке изданий сочинений Пушкина, Тютчева, Баратынского, Хомякова, в публикации материалов богатейших семейных архивов русской аристократии — «Архива князя Куракина», «Остафьевского архива» (Остафьево было имением князей Вяземских, где Карамзин написал первые восемь книг своей знаменитой «Истории государства Российского», в 1894 г. оно перешло во владение графа С.Д. Шереметева, известного и своими изысканиями по русской истории). Бартев необычайно способствовал возбуждению интереса к фамильным архивам и сохранению их документации и — что особенно нужно отметить — считал необходимым заниматься генеалогией не только дворянских семей, но и представителей иных социальных слоев общества, даже крепостного крестьянства.

Непревзойденный знаток архивных и печатных материалов по социально-политической и культурной истории России XVIII—XIX вв., Бартев был консультантом писателей, создававших художественные произведения об этом времени. Он помогал Л.Н. Толстому, подбирая материал для эпопеи «Война и мир», Н.А. Некрасову в период работы над поэмой «Русские женщины», не говоря уже об очень популярном тогда историческом романисте Г.П. Данилевском и многих других.

Бартев еще студентом Московского университета, где выделился сразу и способностями к научному творчеству, и знанием многих языков, сблизился с учеными, и группы так называемых западников (прежде всего с Т.Н. Грановским), и группы славянофильского направления. И те и другие поощряли его первые шаги в науке, приобщили к составлению биографий для «Словаря питомцев Московского университета» (готовившегося к его столетию), а историк М.П. Погодин сразу же сказал о Бартеве: «Это настоящий биограф». Его представили и престарелым уже тогда лицам пушкинского круга, даже рекомендовали в секретари В.А. Жуковскому. Бартев был знаком едва ли не со всеми знаменитыми современниками — государственными и общественными деятелями, учеными и писателями, художниками, композиторами. Привлекали не только его безмерные знания, талант рассказчика, но и широта историко-культурных воззрений.

Обо всем этом автор попытался рассказать, и рассказать столь обстоятельно, по существу, впервые, ибо А.Д. Зайцев первым ознакомился с материалами всего крупнейшего архива Бартева, сосредоточенного ныне в ЦГАЛИ СССР, а также с материалами более сотни других фондов из разных хранилищ. Многочисленные цитаты из документов этих архивов (особенно в сопоставлении с ранее опубликованными текстами) представляют большую ценность для науки (как и указания на архивные материалы в примечаниях).

А.Д. Зайцев написал книгу, имеющую первостепенное историографическое значение, — книгу, равно важную и для историков историче-

ской науки, и для историков журналистики, и для историков литературы и культуры (в частности, культуры археологии и архивного дела) и общественного сознания. Это — серьезный научный труд, который, несомненно, займет видное место в собственно исторической научной литературе.

Всегда отрадно, если автор обладает способностью и живого восприятия, и живого, образного воспроизведения прошлого, учением проникать в психологию человека творческого труда. Книга к тому же составлена с большим тактом и вкусом, умело подобранные фрагменты из источников естественно входят в ткань повествования — именно художественного повествования, а не только исторического исследования (с которым часто ассоциируется узкий круг читателей-специалистов) — и еще в большей мере позволяют как бы ощутить аромат той далекой эпохи, почему именно о Бартенева говорили, что он «хранил московский быт и русский стиль»⁵.

Автор разделил книгу на главы (по существу, очерки, каждый из которых имеет и самостоятельный интерес для специалистов разных профилей), дав им запоминающиеся заголовки, очень четко отражающие суть того, о чем идет речь. Это главы о жизни Бартенева, Бартенева-историке, Бартенева-пушкинисте, о «Русском архиве». Умело и ненавязчиво введен в изложение и оценочно-историографический элемент. И все время явления жизни Бартенева рассматриваются (и соответственно воспринимаются) во взаимосвязи с явлениями общественно-политической жизни, с жизнью и деятельностью других известных людей, с ходом развития исторической науки, архивоведения и археологии, литературоведения, журналистики, шире — развития научной культуры и общественной мысли. Что отнюдь не заслоняет присутствующей на всех страницах книги личности (Бартенева, крепко запоминаемой, образно охарактеризованной (при этом без сокрытия слабостей и противоречий). Образ Бартенева — знатока истории (собирателя документов, редактора, комментатора, публикатора и исследователя) и человека — большая удача автора.

Книга написана так, что интересна и самому широкому кругу любителей истории и становится необходимой специалисту — историку России, литературоведу и историку журналистики, археологу и архивисту. И несомненно, что во многих исследовательских и популярных трудах будут использованы вводимые автором в научный оборот факты о современной Бартенева эпохе и времени, которое он изучал, ссылки на это издание в дальнейшей научной литературе обеспечены. Книга эта выходит вслед за книгой историка А.А. Формозова о Иване Егоровиче Забелине⁶. Формируется особый жанр научно-популярных биографий историков когда свободная, доступная всем манера изложения естественно сочетается с наблюдениями и выводами исследовательского (даже историко-источниковедческого) характера и опирается на прочную базу первоисточников. Это важно не только для воспитания историей, но и для возбуждения интереса к самой системе работы историка, приобщает к занятиям историей наше юношество.

Выход из печати книги А.Д. Зайцева особенно уместен сейчас, когда так возрастает интерес к истории и к познанию биографий историков. И очень хорошо, что книга о выдающемся историке-москвиче выйдет имен-

но в издательстве «Московский рабочий», так много делающем для распространения и исторических знаний.

- ¹ Недавно издан факсимильным способом с приложениями, составленными В.Ю. Афиани, один из таких альманахов — «Русская старина: карманная книжка для любителей отечественного на 1825 год», подготовленная будущим декабристом А.О. Корниловичем (М.: Книга, 1987).
- ² См.: *Шумейко М.Ф.* О выявлении и собирании документов революционного движения в России второй половины XIX — начала XX в. (По материалам архива В.Я. Богучарского) // АЕ за 1981 год. М., 1982.
- ³ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч. Т. 1. С. 3.
- ⁴ Подробнее об этом узнаем из статьи А.Д. Зайцева «Русский архив и цензура» // АЕ за 1976 год. М., 1977.
- ⁵ Так назван и очерк А.Д. Зайцева о П.И. Баргенове в историко-краеведческом альманахе «Куранты» (М., 1987. Вып. 2. С. 192—199).
- ⁶ См.: *Формозов А.А.* Историк Москвы И.Е. Забелин. М., 1984.

МИХАИЛ ТИМОФЕЕВИЧ БЕЛЯВСКИЙ *

11 февраля 1989 г. скончался видный историк и общественный деятель член Бюро Археографической комиссии АН СССР профессор Михаил Тимофеевич Белявский ¹.

Когда узнаешь об уходе из жизни человека, с которым более 40 лет обращались друг к другу на «ты», первое ощущение — боль, и первая мысль: как мало уже нас остается. Вспоминаются сразу близкие душе подробности частного характера, и трудно определить общезначимость сделанного этим человеком, свойственное именно ему в типологии современной культуры. А историку необходимо это сделать и, если это был ученый, писавший для других, а, следовательно, и для потомства, то помочь тем, кто не знал его лично, определить место этого ученого в развитии науки, культуры, общественной жизни.

Михаил Тимофеевич Белявский был прежде всего незаурядной личностью. И присущие ему личные — и очень притягательные — черты явно и особенно заметны во всем его творчестве, в самом выборе тематики научно-исследовательской и преподавательской работы, а также и общественной деятельности. М.Т. Белявский не мог писать о том, о чем у него не болела душа; и сразу же обнаруживалось его страстное отношение к тому, что он писал, делал, говорил. Он был просветителем по убеждению и по призванию, и обладал даром говорить и писать так, что это было важно и ученым специалистам и широкой аудитории. Он всегда чувствовал эту аудиторию и даже писал в своеобразной разговорной (позднее — лекционной) манере, достигая и на письме высоких образцов ораторского искусства (как, к примеру, в статье 1966 г. «Памяти большого ученого» об академике М.Н. Тихомирове).

М.Т. Белявский родился 21 ноября 1913 г. в селе Горки Смоленской губернии близ больших промышленных сел Ярцево. В Смоленщине мно-

* Опубликовано в кн.: АЕ за 1989 год. М., 1990. С. 330—332.

гое напоминает о значительных событиях нашей истории, о давних традициях отечественной культуры, о героическом сопротивлении внешним врагам и широких международных экономических и культурных связях. Отец его, сын крепостного крестьянина, был сельским священником, а, следовательно, человеком, причастным к чтению и составлению проповедей, и в то же время пребывающим в бытовой атмосфере деревни, близким по образу жизни и мышления к крестьянству. В дореволюционной России, как известно, из среды сельского духовенства вышло немало людей, тяготеющих к просветительской деятельности, к занятиям историей, краеведением, к познанию того, что ныне называем социальной экологией. И краеведение воспринималось ими как краевлюбие. Именно на Смоленщине в советские годы начали творческий путь писатели, олицетворяющие во многом русскую народную интеллигенцию с ее пристальным интересом к взаимосвязи и времен и народов. И М.Т. Белявский стал — в 1930 г. — преподавать в школе, затем окончил вечернее отделение географического факультета Московского городского педагогического института.

Обретенный им опыт войны (М.Т. Белявский ушел добровольцем на фронт, стал там членом партии, был тяжело ранен) еще более убедил его в важности познания истории и сохранения памятников культуры. М.Т. Белявский был откровенно современен в своих научных и общественных устремлениях и в исследовательской методике, и в то же время всегда в русле давней прогрессивной традиции русской науки — традиции просветительства. И ему помогло и то, что в аспирантские годы на историческом факультете Московского университета, (с 1948 г.) он прошел школу ученых широкого профиля научных интересов и большой общественной чуткости Н.Л. Рубинштейна и М.Н. Тихомирова, принадлежавших именно к этой нашей просветительской традиции.

Думается, можно сказать, что М.Т. Белявский сумел «построить» свою жизнь в послевоенные годы, так как ему хотелось: любимое дело (преподавательская работа на кафедре отечественной истории исторического факультета МГУ; на том же факультете преподавала и его покойная жена — известный историк Польши Ирина Михайловна Белявская), дружная семья. Он не искал престижных или денежных должностей, не навязывал своих суждений; и уважение коллег и учеников приходило к нему само, так же как и его непрерывно втягивали в общественную работу. Профессор Белявский нашел себя, и творил — писал, читал лекции, руководил работой молодежи, участвовал в научных заседаниях и на собраниях общности — «в удовольствие». И сетовал он не на перегрузку работой, а на болезни, становившиеся помехой этой работе. М.Т. Белявский заинтересованно знакомился с работой других, особенно молодежи, умел быть одновременно и строго придирчивым и доброжелательным, и обнаруживал неподдельную радость, когда узнавал об открытиях и добрых начинаниях других. Дар редкий и особенно привлекавший к Михаилу Тимофеевичу!

М.Т. Белявского давно уже признали виднейшим специалистом по истории России второй половины XVIII в., особенно истории общественного сознания и культуры «Века Просвещения»; и авторитет его в «академических» кругах был очень высок. И кандидатская его диссертация (защищенная в 1952 г.) и докторская (защищенная в 1963 г.) стали основой монографий «М.В. Ломоносов и основание Московского университета»

(М., 1955) и «Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е.И. Пугачева» (М., 1965), прочно вошедших в основной фонд современной исторической науки. Отзыв официального оппонента второй диссертации, академика М.Н. Тихомирова, написанный взволнованно и с большим уважением к труду М.Т. Белявского, напечатан в приложении к книге «Рукописное наследие академика М.Н. Тихомирова». (М., 1974). М.Н. Тихомиров особо отметил, что «М.Т. Белявский поднял и вводит в науку большие залежи неизвестных ранее источников по истории крестьянского вопроса в России середины XVIII в.», и далее: «Не сомневаюсь, что труд М.Т. Белявского займет почетное место в нашей исторической литературе, посвященной истории России XVIII в., в особенности в истории крестьянского вопроса — кардинального вопроса в истории России на протяжении многих веков». В 1984 г. издана книга «Одноворцы Черноземья (по их наказам в Уложенную комиссию 1767—1768 гг.)», к 275-летию со дня рождения Ломоносова вышла книга, ему посвященная «Все испытал, во все проник» (М., 1986). Этому периоду истории посвящено и большинство исследовательского характера статей и документальных публикаций М.Т. Белявского (список печатных трудов его насчитывает около 250 названий). Значительна его роль в подготовке книг о XVIII в. университетского издания «Очерки русской культуры» М.Т. Белявский — автор глав о России конца XVII—XVIII вв. в вузовском учебнике «История СССР с древнейших времен до конца XVIII века», подготовленном под редакцией академика Б.А. Рыбакова, составитель и редактор сборников документов по истории России XVIII в., руководитель многих работ молодых исследователей по этой тематике.

М.Т. Белявский был большим знатоком архивных материалов, опытным археографом и источниковедом, деятельным членом Бюро Археографической комиссии, редактором и рецензентом ее изданий, членом редколлегии и редактором томов (и автором предисловий и составителем комментариев) избранных трудов первого председателя Комиссии М.Н. Тихомирова.

М.Т. Белявского всегда заботила мысль об уровне преподавания истории, о распространении, внушении читателям слушателям, зрителям подлинных исторических знаний, о степени познания ими путей постижения таких знаний. И тут он не жалел сил ни на авторскую, ни на редакторскую, ни на организационную, и, (как правило, и организационно-методическую) работу. Он был заместителем главного редактора учебника (ответственным редактором) по отечественной истории для вузов, руководителем научно-методического совета Министерства высшего образования, членом научно-методических и научных советов Министерства культуры РСФСР и ряда музеев, много делал для внедрения науки в преподавание истории в школе и в организацию внешкольной работы. М.Т. Белявскому была присуща потребность воплотить мысли исследователя в лекции и учебные пособия, рассчитанные на самый широкий круг читателей, и, как его главные университетские учителя, он не мог ограничить себя комплексом проблем, относящихся лишь к одной эпохе. Амплитуда научных интересов, и — что особенно важно — возможностей Белявского как исследователя и популяризатора удивительно велика.

Именно ему мы обязаны утверждением интереса молодежи к методике работы в музеях с разнообразными памятниками истории и культу-

ры, созданием учебного пособия такой тематики, (в основе книги «Работа в музеях с историческими памятниками при изучении истории СССР с древнейших времен до 1917 г.» М., 1978 — его любимый лекционный курс в Московском университете), организацией — и с его участием — многих научно-просветительских экскурсий. М.Т. Белявский страстно и неутомимо побуждал к большему вниманию к памятникам нового времени, особенно времени тяжких и героических лет Великой Отечественной войны. Ему мы обязаны и возрождением внимания к некрополям, и прежде всего к захоронениям на московских кладбищах. Заголовок последней его статьи, опубликованной в альманахе «Памятники Отечества» (1989. № 1) — «Охрана памятников, краеведение и проблема некрополей» М.Т. Белявский был бессменным председателем секции истории советского общества Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, руководителем организованных ею конференций и инициатором и редактором подготовленных там изданий, членом президиума Центрального совета Общества и одним из первых был удостоен награждения званием почетного члена Общества. Он постоянно встречался и с юными следопытами истории; а выступления его на различных общественных форумах, как правило, были действенными стимулами дальнейшей работы, а подчас становились и знаменательными факторами развития культуры и запоминались надолго.

М.Т. Белявский преданно любил ставший ему родным Московский университет, и едва ли не более других сделал для изучения его истории. Он был подлинным патриотом и нашей Москвы, и опять-таки много сделал для сохранения памяти о москвичах — местах их жизни и деятельности, их захоронениях. Часть работ такой тематики изданы: книга «Их имена увековечены в Москве» (М., 1980) о питомцах и преподавателях Московского университета, много статей. Другие подготовлены к печати. Следовало бы объединить в одну книгу его труды о московском некрополе. Это станет и одним из памятников замечательному деятелю науки и культуры, столь много сделавшему для воспитания уважения к исторической памяти.

¹ Некрологи см.: Вопросы истории. 1989. № 7. С. 189; История СССР. 1989. № 7. Вестн. Моск. ун-та 1989 Сер. ист. № 5.

ИРАКЛИЙ ЛУАРСАБОВИЧ АНДРОНИКОВ *

11 июня 1990 г. после тяжелой болезни скончался Ираклий Луарсабович Андроников — один из самых знаменитых деятелей и историков нашей культуры, писатель, артист, ученый, доктор филологических наук, лауреат Ленинской и Государственной премий, народный артист СССР, человек неповторимого таланта, обладавший даром про-

* Опубликовано в кн.: АЕ за 1990 год. М., 1992. С. 319 — 322.

никновения в прошлое и удивительного внушения создаваемой им образности в наше сознание.

Ираклий Андроников — редкостный сплав генетических основ культуры разных народов. Петербургская-петроградская европеизированность и элегантность вкуса и манеры поведения (легкость, но всегда в пределах допустимого, ни малейшего даже намека на «моветон») и многовековая грузинская культура с ее совмещением древних христианских обычаев и восточного культа праздничной публичности доброжелательного гостеприимства. Изящная, точная графика и классицизма и русского серебряного десятилетия и щедрые наивные мазки Пиромани. И все это в чарующе-естественном единстве. Здесь и семейный дух просветительства (дед его по матери — виднейший педагог рубежа веков, историк, приобщавший к преподаванию школьникам университетских профессоров), и театральности (тетке его выразил особую признательность К.С. Станиславский в книге «Моя жизнь в искусстве»), и грузинская народная театральность, когда праздник становился и школой мудрости, а тамада представлялся поэтом-новеллистом и наблюдательным историком-психологом. (Брат Ираклия, знаменитый физик грузинский академик Элевтер Андроникашвили — тоже автор поразительных по живости очерков об ученых физиках.) Быть может, это предопределило особую тягу к познанию жизни и творчества именно Лермонтова, в мироощущении которого и «космополитический» Петербург, и Кавказ, и восприятие русскими Кавказа?

У Ираклия к этому добавилась еще школа аналитической строгости и широчайшей эрудиции научной методики классиков нашего литературоведения и языкознания — Б.М. Эйхенбаума и Б.В. Томашевского, Л.В. Щербы и В.М. Жирмунского. Серьезные познания в истории, особенно XVIII—XIX вв., и профессиональная музыкальная подготовка, закрепленная вживанием в быт знаменитой Ленинградской филармонии, и сокровища музеев Ленинграда и его пригородов. Какие источники обогащения души и ума и какая способность восприятия и воплощения этого богатства культуры, науки и искусства вместе с повседневными житейскими наблюдениями в художественные образы и системность научной прозы!

В Ираклии Андроникове многое поражало и притягивало к нему. Все оказывались в плену его обаяния. Можно, пожалуй, говорить о пафосе обаяния — открытого, проникновенно умного и доброго одновременно, с заразной радостно-ироничной артистичностью. Дружбы его искали, и не потому только, что почиталось престижным водиться со знаменитостью. С ним, в его обществе просто было бесконечно интересно, радостно и в то же время поучительно: мир, окружающие нас люди раскрывались в более богатом спектре красок, чем прежде; заметным оказывалось то, на что прежде не обратил бы внимание: постигалась цена наблюдений над частностями — и все это становилось уроком более углубленного и ассоциативного восприятия увиденного, услышанного, прочитанного. Причем, как в игре, увлекательно и ненавязчиво. Это и как-то по-особому тонизировало — смех всегда очищает душу, освежает мысль.

В годы сталинщины это имело и особое, так сказать, общественно-оздоровительное значение. Мне довелось еще школьником быть на одном

из первых выступлений Андроникова, в Доме журналистов. В тот период люди интеллигентского круга уже опасались ходить друг к другу в гости, собираться большими компаниями, дух подозрительности и страха придавливал всех. И какими радостно-просветленными стали лица собравшихся в зале, как дохнуло на всех уходящей от нас раскованностью поведения! Сколь важно было в те годы показать, что юмор, как форма и повседневного поведения и критического выражения мыслей в отношении известных людей, остается в нашем бытие. Как это поддерживало дух! Ираклий был любим, именно любим, и более близко знавшими его, и все возрастающим кругом зрителей, слушателей, читателей.

В российской культуре давняя традиция — исполнение автором им же сочиненных устных рассказов, типологизирующих явления, восходящая по крайней мере еще к другу А.Н. Островского Ивану Горбунову. Но Ираклий Андроников воплощал в своем творчестве образы исторических лиц, причем достаточно известных. Он — создатель особой уникальной разновидности исторических источников: воспроизведения и образа исторических лиц и представления о них современников. Это — отнюдь не имитация внешне узнаваемых черт таких людей (хотя и в этой области он был способен на вершинные достижения, например, передача великолепия голосов Качалова или Остужева). Ираклий — это чудо перевоплощения: и словарь, и порядок слов, и интонационная манера, характерные элементы внешнего облика — выражение лица, движение рук, походка. Степень сходства наводила первоначально мысль на сравнение с кинокадрами, а позднее с видеозаписью. Но это всегда и художественный образ, отражающий и творца его, притом не только его талантливость писателя и артиста, но и логическую точность исследовательского подхода к явлениям. Выделяется существенное, обычно и знакомое уже, но наряду с основным лейтмотивом ощутимы и иные мелодии. (Сравнение с музыкальным произведением напрашивается не напрасно — творчество Андроникова всегда контрапункт во всем его многообразии!) Заметно недосказанное, невыраженное и как бы виден путь к нему. А это подчас и страшило. Андроников — доброжелательный художник и человек, но он и наблюдательный мыслитель-аналитик. Остается — и едва ли не сознательно — намек и на менее привлекательное в тех же людях: эгоцентричность, равнодушие, снисходительную барственность, нарочитость любезности, показную приветливость, недостаток чувства юмора... Созданные образы в какой-то мере на грани шаржа и гротеска. Но такие обобщения, сгустки художественно воплощенных черточек характера всегда отличает безупречный вкус, а следовательно, и такт. Это — показатель не только меткого глаза и опыта художника, тонкого слуха музыканта, но и проникновенного ума исследователя-психолога и историка культуры, знающего цену тому или иному историческому свидетельству.

И теперь, когда многих из изображаемых уже нет в живых и нам легче определить и оценить их место в нашей общественной жизни и культуре, когда мы узнаем немало нового о них из оставленного ими самими (дневники, записные книжки, мемуары и др.), из рассказанного о них или из официальной документации, сравнивая с изображенным (и написанным) Андрониковым, едва ли не всякий раз убеждаешься в том, как зорек был его взгляд и безграничны возможности актера, — отнюдь не все зная о своих героях, он сумел воссоздать главное в их образе. И как

благодаря этому обогащается понимание многих явлений культуры XX в., облегчается комментирование многих мемуаров и художественных произведений, отражающих эти же годы. Особенно по сравнению с тем временем, которое так детально изучал Андроников — литературовед и историк, с эпохой Пушкина и Лермонтова.

Андроников никогда не монологичен: не только в устных выступлениях, где естественны контакт и единомыслие, ответственность чувств с аудиторией, но и в том, что он писал. Рядом с ним всегда ощущается собеседник: они ожидают, чувствуют (точнее сказать — предчувствуют) реакцию друг друга, откликаются на нее. Вносился и элемент бытового (т. е. в какой-то мере и нам всем свойственного), но без пошлости, снижения образа. Тем самым великие становились доступнее для восприятия, ближе к нам, выходили из рамок портретов в пантеоне знаменитостей. И это тоже способствовало тому, что создаваемое Андрониковым становилось частью нашего восприятия этого человека.

Столь всеобъемлющее проникновение в образ мысли и поведения известных ему и нам наших современников помогло Андроникову в постижении поведения и культурного облика и людей прошлого (особенно первой половины XIX столетия), которое он изучал неутомимо и вдохновенно. А нам, убедившись в проникновенности такого подхода, позволяло поверить в предложенные им интерпретации явлений далеких лет.

И. Андроников был выдающимся историком культуры и литературоведом. Общепризнанный классик лермонтоведения — публикатор его сочинений, интерпретатор творчества, знаток его биографии. Но и замечательный знаток времени декабристов и Пушкина, искусств — музыкального, изобразительного. Когда же он занялся поисками второй части ленинского труда «Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов?», то выяснилось, что он детально знает историю и литературу рубежа XIX—XX вв. А как много было ему ведомо в истории советской литературы, одним из сотворцов которой он сам являлся!

Вклад И.Л. Андроникова — литературоведа, историка, археографа в эти отрасли научных знаний очень весом и опять-таки своеобразен. Он удивительно естественно сочетал в себе мастера-исследователя, вводившего в лабораторию научных изысканий, и просветителя, обращавшегося к самой широкой аудитории и находившего у нее сочувственный отклик. Его доводы и наблюдения исследовательского характера (прежде всего о текстах и рисунках Лермонтова, фактах его биографии) прочно вошли в обиход ученых специалистов, но он как никто другой способствовал приобщению к археографической культуре и самой широкой публики.

Историко-литературоведческий, а точнее сказать, историко-культурологический метод И.Л. Андроникова казался близок к приемам работы М.О. Гершензона, вызывающим в наши дни все больший интерес. Но немало сближений обнаруживается и с трудами его университетских учителей и новаторов 1920-х годов Ю.Н. Тынянова и В.Б. Шкловского. Обращаясь к семейным архивам и преданиям, способствуя “организации”, созиданию новых документов (прежде всего воспоминаний) о людях прошлого, их окружении, их времени, он возобновлял и утраченную было традицию российской научной поисковой мысли, восходящую к П.В. Анненкову, П.И. Бартеневу, М.И. Семевскому, В.Я. Богучарскому. Однако ошибочнее всего было бы полагать, что это — эклектизм. Просто

подлинный талант восприимчив ко многому; и творчество — всегда синтез культуры и предшествовавшего времени и современности.

Отнюдь не все содеянное И. Андрониковым воплощено в текстах или звукозаписи. Так, он, например, неоднократно выступал на расширенных заседаниях студенческого научного кружка источниковедения МГИАИ. Такие импровизации становились праздником для присутствующих и подлинной научной школой для молодежи. Эти мысли лишь в малой степени запечатлены в блистательном очерке «Хранители правды», предваряющем первый выпуск издаваемых ЦГАЛИ СССР книг «Встречи с прошлым» (1970). По существу, это — первая попытка обобщения данных об «истории наших литературных архивов», «о замечательных архивариусах, об увлекательной судьбе документов, о великих открытиях, сделанных в тишине читальных залов, рукописных отделов библиотек и музеев». Это вдохновило и других обратиться к живой истории архивов и архивных изысканий, внедрило в сознание мысль, что об архиве надо говорить с почтением, ибо «это мы, какими будут себе представлять нас потомки».

Ираклий Луарсабович был членом Археографической комиссии АН СССР и сделал доклад на Тихомировских чтениях 1970 г. Доклад напечатан в виде статьи в книге материалов этих чтений и в «Археографическом ежегоднике за 1970 год». Он сам предложил и название его: «О современных коммуникациях в сфере археографических поисков». И.Л. Андроников не только попытался ответить на вопросы, что и как искать из документации нового и новейшего времени, но и обобщил в какой-то мере свой личный опыт (известный уже ранее по публикациям и выступлениям о тагильской находке, рассказал о портретах лиц, близких к Лермонтову, и других) и выступил как убежденный пропагандист публичных обращений к читателям, радиослушателям, телезрителям, уверенный в необходимости в наши дни использовать «новые формы и средства современных коммуникаций». И можно утверждать, что ничья инициатива не находила такой отклик, как обращения именно Ираклия Андроникова. Сколькими ценнейшими документами обязаны ему хранилища рукописей — архивы, библиотеки, сколькими уникальными предметами — наши вновь организуемые музеи (прежде всего Пушкина и Лермонтова в Москве)! А как велик его вклад в воспитание в обществе и, что, может быть, еще важнее, в государственных хранилищах уважения к архивам обычных людей!

Ираклий Андроников обладал даром одаривать других, обогащать их сопричастностью к творческому труду. Ошеломленные и осчастливленные его талантом, мы постигали благодаря ему многое в культуре и прошлого и настоящего, учились более углубленному и светлому видению мира истории, литературы, искусства, обретению умения заметить существенное в деталях и сочетании их.

И какое счастье, что телевидение запечатлело многое из того, что сотворил этот одержимо талантливый человек. Ираклия Андроникова необычайно интересно читать, слушать по радио или в грамзаписи, но подлинное впечатление от него — зрительное! И таким он останется для многих поколений.

Н.Н. ВОРОНИН — ЗОДЧИЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЕЕ ХРАНИТЕЛЬ *

Николай Николаевич Воронин (родился 13 декабря 1904 г., скончался 4 апреля 1976 г.) стоял у истоков Всероссийского Общества охраны памятников истории и культуры. Знаменитый исследователь истории Древней Руси, археолог и искусствовед, первым из историков удостоенный Ленинской премии (в 1965 г.), был автором многих книг, статей и научных реконструкций не дошедших до нас или видоизмененных памятников архитектуры. Список научных трудов Н.Н. Воронина за 1925—1965 гг. — в сборнике статей, подготовленном к 40-летию его научной деятельности «Культура Древней Руси» (М., 1966), за 1966—1974 гг. — в сборнике статей «Средневековая Русь» (М., 1976), готовившемся к 70-летию ученого, но ставшем книгой его памяти.

Н.Н. Воронин был неутомимым и убежденным исследователем и защитником памятников нашей культуры. Название книги 1960 г. «Любите и сохраняйте памятники древнерусского искусства», обращенной к самому широкому читателю (а также и к тем облеченным властью лицам, от которых зависит дальнейшая судьба старинных памятников культуры), можно признать девизом его творчества и общественной деятельности. Это — и завет современникам и потомкам.

Главная тема многостороннего творчества Н.Н. Воронина — культура русского средневековья, культура и материальная и духовная: архитектура и живопись, летописи и жития, фольклор и ремесла. И все это в тесной взаимосвязи с явлениями социально-экономической и государственно-политической истории. Отличительная черта трудов Н.Н. Воронина — обращение ко всем типам исторических источников: к памятникам письменности и к фольклору при изучении древних зданий и фресок; к памятникам изобразительного искусства при исследовании творений древних писателей и разговорного языка той поры.

Н.Н. Воронин замечательно владел комплексной методикой источниковедческого исследования, обладал редкой способностью синтетического — и одновременно образного — мышления. Но в основе его оригинальных широких построений всегда строгий анализ — искусствоведческий, текстологический, даже технологический, учитывающий малейшие детали и поновления и словесного текста и памятника архитектуры, особенности материала (камня, дерева и др.) и его изменений во времени или от пребывания в земле.

Н.Н. Воронин еще в аспирантские годы, в Ленинграде, вошел в большую науку и как историк — знаток памятников письменности и как археолог. В его книге 1935 г. «К истории сельского поселения феодальной Руси» выясняется социально-экономическое значение таких древнерусских терминов как «село», «деревня», «погост», «слобода»; в другой работе — роль народных восстаний в общественной жизни Руси XI в.

* Послесловие к кн.: *Воронин Н.Н.* В защиту памятников культуры. Посмертная книга Н.Н. Воронина, посвященная проблемам охраны культуры (с приложением составленного И.В. Ковалевым обзора архивных материалов фонда ученого), была подготовлена в 1990 г. для издания Всероссийским обществом охраны памятников истории и культуры. Но в ВООПИК не сумели изыскать средств для выпуска книги в свет.

Особенно его привлекали проблемы архитектурно-археологического изучения древнерусских городов: Владимиро-Суздальской земли (в Боголюбво он открыл целый дворцовый комплекс), Гродно, Смоленска. Сопоставляя материал новейших археологических находок с ранее известными многообразными памятниками, он приходил к обобщениям и социологического характера, и в плане изобразительных искусств. При этом Н.Н. Воронин большое внимание уделял не только эстетической стороне, но и материально-производственной и социальной основе древнерусского зодчества. Много сил он вложил в написание и редактирование двухтомного коллективного труда «История культуры Древней Руси. Домонгольский период», за участие в котором был удостоен Государственной премии. Он участник и коллективных трудов — «История русской литературы» (где писал разделы об искусстве) и «История русского искусства».

С началом Великой Отечественной войны — ученый в рядах Народного ополчения Васильевского острова, острова Академии наук и Ленинградского университета. Когда ученого по состоянию здоровья отозвали из армии, он, потрясенный зверствами фашистов, сознательно разрушавших и памятники культуры, с особой страстной горечью и преданной любовью писал о древнерусских городах и их судьбе. Н.Н. Воронин разрабатывал проблему реконструкции городов, где до войны сохранялись старинная планировка и древние памятники. В вызвавшей большой общественный резонанс статье «О восстановлении древнерусских городов» («Исторический журнал», 1945, № 3) Н.Н. Воронин едва ли не первым с такой смелой правдивостью написал о «грубых ошибках», совершенных при реконструкции Москвы в конце 1920—1930-х годов, когда были уничтожены замечательные памятники истории и искусства.

Блистательно написанную книгу «Древнерусские города» сам автор определил как собрание 12 «портретов» городов русского средневековья. Другую книгу, вышедшую в том же 1945 г., он посвятил городам Владимиро-Суздальской земли. В этих небольших книгах воплощены новаторские идеи, изложенные в очерке 1944 г. «Главнейшие этапы русского зодчества X—XV вв.», но написаны книги в расчете на самого широкого читателя. Н.Н. Воронин был убежден в необходимости именно такой литературы в год победоносного окончания Великой Отечественной войны и прежде всего воинам, возвратившимся к мирному труду.

Н.Н. Воронин подготовил и первое в нашей научной литературе монографическое исследование государственно-политической истории Владимиро-Суздальской Руси. Владимиро-Суздальское княжество было в XII — начале XIII вв. крупнейшим европейским государством. Развитие государственности там непосредственно предшествовало развитию централизованного государства в России (процесс этот был прерван опустошительным нашествием кочевников во второй четверти XIII в.), а культурное наследие Владимиро-Суздальской Руси — славная страница в истории мировой культуры. Тесно взаимосвязывая явления государственно-политической истории и истории общественного сознания и культуры, Н.Н. Воронин написал замечательную по тем временам монографию «Андрей Боголюбский». Это было первой серьезной попыткой обобщить сведения об этом едва ли не самом значительном государственном деятеле Руси XII в., который в гораздо большей мере чем его отец, Юрий Долго-

рукий, был действительным основателем Москвы и других городов в отдаленном от Киева Залесье в 1140—1150-е годы. Написанная в научно-популярной форме книга эта становилась доступной и интересной и самому широкому читателю. Однако работа, набранная уже в виде книги в издательстве Академии наук и одобренная академиком Б.Д. Грековым, не вышла в свет. 19 сентября 1953 г. мне прислали на отзыв труд Н.Н. Воронина на официальном бланке Редакционно-издательского совета (РИСО), где написали: «Работа была доведена до верстки и рассыпана после получения прилагаемого отзыва тов. Пашуто». Этот отзыв В.Т. Пашуто перевесил и мой, и другие положительные отзывы (находящиеся ныне в личном фонде Н.Н. Воронина) *. Судьба книги, в создание которой он вложил столько души, болезненно отразилась на здоровье Николая Николаевича. С тех пор нервное истощение возвращалось к нему все настойчивее.

Снова обобщить наблюдения о прошлом Владимиро-Суздальской Руси Н.Н. Воронину удалось далеко не сразу и лишь в части, относящейся к истории архитектуры, но двухтомный со многими иллюстрациями фундаментальный труд «Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XIII вв.» (1961—1962), удостоенной Ленинской премии, стал триумфом ученого. Выдающийся знаток древнерусского искусства преданный почитатель творчества Н.Н. Воронина, Г.К. Вагнер назвал это исследование «философией русской истории того важнейшего 400-летнего периода, в течение которого формировались основы русской национальной культуры»¹.

Н.Н. Воронин глубоко изучив историю и культуру Древней Руси (и на Юге — Киевской и Новгородской) убедительно показал, что культура — и прежде всего архитектура Владимиро-Суздальской Земли (наиболее сохранившаяся — хотя тоже далеко не полностью — часть великого культурного наследия той эпохи) наследница этой замечательной культуры XI — первой половины XII вв. А сама «владимиро-суздальская архитектура и вся художественная культура Северо-Восточной Руси — по определению Г.К. Вагнера — впервые в развернутом виде предстали в качестве основы культуры Московской Руси»². Так первоначальные общеисторические представления летописцев (составителями Лицевого летописного свода времени царя Ивана IV, запечатленные и в миниатюрах), воспринятые начиная с В.Н. Татищева российской историографией XVIII — начала XIX вв., основывавшейся преимущественно на памятниках письменности, нашли подтверждение и в памятниках архитектуры и живописи.

С такой же увлеченностью и так же поражая читателей разносторонностью своей эрудиции, Н.Н. Воронин много лет, а особенно в последние десятилетия жизни исследовал памятники письменности и живописи — Слово о полку Игореве и «Слово» Даниила Заточника, Поучение Владимира Мономаха, жития святых, памятники русско-византийских

* Хотя сейчас этот труд во многом устарел и содержание его в определенной мере поглощено статьями последующих лет самого Н.Н. Воронина, стоит все-таки поставить вопрос об издании книги в том виде, в каком автор ее подготовил тогда к печати. И сопроводить это издание научными комментариями. Ведь издаем же мы снова труды других историков-современников Н.Н. Воронина тем более, что это не только ценный памятник исторической мысли тех лет, но и выдающийся образец исторической прозы.

отношений. Он воссоздавал творческий образ Андрея Рублева, а в украшенном миниатюрами Житии преподобного Сергия увидел источник для суждений о неутомимой строительной деятельности Ермолиных. Академик Л.В. Черепнин в статье, написанной к 70-летию ученого, проникновенно заметил: «Когда читаешь одну за другой работы Воронина, посвященные литературным памятникам и сюжетам XII—XV вв., то перед глазами невольно вырисовываются контуры книги, которая органически продолжила бы «Зодчество Северо-Восточной Руси» и, может быть, стала бы третьим томом этого капитального труда. Какое получилось бы чудесное полотно, и памятники зодчества от соседства с литературными произведениями засветились бы еще более ярким светом»³. И не думал ли об этом и сам Н.Н. Воронин, начиная именно такими словами статью 1967 г. «Древняя Русь: история и искусство»: «Тема о связях древней истории русского народа и истории его искусства, конечно, не может быть исчерпана в рамках журнальной статьи. Это тема большой и интересной книги, которая, несомненно, когда-нибудь будет написана»⁴.

Н.Н. Воронин почитал своим долгом в соответствии с лучшими демократическими традициями отечественной науки отдавать силы и популяризации научных знаний, воспитанию любви не только к памятникам культуры, но и к самому процессу ознакомления с этими памятниками, с историей их создания и жизни на протяжении длительного времени. Большое значение он придавал и передаче внешнего облика старинных памятников искусства и истории. Будучи незаурядным фотографом, он запечатлел образ их в разное время года, наглядно показывая неотторжимость здания от окружающей его природной среды. (И у меня дома, у стола, где работаю, уже несколько десятилетий перед глазами большая черно-белая фотография дивного храма Покрова на Нарели в окружении тогда еще существовавших деревьев. Эту им самим сделанную фотографию подарил мне Николай Николаевич. Она и память о душевном человеке, так же как и подаренные после его кончины Екатериной Ивановной Горюновой книги 5-го (середины 1840-х годов) издания «Истории Государства Российского» Н.М. Карамзина, по которому, уже под наблюдением Д.С. Лихачева и моим, впервые после более чем семидесятилетнего перерыва, — издательством «Книга» в 1987—1988 гг. был воспроизведен репринтным способом монументальный труд нашего великого писателя и историка.

К людям, которые ему симпатичны, которым он доверял, Н.Н. Воронин относился с особой сердечностью, с внимательной заботой, а, если это ученые, то и с требовательным ожиданием ощутимых результатов их творческой работы. Схожим, и потому, возможно, совершенно несовместимым даже с малой долей равнодушия, было и его отношение к памятникам культуры. Он считал себя лично ответственным за их сохранность и судьбу, за их использование, и прежде всего в воспитании историей, в воспитании патриотизма.

Н.Н. Воронин особое внимание уделял той сфере науки и культуры, которую называл краеведением. В его представлении это — широкое понятие, включающее и научные исследования и знание о каком-либо регионе (иногда очень значительном и по территории и по вкладу его в развитие мировой культуры) и охрана памятников истории и культуры, и распространение этих представлений. Характерна для него подпись на первой книге двухтомного труда «Зодчество Северо-Восточной Руси»: «До-

рогому Сигурду Оттовичу на добрую память о старом краеведе XI.73. Н. Воронин». Обширная монография, воспринимаемая ныне как классический труд по истории архитектуры в тесной взаимосвязи с историей культуры, представлялась ему и как результат краеведческой деятельности автора. В надписи нет уничижения данной темы рядом с другими — более широкой проблематики. Именно так широко было понимание Н.Н. Ворониным краеведения, так уважительно его отношение к научной проблематике краеведения и к научным трудам краеведов. (Ссылки на такие работы постоянны в исследованиях Н.Н. Воронина).

И потому Н.Н. Воронину была особенно дорога небольшая книга «Владимир. Боголюбovo. Суздаль. Юрьев-Польской. Книга-спутник по древним городам Владимирской земли», не раз издававшаяся в нашей стране и переведенная на иностранные языки. В предисловии Н.Н. Воронин писал: «...Мне хотелось бы, чтобы эта книга читалась не в тиши комнаты, положенная в узкий круг света настольной лампы, а под открытым небом, в непосредственном общении с памятниками, у их стен, под их сводами. Мне хотелось бы, чтобы она породила волнение и желание увидеть не только эти — владимирские, — но и другие древние города великой Русской земли. Поэтому я назвал эту книгу спутником».

Убежденность в необходимости изучения Древней Руси хорошо выражена в слове Н.Н. Воронина у гроба Михаила Николаевича Тихомирова (произнесенном 6 сентября 1965 г.). Он говорил, что М.Н. Тихомиров умел «побеждать не чинами и званиями, а непреклонной волей ученого, верой в свою правоту, высоким сознанием того, что Русь стала не вчера, что наше сегодня стоит на фундаменте веков, что изучение многовекового прошлого русского народа не прихоть книжного червя, а патриотический долг русского ученого-гражданина. Изучение истории древней Руси и ее культуры вовсе не «уход в прошлое», а воскрешение этого прошлого, его возврат сегодняшнему дню и коммунистическому завтра. Народ без прошлого — не народ, страна без прошлого — не родина. И нельзя снова не вспомнить 1941 год, когда мир содрогнулся, услышав слова приказа по Восточному фронту гитлеровского фельдмаршала фон Рейхенау, что «никакие исторические или художественные ценности на Востоке (читай в СССР!) не имеют значения». Уничтожив прошлое и памятники культуры народов, легче их поработить. Это прекрасно понимали фашистские главари. Этого нельзя забывать и нам...»⁵.

Н.Н. Воронин с особым чувством ответственности писал небольшую обращенную ко всему народу книжку «Любите и сохраняйте памятники древнерусского искусства», вышедшую немалым по тому времени тиражом — в 25000 экземпляров с иллюстрациями! С волнением ожидал отклика на нее. И, пожалуй, самым значительным и донныне впечатляющим был отклик-статья академика Д.С. Лихачева (тогда еще члена-корреспондента АН СССР), открывающая третий номер журнала «История СССР» за 1961 год. Статья, содержащая целую программу охраны старинных памятников — и искусства и письменности, была названа «Памятники культуры — всенародное достояние».

Первый абзац ее такой: «Где бы ты ни жил, читатель, в больших или малых городах или в сельских районах Советской России, если ты любишь свою Родину, свой народ и гордишься его славной многовековой историей, — ты не можешь не любить вошедших в наши дни из глубины веков

памятников культуры прошлого. Этими словами начинается небольшая книжка Н.Н. Воронина «Любите и сохраняйте памятники древнерусского искусства» (М., Искусство, 1960). Кратко, содержательно, просто, с большим увлечением и искренней любовью к русской истории рассказывает Н.Н. Воронин о том, чем ценны для нас памятники культуры прошлого, какую роль должны они играть в воспитании советского патриотизма, об их значении для современного градостроительства, для современного искусства, каково должно быть их место в культуре будущего. Памятники прошлого в наших советских городах — это обширный и неумолкающий лекторий, учащий патриотизму, способствующий эстетическому воспитанию, повествующий о великой роли народа в истории культуры. Забота о памятниках — это забота не только о прошлом, но главным образом, о будущем, о наших потомках, которым они, несомненно понадобятся. Десятки поколений сохраняли для нас эти памятники, и наш долг передать эту культурную эстафету будущим поколениям.

Призыв Н.Н. Воронина неотлогательно усилить внимание к охране памятников культуры прошлого должен быть всячески поддержан. Надо обсудить меры для поддержания памятников культуры и вопрос о месте исторических памятников в наших строящихся и перестраивающихся городах, в национальном облике нашей культуры»⁶.

Д.С. Лихачев и далее не раз приводит цитаты из книги Н.Н. Воронина, подкрепляя ими свои суждения: об ухудшении положения с охраной памятников, о неумении увидеть за церковным сооружением прошлых веков его национальной ценности, об особой ответственности современных градостроителей в сохранении памятников культуры. «Призыв Н.Н. Воронина как нельзя более своевременен, — пишет Д.С. Лихачев. — Градостроителям надо прежде всего понять, что сохранение памятников культуры прошлого — дело не их личных вкусов и взглядов, а дело общенародное. Памятники культуры принадлежат народу и не одному только нашему поколению. Мы несем за них ответственность перед нашими потомками. С нас будет большой спрос и через сто и через двести лет»⁷.

Конечно, в книге, изданной тридцать лет назад, немало суждений, наборов цитат и фразеологизмов, не только характерных именно для той эпохи, но просто обязательных тогда для обеспечения возможности самого издания подобной тематики. Кое-что может показаться странным, даже наивным. Но не следует упускать из виду, что Н.Н. Воронин — один из первых, кто заговорил о дорогом и для него и для всего народа с такой убежденностью и верой в необходимость этого призыва. И потому об этой книжке полезно напомнить и современному читателю.

Положения эти в той или иной степени Н.Н. Воронин развивал и в последующих своих сочинениях и публичных выступлениях. Основные научные выводы о значении древнерусского искусства для познания истории страны изложен в упомянутой статье 1967 года.

Очень много дают для понимания об естественной роли деятельности Н.Н. Воронина материалы его личного архива, находящегося ныне в Государственном архиве Владимирской области. Уроженец города Владимира, Н.Н. Воронин был удостоен чести стать его Почетным гражданином. И хотя он скончался в Москве, прах его похоронен на почетном месте Владимирского кладбища.

В Архиве не только отклики на печатные труды Н.Н. Воронина — и коллег его по научной деятельности, и вовсе незнакомых людей, но и тексты его писем об охране памятников руководителями Коммунистической партии и Советского государства, в редакции газет и журналов его публичных выступлений.

Н.Н. Воронин выступил на учредительном съезде ВООПИК 9 июня 1966 г. Тогда эта страстная, смелая речь не была напечатана. Но крепко вошла в сознание слушателей; о ней вспоминали даже на пленуме Центрального совета ВООПИК в ноябре 1988 г.

Эти архивные материалы изучает старший научный сотрудник архива Илья Владимирович Ковалев. Его обзорного характера статья «Вопросы охраны памятников истории и культуры в эпистолярном наследии Н.Н. Воронина» напечатана в Археографическом ежегоднике за 1988 год (М., 1989)⁴.

Эти хранящиеся в архиве сочинения Н.Н. Воронина — памятник его времени, общественного сознания тех лет, показатель того, в каких условиях приходилось писать и действовать ученому-просветителю, страстному и убежденному защитнику и пропагандисту нашего культурного наследия. И можно только поражаться тому, как последовательно старался Н.Н. Воронин, смело обращаясь в самые высокие тогда инстанции, отстаивать свои взгляды, с какой неутомимостью и бесстрашием пытался он убедить в том, что необходимо принять практические меры (с достаточной четкостью и детальностью им продуманные и обоснованные) для защиты памятников нашей культуры и воспитания уважения к ним.

Теперь, когда мы ищем предтеч происходящей ныне перестройки общественного сознания, должно напомнить о тех мастерах и знатоках культуры, которые не боялись и в иные времена открыто действовать и высказывать вслух суждения, созвучные во многом нашему сегодня.

¹ Вагнер Г.К. Николай Николаевич Воронин // Культура древней Руси. М., 1966, с. 11.

² Вагнер Г.К. Николай Николаевич Воронин // Средневековая Русь, М., 1976, с. 5.

³ Черепнин Л.В. К семидесятилетию Николая Николаевича Воронина // АЕ за 1974 год. М., 1975. С. 223. Перепечатано в кн.: Черепнин Л.В. Отечественные историки XVIII—XX вв. М., 1984.

⁴ ВИ 1967, № 2. С. 45.

⁵ Воронин Н.Н. Слова в память Михаила Николаевича Тихомирова // АЕ за 1988 год. М., 1989, с. 318.

⁶ ИСССР. 1961, № 3. С. 3.

⁷ Там же. С. 6.

⁸ См. также: Ковалев И.В. Материалы по музейному делу и краеведению в фонде Н.Н. Воронина // Мир источниковедения. М.; Пенза, 1994. С. 362—364.

К СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ К.Н. ТАРНОВСКОГО *

7 октября 1991 г. исполнилось 70 лет со дня рождения Константина Николаевича Тарновского. 8 июля 1987 г. он скоропостижно скончался. И хотя было летнее каникулярное время, похороны собрали очень многих — и умом понимали и сердцем чувствовали, как велика утрата. Потерю эту ощущаем по сей день.

Потому собирались и в Московском историко-архивном институте 27 мая 1988 г. и встретились опять на совместном заседании Археографической комиссии и Научного совета, возглавляемого П.В. Волобуевым, 15 октября 1991 г. не только в дань памяти. Но и чтобы, слушая и наблюдая друг друга, снова приникнуть к образу Константина Николаевича и к восприятию его, хоть на краткий миг возратить это очарование.

На моем веку пришлось расстаться со многими, кто в той или иной мере был спутником жизни. Более того, уже пришло понимание мудрой естественности слов Тютчева:

Душа моя — Элизиум теней,
Теней безмолвных, светлых и прекрасных.

(Только великий поэт-мыслитель осознал это тогда, когда был в два раза моложе.) Теперь уже ясно, что К.Н. не покинет моей души. Но именно К.Н. из ушедших от нас историков моего поколения более других врезался в память и людям значительно более молодым. И не потому только, что сделанное им все прочнее закрепляется в представлении о прогрессивном в ходе развития советской исторической мысли. А и от того, что у всех знавших К.Н., слышавших его выступления, глубокое впечатление оставила Личность его. Потому-то напечатанные посмертные статьи о К.Н. Тарновском, характеризующие его вклад в науку, отличаются необычная душевность интонации¹.

Размышления над проблемами историографии, о природе отношения научной и широкой общественности к тем или иным историографическим явлениям убеждают в том, что при воссоздании широкого и правдивого представления о ходе развития исторического сознания общества (и уже — собственно научной исторической мысли) нельзя ограничиваться отражением в изданиях и переизданиях. Зачастую не менее важно то, что оказывало и иным путем воздействие на ум и душевную настрой современников, определяя исторические построения — лекции, научные доклады и их обсуждения, занятия со студентами и аспирантами, беседы и споры. Е.А. Косминский обосновал значение такой источниковой базы историографии еще в своих лекциях 40-х годов: «Настроения, господствующие в исторических журналах, в исторических статьях эпохи, часто наиболее отчетливо выражаются отнюдь не в крупных произведениях того или иного большого писателя», а основные тенденции развития исторической науки «чаще приходится улавливать не столько в твор-

* В основе статьи выступление на заседании 15 октября 1991 г. Опубликовано в кн.: АЕ за 1991 год. М., 1994. С. 160—167.

честве крупных историков, сколько в общей атмосфере целых исторических течений, в периодической литературе, дискуссиях и т. п.»². Тем более что, как замечено давно, «ум наш натуры изустной, а не письменной» — слова П.А. Вяземского, напечатанные в пушкинском «Современнике». Напомним о форме деятельности первых читателей этого журнала Т.Н. Грановского и Н.В. Станкевича и о кружке Герцена, о переписке Н.П. Павлова-Сильванского с А.Е. Пресняковым и Г.В. Чичериным³, знаменитом семинаре А.С. Лаппо-Данилевского в предреволюционные годы и воспоминаниях уже наших современников о выступлениях Б.А. Романова, Е.А. Косминского, С.Д. Сказкина, Н.Л. Рубинштейна и других, об утверждении в воспоминаниях Б.А. Рыбакова: «В 1920 — начале 1930-х годов историческая среда кипела и бурлила. Опубликованные материалы едва ли отражают и двадцатую долю того, что происходило тогда на историческом фронте»⁴.

Так и опубликованное К.Н. Тарновским, и даже труды его, изданные посмертно, далеко не полностью отражают свершенное им и не дают истинного понятия о месте, которое он занимал в среде историков. И потому, не будучи специалистом в сфере основной проблематики исследований К.Н. Тарновского, попытаюсь передать сложившееся впечатление именно об этом.

К.Н. Тарновский был на редкость цельной натурой. Ученый и человек в нем не отделимы один от другого. Как и мир науки и каждодневности. Он был ученым-исследователем и организатором науки, пропагандистом знаний, педагогом по призванию. И в общественной его деятельности, даже в быту сразу же ощущался подход исследователя, обнаруживались пути наблюдения и выводы ученого. А в сферу своих научных размышлений К.Н. вбирал и далекое, вовсе не связанное с проблематикой его исследований. Его ассоциативное поле необычной широты и вместимости. А так как К.Н. был чужд равнодушию и, начав что-то делать, писать, говорить, непременно заинтересовывался, выявлял для себя (а следовательно, чаще всего и для других) нечто новое, то, возбуждая мысль, вызывал у окружающих новый прилив творческой энергии.

Чужды были ему и рисовка, сочинение какой-либо позы. Он не избирал для себя роль лидера, еще менее боролся за лидерство, а становился лидером как бы произвольно — и не только на трибуне и вузовской кафедре, но и в беседе, в домашнем кругу. Этому способствовало и его серьезное отношение ко всему, что он делал, недопустимость для себя штампованного пустословия, прикрывающего обычно безответственность и уклончивость мысли. К.Н. уважительно, а чаще всего и заинтересованно воспринимал собеседника, участника прений, и люди к К.Н. тянулись (а во время заседаний именно к нему и обращались), уверенные именно в его ответной реакции. И мотивированное несогласие его было более дорогим и важным, чем у других безучастное поддакивание поддержки. Сразу чувствовались и открытость (отсутствие двойного дна) и незаурядность Личности, высота ее духа. Тем более что и во внешности К.Н. — особенно когда не по годам рано поседел, сохранив при этом шевелюру, — было что-то от генерала Ермолова, а Ермолов, как известно, и в отдалении от внешне видимых, значительных дел казался львом.

К.Н. был богат мыслями, щедро делился ими. Отнюдь не цеплялся за авторство. И теперь уже нелегко установить: каким из соображений,

впервые сформулированных или хотя бы высказанных в порядке постановки вопроса по проблематике истории России периода империализма или историографической, — дал жизнь именно К.Н. Многие затем развивалось другими (и сам он немало воспринимал от других), и подчас забывалось о первородстве именно Тарновского. Он был человеком не монолога, а диалога, даже в докладах и лекциях.

Ученики мои слышали не раз, еще при жизни К.Н., а затем это довелось сказать в час прощания с ним, что именно К.Н. Тарновский всегда представлял мне наиболее значительным ученым моего университетского поколения в области отечественной истории (как В.В. Дорошенко или А.П. Каждан в области всеобщей истории). Почему именно К.Н. Тарновский?

Да потому, что ни у кого другого не было столь органического сочетания склонности и способности к глобальному мышлению, социологическим и культурологическим построениям и обобщениям (а этот дар уже сам по себе редчайший) со склонностью и способностью к скрупулезной источниковедческой работе, к выработке и проверке и самих приемов исторического исследования. Он был и мыслителем и ремесленником, как сказал Белинский о Карамзине, сравнивая его с Фиоравенти, одновременно зодчим и каменщиком. А так как К.Н. не только был человеком науки, точнее сказать, ученых интересов, а любил и понимал искусство и художественную литературу, то и историю видел отнюдь не схематично, а образно и конкретно.

Поражала и в то же время казалась естественной для него тематическая широта охвата явлений прошлого. Выделяясь еще в годы учения в университете глубинным интересом к проблемам истории российского капитализма, он стал известен и статьей об особенностях развития производительных сил у восточных славян в дофеодальный период. А уже в 60-е годы сумел написать обобщающую работу, в которой сравнительно рассматривались пути исторического развития России и Индии в новое время.

Перед умственным взором К.Н. всегда было не только историческое явление, но и пути его познания — сама методика исследования привлекала его не менее, чем обоснование формулировки конечных результатов. Потому-то в трудах К.Н. органичен элемент историографии (не как свидетельство знания имен предшественников и посему как бы обязательный поминальник-фриз на колонне собственного построения, а как путь освоения мысли об исследуемом). При этом К.Н. полагал недопустимым ограничиваться трудами собственно историков, он обращался и к работам экономистов, юристов, социологов, даже географов, разносторонне анализируя и сопоставляя все эти сочинения в своих собственно историографических трудах. К.Н. творчески воспринимал бывшее до него и, если находил там то, что сохраняет свою ценность, не стеснялся повторять это и, более того, всячески пропагандировал мысли таких авторов, подчас возвращая их имена науке.

Это позволило К.Н. в широком плане подходить и к специально историографическим сюжетам. Как мастер исследования, он ценил и почитал даже первостепенным историографическим фактом не только концепции, но и отношение к источниковой базе, методику ее освоения и пополнения. Источниковедение во всех его сферах казалось К.Н. не менее

значимым для историографии, чем конструирование концепций (оригинальных или противостоящих предшествующим). Он как бы проверял на себе и приемы исследовательского мастерства других. И археография для него была неотрывно связана с источниковедением — особенно это проявилось при подготовке (на рубеже 70—80-х годов) фундаментальной публикации «Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства» периода первой мировой войны.

И к ленинским сочинениям К.Н. подходил как источниковед, стараясь выявить извивы ленинской мысли, источники информации, способы и направленность интерпретации данных. Особенно показательна его работа последних лет о ленинских тетрадях по империализму, являющаяся образцом археографического и историко-архивоведческого труда⁵.

Воспитанный в лоне социокультурных идеалов марксизма и на примере энтузиастической деятельности людей круга его родителей, бескорыстно отдававших силы построению «новой жизни», К.Н. и после разоблачения злодеяний времени культа Сталина оставался верен воззрениям своей юности; «сталинизм» ему представлялся прежде всего искажением «ленинизма». Особенно близка его настроением была направленность редколлегии «Нового мира» Твардовского. И К.Н., ограниченный в познании ленинского наследия лишь тем, что сочли допустимым опубликовать, старался в сочинениях Ленина выявить подходы к пониманию истории России XX столетия и путей ее изучения — более широкие и научно-перспективные, чем предписывались в идеологической цитадели партократии, и донести до других правдивые представления об истории становления коммунистической партии, борьбы в ее рядах, о романтиках коммунистической идеи и социалистического строительства.

Широта понятий, методическая основательность и четкость представлений о ремесле историка, заинтересованное отношение к мыслям предшественников и оппонентов привлекали к К.Н. ученых старших поколений не менее, чем его личное обаяние, коммуникабельность и осязательное самоуважение (напомним, что именно самоуважение особенно дорого ценил в себе Карамзин). Характерно, что Н.М. Дружинин, который для многих на протяжении десятилетий был примером уважительного отношения к работам других и в то же время образцового обоснования и оформления своих трудов, именно его выбрал себе в помощники при подготовке книги «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР», ставшей вехой в развитии нашей историографической мысли.

У Н.М. Дружинина К.Н. учился и методике научно-редакционной работы, переняв манеру академика не писать за автора, а советовать ему, обосновывая свои замечания и пожелания (в том числе и в стилистике сочинения). К.Н. вообще никогда, даже сам став Учителем, не переставал быть и Учеником, творчески воспринимая новое даже у младших по возрасту, не говоря уже о старших. К.Н. Тарновскому по-человечески очень симпатизировал М.Н. Тихомиров, любивший беседовать с ним и дома (они жили оба в высотном здании на Котельнической набережной); и К.Н. Тарновский вспоминал об этом на Тихомировских чтениях 1983 г. Общением с К.Н. дорожили С.Д. Сказкин, А.В. Арциховский. А Б.А. Рыбаков часто — и на заседаниях в Отделении истории и беседа — говорил о К.Н. как об особо даровитом и образованном историке, отстаивал необ-

ходимость включения его в состав ученых советов и редколлегий. Ученые эти при различии их подходов к людям, манеры поведения, даже стиля мышления видели в нем исследователя большого масштаба и привлекательного человека. Сознательно ограничиваюсь именами знаменитых «стариков», проблематика трудов которых не связана непосредственно с основной тематикой исследований К.Н.

А уже теми, кто был занят разработкой проблем истории империализма в России, К.Н. воспринимался как авторитетнейший знаток материала и ученый-новатор (особенно петербургскими учеными). К его слову прислушивались, его мнением особо дорожили и, напротив, суждений его особо опасались: ему завидовали. По существу, именно К.Н. был главным выразителем того научного направления, которое связываем с именем А.Л. Сидорова, основным генератором идей среди учеников Сидорова. Не случайно ему было доверено фактическое руководство подготовкой VI т. многотомной «Истории СССР», он и официально был заместителем главного редактора тома и председателя соответствующего Научного совета. А.Л. Сидоров и супруга его Г.В. Лебедева и лично с большой приязнью и заботой относились к К.Н., который сначала жил и работал у них на даче в Кратово. Затем я помог ему снять дачу близ своей, на следующей станции “42-й километр”, где К.Н. и проводил по несколько месяцев в последние 17 лет своей жизни. Там-то особенно часто мы виделись и беседовали.

На даче и во время прогулок возвращались и ко времени работы К.Н. над статьей памяти А.Л. Сидорова. Тем более что незадолго до того вниманию К.Н. привлекла моя статья «Памяти учителя» о М.Н. Тихомирове, и мы могли рассуждать об основах, особенностях и источниковой базе биографического жанра в историографии. Статья о А.Л. Сидорове (напечатанная в 1967 г.) очень показательна для умонастроений К.Н., понимания им критериев оценки творимого ученым, образа жизни и деятельности ученого и, конечно же, сделанного Сидоровым и его учениками в исследовании России периода империализма. Думается, что в постановке автором вопроса: каким должен быть «крупный ученый», «основатель и руководитель четко выраженного научного направления» и «глава коллектива исследователей, связанных не столько производственной дисциплиной, сколько общностью проблематики, общими ведущими идеями и положениями», вырисовываются требования, которые К.Н. желал бы предъявить и к самому себе.

Такой ученый должен лично участвовать в исследовательской работе, обладать методологической зрелостью, иметь «особую склонность и вкус к разработке теоретических проблем науки». Ему «должна быть свойственна не только широта научного кругозора», «но и обостренное чувство нового, отчетливое понимание перспектив развития науки. Без этого нельзя систематически питать новыми идеями творческий коллектив, нельзя корректировать ведущуюся им работу. Необходимы, наконец, и такие особенности характера, которые привлекают к себе людей, вызывают желание общаться и совместно работать»⁶.

Думается, что эта статья, впервые, пожалуй, с такой четкостью подчеркивающая сформирование «определенного научного направления» и то, что «новая точка зрения утвердилась в качестве особого направления в исследовании аграрной эволюции России периода империализма»⁷,

сыграла будирующую роль в деятельности работников ЦК КПСС, закрепив в их сознании представление об опасности самого термина «новое направление» при обязательности насильственно насаждаемого единомыслия в исторической науке (впрочем, как и в других общественных науках).

Полагаю, однако, что неверно было бы видеть причины событий того времени лишь в противостоянии работников ЦК и последователей взглядов Сидорова и его учеников и вообще в противостоянии научном и идеологическом воззрений на ход истории России в XX в. Не меньшее значение имели обстоятельство борьбы за власть в верхнем эшелоне партийной науки — С.П. Трапезникова и его приближенных, с одной стороны, и П.В. Волобуева и поддерживавших его групп или лиц — с другой. Не обошлось и без антисемитской подоплеки — ведь у названных в соответствующих документах сторонников «нового направления» нерусские фамилии. Таковой считали первоначально и украинскую фамилию Тарновского.

События на историческом фронте 1971 г. сыграли зловещую роль в судьбе К.Н. Тарновского. Его не утвердили в ученой степени доктора исторических наук после блестяще защищенной диссертации, старались отодвинуть от передового края академической науки, отлучить от общения с научной общественностью и студенчеством. И тут фронтовик Тарновский проявил особое мужество и обнаружил большую мудрость. Он и не поступил своими научными взглядами, своей совестью; более того, составил по тем временам очень дерзкий и детальный ответ на отзыв ответственного работника ЦК КПСС на его диссертацию, показав не только научную несостоятельность, но и недобросовестность отзыва. И не злобясь, даже нарочито избегая разговоров на такую тему, наблюдал, как при жизни автора, не называя имени (или даже понося это имя), растаскивают по частицам содержащееся в его непубликуемых трудах, присваивая себе его теоретические положения и конкретные наблюдения. Разочаровавшись в иных искавших ранее его близости, К.Н. отнюдь не утратил доверия к людям и умел с радостью первооткрытия находить в них доброе начало, своеобразие мысли и поведения. К.Н. был, пожалуй, слишком доверчив и открыт. Он не допускал для себя в душе тяжелой ноши подозрительности. Но был всегда решительным и даже жестким в противостоянии тому, что признавал злом. Душевное здоровье исходило от него даже в дни сильного физического недомогания (а его переносить К.Н., в молодые годы отличавшемуся завидной крепостью здоровья, было, видимо, совсем нелегко).

Некоторые характеризуют К.Н. как «шестидесятника». Это и правильно, и не совсем точно. Он, конечно, среди тех, кто первым после XX съезда КПСС стремился действительно внести изменения в наше общественное сознание, в ход развития нашей исторической науки. Но не следует забывать, что к тому времени он был уже не молод, имел за плечами опыт войны, рано пришедшее научное признание. И особенно существенно то, что К.Н. был одним из немногих старших, кого молодежь признала своим. В этом плане приходит на память образ Твардовского. Тем более что К.Н. его особо почитал, многие его стихи знал наизусть и часто цитировал. И если Твардовский, общественный деятель, во всем оставался прежде всего писателем и в общественном служении видел долг

литературы, то и Тарновский более всего ценил общественное призвание науки истории и право свободного научного творчества историка. Служба близ партократических вершин и общение с лицами, там подвизавшимися, не казались К.Н. заманчивыми. У него было откровенное неприятие того, что делали Суслов и его окружение. Он дорожил самостоятельностью суждений и очень тяготился, если приходилось выражать свои мысли в плане какой-то навязанной схемы, тем более принуждать других приспособляться к очередным «установкам».

А отторгнуть К.Н. от науки было уж вовсе не мыслимо. Вряд ли кто другой сумел бы после написания диссертационного исследования «Проблемы социально-экономической истории империалистической России на современном этапе советской исторической науки» (автореферат напечатан в 1970 г.)⁸ перейти к новой проблематике и написать новую докторскую диссертацию, но уже на другую тему — о газете «Искра» и ее роли в развитии революционной мысли и организации революционного движения. И начать другие — уже не диссертационного плана — исследование новой тематики (монографию о мелкой промышленности в России рубежа XIX и XX вв. он успел подготовить к печати). Архив излечивал его даже после инфарктов, излечивало присущее ему чувство радости творчества.

Ясно было, что и широкую аудиторию нельзя было лишать Тарновского, и его самого лишать этого дорогого для него общения. Удалось приобрести К.Н. к учебным телепередачам по истории для IX класса. И когда работники телевидения убедились, как это хорошо получается, ему доверили вести весь цикл таких телепередач, хотя в Отделе науки ЦК КПСС и пытались тому воспрепятствовать. Удалось организовать и выступление в «Комсомольской правде» со статьей — это затем привело к созданию научно-популярной книжки об «Искре», а позднее и новой докторской диссертации.

К.Н. — природный пропагандист знаний, педагог-просветитель, воспитанный еще дома в таких традициях. Его талант педагога рано проявился на историческом факультете МГУ. И было обидно за нашу молодежь и тянущуюся к историческому знанию широкую публику, когда К.Н. оказался отодвинутым от преподавания, публичных выступлений. Н.П. Красавченко, назначенный новым ректором МГИАИ, очень правильно и благородно поступил, когда сразу же предложил К.Н., не имевшему еще тогда профессорского звания, преподавать там.

К.Н. — отличный лектор и вдумчивый, щепетильно внимательный к студентам и в то же время настойчиво требовательный руководитель семинарских занятий. В лекциях его отличали сочетание логической четкости и ясности, последовательности изложения с образностью, особая манера размышления на виду у слушателей, введение в лабораторию своей мысли. И это самое важное — факты, даты обычно забываются, а методы подачи материала, ощущение первичного восприятия остаются надолго. К.Н. всегда рассчитывал на творческое соучастие, а не на запоминание. И занятия его становились школой воспитания исторического мышления.

Не раз доводилось быть свидетелем его выступлений на заседаниях студенческого научного кружка источниковедения в МГИАИ, где его особо почитали и любили. И чувствовалось, что такие встречи давали много

не только кружковцам, но и самому К.Н. — он как бы проверял свои построения. То же наблюдалось во время бесед с кружковцами, приезжавшими на дачу. Ему было интересно выяснять, как молодые — даже лишь начинающие приобщаться к науке — думают, воспринимают то, что его волнует, какой отклик это находит в их среде, в какую сторону направляет их мысль. Но К.Н. заинтересованно говорил и о темах их работ, подчас далеких от того, чем он тогда занимался и о чем выступал с докладом. Охотно читал студенческие сочинения молодых людей, рекомендовал их к печати, помогал устраиваться на работу.

К.Н. был гостеприимным, радушным и в духовном общении, и в быту. И здесь тоже одно не отделимо от другого. И в московской квартире и на даче Мара Платоновна и К.Н. всегда умели угостить (причем тем, что было под рукой), и как разгорались шишки в самоваре, так же расширялся круг тем разговора. И даже в навязанной вами теме К.Н. вас же обогащал, одаривал мыслями, неожиданными соображениями и образными сравнениями. И отнюдь не только в сфере науки и бытия историков (что его, конечно, тоже волновало), но и во многом другом: искусстве и литературе (К.Н. — автор книги о композиторе Н.В. Богословском, его соседе по дому и нередком участнике его застолий, автор работ о драмах А. Блока, и даже в воспоминаниях о войне он скромно остановился на эпизоде, связанном с музыкой и песней)⁹, политике, жизни. Это был широкоохватный человек. Таким К.Н. знали имевшие радость общения с ним.

И как недостает именно К.Н. Тарновского теперь, когда задумываемся над путями, пройденными нашим обществом и нашей наукой, о ее дальнейшем движении. К.Н. казалась особо значительной мысль А.Л. Сидорова, подчеркивавшего, что «для того, чтобы не ошибаться в итоговых выводах, нужно очень хорошо изучить конец процесса, т.е. момент наиболее полного развития и разрешения заключенных в нем противоречий. Тогда при исследовании ранних стадий процесса можно с большим основанием “разглядеть” основную линию развития, отделить главное от случайного или сопутствующего»¹⁰. Происходящий на наших глазах распад государства, которое характеризовали как социалистическое, и его идеологии, поведение некоторых людей, с легкостью отбросивших и клеймящих то, чему прежде поклонялись с нарочитой аффектацией, а зачастую и использовали не без корысти, побуждает по-новому подойти ко многому в шкале ценностей. Живой конструктивный ум К.Н. Тарновского — залог того, что он не стал бы придерживаться не выдержавшего испытание временем. Но как непросто было бы ему сейчас при глубоко присущем чувстве самоуважения менять что-либо в своих построениях об историческом пути России XX столетия!

Значение сотворенного ученым-историком определяется не только тем, в какой мере его выводы и наблюдения остаются незыблемыми с дальнейшим развитием науки и общества, но прежде всего тем, в какой степени он способствовал прогрессивному движению исторической мысли, поддерживал и возбуждал силы, за которыми оказалось будущее. А Константин Николаевич Тарновский был всегда впередсмотрящим. И думается, что к образу его — ученого и человека еще не раз обратится историческая мысль.

- ¹ Дубенцов Б.Б. Константин Николаевич Тарновский (1921—1987) // АЕ за 1987 год. М., 1988. С. 331—333. Емец В.А., Шелохаев В.В. Творческий путь К.Н. Тарновского // ИЗ. М., 1990. Т. 118. С. 202—221.
- ² Косминский Е.А. Историография средних веков. М., 1963. С. 10.
- ³ Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М., 1988. С. 544—573.
- ⁴ Рыбаков Б.А. Учитель многих // Исследования по истории и историографии феодализма: К 100-летию со дня рождения акад. Б.Д. Грекова. М., 1982. С. 115.
- ⁵ Тарновский К.Н. «Тетради по империализму» как часть личного научного архива В.И. Ленина: время создания, структура, принципы организации // АЕ за 1987 год. С. 3—15. Об обсуждении доклада К.Н. Тарновского 18 декабря 1986 г. см. там же (с. 317).
- ⁶ Тарновский К.Н. Путь ученого // ИЗ. 1967. Т. 80. С. 207—208.
- ⁷ Там же. С. 242.
- ⁸ Исследование это издано посмертно в 1990 г.: Тарновский К.Н. Социально-экономическая история России начала XX в.: Советская историография середины 50—60-х годов / Отв. ред. П.В. Волобуев. М., 1990.
- ⁹ Тарновский К.Н. Неизвестные песни о Сталинградской битве / В годы войны: Статьи и очерки. М., 1985. С. 93—97.
- ¹⁰ ИЗ. Т. 80. С. 215.

К ИЗДАНИЮ СБОРНИКА ТРУДОВ БАН ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА *

19-й выпуск серии научных трудов «Книга в России»¹, ежегодно издаваемых научно-исследовательским отделом истории книги БАН, состоит из материалов по проблематике источниковедения и историографии книги в России XVIII—начала XIX в., архивоведения и прежде всего о жизни и научно-исследовательской и научно-организационной деятельности великого князя Николая Михайловича. Это, как сформулировано в Предисловии, «запоздавая дань памяти выдающемуся ученому» (с. 5). В основу статей сборника положены доклады начала 1990 г. на первом заседании научно-теоретического семинара «Из истории отечественной книжной культуры». Заседание приурочили ко дню годовщины гибели историка, расстрелянного 30 января 1919 г.

Николай Михайлович Романов — автор первостепенного значения исследовательских трудов по политической истории России первой четверти XIX в., широкомасштабный и энергичный организатор и руководитель научно-просветительских начинаний, целенаправленный и высококультурный коллекционер и издатель. С 1892 г. он руководил Русским географическим обществом (т.е. тогда, когда под началом вице-председателя общества П.П. Семенова-Тян-Шанского готовились книги многотомного издания «Россия. Полное географическое описание нашего отечества» и общество играло заметную роль в организации и проведении всеобщей переписи 1897 г.), с 1910 г. — Историческим обществом, возглавил работу по подготовке Русского биографического словаря, печатного воспроизведения «Военной галереи 1812 года» Зимнего дворца, многотомных сводного русского некрополя и иконографического свода «Русские портреты XVIII и XIX столетий», а еще ранее (совместно с С.П. Дягилевым) и

* Опубликовано в: АЕ за 1992 год. М., 1994. С. 267—278.

выставки таких портретов. В 1915 г. совет профессоров Московского университета присудил ему ученую степень доктора русской истории *honoris causa*. Следует подчеркнуть (тем более, что в книге об этом не написано), что Николай Михайлович был и одним из немногих русских, удостоенных избрания в иностранные члены Французского института: в 1913 г. он стал членом Академии нравственных и политических наук (*Académie des sciences morales et politiques*).

После великой княгини Елены Павловны (жены Михаила Павловича, младшего брата императоров первой половины XIX в.) среди особ императорского дома не было никого со столь четко выраженной программой культуроформирующей меценатской деятельности, тем более научно-исторической направленности. И понятно, что именно это восхищало его в деятельности несамостоятельного, по его мнению, в своих дипломатических усилиях канцлера Александра I графа Н.П. Румянцева. В краткой характеристике Румянцева Николай Михайлович отмечал: «Круг его интересов был очень широк, и имя мецената русской науки сохранится за ним навсегда...» Целью своей жизни он ставил «приготовить для будущего точного сочинения российской истории все нужные элементы»².

Из внуков Николая I более других сделали для развития науки и культуры великие князья Константин Константинович (1858—1915), поэт, известный под псевдонимом К.Р., с 1889 г. президент Академии наук, и Николай Михайлович (1859—1919). Для обоих немало значило общение с людьми науки, литературы, искусства: возможно, для Николая Михайловича предпочтительнее обязательств, предписанных ритуалом обихода августейших семейств. Для обоих, как, впрочем, и для Николая II, были близкими сфера эпистолярной культуры (дневниковые записи, постоянная переписка) и понимание ее памятников как исторических документальных источников: писали не только для себя, по вышколенной привычке, но и с оглядкой на любознательных, критически мыслящих потомков-историков.

Опубликованные еще в конце 1920 — начале 1930-х годов фрагменты дневников обоих великих князей свидетельствуют, однако, о некоторых различиях во взглядах, да и, видимо, в общественных масштабах личности. Оба великих князья были отнюдь не безучастны к событиям современной политической жизни, но если К.Р. был в значительной мере сосредоточен на интересах двора и мыслил в русле общественных воззрений Николая II, то Николай Михайлович рано обнаружил самостоятельность и оппозиционность суждений, хотя и оставался убежденным монархистом и участником придворных интриг (это отмечают в своих мемуарах даже во многом не согласные в своих суждениях С.Ю. Витте и А.А. Мосолов). Великий князь долго верил в то, что многое зависит от личности монарха и его способности привлекать к управлению людей, могущих «вливать живую струю» в развитие жизни. В сознании его как бы совмещались монархически-национальные идеалы Александра III и восходящие ко временам еще Наполеона I политические представления, характерные для Франции периода Третьей республики, что обнаруживается и в его исторических сочинениях. Постепенно он все более утверждался в мысли о пагубной для России слабости Николая II, способного лишь к «благости намерений», и становился в непримиримую оппозицию к Александре Федоровне и ее дворцовой клике, чему свидетельства — ранее опубликован-

ные письма Л.Н. Толстому (Литературное наследство. Т. 37/38) и «Записки», напечатанные в журнале «Красный архив» (Т. 47/48, 49).

Рецензируемое издание существенно облегчает дальнейшее ознакомление с творческим наследием и биографией «августейшего историка», интерес к которым становится все заметнее в последние годы³, и тем самым определяет значения содеянного им для науки и просвещения. Расширяет это и возможности познания событий и общественно-политических настроений в последние десятилетия царствования династии Романовых. Из Предисловия (с. 5—7) узнаем об основных вехах многообразной деятельности Николая Михайловича и о том, что история книги и издательская деятельность всегда были предметом его интересов. Жаль только, что авторы не сумели избежать неуместного в таком серьезном издании налета политизированной публицистики (при характеристике сделанного В.И. Лениным). Далее помещены статьи А.Н. Цамутали «Великий князь Николай Михайлович как историк» (с. 8—17), С.Н. Искюля «Труды великого князя Николая Михайловича по внешнеполитической истории России (издания и неосуществленные замыслы)» (с. 18—30), М.П. Лепехина «Великий князь Николай Михайлович и издание "Русского биографического словаря"» (с. 31—40), О.С. Острой «Иконографическое издание великого князя Николая Михайловича „Русские портреты XVIII и XIX столетий“» (с. 41—46), М.М. Сафонова «Великий князь Николай Михайлович — публикатор письма Бенигсена о смерти Павла I» (с. 47—55). В статьях этих, опирающихся на архивный материал и сопровождаемых солидным научным аппаратом, охарактеризованы важные области деятельности Н.М. Романова как историка. Статьи о «Русском биографическом словаре» и «Русских портретах» имеют и самостоятельное значение, являясь по существу первыми обобщениями данных об истории создания и составе этих сохраняющих и поныне большую ценность изданий. «Русский биографический словарь», к радости нашей, переиздается. В недавнее время исследователи напомнили и о непреходящем научном значении фундаментального издания о некрополях и роли Николая Михайловича в осуществлении этой работы⁴. Хорошо было бы подготовить специальное исследование о многотомном издании (три книги о Московском некрополе, четыре о Петербургском и первые выпуски изданий «Русский провинциальный некрополь» и «Русский некрополь в чужих краях. Париж и его окрестности»). Хотелось бы надеяться, что при возрастающем внимании к изучению нашего исторического наследия найдутся люди, которые обеспечат материальную возможность переиздания этих книг.

В разделе «Обзоры и публикации» напечатаны «Послужной список» великого князя (публикация В.М. Витенберга и М.П. Лепехина), подготовленный В.И. Капуста каталог выставки «Научные труды великого князя Николая Михайловича» (с. 96—99), существенно облегчающий дальнейшее обращение к научному наследию историка и позволяющий теперь требовать ссылки на эти издания в работах соответствующей тематики. Обзор В.А. Колобкова «Августейший историк» о материалах Н.М. Романова в отделе рукописей Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге (с. 79—95) интересен не только своим богатым информационным потенциалом. Это и достойная подражания попытка объединить в одном тематическом обзоре сведения о документах (или извлеченные из документов)

разных фондов и разновидностей (письма, телеграммы, записи самого великого князя, письма к нему, рецензии на его труды, отрывок из воспоминаний).

Особого внимания заслуживают подготовленная А.А. Зайцевой публикация (в переводе с французского) нескольких писем Николая Михайловича к французскому историку Ф. Массону об убийстве Распутина и высылке Николая Михайловича из столицы (январь 1917), о событиях лета и осени 1917 г. (от 5/18 октября 1918) и последнее трагическое письмо от 24 декабря 1918 г., которое удалось передать из "Камеры 207 тюрьмы предварительного заключения в Петрограде" (так написано самим автором — с. 75). Это первостепенной важности документы политической истории и общественно-политического сознания той поры и одновременно интересные образцы эпистолярной прозы.

Часть писем за 1916—1918 гг. опубликованы в Париже в 1968 г. в книге с характерным названием «Конец царизма»⁵. Издания нет в библиотеках Москвы, и можно только благодарить наших соотечественников за введение некоторых из этих писем в историко-культурный обиход. Хотелось бы поддержать и идею полной публикации всей переписки. Она длилась около 20 лет, была доверительной. Интересна для познания общественно-политической жизни и начала нашего века и начала прошлого столетия: оба адресата с увлечением исследовали все относящееся к Александру I, его окружению (Николай Михайлович), Наполеону и его окружению (Массон). Следовательно, это и материал по истории исторической науки, в частности об археографическом освоении учеными рубежа XIX и XX вв., архивных документов столетней давности. Пока напечатаны лишь избранные письма великого князя самых последних лет долгого эпистолярного общения. А ведь сохранились сотни писем: в ГАРФ (ф. 670) — 402 письма Массона начиная с 1897 г. Подготовка публикации или хотя бы подробного обзора всей переписки — перспективная тема научного сотрудничества историков и архивистов России и Франции.

В сборнике (с. 100—134) опубликованы также исследования В.А. Сомова — о библиотеке графа А.С. Строганова (XVIII в.), Н.А. Копанева — о русских связях с голландской издательской фирмой Янссон-Васберг, П.И. Хотеева — о поставках зарубежных изданий в Сухопутный шляхетный кадетский корпус в середине XVIII в., С.Н. Искуля — о переводах в России книг немецкого историка Г.А. Халема (1752—1819) о Петре Великом и фельдмаршале Минихе.

Становится очевидным, что жизнь и научная деятельность великого князя Николая Михайловича — достойная тема предстоящих многообразных исследований. Но думается, что некоторые соображения предположительного характера допустимо высказать уже сейчас.

Введение Н.М. Романовым в научный обиход ценных документальных материалов отечественных и зарубежных хранилищ (государственных и частных) — высокое достижение археографической культуры предреволюционной поры (отмечаемое даже хулителями великого князя в советское время) — обойдено вниманием в общего типа трудах по истории археографии. В отличие от своих предшественников, писавших о времени Александра I, он стремился публиковать документы полностью и на языке подлинника, предназначая публикации прежде всего подготовленным специально лицам. Но в предисловии к книге (в частности, к

томам монографии о П.А. Строганове) печатал и в переводе на русский язык важнейшего значения цитаты из документов, т. е. по существу следовал в этом плане традиции еще «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина (и основного текста ее и особенно примечаний). Вообще, так сказать, археографический уклон исследовательских исторических трудов, когда воспроизведению документа (в приложении или даже в основном тексте) придается как бы самодовлеющее значение, — характерная черта российской исторической науки послекарамзинского периода.

Так можно подходить к научному творчеству и историков-современников великого князя (С.Ф. Платонова, Г.В. Форстена, В.Я. Богучарского и др.), у которых источниковедчески-археографические исследования предшествовали или сопутствовали собственно историческим такой же тематики. Хотя уже Н.Л. Рубинштейн выделил «археографическое направление» в «буржуазной исторической науке» 1860—1880-х годов⁶, историографы, сводившие задачи историографии преимущественно к изучению концепции исторического процесса и отражению в науке современной ей общественно-политической ситуации, оставили без должного внимания это наблюдение. Не сопоставили в таком плане и пути развития науки истории в России и за рубежом. Труды Николая Михайловича — на стыке собственно исторической науки и археографии. Он и сам так подходил к своим исследованиям, оценивая их прежде всего как материал для будущих историков, полагая возможным создание полноценного исследования только после устранения пробелов в источниковой базе (прежде всего архивной). Особенно четко это сформулировано в Предисловии к книге об Александре I: «Наша задача... — мы давали и даем материал, которым будущие историки могут воспользоваться»⁷. Среди подготовленных Н.М. Романовым «прекрасных и полезных исследований и изданий» (определение Л.Н. Толстого в письме 1906 г.) допустимо в методическом плане выделить издание «Русские портреты» — публикации изображений вместе со сведениями об их авторе и местонахождении и кратким очерком-характеристикой (менее страницы) изображаемого лица. Знаменательная оценка Л.Н. Толстого, который, начиная по крайней мере со времени собирания материалов для «Войны и мира», стал замечательным знатоком истории того времени и источников ее познания. Благодаря за присылку «этого превосходного издания», Л.Н. Толстой писал: «В особенности меня пленили тексты: они так прекрасно, умно, талантливо составлены. Вообще все это издание есть драгоценный материал истории, не только de la petite histoire (как подсобная монография), но настоящей истории того времени. Я испытал это потому, что занят теперь временем с 1780-х до 1820-х годов»⁸.

Эти микробиографии, содержащие умело отобранные данные и об изображаемом лице (его родственных связях, служебной карьере, отличительных чертах характера, поведения в быту) и о публикуемом портрете, напечатаны и на русском и на французском языках — тем самым они вводились в научный обиход и зарубежных читателей. Все это свидетельство заботы о расширении и сохранении источниковой базы науки российской истории.

Отношение к научному наследию великого князя Николая Михайловича показательно и немало дает для понимания степени зависимости развития советской исторической науки от общественно-политической

атмосферы в стране. Его научная деятельность в лучшем случае замалчивалась. Исследования его опасались цитировать, хотя в трудах по политической истории России первой четверти XIX в. приходилось ссылаться на опубликованные им документы, в библиографиях называть подготовленные им издания (даже в учебниках), упоминать о его исторических сочинениях при публикации писем и дневников самого великого князя. Но едва ли не единственной более или менее пространной оценкой этих трудов на протяжении десятилетий оставалось написанное бесстыдным пером Д.И. Заславского в 1939 г. Предисловие его к публикации переписки Л.Н. Толстого с Н.М. Романовым и по подходу к явлениям и по стилю изложения схоже с тем, как писали в те годы о сочинениях лиц, объявленных «врагами народа».

Заславский — видный политический фельетонист, подвизавшийся и в сфере историко-литературной проблематики. Меньшевик и бундовец до событий 1917—1920 гг., он стал затем правовернейшим приверженцем большевистской нетерпимости к инакомыслящим. Среди своих коллег в газете «Правда» и других органах официальной печати 1930—1950-х годов этот беспринципный циник выделялся относительно большими, чем у них, литературным дарованием и образованностью. На первый взгляд его вроде бы допустимо сравнить с Булгариным. Но даже самые нелестные пушкинские слова о современной ему сервиллистской журналистике могут показаться комплиментом при характеристике такой фигуры, как Заславский.

Когда готовили к печати двоянный том «Литературного наследства», посвященный Л.Н. Толстому, нельзя было утаить переписку великого писателя с Николаем Михайловичем. Тем более что часть переписки была уже известна, а А.П. Чулошников опубликовал в 1927 г. в журнале «Красный архив» воспоминания Н.М. Романова о встречах с Л.Н. Толстым в Крыму в октябре-ноябре 1901 г., написанные в ноябре же 1901 г., и не только письма Толстого, рекомендовавшего великому князю и императору Николаю II решать земельный вопрос в России в соответствии с учением американского социолога Г. Джорджа, но и два письма Н.М. Романова 1902 г. Более того, в предисловии публикатор сообщил о переписке в течение нескольких лет и обратил внимание на «свойственную обоим и научно-литературную устремленность в прошлое и живой интерес к русской действительности»⁹.

Публикация была подготовлена для V раздела «Толстовского тома» — «Неизданная переписка». Переписку Л.Н. Толстого с Н.М. Романовым готовил к печати С.К. Шамбинаго — специалист по древнерусской литературе. Характерно, что публикация не предварена археографическим введением, указанием на сохранившееся количество писем. Она включает все письма Толстого и лишь часть писем Николая Михайловича — некоторые исключили полностью; из других опустили отдельные разделы как «не имеющие значения для понимания ответных писем Толстого»^{10*}. Таким образом, издание это не может дать полного и правди-

* Само собой разумеется, что эти письма тоже должны быть опубликованы. Это важно и для изучения образа мыслей и биографии Л.Н. Толстого. Желательно рассмотреть письма Н.М. Романова, сопоставляя их с дневниковыми записями и другими письмами, особенно того же времени.

вого представления ни о тематике переписки (касающейся и личной жизни великого князя), ни о характере взаимоотношений корреспондентов. Еще более искажает это статья-предисловие Заславского «Толстой и Генри Джордж» (с. 290—298).

Заславский объясняет желание великого князя посетить Толстого в Крыму как исполнение шпионского задания царской семьи «для проникновения к Толстому, потому что в семье Романовых он числился на положении человека умственного». Используя лексикон «обличительных» статей тех лет кровавого террора, бойкий журналист пишет, что «Николай Михайлович с ловкостью заправского провокатора шеголяет в своих письмах радикализмом». Называет его «трусливым царедворцем», «шпионом», «подосланным агентом» царя, игравшим провокаторскую роль, побудившим писателя обратиться с письмом к царю; ибо, по его словам, «обращение Толстого к царю с просьбой, хотя бы и не личного характера, невольно связывало всякое открытое выступление против личности Николая II», и сетует на то, что писатель «не рассмотрел... жандармского обличья» своего знакомого. При этом Заславского совершенно не смущало то, что такая характеристика в противоречии и с содержанием и с доверительной интонацией публикуемых вслед писем Толстого.

В таком же стиле характеризуется и ученый: «Николай Михайлович исправно нес военную царскую службу, а досуги посвящал "русской истории". Это и доставило ему репутацию ученого историка и либерала. Мы не будем распространяться здесь о его научной деятельности. Как исследователь, Николай Михайлович — круглое ничтожество. С уровнем исторических знаний не выше старшего класса кадетского училища, с политическим кругозором, не превышавшим кругозора жандармского вахмистра, он подходил к важнейшим явлениям русской истории начала XIX в., к эпохе царствования Александра I и начала царствования Николая I. Его "история" — это апология романовской династии. Ценность его самостоятельных исторических изысканий ниже цены превосходной бумаги, на которой напечатаны изданные им труды». Хотя все-таки не может скрыть того, что у «Николая Михайловича есть заслуга, которую излишне отрицать. Пользуясь возможностью проникать в архивы, закрытые для рядовых историков, он издал немало важных материалов и документов»¹¹.

Эти глумливые строки процитированы для того, чтобы стало ясно, какие оценки деятельности Николая Михайловича насильственно насаждали официозные идеологи. В книге о кровавом прокуроре Вышинском отмечается, что «жертвами разнузданного пера» его соученика по Киевскому университету Заславского «были многие деятели культуры. Имя этого перевертыша наводило ужас и страх». Так, Вышинский, опротестовывая «за мягкостью» приговор человеку, осужденному за показ сослуживцам статьи В.И. Ленина, обличавшей Заславского, писал, что «товарищ Заславский олицетворяет собой партийную печать, его дискредитация — это гнусный вражеский выпад против советской власти»¹². И не стоит удивляться тому, что статье о Николае Михайловиче не нашлось места в первом издании Большой Советской Энциклопедии (том на букву Н вышел тоже в 1939 г.), как и упоминанию о нем в довоенном учебном пособии по русской историографии. Умалчивали его заслуги как историка и позднее — статьи нет и во втором издании БСЭ, а имя по-прежнему не называют в учебниках по историографии, изданных в 1960-е и начале

1970-х годов. Только вслед за появлением краткой характеристики исторических трудов Николая Михайловича в III томе «Очерков истории исторической науки в СССР» (1963) были помещены статьи о нем в СИЭ (1967) и в третьем издании БСЭ (1974). В соответствии с проверенным практикой 1920—1930-х годов трафаретом, принятым для характеристики «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина и трудов других историков монархического мировоззрения, отмечалось, что монографии его «написаны с консервативно-монархических позиций, представляют известный интерес благодаря обширным документальным и мемуарным приложениям к ним»¹³. В Сводной библиографии «История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период» (М., 1965. С. 369) имеется уже рубрика, посвященная ему в части «Литература об отдельных историках», и нетрудно убедиться в том, что на труды его (особенно книгу об Александре I, вышедшую двумя изданиями в 1912 и 1914 гг.) откликнулись серьезными статьями и виднейшие историки радикальных убеждений. Добавим, что накануне революции в 30-м томе Энциклопедии братьев Гранат (где статью о Марксе написал Ленин, а постоянным сотрудником был М.Н. Покровский) помещена написанная в очень уважительном тоне статья об «исследователе эпохи Александра I».

Николая Михайловича, очевидно, за его монархические воззрения и особенно за принадлежность к царской фамилии характеризовали прежде всего как историка «охранительного» или «официально-охранительного направления». Хотя и отмечалось, что этот «эпигон дворянской историографии» прикрывает «свою идеологию монархизма либеральной фразеологией», а канву «его сочинений составляют психологически интерпретируемые документы» и «стиль изложения часто приближается к историческому роману»¹⁴. В специальной монографии 1986 г. по русской историографии периода империализма основной акцент тоже был сделан на то, что сочинения Николая Михайловича проникнуты апологией самодержавной власти и императоры приукрашиваются, идеализируются и изображаются «в качестве главных действующих лиц» истории¹⁵.

Таким образом, в обобщающего типа историографических трудах научно-историческое творчество Николая Михайловича рассматривалось лишь в общем плане стандартизированных схем: специально его не изучали, и особенности, отличающие от других работ по схожей тематике и вышедших из среды лиц близкого социального круга, не выделяли. Причины не только в том, что развитие исторической науки было принято сводить преимущественно к истории противостояния и смены концепций, к которым подходили к тому же только с политико-идеологических позиций («общественная мысль как борьба реакционных и революционных течений»)¹⁶, подчас вовсе не учитывая различных нюансов в общественно-исторических взглядах лиц, даже близких по своему мировоззрению, политическим традициям и симпатиям, не говоря уже о различиях в исследовательских установках и задачах, имели значение и некоторые, так сказать, особые обстоятельства.

Великий князь Николай Михайлович принадлежал к царской фамилии, оттого автоматически его относили к числу представителей официальной монархической историографии — как бы срабатывал привычный для нашего советского образа мышления «анкетный» подход. Долго не замечали ни его полемики с Н.К. Шильдером, ни того, что Александр I

охарактеризован им и как государственный деятель и даже как человек отнюдь не только положительно (что подчеркнуто в статье А.Н. Цамутали в рецензируемом издании, с. 13—15).

Не ознакомившись детально с его научными трудами — малотиражными, а следовательно, и малодоступными — не принимали зачастую великого князя всерьез и за ученого историка, видя в нем скорее просвещенного дилетанта и мецената, любовно лелеющего память о времени процветания Дома Романовых.

В период утверждения представлений о науке истории (и вообще о науках) как сфере высокопрофессиональной деятельности особым путем подготовленных специалистов (в России так стали думать примерно с 1860-х годов) великий князь мог казаться историком-любителем, а труды его тем самым оставаться на обочине (или даже за пределами) тематики работ собственно историографических. Но ведь «любителями», не прошедшими специальной выучки ни в университете, ни даже в духовной семинарии, были и те, у кого самые громкие имена в науке российской истории XVIII—XIX вв., — от Татищева и Щербатова до Карамзина, так же как и авторы сочинений краеведной тематики. Из современников Н.М. Романова можно отметить таких видных историков, как М.И. Сёмевский и В.Я. Богучарский, внимание которых тоже более всего привлекали исторические биографии и политические обстоятельства прошлого.

Следует иметь в виду то, что книги Н.М. Романова выходили в свет в период повального увлечения и самих ученых и воспринимающей сказанное ими широкой публики, а следовательно, и отражающей и одновременно направляющей общественное мнение наукообразной публицистики, социологическими схемами, статистическими выкладками и обобщениями, течениями общественно-философской и религиозной мысли и их главными выразителями или особо значительными историческими личностями, определявшими основную политическую конфигурацию своей эпохи и последующего времени. Сосредоточение же интереса историка на деталях биографии Александра I, отличавшегося к тому же нечеткостью общественных воззрений и линий поведения, и лиц его окружения, уже не слишком памятных общественности по прошествии целого века, казалось недостаточно или, пожалуй, нарочито неактуальным. Более того, в канун празднования 300-летия Дома Романовых признаком монархического консерватизма мысли. Аристократическая тематика сочинений великого князя, изысканность стиля изложения, даже само великолепие оформления дорогостоящих изданий (роскошная бумага, иллюстрации, тексты на языке подлинника) могли восприниматься, видимо, и как нечто противопоставляемое публично превозносимому демократизму в распространении исторических знаний.

На самом деле Николай Михайлович был историком по призванию, более того, историком-архивистом, историком-археографом. Проживая зачастую значительное время вдали от двора (чаще всего в Боржоми), он в недели кратковременного пребывания в Петербурге (как, например, в 1902 г.) старался вращаться в «обществе историков». Так же было и в Париже (об этом в письме Л.Н. Толстому в апреле 1902 г.¹⁷). Причем научно-организационные возможности и особенно обязанности стимулировали и исследовательскую работу. «...По складу моего характера, — писал он Л.Н. Толстому, — я только тогда „реагирую“, когда несу какую-

нибудь ответственность». Возможно, что для Николая Михайловича, человека активного ума и наблюдательности, это становилось утешением в волновавшей его политической обстановке — и широкого общественного недовольства правительством и личного «отдаления от правящих петербургских сфер»¹⁸.

Николаю Михайловичу как автору исторических трудов действительно чуждыми были обретающие в ту пору все большую моду подход к явлениям прошлого и манера изложения на грани схематической конструкции и публицистики. Он продолжал придерживаться источниковедческой основательности (даже направленности), свойственной так называемой петербургской школе К.Н. Бестужева-Рюмина, и, пожалуй, с наибольшим сочувствием воспринимал методiku таких французских историков, как Альбер Вандаль и особенно Фредерик Массон, писавших к тому же на очень близкие ему темы. Сходство обнаруживается и в отборе материала, и в художественной стилистике. Вероятно, это способствовало и установлению дружеской откровенности в переписке с Массоном.

Н.М. Романов был широко осведомленным читателем всей мировой исторической литературы и мог наблюдать, какое значительное место занимает историко-биографический жанр среди трудов ученых второй половины XIX — начала XX в., как он притягивает писателей — художников слова и как сочинения наиболее вдумчивых из таких писателей помогают осмыслению исторических явлений и познанию их в подробностях. Он стал свидетелем претворения историко-психологического подхода и сосредоточения на изображении личности при изучении России того же XIX столетия и у российских историков — его младших современников М.О. Гершензона, П.Е. Щеголева; историко-биографический жанр обретал все большую привлекательность и для работавших в сфере источниковедения. От книг Николая Михайловича дозволено, думается, вести линию и к очеркам А.Е. Преснякова 1920-х годов об императорах первой половины XIX в. и к монографии Н.М. Дружинина о декабристе Никите Муравьеве, хотя оба они не могли тогда себе позволить ссылаться в печати на соображения августейшего историка.

Вряд ли случайно Николая Михайловича притягивала именно эпоха Александра I, избранная им темой архивных изысканий и размышлений историка. А.Е. Пресняков уже в советское время (в середине 1920-х годов) отмечал, что «первая четверть XIX в. — наиболее сложный, насыщенный противоречиями и своеобразным драматизмом период в истории императорской России. Общую характеристику этого периода можно было бы озаглавить: "Россия на распуте"»¹⁹.

Монархист по убеждениям, он верил в то, что «личность самодержца играет выдающуюся роль в нашей жизни на Руси», а приближенные к власти «новые люди» могут способствовать обновлению, даже «полному», высших государственных учреждений и всей системы государственного управления²⁰. В начале XX в., в период революционных событий в России и в канун большой европейской войны, обращение к эпохе Николая I и Александра I, к изучению взаимосвязей внутренней и внешней политики и ее вершителей в сравнительно недалеком прошлом казалось поучительным не только для историков. Побуждало к тому и саморазвитие науки — появление многообразных и несхожих в выводах трудов предшественников по близкой проблематике. Возможно, что он не только сам хотел

выяснить, как это происходило, искал ответы на волнующие его запросы современности, но и рассчитывал преподавать урок истории и царствующей фамилии.

Известно, что великий князь Сергей Александрович заинтересованно собирал все то, что касалось императрицы Елизаветы Алексеевны²¹, а К.Р. в 1906 г. читал книгу А.Н. Пыпина «Общественное движение при Александре I» и оставил рассуждения об этом в дневниковых записях²². Имел склонность к чтению исторической литературы и художественных произведений исторической тематики и Николай II. Тема места «истории» в менталитете каждодневности лиц, находившихся на самом верху общественной пирамиды в России, остается слабоизученной. Более всего нам известно о круге историко-литературных интересов и уровне исторических познаний Ивана Грозного в XVI в. и Ленина и Сталина в советские годы. Уклонились от изучения прошлого России даже Екатериной II, хотя она пыталась заниматься этим на уровне едва ли не профессиональном для XVIII в., об исторических вкусах Николая I вспоминаем лишь в связи с биографией Пушкина. А ведь все реформаторы, обратившиеся к верховной власти, старались обосновать свои взгляды «историческим» опытом, и правители не оставались равнодушными к тому, с кем в прошлом склонны их сравнивать современники.

Судя по письмам к Л.Н. Толстому, великий князь, несомненно, имел определенные суждения об общественном мировосприятии крестьянства — хотя бы по литературе научной и художественной, — имел представление о значительной роли и народа в истории, но оставался в русле понятий об особой роли личности в тысячелетней истории России, а главное, стремился изучать то и писать о том, что яснее знал и понимал с детских лет. (Как, впрочем, поступал и Лев Толстой; что, можно полагать, в известной мере предопределило их взаимопонимание и доверие друг к другу в рассуждениях о современности и делах столетней давности.) Он подошел к теме своей, к «герою» своих размышлений и исторических штудий Александру I с отличающей его от официозных историков беспощадностью и, конечно, исходя из наблюдений и о поведении современных ему Романовых.

Еще в 1905 г. в очерке, сопровождавшем публикацию портрета Александра I, Николай Михайлович писал: «Личность Александра I еще далеко не уяснена, и черты его сложного характера составляют задачу изучения историков». И все-таки он достаточно жестко сформулировал то, что уже «уяснил» для себя, детально знакомясь с документацией эпохи при подготовке исследований о первых годах его правления: «Имея все качества, чтобы привлечь людей и массы, Александр I обворожал быстро, но и разочарование следовало столь же скоро; какое-то недоверие ко всем проявлялось на каждом шагу; дружбой с одним он пользовался для проверки других, казалось, столько же к нему приближенных... Словом, при лучших стремлениях своего сердца Александр всю жизнь был в открытой борьбе с своим умом, проявляя при большом самолюбии полнейшее недоверие к самому себе...»²³.

Желая исследовать «характер и деятельность Александра Павловича не только как государя и повелителя земли русской, но и как человека»²⁴, историк, по существу, на первый план выдвигает проблемы «Царь и его окружение», «Царь и Россия, народ». И выводы Николая Михайло-

вича достаточно суровы и нелицеприятны: устойчивый консерватизм общественных воззрений; апогей и позитивные результаты его личной деятельности не реформы, а период завершения войны с Наполеоном. Резко отрицательно оцениваются приближение Аракчеева и «изуверство» аракчеевщины, покровительство мистикам, усиление роли чужеземцев и лиц чужеземных фамилий в управлении, особенно внешнеполитическими делами, которые «поручались плееде алчных иностранцев, чуждых русскому духу, но имевших дерзость говорить и действовать от лица России»²⁵. Отмечает наряду с чарующим личным обаянием, большим умом, «непреклонностью в проведении собственных предначертаний» неуместное упрямство, злопамятство, никогда вполне не угасавшее, и двуличность как «коренную черту его нрава»²⁶. Характеризуя Александра I — государя, решительно заключает: «Для России Александр не был великим, хотя его царствование дало многое, но ему не хватало знания ни русского человека, ни русского народа»²⁷, он «не старался понять дух русского народа»²⁸. Об Александре I — человеке: «Что же касается личности Александра Павловича как человека и простого смертного, то вряд ли облик его, так сильно очаровывавший современников, через сто лет беспристрастный исследователь признает столь же обаятельным»²⁹.

В устах лица царской фамилии эти характеристики были особенно общественно значимыми (тем более, что в связи со столетним юбилеем Отечественной войны широкая пресса была буквально наводнена иного плана высказываниями об Александре Благословенном). Пожалуй, в то время лишь один Николай Михайлович из историков в какой-то мере приближался к осуществлению намерения Пушкина написать историю «Александрову пером Курбского»³⁰.

Наблюдения такого рода нетрудно было перенести и на государей, современных читателю. При дворе, вероятно, без натуги поняли смысл достаточно прозрачных ассоциаций Эзопова языка августейшего историка. Два адресата сочинений великого князя — так называемую широкую публику и ученых знатоков истории, с одной стороны, и царскую фамилию с ее избилем иноземных принцесс — с другой, следует иметь в виду, оценивая исторические труды Николая Михайловича и их восприятие первыми читателями.

И вряд ли жестом политического приспособления можно считать его желание внести материальную «лепту» при установке памятника декабристам (о чем писал министру Временного правительства А.Ф. Керенскому 9 марта 1917 г.)³¹. Уже в текстах к портретам декабристов, включенным в выпуски «Русские портреты», обнаруживается симпатия к их душевным качествам, даже образу поведения.

Потому-то он и сосредоточил внимание на изучении реформаторской деятельности М.М. Сперанского. «Большая работа о Сперанском» — последний его исследовательский труд, о котором он писал из тюрьмы Д.Б. Рязанову. Этим Н.М. Романов занимался в заточении, «несмотря на все тяжелые условия и большой недостаток материалов» (как сформулировано в этом письме от 6 января 1919 г.)³². Как важно было бы обнаружить эти материалы! Только ли заготовки к монографии или частично осуществленное и воплощенное в монографию исследование? Важно было бы выяснить и то, имелась ли какая-либо взаимосвязь труда Николая Михайловича и той работы по подготовке издания сочинений Сперанско-

го, к которой приступали тогда в Академии наук. Жизнь историка оборвали, когда он полон был творческих замыслов.

Так или иначе определять место Николая Михайловича в развитии исторической науки и эволюцию его исследовательских и научно-организационных интересов (да и общественных взглядов), выяснится лишь после серьезного изучения его письменного наследия. Но нет сомнений в том, что сопоставительное изучение архивных и печатных материалов этого наследия и всего остального, помогающего знакомству с жизнью и творчеством незаурядного ученого и общественного деятеля — привлекательная задача для исследователя.

- 1 Книга о России: Проблемы источниковедения и историографии: Сб. науч. тр. / Редкол.: А.А. Зайцева (отв. ред.), Н.П. Копанева, М.П. Лепехин, В.А. Сомов. СПб., 1991. 135 с.
- 2 Русские портреты XVIII и XIX столетий. СПб., 1905. Т. 1. № 8 (изд. вел. кн. Николая Михайловича).
- 3 *Великий князь Николай Михайлович*. Письмо из заточения [Письмо Д.Б. Рязанову от 6 января 1919 г. Подгот. к печ. Н. Сидоровым] // Наше наследие. 1992. № 25. С. 86—87; *Исмаил-Заде Д.И.* Императорская фамилия // Боханов А.Н., Исмаил-Заде Д.И. Российский императорский дом: Дневники. Письма. Фотографии. М., 1992. С. 127—132. Среди напечатанных в книге писем особенно много адресованных Николаю Михайловичу. В выпуске журнала «Родина» (1993. № 1), посвященном 380-летию Дома Романовых, напечатаны очерк Ю. Соловьева «Красный князь» и написанное в апреле 1917 г. сочинение Н.М. Романова «О подвигах русского солдата в XIX столетии и об его любви к родине» (подгот. к печ. Д.И. Исмаил-Заде). После передачи в издательство этого выпуска ежегодника опубликована также статья Т.А. Лобашковой «Публикаторская деятельность великого князя Николая Михайловича» (ОА. 1994. № 2. С. 34—43).
- 4 См. об этом: *Иванова Л.В.* История изучения Московского некрополя // Московский некрополь: История, археология, искусство, охрана. М., 1991. С. 40—41; *Кобак А.В., Лицурко Ю.М.* Очерк истории Петербургского некрополя // Исторические кладбища Петербурга: Справочник-путеводитель. СПб., 1993. С. 11—13 (на с. 13 портрет великого князя Николая Михайловича).
- 5 Grand Duc Nicolas Mikailovitch: La fin du tsarisme. Lettres inédites à Frédéric Masson (1914—1918). P., 1968. 295 p.
- 6 *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. М., 1941. С. 417—418.
- 7 *Вел. кн. Николай Михайлович*. Александр I. Опыт исторического исследования. СПб., 1912. Т. 1. С. VI.
- 8 Цит. по: Литературное наследство. М., 1939. Т. 37/38. С. 322.
- 9 Красный архив. М.; Л., 1927. Т. 2(21). С. 231 («Л.Н. Толстой и Н.М. Романов»).
- 10 Литературное наследство. Т. 37/38. С. 298. См. также: С. 299, 305, 317, 322.
- 11 Там же. С. 291—292.
- 12 *Ваксберг А.* Страницы политической биографии // Инквизитор: сталинский прокурор Вышинский. М., 1992. (Примеч. 1 о Д.И. Заславском).
- 13 СИЭ. М., 1967. Т. 10. Стб. 223.
- 14 Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963. Т. III. С. 322—323 (автор Л.В. Черепнин).
- 15 *Цамутали А.Н.* Борьба направлений в русской историографии в период империализма: Историогр. очерки. Л., 1986. С. 40—44, 313.
- 16 Очерки истории исторической науки в СССР. Т. III. С. 355.
- 17 Литературное наследство. Т. 37/38. С. 303.
- 18 Там же. С. 309.
- 19 *Пресняков А.Е.* Александр I // Пресняков А.Е. Российские самодержцы. М., 1990. С. 145.
- 20 Этими соображениями он делится в письме к Л.Н. Толстому 1902 г. См.: Литературное наследство. Т. 37/38. С. 309.
- 21 *Вел. кн. Николай Михайлович*. Императрица Елисавета Алексеевна, супруга императора Александра I. СПб., 1908. Т. 1. С. 1.
- 22 Красный архив. Т. 45. С. 114, 115.
- 23 Русские портреты XVIII и XIX столетий. Т. 1. № 1.
- 24 *Вел. кн. Николай Михайлович*. Александр I. Т. 1. С. V.
- 25 *Вел. кн. Николай Михайлович*. Донесения австрийского посланника при русском дворце Леббельтерна за 1816—1826 годы. СПб., 1913. С. XXIV.
- 26 *Вел. кн. Николай Михайлович*. Александр I. Т. 1. С. 345—346.
- 27 Там же. С. 346.

²⁸ Там же. С. 12.²⁹ Там же. С. VI.³⁰ Разговоры Пушкина / Собр. С. Гессен, Модзалевский. М., 1929. С. 94 (Дневниковая запись А.Н. Вульфа сентября

1827 г.).

³¹ Боханов А.Н., Исмаил-Заде Д.И. Российский императорский дом. С. 190.³² Цит. по: Наше наследие. 1992. № 25. С. 87.

СЕРГЕЙ ФЕДОРОВИЧ ПЛАТОНОВ (1860—1933) *

После кончины знаменитого Ключевского в 1911 г. Платонов напечатал в память его журнальную статью, где так определял место покойного историка в обществе и в науке: «В.О. Ключевский — историк, стяжавший своими трудами необычайную популярность и стоявший во главе историографии последних десятилетий»¹. Тогда термином «историография» обозначали еще не совокупность работ по какой-либо исторической теме и не отрасль науки, изучающую ее историю, а, как и во времена Карамзина, само описание истории. С уходом из жизни Ключевского в представлении и широкой общественности и многих ученых «главой русской историографии» становился Платонов — выдающийся исследователь и знаток прошлого нашего Отечества (особенно XVI—XVII столетий); первоклассный лектор и наставник в семинарских занятиях — создатель научной школы (среди старших его учеников Н.П. Павлов-Сильванский, к тому времени уже скончавшийся, и А.Е. Пресняков), организатор системы образования и учитель гимназических преподавателей.

Ко времени революционных событий 1917 г. обе диссертации ученого (о России Смутного времени) были переизданы (докторская вышла даже третьим изданием). В 1903 г. Платонов выпустил отдельной книгой «Статьи по русской истории (1883 — 1902)» — в сборник, по его словам, включено «все написанное автором по русской истории», кроме диссертаций, предисловий к изданным текстам исторических памятников и некоторых рецензий. В 1911 г. в Санкт-Петербурге издали книгу к 25-летию ученой деятельности историка — «Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели: Сборник статей, посвященный С.Ф. Платонову». Там после списка печатных трудов юбиляра помещен сонет, сочиненный в честь его К. Р. — великим князем Константином Константиновичем, президентом Академии наук. Расширенное, второе издание в 1912 г. «Статей по русской истории» (теперь уже за 1883—1912 гг.) вышло в свет как первый том «Сочинений» Платонова. Неоднократно переиздавался его лекционный курс русской истории, ежегодно — учебники для средней школы.

Однако в обобщающего типа советских трудах по русской историографии — и в учебных пособиях и в академических «Очерках истории исторической науки в СССР» — характеристике жизни и творчества Платонова не отведено особой главы. Не напечатано и книг об историке².

* Статья подготовлена для кн.: Портреты историков. Том I. Отечественная история (в печати).

Объясняется это трагическим завершением биографии ученого. Обвиненный в руководстве контрреволюционной организацией ученых-гуманитариев, имевших якобы намерение реставрировать монархию, Платонов в январе 1930 г. был арестован, а в 1931 г. лишен звания академика и сослан в Самару, где скончался в январе 1933 г.

Советские ученые развитие исторической науки сводили преимущественно к развитию общественной мысли, отражению в ней современной общественно-политической ситуации. Подходили прежде всего с политико-идеологических позиций: «общественная мысль как процесс борьбы реакционных и революционных течений»³. Их мало интересовали философские, тем более нравственные основы мировоззрения историков. Научным предпосылкам, исследовательским установкам, методике исследовательской (а также преподавательской, популяризаторской) деятельности не придавали должного внимания.

Период с середины 1890-х годов до революции 1917 г. претенциозно определяли как время «кризиса буржуазно-дворянской исторической науки»; и взгляды историков, да и все их творчество оценивали в зависимости от их соотношения с развитием мысли тех, кто придерживался воззрений Маркса и особенно Ленина. Платонову отводили место на правом фланге немарксистской исторической науки. При этом «немарксистское» нередко толковалось как «антимарксистское».

Хотя в 1937 г. напечатали (уже в четвертый раз!) классическое исследование Платонова «Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI — XVII вв.», а Высшая школа пропагандистов при ЦК КПСС опубликовала (правда, «для внутреннего пользования») фрагменты учебника Платонова для высшей школы, воздействие которого очевидно обнаруживается и в вышедшем из печати в 1939 г. первом томе вузовского учебника «История СССР» (где имя Платонова не раз упоминается в историографических разделах), в первом издании Большой Советской энциклопедии все-таки предпочли вовсе обойтись без статьи о знаменитом историке.

В книге 1941 г. «Русская историография» Н.Л. Рубинштейна (по сей день остающейся наиболее научно-объективным обобщающим трудом об отечественной дореволюционной историографии) о Платонове написано в уважительно-серьезном тоне без дешевых политических ярлыков, но еще в 1960—1970-е годы Платонова продолжали характеризовать как «наиболее яркого выразителя идеологии реакционного дворянства» в дореволюционный период⁴ и выступавшего «с позиций апологета самодержавия» в советские годы⁵.

Лишь в 1967 г. были полностью реабилитированы осужденные по делу «О контрреволюционном заговоре в Академии наук» и Платонова посмертно восстановили в звании академика. Но понадобилось еще более 20 лет, чтобы могли появиться первые журнальные статьи не только о последних годах жизни ученого⁶, но и обо всем его жизненном пути⁷. Публикацией в 1993 г. «Дела по обвинению академика С.Ф. Платонова» начали многотомное издание следственных материалов «Академического дела 1929—1931 гг.»⁸. В 1994 г. издан первый выпуск уникального в плане отечественной археографии Каталога архива академика С.Ф. Платонова (хранящегося в Российской национальной библиотеке)⁹.

В приложении к «Делу» Платонова впервые на русском языке напечатана Автобиографическая записка¹⁰ (далее: Автобиография), написанная ученым для немецкого издания «Современная наука в изображении самих ее представителей» во второй половине 1920-х годов. Намерение подготовить такую книгу не было осуществлено, и биографию Платонова частично опубликовали лишь после его кончины в немецком журнале в 1933 г.¹¹ (что сразу же вызвало отклик российской зарубежной прессы¹²), а затем в более полном виде в той же Германии в 1934 г.¹³ В Автобиографии сконцентрированы сведения лишь о том, что определяло формирование историка, и об особо заметных явлениях его творческой биографии. Тем самым это — и свидетельство представлений ученого о сфере менталитета историка (если употреблять терминологию уже наших дней) и о иерархии ее составных элементов. А одновременно и показатель того, что академик Платонов полагал нужным особо отметить, напомнив об этом (зарубежному читателю, а значит, и российской эмиграции) тогда, когда его отстранили уже от преподавания в родном ему университете, и воззрениям Платонова открыто противостояли в исторической науке советской России взгляды всемогущего в ту пору М.Н. Покровского.

Теперь стали доступны издания российской эмиграции. Много нового узнаем о гуманитарных науках России конца XIX — начала XX в. и в послереволюционные советские годы (в частности, о деятельности их влиятельных официальных лидеров М.Н. Покровского, Д.Б. Рязанова и др.) и из недавних исследовательских трудов (книг и статей) и из документальных публикаций, появившихся в нашей стране. Все это позволяет, не дожидаясь выхода собрания сочинений историка (которое готовится усилиями Археографической комиссии РАН и Российской национальной библиотеки) и детализированных монографий о жизни и творчестве Платонова, попытаться выделить наиболее существенное в творческой биографии ученого и определить воздействие Платонова на современную ему научную и общественную жизнь и на дальнейшее развитие науки отечественной истории.

* * *

Платонов родился 16 июня (ст. ст.) 1860 г. в украинском Чернигове в семье коренных москвичей, предками которых были крестьяне из-под Калуги. Хотя отца его, заведовавшего губернской типографией, вскоре перевели в Петербург, где Платонов учился в 1870—1878 гг. в гимназии, мальчик в детские годы не раз бывал в Москве. Там сосредоточена была и вся его родня, и именно там он «чувствовал себя как бы на родине»: «Не только происхождение, но и сознательная преданность Москве с ее святынями, историей и бытом делала моих родителей, а за ними и меня, именно великорусскими патриотами», — отмечал он в Автобиографии. Мысль его воспитывалась под впечатлением рассказов любимого и глубоко почитаемого им отца о студенческих кружках Москвы середины XIX в. и прочитанных еще мальчиком сочинений Карамзина и Пушкина — это были его «первые сведения по истории и литературе». На семнадцатом году Платонов перенес болезнь (тяжелая форма тифа), ставшую «гранью» в его «духовной жизни»: у недавно еще беззаботного физически крепкого мальчика «началась, — по его словам, — серьезная умственная жизнь»¹⁴.

Существенным было и то, что в это время в гимназии на него оказал большое воздействие преподаватель русской словесности В.Ф. Кеневич — видный педагог, умевший возбуждать у учащихся особую тягу к познанию художественной литературы, автор выдающихся по методическому мастерству учебных пособий и в то же время исследователь, публикатор, комментатор сочинений И.А. Крылова. Кеневич, вспоминает Платонов, «был умный, образованный и добрый человек, умевший близко подойти к ученикам и установить с ними интимную связь»¹⁵. В этих продуманно отобранных определениях как бы сконцентрированы оценочные понятия Платонова о главных достоинствах преподавателя (причем и средней и высшей школы!), проверенные и его личным многолетним опытом. Кеневич в долгих беседах знакомил не только с предстоящими занятиями в Петербургском университете, но «и с тем кругом ученых, в котором он сам вращался и центром которого был Я.К. Грот» — академик-филолог, разрабатывавший орфографические нормы русского языка и неутомимо изучавший и издававший сочинения русских писателей XVIII — начала XIX в. Так, еще юношей Платонов узнавал об исследованиях в сфере историко-филологических наук (возможно, даже об основах археографии и текстологии), понял творческую увлекательность таких занятий и ощутил, как велико значение учителя в формировании творческой личности ученика. А в Москве в знаковой интеллигентной семье он в летнее время заслушивался рассказами о преподавании истории в Московском университете. «Путеводным маяком» теперь для него стал университет, представлявшийся «сокровищницей гуманитарных знаний, образующих характер и осмысляющих жизнь»¹⁶.

В 1878 г. Платонов поступает на историко-филологический факультет Петербургского университета, ожидая, что перед ним сразу развернется «величественная картина научной работы во всех областях гуманитарного знания». «Детский» ожидания эти не во всем оправдались: «На первый курс факультет послал не таких преподавателей, которые могли бы увлечь собою молодежь»¹⁷, — констатировал уже многоопытный педагог Платонов, размышляя об этих первых своих ощущениях. Но именно впечатления студенческих лет, по существу, предопределили жизненный путь Платонова. Уже тогда он уяснил себе линии своего поведения и в сфере науки и культуры и в общественно-политической жизни. И остался верен представлениям юности, обогащая их опытом дальнейших жизненных наблюдений. Это впоследствии придавало особую цельность натуре Платонова, привлекательную в глазах одних и казавшуюся небезопасной другим (и в значительной мере обусловило затем место именно академика Платонова на арене противостояний историков в 1920-е годы).

Лекции преподавателей литературы и древних языков не заинтересовали юношу, «зато профессора-историки и юристы сразу увлекли, как личными талантами, так и предметом своих чтений». Из них «наибольшее влияние» оказал профессор русской истории К.Н. Бестужев-Рюмин (с 1878 г. официальный руководитель и Высших женских курсов в Петербурге, учащихся которых называли бестужевками). «С великим увлечением слушал» студент и лекции профессоров-юристов А.Д. Градовского и В.И. Сергеевича. Этим-то профессорам Платонов, по его словам, «обязан тем, что сделался историком» и «юные мечты о философско-

литературном образовании и поэтическом творчестве... сменились наклонностью к изучению русской истории». А на третьем курсе, когда была уже избрана «специальность», Платонов познакомился с лекциями и семинарами по истории зарубежного средневековья (особенно Византии) В.Г. Васильевского. В его семинаре Платоновым была «сделана первая научная работа» на предложенную руководителем тему о местожительстве готов-тетракситов (которых начинающий ученый, в отличие от мнения Васильевского, поселил «прямо на Таманском полуострове» — первое знакомство) «послужило началом долгих и близких отношений». Тогда же, в 1880 г., Бестужев-Рюмин одобрил избранную самим студентом тему «Московские земские соборы XVI—XVII вв.» для диссертации, с «какою тогда оканчивали курс факультета наиболее успевающих студентов» («кандидат университета»). Заключая в Автобиографии рассказ о студенческих годах, Платонов пишет: «Я учился сперва у Бестужева и Градовского, а затем у Васильевского и Ключевского» (когда познакомился и с литографированным изданием его лекционного курса русской истории и с докторской диссертацией «Боярская дума Древней Руси») ¹⁸.

Студенческие годы для Платонова — школа формирования не только навыков самостоятельной научной работы, но и представлений о том, каким должен быть профессор. Это хорошо отражено в его воспоминаниях: и в памятных словах под впечатлением недавней кончины профессоров (в 1897 г. о Бестужеве-Рюмине, в 1899 г. — о Васильевском, в 1911 г. — о Ключевском) и в мемуарных сочинениях уже советской эпохи, а мемуары — итог долгих размышлений и о путях развития науки и высшего образования и о своей жизни исследователя и преподавателя высшей школы. Тем более что в творческой биографии Платонова эти сферы деятельности неотделимы одна от другой, и у него самого и для стороннего взгляда.

Платонов рано стал следовать «обычному приему» Бестужева-Рюмина «определять ученых тем, у кого они учились» ¹⁹. И не потому ли в своей аналитической автобиографии 1920-х годов (и еще прежде в статьях-воспоминаниях) он такое большое внимание уделяет характеру воздействия на него университетских учителей? При этом для Платонова на всю жизнь главным в оценке ученого и особенно профессора оставалось совмещение неизменных ценностей нравственного порядка и воспитывающих элементов в сфере научно-культурологической, к которой можно отнести научную новизну лекций, методику передачи знаний — чтения лекций и ведения семинаров, систему восприятия учащимися учебного материала, представления о взаимоотношениях и уровне взаимопонимания учащего и учащихся. «Знаменитый ученый» филолог академик И.И. Срезневский, обогащавший студентов многообразными знаниями, притом «в форме, педагогически разумной» (выпуклого и яркого рассказа), наглядной демонстрации памятника, «простой, будто бы случайной беседы»), с запомнившимся на всю жизнь рассказом о «подвиге» археологической работы П.М. Строева (в связи с новой книгой Н.П. Барсукова «Жизнь и труды П.М. Строева», охарактеризованной им как «житие»), в то же время отвратил от себя студентов, надменно выговорив им, как декан, за искренние, но нарушавшие устав рукоплескания после сердечных поздравлений с наступающими рождественскими праздниками.

А читавший русскую словесность профессор О.Ф. Миллер, любимый и почитаемый за гуманную заботу о студентах, имевший «высокий нравственный кредит», как «высокая моральная личность», вызвал «острое разочарование» тем, что он отставал от новейшей науки, и «являлось сознание, что у Миллера мало чему можно учиться, что за ним легче следовать в жизни, чем в науке»²⁰. В этом отношении показателен заключительный абзац статьи 1920 г. памяти академика Шахматова, отличавшегося, по словам Платонова, «в жизни моральной строгостью»: «А.А. Шахматов с теми же высокими нравственными свойствами трудился и на ученом поприще — и здесь не только уча, но и воспитыва-вая»²¹. Для Платонова-профессора обучение было неотделимо от воспитания — воспитания и мысли и нравственного. И сам он обладал не толь-ко выдающимися способностями учительства, но и редким даром ученичества. И благодарной памятью к учителям своим!

Платонов особенно выделил то, что в преподавании Бестужева-Рюмина и Градовского «был силен элемент моральный», «оба они проникали в сердце и совесть, будили душу, заставляли искать идеала и моральных устоев». Бестужев-Рюмин, «свободно вращавшийся во всех сферах гуманитарного знания, великолепно знавший свою науку», легко поднимал слушателей на высоты отвлеченного умозрения и вводил в тонкости специальных контрверз... Работа на ученом поприще родной истории являлась перед нами в ореоле духовного подвижничества и обещала высшее духовное удовлетворение. Какою-то поэзией ученого труда обвевала нас... речь Бестужева. Весь курс был построен так, что не столько излагал исторические факты, сколько объяснял историю их научной обработки, успехи и приобретения ученого труда и остроумия».

Под впечатлением подкупавших «свободой и независимостью от тогдашней строгой цензуры» лекций Градовского «впервые сложились» представления Платонова о государстве и обществе, об отношении государства к личности, о «благе личной свободы и независимости». Платонов подчеркнул, что Градовскому он «обязан... упорством», с каким «всю жизнь противостоял всякой партийности и кружковщине, ревниво охраняя право всякой личности на пользование своими силами в том направлении, куда их влечет внутреннее побуждение». Отмечает он и присущее обоим лекторам остроумие. Иной характер имели лекции Сергеевича. «Они были верхом изящества» по форме. «У Сергеевича хотелось учиться быть лектором», но в нем «не было ничего воспитывающего и нравственно руководящего — одно совершенство техники, красота метода и стиля», Платонову уже тогда стало очевидно, как велико значение Личности лектора, умения его почувствовать взаимосвязь с душой студента.

Еще более он ощутил это, общаясь с Васильевским, «обаяние личности» которого быстро сказывалось «над всеми сколько-нибудь чуткими людьми». Характерны наблюдения-воспоминания уже многоопытного профессора о «конструкции» лекций: «Они ярко обрисовывали эпоху, давали отличные характеристики лиц, хорошо вводили в историографию, знакомя с борьбой ученых мнений и с успехами научного знания». Особенно «любовались» Васильевским на сравнительно немногочисленных семинариях, где «вступали в самый процесс ученого исследования и творчества и начинали понимать завлекательную прелесть успешного научно-

го труда». Очаровывали и «самое благожелательное отношение к окружавшей молодежи и чрезвычайная простота в обращении» без всякого «искания популярности» и при серьезнейших требованиях подготовки к экзаменам. («На экзамене он спрашивал мягко, но обстоятельно»²².) Любопытно, что Платонов даже во второй половине 1920-х годов, когда официально утверждались сугубо политико-идеологизированные представления о развитии историографии, счел допустимым лишь в одной фразе отметить различие общественных воззрений влиявших на него тогда профессоров — близкого к «славянофилам» Бестужева-Рюмина и явного «западника» Градовского. И при этом разъясняет в примечании «немецким читателям» значение этих терминов, указывая на то, что с «падением доктрин идеалистической философии первой половины XIX века» оба направления «можно признать анахронизмами»²³.

Учителями своими Платонов считал и тех, с кем не имел еще возможности непосредственного общения — «приобретением ума» (выражение Платонова в письме Ключевскому 1891 г.²⁴) становились их труды (а также, видимо, и впечатления рассказывавших о знакомстве с этими учеными). В воспоминаниях 1921 г. Платонов отмечает, что в последний год его студенчества «было положено начало многому такому, с чем мне пришлось прожить всю последующую жизнь... В эту именно зиму петербургские студенты узнали литографированные курсы Ключевского и его «Боярскую думу»... Влияние на меня сочинений Ключевского было сильно и глубоко. Я не бросился в подражание ему и ничего не желал копировать, как некоторые мои сверстники и младшие товарищи. Но я читал и перечитывал Ключевского... В зиму 1881—1882 г. я почувствовал начало нового на меня научного влияния, под которым складывались главным образом курсы моих чтений, какие вскоре затем пришлось мне вести в педагогических классах, а с 1883 г. и на высших курсах»²⁵. «Прельщали», как объясняет сам мемуарист, не столько склонность московского историка к «экономической точке зрения» в объяснении исторических явлений, сколько «разносторонность и широта их понимания», не говоря «уже об остроумии и красоте речи». И еще — это очень существенно для исторических воззрений Платонова уже тогда — привлекало то, «что на каждой странице у Ключевского можно было заметить глубокое знакомство с великорусским бытом, живую стихию народности в художественном воспроизведении»; тогда как Сергеевич, склонный к «прямолинейности заключений... ради ясности схемы и юридических конструкций», «мало знал и понимал русскую жизнь, потому что мало знаком с современным народным бытом»²⁶.

«Вторым событием» жизни «в последний год университета» Платонов признает в Воспоминаниях «знакомство с тем кружком, в общении с которым шли научные работы всех моих дальнейших лет». В ту пору это были студенты-историки и филологи с «устойчивым научным настроением», «с тонким чутьем русского прошлого, с любовью к этому прошлому», «к русской старине и исторической книге». Они умели «взаимно признавать и щадить личные особенности каждого и не пытались гнать друг друга непременно в свою статью», что отличало их, по мнению мемуариста, от других известных ему кружков тех лет. Особенно близкими Платонову стали В.Г. Дружинин и И.А. Шляпкин (впоследствии видные археографы и источниковеды, члены-корреспонденты РАН) и К.А. Ива-

нов — известный затем выдающийся педагог-методист, автор школьных учебников всеобщей истории. Помимо интимных встреч в домашней обстановке с «беседами, спорами, шутками» были и фиксированные «дни» слушания и обсуждения научных рефератов. Из этих «дней» вырос уже «кружок русских историков» более широкого состава, собиравшийся несколько лет подряд с начала 1884 г. В заседаниях его участвовали (помимо названных лиц) М.А. Дьяконов, А.С. Лаппо-Данилевский, С.М. Середонин, Н.Д. Чечулин, Е.Ф. Шмурло и другие молодые тогда ученые²⁷, обретшие достаточно широкую известность в два ближайших десятилетия — в этих «ученых диспутах» формировались основы исторической науки рубежа XIX и XX столетий.

В Воспоминаниях Платонов делится впечатлениями о более широком спектре воспринятого в студенческие годы и оказавшего влияние на его дальнейшую деятельность и, главное, на представления о том, какой должна и быть и казаться эта деятельность. Это — и наблюдения о манере преподнесения лектором материалов его сферы науки, причем и «для широкой аудитории младших курсов» и для специализирующихся уже старшекурсников (не все те, кого Платонов оценивал как «первоклассные ученые величины»²⁸, обладали преподавательским умением); иногда крупные ученые, читавшие «живо и красиво», которых «любили слушать», не относились серьезно к «делу» преподавания, и студенты это чутко улавливали. «Трудно было быть более приятным для окружающих и более бесполезным для дела человеком», как характеризовал мемуарист выдающегося историка русской литературы и науки XVIII в. академика М.И. Сухомлинова²⁹. Не каждый умел обаяние лекционного курса передать в напечатанном затем тексте той же тематики: в лекционном курсе по русской историографии Бестужева-Рюмина было «много житейских подробностей, бытовых черт, личных воспоминаний, даже анекдотов. Деятели нашей исторической науки являлись живыми лицами в изображении Бестужева. Некоторые из них прямо вдохновляли лектора», а «конспективный и сухой тон печатных статей не может дать понятия об устной беседе Бестужева».

Крепко запомнились Платонову и приемы индивидуального обучения студентов, манера общения с ними профессоров — Бестужев-Рюмин, к примеру, в постановке темы «не был помощником, хотя самые темы охотно называл, иногда даже настойчиво рекомендовал», он «как будто боялся руководить; сделанное учеником он горячо обсуждал, хвалил и критиковал; но как следовало сделать, наперед» не указывал³⁰. Характерно для студента Платонова было и то, что он вдумчиво воспринимал методику не только тех, кто преподавал отечественную историю, и творчески переносил усвоенное в сферу преподавания уже этого «своего» предмета занятий — так латинист переводчик и комментатор И.В. Помяловский первым показал ему «возможность восстановления в конкретных и понятных формах античного быта и культуры»³¹. Естественно, что эти впечатления становились темой обсуждения в среде сверстников, тянувшихся к занятиям наукой и к преподавательской работе. Шляпкин уже тогда уверенно предсказывал Платонову, что он станет профессором³².

Конечно, на формирование образа мысли и поведения будущего историка оказывали воздействие впечатления и от новейшей художествен-

ной и публицистической литературы, от увиденного в театрах (он «любил оперу и драму одинаково»), и безусловно воспринимаемое в современной общественной жизни университета и страны в целом — Платонова избрали членом совета студенческой читальни, которая, как и «ближайшая к ней шинельная» была «местом университетской конспирации», где знакомились с прокламациями, выпускаемыми тайной типографией. Платонов скоро определил свое отрицательное отношение к сходкам, особенно к публичным выступлениям демагогической направленности, и в то же время ему казалась привлекательной агитация «в небольших кружках, в длительной и спокойной беседе». Платонов даже испытал на себе политический надзор. Однако в период студенческих волнений Платонов не был связан с революционно настроенными студентами. И дело не только в том, что, оценив рано проявившийся исследовательский дар Платонова, товарищи и не втягивали его в антиправительственную деятельность (также вели себя и ишутинцы в 1860-е годы в Московском университете по отношению к своему земляку из Пензы В. О. Ключевскому), и даже не в болезни отца, привязывавшей его к дому. А в самом характере Платонова, более всего дорожившего «личной самостоятельностью».

Утверждаясь в этой мысли, Платонов затем не раз будет подчеркивать «индивидуализм» как самую типическую черту своего характера. И уточнит свое понимание этого, оценивая как бы со стороны знаменитого А. Ф. Кони в статье, помещенной в сборнике его памяти. У Кони был, по словам Платонова, «законченный культурный характер... он был тем, что называлось индивидуалистом, и не годился ни для какого-нибудь кружкового катехизиса, ни для стадных выступлений в составе увлеченной в движение толпы»³³. В Воспоминаниях Платонов замечает: «...я не был способен на подчинение партии или кружку, не был склонен даже на простую коллективную работу — и далее выделяет главное для него: «Самостоятельная работа безмерно меня увлекала и утешала в тяжелых условиях тогдашней моей семейной обстановки»³⁴. Платонов убежденно и целенаправленно сосредоточился на научных занятиях.

Подробности о времени студенческой жизни находим в Воспоминаниях. В более краткой Автобиографии выделено лишь то главнейшее, что, по мнению самого историка, определило его жизненный путь. В заключительной части раздела о годах студенчества Платонов продуманно выделил важнейшие, на его взгляд, элементы освоенного (или оторгнутого) им в процессе университетского обучения: «К концу университетского курса я одинаково отошел как от идеологии Бестужева, так и от схем Сергеевича. В отношении *метода* и *техники* я целиком следовал Васильевскому; в понимании же *смысла* и *содержания* русского исторического процесса я испытывал на себе влияние лекций и монографий В. О. Ключевского»³⁵ (ключевые для автора слова выделены мною. — С.Ш.).

Потому, отмечая характерные (и подчас демонстративно подчеркиваемые) различия «московской» и «петербургской» школ историков, вряд ли корректно именно Платонова изображать типичным представителем «петербургской школы», хотя он окончил Петербургский университет, а затем и стал определять стиль преподавания там отечественной истории. Вкус к источниковедению, археографии, текстологии, основательность источниковедческой оснащённости его трудов, обязательное обращение к

архивным материалам, неизменно уместное употребление исторической терминологии (с учетом времени ее появления, особенностей бытования, степени допустимости распространения на похожие явления) — все это результат освоения опыта учителей по Петербургскому университету и отличает стиль работы Платонова от стиля работы Ключевского (допускавшего приближение к публицистике и небрежность в терминологии, особенно в «Боярской думе»). Но широта охвата явлений прошлого и подход к ним, ощущение нерасторжимости социально-экономической истории и государственно-политической сближают еще молодого Платонова с Ключевским и его учениками. В творчестве Платонова удачно и естественно синтезировались характерные элементы обеих школ³⁶. Быть может, это обусловило и то, что к Платонову — и как к ученому и как к человеку — с особой благосклонностью относилась московская профессура 1910—1920-х годов. А ведь это все люди круга Ключевского! С Ключевским Платонова сближал в 1920-е годы и отступник из этого круга М.Н. Покровский. А сам Платонов — уже в ореоле признания — приедет на похороны Ключевского; и на фотографии поздравительной открытки 1916 года он изображен в своем кабинете у книжной полки, рядом с которой на стене портрет Ключевского³⁷.

Петербургские профессора быстро оценили масштабность дарования начинающего ученого, не навязывая ему своих взглядов, тем более тематику своих исследований. Платонов по существу самостоятельно выбирал свою линию пути в науке. И избрал ту, которая была ближе к работам Ключевского. Даже письмо Платонова своему учителю Бестужеву-Рюмину было — как заметил не без обиды адресат — «все полно его (Ключевского.— С.Ш.) восхвалений»³⁸. Влияние направленности и стиля исторической мысли Ключевского проявилось и в чуткости к определению проблемы прошлого, особенно помогающей современникам в выявлении взаимосвязи времен. Платонов остановился на теме «Московские земские соборы XVI—XVII вв.». Проблематика эта в начале 1880-х годов казалась особенно близкой к вопросам общественной жизни, волнующим и политических деятелей и публицистов³⁹. Сочинение его, по словам самого Платонова, было «совершенно чуждо» взглядам Бестужева-Рюмина и «не отразило на себе его ученого влияния». Тем не менее профессор предложил своему одаренному ученику оставаться в университете «для приготовления к профессуре».

Причисление в 1882 г. к университету не обеспечивало, однако, заработок, необходимый теперь не только для себя, но, после кончины отца, и для содержания семьи. И Платонов стал преподавать в средней школе русский язык и историю (1882—1889). Когда заболел Бестужев-Рюмин, ему поручили читать часть курса русской истории, XVII век, на Высших женских курсах. 3 октября 1883 г. он прочел первую лекцию, а затем стал вести и семинарские занятия. С 1886 г., имея уже «репутацию способного лектора», Платонов был приглашен читать курс новой русской истории в Александровский лицей (бывший Царскосельский). Напряженная работа, отвлекавшая от ученых занятий, позволила сдать устный магистерский экзамен только в 1885 г., а приступить к печатанию магистерской диссертации в 1887 г.

Первой печатной работой Платонова стало извлечение из сочинения

о земских соборах, опубликованное в 1883 г. в ЖНПР и отдельной брошюрой и сразу же вызвавшее отклик в газетах. «Новостью в изучении предмета», писал сам историк уже 1920-е годы, были наблюдения об организации земского представительства в 1612—1613 гг. и о роли «средних классов» в событиях тех лет. Уже тогда ученый отметил чрезвычайную важность этого «исторического момента», отделявшего в его представлении «древнюю Москву с ее архаическим строем вотчинной (атриомониальной) монархии от нового государства, возникшего из смуты с иной комбинацией политических отношений между новой династией и сознавшими свою силу сословными группами»⁴⁰. Начавшие утверждаться в его сознании исторические положения овладеют его вниманием исследователя на долгие годы и предопределят проблематику обеих диссертаций — магистерской и докторской.

Именно в методике работы Платонова в этом направлении явственнее всего обнаруживается плодотворное восприятие им источниковедческих навыков собственно «петербургской школы» (а в Автобиографии отражено понимание этого самим ученым) — когда путь исследования проблемы начинается с определения источниковой базы ее, монографического (самоценностного в своей основе, а не только вспомогательного в плане исследования главного вопроса) изучения исторических источников: всей совокупности (что возможно только в редких случаях) или какой-то группы, чаще всего выделяемой по типологическому, «видовому» признаку, и даже одного источника в контексте с другими — современными или схожего типа. Примеры таких научных работ — магистерские диссертации тех же лет Н.Д. Чечулина и С.М. Середонина, изданные отдельными книгами. Труд Чечулина «Города Московского государства в XVI в.» (СПб., 1889) основан преимущественно на изучении писцовых книг; показателен отзыв Ключевского об этой монографии: «Как постановка задачи тесно связана автором с одним источником, так и ее решение во многом зависит от ее постановки. Автор предпринял изучение состояния городов с тех сторон, которых касаются писцовые книги, и для этого рассмотрел писцовые книги только в тех частях, которые описывают состояние городов. Но как такая постановка затруднила автору критический разбор источника, так она же помешала ему соразмерить с источником границы своей задачи»⁴¹. Середонин же в своей монографии сконцентрировал внимание на изучении одного источника — что отражено и в названии книги 1891 г. «Сочинение Джильса Флетчера “Of the Russe Comon Wealth” как исторический источник».

Платонов первоначально хотел «углубить изучение» переходной эпохи (Смутного времени), «исследовать всесторонне начало и развитие того общественного движения», которое создало Второе ополчение и образовало устойчивое временное правительство. Для этого следовало изучить социальный состав населения Среднего Поволжья, где возникло движение, его «материальные и моральные средства», «движение в самых его корнях», а «это могло бы, — по представлению ученого, — в свою очередь, объяснить основной ход московской истории XVII века, приведший государство к реформе Петра Великого». Но первые же опыты изучения поставленных им «историко-социальных вопросов» вызвали разочарование. Источниковая база для такого изучения была тогда еще не подготовле-

на — ни для определения точного состава населения, ни для восстановления в подробностях самого хода «патриотического движения». Молодой исследователь быстро уразумел, что необходимо «искать новый исторический материал для данной темы в архивах», еще не приведенных в порядок, и «произвести критическую работу над известным историко-литературным материалом», которым прежде «пользовались без должной осмотрительности».

Поняв это, Платонов решил сосредоточиться на изучении «историко-литературных произведений той эпохи» (и того непосредственно времени и об этом времени, но написанных позднее), с которыми «впервые близко» познакомился, выявляя материал по привлекавшей его тематике. Он установил, что хотя многие из таких сочинений уже заинтересовали историков (особенно Н.М. Карамзина), известны по цитированию в их трудах или даже изданиям (целиком или в отрывках), общий круг произведений о Смуте оставался не изученным, «взаимоотношения текстов не были выяснены; критических изданий не существовало», а роль «этих произведений, как источников для истории Смуты», очень существенна — они давали фактические сведения о событиях; отражали настроения общественных групп и в совокупности своей «являлись весьма заметным литературным явлением своего времени».

Ученый выработал такой порядок работы: выявление всех подлежащих исследованию сочинений, как изданных, так и находящихся в рукописях; выделение затем самостоятельных произведений «из массы компиляций и подражаний»; и изучение таких самостоятельных произведений в хронологическом порядке их написания, а потом и зависимых от них компиляций и подражаний⁴². В предисловии к изданию своего труда «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник» Платонов отмечает вопросы, которые ставил перед собой при изучении каждого памятника: «определить время его составления и указать личность составителя; выяснить цели, которыми руководился составитель, и обстоятельства, при которых он писал; найти источники его сведений и, наконец, характеризовать приблизительно степень их общей достоверности или правдоподобности его рассказа»⁴³.

Собрав сведения о неизданных текстах, Платонов ездил для ознакомления с ними в Москву и в некоторые монастыри. Но успешно завершить труд помогли ему в Археографической комиссии, обеспечив возможность получения рукописей из провинции, — так, например, ученый смог, не прерывая занятий в университете, изучить и ввести в научный обиход знаменитый нынче «Временник дьяка Ивана Тимофеева».

Работа велась таким образом сразу и в собственно историческом (а также и литературоведческом), и в источниковедчески-археографическом планах. Это было обусловлено и склонностью ученого к занятиям литературой (с чего он и начинал в университете) и строгой школой источниковедческих штудий, пройденной им под руководством историков. И предопределило дальнейший путь исследователя. Платонов, развивая вкус к описанию и публикации рукописных текстов и навыки в этих сферах деятельности, стал выдающимся археографом, участником начинаний Археографической комиссии, а позднее и возглавил ее.

Это отличало Платонова от Ключевского, после магистерской дис-

сертации о житиях святых чуждавшегося подобной работы и мало обращавшегося к архивным документам. Не потому ли Ключевский (благоволивший к Платонову более, чем к другим столичным историкам) написал сдержанный отзыв о монографии, в котором подчеркнул, что изученные сочинения важны прежде всего тем, что знаменуют переворот в развитии исторической мысли. (Соображения такого рода обосновываются и самим Платоновым.) При этом знаменитый историк не мог не отметить характерную для труда молодого коллеги «тщательную разработку» критико-библиографических подробностей и не написать о том, что внимание читателя «невольно останавливается на умении автора мозаически подбирать мелкие данные, рассеянные по разным источникам, и складывать их в цельный очерк, его привычка точно обозначать источники, из которых он черпает свои сведения, облегчая проверку его выводов, вместе с тем дает возможность видеть, чего стоила ему каждая такая страница: он подобрал в приказных книгах и обозначил в примечаниях до 60 мест, где упоминается имя князя И. М. Катырева-Ростовского, чтобы на основании этих упоминаний написать в тексте исследования 5 строк о жизни князя Катырева в 1626—1629 гг.»⁴⁴. Исследование Платонова, вышедшее после печатания частями в ЖНПР (в 1887—1888 гг.) в 1888 г. отдельной книгой, почтили рецензиями помимо Ключевского и другие авторитетные историки (К. Н. Бестужев-Рюмин, В. С. Иконников)⁴⁵.

Литературоведы признали за монографией Платонова большое значение и для изучения истории древнерусской литературы. До того времени первая половина XVII в. «в отношении литературного творчества представлялась бесплодным промежутком». Исследование историка показало литературоведам, «куда именно направлялось это творчество». Оказалось, что «описание и объяснение только что пережитой Смуты стало на время главным предметом внимания для московских писателей»⁴⁶. И во всех позднейших обзорах древнерусской литературы появился раздел, посвященный этим памятникам как одному из важнейших литературных явлений XVII в.

Ценность собранных и «обследованных» Платоновым произведений побудила Археографическую комиссию к мысли подготовить научное издание их, поручив работу, естественно, Платонову. И уже в 1891 г. эти тексты появились как XIII том издаваемой Комиссией «Русской исторической библиотеки» под заглавием «Памятники древней русской письменности; относящиеся к Смутному времени». (Извлечения из книги в виде издания отдельных памятников печатали затем в 1907—1909 гг.; в 1909 г. вышло и второе дополненное издание, повторенное затем в 1925 г.) Платонов с тех пор постоянный сотрудник (а с 1894 г. и член) Археографической комиссии и в течение нескольких лет возглавлял, привлекая своих учеников, работу по подготовке издания в томах «Полного собрания русских летописей» обширного московского официального летописного свода XVI в.

После защиты магистерской диссертации в 1888 г. на публичном диспуте молодой магистр стал приват-доцентом Петербургского университета. А когда в конце 1889 г. безнадежно заболел Е. Е. Замысловский, сменивший еще в 1883 г. на кафедре отказавшегося по болезни от преподавания Бестужева-Рюмина, на освобождающуюся кафедру пригласили

Платонова. Сначала временно, так как он не имел еще докторской степени, но в 1890 г. Министерство по ходатайству факультета назначило его исполняющим обязанностям профессора. Более всего Платонов был обязан в этом академику В.Г. Васильевскому, который тогда сделал его своим помощником в редактируемом им ЖМНП и членом редакции его. Описывая эти события, Платонов в Автобиографии формулировал: «Житейская обстановка моя изменилась совершенно: я попал в условия, благоприятные для ученой работы».

Платонов с увлечением отдается университетскому преподаванию — он читает общий курс русской истории и лекции по отдельным эпохам и вопросам и ведет семинары, обязательные для всех студентов исторического отделения историко-филологического факультета. Читая лекции в разных высших учебных заведениях, молодой профессор совершенствовал свой лекционный курс отечественной истории. Отмечая самое важное для себя в Автобиографии, Платонов заметил, что среди его студентов было «достаточно талантливых», из семинаров 1890-х годов вышли «товарищи и друзья по науке», и некоторые семинарские занятия «отличались большим оживлением; их участники вкладывали в свои рефераты много молодой энергии и иногда обращали их в самостоятельные исследования»⁴⁷. Об углубленном изучении работ студентов и уважительном к ним отношении свидетельствуют сохранившиеся в архиве академика Платонова собственноручные отзывы на них, например, на несколько сочинений о Царственной книге (последнем томе Лицевого летописного свода) в 1893 г.

Человек очень жизнедеятельный и быстрой мысли, остроумный собеседник и рассказчик, любивший дружеские беседы и вечеринки, Платонов, однако, смолоду уклонялся от общественно-политической активности. Рано ощутив влечение к научной работе, целенаправленно сосредоточил усилия в этой сфере деятельности. Тем более, что не имел никакой покровительственной сторонней поддержки. Его не привлекали не только революционно настроенные студенческие кружки, но и молодые либералы (из среды которых выделились затем ученые профессора, ставшие в начале XX в. столпами российского общественного движения кадетского толка). Платонова — разночинца и по происхождению и по жизненным навыкам настораживали эти аристократы по воспитанию; и их привычки к разговору на иностранных языках, и склонность к философской и политизированной тематике фразеологии, и догматическая нетерпимость к инакомыслию (что отражено в современной документации — в письмах, дневниках лиц его окружения) и, можно полагать, — и трудность выделиться в среде этих блистательных и образованнейших интеллектуалов. И они, отдавая дань незаурядным талантам Платонова — ученого, педагога, организатора, также не склонны были принимать его в свой круг.

В 1890-е годы преуспевающий молодой профессор, возле которого еще и прежде группировались специализировавшиеся на изучении истории России и ее памятников культуры молодые люди, оставленные в университете «для подготовки к профессорскому званию» (по нынешней терминологии, аспиранты), сближается с кружком специалиста по истории Прибалтики XIV—XVIII вв. Г.В. Форстена. «Форстенята» — молодые преподаватели, студенты и курсистки, собирались на «форстеневские суб-

боты», где обсуждали проблемы литературы и искусства, слушали музыку, критиковали реакционную политику правительства в области просвещения, но чурались публичной оппозиционности. «Форстенята» обычно подрабатывали преподаванием в средних учебных заведениях; отдавали немало сил культурно-благотворительной работе. Это было типично для времени «малых дел» — чеховского времени⁴⁸. И не случайно младший современник Платонова П.Б. Струве, человек и мыслитель большой политической активности, воспринимал его в одном ряду с А.П. Чеховым. И напомнил, уже в 1930-е годы, что родившиеся в 1860 г. «поколение дало России Чехова и Платонова — людей духовной свободы и душевной несвязанности, свободных от всякого рода предвзятостей идейных и политических»⁴⁹. Чехова сближало с Платоновым и убеждение в том, что «прошлое связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекающих одно из другого», и «иногда удается видеть оба конца этой цепи». (Рассуждение из особо высоко ценимого и самим Чеховым рассказа 1894 г. «Студент».)⁵⁰

В Автобиографии Платонов, возвращаясь мыслью к этим годам, заметил: «Не скрою, что моя преподавательская деятельность в университете развивалась в ущерб собственно исследовательской», так как для писания докторской диссертации времени «не доставало». Это вызывало «некоторую внутреннюю неудовлетворенность»; и только освободившись от работы в ЖМНП, ученый в начале 1896 г. написал первые строки своего главного труда «Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв.».

Думается, что задержка в написании диссертации происходила не только из-за занятости. Творческие способности, трудолюбие, организованность в работе позволили бы ему и в этих условиях подготовить монографию, удовлетворяющую требованиям ученых советов. Платонов готовил себя к исследованию неординарному и по тематике и по методике исполнения. Он отнюдь не отказался от дерзких намерений юности объяснить изменения в основном ходе московской истории в начале XVII в. Но теперь он действовал, имея опыт глубокого исследования первоисточников этого периода истории (признанный уже мастером археографии) и серьезного осмысления всей предшествующей историографии отечественной истории и проверки всего этого при чтении общего курса русской истории. «Работы над построением общего курса русской истории в Университете, — подчеркивал ученый в Автобиографии, — ставили меня лицом к лицу с необходимостью освещать Смутное время в его происхождении, ходе и следствиях. В лекциях я твердо стоял на мысли, что эта эпоха не была случайностью, что она явилась последним фазисом глубокого социального кризиса XVI века и что в ее результате сложился новый порядок, обусловивший собою весь ход дальнейшей жизни государства и направление самого Петра с его реформой»⁵¹.

Это напоминает о пути Ключевского к докторской диссертации: в связи с подготовкой общего лекционного курса русской истории и ряда утверждений важнейших моментов концепции этого курса. Платонов и защищал докторскую диссертацию в том же примерно возрасте, как и Ключевский, — не торопясь, накопив опыт и научного мышления и литературного его оформления. Можно полагать, что Платонов в какой-то

мере руководствовался этим примером. Тем более, что в 1890-е годы на историко-филологическом факультете Московского университета имела уже практика возведения особо выдающихся магистрантов «прямо в степень доктора» (М.С. Корелина в 1892 г., Р.Ю. Виппера и А.А. Шахматова в 1894 г.)⁵².

С.Ф. Платонов чутко уловил, что к концу XIX столетия историки допетровской Руси (и собственно историки, и историки права) «сверх» юридических «процессов» (на изучении которых сосредоточивали внимание основоположники «школы родового быта» С.М. Соловьев и К.Д. Кавелин), «искали в древней русской жизни движение и борьбу идей, искали конкретных отношений общественного верха и низа, господ и управляемой массы, капитала и труда». Опровергнуты были и «умозрительные утверждения “западников” и “славянофилов”», что Петр Великий начал собою новую эру в русской жизни — благую, по взгляду первых, и вредную, по взгляду вторых». При таком подходе обретал общественную актуальность поиск ответа на вопрос: «Если современный строй Русского государства и общества не создан реформами Петра, то когда он получил начало и как он возник?» Все данные указывали на то, полагал Платонов, что «началом новой России надлежит считать Смутное время с его политическими катастрофами и социальными потрясениями»; но «предстояла задача... на фактах показать, как погибал в Смуте старый порядок и в каких формах возникал новый порядок, в условиях которого создалось наше современное государство»⁵³. В самой формулировке задачи исследования ощущалось, что Платонов, прошедший школу обучения и у историков и у юристов, мыслит категориями и исторической и юридической наук.

Исключительное внимание Платонова на протяжении всей его творческой жизни историка к «Смутному времени» объясняется воздействием не только новейшей историографии (причем трудов и историков, и юристов, и филологов) и пониманием научной перспективности исследования столь важной и в то же время еще малоизученной проблематики, но и событиями общественно-политической жизни последнего столетия. Стали очевидными устарелость унаследованных от XVIII в. представлений, сводивших исторический процесс преимущественно к явлениям государственно-политической жизни и к деятельности особо заметных «исторических» личностей, и в то же время определяющее значение в истории «социальных потрясений», теснейшая взаимосвязь с ними «политических катастроф».

В истории России второй половины XIX в. давно уже выделены периоды особого общественного возбуждения — рубеж 1850—1860-х годов и рубеж 1870—1880-х годов; их часто определяли как периоды «революционных ситуаций». И если для первой революционной ситуации особенно характерен интерес ученых и публицистов к истории крестьянства (особенно к крестьянской общине, к взаимоотношениям крестьян и помещиков), то для второй революционной ситуации — интерес к проблеме «государство и народ», взаимоотношений государственной власти и общества. В русле этого широкого общественного интереса и тема первого самостоятельного исследования начинающего историка — Земские соборы. Причем в столетнем периоде их деятельности выделена эпоха Смут-

ного времени и последующие годы. Не отражало ли это и предчувствие грядущих изменений в судьбе России? И обнадеживающую веру в то, что у России и в будущем найдутся силы преодоления их последствий?

В масштабном исследовании подобной проблематики проявились, конечно, не только историографическая эрудиция и степень овладения техникой источниковедческого мастерства, но и более широкого плана научно-методические и общественно-политические представления автора, его нравственные понятия. Платонов был убежден и во все возрастающем значении научного знания в развитии общества и в неизменной воспитательной роли исторических знаний, помогающих понять связь времен и место и своей эпохи, и свое в изменяющемся мире.

Платонов не раз отмечал (даже в документации, предназначенной для следственных органов), что мирозерцание его, «сложившееся к исходу XIX века»⁵⁴, имело базой христианскую мораль, философские воззрения позитивистов и эволюционную теорию развития природы и общества (т. е. то же, что предопределяло и взгляды Ключевского). И действительно, углубленного внимания к сочинениям новейших философов и социологов и попыток использовать их выводы и наблюдения в своем творчестве у Платонова — в отличие от А.С. Лаппо-Данилевского или «легалных марксистов» — не заметно. Однако, если в начальные годы второй половины XIX в. научная молодежь наивно пыталась распространить понятия о закономерностях развития природы на общественную жизнь, используя при этом и соответствующую терминологию, то к концу этого века пришло убеждение в том, что в исторической науке, так же как и в естественных науках (где общепринят прием проверочного эксперимента), первенствующее значение имеет основательность документации и системы аргументации (что и предопределило самостоятельное развитие источниковедения, в частности, таких областей его, как дипломатика и летописеведение).

К концу XIX в. утвердилось уже понимание взаимосвязи природных условий и особенностей общественного развития (в среде русских историков не без воздействия трудов С.М. Соловьева и А.П. Щапова, но уходящее корнями в более далекое время, закрепленное еще авторитетом Монтескье). Все в большей мере убеждались в обусловленности многих событий государственно-политической истории и судеб государственных деятелей и идеологических программ явлениями социально-экономического порядка. Ощущалось уже и важное значение для познания собственно истории наблюдений, ныне относимых к сфере наук этнологии и социальной психологии (особенно в популярных тогда трудах Бокля, Фюстель де Куланжа, Тэна, переводы которых на русский язык вызывали оживленные отклики в прессе и в среде молодежи). И уж безусловно, Платонов творчески освоил результаты работы в сфере статистики (под которой тогда подразумевали науку, занимающуюся изучением приемов систематического наблюдения над массовыми явлениями, составления численных их описаний и научной обработки таких описаний)⁵⁵, тем более что его неизменно интересовали сюжеты краеведения, местной истории — предмет специальных занятий губернских статистических комитетов⁵⁶, а затем и губернских ученых архивных комиссий.

Платонов был воспитан на понятиях о значении семейного начала и

корневых нравственно-культурных устоев в воспитании человека и до конца жизни остался верен таким представлениям. А становление его образа мысли и стиля поведения с особой интенсивностью происходило на рубеже второго и третьего десятилетия его жизни. Сознвая это, Платонов потому и уделял столь много внимания, характеризуя свой жизненный путь ученого, этим годам своей биографии. Подобно близкому ему по духу Карамзину, Платонов принадлежал к таким натурам, о которых точно написал Н.Г. Чернышевский: «Человек с самостоятельным умом, достигнув умственной зрелости и выработав известные основные убеждения, обыкновенно остается навсегда проникнут их содержанием, и эта основа всех мнений остается у него навсегда одинаковою, как бы ни менялись окружающие его факты... Он может сделаться человеком отсталым, не переставая быть верен себе»⁵⁷.

В общественной жизни Платонов более всего ценил устойчивый государственный порядок и видел его в соблюдении общепринятых норм законности. И потому — не только по традиции воспитания, но затем уже, опираясь на опыт истории (прежде всего отечественной) — оставался монархистом. Однако монархистом либерального (так сказать, карамзинского) толка — противником самовластия монарха (так же как и лиц, пользовавшихся его именем) и злоупотреблений правительственных чиновников, склонным к преобразованиям, но постепенным, идущим сверху и с должной подготовкой. Революции и в прошлом и в современную ему эпоху были чужды его мировосприятию (хотя и притягивали внимание ученого-историка). Безусловно опасными для общества ему представлялись люмпены и особенно популистские попытки вовлечения их в политическую и тем более в идеологическую борьбу. Неприемлемой Платонову казалась и политическая страстность, а письменные источники, ее отражавшие, вызывали настоженную недоверчивость. Он избегал участия в политической борьбе и в сочинениях своих стремился держаться спокойного тона и сохранять позу объективности и зависимости лишь от степени полноты и достоверности доступных ему источников изучения отображаемых явлений.

Это объяснялось тем, что Платонову присуща была и просветительская убежденность российской интеллигенции — вера в то, что распространение просвещения является важнейшим условием развития общественного сознания и закрепления в обществе нравственных начал. И просветительская деятельность воспринималась как общественное служение. Это предопределяло требовательно-серьезное отношение Платонова и к выбору тематики работы историка и к приемам передачи другим своих знаний. И обусловило особое внимание ученого к стилистике своих сочинений и лекций. (Он выработал замечательное умение ясно и увлекательно излагать свои мысли, выражая даже самые сложные из них в доступной всем форме.) И в то же время стремление к подлинной научности, ибо «только научный труд может быть полезен общественному самосознанию»⁵⁸.

Следует учитывать, конечно, и накопленный опыт знакомства с диссертациями других ученых-гуманитариев, даже с формулировками их заглавий. И не случайно и в этом, внешнем, плане выявляется сближение с Ключевским (отмеченное уже в историографии). Название магистер-

ской диссертации «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник» прямо копирует название магистерской диссертации Ключевского 1871 г. — «Древнерусские жития святых как исторический источник», а в докторской диссертации «Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв.» подзаголовок «Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время» напоминает уже о подзаголовке докторской диссертации Ключевского «Боярская дума. Опыт истории правительственного учреждения в связи с историей общества». В то же время Платонов не мог не обратить внимание на то, что в докторской диссертации Ключевского (в отличие от его же магистерской) отсутствует характеристика привлеченных для изучения темы источников. М.В. Нечкина, пытавшаяся восстановить корпус их по сноскам в книге Ключевского «Боярская дума», предполагает: «Возможно, он не желал, чтобы этот вопрос обсуждался во время защиты»⁵⁹. Платонов, серьезный знаток новейшей отечественной историографии (в личном архиве его немало отзывов 1880—1890-х годов на новые издания, конспектов таких трудов, выписок из них)^{*}, осведомлен был, конечно, что в литературе «этот вопрос» все-таки «обсуждался», и Ключевского упрекали в малом знакомстве с архивными источниками о повседневной деятельности Боярской думы. Знаменитый историк-архивист академик Н.В. Калачов избрал даже для речи на торжественном собрании Академии наук в 1883 г. тему «О Боярской думе Московского государства и ее до нас дошедших докладах» и старался показать, что некоторые положения книги Ключевского не подтверждаются архивной документацией⁶¹. Существенно и то, что Платонов мог теперь опереться уже и на методику и выводы трудов своих сверстников, изучавших по первоисточникам отдельные стороны социальной истории России XVI — начала XVIII в. — Д.И. Багалея, М.А. Дьяконова, А.С. Лаппо-Данилевского, П.Н. Милюкова, С.В. Рождественского, Н.А. Рожкова, С.Н. Середонина, Н.Д. Чечулина и других; они опубликованы были в виде монографий и статей (в основе которых диссертации).

Для Платонова — воспитанника «петербургской школы» историков едва ли не равно существенным казались и логика построения самой исторической конструкции (т. е. концепции, объясняющей историческое явление и особенности именно такого его развития) и степень документальной основательности ее во всех деталях. В отличие от Ключевского, Платонов сдержаннее в своих общесоциологических или политологических (употребляя нашу современную терминологию) суждениях обобщающего характера. Но учитывает локальные и временные (не только разных десятилетий, но даже разных лет) признаки изучаемых явлений. Указывает и документальные подтверждения конкретных реалий, о которых повествует.

И именно в аспекте источниковедения, точнее сказать, понимания соотношения источникового базиса и исторического построения особенно заметна разница творческих методов Ключевского и Платонова. Для Ключевского, при всей изощренности его источниковедческого мастерст-

* К сожалению, выявить маргиналии Платонова на книгах пока затруднительно, так как его обширная любовно собранная библиотека была еще в начале 1930-х годов продана Славянскому институту Карлова университета в Праге⁶⁰.

ва и оригинальности приемов наблюдения над прошлым, в основе схема (сконструированная им самим или унаследованная от предшественников и им лишь усовершенствованная, украшенная). Под этим углом зрения (и иногда, невольно быть может, в угоду такой схеме) рассматриваются и подбираются запечатленные в источниках факты или реконструируются отсутствующие там. Изображая ту или иную систему исторических явлений, он не полагал нужным объяснять степень допустимости привлечения для того даже на первый взгляд нелегко сопоставимых данных — разных эпох (скажем, XVI и XVII столетий) или разных территорий обширного государства, отличающегося неодинаковостью социально-экономического (а иногда даже и государственно-политического) уровня развития своих частей. Главное для Ключевского не в отличительных особенностях и своеобразии комбинации элементов общественной жизни, а в степени четкости проявления усмотренной им определяющей линии развития.

И «Боярская дума» и «Курс русской истории» Ключевского на стыке с социологией, исторической психологией и в то же время с художественной публицистикой. Платонов, при всем своем уме и литературном даровании, уступал масштабности политологического мышления и тем более литературно-художественного таланта Ключевского. Но в фундаменте всех построений Платонова — и частных и даже общей схемы в целом — всегда собственно источниковедческие наблюдения. Он побуждал себя к проверке по первоисточникам и осевших уже в сознании историков положений, сформулированных предшественниками. И потому его конкретные выводы нельзя было исключить из научной и учебной литературы даже в период ожесточенной борьбы с «платоновщиной» Покровского и его школы. На труды Платонова во многом опирается и обогащенная новыми фактологическими знаниями и более совершенной методикой исследовательской работы современная наука (и после издания монографий П.Г. Любомирова, И.И. Смирнова, В.И. Корецкого, Р.Г. Скрынникова и др., множества исследовательских статей). Блистательно же написанная «Боярская дума» Ключевского, ставшая вехой в развитии нашей исторической мысли, событием в общественной и литературной жизни начала 1880-х годов, нечасто цитируется в научной литературе (не включалась и в собрания сочинений Ключевского, так как основные положения ее нашли воплощение в соответствующих главах «Курса русской истории»).

Докторская диссертация Платонова и по сей день остается первоосновой знаний о России второй половины XVI — начала XVII в. Для характеристики этого труда допустимо использовать слова самого Платонова об «Историях» Карамзина и Соловьева и их значении в отечественной историографии: «“Истории” Карамзина и Соловьева явились с цельными воззрениями на русскую историческую жизнь, воззрениями, которые для своего времени представляли новизну, давали толчок науке» и в то же время «несли в науку так много материала, что стали на долгое время в ряд “источников” для истории»⁶². Это — слова рецензии 1891 г. на третий том «Истории России» Д.И. Иловайского. Можно думать, что уже тогда Платонов сформулировал идеал исторического исследования, к осуществлению которого стремился при выборе темы своей второй диссертации и в период ее подготовки. Пожалуй, именно с этой книги Платонова так явственно прослеживается та особенно плодоносная линия развития нашей науки (и, в частности, практики подготовки диссертаций), когда

исследование собственно историческое совмещается с собственно источниковедческим (а то и археографическим) — в области филологических наук это связано с творчеством великого современника Платонова академика Шахматова. (И в то же время восходит к «Истории» почитаемого Бестужевым-Рюминым, Срезневским и Платоновым Карамзина, прежде всего к его примечаниям.)

В Автобиографии академик Платонов счел необходимым особенно подробно остановиться на истории написания докторской диссертации и обосновании ее главных выводов, полагая, что именно эта монография «была высшим научным достижением всей» его жизни и определила его место «в кругу деятелей русской историографии» *.

Платонов решил сосредоточить внимание на внутренней жизни России, на «изображении деятельности руководивших общественной жизнью кругов и на характеристике массовых движений». В пояснение авторских намерений он и дал своему труду второе, пояснительное заглавие, чтобы всем ходом изложения подвести читателя к основному выводу — о перемене господствовавшего класса в государстве и о влиянии этой перемены на общий правопорядок XVII в. А для того чтобы удостовериться в том, что «Смута была органическим явлением в жизни Москвы» и России в целом, а не результатом внешних влияний польских интриг и политики папской курии (такое распространенное мнение о «случайности» Смуты обосновывалось, в частности, в очень популярных в ту пору сочинениях Н.И. Костомарова), обстоятельно исследовал социальную историю Московского государства перед Смутой.

В вводной части диссертации, посвященной предпосылкам Смуты в XVI столетии, Платонов первоначально предполагал лишь «воедино свести результаты трудов» предшественников, однако по мере углубления исследования оно разрослось в имеющий и большое самостоятельное значение «сложный трактат по внутренней истории Московского государства XVI века».

Впервые было дано общее описание всех регионов государства, в которых характеризовались местные отличия. Это были цельные характеристики природных особенностей, социального и хозяйственного строя, степени населенности, политического настроения, т. е. с достаточной степенью конкретности показана «реальная обстановка, в которой развивалось то или иное действие Смуты». Эта глава стала школой для многих, занимавшихся затем и историей допетровской Руси, и исторической географией, и краеведением. Во второй главе исследовался кризис, охвативший во второй половине XVI в. центральные и южные области государства. Политическая сторона кризиса давно уже привлекала внимание и ярко изображена была Ключевским (борьба царя с княжеской знатью, состав и землевладение знати, идеология противников, отраженная в публицистике, и пр.). Но, проверяя выводы Ключевского, Платонов «неожиданно для самого себя встретился с целым рядом мелочных и разрозненных данных, которые при их надлежащей комбинации дали возможность осветить не-

* Характерно, что и в тюрьме в собственноручных показаниях в апреле 1930 г. он напишет об «Очерках», как о своей «основной работе... которая создала мне громкое имя»⁶³.

вым светом значение давно известной и все-таки загадочной «опричнины» Ивана Грозного». Эти формулировки Платонова показательны для понимания им самим методики своей работы и различия ее и исследовательских приемов Ключевского.

Платонов установил, что в распоряжение нового «опричного» двора попало около половины государства, и это были «наиболее доходные торговые пункты» и родовые земли знати. Путем раздробления крупных вотчин, пользовавшихся правами льготного землевладения, уничтожался материальный базис родовой знати, а казни и ссылки удаляли ее от дворца и высших учреждений — тем самым опричнина определялась как «обдуманная система мероприятий», направленных против «политически и социально влиятельной» аристократии. Это привело к возвышению получивших и ее земли и казенные земли незнатных дворян, вполне зависимых от верховной самодержавной власти. Такова, по Платонову, «политическая сторона» кризиса в государстве в последнюю треть XVI в.

«Социальную сторону» его историк видел в условиях, вызывавших перемещение крестьянской трудовой массы из центра государства на окраины, так как «рост мелкого землевладения тогда связан был органически с ростом крепостного права на крестьян». Трудовая масса оставалась в покое лишь в северном Поморье, где не было помещиков и крепостного права. Явным становилось общественное брожение — недовольство и верхов общества (страдавших от террора и потери земель), и среднего класса «помещиков» (терпевших от ухода рабочей силы), и низов общества, недовольных и правительством и землевладельческими классами. Особенно много недовольных концентрировалось близ границ государства, в «диком поле», где селились бродячие «казаки». Первая часть «Очерков» названа «Московское государство перед Смутой» и заняла 200 страниц. Вторая, в 382 страницы, получила название «Смута в Московском государстве». Первая часть давала читателю, по словам самого автора, «понятие о реальной общественной обстановке, в какой возникла и развилась Смута». Выводы эти оказали несомненное влияние на историографию и публицистику последующего времени, даже на труды старших современников историка.

Во второй части книги изображается «постепенное, по трем периодам развитие Смуты». В первый период происходила борьба претендентов за московский престол, закончившаяся воцарением В.И. Шуйского — «период борьбы династической». Второй период, по определению Платонова, «период борьбы социальной». Это — время «движения низших слоев населения против высших, неимущих и обездоленных против богатых и знатных». Верхи не предвидели, что «народная масса, неосторожно поднятая на защиту тех или иных династических интересов, может подняться и по собственному побуждению для своих классовых достижений». Платонов детально изображает и «стихийное движение масс», и деятельность самозванцев, и вмешательство соседних государств, приведшие к разделению власти в стране между несколькими правительствами, когда «политическая самостоятельность Московского государства была утрачена, внутри господствовала анархия и разбой», и заключает: «Такой исход имела социальная борьба в московском обществе, в котором ни один общественный класс не обладал пока ни достаточно сильной внутренней орга-

низацией, ни достаточно ясным классовым сознанием». Наступил «полный распад старого порядка».

Третий период Смуты — «период борьбы за национальное освобождение». До Платонова только Соловьев сумел с определенной последовательностью изобразить события тех лет (в многотомных «Историях» и Татищева, и Щербатова, и Карамзина изложение, из-за кончины авторов, прерывалось как раз на этих событиях). Платонов показал, что «общенациональный порыв» борьбы с интервентами «на мотивах национально-религиозных» «не погасил классовую вражду». Охарактеризовал он и насилия пришельцев-иноземцев и «грабежи казачества» и объяснил, почему лозунгом нового Нижегородского ополчения, «кроме национального освобождения, стала борьба с казачеством за общественный порядок». Это объединило «под одними знаменами поместное дворянство, горожан и свободных крестьян северных областей, то есть средние классы, представителей мелкого служилого землевладения, торгового капитала и мелкой промышленности». «Смена правящего класса в стране, старой знати — средними классами» — «главное последствие Смуты». Низам общества не удалось «достигнуть своей цели — упразднения старого крепостного общественного строя», средние же классы, поддерживавшие правительство первых Романовых, закрепили свое командное положение в стране Соборным Уложением 1649 г.

Платонов имел право писать не без гордости в Автобиографии: «Успех моих “очерков” был несомненен. Критика признала за ними не только ценность исторических наблюдений и выводов, но и литературное достоинство и даже художественность изложения». И приводит цитату из отклика А.Е. Преснякова на третье издание «Очерков» в немецком издании 1911 г.: «В “Очерках” ясно проявляется личность Платонова как ученого. Внимательный и чуткий исследователь стремится здесь получить конкретное и детальное представление об интересующих его событиях. Из мозаики мелких, почерпнутых из различных источников фактов он создает — всегда на строго документальной основе — свою характеристику и описание событий с такою точностью обобщения, что сообщенное им в изобразительном и повествовательном отношении выглядит как художественное произведение. Эта научно-историческая наглядность свойственна характерной для Платонова чрезвычайно далеко идущей дедукции; его труды, между прочим, представляют чрезвычайный интерес и в качестве материала для изучения психологии и методологии формирования исторических понятий»⁶⁴.

В то же время и сами «Очерки по истории Смуты» (так же как и достаточно подробное изложение их содержания и выводов в «Лекциях по русской истории» Платонова) оказывали значительное влияние на «формирование» и представлений о России XVI—XVII вв. и «исторических понятий». Это явственно прослеживается в статьях о земских соборах, появившихся в широкой прессе в связи с обсуждением вопроса о созыве и работе Государственной думы, в частности в статье «Земский собор и наша политика» в большевистской газете «Вперед» (в марте 1905 г.), которую тщательно редактировал В.И. Ленин⁶⁵. Думается, что можно усмотреть знакомство с рассуждениями Платонова и в ленинском обосновании понятия «революционная ситуация» и ее характерных черт: общенацио-

нальный кризис, затрагивающий интересы всех общественных классов, и взаимосвязанные три условия — кризис верхов, обострение бедствий угнетенных классов, повышение активности народных масс. (Интерес четы Ульяновых к книгам Платонова несомненен: в их библиотеке в Кремле три книги историка — изданные, правда, уже в 1923 г. — и среди них научно-популярный очерк «Смутное время» и сборник 1922 г. в честь Платонова⁶⁶. И уж безусловно, это заметно в написанных сразу после гражданской войны мемуарах генерала А.И. Деникина об этих годах, даже нарочито подчеркнута в названии «Очерки русской смуты». И вообще, едва ли не популярностью сочинений и взглядов Платонова объясняется столь широкое распространение понятий «Смутное время», «Смута» для обозначения событий первой четверти XX в.; а когда Платонова называли «историком “Смутного времени”» (именно под таким заголовком напечатана⁶⁷ написанная в зарубежье вскоре после кончины историка статья его ученицы А.М. Петрункевич), то подразумевали, возможно, не только далекую эпоху, ставшую предметом его исследования, но и современную ученому, обусловившую и тематику его творчества и его жизненный путь.

В Автобиографии Платонов отмечает, что после защиты второй диссертации и переиздания монографии через два года (в 1901 г.) его «ученое имя было установлено твердо». И «содействовал» этому «еще и тот факт, что начиная с 1899 г.» стали выходить печатные издания его «Лекций по русской истории». Воистину рубеж столетий оказался звездным временем Платонова! «Начался новый период»⁶⁸ жизни историка, который завершился в канун революционного 1917 года.

Это были годы преимущественного сосредоточения ученого на учебно-просветительской работе. Но для Платонова она была неотторжима от исследовательской. Хотя в первые два десятилетия XX в. Платонов не выпускал новых монографий, даже написанных в научно-популярной форме, постоянно выходили из печати статьи и рецензии, документальные публикации; переиздавались прежние работы, особенно часто учебные пособия для высшей и средней школы. И, как выяснилось позднее, статьи тех лет стали основой книг 1920-х годов.

Некоторые исследовательского характера статьи были написаны «по связи» с большой книгой «Очерков» о Смутном времени. Сам автор справедливо выделяет среди них две крупные по объему работы 1905—1906 гг. В одной Платонов вернулся «к старшей своей теме — к “Земским соборам” и дал их общую историю в свете новых исторических данных», особенно о соборах середины XVII в., когда они явились «органом средних классов населения» и вынудили власть к пересмотру законодательства и уступкам этим слоям населения. Платонов, опираясь на «архивные находки», старался «упразднить» господствовавшее в историографии мнение, «что земские соборы естественно заглохли вследствие внутреннего ничтожества», и полагал, что «настоящей причиной прекращения соборов был страх перед ними правительства и его стремление к бюрократизации управления»⁶⁹. Тематика статьи и именно такая постановка вопроса казались особенно актуальными (если пользоваться привычной ныне лексикой) в 1905 г., когда в обществе и в печати много говорили о земских соборах⁷⁰.

«Актуальной» становилась и статья «Московское правительство при первых Романовых», обосновывавшая и развивавшая мысли, «сжато» высказанные в заключении «Очерков». Основной задачей было установление состава правительственной среды в царствование Михаила Федоровича. Историк решительно опровергал мнение о том, царь Михаил был формально ограничен боярами, и тем самым устранил возможность опоры на исторический прецедент законодательного ограничения самодержавной власти Романовых уже в начальный момент правления династии. Но в самом «смысле поставленной темы» можно было усмотреть и намек на современных правителей: Платонов объяснял, что деятельность подобного царя, «фигуры крайне бледной», «можно осветить... только установив, кто и как влиял на него самого и на ход дел», и показывал, что «новая придворная и чиновная знать» Михаила — это «в значительной проценте лица, пользовавшиеся... сомнительной репутацией», и их влияние на общий характер правительственной деятельности того времени было безусловно вредно и подготовило революционные вспышки середины XVII в.⁷¹ Такие соображения тоже влекли к определенным ассоциациям с современностью.

Конечно, Платонов, хорошо знакомый с русской литературой и в юные годы имевший даже намерение стать писателем, понимал значение «эзопова языка», публицистики и художественной литературы в развитии общественного сознания в России XIX в. и не мог не предвидеть попыток под таким углом зрения читать и его ученые труды. Но думается, что главным для него было стремление представить серьезно значимый исторический материал о тех явлениях прошлого, которые волнуют общественность. И при том не только удовлетворить любознательность интересующихся историей (или сравнительным рассмотрением настоящего и прошлого), но и показать пример источниковедческого подхода к таким вопросам; и уже тем самым противопоставить основательные выводы исследователя скороспелым суждениям о «мощной» сравнительно-исторической тематике, которыми торопятся делиться в прессе и в лекциях.

Это побуждало Платонова публично высказываться и в дни «исторических юбилеев», когда обычно появляется немало и научных и публицистических работ — статьи «К 200-летию Петербурга» 1903 г., «К истории Полтавской битвы» 1909 г., (тогда же и статья «Личность Петра Великого» в «Полтавском сборнике»), «Боярская дума — предшественница Сената в юбилейной «Истории Правительствующего Сената за двести лет» в 1911 г., «Священной памяти двенадцатый год» в 1912 г., «Вопрос об избрании М.Ф. Романова в русской исторической литературе» в 1913 г. То же относится и к историографической проблематике и к современным историческим исследованиям: ученый откликнулся рецензиями на самые значительные книги тех лет, продолжая линию, характерную для его творчества уже в предыдущее десятилетие. В 1890-х годах он опубликовал рецензии на книги Н.Д. Чечулина о городах XVI в. и внешней политике времени Екатерины II, С.М. Середонина о сочинении Флетчера, на отдельные книги многогомика Н.П. Барсукова «Жизнь и труды М.П. Погодина», III том «Истории России» Д.И. Иловайского и др.; в архиве историка немало неизданных рецензий тех лет. В первые десятилетия XX в. напечатаны рецензии на книги А.Е. Преснякова о княжом праве Древней

Руси (1909 г.), М.М. Богословского о земском самоуправлении на русском севере в XVII в. (1914 г.), М.В. Ключкова — о правительственной деятельности времен Павла I (1917 г.) и др. Выступил историк (в 1911 г.) и со статьями о своих знаменитых предшественниках Карамзине и только что скончавшемся Ключевском.

Продолжается публикация и малых форм исследований (основанных обычно на архивных материалах) о России XVI—XVII вв. и об источниках ее изучения (и актовых и нарративных), и особенно о выдающихся деятелях той поры — «характеристики исторических лиц вообще составляли мою слабость»⁷², — пишет Платонов в Автобиографии (особо выделяя статьи тех лет об Алексее Михайловиче и Петре I). Свойственная трудам ученого этой магистральной для его исследований проблематики новизна подхода обнаруживается и в «юбилейных» выступлениях по другим периодам истории — так, в статье о Полтавской битве ученый, «вопреки всем русским военным историкам», решился утверждать, что в кампании 1708—1709 гг. боевая инициатива принадлежала Карлу XII и тем еще в большей мере выявлялась «мастерская стратегия Петра»⁷³.

А в «Слове» в Остафьево в день открытия памятника Карамзину выступил против тех, кто, подобно Милюкову, стремился «развенчать» великого Историографа и опять-таки, вопреки мнению многих ученых и публицистов рубежа XIX и XX вв., обосновывал мысль, что деятельность Карамзина проникнута «целостным единством умонастроения» и «самая суть мировоззрения» Историографа «в гармоническом соединении» «европеизма» и «патриотизма», что и дало «такой успех произведению Карамзина среди современного ему общества». «В произведениях своих Карамзин вовсе упразднил вековое противоположение Руси и Европы»⁷⁴. В письме того же времени, рассказывая о подготовке «Слова», Платонов отметил: «Сам я только тогда ясно стал представлять себе Карамзина, когда додумался до изложенных в речи мыслей»⁷⁵. Юбилейные выступления для Платонова не были обязательными дежурными и по существу пустыми выступлениями именитого эрудита и оратора, это — всегда акт нового творчества! Платонову дорога была не только его ученая репутация «князя науки» (выражение гр. С.Д. Шереметева)⁷⁶, но и самоуважение, и выступления становились важными и для самого себя проверками творческого потенциала.

Следует иметь в виду, что эти публичные выступления — печатные и лекции на определенную тему — имели место тогда, когда из года в год возрастала известность Платонова. Перерабатывался и заново издавался его курс лекций в высших учебных заведениях, а затем и учебник для средней школы. Творчество Платонова неразрывно связано с преподаванием — преподавательская деятельность нередко побуждала его к исследовательским изысканиям, а новое истолкование исторических явлений исследователь поверял восприятием студенческой аудитории.

Начал преподавать Платонов почти одновременно — в 1882—1883 гг. — и в средних и в высших учебных заведениях. И это обстоятельство не могло не оказать существенного влияния на формирование его методических приемов — он получил сразу же возможность ощутить степень допустимости вузовских приемов преподавания в школьной программе, взаимосвязь преподавания на разных ступенях восприятия учащимися.

Широкая историческая и филологическая подготовка, дарование и оратора и методиста способствовали тому, что он стал одним из самых почитаемых преподавателей частных гимназий, Александровского (бывшего Царскосельского) лицея, влиятельным членом Ученого комитета Министерства народного просвещения, в компетенцию которого входила оценка учебной литературы. Платонова пригласили преподавать историю великим князьям (детям Александра III Михаилу и Ольге и племянникам его Дмитрию Павловичу и Андрею Владимировичу). Часто он читал лекции и в провинции, иногда даже небольшие лекционные курсы. Маршал Б.М. Шапошников, вспоминая лекции его 1907—1908 гг. в Академии Генерального штаба, писал: «Русскую историю до времен Александра III читал профессор истории Платонов. Нужно ли говорить об этом эрудированном историке? Его лекции были в высшей степени содержательны, умны и до мелочей подготовлены»⁷⁷.

Платонов проявил и недоюжный талант организатора: он заведовал кафедрой и был (в 1900—1905 гг.) деканом Историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. В 1903 г. стал директором сформированного тогда, под покровительством К.Р., Женского педагогического института. На его долю выпали обязанности не только обоснования учебных программ и подбора преподавателей, но и обеспечение возможности строительства институтского здания и оснащения его оборудованием, учебными пособиями. И через несколько лет считали, что Институт превзошел по уровню преподавания Бестужевские женские курсы. Ему предлагали пост Министра народного просвещения (об этом писали газеты). В канун революции Платонов имел известность большую, чем кто-либо другой из здравствующих историков России.

Платонов как ученый-просветитель, пропагандист исторических знаний всегда осознавал, что история, войдя в обиход культуры как «художественно-прагматический рассказ о достопамятных событиях и лицах»⁷⁸, и во все последующие времена сохраняла такое же назначение в представлении широкой публики. Однако с развитием собственно науки истории, с совершенствованием ее методики даже в сочинениях и лекциях, рассчитанных на восприятие тех, кто не имел специальной научной подготовки, обнаруживается все в большей мере интерес к ознакомлению с самой системой изучения прошлого — и с первоисточниками знания и приемами их обработки (это сфера науки, ныне называемой историко-ведением) и с опытом размышлений о том же предшественников (это уже сфера науки об истории исторических знаний, исторической мысли, именно применительно к которой теперь употребляют наименование «историография»). Введение к «Лекциям» (с авторской самооценкой в скобках: «Изложение конспективное») включает два раздела — «Обзор русской историографии» и «Обзор источников русской истории». Этому же (особенно историографии) уделяется особое внимание и во многих лекциях — в указателе имен находим фамилии даже молодых тогда еще историков.

Читатель и слушатель должны были думать вместе с автором не только о характеризующих им исторических явлениях, но и о путях познания этих явлений. Платонов был замечательным мастером приобщения к своей мысли. Но как подлинный художник слова он умел вызывать и

образное восприятие. И задачу свою видел в том, чтобы дать и «научно точную» и «художественную картину». В Предисловии к последнему, десятому («пересмотренному и исправленному»), прижизненному изданию своих «Лекций» на Родине Платонов отмечал, что «в “Лекциях” можно видеть только тот фактический материал, на котором обычно строятся курсы автора». Ибо «живое преподавание и научная работа оказывают непрерывное влияние на лектора, изменяя не только частности, но иногда и самый тип его изложения»⁷⁹. Тем более что Платонов говорил без записок. Но речь его, вспоминает ученица историка А.М. Петрункевич, «лилась плавно “как по писанному”, и не читаемые, а *говоримые* цитаты органически сплетались со всем остальным, незаметно создавая атмосферу эпохи. Получалось своеобразное художественное впечатление особой “стильности”. Это же характерно и для некоторых печатных трудов ученого, особенно книги «Борис Годунов» (оформленной уже после революции): в ее «словаре,— пишет та же Петрункевич,— подобраны все термины и их сочетания, которые только можно найти в обороте живописуемой эпохи. Цитаты не только вливаются в язык автора, но и сливаются с ним»⁸⁰. Платонов обладал даром ощущения воспринимающей его аудитории (и слушателей и читателей). В Платонове органически совмещались исследователь, педагог-методист, занимательный рассказчик. И для аудитории разного уровня подготовленности притягательными оказывались для одних фабула сюжета, для других образная речь с пленительными архаизмами-цитатами, для третьих новизна вводимого в обиход материала источников или ученой конструкции, наконец, красота самой логической системы обоснования своей мысли.

У Платонова были устойчиво сложившиеся представления о задачах занятий российской историей и о результативных формах передачи этих исторических знаний. Наиболее сжато сформулированы такие его представления во Введении к «Лекциям по русской истории» — предисловие автора к десятому их изданию датировано 5 августа 1917 г. Платонов четко различает задачи истории и социологии. Социология призвана раскрывать «общие законы развития общественной жизни вне приложения их к известному месту, времени и народу». История же, по его убеждению, «есть наука, изучающая конкретные факты в условиях именно времени и места, и главной целью ее признается систематическое изображение развития и изменений жизни отдельных исторических обществ и всего человечества».

Чтобы успешно осуществить такие намерения и «дать научно-точную и художественно-цельную картину какой-либо эпохи народной жизни или полной истории народа, необходимо: 1) собрать исторические материалы; 2) исследовать их достоверность; 3) восстановить точно отдельные исторические факты; 4) указать между ними прагматическую связь и 5) свести их в общий научный обзор или в художественную картину... Те способы, которыми историки достигают указанных частных целей, называются научными критическими приемами, и они «совершенствуются с развитием исторической науки». Однако историки «не собрали и не изучили еще всего материала, подлежащего их ведению», и потому «история не достигла еще результатов, каких достигли другие более точные науки», но история — «наука с широким будущим».

«Конечной целью русской историографии» для Платонова «всегда остается построение системы местного исторического процесса». Он понимает, что «за простым анализом явлений, имевшим целью указать их причинную последовательность», открывается «широкое поле — исторический синтез». Но предостерегает от поспешного перенесения обобщений всемирно-исторического характера на историю своей страны, своего народа. Хотя допускает поиски аналогий в истории всеобщей и учитывает то, что познание русской истории важно для обоснования и общен исторического синтеза.

Построением системы исторического процесса собственно русской историографии разрешается, по его мнению, «и другая более практическая задача, лежащая на русском историке». Согласно «старинному убеждению», «национальная история есть путь к национальному самосознанию». И «действительно, знание прошлого помогает понять настоящее и объясняет задачи будущего» (мысль эта и до него отмечена в сочинениях многих историков, в их числе и Карамзина, и Ключевского, и тех, кто рассуждал о пользе, значении и задачах истории). «Народ, знакомый со своею историей, живет сознательно, чуток к окружающей его действительности и умеет понимать ее. Задача, в данном случае можно выразиться — долг, национальной историографии заключается в том, чтобы показать обществу его прошлое в истинном свете». «При этом, — подчеркивает Платонов, — нет нужды вносить в историографию какие бы то ни было предвзятые точки зрения; субъективная идея не есть идея научная, а только научный труд может быть полезен общественному самосознанию». Исследователь обязан оставаться «в сфере строго научной»⁸¹.

Такая, по существу, самохарактеристика историка вполне соответствует тому, что написал о Платонове А.Е. Пресняков в так понравившейся ему статье для немецкого издания: «Платонов... всегда считал, что главная задача историка — определить общие руководящие линии исторического процесса, которыми наша нация дошла до своего нынешнего состояния... Уяснение этого процесса Платонов считает обязанностью национальной историографии, от каковой общество вправе ожидать *такого познания своего прошлого*, которое помогло бы ему (обществу) понять современность и задачи будущего... Сергей Федорович считал, что задача историка не в том, чтобы *исторически обосновать* свои политические или социальные взгляды, а в том, чтобы изобразить главные моменты исторической жизни общества, дать ему то разумное знание о себе самом, применение которого к текущей жизни будет уже делом самого этого общества»⁸².

К тому времени, когда Платонов занялся изучением школьных учебников истории и, тем более, когда сам приступил к созданию таких учебников, имелся уже серьезный опыт составления учебников для средних учебных заведений крупнейшими учеными специалистами по всеобщей истории (П.Г. Виноградовым, Р.Ю. Виппером, Н.И. Кареевым и др., П.Г. Виноградов — инициатор подготовки «Книги для чтения по истории средних веков» в нескольких томах). Платонов как будто первым из выдающихся исследователей — профессоров русской истории предпринял попытку создать школьный учебник, опираясь прежде всего на материал вузовского лекционного курса, т. е. на подлинно научной основе. Он из-

бегал и легенд, и анекдотов, и «рептильно-патриотической лирики»⁸³, и сокрытия фактов (характерных для других учебников, особенно при отборе материала о новейшем времени), и тенденциозного субъективизма. Учебники его благодаря продуманной и доходчивой системе построения стали, по существу, одновременно и пособиями по формированию логики научного мышления.

Методисты и педагоги-практики признали учебник «самым подходящим для школы» (что отражено и в рецензиях 1909—1910 гг.)⁸⁴. Анкетирование среди педагогов в 1912 г. свидетельствовало, что учебник Платонова стал популярнейшим пособием по русской истории⁸⁵. П.Н. Милюков в статье-некрологе 1933 г. так оценивал «Лекции по русской истории» и «Учебник русской истории для средней школы»: «Обе книги сделались классическими; этим они обязаны ясности стиля, сдержанности суждений и соответствием с общепринятыми в то время требованиями от русского исторического учебника. Автор старается сохранить полную объективность»⁸⁶. Именно по этим книгам обучали россиян зарубежных, в после-революционной эмиграции. В последние годы учебники стали переиздавать и в нашей стране, и они по-прежнему признаются недосыгаемыми пока образцами методического совершенства.

И пригласили Платонова преподавать великим князьям не потому, что именно его общественно-политические взгляды казались особенно близкими воззрениям императорской фамилии, а как наиболее видного знатока отечественной истории и непревзойденного методиста ее преподавания. Платоновский же «Учебник» для средних школ вызвал неблагоприятные отзывы в высших сферах. Историк в Автобиографии приводит обнаруженную архивистами в бумагах Николая II его записку о профессорах русской истории, где читаем: «Вполне приличен также и профессор Платонов, обладающий огромной эрудицией; но он сух и уж несомненно весьма мало сочувствует культу русских героев; конечно, изучение его произведений не может вызвать ни чувства любви к отечеству, ни народной гордости». И вслед за тем добавляет, резюмируя: «По счастью, мне чаще приходилось о себе слышать иное мнение»⁸⁷.

Можно полагать, что Платонов отдавал столько сил не только преподавательской, но и организационно-педагогической работе и потому, что был отодвинут от Академии наук. Действительно влияниеемое положение в так называемой академической среде Петрограда, предопределяемое не только научным авторитетом, но и должностным статусом, обретенно Платоновым было только в советские годы. В Москве, оставшейся после перевода столицы на берега Невы «порфиноносной вдовой», средоточием научной жизни был Московский университет, затем и другие высшие учебные заведения, в Петербурге же в области гуманитарных знаний — Академия наук. И если в Москве в начале XX в. безусловным лидером московских историков признавался Ключевский, к тому же самый знаменитый историк России тех лет, а после его кончины продолжатели его дела в университете, то в Петербурге в дореволюционные годы было два лидера: в «академической среде» академик А.С. Лаппо-Данилевский, в «профессорской» и для более широкой общественности — Платонов. И между Платоновым и Лаппо-Данилевским с его окружением (к которому принадлежали академики-гуманитарии С.Ф. Ольденбург —

непременный секретарь Академии наук, А.А. Шахматов, М.А. Дьяконов, из негуманитариев такой знаменитый, как В.И. Вернадский) сложились непростые отношения. Это было настолько общеизвестно, что А.Е. Пресняков (пожалуй, единственный из крупных ученых, который, будучи учеником Платонова по университету, а затем сотрудником его по публикаторской работе, оказался близок и с Лаппо-Данилевским) в вышедшей в 1922 г. книжке о Лаппо-Данилевском, писал о «личном отчуждении» того от «дружеской среды, в которой центральным лицом был и оставался С.Ф. Платонов» и что Лаппо-Данилевскому было «тягостно чрезмерное слияние и сплетение личной близости с деловым научным общением»⁸⁸.

Даже в заключении — уже в январе 1930 г. — в собственноручных показаниях Платонов не удержался от выражения своего отношения к некоторым академикам и к системе их избрания в Академию наук: «Нужно сказать, что условия и система выборов академиков в дореволюционном прошлом давали широкую возможность посторонним и персональным влияниям. Благодаря таким влияниям прошли в академики такие научные работники, которые в нормальных условиях, конечно, не должны были бы быть выбраны», и называет ряд имен — даже С.Ф. Ольденбурга («знание языков, светское воспитание и пр. бесспорны, но глубоких научных знаний у него нет») ⁸⁹. И действительно, Платонова избрали членом-корреспондентом Академии наук лишь в 1909 г. В упомянутом сборнике 1911 г. в честь Платонова нет среди авторов академиков тех лет, хотя открывают книгу сочинения президента Академии наук великого князя Константина Константиновича Романова: историк был частым гостем в его доме, ездил вместе с ним в Суздальский край в 1908 г. Имело значение и то, что общественно-политические позиции «государственника» Платонова казались более консервативными сравнительно со взглядами академиков, которые поддерживали кадетов. (Это отражено и в дневниковых записях К.К. Романова времени революции 1905—1907 гг. ⁹⁰)

Когда Платонова 12 января 1930 г. арестовали, на вопрос о «партийности» он ответил: «Никогда ни в каких партиях не состоял», а на вопрос «Политические убеждения» — «Аполитичен» ⁹¹. И это характерно и для жизненного пути и для творчества ученого, вернее сказать, для понимания этого самим Платоновым. Это соответствует и тому впечатлению, которое осталось у младшего его современника П.Б. Струве. Однако вряд ли случайно и то, что в мнении широкой общественности Платонова слыл монархистом, даже «махровым монархистом». Он был убежденным сторонником строгой законности на основе государственных постановлений и противником неподготовленных реформ. И не скрывал своих опасений относительно будущего России, чувствуя, как ослабевают дорогие ему привычные устои общественно-политической жизни и утрачивается уважение к ним. И тот же П.Б. Струве вспоминал: «Меня поразил, — пишет он, — глубокий фаталистический пессимизм в оценке того чисто “психологического” кризиса, который переживала Россия и который к тому времени как бы воплотился в бессмысленно-роковую и фатально-бессмысленную фигуру Распутина. Я знал, что Платонов был всегда “правым”, что оппозиция императорскому правительству и даже фрондерство против него были С.Ф. совершенно чужды. Но именно потому меня поразил его глубокий, прямо безотрадный пессимизм в оценке того, куда идет

Россия. Платонову чуялся — таков был смысл его резко откровенных рассуждений и характеристик — кровавый дворцовый переворот в стиле XVIII-го, но в атмосфере XX в., с уже разбужденными, но отнюдь еще не дисциплинированными массами, с государственным отщепенством интеллигенции, не видевшей той пучины, к которой она неслась с каким-то страстным упоением отчаяния. Не я начал разговор. Его навел сам Платонов, точно у него, как у историка, была потребность высказаться передо мной как недавним редактором “Освобождения” и еще более недавним участником сборника “Вехи”. Он говорил отрывисто, неровно, ничуть, однако, не стесняясь обстановки трамвая, в котором кроме нас было много пассажиров»⁹².

В апреле 1930 г. в собственноручных показаниях Платонов отмечает: «По своему воспитанию, и в кругу моих исторических занятий, я, естественно, жил монархическими взглядами. Но 1905 год и безобразия последующих лет (Гермоген, Распутин и пр.) уничтожили во мне всякое уважение к династии»⁹³. Вероятно, он тоже сознавал, подобно прозорливому Ключевскому, что «нужда реформ назревает раньше чем народ созревает для реформ» (дневниковая запись 30 января 1911 г.⁹⁴), и очень опасался последствий этого.

Вероятно, эти-то ощущения укрепили Платонова в решении уйти в отставку. Письма историка к графу С.Д. Шереметеву свидетельствуют о том, что уставший от административной службы Платонов еще в 1909 г. мечтал «о перемене деятельности, о смене... боевого и хлопотливого директорства на что-либо более спокойное». И когда Шереметев написал ему о возможности стать директором Императорской публичной библиотеки, считал это «пределом мечтаний». (Вакансия тогда не открылась.) В сентябре 1912 г. Платонов писал: «Начинаем зиму в предчувствии университетских осложнений. Науку у нас куют три молота: кадетские профессора, одичалая молодежь и министр Кассо. И все трое дробят стекло, но не куют железа. Это одна из наибольшейших тем нашей современности, она поддерживает во мне решимость при первой же возможности уйти в “чистую”»⁹⁵. Имело, конечно, значение и то, что в июне 1915 г. скончался покровительствующий его институту великий князь Константин Константинович.

Уходя в отставку тайным советником, Платонов мудро предусмотрительно отказался от принятого в таких обстоятельствах, согласно обычаям императорских властей, высокодоходного должностного вознаграждения. А.М. Петрункевич пишет: «Вознаградить его хотели привычным почетным отличием: сенаторством, опекуном или креслом в Государственном совете. Опрошенный по этому поводу, он ответил: “Я ничего не хочу. Я хочу остаться просто Русским Историком Платоновым”»⁹⁶.

В Автобиографии Платонов пишет: «В 1916 году исполнились все сроки, дававшие мне право на получение пенсии; кроме того, я имел определенный литературный доход. Я решился поэтому выйти в отставку, стать приватным человеком и отдать остаток жизни науке и путешествиям, которые очень любил. До той поры я видел, пользуясь летними каникулами для поездок, западноевропейские страны, Константинополь и Грецию; много ездил по России от Соловецких островов и Архангельска до Батума и Южного Урала. Теперь мне хотелось посетить Сибирь и, в

первую очередь, Алтай, о красотах которого я много слышал. С июня 1916 г. я освободился от службы, и за мною осталось только небольшое число лекций в Университете и в Институте. С большим удовольствием провел я зиму 1916—1917 г. в положении свободного человека; но это удовольствие было недолговечно: переворот 1917 года поставил меня снова в ряды повседневных работников»⁹⁷.

Платонов сменил казенную квартиру на просторную собственную на Каменноостровском (недалеко от особняков С.Ю. Витте и балерины М.Ф. Кшесинской), куда он и переехал со своим большим семейством. По-видимому, именно к предреволюционной зиме относится описание журфиксов в квартире у Платонова (в среде профессоров в обычае были до революции собрания в фиксированный день недели). У Платоновых собирались по средам раз или два раза в месяц коллеги-историки, прежде всего его ученики и получившие степень магистра (некоторые имели уже заметное имя в науке) А.Е. Пресняков, С.В. Рождественский, М.А. Полиевктов, П.Т. Васенко и те, кто составлял «кружок молодых», — А.И. Андреев, С.Н. Валк, А.А. Введенский, А.И. Заозерский, П.Г. Любомиров, Б.А. Романов. По воспоминаниям одного из таких «молодых» Г.В. Вернадского, сына великого ученого (написавшего под руководством Платонова диссертацию о масонах в годы правления Екатерины II, защищенную за несколько дней до Октябрьской революции, а позднее профессора Йельского университета, создателя знаменитой школы специалистов по истории России — преподавателей в университетах США), гости сначала находились в гостиной, а затем, с приходом завсегдадаев, переходили в общую столовую, где был накрыт стол с бутербродами и печеньями и за самоваром сидели супруга и дочь Платонова, тоже историки. Беседовали и на научные и на житейские темы. Когда беседой овладевал хозяин дома, разговор становился общим. Под конец вечера обычно просили Платонова поделиться воспоминаниями — «довольно часто он рассказывал о своих поездках по старым городам и монастырям в поисках древних рукописей. Рассказывал он необыкновенно ярко и увлекательно»⁹⁸.

Пока трудно утверждать что-либо о том, что намерен был, «уйдя в отставку», Платонов заняться, в плане дальнейшей исследовательской работы, так как материалы его личного архива еще недостаточно изучены. Возможно, что его уже тогда привлекала проблема колонизации Русского Севера (тема статей первого послереволюционного пятилетия) или «занимавшие давно темы по истории хозяйственной жизни и экономической политики Московской Руси» (о том, что они «останутся без исполнения», историк с сожалением писал в Автобиографии). Допустимо полагать, что он, особенно в условиях продолжавшейся войны, только примеривался к открывшимся перспективам исследовательской деятельности. Однако очевидно то, что начало новой эпохи в жизни России стало началом и нового периода творческой биографии Платонова. Необходимость постоянного литературного и лекторского заработка и впервые открывшиеся научно-организационные перспективы, особенно в связи с избранием его в 1920 г. действительным членом Академии наук, думается, в какой-то мере помогли Платонову столь интенсивно и заметно проявить себя и в «пенсионном» возрасте.

Понятно, что Платонов — даже при некотором изменении общественно-политических взглядов и разочаровании в возможностях дина-

стии Романовых управлять Россией — не мог принять провозглашенную Октябрьской революцией программу преобразований общественной жизни. К тому же ни он, ни лица его окружения не ожидали, что победят именно большевики, и с такой быстротой. «О большевизме, признаться, совсем не думалось, и внезапное торжество его озадачивало», — писал Платонов и в собственноручных показаниях в апреле 1930 г.⁹⁹.

Однако Платонов не стал участвовать в политической деятельности противостоящих большевикам партий и группировок, не перешел в стан эмиграции. Тем более что «ломка старого строя, — как писал он в Автобиографии, — пощадила» его и его семью, и «среди общих лишений, испытанных русским обществом в период блокады и голода», он «не потерял своей библиотеки и привычной оседлости».

Психологически его работа с советской властью была облегчена тем, что сразу же, делегированный университетом в комиссию по охране и устройству архивов упраздненных учреждений, он нашел общий язык с ее председателем Д.Б. Рязановым — «образованным, благородным и симпатичным человеком» (цитата из той же Автобиографии) и был избран его заместителем. (В собственноручных показаниях апреля 1930 г. Платонов писал: «Следователю я говорил, что с апреля-мая 1918 г., благодаря сближению с Д.Б. Рязановым, я вошел в разумение совершившегося, признал власть и стал работать в Главархиве»¹⁰⁰.) После перевода правительственных учреждений в Москву Платонов стал главой управления архивами Петрограда, а также профессором Архивных курсов, директором Археологического института (до 1923 г.), 31 декабря 1918 г. избран был председателем Археологической комиссии (перешедшей затем в ведение Академии наук).

Платонов, еще до революции проявивший разносторонние дарования администратора в системе высшего образования, занял теперь высокое положение руководителя и в Академии наук. И он сразу же обрел первенствующее положение в элите академической гуманитарной науки Петрограда. Соответственно изменились и в общественном мнении и у него самого представления и о его обязанностях и его возможностях в осуществлении «долга национальной историографии» — «показать обществу его прошлое в истинном свете». Это нашло ощутимое выражение в многообразной — и научно-организаторской и научно-просветительской — деятельности академика С.Ф. Платонова, но только начинает становиться предметом специального исследования.

Для того чтобы разобратся в этом, следует иметь в виду и общественно-политическую позицию историка и его отношение к научному наследию и вообще к культурному наследию и к тем современникам, которые в его глазах олицетворяют связь культуры прошлого и настоящего, т. е. к российской интеллигенции; и представление академика о своем месте в этой среде и долге, налагаемом на него достигнутым положением, и его понятия о правах личности и критериях самоуважения — и ученого и гражданина. Показательно, что он считал необходимым публично заявить в 1921 г. (в воспоминаниях о студенческих годах) об «упрямстве», с каким «всегда противостоял всякой партийности и кружковщине, ревниво сохранял право всякой личности на пользование своими силами в том направлении, куда их влечет внутреннее побуждение»¹⁰¹.

В 1918—1920 гг., когда, по определению другого профессора Петро-

градского университета философа и историка Л.П. Карсавина, была предпринята «попытка превратить Россию в опытное поле для коммунизма»¹⁰², умонастроение Платонова, видимо, было близко к тому, что нашло отражение в дневнике его московского коллеги Ю.В. Готье, которого именно в доме Платоновых во время его командировок в Петроград принимали особенно радушно. Убеждаясь в том, что большевики все крепче утверждают свою власть и надежд на реставрацию прошлого все меньше, Платонов видел долг свой в том, чтобы сберечь наше культурное наследие и приобщать к нему, дабы не прервались основы связи времен в жизни народа.

Такого рода воззрения были характерны для немалого числа образованных интеллигентов первых послереволюционных лет — и в обеих столицах, и в провинции. Они питали, в частности, энтузиазм в работе по охране памятников истории и культуры и в области краеведения, развернувшейся в невиданных прежде масштабах — тогда было образовано множество новых музеев, архивов, библиотек, высших учебных заведений, просветительски-экскурсионных станций, общественных объединений¹⁰³.

При этом Платонов не склонен был поступиться сложившимися прежде понятиями о ценностях духовных и даже общественно-политических. Сфера российской культуры — а значит, и творческой деятельности российской интеллигенции — оставалась для него прежней. В те годы она включала и эмигрантскую среду (к которой принадлежала к тому же семья одной из его дочерей, по мужу Красевич). Следовательно, и читательским кругом оставались все причастные к русскоязычной литературе — и в стране советов, и за рубежом, более того, все интересующиеся российской историей, — российские эмигранты справедливо полагали (и писали о том), что историк рассчитывал и на их восприятие новых его трудов.

Характерны публичные высказывания Платонова. Статью начала 1918 г. «О старых пословицах и поговорках» (в популярном издании типа еженедельника) он закончил словами, в которых тревоги, пожалуй, больше, чем надежды и исторического оптимизма: «Если не замерла в минувших бедах и испытаниях народная бодрость и сила, быть может, не умрет она и теперь в мраке нашей современности, в ужасах того распада, который сводит на нет плоды векового народного труда»¹⁰⁴. А первые слова речи при открытии Петроградских архивных курсов 31 августа 1918 г. уже несколько иного звучания: «Общий процесс разрушения, в котором не намечается еще процесс созидания, как это ни странно, животворящим образом отразился на архивном деле»¹⁰⁵. Показательно в этом плане и заседание Археографической комиссии 18 (31) декабря 1918 г., когда почтили память председателя Комиссии С.П. Шереметева и первым избранным председателем ее стал С.Ф. Платонов. В хроникальном сообщении об этом заседании, в издании, вышедшем уже в 1923 г., переданы прощальные слова Шереметева: «Я умираю с глубокой верой в Россию. Она возродится», и покойного председателя Комиссии и его сына по-прежнему титулуют графами¹⁰⁶. Впоследствии, в 1929—1931 гг., Платонову это припомнят, так же как и другим академикам, отметив, что политическая программа и отрицательное отношение к советской действительно-

сти формулировались тогда в «надгробных речах»¹⁰⁷. Для «речей» характерны и обычны слова о «великих светлых днях русского будущего». Во имя этого будущего ученые продолжали с полной профессиональной отдачей трудиться на поприще науки и культуры — трудиться неумолимо, насколько позволяли силы в голодном и холодном Петрограде.

Как глава петроградских архивистов, Платонов и его сотрудники первоначально при самой действенной поддержке Рязанова особенно много усилий прилагали для сохранения архивов дореволюционных учреждений и личных фондов и коллекций¹⁰⁸. И сумели спасти от уничтожения ценнейшие исторические материалы — учреждения архивного ведомства и Пушкинский дом приняли на хранение множество документальных памятников, к первичной обработке и описанию которых широко привлекали петроградских интеллигентов. Для многих будущих видных историков (С.Н. Валка, Б.А. Романова и др.) и литературоведов это явилось школой научного творчества. К руководству отделениями архивов привлекали и знаменитых уже ученых А.Е. Преснякова, Е.В. Тарле и других. Петроградские архивисты приняли действенное участие в подготовке декретов об архивах 1918—1919 гг., в выработке правил описания и публикации памятников письменности (и периода средневековья — актов, летописей и др., и нового и новейшего времени, особенно по революционной тематике). Их труды, основанные на вводимых впервые в научный обиход первоисточниках, или даже публикации таких источников с комментариями становятся обязательными в периодических изданиях и тематических сборниках — не только в Летописях занятий Археографической комиссии (ЛЗАК), но и в других, к возникновению и редактированию которых был в той или иной мере причастен Платонов («Русский исторический журнал», «Дела и дни», «Анналы», «Архив истории труда в России», «Век» и др.).

В Москве у официальных руководителей и идеологов архивного дела (М.Н. Покровского, В.В. Адоратского, В.В. Максакова) вызывало настороженность стремление привлеченных к архивной работе лиц сосредоточиться на подготовке документальных публикаций традиционных видов исторических источников и исследовательского типа описаний архивных материалов. Вероятно, следует учитывать и то, что Покровский ревниво и недоброжелательно относился к многообразной плодотворной и высоко ценимой за рубежом деятельностью Рязанова (к тому времени ставшего во главе основанного им Института Маркса и Энгельса), к его умению вовлечь в нее людей, далеких от планов социальных преобразований; и уже по тому одному «спецы», приближенные Рязановым тогда, когда он руководил архивным делом, казались более других подозрительными.

При прямом вмешательстве помощников Покровского из Москвы проводилась «чистка» аппарата Петроградского отделения Центрархива, научных сотрудников вывели из штата, поскольку «такой институт не предусмотрен положением Центрархива». Платонов вынужден был (как и Пресняков) отказаться от службы в архиве¹⁰⁹. А с середины 1920-х годов начался и оказавшийся крайне опасным по своим последствиям конфликт между Центрархивом и возглавляемыми Платоновым академическими учреждениями, хранившими документальные материалы по отечественной истории новейшего времени и истории культуры. В конечном счете

это явилось к концу 1920-х годов поводом к разгрому гуманитарных наук (прежде всего в Академии наук) и пагубно отразилось на развитии исторической науки и исторического образования, архивного дела, историко-культурного краеведения.

Платонов был экспертом в комиссии, занимавшейся в 1921 г. вопросом о передаче польской стороне документов, оказавшихся в Петербурге после разделов Польши в конце XVIII в., и сумел отстоять интересы Петроградской публичной библиотеки. А позднее, летом 1926 г. способствовал передаче в Пушкинский дом уникальной коллекции материалов Пушкина и о Пушкине, собранной в Париже А.Ф. Онегиным-Отто.

В середине 1920-х годов именно у Платонова сосредоточилось руководство и такими значительными академическими учреждениями, как Пушкинский дом (стал директором в августе 1925 г.), Библиотека Академии наук (директор тоже с 1925 г.)¹¹⁰. Почти сразу после вступления в эту должность состоялось 9 сентября, в рамках празднования 200-летнего юбилея Академии наук, торжественное открытие нового здания Библиотеки. Платонов стал и председателем академической Постоянной библиотечной комиссии, руководил составлением Проекта основных положений об организации библиотечного дела в Академии наук. В отчетно-официальном издании, посвященном деятельности Академии наук в первое десятилетие советской власти, академик Платонов — автор статей «История» и «Библиотечное дело». В первой статье особое внимание уделено работе Археографической комиссии (собираанию, описанию, изданию рукописей, подготовке словарей терминов — исторических, юридических, географических, данных по исторической демографии) и Постоянной исторической комиссии (долгое время руководимой скончавшимся в 1919 г. Лаппо-Данилевским), главой которой в 1920 г. стал тоже Платонов. В 1926 г. обе комиссии слились в Постоянную историко-археографическую комиссию под председательством Платонова. В другой статье детально охарактеризованы преобразования в Библиотеке наук — организационные, кадровые, системы каталогизирования, описания, пополнения библиотечных фондов, доступа к ним читателей¹¹¹.

Платонов отдавал много сил этой работе и ощущал ее общественную значимость. Характерны фразы в письмах писателю и художнику М.А. Волошину в Крым, не рассчитанные на публикацию. 19 апреля 1925 г. он пишет: «Хотя я дожил уже до старости маститой, но дела и отношения еще держат меня крепко на известной почве и в известной среде. Время занято срочными делами, а ум и сердце связаны нитями, и притом тонкими и цепкими, родственных и общественных отношений. Не вырваться никак!..» А в 1926 г.: «...жизнь устроилась так, что теперь еще меньше досуга и свободы, чем было в молодости, когда приходилось бегать по урокам. Одно утешение — что стоишь у дела, которому суждено многолетие, то есть у науки, не эфемерной, и не подчиненной минутной моде»¹¹².

Платонов включает и в краеведную деятельность — в самом Петрограде и на Лахте близ города (где ученые и методисты-экскурсоводы были заняты проблематикой и историко-культурного и географического краеведения), в Поволжье и на Севере, в Поморье. Очень заметна роль Платонова в общественной жизни Петрограда и как лектора — в Доме ученых, в Доме литераторов и др.: в архиве ученого сохранились конспек-

ты и тезисы некоторых лекций (в Петрограде и других городах), извещения о них, афиши (на одной даже изображение Ивана Грозного). В лекциях он останавливается и на историографической традиции и на современном истолковании явлений прошлого. И всегда на источниковедческих возможностях исследователя этих явлений, знакомит с новыми результатами архивных изысканий.

То же подчеркивается и в небольших книгах тех лет, рассчитанных на широкую интеллигентскую публику. Не имея возможности переиздать в Советской России (и перерабатывать) свой ставший уже знаменитым лекционный курс, ученый издает сравнительно небольшие книжки, опирающиеся на текст этих лекций, а также «Очерков по истории Смуты». Это, как писал он сам в юбилейном издании 1927 г., те части «университетского курса русской истории, которые были результатом... самостоятельных изысканий»¹¹³. Каждая из этих книжек, замечает в историческом обзоре о развитии исторической науки в родном Платонову университете С.Н. Валк, «давала нечто новое и свежее»¹¹⁴. В то же время это было воплощением демократической традиции российской профессуры — знакомить с достижениями исследовательской мысли и в научно-популярной форме. И книги эти сразу же находят отклик в печати — и советской и зарубежной. Чуткость к современным общественным веяниям и способность быстро распознавать исторические сочинения, более других воздействующие на общественное сознание, характерны для Платонова по-прежнему. В Заявлении Платонова в Коллегию ОГПУ, написанном в тюрьме, отмечается: «Я выбирал для своих публикаций темы такого рода, чтобы они соответствовали характеру и потребностям переживаемого момента»¹¹⁵.

В Автобиографии 1928 г. историк считал необходимым охарактеризовать эти издания¹¹⁶. Особо он выделил «монографию о Борисе Годунове»: «Эта книга доставила мне большое удовлетворение». Мысль посвятить Борису Годунову специальное серьезное исследование сформировалась у Платонова еще в конце 1880-х годов, когда он, не без влияния Бестужев-Рюмина, думал, что именно это станет темой его докторской диссертации¹¹⁷. Ученый, признавший Бориса Годунова не только «талантливым правителем, но и гуманным и просвещенным человеком», в книге, изданной в 1921 г., ставил перед собой одной из задач показать «шаткость и недостоверность обвинений» в убийстве царевича Дмитрия. «Прежний образ Бориса, созданный Пушкиным в его драме “Борис Годунов”, по старой исторической традиции, останется в поэзии, но, думаю, навсегда уже устраним из истории», — писал Платонов в Автобиографии. Книга 1921 г., написанная в доступном и читателю-неспециалисту жанре, на самом деле — первое обобщающего характера исследование о Борисе Годунове в контексте основных исторических явлений его эпохи. И в последующее время, если споры о степени причастности Б.Ф. Годунова к гибели царевича еще имели место, то представление о нем как о «талантливейшем политике и администраторе» утвердилось прочно.

Отмечая издание (1923 г.) в серии «Образы человечности» книги, характеризующей правление Ивана Грозного, Платонов полагает, что эту характеристику «надлежит сопоставить» с очерком Р.Ю. Виппера того же названия «Иван Грозный», вышедшем в свет годом ранее. Там дана оценка деятельности Ивана IV «в связи с общим ходом мировой истории в

момент напряженнейшей борьбы христианской Европы с мусульманским Востоком» и высоко оценена роль «Москвы вообще и Грозного в частности в этой борьбе. Книга Р.Ю. Виппера есть не просто апология, но как бы апофеоз Грозного. Я же беру Грозного в его местном, национальном значении и стремлюсь восстановить реальные достоверные черты его личности и деятельности, насколько их обнаруживает совокупность достоверных источников».

В том же 1923 г. ученый издал «сокращенное изложение... "Очерков по истории Смуты" под более общим названием "Смутное время"». «Эта небольшая книга, — пишет он, — доступна по изложению широкому кругу читателей, но не дает, в сущности, ничего нового сравнительно с большим моим трудом». Думается, что ученый хотел не только напомнить о своем самом значительном исследовании двадцатипятилетней давности, но и показать, что основные положения его труда не устарели, и современному читателю, воспитываемому в советской России на новых социологических концепциях, к этому тоже полезно приобщиться, особенно в период снова наступившего «смутного времени». В популярной книжке «Смутное время» Платонов, конечно, намеренно предложил и подзаголовок: «Очерк истории внутреннего кризиса и общественной борьбы в Московском государстве XVI и XVII вв.» и сосредоточил внимание на этой проблематике, сравнительно мало останавливаясь на сюжетах, связанных с внешнеполитическим аспектом. Платонов был явно заинтересован в том, чтобы обеспечить возможность знакомства и с первоисточниками по истории тех лет в учебных и научных целях — он издает сборник документов опять-таки с характерным названием «Социальный кризис Смутного времени» (1924) и готовит третье издание сказаний и повестей — «Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени» (1925).

Книга 1923 г. «Прошлое русского Севера. Очерки по истории колонизации Поморья» — по определению автора, «собрание статей, написанных в последние годы (после 1917)». Работы эти оформились в связи с участием ученого в деятельности «Колонизационных экспедиций Севера» — Платонов был там ученым экспертом, побывал в Мурманске в 1920 г., «тотчас по эвакуации» отрядов Антанты, получив новые (после поездок прежде на Белое море, Соловки и Кемь) «незабываемые впечатления от природы и отчасти быта русского полярного края». В наиболее высоко ценимой им самим статье «Строгановы, Ермак и Мангазея» ученый пытался «указать исторический фон» «эпического подвига Ермака», т. е. «завоевания Сибири».

В 1924 г. Платонов написал опубликованную в 1925 г. книгу «Москва и Запад в XVI—XVII вв.», опять-таки «желая дать общедоступный очерк сложного и не во всем объеме исследованного вопроса европеизации Московской Руси». По определению самого автора, это «заново обработанная часть» его лекционного курса русской истории, «построенная на той мысли, что связь Московского государства с европейским Западом завязывалась ранее и была крепче, чем обычно принято думать». Проблематика эта четко выявляется в предложенных им темах докладов университетского семинара (листки-автографы с наименованием тем и указанием основной литературы сохранились в архиве Платонова). Готовя к изданию книгу,

Платонов, можно думать, учитывал и настроения зарубежных «евразийцев», взгляды которых ему не были близки, и неославянофильские тенденции тех своих сограждан в советском государстве, кто полагал, что Петр I силой изменил ход истории и это-то и привело к трагическим последствиям. А.А. Кизеветтер (тогда уже профессор в Праге) сразу же откликнулся рецензией, где отмечал, что «евразийцы настойчиво выдвигают “старые погудки на новый лад“ о том, что только по вине самовластия Петра Великого Россия насильственно, вопреки естественному ходу вещей, была загнана на путь европеизации». «Ввиду этого,— отмечает рецензент,— надлежит признать весьма своевременным появление новой работы академика С.Ф. Платонова, который поставил себе задачей в сжатой и популярной форме изложить накопившийся к нашему времени материал по истории постепенного проникновения в Московскую Русь западноевропейской цивилизации... безостановочного притока в Московскую Русь западноевропейских иноземцев разных стран и разного общественного состояния»¹¹⁸.

В книге о Петре Великом (1925 г.) «сведены» «результаты занятий» этой проблематикой и приведен «твердый материал для изображения Петра как одного из величайших деятелей русской истории, совместившего в себе самые разнородные способности стратега, администратора, политика, техника»¹¹⁹.

После такой самооценки своих печатных трудов прошедшего десятилетия Платонов замечает: «Для общей характеристики моей научно-литературной деятельности в последние годы я должен пояснить, что житейская обстановка в эти годы не допускала глубоких архивных и библиотечных изысканий, требующих досуга в дневные и “служебные“ часы и пребывания в книгохранилищах и архивах»¹²⁰. Однако летом 1927 г. историк для «ученых работ над эпохой Петра Великого... долго пробыл в Москве, работал в Дрeвлехранилище на Девичьем поле»¹²¹. Остановился он, можно полагать, у академика М.М. Богословского, жившего неподалеку оттуда, в Денежном переулке. Видимо, о работах такой тематики, близкой обоим академикам, Платонов и писал в статье «История» книги об Академии наук: «М.М. Богословский и С.Ф. Платонов были заняты исследованиями главным образом в области культурной реформы XVII—XVIII веков»¹²². При этом Платонов отнюдь не утратил присущей ему образности языка, четкости характеристик, мастерства в подборе запоминающихся цитат из источников. Пример тому — одна из последних его публикаций об издании Жития Аввакума. Небольшая статья «Яркий самоцвет русской литературы», написанная для научно-популярного журнала «Вестник знаний» (№ 1 за 1929 г.). В этом журнале, печатающем статьи и по естественным и по гуманитарным наукам, он был тогда руководителем президиума редколлегии.

Оригинальный и вообще и для научного творчества Платонова стала микромонография краеведного уклона «Далекое прошлое Пушкинского уголка. Исторический очерк», изданная в 1927 г. В ней прослежена история района реки Сороти, с давних времен обитавших там дворянских фамилий, монастырей; объединены данные социально-экономической и политической истории, исторической географии, генеалогии, истории литературы и культуры. Это высокий образец подлинно научной краеведной

литературы и одновременно комментария к сочинениям Пушкина, с характеристикой общественного сознания эпохи «в истории крепостного права, когда проснувшаяся совесть прежнего “барства дикого” еще не развивалась в освободительную деятельность гуманных потомков этого барства»¹²³. Можно полагать, что директор Пушкинского дома, уже по самой должности своей обязанный возглавить работу по изданию и изучению наследия Пушкина, тем самым все более углублялся и в пушкинскую проблематику, всегда сопутствующую творческим размышлениям российской интеллигенции (тем более что к этому подводил его и возврат к теме «Карамзин»). Платонов выступает с докладом «Пушкин и Крым» и публикует его вместе с дополнительными соображениями (точнее сказать, возражениями) С.А. Адрианова (ранее прошедшего школу его семинара)¹²⁴.

Самонаблюдение ученого в Автобиографии: «Характеристики исторических лиц вообще составляли мою слабость», — относится, думается, не только к государственно-политическим деятелям (особенно XVI—XVIII вв.), но и к деятелям гуманитарных наук. Платонов продолжает работу и в сфере историографической мемуаристики (опять-таки, следуя в какой-то мере пути, проложенному Ключевским — мастером и «историографических» образов). Характеризуя научное творчество и личность ученых, Платонов пытается прежде всего определить, в чем выразилось их воздействие на него самого. Платонов готовил себя к составлению мемуаров. Причем таких, где основное внимание намерен был уделить не внешним обстоятельствам (вехи служебной биографии, события общественно-политической жизни и в мире культуры, общение с заметными в истории лицами), а путям формирования «морального элемента» личности и развития творчества историка — исследователя и педагога, т. е. в какой-то мере в традициях «Былого и дум» А.И. Герцена. В таком духе и литературном стиле (а это не менее существенно для Платонова, всегда думающего и о мастерстве художественного изображения!) написаны воспоминания об университетских профессорах, особенно о тех, слова и мысли которых «проникали в сердце и совесть, будили душу, заставляли искать идеала и моральных устоев»¹²⁵. Не удерживался он, однако, и от образных и ядовитых характеристик и менее симпатичных ему людей науки¹²⁶, от воспроизведения общественных настроений и более знакомых ему микрогрупп и характерных для эпохи в целом.

Тем же обусловлена, видимо, и избранная им своеобразная, отступающая от привычных трафаретов форма сочинения пространной Автобиографии, рассчитанной на публикацию в немецком научном издании (с акцентом на то новое, что внесено его трудами в понимание явлений русской истории). И в то же время несколько иной отбор фактов для автобиографии, подготовленной к ознакомлению самого широкого читателя-соотечественника в популярном журнале «Огонек» (1927 г. № 35). Возможно, что очаровывавшие слушателей устные рассказы-воспоминания в дни домашних «сред» были также проверкой на аудитории складывающегося образа будущей книги. Но каждодневная «служебная» занятость и, главное, заинтересованная увлеченность организационно-административной деятельностью (да и серьезная болезнь жены) не оставляли времени на такое писание, требующее к тому же определенного умонастроения и в некотором роде ностальгической атмосферы. Платонов же,

напротив, жил в ту пору настоящим — и даже будущим! — более, чем прошлым, обрел как бы новое дыхание*.

Продолжает Платонов и преподавание, демонстративно придерживаясь при этом методики, выверенной практикой и его самого, и его предшественников — профессоров дореволюционных лет. О Платонове-педагоге раньше знали по устным преданиям. Понимали, конечно, как целенаправленно и мастерски, с какой творческой отдачей надо было действовать профессору, чтобы оставить такую научную школу, пополняя ее все время на протяжении тридцати пяти лет. После того, что случилось и с самим Платоновым и с лицами его окружения, публиковать воспоминания об ученом, лишенном звания академика, в нашей стране было невысказано. Рискованным казалось даже написание мемуаров такого рода в расчете на интерес будущих поколений. Архив Платонова долгое время, даже уже переданный в Публичную библиотеку, оставался до начала 1990-х годов малодоступным исследователю. Писали о Платонове, вспоминая его преподавательскую деятельность, преимущественно за рубежом. Но на эти запрятанные в спецхран издания не положено было ссылаться иначе как в плане разоблачительных замечаний. В спецхран, впрочем, попала и большая часть литературы рубежа 1920 — 1930-х годов, обличавшая ученого не только за его немарксистские воззрения, но и за якобы заговорщическую антигосударственную деятельность; особенно рьяно выступавшие «разоблачители» — правоверные идеологи новых исторических взглядов, прежде всего автор доклада о Платонове и его школе, помещенного в книге «Классовый враг на историческом фронте: Тарле и Платонов и их школы» (М., 1931), М.М. Цвибак и автор книги и статей такой же направленности С.А. Пионтковский — уже в середине 1930-х годов сами были объявлены врагами народа.

Сейчас уже можно получить хотя бы первичное представление о педагогической методике Платонова, о его воздействии на учеников по вводимым в научный оборот материалам личных архивов историков, и в первую очередь самого Платонова, появляющимся воспоминаниям советских граждан — свидетелей тех лет и открывшимся для нас воспоминаниями и статьями, напечатанным за рубежом. Особенно выразительный образ Платонова-профессора воссоздает его ученик по Петроградскому университету начала 1920-х годов историк и писатель Н.И. Ульянов, оказавшийся в годы войны за границей. Его статья «С.Ф. Платонов» напечатана в нью-йоркском русскоязычном «Новом журнале» в 1977 г. (№ 126).

Ульянов вспоминает и первую встречу с профессором в неотапливаемой аудитории, где все сидели в верхней одежде, и курс его лекций и семинар. Пишет о лекторской манере историка: «...простая разговорно-повествовательная речь, но необычайно плавная, покорявшая своим изяществом». «Всякий момент актерства исключен был совершенно» (а этим отличались лекции Ключевского), но «доминировал артистизм». Цитат немного, однако «подобранные с таким вкусом и поднесенные так, что

* В то же время очень показательны последние слова заявления-покаяния, которое его вынудили написать в тюрьме в конце сентября — начале октября 1930 г.: «Имея от роду более 70 лет, решительно отказывалось от какого бы то ни было участия в общественной деятельности и мечтаю только о возможности привести в порядок свой архив и написать свои мемуары. Даже научно-исследовательскую работу считаю для себя в данную минуту уже непосильной»¹²⁷.

врезывались в память на всю жизнь. Ничего “вещающего”, “вдалбливающего”, поучающего в тоне его лекций не было». Но материал укладывался в стройную картину, и «каждая лекция была художественным произведением».

«Столь же исключительным предстал» Платонов в роли руководителя семинара. Особенно тогда, когда начали насаждать в высшей школе «школярство», искажая саму систему научения самостоятельности. Платоновский семинар «был своего рода оазисом, где студенты посвящались в тайны научного исследования». Представлялся список тем докладов в пределах общей темы семинара, каждый выбирал, что ему нравилось, и должен был «справляться с докладом своими силами. Кто не умел ни литературы, ни источников подобрать по своей теме, ни обдумать концепцию своего реферата, рассматривался как недостойный внимания. Из такого все равно ничего не выйдет». (Полагаю, что здесь имеет место некоторая аберрация памяти мемуариста — в личном фонде Платонова сохранились материалы как раз подобных семинаров, листки по каждой теме с указанием основных источников и литературы, но лишь основных; из литературы — только книг, в том числе М.Н. Покровского, а не статей)¹²⁸. Доклады на заседании семинара подвергались «тщательному разбору. Тут и была истинная “школа”; заключалась она, конечно, не в выискивании промахов и недостатков. Следил Платонов за степенью “вчувствования” в избранную тему, за степенью мобилизации материала, за тонкостью аргументации, за композиционным построением». «Это был его метод обнаружения талантов». «Эрудиция — дело наживное», — часто слышали мы от нашего руководителя и понимали, что творчество историка не в ее накоплении, а в чем-то высшем. Так воспитаны были все его знаменитые ученики». И Ульянов называет имена действительно видных историков, труды которых цитируются и переиздаются и поныне¹²⁹. Показательно для Платонова, что и он в Автобиографии не без радостной гордости отмечает также, что из его «семинариев вышли мои теперешние товарищи по науке и дружья»¹³⁰.

К 40-летию того дня, как Платонов окончил в 1882 г. Петербургский университет и «был оставлен при кафедре для подготовки к научной деятельности», «ученики, друзья и почитатели» подготовили сборник работ по русской истории. Напечатанная на бумаге неважного качества, тиражом всего в одну тысячу экземпляров, книга источниковедчески-исторических исследований публично демонстрировала верность особенно дорогим и Платонову и участникам издания традициям отечественной науки, что и сформулировано в последней фразе краткого посвящения: «Если, перелистывая страницы настоящего сборника, Вы живо почувствуете, что работа на всем хронологическом пространстве русской истории не замерла в среде переживших вместе с Вами последние годы поколений, то это и будет та радость, которую хотели доставить Вам участники сборника»¹³¹. (Нельзя не отметить, что многие участники издания позднее, в Ленинграде и Москве, пострадали по «академическому делу».)

Тогда же преподнесли или прислали юбиляру адреса научные общества, архивы, музеи. И содержание и оформление юбилейных адресов свидетельствуют о том, что Платонов воплощал продолжение «творческой научной действительности» и в глазах краеведов. В адресе Тверского музея и Тверской Ученой Архивной комиссии, составленном нарочито с

соблюдением старой орфографии, отмечается, что они «развивались и крепили при постоянной тесной связи» с Платоновым и при его «руководительстве» и что «в тяжелое для России и русской науки время» Платонов оказывал «тверским деятелям» «все зависящее» от него «содействие», побуждая «к культурному труду», помогая в организации летом 1921 г. губернского съезда по делам музеев и охране памятников старины, искусства, народного быта и природы»¹³².

В первой половине 1920-х годов Платонов воспринимался не только как виднейший ученый и преподаватель высшей школы. Показательны «личные впечатления» А.В. Луначарского, которые он формулирует «в ответ на секретное отношение Управления делами Совнаркома» от председателя Совнаркома В.И. Ленина «дать характеристики» некоторым известным деятелям культуры: «Академик Платонов — ума палата. Сейчас, кажется, избран в президенты Академии, замечательный историк правых убеждений. Несмотря на это, сразу стал работать с нами, сначала управлял архивом Наркомпроса, потом привлечен Рязановым в качестве своего помощника по управлению архивом в Петрограде, а сейчас управляет ими более или менее единолично под общим контролем М.Н. Покровского. Держится в высшей степени лояльно и корректно...»¹³³ Документ датирован 9 мая 1921 г. И не соответствовавшие действительности слухи об избрании Платонова президентом Академии — показатель того положения, которое приписывало ему тогда общественное мнение.

Эти слова наркома просвещения из «секретного» документа стали известны читателю через пятьдесят лет, а для широкого ознакомления была опубликована той же весной 1921 г. рецензия заместителя наркома Покровского на книгу Платонова «Борис Годунов». О том же, какое значение придается мнению Покровского, можно было узнать незадолго до того из газеты «Правда», напечатавшей 9 февраля 1921 г. статью Ленина «О работе Наркомпроса», где сказано было о Покровском, что он осуществляет руководство наркоматом не только как «заместитель наркома», но и «как обязательный советник (и руководитель) по вопросам научным, по вопросам марксизма вообще»¹³⁴.

Рецензия Покровского (в кн. 2 журнала «Печать и революция») обвиняла Платонова в тенденциозном изложении материала, игнорировании им же самим опубликованных источников из-за «классобязни», в нежелании видеть определяющую роль классовой борьбы в истории. Отмечая, что «книга» «в дни безумного бумажнотипографского кризиса» издана достаточно большим тиражом, Покровский, по существу, отлучает Платонова от советской науки, завершая фразой: «Буржуазия умеет издавать своих. Когда-то мы научимся?»¹³⁵ Тональность рецензии воинствующего идеолога новых исторических представлений, возможно, объясняется и тем, что он в книге Платонова тоже увидел то, о чем тогда же писал в рецензии пражского журнала «Русская мысль» (апрель 1922 г.) академик-эмигрант П.Б. Струве: «Роковая моральная аналогия мерзостей смутного времени с мерзостями “великой революции” неотразимо встает перед умом читателя замечательной книги С.Ф. Платонова, и мы не можем отделаться от мысли, что эта аналогия присутствовала и в его уме»¹³⁶.

Для современников в 1920-е годы именно Платонов и Покровский были самыми заметными фигурами среди историков. Они олицетворяли разные направления развития науки отечественной истории, разные

представления о том, что и как, и в обобщающего типа трудах, и в сочинениях малых форм, надо изучать, каким способом излагать, на какую аудиторию (какого уровня подготовки) должно ориентироваться. При этом учитывалась известность и в нашей стране и за рубежом, переводы на иностранные языки.

В партийной печати славословили Покровского — в статье 1924 г. «М.Н. Покровский — историк России» Н.Л. Рубинштейн (одноименец и однофамилец знаменитого позднее историографа и историка России XVII—XVIII вв.) провозглашал: «Теперь мало кто заглядывает в работы Ключевского, забыт Платонов, зато сегодняшний студент, рабфаковец хорошо знаком» с сочинениями Покровского¹³⁷. Позднее в юбилейные дни шестидесятилетия Покровского (1928 г.) подчеркивалось, что его труды переведены на иностранные языки, а сам юбиляр утверждал, что скоро «немыслима будет никакая история, кроме марксистской»¹³⁸.

Самолюбивому, знавшему себе цену Платонову это было, видимо, небезразлично — свидетельство тому сохранившаяся запись его рукой на отдельном листе бумаги сообщения археолога А.А. Спицына в июне 1925 г. о беседе трех подростков, проходивших мимо: «Платонов великий ученый, а Покровский — что? Написал книгу и только»¹³⁹.

И Платонов сообщал для годовых отчетов Академии наук несомненно радующие его сведения о переводе его курсов русской истории на иностранные языки: английский (1925 г.), немецкий (1927 г.), французский (1929 г.), ожидал (в 1928 г.) появления в переводе на немецкий язык его книг «Борис Годунов» и «Иван Грозный» (на русском языке их уже издали за рубежом). Накануне «Недели» советской исторической науки в Германии в 1928 г. немецкая сторона заставила Покровского, официально возглавлявшего делегацию, включить в ее состав Платнова. Его выступление было там отмечено особо, и немецкие коллеги только в его честь устроили прием. Высшим авторитетом он оставался и для российской эмиграции*.

Говорят, что последовавший в январе 1930 г. арест С.Ф. Платонова произошел именно по доносу того, кто был специально задет не ему оказанным признанием и уважением»¹⁴⁰.

Еще в мае 1923 г. Покровский прочитал курс лекций по истории русской исторической науки с демонстративно подчеркиваемым названием «Борьба классов и русская историческая литература», тотчас же напечатанный. Это лекции в Петроградском Коммунистическом университете имени Зиновьева, сходном по программе и направленности образования с Коммунистическим университетом имени Свердлова в Москве, где Покровский выступал не раз и ему приходилось слушателей, зачастую не имевших даже школьного образования, «наспех накачивать марксизмом». В начальной лекции он сообщил, что должно изменить преподавание и на «старых факультетах общественных наук» (в университетах), «понемногу коммунизируя, и я бы сказал, свердловизируя и зиновьевизи-

* В этой связи особый интерес приобретают слова А.М. Петрункевич: «И вот тут-то, по свидетельству очевидцев, почет, которым окружили немцы Платонова в ущерб всем официально гораздо более важным делегатам, ясно показал, кого считает ученая Германия действительным представителем русской исторической науки, и не только действительным, но славным ее представителем.

руя их снизу». И для этого Покровский прежде всего старался опровергнуть «ошибку многих очень авторитетных товарищей» (имеется в виду Луначарский, Рязанов и другие более объективно мыслящие ученые-коммунисты), рассуждающих так: «Это установлено в науке, это — факты», и ссылающихся при этом на труды дореволюционных историков. Между тем, по мнению Покровского, это «вовсе не факты», а «отражение фактов» в зеркале «с чрезвычайно неправильной поверхностью» «в умах людей сквозь призму их интересов, главным образом классовых». Ряд имен таких упоминаемых дореволюционных историков открывает имя Карамзина, а замыкает имя Платонова¹⁴¹.

Покровский, воинствующий лидер историков-марксистов, противопоставил себя и своих последователей историкам «старой школы» и все более вытеснял с «исторического фронта» и с «фронта просвещения» так называемых буржуазных специалистов — слово «фронт», подразумевающее и линию разделения одних и других, и тенденцию к наступлению, тогда было особенно в ходу в партийно-государственных постановлениях и в публицистике, внедрялось в язык науки.

Общеизвестно, что с первых лет советской власти провозглашались лозунги привлечения к советскому строительству, даже к обороне государства от внешних врагов «спецов» из среды господствовавших прежде классов и обнаруживалось стремление нейтрализовать их в политической сфере. Некоторые влиятельные правительственные деятели склонны были к расширению творческого, делового сотрудничества с высококвалифицированной научной и художественной интеллигенцией (и такие деятели, если пользоваться терминологией дневника Ю.В. Готье, казались, даже тем, кто желал «возрождения России в монархическом духе», «наименее неприемлемыми лицами»¹⁴². Покровский же и лица его окружения относились к этой тенденции с большой подозрительностью. Он утверждал, что интеллигенция периода капитализма становится «антисоциалистической», в момент социальной революции неизбежно должна стать «реакционной силой», а после революции «продолжает идти на поводу у буржуазии, остается прикованной к ее труп»¹⁴³.

Препятствуя созданию в системе учреждений Наркомпроса «атмосферы товарищеского сотрудничества» (к чему стремился Луначарский и о чем он писал Ленину в 1921 г.)¹⁴⁴, Покровский, напротив, посчитал нужным припугнуть спецов». И, провоцируя к расправе с ними, печатно угрожал: «Им пальца в рот класть не следует, ни самим перед ними с разинутым ртом стоять нельзя. А дверь ЧК перед ними всегда должна быть гостеприимно раскрыта»¹⁴⁵.

Можно полагать, что во взаимоотношениях со «спецами»-историками у памятливого и честолюбивого Покровского примешивались впечатления и тех лет, когда он оказался оторгнутым профессурой и Москвы и Петербурга. Покровский был болезненно уязвлен подобным пренебрежительным отношением. И впоследствии, достигнув высокой власти и стремясь подчинить себе науку, мстительно унижал гуманитарную «профессуру», обосновывал мысль о приоритете в развитии науки и системы исторического образования в вузах публицистического теоретизирования над конкретными по тематике и по источниковедческому подходу исследованиями.

Немарксистское обществоведение, в отличие от наук точных и есте-

ственных, Покровский не допускал возможным признавать наукой — это провозглашалось в статье 1921 г. «Академический центр Наркомпроса» его руководителем. А в статье «Наука в России за пять лет (1918—1923)» соответственно игнорировались какие-либо успехи «академической науки» в области обществоведения: «В области же общественных наук нам пришлось бы говорить исключительно о достижениях научных работников — коммунистов или коллективных трудах, выполненных под надзором и руководством советских органов»¹⁴⁶. Характерно и употребление в данном контексте слова «надзор»!

Имело значение также и то, что настороженное недоброжелательство к людям мира гуманитарного научного знания обуславливалось и примитивно-утилитарным подходом к непосредственно доступным результатам их творческой деятельности и недостаточно уважительным отношением к приемам научной работы гуманитариев со стороны ученых-естественников и техников. В 1920-е годы бытовал рассказ об обмене колкостями в собрании Академии наук между вице-президентом ее математиком В.А. Стекловым (не считавшим Пушкинский дом настоящим научным учреждением) и Платоновым, когда в ответ на замечание математика о том, что существуют науки естественные и противоестественные, академик-историк отпарировал репликой: «Нет, милостивый государь, общественные и противообщественные!» Даже если это и вымысел, показателен факт его распространения и то, что — а это особенно важно в контексте данной работы — выразителем взглядов, самоутверждающих положение ученых гуманитариев представлен именно Платонов, авторитетнейший тогда ученый и выдающийся организатор науки, человек властной и подчас резкой манеры поведения. Платонов, думается, не только сознавал, какое место отведено ему в общественной жизни, но и гордился им¹⁴⁷.

После кончины академика Стеклова Платонова действительно называли как одного из наиболее вероятных кандидатов в вице-президенты, и многолетний руководитель работы аппарата служащих Академии наук академик С.Ф. Ольденбург говорил супруге: «Если выберут в вице-президенты Платонова, то он 24 часов не останется непременно секретарем»¹⁴⁸.

Естественно, что Платонов был противником характерного для Покровского смещения истории и социологии. В те годы усилиями Покровского и его окружения история и поглотила социологию (наука под таким названием была объявлена буржуазной, чуждой нам) и сама превращалась в так называемое обществоведение (что нашло отражение даже в переименовании учебных дисциплин и в средней и в высшей школе). Платонова настораживало возвращение к тенденции, характерной для периода развития исторической мысли, когда к изучению истории обращались «с целью подтвердить историческими данными свои отвлеченные построения»¹⁴⁹. Раздражало его и то, что такой подход приводил к схематизму, препятствуя образному изображению исторического процесса во всей его конкретности. А для Платонова, особенно Платонова-педагога, очень важна была нерасторжимость научной точности и художественной образности.

Платонов особенно ценил в мыслителе, а следовательно, и в историке «целостное единство умонастроения». Отмечая то, что этим проникну-

та была вся «деятельность Карамзина, взятая в ее основных чертах», Платонов придает существенное значение «гармонии национальных и общечеловеческих элементов в его творчестве». Ясно, что при таком подходе умонастроение Покровского-историка и политика казалось Платонову чуждым, если даже не глубоко враждебным: ведь Покровский противопоставлял национальному интернациональное, объявляя носителей национального начала в культуре шовинистами¹⁵⁰, а понятия об общечеловеческом подменял сугубо классовым, ориентируясь сам (и безапелляционно направляя к тому других) не на критерии общепризнанных традиционных моральных ценностей, а на требования политической конъюнктуры. Для Платонова нормальное и желанное состояние общества — мир, общественная гармония (или хотя бы видимость ее), установление и сохранение этого прежде всего путем соответствующего законодательства, поддерживающего личную свободу и независимость граждан и их права собственности; это первоочередная задача правящих структур. Для Покровского же и в прошлом (т. е. в истории) и в настоящем самое существенное — борьба и, пожалуй, даже обострение ее для закрепления положения тех, кто достиг власти, их диктатуры. Реального существа дела не меняло то, что диктатуру немногих, тем более единоличную, изображали диктатурой масс (пролетариата). А Платонова это могло тем более насторожить, что ученый видел главной социальной силой в истории и современной России крестьянство (что отражено в документации его следственного дела).

Свои общественные позиции 1920-х годов ученый откровенно охарактеризовал в заявлении, направленном в Коллегию ОГПУ из тюрьмы в октябре 1930 г. Он отметил, что «действительно работал за “совесть”», поскольку убедился, что «новый порядок есть действительно “порядок”» и «общий ход жизни» поддерживает такое «примиренчество», «являлась надежда на то, что страна постепенно изживет переходный период смуты» (характерно применение именно Платоновым этого термина для обозначения явлений послереволюционных лет!). Ему хотелось «ускорить... процесс оздоровления жизни» и своей работой историка и организатора науки. При этом он «считал возможным и дозволенным открыто заявлять свои точки зрения немарксистские. Таковую свободу мнения и слова... считал допустимым». Но «наряду с впечатлениями оптимистического характера к середине 20-х годов стали нарастать и иные». Так как «нажим марксизма в Центрархиве, в РАНИОНе, в университетах не уменьшался, а креп и, так сказать, портил свободное развитие научной работы, погашая надежды на лучшее» будущее и лишая «упований на постепенную эволюцию “диктатуры пролетариата” в более приемлемый демократический строй». Это побуждало к «противодействию воинствующему коммунизму»¹⁵¹.

Примеры публичного противостояния Платонова Покровскому в середине 1920-х годов — его «Речь» Карамзине 1926 г. (к столетию со дня кончины Историографа) и книга о Петре I. Правда, допустимо полагать, что Платонов был осведомлен и о суждениях видных правительственных деятелей, имевших иную направленность (прежде всего Рязанова). Более того, проживая вдали от московских коридоров власти, возможно, рассчитывал на то, что подобное разумное мнение (или хотя бы должностное положение лиц, его высказывавших) имеет более серьезный вес, и ленин-

ский призыв освоить культурное наследство относят не только к техническим наукам и естествознанию. Во всяком случае, именно такую мысль настойчиво проводил Луначарский в докладе 1925 г., посвященном годовщине со дня смерти Ленина: «Если мы в дальнейшем будем строить марксизм только на базе исследований, которые произвели ученые-марксисты, если бы мы сказали, что сейчас мы склонны отказаться от всяких социологических работ, статистических, этнографических, экономических, географических, исторических и т. д., которые могла дать буржуазная наука вне России и в России, мы, конечно, лишили бы себя необходимейших элементов нашего культурного строительства»¹⁵².

Готовясь выступить на юбилейном заседании к столетию со дня кончины Карамзина, Платонов демонстративно избрал путь повторения во многом своей прежней речи 1911 г. при открытии памятника Историографу в имении графов Шереметевых Остафьево, показывая, что он остается верен прежним своим взглядам. А в книге о Петре I Платонов, конечно, не случайно напомнил о непреходящем значении суждений Карамзина о том, что «изменять народные нравы можно лишь постепенно»¹⁵³.

Платонов написал «Речь» не столько о Карамзине-историке, сколько о том, «как честно следует работать историку», подчеркивая особо непреходящее значение «нравственного критерия», которым руководствовался Историограф, и то, «что всегда во всех поколениях и странах писатели и ученые получают свою оценку в соответствии с моральной их физиономией, независимо от того, открыта она или нет». Эти положения намеренно выделены в заключительной части «речи»¹⁵⁴.

«Речь» о Карамзине есть основание рассматривать во взаимосвязи с изданной в том же 1926 г. книгой Платонова «Петр Великий. Личность и деятельность». Обнаруживается сходство и поводов к написанию (юбилейная дата) и основной тенденции — противостоять новой точке зрения (неосновательной, по мнению автора, но все шире распространяющейся) и в то же время закрепить в сознании читателей уважение к достигнутым уже прежде выводам науки.

Характерны уже начальные фразы: «Для того, что писать эту книжку, я беру перо в те самые дни, когда исполняется двести лет с момента последней болезни и смерти Петра Великого. За это долгое время в различных поколениях русских людей не один раз менялось представление о личности Петра и слагались весьма разнообразные оценки его деятельности. Удивительно, однако, что в наши годы, когда историческая наука достигла уже некоторых точных и бесспорных выводов в изучении так называемых петровских преобразований, в русской беллетристике с полной свободой от науки прежний образ “великого преобразователя” обратился в грубо пасквильную карикатуру, и таким образом длительная добросовестная работа многих ученых исследователей оказалась оставленной в полном пренебрежении». Примеры — «последние достижения нашего беллетристического творчества», небольшие сочинения А.Н. Толстого и Б.А. Пильняка. Приводя длинную цитату, характеристику Петра I из рассказа Пильняка, ученый в сноске замечает: «Фраза — целиком Ключевского»; чуть далее в другой сноске пишет о пересказе книги К. Валишевского. Имя Покровского не названо. Однако более или менее знакомый с новейшей советской исторической литературой читатель сразу поймет, что именно из трудов Покровского восприняты суждения о

Петре I, отвергаемые Платоновым. Уподобляя себя знаменитому историку рубежа XVIII и XIX вв. Шлецеру, Платонов, цитируя его, прямо пишет о «плачевном упадке» науки российской истории за прошедшее десятилетие¹⁵⁵.

Не случайно Покровский старался, нажимая на органы цензуры, воспрепятствовать изданию этой книги, и академик Платонов вынужден был апеллировать к Президиуму Академии наук и просить защиты у Рязанова¹⁵⁶. И после выхода книги в газетной рецензии отмечалось, что позиция автора может вызвать «солидные подозрения» и ставился вопрос: «Интересен ли нам Петр Великий, да и велик ли этот Петр?»¹⁵⁷

В 1927 г. Покровский написал не подлежавшую тогда оглашению Записку, обосновывающую необходимость реорганизовать систему руководства Академии наук, лишив ее автономии. Один из конечных выводов Записки категоричен: «Нужно или радикально реорганизовать, и в смысле личного состава и в отношении программы занятий, гуманитарное отделение Академии, или вовсе его прикрыть». Там и личные выпады против Платонова: отмечается, что руководимые им ПИАК и Пушкинский дом «дезорганизуют работу» других родственных им по задачам учреждений, способствуют «бесцеремонному распылению» архивных фондов, а «такая просветительская деятельность», как устройство юбилея Карамзина, вредна и резко подчеркивается, что в деятельности АН, «помимо просто обветшавшего, есть злостно обветшавшее»¹⁵⁸.

Противостояние Платонову и его «школе» со стороны Покровского и тех, кто солидаризировался с его взглядами (или старался казаться таким), вызывали не только независимость от суждений о прошлом России, навязываемых марксистскими идеологами, но и намеренно профессиональная направленность действий Платонова как организатора науки при подборе кадров и определении тематики научной работы (он придерживался рамок прежней традиции, тогда как по мнению Покровского и икапистов нужно «не кончать крестьянской реформой, а начинать с крестьянской реформы»)¹⁵⁹.

По-прежнему уязвляло Покровского и всемирное признание научных заслуг Платонова как первого историка России, в чем он мог убедиться и воочию во время совместного пребывания в Германии или прочитав слова П.Б. Струве в парижском еженедельнике «Россия» в номере 19 за 1928 год, где тот писал о Платонове как о «самом выдающемся из здравствующих русских историков»¹⁶⁰. И то, что и у нас в стране Платонов признавался одним из самых знаменитых деятелей науки: автобиография его была помещена в популярнейшем журнале «Огонек» в № 35 за 1927 год под рубрикой «Страна должна знать своих ученых».

Для Покровского решительно определяющим в характеристике и оценке исторической мысли был политико-идеологический аспект. Он абсолютизировал классовый подход, не допускал возможности относительно нейтральной позиции в общественной жизни и отвлеченности от нее средой своей научной работы. Он, как верно заметил А.А. Чернобаев, «стремился всех противников большевизма представить контрреволюционерами, ревизионистами или соглашателями»¹⁶¹. Лозунгом его было «Кто не с нами, тот против нас». А там уж недалеко до реализации лозунга «Если враг не сдается, его уничтожают». Покровского отличала, по словам академика Н.И. Бухарина, сказанным у его гроба, «неистовая классовая

непримиримость»; он «был одним из самых крупных организаторов нашего теоретического фронта и классовой борьбы на этом фронте»¹⁶². Именно — «организатор борьбы»!

Чрезвычайное положение на «историческом фронте» Покровский обосновывает уже в докладе на I Всесоюзной конференции историков-марксистов на рубеже 1928 и 1929 гг. Он безапелляционно утверждал: «Мы — историки-марксисты, как мы называем себя в СССР, мы являемся одним из отрядов Ленинской армии и положением фронта в целом объясняются и наши задачи. У нас на этом фронте есть свое определенное место, свои определенные противники, свои определенные позиции, которые мы защищаем, и определенные позиции, которые мы штурмуем»¹⁶³.

И Покровский непримиримо боролся с влиянием Платонова и стал вдохновителем и организатором борьбы со «старыми» историками, особенно в Ленинграде, где находилась Академия наук (видимо, вплоть до подготовки фальсифицированного так называемого «дела академиков»).

Платонова пытались ущемить и в сфере профессиональной деятельности — источниковедения и археологии. Так, в июне 1928 г. ему отказали в заграничной командировке, указав на то, что основного материала интересующей его тематики хватает и в России. Возмущенный этим академик написал 19 июня 1928 г. письмо Рязанову, который, по его словам, «чутко к охране личного достоинства и научной работы» и по «своему положению может повлиять на дела» (Рязанов, действительно, продолжал выступать ходатаем за ученых «старой школы» в правительственных верхах¹⁶⁴). Платонов писал, что сделано «некоторое вразумление научного характера, имеющее целью показать мое невежество в вопросах русской истории и помочь мне его преодолеть», и считал себя «жертвой канцелярского глумления; дурно обдуманного и явно невежественного»¹⁶⁵. Возвеличение особых заслуг Покровского как историка России, особенно в связи с его шестидесятилетием в 1928 г., когда, по выражению Милюкова, «спешили его канонизировать»¹⁶⁶, сопровождалось демонстративным принижением сделанного историками до него.

В печатных трудах Покровского, не говоря уже о его устных выступлениях, имя Платонова в ту пору упоминается не раз. Платонов же воздерживался публично называть имя Покровского. Хотя в квартире Платоновых, по свидетельству С.В. Бахрушина (запечатленному в мемуарах Н.П. Анциферова), «высказывались критические замечания касательно политики партии и правительства, особенно доставалось проф. Покровскому, которого очень не любили и называли «гнусом»»¹⁶⁷. (О том, что Покровского так называли, мне рассказывал и С.Н. Валк.) О сложных коллизиях взаимоотношений «старой профессуры» с Покровским узнаем и из доверительной переписки Платонова и академика М.М. Богословского, в московской квартире которого обычно он останавливался, приезжая в столицу, и где встречался с московскими учеными. Поводом нередко становилось и то, что от Покровского во многом зависела аттестация научных работников, судьба которых заботила обоих академиков.

Платонова, по существу, вынуждают расстаться с университетом по достижении «предельного возраста» (в 1926 г.). Правда, он после избрания академиком отошел от активного участия в университетской жизни, отмечая и в Автобиографии и в переписке, что «преобразованный в последние годы Университет не есть тот университет, которому принадле-

жала вся моя учебно-преподавательская деятельность: в нем, по известной поговорке, «"новые птицы — новые песни"...»¹⁶⁸

В статье в журнале «Историк-марксист» об итогах Всесоюзной конференции историков-марксистов рубежа 1928 и 1929 гг. Покровский писал о «научном кладбище» «бывших ординарных», экстраординарных, «заслуженных профессоров», о «запахе тлена, идущем от остатков» школы Ключевского. (Покровский не раз и до того писал о принадлежности Платонова по существу к «школе Ключевского»). Покровский ставит вопрос о необходимости создания «марксистского научно-исследовательского института истории» силами сотрудников прежде всего Коммунистической Академии, обвиняя при этом Рязанова в том, что тот полагает возможным создание такого института на базе существующих уже учреждений Академии наук. Теперь можно не сомневаться в том, что Покровскому было известно о намерении Платонова, поддержанном именно Рязановым, заменить и расширить в таком плане деятельность возглавляемых им учреждений — об этом Платонов писал в январе 1928 г. в письме в Отделение гуманитарных наук. Думается, что нельзя согласиться с мнением, будто тогда «годы брали свое» и Платонов «постепенно сокращает объем административной деятельности», отказавшись в сентябре 1926 г. от поста директора Библиотеки Академии наук, а затем, в марте 1929 г., и директора Пушкинского дома¹⁶⁹. Напротив, Платонов согласился на избрание академиком-секретарем Отделения гуманитарных наук и членом Президиума Академии и склонен был, видимо, сосредоточиться только на этом и на руководстве организуемого им исторического научно-исследовательского Института Академии наук, призванного противостоять тенденциям, насаждаемым Покровским.

В марте 1929 г. Платонов в ответ на письмо неперменного секретаря Академии наук, направленное всем академикам, «о необходимых мероприятиях в связи с расширением состава Академии наук и круга ее занятий», выдвинул идею (ссылаясь на предложение Рязанова) образовать в системе Академии наук «исторический научно-исследовательский институт». В такой «научно-исследовательский институт по русской археографии и источниковедению» «всем ходом жизни постепенно превращается» Археографическая комиссия. Она «является готовой ячейкой, от которой может идти дальнейшая организационная работа в построении научного учреждения по технике исторического ведения независимо от вопросов идеологических, для разработки которых СССР имеет уже не одно учреждение»¹⁷⁰.

Покровский стал академиком Академии наук в январе 1929 г., когда существенно расширили состав Академии и впервые избрали академиками и ученых-коммунистов. Платонов не сопротивлялся этому; его поддержка во многом обеспечила конечный успех такой новации. Очевидно, он полагал, что будет иметь место своеобразное разделение сфер деятельности и влияния и ему сохранят возможность руководить археографической работой и всем тем, что связано с областью специальных исторических дисциплин, особенно в плане изучения России периода феодализма.

Однако Покровский как новоизбранный академик составляет свою Записку об археографических задачах АН СССР, утверждая, что вопросам современности отвечает прежде всего публикация документов по истории трудящихся классов, для чего привлекает менее связанных и с

Платоновым и с Археографической комиссией московских ученых и получает особые средства на реализацию такого начинания. Записка эта обсуждалась академиками в октябре 1929 г. под председательством Платонова, и решено было передать этот вопрос на рассмотрение общему собранию АН СССР¹⁷¹. Но в ноябре начались уже первые аресты ленинградских историков, и вряд ли случайно, что раньше других арестовали наиболее связанных с Платоновым по работе лиц — А.И. Андреева и С.В. Рождественского.

Когда после разнuzданных выступлений в ленинградской партийной печати против системы руководства в Академии наук Покровский обратился весной 1929 г. с призывом: «Надо переходить в наступление на всех научных фронтах. Период мирного сожительства изжит до конца»¹⁷², он исходил, видимо, и из других действий партийного руководства, кладущих предел проявлению «либерализма» в области культуры, по отношению к интеллигенции. Это — характерная для времени «великого перелома» политика. Позднее, в докладе на XVI партсъезде в июне 1930 г., Сталин уже особо выделит среди враждебных сил старого мира «верхушку буржуазной интеллигенции» и отметит «злостное вредительство» буржуазных спецов. (Напомним о процессах виднейших инженеров-профессоров, аресте виднейших экономистов и т. д.)

Активизация действий Покровского в этом направлении объясняется, можно полагать, не только его убеждениями и личной нетерпимостью к общественным взглядам Платонова и его научным программам, но и ощущением неустойчивости достигнутого самим Покровским положения в системе властных структур и подозрительно-недоброжелательным в основе отношением к нему Сталина¹⁷³ — тем более, что в партийной биографии Покровского было немало отклонений от «генеральной линии» партии. Это во многом обуславливало политическую тактику Покровского, формы доказательства его сохраняющейся полезности¹⁷⁴ в эпоху, которую Сталин провозгласил временем обострения классово-борьбы в нашей стране, когда трудности жизни пытались объяснить отчаянным сопротивлением врагов социализма.

Почти сразу же выяснилось, что не все вновь избранные академики-коммунисты склонны поддерживать Покровского в его намерении разрушить традиционную практику работы Отделения гуманитарных наук, возглавлявшегося в ту пору Платоновым. Рязанов и Бухарин публично выразили несогласие с Покровским; сторонником их оказался и только что избранный вице-президентом Г.М. Кржижановский¹⁷⁵. Тогда, видимо, по инициативе Покровского вопрос о дальнейшем направлении и организации работ Академии наук трижды за короткое время (4, 11, 15 апреля 1929 г.) рассматривался на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б) — а это допускает вывод, что инициативу Покровского поддерживали руководители работы Политбюро И.В. Сталин и В.М. Молотов. Политбюро приняло решение «не развертывать на данной стадии организации гуманитарных институтов»¹⁷⁶. Это был максимум того, чего сумел добиться в то время Покровский, тотчас же организовавший Институт истории в руководимой им Комакадемии.

Уже позднее, после ареста Платонова и других видных ученых историков, Покровский мог торжественно констатировать, что «сидевшие в... цитадели старой историографии» «были сняты со своих постов», и

подчеркнуть, что среди марксистов именно историки — в отличие от философов и экономистов — проявили особенно бдительную политическую дальновзоркость. Вспоминая о событиях весны 1929 г., он сказал: «Нам удалось лишь предотвратить разрастание этого нароста на теле советской историографии, помешав возникновению в стенах Академии наук нового исторического института»¹⁷⁷.

Для того чтобы лишить Платонова и близких к нему лиц влияния и добиться единоначалия на «фронте» исторической науки (а следовательно, и официального утверждения единомыслия), теперь уже решили прибегнуть к еще более сокрушительным приемам — к организации политических обвинений в антигосударственной деятельности. Разработан был сценарий: «чистка» личного состава Академии наук, и прежде всего в академических учреждениях, возглавляемых Платоновым; обвинения в сокрытии документов первостепенного государственно-политического значения, в антисоветской пропаганде и агитации, и, наконец, в заговоре, целью которого изображалась реставрация монархии и руководителям которого (а главным представителем Платонова!) приписывали связь с соучастниками и в Москве и в провинции (активисты местных отделений Центрального Бюро краеведения) и с границей (у Платонова прежде всего с Германией), откуда могли они ожидать поддержки интервенцией.

Ничего об этом, естественно, не подозревавший Платонов еще в начале осени 1929 г., в первый период «чистки» Академии наук, целиком был занят делами Академии как один из ее руководителей. 7 сентября он писал (в Крым, М.А. Волошину): «...Теперь почти бесшумно сижу в Академии. Мой тезка (С.Ф. Ольденбург, непререкаемый секретарь. — С. Ш.) собирается в отставку. Все сложное делопроизводство и представительство эти дни на двух секретарях отделений, из них же первый есмь аз»¹⁷⁸. Но 9 ноября 1929 г. Платонова вынудили подать в отставку со всех административных должностей.

18 ноября 1929 г. в речи, посвященной открытию Института истории при Комакадемии, Покровский обрушивается на деятельность Археографической комиссии и ее издания и заявляет о том, что там творят контрреволюционные дела¹⁷⁹. В это время в Ленинграде уже действовала присланная из Москвы комиссия, одной из целей которой было уличить сотрудников учреждений, которыми руководил Платонов, в незаконном хранении и сокрытии документальных материалов, враждебных советской власти. Отодвинутый от административных дел, Платонов занялся подготовкой статьи по истории России, заказанной ему для энциклопедического словаря Гранат. Накануне ареста он описывал борьбу правящих группировок за власть в начале XVI в. И сейчас особый смысл обретает последняя незавершенная фраза очерка. Ученый писал об аресте по доносу братьев великого князя, о кончине их в заключении, казни их сообщников — «...изо всего княжеского рода остались в живых только...»¹⁸⁰.

Арестовали Платонова 12 января 1930 г. Развернулось публичное «разоблачение» Платонова и его школы — и в печати и на собраниях ученых: академика изображали «вождем коалиций всех течений буржуазной историографии»¹⁸¹. С привлечением к «делу» Центрального бюро краеведения и его отделений на местах (причем не только больших — в бывших губернских, но и в малых городах) оно обрело всесоюзный размах.

Платонов, даже вынужденный признать деятельность некоего организованного им и покойным уже тогда М.М. Богословским контрреволюционного «Союза», не отступил от сложившихся у него убеждений и представлений о путях развития исторической науки и в тюрьме. Теперь это становится очевидным при знакомстве с изданными материалами его следственного дела. Публичный процесс организовать не удалось. Платонов и другие арестованные академики-ленинградцы Н.П. Лихачев, Е.В. Тарле и москвич М.К. Любавский были лишены званий академиков и осуждены в 1931 г. к высылке. Платонов оказался в Самаре, где бедствовал и скончался от сердечной недостаточности 10 января 1933 г.

В «деле» Платонова не раз встречаемся со сведениями о взаимоотношениях его и Покровского, с оценками ветеранов исторической науки, ее современного состояния и возможных перспектив ее развития. 12 апреля 1930 г. арестованный академик составил записку, в которой счел возможным предупредить и о вредных для науки последствиях курса, проводимого Покровским: «Я не был “марксистом” в теории, не мог усвоить разницы между “диалектическим методом” и простой “эволюцией” и не мог поверить в исключительную возможность изучать исторический процесс только по способу М.Н. Покровского. Напротив, будучи не только историком-исследователем, но и историком-техником (издателем текстов и археографом), я находил и нахожу исключительность Покровского и его школы вредной для роста у нас исторической науки и желал бы, чтобы подготовка молодых археографов была свободна от этой исключительности»¹⁸². Поединок продолжался даже в этих, явно неравных условиях.

Данные о деятельности С.Ф. Платонова в годы советской власти и о ее восприятии существенны не только для изучения прошлого отечественной науки, но и в плане слабоизученной еще истории сопротивления российской интеллигенции навязываемым ей официальной идеологии и системе поведения, защиты ею достоинства науки и интеллигента¹⁸³.

Напечатанные в послереволюционные годы труды Платонова всегда отвечали современным историографическим запросам и, главное, обрели в 1920-е годы знаменательное общественное звучание. Они, продолжая традиционную для дореволюционной исторической науки линию развития, противостояли торжеству вульгарной социологии, насаждаемой Покровским и его школой. Еще в большей мере такое противостояние и забота о будущем нашей исторической науки, о судьбе нашего культурного наследия заметны в научно-организационной деятельности академика Платонова послереволюционных лет.

К настоящему времени все более утверждается представление о выдающемся значении творчества Сергея Федоровича Платонова в развитии науки (особенно методики исторического исследования) и образования. Переиздаются отдельные его труды, начали печатать и неопубликованную часть его наследия, готовится многотомное академическое собрание сочинений. Платонов прочно вошел в плеяду классиков науки отечественной истории — вслед за В.Н. Татищевым, Н.М. Карамзиным, С.М. Соловьевым, И.Е. Забелиным, В.О. Ключевским.

- 1 Платонов С.Ф. Статьи о русской истории. СПб., 1912. С. 495 (перепечатка статьи «Василий Осипович Ключевский» из ЖМНП, ноябрь 1911 г.).
- 2 Прижизненный «Список трудов С.Ф. Платонова» напечатан в кн.: Сборник статей по русской истории, посвященных С.Ф. Платонову. Пг., 1922. С. VII—XII (составитель Б.А. Романов). Список трудов, опубликованных в последние годы, составлен В.А. Колобковым, в кн.: АЕ за 1993 год. М., 1995. Основная литература о научных трудах Платонова в дореволюционный период указана в посвященной этому историку второй главе монографии: *Цамутали А.Н.* Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Л., 1986. С. 66—133. В МГИАИ в 1984 г. была защищена кандидатская диссертация В.А. Шарова «Проблемы социальной и политической истории России второй половины XVI — начала XVII в. в трудах С.Ф. Платонова» (научный руководитель В.А. Муравьев). Последняя по времени характеристика трудов С.Ф. Платонова до 1917 г. в издании обобщающего типа — в учебном пособии: *Шапиро А.Л.* Русская историография с древнейших времен до 1917 года. М., 1993. С. 589—594.
- 3 Очерки исторической науки в СССР М., 1963. Т. III. С. 355 (автор Л.В. Черепнин).
- 4 Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1961. С. 438 (автор этой главы учебного пособия И.К. Додонов). То же во «втором, исправленном и дополненном» издании этой книги, рекомендованной уже в качестве учебника (М., 1971. С. 408).
- 5 Очерки истории исторической науки в СССР. Т. IV. М., 1966. С. 305 (авторы А.А. Зимин, А.А. Преображенский).
- 6 Брачев В.С. «Дело» академика С.Ф. Платонова // ВИ. 1989. № 5. С. 117—129; Колобков В.А. Сергей Платонов: год накануне ареста // Источниковедческое изучение памятников письменной культуры в собраниях и архивах ГПБ. История России XIX—XX веков: Сб. науч. тр. Л., 1991. С. 155—174; Шмидт С.О. Доклад С.Ф. Платонова о Н.М. Карамзине 1926 года и противоборство историков // АЕ за 1992 год. М., 1994. С. 39—76 (далее: Шмидт. Доклад Платонова).
- 7 Колобков В.А. Академик С.Ф. Платонов и его учебник русской истории // Платонов С.Ф. Учебник русской истории для средней школы. Курс систематический. М., 1992. С. 5—15; Брачев В.С. Сергей Федорович Платонов // Отечественная история. 1993. № 1. С. 111—128; Фукс А.Н. Сергей Федорович Платонов. Краткий историко-биографический очерк // Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 7—34; статьи В.И. Старцева и В.С. Брачева в кн.: Платонов С.Ф. Соч.: В 2 т. Т. I. СПб., 1993.
- 8 Академическое дело 1929—1931 гт. Вып. I. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1993 (далее: «Дело»).
- 9 Архив академика С.Ф. Платонова в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Каталог. Вып. 1. Сост. В.А. Колобков. СПб., 1994.
- 10 «Дело». С. 256—288.
- 11 *Zeitschrift für ostereuropäische Geschichte.* Bd. VII. Heft 4. Königsberg Berlin, 1933.
- 12 *Мякотин В.А.* К автобиографии С.Ф. Платонова // Последние новости. Париж, 1934. 7 апреля (№ 4762).
- 13 *Jahrbücher für Geschichte Osteuropa.* Breslau, 1934. № 1.
- 14 «Дело». С. 255—256.
- 15 Платонов С.Ф. Несколько воспоминаний о студенческих годах // Дела и дни. Кн. 2. Пг., 1921. С. 105 (далее: Платонов. Воспоминания).
- 16 «Дело». С. 256; Платонов. Воспоминания. С. 104—105.
- 17 Платонов. Воспоминания. С. 107.
- 18 «Дело». С. 257—262.
- 19 Там же. С. 262.
- 20 Платонов. Воспоминания. С. 109—111.
- 21 Платонов С.Ф. А.А. Шахматов как историк // ИОРЯ РАН. Т. XXV. Пг., 1920. С. 140.
- 22 «Дело». С. 257—261.
- 23 Там же. С. 259.
- 24 Айвазян М.А. Письмо С.Ф. Платонова В.О. Ключевскому 1891 г. // Ключевский: Материалы и исследования. Пенза, 1995. Вып. I. С. 7.
- 25 Платонов. Воспоминания. С. 130.
- 26 «Дело». С. 268.
- 27 Платонов. Воспоминания. С. 131—132.
- 28 Там же. С. 108—109.
- 29 Там же. С. 124—125.
- 30 Там же. С. 123.
- 31 Там же. С. 125.
- 32 Там же. С. 132.
- 33 Платонов С.Ф. Личность Кони // Памяти Анатолия Федоровича Кони. Л.; М., 1929. С. 13.
- 34 Платонов. Воспоминания. С. 117—119, 127.
- 35 «Дело». С. 262.
- 36 Шмидт С.О. Жизнь и творчество историка С.Ф. Платонова в контексте проблемы «Петербург—Москва» // Россия в X—XVIII вв. Проблемы истории и источниковедения. Тезис докладов и сообщений Вторых чтений памяти А.А. Зимины. М., 1995. С. 673—677.
- 37 Госархив Тверской области. Коллекция В.И. Судакова. [Поздравление тверскому краеведу И.А. Виноградову].

- 38 Киреева Р. А. К. Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. М., 1990. С. 207.
- 39 Шмидт С. О. Становление российского самодержавства. М., 1973. С. 121—125.
- 40 «Дело». С. 262, 264.
- 41 Ключевский В. О. Отзыв об исследовании Н. Д. Чечулина «Города Московского государства в XVI в.» // Ключевский В. О. Соч.: В 8 т. М., 1959. Т. VIII. С. 199.
- 42 «Дело». С. 264—267.
- 43 Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник. СПб., 1888. С. V.
- 44 Ключевский В. О. Отзыв об исследовании С. Ф. Платонова «Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII в. как исторический источник» // Ключевский В. О. Указ. соч. Т. VII. С. 446.
- 45 Отзыв о монографии, а также о защите магистерской диссертации см. в рубрике «Платонов Сергей Федорович» кн.: История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. Библиография. М., 1965. С. 348.
- 46 «Дело». С. 268.
- 47 Там же. С. 263—264, 269—270.
- 48 Кан А. С. Историк Г. В. Форстен и наука его времени. М., 1979. С. 81—87.
- 49 Цит. по: Ульянов Н. С. Ф. Платонов // Новый журнал. № 126. Нью-Йорк, 1977. С. 191.
- 50 Чехов А. П. Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1977. Т. 8. С. 309.
- 51 «Дело». С. 270.
- 52 Иванов А. Е. Ученые степени в Российской империи. XVIII в. — 1917 г. М., 1994. С. 65.
- 53 «Дело». С. 270—271.
- 54 Там же. С. 197.
- 55 Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 62. СПб., 1891. С. 476 (статья «Статистика»).
- 56 См.: Комарова И. И. Научно-историческая деятельность статистических комитетов // АЕ за 1986 год. М., 1987. С. 85—96; Бердинских В. А. Губернские статистические комитеты русская провинциальная историография 1860—1890-х годов. Автореф. докт. дис. Л., 1994.
- 57 Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1946. Т. 3. С. 41.
- 58 Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 41 (далее: Платонов. Лекции).
- 59 Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и деятельности. М., 1974. С. 184.
- 60 Андреев Н. Пражские годы (Воспоминания) // Новый мир. 1994. № 11. С. 141.
- 61 См. об этом: Шмидт С. О. Российское государство в середине XVI столетия. М., 1984. С. 90—92, 113—121.
- 62 Платонов С. Ф. Соч. Т. 1. Статьи по русской истории. СПб., 1912. С. 124—125.
- 63 «Дело». С. 60.
- 64 «Дело». С. 273—279.
- 65 См.: Шмидт С. О. В. И. Ленин о государственном строе России XVI—XVIII вв. (о методике изучения материалов по теме) // В. И. Ленин и историческая наука. М., 1968. С. 340—346; Он же. Становление российского самодержавства. М., 1973. С. 123—124.
- 66 Библиотека В. И. Ленина в Кремле. Каталог. М., 1961. № 1928, 1929, 1930, 1947.
- 67 Петрункевич А. М. С. Ф. Платонов — историк «Смутного времени» // Возрождение. 1967. № 189. С. 72—94.
- 68 «Дело». С. 279.
- 69 «Дело». С. 283.
- 70 Авалиани С. А. Земские соборы. Литературная история земских соборов. Изд. 2-е. Одесса. 1916. С. 3; Шмидт С. О. Становление русского самодержавства. М., 1973. С. 124.
- 71 «Дело». С. 283—284.
- 72 Там же. С. 281.
- 73 Там же. С. 282.
- 74 Платонов С. Ф. Соч. Т. I. С. 504—512.
- 75 Шохин Л. И. Архивные материалы С. Д. Шереметева об открытии памятника Н. М. Карамзину в Остафьево в 1911 г. // Венок Карамзину. М., 1992. С. 111.
- 76 Там же.
- 77 Шапошников Б. М. Воспоминания. Научные труды. М., 1974. С. 134. См. также: Воспоминания о Б. В. Асафьеве. Л., 1974. С. 415—416 (воспоминания Б. В. Асафьева о семинарах и лекциях Платонова).
- 78 Платонов. Лекции. С. 38.
- 79 Там же. С. 36.
- 80 Петрункевич А. М. Указ. соч. С. 91.
- 81 Платонов. Лекции. С. 39—41.
- 82 Цит. по ст. А. М. Петрункевич. С. 84.
- 83 «Дело». С. 281.
- 84 Колобков В. А. Академик С. Ф. Платонов и его учебник русской истории // Платонов С. Ф. Учебник русской истории. Для средней школы. Курс систематический. М., 1992. С. 13—14.
- 85 Фукс А. Н. Сергей Федорович Платонов. Краткий историко-биографический очерк. // Платонов. Лекции. С. 12—13.
- 86 Милоков П. Н. Два русских историка (С. Ф. Платонов и А. А. Кизеветтер) // Современные записки. Париж, 1933. Т. 52. С. 322.
- 87 «Дело». С. 281.
- 88 Пресняков А. Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пг., 1922. С. 26; см. также: Кан А. С. Историк Г. В. Форстен и наука его времени. С. 82—83.
- 89 «Дело». С. 25—26.
- 90 Из дневника Константина Романова // Красный архив. Т. 43, 44.
- 91 «Дело». С. 20.
- 92 Цит. по: Ульянов Н. Указ. соч. С. 196.
- 93 «Дело». С. 59.
- 94 Ключевский В. О. Соч.: В 9 т. М., 1990. Т. 9. С. 361.

- 95 Сведения эти в подготовленной к печати статье В. Г. Бухерта «Письма С. Ф. Платонова С. Д. Шереметева».
- 96 *Петрункевич А. М.* Указ. соч. С. 95.
- 97 «Дело». С. 280—281.
- 98 *Вернадский Г.* Из воспоминаний. Годы учения. С. Ф. Платонов // Новый журнал. Нью-Йорк, 1970. № 100. С. 215.
- 99 «Дело». С. 60.
- 100 «Дело». С. 284. Об отношениях Платонова к Рязанову см. также «Дело». С. 60, 61, 199; *Ульянов Н.* Указ. соч.
- 101 *Платонов.* Воспоминания. С. 111.
- 102 *Карсавин Л. П.* Соч. М., 1993. С. 456 (статья «Без догмата» 1927 г.).
- 103 См. об этом: *Шmidt С. О.* «Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество. Краеведческий альманах. Вып. 1. М., 1990. С. 16—18; *Он же.* Краеведение и документальные памятники. Тверь, 1992. С. 27—29.
- 104 Журнал для всех. Пг., 1918. № 2—3. Стб. 208—209.
- 105 Архивные курсы: Лекции, читанные в 1918 г. Пг., 1920. С. 3; *Шmidt С. О.* К истории архивного строительства в первые годы советской власти // Проблемы архивоведения и истории архивных учреждений. Л., 1970. С. 30.
- 106 Летописи занятий Археографической комиссии. Пг., 1923. Вып. 31. С. 16—17.
- 107 *Пионтковский С. А.* Великорусская буржуазная историография последнего десятилетия // Историк-марксист. № 18—19. 1930. С. 158—159.
- 108 *Ульянов Н.* Указ. соч. С. 193.
- 109 *Корнеев В. Е., Копылова О. Н.* Архивист в тоталитарном обществе: борьба за «чистоту» архивных кадров (1920—1930-е годы) // Отечественные архивы. 1993. № 5. С. 30—31; *Хорхордина Т.* История отечества и архивы: 1917—1980 гг. М., 1994. С. 94—96.
- 110 Подробнее см.: *Брачев В. С.* Сергей Федорович Платонов. С. 119—120; Сергей Федорович Платонов. Биографический очерк. «Дело». С. LXXIX—LXXI.
- 111 Академия наук Союза Советских Социалистических Республик за десять лет. 1917—1927. Л., 1927 (далее: Академия наук). История. С. 83—95. Библиотечное дело. С. 188—200. См. также: *Иванова Л. В.* Археографическая комиссия 1917—1931 гг. // Проблемы истории общественного движения и историографии. М., 1971. С. 401—418.
- 112 *М. А. Волошин.* Письма С. Ф. Платонову / Публ. В. А. Колобова // De Visu. 1993. № 5 (6). С. 57—58, 60.
- 113 Академия наук. С. 85.
- 114 *Валк С. Н.* Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Тр. юбилейной научной сессии. ЛГУ, секция истор. наук. Л., 1948. С. 64.
- 115 «Дело». С. 200.
- 116 Там же. С. 285—287.
- 117 *Валк С. Н.* Указ. соч. С. 52.
- 118 Современные записки. Париж, 1926. Т. 27. С. 581.
- 119 «Дело». С. 281, 287.
- 120 Там же. С. 287.
- 121 Там же. С. 201.
- 122 Академия наук. С. 85.
- 123 *Платонов С. Ф.* Далекое прошлое Пушкинского уголка. Исторический очерк. Л., 1927.
- 124 *Платонов С. Ф.* Пушкин и Крым (памяти Б. Л. Модзалевского) // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь, 1928. Т. II (59). С. 1—6.
- 125 «Дело». С. 259. См. также: *Платонов С. Ф.* Личность Кони // Памяти Анатолия Федорова Кони. С. 9—22.
- 126 *Платонов С. Ф.* Из воспоминаний // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь, 1927. Т. I (58). С. 132—137.
- 127 «Дело». С. 211.
- 128 Российская национальная библиотека. Отдел рукописей (далее: РНБ). Ф. 585 (С. Ф. Платонова). Оп. 1. Ед. хр. 210 (№ 438 по изданию «Каталог архива академика С. Ф. Платонова»).
- 129 *Ульянов Н.* Указ. соч. С. 188—190.
- 130 «Дело». С. 269.
- 131 Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922. С. III.
- 132 РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ед. хр. 1064 (каталог... № 1017).
- 133 Литературное наследство. В. И. Ленин и А. В. Луначарский. М., 1971. Т. 80. С. 258.
- 134 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 324.
- 135 *Покровский М. Н.* Историческая наука и борьба классов (Историографические очерки, критические статьи и заметки). М.; Л., 1933. Вып. 2. С. 87—93.
- 136 Цит. по: *Зайдель Г., Цвибак М.* Классовый враг на историческом фронте. Тарле и Платонов. М.; Л., 1931. С. 83.
- 137 Цит. по: *Соколов О. Д.* М. Н. Покровский и советская историческая наука. М., 1970. С. 10.
- 138 *Покровский М. Н.* Борьба классов и русская историческая литература // *Покровский М. Н.* Историческая наука и борьба классов. М.; Л., 1933. Вып. 1. С. 8.
- 139 РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ед. хр. 1171 (по изд. «Каталог архива» № 1092).
- 140 *Петрункевич А. М.* Указ. соч. С. 75.
- 141 *Покровский М. Н.* Борьба классов и русская историческая литература. Пг., 1923. С. 5, 8.
- 142 *Готье Ю. В.* Мои заметки // ВИ. 1993. № 5. С. 151, 152.
- 143 *Покровский М. Н.* Избр. произв. Кн. 4. М., 1967. С. 467—468.

- 144 Литературное наследство. Т. 80. С. 261—262.
- 145 *Покровский М.Н.* Наши спецы в их собственном изображении // Красная новь. 1922. № 1(5). С. 154.
- 146 *Покровский М.Н.* Избр. произв. Кн. 4. С. 493.
- 147 *Шмидт.* Доклад Платонова... С. 55.
- 148 *Каганович Б.С.* Начало трагедии (Академия наук в 1920-е годы по материалам архива Е.Г. Ольденбург) // Звезда. 1994. № 12. С. 129.
- 149 *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. С. 38.
- 150 *Кривошеев Ю.В., Дворниченко А.Ю.* Изгнание науки: российская историография в 20 — начале 30-х // Отечественная история. 1994. № 3. С. 143—158.
- 151 «Дело». С. 200—201.
- 152 *Луначарский А.В.* Ленин и народное образование. М., 1960. С. 76—77; *Шмидт С.О.* О методике выявления и изучения материалов по истории советской исторической науки // Тр. МГИАИ. М., 1965. Т. 22. С. 14.
- 153 *Платонов С.Ф.* Петр Великий. Личность и деятельность. Л., 1926. С. 17—18.
- 154 Неизданная статья С.Ф. Платонова / Подг. А.Н. Артизов и Б.Н. Левшин // Отечественные архивы. 1993. № 2. С. 54.
- 155 *Платонов С.Ф.* Петр Великий... С. 3—18.
- 156 *Брачев В.С.* Сергей Федорович Платонов. С. 121; *Шмидт.* Доклад Платонова... С. 59, 75.
- 157 Вечерняя Москва. 1926. 7 мая // De Visu. 1993. № 5(6). С. 52.
- 158 *Покровский М.Н.* К отчету о деятельности Академии наук за 1926 год / Публ. М. Юрьевой и Д. Рейзлина // Звенья. Исторический альманах. Вып. 2. М., СПб., 1992. С. 586, 588—589, 592.
- 159 Вестник Коммунистической Академии. 1932. № 4—5. С. 51 (выступление Н.М. Лукина на заседании памяти Покровского).
- 160 Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 1973. Т. VII. С. 201.
- 161 *Чернобаев А.А.* «Профессор с пикой», или Три жизни историка М.Н. Покровского. М., 1992. С. 175.
- 162 Вестник Коммунистической Академии. 1932. № 4—5. С. 8—11.
- 163 Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. М., 1930. Т. 1. С. 4.
- 164 См.: *Рокитянский Я.Г.* Неукротимый академик (Новые материалы о Д.Б. Рязанове) // Вестник РАН. 1991. № 7. С. 140; *Он же.* Трагическая судьба академика Д.Б. Рязанова // Новая и новейшая история. 1992. № 2. С. 122 и сл.
- 165 Неизвестные письма российских ученых двадцатых годов / Публ. Я.Г. Рокитянского // Вестник РАН. 1991. № 11. С. 96.
- 166 *Миллюков П.Н.* Величие и падение М.Н. Покровского (Эпизод из истории науки в СССР) // Современные записки. № 65. Париж, 1937. С. 370.
- 167 *Анциферов Н.П.* Из дум о былом. Воспоминания. М., 1992. С. 368.
- 168 «Дело». С. 284.
- 169 *Брачев В.С.* Сергей Федорович Платонов. С. 122.
- 170 СПб., Ф. Архива РАН. Ф. 133 (Археографическая комиссия). Вход № 134. Д. 5. № 29; *Иванова Л.В.* Археографическая комиссия 1917—1931 гг. С. 416—417.
- 171 Записка М.Н. Покровского в Академию наук об очередных археографических задачах / Подг. А.А. Говорков и И.Е. Тамм // АЕ за 1978 год. М., 1979. С. 335—339.
- 172 *Перчёнок В.Ф.* Академия наук на «Великом переломе» // Звенья. Исторический альманах. М., 1991. Вып. 1. С. 193 (цитаты из газеты «Последние новости» от 5 декабря 1929 г.).
- 173 *Сталин И.В.* Соч. Т. 7. С. 43; Т. 9. С. 176—178.
- 174 *Шмидт.* Доклад Платонова... С. 65—66.
- 175 Пять «вольных писем» В.И. Вернадского сыну (Русская наука в 1929 г.) / Публ. К.К. // Минувшее. М., 1992. Т. 7. С. 434; *Ростов А. (Сизрист С.Б.)* Дело четырех академиков // Память. Ист. сб. Вып. 4. Париж, 1981. С. 475 и сл.; Начало «дела» Академии наук СССР // Исторический архив. 1993. № 1. С. 79—109. *Перчёнок В.Ф.* Указ. соч. (приведена литература).
- 176 *Шмидт.* Доклад Платонова... С. 67—71.
- 177 *Покровский М.Н.* Историческая наука и борьба классов. Вып. 2. С. 389, 391.
- 178 De Visu. 1993. № 5(6). С. 61.
- 179 *Покровский М.Н.* Историческая наука и борьба классов. Вып. 2. С. 356—357.
- 180 *Колобов В.А.* Сергей Платонов: год накануне ареста. С. 173.
- 181 *Зайдель Г., Цвибак М.* Классовый враг на историческом фронте. С. 110.
- 182 Исповедь узника ОГПУ (Неизвестная рукопись академика С.Ф. Платонова). С. 121—122; «Дело». С. 60—61.
- 183 См. об этом: *Лихачев Д.С.* Русская интеллигенция в русской действительности // Первое сентября. 1993. 12 января; *Он же.* О русской интеллигенции // Новый мир. 1993. № 2. С. 3—9.

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М.Н. ТИХОМИРОВА *

Академик Михаил Николаевич Тихомиров родился в Москве 19 мая (по старому стилю) 1893 г. Крупнейший в середине нашего века историк России заявил о себе в науке сразу книгой «Псковский мятеж XVII в.», написанной в 1917 г. и изданной в 1919 г.

Тихомиров — историк очень широкого диапазона, однако основная сфера его исследовательских интересов — отечественная история с IX по XIX в., история славянских народов и Византии, специальные исторические дисциплины: источниковедение, историческая география, палеография, археография и текстология, историография (он был и главным редактором сочинений В.Н. Татищева, В.О. Ключевского, М.Н. Покровского, С.Б. Веселовского, первого тома «Очерков истории исторической науки в СССР», «Истории Московского университета» и многих других изданий).

Именно Тихомиров показал, что средневековая Русь была страной высокоразвитой городской жизни, первым обобщил сведения о народных движениях в Древней Руси и о городских восстаниях середины XVII в. на Северо-Западе Руси, написал капитальное исследование по исторической географии «Россия в XVI столетии», характеризующее особенности социально-экономического и политического развития отдельных регионов огромной страны. Много его трудов посвящено деятельности государственных учреждений (земским соборам, приказному делопроизводству), международным связям (особенно с южнославянскими народами), внешней политике России и русским полководцам, происхождению названий «Руси» и «Россия», месту Российского государства во всемирной истории. (В основу посмертно изданной книги «Средневековая Россия на международных путях. XIV—XV вв.» легли лекции, прочитанные им в Париже в 1957 г.) Видное место в творчестве ученого занимали проблемы истории культуры: труды о городской письменной культуре Древней Руси, «Слове о полку Игореве», исследования об Андрее Рублеве, о роли Новгорода и Москвы в развитии мировой культуры, библиотеке московских государей XVI в. (именно его статья 1960 г. «О библиотеке московских царей: легенды и действительность» возродила интерес исследователей к этой тематике), о начале книгопечатания на Руси, о «народной» культуре и источниках ее познания, о М.В. Ломоносове и основании Московского университета, о русских историках (В.Н. Татищеве, В.О. Ключевском, Б.Д. Грекове и др.).

Отличительная черта трудов ученого — сочетание собственно исторического и источниковедческого исследования. Некоторые из них написаны в чисто источниковедческом плане: книга «Исследование о "Русской правде"» (изданная в 1941 г. на основе докторской диссертации, при защите которой оппонентами выступали его учителя академик Б.Д. Греков, преподававший историю еще в коммерческом училище С.-Петербурга в

* Опубликовано в журн.: Отечественные архивы. 1993. № 3. С. 35—47.

начале XX в.¹, и член-корреспондент АН СССР С.В. Бахрушин, которого Тихомиров признавал «определяющим учителем» в годы учения в Московском университете)², незавершенная монография о начале русского летописания, многие статьи и предисловия к публикациям памятников письменности (летописей, первых новгородских берестяных грамот, сказаний о Куликовской битве, Соборного уложения 1649 г., документов монастырских архивов, приказных дел о городских восстаниях, публицистических сочинений XV—XVII вв. и др.).

Многообразная творческая деятельность ученого была высоко оценена. В 1946 г. Тихомиров стал членом-корреспондентом Академии наук СССР, в 1953 г. — академиком. Тогда же его избрали академиком-секретарем Отделения исторических наук и членом президиума Академии. В том же году в «Вестнике Московского университета» (он преподавал в МГУ с 1934 г., в 1946—1948 гг. был деканом исторического факультета) опубликован список печатных трудов ученого к 60-летию со дня его рождения³. В 1963 г. в академической серии «Материалы к библиографии ученых СССР» вышла книга «Михаил Николаевич Тихомиров» (серия истории. Вып. 6) со вступительной статьей В.И. Шункова.

К 70-летию академика Тихомирова были изданы четыре сборника трудов в его честь (случай, единственный в истории отечественной исторической науки!).

В 1967 г. в память ученого выпущен сборник статей его непосредственных учеников, тех, кого называли «тихомировской школой», «тихомировцами», — «Новое о прошлом нашей страны. Учителю — ученики». После кончины ученого (Михаил Николаевич скончался в Москве 2 сентября 1965 г.) напечатано много статей о его жизни и творчестве. В 1974 г. издан сборник трудов Архива Академии наук (вып. 25) «рукописное наследие академика М.Н. Тихомирова в Архиве Академии наук СССР. Научное описание» (составленное И.П. Старовойтовой). В 1987 г. в академической серии «Научные биографии» появилась книга «Михаил Николаевич Тихомиров», написанная любимой его ученицей профессором Е.В. Чистяковой. Издание и переиздание трудов ученого, шесть книг избранных трудов⁴, много статей и появление значительного количества работ, ему посвященных, побудили к подготовке дополнений к его библиографии⁵.

Пожалуй, ни об одном советском историке не писали так много, как о Тихомирове. И оценка совершенного им не воспринималась бы столь однозначно положительно (конечно, не отдельные выводы и наблюдения, вызывающие — как это естественно в развитии науки — споры и несогласия, а направлений и основных результатов творческой деятельности в целом).

Исключением является только его тезка, академик М.Н. Покровский. О нем писали очень много и при жизни, и впоследствии, когда его именем назвали и университет, и историко-архивный институт в Москве, и педагогический институт в Ленинграде. Но писали в разное время по-разному... Покровский занимал в послереволюционные годы всевозможные высокие посты на «историческом фронте» и в системе просвещения, признавался главою «историков-марксистов».

Но уже в середине 1930-х годов, примерно через два года после смерти, Покровский обвиняется в отступлении от марксизма-ленинизма,

а затем и учеников его стали называть даже не «школой», а «школкой» Покровского. На протяжении более 20 лет имя Покровского упоминали лишь в негативном обличительном контексте («ошибки Покровского»). В ином стиле заговорили о Покровском только после XX съезда КПСС, однако труды его начали готовить к изданию лишь с середины 1960-х годов. И одним из трех редакторов избранных сочинений Покровского в четырех томах стал академик Тихомиров. И отнюдь не потому, что ему были особенно близки взгляды покойного историка, а прежде всего из-за того, что он одним из немногих видных историков своего поколения, кому не надо было публично демонстративно (а то и покаянно) отступаться от взглядов кумира 1920-х годов. Слишком разнились их представления о способах добывания исторических сведений и методике исторической науки, их оценки исторического наследия, их понятия о задачах и долге историка, учителя. В то же время Тихомиров отдавал должное таланту Покровского в популяризации исторических знаний и в построении концепционных конструкций и вообще полагал, что со всякой точкой зрения ученого следует знакомиться непосредственно, а не в переложении других, да еще тенденциозном. (Потому-то позднее, в середине 1960-х годов, не согласившись с основными положениями труда А.А. Зимина о происхождении «Слова о полку Игореве», он будет настаивать на публикации полного текста исследования.)

Напоминание о Михаиле Николаевиче-старшем в статье о Михаиле Николаевиче-младшем (между ними разница 25 лет) — не игра созвучием имен: тенденции, насаждаемые Покровским, многое определили на первом этапе научной биографии Тихомирова, а деятельность Тихомирова с середины 1930-х годов направлена была на возрождение и развитие того, что порушено Покровским. И сейчас, на рубеже столетий, нетрудно убедиться в том, кто из них оказался носителем истины в истории; Покровский ли, блистательно язвительный публицист, темпераментно формулирующий свои концепционные построения, энергичный разрушитель Дома той науки отечественной истории, фундаментом которой был заложен «Историей государства Российского» Н.М. Карамзина (или даже еще «Историей Российской» В.Н. Татищева), или Тихомиров — упорно трудолюбивый строитель, хранитель этих вековых основ, скромный в ораторских возможностях, не вступавший в драку, но неутомимо удерживавший здание от падения, а затем уверенно способствовавший реставрации уцелевших ценностей и обогащению Дома исторической науки новыми дарами знаний.

О М.Н. Тихомирове не раз приходилось писать и мне, при жизни ученого (начиная с 1953 г.) и после его кончины. Это — и большая статья о жизни и творчестве его в целом, опиравшаяся во многом на впервые вводимые в научный обиход материалы его личного фонда в Архиве Академии наук (статья «Памяти учителя: Материалы к научной биографии М.Н. Тихомирова» в «Археографическом ежегоднике за 1965 год»), и статьи об отдельных сферах творческой деятельности Тихомирова, и обзор написанного о Тихомирове⁶, и информация о сделанном в его память. В данной статье предпринята попытка определить роль Тихомирова в развитии современных представлений о значении источниковедения, его задачах и взаимосвязях с археографией и архивоведением.

Михаил Николаевич очень рано не только почувствовал радость от

непосредственного познания первоисточников исторических знаний, но и испытывал от этого эстетическое наслаждение. И уже пожилым прославленным ученым вспоминал, какое незабываемое впечатление произвели на него, 17-летнего, слова Б.Д. Грекова о древнерусской письменности, показанный им альбом древнерусской скорописи; и выпускник коммерческого училища решил твердо посвятить себя занятиям историей. В Московском университете он долго и упорно проходил школу изучения источников по истории отечественной (гражданской и церковной) и всеобщей, что помогло ему впоследствии подходить к явлениям истории нашей страны в панораме всемирной истории и пользоваться сравнительно-историческим методом в анализе свидетельств о прошлом. Основой его диссертации стало обращение к документам МГАМИД, где он работал несколько месяцев⁷. В студенческие же годы он серьезно знакомится с многообразной исторической литературой и системой ее библиографии, с музеями и визуально со многими памятниками культуры Москвы и Подмосковья, изучает историю русского искусства (особенно иконописи и архитектуры).

Его подготовка оказалась настолько основательной и выверенной на практике, что это сразу же выяснилось по окончании университета в необычайной по творческой интенсивности работе краеведческого характера в подмосковном городе Дмитрове и его уезде. Там Тихомиров организовал музей истории родного края. Тогда только определился тип краеведческого музея с тремя главными разделами: современной промышленности и промыслов, природы и историко-культурным. Первоначально всю работу по собиранию материалов и их первичной обработке вел сам Тихомиров; объезжавший селения края и пополнявший сразу все разделы музея. Задачей его было также помочь сохранению памятников прошлого, оставшихся в усадьбах, покинутых прежними владельцами. Он стал и первым экскурсоводом музея⁸. Молодой ученый начал сверять информацию географических карт с данными визуальных наблюдений, а данные топонимики и современной лексики — с информацией письменных источников и устных преданий. Эти приемы, которые в наши дни относят к сфере комплексного источниковедения, Тихомиров затем будет плодотворно использовать в книгах о городах средневековья, в трудах по исторической географии.

В годы пребывания в Самаре (1919—1923) Тихомиров спасал, выявлял, описывал, изучал памятники письменности (причем и старинные, и нового времени, в частности архив семьи Аксаковых)⁹, начал преподавать в высшей школе, продолжал овладевать навыками углубленного изучения древней письменности, обучаясь сам у академика В.Н. Перетца и В.П. Адриановой-Перетц.

Там он учится и преподавательскому мастерству. Это способствовало формированию представления о взаимоотношениях профессора и учеников в высшей школе. Он об этом вспоминал позднее, характеризуя Перетца — «преподавателя божьей милостью», принадлежащего «к числу тех редких людей, вокруг которых всегда группируются ученики».

М.Н. Тихомиров писал: «Не все знают, что такое воспитывать студенческие и вообще научные кадры. Большинству кажется это явление довольно простым и легким. На самом деле для того надо обладать особы-

ми качествами, и в первую очередь определенной сердечностью к людям для того, чтобы видеть ростки их новых знаний, вовремя помочь. Ведь без помощи очень трудно бывает всякому начинающему ученому. Тут и вопросы чисто бытового характера, и вопросы о том, где поместить ту или иную статью, к кому обратиться за помощью и т. д. и т. д.

В.Н. Перетц был очень строгим преподавателем и в то же время довольно любящим учителем. Для меня он на всю жизнь остался незабвенным учителем и другом. О характере его преподавания, о его строгости дает представление то слово, которое я у него заимствовал и потом повторял своим ученикам. Однажды как-то я принес рукопись (а рукописи для просмотра он давал из своей библиотеки) и на вопрос Владимира Николаевича, к какому времени относится эта книга, сказал: «Начало XVII в.». Владимир Николаевич сжал свои губы и спросил: «А подумавши?». А подумавши оказалось, что рукопись конца XVI в. Нечего и говорить, что никакой обиды на это я к нему не питал, наоборот, почувствовал еще большую любовь и уважение». Выражение «а подумавши?» мы не раз слышали от Михаила Николаевича и могли на себе проверить его значение ¹⁰.

После закрытия в Самаре университета ученый возвращается в Москву и работает в средних учебных заведениях преподавателем географии и обществоведения. Он интенсивно включается в краеведческую работу и начинает последовательно изучать и описывать старинные рукописи, прежде всего летописи, хранившиеся в Историческом музее ¹¹. Прирожденный педагог, тянувшийся к общественной деятельности, он не мог в ту пору найти применение своим способностям в высшей школе, где все в большей степени начинали господствовать насаждаемая М.Н. Покровским схема вульгаризации исторического процесса и пренебрежение к профессионализму в ремесле историка. Исторические факты использовались прежде всего как иллюстрация к заранее известным социологическим схемам. Тихомирову, обладавшему даром представлять прошлое во всей его конкретности и образности и заинтересованным умением обнаруживать видимые следы его в разнообразных исторических источниках, был чужд такой подход к историческим явлениям. Он старался способствовать сохранению интереса к далекому прошлому русского народа, к корневым традициям отечественной гуманитарной культуры, уверенный в вековой ценности памятников истории и культуры, подлинно научных приемов их выявления и исследования.

М.Н. Тихомиров открывает в хранилищах Москвы много ранее неизвестных или малоизвестных памятников письменности, описывает их, готовит к печати (изредка удаётся что-то опубликовать), начинает составлять свод сведений о летописных произведениях (о чем писал в предисловии к книге 1962 г. «Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы», содержащей данные о рукописях не только ГИМ, но и ГБЛ и ЦГАДА). Такая научная работа продолжалась без оплаты несколько лет. Позднее ученый так вспоминал: «Дни, проведенные мною в Историческом музее над рукописями, были, может быть, одними из самых лучших в моей жизни». Талант и преданность делу археографии были замечены крупнейшими в ту пору знатоками памятников древнерусской письменности академиками А.И. Соболевским и М.Н. Сперанским (а ранее и В.Н. Перетцем), и сам Тихомиров вскоре

входит в сонм этих знатоков. А затем ученого пригласили уже на штатную должность; несколько лет он заведовал отделом рукописей Исторического музея. Там Тихомиров существенно обогащает знания о первопечатной книге и затем на протяжении десятилетий будет публиковать исследования о начале русского книгопечатания¹². Так, Тихомиров еще в 1920-е годы углубляется в проблемы описательной (камеральной) археографии, развитие которой он возглавит в нашей стране через 30 лет. Еще тогда вырабатывалась и методика овладения специальными историко-филологическими дисциплинами, прежде всего палеографией, которая затем найдет воплощение в педагогической практике ученого и в его учебных пособиях.

Для Тихомирова — согласно традиции науки еще XVIII в., идущей от Татищева и Ломоносова, — история не отделима от географии; и в 1920—1930-е годы он готовит учебные пособия по географии, страноведению. Это позволит позднее с особой источниковедческой основательностью рассматривать географический фактор в его монографиях¹³. Уделял он тогда большое внимание и тому: что ныне входит в круг экологической проблематики.

Все это сделало естественным продолжение — но уже на более высоком уровне — краеведческой работы. Тогда краеведение было сферой развития приемов «ремесла» историка, способствовало сохранению вкуса к конкретным исследованиям, совершенствованию методики специальных исторических дисциплин, и прежде всего источниковедения. Недаром в эту работу были вовлечены крупнейшие ученые-историки, в том числе вслед за руководителем Центрального бюро краеведения академиком С.Ф. Ольденбургом немало других академиков.

Тихомиров продолжает заниматься историей Дмитрова и его уезда, изучает визуально исторические места и по существу вырабатывает методику проверки исторических сведений летописей и актов сохраняющимися данными о той же местности, создает книгу о Дмитрове — первую по времени книгу о небольшом городе от древности до новейшего времени. Он — деятельный участник многих начинаний общества «Старая Москва» и руководитель работы по составлению историко-географического словаря и атласа, школьно-краеведческого пособия по географии и по обществоведению. Уже тогда сказались его склонность к коллективным трудам, желание и умение привлечь к совместной деятельности специалистов и в центре, и на местах. Планируется на основании богатейшего архива Иосифо-Волоколамского монастыря совместное изучение несколькими учеными прошлого в плане преимущественно аграрной истории¹⁴. Однако осуществлению этих намерений помешал разгром краеведческого движения в зловещий год «великого перелома».

1920-е — начало 1930-х годов — время становления Тихомирова как исследователя широкого профиля и педагога. И когда в 1934 г. были восстановлены первые исторические факультеты, а в Институте истории Академии наук стали серьезно заниматься проблематикой гражданской истории, Тихомиров оказался среди тех ученых, с именами которых связаны вершинные достижения и науки и преподавания в высшей школе. Сразу же выяснилось, что уже был подготовлен задел для многих и разномных исследований.

Для Тихомирова история прошлого — не столько концепция исторического процесса, сколько конкретная событийность и каждодневность и сама методика исторического исследования. Тихомиров уклонялся от теоретических дискуссий, особенно по поводу толкования того или иного слова в сочинениях теоретиков марксизма-ленинизма не только потому, что первоначально для него это могло быть и небезопасным (младший брат его Борис — тоже талантливый историк — погиб в годы сталинского террора¹⁵), но прежде всего оттого, что не имел вкуса к такого рода размышлениям. Он не был историком-эмпириком, но мыслил — и в трудах широкомасштабных, обобщающего типа, и в близких к краеведческой тематике — всегда конкретно, учитывая воздействие не только определяющего фактора развития, но и сочетание частных обстоятельств, характерных именно для данного времени и места, данного исторического деятеля. И выявление подобных обстоятельств, требовавшее большого исследовательского опыта и особого чутья историка, доставляло ученому наибольшую радость. И это свое мастерство, так же как умение быстро датировать рукопись по палеографическим признакам, определять по многим деталям стиль архитектурного здания, имитировать язык приказного документа, не говоря уже о тонких текстологических приемах вычленения рукописей, памятников разных редакций, он сам особенно ценил. Такое отношение как бы отражало меткое выражение А.П. Чехова: профессионализм — это главное качество интеллигентного человека.

С середины 1930-х годов ученый старается прежде всего обобщить и продолжить научные изыскания предшествовавших десятилетий в книгах и монографического типа статьях. Однако, когда академик Б.Д. Греков привлек его к подготовке академического издания Русской правды, то он подготовил к печати не только около половины сохранившихся списков этого памятника, но также статьи, учебное пособие по нему и докторскую диссертацию. Тут сразу выявляется отличительная черта творчества ученого: Тихомиров-исследователь всегда и педагог, а Тихомиров-педагог остается исследователем.

Темой лекционных курсов Тихомиров нередко выбирал такую, которую разрабатывал в то время как исследователь, а в процессе подготовки к лекциям и чтения их формировалась новая работа. Иногда он не успевал выписывать цитаты из первоисточников и трудов других авторов (или не желал уделять этому время) и приносил эти издания (а иногда и рукописи) на лекции. Возможно, он это делал и в назидательных целях. Во всяком случае такая манера чтения специальных курсов, подачи материала казалась слушателям привлекательной. Она вводила в лабораторию мысли лектора, делала общение с ним более доверительным¹⁶.

В то же время в 1940 г. его учебник по источниковедению отечественной истории, в основе которого был лекционный курс, оказался и первым сводом сведений обо всех разновидностях письменных источников по истории народов нашей страны. К тому же он был насыщен запоминающимися цитатами, дающими живое представление об образном языке памятника.

Для всех сфер творчества Тихомирова — исследователя, профессора, организатора науки характерна особая просветительская направленность. Это обусловлено, видимо, не только демократическими традиция-

ми русской науки, литературы и искусства, близкими душе его (он был воспитан, как сам вспоминал, на собраниях сочинений классиков XIX в., издававшихся уже в начале нашего столетия, на идеях деятельности земств, тогда горячо обсуждавшихся и воплощавшихся в жизнь, в частности в сфере краеведения, выявления и охраны местных памятников), но и опытом личной служебной деятельности: в музее, библиотеке, средней школе. Тихомиров всегда имел в виду интересы и возможности восприятия широкой аудитории, ее возрастающую потребность узнать о первоисточниках знаний и о приемах выявления такой информации (особенно в век массового приобщения и к теории и к практике «опытных» наук — техники, естествознания).

Возможно, именно потому Тихомиров в своих трудах старался отвечать на вопросы не только где, когда, что произошло, кто в этом участвовал, но и каким путем это узнано, насколько можно доверять привлеченным им данным, и соответственно направить мысль воспринимающих его слово, подтолкнуть их к самостоятельным дальнейшим изысканиям и связать с ранее известным, а сведения письменных источников с наблюдениями об устной речи, окружающей бытовой обстановке¹⁷, природной среде. И ему было это сделать тем легче, что таков был путь расширения и его личного кругозора — не случайно знакомство с краеведческим музеем он начинал с отдела природы, а не истории. Тихомиров-ученый не находился в полной зависимости от архивных и печатных материалов, не был ученым кабинетного склада или склонным к построениям концепционных конституций ради красоты архитектуры самой концепции. Тихомиров испытывал потребность визуально ознакомиться с «историческими местностями», поговорить с их нынешними жителями, ощутить роль «предания» (или остатков его) в современной жизни, место его в современных эстетических и этических представлениях. Потому-то, наконец, он предъявлял и к самому себе, и к другим требование писать понятно, а не для «немногих»: его книги отличают доступность изложения (обычно без привлечения специальных терминов и недостаточное вошедших еще в употребление иноязычных слов), четкость построения и формулировки постановки вопроса, задачи исследования. Одним из первых он стал выступать со статьями по истории допетровской Руси в массовых изданиях — газетах, литературно-художественных журналах. И это тоже сближает Тихомирова с великими демократическими традициями отечественной исторической науки, восходящими еще к Н.М. Карамзину и продолженными крупнейшими историками XIX — начала XX в.

Это все нетрудно проследить по книгам Тихомирова о средневековых городах и народных движениях. Готовиться к написанию таких трудов ученый начал еще до войны и подготовительные материалы берет с собой в эвакуацию (Тихомиров, не мысливший себя оторванным от учеников, поехал с Московским университетом в Ашхабад, а затем в Свердловск, а не туда, где сосредоточились тогда учреждения гуманитарных институтов Академии наук). К тому времени у него оформилось уже социологическое представление о типологии средневекового города, о «городском строе» Древней Руси, имевшем, как он полагал, много общего с подобными же явлениями в других европейских странах, месте средневекового города в социокультурной среде. История города рассматривалась им в нерасторжимой связи с историей сельского населения, классовой

борьбы, развития материальной и духовной культуры, и прежде всего «народной культуры». При этом ученый склонен был использовать многообразие всех видов и разновидностей исторических источников (т. е. всего того, что может источать полезную для историка информацию). По существу, одновременно готовились две монографии — о древнерусских городах X — первой половины XIII в. и о средневековой Москве. Это обогащало осмысление обоих комплексов проблем: развития городской жизни до нашествия кочевников в XIII в. (на примере многих городов и разных регионов Восточной Европы) и во второй половине XIII—XV в. (на примере уже одного, но крупнейшего города). Тематика эта оседалась сначала в статьях, а затем один за другим вышли обобщающие труды «Древнерусские города» в 1946 г. и «Древняя Москва» в 1947 г. Книги воспринимались как некое единство. Сходство обнаруживалось и в системе распределения материала, названиях глав, манере изложения¹⁸. В 1950-е годы обе монографии стали основой более расширенных книг той же тематики: в 1955 г. издана книга «Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв.».

Эти исследования Тихомирова и их источниковедческая методика не отделимы от атмосферы усилившегося в ту пору интереса к изучению Древней Руси и по словесным источникам (собственно историками, литературоведами, языковедами) и по вещественным и изобразительным источникам (археологами, искусствоведами). Влечение ученых и читателей к этой проблематике имеет объяснение и в общественно-политической ситуации, сложившейся на «фронте» исторической науки в период, когда особенно сильно политизировалась и идеологизировалась работа историков, даровитые ученые, действительно склонные к поискам исторической истины, предпочитали исследовать далекое прошлое. Ибо, изучая такие эпохи, в большей мере можно было оставаться самим собой, идти от факта к объяснению, а не от зачастую заранее навязанного объяснения, а то и цитаты, с приданной ей методологической нагрузкой, к подбору фактов.

Книги 1940-х годов утвердили место Тихомирова как «лучшего источниковеда из всех советских историков» (так охарактеризовал его в 1946 г. академик С.Д. Сказкин при выдвижении в члены-корреспонденты Академии наук)¹⁹. Это положение было затем закреплено его дальнейшими трудами, особенно по изучению русских летописей, законодательных памятников, старопечатных книг. Об этом уже написаны серьезные работы²⁰. Такое признание заслуг Тихомирова, значения проблематики и методики его трудов, занимаемое им положение в мире науки и культуры во многом способствовали утверждению новых представлений о месте самого источниковедения в системе исторических знаний и при подготовке историков в высшей школе.

Тихомиров писал, вспоминая годы студенчества, о «повышенном интересе к источниковедению», который «проявлял всю жизнь»²¹. Он понимал, как много дала университетская школа источниковедческих студий ему как исследователю и педагогу, а затем работа под руководством В.Н. Перетца в Самаре. Сейчас выявлены архивные данные о разработанных Тихомировым программах преподавания источниковедения и других специальных дисциплин (прежде всего палеографии) на историческом факультете Московского университета и в Историко-архивном институте²². Он стремился после разрушения традиционного для России порядка преподавания исторических знаний в вузах²³ возродить препода-

вание этих научных дисциплин (к которому он и сам был причастен, начиная преподавательскую деятельность в Самарском университете). Написать в 1937 г. записку в дирекцию Историко-архивного института мог только смелый и дальновидный человек — ведь в 1936 г. в журнале «Архивное дело» напечатали статью, выражающую мнение и руководства Центрархива, что «никаких научных дисциплин в архивном деле быть не может и что достаточно студентам усвоить марксистско-ленинскую методологию, а после окончания института несколько попрактиковаться на работе в архивах, и этого будет вполне достаточно, чтобы быть специалистом архивного дела»²⁴.

К «культуре источниковедения» (определение из доклада Тихомирова, 1956 г.)²⁵ он умело и увлеченно стремился приобщить студентов своих семинаров еще на первом курсе, где несколько месяцев на исторических факультетах МГУ и МИФЛИ комментировали Русскую правду, а затем готовились доклады в источниковедческом ключе, с упором на изучение именно основных источников темы, а не исторической литературы. Еще заметнее это в написанных под его научным руководством дипломных сочинениях и особенно диссертациях. Некоторые из них стимулировали затем и публикацию исторических источников (В.И. Бугановым разрядных книг). О задачах преподавания студентам и руководства аспирантами ученый считал необходимым сказать в печати. Об этом немало уже написано и его учениками, прошедшими «школу Тихомирова»²⁶.

Тихомиров упорно старался внедрить в сознание представление о том, что изучение источников является основой исторического исследования и вообще исторических знаний, и соответственно, источниковедение должно стать обязательно необходимой учебной дисциплиной при подготовке историка, и особенно историка-архивиста, имеющего дело непосредственно с документальными памятниками, первоисточниками исторической информации. В 1940-е годы до разгрома кафедры вспомогательных исторических дисциплин, возглавляемой сначала А.Н. Сперанским, а затем А.И. Андреевым, лидирующее положение в преподавании в вузах источниковедения и других специальных дисциплин занимал МГИАИ²⁷. После изгнания из МГИАИ А.И. Андреева и Л.В. Черепнина Тихомиров поставил вопрос об организации кафедры источниковедения на историческом факультете МГУ. Кафедра под его руководством была создана в 1953 г. Академик И.Д. Ковальченко справедливо заметил: «Нужно было обладать исключительно глубоким проникновением в ход развития науки, чтобы в то время взять на себя смелость доказывать необходимость создания кафедры источниковедения и добиться этого»²⁸. В существенной мере целенаправленным усилиям и бесстрашной убежденности Тихомирова мы обязаны утверждению современного представления о значении источниковедения.

Изменение ситуации (т. е. местоположения источниковедения в сфере науки и культуры) как бы визуально прослеживается при сравнении начальных фраз двух изданий труда Тихомирова «Источниковедение истории СССР. С древнейших времен до конца XVIII века» — 1940 г. и 1962 г. Первое издание «курса источниковедения» (а в основе его лежал именно лекционный курс в Московском историко-архивном институте, редактором которого от института был академик В. Готье) предваряют слова о том, что «особого курса источниковедения в высших учебных

заведениях не преподавалось, учебников источниковедения не существовало», задача создания учебника источниковедения «впервые поставлена» и «настоящий учебник является первым опытом ее решения»²⁹. Предисловие же к изданию 1962 г. начинается словами совсем иного смысла и звучания: «Источниковедение СССР давно уже заняло видное место в преподавании исторических предметов, как дисциплина, формирующая научную подготовку историков. Источниковедение в одинаковой мере необходимо и для научных работников, и для преподавателей высшей и средней школы, и для более широкого круга читателей, так как оно неизбежно связано с изучением всего комплекса того материала, на котором зиждется наше представление о прошлом»³⁰.

Естественно, что при подобном подходе следовало особо выделить и место наследия историографии источниковедения в развитии историографии в целом. Еще в военные годы Тихомиров готовит очерк «Русские исторические источники и их изучение» (видимо, для юбилейного сборника Академии наук «Двадцать пять лет исторической науки в СССР»), выступает с докладом «Труды и открытия русских историков в области источниковедения» на научной конференции в Московском университете (1944 г.), позднее использует эти материалы для глав первого тома «Очерков истории исторической науки в СССР»³¹. При подготовке «Очерков», первый том которых готовился под его руководством, им была сформулирована (и совершенно справедливо!) в докладе 1951 г. новаторская задача «показать развитие историографии как научной дисциплины, показать расширение проблематики, развитие исследовательской работы, накопление конкретных исторических знаний — одним словом то, что создавало фундамент для будущих работ. Это то, что обычно в обыкновенных курсах историографии почти что пропускается совершенно»³². В 1956 г. Тихомиров обращался к А.И. Андрееву с просьбой написать очерк о развитии источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин для издания ЮНЕСКО³³.

Для Тихомирова была очевидна теснейшая взаимозависимость уровня развития источниковедения и примыкающих к нему дисциплин (палеографии и других) и собственно архивных дисциплин (археографии, архивоведения) и необходимость комплексного освоения всего этого историками. В этом ученый видел способ овладения приемами исследования и дальнейшего совершенствования ремесла историка. В середине 1950-х годов, выступая с академическим докладом, он говорил, что «важнейшей задачей исторической науки является публикация источников, открытие их и описание», и тогда же заметил: «Если вы разовьете вкус у молодежи к архивам и публикации источников, то это скажется позже. Если сейчас молодые ученые по молодости не будут заниматься такими темами, то все равно к ним они вернутся и будут работать позже. Нельзя держаться только на стариках, должны быть люди, которые будут учиться, как и я учился у крупнейших специалистов»³⁴. Тихомиров придавал большое значение путеводителям; хвалой путеводителям ЦГАДА, изданным в 1946—1947 гг., он завершил свой доклад на заседании, посвященном столетию архива в 1952 г.³⁵, дарил эти книги своим аспирантам.

И понятно, что он оказался среди тех, кто вносил вслед за А.С. Лаппо-Данилевским, А.А. Шахматовым, С.Ф. Платоновым источниковедческое начало в предмет археографии, в архивное дело. Об этом уже немало

написано (С.В. Чирковым и другими). Написано уже и о его огромном вкладе в развитие археографии. Первым это сделал еще при жизни ученого С.Н. Валк в статье «Археографическая деятельность академика М.Н. Тихомирова», напечатанной в «Археографическом ежегоднике за 1962 год» и перепечатанной недавно в книге избранных трудов патриарха нашей археографии³⁶.

Тихомиров в едином контексте рассматривал проблемы выявления, описания, публикации и изучения памятников письменности и вообще исторических источников. И не относил к сфере настоящей науки попытки теоретизировать по вопросам археографии, отрывая теорию от практики. В его представлении археограф — это прежде всего знаток и самих памятников, и приемов их выявления, описания и публикации. Именно эту поддержанную им мысль проводил С.Н. Валк в статье «Судьбы археографии», написанной по заказу ответственного редактора «Археографического ежегодника» академика М.Н. Тихомирова³⁷. И в соответствии с традициями отечественной науки в его понимании археография — это специальная научная дисциплина, разрабатывающая вопросы собирания, описания и публикации документальных памятников. При этом вполне допускал он признание в архивной практике издательской деятельности как самостоятельной или даже основной. Вообще Тихомиров не склонен был к теоретическим спорам о дефиниции, видел смысл в них только в том, что они делают достоянием современников наследие предшественников, приближая его к нашему пониманию (и потому очень ценил такого рода источниковедчески-историографические штудии С.Н. Валка), и языковыми уточнениями терминологии облегчают взаимопонимание ученых.

И задачи организованной по его почину и под его руководством в 1956 г. Археографической комиссии и печатного органа комиссии «Археографического ежегодника» он сформулировал в соответствии с широким пониманием предмета археографии. Более того, восстановив наименование учреждения, возглавлявшего почти столетие (1834—1929 гг.) работу по собиранию, описанию и публикации исторических документов, Тихомиров придал ей уже иной характер, сосредоточив внимание на описании рукописей и разработке приемов описания разных видов документов, источниковедческом изучении памятников письменности и подготовке публикации лишь немногих уникальных памятников³⁸.

Правда, почти одновременно, опять-таки по его почину и в несомненной взаимосвязи с работой Археографической комиссии, образовалась и группа по изданию Полного собрания русских летописей, т. е. возрождено было то издание, которое готовилось ранее именно в прежней Археографической комиссии. Под руководством ученого напечатаны первые четыре тома возрожденного ПСРЛ и фототипическим путем переизданы некоторые тома, напечатанные в дореволюционные годы³⁹. Археографической же комиссии он доверил осуществление иного типа грандиозного начинания — работу по составлению Сводного каталога славянорусских рукописных книг, хранящихся в нашей стране, охватывающего сведения обо всех рукописных книгах и их фрагментах XI—XVI вв. Предварительный список рукописей первого тома был подготовлен Н.Б. Шеламановой по им составленному плану и непосредственно под его руководством, а работа над этим томом завершена уже после кончины ученого⁴⁰.

Тихомиров действительно поддерживал собирательскую деятельность археографов (В.И. Малышева и других), выступал об этом в печати, много сделал для становления полевой археографии, вобравшей опыт ученых Москвы, Петербурга и других научных центров. Он определил возможную карту маршрутов будущих археографических экспедиций, предполагая сначала «ограничиться лишь отдельными поездками сотрудников разных организаций с разведывательными целями», полагая, что «не следует спешить с обследовательской работой» и что необходимо последовательно знакомиться с составом и происхождением уже находящихся в хранилищах коллекций⁴¹. Он первым обосновал целесообразность археографических экспедиций за Урал, что привело к тому, что ныне обозначают как «археографическое открытие Сибири»⁴².

Убеденный в том, что Новосибирск может и должен стать новым крупным центром многосторонней археографической деятельности, Тихомиров передал именно туда свою бесценную коллекцию рукописей, старопечатных книг и памятников изобразительного искусства. Он понимал, что этот дар создает основу и для обучения молодежи приемам работы с подлинными старинными рукописями и печатными книгами⁴³. Ныне в Сибири трудятся многие археографы и знатоки древнерусской письменности и народной литературы, развивающейся в ее русле. Традиции школы Тихомирова продолжает сегодня уже всемирно известная школа его ученика академика Н.Н. Покровского⁴⁴.

Неправильно было бы думать, что Тихомиров заботился преимущественно о сохранении и описании памятников древнего происхождения для создававшихся в русле старинных традиций (как у старообрядцев). Он много делал для организации работы по выявлению, сохранению, описанию и даже публикации памятников нового и новейшего времени. Привлек специалистов по материалам этого периода истории к плановым изданиям Археографической комиссии, не раз выступал по этому поводу и как академик-секретарь на заседаниях Отделения исторических наук Академии наук, в широкой прессе. «Нет никакого сомнения в том, — писал он в начале 1960-х годов, — что главной и первоочередной задачей наших историков является изучение истории нашего времени и собирание тех необходимых материалов, на которых будет в дальнейшем изучаться история советского общества». Он призывал опрашивать стариков — очевидцев событий, записывать на магнитофонной ленте лекции «корифеев исторического значения». «Историческая наука нуждается во внедрении новых способов собирания сведений о прошлых событиях, нуждается остро и не может обойтись без новой техники, а историки ее почти не применяют»⁴⁵.

Особенно велико значение им сделанного в судьбе Архива Академии наук. Именно его убеждению и настойчивости мы обязаны в первую очередь научной разработке богатств Московской части архива (он руководил работой научного совета Архива АН СССР) и решению о строительстве нового здания архива⁴⁶.

Чем более появлялось у Михаила Николаевича возможностей, тем большей ему представлялась и ответственность перед людьми и перед самим собой. Тихомиров был неутомим в защите памятников культуры, в привлечении к ним внимания и властей предрежащих и широкой общественности, уверенный, как определил Н.Н. Воронин, в том, что «народ

без прошлого — не народ, страна без прошлого — не родина». В той же речи у гроба ученого он сказал: «Михаил Николаевич дрался на самом переднем крае. Этот, кажется, физически непрочный и болезненный человек обладал поистине кремневым характером и умел побеждать. Побеждать не чинами и званиями, а непреклонной волей ученого, верой в свою правоту, высоким сознанием того, что Русь стала не вчера, что наше сегодня стоит на фундаменте веков, что изучение многовекового прошлого русского народа не прихоть книжного червя, а патриотический долг русского ученого-гражданина. Изучение истории Древней Руси и ее культуры вовсе не «уход в прошлое», а воскрешение этого прошлого, его возврат к сегодняшнему дню»⁴⁷. Можно с большой уверенностью полагать, что Тихомиров использовал, добываясь своего, и некоторые черты своего нелегкого характера — болезненную иногда обидчивость и раздражительность, отсутствие привычной «светскости» поведения и небезопасное ехидство остроумия (оно отражено в пародиях на приказные документы, имитирующие современную ситуацию, в сатирических стихотворениях)⁴⁸. Но при этом всеми ощущалось, что Тихомиров обладает упрямой и дальновидной мудростью, что он — человек слова, чуждый интриг, презирающий людей двоедушных и в то же время многое прощающий тем, кто любит и умеет трудиться, предан своему делу, внимателен к подчиненным.

В последние годы жизни ученому становилось все труднее работать в хранилищах рукописей. И он занялся описанием составленного им в последние годы собрания рукописей, которое еще при жизни его стали называть «тихомировским». Ему помогли ученики и более всех Н.Н. Покровский. Под его редакцией и вышла уже в 1968 г. книга «Описание Тихомировского собрания рукописей», включающая значительную часть коллекции, переданной Сибирскому отделению Академии наук. В книге — сведения о 500 рукописях, среди которых памятники XIV—XV вв.; в приложении — публикации малоизвестных сочинений. Но у Михаила Николаевича начало сильно ухудшаться зрение. Ему становилось все труднее читать; он фактически уже лишен был привычной радости описания старинных рукописей. И иногда, когда приходилось бывать вдвоем с ним (а он предпочитал именно такие встречи, во время которых можно было вести откровенные разговоры и на научные и на общественно-политические темы), он просил почитать ему с листа что-либо из рукописей его собрания. Четче всего помнится чтение Сказания о разорении Иваном Грозным Новгорода и комментарии, правильнее сказать, рассуждения ученого в этой связи о литературных особенностях и параллелях сочинения о грозном царе, к которому он испытывал глубокую, едва ли не личную неприязнь. В таких случаях он говорил обычно и о том, как движется описание рукописей его коллекции.

Тихомиров остается в памяти не только знавших его, тем более обязанных ему, но прежде всего в его трудах. Снова подтверждается мудрое наблюдение Гоголя: «В литературном мире нет смерти, и мертвецы также вмешиваются в дела наши, как живые». Более 25 лет в наше время меняющейся информации и поспешности оценок — немалый срок! А академик Тихомиров прочно утвердился в ряду классиков отечественной исторической науки.

Наследуя тихомировские традиции, нельзя, однако, останавливаться на том, что сделано Тихомировым, надо продолжать его дела. Ибо только тот является учителем, кто воспитал учеников — не подражателей, а последователей. Память о большом ученом — это не только память о том, что он сделал, но и продолжение того, чему он отдал жизнь.

- 1 Чистякова Е.В. Материалы Б.Д. Грекова в рукописном наследии М.Н. Тихомирова «Исследования по истории и историографии феодализма: к 100-летию со дня рождения академика Б.Д. Грекова. М., 1982. С. 53—66.
- 2 Шмидт С.О. С.В. Бахрушин и М.Н. Тихомиров (По архивным материалам) // Проблемы социально-экономической истории феодальной России: К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР С.В. Бахрушина. М., 1984. С. 62—74.
- 3 Вестн. Моск. ун-та. Сер. Общественные науки. Сост. С.О. Шмидт. 1953. Вып. 2. № 4. С. 74—81.
- 4 Тихомиров М.Н. Русская культура X—XVIII вв. М., 1968; *Он же*. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969; *Он же*. Классовая борьба в России XVII в. М., 1969; *Он же*. Российское государство XV—XVII вв. М., 1973; *Он же*. Древняя Русь. М., 1975; *Он же*. Русское летописание. М., 1979.
- 5 См.: Тамм И.Е. Литература 1963—1983 гг. о жизни и деятельности М.Н. Тихомирова // АЕ за 1983 год. М., 1985. С. 250—255; Шохин Л.И. Литература 1984—1990 гг. о жизни и деятельности М.Н. Тихомирова // АЕ за 1990 год. М., 1992. С. 216—217.
- 6 Шмидт С.О. О наследии академика М.Н. Тихомирова // ВИ. 1983. № 12. С. 115—123.
- 7 Автократова М.И., Чирков С.В. Документы ЦГАДА о начале научной деятельности М.Н. Тихомирова // АЕ за 1983 год. С. 223—224.
- 8 Хохлов Р.Ф. М.Н. Тихомиров и Дмитровский музей // АЕ за 1968 год. М., 1970. С. 315—318.
- 9 Павлов-Сильванский В.Б. М.Н. Тихомиров — организатор археографических экспедиций // АЕ за 1970 год. М., 1971. С. 246—248; Белявский М.Т., Сукаев А.Г. Новые материалы о М.Н. Тихомирове в Государственном архиве Куйбышевской области // АЕ за 1976 год. М., 1977. С. 129—134; Крылов В.В. Отчет М.Н. Тихомирова о сохранении архива и семейных реликвий Аксаковых // АЕ за 1982 год. М., 1983. С. 215—218; Крылов В.В., Маркина В.Г. Данные об археографической деятельности М.Н. Тихомирова (в Государственном архиве Куйбышевской области) // АЕ за 1986 год. М., 1987. С. 214—215.
- 10 Шмидт С.О. Вступительное слово на Тихомировских чтениях 1968 года // АЕ за 1968 год. С. 301—302.
- 11 Левочкин И.В. Ранние работы М.Н. Тихомирова по описанию рукописных собраний // Сибирское собрание М.Н. Тихомирова и проблемы археографии. Новосибирск, 1981. С. 29—36; М.Н. Тихомиров — член Общества истории и древностей российских / Документы подг. к печати Л.И. Шохиним. Предисловие С.О. Шмидт // АЕ за 1985 год. М., 1987. С. 311—317.
- 12 Сидоров А.А. М.Н. Тихомиров и история русского книгопечатания // АЕ за 1983 год. С. 220—222; Чистякова Е.В. Труды академика М.Н. Тихомирова по истории русского книгопечатания // Историография истории СССР: Проблемы преподавания и изучения. Калинин, 1985. С. 107—116; Она же. Михаил Николаевич Тихомиров. М., 1987. Гл. 6.
- 13 Шаскольский И.П. Историческая география в трудах М.Н. Тихомирова // АЕ за 1969 год. М., 1971. С. 218—225.
- 14 Шмидт С.О. И краевед и академик. Михаил Николаевич Тихомиров. 1893—1965. // Краеведы Москвы. М., 1991. Вып. 1. С. 216—236; *Он же*. Краеведение и документальные памятники. Тверь, 1992. С. 36—60.
- 15 Артизов А.Н. Борис Николаевич Тихомиров (1898—1939): Материалы о жизни и деятельности // АЕ за 1989 год. М., 1990. С. 110—123.
- 16 Мураыев А.В. Спецкурс М.Н. Тихомирова «Приказное делопроизводство в XVII в.» // АЕ за 1968 год. С. 318—324; Шмидт С.О. К предыстории издания последних книг академика М.Н. Тихомирова // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 370—371.
- 17 Александров В.А. Народный быт в исследованиях М.Н. Тихомирова // АЕ за 1968 год. С. 207—211.
- 18 Шмидт С.О. Последействие // Тихомиров М.Н. Древняя Москва XII—XV вв.; Средневековая Россия на международных путях. XIV—XV вв. М., 1992.
- 19 Чирков С.В. Из рукописного наследия М.Н. Тихомирова (по материалам Акаде-

- мии наук СССР) // АЕ за 1983 год. С. 247.
- 20 Буганов В.И. М.Н. Тихомиров как исследователь русского летописания // АЕ за 1973 год. М., 1974. С. 173—177; *Он же*. М.Н. Тихомиров и отечественное летописание // Летописи и хроники. 1976. М.Н. Тихомиров и летописание // АЕ за 1976 год. М., 1976. С. 5—11; *Чистякова Е.В.* Русская рукописная книга в творчестве академика М.Н. Тихомирова // АЕ за 1978 год. М., 1979. С. 107—112; *Она же*. Письменный источник в трудах академика М.Н. Тихомирова (К 90-летию со дня рождения) // ИСССР. 1993. № 5. С. 122—130; *Она же*. Михаил Николаевич Тихомиров. Гл. 2.
- 21 Тихомиров М.Н. Дорога в историческую науку // Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М.Н. Тихомирова. М., 1967. С. 7.
- 22 Чирков С.В. Записка М.Н. Тихомирова 1937 г. о задачах историко-архивного образования // АЕ за 1982 год. С. 219—223; *Он же*. М.Н. Тихомиров и преподавание специальных исторических дисциплин // АЕ за 1990 год. С. 206—209.
- 23 Середа В.Н. О преподавании вспомогательных исторических дисциплин в довоенный период // Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины: Сб. ст. М., 1980. С. 95—97.
- 24 Соколов Н. К пятилетней годовщине Историко-архивного института им. М.Н. Покровского // Архивное дело. 1936. № 1. С. 24.
- 25 Чирков С.В. М.Н. Тихомиров и преподавание специальных исторических дисциплин. С. 209.
- 26 Александров В.А. Принципы научно-педагогической деятельности М.Н. Тихомирова // АЕ за 1968 год. С. 325—336; *Чистякова Е.В.* М.Н. Тихомиров как палеограф-педагог // АЕ за 1969 год. С. 212—217; *Она же*. Школа академика Тихомирова // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. С. 352—368.
- 27 Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л. «Мы учим советских людей, а не древних греков» // ИСССР. 1989. № 6. С. 42—64.
- 28 Ковальченко И.Д. М.Н. Тихомиров — основатель и руководитель кафедры источниковедения Московского университета // АЕ за 1973 год. С. 181.
- 29 Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР М., 1940. Т. 1. С. 3.
- 30 Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР. М., 1962. Вып. 1. С. 3.
- 31 Чирков С.В. Из рукописного наследия М.Н. Тихомирова (по материалам Архива Академии наук СССР) // АЕ за 1983 год. С. 225—249.
- 32 Там же. С. 229—230.
- 33 Соболев В.С. Неопубликованная работа А.И. Андреева 1957 г. о развитии вспомогательных исторических дисциплин в СССР // АЕ за 1987 год. М., 1988. С. 285.
- 34 Чирков С.В. Из рукописного наследия М.Н. Тихомирова. С. 238.
- 35 Тихомиров М.Н. Значение документальных богатств ЦГАДА для советской исторической науки // АЕ за 1965 год. М., 1966. С. 31—40.
- 36 Валк С.Н. Избранные труды по археографии. СПб., 1991. С. 241—262.
- 37 Там же. С. 225—240. Впервые напечатана в АЕ за 1961 год (М., 1962. С. 453—465).
- 38 Шмидт С.О. 25 лет Археографической комиссии Академии наук СССР // АЕ за 1981 год. М., 1982. С. 230 и сл.; *Он же*. Деятельность Археографической комиссии АН СССР и задачи развития археографии // Вестн. АН СССР. 1984. № 10. С. 57 и сл.; *Бэм Ю.О.* М.Н. Тихомиров — основатель Археографической комиссии АН СССР // АЕ за 1990 год. С. 198—200.
- 39 Буганов В.И., Глушакова Ю.П. Михаил Николаевич Тихомиров в Институте истории АН СССР // Изв. М., 1984. Т. 112. С. 305—312.
- 40 Шеламанова Н.Б. Деятельность М.Н. Тихомирова и «Сводный каталог рукописей, хранящихся в СССР» // Сибирское собрание М.Н. Тихомирова и проблемы археографии. С. 22—28; Сводный каталог славянорусских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв. М., 1983. С. 3—4.
- 41 Павлов-Сильванский В.Б. Указ. соч. С. 249—257.
- 42 Там же. С. 258—263; *Деревянко А.П., Покровский Н.Н.* М.Н. Тихомиров и сибирская археография // АЕ за 1983 год. С. 202—203.
- 43 Рогов А.И., Покровский Н.Н. Собрание рукописей академика М.Н. Тихомирова, переданное Сибирскому отделению АН СССР // АЕ за 1965 год; *Шмидт С.О.* Издание и изучение наследия М.Н. Тихомирова: Тихомировские традиции // Сибирское собрание М.Н. Тихомирова и проблемы археографии. С. 5—21; *Он же*. К предистории издания последних книг академика М.Н. Тихомирова // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. С. 368—376.
- 44 Покровский Н.Н. Путешествие за редкими книгами. М., 1984. (Вступ. статья Д.С. Лихачева). 2-е изд. М., 1988; *Он же*. Археографическое изучение памятников древней письменности и печати в Сибири

в 1965—1984 гг. // АЕ за 1984 год. М., 1986. С. 13—25.

⁴⁵ Тихомиров М.Н. О значении исторической науки / Подг. к печ. М.Т. Белявский // Вестн. Моск. ун-та. Сер. История. 1969. № 1. С. 94, 95.

⁴⁶ Чирков С.В. Доклад М.Н. Тихомирова «Об обеспечении сохранности, состоянии и использовании документальных материалов в учреждениях Академии наук СССР // АЕ за 1988 год. М., 1989 С. 258—

261; Левшин Б.В. М.Н. Тихомиров и Архив Академии наук СССР // АЕ за 1990 год. С. 191—198.

⁴⁷ Воронин Н.Н. Слово в память Михаила Николаевича Тихомирова // АЕ за 1988 год. С. 318.

⁴⁸ Рыбаков Б.А. Михаил Николаевич Тихомиров // АЕ за 1965 год. С. 3; Шмидт С.О. К изучению литературно-художественного наследия М.Н. Тихомирова // АЕ за 1990 год. С. 213—215.

«НЕ ПОКУПАЮТСЯ, НЕ ПОКУПАЮТСЯ ДОБРОЕ ИМЯ, ТАЛАНТ И ЛЮБОВЬ!» *

К 70-летию Булата Окуджавы

У моего письменного стола на книжной полке среди портретов дорогих мне людей стоит фотография Булата Окуджавы, несмотря на то, что мы никогда, казалось бы, особенно близки не были. Трудно сказать кратко, чем для меня является Булат. Он — тепло моей памяти. В мои годы, когда уже душа, по мудрому определению Тютчева, — Элизиум теней, когда живешь уже как бы одновременно и настоящим, и прошлым, Булат помогает поддержать ощущение взаимосвязи времен, взаимосвязи культуры, тот желанный биоритм культуры, к которому привык — не только физически, но и психологически.

Наша совместная фотография сделана в Музее Герцена его директором Ириной Александровной Желваковой. Дом-музей Герцена и Музей Пушкина на Пречистенке — это места, которые являются неким символом сохранения преемственности нашей отечественной культуры, причем в ее арбатском варианте. И хотелось бы сегодня сказать в первую очередь об Арбате Булата Окуджавы.

Булат многогранен, его творчество нельзя свести к одному только Арбату. Но полагаю, что воспетое им «арбатство» во многом предопределило самого Булата, во многом предопределило и отношение к нему.

Булат сетует, будто бы и его вина есть в том, во что превратился Арбат («все время пел об Арбате, вот к нему и привязались»), сделавшийся одновременно и местом обитания элитарных чиновников, могущих выбирать для себя адрес жительства, и в то же время — воплощением псевдокультуры, а заодно и совершенно неупорядоченных форм торговли. На самом деле все и так, и не так.

Арбат — как общеизвестно и общепринято понимать — это не только сама улица, но средоточие улиц и переулков, создающих какой-то особый ареал традиционной российской интеллигентности. В районе Арбата в недавние годы старались поселиться прежде всего потому, что он

* Опубликовано в сб.: Авторская песня. 1994. № 2. С. 13—14.

оставался районом, где нет заводов, относительно чистый воздух, бульвары, почти нет транспорта и выхлопных газов, где находятся жизненные удобства элиты, ее поликлиника, где близко самые главные и важные правительственные учреждения, где основные центры культуры — театры, консерватория, кино, библиотека, старое здание университета. Все это само по себе заманчиво. Но, конечно, роль Булата здесь тоже велика, ибо не в последнюю очередь благодаря ему сложилось мнение, что всякий живущий на Арбате уже как бы является носителем какого-то особого интеллигентского начала. Не случайно, когда выпустили недавно журнал «Бестселлер», круг читателей которого демонстративно ограничились элитарной интеллигенцией, то сочли выигрышным поместить на обложке портрет Булата Окуджавы. Видимо, это подчеркивание имеет основание для тех, кто опасается, что без внешней атрибутики их могут и не принять за интеллигентов...

Булат — действительно символ интеллигенции. Интеллигенции нашего времени, интеллигенции двадцатого века. И — символ арбатской интеллигентности. Привнесенное им в литературу слово «арбатство» прежде всего может быть отнесено к нему самому. Даже сейчас, когда он, переселившись в Безбожный переулок, называет себя «эмигрантом арбатского двора», он возвращается к своему истоку и мыслит категориями привычного ему «арбатства».

Булат Окуджава действительно серьезно повлиял на общественные представления об Арбате. И не нужно этому удивляться! Это — путь развития, путь рождения и формирования наших исторических знаний. Ну, посудите сами: вы, конечно, знаете об Отечественной войне 1812 года. Как это знание в вас вошло? А просто совсем маленьким вам прочитали «Бородино» Лермонтова. Когда стали старше, открыли для себя «Войну и мир» Толстого. Если же вы еще не читали «Войну и мир», то уж по крайней мере смотрели фильм. И уже потом, даже избрав профессию историка, выдержав конкурс в историко-архивный институт, университет, педвуз, вы знакомитесь с исследованиями ученых, хотя среди авторов таких трудов — и знаменитый академик Тарле... Еще более это убедительно при подходе к истории революции первой половины XIX века в Западной Европе. Всем известно особое значение событий 1830 года, и еще большее — 1848 года. А помнят люди прежде всего о карбонариях в Италии — под впечатлением «Овода» Войнич, кинофильмов об этом, музыки Шостаковича. Такие примеры нетрудно множить.

Конечно, от Окуджавы, от его стихов, которые все читали, пели, произошел в значительной степени современный образ Арбата. Когда я стал заниматься Арбатом специально, уже имея большую профессиональную подготовку, познакомившись с обильным материалом, то понял, насколько глубоко, проникновенно и правильно охарактеризован Окуджавой Арбат. «Ты течешь, как река...» — это вообще великое стихотворение, хрестоматийное, которое должно включать в антологии самого избранного нашей российской поэзии.

Но образ, созданный Булатом Окуджавой, оказался удивительно исторически достоверным, проникновенным и соответствующим накопленным новым сведениям о прошлом Арбата. Воистину прав был Пушкин, когда в споре о том, кому принадлежит история, царю или народу, заметил: история принадлежит поэту!

Булат — певец Арбата. Казалось бы, в наше время нужно бежать прочь от городского шума — туда, где «дым костра создает уют»... Но Окуджава излечивает нас, оставаясь очень урбанистичным поэтом. Оказываясь, и в городе можно оставаться самим собой! Можно избавляться от суеты, если у тебя есть достаточное богатство души, если рядом с тобой люди, которые тебе близки...

...В связи с недавним 500-летним юбилеем Арбата был подготовлен альманах «Арбатский архив», который сейчас сдается в производство, благодаря помощи ассоциации «ВЕСТ». И сразу же после большой статьи о роли Арбата в истории культуры России там идет подборка стихотворений и песен «Арбат Булата Окуджавы». Без такого материала немислим альманах об Арбате — иначе, как говорится, нас не поймут! Булат предупредил эту подборку небольшим предисловием, назвав его «А годы проходят, как песни...» Вот они, его слова:

«Я много раз говорил о том, что Арбата больше нет. Я сетовал об этом. Действительно, его физическое существование так резко преобразилось, что ничего иного и не скажешь. И это, увы, не только мое мнение. Так думают многие арбатцы. Но, к счастью, Арбат стал символом еще задолго до своей физической гибели. Он продолжает им оставаться и до сих пор. Нельзя уничтожить историю, дух. Они продолжают существовать и подогревают и вдохновляют нас на деятельность. И то, что мы скорбим, засучиваем рукава, пытаясь уберечь свое прошлое, то есть самих себя — разве это не признак того, что истинный Арбат уже прочно в нашей крови.

А стихи об Арбате, написанные еще тогда, когда он существовал, что ж, это ведь частица моей жизни тоже. Стихи, как и жизнь, невозможно переписать заново...

Булат Окуджава. Август 1993 г.»

* * *

Почему же Булат остался необходимым всем нам, тогда как многие другие отшумели и ушли?

Он стал известен тогда, когда появились первые популярные имена шестидесятников, но был старше самых громкогласных и славолюбивых из них. Он быстро завладел умами молодежи, но одновременно оказался таким желанным и ожидаемым старшими поколениями...

Булат — единственный, пожалуй, из всех «шестидесятников», кто был и остался дорог четырем поколениям, если считать отрезок времени деятельности поколения 17—18 лет. Почему? По-видимому, здесь дело и в его биографии, и в свойствах его души: «Не покупается, не покупается доброе имя, талант и любовь».

Булат принадлежит к фронтовому поколению. Поколению, кроме того, пережившему все ужасы «ежовщины», утраты и страх вероятной бездушности. Все, о чем он пишет, им прочувствовано и высрадено. Он действительно имел право так написать, ибо сумел сохранить веру в людей, в доброту. Подлинный фронтовик, знающий, что такое героизм и ужас войны, он познал ценности духа, познал радость человеческого общения в нечеловеческих условиях, обрел житейскую мудрость.

В том, что он стал писать песни, что так много песен писали на его

стихи, есть, вероятно, и психологическое начало: когда кругом тяжело, непонятно и зыбко, превозмогать эту тяжесть легче с песней — прилюдно, не наедине, когда, казалось бы, не один слушаешь «надежды маленький оркестрик». Фактически это традиция великой литературы, сближающая Окуджаву с самыми классическими поэтами первой половины XIX века — Пушкиным, Лермонтовым, Гейне, — когда самые замечательные стихи становились романсами.

Вообще-то Булат по доходчивости и метафоричности своего стиха, я бы сказал, находится в русле самой классической русской литературы. У него совершенно нет трюкачества, игры в формалистические изыски. Это — элементы той классической простоты, которая, конечно же, свойственна столь любимому им Пушкину. В основе творчества Окуджавы — нравственная высота русской литературы.

Думаю, еще один элемент сыграл важную роль в поэзии Булата. Это — его грузинское начало, великая культура искусства тамады, искусство произнесения слова за гостеприимным грузинским столом, мудрость и благожелательность к собеседнику.

Булат был и остался очень демократичным человеком — это свойство его натуры. Достигнув высокой элитарности положения в литературе, он остался очень демократичным и во внешнем облике, и в отношениях с людьми. И это-то есть, собственно говоря, основа понятия российской интеллигентности — и в нашем понимании, и в зарубежном. Ведь не случайно, что на вручение Нобелевской премии 1993 года пригласили двух наших соотечественников: Дмитрия Сергеевича Лихачева, являющегося опять же символом интеллигентности и нравственного начала, и — Булата Шалвовича Окуджаву! Это достаточно символично и красноречиво говорит о том, что именно связывают за рубежом с понятиями о великом вкладе России в культуру, науку и развитие нравственного начала в человеческой жизни. И это очень важно!

* * *

День 9 мая объединяет людей, особенно пожилых, печалью и какой-то душевной просветленностью. День окончания войны. День Победы. День радости и скорби о стольких не вернувшихся.

В этот день во дворе дома, где прошло детство Булата, где до сих пор жива одна из двух посаженных им березок, по зову души собираются молодые люди и несколько часов подряд читают стихи и поют песни Булата. Собираются слушатели, ведут себя тихо, уважительно, задумчиво. Это все происходит близко от моего дома, и я всегда стараюсь урвать хоть какое-то время, чтобы тихо постоять там с думами о былом и о тех, кто уже не вернется. То есть — войти в тот самый Элизиум теней, о котором упоминал в начале. И мне радостно от того, что «младая жизнь» играет рядом.

Булат нужен людям, потому что в нем есть мудрая доброта. С годами все более убеждаюсь в том, что это уникальное и самое драгоценное человеческое свойство. Вот именно это нечасто наблюдаемое сочетание — таланта, доброты и нравственности — воплотилось в Булате. В нем присутствуют одновременно и эстетическое, и этическое начало. Думается, именно это и дорого многим...

К ЮБИЛЕЮ Д. Б. РЯЗАНОВА *

10 марта 1995 г. исполнилось 125 лет со дня рождения Давида Борисовича Рязанова — видного революционера и ученого, которого при жизни называли и в нашей стране и за рубежом создателем науки марксологии. Деятельность Рязанова имела определяющее значение и для становления советского архивного дела и привлечения научной интеллигенции (особенно ученых-гуманитариев) на службу советской власти. Но после того как Рязанов в 1931 г. исключили из партии, лишили звания академика и выслали из Москвы, фамилия его долгое время употреблялась только в негативном смысле (борьба с «рязановщиной» считалась одной из первоочередных задач и на архивном «фронте»), а еще чаще замалчивалась. Даже после XX съезда КПСС, когда в первой книге нового журнала «История СССР» напечатали абзац с положительной оценкой научных трудов Рязанова¹, на редколлегиях (а я был заместителем главного редактора журнала и организатором написания этой статьи о Ленинских премиях 1920-х годов) поступила жалоба в ЦК. В советских изданиях об Октябрьской революции и рождении Советского государства даже в 1980-е годы о Рязанове вспоминали обычно лишь в связи с неприятием им каких-либо положений, сформулированных В.И. Лениным, противостоянием ленинской линии. Правда, в 1970 г. в 8-м т. «Литературного наследия», посвященного А.В. Луначарскому, решились опубликовать его статью из запрятанного в спецхраны юбилейного сборника 1930 г. в честь Д.Б. Рязанова, впрочем, с соответствующими времени комментариями. О заслугах Рязанова впервые заговорили на рубеже 60—70-х годов в работах о судьбе литературного наследия К. Маркса и Ф. Энгельса — книга И.А. Аграновского «Прочитаны впервые» (М., 1968) и коллективная монография «Литературное наследство К. Маркса и Ф. Энгельса» (М., 1969). Однако в звании академика он был восстановлен позже остальных — в 1990 г.

С конца 80-х годов стали печатать и статьи о Рязанове, записки письма самого Рязанова и адресованные ему. В 1989 г. В.В. Крылов сумел опубликовать библиографию Рязанова со вступительной статьей «Человек огромной энергии и интеллекта»² (В 1994 г. В.И. Косач сделал доклад «Теоретик и практик профдвижения»)³. Весной 1995 г. состоялась научная конференция его памяти, (см. хронику в наст. изд.) материалы которой готовятся к печати. Особенно признательны должны быть тем, кто обратился к архивным документам — покойной В.А. Смирновой (писавшей о Рязанове главным образом как об организаторе и руководителе ИМЭ)⁴, В.Е. Корнееву⁵ и Я.Г. Рокитянскому, поместившему статьи и документальные публикации такой проблематики в нескольких периодических изданиях РАН, в том числе в «Археографическом ежегоднике»**. Однако, жизнь и деятельность выдающегося историка и обще-

* Статья написана для АЕ 1995. В основе — ее материалы доклада «Рязанов и российская интеллигенция», подготовленного для международной научной конференции «Д.Б. Рязанов — ученый, государственный и общественный деятель (к 125-летию со дня рождения)», состоявшейся в Москве, в июне 1995 г.

** Редколлегия АЕ намерена и впредь публиковать материалы о жизни и творчестве Д.Б. Рязанова.

ственного деятеля и по сей день остаются еще недостаточно изученными, а воздействие его на развитие науки и общественного сознания недооцененным. Поэтому во вступлении к теме допустимо, в порядке постановки вопроса, обратить внимание на стороны жизни и творчества Рязанова, исследование которых существенно не только для познания его биографии, но и особенностей общественно-политической жизни, менталитета той эпохи.

Рязанов еще гимназистом в Одессе стал серьезно изучать историю, социальные доктрины, философию, а, начав юношей занятия в рабочих кружках, сразу же составил рекомендательный список книг и журнальных статей для самостоятельного чтения. Научно-просветительская направленность его интересов и активность жизненного поведения выявились очень рано. Книгочий, лектор, горячий спорщик оказался и неутомимым, изобретательным организатором. И все это при энергичнейшем темпераменте, феноменальной памяти и работоспособности. Тяге к кабинетному творчеству всегда сопутствовало стремление к активному участию в массовой общественной жизни: он был выдающимся практиком партийной и профсоюзной работы и в эмиграции, и в годы революции 1905 г. в Петербурге и после возвращения в Россию в 1917 г.

Повседневностью его молодых лет стали тюрьмы и ссылки. Тюрьма же и его университет. Рязанов не получил высшего образования. И позднее не без горделивости утверждал, что он единственный избран членом Академии наук без вузовского диплома. Исключенный из пятого класса гимназии «за неспособность», он путем упорного самообразования достиг вершин гуманитарных знаний. «Дело» о пребывании в петербургской тюрьме помогает узнать как это происходило, составить представление об интересах молодого человека, круге его чтения: Евангелие на польском языке, Данте — на итальянском, Маркса — на немецком⁶. Впоследствии он переводил с немецкого и других языков сочинения Маркса и Энгельса, с английского экономические труды Рикардо, с французского социально-философский роман утописта Кабе «Путешествие в Икарию». В 1920-е годы А.В. Луначарский характеризовал его как «эрудита и бесспорно ученойшего человека нашей партии», а в юбилейной статье 1930 г. писал: «Рязанов представляет собою одну из самых культурных личностей, каких я встречал на своем уже не коротком веку», назвал его «туземцем высокой культуры»⁷. (Эта большая статья озаглавлена «Соблазн и опасность высокой культуры» и имеет направленность против насаждаемой в Институте красной профессуры тенденции политико-идеологизированного верхоглядства в сфере науки и культуры.)

Выросший в многодетной семье набожного еврея-торговца (его настоящая фамилия — Гольдендах), в большом портовом городе широких международных связей и влияний он рано проникся традициями русской литературы и передовой общественной мысли — и в советские годы в анкете, в графе «национальность» писал: «Еврей по происхождению, и русский по национальности»⁸. (Это характеризует и его отношение к пресловутой анкете и представление о «национальности» как о социокультурной общности). Показательно, что он избирает псевдоним «Николай Рязанов». Так звали революционера демократа — главного героя повести В.А. Слепцова «Трудное время», изданной в 1865 г. Живой ин-

терес к общественной жизни России времени Чернышевского, к его наследию он сохраняет до конца своей деятельности.

Рязанов первым из молодых революционеров-марксистов его поколения сблизился с эмигрантами революционерами старших поколений — причем и с народниками, начиная с П.Л. Лаврова, и с марксистами 1880-х годов. Едва ли ни первым из своего поколения российских революционеров он был принят как свой и в среде западноевропейских социалистов (опять-таки и старших по возрасту и сверстников). А о том, какое значение имели тогда эти связи для российских революционеров, можно судить по упоминанию имени Рязанова в выступлении М.Н. Покровского в 1927 г. на заседании, посвященном 10-летию юбилею Наркомпроса и 10-летию пребывания Луначарского на посту наркома просвещения. Покровский говорил: «Анатолий Васильевич из всех членов партии был, не скажу самым (памятуя о Рязанове), но во всяком случае одним из самых "европейских", если можно сделать такое определение». И далее обосновывает это положение: «теснейшие связи с революционными кругами» («его тогда знали все революционеры Европы»), «непременный представитель на всех международных конгрессах («и, если мы, эмигранты, узнавали что-нибудь по непосредственным впечатлениям об этих конгрессах, то чаще всего от него»), поскольку он являлся «человеком, глубоко проникнутым европейской культурой», это «давало ему возможность вращаться в европейских интеллигентных кругах, как в своих собственных», что «в огромной мере облегчало нам работу подпольного периода» благодаря связи через него «с местными социалистическими кругами»⁹.

Рязанова допустили к важнейшим государственным и частным хранилищам, где находились необходимые ему для работы документальные памятники. И он еще до 1917 г. обрел прочную международную репутацию знатока истории марксизма и ее архивов, крупнейшего исследователя и публикатора (в зарубежных изданиях) рукописного и печатного наследия Маркса и Энгельса, первооткрывателя тем «Маркс-историк», «Маркс и Россия» (взаимоотношения Маркса и лиц российского зарубежья, Маркс в прошлом и настоящем России). Доверие зарубежных социалистов во многом обусловило и результативность его работы уже в советские годы по выявлению, собиранию, изучению и изданию памятников истории западноевропейского революционного движения и общественной мысли.

Рязанов — одна из самых колоритных и в то же время самостоятельных фигур российской революции. Активист не только социал-демократического движения России, но и зарубежного Второго Интернационала, Рязанов до 1917 г. не вступил ни в партию большевиков, ни в партию меньшевиков, пропагандировал идею объединения всех российских социал-демократов. Принятый в большевистскую партию летом 1917 г. с межрайонцами, он стал деятельным участником революции, ее страстным оратором и энергичным организатором. Однако Рязанов не склонен был отступать от разработанных еще Марксом теоретических доктрин, — он не был сторонником торопливых решений о сроках революционного переворота, позже поддерживал идею создания коалиционного правительства социалистических партий, отказавшись от поста наркома путей сообщения: в известных письмах Ленина и документах ЦК большевистской партии, свидетельствующих об этом, речь идет и о Рязанове (что

отражено даже в заголовках некоторых из них). Рязанов — член Президиума II Съезда советов, голосовал против роспуска Учредительного собрания. Современники, настроенные антисоветски (а особенно — антисемитски), упоминают имя Рязанова в ряду виднейших деятелей социалистической революции. В этом нетрудно убедиться и по именному указателю к биографическому словарю «Политические деятели России, 1917» (Под ред. П.В. Волобуева. М., 1993). И вызывает недоумение отсутствие статьи о самом Рязанове в этом словаре, равно, как и в энциклопедии «Великая Октябрьская социалистическая революция» (3-е изд., доп. М., 1987). (В двухтомнике «Без ретуши: Страницы советской истории в фотографиях, документах, воспоминаниях» помещена справка о Рязанове. Под ред. М.П. Ирошников. СПб., 1991. Т. 2. С. 104—105).

Уже положение ни с кем несравнимого знатока творческого наследия основоположников марксизма (а, следовательно, и возможностей использования этого наследия в сложившейся социально-политической ситуации в России), подкрепленное к тому же близкими личными связями с зарубежными социал-демократами (именно к Рязанову обращались по этим вопросам Ленин и его соратники), обусловили уникальное — и неизменно влиятельное — место в партийно-правительственной иерархии, хотя Рязанов не избирался членом ЦК, а самый высокий его правительственный пост — член коллегии Наркомпроса. На официальной фотографии группы делегатов XI партсъезда (из которой обычно воспроизвели лишь троих, сидящих рядом слева направо — Сталина, Ленина, Калинина) — Рязанов в верхнем, третьем ряду прямо над Калининым¹⁰. Ведь советское государство провозгласило марксизм официальной идеологией, а освоение этого учения важнейшей задачей общественных наук!

Однако суть не только в этом. Рязанов — прежде всего *личность*. Неординарность общественного деятеля и мыслителя, своеобразие поведения ощущались всеми; некоторым казались и небезопасными. Рязанов отнюдь не был лишен самолюбия, пожалуй, даже самомнения, был нелегко, иногда и нетерпим в общении. Но выделялся (и, видимо, еще с молодю) созвездием ярких дарований — многосторонностью интересов и широтой образования и в то же время способностью целенаправленно сводить все это в систему, четкостью понятий о нравственных ценностях и убежденностью в научной обоснованности своего общественного мировоззрения, независимостью суждений и особой манерой самовыражения, самоуверенным бесстрашием и бойцовским характером (он и физически был очень крепким человеком). А Лозовский формулировал: «Д.Б. Рязанов никогда не бывает ни пассивен, ни нейтрален. Про него нельзя сказать, что он или холоден, или горяч. Он всегда кипит, клокочет, вкладывая во все, в том числе и в свою исследовательскую работу, бурный, переливающийся через край темперамент. Он не входит в дело, а вливается в него...»¹¹ Рязанов вторгался и в речь других ораторов — в стенограммах съездов, конференций (партийных, профсоюзных и других) постоянно встречаем его реплики.

Оратор он был впечатляющий, страстный и язвительный, часто приклеивал «эпитеты и ярлыки, которые остаются надолго» — замечает тот же Лозовский. В ораторской речи его сплав и классической риторики, и многоязычной художественной и философской литературы, и журнальной публицистики (так хорошо изученной им по российским и зарубеж-

ным изданиям), и особого свойственного одесситам остроумия устной речи, и всегда осознание того, что значит ораторское искусство в ходе революции, в ее преобразованиях. При этом молниеносная реакция на реплики, в напечатанных стенограммах его выступлений постоянно в скобках отмечено: «смех», даже «хохот». К примеру, стилистика выступления на XVI партконференции в апреле 1929 г. в связи с обсуждением плана 1-ой пятилетки (не удовлетворявшего Рязанова) с цифрами и объяснением терминологии зарубежной политэкономии. Там и указание на то, что можно было ожидать большего от возглавляемого Г.М. Кржижановским Госплана, «сосредоточившего у себя не только коммунистические мозги», но и «беспартийные мозги», и характеристика обиженного Ю. Ларина («непризнанный экономист и статистик»), и «комсомольских гегелей». Обыгрывание того, как «бюджет требует каждая республика»: «Головотяпов из РСФСР, Голододов из БССР (явный намек на председателя Совнаркома республики Н.М. Голодеда. — С.Ш.), Голопупенко из УССР. Голодрадзе с Кавказа — каждый тянет в свою сторону». И ответ на реплики об управлении государством («А что сказал Ленин?», «а что говорит Рязанов?»): «Ленин сказал, что каждая кухарка должна научиться управлять государством, а Рязанов говорит, что пока этого не случилось, но кое-кто из наркомов управляет государством, как повар»¹². Или его замечание в обоснование лозунга «Долой кандидатов в вожди!» на XIII партконференции в январе 1924 г.: «Как друзья вы не садитесь, все же в Ленины не годитесь»¹³. Стремительно — и в схожем стиле — Рязанов реагировал и на появление печатных текстов: отвечал пространственным письмом в газету буквально на следующий день.

Эта неукротимость и склонность к публичному изложению своего мнения совмещалась с полнейшей самоотдачей работе, с практической деловитостью и смелостью прирожденного организатора, властного руководителя коллектива. И в этом плане допустимо сравнение с другим сверстником Ленина Леонидом Борисовичем Красиным (возросшим в среде демократически настроенной сибирской интеллигенции). Человек иного психологического склада, но также исключительной незаурядности и независимости суждений, он не вписывался в понятие тех лет об образе вождей революции, и тем более не вписывается в схемы историков, сконструированные в последующие десятилетия. Но в первые послереволюционные годы именно Красина выделяли из среды влиятельных государственных деятелей за деловой практицизм, высокую «европейскую» образованность, основательность коммерческих и инженерных знаний, — он занимал сразу несколько правительственных должностей, его опыт использовался для общения с зарубежьем, к его советам прислушивался председатель Совнаркома, что прослеживается и по Ленинским сборникам и по протоколам заседаний СНК. Однако, Красин тоже основательно забыт — менталитет правящей верхушки России первого советского десятилетия остается еще слабоизученным и непонятым.

Рязанов — первый руководитель советского архивного дела (сначала в Петрограде, а затем во всей России — с июня 1918 г. по декабрь 1920 г.) определял тогда ход советского архивного строительства. Все так называемые ленинские декреты об архивах — и 1 июня 1918 г. и другие — были подготовлены под руководством Рязанова. Он поддержал инициативу реформаторов архивного дела (сотрудников хранилищ, академиков,

профессоров университетов), объединившихся после Февральской революции в Союзе российских архивных деятелей. Они (по словам архивиста кн. Н.В. Голицына) «неожиданно для себя» сразу же нашли общий язык с Рязановым и совместно способствовали сохранению документальных памятников правительственных учреждений, частных коллекций, личных архивов. Оказавшись за рубежом в период второй мировой войны, историк Н.И. Ульянов, писавший в статье о С.Ф. Платонове о «дружбе его с Д.Б. Рязановым», восклицал: «Когда-нибудь будут отмечены заслуги этих двух людей в деле спасения архивных ценностей России». Он рассказывает со слов Платонова: «В тогдaшнем Питере шел разгром дворцов и правительственных учреждений. В здании Сената, где помещался Центрархив, постоянно звонил телефон, извещавший об опасности, грозившей тому или иному учреждению. Надо было спешить на выручку. Приходили иной раз в последнюю минуту, когда драгоценный материал оказывался уже выброшенным на мостовую, полит керосином и только спички не хватало, чтобы он запылал. Толпа обычно была глубоко убеждена в своих огромных правах и кричала: «Царские бумаги спасаете?!» Но натиска Рязанова, его грозного голоса не выдерживала и отступала. «Кипяток» — восхищался им Платонов... Начавшаяся в Центрархиве дружба Рязанова и Платонова продолжалась весь остаток жизни Платонова»¹⁴.

В профессиональном подходе Рязанова к организации архивного дела убеждались быстро: он обладал личным опытом работы в хранилищах (архивах, музеях, библиотеках) разных западноевропейских стран, имел вкус к архивным разысканиям и археографическим штудиям. При его содействии организуются Архивные курсы и вырабатывается план их изданий, начинается работа по превращению «архивов в научные лаборатории» (определение Ю.В. Готье) с широкими замыслами научного описания и публикации документальных памятников, закрепляются творческие взаимосвязи хранилищ с Академией наук и высшей школой. Рязанов целенаправленно привлекал к работе по выявлению и сбережению культурного наследия «старую» интеллигенцию, доверив видным профессорам истории научное и организационное руководство архивами¹⁵. Известный архивист А.Ф. Изюмов, высланный в 1922 г. из России и ставший затем в Праге руководителем отдела документов Русского заграничного исторического архива, отмечал в статье 1928 г.: «Рязанов представлял среди большевиков редкий тип широко-образованного человека, считающегося с мнением других», «он сумел привлечь к архивному делу почти все научные силы Петербурга и Москвы, а, главное, дал возможность для спокойной деловой работы. После много раз упрекали Рязанова за то, что в своем учреждении он давал приют антисоветским элементам». И далее «Ни разу аппарат Главного управления архивным делом при Рязанове не был использован для посторонних архивному ведомству целей»¹⁶.

Никогда не было столь близкого и результативного творческого сотрудничества архивов и исторической науки — и, пожалуй, не только в России. Успех архивной реформы в значительной степени определяли позиция и деловая активность Рязанова. Это тем более важно отметить, что несколько десятилетий заслуги Рязанова в архивном деле, в развитии отечественной археографии замалчивались, а в учебных пособиях по истории архивного дела (А.В. Чернова, В.В. Максакова, В.И. Вяликова) сделанное Рязановым оценивалось негативно. Тем самым искажалась ис-

тория и первых лет советского архивного строительства и развития отечественной архивной мысли в те годы. Только в последнее время заговорили об этом — в исследованиях В.Н. Автократова¹⁷, В.О. Седельникова и других, в лекционном курсе того же Седельникова в ИАИ РГГУ, в книге Т.И. Хорхординой «История Отечества и архивы. 1917—1980-е гг.» (М., 1994. Гл. 1).

После Октябрьской революции Рязанов организовывал лекции видных ученых перед рабочими Петрограда. Став членом коллегии Наркомпроса, с лета 1918 г. возглавлял там отдел науки. «Научно-исследовательскую работу» он считал «высшим типом просвещения», «высшим просвещением»¹⁸. Однако эта сторона его многообразной деятельности остается пока совершенно неизученной — ни по официальной документации, ни по личным архивам ученых. Судя по тому, как у него сложились взаимоотношения с историками, можно полагать, что роль Рязанова в привлечении на службу советской власти академиков и других «спецов» и использовании для ее нужд оставшегося от прежнего времени культурного наследия (а также живых носителей этих культурных традиций) была значительной, и неслучайно совпадение по времени его назначения на такую должность в Наркомпросе и соответствующей направленности высказываний Ленина.

Об отношении к Рязанову ученых Петрограда, особенно не гуманистариев, в те годы, пока судить нелегко. В недавно напечатанном впервые письме М. Горького В.И. Ленину (декабрь 1919 г.) имеется фраза: «Если Вы поручите кому-нибудь — человеку ученому и серьезному, а не Рязанову, напр., — составить перечень открытый и работ научных за два года — вас поразит обилие ценнейших фактов высокого практического значения»¹⁹. Но отражает ли это взгляд самих ученых (или части их из бывших активных кадетов) или характер взаимоотношений М. Горького с Рязановым? Более всего известно теперь об отношении к Рязанову крупнейшего историка России С.Ф. Платонова, человека отнюдь не левых убеждений, приближенного в свое время к президенту Академии наук великому князю Константиному Константиновичу.

Платонов не раз писал и говорил, что «благодаря сближению» с Рязановым «вошел в разумение свершившегося, признал власть и стал работать в Главархиве» (цитата из собственноручных показаний арестованного академика от апреля 1930 г.). Об этом «образованном, благородном и симпатичном человеке», заместителем которого по Главному управлению архивным делом в Петрограде, он стал в 1918 г. Платонов счел необходимым написать и в предназначенной для напечатания в Германии Автобиографии. О дружбе с Рязановым Платонов рассказывал и близким ему ученикам. В письме 1928 г., прося защиты от самоуправства чиновников Наркомпроса (руководимых М.Н. Покровским), подчеркивал, что Рязанов «чуток к охране личного достоинства и научной работе»²⁰.

Знаменательно в этом плане и суждение Н.А. Бердяева, соприкасавшегося с Рязановым, видимо, в период своей работы в Хранилище частных архивов (Хранчасар). Уже в эмиграции он писал: «Тогда в Кремле еще были старые русские интеллигенты Каменев, Луначарский, Бухарин, Рязанов, и их отношение к представителям интеллигенции, писателям и ученым, не примкнувшим к коммунистам, было иным, чем у чекистов; у них было чувство стыдливости и неловкости в отношении к тесни-

мой интеллигенции в России»²¹. Следует подчеркнуть знаменательную закономерность: именно эти действительно образованные, творчески одаренные, трудолюбивые и получающие радость от самого процесса научной работы лидеры большевистской революции, когда Сталин их отодвинул от большой политики, отдали свои силы науке — ее организации и созиданию индивидуальных исследовательских трудов (как уже прежде поступили активные участники революции 1905 г. А.А. Богданов и Н.А. Рожков). Для младших по возрасту из названных Бердяевым примером могла служить деятельность того же Рязанова, возвратившегося — уже на более широкой основе — к классическим формам научной работы историка, архивиста, археографа. Выступая с юбилейным приветствием в 1930 г., А. Лозовский (близко сотрудничавший с Рязановым в руководстве профсоюзным движением) восклицал: «Д.Б. Рязанов начал свою октябрьскую карьеру с комиссара на железных дорогах, но государственным деятелем он был недолго. Ибо он не укладывается ни в какие графики, ни в какие правила, ни в какие расписания. Как показал опыт, его стихия, это — исследовательская работа, это — марксведение»²².

В литературе уже отмечалось деятельное участие Рязанова в организации в 1918 г. Социалистической академии общественных наук (затем получившей название Коммунистической). Она конструировалась как высший научно-исследовательский центр марксистской мысли в стране. При этом выдвигался новый принцип организации научной работы в области общественных наук: основа ее — библиотека, тогда как для учреждений сферы естественных и технических наук — лаборатория. Кабинеты такой академии-библиотеки должны были комплектоваться материалами для работы, а также сотрудниками, в зависимости от тематики изучения таким образом, чтобы позднее превратиться в научно-исследовательские институты. Сам Рязанов возглавил там кабинет теории, истории и практики марксизма. (Показательно то, что он размещался в пяти комнатах того же бывшего шереметевского особняка — на углу Воздвиженки и Шереметевского переулка — где предоставили помещение упоминаемому Хранчасару — ставшему местом службы и бывшего владельца особняка П.С. Шереметева и других высококордных знатоков генеалогии и личных архивов.) На базе кабинета создали в 1920 г. Музей марксизма, преобразованный в 1921 г. в Институт К. Маркса и Ф. Энгельса, выведенный в 1922 г. из подчинения Социалистической академии (руководимой М.Н. Покровским) и ставший самостоятельным учреждением при ВЦИК РСФСР (затем ЦИК СССР).

В 1930 г., в день юбилея Рязанова, президент Академии наук А.П. Карпинский, приветствуя «ученого, давно работающего на новых путях», характеризовал его, как «замечательного организатора, сумевшего в сложной обстановке революционного творчества создать научно-исследовательский институт исключительного значения». А в постановлении ЦИК СССР о награждении Рязанова орденом отмечались «крупнейшие научные заслуги» «при создании им Института — единственной в мире научной лаборатории по марксведению, истории социализма и классовой борьбы»²³. Имя Рязанова-организатора работы и создателя коллектива научно-исследовательского учреждения должно стоять в одном ряду с именами крупнейших творцов системы научной работы тех лет — таких прославленных создателей научных институтов, связавших

с ними свою жизнь, как И.П. Павлов, А.Ф. Иоффе, Н.К. Кольцов, Н.И. Вавилов, Н.Я. Марр.

Институт К. Маркса и Ф. Энгельса не ограничивался задачами изучения жизни и сочинений основоположников марксизма, а также Г.В. Плеханова. Он скоро стал всемирно признанным центром исследования истории революционного движения, материалистической философии, политэкономии. Там образовались ценнейшая по подбору изданий библиотека, архив (где сосредоточились некоторые подлинники сочинений Маркса и Энгельса, личный архив Бабефа, затем детально изученный В.М. Далиным, и многие другие материалы по зарубежной истории XVIII—XX вв.), музей. В музее организованы были и первые в России новаторские по замыслу большие выставки исторической тематики (посвященные Великой Французской революции, Парижской коммуне), вызвавшие и международный резонанс²⁴. Велась многообразная работа по изучению и подготовке к печати сочинений классиков философии, политэкономии, издавались периодические издания с документальными публикациями, исследовательскими статьями, богатыми информацией библиографическими разделами. Публикации и комментирование сочинений Маркса и Энгельса — высокие образцы археографической культуры и искусства текстологии (издания «академического» типа, на языке подлинника и в переводе), а концентрация в Институте в копиях всего написанного Марксом и Энгельсом и относящегося к их биографии явилось новым словом в организации архивного дела. Этот вклад наших соотечественников в архивоведение и археографию был сразу же высоко оценен зарубежными специалистами, ставшими сотрудничать с Институтом, возглавляемым Рязановым, в подготовке международных изданий. По понятным причинам этим сюжетам уделялось доселе мало внимания в общих трудах теории и методике архивоведения и археографии. Необходимо скорее восполнить этот пробел.

В биографии Рязанова, помещенной (видимо, с его ведома) во втором выпуске 41-го т. Энциклопедического словаря Гранат, подготовленном к 10-летию революции 1917 г., подчеркнуто то, что еще в обратившей на себя всеобщее внимания исторической работе «Англо-русские отношения в оценке К. Маркса», этот «ортодоксальный» марксист не побоялся подвергнуть весьма обстоятельной критике взгляды Маркса на историческое развитие России и на внешнюю политику русского царизма»²⁵. Рязанову и после революции казались неприемлемыми методы «изучения» трудов классиков марксизма-ленинизма, сводившиеся лишь к фактологическому комментированию или к подбору данных, иллюстрирующих правильность того или иного высказывания «классика», тем более использование этих давних высказываний в конъюнктурных целях.

У Рязанова, как исследователя, по наблюдениям Луначарского, «глубокий интерес всегда проявлялся к фактам индивидуальным». А Н.И. Бухарин в том же юбилейном сборнике подчеркивает, что «высококвалифицированная работа» Рязанова-исследователя «может выдержать какое угодно испытание “на качество”». И противопоставляет его научную методику (а «душой всякого исследования является метод») входившим в обычай иным приемам обращения к сочинениям «классиков»: «...дело заключается вовсе не в том, чтобы хозяйничать в известном очень ограниченном количестве цитат — а это очень часто, к сожалению, встре-

чается. Совершенно правильно замечает в своей последней книге Андрей Белый, что такого рода «цитатооператоры» суть «воры и убийцы смыслов», «“ворами и убийцами смыслов” в никакой ситуации быть неможе»²⁶.

Это — суждение лиц ленинского окружения, близко знавших Рязанова. Но и далекие от этой сферы знали о высмеивании Рязановым вульгаризаторов марксизма цитатчиков-конъюнктурщиков, «философских младенцев», «которые, — как писал Рязанов в 1931 г., — думают, что марксизм также легко путем декрета ИКП переименовать в ленинизм, как Петроград декретом ЦИК в Ленинград, а Царицын — в Сталинград...»²⁷ В воспоминаниях о С.Ф. Платонове Н.И. Ульянов рассуждает: «Темпераментный Рязанов, слывший «огнедышащим» большевиком, был всего лишь огнедышащим марксистом. С большевизмом у него обстояло не вполне благополучно, что и сказалось потом на его судьбе. Но и как марксист он создал себе уйму врагов. Рассказывали, что когда какой-нибудь красный профессор распинаялся перед аудиторией, Рязанов трогал его за локоть: «Послушайте! Послушайте! Ведь вы же ни черта не понимаете в марксизме!» Сам он был ученый марксовед, исследователь, и не этот ли ученый темперамент сблизил его с Платоновым?»²⁸

Рязанов с увлечением, по-молодому, без усталости трудился в исследовательской сфере — и преподавал, и лично готовил к печати и комментировал труды Маркса и Энгельса, писал научные статьи и популярные очерки публицистического жанра, рецензии, газетные статьи, переводил с нескольких языков и постоянно занят был работой главного редактора периодических изданий Института. И старался во все внести методичку современнейших исследований. Когда решено было, начиная с 1926 г. ежегодно присуждать пять премий В.И. Ленина за «имеющие наибольшее практическое значение научные труды», первым лауреатом в области общественных наук был Рязанов — в 1927 г. (Вторым ученым-гуманитарием, получившим премию, стал — в 1928 г. — Н.Я. Марр.)

Рязанову глубоко чужд был догматизм в подходе к наследию классиков марксизма. Воззрения их учений рассматривал в движении и во взаимосвязи с развитием других явлений. Да и для самого Маркса — по его убеждению — сущность диалектического материализма в рассмотрении всего «исторически». Он полагал необходимым выяснить происхождение и конкретную направленность тех или иных суждений «классиков»: когда? при каких обстоятельствах? на основании каких данных? с какой целью (научно-исследовательской, политической или иной)? на какую аудиторию рассчитаны? и т. д. Старался отметить и объяснить изменение оценок и у Маркса и у Энгельса на протяжении годов и десятилетий. Так же он подходил и к наследию Ленина и предостерегал, выступая в прениях по докладу М.Н. Покровского о Н.Г. Чернышевском: «При анализе высказываний Ленина о Чернышевском нельзя забывать, что Ленин писал не как историк, а как публицист и пользовался правом публициста показывать историю под нужным ему углом зрения, “натягивать историю”»²⁹.

Таковыми принципами руководствовался Рязанов, направляя работу сотрудников руководимого им института, и требовал высокого профессионализма, творческого освоения сделанного предшественниками, уважения к нему. Подобные мысли стремился внушить и причастным к работе Комакадемии. Выступая там, в марте 1928 г. призывал к овладению научно-исследовательской культурой: «Если вы хотите быть научными ис-

следователями, вы должны всю эту буржуазную культуру научную, которая развивалась в течение XIX и начала XX веков, всю исследовательскую историческую работу и всякую другую так усвоить, так претворить, чтобы буржуазные ученые могли бы сказать, получив вашу работу: Правда большевик, хотя и коммунист, но нашу кухню всю знает в совершенстве»³⁰.

Это все предопределяло и тематику, и стиль работы в институте К. Маркса и Ф. Энгельса. Рязанов приглашал к сотрудничеству лиц, европейски образованных, свободно владевших иностранными языками — только они могли быть квалифицированными переводчиками и комментаторами сочинений зарубежных мыслителей, выполнять необходимую работу в библиотеке, музее, архиве. Среди них оказались и отодвинутые от общественно-политической жизни бывшие меньшевики, а в музее и библиотеке и потомки титулованных аристократов. Столь же серьезной и усидчивой работы директор требовал и от недоучек выпускников Института красной профессуры, заявляя, что «для научной работы нет дофинских дорог». Это вызвало публичные выступления икапистов против «политической» линии Рязанова, доносы в ЦК.

Один из таких молодых сотрудников на съезде ВЛКСМ обвинил Рязанова в том, что среди переводчиков первого тома Полного собрания сочинений Маркса и Энгельса нет ни одного члена партии; говорили, что к переводческой работе привлечены в основном бывшие меньшевики — А.М. Деборин и другие (Л.Д. Троцкий потом напишет о «кознях молодых негодяев»). Рязанов с достоинством (и, конечно же, не обойдась без издевки) отвечал с трибуны того же съезда: «...Скажу с гордостью, мне удалось собрать ряд товарищей — я называю их товарищами, как называю товарищами и вас, хотя не все из вас входят в ряды партии. Мне удалось уговорить ряд товарищей не за страх, не за деньги, а за совесть работать в этом деле, упорно работать, добросовестнейшим образом работать за такое вознаграждение, за какое многие молодые люди никогда не будут работать»³¹.

Понятно, что при такой высокопрофессиональной требовательности к научной работе, в отношениях Рязанова и «спецов» преобладало взаимное уважение. С Рязановым советовались, у него искали защиты историки «старой» школы, а он, в свою очередь, поддерживал (а, скорее всего, и выдвинул?) идею организации в Академии наук Института методов исторического исследования на базе возглавляемой академиком Платоновым Археографической комиссии. Когда решено было реформировать Академию наук, пополнив состав академиков коммунистами, наибольшее расположение академиков вызвала кандидатура Рязанова. И Покровский не без умысла подчеркнул, выступая на юбилейном заседании в честь Рязанова: «Мне кажется, я не нарушу никакой особенной тайны, если скажу, что Д.Б. был единственным нашим ученым, которого старая Ленинградская Академия наук соглашалась принять в свою среду раньше всяких наших общественных кампаний»³². Академики склонны были именно его избрать и вице-президентом Академии наук. Во время предварительных выборов (7 марта 1929 г.) он прошел сразу (второй вице-президент, и прежде уже занимавший такой пост, — лишь при четвертой баллотировке)³³. Но в Политбюро этого не допустили и Рязанов снял свою кандидатуру под предлогом болезни. Рязанов, поддержанный одновременно с ним

избранными академиками Г.М. Кржижановским и Н.И. Бухариным, защитил от разгрома Отделение общественных наук на заседании Политбюро³⁴. Академик В.И. Вернадский в письме сыну отмечал, что Рязанов «вел себя очень свободно и во многом правильно», «он и Бухарин после первой сессии решительно выступили против ломки АН»³⁵.

Значение Рязанова в общественной жизни (причем не только в партийной среде) было очень заметным. Он не принимал активного участия в борьбе партийных группировок за власть, в противостоянии «оппозиции», но явно не склонен был участвовать в «хоровых» акциях, направляемых сталинским ЦК. Имел независимый образ мыслей и самый образованный круг общения, вел и независимый образ жизни — обитал в небольшом особняке подле здания основанного им Института К. Маркса и Ф. Энгельса, целиком подчинявшегося установленному им ритму работы. И, конечно, не случайно то, что Рязанов первым из видных коммунистов не участвовавших в оппозициях второй половины 20-х годов был уничтожен укреплявшимся тоталитарным режимом.

В марте 1930 г. торжественно отпраздновали его 60-летие. На юбилейном заседании председательствовал М.И. Калинин. Юбиляра наградили орденом трудового Красного знамени. «В целях поощрения научных исследований и по истории развития марксизма и разработке научных биографий Карла Маркса и Фридриха Энгельса» учредили «премию имени Рязанова за лучшую марксоведческую работу раз в два года, начиная с 1931 года»³⁶. Юбилей был ознаменован изданием сборника «На боевом посту» с материалами о Рязанове (в большинстве своем в необычном для подобных изданий «человечном» ключе) и научными статьями по тематике его исследований. Однако через год Рязанов был арестован. Оклеветанного ученого и революционера после недолгого тюремного заключения, без суда, выслали в Саратов. Только там из газет он узнал об исключении из партии и из состава членов Академии наук и Комакадемии (В этом отношении его приравнивали к крупнейшим историкам, лишенным звания академика месяцем ранее, в феврале 1931 г., и тоже приговоренным к ссылке — к С.Ф. Платонову, Е.В. Тарле, Н.П. Лихачеву, М.К. Любавскому). Рязанова вычеркнули из общественной жизни, лишили возможности научной работы.

Конечно, Рязанов становился все более неудобным властям после всего свершившегося в год «великого перелома» и разгрома оппозиции Бухарина и его сторонников. Демонстративная независимость его манеры поведения и высказываний, старомодная строптивость в духе социалистических партий рубежа веков, его «идейная неподкупность» (определение Троцкого) казались нетерпимыми. И это уловили молодые карьеристы из «красных профессоров». Избавление от Рязанова, изменение направленности и стиля работы основанного им Института К. Маркса и Ф. Энгельса отвечало стремлению Покровского освободиться от главного соперника на «фронте» научной идеологии и подготовки кадров марксистов-гуманитариев, а его заместителю по Главархиву В.В. Адоратскому — от главного соперника в сфере изучения и публикации наследия основоположников марксизма. Безусловно все это поддерживалось, если не направлялось, самим генеральным секретарем партии И.В. Сталиным, с личной неприязнью воспринимавшим поступки и слова Рязанова, публично не признававшим его теоретиком марксизма-ленинизма (и это убедитель-

но — с привлечением архивных данных — показано в статье Я.Г. Рокитянского).

Но падение Рязанова и избранная форма публичной экзекуции обусловлены были не только отношением влиятельных ненавистников. Это отражало и существенные изменения общественно-политической обстановки. Связано это было и с наступлением на «верхушку буржуазной интеллигенции», против «буржуазных спецов», провозглашенным в докладе Сталина на XVI партсъезде — Рязанов всей деятельностью своей противостоял такой партийной линии и «спецы»-гуманитарии видели в нем своего защитника, если даже не союзника. Отражало это также изменение международных ориентаций Советского Союза и зависимого от него Коминтерна — Сталин не склонен был теперь учитывать уникальные личные связи Рязанова с вождями Второго Интернационала и не мог не обращать внимание на осуждение ими расправы с международно-знаменитым марксистом. Это отражало и превращение официальной идеологии марксизма уже не в «марксизм-ленинизм», а в сталинизм, в учение четырех «классиков» марксизма-ленинизма, а Рязанов настороженно относился даже к тенденции изображать Ленина новым «классиком» марксизма.

Показателем утверждения тоталитарного государственного режима и тоталитарной идеологии была и форма публичной расправы с Рязановым. Это можно рассматривать и как репетицию политических фальсификаций последующих лет. В то же время это был первый опыт опровержения публичных похвал и официального признания особо выдающихся заслуг человека, имевших место лишь год назад. Раньше на такое скорое публичное изменение своих же оценок на 180° еще не решались, — в 1930-е годы это войдет в норму общественно-политической жизни (в частности, в отношении М.Н. Покровского, именем которого назвали после кончины сразу три высших учебных заведения, а через два года написаны были замечания Сталина, Кирова, Жданова, еще через два года взгляды его заклеили уже как «антимарксистские») — тогда нередко объявляли врагами народа тех, кого незадолго до того награждали и возвеличивали, и даже тех, за якобы попытку покушения на которых других объявляли «врагами народа».

Небезопасным казался ученый марксист даже тогда, когда имел возможность заниматься лишь переводческой и работой в отдаленном от столицы Саратове, где ученый был — по его словам — «обречен на интеллектуальный голод». Сталин ожидал, что Рязанов (судьба которого волновала зарубежную общественность) публично покается, подобно другим отодвинутым от власти бывшим партийным лидерам, но неуступчивый и непримиримый к несправедливости Рязанов продолжал считать себя «совершенно неповинным в тех преступлениях», в которых его обвиняли, и писал об этом, обращаясь в вышестоящие партийные органы, еще в 1934 г.³⁷ В 1934 г., благодаря содействию С.М. Кирова, Рязанов перебирается для продолжения научной работы в Ленинград, откуда, с началом массового террора, в начале 1935 г. его снова отправили в Саратов, где Рязанов занялся библиотечной работой, организовав библиотеку образованного тогда в Саратовском университете исторического факультета — подвиг трудолюбия и добросовестности ученого-эрудита и методиста! В период пика кровавых репрессий, в июле 1937 г. Рязанова арестова-

ли. В «Обвинительном заключении» следователи констатировали: «Рязанов виновным себя не признал». В последнем слове заявил: «В своих убеждениях... не искал ни союзников, ни сочувствующих»³⁸. Закрытое судебное заседание происходило в день кончины его великого сверстника Ленина 21 января 1938 г. В тот же день Рязанова расстреляли.

Книге о Рязанове место в серии «Жизнь замечательных людей».

- 1 Борисов Ю.С. Из истории Ленинских премий // ИСССР. 1957.
- 2 Советская библиография. 1989. № 6.
- 3 Профсоюзы России сегодня. Состояние и проблемы: материалы научно-практической конференции (15 июня 1994 года) СПб., 1994. С. 74—81.
- 4 См.: Смирнова В.А. Первый директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса — Д.Б. Рязанов // ВИ КПСС. 1989. № 9. С. 71—84; Она же. Д.Б. Рязанов // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. Сб. ст. М., 1995 (указана литература 1982—1992 г.).
- 5 Последние письма Д.Б. Рязанова / Подгот. В.Е. Корнеев // АЕ за 1993 год. М., 1995.
- 6 Смирнова В.А. Д.Б. Рязанов. С. 144—145.
- 7 Луначарский А.В., Радек К., Троцкий Л. Силуэты: Политические портреты. М., 1991; С. 196; На боевом посту: Сб. к 60-летию Д.Б. Рязанова (1870—1930). Л., 1930. С. 40, 41.
- 8 Рокитянский Я.Г. Трагическая судьба академика Д.Б. Рязанова // ННИ. 1992. № 2. С. 107.
- 9 Покровский М.Н. Избр. произв. М., 1967. Кн. 4. С. 518—519.
- 10 Фото воспроизведено в статье Я.Г. Рокитянского. См.: Рокитянский Я.Г. Указ. соч. 116.
- 11 На боевом посту. С. 141
- 12 Шестнадцатая конференция ВКП(б). Арель 1929: Стеногр. отчет. М., 1962. С. 215—221.
- 13 Исторический архив. 1995, № 2. С. 202 (вступ. ст. Я.Г. Рокитянского).
- 14 Ульянов Н. С.Ф. Платонов // Новый журнал (The New Review). Нью-Йорк, 1977. № 126. С. 193—194.
- 15 Шмидт С.О. Вступительное слово (На Тихомировских чтениях, посвященные 60-летию Декрета 1 июня 1918 г.) // АЕ за 1978 год. М., 1979. С. 122—126; Он же. К истории архивного строительства в первые годы советской власти // Проблемы архивоведения и истории архивных учреждений. М., 1970. С. 27—30; Он же. Привлечение интеллигенции к советскому архивному строительству // Интели-
- генция и революция, XX век. М., 1985. С. 163—170.
- 16 Цит. по ст.: Седельников В.О. ЧК и архивы: Два эпизода из истории архивного дела в первые годы советской власти // Звенья: Исторический альманах. М., 1991. Вып. 1. С. 453.
- 17 Автократов В.Н. Из истории централизации архивного дела в России (1917—1918 гг.) // ОА. 1993. № 3, 4.
- 18 Шестнадцатая конференция ВКП(б). С. 220.
- 19 Письма М. Горького к В.И. Ленину // Незвестный Горький (К 125-летию со дня рождения) // Горький и его эпоха: Материалы и исследования. М., 1994. Вып. 3. С. 32.
- 20 Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 1: Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1993. С. 60, 284 и др.; Незвестные письма российских ученых двадцатых годов / Публ. Я.Г. Рокитянский // ВАН. 1991. № 11. С. 96.
- 21 Цит. по ст.: Сивцов В. Великий изгнанник (к 120-летию Н.А. Бердяева) // Независимая газета. 1994. 18 марта.
- 22 На боевом посту. С. 141—142.
- 23 Там же. С. 7, 11.
- 24 Корнеев В.Е. Материалы ЦГАОР СССР о собирании и использовании в 20-е годы документов К. Маркса и Ф. Энгельса и международного революционного движения // АЕ за 1985 год. М., 1986; Голосовкер М. Парижская коммуна 1871 г. (Выставка) // Летописи марксизма. 1928. Вып. VII—VIII. С. 251—270.
- 25 Деятели Союза Советских Социалистических Республик и Октябрьская революция (Автобиографии и биографии): Энциклопедический словарь Русского Библиографического Института Гранат. М., 1989. Ч. 1. Стб. 232. Репр.
- 26 На боевом посту. С. 52, 125.
- 27 Цит. по ст.: Рокитянский Я.Г. Трагическая судьба... С. 130.
- 28 Ульянов Н. Указ. соч. С. 193.
- 29 Историк-марксист. М., 1928. Т. 8. С. 136.
- 30 Цит. по ст.: Смирнова В.А. Первый директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса... С. 79.
- 31 VIII Всесоюзный съезд ВЛКСМ. 5—16 мая 1928. Стенограмма. М., 1928. С. 158.

- ³² На боевом посту. С. 119.
- ³³ *Перченко Ф.Ф.* Академия наук на «великом переломе» // Звенья: Исторический альманах. М., 1991. Вып. 1. С. 194.
- ³⁴ *Шmidt С.О.* Доклад С.Ф. Платонова о Н.М. Карамзине 1926 г. и противоборство историков // АЕ за 1992 год. М., 1994. С. 68—74.
- ³⁵ Пять «вольных писем» В.И. Вернадского сыну (Русская наука в 1929 г.) / Публ. К.К. // Минувшее. М., 1992. Т. 7. С. 434.
- ³⁶ На боевом посту. С. 7.
- ³⁷ «Я не совершал никакого преступления»: Две саратовские рукописи академика Д.Б. Рязанова 1932—1934 гг. (подг. Г.Д. Головина, Я.Г. Рокитянский) // Исторический архив. 1995. № 2. С. 216, 217.
- ³⁸ *Рокитянский Я.Г.* Указ. соч. С. 145—146.

СЛОВО О СОЛОВЬЕВЕ И ЗАБЕЛИНЕ *

Совместное заседание посвящено памяти прославленных историков нашего Отечества и великих граждан Москвы, родившихся 175 лет назад — Сергея Михайловича Соловьева (его день рождения 5 мая 1820 г.) и Ивана Егоровича Забелина 17 сентября 1820 г.). Имена Соловьева и Забелина как бы олицетворяют вершинные достижения в развитии отечественной исторической науки. И, когда в 1993 г. в соответствии с Положением о золотых медалях и премиях, присуждаемых РАН, были утверждены награды по Отделению истории, то «за большой вклад в изучение истории» решено было присуждать раз в пять лет золотую медаль имени С.М. Соловьева, а «за большой вклад в исследование проблем археологии» раз в три года — премию имени И.Е. Забелина.

И Соловьеву, и Забелину посвящена немалая литература — и мемуарная и научно-историографическая. Вышли в свет книги о С. Соловьеве — В.Е. Иллерицкого в 1980 г., о Забелине — А.А. Формозова в 1984 г. В 1984 г. издана составленная под руководством С.С. Дмитриева новаторского типа книга «С.М. Соловьев: Персональный указатель литературы». В 1992 г. опубликованы в двух книгах материалы научных чтений в ГИМ в 1990 г. к 170-летию Забелина (там и моя статья «И.Е. Забелин и русская культура»). С изучением архивных материалов (прежде всего личных фондов обоих историков), переизданием и изданием впервые их трудов круг тем статей и диссертаций о многосторонней творческой деятельности Соловьева и Забелина все расширяется. Тем более, когда постепенно освобождаются от обязательности только политико-идеологического («классового») подхода к историографическим явлениям и историю исторической мысли перестают рассматривать лишь как смену концепций, отражающих прежде всего общественно-политические взгляды историка. Темы сегодняшних выступлений — историографические явления, еще недостаточно изученные. Постараюсь в том же ключе говорить и во вступительном слове.

Рождение в один год Соловьева и Забелина может восприниматься как случайное совпадение. Но в том, что такие выдающиеся историки,

* Статья для АЕ за 1995 год. В основе вступительное слово на заседании, организованном Археографической комиссией, Государственной публичной исторической библиотекой и Государственным Историческим музеем в ГИИБ.

отличавшиеся особенностями и своей биографии (особенно ее начального этапа), и подхода к историко-культурным явлениям и научной методике, были современниками, обнаруживается определенная закономерность, отражающая уровень и своеобразие развития науки и общественной жизни России. Подобно тому, что наблюдаем в истории современной им русской классической литературы: в один год родились и столь разные писатели как Герцен и Гончаров (1812 г.) Достоевский и Некрасов (1821 г.) Лев Толстой и Чернышевский (1828 г.).

Сотворенное этими историками и литераторами имеет общую почву; это — культура и общественное сознание той поры, которую в годы их детства характеризовали как карамзинскую эпоху. Широко известно высказывание Пушкина: «Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка — Колумбом». С изданием многотомной «Истории государства Российского» знание о прошлом своего Отечества стало приходить в общество не из произведений художественной литературы (прежде всего драм и поэм на исторические сюжеты), а из сочинения, которое, являясь занимательным чтением, к тому же доступным и детям, примечаниями своими вводило в мир не только научных знаний, но и методики научных исследований и архивных богатств.

До сочинения Карамзина исторические труды в России предназначались преимущественно узкому кругу ученых или составлялись в учебных целях. И показательно, что авторами выступали зачастую иностранцы по рождению, писавшие и печатавшие их на иностранном языке (обычно на немецком). С изданием «Истории государства Российского» и появлением откликов на нее в журналах исторические сочинения заняли прочное место в литературной периодике. Историческая наука в глазах общества обрела и просветительскую (даже просветительно-воспитательную) функцию. Рассуждения о значении опыта истории, о путях исторического развития (особенно своего Отечества), об исторических параллелях и примерах, а затем и об источниках исторического знания, об исторических традициях своего края характерны уже для 1830-х годов — и для обеих столиц, и для провинции, где образуются губернские статистические комитеты (с широкой программой изучения и настоящего и прошлого своего края) и начинают издавать губернские ведомости. Уже во второй четверти XIX в. входит в обычай печатать материалы исторической тематики и научные труды ученых историков в журналах и других изданиях широкого профиля — именно для таких изданий готовили свои статьи Соловьев, Забелин, Костомаров, еще в большей мере их младший современник Ключевский. Подобные труды, рассчитанные и на широкого читателя, по форме своей были на грани с публицистикой, если точнее выразиться, с «литературной критикой», и воспринимались тоже как «литература», т. е. в традициях Карамзина и Пушкина, который мыслил себя в этом плане наследником Карамзина как Историографа.

А литература в пушкинские времена была (о чем писали и сам Пушкин и Вяземский) сферой занятий преимущественно образованных аристократов и стремившихся войти в эту среду лиц иного социального происхождения (постепенно оттеснявших с арены литературной жизни потомственных дворян). Сферой занятий преимущественно аристократии была в столицах и отечественная история — напомним, не только о самом Карамзине, архивистах Бантыш-Каменских и Малиновском, участнике и

историке Отечественной войны генерале Михайловском-Данилевском, но и об их предшественниках: видном сановнике и родственнике императрицы Анны Татищеве, князе Щербатове, генерале Болтине, обер-гофмейстере Елагине, наконец, о самой Екатерине II, о тех, кто составлял окружение знатных меценатов графов Мусина-Пушкина и Румянцева, президента Академии художеств Оленина. Европейски просвещенные молодые аристократы служили в Коллегии, затем Министерстве иностранных дел и в его архиве в Москве: эти «архивные юноши» получали навыки знакомства и с историческими документами давних времен (хотя, как правило, и не слишком отягощены были служебными обязанностями). Титулованные лица стояли и во главе архивных учреждений (в МГАМИД — князь Оболенский, позднее, в Межевом архиве, — князь Мещерский). Да и сама история России тех столетий, от которых сохранилась архивная документация, представлялась аристократам в определенной мере историей фамильной (напомним об изображении исторической роли Пушкиных в «Борисе Годунове» и реплику царя Бориса: «Противен мне род Пушкиных мятежный...»).

И под «интеллигенцией» в 1830—1840-е годы подразумевали европейски образованную аристократию (определение В.А. Жуковского). Лишь в пореформенное время этим сразу получившим распространение термином стали обозначать работников умственного труда и в области искусств. Герцен в 1866 г. характеризовал таких «работников умственного движения» (в их числе университетских профессоров) как «пролетариат интеллигенции»¹.

Главными «работниками умственного движения» в сфере исторической науки были тогда Соловьев и Забелин. Поражали многообразие проблематики их трудов и широта хронологического охвата — от древности до нового времени, и при этом всегда опора на первоисточники. Оба историка — просветители и организаторы науки. Деятельность именно Соловьева и Забелина на долгие годы предопределила характер деятельности историков московской школы и вообще основные направления и формы работы российских историков.

При этом заметны были и отличительные черты творчества и научных и жизненных вкусов двух знаменитых сверстников, возможно обусловленные уже разницей образа жизни их в детские годы, когда оба почувствовали притягательную силу занятий историей.

Особую роль сыграло раннее знакомство с «Историей» Карамзина (что отмечается в биографиях и других выдающихся людей XIX столетия). Разное восприятие прочитанного обоими мальчиками объясняется и различными душевными и умственными предпочтениями, навыками воспитания и просвещения, первичным жизненным опытом. Выросший в достатке в семье столичного образованного священника Соловьев, прочитав «Историю» Карамзина «не менее двенадцати раз, разумеется, без примечаний», особенно любил главы о славных победах и государственных деяниях («действительно во мне отроческий патриотизм» писал историк в воспоминаниях). Воспитанника же сиротского училища Забелина, выдвинувшегося лишь благодаря редким способностям, любознательности, трудолюбию, сразу же более всего прельстил первый том «Истории», где меньше чем в других томах отведено место государственным деяниям и государям².

Для Соловьева-мемуариста (а может быть, уже и при первом чтении) «История» Карамзина — прежде всего история «государства Российского», для Забелина — «Российская история». Решившись повторить великий подвиг Карамзина и сочинить единолично многотомную «Историю России с древнейших времен», Соловьев преимущественно сосредоточился на явлениях государственно-политической истории. Забелин же стал основательно — и тоже в хронологической последовательности — изучать повседневные явления жизни россиян и историю Москвы на всем ее протяжении, составляя энциклопедию истории быта допетровской Руси. Но для обоих характерно то, что создавая свои монументальные труды, Соловьев и Забелин (как и первопроходцы науки отечественной истории Татищев, Щербатов, Карамзин) неумоимо вводили в научный обиход новые архивные материалы, и в первую очередь на них опирались в своем изложении. Авторы всех последующих многотомных сочинений обо всей истории России, начиная с Ключевского, считали допустимым обходиться без новых архивных документов — в основе их фактологической базы прежде всего «История» Соловьева.

Соловьев использовал, конечно, и издания 1820—1870-х годов — публикации источников и труды историков и юристов. Более того, статьи его о своих предшественниках у истоков науки российской историографии. Европейски образованный Соловьев, слушавший лекции знаменитых профессоров в университетах Западной Европы, считал необходимым при изучении отечественной истории (особенно сравнительно с зарубежной, к чему имел склонность) обращаться к новейшим трудам западноевропейских историков, социологов, философов. И написанное Соловьевым вровень в методическом плане с высшими достижениями современной ему зарубежной исторической мысли.

Забелин, конечно, тоже старался творчески использовать опыт предшественников. Но он был гениальным самородком, не получившим вообще высшего образования и недостаточно осведомленным о зарубежных изданиях. Тем более поразительны его историческая интуиция, его методические прозрения. Это редчайший пример того, когда знатчество аккумулируется в глубокое научное знание. Не вдаваясь в теоретические обоснования, но приметливо наблюдая над тем, что становится реальным источником познания в деталях повседневной жизни и в настоящем и в прошлом, Забелин привлек для своих исследований все доступное в ту пору многообразие исторических источников — и письменные, и фольклор, и разговорную речь, и изобразительные, и вещественные, и поведенческие. И предопределил современные понятия о комплексном и сравнительном источниковедении, об источниковедческих возможностях краеведения, археологии.

В России, особенно в Москве, когда Академия наук находилась в столице — Петербурге, научная работа историков была возможна либо в университете, либо в хранилищах памятников истории и культуры.

С лекциями Соловьева утвердилась традиция исследовательского типа курсов отечественной истории; более того такие лекционные курсы стали основой готовящихся к печати книг³. Форма научной работы в университете склонных к самостоятельному изучению прошлого России (ее истории, памятников ее культуры) была в середине XIX в. определена Соловьевым и Федором Ивановичем Буслаевым — недаром Ключевский

их обоих почитал своими учителями — Соловьеву как преподавателю он посвятил особую статью. Впрочем, на примере того же Ключевского убеждаемся в том, что занятый поглощавшей его и поразительной по продуктивности исследовательской и литературной работой, Соловьев, видимо, не слишком внимательно наблюдал за самостоятельным развитием своих учеников. Иначе трудно объяснить как мог он молодому человеку такого склада мышления и литературных вкусов как Ключевский навязать несоответствующую стилю его дарования тему о житиях русских святых, особенно после написания им «Сказаний иностранцев о Московском государстве» и дополнений по истории русского быта к книге немецкого историка П. Кирхмана⁴.

И Соловьев и Забелин были убежденными сторонниками создания музеев. Для Забелина, всю жизнь связанного с работой в Оружейной палате, с археологическими раскопками, музей мыслился не только как депозитарий историко-культурных ценностей и просветительский центр, но и как научный институт и научная школа для молодежи. Именно в музее можно было исследовать историю повседневной жизни и обучать этому научную молодежь. И Забелин выступил там как организатор своеобразной школы повышения квалификации окончивших университет молодых специалистов. Беседы-семинары⁵ Забелина с привлеченными к работе в музее воспринимались ими позднее (когда они стали широко признанными видными учеными) как научная школа.

Роль и Соловьева и Забелина в организации научно-просветительского дела — музеев, изданий, лекций, научных обществ, в приобщении к историческим знаниям общественности от детей (для которых они тоже писали и книжки и очерки) до высокообразованной интеллигенции и богатых сановников и предпринимателей, способных оказать материальное содействие развитию науки и культуры, заслуживает тоже специального изучения и популяризации. Велико и, пожалуй, еще недооценено общественно-воспитательное значение для формирования представлений об обязанностях ученого-просветителя «Публичных чтений о Петре Великом» Соловьева. И знаменательно (и, конечно, же не случайно) то, что они имели место в год основания Политехнического музея (объединившего усилия ученых естественников) и Исторического музея, научным руководителем которого стал и оставался до конца жизни Забелин.

Многообразная творческая деятельность великих историков — Сергея Михайловича Соловьева и Ивана Егоровича Забелина — славная страница не только истории науки, но и российской и мировой культуры, нашей общественной жизни.

¹ Подробнее см.: Шмидт С.О. К истории слова интеллигенция // Россия, Запад, Восток: встречные течения (Сб. памяти академика М.П. Алексеева). СПб., 1996 (в печати).

² Шмидт С.О. «История государства Российского» в культуре дореволюционной России // Карамзин Н.М. История государства Российского (репринтное воспроизведение издания пятого). Кн. 4. М., 1988. С. 32—35.

³ См.: Дмитриев С.С. Соловьев и Московский университет // С.М. Соловьев. Персональный указатель литературы. М., 1984. С. 20—22.

⁴ Отдельной книгой впервые опубликовано Р.А. Киреевой. См.: Ключевский В.О. История русского быта... М., 1995.

⁵ См.: Воспоминания М.Н. Сперанского о И.Е. Забелине / Подг. С.Б. Филимонов // АЕ за 1976 год. М., 1977. С. 272—278.

Список сокращений

- ААН СССР — Архив Академии наук СССР
АЕ — «Археографический ежегодник»
БАН — Библиотека Академии наук
ВА — «Вопросы архивоведения»
ВИ — «Вопросы истории»
ВИД — «Вспомогательные исторические дисциплины»
ВИРА — «Вопросы истории религии и атеизма»
ВФ — «Вопросы философии»
ВНИИДАД — Всесоюзный научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ГБЛ (ныне РГБ) — Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина
ГИМ — Государственный исторический музей
ГПБ (ныне РНБ) — Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина
ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения»
ЗОР ГБЛ — «Записки Отдела рукописей ГБЛ»
ИЗ — «Исторические записки»
ИНИОН — Институт научной информации по общественным наукам
ИОЛЯ — Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка
ИОРЯС — «Известия Отделения русского языка и литературы РАН»
ИСССР — «История СССР»
ЛОИИ — Ленинградское отделение института истории АН СССР
МГАМИД — Московский государственный архив Министерства иностранных дел
МГИАИ — Московский государственный историко-архивный институт
ПИ — «Проблемы источниковедения»
ПСРЛ — «Полное собрание русских летописей»
РИЖ — «Русский исторический журнал»
РНБ — Российская Национальная библиотека
СА — «Советское архивоведение»
СЭ — «Советская энциклопедия»
ЦГАЛИ (ныне РГАЛИ) — Центральный государственный архив литературы и искусства
ЦГДДА (ныне РГАДА) — Центральный государственный архив древних актов
ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции
ЦГИА (ныне РГИА) — Центральный государственный исторический архив
ЦПА ИМЛ — Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Авалиани С.А. 551
Аввакум 361, 362, 534
Авдусин Д.А. 369
Автократов В.Н. 131, 408, 580, 587
Автокротова М.И. 568
Аграновский И.А. 574
Адашев А.Ф. 427, 444, 445
Адрианова-Перетц В.П. 56, 123, 124, 127, 220, 226, 360, 363, 364, 388-394, 404, 409, 447, 557
Адоратский В.В. 530, 585
Адрианов С.А. 535
Азадовский М.К. 160
Азаров 434
Айвазовский И.К. 325
Айвазян М.А. 550
Айтматов Ч. 80, 90
Аксаков К.С. 124
Аксаков С.Т. 239
Аксаковы 159, 203, 296, 333, 445, 557
Александр I 191, 235, 238, 249, 251, 317, 483, 485, 486, 488-494
Александр II 382
Александр III 386, 483, 521
Александр Невский, кн. 449
Александра Федоровна, имп. 483
Александров А.А. 193
Александров В.А. 375, 427, 568, 569
Александровский М.И. 123
Алексеев В.П. 328
Алексеев М.П. 592
Алексей Михайлович, царь 212, 457, 520
Алексей Человек Божий 389
Алехин А.А. 335
Алкивиад 444
Алпатов А.В. 280
Алпатов М.А. 269
Алпатов М.В. 56, 226
Алпатов В.Д. 189, 203
Альтман И.А. 414
Амиантов Ю.Н. 416
Амосов А.А. 127, 194, 410, 412, 414, 415
Ананьев Б.Г. 60
Андреев А. (Сизов Е.С.) 371
Андреев А.И. 99, 160, 168, 170, 188, 190, 408, 422, 454, 527, 547, 563, 564, 569
Андреев Н. 551
Андрей Боголюбский, кн. 71, 195, 223, 468
Андрей Владимирович, в. кн. 521
Андроникашвили Э.Л. 463
Андроникова М.И. 129
Андроников И.Л. 416, 462-466
Анна Иоанновна 103, 452, 590
Анненков П.В. 245, 256, 465
Антокольский М.М. 95, 215, 252, 253
Анучин Д.Н. 124, 160, 293, 294
Анциферов Н.П. 133, 160, 162, 165, 166, 545, 553
Апостол П.Н. 336
Аракчеев А.А. 493
Арбузов А.Н. 331
Аристов В.В. 329
Аристотель Фиоравенти 476
Арманд И.Ф. 438
Аронов В. 143
Арсеньев В.К. 161
Артизов А.Н. 193, 196, 553, 568
Архангельский А.С. 191, 204
Архангельский С.И. 160
Арциховский А.В. 38, 44, 61, 163, 226, 303, 351, 359, 369, 370, 405-407, 416, 447, 477
Арцыбашев Н.С. 252
Асафьев Б.В. 124, 128, 551
Афанасий Никитин 261, 294, 409
Афанасьев В.Г. 90
Афанасьев Ю.Н. 10
Афиани В.Ю. 127, 128, 201, 204, 205, 255, 270, 329, 410, 415, 459
Ахапкин Ю.А. 200, 204, 404
Бабеф Г. 582
Баевский В.С. 124
Багaley Д.И. 513
Бажина С.Н. 383, 384
Базилевич К.В. 427, 432, 433
Байер Г.З. 362
Бакай Н.Н. 373
Бакушинский А.В. 161
Бальмонт К.Д. 335, 336
Бальмонты 336
Бантыш-Каменские 589
Баратынский Е.А. 196, 457
Барг М.А. 57, 59, 62, 270
Барсков Я.Л. 380
Барсов А.А. 269
Барсуков Н.П. 121, 177, 499, 519

- Бартелеми О. 261
Бартнев П.И. 105, 123, 185, 455-458, 465
Бартольд В.В. 135
Басманов А.Д. 217
Басманов Ф.А. 449
Басовская Н.И. 413
Батый 348
Батюшков К.Н. 244
Бахрушин С.В. 135, 160, 163, 189, 200, 205, 273, 275, 289, 352, 359, 363, 364, 367, 373, 425-436, 545, 555, 568
Бахтин М.М. 46, 62
Башкирцева М.К. 339
Без-Корнилович М.С. 243
Бек А. 106
Беленький И.Л. 37, 58, 128, 170, 176, 191, 203, 412, 419
Белецкая В.В. 371, 408, 410
Белинский В.Г. 16, 20, 115, 181, 232, 233, 236-238, 241, 245, 246, 253, 255, 256, 264, 267, 269, 270, 296, 305, 337, 476
Белогуров М.Г. 419
Белоконь А. 128
Белый А. 105, 160, 241, 331, 332, 334, 335, 583
Бельчиков Н.Ф. 58
Белявская И.М. 460
Белявский М.Т. 121, 127, 361, 362, 372, 402, 416, 433, 459-462, 568, 570
Бенингсен Л.Л. 484
Бенкендорф А.Х. 246, 317
Берг Л.С. 69
Бердинских В.А. 551
Бердяев Н.А. 160, 335, 337, 341, 580, 581, 587
Бери де Р. 110
Берков П.Н. 58, 61
Бернал Дж. 57, 58, 63
Бернгейм Э. 24
Берне Л. 268
Бернс Р.Ф. 307, 314
Бернштейн С.И. 106
Бескровный Л.Г. 29, 79
Бессмертный Ю.Л. 199
Бестужев М.А. 247
Бестужев Н.А. 247
Бестужев-Марлинский А.А. 230, 316
Бестужев-Рюмин К.Н. 238, 255, 491, 498-504, 507, 515, 532, 551
Бестужевы 256
Бешенковский Е.Б. 128
Бибихов Б.Н. 163
Библер В.С. 59
Бирюков Б.В. 62, 63
Бирюков В.П. 162
Бицилли П.М. 341
Блаватский В.Д. 73
Блинова Л.П. 128
Блок А.А. 93, 126, 481
Блок М. 24, 58, 70, 321, 441
Бобинская П. 61
Богданов А.А. 581
Богданов В.В. 161
Богословский М.М. 123, 127, 128, 160, 163, 189, 200, 277, 350, 363, 443, 481, 520, 534, 545, 549
Богоявленский С.К. 160, 163, 189, 313, 432
Богучарский В.Я. 105, 123, 190, 288, 456, 459, 465, 486, 490
Бодуэн-де-Куртене И.А. 325
Бойкова О.Ф. 304
Бокль Г.-Т. 511
Болотников И.И. 211
Болтин И.Н. 259, 269, 402, 590
Большаков А.М. 162
Бондарчик В.К. (Бандарчык В.К.) 91
Бонч-Бруевич В.Д. 200, 204, 275, 351, 446, 456
Борис Годунов, см. Годунов Б.Ф.
Борзов А.А. 160
Борисенко Е.П. 91
Борисов Ю.С. 587
Бородин А.П. 104, 253
Бороздина П.А. 277, 280
Боханов А.Н. 494, 495
Бочков В.Н. 127, 329
Боян 230
Браге Т. де 363
Брачев В.С. 550, 552, 553
Бродель Ф. 301
Брояковский С. 142, 143, 149, 152, 153
Брюллов К.П. 251, 256, 339
Брюс Я.В. 452
Брюсов В.Я. 241, 334, 456
Бугаев Б.Н., см. Белый А.
Буганов В.И. 60, 169, 371, 416, 563, 569
Будовниц И.У. 63
Булгаков М.А. 331
Булгаков М.Б. 404
Булгарин Ф.В. 246, 487
Булыгин И.А. 26, 59
Бунак В.В. 160
Бунаков-Фондаминский И.И. 336

- Бунге М. 59
 Бунин И.А. 80, 90, 112, 321, 331, 332, 336
 Буриная (Борина Е.Н.) 328
 Буслев Ф.И. 38, 56, 123, 220, 308, 591
 Бутько С.П. 128, 414
 Бухарин Н.И. 544, 547, 580, 582, 585
 Бухерт В.Г. 198, 552
 Бушмин А.С. 30, 59
 Быковский С.Н. 53, 59, 62
 Бычкова М.Е. 410
 Бэм Ю.О. 569
 Вавилов Н.И. 33, 69, 290, 379, 582
 Вавилов С.И. 290
 Ваганов Ф.М. 194
 Вагнер Г.К. 56, 218-226, 469, 473
 Вайнштейн О.Л. 27, 59, 62
 Ваксберг А.И. 494
 Валерий 355
 Валишевский К. 543
 Валк С.Н. 21, 38, 43, 54, 58, 61, 79, 121, 127,
 132, 169, 173, 175, 176, 189, 195, 197,
 199, 284, 287, 291, 305, 358, 359, 371,
 378, 395-404, 409, 454, 527, 530, 532,
 545, 552, 565, 569
 Вангенгейм А.Ф. 161
 Вандаковская М.Г. 128
 Вандаль А. 491
 Варшавчик М.А. 26, 58, 59, 91
 Васенко П.Т. 527
 Василенко С.Н. 335
 Василий II, в. кн. 430
 Василий III, в. кн. 214
 Василий Ус 210, 214
 Василий Шуйский, царь, см. Шуйский В.И.,
 царь
 Васильевский В.Г. 499, 500, 503, 508
 Васильевы, бр. (Васильев Г.Н., Василь-
 ев С.Д.) 95
 Василько, кн. 247
 Васнецов А.М. 163, 252
 Васнецов В.М. 95, 215
 Вацура В.Э. 246, 270, 315
 Введенский А.А. 26, 58, 60, 527
 Введенский И.И. 239
 Векслер И.И. 280
 Вельтман А.Ф. 394
 Венгеров С.А. 387
 Венедиктов А.Е. 329
 Вербин А.И. 63
 Вернадский В.И. 69, 111, 113, 171, 176, 290,
 323, 525, 553, 585, 588
 Вернадский Г.В. 341, 527, 551
 Вернан Ж.-П. 46, 62
 Вершинский А.Н. 162
 Веселовская А.С. 272, 274
 Веселовская О.А. 272, 273
 Веселовская Н.К. 272
 Веселовские 272
 Веселовский А.Н. 220
 Веселовский Б.Б. 160
 Веселовский Б.С. 272, 274
 Веселовский С.Б. 99, 163, 189, 194, 271-276,
 280, 348, 378, 554
 Веселовский Т.Т. 280
 Вессель Н.Х. 255
 Вигель Ф.Ф. 267, 270
 Вильсон Дж. 72
 Вильямс П.В. 280
 Винер Н. 62
 Виноградов В.В. 54, 62, 63, 127
 Виноградов В.М. 99
 Виноградов И.А. 550
 Виноградов П.Г. 124, 289, 334, 335, 339, 523
 Винокур Г.О. 56, 63, 199, 256
 Виолле-ле-Дюк Э. 220
 Виппер Р.Ю. 192, 273, 275, 289, 363, 510,
 523, 532, 533
 Виролайнен М.Н. 256
 Витенберг В.М. 484
 Витте С.Ю. 483, 527
 Владимир Св., кн. 244, 260, 261
 Владимир Мономах, кн. 469
 Владислав, королевич 381
 Владиславлев И.В. 198
 Водовозов В.В. 241, 267
 Войнич Э.Л. 114, 210, 571
 Войханская И.Н. 127
 Волин М.С. 416
 Волк С.С. 404
 Волкова Н.Б. 416
 Волобуев П.В. 136, 474, 479, 482, 577
 Волошин М.А. 531, 548, 552
 Вольтер М.-Ф. 20, 93, 114, 258, 259, 447
 Вольф М.О. 241
 Воронин Н.Н. 56, 195, 200, 205, 218, 223-
 226, 447, 467-473, 566, 570
 Воронин Ю.А. 90
 Воронцов М.С., кн. 457
 Востоков (Остенек) А.Х. 231, 325
 Враская О.Б. 166
 Врачев И.Я. 100
 Всеволод Мстиславич, кн. 431

- Вульф А.Н. 495
Выготский Л.С. 62
Вышинский А.Я. 488, 494
Вяземский П.А. 245, 246, 315-317, 475, 589
Вяземские 457
Вяликов В.И. 579
- Гак В.Г. 91
Галахов А.Д. 241, 267, 270
Галахов В.В. 415
Гальцов В.И. 415
Гамильтон Э. 210, 443
Ганнибал 71
Гармаш В.Н. 99
Гегель Г.В.Ф. 35, 64, 72, 77
Гегузин И.М. 329
Гейзенберг В. 56, 63
Гейне Г. 573
Гейнике Н.А. 162
Герасимов М.М. 163, 416
Гердер И.-Г. 261
Гермоген, еп. 526
Геродот 102, 268, 298
Герцен А.И. 59, 124, 156, 195, 232, 237, 238, 243, 255, 264, 267, 268, 270, 295, 296, 305, 309, 326, 331, 333, 337, 340, 456, 475, 535, 570, 589, 590
Гершензон М.О. 115, 335, 465, 491
Гессен С.Я. 495
Гете И.-В. 306
Гефтер М.Я. 18, 59, 199
Гиббон Э. 260
Гиллельсон М.И. 270
Гиляревский Р.С. 59
Гиппиус З.Н. 336
Глазков Н.И. 331
Глушков В.Г. 161
Глушкова Ю.П. 569
Гнедич Н.И. 244
Говорков А.А. 553
Гоголь Н.В. 242, 247, 248, 256, 325, 339, 567
Годунов Б.Ф., царь 238, 245, 246, 248, 252, 253, 260, 316, 381, 446, 522, 532, 538, 539, 590
Голицын, кн. 146
Голицын Н.В., кн. 579
Головина Г.Д. 588
Головкин Г.М. 421
Голодод Н.М. 578
Голосовкер М.Э. 587
Голосовкер Я.Э. 186, 203
- Голубов С. 280
Голубцов И.А. 127
Гольдендах Д.Б., см. Рязанов Д.Б.
Гончаров И.А. 239, 255, 256, 309, 589
Гораций 358
Горбунов И.Ф. 464
Городецкий Е.Н. 127
Городцов В.А. 157, 163, 406
Горский А.Д. 406
Горький М. 106, 122, 126, 128, 132, 154. 166, 242, 255, 275, 294, 580, 587
Горюнова Е.И. 470
Гостомысл 250
Готье Ю.В. 99, 123, 163, 200, 432, 529, 540, 552, 563, 579
Грабарь И.Э. 351
Градовский А.Д. 498-501
Грановский И.Н. 256
Грановский Т.Н. 7, 124, 128, 192, 244, 268, 295, 310, 457, 475
Гревс И.М. 160, 162, 166, 172, 174, 175
Греков Б.Д. 46, 50, 62, 135, 160, 189, 193, 225, 289, 290, 349-351, 363, 366, 371, 372, 379, 396, 402, 429, 430, 436, 447, 469, 482, 554, 557, 560, 568
Грехова Г.И. 169
Грибоедов А.С. 299, 321
Григорьев А.А. 239, 255
Гримм М., бар. 260
Громов Г.Г. 61
Громько М.М. 71, 376
Грот Я.К. 498
Груздев И.А. 242
Грум-Гржимайло Г.Е. 60
Грушин Б.А. 59
Губенко М.П. 58, 62
Губер А.А. 125
Гудзий Н.К. 124, 232, 394, 433, 434
Гуковский А.И. 26, 54, 58, 59
Гуковский Г.А. 255
Гулыга А.В. 59, 62, 255, 270
Гумилев Л.Н. 60
Гуревич А.Я. 59, 61, 113
Гуро-Фролов Р.И. 136, 145
Гурьев Н.В. 137
Гутнова Е.В. 189
- Давыдов Н.В. 334
Дайри Н.Г. 61
Далин В.М. 582
Даль В.И. 157, 322, 324, 325

- Даниил Заточник 191, 221, 225, 294, 295, 469
 Данилевский Г. П. 457
 Данилов А. И. 22, 46, 59, 62
 Данилов В. П. 58, 195
 Данин Д. С. 121
 Данте А. 575
 Дантон Ж. 450
 Дворниченко А. Ю. 553
 Дворянов В. А. 314
 Деборин А. М. 584
 Дейша-Сионицкая М. А. 335
 Дементьев Д. 127
 Демидовы 148
 Демин А. С. 229
 Деникин А. И. 518
 Деревянко А. П. 569
 Джордж Г. 487, 488
 Дидро Д. 259
 Дмитриев С. С. 121, 127, 128, 304, 371, 588, 592
 Дмитрий Донской, кн. 244, 245
 Дмитрий Иванович, царевич 240, 248, 532
 Дмитрий Павлович, в. кн. 521
 Дмитрий Самозванец 247, 248
 Добров Г. М. 57
 Добиаш-Рождественская О. А. 113, 189
 Добролюбов А. И. 239
 Добролюбов Н. А. 44, 61, 239, 255
 Додонов И. К. 168, 550
 Докучаев В. В. 69
 Донской А. Ю. 414
 Дорошенко В. В. 195, 476
 Достоевская В. М. 240
 Достоевский А. М. 240
 Достоевский М. А. 240
 Достоевский Ф. М. 97, 126, 239, 240, 247, 248, 255, 256, 263, 269, 270, 341, 589
 Дробижев В. З. 416
 Дружинин В. Г. 501
 Дружинин Н. М. 22, 61, 128, 131, 135, 136, 142, 163, 189, 196, 199, 200, 204, 347, 409, 416, 436-441, 477, 491
 Дубенцов Б. Б. 482
 Дубровский А. М. 200
 Дувакин В. Д. 107
 Дулов А. В. 69, 91
 Дульский П. М. 162
 Дурьлин С. Н. 280
 Дымшиц А. Л. 278, 280
 Дьяков В. А. 73, 90, 91
 Дьяконицын Л. Ф. 409, 410, 417
 Дьяконов М. А. 287, 502, 513, 525
 Дягилев С. П. 482
 Дядиченко В. 60
 Еголин А. М. 232
 Екатерина I 103
 Екатерина II 258-260, 285, 306, 382, 447, 456, 492, 519, 527, 590
 Елагин И. П. 258, 590
 Елена Павловна, в. кн. 483
 Елизавета Алексеевна, имп. 492, 494
 Елизавета Петровна 103
 Емец В. А. 194, 204, 482
 Ер-в В. 384
 Еремин И. П. 56, 394
 Ермак 209, 244, 245, 247, 252, 533
 Ермолаева Н. В. 329
 Ермолин В. Д. 218, 219
 Ермолины 470
 Ермолов А. П. 475
 Ерошкин Н. П. 99, 413
 Ефрон И. А. 132, 157, 304, 551
 Жданов А. А. 193, 449, 586
 Жданов И. Н. 191, 204
 Жданов Р. В. 432
 Желвакова И. А. 337, 338, 570
 Жирмунский В. М. 463
 Жуков Ю. Н. 159
 Жуковский В. А. 175, 244-246, 255, 317, 318, 339, 457, 590
 Забелин И. Е. 56, 123, 128, 185, 189, 191, 238, 243, 255, 292-305, 312, 456, 458, 459, 549, 588-592
 Забелина М. И. 302
 Завадьё А. С. 152
 Завьялов А. 152
 Зайдель Г. С. 181, 552, 553
 Зайончковский П. А. 99
 Зайцев А. Д. 185, 190, 410, 415, 455, 457-459
 Зайцев Б. К. 331, 335, 336, 338
 Зайцева А. А. 485, 494
 Зайцевы 337
 Зак Л. М. 413
 Закс А. Б. 134, 305
 Зализняк А. А. 61
 Замысловский Е. Е. 507
 Заозерский А. И. 527
 Западов В. Л. 280
 Зарубин Н. Н. 194, 204
 Зарудин Н. Н. 331

- Заславский Д.И. 280, 487, 488, 494
Засулич В.И. 313, 340
Зверева Л.И. 280
Звягинцев Е.А. 303
Здобнов Н.В. 161
Зеленцов И.И. 444
Зимин А.А. 54, 59, 99, 115, 189, 203, 273, 280,
367, 408, 413, 419, 432, 435, 550, 556
Зиновьев Г.Е. 539
Золотаревы 162
Зосима, св. 270
Зубов Н.Н. 161
- Иван I 348, 371
Иван III 218, 240, 261, 315
Иван IV 5, 6, 95, 96, 115, 145, 191, 193-195,
204, 214-217, 237, 240, 245, 247-253,
258, 260-262, 271-281, 316, 348, 356,
371, 381, 427, 428, 435, 443-445, 448,
449, 454, 469, 492, 516, 532, 533, 539,
567
Иван Иванович, царевич 252
Иван Тимофеев 506
Иван Федоров 98, 217, 346, 356, 419
Иванов А.А. 251, 256, 339
Иванов А.Е. 551
Иванов Г.М. 90
Иванов К.А. 501
Иванов Л.М. 127
Иванов Н.В. 354
Иванова Л.В. 166, 329, 494, 552, 553
Иванов С.В. 252, 256
Игорь Святославич, кн. 71, 222, 225, 227-
232, 246, 253, 256, 269, 305, 318, 389,
469, 554, 556
Изюмов А.Ф. 579
Иконников В.С. 123, 191, 507
Иларион, митр. 191
Илизаров Б.С. 413
Илизаров С.С. 127, 202, 327, 419
Илерицкий В.Е. 176, 413, 417, 588
Иловайский Д.И. 514, 519
Ильина Г.В. 159
Ильф И.А. 331
Иов, иером. 145
Ионова О.В. 166
Иоффе А.Ф. 125, 582
Ирошников М.П. 404, 577
Искюль С.Н. 484, 485
Исмаил-Заде Д.И. 494, 495
Ишимова А.О. 240, 241, 318
К.К. 553, 588
Кабанов В.В. 417
Кабе Э. 575
Кабузан В.М. 60, 417
Кавелин К.Д. 104, 125, 310, 510
Кавеньяк Л.Э. 20
Каганович Б.С. 553
Каждан А.П. 476
Казаков Ю.П. 331
Казаринов Л. 127
Казинец Э. 193
Калайдович К.Ф. 123
Калачов Н.В. 157, 513
Калашников С.В. 152
Калигула 249, 251
Калинин А. 387
Калинин М.И. 162, 577, 585
Каменев Л.Б. 195, 204, 580
Каменцева Е.И. 128, 413
Кан А.С. 185, 551
Кант И. 235, 262
Капуста В.И. 484
Карамзин Н.М. 20, 93, 96, 102, 114, 115, 121,
127, 128, 129, 132, 156, 167, 175, 177,
181, 185, 191, 193, 196, 203, 204, 214,
230-270, 274, 280, 283, 289, 290, 294,
297-299, 305, 305, 307, 308, 312, 313,
315-318, 323, 447, 448, 454, 456, 457,
470, 476, 477, 486, 489, 490, 495, 497,
506, 512, 514, 515, 517, 520, 523, 535,
540, 542-544, 549-551, 556, 561, 588-592
Карамзина Е.А. 318
Карамзины 318
Карев Д.В. 128, 414, 419
Кареев Н.И. 123, 289, 523
Каринский Н.М. 160
Карл Великий 223, 260
Карл XII 520
Карпинский А.П. 581
Карлова Т.С. 256
Карпов А.С. 303
Карпович М.М. 341
Карсавин Л.П. 529, 552
Кассо Л.А. 526
Катырев-Ростовский И.М. 507
Кауфман И.М. 198, 204
Кафенгауз Б.Б. 127, 163, 432
Качалов В.И. 464
Каченовский М.Т. 227
Кашихин Л.С. 144
Кашляк Г.Д. 414

- Каштанов С.М. 26, 32, 45, 54, 57, 60-62, 79,
 169, 173, 204, 409-411, 417, 419, 421, 422
 Кедров Б.М. 62, 127, 128
 Келле В.Ж. 59, 61
 Кеменов В.С. 361
 Кеневич В.Ф. 498
 Керенский А.Ф. 493
 Кизеветтер А.А. 337, 341, 534, 551
 Киницкая С.В. 410
 Кипренский О.А. 339
 Кирева Р.А. 172, 189, 191, 203, 551, 592
 Киров С.М. 586
 Кирхман П. 592
 Киселев П.Д. 152, 438
 Кислягина Л.Г. 269
 Кितिцына Л.С. 134
 Клаус Г. 61, 62
 Клеман М.К. 256
 Клейн Л.С. 79, 90
 Клибанов А.И. 56, 170, 192, 360, 416
 Клочков М.В. 520
 Ключевский В.О. 38, 44, 49, 54, 56, 61, 69, 94,
 104, 114, 115, 120, 121, 123-125, 127,
 172, 175, 177, 185, 186, 189, 191, 196,
 203, 234, 238, 242, 250, 255, 256, 261,
 269, 283, 284, 290, 291, 300, 305-314,
 334, 347, 377, 379-387, 431, 438, 495,
 499, 501, 503-507, , 509, 511-516, 520,
 523, 526, 535, 536, 539, 540, 546, 549-
 551, 554, 589, 591, 592
 Кнабе Г.С. 270
 Кнебель М.О. 271, 279-281
 Кнунянц И.Л. 129
 Князьков С.Е. 412
 Кобак А.В. 494
 Кобленц И.Н. 198
 Кобрин В.Б. 113, 115
 Ковалев И.В. 189, 203, 205, 467, 473
 Ковалевская С.В. 339
 Ковалевский М.М. 124, 175, 334
 Ковальзон М.Я. 59, 61
 Ковальский Н.П. 90
 Ковальченко И.Д. 48, 62, 85, 86, 88, 90, 91,
 416, 417, 563, 569
 Коган-Бернштейн Ф.А. 413
 Козлов В.П. 255, 270, 307, 419
 Козлов В.Ф. 159, 204, 329, 410, 418, 422
 Колесников П.А. 179, 328
 Колобков В.А. 190, 484, 550-553
 Колосова Э.В. 128
 Колумб Х. 94, 257, 315, 317, 589
 Колшанский Г.В. 62
 Кольцов Н.К. 69, 125, 582
 Комарова И.И. 327, 551
 Комиссаренко А.И. 413
 Кондаков Н.И. 59
 Кондаков Н.П. 341
 Кондратьев В.А. 58
 Кондратьев Н.Д. 133, 164
 Кони А.Ф. 294, 503, 550, 552
 Кононов Ю.Ф. 99, 137, 152
 Кононова А.Ю. 414
 Конрад Н.И. 38, 61, 98, 124
 Константин Константинович (К.Р.), в. кн.
 483, 492, 495, 521, 525, 526, 551, 580
 Константин Павлович, в. кн. 72
 Кончаловская Н.П. 356
 Кончин Е.В. 159
 Копанев А.И. 54, 61, 173, 189
 Копанев Н.А. 485
 Копанева Н.П. 494
 Коплан Б. 188
 Копнин П.В. 59
 Копылова О.Н. 552
 Корелин М.С. 510
 Корецкий В.И. 416, 514
 Корзун В.П. 171
 Корнеев В.Е. 552, 574, 587
 Корнилович А.О. 459
 Коровайников В.Ю. 418
 Королев Г.И. 414
 Короленко В.Г. 20, 93, 123, 146, 324
 Королюк В.Д. 367
 Косач В.И. 574
 Косица Н. (Костомаров Н.И.) 255
 Косминский Е.А. 54, 58, 62, 63, 120, 127, 135,
 192, 270, 347, 474, 475, 482
 Костомаров Н.И. 104, 125, 238, 252, 300, 312,
 515, 589
 Костылев В.И. 273
 Котков С.И. 58
 Котошихин Г.К. 382
 Кочеткова Н.Д. 255
 Краевич Н.С. 529
 Крамской И.Н. 104
 Красавченко Н.П. 480
 Красин Л.Б. 578
 Крестинский Н.А. 280
 Кржижановский Г.М. 374, 547, 578, 585
 Кржижановский С.Д. 331
 Кривошеев Ю.В. 553
 Критский Ю.М. 204

- Кромвель О. 238, 260
Кропоткин П.А. 123, 159, 333, 334, 337, 340
Крубер А.А. 161
Крупская Н.К. 17, 163, 374
Крылов В.В. 195, 203, 204, 498, 568, 574
Крылов И.А. 312
Крюков А.Н. 128
Ксенополь А.-Д. 24
Кудрявцев И.А. 128, 176, 413, 417
Кузнецова Т.В. 414
Кузьмина В.Д. 388
Кузьминский К.С. 304
Куйбышев В.В. 374
Кулагин Н.М. 161
Кулешова В.В. 410, 417
Кулик Л.А. 161
Кунцевич Г.З. 204
Купер Ф. 242, 294
Куприн А.И. 324
Куракин А.Ф., кн. 457
Курбский А.М., кн. 93, 96, 103, 193, 195, 204, 215, 216, 229, 246, 247, 250, 273, 339, 408, 448, 493
Курносов А.А. 26, 32, 57, 60, 91, 195, 411, 420
Курукин И.В. 420
Кусевецкий С.А. 334
Кутузов М.И., св. кн. 95
Куфтин Б.А. 160
Кушева Е.Н. 134, 204
Кшесинская М.Ф. 527
Кюстин А. де 251, 256, 268, 270
Кюхельбекер В.К. 247, 267, 270
.
Лавров П.Л. 340, 576
Лаврова К.Н. 421
Лазарев В.Н. 56, 226, 351
Ланглюа Ш.-В. 24, 36, 60, 66, 73
Ланда С.С. 246, 270
Лапицкий И.П. 229, 232
Лаппо-Данилевский А.С. 24, 31, 36, 38, 55, 56, 59, 60, 63, 82, 91, 121, 124, 127, 131, 132, 167-176, 181, 186, 188, 189, 192, 193, 203, 204, 288, 301, 305, 310, 385, 398-401, 475, 502, 511, 513, 524, 525, 531, 551, 564
Ларин Ю. 578
Ласунский О.Г. 329
Ле Гофф Ж. 221
Лебедев В. 143
Лебедев В.И. 368, 432
Лебедев-Полянский П.И. 242, 255, 270
Лебедева Г.В. 478
Лебедева Н.С. 417
Лебединский С.М. 124
Лебцельтерн Л. 494
Левада Ю.А. 62
Левек П.-Ш. 259, 260, 269
Левин Ю.Д. 232
Левина С.А. 408
Левитан И.И. 325
Левицкий А. 142, 143, 148-151, 153
Левкий, архим. 217
Левочкин И.В. 568
Левшин Б.В. 196, 435, 553, 570
Леклерк Н.-Г. 259, 269
Лексин Ю.Н. 135
Лелевель И. 243, 268, 270
Лемке М.К. 123, 128, 284
Ленин В.И. 14, 17-20, 22, 30, 31, 35, 57, 59-61, 63, 64, 74, 75, 77, 90-92, 113, 123, 128, 129, 131, 132, 135, 147, 148, 153, 157, 160, 180, 203, 209, 216, 283, 313, 314, 340, 364, 379-388, 396, 398, 403, 436, 438, 439, 444-446, 449, 477, 482, 484, 488, 489, 492, 496, 517, 538, 540, 543, 551-553, 574, 576-578, 580, 583, 586, 587
Леонтьев А.А. 62
Леонтьевский З.Ф. 268
Лепехин М.П. 484, 494
Лермонтов М.Ю. 16, 103, 114, 196, 237, 247, 256, 275, 311, 333, 465, 466, 571, 573
Лернер Н.О. 232
Леруа Ладюри Э. 72
Лесков Н.С. 105, 146, 324
Ли В. 210, 443
Ливий Тит 244
Лимонов Ю.А. 224
Литвак Б.Г. 58, 60, 62, 79, 169, 416, 436
Литвин А.Л. 61
Лихачев Д.С. 24, 54, 56, 59, 62, 91-93, 95-98, 108, 133, 155, 166, 181, 200, 203, 218, 226, 232, 270, 292, 326, 338, 358, 388, 390, 409, 411, 446, 447, 470-472, 553, 569, 573
Лихачев Н.П. 135, 164, 549, 585
Лобачевский Н.И. 324
Лобашкова Т.А. 494
Лозовский А. 577, 581
Ломоносов М.В. 93, 96, 156, 229, 261, 269, 362, 455, 460, 461, 554, 559
Лопатин Н.А. 334
Лосев А.Ф. 335

- Лотман Ю.М. 36, 181, 269
 Луговский В.А. 331
 Лузянина Л.Н. 255, 270
 Лукин Н.М. 553
 Луначарский А.В. 54, 63, 129, 130, 135, 153, 159, 160, 237, 255, 264, 270, 374, 445, 538, 540, 543, 552, 553, 574-576, 580, 587
 Лурье Я.С. 54
 Луцкий Е.А. 195, 413
 Лучицкий И.В. 289
 Львов Д.М. 293
 Любавский М.К. 123, 128, 135, 159, 163, 164, 549, 585
 Люблинская А.Д. 59, 61, 79, 90, 379, 416
 Любомиров П.Г. 514, 527
 Людовик XI 260
 Лялина Г.С. 416, 417
 Ляпунов П. 247
 Майков А.Н. 247
 Майков В.Н. 267, 270
 Майн-Рид Т. 242
 Майстер А. 24
 Макаров М.К. 37, 54, 58, 60, 61, 91, 409
 Макиавелли Н. 93, 444
 Маковицкий Д.П. 249, 256
 Маковский Д.П. 19, 369
 Макогоненко Г.П. 255, 262, 270
 Максаков В.В. 530, 579
 Макферсон Дж. 232
 Малевич К.С. 160
 Малиновский А.Ф. 589
 Малышев В.И. 370, 371, 566
 Малышкин С.А. 414
 Мальцев А.Н. 368, 427
 Малюта Скуратов 217, 449
 Маматова Е.П. 410, 413
 Мамонтов С.И. 253
 Мандель С. 387
 Мандельштам О.Э. 335
 Мандру Р. 46, 62, 70, 71
 Манохин Г. 148
 Мансуров А.А. 162
 Манфред А.З. 121, 127
 Мараш Я.Н. 422
 Маркина В.Г. 568
 Марков П.А. 279, 281
 Маркс К. 17, 22, 31, 37, 39, 49, 58, 60-63, 65, 67, 73, 81-83, 90, 91, 95, 128, 132, 180, 235, 240, 255, 268, 282, 287, 291, 445, 456, 459, 489, 496, 530, 574-576, 581-585, 587
 Марр Н.Я. 153, 160, 163, 582, 583
 Мартов Ю.О. 340
 Мартынов М.Н. 124
 Марфа Борецкая 270
 Масальская Е.А. 188
 Масанов Ю.И. 61, 236
 Массон Ф. 485, 491, 494
 Маяковский В.В. 107, 186, 335
 Маяковский И.Л. 99, 160
 Медведев А.В. 370
 Медушевская О.М. 54, 61, 63, 75, 79, 90, 172, 413
 Мей Л.А. 249, 256
 Мейерхольд В.Э. 253
 Мейлах Б.С. 59, 62, 127
 Мельник А.Н. 205
 Мельников-Печерский П.И. 105, 146
 Менделеев Д.И. 104, 121, 290, 341
 Меншиков А.Д. 362
 Мережковский Д.С. 336
 Мерзон А.Ц. 21, 25, 58, 99, 413
 Мечников И.И. 324, 339
 Мещерский 590
 Микельанджело Буонаротти 260
 Миллер Г.Ф. 156, 177, 362
 Миллер О.Ф. 500
 Миллер П.Н. 199
 Милов Л.В. 60
 Милонег, посадник 224
 Милонов Н.П. 91, 152
 Милюков П.Н. 172, 234, 290, 291, 337, 338, 341, 513, 520, 524, 551, 553
 Мингалев В.С. 414
 Минин К.З. 245
 Миних Б.Х. 485
 Мироненко М.П. 201
 Миронова И.А. 408, 413
 Митрофанов Н.Н. 124, 202, 417, 419
 Михаил Александрович, в. кн. 191, 521
 Михаил Павлович, в. кн. 483
 Михаил Федорович, царь 382, 387, 519
 Михайлов А.И. 59
 Михайлова Н.Г. 128, 376
 Михайловский Н.К. 252
 Михайловский-Данилевский А.И. 239, 243, 590
 Михалков С.В. 277
 Модзалевский Б.Л. 495, 552
 Моисеева Г.Н. 232, 269
 Молотов В.М. 547
 Моль А. 62, 89, 91

- Монтескье Ш.-Л. 258
Мор Т. 262
Морозов Б.Н. 415
Морозов В.В. 410, 419
Морозов С.А. 412
Морозов С.Т. 421
Морозова М.К. 334
Морозова Ф.П. 361, 362
Мосолов А.А. 483
Мстислав, кн. 244, 245
Мстиславский И.Ф., кн. 217
Муравьев А.В. 58, 370, 417, 568
Муравьев В.А. 197, 204, 284, 287, 291, 413, 415, 550
Муравьев Н.М. 438, 491
Муравьева Л.Л. 269
Муромцев С.А. 334
Мусин-Пушкин А.И., гр. 590
Мусоргский М.П. 252, 256
Мухамеджанов М.М. 417
Мьльников А.С. 204
Мякотин В.А. 550
Мякушев С.Д. 412
Мясоедов Г.Г. 252
- Н.А. 57
Найденев М.Е. 180
Наполеон I 267, 483, 485, 493
Нарочницкий А.Л. 119, 127
Наумов Е.Ю. 286, 291, 412
Наумов О.В. 193
Невский В.И. 130
Некрасов Н.А. 196, 457, 589
Нерон 249, 251, 449
Нестор 231, 252, 260, 292
Неусыхин А.И. 45, 62, 123, 128, 199
Нечкина М.В. 49, 58, 62, 95, 98, 119, 121, 124, 126, 127, 185, 192, 204, 303, 311, 314, 379, 380, 387, 388, 513, 551
Никитин Афанасий, см. Афанасий Никитин
Никитин А.Л. 400, 403
Никитин Е.Н. 135
Никитин Е.П. 62
Никитин С.А. 163
Никола Саллос 252
Николаева А.Т. 54, 63, 85, 91
Николаевский Б.И. 341
Николай I 235, 246, 257, 309, 317, 483, 488, 491, 492
Николай II 151, 191, 483, 487, 492, 524
Николай Михайлович, в. кн. 482-494
- Никольский Н.К. 198
Никон, патр. 260, 362
Новиков И.А. 232
Новиков Н.И. 229, 257-259, 261, 456
Новицкий Г.А. 369
Новосельский А.А. 58, 99, 127, 189, 378
Новосельцев 146
Новохатский К.Е. 128, 255, 304, 410, 418
Ньютон И. 55
- Оболенский М.А., кн. 590
Обухова Л.А. 331
Огарев Н.П. 196, 333
Одоевский А.И., кн. 247, 256
Одоевский В.Ф., кн. 122, 254
Ожегов С.И. 322
Окладников А.П. 131, 163, 370, 423-425
Окуджава Б.Ш. 331, 338, 570-573
Олег, кн. 103, 245
Оленин А.Н. 590
Оленина-д'Альгейм М.А. 334
Ольга Александровна, в. кн. 521
Ольденбург Е.Г. 553
Ольденбург С.Ф. 132, 153, 154, 160-162, 164, 166, 174, 524, 525, 541, 548, 559
Ольминский М.С. 105, 289, 445
Онегин-Отто А.Ф. 531
Орешников А.С. 48, 62, 410
Орлов В.Н. 59
Орлова А. 256
Осетров Е.И. 232, 269
Осоргин М.А. 331, 337
Осоргина-Бакунина Т.А. 337
Оссиан 232
Осташков Т.Н. 129
Остенек, см. Востоков А.Х. 325
Островский А.Л. 91
Островский А.Н. 196, 249, 256, 310, 325, 464
Острой О.С. 484
Остужев А.А. 464
Оуэн Р. 210, 443
- Павел I 250, 484, 520
Павленков Ф.Ф. 383, 384
Павлов А.П. 161
Павлов И.П. 341, 582
Павлов П.В. 124
Павлов-Сильванский В.Б. 568, 569
Павлов-Сильванский Н.П. 56, 123, 128, 189, 191, 197, 204, 281-291, 347, 475, 482, 495
Паина Э.С. 152, 199

- Панина А.Л. 124
 Панкратова А.М. 189
 Парадизов П.П. 131, 135, 199
 Пассек В.В. 123, 124, 128, 156, 232, 243, 255, 295, 305
 Пастернак Б.Л. 331, 332, 335, 337
 Пашков В.П. 149
 Пашковы 149
 Пашуто В.Т. 63, 195, 469
 Перекопский Д. 153
 Пересветов И.С. 185, 215
 Пересветов Р.Т. 14
 Перетц В.Н. 124, 363, 364, 388, 389, 393, 394, 557, 558, 562
 Перченко Ф.Ф. 553, 588
 Першиц А.И. 81, 85
 Пестель П.И. 283
 Петелин В.В. 280
 Петр I 18, 94, 98, 103, 177, 210, 216, 224, 229, 230, 232, 235, 241, 244, 258, 260-262, 264, 275, 276, 278, 283, 290, 293, 294, 306, 318, 320, 339, 362, 381, 443, 449, 452, 455, 485, 505, 510, 519, 520, 534, 542-544, 553, 592
 Петр II 103
 Петров Е.П. 331
 Петровская И.Ф. 79
 Петровский И.Г. 107
 Петрункевич А.М. 518, 522, 526, 539, 551, 552
 Петрушевский Д.М. 124, 135, 289
 Петряев Е.Д. 127
 Петухов В.И. 61, 127, 410, 420
 Печуро Е.Э. 59
 Пешков А.М., см. Горький М.
 Пештич С.Л. 270, 388
 Пиаже Ж. 31
 Пиксанов Н.К. 160, 162, 306, 307, 327
 Пильняк Б.А. 543
 Пиндемонта И. 318
 Пионтковский С.А. 181, 536, 552
 Пиотровский Б.Б. 65, 109, 131
 Пинкевич А.П. 161
 Пиросмани Н. 463
 Пирутко Ю.М. 494
 Писарев Д.И. 309
 Писемский А.Ф. 334
 Пичета В.И. 160, 347, 367, 432, 433, 436
 Пищулин Ю.С. 113
 Платонов С.Ф. 34, 133, 134, 159, 160, 164, 168, 172, 177, 180, 190, 196, 200, 201, 203-205, 287, 306, 313, 314, 337, 486, 495-553, 564, 579, 580, 583, 585, 587, 588
 Плеханов Г.В. 46, 63, 313, 340, 582
 Победоносцев К.П. 141, 456
 Погодин М.П. 121, 126, 177, 231, 247, 250, 269, 297, 305, 315, 457, 519
 Погодин Н.Ф. 280
 Подкорытов Г.А. 59
 Пожарский Д.М., кн. 244, 245
 Поздеева И.В. 416
 Познанский В.С. 373
 Покровская И.М. 410
 Покровский А.С. 60, 200, 204, 404
 Покровский М.Н. 129, 130, 160, 167, 181, 196, 200, 303, 316, 340, 347, 367, 434, 448, 489, 497, 504, 514, 530, 537541, 543-549, 552-557, 576, 580, 581, 583-587
 Покровский Н.Н. 71, 416, 425, 566, 567, 569
 Полевой Н.А. 245, 298, 317
 Поленов В.Д. 332
 Поливанов Л.И. 241, 267
 Полиевктов М.А. 527
 Поликарпов Д. 192
 Полосин И.И. 49, 62, 86, 91, 123, 127, 163, 189, 197, 204, 277
 Полуйко В.В. 214, 216, 217
 Поляков Ю.А. 58, 121, 127
 Полянский В., см. Лебедев-Полянский П.И.
 Помяловский И.В. 502
 Помяловский Н.Г. 141, 196, 308
 Пономарев Б.Н. 58
 Попков Б.С. 270
 Попов А.Д. 279, 281
 Попова Н.И. 374, 379
 Попова (Шункова) Т.М. 373
 Поршнев Б.Ф. 60, 291
 Потемкин Г.А., св. кн. 449
 Преображенский А.А. 128, 422, 550
 Пресняков А.Е. 55, 56, 63, 121, 123, 124, 127, 128, 131, 159, 168, 172, 175, 176, 181, 189, 191, 192, 197, 203, 204, 222, 284-287, 291, 347, 398, 399, 475, 491, 494, 495, 517, 519, 523, 525, 527, 530, 551
 Преснякова Ю.П. 286
 Прийма Ф.Я. 232
 Приселков М.Д. 48, 55, 63, 181
 Присенко Г.П. 255, 328, 421
 Пришвин М.М. 160
 Пронштейн А.П. 59, 84, 91
 Простоволосова Л.Н. 190, 198, 203, 204, 569
 Прыжов И.Г. 149

- Птуха М.В. 160
Пугачев Е.И. 95, 103, 211, 307, 317, 361, 443, 461
Путинцев А.М. 162
Пушкарев Л.Н. 26, 54, 55, 59-61, 63, 75, 79, 83, 84, 90, 91
Пушкин А.С. 5, 16, 20, 43, 48, 72, 93, 95, 98, 103, 126, 175, 180, 181, 186, 195, 199, 209, 212, 213, 227-232, 234, 236, 238, 240, 241, 244-246, 253, 255, 256, 257, 261, 264, 267, 269, 270, 296, 305, 309, 311, 315-318, 321, 324, 325, 329, 331, 333, 335, 337, 340, 352, 371, 399, 446, 453, 455-457, 465, 466, 492-494, 497, 531, 532, 535, 570, 571, 573, 589, 590
Пыпин А.Н. 492
Рабле Ф. 62
Равдоникас В.И. 160
Радек К.Б. 587
Радищев А.Н. 283, 318, 456
Разгон А.М. 152
Разин С.Т. 197, 204, 209-214, 307
Райнов Т.И. 221
Распутин Г.Е. 485, 525, 526
Рафаэль 260
Рашковский Е.Б. 417
Ребане Я.К. 60
Реизов Б.Г. 126
Рейзлин Д. 553
Рейналь Г.Т.Ф. 261
Рейхберг Г.Е. 60
Рейхенау В. фон 471
Репин И.Е. 95, 215, 252, 253
Рерих Н.К. 104, 125
Ржига В.Ф. 56
Риго Р. 210
Рикардо Д. 575
Римский-Корсаков Н.А. 104, 215, 249, 252
Ричард III 348
Робертсон У. 260
Робеспьер М. 450
Робинсон М.А. 128, 404
Ровинский Д.А. 294, 304
Рогов А.И. 569
Роговин М.С. 62
Родин А.Ф. 136
Рождественский С.В. 513, 527, 547
Рождественский С.Е. 320
Рожков Н.А. 513, 581
Розен С.Г. 212
Розов М.А. 61
Розов Н.Н. 394, 416
Розова С.С. 93
Рокитянский Я.Г. 553, 574, 586-588
Роллан Р. 347
Романов Б.А. 56, 127, 175, 475, 527, 530, 550
Романовы 488, 490, 492, 494, 517, 519, 528
Романюк С.К. 255
Ромашов Б.С. 276, 280
Рослова А.С. 409, 422
Ростов А. (Сигрист С.Б.) 553
Рохлин Д.Л. 37
Рошаль Л.М. 212, 413, 417
Рубакин Н.А. 339
Рубинштейн А.Г. 306
Рубинштейн Н.Л. 99, 127, 128, 168, 176, 189, 203, 287, 303-305, 352, 358, 368, 371, 372, 429, 460, 475, 486, 494, 496
Рубинштейн Н.Л. 539
Рублев А. 224, 371, 470, 554
Рудельсон К.И. 36, 75, 90
Руколь Б.М. 436
Румянцев А.М. 54, 63
Румянцев Н.П., гр. 483, 590
Румянцева И.Г. 213, 214
Румянцева О.М. 213
Румянцевы 213
Руссо Ж.-Ж. 258
Рыбаков Б.А. 56, 61, 62, 71, 120, 127, 131, 133, 135, 225-227, 232, 270, 290, 331, 338, 355, 370, 409, 416, 431, 434, 436, 447, 454, 461, 477, 482, 570
Рыбаков Ю.Я. 417
Рыбников Б.А. 60
Рылеев К.Ф. 246, 250, 256
Рычков П.И. 156
Рязанов Д.Б. 130, 132, 313, 493, 494, 497, 528, 530, 538, 540, 542, 544-547, 552, 553, 574-588
Савва В.И. 193, 204
Савин А.А. 314
Савинова Р.Ф. 329
Савич А.А. 432
Савичева Т. 444
Савков И.В. 432, 436
Садиков П.А. 194
Садовский В.Н. 27, 59
Садоков А. 143
Салтыков-Щедрин М.Е. 126, 239, 250, 251, 255, 256, 312, 325, 326, 331, 334

- Самаркин В.В. 128
 Самойлович А.Н. 160, 163
 Санин А.А. 253
 Сафонов М.М. 484
 Сахаров А.М. 380-384, 387, 388
 Сахаров А.Н. 304
 Сахаров И.П. 242, 298
 Свердлов Я.М. 539
 Святослав Всеволодович, кн. 222-224
 Святослав Игоревич, кн. 244, 245, 251
 Святский Д.О. 137
 Севастьянова А.А. 327
 Сегал Д. 45, 61, 62
 Седельников В.О. 100, 113, 131, 414, 580, 587
 Седов В.Н. 415
 Семашко Н.А. 445
 Семевский В.И. 38, 176, 398
 Семевский М.И. 105, 288, 456, 465, 490
 Семенов М.И. (Блан М.) 388
 Семенов-Тянь-Шанский В.П. 159, 161
 Семенов-Тянь-Шанский П.П. 141, 157, 238, 248, 255, 482
 Сеньобос Ш. 24, 36, 60, 66, 73
 Серафимович А.С. 95
 Сергеевич В.И. 288, 498, 500, 501, 503
 Сергей Александрович, в. кн. 492
 Сергий Радонежский, св. 470
 Серeda В.Н. 569
 Середонин С.М. 502, 505, 513, 519
 Серов В.А. 304
 Серцова А.П. 63
 Сивков К.В. 163
 Сивцов В. 587
 Сидельников Р.А. 176
 Сидоров А.А. 568
 Сидоров А.Л. 127, 478, 481
 Сидоров Н.А. 494
 Сизов Е.С. 191, 204, 409, 418, 421
 Сильвин М.А. 385, 388
 Симеон Гордый, кн. 401
 Симонов К.М. 106, 128
 Симонов Н.К. 210
 Синявский А.Д. 107
 Сказкин С.Д. 123-125, 189, 475, 477, 562
 Скворцов Н.А. 123
 Схляренок А.П. 388
 Скотт В. 20, 96, 294
 Скржинская Е.Ч. 433
 Скрынников Р.Г. 514
 Скрыбин А.Н. 334
 Сладкевич Н.Г. 404
 Слепцов В.А. 575
 Слуцкий Б.А. 331
 Смирдин А.Ф. 236, 238
 Смирнов В.А. 63
 Смирнов В.И. 127, 134, 159, 162, 165
 Смирнов И.В. 280
 Смирнов И.И. 127, 514
 Смирнов И.С. 58, 386
 Смирнов М.И. 123, 127, 149, 159, 162, 166
 Смирнов П.П. 99, 135, 194, 197, 204, 408, 422
 Смирнова В.А. 574, 587
 Снегирев И.М. 295
 Снесарев А.Е. 160
 Соболев В.С. 569
 Соболев Г.Л. 404
 Соболевский А.И. 163, 558
 Соболевский С.А. 333
 Соболев А. 331
 Соколов Б.М. 160, 161
 Соколов Д. 138, 143
 Соколов Н.И. 569
 Соколов О.Д. 552
 Соколов Ю.М. 160
 Соколов-Скаля П.П. 280
 Солдатенков К.Т. 295
 Солнцев Ф.Г. 251
 Соловьев В.С. 248, 334, 335
 Соловьев С.М. 94, 96, 132, 179, 186, 189, 238-240, 242, 244, 249, 253, 255, 283, 290, 299, 301, 305, 308, 310, 312, 334, 347, 447, 510, 511, 514, 517, 549
 Соловьев Ю. 494
 Соловьева И.Н. 256
 Сологубы 336
 Соломина С.Н. 91
 Соломон, царь 336
 Сомов В.А. 485, 494
 Сорокин Ю.С. 322
 Соскин В.Л. 129
 Спенсер Г. 96
 Сперанский А.Н. 404, 429, 563
 Сперанский М.М. 173, 193, 249, 267, 307, 493
 Сперанский М.Н. 301, 305, 363, 364, 558, 592
 Спицын А.А. 157, 160, 539
 Срезневский И.И. 264, 270, 499, 515
 Сталин И.В. 16, 17, 130, 132, 134, 165, 166, 276-279, 447-449, 477, 492, 547, 553, 577, 585, 586
 Сталина С.И. 444
 Станиславский А.Л. 190, 203, 569

- Станиславский К.С. 253, 256, 285, 324, 341, 463
Станкевич Н.В. 295, 475
Станкевич Н.И. 333
Станюкович Т.В. 166
Старицкая Е.А., кн. 217
Староверова И.П. 122, 190, 391, 404, 426, 435, 555
Старостин Е.В. 132, 413
Старцев В.И. 550
Стасов В.В. 220, 252, 253, 256
Стахович А.А. 336
Стеклов В.А. 541
Стеклов Ю.М. 314
Степанский А.Д. 61, 413
Степняк-Кравчинский С.М. 340
Стефан Баторий 371
Стефанов Н. 59
Стоюнин В.Я. 241, 267
Страленберг Ф.-И. 382
Страхов Н.Н. 239, 240
Стрельский В.И. 59, 60, 163
Строганов А.С. 485
Строганов П.А. 486
Строгановы 533
Строев П.М. 121, 231, 236, 242, 295, 499
Струве П.Б. 341, 509, 525, 538, 544
Суворов А.В. 306
Судаков В.И. 550
Сукаев А.Г. 568
Суриков В.И. 361
Суслов М.А. 480
Сухомлинов М.И. 502
Сухоруков В.Д. 123
Сытин П.В. 242

Таванец П.В. 31, 58, 59, 63
Тамара Ханум 271, 272
Тамм И.Е. 553, 568
Танеев С.И. 334
Тарле Г.Я. 60, 417
Тарле Е.В. 123, 133, 134, 159, 164, 189, 210, 443, 530, 549, 552, 571, 585
Тарновская М.П. 481
Тарновский К.Н. 121, 127, 180, 194, 195, 203, 204, 416, 474-482
Татищев В.Н. 156, 177, 189, 231, 258, 261, 264, 318, 327, 359, 398, 403, 451-455, 469, 490, 517, 549, 554, 556, 559, 590, 591
Тацит К. 102, 250, 260, 262, 263, 270
Твардовский А.Т. 477, 479

Теодорович И.А. 130
Теодорович Н.И. 142
Тимашев А.Е. 250
Тимирязев К.А. 290, 334, 374, 379
Тимур 224
Титкина Т.С. 280
Тихвинский С.Л. 257, 280
Тихомиров Б.Н. 357, 560, 568
Тихомиров В.А. 363
Тихомиров М.Н. 21, 32, 43, 50, 56, 58, 59, 62, 68, 74, 80, 84, 85, 90, 91, 99, 122-124, 127, 128, 131, 159, 163, 185, 189-191, 197, 199, 200, 201, 203-205, 216, 223-225, 289, 290, 292, 300, 327, 345-372, 376, 379, 389, 391, 393, 394, 401-404, 406, 409, 425-436, 444, 445, 447, 454, 459-461, 471, 473, 477, 478, 554-569
Тихомировы 363
Тихонов Ю.А. 387, 388
Тихонравов Н.С. 363
Тихонравовы 363
Тищенко А.В. 124, 128
Ткачев П.Н. 340
Токарев Ю.С. 404
Толстая С.А. 241, 255
Толстой С.П. 164, 166
Толстой А.К. 95, 215, 248, 250, 252, 253, 256, 275, 276, 443
Толстой А.Н. 271-281, 331, 337, 443, 449, 543
Толстой И.Л. 241
Толстой Л.Н. 95, 104, 114, 126, 129, 210, 212, 238, 239, 241, 248, 249, 255, 256, 293, 295, 316, 321, 325, 331, 334, 341, 443, 457, 484, 486, 487, 490, 492, 494, 571, 589
Томашевский Б.В. 256, 463
Томпсон П. 108
Топольский Е. 80
Трайнин А.Н. 387
Трапезников С.П. 479
Третьяков П.Н. 163
Тронин Г.В. 408
Троцкая Н.И. 159
Троцкий Л.Д. 341, 584, 585, 587
Трубецкой С.Е., кн. 337
Трухановский В.Г. 13
Туманов В.Е. 414
Туниманов В.А. 255, 256
Тургенев А.И. 123, 231, 263, 270, 317, 318
Тургенев И.С. 250, 252, 256, 296, 306, 309, 331, 334, 339, 341
Тургенев Н.И. 231, 315

- Тынянов Ю.Н. 465
 Тэн И. 511
 Тютчев Ф.И. 247, 256, 339, 457, 474, 570
 Уваров А.И. 50, 53, 58, 59, 62
 Уваров А.С. 157, 304
 Уваров К.А. 204
 Уваров С.С. 141
 Уварова П.С. 157
 Угримов А.И. 337
 Уйбо А.С. 91
 Улугбек 224
 Ульянов Д.И. 383
 Ульянов И.Н. 307
 Ульянова М.И. 383, 386
 Ульянов Н.И. 536, 537, 551, 552, 579, 583, 587
 Ульяновы 383, 384, 386, 518
 Умов Н.А. 334
 Урсу Д.П. 101
 Успенский Б.А. 269
 Устрялов Н.Г. 231, 250
 Устюгов Н.В. 99, 123, 128, 189, 364, 408, 422
 Утченко С.Л. 62, 99
 Ушаков Д.Н. 160
 Ушинский К.Д. 241, 267
 Фарсобин В.В. 58, 75, 90
 Февр Л. 24, 60
 Федор Иванович, царь 250, 253
 Федоров И.П., см. Челядянин-Федоров И.П.
 Федосеев Н.Е. 172, 385, 388
 Федосеев П.Н. 13
 Федотов Г.П. 312, 314, 341
 Федотова Г.Н. 334
 Фейнберг Е.Л. 91
 Фейнберг И.Л. 48, 232, 269
 Феноменов М.Я. 162
 Ферсман А.Е. 69, 153, 161, 290
 Фесуненко И.С. 60, 409, 410, 417
 Филатов В. 386
 Филимонов С.Б. 127, 132, 135, 137, 152, 154, 166, 190, 305, 328, 414, 417, 435, 436, 592
 Филин М.Д. 314, 410
 Филипп, митр. 248
 Фишер С.Н. 335
 Флетчер Дж. 505, 519
 Флобер Г. 314
 Флоренский П.А. 46, 62
 Фонвизин Д.И. 237
 Формозов А.А. 185, 232, 255, 304, 305, 458, 459, 588
 Форстен Г.В. 185, 486, 508, 551
 Францев Ю.П. 13
 Фреге Г. 51, 62
 Френкель В.Я. 125
 Фукидид 102
 Фукс А.Н. 550, 551
 Фюстель де Куланж Н.Д. 511
 Халем Г.А. 485
 Ханпира Э.И. 74, 113
 Хвостов В.М. 15, 127, 347
 Хейердал Т. 70, 71
 Херасков А. 151
 Херасков М.М. 96
 Хин-Голдовская Р.М. 334
 Хмылев Б.Н. 169
 Хмылев Н.П. 279, 281
 Ходаковский Н.И. 419
 Ходасевич В.М. 272
 Хомяков А.С. 247, 333, 457
 Хорхордина Т.И. 552, 580
 Хотеев П.И. 485
 Хохлов Р.Ф. 568
 Хохряков В.Х. 307
 Храпченко М.Б. 276
 Хубова Д.Н. 101
 Цамутали А.Н. 484, 490, 494, 550
 Цаплин В.В. 408
 Цветаева М.И. 331, 335, 336, 338
 Цвибак М.М. 181, 387, 536, 552, 553
 Цейтлин А.Г. 386
 Цетлины 334
 Циолковский К.Э. 324
 Циперович И.Э. 270
 Цявловский М.А. 232
 Чаадаев П.Я. 230, 232, 333
 Чадвик Н.К. 371
 Чайковский П.И. 311, 341
 Чапаев В.И. 95, 114, 210
 Чапыгин А.П. 210
 Чаянов А.В. 133, 163, 164
 Чеботарев Х.А. 269
 Челядянин-Федоров И.П. 217, 272
 Черепнин Л.В. 21, 27, 43, 54, 58, 59, 63, 99, 121, 126-128, 163, 168, 176, 189, 204, 255, 289, 350, 408, 428, 431, 470, 473, 494, 550, 550, 563
 Чернобаев А.А. 514, 553
 Чернов А.В. 99, 579
 Чернов Н.М. 329

- Чернов С.Н. 160, 161
Черноморский М.Н. 50, 60, 99, 152, 413, 417
Черный А.И. 59
Черный В.И. 90
Чернышевский Н.Г. 96, 237, 239-241, 243, 246, 254-256, 263, 264, 270, 309, 314, 512, 551, 576, 583, 589
Чехов А.П. 96, 311, 325, 332, 341, 509, 551, 560
Чечулин Н.Д. 502, 505, 513, 519, 551
Чижевский А.Л. 68, 81
Чирков С.В. 59, 127, 128, 131, 173, 191, 198, 203, 204, 284, 286, 287, 291, 399, 410, 412, 414, 415, 420, 565, 568-570
Чистякова Е.В. 185, 201, 214, 364, 368, 413, 427, 429, 436, 555, 568, 569
Чичерин Б.Н. 286, 291, 310
Чичерин Г.В. 123, 128, 197, 286, 291, 475
Чичерина А.А. 291
Чичерины 286, 291
Чичеров В.И. 153
Чугаев Д.А. 58
Чудакова М.О. 416
Чулошников А.П. 487
Чупров А.И. 334
- Шаляпин Ф.И. 215, 253, 254, 256
Шамбинаго С.К. 487
Шанский Д.Н. 269
Шанявский А.Л. 335
Шапиро А.Л. 124, 179, 287, 550
Шапошников Б.М. 521, 551
Шарапов Ю.П. 416
Шаров В.А. 550
Шаскольский И.П. 568
Шахматов А.А. 34, 48, 54, 55, 63, 121, 123, 124, 127, 128, 131, 169, 175, 181, 188, 200, 204, 288, 350, 398, 404, 430, 446, 500, 510, 515, 525, 550, 564
Шахматова-Коплан С.А. 188
Шаховской Д.И. 159
Шацкий С.Т. 161
Шварц В.Г. 215, 253
Шведов С.С. 70
Шведова О.И. 327
Шевеленко А.Я. 73, 91
Шевырев С.П. 231, 252
Шекспир В. 238, 355
Шеламанова Н.Б. 565, 569
Шелохаев В.В. 194, 204, 482
Шепелев Л.Е. 54, 404
- Шер Я.А. 62
Шереметев П.С. 333, 581
Шереметев С.Д. 334, 457, 520, 526, 529, 551, 552
Шереметевы 543
Шибанов В. 247, 248
Шильдер Н.К. 249, 489
Шингарева Е.А. 422
Ширинский-Шихматов А.П., кн. 363
Шифман М.Л. 387
Шишков В.Я. 210
Шкловский В.Б. 465
Шлещер А.-Л. 230, 231, 263, 269, 318, 544
Шлоссер Ф.-К. 240, 268
Шляпкин И.А. 393, 501, 502
Шмидт С.О. 10, 61-63, 73, 90, 91, 98, 113, 121, 127, 128, 135, 152, 166, 176, 203-205, 214, 232, 256, 269, 270, 280, 291, 292, 305, 314, 319, 338, 371, 380, 386, 404, 421, 423, 435, 436, 441, 450, 471, 550-553, 568-570, 587, 588, 592
Шмурло Е.Ф. 341, 502
Шокальский Ю.М. 161
Шостакович Д.Д. 124, 444, 571
Шохин Л.И. 551, 568
Шоу Б. 101
Шохин Л.И. 198
Шпет Г.Г. 335
Штофф В.А. 56, 63
Шуйский В.И., царь 249
Шуйский В.И. 516
Шукшин В.М. 197, 204, 209-214
Шумейко М.Ф. 190, 415, 459
Шумихин В.Г. 127
Шумихин С.В. 414
Шунков В.И. 36, 60, 123, 128, 189, 194, 204, 347, 370-379, 555
- Щапов А.П. 56, 124, 301, 312, 424, 511
Шеголев П.Е. 123, 159, 232, 284, 287, 288, 456, 491
Щедрин Н., см. Салтыков-Щедрин М.Е.
Щедрин С.Ф. 339
Щедровицкий Г.П. 59
Щелкалов В.Я. 217
Щепкин В.Н. 292, 304
Щепкин М.С. 292, 295
Щепкина М.В. 292, 365
Щерба Н.Н. 328, 463
Щербатов М.М., кн. 258, 264, 490, 517, 590, 591

- Шербина В.Р. 276, 280
- Эверс И.-Ф.-Г. 289
- Эзоп 493
- Эйдельман Н.Я. 185, 255, 269, 270, 416, 423
- Эйзенштейн С.М. 95, 210, 449, 450
- Эйнерлинг И. 236, 238, 259
- Эйнштейн А. 87, 444
- Эйхенбаум Б.М. 129, 255, 270, 463
- Эмин Ф.А. 128
- Энгельгардт В.А. 125, 129
- Энгельс Ф. 17, 22, 25, 37, 50, 58, 60-62, 67, 73, 74, 81, 82, 90, 91, 122, 128, 132, 180, 184, 216, 255, 282, 287, 459, 574-576, 581-585, 587
- Эпштейн Д.М. 413
- Эфрос А.М. 161
- Юм Д. 260
- Юрий Долгорукий, кн. 468
- Юрьева М. 553
- Юшков С.В. 350
- Ядов В.А. 59
- Языков Н.М. 247
- Яковлев А.И. 56
- Яковлев Б.В. 383, 388
- Яковлев С.Д. 205
- Яковлев Я.А. 50, 375
- Якубовская С.И. 58, 195, 413
- Ямпольский Б.С. 331, 338
- Ямпольский И.Г. 256
- Ян В.Г. 348
- Янжул И.И. 334
- Янин В.Л. 54, 61, 79, 401, 417
- Яншин А.Л. 176
- Ярковский И.О. 384
- Ярослав Мудрый, в. кн. 71, 269, 430
- Ярославичи 430
- Ярославский Е.М. 192, 193
- Ярошенко Н.А. 252
- Ясинский Я.И. 232
- Яхонтов А.А. 161
- Яхонтов С.Д. 159, 165, 201
- Яцунский В.К. 21, 54, 59, 99, 378, 408, 412
- Bloch M. см. Блок М.
- Carre E.H. 61
- Febvre L. см. Февр Л.
- Halkin L.-E. 60
- Nьhns E. 91
- Le Clerc N.G., см. Леклерк Н.-Г.
- Levesque C.P.Ch., см. Левек П.-Ш.
- Maidrou R. см. Мандру Р.
- Marx K. см. Маркс К.
- Masson F., см. Массон Ф.
- Mohr H. 91
- Nikolas Mikailovitch, см. Николай Михайлович, в. кн.
- Vernant J.-P. см. Вернан Ж.-П.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
---------------------	---

I. ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ И МЕТОДИКИ

О разработке методологических вопросов истории	13
Современные проблемы источниковедения	21
Проблемы взаимодействия общества и природы в источниковедческом аспекте	64
О классификации исторических источников	73
Историографические источники и литературные памятники	92
«Устная история» в системе источниковедения исторических знаний	98
Документальные памятники в сфере развития культуры	109
Художественная литература и искусство как источник формирования исторических представлений	113

II. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИОГРАФИИ

Некоторые вопросы источниковедения историографии	119
К изучению истории советской исторической науки 1920—1930-х годов	129
Сельские церковно-приходские летописи как историко-краеведческий материал	136
Краеведение в научной и общественной жизни России 1920-х годов	153
А.С. Лаппо-Данилевский на рубеже эпох	167
Архивный документ как историографический источник	177

III. В КУЛЬТУРЕ РОССИИ

О литературном сценарии В. Шукшина «Я пришел дать вам волю» (Степан Разин)	209
О романе Валерия Полуйко «Лета 7071»	214
Книги Г.К. Вагнера о древнерусской скульптуре	218
Пушкин и «Слово о полку Игореве»	227
«История государства Российского» в культуре дореволюционной России	233
«История государства Российского» Н.М. Карамзина в контексте истории мировой культуры	257
Отзыв С.Б. Веселовского о драматической повести А.Н. Толстого «Иван Грозный»	271
Сочинения Н.П. Павлова-Сильванского как памятник истории и культуры	281
И.Е. Забелин и русская культура	292
Ключевский и культура России	305
Пушкин: Диалог с Карамзиным	315

Изучение культуры российской провинции (XVIII — начало XX в.) и задачи краеведения	319
Арбат в культуре российского зарубежья.	331
Российское зарубежье в системе общественного сознания и культуры России	339

IV. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Памяти учителя. Материалы к научной биографии М.Н. Тихомирова	345
В.И. Шунков — источниковед и археограф	372
В.И. Ленин — читатель В.О. Ключевского	379
Варвара Павловна Адрианова-Перетц	388
Памяти С.Н. Валка	395
Артемий Владимирович Арциховский	405
Наш кружок	407
Алексей Павлович Окладников	423
С.В. Бахрушин и М.Н. Тихомиров	425
Век жизни историка (О Н.М. Дружинине)	436
«Хочется думать, что я не обрывал связь времен...»	441
Зодчий наук (о В.Н. Татищеве)	451
О П.И. Бартенева и книге о нем	455
Михаил Тимофеевич Белявский	459
Ираклий Луарсабович Андроников	462
Н.Н. Воронин — зодчий русской культуры и ее хранитель	467
К семидесятилетию со дня рождения К.Н. Тарновского	474
К изданию сборника трудов БАН памяти великого князя Николая Михайловича	482
Сергей Федорович Платонов (1860—1933)	495
К столетию со дня рождения М.Н. Тихомирова	554
«Не покупаются, не покупаются доброе имя, талант и любовь!». К 70-летию Булата Окуджавы	570
К юбилею Д.Б. Рязанова	574
Слово о Соловьеве и Забелине	588
Список сокращений	593
Именной указатель	594

Шмидт С.О.

Ш 73 **Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т. М., 1997. 612 с. ISBN 5-7281-0046-5**

Книга известного ученого представляет собой сборник статей, охватывающих более чем тридцатилетний период его научной деятельности. Статьи тематически сгруппированы в четырех разделах. В первом освещаются проблемы методологии и методики истории. Второй раздел включает статьи, непосредственно рассматривающие вопросы источниковедения историографии. Раздел «В культуре России» содержит отзывы и размышления автора о трудах известных историков, таких как Н.М. Карамзин, В.О. Ключевский, И.Е. Забелин. Последний раздел «Историографические портреты» посвящен жизни и творчеству отдельных ученых.

Для специалистов, аспирантов, студентов.

Научное издание

ШМИДТ
Сигурд Оттович

ПУТЬ ИСТОРИКА

Избранные труды
по источниковедению
и историографии

Редактор
Е.К. Солоухина

Художник
А.М. Ясинский

Художественный редактор
В.В. Сурков

Технический редактор
Г.П. Каренина

Корректоры
Ф.И. Грушкова, Т.М. Козлова

ЛР № 020219 от 25.09.91

Подписано к печати 25.12.96

Формат 60×90¹/16

Гарнитура Таймс

Усл.-печ. л. 38,5 Уч.-изд.л. 40,0

Тираж 1500 экз.

Заказ № 1284

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета

125267 Москва, Миусская пл., 6
тел. (095) 973-42-00

Отпечатано с оригинал-макета
в Московской типографии «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

